This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 05930195 6

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЭПОХА

Digitized by Google

Digitized by Google

Е. Фарфа
7673

ЭПОХА

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

ЯНВАРЬ и ФЕВРАЛЬ

№ 1 и 2

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И К°
1864

19

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
65903B
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
B 1940 L

Дозволено цензурою, С. Петербургъ, 20 марта 1864 года

Digitized by Google

ПРИЗРАКИ

(ФАНТАЗІЯ)

«Мигъ одинъ.. и нѣтъ волшебной сказки—
И душа опять полна возможнымъ.»
А. Фетъ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Всякое настоящее произведеніе искусства должно говорить само за себя, стоять на своихъ ногахъ — а потому не нуждается въ предварительныхъ объясненіяхъ и толкованіяхъ. Не имѣя убѣжденія, что „Призраки" принадлежатъ къ подобнаго рода произведеніямъ, я рѣшаюсь просить читателя, который быть можетъ въ правѣ ожидать отъ меня что-нибудь посерьезнѣе, не искать въ предлагаемой фантазіи никакой аллегоріи или скрытаго значенья, а просто видѣть въ ней рядъ картинъ, связанныхъ между собою довольно поверхностно.

И. Т.

I

Я долго не могъ заснуть и безпрестанно переворачивался съ боку на бокъ. «Чортъ бы побралъ эти глупости съ вертящимися столами!» подумалъ я — «только нервы растроивать...» Дремота начала наконецъ одолѣвать меня...

Вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто въ комнатѣ слабо и жалобно прозвенѣла струна.

Я приподнялъ голову. Луна стояла низко на небѣ и прямо

Digitized by Google

глянула мнѣ въ глаза. Бѣлый какъ мѣлъ лежалъ ея свѣтъ на полу... Явственно повторился странный звукъ.

Я оперся на локоть. Легкій страхъ щипнулъ меня за сердце. — Прошла минута, другая... Гдѣ-то далеко прокричалъ пѣтухъ; еще дальше отозвался другой.

Я опустилъ голову на подушку. «Вотъ до чего можно довести себя» — подумалъ я опять; — «въ ушахъ звенѣть станетъ».

Спустя немного, я заснулъ — или мнѣ показалось, что я заснулъ. Мнѣ привидѣлся необыкновенный сонъ. Мнѣ чудилось, что я лежу въ моей спальнѣ, на моей постелѣ — и не сплю и даже глазъ не могу закрыть. Вотъ опять раздается звукъ... Я оборачиваюсь... Слѣдъ луны на полу начинаетъ тихонько приподниматься, выпрямляется, слегка округляется сверху... Передо мной, сквозя какъ туманъ, неподвижно стоитъ бѣлая женщина.

— Кто ты? спрашиваю я съ усиліемъ.

Голосъ отвѣчаетъ, подобный шелесту листьевъ.—Это я... я... я. Я пришла за тобой.

— За мной? Да кто ты?

— Приходи ночью на уголъ лѣса, гдѣ старый дубъ. Я тамъ буду.

Я хочу вглядѣться въ черты таинственной женщины—и вдругъ невольно вздрагиваю: на меня пахнуло холодомъ. И вотъ я уже не лежу, а сижу въ своей постели — и тамъ, гдѣ казалось стоялъ призракъ, свѣтъ луны бѣлѣется длинной чертою по полу.

II

День прошолъ кое-какъ. Я, помнится, принимался читать, работать... ничего не клеилось. Настала ночь. Сердце билось во мнѣ, какъ будто ждало чего-то. Я легъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Отчего же ты не пришолъ? раздался въ комнатѣ явственный шопотъ.

Я быстро оглянулся.

Опять она... опять таинственный призракъ. Неподвижные глаза на неподвижномъ лицѣ — и взоръ исполненъ печали.

— Приходи! слышится снова шопотъ.

— Приду, отвѣчаю я съ невольнымъ ужасомъ. Призракъ тихо

Digitized by Google

качнулся впередъ, смѣшался весь, легко волнуясь какъ дымъ — и луна опять мирно забѣлѣла на гладкомъ полу.

III

Я провелъ день въ волненіи. За ужиномъ я выпилъ почти цѣлую бутылку вина, вышелъ было на крыльцо, но вернулся и бросился въ постель. Кровь тяжело колыхалась во мнѣ.

Опять послышался звукъ... Я вздрогнулъ, но не оглянулся. Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то тѣсно обнялъ меня сзади и въ самое ухо мнѣ лепечетъ: «Приди, приди, приди»... Затрепетавъ отъ испуга, я простоналъ:

— Приду! и выпрямился.

Женщина стояла наклонясь возлѣ самаго моего изголовья. Она слабо улыбнулась и исчезла. Я однако успѣлъ разглядѣть ея лицо. Мнѣ показалось, что я видѣлъ ее прежде; — но гдѣ, когда? Я всталъ поздно и цѣлый день бродилъ по полямъ, подходилъ къ старому дубу на окраинѣ лѣса и внимательно осматривался кругомъ.

Передъ вечеромъ я сѣлъ у раскрытаго окна въ своемъ кабинетѣ. Старуха ключница поставила передо мною чашку чаю — но я не прикасался къ ней... Я все недоумѣвалъ и спрашивалъ себя: «не съ ума ли я схожу?» Солнце только что закатилось—и не одно небо зардѣлось — весь воздухъ внезапно наполнился какимъ-то почти неестественнымъ багрянцемъ: листья и травы, словно покрытые свѣжимъ лакомъ, не шевелились; въ ихъ окаменѣлой неподвижности, въ рѣзкой яркости ихъ очертаній, въ этомъ сочетаніи сильнаго блеска и мертвой тишины было что то странное, загадочное. Довольно большая сѣрая птица вдругъ, безо всякаго шума, прилетѣла и сѣла на самый край окна... Я посмотрѣлъ на нее — и она посмотрѣла на меня сбоку своимъ круглымъ, темнымъ глазомъ. «Ужъ не прислали ли тебя, чтобы напомнить?» подумалъ я.

Птица тотчасъ взмахнула своими мягкими крылами и улетѣла по прежнему безъ шума. Я долго еще сидѣлъ у окна — но я уже не предавался недоумѣнью: я какъ будто попалъ въ заколдованный кругъ—и неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, какъ еще задолго до водопада, стремленіе потока

Digitized by Google

увлекаетъ лодку. Я встрепенулся наконецъ. Багрянецъ воздуха давно исчезъ, краски потемнѣли и прекратилась заколдованная тишина. Вѣтерокъ запорхалъ, луна все ярче выступала на посинѣвшемъ небѣ — и скоро листья деревьевъ заиграли серебромъ и чернью въ ея холодныхъ лучахъ. Моя старуха вошла въ кабинетъ съ зажженной свѣчкой, но изъ окна дохнуло на нее — и пламя погасло. Я не могъ выдержать болѣе, вскочилъ, нахлобучилъ шапку и отправился въ уголъ лѣса къ старому дубу.

IV

Въ этотъ дубъ, много лѣтъ тому назадъ, ударила молнія; верхушка переломилась и засохла, но жизни еще сохранилось въ немъ на нѣсколько столѣтій. Когда я сталъ подходить къ нему, на луну набѣжала тучка: было очень темно подъ его широкими вѣтвями. Сперва я не замѣтилъ ничего особеннаго; но глянулъ въ сторону — и сердце во мнѣ такъ и упало: бѣлая фигура стояла неподвижно возлѣ высокаго куста, между дубомъ и лѣсомъ. Волосы слегка зашевелились у меня на головѣ; но я собрался съ духомъ — и пошолъ къ лѣсу.

Да, это была она, моя ночная гостья. Когда я приблизился къ ней, мѣсяцъ засіялъ снова. Она казалась вся какъ-бы соткана изъ полупрозрачнаго, молочнаго тумана — сквозь ея лицо мнѣ виднѣлась вѣтка, тихо колеблемая вѣтромъ — только волосы да глаза чуть-чуть чернѣли, да на одномъ изъ пальцевъ сложенныхъ рукъ блистало блѣднымъ золотомъ узкое кольцо. Я остановился передъ нею и хотѣлъ заговорить; но голосъ замеръ у меня въ груди, хотя собственно страха я уже не ощущалъ. Ея глаза обратились на меня: взглядъ ихъ выражалъ не скорбь и не радость, а какое-то безжизненное вниманіе. Я ждалъ, не произнесетъ ли она слова: но она оставалась неподвижной и безмолвной, и все глядѣла на меня своимъ мертвенно-пристальнымъ взглядомъ. Мнѣ опять стало жутко.

— Я пришолъ! воскликнулъ я наконецъ съ усиліемъ. Глухо и чудно раздался мой голосъ.

— Я тебя люблю, послышался шопотъ.

— Ты меня любишь! повторилъ я съ изумленіемъ.

— Отдайся мнѣ, снова прошелестило мнѣ въ отвѣтъ.

Digitized by Google

— Отдаться тебѣ! Но ты призракъ—у тебя и тѣла нѣтъ.—Странное одушевленіе овладѣло мною.—Что ты такое, дымъ, воздухъ, паръ? Отдаться тебѣ! Отвѣчай мнѣ сперва кто ты? Жила-ли ты на землѣ? Откуда ты явилась?

— Отдайся мнѣ. Я тебѣ зла не сдѣлаю. Скажи только два слова: возьми меня.

Я посмотрѣлъ на нее. «Что это она говоритъ?» подумалъ я. «Что это все значитъ? И какъ же она возьметъ меня? Или попытаться?»

— Ну хорошо, произнесъ я вслухъ и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнулъ. — Возьми меня!

Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ таинственная фигура съ какимъ-то внутреннимъ смѣхомъ, отъ котораго на мигъ задрожало ея лицо, покачнулась впередъ, руки ея отдѣлились и протянулись... Я хотѣлъ было отскочить; но я уже былъ въ ея власти. Она обхватила меня, тѣло мое поднялось на полъ-аршина отъ земли — и мы оба понеслись плавно и не слишкомъ быстро надъ неподвижной мокрой травой.

V

Сперва у меня голова закружилась — и я невольно закрылъ глаза... Минуту спустя, я открылъ ихъ снова. Мы неслись по прежнему. Но уже лѣса не было видно: подъ нами разстилалась равнина, усѣянная темными пятнами. Я съ ужасомъ убѣдился, что мы поднялись на страшную высоту.

«Я пропалъ, я во власти сатаны» сверкнуло во мнѣ какъ молнія. До того мгновенья мысль о навожденьи нечистой силы, о возможности погибели, мнѣ въ голову не приходила. Мы все мчались, и казалось забирали все выше и выше.

— Куда ты несешь меня? простоналъ я наконецъ.

— Куда хочешь, отвѣчала моя спутница. Она вся прильнула ко мнѣ; лицо ея почти прислонилось къ моему лицу. Впрочемъ я едва ощущалъ ея прикосновеніе.

— Опусти меня на землю; мнѣ дурно на этой высотѣ.

— Хорошо; только закрой глаза и не дыши.

Я послушался — и тотчасъ же почувствовалъ, что падаю какъ брошенный камень... воздухъ засвисталъ въ моихъ волосахъ.

Digitized by Google

Когда я опомнился, мы опять плавно неслись надъ самой землей, такъ что цѣплялись за верхушки высокихъ травъ.

— Поставь меня на ноги, началъ я.—Что за удовольствіе летать? Я не птица.

— Я думала, что тебѣ пріятно будетъ. У насъ другого занятія нѣтъ.

— У васъ? Да кто вы такія?

Отвѣта не было.

— Ты не смѣешь мнѣ это сказать?

Жалобный звукъ, подобный тому, который разбудилъ меня въ первую ночь, задрожалъ въ моихъ ушахъ. Между тѣмъ мы продолжали чуть замѣтно двигаться по влажному ночному воздуху.

— Пусти-жъ меня! промолвилъ я. Спутница моя тихо отклонилась — и я очутился на ногахъ. Она остановилась передо мной и снова сложила руки. Я успокоился и посмотрѣлъ ей въ лицо: по прежнему оно выражало покорную грусть.

— Гдѣ мы? спросилъ я. Я не узнавалъ окрестныхъ мѣстъ.

— Далеко отъ твоего дома, но ты можешь быть тамъ въ одно мгновенье.

— Какимъ это образомъ? Опять довѣриться тебѣ?

— Я не сдѣлала тебѣ зла и не сдѣлаю. Полетаемъ съ тобой до зари, вотъ и все. Я могу тебя отнести куда только ты вздумаешь— во всѣ края земли. Отдайся мнѣ! Скажи опять: возьми меня!

— Ну... возьми меня!

Она опять припала ко мнѣ, ноги мои опять отдѣлились отъ земли — и мы полетѣли.

VI

— Куда? спросила она меня.

— Прямо, все прямо.

— Но тутъ лѣсъ?

— Поднимись надъ лѣсомъ — только тише.

Мы взмыли къ верху какъ вальдшнепъ, налетѣвшій на березу — и опять понеслись въ прямомъ направленіи. Вмѣсто травы, вершины деревьевъ мелькали у насъ подъ ногами. Чудно было видѣть лѣсъ сверху, его щетинистую спину, освѣщенную луной. Онъ казался какимъ-то огромнымъ, заснувшимъ звѣремъ и со-

Digitized by Google

провождалъ насъ широкимъ, непрестаннымъ шорохомъ, похожимъ на невнятное ворчанье. Кое-гдѣ попадалась небольшая поляна; красиво чернѣла съ одной ея стороны зубчатая полоса тѣни... Заяцъ изрѣдка жалобно кричалъ внизу; вверху сова свистала, тоже жалобно; въ воздухѣ пахло грибами, почками, зарей-травою; лунный свѣтъ такъ и разливался во всѣ стороны — холодно и строго; «стожары» блистали надъ самой головой. Вотъ и лѣсъ остался назади; въ полѣ протянулась полоса тумана: это рѣка текла. Мы понеслись вдоль одного изъ ея береговъ надъ кустами, отяжелѣвшими и неподвижными отъ сырости. Волны на рѣкѣ то лоснились синимъ лоскомъ, то катились темныя и словно злыя. Мѣстами странно двигался надъ ними тонкій паръ — и чашки водяныхъ лилій дѣвственно и пышно бѣлѣли всѣми своими распустившимися лепестками, точно знали что до нихъ добраться невозможно. Мнѣ вздумалось сорвать одну изъ нихъ—и вотъ я уже очутился надъ самой гладью рѣки... Сырость непріязненно ударила мнѣ въ лицо, какъ только я перервалъ тугой стебель крупнаго цвѣтка. Мы начали перелетывать съ берега на берегъ, какъ кулички песочники, которыхъ мы то и дѣло будили и за которыми гнались. Намъ не разъ случалось налетать на семейку дикихъ утокъ, расположенныхъ кружкомъ на чистомъ мѣстечкѣ между тростниками — но онѣ не шевелились: развѣ одна изъ нихъ торопливо вынетъ шею изъ-подъ крыла, посмотритъ, посмотритъ, и хлопотливо засунетъ опять носъ въ пушистыя перья, а другая слабо крякнетъ, при чемъ все ея тѣло немножко дрогнетъ. Мы вспугнули одну цаплю: она поднялась изъ ракитоваго куста, болтая ногами и съ неуклюжимъ усиліемъ махая крыльями: тутъ она мнѣ показалась дѣйствительно похожей на нѣмца. Рыба нигдѣ не плескалась—спала тоже. Я начиналъ привыкать къ ощущенію полета и даже находилъ въ немъ пріятность: меня пойметъ всякій, кому случалось летать во снѣ. Я принялся съ большимъ вниманіемъ разсматривать странное существо, по милости котораго со мной совершались такія неправдоподобныя событія.

VII

Это была женщина съ маленькимъ, не русскимъ лицомъ. Изсѣра бѣловатое, полупрозрачное, съ едва-означенными тѣнями,

Digitized by Google

оно напоминало фигуры на алебастровой, извнутри освѣщенной вазѣ—и опять показалось мнѣ знакомымъ.

— Можно съ тобой говорить? спросилъ я.

— Говори.

— Я вижу у тебя кольцо на пальцѣ; ты стало-быть жила на землѣ—ты была замужемъ?

Я остановился... Отвѣта не было.

— Какъ тебя зовутъ—или звали, по крайней мѣрѣ?

— Зови меня Эллисъ.

— Эллисъ! Это англійское имя! Ты англичанка? Ты знала меня прежде?

— Нѣтъ.

— Отчего же ты именно ко мнѣ явилась?

— Я тебя люблю.

— И ты довольна?

— Да; мы носимся, мы кружимся съ тобою по чистому воздуху!

— Эллисъ! сказалъ я вдругъ — ты можетъ-быть преступная, осужденная душа?

Голова моей спутницы наклонилась. — Я тебя не понимаю, шепнула она.

— Заклинаю тебя именемъ Бога, началъ было я...

— Что ты говоришь? промолвила она съ недоумѣніемъ. Я не понимаю. — Мнѣ показалось что рука, лежавшая холодноватымъ поясомъ вокругъ моего стана, тихо шевельнулась...

— Не бойся, промолвила Эллисъ — не бойся, мой милый! — Ея лицо обернулось и придвинулось къ моему лицу... Я почувствовалъ на губахъ моихъ какое-то странное ощущеніе, какъ-бы прикосновеніе тонкаго и мягкаго жала... Незлыя піявки такъ берутся.

VIII

Я взглянулъ внизъ. Мы уже опять успѣли подняться на довольно значительную вышину. Мы пролетали надъ неизвѣстнымъ мнѣ уѣзднымъ городомъ, расположеннымъ на скатѣ широкаго холма. Церкви высились среди темной массы деревянныхъ крышъ, фруктовыхъ садовъ; длинный мостъ чернѣлъ на изгибѣ рѣки; все молчало, отягченное сномъ. Самые купола и кресты, каза-

лось, блестѣли безмолвнымъ блескомъ; безмолвно торчали высокіе шесты колодцевъ возлѣ круглыхъ шапокъ ракитъ; бѣлесоватое шоссе узкой стрѣлой безмолвно впивалось въ одинъ конецъ города—и безмолвно выбѣгало изъ противоположнаго конца на сумрачный просторъ однообразныхъ полей.

— Что это за городъ? спросилъ я.

— ... совъ.

— ... совъ въ... ой губерніи?

— Да.

— Далеко же я отъ дому!

— Для насъ отдаленности нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Внезапная удаль вспыхнула во мнѣ.— Такъ неси же меня въ Южную Америку!

— Въ Америку не могу. Тамъ теперь день.

— А мы съ тобой ночныя птицы. Ну куда нибудь, куда можно, только подальше.

— Закрой глаза и не дыши, отвѣчала Эллисъ — и мы помчались съ быстротою вихря. Съ потрясающимъ шумомъ врывался воздухъ въ мои уши.

Мы остановились, но шумъ не прекращался. Напротивъ: онъ превратился въ какой-то грозный ревъ, въ громовой гулъ...

— Теперь можешь открыть глаза, сказала Эллисъ...

IX

Я повиновался... Боже мой, гдѣ я?

Надъ головой тяжолыя, дымныя тучи; онѣ тѣснятся, онѣ бѣгутъ какъ стадо злобныхъ чудовищъ... а тамъ внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... Бѣлая пѣна судорожно сверкаетъ и кипитъ на немъ буграми — и, вздымая косматыя волны, съ грубымъ грохотомъ бьетъ оно въ громадный, какъ смоль черный утесъ. Завываніе бури, леденящее дыханіе расколыхавшейся бездны, тяжкій плескъ прибоя, въ которомъ по временамъ чудится что-то похожее на вопли, на далекіе пушечные выстрѣлы, на колокольный звонъ — раздирающій визгъ и скрежетъ прибрежныхъ голышей, внезапный крикъ невидимой чайки, на мутномъ небосклонѣ шаткій остовъ корабля—всюду смерть, смерть и ужасъ... Голова у меня закружилась—и я снова съ замираніемъ закрылъ глаза...

Digitized by Google

— Что это! гдѣ мы?

— На южномъ берегу острова Уайтъ, передъ утесомъ Влакгангъ, гдѣ такъ часто разбиваются корабли — промолвила Эллисъ на этотъ разъ особенно отчетливо и, какъ мнѣ показалось, не безъ злорадства...

— Неси меня прочь, прочь отсюда... домой! домой!

Я сжался весь, стиснулъ лицо руками... Я чувствовалъ, что мы понеслись еще быстрѣе прежняго; вѣтеръ уже не вылъ и не свисталъ — онъ визжалъ въ моихъ волосахъ, въ моемъ платьѣ... духъ захватывало...

— Стань же на ноги, раздался голосъ Эллисъ.

Я силился овладѣть собою, своимъ сознаніемъ... Я ощущалъ подъ подошвами землю и не слышалъ ничего, точно все замерло кругомъ... только въ виски неровно стучала кровь и съ слабымъ внутреннимъ звономъ все еще кружилась голова. Я выпрямился и открылъ глаза.

X

Мы находились на плотинѣ моего пруда. Прямо передо мною сквозь острые листья ракитъ виднѣлась его широкая гладь съ кое-гдѣ приставшими волокнами пушистаго тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; на лѣво вздымались деревья сада, длинныя, неподвижныя и какъ будто сырыя... Утро уже дохнуло на нихъ. По чистому сѣрому небу тянулись, словно полосы дыма, двѣ-три косыя тучки; онѣ казались желтоватыми—первый слабый отблескѣ зари падалъ на нихъ, Богъ вѣсть откуда: глазъ еще не могъ различить на побѣлѣвшемъ небосклонѣ то мѣсто, гдѣ она должна была заняться. Звѣзды исчезли; ничего еще не шевелилось, хотя все уже проснулось въ очарованной тишинѣ ранняго полусвѣта.

— Утро! вотъ утро!—воскликнула надъ самымъ моимъ ухомъ Эллисъ... Прощай! До завтра!

Я обернулся... Легко отдѣляясь отъ земли, она плыла мимо— и вдругъ подняла обѣ руки надъ головою. Эта голова и руки и плеча мгновенно вспыхнули тѣлеснымъ теплымъ цвѣтомъ; въ темныхъ глазахъ дрогнули живыя искры; усмѣшка тайной нѣги шевельнула покраснѣвшія губы... Прелестная женщина внезапно воз-

Digitized by Google

никла передо мною... Но какъ бы падая въ обморокъ, она тотчасъ опрокинулась назадъ и растаяла какъ паръ...

Я остался недвижимъ.

Когда я опомнился и оглянулся, мнѣ показалось, что тѣлесная, блѣдно-розовая краска, пробѣжавшая по фигурѣ моего призрака, все еще не исчезла, и, разлитая въ воздухѣ, обдавала меня кругомъ... Это заря загоралась. Я вдругъ почувствовалъ крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьяго двора, я услыхалъ первое утреннее лепетанье гусенятъ (раньше ихъ ни одна птица не просыпается); вдоль крыши, на концѣ каждой притужины сидѣло по галкѣ — и всѣ онѣ хлопотливо и молча очищались, четко рисуясь на молочномъ небѣ. Изрѣдка онѣ разомъ всѣ поднимались—и, полетавъ немного, садились опять рядкомъ, безъ крика... Изъ недальняго лѣса два раза принеслось сипло-свѣжее чуфыканье черныша-тетерева, только что слѣтѣвшаго въ росистую, ягодами заросшую траву... Съ легкой дрожью въ тѣлѣ я добрался до постели и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XI

На слѣдующую ночь, когда я сталъ подходить къ старому дубу, Эллисъ понеслась мнѣ на встрѣчу какъ къ знакомому. Я не боялся ея по вчерашнему, я почти обрадовался ей; я даже не старался понять что со мной происходило: мнѣ только хотѣлось полетать подальше, по любопытнымъ мѣстамъ.

Рука Эллисъ опять обвилась вокругъ меня—и мы опять помчались.

— Отправимся въ Италію, шепнулъ я ей на ухо.

— Куда хочешь, мой милый, отвѣчала она торжественно и тихо—и тихо и торжественно повернула ко мнѣ свое лицо. Оно показалось мнѣ не столь прозрачнымъ какъ наканунѣ; болѣе женственное и болѣе важное, оно напомнило мнѣ то прекрасное созданіе, которое мелькнуло передо мной на утренней зарѣ передъ разлукой.

— Нынѣшняя ночь — великая ночь, продолжала Эллисъ. Она наступаетъ рѣдко—когда семь разъ тринадцать...

Тутъ я не дослушалъ нѣсколько словъ.

— Теперь можно видѣть что бываетъ закрыто въ другое время.

Digitized by Google

— Эллисъ! взмолился я, да кто же ты? скажи мнѣ наконецъ!

Она молча подняла свою длинную бѣлую руку.

На темномъ небѣ, тамъ куда указывалъ ея палецъ, среди мелкихъ звѣздъ, красноватой чертой сіяла комета.

— Какъ мнѣ понять тебя? началъ я. Или ты — какъ эта комета носится между планетами и солнцемъ—носишься между людьми... и чѣмъ?

Но рука Эллисъ внезапно надвинулась на мои глаза... Словно бѣлый туманъ изъ сырой долины обдалъ меня...

— Въ Италію! въ Италію! послышался ея шопотъ.—Эта ночь—великая ночь!

XII

Туманъ передъ моими глазами разсѣялся, и я увидалъ подъ собою безконечную равнину. Но уже по одному прикосновенію теплаго и мягкаго воздуха къ моимъ щекамъ я могъ понять, что я не въ Россіи; да и равнина та не походила на наши русскія равнины. Это было огромное, тусклое пространство, повидимому не поросшее травой и пустое; тамъ и сямъ, по всему его протяженію, подобно небольшимъ обломкамъ зеркала, блистали стоячія воды; вдали смутно виднѣлось неслышное, недвижное море. Крупныя звѣзды сіяли въ промежуткахъ большихъ, красивыхъ облаковъ; тысячеголосная, немолчная и все таки негромкая трель поднималась отовсюду—и чуденъ былъ этотъ пронзительный и дремотный гулъ, этотъ ночной голосъ пустыни...

— Понтійскія болота, промолвила Эллисъ. — Слышишь лягушекъ? чувствуешь запахъ сѣры?

— Понтійскія болота... повторилъ я, и ощущеніе величавой унылости охватило меня. — Но зачѣмъ принесла ты меня сюда, въ этотъ печальный, заброшенный край? Полетимъ лучше къ Риму.

— Римъ близокъ, отвѣчала Эллисъ... Приготовься!

Мы спустились и помчались вдоль старинной латинской дороги. Буйволъ медленно поднялъ изъ вязкой тины свою косматую, чудовищную голову съ короткими вихрами щетины между криво назадъ загнутыми рогами. Онъ косо повелъ бѣлками безсмысленно-злобныхъ глазъ и тяжело фыркнулъ мокрыми ноздрями, словно почуялъ насъ.

Digitized by Google

— Римъ, Римъ близокъ... шептала Эллисъ.—Гляди, гляди впередъ...

Я поднялъ глаза.

Что это чернѣетъ на окраинѣ ночного неба? Высокія ли арки громаднаго моста? Надъ какой рѣкой онъ перекинутъ? Зачѣмъ онъ порванъ мѣстами? Нѣтъ, это не мостъ, это древній водопроводъ. Кругомъ священная земля Кампаніи, а тамъ вдали Албанскія горы—и вершины ихъ и сѣдая спина стараго водопровода слабо блестятъ въ лучахъ только-что взошедшей луны...

Мы внезапно взвились и повисли на воздухѣ передъ уединенной развалиной. Никто бы не могъ сказать чѣмъ она была прежде: гробницей, чертогомъ, башней... Чорный плющъ обливалъ ее всю своей мертвенной силой — а внизу раскрывался какъ зѣвъ полуобрушенный сводъ. Тяжолымъ запахомъ погреба вѣяло мнѣ въ лицо отъ этой груды мелкихъ, тѣсно сплоченныхъ камней, съ которыхъ давно свалилась гранитная оболочка стѣны.

— Здѣсь, произнесла Эллисъ и подняла руку: Здѣсь!—Проговори громко, три раза сряду, имя великаго Римлянина.

— Что же будетъ?

— Ты увидишь.

Я задумался.—Divus Cajus Julius Caesar! воскликнулъ я вдругъ. Divus Cajus Julius Caesar! повторилъ я протяжно:—Caesar!

XIII

Послѣднія отзвучія моего голоса не успѣли еще замерѣть, какъ мнѣ послышалось...

Мнѣ трудно сказать что именно. Сперва мнѣ послышался смутный, ухомъ едва уловимый, но безконечно повторявшійся взрывъ трубныхъ звуковъ и рукоплесканій. Казалось, гдѣ-то, страшно-далеко, въ какой-то бездонной глубинѣ внезапно зашевелилась несмѣтная толпа — и поднималась, поднималась, волнуясь и перекликаясь чуть слышно, какъ бы сквозь сонъ, сквозь подавляющій, многовѣковный сонъ. Потомъ воздухъ заструился и потемнѣлъ надъ развалиной... Мнѣ начали мерещиться тѣни, миріады тѣней, милліоны очертаній, то округленныхъ какъ шлемы, то протянутыхъ какъ копья; лучи луны дробились мгновен-

Digitized by Google

ными синеватыми искорками на этихъ копьяхъ и шлемахъ — и вся эта армія, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно... Несказанное напряженіе, напряженіе, достаточное для того, чтобы приподнять цѣлый міръ, чувствовалось въ ней; но ни одинъ образъ не выдавался ясно... И вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто трепетъ пробѣжалъ кругомъ, какъ будто отхлынули и разступились какія-то громадныя волны... «Caesar, Caesar venit!» зашумѣли голоса, подобно листьямъ лѣса, на который внезапно налетѣла буря... прокатился глухой ударъ— и голова блѣдная, строгая, въ лавровомъ вѣнкѣ, съ опущенными вѣками, голова императора стала медленно выдвигаться изъ-за развалины...

На языкѣ человѣческомъ нѣту словъ для выраженія ужаса, который сжалъ мое сердце. Мнѣ казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы—и я тотчасъ же умру.—Эллисъ! простоналъ я: я не хочу, я не могу, не надо мнѣ Рима, грубаго, грознаго Рима... Прочь, прочь отсюда!

— Малодушный! шепнула она — и мы умчались. Я успѣлъ еще услыхать за собою желѣзный, громовый на этотъ разъ крикъ легіоновъ... потомъ все потемнѣло.

XIV

— Оглянись, сказала мнѣ Эллисъ: и успокойся.

Я послушался — и, помню, первое мое впечатлѣніе было до того сладостно, что я могъ только вздохнуть. Какой-то дымчато-голубой, серебристо-мягкій—не то свѣтъ, не то туманъ—обливалъ меня со всѣхъ сторонъ. Сперва я не различалъ ничего: меня слѣпилъ этотъ лазоревый блескъ — но вотъ понемногу начали выступать очертанія прекрасныхъ горъ, лѣсовъ; озеро раскинулось подо мною съ дрожавшими въ глубинѣ звѣздами, съ ласковымъ ропотомъ прибоя. Запахъ померанцевъ обдалъ меня водной — и вмѣстѣ съ нимъ и тоже какъ будто волною принеслись сильные, чистые звуки молодаго женскаго голоса. Этотъ запахъ, эти звуки такъ и потянули меня внизъ—и я началъ спускаться... спускаться къ роскошному мраморному дворцу, привѣтно бѣлѣвшему среди кипарисной рощи. Звуки лились изъ его настежъ-раскрытыхъ оконъ; волны озера, усѣяннаго пылью цвѣ-

Digitized by Google

товъ, плескались въ его стѣны — и прямо напротивъ, весь одѣтый темной зеленью померанцевъ и лавровъ, весь облитый лучезарнымъ паромъ, весь усѣянный статуями, стройными колоннами, портиками храмовъ, поднимался изъ лона водъ высокій, круглый островъ...

— Isola Bella! проговорила Эллисъ... Lago Maggiore...

Я промолвилъ только: А! и продолжалъ спускаться. Женскій голосъ все громче, все ярче раздавался во дворцѣ; меня влекло къ нему неотразимо... я хотѣлъ взглянуть въ лицо пѣвицѣ, оглашавшей такими звуками такую ночь. Мы остановились передъ окномъ.

Посреди комнаты, убранной въ помпейяновскомъ вкусѣ и болѣе похожей на древнюю храмину чѣмъ на новѣйшую залу, окружонная греческими изваяніями, этрусскими вазами, рѣдкими растеніями, дорогими тканями, освѣщенная сверху мягкими лучами двухъ лампъ, заключенныхъ въ хрустальные шары — сидѣла за фортопьяиами молодая женщина. Слегка закинувъ голову и до половины закрывъ глаза, она пѣла итальянскую арію; она пѣла и улыбалась — и въ тоже время черты ея выражали важность, даже строгость... признакъ полнаго наслажденія! Она улыбалась... и праксителевъ Фавнъ, лѣнивый, молодой какъ она, изнѣженный, сладострастный, тоже казалось улыбался ей изъ угла, изъ-за вѣтвей олеандра, сквозь тонкій дымъ, поднимавшійся съ бронзовой курильницы на древнемъ треножникѣ. Красавица была одна. Очарованный звуками, красотою, блескомъ и благовоніемъ ночи, потрясенный до глубины сердца зрѣлищемъ этого молодого, спокойнаго, свѣтлаго счастія, я позабылъ совершенно о моей спутницѣ, забылъ о томъ какимъ страннымъ образомъ я сталъ свидѣтелемъ этой столь отдаленной, столь чуждой мнѣ жизни — и я хотѣлъ уже ступить на окно, хотѣлъ заговорить...

Все мое тѣло вздрогнуло отъ сильнаго толчка — точно я коснулся Лейденской банки. Я оглянулся... Лицо Эллисъ было — при всей своей прозрачности—мрачно и грозно; въ ея внезапно раскрывшихся глазахъ тускло горѣла злоба...

— Прочь! бѣшено шепнула она, и снова вихрь и мракъ и головокруженіе... Только на этотъ разъ не крикъ легіоновъ, а голосъ пѣвицы, оборванный на высокой нотѣ, остался у меня въ ушахъ...

Мы остановились. Высокая нота, таже нота, все звенѣла

Digitized by Google

и не переставала звенѣть, хотя я чувствовалъ совсѣмъ другой воздухъ, другой запахъ... На меня вѣяло крѣпительной свѣжестью, какъ отъ большой рѣки — и пахло сѣномъ, дымомъ, конопляей. За долго-протянутой нотой послѣдовала другая, потомъ третья, но съ такимъ несомнѣннымъ оттѣнкомъ, съ такимъ знакомымъ роднымъ переливомъ, что я тотчасъ же сказалъ себѣ: «это Русскій человѣкъ поетъ Русскую пѣсню» — и въ тоже мгновенье мнѣ все кругомъ стало ясно.

XV

Мы находились надъ плоскимъ берегомъ. Налѣво тянулись, терялись въ безконечность скошенные луга, уставленные громадными скирдами; направо, въ такую же безконечность уходила ровная гладь великой, многоводной рѣки. Недалеко отъ берега большія, темныя барки тихонько переваливались на якоряхъ, слегка двигая остріями своихъ мачтъ, какъ указательными перстами. Съ одной изъ этихъ барокъ долетали до меня звуки разливистаго голоса, и на ней же горѣлъ огонекъ, дрожа и покачиваясь въ водѣ своимъ длиннымъ, краснымъ отраженьемъ. Кое-гдѣ, и на рѣкѣ и въ поляхъ, непонятно для глаза: близко ли, далеко ли — мигали другіе огоньки; они то жмурились, то вдругъ выдвигались лучистыми крупными точками; безчисленные кузнечики немолчно стрекотали не хуже лягушекъ понтійскихъ болотъ — и подъ безоблачнымъ, по низко нависшимъ, темнымъ небомъ изрѣдка кричали невѣдомыя птицы.

— Мы въ Россіи? спросилъ я Эллисъ.

— Это Волга, отвѣчала она.

Мы понеслись вдоль берега.—Отчего ты меня вырвала оттуда, изъ того прекраснаго края? началъ я. — Завидно тебѣ стало, что ли? Ужъ не ревность ли въ тебѣ пробудилась?

Губы Эллисъ чуть-чуть дрогнули и въ глазахъ опять мелькнула угроза... Но все лицо тотчасъ же вновь оцѣпенѣло.

— Я хочу домой, проговорилъ я.

— Погоди, погоди, отвѣчала Эллисъ.—Теперешняя ночь — великая ночь. Она не скоро вернется. Ты можешь быть свидѣтелемъ... Погоди.

И мы вдругъ полетѣли черезъ Волгу, въ косвенномъ направ-

Digitized by Google

ленія, надъ самой водой, низко и порывисто, какъ ласточки передъ бурей. Широкія волны тяжко журчали подъ нами, рѣзкій рѣчной вѣтеръ билъ насъ своимъ холоднымъ, сильнымъ крыломъ... высокій правый берегъ скоро началъ воздыматься передъ нами въ полумракѣ. Показались крутыя горы съ большими разсѣлинами. Мы приблизились къ нимъ.

— Крикни: Сарынь на кичку! шепнула мнѣ Эллисъ.

Я вспомнилъ ужасъ, испытанный мною при появленіи Римскихъ призраковъ, я чувствовалъ усталость и какую-то странную тоску, словно сердце во мнѣ таяло — я не хотѣлъ произнести роковыя слова, я зналъ заранѣе, что въ отвѣтъ на нихъ появится, какъ въ Волчьей Долинѣ Фрейшюца, что-то чудовищное— но губы мои раскрылись противъ воли и я закричалъ, тоже противъ воли, слабымъ, напряженнымъ голосомъ: «Сарынь на кичку!»

XVI

Сперва все осталось безмолвнымъ, какъ и передъ Римской развалиной—но вдругъ возлѣ самаго моего уха раздался грубый бурлацкій смѣхъ — и что-то со стономъ упало въ воду и стало захлебываться... Я оглянулся: никого нигдѣ не было видно—но съ берега отпрянуло эхо — и разомъ и отовсюду поднялся оглушительный гамъ. Чего только не было въ этомъ хаосѣ звуковъ: крики и визги, яростная ругань и хохотъ, хохотъ пуще всего, удары веселъ и топоровъ, трескъ какъ отъ взлома дверей и сундуковъ, скрыпъ снастей и колесъ и лошадиное скаканіе, звонъ набата и лязгъ цѣпей, гулъ и ревъ пожара, пьяныя пѣсни и скрежещущая скороговорка, неутѣшный плачь, моленіе жалобное, отчаянное—и повелительныя восклицанья, предсмертное хрипѣнье и удалой посвистъ, гарканье и топотъ пляски... «Бей! вѣшай! топи! рѣжъ! любо! любо! Такъ! не жалѣй!»—слышалось явственно—слышалось даже прерывистое дыханіе запыхавшихся людей— а между тѣмъ, кругомъ, на сколько глазъ доставалъ, ничего не показывалось, ничего не измѣнялось: рѣка катилась мимо, таинственно, почти угрюмо; самый берегъ казался пустыннѣй и одичалѣй — и только.

Я обратился къ Эллисъ, но она положила палецъ на губы...

— Степанъ Тимофѣичь! Степанъ Тимофѣичь идетъ! — зашумѣло

Digitized by Google

вокругъ — идетъ нашъ батюшка, атаманъ нашъ, нашъ кормилецъ!—Я по прежнему ничего не видѣлъ, но мнѣ внезапно почудилось, какъ будто громадное тѣло надвигается прямо на меня...—Фролка! гдѣ ты, песъ?—загремѣлъ страшный голосъ... Зажигай со всѣхъ концовъ—да въ топоры ихъ, бѣлоручекъ!

На меня пахнуло жаромъ близкаго пламени, горькой гарью дыма—и въ то же мгновенье что-то теплое, словно кровь, брызнуло мнѣ въ лицо и на руки... Дикій хохотъ грянулъ кругомъ...

Я лишился чувствъ—и когда я опомнился, мы съ Эллисъ тихо скользили вдоль знакомой опушки моего лѣса, прямо къ старому дубу...

— Видишь ту дорожку? сказала мнѣ Эллисъ... Тамъ гдѣ мѣсяцъ тускло свѣтитъ и свѣсились двѣ березки?.. Хочешь туда?

Но я чувствовалъ себя до того разбитымъ и истощеннымъ, что могъ только проговорить въ отвѣтъ: «домой... домой...»

— Ты дома, отвѣчала Эллисъ.

Я дѣйствительно стоялъ передъ самой дверью моего дома — одинъ. Эллисъ исчезла. Дворовая собака подошла было, подозрительно оглянула меня — и съ воемъ бросилась прочь.

Я съ трудомъ дотащился до постели и заснулъ, не раздѣваясь.

XVII

Въ слѣдующее утро у меня голова болѣла, и я едва передвигалъ ноги; но я не обращалъ вниманія на тѣлесное мое разстройство: раскаяніе меня грызло, досада душила.

Я былъ до крайности недоволенъ собою. «Малодушный!—твердилъ я безпрестанно: да — Эллисъ права. Чего я испугался? какъ было не воспользоваться случаемъ?... Я мелъ увидѣть самого Цезаря и я замеръ отъ страха, я запищалъ, я отвернулся какъ ребенокъ отъ розги. Ну Разинъ — это дѣло другое. Въ качествѣ дворянина и землевладѣльца... Впрочемъ и тутъ чего же я собственно испугался? Малодушный, малодушный!..»

«Да ужь не во снѣ ли я все это вижу?» спросилъ я себя наконецъ. Я позвалъ ключницу.

— Мареа, въ которомъ часу я легъ вчера въ постель — не помнишь?

— Да кто-жъ тебя знаетъ, кормилецъ... Чай, поздно. Въ сумереч-

Digitized by Google

ки ты изъ дома вышелъ; а въ спальнѣ-то ты каблучищами-то за полночь стукалъ. Подъ самое подъ утро — да. Вотъ и третьяго дня тожь. Знать забота у тебя завелась какая.

— Эге-ге! подумалъ я. Летанье-то, значитъ, не подлежитъ сомнѣнію. Ну, а съ лица я сегодня каковъ? прибавилъ я громко.

— Съ лица-то? Дай, погляжу. Осунулся маленько. Да и блѣденъ же ты, кормилецъ: вотъ какъ есть ни кровинки въ лицѣ.

Меня слегка покоробило... Я отпустилъ Мареу.

«Вѣдь эдакъ умрешь, пожалуй или сойдешь съ ума, — разсуждалъ я, сидя въ раздумьи подъ окномъ. «Надо это все бросить. Это опасно. Вонъ и сердце какъ странно бьется. А когда я летаю, мнѣ все кажется, что его кто-то сосетъ, или какъ будто изъ него что-то сочится — вотъ какъ весной сокъ изъ березы, если воткнуть въ нее топоръ. А все-таки жалко. Да и Эллисъ... Она играетъ со мной какъ кошка съ мышью... а впрочемъ едва ли она желаетъ мнѣ зла. Отдамся ей въ послѣдній разъ — нагляжусь — а тамъ... Но если она пьетъ мою кровь? Это ужасно. Притомъ такое быстрое передвиженіе не можетъ не быть вреднымъ; говорятъ и въ Англіи, на желѣзныхъ дорогахъ запрещено ѣхать болѣе 120 верстъ въ часъ...»

Такъ я размышлялъ съ самимъ собою — но въ десятомъ часу вечера я уже стоялъ передъ старымъ дубомъ.

XVIII

Ночь была холодная, тусклая, сѣрая; въ воздухѣ пахло дождемъ. Къ удивленію моему, я никого не нашолъ подъ дубомъ; я прошолся нѣсколько разъ вокругъ, доходилъ до опушки лѣса, возвращался, тщательно вглядывался въ темноту... Все было пусто. Я подождалъ немного, потомъ нѣсколько разъ сряду произнесъ имя Эллисъ все громче и громче... но она не появлялась. Мнѣ стало грустно, почти больно; прежнія мои опасенья исчезли: я не могъ примириться съ мыслью, что моя спутница уже не вернется ко мнѣ.

— Эллисъ! Эллисъ! приди же! Неужели ты не придешь? закричалъ я въ послѣдній разъ.

Воронъ, котораго мой голосъ разбудилъ, внезапно завозился въ вершинѣ сосѣдняго дерева и, путаясь въ вѣтвяхъ, захлопалъ крыльями... Но Эллисъ не появлялась.

Digitized by Google

Понуривъ голову, я отправился домой. Впереди уже чернѣли ракиты на плотинѣ пруда, и свѣтъ въ окнѣ моей комнаты мелькнулъ между яблонями сада, мелькнулъ и скрылся, словно глазъ человѣка, который бы меня караулилъ — какъ вдругъ сзади меня послышался тонкій свистъ быстро-разсѣкаемаго воздуха, и что-то разомъ обняло и подхватило меня снизу вверхъ... Кобчикъ такъ подхватываетъ когтемъ, «чокаетъ» перепела... Это Эллисъ на меня налетѣла. Я почувствовалъ ея щеку на моей щекѣ, кольцо ея руки вокругъ моего тѣла — и какъ острый холодокъ вонзился мнѣ въ ухо ея шопотъ: «вотъ и я.» Я и испугался и обрадовался въ одно и тоже время... Мы неслись невысоко надъ землей.

— Ты не хотѣла придти сегодня? промолвилъ я.

— А ты соскучился по мнѣ? Ты меня любишь? О ты мой!

Послѣднія слова Эллисъ меня смутили... Я не зналъ что сказать.

— Меня задержали, продолжала она,—меня караулили.

— Кто могъ тебя задержать?

— Куда ты хочешь? спросила Эллисъ, по обыкновенію не отвѣчая на мой вопросъ.

— Понеси меня въ Италію, къ тому озеру—помнишь?

Эллисъ слегка отклонилась и отрицательно покачала головой. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ, что она перестала быть прозрачной. И лицо ея какъ будто окрасилось: по туманной его бѣлизнѣ разливался алый оттѣнокъ. Я взглянулъ въ ея глаза и мнѣ стало жутко: въ этихъ глазахъ что-то двигалось — медленнымъ, безостановочнымъ и зловѣщимъ движеніемъ свернувшейся и застывшей змѣи, которую начинаетъ отогрѣвать солнце.

— Эллисъ! воскликнулъ я: кто ты? Скажи же мнѣ, кто ты?

Эллисъ только плечомъ пожала.

Мнѣ стало досадно—мнѣ захотѣлось отомстить ей,—и вдругъ мнѣ пришло на умъ велѣть ей перенестись со мною въ Парижъ. «Вотъ ужь гдѣ придется тебѣ ревновать» подумалъ я. — Эллисъ! промолвилъ я вслухъ: ты не боишься большихъ городовъ, Парижа, напримѣръ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Даже тѣхъ мѣстъ, гдѣ такъ свѣтло какъ на бульварахъ?

— Это не дневной свѣтъ.

Digitized by Google

— Прекрасно; такъ неси же меня сейчасъ на итальянскій бульваръ.

Эллисъ накинула мнѣ на голову конецъ своего длиннаго висячаго рукава. Меня тотчасъ охватила какая-то бѣлая мгла, съ снотворнымъ запахомъ мака. Все исчезло разомъ: всякой свѣтъ, всякой звукъ — и самое почти сознаніе. Одно ощущеніе жизни осталось — и это не было непріятно.

Внезапно мгла исчезла; Эллисъ сняла рукавъ съ моей головы, и я увидѣлъ подъ собою громаду столпившихся зданій, полную блеска, движенія, грохота... Я увидѣлъ Парижъ.

XIX

Я прежде бывалъ въ Парижѣ, и потому тотчасъ узналъ мѣсто, къ которому направлялась Эллисъ. Это былъ Тюльерійскій садъ, съ его старыми каштановыми деревьями, желѣзными рѣшотками, крѣпостнымъ рвомъ и звѣроподобными зуавами на часахъ. Минуя дворецъ, минуя церковь св. Роха, на ступеняхъ которой первый Наполеонъ въ первый разъ пролилъ французскую кровь, мы остановились высоко надъ италіянскимъ бульваромъ, гдѣ третій Наполеонъ сдѣлалъ тоже самое, и съ тѣмъ же успѣхомъ. Толпы народа, молодые и старые щеголи, блузники, женщины въ пышныхъ платьяхъ тѣснились по панелямъ; раззолоченные рестораны и кофейныя горѣли огнями; омнибусы, кареты всѣхъ родовъ и видовъ сновали вдоль бульвара; все такъ и кипѣло, такъ и сіяло, все, куда ни падалъ взоръ... Но, странное дѣло! мнѣ не захотѣлось покинуть мою чистую, темную, воздушную высь, не захотѣлось приблизиться къ этому человѣческому муравейнику. Казалось, горячій, тяжолый, рдяный паръ поднимался оттуда, не то пахучій, не то смрадный: ужь очень много жизней сбилось тамъ въ одну кучу. Я колебался... Но вотъ рѣзкій, какъ лязгъ желѣзныхъ полосъ, голосъ уличной лоретки внезапно долетѣлъ до меня; какъ наглый языкъ, высунулся онъ наружу, этотъ голосъ; онъ кольнулъ меня, какъ жало гадины. Я тотчасъ представилъ себѣ каменное, скулистое, жадное, плоское парижское лицо, ростовщичьи глаза, бѣлила, румяны, взбитые волосы и букетъ яркихъ поддѣльныхъ цвѣтовъ подъ остроконечной шляпой, выскребленные ногти въ родѣ когтей, безобразный крино-

Digitized by Google

линъ... Я представилъ себѣ также и нашего брата степняка, бѣгущаго дрянной припрыжкой за продажной куклой... Я представилъ себѣ какъ онъ, конфузясь до грубости и насильственно картавя, старается подражать въ манерахъ гарсонамъ Вефура, пищитъ, подслуживается, юлитъ — и чувство омерзѣнія охватило меня... «Нѣтъ», подумалъ я, «здѣсь Эллисъ ревновать не придется...»

Между тѣмъ я замѣтилъ, что мы понемногу начали понижаться... Парижъ вздымался къ намъ на встрѣчу со всѣмъ своимъ гамомъ и чадомъ...

— Остановись! обратился я къ Эллисъ. Неужели тебѣ не душно здѣсь, не тяжело?

— Ты самъ просилъ меня перенести тебя сюда.

— Я виноватъ, я беру назадъ свое слово. Неси меня прочь, Эллисъ, прошу тебя. Такъ и есть: вотъ и князь Кульмаметовъ ковыляетъ по бульвару, и другъ его, Сержъ Вараксинъ машетъ ему ручкой и кричитъ: Иванъ Степанычъ, аллонъ супэ, скорѣй, же анганже самое Ригольбошъ! Неси меня прочь отъ этихъ мабилей и мезонъ-дорѐ, отъ ганденовъ и бишей, отъ жокей-клуба и Фигаро, отъ выбритыхъ солдатскихъ лбовъ и вылощенныхъ казармъ, отъ сержандевилей съ эспаньолками и стакановъ мутнаго абсенту, отъ игроковъ въ домино по кофейнымъ и игроковъ на биржѣ, отъ красныхъ ленточекъ въ петлицѣ сюртука и въ петлицѣ пальто, отъ господина де-Фуа, изобрѣтателя «спеціальности браковъ» и даровыхъ консультацій д-ра Шарля Альбера, отъ либеральныхъ лекцій и правительственныхъ брошюръ, отъ парижскихъ комедій и парижскихъ оперъ, отъ парижскихъ остротъ и парижскаго невѣжества... Прочь! прочь! прочь!

— Взгляни внизъ, отвѣчала мнѣ Эллисъ: ты уже не надъ Парижемъ.

Я опустилъ глаза.. Точно. Темная равнина, кой-гдѣ пересѣченная бѣловатыми чертами дорогъ, быстро бѣжала подъ нами, и только назади, на небосклонѣ, какъ зарево огромнаго пожара, било кверху широкое отраженіе безчисленныхъ огней міровой столицы.

Digitized by Google

XX

Опять упала пелена на глаза мои... Опять я забылся. Она разсѣялась наконецъ.

Что это тамъ внизу? Какой это паркъ съ аллеями стриженыхъ липъ, съ отдѣльными елками въ родѣ зонтиковъ, съ портиками и храмами во вкусѣ Помпадуръ, съ изваніями сатировъ и нимфъ бернинiевской школы, съ тритонами рококо на срединѣ изогнутыхъ прудовъ, окаймленныхъ низкими перилами изъ почернѣвшаго мрамора? Не Версаль ли это? Нѣтъ, это не Версаль. Небольшой дворецъ то-же рококо выглядываетъ изъ-за купы кудрявыхъ дубовъ. Луна неясно свѣтитъ, окутанная паромъ, и по землѣ какъ будто разостлался тончайшiй дымъ. Глазъ не можетъ разобрать, что это такое: лунный свѣтъ или туманъ? Вонъ на одномъ изъ прудовъ спитъ лебедь: его длинная спина бѣлѣетъ какъ снѣгъ степей, прохваченныхъ морозомъ, а вонъ свѣтляки горятъ алмазами въ голубоватой тѣни у подножья статуй.

— Мы возлѣ Маунтгейма, промолвила Эллисъ:—это Швецингенскiй садъ.

— Такъ мы въ Германiи! подумалъ я и началъ прислушиваться. Все было безмолвно; только гдѣ-то, уединенно и невримо, плескалась и болтала струйка падавшей воды. Казалось, она твердила все однѣ и тѣ-же слова: «Да, да, да, всегда, да.» И вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто по самой серединѣ одной изъ аллей, между стѣнами стриженой зелени, жеманно подавая руку дамѣ въ напудренной прическѣ и пестромъ робронѣ, выступалъ на красныхъ каблучкахъ кавалеръ, въ золоченомъ кафтанѣ и кружевныхъ маншеткахъ, съ легкой стальной шпагой на бедрѣ... Странныя, блѣдныя лица... Я хочу вглядѣться въ нихъ... Но уже все исчезло, и только попрежнему болтаетъ вода.

— Это сны бродятъ, шепнула Эллисъ:—вчера можно было увидѣть много... много. Сегодня и сны бѣгутъ человѣческаго глаза. Впередъ! Впередъ!

Мы поднялись кверху и полетѣли дальше. Такъ плавенъ и ровенъ былъ нашъ полетъ, что казалось не мы двигались, а все напротивъ къ намъ двигалось навстрѣчу. Появились горы, темныя, волнистыя, покрытыя лѣсомъ; онѣ выросли и поплыли на насъ... Вотъ уже онѣ протекаютъ подъ нами со всѣми своими извилинами, ложбинами, узкими лугами, съ огненными точками

Digitized by Google

въ заснувшихъ деревушкахъ у быстрыхъ ручьевъ на днѣ долинъ; а впереди опять выростаютъ и плывутъ другія горы... Мы въ нѣдрахъ Шварцвальда.

Горы, все горы... и лѣсъ, прекрасный, старый, могучій лѣсъ. Ночное небо ясно: я могу признать каждую породу деревьевъ; особенно великолѣпны пихты съ ихъ бѣлыми, прямыми стволами. Кое-гдѣ на опушкахъ виднѣются дикія козы; стройно и чутко стоятъ онѣ на своихъ тонкихъ ножкахъ и прислушиваются, красиво повернувъ головки и насторожив большія трубчатыя уши. Развалина башни печально и слѣпо выставляетъ съ вершины голаго утеса свои полуобрушенные зубцы; надъ старыми, забытыми камнями мирно теплится золотая звѣздочка. Изъ небольшого, почти чернаго озера поднимается, какъ таинственная жалоба, стенящее уканіе маленькихъ жабъ. Мнѣ чудятся другіе звуки, длинные, томные, подобные звукамъ эоловой арфы... Вотъ она, страна легендъ! Тотъ же самый тонкій лунный дымъ, который поразилъ меня въ Швецингенѣ, разлитъ здѣсь повсюду, и чѣмъ дальше расходятся горы тѣмъ гуще этотъ дымъ. Я насчитываю пять, шесть, десять различныхъ тоновъ, различныхъ пластовъ тѣни по уступамъ горъ, и надо всѣмъ этимъ безмолвнымъ разнообразіемъ задумчиво царитъ луна. Воздухъ струится мягко и легко. Мнѣ самому легко и какъ-то возвышенно спокойно и грустно...

— Эллисъ, ты должна любить этотъ край?

— Я ничего не люблю.

— Какъ же это? А меня?

— Да... тебя! отвѣчаетъ она равнодушно.

Мнѣ сдается, что ея рука тѣснѣе прежняго обвиваетъ мой станъ.

— Впередъ! Впередъ! говоритъ Эллисъ съ какимъ-то холоднымъ увлеченьемъ.

— Впередъ! повторяю я.

XXI

Сильный, переливчатый, звонкій крикъ раздался внезапно надъ нами и тотчасъ же повторился уже немного впереди.

— Это запоздалые журавли летятъ къ вамъ на сѣверъ, сказала Эллисъ:—хочешь къ нимъ присоединиться?

Digitized by Google

— Да, да! подними меня къ нимъ.

Мы взвились, и въ одинъ мигъ очутились рядомъ съ пролетавшей станицей.

Крупныя, красивыя птицы (ихъ всего было тринадцать) летѣли треугольникомъ, рѣзко и рѣдко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянувъ голову и ноги, круто выставивъ грудь, онѣ стремились неудержимо и дотого быстро, что воздухъ свисталъ вокругъ. Чудно было видѣть на такой вышинѣ, въ такомъ удаленіи ото всего живого, такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю. Не переставая побѣдоносно разсѣкать пространство, журавли изрѣдка перекликались съ передовымъ товарищемъ, съ вожакомъ, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо-самоувѣренное въ этихъ громкихъ возгласахъ, въ этомъ подоблачномъ разговорѣ. «Мы долетимъ, небось, хоть и трудно,» казалось, говорили они, ободряя другъ-друга. И тутъ мнѣ пришло въ голову, что такихъ людей, каковы были эти птицы — въ Россіи — гдѣ въ Россіи! въ цѣломъ свѣтѣ немного.

— Мы теперь лѣтимъ въ Россію, промолвила Эллисъ... Я уже не въ первый разъ могъ замѣтить, что она почти всегда знала о чемъ я думаю. — Хочешь вернуться?

— Вернемся... или нѣтъ. Я былъ въ Парижѣ; неси меня въ Петербургъ.

— Теперь?

— Сейчасъ... Только закрой мнѣ голову твоей пеленой, а то мнѣ дурно дѣлается.

Эллисъ подняла руку... но прежде чѣмъ туманъ охватилъ меня, я успѣлъ почувствовать на губахъ моихъ прикосновеніе того мягкаго, тупого жала...

XXII

«Слуша-а-а-ай!» раздался въ ушахъ моихъ протяжный крикъ. «Слуша-а-а-ай!» словно съ отчаяніемъ отозвалось въ отдаленіи. «Слуша-а-а-ай!» замерло гдѣ-то на концѣ свѣта. Я встрепенулся. Высокій золотой шпиль бросился мнѣ въ глаза: я узналъ Петропавловскую крѣпость.

Сѣверная, блѣдная ночь! Да и ночь ли это? Не блѣдный, не

Digitized by Google

бо́льной ли это день? Я никогда не любилъ петербургскихъ ночей; но на этотъ разъ мнѣ даже страшно стало: облик Эллисъ исчезалъ совершенно, таялъ, какъ утренній туманъ на іюльскомъ солнцѣ, и я ясно видѣлъ все свое тѣло, какъ оно грузно и одиноко висѣло въ уровень Александровской колонны. Такъ вотъ Петербургъ! Да, это онъ, точно. Эти пустыя, широкія, сѣрыя улицы; эти сѣро-бѣловатые, жолто-сѣрые, сѣро-лиловые, оштукатуренные и облупленные дома, съ ихъ впалыми окнами, яркими вывѣсками, желѣзными навѣсами надъ крыльцами и дряными овощными лавчонками; эти фронтоны, надписи, будки, колоды; золотая шапка Исакія; ненужная, пестрая биржа, гранитныя стѣны крѣпости и взломанная деревянная мостовая; эти барки съ сѣномъ и дровами; этотъ запахъ пыли, капусты, рогожи и конюшни, эти окаменѣлые дворники въ тулупахъ у воротъ, эти скорченные мертвеннымъ сномъ извощики на продавленныхъ дрожкахъ, да, это она, наша Сѣверная Пальмира. Все видно кругомъ; все ясно, до жуткости четко и ясно, и все печально спитъ, странно громоздясь и рисуясь въ тускло-прозрачномъ воздухѣ. Румянецъ вечерней зари—чахоточный румянецъ—не сошолъ еще, и не сойдетъ до утра съ бѣлаго, безвѣзднаго неба; онъ ложится полосами по шелковистой глади Невы, а она чуть журчитъ и чуть колышется, торопя впередъ свои холодныя, синія воды...

— Улетимъ, взмолилась Эллисъ.

И не дожидаясь моего отвѣта, она понесла меня черезъ Неву, черезъ дворцовую площадь, къ Литейной. Шаги и голоса послышались внизу: по улицѣ шла кучка молодыхъ людей съ испитыми лицами и толковала о танцклассахъ. «Подпоручикъ Столпаковъ седьмый!» крикнулъ вдругъ съ просонку солдатъ, стоявшій на часахъ у пирамидки ржавыхъ ядеръ, а нѣсколько подальше, у раскрытаго окна высокаго дома, я увидѣлъ дѣвицу въ измятомъ шолковомъ платьѣ, безъ рукавчиковъ, съ жемчужной сѣткой на волосахъ и съ папироской во рту. Она благоговѣйно читала книгу: это былъ томъ сочиненій одного изъ новѣйшихъ нашихъ Ювеналовъ.

— Улетимъ! сказалъ я Эллисъ.

Минута, и уже мелькали подъ нами гнилые еловые лѣсишки и моховыя болота, окружающія Петербургъ. Мы направлялись прямо къ югу: небо и земля,—все становилось понемногу темнѣй

Digitized by Google

и темнѣй. Больная ночь, больной день, больной городъ — все осталось назади.

XXIII

Мы летѣли тише обыкновеннаго, и я имѣлъ возможность услѣдить глазами какъ постепенно развертывалось передо мною, подобно свитку нескончаемой панорамы, обширное пространство родной земли. Лѣса, кусты, поля, овраги, рѣки—изрѣдка деревни, церкви—и опять поля, и лѣса, и кусты, и овраги... Грустно стало мнѣ, и какъ-то равнодушно скучно. И не потому стало мнѣ грустно и скучно, что пролеталъ я именно надъ Россіей. Нѣтъ! Сама земля, эта плоская поверхность, которая разстилалась подо мною, весь земной шаръ съ его населеніемъ, мгновеннымъ, немощнымъ, подавленнымъ нуждою, горемъ, болѣзнями, прикованнымъ къ глыбѣ презрѣннаго праха; эта хрупкая, шероховатая кора, этотъ наростъ на огненной песчинкѣ нашей планеты, по которому проступила плесень, величаемая нами органическимъ, растительнымъ царствомъ; эти люди-мухи, въ тысячу разъ ничтожнѣе мухъ, ихъ слѣпленныя изъ грязи жилища, крохотные слѣды ихъ мелкой, однообразной возни, ихъ забавной борьбы съ неизмѣняемымъ и неизбѣжнымъ,—какъ это мнѣ вдругъ все опротивѣло! Сердце во мнѣ медленно перевернулось, и не захотѣлось мнѣ болѣе глазѣть на эти незначительныя картины, на эту пошлую выставку... Да, мнѣ стало скучно — хуже, чѣмъ скучно. Даже жалости я не ощущалъ къ своимъ собратьямъ: всѣ чувства во мнѣ потонули въ одномъ, которое я назвать едва дерзаю: въ чувствѣ отвращенія, и сильнѣе всего и болѣе всего во мнѣ было отвращеніе — къ самому себѣ.

— Перестань, шепнула Эллисъ: — перестань, а то я тебя не снесу. Ты тяжолъ становишься.

— Ступай домой, отвѣчалъ я ей тѣмъ же голосомъ, какимъ я говаривалъ эти слова моему кучеру, выходя въ четвертомъ часу ночи отъ московскихъ пріятелей, съ которыми съ самаго обѣда толковалъ о будущности Россіи и значеніи общины.—Ступай домой, повторилъ я, и закрылъ глаза.

Digitized by Google

XXIV

Но я скоро раскрылъ ихъ. Эллисъ какъ-то странно ко мнѣ прижималась; она почти толкала меня... Я посмотрѣлъ на нее—и кровь во мнѣ застыла. Кому случалось увидать на лицѣ другаго внезапное выраженіе глубокаго ужаса, причину котораго онъ не подозрѣваетъ — тотъ меня пойметъ. Ужасъ, томительный ужасъ кривилъ, искажалъ блѣдныя, почти стертыя черты Эллисъ. Я не видалъ ничего подобнаго даже на живомъ, человѣческомъ лицѣ. Безжизненный, туманный призракъ, тѣнь... и этотъ замирающій страхъ...

— Эллисъ, что съ тобой? проговорилъ я наконецъ.

— Она... она... отвѣчала она съ усиліемъ... она!

— Она? Кто она?

— Не называй ея, не называй, торопливо пролепетала Эллисъ?—Надо спасаться, а то всему конецъ — и навсегда... Посмотри: вонъ тамъ!

Я обернулъ голову въ сторону, куда указывала мнѣ трепещущая рука—и увидалъ нѣчто... нѣчто дѣйствительно страшное.

Это нѣчто было тѣмъ страшнѣе, что не имѣло опредѣленнаго образа. Что-то тяжолое, мрачное, изжелта-чорное, пестрое, какъ брюхо ящерицы — не туча и не дымъ, медленно, змѣинымъ движеніемъ, двигалось надъ землей. Мѣрное, широкое колебаніе сверху внизъ и снизу вверхъ, колебаніе, напоминающее зловѣщій размахъ крыльевъ хищной птицы, когда она ищетъ свою добычу, по временамъ неизъяснимо-противное приниканіе къ землѣ,—паукъ такъ приникаетъ къ пойманной мухѣ..... Кто ты, что ты, грозная масса? Подъ ея вліяніемъ—я это видѣлъ, я это чувствовалъ—все уничтожалось, все нѣмѣло... Гнилымъ, тлетворнымъ холодкомъ несло отъ нея—отъ этого холодка тошнило на сердцѣ и въ глазахъ темнѣло и волосы вставали дыбомъ. Это сила шла; та сила, которой нѣтъ сопротивленія, которой все подвластно, которая безъ зрѣнія, безъ образа, безъ смысла—все видитъ, все знаетъ и какъ хищная птица выбираетъ свои жертвы, какъ змѣя ихъ давитъ и лижетъ своимъ мерзлымъ жаломъ...

— Эллисъ! Эллисъ!—закричалъ я какъ изступленный. — Это смерть! сама смерть!

Жалобный звукъ, уже прежде слышанный мною, вырвался изъ

Digitized by Google

устъ Эллисъ—на этотъ разъ онъ скорѣе походилъ на человѣческій, отчаянный вопль—и мы понеслись. Но нашъ полетъ былъ странно и страшно нерѣвенъ; Эллисъ кувыркалась на воздухѣ, падала, бросалась изъ стороны въ сторону, какъ куропатка, смертельно раненная или желающая отвлечь собаку отъ своихъ дѣтей. А между тѣмъ, во слѣдъ за нами, отдѣлившись отъ той неизъяснимо-ужасной массы, покатились какіе-то длинные, волнистые отпрыски, словно протянутыя руки, словно когти... Громадный образъ закутанной фигуры на блѣдномъ конѣ мгновенно всталъ и взвился подъ самое небо... Еще тревожнѣе, еще отчаяннѣе заметалась Эллисъ. «Она увидала, увидала! Все кончено! Я пропала!..» слышался ея прерывистый шопотъ. «О я несчастная! Я могла бы воспользоваться, набраться жизни... а теперь... Ничтожество! ничтожество!»

Это было слишкомъ невыносимо... Я лишился чувствъ.

XXV

Когда я опомнился — я лежалъ навзничь въ травѣ и чувствовалъ во всемъ тѣлѣ глухую боль, какъ отъ сильнаго ушиба. На небѣ брезжило утро: я могъ ясно различать предметы. Невдалекѣ, вдоль березовой рощицы шла дорога, усаженная ракитами: мѣста мнѣ казались знакомыя. Я началъ припоминать что произошло со мною—и содрогнулся весь, какъ только пришло мнѣ на умъ то послѣднее, безобразное видѣніе...

«Но чего же испугалась Эллисъ? подумалъ я. «Ужели и она подлежитъ *ея* власти? Развѣ она не безсмертна? Развѣ и она обречена ничтожеству, разрушенію? Какъ это возможно?»

Тихій стонъ раздался вблизи. Я повернулъ голову. Въ двухъ шагахъ отъ меня недвижно лежала распростертая молодая женщина въ бѣломъ платьѣ, съ разбросанными густыми волосами, съ обнажоннымъ плечомъ. Одна рука закинулась за голову, другая упала на грудь. Глаза были закрыты, и на стиснутыхъ губахъ выступила легкая алая пѣна. Неужели это Эллисъ? Но Эллисъ — призракъ, а я видѣлъ передъ собою живую женщину. Я подползъ къ ней, наклонился...

— Эллисъ! ты ли это? воскликнулъ я. Вдругъ, медленно затрепетавъ, приподнялись широкія вѣки; темные, пронзительные глаза

Digitized by Google

впились въ меня — и въ то же мгновенье въ меня впились и губы, теплыя, влажныя, съ кровянымъ запахомъ, мягкія руки крѣпко обвились вокругъ моей шеи, горячая, полная грудь судорожно прижалась къ моей. — Прощай! прощай на вѣкъ! — явственно произнесъ замиравшій голосъ — и все исчезло.

Я приподнялся, шатаясь на ногахъ словно пьяный — и проведя нѣсколько разъ руками по лицу, оглядѣлся внимательно. Я находился возлѣ большой ...ой дороги, въ двухъ верстахъ отъ своей усадьбы. Солнце уже встало, когда я добрался до дому.

—

Всѣ слѣдующія ночи я ждалъ—и, признаюсь, не безъ страха—появленія моего призрака; но онъ не посѣщалъ меня болѣе. Я даже отправился однажды въ сумерки къ старому дубу, но и тамъ не произошло ничего необыкновеннаго. Впрочемъ я не слишкомъ жалѣлъ о прекращеніи такого страннаго знакомства. Я много и долго размышлялъ объ этомъ непонятномъ, почти безтолковомъ казусѣ — и я убѣдился, что не только наука его не объясняетъ, но даже въ сказкахъ, въ легендахъ не встрѣчается ничего подобнаго. Что такое Эллисъ въ самомъ дѣлѣ? Привидѣніе, скитающаяся душа, злой духъ, сильфида, вампиръ наконецъ? Иногда мнѣ опять казалось, что Эллисъ — женщина, которую я когда-то зналъ — и я дѣлалъ страшныя усилія, чтобы припомнить гдѣ я ее видѣлъ... Вотъ-вотъ, казалось иногда—сей часъ, сію минуту вспомню... Куда! все опять расплывалось, какъ сонъ. Да; я думалъ много и, какъ водится, ни до чего не додумался. Спросить совѣта или мнѣнія другихъ людей я не рѣшался, боясь прослыть за сумасшедшаго. Я наконецъ бросилъ всѣ свои размышленія: правду сказать, мнѣ было не до того. Съ одной стороны подвернулась эманципація съ разверстаніемъ угодій и проч. и проч.; а съ другой, собственное здоровье разстроилось: грудь заболѣла, безсонница, кашель. Все тѣло сохнетъ. Лицо желтое какъ у мертвеца. Докторъ увѣряетъ, что у меня крови мало, называетъ мою болѣзнь греческимъ именемъ: «анеміей» — и посылаетъ меня въ Гастейнъ. А посредникъ божится, что безъ меня съ крестьянами не «сообразишь...»

Вотъ тутъ и соображай!

Digitized by Google

Но что значатъ тѣ пронзительно-чистые и острые звуки, звуки гармоники, которые я слышу, какъ только заговорятъ при мнѣ о чьей нибудь смерти? Они становятся все громче, все пронзительнѣй... И зачѣмъ я такъ мучительно содрагаюсь при одной мысли о ничтожествѣ?

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

Баденъ-Баденъ.
1863.

Digitized by Google

СТАНСЫ

(ИЗЪ БАЙРОНА)

Мой другъ, не приводи на память мнѣ тѣхъ дней —
Тѣхъ дней, исполненныхъ волненья,
Когда душа моя сливалася съ твоей:
Имъ нѣтъ — не можетъ быть забвенья,
Пока еще кипятъ въ насъ жизненныя силы,
И оба — ты и я — не спимъ на днѣ могилы.

Тебѣ ли позабыть, и позабуду ль я —
Когда, любуяся тобою,
Я чувствовалъ какъ грудь вздымалася твоя?
И вотъ—ты снова предо мною
Съ своими томными, усталыми глазами,
И молчаливыми, но страстными устами.

Когда склонялась ты ко мнѣ, моя любовь,
Твои глаза преображались:
То сдерживали страсть, то распаляли кровь...
Но мы все болѣе сближались,
И жаркія уста встрѣчалися въ желаньѣ,
Какъ будто для того, чтобъ замерѣть въ лобзаньѣ.

И вотъ твои глаза смыкались до поры—
И отягченныя зѣнницы
Скрывали подъ собой ихъ синіе шары,
Межь тѣмъ какъ длинныя рѣсницы,
Сгущая тѣнь свою надъ алыми щеками,
Казались на снѣгу простертыми крылами.

Недавно снилось мнѣ, что страсть протекшихъ дней,
Любовь былая воротилась—
И сонъ тотъ слаще былъ въ фантазіи своей,
Чѣмъ если-бъ сердце насладилось
Огнемъ иныхъ очей, исполненныхъ участья,
Огнемъ иныхъ сердецъ — въ дѣйствительности счастья.

Кчему же говорить, кчему напоминать
Мнѣ о часахъ давно-минувшихъ,
Когда ихъ сладкій сонъ намъ можетъ возвращать
До той поры, пока, уснувшихъ,
Не скроетъ насъ на вѣкъ надгробный камень въ полѣ
Съ изсѣченнымъ стихомъ, что насъ ужь нѣту болѣ.

Г. ГЕРБЕЛЬ.

Digitized by Google

БѢДНЫЕ ЖИЛЬЦЫ

ВЪ БОЛЬНИЦѢ И НА МОРОЗѢ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТРАСТОТЕРПЦЕВА)

Я уже третій мѣсяцъ отхватывалъ въ больницѣ, будучи совершенно здоровешенекъ. Такихъ насъ была цѣлая палата. Бывало, какъ подымемъ возню, такъ только кровати трещатъ... Прибѣжитъ надзирательница, Тереза Ерыхайловна, и закричитъ: «это господа *больные*, да вы скоро всѣ койки переломаете; я доктору скажу,—онъ всю палату выпишетъ», Тотчасъ всѣ притихали, ложились подъ одѣяло, потому что мы всѣ какъ огня боялись выписки. Вотъ народецъ собрался: ни у одного ни гроша; чаю даже ни у кого золотника не было, только и отдувались овсянкой. Какъ доктора пройдутъ, перевалитъ за одиннадцать, — всѣ ходятъ, потирая животы, по палатѣ, и твердятъ: да скоро ли обѣдъ? да отчего такъ долго не несутъ обѣда? Каждый разъ сорокъ на часы заглянетъ и страшно сердится, что минутная стрѣлка ползетъ тише черепахи. Вотъ пробило наконецъ двѣнадцать, забѣгали служителя. — Несутъ, несутъ! и при этомъ восклицаніи два служителя ставили лотокъ съ двадцатью мисками на двѣ подставленныя скамеечки. Кому супъ, господа? — Кому щи? — Вамъ порціи недостало, завтра полу-

Digitized by Google

чите, все равно... и тому подобныя замѣчанія раздаются по палатѣ.

Живо расхватали миски, всѣ принялись за работу, водворилась тишина.

— Господа, кто недоѣлъ овсянки, несите сюда! Но на это никто не отвѣчаетъ; всѣ доѣдаютъ свои порціи исправно, даже еще миски языкомъ вылизываютъ.

Кончился обѣдъ, — въ желудкѣ бурчитъ только да переливается. Осталось мѣсто еще на десять такихъ обѣдовъ, а тутъ жди до шести. Пробило четыре, — всѣ проснулись, загремѣли кружки, чайники. Кто побогаче, послалъ за булочками, за крендельками къ чаю, а тутъ — сиди да хлопай глазами. Остается только завалиться съ горя подъ одѣяло да и спать. Но какъ ни было скучно, голодно въ больницѣ, — ужасъ ледянилъ мои члены, когда мнѣ приходило на умъ, что я долженъ непремѣнно выписаться на этой недѣлѣ.

Но какъ выписаться, когда на дворѣ трещали морозы, одинъ другого лучше? Сегодня закатитъ въ двадцать-пять, тамъ въ тридцать, тамъ въ тридцать-два. Въ больницѣ только и знаютъ, что топятъ: стекла заволокло какъ есть, отнизу доверху, только багровые лучи закутаннаго туманомъ солнца играютъ въ кристалахъ намерзшаго на окнахъ льда. Съ сдавленнымъ отчаяніемъ въ сердцѣ подходилъ я то къ одному окошку, то къ другому, и отогрѣвши кружочекъ на стеклѣ дыханіемъ, хуканьемъ, съ ужасомъ глядѣлъ на разстилающійся передо мной городъ. Чорные столбы дыма валятъ изъ безчисленныхъ трубъ, медленно возносятся къ небесамъ; извощики, сѣдоки, пѣшеходы, съ напудренными усами и бородами несутся во всю прыть и бѣгутъ въ притруску.

И мнѣ, въ лѣтнемъ разодранномъ пальтишкѣ, въ дырявыхъ сапожишкахъ, безъ квартиры, безъ гроша денегъ, придется выйти на морозъ? Куда я пойду? кто приметъ меня, когда въ городѣ ни одной собаки знакомой?

— По мѣстамъ! по мѣстамъ! раздалось по коридору. Всѣ больные попрятались въ палаты, какъ птицы въ гнѣзда отъ коршуна, живо поправили одѣяла, скамеечки, колпаки на головахъ и благоговѣйно ожидали больничнаго начальника. Вошолъ главный докторъ, окружонный своимъ штабомъ изъ ординаторовъ, фельдшеровъ съ полотенцами черезъ плечо, служителей, глядя-

Digitized by Google

щихъ на начальника бараньими глазами съ какимъ-то тупымъ подобострастіемъ...

— Вы? вы? вы? говорилъ отрывисто докторъ, бодро проходя мимо больныхъ. — Поправляюсь ваше п—ство! поправляюсь, ваше п—ство, отвѣчали послѣдніе. Одинъ за однимъ докторъ приближался ко мнѣ: сердечко мое ёкнуло, затрепетало-какъ пойманная птичка, когда онъ остановился передо мной. Шестнадцать паръ ординаторскихъ, фельдшерскихъ, служительскихъ глазъ вонзились въ мое красное, растолстѣвшее вѣроятно отъ больничной овсянки лицо, вмѣстѣ съ глазами его превосходительства... Минута была рѣшительная.

— Вы ужь кажется здоровы, вамъ пора на выписку, сказалъ генералъ. Я въ эту минуту поблѣднѣлъ, свернулся какъ молоко. Губы задрожали, запрыгали вѣки отъ подступившихъ слезъ: мнѣ хотѣлось что-то сказать, но я только шевелилъ губами. Услужливый ординаторъ Розенкюспе въ одну секунду вытащилъ изъ-за доски мой скорбный листъ, на которомъ сію же минуту тремя крючками изобразилъ свою фамилію его превосходительство. Это означало, господа, что меня «выписали», что я завтра поутру долженъ буду одѣться во все свое и отправиться на собственную квартиру. Порядокъ такой: только получилъ паспортъ, вышелъ за ворота — и можешь идти на всѣ четыре стороны куда угодно; хочешь нанимай карету четверней и поѣзжай въ свой пятиэтажный домъ на Морской, или тутъ же ложись умирать середи дороги — никому до этого дѣла нѣтъ, кромѣ матушки полиціи. Весь день сердце билось какъ-то тонко, словно отъ угару. Я бросался то въ коридоръ, то опять въ палату, не зная что дѣлать, что предпринять.

Положимъ, думалъ я, сегодня меня два раза покормятъ, сегодня я проведу въ чистой теплой комнатѣ, усну на мягкой постелѣ, а что *завтра*?.. Каждая минута приближала меня къ этому страшному роковому *завтра*; вотъ уже и отобѣдали, вотъ и чай отпили, и солнце сѣло, и шандалы зажгли. Мнѣ такъ было завидно этимъ счастливцамъ-больнымъ, которые, затягиваясь папиросами тайкомъ въ печку, расчитывали сколько намѣрены пролежать въ больницѣ до поправленія дѣлъ. Наконецъ все смолкло; всѣ захрапѣли, засопѣли, только я одинъ никакъ не могъ заснуть. Сердце, виски, словно въ три молота колотили внутри меня отъ волненія: я то зябъ, то весь горѣлъ; то укуты-

Digitized by Google

вался съ головой, то сбрасывалъ съ себя все. Не желаю ни кому быть въ такомъ положеніи. Я перебиралъ въ умѣ всѣ планы, но ни одинъ неприводилъ ни къ чему?

— Какъ же тутъ быть? твердилъ я самъ себѣ: сапожишки совсѣмъ раскисли отъ грязи, подошва на одномъ отвалилась, только на стелькѣ и держится. Въ пальто изо всей спины я выдралъ подкладку на портянки; вѣдь этакъ продрогнешь какъ собака, тѣмъ болѣе, что морозъ не унимается, а все больше да больше...

И въ самомъ дѣлѣ морозъ не унимался, а становился все крѣпче. На темносинее небо выступали всѣ звѣзды; куда ни взглянешь — все звѣзды и звѣзды; цѣлые мильоны ихъ уходили въ недосягаемую глубину... Казалось, не было гдѣ ткнуть иголкой на всемъ небосклонѣ... Я приподнялся съ кровати и сталъ смотрѣть въ окно. Верхушки деревьевъ больничнаго сада, едва досягая до третьяго этажа, были одѣты какъ шапкой насыпавшимися снѣгами.

За ними вдали все сливалось въ темную пелену, только въ какомъ то окошкѣ подъ трубой долго мигалъ огонекъ, да и тотъ погасъ. Не помню я какъ заснулъ. Ночью снились тяжолые сны; я страшно стоналъ, разбудилъ всю палату, замѣнилъ мнѣ поутру сосѣдъ.

Спалъ я крѣпко, даже не слыхалъ какъ служители будили полъ швабрами; проснулся далеко до разсвѣта, когда еще черти накулачки не дерутся. Вотъ настала роковая минута, пробило восемь; служитель швырнулъ мнѣ на постелю платье и приказалъ скорѣй одѣваться. Кроватей черезъ пять отъ меня еще двое выписывалось, — какіе-то прикащики изъ магазина. Они такъ весело начали облекаться въ серебристое бѣлье, въ чистую какъ снѣгъ манишку, надѣли щеголеватые сюртучки, прицѣпили часы съ золотыми цѣпочками и начали весело расхаживать по палатѣ, рисуясь, окорашиваясь передъ больными. Какъ я увидѣлъ ихъ такими франтами, то рѣшительно остолбенѣлъ и не рѣшался притронуться къ своему платью... Ну, какъ я надѣну при двадцати человѣкахъ истлѣвшее отъ поту грязное, какъ половикъ бѣлье?. Я страдалъ въ эту минуту отъ глубоко уязвленнаго самолюбія: какъ хотите, все же я заслуженный человѣкъ, тринадцать лѣтъ прослужившій вѣрою и правдой!.. Все же я, имѣя много случаевъ набить карманъ, не-

Digitized by Google

поживился ни одной чужой копѣйкой!.. И передъ этими господами прикащиками, торгующими на Невскомъ, разоряющими насъ впухъ товарами, я долженъ предстать такимъ отрепанцомъ, такимъ нищимъ... Поневолѣ они сочтутъ меня за пьянюшку, за негодяя, потомучто не могутъ себѣ представить какъ честный, усердный чиновникъ могъ дойти до такого бѣдственнаго положенія... Какъ-то я однако ухитрился, не скидывая совсѣмъ больничной рубашки, подпустить подъ нея грязную свою, пропустить руки въ рукава и застегнуться. Потомъ надѣвая какъ-будто сюртукъ, чтобъ прикрыть имъ свое черное бѣлье, спустилъ казенную рубашку и окончательно одѣлся. Таже исторія была съ панталонами и прочимъ. Больные, видя такіе фокусы безплатно, вмѣсто того чтобъ смѣяться, выпучили глаза. Недаромъ геній народный очеркнулъ такое положеніе тремя словами: голь хитра на выдумки. Вотъ ужь сказалъ, какъ врѣзалъ!

Колѣнки мои задрожали, я самъ затрясся какъ осиновый листъ, когда швейцаръ распахнулъ дверь и цѣлый столбъ холоду охватилъ меня. Прикащики, весело толкуя о томъ, кому изъ нихъ ловчѣе обирать хозяина, закутались въ свои ильковыя шубы и покатили на нанятомъ заранѣе извощикѣ.

Едва я ступилъ за ворота, словно весь оледѣнѣлъ. Въ одно мгновеніе защипали оба уха, побѣлѣлъ носъ и закоченѣли ноги.

Передо мной на три стороны разстилались улицы, мимо неслись сани съ закутанными въ еноты господами, бѣжали въ притруску пѣшеходы, а я рѣшительно не зналъ куда направить шаги. Ни квартиры, ни денегъ, ни знакомыхъ, ни родни — иди куда хочешь! Странныя мысли, вотъ ужь вовсе некстати, приходили мнѣ тогда въ голову.

Я думалъ: всѣ эти господа филантропы хлопочутъ, пишутъ о благѣ человѣчества, караютъ казнью за убійство, а между тѣмъ, въ это самое время, совершенно равнодушно смотрятъ на гибель людей невинныхъ; даже никому въ голову не приходитъ задать себѣ вопросъ: какъ, дескать, бѣдняки выписываются зимой изъ больницъ? Словно это до нихъ рѣшительно не касается, происходитъ въ какомъ-то отдаленномъ государствѣ.

Мнѣ могутъ возразить, что есть положеніе выдавать изъ больницъ выздоровѣвшимъ бѣднымъ одежду и пособіе.

Я человѣкъ, могу сказать, опытный, а не видѣлъ, не слы-

Digitized by Google

халъ, чтобъ больнымъ выдавалось «на практикѣ», исключая одного случая, гдѣ бѣднякъ получилъ рукавъ отъ овчиннаго тулупа и четвертакъ денегъ.

Я натянулъ пальто, какъ тетиву, чтобъ получше запахнуться, а все пола съ полой не сходились, расползались петли, воротникъ не прикрывалъ ушей. Бросивъ это все, я прикрылъ уши и носъ руками, какъ захлебывающійся пловецъ, но это не помогло. Ослабѣвшія отъ овсянки ноги, неуправляемыя руками, теряли балансъ; я шатался, пальцы на ступнѣ коченѣли, сколько я ими ни шевелилъ. Тутъ уже приходила моя окончательная погибель: я могъ отморозить члены до антонова огня. Къ счастію, какія-то дверцы хлопнули: изъ нихъ засмердило откупной водкой, меня вдругъ озарила геніяльная мысль: я скорѣй въ кабакъ. Даже въ эту горькую для меня минуту, до ушей долетала фраза: «ишь ты! одежонки нѣтъ, а въ кабакъ лѣзетъ!..» Со свѣту я ничего не могъ разглядѣть что происходило въ питейномъ. Какой-то глухой топотъ, словно ѣдущаго на рысяхъ эскадрона, заставилъ меня сообразить въ чемъ дѣло: сплоченная масса бѣдняковъ, пришедшихъ погрѣться, вытопывала окаченѣвшими ногами, отрясая примерзнувшій снѣгъ.

— Ну-ну-ну! пошли, пошли! раздался по кабаку громоносный голосъ «блюстителя», и неотогрѣвшаяся толпа, какъ стадо барановъ, ринулась къ двери, увлекши и меня за собою.

Кчему, думалъ я, меня три мѣсяца держали въ теплѣ, лечили какъ больного и потомъ вышвырнули за двери какъ негодную тряпку? Впрочемъ, больницы, богадѣльни, разные пріюты устроены вовсе не для того, чтобъ сохранить жизнь человѣка: цѣль этихъ филантропическихъ заведеній та, чтобъ человѣкъ былъ по возможности сбережонъ, пока въ нихъ числится, а какъ исключенъ изъ списковъ, вышелъ за ворота — тамъ ихъ заботливостью кончается...

Къ счастію, черезъ домъ мнѣ попался другой кабачокъ, а еще черезъ домъ—красовался третій. Благодѣтельная мысль — размножить эти заведенія! Вопервыхъ, свободная конкуренція всегда поддержитъ достоинство вина, вовторыхъ, взятые всѣ вмѣстѣ, онѣ могутъ вмѣстить по крайней мѣрѣ сотую часть всѣхъ нуждающихся въ пріютѣ въ зимнее время...

Солнце уже выглянуло изъ-за крышъ, что означало зимній полдень, а у меня еще крохи во рту не было. Что же я буду

Digitized by Google

дѣлать, куда я пойду ночевать? восклицалъ я въ отчаяніи. Подъ ложечкой страшно сосало отъ голоду, втянуло животъ: я со вчерашняго вечера не съѣлъ куска хлѣба. Такой любитель чаю въ былое лучшее время, — я съ самаго утра не проглотилъ глотка кипятку, а вы знаете, что желудку, съ дѣтства къ нему привычному, это чистая смерть. Но всего вѣрнѣе было схватить горячку отъ простуды: какъ угодно, господа, а вылежавши три мѣсяца у постоянно натопленной печки, быть насильно выписаннымъ въ двадцати-пяти градусный морозъ — здоровье Собакевича не снесетъ... Миновавши такъ называемый «малинникъ», я выбрался на Сѣнную. Тамъ уже толпились мужички съ высеребренными инеемъ бородами и усами, отставные солдаты съ подвязанными ушами: все это грѣлось горячимъ сбитнемъ, а у меня даже не было копѣйки на стаканъ.

— Не продаешь ли что? спросилъ какой-то кавалеръ.

Это навело меня на другую геніальную мысль: у меня подъ суконными штанами были довольно крѣпкія невыразимыя... Правда, онѣ не уступали толщиной корабельному парусу, были не очень-то серебристы, но все, по моему вычисленію, стоили пятиалтынный. Тутъ неугомонное воображеніе начало рисовать всѣ прелести пятиалтыннаго; я уже въ умѣ назначилъ весь бюджетъ: вопервыхъ, стаканъ сбитню на копѣйку, на двѣ копѣйки *сердца*, полфунта хлѣба на копѣйку; еще девять остается... Но въ это время страшно защипало лѣвое ухо; большіе пальцы потеряли всякую чувствительность, и я стрѣлой ударился въ вяземскій кабакъ. По его знаменитой въ лѣтописяхъ воровства лѣстницѣ восходили и нисходили разные небритые джентльмены съ такими сизокрасными носами, что послѣдніе болѣе смахивали на гребень индѣйскаго пѣтуха, чѣмъ на носъ. У иного еле были видны пропадавшіе между синяками глаза. Всѣ они были обмотаны лоскутьями до самыхъ бровей, у всѣхъ были поддѣты подъ армяки отрывки овчинныхъ тулуповъ, а у меня и этого не было. Я искалъ между валившей сверху толпой хоть одного, который былъ бы одѣтъ такъ прозрачно, какъ я; мнѣ было бы какъ-то веселѣе, но такихъ не встрѣчалось. Среди темноты и смрада отъ прокисшаго вина, копошилась, кричала, ругалась огромная толпа; какъ волны къ берегу приплывали къ конторкѣ разные любители выпить. Я сталъ искать мѣстечка поуединеннѣе гдѣ бы снять упомянутую вещь, но негдѣ было упасть

Digitized by Google

яблоку, не только раздѣться. Къ счастію, примѣръ какого-то горемыки ободрилъ меня: онъ, стоя, преспокойно снялъ рубашку и вообще распоряжался, какъ въ банѣ. Я тотчасъ послѣдовалъ его примѣру и сдѣлалъ это такъ ловко, какъ и въ больницѣ..«. А каково будетъ, въ этакой морозъ, въ однихъ штанишкахъ безъ подкладки?» шепнулъ кто-то внутри меня, но картина горячаго сердца, отъ котораго валитъ паръ столбомъ, вся поэзія набитаго желудка—сгладили непріятное впечатлѣніе, какъ облачко... Видя, съ какимъ наслажденіемъ нѣкоторые опоражниваютъ шкалики, косушки, я робко задалъ себѣ вопросъ: не выпить-ли?.. Это лучше согрѣетъ... Да у меня всего девять копѣекъ остается, копѣйки не хватаетъ.

Съ сокрушоннымъ духомъ я отошолъ отъ залавка.

— А чай-то?.. спросилъ меня внутренній голосъ какъ-то ужасно коварно, лукаво.

— Ахъ и въ самомъ дѣлѣ! вотъ и копѣйка нашлась! я чаю могу не пить.. водка лучше согрѣетъ.

По старой привычкѣ и въ умѣ, и на языкѣ я сбитень называлъ чаемъ.

Тутъ разыгралось мое воображеніе съ неудержимой силой, и я ринулся къ залавку, гдѣ продавалось вино.

— Что жъ, думалъ я: — я отлично распорядился: ну, какъ не выпить въ этакую стужу человѣку только-что изъ больницы?.. за-то какъ я отлично закушу сердцемъ, поѣмъ мягкаго теплаго хлѣба...

При такой блестящей перспективѣ, я въ эти минуты былъ, можно сказать, «счастливъ». Живо представляющаяся перспектива наслажденія пріятнѣй самого наслажденія; это всѣмъ извѣстно.

Какъ мудро все устроилъ промыслъ! какъ мало иногда нужно человѣку, чтобъ быть счастливымъ хоть на полчаса, хоть на минуту!.. Вотъ поѣлъ съ невыразимымъ апетитомъ на послѣднія три копѣйки; выпилъ, когда страшно хотѣлось выпить, и счастливъ!

Я ринулся скорѣй изъ кабака, неся на рукѣ товаръ.

— Что, продаешь что ли? спросилъ меня какой-то мелкій барышникъ, вырывая вещь изъ рукъ: — что стоитъ?

— Тридцать копѣекъ.

— Ха-ха-ха! раздалось между стоящими въ рядъ кавалерами,

Digitized by Google

которые держали въ рукахъ, какъ свѣчки — свертки нюхательнаго табаку.

— Семь копѣекъ!

Болѣзненно отозвалась эта сумма въ ушахъ моихъ: прощай водка! прости горячее баранье сердце!..

Положеніе было нестерпимое: ноги ломило отъ холоду, страшно хотѣлось разомъ и выпить, и поѣсть, тогда какъ на одно первое не хватало трехъ.

— А какое блаженство выпить! Нѣтъ, ты скажи, какое блаженство поѣсть! твердилъ мнѣ кто-то попеременно.

Въ душѣ происходила страшная свалка, середины не было. А, развѣ съ кѣмъ-нибудь пополамъ?.. шепнулъ разсудокъ.

— Много ли дашь? сказалъ я кавалеру, готовый отдать уже за семь копѣекъ.

— Пять копѣекъ дамъ...

— Да вѣдь ты самъ сказалъ *семь*!

— А вольно было не брать, когда давали...

Какъ мнѣ гадокъ показался этотъ барышникъ, весь рынокъ; я готовъ былъ вцѣпиться какъ кошка въ плутоватую рожу кавалера. Но и уступать за пятачокъ не было никакого разсчета; нужно было, какъ говорится, немножко выдержать характеръ, и я отошолъ прочь отъ покупателя. Кто продавалъ послѣднее съ плечъ на рынкѣ, тотъ знаетъ какое жгучее, тяжолое чувство овладѣваетъ бѣднякомъ, когда предлагаютъ самую обидную цѣну. Покупатель, видя безысходно-бѣдственное положеніе продавца, его лохмотья, вырываетъ изъ души его послѣднюю копѣйку, буквально «отнимаетъ» вещь, бросая для проформы какой-нибудь пятакъ... Я былъ между двухъ огней: разойтись съ старымъ покупателемъ не хотѣлось, потомучто пожалуй новаго не пріищешь; вовторыхъ, отдать за такую цѣну не было никакой цѣли. Рискуя страшно остаться съ товаромъ на рукахъ, я ринулся мимо бабъ, торгующихъ вареным картофелемъ, полуоблупленными яйцами, издающими благовоніе по всему рынку и пр. и пр. Я разъ пять исходилъ площадь изъ конца въ конецъ, но никто не давалъ болѣе пятачка.

— Бери! сказалъ я съ глухимъ отчаяніемъ какой-то бабѣ.

Она взяла товаръ, повертѣла его въ рукахъ и воротила назадъ.

— Онѣ й трехъ-то копѣекъ не стоютъ: надо мыла на пятачокъ истратить; своихъ денегъ не выберешь.

Digitized by Google

— Да вѣдь ты сама же давала пять, я тебя не тянулъ за языкъ! возразилъ я чуть не со слезами...

Бабѣ вѣрно стало совѣстно: она вынула и дала четыре копѣйки.

Міръ потускнѣлъ, померкло солнце въ глазахъ, когда я разомъ сообразилъ весь ужасъ своего положенія.

— Ну, положимъ, я проѣмъ четыре копѣйки, чтожъ дальше-то?.. Прислонившись къ ларю, я съ какимъ-то тупымъ, безсмысленнымъ отчаяніемъ дожовывалъ послѣднюю корку хлѣба.

Было съѣдено и сердце, и сычугъ, только одна несокрушимая печонка никакъ не поддавалась моимъ зубамъ. Между тѣмъ мимо меня, какъ стеклушки въ калейдоскопѣ, мѣнялись проходящіе. Идя, чуть ли не у самого моего носа, никто не обращалъ на меня, на другихъ бѣдняковъ, ни малѣйшаго вниманія: словно это были не русскіе подданные, не дѣти одного государя, не ихъ единовѣрцы, не единоплеменники, а такъ приглядѣвшіеся всѣмъ дикари съ Тихаго океана. Вотъ прошолъ въ барашкахъ какой-то военный, гремя саблей о плиту тротуара... Вотъ проѣхали какіе-то господа верхами на дорогихъ лошадяхъ; полкъ ушолъ въ походъ, а они остались совершать ратные подвиги въ Матюшкиномъ и у Излера. Вотъ проплыла какая-то чета, одѣтая въ соболя и еноты. Она, укрытая отъ мороза шестнадцатью поддѣтыми подъ платье фуфайками, душегрѣйками, катилась по тротуару, словно два шара... На кого ни взгляни, каждый задиралъ носъ кверху, каждый, увидя бѣдняка, корчитъ презрительную гримасу. Безпрестанно раздавалось, пади-пади! и бѣдные пѣшеходы стремглавъ бѣжали на тротуары.

Ударили къ вечернѣ; какой-то толстый дьяконъ проплылъ въ церковь. Я послѣдовалъ тоже за нимъ, чтобъ сколько-нибудь согрѣться. Но въ церкви не было только вѣтру, а холодъ былъ такой же, какъ и на улицѣ. Хотѣлъ было молиться, но молитва рѣшительно не шла на умъ... Вмѣсто сердечнаго умиленія, въ душѣ скопилась какая-то нестерпимая горечь, возбуждающая больше къ ропоту, чѣмъ къ покорности...

Вотъ ужь солнце быстро начинаетъ спускаться, какъ всегда зимой; вотъ снова протянулась на западѣ алая заря — предвѣстникъ завтрашней стужи.

Вотъ погрузилось солнце въ багровый туманъ, предвѣщаю-

Digitized by Google

щій сильнѣйшій морозъ. На прозрачныхъ небесахъ, озаренныхъ закатомъ, ярко засверкала Венера, переливаясь разноцвѣтными огнями какъ брильянтъ; рѣзкій вѣтеръ потянулъ отъ сѣвера. На дворѣ было оставаться какъ-то жутко: улицы замѣтно пустѣли, пѣшеходы торопились по домамъ, купцы поспѣшно запирали лавки, лари, шкапчики; каждый спѣшилъ подъ теплый кровъ, къ своей семьѣ, только я одинъ, безъ гроша денегъ, безъ одежи, безъ пристанища, бродилъ какъ отверженный духъ, рѣшительно незная куда идти ночевать. Не пойти ли на Петербургскую? Тамъ въ Плуталовой улицѣ живетъ одинъ чиновникъ, забылъ какъ зовутъ, который меня знаетъ по фамиліи... Мы съ нимъ встрѣчались въ управѣ; я даже заносилъ къ нему на домъ бумаги... Обрадовавшись открытію такого короткого знакомства, я бодро поворотилъ къ Гороховой, чтобъ пройти на Мытный мимо биржи. Но только-что я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, въ головѣ зароились несносныя сомнѣнія: да еще приметъ ли онъ меня? да еще помнитъ ли онъ меня? это было такъ давно, три года назадъ, даже и тогда-то мы съ нимъ только раза два видѣлись...

Я ужь хотѣлъ было повернуть назадъ, но куда жъ *назадъ*, когда все-равно: куда ни иди все за спиной будетъ задъ... Вотъ уже совершенно смерклось. Въ домахъ засвѣтились огни; зашуркали по гладкой дорогѣ сани богачей, спѣшащихъ на вечера, маскарады, танцъ-класы и мало-ли куда? Счастливцы! для нихъ не существуетъ временъ года, они не вѣдаютъ ни грязи, ни стужи. Закутавшись въ дорогіе соболя и еноты, они неслись во всю прыть на тысячныхъ рысакахъ, такъ что только искры брызгали изъ-подъ копытъ, да среди утихнувшей улицы громко раздавалось повелительное—пааади! Хватаясь то за уши то за носъ, я еле добрелъ до адмиралтейства: морозъ захватывалъ дыханіе, понуждалъ бѣжать, да усталыя промерзнувшія ноги еле двигались. Я нѣсколько разъ то останавливался, то снова ворочался, зная, что иду на фуфу, на угадъ; однимъ словомъ окончательно растерялся. Но, когда я пошолъ по льду, когда со взморья началъ рѣзать какъ ножомъ вѣтеръ, я рѣшительно изнемогъ, упалъ духомъ. На дорогѣ ни души: кругомъ ледяная пустыня, да гробовая тишина ночи... Господи! вырвалось изъ глубины души моей: — за что я такъ наказанъ? Съ отчаяніемъ повалился я на снѣгъ, разулся и началъ въ ру-

Digitized by Google

кахъ отогрѣвать свои ноги, хукать на ихъ пальцы, обсасывать окоченѣвшія кисти рукъ. На нихъ даже растрескалась кожа и кровь сочилась. Кое-какъ отогрѣвшись, отдохнувши, я снова побрелъ дальше. Далекъ былъ еще путь, ѣсть хотѣлось страшно, а особенно чайку... Что бы я далъ теперь за стаканъ чаю, подумалъ я, увидя сквозь освѣщонныя окна мытнинскаго трактира профили купеческихъ бородъ съ блюдечками въ рукахъ. Семь копѣекъ, только семь копѣекъ! и этихъ нѣтъ!.. Долго я плуталъ по разнымъ захолустьямъ, по Гулярнымъ, Ординарнымъ, Наличнымъ; наконецъ попалъ въ Плуталову. Былъ одинадцатый часъ ночи, на улицахъ, хоть бы одна живая душа, только жучки и бровки, просунувши морду въ подворотню, отхватывали на разные лады. Ставни, ворота вездѣ были заперты, вездѣ погашены огни. Я сталъ стучаться во знакомыя когда-то ворота, обилъ всѣ кулаки, наконецъ съ отчаянія началъ бить въ нихъ каблуками.

— Кто тамъ? сердито спросилъ за воротами бабій голосъ, ожидая пока я дамъ отвѣтъ.

— Дома чиновникъ Охинѣйкинъ?

— Дома, да ты-то кто?

— Я его знакомый, пришолъ по дѣлу.

Добравшись до двери Охинѣйкина, я сталъ стучаться снова изо всей силы.

— Какой чортъ сюда лѣзетъ? послышался за дверью голосъ, за нимъ вслѣдъ шаги, отстегнутый крючокъ зазвенѣлъ, заболтался и предо мной въ замасляномъ халатѣ, съ заспаной рожей, со свѣчей въ рукѣ предсталъ Охинѣйкинъ, приближая ко мнѣ свѣчку, чтобъ разглядѣть кто я.

— Вы меня конечно и не узнали... сказалъ я какимъ-то слезливо-ласковымъ тономъ, потомучто видѣлъ, что рушилась и эта моя послѣдняя надежда.

— Да кто вы такіе? ваша фамилія?

Я сказалъ.

— Убирайтесь отсюда вонъ, я васъ и не знаю!.. Какъ смѣть среди ночи безпокоить честныхъ людей! Я полицію велю привесть, чтобъ тебя какъ мазурика взяли въ часть!..

Съ этими словами онъ захлопнулъ дверь подъ самымъ моимъ носомъ и я остался въ темнотѣ, рѣшительно не зная куда выйти.

Куда теперь идти?.. На это я не могъ дать себѣ никакого

Digitized by Google

отвѣта: въ головѣ все перемѣшалось, колѣнки подгибались отъ усталости, въ глазахъ потемнѣло, я сталъ погружаться въ сонъ...

— Вставай, эй! какъ тебя, вставай! кричалъ кто-то, трепля меня за рукавъ какъ мочалку. Я очнулся и побрелъ со двора...

— Господи! застоналъ я зарыдавъ: — какъ спать хочется!.. какъ ѣсть хочется, отдохнуть! Хоть бы гдѣ-нибудь была собачья конура! Но нигдѣ не было видно ни одной собачьей конуры, ни одной впадины у калитки, гдѣ бы можно было приткнуться. Всѣ калитки были заперты, всѣ заборы были утыканы гвоздями или очень высоки... Не помню, сколько времени я шолъ, шатаясь во всѣ стороны, какъ пьяный, наконецъ дома, заборы, лавки начали передо мной кружиться; я чувствовалъ, хотя смутно, что это предсмертный сонъ...

Однако кое-какъ я очнулся, когда пошолъ по доскамъ, замѣняющимъ на Петербургской тротуары. Забившись подъ выломанныя доски кладокъ, какъ въ могилу, я дрожалъ, словно осиновый листъ; отъ внутренняго холода зубы барабанили страшно, коченѣли ноги, щипало руки, прикасавшіяся къ мерзлой землѣ. Свернувшись въ комочекъ, натянувши пальто какъ струну, я долго пріискивалъ половчѣе положенія, въ которомъ бы могли быть разомъ укрыты пальтомъ и руки съ ногами, и голова. Но чуть только потянешь одну полу, чтобъ обернуть голову, какъ пальто затрещитъ, а другая пола сползетъ съ ногъ... Къ довершенію всего, грязная, пропотѣвшая насквозь рубашка, которую поскупились въ больницѣ вымыть, давала себя чувствовать.

Все это я чувствовалъ смутно, страдалъ невыносимо, скребся до крови то тутъ, то тамъ и безпрестанно ворочался. Вотъ гдѣ адъ-то настоящій, такой, какой не грезился самому Данту. Но несмотря на всѣ муки, сонъ и усталость взяли свое.

Мнѣ пригрезилось сначала, что я въ лютѣйшій морозъ сижу по поясъ въ проруби, хочу вырваться, но ноги примерзли... Напрасно я кричалъ, стоналъ, молилъ о спасеніи, никто на меня не обращалъ вниманія... Вдругъ картина начала перемѣняться: словно изъ тумана началъ выходить рядъ освѣщенныхъ комнатъ моего дядюшки, московскаго барина былыхъ временъ. Во всѣхъ комнатахъ сновали взадъ и впередъ отлично разодѣтые гости; иные сидѣли крестообразно у ломберныхъ столовъ съ картами въ рукахъ, погруженные въ глубокую думу... Барышни, взявшись за руки, цѣлыми шеренгами расхаживали по всей анфи-

Digitized by Google

ладѣ; около нихъ, какъ мухи около сахару, увивались завитые, раздушонные кавалеры: ловкіе военные съ неизбѣжными усами, бренчащими шпорами, гремящими саблями. Въ кабинетѣ, поближе къ буфету, жужжали какъ шмели почтенные мужи, съ очками на носу, пряжками на фракахъ, какимъ-то козьимъ пухомъ на макушкѣ вмѣсто волосъ. Въ гостиной вокругъ хозяйки чиликали, какъ воробьи на деревѣ, молодыя дамы; чинныя старушки, графини и княгини, собравшись въ особую кучку, сердито ворчали, спорили, бранились, чавкая шамшали, пережовывали слова... У дверей стояли въ чорныхъ фракахъ лакеи, вполголоса критикуя господъ; тамъ и сямъ сновали казачки, безпрестанно подувая въ трубки, поднося ихъ господамъ въ кабинетѣ хозяина. Съ непостижимой ловкостью, изгибаясь какъ тростникъ, ходили мягко, чинно офиціанты, разносили дамамъ громадные подносы, уставленные миріадами звенящихъ блюдечекъ съ разными прохладительными. Изъ открытыхъ настежъ дверей, ради уничтоженія духоты, выглядывали разныя рыла кучеровъ, конюховъ, съ бородами всѣхъ цвѣтовъ и подраздѣленій, съ сережками въ ушахъ, въ бархатныхъ поддевкахъ... Все вокругъ меня ликовало, только я одинъ метался изъ залы въ залу какъ угорѣлый, въ замаслянномъ сюртучишкѣ, въ разодранныхъ штанахъ, сапогахъ безъ подошвъ. За мною гнались цѣлыя полчища, стараясь меня выпроводить; отъ меня отворачивались дѣвицы, закрывались платками дамы, презрительно посматривали ловкіе военные, гримасничали статскіе, сердито ворчали почтенные мужи, хохотали лакеи и кучера... Я отъ всѣхъ увертывался, метался, ища выхода, какъ влетѣвшая въ комнату сова или сычь,— мнѣ было душно, тяжко, невыносимо...

— Вотъ, вотъ онъ здѣсь: ловите его, да въ шею... кричали одни; неуспѣли они это сказать, какъ я былъ уже въ другой залѣ... Тутъ, тутъ, сюда! кричали переполошившіяся дамы. Въ аристократическомъ салонѣ дядюшки поднялся страшный содомъ.

— Какъ онъ смѣлъ сюда забраться? кто его пустилъ? да кто онъ такой? да можно ли такого оборванца пускать въ нашъ кругъ?.. Всѣ эти вопросы сыпались градомъ, повторялись по нѣскольку тысячъ разъ.

Наконецъ всѣ закричали:

— Вонъ, вонъ этого плебея! Онъ человѣкъ безъ протекціи! Онъ человѣкъ безъ связей!

Digitized by Google

— Уродъ собой! кричали дамы.

— Никакого титула! кричали графини.

— На морозъ его, на морозъ! кричали мужчины. Все достопочтенное собраніе кинулось на меня. Я скорѣй въ двери, слетѣлъ кувыркомъ съ лѣстницы, споткнулся объ какіе-то мостки, продавилъ доску и провалился.

— Ахъ!!!...

Открываю глаза, прихожу въ себя, смотрю, — двое городовыхъ волокутъ меня къ извощику. Побѣжали мимо домá, уходя назадъ; изъ-за нихъ открывались улица за улицей, распахнулся большой проспектъ; какъ-то кокетливо выглянула петербургская каланча словно барышня, на гребенкѣ которой ползала муха.

Такой по крайней мѣрѣ показалась тогда каланча съ ходящимъ по балкону пожарнымъ...

— Кто вы такой? Вашъ чинъ, имя, отчество и фамилія? мѣсто жительства? Пенсію или какія-либо пособія получаете? что васъ довело до такого бѣдственного положенія? Не испиваете ли вы? не видятся ли вамъ чортики? Что за фантазія пришла вамъ забиться въ канаву, вѣдь вы могли замерзнуть?

Такими вопросами закидалъ меня господинъ приставъ.

Я разсказалъ все безъ утайки, по самой сущей справедливости.

— Охо-хо-хо-хо-хъ!.. глубоко вздохнулъ частный приставъ, отирая платкомъ слезы *). — Пишите!

Какой-то ощипанный сюртукъ вооружился перомъ, сдѣлалъ должные заголовки.

«Сего тысяча восемь-сотъ пятьдесятаго года, февраля семнадцатаго дня...» и т. д., и т. д.

Ощипанный сюртучокъ «тронулся въ путь»: перо запрыгало и пошло боронить бумагу, какъ пашню...

— Послать скорѣе объ этомъ донесеніе сегодняшнимъ же числомъ, да отвести этого господина въ больницу.

Я, лежа за перегородкой съ обвязанными руками и ногами, слышалъ все. Еще забылъ сказать, что сострадательные городовые долго терли снѣгомъ мои руки, ноги, носъ, щоки на дворѣ, не входя въ комнату. Послѣ этого отмороженные члены вы-

*) Читатель можетъ-быть усомнится въ справедливости этого факта; но увѣряю васъ что это такъ было. *Авт.*

Digitized by Google

мазали гусинымъ саломъ, обвязали тряпками, и по снятіи допроса уложили на нары.

— Въ какую больницу прикажете вести, ваше высокоблагородіе? ревнулъ дежурный городовой такъ, что за нарвской заставой было слышно.

— Разумѣется въ ту же, откуда вчера выписали! Достало же духу въ этакіе морозы выписать бѣдняка! Погодите, голубчики!..

Причиною филантропическихъ распоряженій частнаго, кромѣ доброты души, было отчасти и то, что онъ былъ «зубъ за зубъ» съ главнымъ докторомъ этой больницы.

— Опять къ намъ? да давно ли выписался? Эксей пьяниюшка, прости Господи, а еще благородный!..

Такими комплиментами встрѣтилъ меня фельдшеръ въ пріемномъ покоѣ. Городовой, сдавши меня съ рукъ на руки, вмѣстѣ съ предписаніемъ, повернулся налѣво кругомъ и ушолъ.

— Пилъ бы поменьше! сказалъ сердито дежурный докторъ, позѣвывая и расправляя косточки. Онъ только-что расположился задать храпака, строжайше воспретивъ фельдшерамъ будить себя, исключая, если кто придетъ изъ начальства незначай. Этакія приказанія всегда отдавались больничными врачами въ «прежнее разумѣется время» на томъ резонномъ основаніи,—что «легкаго» больного и фельдшеръ осмотритъ, а «труднаго» и смотрѣть нечего: безъ того умретъ.

— Какъ ты смѣлъ будить меня изъ-за такихъ пустяковъ?

— Изъ полиціи привезенъ съ по предписанію! отвѣчалъ фельдшеръ.

— Покажи языкъ! во рту кисло? вяжетъ? на низъ было? подъ ложечкой не болитъ? ѣшь хорошо?

— У меня не то болитъ! сказалъ я, отвѣтивши на все это:— у мяня руки, ноги отморожены, щоки, носъ, уши.

— Ахъ да, я и не замѣтилъ, что на тебѣ пеленки!

— Ну, пойдемъ чтоли? сказалъ мнѣ презрительно ванщикъ послѣ всей этой процедуры.

— Эхъ-ма! къ нашему берегу ничего путнаго не приплыветъ! сказалъ онъ, вводя меня въ ванную.

— Что за времена такія пришли! Только голь, да шишголь и лѣзетъ въ больницу на казенные хлѣбы; хоть бы одинъ денежный! замѣтила жена ванщика, принимавшая больныхъ на женскую половину.

Digitized by Google

— Ну, одѣвайся, не ждать тебя тутъ! сказалъ сердито служитель, швырнувъ мнѣ подъ носъ больничное бѣлье, состоящее, какъ извѣстно, кромѣ нижняго, изъ трехъ колпаковъ: одинъ надѣвается на голову, а два на ноги. Халатишко мнѣ дали старенькій, двушорстный, туфли съ сбитыми задами, тогда какъ другому принятому больному и халатъ съ иголочки, и бѣлье нештопаное, и туфельки, хоть на балъ отправляйся.

— Покутилъ же я, братцы, лихо въ эти двѣ недѣли! Вѣрите ли, полторы тысячи тятенькиныхъ денегъ на одномъ Крестовскомъ убухалъ!

— Хе-хе-хе-съ! этакому-то молодцу какъ вы, сударь, только и пожить въ свое удовольствіе-съ! Не прикажете ли въ ванную-съ, мы васъ хорошенечко помоемъ-съ. Какъ вы любите: погорячѣй, или похолоднѣй-съ?

— Спасибо, братцы, я только-что былъ вчера въ нумерахъ. Вы мнѣ лучше купите-ко полштофчика бальзамной; оно, знаете, необходимо начать леченіе.

Сказавши это, новоприбывшій купчикъ вынулъ изъ кармана щегольскаго сюртучка дорогое порт-моне и выкопалъ изъ кучки депозитокъ красненькую.

Два служителя, ванщикъ съ женой бросились исполнить его волю.

— Сейчасъ будетъ принесено-съ, только знаете: надо съ эфтими вещами немножко быть поосторожнѣе-съ. Конечно это все можно-съ и докторъ главный даже знаетъ про эфто-съ, да все же нужно не подавать вида, хоть проформу-то леченія соблюсти.

— Ну ты, полѣзай въ ванную, розотѣя! сказалъ мнѣ «мой» служитель.

Я сидѣлъ, не говоря ни слова, потомучто не могъ пошевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Ну чтожъ ты, хочешь, чтобъ я тебя проводилъ? Чай полпуда грязи принесъ на себѣ? Только больницу-то гадить приходите!

Сказавши это, служитель, какой-то изъ «безсрочныхъ», хотѣлъ схватить меня и втолкнуть въ ванну.

— Не трожъ, не трожъ его! Вишь онъ боленъ: за это достанется отъ доктора! замѣтилъ ванщикъ.

Служитель конечно не зналъ, что я человѣкъ благородный, чиновный, а одежда этого не показывала. Въ больницахъ, гдѣ

Digitized by Google

нѣтъ половинъ «благородныхъ» и «черныхъ», гдѣ не видно подъ халатомъ кто какого званія, со всѣми, кромѣ богатыхъ, обращаются грубо, ругаютъ равно и отставнаго офицера, и чухонца, и статскаго совѣтника въ отставкѣ, и государственнаго крестьянина. Зато въ больницахъ съ подраздѣленіями на благородной половинѣ для «служащихъ» очутится иногда писецъ надворнаго суда, а на «мужицкой», черной — статскій совѣтникъ въ отставкѣ.

— А можно здѣсь этакъ насчетъ того? спросилъ ванщика купчикъ, плутовато подмигивая лѣвымъ глазомъ.

— Какъ вамъ, сударь, сказать? Все можно и все неможно! отвѣчалъ многозначительно ванщикъ.

— А что, здѣсь есть и женское отдѣленіе?

— Какже-съ, въ одинаковой съ мужскимъ клепорціи-съ.

— Чтоже, за ними сидѣлки ходятъ?

— Сидѣлки-съ, какже. Вы, сударь, теперь одѣвайтесь-ка, да ложитесь въ постель: неравно дежурный дохтуръ пойдетъ по палатѣ.

— А что, ужь я *очень*? спросилъ купчикъ, которому по выходѣ изъ ванной служители успѣли уже передать полштофа.

— Ничего-съ, только при докторѣ лягьте.

Объ этомъ знали и швейцаръ, и фельдшеръ пріемнаго покоя, но всѣ хранили обычное величіе, осматривали очень строго посѣтительницъ побѣднѣй и не позволяли пронести больному даже булки или золотника чаю.

— Батюшка, чайку-то ей крошечку нельзя ли? говорила фельдшеру бѣдная баба, кланяясь ему чуть не до земли.

— Нельзя, чай вредитъ больному: отнимаетъ сонъ.

— А булочку, хоть маленькую?

— Булки засариваютъ желудокъ!

— Возьми хоть гривенничекъ отъ меня, бѣдной, не побрезгай!

Фельдшеръ или швейцаръ брали по гривенничку и тогда говорили бабѣ: «булки конечно можно, только чтобы онѣ были хорошо выпечены; чай тоже можно, только не крѣпкой.»

Меня съ купчикомъ повели въ одну палату и положили рядомъ.

— Эхъ, какъ бы зналъ, не пошолъ бы ни за что въ больницу! говорилъ онъ, покачиваясь во всѣ стороны. — А все Лизка проклятая! Не будь этой Лизки...

Дальше уже онъ не могъ слова выговорить: закрылъ глаза,

Digitized by Google

повисъ на рукахъ служителей и заснулъ. Долго онъ отхватывалъ на всю палату, бормоча во снѣ: «Лиза, Лиза, голубчикъ ты мой...»

— Это кто такой шумитъ? спросилъ у фельдшера дежурный ординаторъ, проходя по палатѣ.

— Это delirium tremens шумитъ: въ такомъ видѣ только что привезли.

— Я вѣдь его осматривалъ, а не замѣтилъ, чтобы онъ былъ пьянъ.

— Это его въ теплѣ разобрало, ваше высокоблагородіе, а тогда еще не подѣйствовало! соврал фельдшеръ не моргнувши глазомъ.

Докторъ не замѣтилъ даже, что эта палата была вовсе не та, въ которую кладутъ одержимыхъ делиріумами, даже не прочелъ болѣзни на доскѣ и все сошло съ рукъ.

Принесли лекарства намъ двоимъ — слабительное. Фельдшеръ вылилъ въ деревянную ложку весь пріемъ касторового масла и пихнулъ мнѣ въ ротъ.

— Не хочу! сказалъ я, мыча и задыхаясь отъ ложки, воткнутой въ ротъ: — я не желудкомъ боленъ; въ немъ и безъ того пусто...

— Все равно! отвѣчалъ фельдшеръ и влилъ насильно слабительное. Наливши туже порцію, но уже въ серебряную ложку, принесенную въ карманѣ, онъ предложилъ выпить моему сосѣду.

— Убирайся, знаешь ли куда? отвѣтилъ купчикъ.

— Ну, какъ вамъ угодно. Я пожалуй скажу, что принимали, только вамъ отъ этого желудокъ не очиститъ.

— Поди ты съ своимъ желудкомъ, знаешь куда?..

Фельдшеръ вылилъ слабительное въ песочницу. Тѣмъ же порядкомъ продолжалось леченіе: больные побогаче выливали, выплевывали лекарства за кровать; больные побѣднѣе хлебали всякую дрянь черезъ каждый часъ изъ ложки общей, — и для чахоточныхъ, и для чесоточныхъ.

Дня черезъ три поутру поднялась въ больницѣ страшная суматоха: ожидали какую-то высокую особу, поэтому вездѣ скребли, мели, вытирали. Служителя, проснувшись со вторыми пѣтухами, залили весь полъ водой, подняли сырость, вѣроятно очень полезную для легкихъ, одержимыхъ чахоткой и начали зудить полъ швабрами. Раньше обыкновеннаго проснулись доктора, на-

Digitized by Google

чальство; всѣ суетились, ожидая чего-то необыкновеннаго. Появился даже экономъ, аптекарь — лица, которыхъ больные никогда не видятъ. Наконецъ явился самъ главный докторъ.

— Что, что такое? спрашивали больные другъ друга, высовывая носы изъ дверей палатъ. Надзирательница металась, какъ угорѣлая, выдавала бѣлье, которое велѣно было больнымъ сейчасъ же перемѣнить. На кухнѣ отдано приказаніе готовить кушанье «парадное», какое подается на пробу посѣтителямъ, а не такое, какъ въ обыкновенное время. Фельдшера обобрали всѣ стклянки съ микстурами «неопредѣленнаго» цвѣта и замѣнили ихъ другими: красными, жолтыми, зелеными и т. п. Изъ-подъ кровати купчика убрали полштофъ и ливерную колбасу.

Булки были отлично выпечены; овсянка даваемая по утрамъ въ кружкахъ, вмѣсто чаю желающимъ, была просто объядѣнье, — однимъ словомъ, все предвѣщало что-то необыкновенное.

— Господа, главный докторъ! главный докторъ! закричала надзирательница: — поправьте кровати! надѣньте колпаки! выровняйте подушки! и проч., и проч. Всѣ притихли, стали у кроватей; вдругъ заслышались шаги по коридору и ясно, отчетливо произносимыя слова:

— Ну какъ же это можно? никогда такого съ нашей больницей произшествія не было... Вѣдь это, просто срамъ... Вѣдь это знаете можетъ дойдти... Я удивляюсь какъ вы, имѣя столько платья не распорядились... Вѣдь одежей отъ умершихъ три цейгауза до потолка завалены, а ужь сапоговъ на всѣ росты многое множество... Гдѣ тутъ лежитъ чиновникъ Страстотерпцевъ? спросилъ онъ, подходя къ нашей палатѣ.

— Васъ кажется зовутъ? спросилъ меня сосѣдъ съ другой стороны.

— Нѣтъ, тутъ вѣрно есть мой однофамилецъ.

Въ это время вошолъ главный докторъ, со звѣздой на груди; за нимъ ординаторы, помощникъ, экономъ, смотритель, аптекарь, даже архиваріусъ и письмоводитель. Начальства, начальства — видимо невидимо, чуть ли не столько, сколько полагается по штату больныхъ... и эта вся огромная толпа повалила къ моей кровати, обступила кругомъ такъ, что сдѣлалось темно.

— Объясните мнѣ пожалуста какъ вы прибыли во второй разъ сюда въ больницу? Кто васъ привезъ? Гдѣ васъ нашли?..

Я, лежа подъ одѣяломъ, разсказалъ все обстоятельно до ма-

Digitized by Google

лѣйшей подробности, какъ читатель уже слышалъ. Всѣ смотрѣли на меня, выпуча глаза, пожимали плечами, дивились, словно никогда ничего подобнаго не слыхали, будто я разсказывалъ имъ о какой нибудь жаръ-птицѣ...

— Это удивительно! это невѣроятно! тутъ что-нибудь да не такъ!.. раздавалось отвсюду.

Даже нѣкоторые болѣе дальновидные люди, болѣе пекущіеся о спокойствіи Россіи, задавали другъ другу шопотомъ и такіе вопросы:

— Ужь не шпіонъ ли онъ, подосланный англійскимъ правительствомъ?

— Съ чего же ему такъ шляться? спросилъ аптекарь эконома.

— Главное, дѣйствительный ли у него паспортъ?.. Не подскоблено ли гдѣ-нибудь? замѣтилъ таинственно смотритель письмоводителю.

— Нѣтъ, отвѣчалъ письмоводитель: — ужь я на это, батюшка, востеръ, меня не проведешь!.. А вотъ что, продолжалъ письмоводитель, понизивъ еще голосъ: — не подучилъ ли его кто-нибудь сыграть съ нами такую штуку, неподкупилъ ли кто-нибудь...

— Я и самъ такъ думаю, отвѣтилъ провизоръ изъ жидковъ, который былъ ужасный охотникъ совать носъ во всѣ дѣла и корчить изъ себя проницательнаго человѣка.

Всѣ эти допросы, выпытыванья, догадки мнѣ нисколько не были обидны, нисколько меня не удивляли; но меня удивляло, бѣсило то, какъ эти люди, доживши до сѣдыхъ волосъ, проѣвшіе на службѣ зубы, — наивно удивляются, невѣрятъ, чтобъ бѣднякъ могъ неимѣть пристанища, ночевать въ тридцати-градусный морозъ въ канавѣ?..

Какъ, развѣ они слѣпы, развѣ не видятъ, что сотни, тысячи такихъ же голышей какъ я, шатаются по Сѣнной, по Апраксину, по рынкамъ, безъ пристанища, безъ одежонки, почти босые? Да это такая аксіома, которую всякій десятилѣтній ребенокъ знаетъ. Кто не хаживалъ по Сѣнной, по Апраксину, по Сытному, кто не наталкивался тысячу разъ на оборванныхъ, отрепанныхъ статскихъ, военныхъ, немытыхъ, небритыхъ, въ дырявыхъ сапогахъ, въ лаптяхъ, просящихъ подаянія? Загляните вы только въ демидовскій домъ трудящихся, когда бѣднымъ раздаютъ пищу, такъ вы увидите какъ процвѣтаетъ наша сѣверная паль-

Digitized by Google

мира... Пройдитесь по Спасскому, Конному переулку, по всѣмъ улицамъ, группирующимся между Невскимъ и Вознесенскимъ, около Садовой, такъ вы не можете не убѣдиться какое ужасающее количество бѣдняковъ обитаетъ въ столицѣ. А Петербургская, а Выборгская, а всѣ окраины города? А мы все еще мажемъ себя по губамъ какимъ-то процвѣтаніемъ градовъ и весей, отворачиваемся отъ бѣдности, неопрятности, приписывая ихъ одному только пьянству да безпутству. Вотъ наше дѣло: почитать какую нибудь газетку, гдѣ все представляется въ такомъ розовомъ свѣтѣ, заглянуть въ романъ, напичканный благопристойными рыцарями, вздыхающими у ногъ своихъ маркизъ—да отправиться въ коляскѣ на острова, чтобъ обкачивать встрѣчныхъ пѣшеходовъ съ головы до ногъ грязью...

На что же, спрашивается, всѣ эти медицинскія, хирургическія, медико-хирургическія академіи, клиники, лечебницы, госпитали, больницы? На что же благодѣтельное правительство тратитъ несмѣтныя суммы на разные ремонты, содержанія, починки, поправки этихъ заведеній? Кчему же оно даетъ преміи, посылаетъ на свой счетъ молодыхъ людей за границу, выписываетъ дорогихъ профессоровъ,—для того ли, чтобъ больного безъ средствъ выталкивали въ тридцатиградусные морозы, не спрося, есть ли у него квартира, деньжонки, одежонка? Спросить надо: эти господа, окружающіе теперь одръ мой, за что тридцать-сорокъ лѣтъ сряду получали жалованье, столовыя, квартирныя? А вотъ за что: напившись отличнаго кофе, вмѣсто моціона, пролетѣть вихремъ черезъ всѣ палаты, распросить каждого о томъ, о чемъ нечего и спрашивать: разумѣется больной если хоть сколько нибудь волочитъ ноги, да видитъ, что докторъ выходитъ изъ себя при малѣйшей перемѣнѣ въ больномъ къ худшему—никогда не скажетъ правды, а только будетъ отвѣчать: «поправляюсь, ваше превосходительство! поправляюсь ваше превосходительство! «Что за чортъ, думаешь, кого ни спросятъ, — всѣ поправляются, а корзины съ умершими только и знаютъ что носятъ, да носятъ... Вотъ отчего и больница, какъ иныя учебныя заведенія обращаются въ богадѣльню; вотъ отчего въ первыя ложатся только, чтобъ спастись отъ голодной смерти; вотъ отчего во вторыя суютъ папеньки дѣтокъ, зная по опыту, что хоть ничему такъ путному не выучатъ, зато будутъ кормить, одѣвать семь-восемь лѣтъ... Зачѣмъ поѣдаетъ столько казенныхъ денегъ вся эта арава

Digitized by Google

смотрителей, ординаторовъ, архиваріусовъ, провизоровъ, экономовъ, всякой всячины? А вотъ зачѣмъ: чтобъ изъ больничныхъ тряпокъ, корпіи, бинтовъ, колоченой посуды, всякого мусору отъ построекъ, починокъ, поправокъ воздвигать себѣ пятиэтажные дворцы на Невскомъ. Затѣмъ чтобъ изъ каждой миски, изъ каждой стклянки, банки съ мазью извлекать себѣ тѣ невинныя крохи, которыя обращаются въ стотысячные капиталы, погребаемые навѣчно въ ломбартѣ. Шатаясь по больницамъ, хворая безпрестанно отъ простуды, отъ лишеній, отъ незаслуженнаго горя, радуешься по крайней мѣрѣ тому, что и въ этихъ многоэтажныхъ памятникахъ исчезающаго казнокрадства, есть и твоя частица крови, вытянутая изъ недопитыхъ лекарствъ, недоѣденныхъ обѣдовъ и мало ли отъ чего.

Такія жолчныя мысли роились въ головѣ моей, когда вся эта арава попечителей обступила мою кровать.

Но это было только домашнее начальство, своя семья, которая изъ избы сору не выносила, а каково-то будутъ трястись у всѣхъ поджилки, когда явится настоящій попечитель? Уже поваръ напустилъ въ каждую миску съ супомъ чуть ли не полфунта масла, уже совершилъ закланіе такого множества куръ и цыплятъ въ одинъ этотъ день, какого не совершалъ во весь предшествовавшій годъ; уже полы вызудили такъ, что отъ сходства съ водой больные боялись по нимъ ступить; уже натопили такъ жарко всѣ печи, что вынуждены были открыть всѣ форточки. И этотъ праздникъ всей больницѣ задалъ я многогрѣшный, я отрепаный, голодный чиновничишка, ночующій въ канавахъ, продающій единственное бѣлье, чтобъ перекусить что нибудь. Могу смѣло сказать, что этимъ днемъ былъ вполнѣ вознагражденъ за вчерашній, что я царемъ этого дня былъ не главный докторъ, а я.

Вотъ толпа схлынула, поволоклась по пятамъ его превосходительства, просыпалась по палатамъ, только остались при мнѣ знакомый читателю ординаторъ нѣмецъ, да фельдшеръ Шпринцовкинъ... Ординаторъ былъ что-то не въ своей тарелкѣ: метался изъ стороны въ сторону какъ заяцъ, позабылъ всѣхъ больныхъ и только юлилъ около моей кровати...

— Не хотите ли чего нибудь покушать? твердилъ онъ мнѣ:— я вамъ вопервыхъ прописалъ супъ прехорошенькій, легонькій такой, а хотите, пропишу сладкій компотъ?

Digitized by Google

Меня изумила такая ко мнѣ внимательность, тогда какъ прежде онъ меня три мѣсяца морилъ на овсянкѣ, да на молочкѣ съ тремя глотками каши. Я поблагодарилъ и за легонькій супецъ, и за сладкій компотъ.

— Вотъ вы теперь усните!.. какъ хорошо теперь вамъ уснуть: вы позапрошлую ночь не спали, чай каково вамъ было сердечному?..

Сказавши это, добрый ординаторъ самъ поправилъ мнѣ подушки и укрылъ одѣяломъ.

— Васъ зовутъ, васъ зовутъ ихъ превосходительство! закричалъ младшій помощникъ, выставивши свой циферблатъ изъ дверей.

Ординаторъ Розенкноспе побѣлѣлъ какъ молоко, и подобравши подъ себя шпагу, побѣжалъ въ притруску въ коридоръ. Тамъ, одесную и ошуйю его превосходительства, стоялъ весь синедріонъ, предъ которымъ надлежало судить виновника настоящихъ бѣдствій. Розенкноспе стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Ну, какъ же можно это дѣлать? началъ генералъ:—и мнѣ скорбный листъ больного для выписки въ такое время, когда на дворѣ такія страшныя стужи стоятъ, мнѣ подсунуть? Вы сами могли догадаться, что я въ дурномъ расположеніи духа по случаю болѣзни Амаліи Карловны находился, и этого больного, при безпрестанномъ вашемъ напоминаніи, что онъ здоровъ, какъ бычокъ —выписалъ...

Докторъ, какъ видите, былъ обрусѣвшій нѣмецъ, поэтому непокорный русскій языкъ, на который хотѣли надѣть нѣмецкіе кандалы, ему не давался...

Розенкноспе выслушалъ распеканцію съ должнымъ подобострастіемъ, и состроивши умильную гримасу, хотѣлъ показать его превосходительству, что чувствуетъ полное чистосердечное раскаяніе, только по малости чина, выразить этого не осмѣливается.

По отзыву очевидца фельдшера Шпринцовкина, сотрудника «Клубнички», физіономія Розенкноспе выражала такую сладость, такую сыновнюю любовь къ начальству, что его превосходительство какъ нѣмецъ, не могъ не смягчиться.

— Ну, я васъ извиняю въ послѣдній разъ, а то хотѣлъ отнять палату и представить къ исключенію изъ больницы, какъ дурного практика.

При этихъ словахъ Розенкноспе словно ожилъ и началъ кла-

Digitized by Google

няться начальнику до того быстро и низко, что чуть не перекувырнулся.

Фельдшеръ Шпринцовкинъ, сотрудникъ юмористическихъ нашихъ журналовъ, увѣрялъ всю палату, что видѣлъ между ногами подъ самыми фалдами ликъ Розенкноспе, подбородкомъ кверху, акуратъ такъ, какъ отражается въ фотографической трубѣ...

Докторъ съ экономомъ отправились пробовать пищу; ординаторы палатъ во всей формѣ ожидали начальника, стоя у дверей; служителя въ милліонный разъ прометали въ проулкахъ,—больные цѣлый часъ стояли въ колпакахъ у своихъ кроватей.

Пробилъ часъ: всѣмъ страшно хотѣлось ѣсть,—и начальству, и больнымъ, а попечитель не являлся. Вдругъ послышался стукъ приближающейся кареты; запыхавшійся вахтеръ бросился къ главному доктору.

— Попечитель! попечитель! раздалось съ параднаго крыльца и все затихло.

На лѣстницу восходилъ впереди всей свиты стройный мужчина среднихъ лѣтъ, съ благородной осанкой, съ двумя звѣздами на груди. Куда дѣвалось въ эту минуту все величіе главнаго доктора, какой ничтожной звѣздочкой показалась всѣмъ его звѣзда передъ созвѣздіемъ его высокопревосходительства. Онъ въ эту минуту былъ ничтожнѣе самого фельдшера Шпринцовкина, а ужь помощникъ его, экономъ съ брюхомъ, смахивающимъ на глобусъ географическаго общества, были чистыя букашки. Взглянувши прежде всего на потолки, его высокопревосходительство пошолъ по палатамъ, поздоровался съ больными, наконецъ вошолъ къ намъ...

— А гдѣ лежитъ чиновникъ Страстотерпцевъ? спросилъ онъ чуть слышно.

Я вздрогнулъ, перепугался: какъ-то совѣстно, господа, бѣдному человѣку быть предметомъ всеобщаго вниманія.

— Здѣсь, ваше высокопревосходительство, отвѣтилъ Розенкноспе, сдѣлавши скачокъ отъ двери до моей кровати.

— Гдѣ именно?

— Подъ № 87, ваше высокопревосходительство, 17 февраля 185... *ульцера*, порція слабая, лепеталъ со страху не помня что, ординаторъ Розенкноспе.

Попечитель вскользь взглянулъ ему въ глаза, видитъ что «чисты»—успокоился.

Digitized by Google

— Позвольте васъ спросить, почему этотъ больной былъ выписанъ въ такую стужу, тѣмъ болѣе бѣдный? почему ваше превосходительство не полюбопытствовали справиться, есть ли у него теплая одежда, деньги, наконецъ есть ли еще квартира?

Съ такимъ вопросомъ на французскомъ языкѣ обратился попечитель къ главному доктору, совершенно не подозрѣвая, чтобъ кто-нибудь изъ двадцати больныхъ могъ понимать этотъ языкъ.

Вообще люди высшаго круга и высокоученые люди, какъ-то: нѣмцы, доктора, думаютъ, что русскій человѣкъ ни въ чемъ ни аза въ глаза не смыслитъ, и въ присутствіи цѣлой сотни людей совершенно свободно, во всеуслышаніе высказываютъ свои служебные секреты на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ.

— Я, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ главный врачъ пофранцузски:—выписалъ этого больного по его собственному желанію.

— Какъ это по его собственному желанію?.. Человѣкъ безъ сапоговъ ходитъ, ѣсть нечего и будетъ имѣть собственное желаніе изъ чистыхъ, теплыхъ комнатъ, отъ казенной пищи, обуви, одежи бѣжать на морозъ въ тридцать градусовъ.

— Ординаторъ Розенкноспе такъ по крайней-мѣрѣ мнѣ передалъ... отвѣчалъ оторопѣвшій генералъ, совершенно позабывши съ испугу, что простилъ ему всѣ вины, и прошедшія и грядущія...

Отъ этихъ словъ ординатора словно ожгло, словно его кто уязвилъ булавкой въ самую нѣжную, самую чувствительную мякоть...

Положеніе его, по мнѣнію Шпринцовкина, было въ самомъ дѣлѣ ужасно. Онъ только что ощутилъ сладость чувствъ человѣка прощеннаго, только что оцѣнилъ всѣ прелести хорошаго жалованья, казенной квартиры, когда чуть ихъ не лишился, и вдругъ всю вину докторъ сваливаетъ на него.

— Ординаторъ Розенкноспе, пожалуйте сюда! Онъ уже бѣдняга спрятался подальше, въ самую глубь свиты, а теперь долженъ былъ продираться между брюхомъ эконома и смотрителя, твердыми какъ долото бедрами вахтера и аптекарскаго провизора. Прищемивши свои фалды, онъ насилу выдрался изъ толпы и предсталъ передъ попечителемъ.—На какомъ основаніи вы увѣряли, что этотъ больной самъ желаетъ выписаться?

— Не то чтобы желалъ... по крайней-мѣрѣ, ваше превосходительство, не противился...

Digitized by Google

— Не противился, ваше высокопревосходительство, отвѣтилъ главный врачъ, ухватившись за эту мысль.

— Вы желали выписаться сами? спросилъ меня попечитель порусски.

— Самъ пожелалъ, ваше высокопревосходительство, отвѣтилъ я отрывисто.

— Такъ-таки сами и просились? Да чтожъ была вамъ за охота идти на явную смерть?..

— Такъ-таки самъ и попросился: фантазія такая пришла, ваше высокоп—ство, повторилъ я настойчиво, желая поскорѣй положить конецъ этой тяжолой для всѣхъ сценѣ и избавить отъ отвѣтственности и главнаго врача Зюссешпейзе, и ординатора Розенкноспе, и эконома, у котораго съ испуга глобусъ замѣтно уменьшился въ объемѣ, и смотрителя, и всѣхъ тѣхъ, которые такъ дорожатъ своими насиженными мѣстечками, трясутся, дрожатъ за свое дрянное, никому ненужное существованьице...

— Радостная улыбка просіяла на всѣхъ лицахъ: у всѣхъ отлегло отъ сердца; вокругъ меня стало какъ-то свѣтлѣе, словно разлилась заря... Всѣ пріободрились, морщины на лицахъ расправились, въ безмолвной доселѣ какъ могила толпѣ поднялся похожій на шелестъ листьевъ шопотъ, превратившійся въ глухой говоръ. Самъ попечитель кажется былъ радъ-радешенекъ, что дѣло кончилось пустяками. На меня и онъ и всѣ стали смотрѣть какъ на чудака, которому вздумалось ни съ того ни съ сего забиться въ канаву, попроситься на выписку въ такіе холода!..

— Вѣдь мы, ваше высокоп—ство, никого не имѣемъ права силой удерживать въ больницѣ; не гонимъ противъ желанія вонъ, да еще въ морозы, а если хочешь выписываться—выписывайся! Ты долженъ лучше знать, есть ли тебѣ гдѣ пріютиться; каждый самъ объ себѣ долженъ заботиться.

Такую мысль выразилъ попечителю главный докторъ, который теперь какъ-то больше вошелъ въ свою превосходительную сферу, и какъ человѣкъ съ чистою совѣстью, былъ даже нѣсколько фамильяренъ съ его высокоп—ствомъ.

— Чудакъ должно быть этотъ чиновникъ, сказалъ весело смѣясь попечитель:—вѣрно страшно пеиваетъ сердечный?..

— Испиваетъ, да еще какъ, ваше высокоп—ство, осмѣлился подать свой голосъ ординаторъ Розенкноспе:—и въ больницу привезли съ полуштофомъ...

Digitized by Google

— Дайте ему одежонку-то, да и денегъ такъ сколько нибудь.. Внесите въ смѣту...

— Дамъ, дамъ, ваше высокоп—ство, изъ своихъ дамъ!.. сказалъ докторъ, провожая начальника до кухни.

— Пойдемте Висаріонъ Елеазарычъ, весело сказалъ экономъ своему помощнику:—слава-богу, все кончилось благополучно.

— Побѣжимте, кто кого обгонитъ?

И оба жиряка пустились дробной рысцой наперегонку; чтобъ успѣть опередить попечителя, экономy мѣшало брюхо, а у кругленькаго какъ боченокъ помощника были ножки коротки.

По уходѣ начальства всѣ больные на меня возстали... Самъ сотрудникъ «клубнички» замѣтно охладѣлъ ко мнѣ.

— Пьяницъ привозятъ, что пропиваютъ все съ себя, въ канавахъ ночуютъ, да потомъ за нихъ же и главный докторъ, и все начальство отвѣчай!

Такъ язвительно на мой счетъ говорилъ одинъ чахоточный изъ крѣпостныхъ другому какому-то дворовому человѣку.

— Срамъ какой на всю больницу пошолъ, отвѣчалъ тотъ:— а еще господами называются, чины имѣютъ! Да этого простой мужикъ не сдѣлаетъ.

Оба собесѣдника ужасно какъ низкопоклонничали, нетолько передъ докторами, даже передъ служителями: помогали имъ застилать кровати, мести полы, носить лотокъ съ обѣдомъ изъ буфета въ палату. Господа доктора позволяютъ больнымъ прислуживать, и видя, какъ слабый больной напрягаетъ послѣднія силенки, таща за одинъ край тяжолый лотокъ съ мисками, необращаютъ на это ни малѣйшаго вниманія, будто не видятъ. Бѣдные же отставные чиновники, какъ люди болѣе деликатные, помогаютъ фельдшерамъ писать доски, вести списки, считать и записывать порціи и т. п. За это г. фельдшеръ иногда тайкомъ выпишетъ въ праздникъ своему благопріятелю ординарную порцію, или крематумъ амаре...

Попечитель уѣхалъ и объявилъ, что остался всѣмъ отлично доволенъ. Въ первые минуты восторга главный докторъ и Розенкноспе съ полчаса сидѣли около меня, распрашивали подробно о моей болѣзни, о домашнихъ дѣлахъ, предлагали ординарную порцію, но потомъ, когда кто-то, желая подслужиться, растолковалъ имъ, что я причиной всей передряги — стали на меня коситься. Пока еще были подъ вліяніемъ робости, то ворчали,

Digitized by Google

да хмурились только; а когда визитъ попечительскій улетучился у всѣхъ изъ головы, стали меня ненавидѣть и даже преслѣдовать.

— Што полюшаетъ «этотъ больной?» спросилъ сердито у фельдшера ординатовъ.

— Супъ съ курицей и компотъ.

— Это возбуждаетъ жаръ... Дать ему четвертую порцію, овсяный супъ!..

Я продежурилъ двѣ недѣли на овсяномъ супѣ, чувствуя волчій апетитъ. Отмороженныя части начали совсѣмъ уже заживать, но мнѣ строжайше было воспрещено вставать съ постели... Это страшное мучительное положеніе лежать и лежать цѣлые дни человѣку здоровому внутренне, чувствующему неодолимую потребность въ моціонѣ, въ чистомъ воздухѣ, хоть въ коридорномъ. Вотъ отчего простолюдины боятся больницъ, какъ чумы, вотъ отчего идутъ въ нихъ съ полной увѣренностью, что оттуда имъ не выйти. Ну какъ человѣка, всю почти жизнь проведшаго на чистомъ воздухѣ, въ полѣ, вѣчно работающаго, положатъ въ числѣ двадцати человѣкъ въ палату, вѣчно проспиртованную разными мазями, пластырями, вонью отъ брошенныхъ бинтовъ, отъ разныхъ-разностей?.. Онъ еще чувствуетъ желаніе походить, побродить, потомъ отдохнуть, а его кладутъ на весь день, на всю ночь, закутываютъ въ одѣяло. Ему, привыкшему отъ пеленокъ по десяти разъ въ день жевать чорный хлѣбушко, даютъ на цѣлые двадцать-четыре часа такія двѣ булочки, какими развѣ насытишь воробья, а не человѣка... Вдругъ желудокъ его, съ трехъ фунтовъ крутого чорного хлѣба, четырехъ корчагъ щей и каши, переходитъ на двѣ тарелочки овсянки, особенно больничной, изъ которой, начиная отъ эконома и смотрителя, и кончая вахтеромъ и поваренкомъ, каждый что-нибудь украдетъ... Ну, и остается въ ней только одна соль и овсяная шелуха!..

Не говоря о трудно-больныхъ, которые, мимоходомъ говоря, довольно рѣдко въ больницахъ и вылечиваются, развѣ можно такъ кормить средне-больныхъ, легко-больныхъ, а тѣмъ болѣе изъ простолюдиновъ? Есть ли физическая возможность пролежать мѣсяцъ, два въ больницѣ безъ собственной копѣйки? Мнѣ скажутъ, конечно есть: курскій крестьянинъ три недѣли пролежалъ подъ стогомъ сѣна, занесеннымъ снѣгомъ...

Digitized by Google

А!.. съ этимъ я согласенъ! такъ, можно!.. Но можно ли ровнять «комплексію» орловскаго, курскаго, ярославскаго мужика съ комплекціей нѣмца изъ какого-нибудь Мекленбургъ-Стрелица или Рейсъ-Грейцъ, Рейсъ-Шлейцъ, Рейсъ-Эберсдорфъ-Левенштейна?.. Вотъ отчего больные и мрутъ въ больницахъ, какъ мухи, вотъ отчего и отправляются они такъ часто на Смоленское, на Волково и пр. Да, не отъ невѣжества докторовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, а отъ діеты, отчасти отъ ограниченнаго круга лекарствъ, которые не переходятъ извѣстной цыфры... Кормить такъ, чтобъ только не уморить съ голода, незначитъ ли коротать жизнь человѣка!..

Вотъ какія ядовитыя мысли приходили мнѣ на умъ, когда я, ни за что-ни про что, пролежалъ связанный двое сутокъ на постелѣ. И это вѣроятно невзначай случилось на дежурствѣ Розенкноспе.

Дѣло было вотъ какъ: ни съ того ни съ сего, чахоточный изъ крѣпостныхъ началъ ругать меня при всей палатѣ. Отчего онъ сдѣлалъ это именно на дежурствѣ Розенкноспе, мнѣ неизвѣстно... Я не вытерпѣлъ... Прилетѣлъ на шумъ обличительный поэтъ Шпринцовкинъ, доложилъ дежурному...

— Кто у фасъ теретъся! спросилъ дежурный у палаты.

Указали на меня.

— Я не думалъ драться, отвѣчалъ я: — а только погрозилъ...

— Кто фы такой? какъ ваша фамилія?

— Будто вы не знаете?..

Это его взорвало.

— Онъ, бѣдный, немножко помѣшался... Поставить его на полчаса подъ души!

Меня потащили на страшное истязаніе: цѣлый часъ лили на голову, на тѣло холодную, какъ ледъ, воду. Я оралъ чуть ли не на весь Петербургъ, но никто не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, полагая, что я помѣшанъ, что мнѣ это полезно.. Пролежавши три дня, я настоятельно сталъ проситься на выписку, тѣмъ болѣе, что сдѣлалась на дворѣ оттепель.

— Не будете теперь ночевать въ канавахъ «съ умысломъ», да приносить жалобы полиціи? спросилъ Шпринцовкинъ, вѣроятно слышавшій эту басню отъ людей повыше.

— Не буду! не буду! не буду!

Digitized by Google

Дѣло было вотъ какъ: добрый и вмѣстѣ дѣльный частный приставъ донесъ о случившемся со мной по начальству. Дошло до губернатора, который не пуская дѣла въ о гласку, келейно, у себя на балу, разсказалъ это происшествіе. Всѣ досыта похохотали надъ чудакомъ, чуть не замерзшимъ такимъ страннымъ образомъ, а попечитель этимъ обидѣлся и горячо взялся за дѣло. Меня выписали; дали мнѣ синее ватошное пальто съ оранжевыми полами и коричневыми рукавами, чорный сюртукъ въ «сѣрыхъ яблокахъ», въ родѣ того, какъ бываютъ лошади въ гусарскихъ полкахъ; бѣлье, очень теплое отъ тройныхъ заплатъ; выростковые сапоги, вѣроятно, съ умершаго гвардейскаго тамбуръ-мажора, и три рубля денегъ.

Такъ вотъ какъ было прежде, милостивые государи.

Пётръ Горскій.

Digitized by Google

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПОРЯДКИ

(ЗАПИСКИ ПОМѢЩИКА)

I

Около половины марта 1861 года пріѣхалъ я въ Жуки, деревушку изъ десяти дворовъ, подаренную мнѣ бабушкою. Давно я не живалъ въ Жукахъ. Мальчики, которые бывало прашивали у меня, когда я самъ былъ мальчикомъ, листочка бумаги на змѣй, сидѣли годы на тяглѣ, а ребята, во времена моего дѣтства поженившіеся, успѣли поженить сыновей; прежнихъ стариковъ и слѣдъ замелся. Нынѣшніе ребятишки, удирающіе какъ только меня завидятъ, и слѣдовательно не сознающіе, что *баринъ* теперь не страшенъ, не всемогущъ, врядъ ли слыхивали, а и слыхивали, то мимо ушей пропускали, что были у нихъ дѣды и прадѣды, которыхъ лица живы въ моей памяти, хотя тридцать лѣтъ надобно счесть, припоминая въ какомъ году видѣлъ я косого Филата, поражавшаго меня не столько косымъ своимъ глазомъ, сколько рваною рубахою, изъ-за которой выглядывала волосатая грудь; или хромого Аверьяна, пугавшаго меня своею деревяшкой. Этотъ Аверьянъ былъ тогда самый старый старикъ изо всей деревни; только онъ одинъ могъ намекнуть бабушкѣ о времени постройки господскаго дома. Помнить когда его строили онъ не помнилъ: «а вижу я, говорилъ онъ: — какъ теперь, кучи стружекъ на дворѣ; ихъ бывало таскаемъ мы малые, кто сколько забрать въ силахъ, каждый въ свою избу. Да не одинъ

Digitized by Google

годъ таскали, и стружки-то гниль была, почесть и на топку негодныя». Домъ дѣйствительно казался ветхимъ. Бабушка опредѣлила разобрать его на дрова, подрядила плотниковъ и дознавалась гдѣ повыгоднѣе купить лѣсу на постройку новаго дома. Легко содрали сгнившій тесъ съ старыхъ бревенъ, но бревна сдвинуть съ мѣста вышло мудреное дѣло: не бралъ ихъ топоръ, и плотники сказали, что «сложенъ изъ *самороднаго* лѣса домъ, вѣку ему не будетъ!» И точно, домъ до сихъ поръ стоитъ не покачнувшись.

Можетъ-быть потому-то, что давно я не жилъ въ Жукахъ, желалось мнѣ скорѣе взглянуть на старый домъ, скорѣе повидаться съ крестьянами, моими однолѣтками. Бывалъ я въ Жукахъ и не ребенкомъ, но рѣдко, на короткое время, никогда одинъ и мало съ кѣмъ изъ нихъ сталкивался. Какъ-то меня крестьяне примутъ? думалъ я. Прошла какая-нибудь недѣля со дня, въ который писарь станового пристава въѣхалъ въ Жуки, подозвалъ къ себѣ попавшуюся ему на улицѣ дѣвочку и отдалъ ей «листки», велѣвъ отнести ихъ къ старостѣ да не затерять, а самъ, даже водки не требуя, поскакалъ въ сосѣднюю деревушку исправлять порученіе, такое экстренное, какого во всю его службу при становомъ не бывало! Повѣдалъ мнѣ о томъ самъ староста Поликарпъ, разумѣвшій подъ «листками» манифестъ, читанный на деревнѣ по его расказамъ такимъ порядкомъ: сначала прочелъ его міру скотникъ Софронъ. Міръ слушалъ молча.

— Все, что-ли? спросилъ кто-то, когда чтеніе прекратилось.

— Болѣ ничего.

— Слышалъ, дядя Василій?

— Слышалъ, да то ли читано! Софронъ-отъ дворовый, пусай бы Маркелъ прочелъ, не бойсь тоже ученъ былъ.

Сталъ читать Маркелъ, чтецъ не бойкій, запинавшійся на каждомъ словѣ.

— Все тоже читаетъ, говорили въ толпѣ.

— Постой, ребята, никакъ онъ за Софрономъ по памяти читаетъ: все одно, что у Софрона, то у Маркела выходитъ. Нутка, Степанъ, почитай ты.

— Да вѣдь что я, что Маркелъ, али Софронъ, все одно, говоритъ Степанъ, не желавшій обидѣть другихъ грамотѣевъ, однако протянулъ руку за манифестомъ.

Digitized by Google

— Отдай Маркуха Степану, отдай.

Прочелъ Степанъ.

— Все и есть одно! Такъ два года?

— Знать, что два года.

— А тамъ какъ же?

— Тамъ скажутъ.

— Значитъ до двухъ лѣтъ какъ было?

— Какъ было, значитъ.

Тѣмъ и окончилась первая сходка по обнародованіи манифеста; только за нѣсколько дней до моего пріѣзда было закинуто въ Жуки тѣмъ же способомъ, какъ «листки», Положеніе.

Такъ вотъ было какое положеніе, когда я пріѣхалъ. Съ чего же мнѣ было начать? Прежде всего, разумѣется, слѣдовало съ дороги, съ холоду чаю напиться. Это я исполнилъ. А потомъ? О днѣ моего пріѣзда въ деревнѣ знали. Мечталось мнѣ, что у околицы, а когда околица осталась за мною,—у воротъ барскаго двора, или наконецъ, когда безъ остановокъ въѣхалъ я въ ворота, на порогѣ моего стараго дома встрѣтятъ мужички хлѣбомъ-солью новаго владѣльца. Но встрѣчи не было, и дожидаться, когда временно-обязанные придутъ съ поклономъ, пришлось бы пожалуй долго, а сзывать міръ по наряду нехотѣлось. Объявивъ старостѣ, что завтра пріѣдетъ земская полиція для ввода меня во владѣніе, я отпустилъ его и пошолъ на деревню. Миновалъ избу, другую, вижу: въ окно смотрятъ, а на улицу никто не показывается. Такъ прошолъ я одинъ до крайней избы и завернулъ въ нее. Въ избѣ молодой мужикъ и молодая баба. Ни его ни ея не знаю; пришлось бы рекомендоваться, еслибы не слѣзла старуха съ печи и не признала меня.

— Гдѣ же Василій?

— За дровишками поѣхалъ, да вотъ никакъ и самъ. Ступай Дуняшка, скажи свекру: баринъ молъ здѣсь, скорѣе бы шолъ, послѣ кобылу отложитъ, говорила старуха, помня, что для *барина* свои дѣла бросались.

Вошолъ Василій, которого я какъ слѣдовало поздравилъ съ волею.

— Благодарствуйте, а васъ съ имѣніемъ, сказалъ Василій.

И видно было по его лицу, а по голосу слышно, что онъ чувствуетъ себя свободнымъ человѣкомъ, что судьба его теперь отъ него зависитъ, да отъ Бога.

Digitized by Google

Въ тридцатыхъ годахъ, поздней осенью привезла меня бабушка Татьяна Осиповна въ первый разъ въ эту самую деревушку, незадолго передъ тѣмъ купленную. Въ числѣ дворовыхъ былъ поваръ, котораго тотчасъ велѣно было позвать, какъ человѣка, болѣе всякихъ старостъ интереснаго, когда съ дороги проголодаешься и прозябнешь. Поваръ явился и на вопросъ что умѣетъ готовить отвѣчалъ: «желе и бланманже». — Это очень хорошо къ концу обѣда, сказала бабушка: но обѣдать поздно, — мы пріѣхали вечеромъ — такъ пора ужинать.»

— Не можешь ли сдѣлать бифштексъ?

— Что угодно, все могу сдѣлать.

— Съ насъ довольно бифштекса, опять сказала бабушка къ моему огорченію.

Я обрадовался повару, который умѣетъ дѣлать въ деревнѣ желе и бланманже, и никакъ уже не промѣнялъ бы ихъ на бифштексъ. Какъ хорошо воспитанный мальчикъ, я не заревѣлъ и даже не заявилъ желанія немедленно покушать любимыя блюда, однако счелъ себя обязаннымъ выразить сочувствіе такому прекрасному повару, подбѣжалъ къ нему, заявилъ, что люблю и бланманже и желе и спросилъ какъ его зовутъ.

— Васильемъ, отвѣчалъ поваръ.

Бифштексъ сдѣланъ былъ на славу. Всегда веселый, работящій поваръ Василій понравился бабушкѣ и замѣнилъ нашего прежняго повара, за пьянство и грубость отданнаго въ солдаты въ ближайшій наборъ за деревню, въ которой не родился, не селился. Иногда и Василью не удавалось какое-нибудь блюдо, но онъ не стоялъ въ такихъ случаяхъ на томъ, что блюдо было бы хорошо, да мало выдала экономка сахару или яйцъ, такъ не его вина, и не смотрѣлъ потупившись какъ другіе повара, безмолвно принимающіе господскія замѣчанія и думающіе про-себя: «я бы тебя самого заставилъ пожарить да попечь; посмотрѣлъ бы какъ бы ты управился», Напротивъ, Василій не давалъ выговору выговориться, упреждая его сознаніемъ, что супъ пересолилъ, а котлеты не дожарилъ: «никуда не годятся-съ». За радѣніе, смиреніе, добрый нравъ слѣдовало наградить слугу, и Василью, холостому или вдовцу, предложено было выбрать невѣсту. Не больно уклюжій и не изъ молодыхъ, Василій назвалъ Мавру, швею. Мавра и Арина были двѣ дѣвки, при продажѣ имѣнія выключенныя прежнимъ помѣщикомъ изъ подворной опи-

Digitized by Google

ся и оставшіяся за нимъ. Черезъ полгода, обѣ онѣ пришли къ бабушкѣ съ просьбою, чтобы она ихъ *прикупила*. Бабушка обратилась къ владѣльцу и тотъ продалъ обѣихъ, одну, именно Мавру, съ своимъ ребенкомъ, Арину—только что безъ ребенка. Мавра, когда ей было объявлено, что она выходитъ за Василья, кинулась бабушкѣ въ ноги, прося не выдавать ее замужъ, обѣщая служить и работать всякую работу. Но Маврѣ бабушка сказала, что выборъ Василья дѣлаетъ ей честь, снимая съ нея стыдъ и что отдавая ее за трезваго, трудолюбиваго человѣка, не думаютъ наказывать, а желаютъ одного добра. Говорилось это искренно и дѣлалось дѣйствительно съ желаніемъ добра... по своей мѣркѣ.

Такъ и повѣнчали Маврушу съ Васильемъ. Послѣ женитьбы, какъ-то чаще приходить стало Василью признаваться, что кушанья его произведенія «никуда негодятся-съ». Жена его, какъ работница, также никуда не стала годиться; кроила — перекраивала, шила — перешивала, только портила и бабушка, нанявъ вольнаго повара, дала Василью паспортъ, который прописалъ онъ въ станѣ и снялъ въ уѣздѣ постоялый дворъ. За первый годъ съ него оброкъ не требовался; за второй годъ Василій принесъ половину, прося помиловать остальнымъ. И милость была оказана; за третій годъ не принесъ копѣйки. Это уже смахивало на баловство, на злоумышленіе; потакать нельзя было, и за неумѣнье пользоваться барскими милостями, обращенъ онъ былъ въ крестьяне. Покорился Василій, надѣлъ зипунъ, отростилъ бороду и выучился владѣть сокою лучше другого прирожденнаго мужика. Но супруга его до сихъ поръ щеголяетъ въ платьяхъ, живетъ въ городѣ и не таща она съ него денегъ, былъ бы онъ самый зажиточный мужикъ на деревнѣ.

Поговоривъ съ Васильемъ о волѣ и его домѣ, сказалъ я ему, чтобы зашолъ ко мнѣ вечеромъ потолковать о новыхъ порядкахъ и спросилъ уходя:

— Чья изба рядомъ?

— Братнина, Михѣева, отвѣчалъ Василій.

— Какъ же онъ поживаетъ?

— Все также.

Этого Михея помнилъ я мельникомъ. И онъ былъ обращенъ въ крестьяне изъ дворовыхъ за худое исполненіе своихъ обязанностей. Какъ мельникомъ не была имъ довольна госпожа,

Digitized by Google

были недовольны свои мужики, да и чужіе не охотно возили къ нимъ хлѣбъ для помола. Отдала бабушка мельницу стороннему, а Михея посадили за солу. Но и крестьянинъ плохой вышелъ изъ Михея. Ничего у него въ рукахъ не спорится теперь. Слышалъ я, что охотился онъ, когда былъ парнемъ, въ садовники. Но садовники были, и въ лишнемъ не видѣлось надобности. Можетъ-быть смѣнили бы имъ другого, но самъ онъ не догадался въ то время довести до бабушки о своей охотѣ и загубилъ свой вѣкъ, не попавъ на настоящую дорогу, дѣлая дѣло, къ которому сердце не лежало.

Зайдя потомъ въ другія избы, я пригласилъ домохозяевъ, кого засталъ, къ себѣ на вечеръ и такимъ образомъ избѣгнувъ *наряди*, могъ спокойно ожидать гостей, а въ ожиданіи занялся осмотромъ хозяйства и ревизіею старосты.

II

Поликарпъ Федотовъ былъ пятый числомъ, четвертый лицомъ староста, со времени покупки бабушкою Жуковъ, и внукъ перваго старосты при ней, Поликарпа Ларіонова, поставленнаго еще прежнимъ помѣщикомъ. Купивъ Жуки, бабушка вздумала для разнообразія пожить въ деревнѣ. «И Митя, пока до ученья, говорила она:—пусть подышетъ воздухомъ, окрѣпнетъ, а то зеленый совсѣмъ, заглотался пыли». А чтобы не было бабушкѣ скучно слишкомъ подлѣ города, пріискала она себѣ постоянное занятіе, замѣнивъ оброкъ барщиной. Ларіонычъ, староста оброчного имѣнія, не годился въ старосты при новомъ положеніи, ибо самъ считалъ себѣ восьмой десятокъ. Бабушка уволила его на покой и назначила ему преемникомъ Ефрема Никанорова, показавшагося ей разсудительнымъ человѣкомъ. Долго отнѣнивался такимъ благоволеніемъ Ефремъ Никаноровъ, но именно его неувѣренность къ себѣ заставила бабушку настоять на своемъ. Однако ошиблась она въ выборѣ. Ефремъ оказался мокрою курицею: только по приказу барыни догадался онъ вырѣзать въ рощѣ палку, обратившую на себя мое вниманіе своимъ темнокраснымъ цвѣтомъ съ крапинками и выпрошенную у него съ согласія бабушки, которая при этомъ случаѣ посовѣтовала старостѣ завести палкою погуще, да не черемуховою, «чтобы не гнулась.» На другой день староста пришолъ съ клен-

Digitized by Google

комъ. Съ корнемъ ли вырвалъ онъ молодую кленовую заросль, сучокъ ли ему такой попался, но я долго не отводилъ глазъ отъ приглянувшейся мнѣ натуральной рукоятки, которой вовсе не было у моей черемушной трости. Радъ бы я былъ присвоить и кленокъ, но не замѣтивъ никакого одобренія на лицѣ бабушки, наконецъ съ сожалѣніемъ отдалъ его Ефрему.

— А ты не потакай, говорила бабушка: — слова не послушаютъ, пригрози: угроза не подѣйствуетъ, и пріударь, и пріударь. На то ты староста.

Пробовалъ Ефремъ Никанорычъ покрикивать, но голоса у него что-ли не было, только крикомъ ни на кого страха не нагонялъ онъ; пробовалъ пріударять, но Данило назвалъ его сватомъ, а Гаврила кумомъ. Вспомнилось Ефрему родство, съ однимъ кровное, съ другимъ духовное, рука опустилась и кленокъ изъ руки выпалъ. А кто ему не родня въ деревнѣ, кого же бить можно, подумалъ было Ефремъ Никанорычъ. Да никого: въ малой деревушкѣ всѣ давно перероднились и безъ разрѣшенія самого владыки свадьбамъ не бывать бы между односеленными. Стыдилъ его за несвойственную должности старосты слабость родной его братъ, Сила Никаноровъ, мужикъ совсѣмъ иного нрава. Тотъ и къ барынѣ почасту хаживалъ съ жалобами на брата старосту, докладывая какъ Филатъ его распозорилъ, какъ ему Кондратій согрубилъ, и что онъ бы, Сила, съ ними по свойски расправился. Барыня понимала, что Сила набивался въ старосты, но въ такую должность ставить озарника не хотѣла, а рада была бы, чтобы Ефремъ дѣйствовалъ на деревнѣ подъ вліяніемъ брата, приневоливалъ себя быть построже, и потому, когда входили къ ней Ефремъ и Сила вмѣстѣ, держала сторону Силы и также стыдила Ефрема. Но Ефремъ не могъ себя переломить въ угоду барынѣ, какъ ни старался, и оставался мокрою курицею десять лѣтъ, до самой смерти. Бабушка давно высмотрѣла разбитного, расторопнаго мужика, но не смѣняла въ первый разъ ею выбраннаго и выжидала, когда Никанорычъ откажется. А Никанорычъ однажды покорясь горькой участи, не разсчитывалъ, что отказъ его примутъ. Но умеръ Никанорычъ и мѣсто очистилось для Савелья Кузьмина. Этому нечего было приказывать вырубать палку въ лѣсу, да и не нуждались въ ней руки новаго старосты, скоро привыкшаго давать имъ полную волю.

Digitized by Google

За Савельемъ былъ нуженъ глазъ да глазъ. Пока бабушка нѣтъ-нѣтъ да и заглянетъ бывало и на лужокъ какъ мужички траву косятъ, а бабы грабельками сѣно пошевеливаютъ, и на жнитво какъ снопы вяжутъ, и на гумно какъ ихъ на скирды кладутъ, приминаютъ,—работа шла порядкомъ, а за порядкомъ наблюдалъ бойкій, все видѣвшій староста. Но стала бабушка прихварывать, перестала заглядывать и въ ригу и за ригу: перестала она заглядывать, а молодой староста сталъ загуливать. Выгонитъ на работу крестьянъ, побудетъ съ полчаса времени, и не видятъ его больше до вечера, когда вернется невѣсть откуда хмѣльной. «Что мало наработали?» и хватитъ кого попало, во что попало и чѣмъ попало. А на другой день вышлетъ поголовно всю деревню на работу въ наказаніе, къ бабушкѣ сходитъ проспавшись и первый доложитъ, что за̀ бороду потаскалъ Ванюху и Петра зашибъ маненько. Бабушка ничего: сама знаетъ, что Иванъ лѣнивъ, а Петръ грубіянъ. Міръ жался, но не жаловался, ждалъ, когда барынѣ полегчаетъ. Но бабушкѣ становилось хуже; стала въ городъ собираться съ докторами совѣтоваться, уѣхала и на зиму въ городѣ осталась, и на лѣто въ Жуки не вернулась. А Савелій безъ нея пуще распьянствовался, разбушевался. Крестьяне, потолковавъ между собою и разъ и два, порѣшили отправить къ барынѣ Прохора Аверьянова доложить что̀ на деревнѣ дѣется, пасть къ ея ножкамъ и просить дать имъ другого начальника, ни на кого не указывая, а кого ея здоровью угодно будетъ, лишь бы отъ Савелья Кузьмина избавила. Посланъ же былъ Прохоръ Аверьяновъ, потому что бабушка любила Прохора, и міръ это зналъ. Но бабушки видно міръ не зналъ! Не зналъ видно ее и самъ Прохоръ, когда во вторникъ, снаряжаясь въ путь, распѣвалъ звонко пѣсню и съ женою прощаясь, наказывалъ ждать его въ пятницу. Не вернулся Аверьянычъ въ пятницу и готовленныя хозяйкою щи въ печи перепрѣли, а пирогъ подгорѣлъ. Что же съ нимъ приключилося? А вотъ что приключилось съ нимъ. Бабушка позвала Прохора и потребовала письмо, думая, что староста прислалъ его по дѣлу. Прохоръ отвѣчалъ, что пришолъ по мірскому дѣлу, у старосты не спрашивался.—Говори, велѣла бабушка, выслушала его, не перебивая, не сердясь, а когда кончилъ, сказала: «Ступай, я распоряжусь». И распорядилась поставить его въ солдаты въ зачетъ будущихъ наборовъ, вы-

Digitized by Google

звавъ для поставки его Савелья изъ деревни. Черезъ нѣсколько дней рекрутъ явился подъ надзоромъ стараго солдата къ бывшей своей барынѣ. Бабушка наставляла его какъ себя долженъ вести, чтобы заслужить расположеніе старшихъ, пожелала ему быть офицеромъ и пожаловала рубль серебряный. О винѣ, за которую попалъ въ военную службу Прохоръ, бабушка не помянула.

— Ужь вѣстимо надо стараться, чтобы еще горще не стало; и то горько, говорилъ Прохоръ: — вины за собою не знаю.

— И не знай, легче служиться будетъ. Ишь вѣдь какъ они тебѣ подбородокъ выскоблили, будто и не ты!

— Люди не признаютъ, знать участь моя такая, отвѣчалъ Прохоръ: — не оставьте сынка моего, вашего крестьянина, и женѣ покуда дозвольте пожить въ избѣ: самъ не знаю куда ушлютъ, гдѣ устроятъ.

— Это ужь мое дѣло, сказала бабушка, и вступила въ разговоръ съ старымъ солдатомъ; узнала, что на службѣ онъ двѣнадцать годовъ, пошолъ волею за триста рублей, нашивки имѣетъ и медали. Бабушка дала и служивому четвертакъ, а Прохору сказала на прощанье: — и ты также служи: и нашивки получишь и медали придутъ.

— Стерпится, слюбится, за него отвѣчалъ солдатъ:—покорнѣйше благодаримъ, счастливо оставаться.

— Счастливо оставаться, повторилъ за нимъ рекрутъ:—благодаримъ за прежнія милости.

— Жаль его! сказала бабушка по уходѣ Прохора. —И какъ же они его обскоблили. Признака нѣтъ, что былъ человѣкъ съ бородою. Волосы какъ траву покосили. Помнишь какіе у него были волосы: точно его завивали каждый день. А какой мастеръ былъ на всѣ руки? запивалъ правда, ну да кто нынче не пьетъ?

— Зачѣмъ же вы, бабушка, отдали его въ солдаты?

— Ты, дружокъ, молодъ, этого не поймешь. Вырости прежде, тогда и спрашивай. А то и самъ дойдешь. Вели-ко позвать старосту.

Пришолъ староста. Бабушка ему ни слова, только смотритъ на него. И староста ей ни слова, на бабушку смотритъ.

— Ну чтожъ? говоритъ потомъ бабушка.

— Что приказать изволите?

Digitized by Google

— Приказа ждешь?

— Коли будетъ ваша милость, пора бы мнѣ въ деревню.

— Поѣдешь и безъ милости! а какъ приѣдешь, созови сходъ.

— Слушаюсь.

— А на сходѣ объяви крестьянамъ, что въ первый наборъ рекрута не потребую, что рекрутъ поставленъ напередъ, Прохоръ Аверьяновъ, — самъ молъ напросился. Такъ чтобы они спокойны были. Это крестьянамъ скажи.

— Слушаю.

— А тебѣ я сама вотъ что скажу; если будешь пьянствовать да буйствовать — лобъ забрѣю... не посмотрю, что староста!

— На все есть ваша воля.

— Такая моя воля и будетъ. Другая жалоба даромъ тебѣ не сойдетъ, помни. Чего же стоишь! Пошолъ, больше мнѣ тебя не нужно.

Но жалобы на старосту не повторялись, а бабушка справокъ о его поведеніи и обращеніи съ крестьянами не собирала. Выждала бабушка годъ и сама поѣхала въ Жуки осмотрѣть свое на три года по хворости и другимъ дѣламъ покинутое хозяйство. Старостѣ, освѣдомившемуся когда велитъ придти крестьянамъ поздравить барыню съ пріѣздомъ, сказала, что съ дороги устала, пускай завтра придутъ да одни, безъ бабъ,—съ бабами послѣ повидается, — а прислалъ бы къ ней передъ вечеромъ обоихъ Николашекъ да Настьку: «Хочу взглянуть на нихъ: выросли-ли?»

Когда означенныя лица прибыли передъ вечеромъ, бабушка повела къ нимъ такую рѣчь:

— Вы мои не купленные, недареные; и вы, и отцы ваши родились въ нашемъ домѣ; говорю къ тому, что отъ меня, природной барыни, не должны вы ничего потаить, и на все, о чемъ спрошу, отвѣчать одну святую правду. Скажите же мнѣ что дѣлаетъ Савелій староста на деревнѣ?

— Онъ таперича у мово тятеньки, чай пьютъ, поспѣшила разсказать двѣнадцатилѣтняя Настасья.

— Дура ты, Настька, такая же какъ и твоя мать была, замѣтила бабушка: — помолчи, таперича. У-у, и говорить-то разучилась, настоящая мужичка! Отвѣтишь, когда твой чередъ придетъ.

Digitized by Google

Я васъ спрашиваю мужиковъ,—какъ ведетъ себя Савелій? Пересталъ онъ гулять?

Мужики переглянулись.

— Отвѣчайте, жду.

— Небось, вашему здоровью извѣстно, проговорилъ одинъ.

— Ты у него живешь или ты?

— У него я, отвѣтилъ тотъ же парень.

— Какъ онъ съ тобой обходится?

— Вѣстимо поколачиваетъ.

— Да за дѣло можетъ быть?

— Когда за дѣло, а когда съ сердцовъ привяжется, либо хмѣльной придетъ.

— Пить пересталъ?

— Куды жъ перестать.

— А съ мужиками?

— Тоже и съ мужиками. Нонѣ съ Титычемъ настькинымъ воспитателемъ въ согласіи, дружбу ведутъ, а намедни на Титыча накинулся, полбороды выщипалъ.

— Давно онъ такой?

— Завсегда и былъ такой.

Бабушка остановилась допросомъ и нѣсколько минутъ смотрѣла на рослаго, свѣтлорусаго, голубоглазаго парня.

— Пьешь? спросила она.

— Нѣтъ, не употребляю.

— Ты говоришь, что всегда былъ такой Савелій. И тогда какъ вернулся въ деревню послѣ отдачи Прохора въ солдаты?

— Тогды будто сталъ потише, не надолго.

— А что онъ крестьянамъ о Прохорѣ объявилъ?

— О Прохорѣ-то? А сказалъ, что Прохору любъ изволили забрить за то, что жалобу на него, на Савелья Кузьмича, приносилъ, и что приказали вы міру передать: со всякимъ такъ молъ будетъ, кто на старосту посмѣетъ жаловаться.

— Хорошо. Ну-ко ты, молчальникъ, доволенъ своимъ хозяиномъ? обратилась бабушка къ другому парню, приземистому, глядѣвшему совсѣмъ мальчикомъ.

— Ничего.

— Что отъ барыни прячешься! барыня спрашиваетъ надо-ть правду сказывать! посовѣтовалъ высокій.

Digitized by Google

— Говори правду, подтвердила бабушка: — лгуновъ не люблю; что хозяинъ?

— Ничего, дерется.

— А твой, Настька?

— Я довольна-съ.

— Ей лучше нашего, договорилъ первый парень: — Титычъ зашибается, а ее тронуть не смѣй: тетка Прасковья не даетъ. Онъ какъ ни хмѣленъ, а тетки Прасковьи боится.

— Умѣешь верхомъ ѣздить? спросила бабушка приземистаго.

— Ѣзжу.

— Куда жъ ты ѣздишь?

— А лошадей въ ночную гоняемъ.

— Слушайте, ребята! завтра ко мнѣ будутъ крестьяне, и вы съ ними приходите.

— Слушаемъ, сказалъ одинъ.

— Хорошо, приду, сказалъ другой.

— И мнѣ, барыня, придтить? спросила Настасья.

— Приходи, если Титычъ въ свой кафтанъ снарядитъ, да вмѣсто себя пошлетъ, пошутила бабушка:—а бабъ и дѣвокъ мнѣ не нужно.

Слѣдуетъ объяснить откуда взялись Николашки и Настька, не купленные, не дареные, а по отцамъ и дѣдамъ крѣпостные бабушкинаго рода. У бабушки, хотя кромѣ купленныхъ ею Жуковъ, не было деревень, но была дворня изъ шести или семи семей, доставшихся по наслѣдству отъ отца, когда-то помѣщика богатаго, но промотавшагося. Куда пошли его родовые крестьяне, прадѣдъ мой, человѣкъ никогда некручинившійся, отвѣчалъ бы спросившему: «А куда жъ бы имъ уйти? Никуда не ушли, на мѣстахъ остались.» Какъ-нибудь иначе надобно было обернуть вопросъ, чтобы довѣдаться о судьбѣ его деревень. «Въ чужихъ рукахъ, сударь мой, въ чужихъ, говорилъ прадѣдъ: — много было у меня добра, все къ тузамъ перешло, все перешло къ тузамъ червоннымъ и трефовымъ. А была таки пора, что я началъ счастливо поигрывать, да не длилась, — опять дурная полоса перевѣсъ взяла». Тузы однако не досчитывались кое-какихъ душъ, принадлежавшихъ къ имѣніямъ прадѣда и продолжавшихъ жить у старыхъ господъ, по невѣдѣнію ли закона, по привычкѣ ли. Тузы требовали и Макара, и Петра, и Сидора у прадѣда, но прадѣдъ удерживалъ Сидора, не отпускалъ Макара и отправлялъ

Digitized by Google

Петра къ требователямъ съ бранными записками, что стыдно отнимать у несчастнаго игрока послѣднихъ слугъ: обратныхъ же актовъ не хотѣлъ на нихъ совершать и принудилъ новыхъ владѣльцевъ отмѣтить по ревизскимъ сказкамъ Мавара и другихъ въ бѣгахъ. Такъ и жили они у прадѣда, а потомъ у бабушки безъ видовъ, пока бабушка не приписала, не ихъ, а происшедшее отъ нихъ потомство къ Жукамъ. Два Николая, братья близнецы, были сыновья кучера Родіона и названы оба Николаями по желанію матери, потомучто рождены были въ николинъ день: «Я, батюшка, сыновъ не перемѣшаю, говорила священнику родильница: — одного Николушкой буду звать, другого Николашей, а родились оба въ угодниковъ день, пускай оба угодниково имячко несутъ.» Но Авдотья ростила ихъ до восьми годовъ и умерла. Николушка и Николаша болтались въ бабушкиной передней лѣтъ до двѣнадцати, а когда и отецъ ихъ умеръ, кучеръ Родіонъ, бабушка, чтобы не избаловались, свезла обоихъ въ деревню и отдала одного Савелью, другого Ферапонту. Настасья была грѣхъ ея горничной, которая три года упрашивала барыню дать ей вольную, обѣщаясь внести выкупъ. Бабушка не соглашалась и тогда только выдала Настасью за любезнаго ей мѣщанина, когда у Настасьи родилась дочь. Выкупа не взяла съ нея бабушка, сказавъ, что дочь выростетъ, такъ за нее дослужитъ. Эту-то дочь, когда она подросла на аршинъ, взяла бабушка въ комнаты и ласкала дѣвочку, давая ей лакомиться, пока не замѣтила, что дѣвочка, ею же приученная къ лакомствамъ, таскаетъ у нея сахаръ. Испортится Настя, подумала бабушка, свезла ее тоже въ деревню и отдала ее крестьянкѣ Прасковьѣ, велѣвъ обращаться съ нею кротко: «а то отберу», погрозила бабушка, какъ будто дѣлала большое одолженіе, навязывая добрымъ людямъ шестилѣтнюю дѣвочку! Иное дѣло мальчикъ: мальчику радъ крестьянинъ, проча въ немъ себѣ работника, «а какой прокъ отъ дѣвки? Ей быть работницей въ другой семьѣ, въ какую мужъ приведетъ», бранился прасковьинъ хозяинъ, но сама Прасковья была хорошая женщина и Настасью кормила, поила, одѣвала, въ обиду не давала. Зато бабушка подарила Прасковьѣ платокъ, а отъ Ферапонта отобрала работника: зачѣмъ не умѣлъ дорожить парнемъ. Двадцатидвухлѣтній Николашка, ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ, не въ брата, до старости могъ быть форейторомъ, а бабушкинъ форейторъ

Digitized by Google

(въ тѣ годы парой не ѣздили) выросъ, ногами за тумбы задѣвалъ. Пришлось кстати. Но рослому Николашкѣ готовилась иная судьба.

Когда привалилъ къ бабушкѣ народъ, а впереди всѣхъ Савелій Кузьминъ, въ синемъ барыней жалованномъ кафтанѣ, подносилъ въ роснисной мискѣ яйца, бабушка, остановивъ его рукою на полдорогѣ, обратила слово къ міру, выразивъ желаніе получить ихъ добровольное, нецѣнное приношеніе отъ старѣйшаго изъ хозяевъ, чтобы видно было, что даръ предлагается ей всѣмъ міромъ, а не набранъ по дворамъ старостою волей-неволей: «Коли такъ набирали, не нужно мнѣ ихъ», кончила бабушка.

Крестьяне пошептались и разступившись, дали мѣсто Севастьянычу, который, едва двигаясь, принялъ изъ задрожавшихъ рукъ старосты въ свои давно дрожащія миску и подалъ ее барынѣ, наклонившись сколько могъ.

— Какъ бы съ насъ ни собирали, а мы рады, матушка, твоему пріѣзду; довольны тобою были, сама ты насъ не забижала; поживи съ нами какъ прежде жила, и нами-то будешь довольна. Кланяемся чѣмъ богаты.

Старикъ опять наклонился, а за нимъ всѣ.

— Вотъ такъ охотно приму, благодарствуйте. А теперь я вамъ другое скажу: работы идутъ неуспѣшно, противъ прежнихъ лѣтъ запоздали. Васъ я не виню, а виноватъ староста: зачѣмъ не доглядывалъ. За нерадѣніе о господскомъ добрѣ, за упущеніе въ моемъ хозяйствѣ, я его отставляю, — будетъ у васъ другой староста.

Бабушка примолкла, потомила крестьянъ и, насладившись видимою удачей своей недлинной, но хорошо, какъ она думала, составленной рѣчи, подозвала:

— Николай!

И несмотря на Савелья, недостойнаго въ такую минуту ея барскаго взгляда, источавшаго милость, сказала крестьянамъ:

— Вотъ вамъ староста, Николай Родіоновъ! — Чтожъ глядишь, Николай Родіонычъ? Поднеси по стаканчику, и засмѣялась: — Аль не знаешь гдѣ водки достать? Ну, на первый разъ не твоя забота; спроси у Григорьевны, — она за тебя припасла.

— Какъ же, сударыня, началъ Савелій, ошеломленный тоже

на первыхъ порахъ: — будетъ какое распоряженіе на тотъ счетъ: парень у меня жилъ, на меня работалъ, отъ тягла избавленъ былъ. А теперь ему быть старостой; на это ваша воля, намъ не перечить, а ужь воля ваша, я на него не работникъ, такъ не приходится...

— Титычь здѣсь? спросила бабушка, высматривая его въ толпѣ.

Выступилъ низенькій, тщедушный, только по случаю совершавшейся церемоніи не пьяненькій Титычъ.

— Спасибо тебѣ, старикъ, что дѣвочку мою не забываешь; большая будетъ, сама тебя поблагодаритъ. За то, что ласково съ нею, съ живою душою, обходились, оставлю вамъ ее.

Титычъ, неповинный въ ласковомъ обращеніи съ дѣвчонкой, готовый свою одежонку, не то что настькину, въ первый кабакъ снести, только поклонился и поторопился на свое мѣсто, въ задній рядъ, подальше отъ зоркаго глаза барыни.

— Кто ее знаетъ, либо хвалитъ, либо что затѣяла?

А бабушка посмѣивается, смотритъ милостиво, будто не слышитъ Савелья.

— Какъ же, говоритъ Савелій, солдатства не боявшійся, зная, что года ему на то перешли: — такъ не приходится: отъ Николая житья мнѣ не будетъ. Хоша я училъ его уму-разуму...

— Колотушками, вставила бабушка, глядя на толпу.

— Полно, Савелій Кузьмичъ, нечего тебѣ барыню безпокоить пустыми рѣчами. Сама знаетъ какъ васъ разобрать, сказалъ одинъ.

— Сама Татьяна Осиповна разберетъ какъ вамъ быть, нечего тебѣ путать, сказалъ другой.

— Какъ ни прикажетъ, все будетъ правое дѣло, добавилъ третій.

— Али въ милость, али въ науку, пояснилъ четвертый.

Не видя ни въ комъ поддержки, Савелій замолчалъ и отказался отъ чарки, налитой передъ нимъ Николаемъ, начинавшимъ съ стораго старосты.

— Или не пьешь? спросила бабушка.

— Выпилъ, сударыня, передъ тѣмъ, какъ идти къ вамъ на поклонъ, дерзко отвѣчалъ отставленный староста.

— Добраго здоровья милости вашей, много благодарны, говорили одинъ за другимъ крестьяне, принимая стаканъ, кре-

Digitized by Google

стясь, кланяясь бабушкѣ, опоражнивая, и закусивъ хлѣбомъ, опять кланяясь уже подносчику, новому старостѣ.

Пріемъ окончился.

— Маху я дала, дружокъ, думала да не удумала. Слышалъ что Савелій говоритъ? И точно, нельзя ему съ Николаемъ жить. Ссадить я Савелья ссадила за то, что сидѣть не умѣлъ, а на посмѣшище его не хочу отдавать. И опасно: Савелій дерзокъ, Николай противъ него раздражонъ...

— Какъ же, бабушка, быть?

— Подумаю, а вмѣстѣ ихъ не оставлю.

И таки удумала бабушка.

Послѣ Прохора остались сынъ и сироты племянники, всѣ малолѣтные; жену Прохоръ вытребовалъ въ полкъ. Ребятишки жили при дядѣ, братѣ прохорова отца, хромого Аверьяна. У старика Увара была одна дочь, незамужняя и уже не молодая, работящая, но съ придурью и собою не красивая; безъ приказа никто за нее не сватался, а барская власть не пристроила дѣвки, потомучто бабушка забыла должно-быть о Груняхѣ. Дѣло старосты было бы доложить, что есть въ деревнѣ невѣста, — и быть бы Аграфенѣ давно не за Андрономъ, такъ за Ферапонтомъ, но староста находилъ выгоднѣе пугать ею парней, и каждый, кому приходили года жениться, откупался отъ Груняхи у Савелья. Дѣдъ работать не могъ по старости, внуки не работали по младости, а Груняхи одной на всѣ работы не доставало. Когда Прохора сдали въ рекруты, бабушка велѣла на малолѣтнихъ работать міромъ, что съ тѣхъ поръ и исполнялось. Но какъ Савелій Кузьминъ не особенно хлопоталъ о нихъ, осердясь на Прохора за доносъ, старый дѣдъ плохо глазами видѣлъ, а ребятъ бы не послушали, то все дѣлалось кое-какъ, и семья жила въ большой бѣдности, пока не пріѣхала бабушка.

Въ то время назначена была ревизія. Бабушка, просматривая сказку сельца Жуковъ, собственноручно отмѣчала выбывшихъ и вписывала вновь прибывшихъ. Дойдя до шестого двора, она прочла лѣвый столбецъ: Уваръ Никитинъ, вдовъ, 65 лѣтъ; Увара Никитина племянники: Никонъ Аверьяновъ 20 лѣтъ, Прохоръ Аверьяновъ 16 лѣтъ, и правый столбецъ: Увара Никитина дочь Аграфена 25 лѣтъ, Никона Аверьянова жена Пелагея Ильина 18 лѣтъ. На поляхъ нашлись приписки карандашомъ, на лѣвой сторонѣ, къ душамъ мужского пола: Никона сыновья Фока, Фома,

Digitized by Google

Карпъ, Прохора сынъ Демидъ, новорожденные и на правой сторонѣ, къ душамъ женскаго пола: Прохора жена, Ненила Захарова. Бабушка отмѣтила противъ именъ Увара и Аграфены: перевести въ дворовые; противъ Никона и Пелагеи: умре; противъ Прохора: сданъ въ рекруты, и вписанныхъ карандашемъ перечеркнула, и соображаясь съ количествомъ душъ въ семьяхъ, внесла во дворъ Бориса пріемыша Фоку, во дворъ Игнама пріемыша Фому, во дворъ Панкрата пріемыша Карпа, во дворъ Кондрата пріемыша Демида. 7 и 8 дворы остались безъ перемѣны, только вмѣсто цифры 7 поставила бабушка 6, а вмѣсто 8—7. Но въ 9 дворѣ, кромѣ переправки цифры изъ 9 въ 8, послѣдовала отмѣтка противъ имени пріемыша Николая Родіонова: зри № 10, и когда послѣдній дворъ былъ просмотрѣнъ и цифра 9 замѣнила прежнюю 10, бабушка поставила № 10 и вписала на лѣвой сторонѣ: Николай Родіоновъ, Николая сынъ Никита, новорожденный, и на правой сторонѣ: Николая Родіонова жена Афимья Иванова.

Переправленная сказка была передана мнѣ для переписки.

Но сказка не была еще мною переписана, когда дѣдушка Уваръ прилаживался поспокойнѣе улечься на просторной печи въ господской людской, да то жгли его кирпичи, то казалось ему, будто печь вовсе не топлена. Просторъ былъ, а уюта не было на незнакомой лежанкѣ.

Сказка не была еще мною переписана, когда Груняха съ придурью доила коровъ на господскомъ скотномъ дворѣ. Она было заупрямилась, и усѣвшись въ углу, какъ будто не слышала приказа скотницы Степановны, но отецъ сказалъ: «ступай дѣвка!» и Груняха пошла за Степановной, точно закрѣпленная ей отцовскимъ словомъ.

И не была еще переписана сказка, когда Фока и братья его и Демидъ кликали въ чужихъ избахъ, просясь къ дѣду, а въ бывшей избѣ ихъ распоряжался на новосельѣ Родіонычъ съ молодою хозяйкой.

Изъ пріемыша, вчера браневаго, нынче битаго сталъ домохозяиномъ и набольшимъ въ деревнѣ—большой переходъ! Другой бы задурилъ и накинулся на своего ворога, не родного и не названнаго отца, а указаннаго господскою прихотью. Но съ Николаемъ этой бѣды не случилось. Онъ сталъ старостою, сновно и былъ имъ: на Савельѣ не вымещалъ своего горькаго дѣт-

Digitized by Google

ства, обходился съ нимъ, будто въ самомъ дѣлѣ съ кормильцомъ и крестьянъ не тѣснилъ, не обиралъ. Зла отъ него не видали они. Правда, и добра такого, чтобы не забывалось, не дѣлалъ Николай Родіоновъ: самъ помочь никому не вызывался, а станутъ его просить, — поразузнаетъ прежде отъ другихъ и поможетъ чѣмъ можетъ на срокъ. А срокъ придетъ, отсрочитъ, не въ долгу у него считайся. Зато ужь у барыни ни объ одномъ мужикѣ не постарается и къ барынѣ мимо себя ни одного мужика не допуститъ. Вотъ за это, что къ барынѣ безъ взыска отъ него нельзя было пройти, крестьяне его не долюбливали, да за то еще, что велъ онъ себя не то что гордо, а ни съ кѣмъ не братался. О рождествѣ ли, о святой, либо въ храмовые праздники, старосту съ простыми гостями не зови,—не пойдетъ, а побываетъ онъ къ каждому хозяину, когда гости отхлынутъ. Тогда угощеньемъ не брезгалъ, но вдосталь не наѣдался и не напивался, а только честь дѣлалъ. Безчинствъ на деревнѣ не терпѣлъ: крутъ хотя не былъ, а не мирволилъ ни одному. Крестьяне говорили: «не нашей онъ деревни, ни съ кѣмъ не въ роднѣ». Сказать же прямо, что имъ они не довольны, если бы ихъ спросили, не сказали бы: сказать-то было того нельзя, или на самихъ себя вину класть. Шла, какъ надо, господская работа, тягости не накладывалось ни на мужика ни на бабу, но ужь ни мужикъ ни баба по пусту болѣзнью не отговаривайся! Кто боленъ, тотъ лежи, — старости зайдетъ, на печи не найдетъ, такъ не жалуйся. До бабушки деревенскіе дрязги не доходили; знала она одного старосту, слышала отъ него одно: въ деревнѣ благополучно! И точно было благополучно въ деревнѣ! И быть бы Николаю Родіонову старостой долго, да неровенъ часъ: не на всякій убережошься.

Наѣхала барыня невзначай осеннимъ днемъ, сентябремъ взглянула на старосту, за то что понесло отъ него виномъ, выгнала его. Не такъ бы разсердилась она на пьянаго Савелья, какъ разсердилась на Николая, потомучто Савелій не скрывалъ, что пьетъ, а Николай сказалъ: «не употребляю», и солгалъ. Лжи не могла выносить бабушка. Стала узнавать какъ ведетъ себя Савелій, узнала, что Савелій о домѣ радѣетъ, порядокъ въ немъ держитъ, и хотя отъ питья не остерегся, но на людяхъ не буянитъ и хмѣльнымъ его видятъ развѣ въ праздники. У бабушки было къ нему кажется пристрастіе. Опять объявила она старостой Савелья, и совершивъ такое умное дѣло, отъѣхала въ городъ, да ужь въ

Digitized by Google

городѣ вораздумалась: «Какъ таки смѣненного и снова поставить? А ну, если Николай не пьетъ, а только выпилъ? Можетъ быть, корову купилъ, лошадь продалъ? Безъ магарыча покупка не въ покупку, въ прокъ не пойдетъ; продажа не въ продажу: деньги прахомъ развѣятся. Или имянины справлялъ! Да нѣтъ, въ сентябрѣ какіе же Николы!» Бабушка взяла святцы, отыскала число пріѣзда въ деревню: значилось подъ нимъ мученица Евфимія. Тогда бабушка припомнила, что жену Николая зовутъ Афимьей и весь день была не въ духѣ. Но бабушкины рѣшенія не отмѣнялись, приняты ли они были по зрѣломъ обсужденіи или сорванныя гнѣвомъ, сказывались ли въ необдуманномъ словѣ: «слова не воротишь» говоритъ бабушка, и старостой остался Савелій.

Начались опять хожденія къ барынѣ крѣпостныхъ. Сначала Гаврила пришолъ попросить двухъ деревъ амбаръ поправить,— велѣла бабушка дать Гаврилѣ два дерева; потомъ Иванъ поклонился: избенка валится, не пожалуете ли лѣску? Помогла бабушка Ивану. А потомъ староста явился отъ всего міра съ просьбою дать овсеца на посѣвъ: свой пропалъ, не дозрѣлъ, опоздали сѣвомъ прошлую весну за господскою работой. И эту просьбу надобно было удовлетворить, такъ что къ концу года оказалось, что доходы съ Жуковъ сполна ушли на помощь крестьянамъ. Откуда взялась бѣдность въ Жукахъ, отчего стали докучать разными просьбами? Не пожить ли самой въ деревнѣ, вглядѣться? Въ здоровьѣ она поправилась, другихъ препятствій къ новому переселенію въ деревнѣ не было. Бабушка поѣхала. Но глаза ли ея стали плоше глядѣть, только не вглядѣлась она въ причину, хотя видѣла ея слѣдствія — признаки бѣдности, распущенности. Вмѣсто садиковъ съ яблонями, за крестьянскими дворами образовались неогороженные пустыри; былъ огородъ у одного Василья, бывшаго повара. Яблони, говорили, сами собою пропали, знать стары, а новыхъ не подсаживали: «когда плода дождешься». Не стало домовитыхъ хозяевъ въ Жукахъ, гдѣ многимъ изъ нихъ было за тридцать лѣтъ. Грусть напала на бабушку, тяжко ей сдѣлалось въ той деревушкѣ, гдѣ она сама обзаводилась хозяйствомъ и крестьянъ обзаводила. Вновь начинать— не тѣ годы: ни силъ ни охоты. Прежде въ день полдачи обойдетъ, а теперь пройдется въ доль улицы и устанетъ. Любила она бывало сѣсть на скамью въ саду подъ вязами и смотрѣть вдаль,

Digitized by Google

гдѣ за рѣкой, сквозь рѣдкую казенную рощу, виднѣлось большое село Никольское съ церковью на краю. Приходила бабушка и теперь подъ тѣ же самые вязы, но видѣла только усыпанную пескомъ дорожку, да иногда разглядывала садовый заборъ, и то потому, что навѣрное знала, гдѣ саду конецъ. Внизу, за садомъ, черезъ дорогу, толкала—колотила мельница; какъ прежде, какъ въ старые годы, отворялъ ворота мукою выбѣленный мельникъ, и нагруженная мѣшками телѣга, простучавъ колесами по мосту, поворачивала скрыпя на дворъ. Но вмѣсто скрыпа телѣгъ, изъ подъ горы доносился теперь къ бабушкѣ на гору какой-то пискъ, раздражавшій нервы. Мельникъ бывало подниметъ голову къ вязамъ, сниметъ шапку, размѣняется поклономъ съ бабушкою. Но нынче мельникъ шапки не скидаетъ, хотя видитъ бабушку подъ вязами, опытомъ вѣдая, что поклономъ она ему не отвѣтитъ, не разглядитъ его. Любила бабушка въ прежнее время пройти на скотный дворъ, когда пригонятъ вечеромъ стадо, посмотрѣть какъ доятъ коровъ. Но ленточки, разнорожки, звѣздочки и миланы, которымъ сама она давала при ихъ рожденіи прозвища, давно пали, а глядѣли на нее, привѣтствуя мычаньемъ какія-то глупыя животныя, не похожія на рыжую съ бѣлою на боку полосою ленточку, чернопѣгую съ однимъ чернымъ рогомъ, съ другимъ бѣлымъ рогомъ, разнорожку, красную съ пятномъ на лбу звѣздочку и дымчатую, миловидную милану. Не оставалась долго на скотномъ дворѣ бабушка, затыкала носъ отъ навознаго запаха, который она прежде находила только здоровымъ. Казалось ей, что и трава не такъ росла, какъ за пятнадцать-двадцать лѣтъ, и сѣно стало менѣе душисто... Тянуло бабушку въ городъ, гнали ее изъ деревни воспоминанія бодрыхъ лѣтъ...

Но безъ какого-нибудь акта, который остался бы памятью ея, можетъ быть (думала она) послѣдняго посѣщенія Жуковъ, не могла уѣхать бабушка. Послѣдовала перемѣна старосты на новомъ началѣ. Созванъ былъ сходъ и спрошенъ: доволенъ ли старостой? Замялись православные, потоптались, ничего не отвѣтили; самъ староста сталъ просить уволить его и былъ уволенъ. Міру велѣно выбрать старосту, и потолковавъ между собою хорошенько кого выберутъ, доложить ей на другой день.

Удивила бабушка міръ, предоставивъ ему выборъ старосты но и міръ въ свою очередь также ее удивилъ, выбравъ Поликарпа Федотова.

Digitized by Google

— Онъ мой садовникъ! возразила барыня.

— Чтожь что садовникъ! Онъ наше мужицкое дѣло знаетъ, докладывали крестьяне.

— Онъ въ дворовыхъ по сказкѣ записанъ! доказывала барыня.

— Чтожъ что записанъ? Подушныя равно за него съ міра идутъ, настаивали крестьяне.

— Какъ же садъ мой! спрашивала барыня,

— Чтожъ садъ? онъ за садомъ наблюдать будетъ, а работали въ саду завсегда по наряду мы, когда въ счетъ барщины, а когда то-есть и такъ, разрѣшали вопросъ крестьяне.

— Да какъ же это, вы бы изъ себя выбрали! просила барыня.

— Дозволь ужь, матушка, Поликарпу Ѳедотычу быть старостой, мы ужь такъ положили: его дѣдушка, Поликарпъ Ларіонычъ, былъ старостой; ну, и ему значитъ стать старостою быть, приставали крестьяне.

— Не былъ же его отецъ старостой! вспомнила барыня.

— Нѣтъ, не былъ, Ѳедотъ Поликарпычъ точно не былъ, да ужь дозволь, упрямились крестьяне.

Утвердила бабушка міромъ избраннаго въ старосты садовника, вслѣдствіе чего, черезъ годъ въ ея саду не стало ни розановъ, ни георгиновъ, зато великолѣпно разрослись кусты бузины и не всякому ботанику извѣстными травами проросли дорожки. Этотъ-то бывшій садовникъ Поликарпъ былъ старостою, когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Жуки помѣщикомъ.

Худенькій, менѣе нежели средняго роста, съ бородкою, которой волоски сочтешь, Поликарпъ Ѳедотовъ наружнымъ видомъ не походилъ на старосту. Показывая мнѣ бабушкино хозяйство, онъ считалъ нужнымъ отдавать приказанія прикащику, скотницѣ, то подпереть, это отпереть, здѣсь завалить, тамъ подвалить и пробовалъ хмурить брови. Но не шло къ нему становиться на начальническую ногу, и смотрѣть на него, когда онъ хотѣлъ представлять старосту, было смѣшно, особенно когда онъ махалъ руками и переплеталъ ногами на полномъ ходу. Напротивъ, если обращался ко мнѣ, и начиналъ ухмыляться и разъяснять какое-нибудь обстоятельство, то было трудно не сердиться, слушая больно нехитрую чушь, сплетенную въ оправданіе его дѣйствій.

Повѣривъ наличность, я узналъ, что сѣна хватитъ до новаго сѣна, муки будетъ до новой муки и овса будетъ на посѣвъ.

Digitized by Google

Такъ и старался пригонять староста, чтобы не заставлять бабушку покупать кормъ для скота и выдавать деньги на мѣсячину. Онъ зналъ, что тогда бабушка расходится, сама, чего доброго, наѣдетъ и обнаружатся его плутни. А пока ее не безпокоятъ и она его не потревожитъ.

— Много ли дохода получаете съ имѣнія, Татьяна Осиповна?

— Будетъ съ меня! скажетъ бабушка:—сѣно свое, овесъ свой, муки и картофеля людямъ не покупаю. И со скотнаго привозятъ.

— Кажется прежде вы тоже получали, да и продавали не мало?

— Прежде время другое было! и бабушка перемѣнитъ разговоръ. Надоѣло ей подъ старость деревенское хозяйство, а для жизни были средства безъ него.

Покончилъ я съ старостою и подумывалъ какъ бы съ нимъ совсѣмъ покончить. Дума эта проводила меня до порога и запорогъ моего дома и прямо подвела къ столу, на которомъ лежала современная настольная книга: «положеніе о крестьянахъ». Я розыскалъ и прочелъ уже всѣ статьи, относящіяся до сельскихъ старостъ, когда за стѣною послышались голоса.

— Войдите! сказалъ я громко.

Вошли домохозяева.

III

— Здравствуйте, Дмитрій Дмитричъ! говорилъ каждый хозяинъ, входя въ дверь, и становился къ сторонѣ, давая мѣсто другому.

— Здравствуй, Андронъ! говорилъ я, признавая въ плечистомъ, крѣпко сколоченномъ Андронѣ, обросшемъ темною густою бородою, невзрачнаго бѣловолосаго мальчика, котораго сверстники частенько били да не забили, и вышелъ изъ него, безъ заботъ и холи, по одной божьей волѣ, дѣтина съ сажень росту, съ бочку дородствомъ.

— Здравствуй Савелій, здравствуй Николай! А и ты здѣсь, Кондратъ! Откуда, братъ, пожаловалъ, гдѣ погуливалъ?

— Небойсь сыскался, какъ про волю прослышалъ! отозвался Савелій. Но молчалъ Кондратъ, сужденный за конокрадство и судомъ оставленный въ подозрѣніи; ставленный въ рекруты, но

Digitized by Google

въ рекрутскомъ присутствіи оказавшій раны; сданный въ больницу, а по выпискѣ изъ больницы преданный суду за членовредительство и судомъ оставленный въ сильномъ подозрѣніи; отданный потомъ въ ратники, а по роспускѣ ополченія подававшій бумагу на бабушку, что держитъ она его, человѣка свободнаго, въ государственномъ ополченіи служившаго, въ крѣпости неправильно, и препровожденный съ должнымъ внушеніемъ въ деревню. Да не жилось ему въ деревнѣ ни съ отцомъ старикомъ, ни съ братомъ меньшимъ, ни съ красивою женой, ни съ маленькимъ сыномъ! И черезъ мало времени пошолъ онъ куда его тянуло, отъ добрыхъ людей съ дороги сторонясь, пока не настигъ знакомца, съ которымъ не хлѣбъ-соль водилъ, а въ чужіе дворы заходилъ, прибирая что не прибрано, пряча что не прятано. Но легко добро добывалось, еще легче спускалось, и голѣе чѣмъ вышелъ изъ деревни, вошолъ въ нее Кондратій, о волѣ прослышавъ.

— Чтожъ молчишь, ничего не разскажешь, гдѣ былъ, что видѣлъ?

— Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ меня, баринъ, а что видѣлъ, то зналъ да запомнилъ.

— Напрасно не хочешь разсказать, мы бы послушали. За старыя дѣла, по положенію, на нашего брата-помѣщика крестьянамъ, видишь, не велѣно жаловаться. Ну, и я не сталъ бы съ тебя взыскивать за старое, за то что бѣгалъ.

— Да я, батюшка баринъ, не бѣгалъ, а такъ, зря пошолъ...

— А если зря пошолъ, что же не вернулся оглядѣвшись?

— То-то и вернулся; какъ бы худо ни было, все къ дому наровишь.

— Видишь краснобай-какой! промолвилъ Василій, который вошолъ, когда мы съ Кондратьемъ разговаривали.

За Васильемъ показались Михей, Степанъ и Борисъ.

— Здорово! сказалъ я: — съ вами утромъ видѣлся, а вотъ кого давно не видалъ,—ты ли Маркелъ? Тяжело ступавшій, косолапый Маркелъ, продвинувшись въ дверь, неуклюже мнѣ кланялся. Съ трудомъ узналъ я въ немъ прежняго забіяку Маркеку, который бывало соберетъ ребятишекъ кружокъ, велитъ имъ стоять на мѣстѣ, его дожидаться; самъ пойдетъ къ колодцу, зачерпнетъ воды въ разбитую посудину, и вернувшись къ мальчишкамъ, начнетъ поливать ихъ головы какъ цвѣты въ гор-

Digitized by Google

шкахъ. Мальчишки ревутъ, а Маркелка свое продолжаетъ, пока на общій крикъ не прибѣжитъ баба: «Ахъ ты воскудный, пострѣлъ эдакой, погоди у меня!.. Что ты, Степа голубчикъ, бѣги домой. Ишь глупы, стоятъ, какъ уйти не смѣютъ.» Тогда Маркелка, до тѣхъ поръ не смѣющійся, захохочетъ и убѣжитъ, бросивъ черепкомъ въ бабу. А та поведетъ мокраго Степу домой, повертываясь и показывая кулакъ оканному Маркелкѣ съ надлежащими приговорами. И изъ этого-то мальчугана-буяна вышелъ такой увалень!

— Всѣ ли? спросилъ я. — Вахрамея не вижу.

— Терехи нѣтъ, въ извозѣ! отвѣтилъ староста:—а Вахрамей не пошолъ, потому Кондратій здѣсь, въ домѣ Кондратій старшій,

— На старшаго-то мало надежды; опять пожалуй соскучится и уйдетъ.

— Богъ ты мой! сказалъ Кондратій со вздохомъ. (Де-скать, какую напраслину терплю).

— Такъ всѣ?

— Всѣ никакъ! оглядывалъ староста и перечелъ: — одинъ, другой... десять дворовъ, девять хозяевъ, десятый Терентій. Всѣ, да Архипъ мельникъ съ нами же пришолъ.

— Будетъ и до него дѣло, да не теперь. Прежде другого дѣла хотѣлъ я васъ, ребята, видѣть въ сборѣ, поздравить съ волею.

Дружное: «благодаримъ» было отвѣтомъ.

Потомъ они меня поздравили съ имѣніемъ, прибавивъ, что и бабушкой были довольны.

— Да, ребята, теперь вамъ со мною придется уговариваться-а не съ бабушкою, сказалъ я.

«Ужь и какъ же хорошо, что съ вами, а не съ старою барыней будемъ сговариваться. Бабушка баловать не любила и въ какой часъ придешь: въ иной не токма что сговориться, а и говорить не дастъ; взглянетъ, словно языкъ пришибетъ.»

Такъ, я думалъ, отвѣтятъ крестьяне, обрадованные, что съ молодымъ бариномъ будутъ вести дѣло, но не такъ они отвѣтили, какъ я думалъ.

— Намъ, баринъ, все одно: что съ вами, что съ старою барыней уговариваться, сказалъ Андронъ.

— Это то-есь черезъ два года уговору быть, перебилъ Андрона Савелій.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не черезъ два, а теперь.

— Въ самый въ этотъ часъ?

— И сейчасъ поговоримъ и въ другое время. Вы знаете ли какъ и что будетъ?

— Разно говорятъ, всякій свое.

— Всякаго не слушайте! сказалъ я, и объяснивъ, сколько самъ тогда понималъ, сущность положенія, прибавилъ, что прежде надобно землю вымѣрять, узнать сколько у нихъ земли.

— Земли маловато! отвѣчали.

— Да сколько?

— Кто ее знаетъ.

— Такъ вотъ и надо узнать. А когда узнаемъ, тогда потолкуемъ какъ вамъ лучше: на барщинѣ ли остаться или на оброкъ перейти.

— Это черезъ два года.

— Зачѣмъ черезъ два, можно раньше.

— Слышишь, Степанъ.

— Это точно! отозвался Степанъ: — въ манифестѣ сказано, что на два года остается работа прежняя, а въ положеніи есть отличія: женская барщина два дня въ недѣлю замѣсто трехъ.

— А мужикъ три дня ходи? спросилъ Савелій.

— Все три же.

— Ишь бабамъ честь! Твоя сноха, Василій, обрадуется. Куда не охоча до барщины.

— Съ чего ей радоваться? Не на барскую, такъ на свою работу пошлютъ, вставилъ Андронъ.

— И то дядя Василій не подаритъ. А, дядя Василій?

Василій только усмѣхнулся.

— Еще что, Степанъ?

— А еще поборовъ не будетъ яйцами, баранами.

— Ну, это не про насъ.

— Съ васъ не собирали? спросилъ я.

— Пряли бабы, когда барыня сама живала въ деревнѣ, а лѣтъ почитай съ пятнадцать не спрашиваютъ съ насъ ничего. Грибы носили, нонѣ и грибовъ не спрашиваютъ. Пару цыплятъ къ празднику представляемъ.

— Теперь и цыплятъ съ васъ брать не будутъ, сказалъ я.

— Цыплята пустякъ. Что цыплята? Цыплята ничего, говорили одни, когда другіе допытывались отъ Степана: — какія еще отмѣнены.

Digitized by Google

— Еще подводы.

Смотря на Степана, толкующаго положеніе, я припомнилъ какъ бѣгалъ онъ бѣловолосымъ Степкой въ припрыжку за бабушкой, зная, что у нея въ карманѣ пряники или сахаръ. Только бывало покажется бабушка на улицу, такъ и обступятъ ее ребятишки, изо-всѣхъ угловъ повылѣзутъ, снуютъ и съ боку и передъ нею съ припѣвомъ: барыня идетъ, барыня идетъ! Одинъ Маркелка не ходилъ за бабушкой и былъ напротивъ во враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Разъ, болѣе вѣроятно, изъ любопытства пожелалъ и онъ попробовать что это за сахаръ такой у барыни въ карманѣ, но выпрашивать и бѣгать за барыней ожидая подачки, какъ собачонка, онъ не подумалъ; не въ его было это характерѣ. А потому Маркелъ, разогнавъ ребятъ, очутился разомъ съ боку бабушки, и высмотрѣвъ прежде, гдѣ у нея водится сахаръ, запустилъ прямо всю пятерню въ карманъ. Но какъ въ клещи попала его рука въ бабушкину руку! Завизжалъ Маркелка на всю деревню и бѣгомъ бѣжалъ отъ смѣявшейся бабушки, которая тутъ же стала надѣлять мальчиковъ и дѣвочекъ, опять запрыгавшихъ около нея и голосившихъ: барыня, барыня! Зато Маркелка отплатилъ бабушкѣ за помятую руку: не дальше какъ на другой день, когда она по обыкновенію вышла на улицу, сопровождаемая сначала двумя комнатными собачками, лаявшими единственно для обработки голоса, потому что на улицѣ никого не было, показался отъ самого края деревни разбойникъ Маркелка въ отцовской шляпѣ. Бабушка, подвигаясь Маркелкѣ на встрѣчу, начинала смѣяться, готовя клещи въ карманѣ, а Маркелка въ десяти шагахъ остановился, снялъ шляпу, раскачалъ и бросилъ ее въ барыню, угодивъ въ бровь. Бабушка перестала смѣяться: «поймайте мнѣ бездѣльника!» но Маркелка бѣжалъ съ хохотомъ, преслѣдуемый Фиделькою и Бижуткой. Впрочемъ собаки, достигнувъ разстоянія, съ котораго по ихъ соображеніямъ, не могъ онъ причинить вреда ихъ госпожѣ, вернулись съ поднятыми хвостами къ бабушкѣ и напрыгивая на подолъ ея платья, требовали благодарственной ласки: «пошли прочь, я васъ. А вамъ чего? Не будетъ вамъ сахара,» обернулась бабушка къ ребятамъ, не посмѣвшимъ даже поднять шляпу, брошенную Маркеломъ. «Однако молодежь,» думала бабушка: «люблю такихъ; славный выйдетъ изъ него староста, да какъ бы не попалъ въ солдаты прежде. Сказала: идите

Digitized by Google

прочь, не будетъ вамъ сахару, трусишки, не заслужили,» почти крикнула она на мальчиковъ, провожавшихъ ее издали въ большомъ смущеніи, выразившемся не столько на лицахъ, сколько въ рукахъ, искавшихъ мѣста, куда бы имъ дѣваться и какимъ бы такимъ дѣломъ заняться. А потому иной запустилъ пальцы въ ротъ; другой, приподнявъ плечи, спустилъ рукава рубахи и крѣпко держалъ ихъ концы въ кулакахъ; третій приподнималъ и опускалъ полы рубашонки.

— А ты, Маркелъ, тоже грамотный? спросилъ я, взглянувъ на прежняго сорванца.

— Какже! отвѣчалъ Маркелъ и переступилъ съ лѣвой ноги на правую.

— Читаешь положеніе?

— Когда читать, дѣла всякаго не оберешься! сказалъ онъ, переступивъ съ правой опять на лѣвую ногу.

— Вотъ Степанъ говоритъ: полагается три десятины на каждую душу! обратился ко мнѣ Савелій. — Такъ это, баринъ, по книжкѣ?

— Не болѣе трехъ! отвѣчалъ я: — тотъ надѣлъ, какимъ вы пользуетесь теперь, остается за вами, а если у васъ окажется больше трехъ лишнихъ, отрѣжется.

— Больше трехъ не дадутъ?

— Не дадутъ.

— И по всѣмъ мѣстамъ такъ? Примѣрно въ Жукахъ, и въ Ряполовкѣ, и въ Алифинѣ.

— Вездѣ такъ.

— Въ нашемъ уѣздѣ! поправилъ меня Степанъ; — а въ иныхъ уѣздахъ по три съ половиною десятины.

Степанъ перечелъ иные уѣзды.

— Какже такъ? усомнился Савелій: — насъ вотъ отъ Алифина рѣчка отдѣляетъ. Алифинскимъ три съ половиною, а намъ три...

Степанъ въ качествѣ грамотнаго защищая положеніе, объяснилъ что это значитъ: потому что Алифина въ другомъ уѣздѣ, а въ нашемъ вездѣ одинъ надѣлъ, — къ Москвѣ значитъ ближе.

— Вишь оно какъ! Знать подалѣ отъ Москвы лучше бы?

— Провозъ дешевле! пояснилъ Степанъ, — дровъ ли, сѣно ли... что мы въ два дня доставимъ, а изъ дальняго уѣзда подмо, вези!

Digitized by Google

— Только рѣчку переѣхать, что намъ, что алиѣнскимъ везти.

— Тутъ межа пришла, граница то-есть, гдѣ-нибудь границѣ надо быть! замѣчалъ Степанъ.

— Оброкъ же какъ?

— Толкуй, Степанъ! сказалъ я.

— Оброку полагается десять рублей съ души, коли надѣлъ въ три десятины, а коли менѣе трехъ и оброкъ полагается менѣе, по расчету. Вотъ расчетъ дѣлать я еще не добрался.

— Это ужь мы доберемся, когда вымѣряемъ землю.

— Съ кѣхъ же поръ хватишь оброкъ?

— Да вамъ какъ лучше: перейти на оброкъ или оставаться на барщинѣ?

— На оброкъ лучше.

— Ну такъ съ осени.

— Вы бы насъ теперь на оброкъ перевели.

— Нельзя теперь. Подождите до осени.

— А либавинскій баринъ пересадилъ крестьянъ на оброкъ, съ тягла положилъ двадцать рублевъ и землю всю отдалъ имъ. И они довольны, и ему никакой заботы. Такъ бы и вамъ.

— Когда же это было?

— Лѣтось.

— Лѣтось другое дѣло, до манифеста стало-быть, а теперь нельзя. Вонервыхъ надобно расчислить оброкъ не по тягламъ, а по душамъ.

— Намъ, баринъ, все равно какъ вы его расчислите, а мы промежь себя все же на тягла разложимъ.

— А вонторыхъ всей земли я вамъ не отдамъ, а получите ее столько, сколько по положенію слѣдуетъ.

— По три на душу.

— Не знаю по три-ли. Если у васъ менѣе трехъ, прибавлять не обязанъ.

— Ужь по три-то пожалуйте.

— Тамъ увидимъ.

— А эдакъ полибавински, всю землю за оброкъ? спросилъ Савелій.

— Нельзя такъ.

— Не согласно съ положеніемъ! отвѣчалъ Степанъ.

— Какже нельзя-то? подалъ голосъ Василій. — По добре-

Digitized by Google

вольному соглашенію всякое значитъ допускается. Коли пойдетъ на соглашеніе, тогда можно.

— По добровольному соглашенію можно! сказалъ я.

— Согласны, ребята, чтоли? воззвалъ Василій: — согласны, ну инъ ладно! Мы, баринъ, согласны!

— А я не согласенъ.

— Чегожъ бы не согласиться, Дмитрій Дмитричъ! упрашивалъ Василій: — не обидьте.

— Нѣтъ, братъ, эдакъ я себя обижу. Съ чѣмъ же я-то останусь?

— А оброкъ-то? Мы, донесли бы и по пятнадцати съ души, а то и поболѣ.

— Такъ ли? Помнишь, съ тебя легкій оброкъ былъ положенъ, а много ты его принесъ?

— Такая тогда горькая моя участь была.

— А моя будетъ горькая участь, если соглашусь отдать всю землю. По три на душу, пожалуй.

— Тутъ все ужь, и пахота, и сѣнокосъ? спросилъ Андронъ.

— Все.

— Трехъ, баринъ, довольно съ насъ: въ Зарѣчьи у экономическихъ тоже по три на душу, болѣ не будетъ.

— Ну такъ съ осени на оброкъ, а до осени поработайте въ послѣдній разъ.

— Готовы послужить вашему здоровью.

— Спасибо вамъ. Я новый помѣщикъ, къ новымъ порядкамъ не приготовился, вдругъ перемѣнить хозяйства не могу; наемка рабочихъ денегъ требуетъ, а у меня ихъ нѣтъ. Такъ ужь я на васъ надѣюсь.

— Будьте покойны, послужимъ; мы вами довольны, худа отъ васъ не видали.

— Нѣкогда было! сказалъ я.

— Все равно, старою барыней, бабушкой вашей, Татьяной Осиповной, были довольны. Баловать не баловала, точно... Какъ, сударь, здоровье ея?

— Здорова, кланяется вамъ.

— Будто ужь кланяется? Шутить изволите.

— Право.

— Сдается, какъ не по ней бы. Татьяна Осиповна хороша была къ намъ, нечего жаловаться, а поклона не пошлетъ. Засмѣялись, баринъ, стало наша правда.

Digitized by Google

— Чѣмъ же васъ увѣрить? Ну да вотъ, не поѣдетъ ли кто въ Москву?

— Михей, ты никакъ собирался?

— Что прикажете?

— Какъ будешь въ Москвѣ, зайди къ бабушкѣ и спроси: правда ли молъ, что съ Дмитріемъ Дмитричемъ поклонъ прислали?

— Увольте, баринъ.

Мужики засмѣялись.

— Какже насчетъ магазеи теперь? спросилъ Савелій.

— А въ порядкѣ у васъ магазинъ?

— Какъ быть слѣдуетъ. Осенью засыпали! отозвался староста.

— Каждую весну, сказалъ Савелій: — съ дозволенія барыни отпускалось на дворъ по четверти ржи, когда по двѣ; овса на посѣвъ тоже. Дозвольте взять хошь по одной. Хлѣбъ у насъ вышелъ, а объ овсѣ ужь будемъ просить для сѣва.

— Запасные магазины со дня обнародованія манифеста составляютъ собственность крестьянъ. Такъ ли, Степанъ?

— Точно такъ.

— Это въ книжкѣ? спросилъ Василій.

— Въ положеніи о крестьянахъ! поправилъ Степанъ.

— Значитъ магазея отошла отъ господъ. Такъ ужь ты, староста, отпусти намъ.

— Коли прикажетъ Дмитрій Дмитричъ! отвѣчалъ староста, а безъ господскаго приказа не смѣю.

— Я, братецъ, не приказываю, не дозволяю и не запрещаю; дѣлайте какъ знаете.

— А какъ съ насъ взысканіе будетъ?

— Ничего не знаю. Хотите, спросимъ становаго. Вамъ говорилъ староста, что будетъ вводъ во владѣніе?

— Сказывалъ. Чтожъ становой? Становой не разрѣшитъ.

— Да научитъ какъ сдѣлать. У него были примѣры можетъ быть.

— Лучше бы намъ промежъ себя, Поликарпъ Ѳедотычъ.

— Я не могу, сказалъ староста.

— А не то вы, Дмитрій Дмитричъ, дозвольте.

— Я не могу! сказалъ я.—Да кстати о старостѣ. Хотѣлъ я съ тобою, Поликарпъ, сначала особо поговорить, а послѣ со

Digitized by Google

всѣми, да времени у меня мало, пожалуй не успѣю. Видишь въ чемъ дѣло, и вы, ребята, прислушайте. Когда откроется сельское общество, вы должны будете выбрать старосту, а Поликарпа выбирать нельзя оттого, что онъ дворовый. О дворовыхъ людяхъ особое положеніе: два года они обязаны служить помѣщику, если помѣщикъ не дастъ имъ раньше увольнительнаго свидѣтельства. Тебя, Поликарпъ, я не хочу заставлять служить мнѣ два года и отпущу тебя. Ты, Степанъ, кажется хочешь что-то сказать, говори.

Степанъ давно подавался впередъ, и на мой вызовъ привелъ статью, по которой прежніе старосты остаются до окончанія полевыхъ работъ.

— Знаю, да Поликарпъ дворовый, землю не получитъ.

— Такъ точно.

— За что же я его буду держать? онъ на меня разсердится...

Поликарпъ молчалъ.

— А вы себѣ другого старосту выбирайте.

— Другого?

— Да. Нельзя же вамъ быть безъ старосты. Можете выбрать старосту временно, до открытія сельскаго общества, или съ тѣмъ, чтобы онъ и послѣ остался старостой. Я отдаю на вашу волю.

— Коли на нашу волю, такъ чай намъ не нужно старосты. Какъ мужики мекаете? обратился къ нимъ Савелій.

— И то не нужно, подтвердилъ Андронъ.

— Староста для господскихъ работъ приставляется, а за нашею работой нечего ему смотрѣть, объявилъ Василій.

— Какъ же быть безъ старосты, сказалъ я удивившись. — Подводы понадобятся земской полиціи, то, другое, кто же распорядится?

— А мы, сударь, такъ сдѣлаемъ, объяснилъ Савелій: — будетъ у насъ очередной. Начнемъ съ края, аль съ Андрона, аль съ Василья. Коли въ андронову недѣлю потребуютъ старосту въ станъ, либо куда, Андронъ и иди; нарядъ ли какой, подводы, либо что, Андронъ нарядитъ, Андронъ сходъ сберетъ. Прошла его недѣля, сиди себѣ дома, на ту недѣлю будетъ у насъ Маркелъ старостою.

— Пожалуй, мнѣ все-равно, сказалъ я: — но по положенію

Digitized by Google

вы должны будете выбрать сельскаго старосту. Не все-ли равно выбрать бы его теперь? больше порядка будетъ.

— Съ чего же непорядкамъ быть, запросилъ Савелій.

— Непорядкамъ быть не съ чего, сказалъ Степанъ:—а точно, что по положенію у барина свой надзиратель за работами, а на деревнѣ свой староста. Господскій укажетъ на какую работу идти, а наряжаетъ на работу деревенскій.

— Ну да, у меня и будетъ свой надзиратель, а у васъ тоже долженъ быть староста.

— Очередной у насъ и будетъ, ему вашъ надзиратель пущай и указываетъ.

— Опосля прикажутъ выбрать старосту, сказалъ Степанъ.

— Когда прикажутъ, тогда и выберемъ, порѣшилъ Савелій и съ нимъ согласились всѣ; въ числѣ всѣхъ и я, заявивъ мнѣніе, что если ограничиться до поры очередными, то лучше бы выбирать ихъ на мѣсяцъ, а недѣля — слишкомъ короткій срокъ.

— Назначимъ на мѣсяцъ; съ какого же края начать, ребята?

— Опосля, Савелій.

— Хорошо однако, если бы назначили сегодня или завтра поутру, чтобы къ пріѣзду станового былъ у васъ очередной староста, сказалъ я.

— Назначимъ, будьте покойны.

— Завтра всѣмъ вамъ надобно быть при вводѣ во владѣніе.

— Слушаемъ.

— Завтра еще потолкуемъ; разомъ обо всемъ не переговоришь.

— Извѣстное дѣло.

— Ты все ли положеніе прочелъ, Степанъ?

— Куды все. Сподрядъ нельзя читать. Читаешь, а тебя слушаютъ и остановятъ. Ты, говорятъ, читалъ ужь объ этомъ. Станешь это припоминать, будто и читалъ, а читаю какъ есть новое. Было, говорятъ, читано, отыщи. Иной разъ отышешь коли не то самое, то схожее. Сподрядъ-то читать нельзя, — собьешься; и про себя одному читать нельзя, громко лучше. Иную статью въ толкъ не возьмешь; а поговоришь съ другими и наведется на настоящее дѣло.

— Правда, умъ хорошо, а два лучше, повторилъ я старую истину. — Ну, чего же хочетъ мельникъ, пусть войдетъ.

Digitized by Google

— Не ушолъ ли, заглянулъ въ переднюю стоявшій ближе къ двери Борисъ, все время молчавшій:—кажись нѣту. Архипъ Семенычъ, а Архипъ Семенычъ, здѣсь что-ль? Ишь заснулъ. Баринъ кличетъ.

— Что скажешь, Архипъ?

— Съ пріѣздомъ пришолъ поздравить вашу милость, и зѣвнулъ.

— Спасибо. Какъ же ты пришолъ, задомъ?

— Скользко нонѣ, это я лѣтомъ хожу тако-тко на гору, отвѣчалъ мельникъ, дѣйствительно взбиравшійся на довольно крутую гору такимъ способомъ, говоря: «менѣ истомишься».

— Долго я продержалъ тебя. Признаться сначала не догадался отпустить, а потомъ заговорился и позабылъ. Виноватъ.

— Обождать не бѣда, когда время терпитъ. У твоей милости дѣло поважнѣе было моего, и опять зѣвнулъ.

— Или не выспался?

— Какъ выспался-то, на сутки цѣлыя выспался.

— Какой сонъ привидѣлся?

— Сонъ то, Дмитрій Дмитричъ... я сновъ не вижу, а и вижу — все одну мельницу.

— И то сонъ.

— Не сонъ, баринъ.

— А чтоже?

— Не сонъ, а моя забота.

— Пожалуй, что и такъ. Ну, спасибо старикъ, дѣла нѣтъ у тебя ко мнѣ?

— Первое, поздравить желалъ. И другое дѣло есть.

— Говори. Или нельзя при нихъ?

— Можно и при нихъ, и дѣло-то про нихъ. Снѣгу много, какъ бы чего не послучалось. Прикажите мужичкамъ пособить весною какъ рѣка пойдетъ.

— Много снѣгу, такъ воды мало будетъ, развѣ не знаешь?

— Знаю, а все можетъ понадобиться помощь.

— Какъ бывало прежде?

— Барщиной работали, отвѣчалъ староста.

— Видишь ли, Архипъ, мужички не мои, приказывать имъ не могу.

— Не знаю, сказалъ мельникъ, мое дѣло сторона.

— А мы посмотримъ что о мельницахъ въ положеніи гово-

Digitized by Google

рятся. Вотъ о наводкахъ 235 ст.: помѣщикъ можетъ требовать помощи отъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы работа не превышала трехъ дней для каждого наличнаго работника и чтобы эти дни засчитывались въ счетъ рабочихъ дней или за плату по оцѣнкѣ рабочаго дня, которую установитъ губернское присутствіе. Ну, оцѣнки рабочаго дня еще не сдѣлано, такъ въ счетъ барщины, такъ чтоли?

— Слушаемъ.

— Больно послушливы, взлянулъ на нихъ мельникъ. — Спросите-ка, баринъ, на чью мельницу возятъ они хлѣбъ молоть.

— Къ нему возимъ, къ Архипу Семенову.

— За деньги? спросилъ я.

— Безплатно мелю; такой уговоръ былъ съ бабушкой вашей...

— Э! такъ не придется ли вамъ даромъ работать на мельницѣ; нѣтъ ли чего въ положеніи на такой случай.

— Чтожъ, мы готовы для вашей милости.

— Не для моей милости, — лишняго не потребую, а вотъ я читалъ, да недочелъ: къ 235 ст. есть примѣчаніе; гдѣ у васъ водопой!

— У мельницы поимъ.

— «Если плотины устроены для образованія пруда или водопоя, которыми вмѣстѣ съ помѣщикомъ пользуются и крестьяне, то въ случаѣ, упомянутомъ въ настоящей статьѣ, крестьяне обязаны оказывать немедленную помощь, безъ всякаго за то вознагражденія.» Слышали?

— Слышали.

— Поняли?

— Понимаемъ.

— Такъ даромъ?

— Даромъ значитъ.

Мельникъ добродушно засмѣялся: «ты баринъ добрый. Я те вотъ что скажу: что надо по указу, то и дѣлай, а потачки имъ не давай. Нашъ братъ мужикъ, извѣстное дѣло, наровитъ поболѣ выпросить. Вы, господа, его такъ приучили, потому обижать иной не обижалъ крестьянина, а все крестьянинъ у господина, что моя сѣрка на привязи былъ. Человѣкомъ-то не былъ: бариновъ былъ весь. Оттого и благодарности отъ него не жди,

Digitized by Google

отъ мужика, вспомню невачто ему баръ благодарить за прошлое время. Право такъ. А ты баринъ добрый, мужиковъ не забидишь, и незабижай, грѣхъ! А наступать на себя тоже не давай. Что надо по указу, то дай: лишку не давай, не стоютъ жуковцы,— всѣ пьяницы.

— Чудной, указалъ на мельника Савелій: — а все его любимъ, какъ онъ ни коритъ насъ. Пьяницы вишь! Про себя откровенно скажу, пью.

— А зачѣмъ пьешь?

— Какъ не пить-то, Дмитрій Дмитричъ, вино веселитъ! Круглый годъ мужикъ то и знаетъ что работаетъ, на барина работаетъ, на себя работаетъ; тогда перестанетъ работать, когда смерть придетъ.

— Съ горя пилось, такъ что ли?

— Истинно такъ.

— Положимъ, съ горя. А теперь какое же вамъ горе? Вы вольны, барина у васъ не будетъ, зачѣмъ же пить?

— На радостяхъ же, баринъ, нельзя тоже не выпить.

— Вино веселитъ, говоришь ты. А теперь вамъ и безъ него должно быть весело.

— Нѣтъ, баринъ, вино болѣе подвеселитъ.

— Вотъ же я не велю вамъ завтра вина давать.

— На свои купимъ, израсходуемся, а васъ поздравимъ, нельзя не выпить.

— Пьяницы, повторилъ мельникъ: — одинъ въ Жукахъ надежный парень есть; окромя него всѣ гроша не стоютъ.

— Назови твоего парня.

— Ни, самъ-отъ найди и облаготвори.

— Это онъ, баринъ, Софрона скотника полюбилъ. А вотъ онъ скотникомъ-то напомнилъ, — какъ же намъ теперь скотину пасти?

— Какъ прежде было? спросилъ я.

— Прежде господское стадо съ нашимъ гоняли.

— Пускай и теперь такъ.

— Насчетъ жалованья пастухамъ какъ же?

— Пастуховъ нанимали?

— Зубцовскихъ, пастуха съ подпаскомъ. Когда пятьдесятъ, когда сорокъ въ лѣто. Окромя жалованья, полагается имъ одежа и на нашихъ значитъ харчахъ.

Digitized by Google

— Понимаю, стало быть двадцать-пять рублей заплачу я, а двадцать-пять вы; одного я буду кормить, а другого вы. Довольны?

— Какъ не быть довольными. Въ прошломъ годѣ барыня подмогла десятью рублями, а бывало такъ, что одни мы пастуховъ нанимали на свою скотину, а при нашей наслась и господская, говорили крестьяне.

— Много довольны, сказалъ Савелій: — а не то къ осени при расплатѣ съ пастухами расчесть по головамъ, сколько на васъ ляжетъ, сколько на насъ.

— Вѣрно, Савелій, у меня скота больше, чѣмъ на всей деревнѣ?

— Это онъ пустое говоритъ, заговорили другіе: — мы на половину согласны и благодарны барину.

— Какъ знаете, я готовъ по головамъ считать осенью, только какъ бы вамъ не обчесться, сказалъ я.

— Нѣтъ, баринъ, пущай пополамъ.

— Ну, пополамъ. Такъ покуда останутся работы по старому?

— По старому.

— И стадо гонять по старому?

— По старому.

— А мельницу чинить даромъ?

— Даромъ.

— Тоже по старому?

— По старому.

— Нѣтъ ли еще какого дѣла порѣшить?

— Кажись нѣтъ.

— А нѣтъ, такъ прощайте. Когда пріищу землемѣра, привезу, да уже послѣ святой. А вы сѣвомъ не запоздайте; я уже на васъ надѣюсь.

— Будьте покойны.

— И я таперь покоенъ, сказалъ мельникъ:—самъ слышалъ ушми уговоръ о мельницѣ, самъ и потяну на работу; у меня не увернешься.

Пересмѣиваясь съ крестьянами ушолъ съ ними вмѣстѣ мельникъ-говорунъ. Остаться хотѣлъ Поликарпъ, но Архипъ и его увелъ, говоря, что надо мнѣ покой дать.

65903B

Digitized by Google

IV

Съ дороги скорѣе бы въ постель!.. Но мнѣ спать не хотѣлось, и я очень радъ былъ послушать ключницу Петровну, которая вошла съ предложеніемъ: не угодно ли творожку со сметанкою, масла сливочнаго, кашки гречневой? Да нѣтъ ли съ вами, сударь, курушекъ?

— Какихъ курушекъ?

— А такія черненькія есть; барыня Татьяна Осиповна монашками ихъ называетъ.

Припомнились и мнѣ монашки. Бабушка разставитъ ихъ бывало по всѣмъ комнатамъ на мѣдныхъ грошахъ, а я хожу изъ залы въ гостиную, изъ гостиной въ спальню и наблюдаю за каждой монашкой, какъ все ниже-ниже спускается красный огонекъ, какъ верхушка обращается въ пепелъ; свалится ли пепелъ прежде нежели дотлѣетъ курушка или весь останется на раскалившемся грошѣ? Иногда я задумывался надъ ними и мнѣ казалось, что монашка живое существо, что огонекъ жизнь, что гаснетъ огонекъ и монашка умираетъ, а на грошѣ остается прахъ ея!.. Но чаще не задумываясь, я осторожно подсовывалъ подъ горячій грошъ бумагу и дожидался когда чорная монашка сдѣлается сѣрою монашкой; тогда осторожно переносилъ ее на листѣ въ дѣтскую и торопливо сбрасывалъ въ лохань съ водою. Грошъ шипѣлъ и опускался на дно, а пепелъ поднимался и потомъ медленно падалъ на поверхность воды.

— А то курительныхъ бумажекъ нѣтъ ли?

— Ни того, ни другого. Да зачѣмъ тебѣ?

— Запахъ нехорошій въ комнатахъ послѣ мужичья: все это Степановъ новый тулупъ.

— Ничего, пройдетъ.

— Что изволили сказать? я не дослышу.

— Пройдетъ, говорю.

— Пройдетъ-съ, да не скоро. А что Дмитрій Дмитричъ, спрошу я васъ: правду ли говорятъ на деревнѣ? Желала бы вѣрить, да боюсь, не смѣются ли надо мною?

— Что такое?

— Вы не гнѣвайтесь, если вамъ не покажется,—будто ваши теперь Жуки; бабушка-то будто вамъ переписала?

Digitized by Google

— Правда.

— Правда. Ну, слава-богу? Поздравляю васъ; дождалась таки счастья, что вы мой баринъ.

— Видно слышала не все. Жуки точно мои, а ты не моя и не бабушкина, а вольная.

— Такъ и про волю правду говорили?

— Правду. Поздравляю!

— Съ чѣмъ, сударь, поздравлять! Еслибы двадцать лѣтъ назадъ дали мнѣ вольную, поклонилась бы въ ножки барынѣ, а старухѣ куда ее, волю, дѣть: умирать пора.

— Зачѣмъ умирать, поживи.

— А и поживу, не пойду изъ Жуковъ; хоть гоните, не пойду. Знаю, что ни на какое дѣло не годна, — не за что меня кормить и уголъ давать...

— Какъ не за что? На твоихъ рукахъ ключи отъ кладовой, ты все добро берегла.

— Пуще твоего глаза берегла и сберегла бы, оставь онъ мнѣ ключи, а онъ, барыни неспросясь, взялъ и отобралъ отъ меня кладовую.

— Кто онъ?

— Староста вашъ хорошій, Поликашка; виновата, Поликарпъ Федотычъ, чтобы ему ни дна, ни покрышки! Куда онъ, мошенникъ, подсвѣчники дѣвалъ? Мѣдные такіе два подсвѣчника были, одинъ побольше, другой поменьше, чай изволите помнить. Нѣтъ ужь ихъ въ кладовой! Самоваръ вытащилъ; мой говоритъ, барыня подарила. А когда она ему дарила? Вы, Дмитрій Дмитричъ, спросите бабушку, когда это, за какія такія заслуги подарила она ему самоваръ.

— Бабушка не приказывала отбирать у тебя ключи, это я знаю, и Поликарпъ самовольно распорядился. Кладовая опять будетъ подъ твоимъ присмотромъ.

— Благодарю васъ, Дмитрій Дмитричъ! Мнѣ бы и легче на печи лежать, ничего не дѣлать, а противъ людей обидно дармоѣдкой быть. Послужу еще вамъ пока силы есть. Придетъ время хоронить, вспомните, что и я у должности была, на боку не лежала. Въ кладовой-то изволили быть?

— Былъ и спрашивалъ о тебѣ. Сказали, спишь.

— Это Поликашка вамъ сказалъ?

— Онъ.

Digitized by Google

— Точно, я грѣшная, проспала вашъ пріѣздъ. А отчего же онъ не разбудилъ меня? А оттого не разбудилъ, что я бы его на свѣжую воду вывела при всѣхъ. Вы вотъ сами въ кладовой были, видѣли подсвѣчники?

— Какіе-то видѣлъ.

— Можетъ, подложилъ. А не было, знаю, что не было. Есть и теперь подсвѣчники въ кладовой бронзовые, а два мѣдные, одинъ побольше и покраснѣе, другой поменьше и пожелтѣе, ихъ-то видѣли-ль?

— Не замѣтилъ, право.

— Чего и замѣчать, коли нѣту. У него они, у бездѣльника. И самоваръ у него. Дареный, говоритъ. Вы Дмитрій Дмитричъ, спросите бабушку-то: когда молъ, за какія такія заслуги пожаловали вору Поликашкѣ самоваръ.

— Хорошо, спрошу. Завтра опять примешь кладовую, и мы вмѣстѣ съ тобою ее осмотримъ.

— Слушаюсъ. Какъ же, Дмитрій Дмитричъ, и коломенской воды не привезли.

— Тебѣ все курить хочется. Видишь, я курю.

— Табакомъ овчины не закурите: самый злой запахъ, особенно отъ новаго тулупа. Степка никакъ въ первый разъ вырядился. Такъ въ носъ и бьетъ. Можетъ быть у вашего человѣка духи есть или спиртъ?

— Можетъ быть, спроси.

— Развѣ спросить, пойду, а то не заснете.

Петровна пошла къ дверямъ и опять вернулась: — хочу еще спросить васъ, Дмитрій Дмитричъ: какъ же теперь, и крестьяне отойдутъ и дворовые отойдутъ, говорили, послѣ двухъ лѣтъ.

— Отойдутъ.

— И нельзя взять съ деревни мальчика въ поваренки или въ комнаты на подмогу?

— Нельзя.

— Словно вы ужь и не господинъ у себя въ деревнѣ, совсѣмъ безъ рукъ остались.

— Развѣ наемной прислуги мало?

— За деньги какъ не найти, а все крѣпостной вѣрнѣе. Наемный обворуетъ, уйдетъ, поминай какъ звали, а и поймаютъ его, что съ него возьмешь? Своей-то боялся.

Digitized by Google

— Какъ же я до сихъ поръ жилъ? у меня своей прислуги нѣтъ, — всѣ наемные.

— Вы-то точно! Вы, Дмитрій Дмитричъ, и маленькіе были, не любили чтобъ вамъ служили. Умыться ли, одѣться ли, всегда сами. Не то, чтобы позвать, а и сама придешь подсобить, не подпустите. Видно такое было у васъ въ дѣтскомъ возрастѣ предчувствіе. А другимъ господамъ каково? Другой привыкъ, что у него дворни видимо-невидимо. Хоть бы нашъ прежній баринъ Иванъ Фомичъ. И музыканты у него были свои, и пѣсельники свои были, и охотники: бывало поѣдетъ на мѣсяцъ изъ рязанской вотчины въ тульскую, заберетъ съ собою всѣхъ, и собакъ заберетъ; для собакъ особые фургоны были. Музыканты и псари верхами ѣдутъ; мы, дѣвицы, какія на тотъ разъ въ милость къ нему попадали, опять въ особомъ экипажѣ ѣдемъ. Кому ни встрѣнется нашъ поѣздъ, всѣ видятъ, что ѣдетъ баринъ! А нынче, что баринъ, что купецъ, и бороды стали отращивать господа, ничѣмъ не отличаются.

— Тебѣ ужь не жалко ли стараго времени?

— И впрямъ жалко! За старымъ бариномъ Иваномъ Фомичомъ куда весело было жить.

— А не ты ли упросила бабушку, чтобы васъ съ Маврой купили у вашего веселаго барина.

Петровна усмѣхнулась. — Со всячиною бывало, сказала она: когда въ милости, когда въ немилости, то полюбишься, то прочь поди. Пока молода, ну и жизнь была тебѣ. А что когда-бъ взглянулъ на меня теперь батюшка Иванъ Фомичъ, на старуху. Плюнулъ бы: экая молъ стала гадина.

Арина Петровна, въ измятомъ ситцевомъ платьѣ, въ шерстяной выцвѣтшей шубейкѣ, повязанная платкомъ, изъ подъ котораго выбивались сѣдыя пряди, конечно ничѣмъ не напоминала стройную Аришу, любившую и умѣвшую принарядиться и причесаться къ лицу; безъ этой любви и безъ этого умѣнья Ариша не могла бы долго удержаться горничною при бабушкѣ, потому-что онѣ между собою не ладили. Вообще бабушка, обходившаяся съ крестьянами, какъ сама выражалась, «политично», съ дворовымъ людомъ вела себя иначе. Не то чтобы она была строга или даже ворчлива, но каждый проступокъ замѣчала, выговаривала за него дѣльно, доказательно, продолжительно, вызывала на оправданія, почерпая въ нихъ новую силу для но-

Digitized by Google

выхъ убѣжденій, доказательствъ, томленій, кстати припоминая прежніе проступки, когда бы они совершены ни были, подробно и мелочно. Оттого вольные люди не уживались у бабушки, а свои жили обтерпѣлись, пріучились на все находить отговорки, даровито опровергаемыя, разбиваемыя бабушкою. Одной Аришѣ бабушка остерегалась дѣлать замѣчанія, но иногда не сдерживалась. На укоръ отвѣчала укоромъ Арина, всякую свою вину оборачивая на бабушку, и громкимъ голосомъ покрывала ея голосъ. Бабушка приказывала ей выйти вонъ, Арина не уходила и не умолкала; бабушка грозилась, что велитъ ее вывести, Арина запирала дверь на замокъ и продолжала корить барыню, прибирая прежнія ея несправедливости къ ней... Другой на мѣстѣ Арины не сдобровать бы; но бабушкѣ нравились ея локоны, ея лицо «точно дворянское»; бабушка хвасталась красивою горничною передъ знакомыми, которыхъ Дашки и Дуняшки были рыжи или рябы. Выкричавъ все что хотѣла и чего даже не хотѣла, Арина уйдетъ отъ барыни хлопнувъ дверью: видно за предковскія согрѣшенія наслана на меня эта кара! скажетъ она уже за дверью, но такъ, что бабушка слышитъ. И знаетъ бабушка, кого разумѣетъ подъ карой Арина, но молчитъ, рада, что Арина ушла. Бабушка привыкла подъ конецъ къ грубостямъ своей крѣпостной дѣвки и сидя смирно подъ ея укорами, думала иногда: вѣдь это она барыню распекаетъ, барыню, которая можетъ сдѣлать ее на вѣкъ несчастною, до чего забывается. А ну, какъ я разсержусь, выйду изъ себя? Но бабушка не выходила изъ себя, и когда на дворянскомъ лицѣ ея спорливой и сварливой горничной показались морщины, а въ черныхъ локонахъ проглянула сѣдина, она не сослала ее въ деревню на подножный кормъ, а отправила туда съ почетомъ, произведя въ должность ключницы. Другія крѣпостныя горничныя не забывались передъ барынею какъ Арина, но и угодить ей не умѣли какъ Арина, и часто бабушка жаловалась на ихъ неловкость, вспоминая золотыя руки Арины: «Совсѣмъ служить неумѣютъ», скажетъ бывало мнѣ бабушка.

— Зачѣмъ вы не распустите своихъ людей. То ли дѣло наемные: хороши, — держу, не хороши, — откажу.

— Пробовала, отвѣтитъ бабушка: — да что...

— Чтоже?

— Ну, и отказывала... То не по нихъ, другое не по нихъ,

Digitized by Google

а не думаютъ, что если все будетъ по нихъ, такъ по мнѣ ничего не будетъ.

— Когда же кибудь уничтожится крѣпостное состояніе, какъ же тогда?

— Это, вѣрно, ты отъ Аниськи слышалъ батюшка: превредная дѣвчонка! Изволитъ распускать, что скоро сдѣлаютъ ихъ вольными. Дура ты, говорю, ну что ты на волѣ дѣлать будешь? Замужъ, говоритъ, выйду. Слышишь, Аниська выйдетъ замужъ! Да кто тебя дуру возьметъ?

Такъ трунила бабушка надъ Аниськой, такъ въ старые годы трунила она надъ Ариной Петровной, когда какимъ-нибудь вѣтромъ проносилась вѣсть между крѣпостными о близкой волѣ, но подувалъ другой вѣтеръ и относилъ желанную волю...

Бабушка на своемъ вѣку прослушала много слуховъ и оставалась покойна.

Ѣзжалъ къ бабушкѣ одинъ князь Иванъ Федорычъ и обо всемъ сообщалъ ей подробно: въ губернскомъ комитетѣ, не знаю какой губерніи, отстаивалъ старые порядки сводный братъ князя, человѣкъ весьма благонамѣренный. Большинство было на его сторонѣ, — дѣла шли не дурно; въ редакціонныхъ комисіяхъ сдерживалъ и осаживалъ двоюродный племянникъ князя. Но малый онъ былъ дюжинный, и хотя имѣлъ и выражалъ мнѣнія, но оставался при нихъ въ душѣ, а подписывалъ чужія: «Такъ у нихъ положено», передавалъ Татьянѣ Осиповнѣ князь слова племянника и прибавлялъ свои слова: «не постигаю!» дѣла по его мнѣнію шли отмѣнно дурно. «Ухъ, отлегло!» пріѣхалъ къ бабушкѣ князь сказать, что труды комисій сообщены въ главный комитетъ, гдѣ вліялъ его внучатный дядя: «въ секретѣ держитъ, ничего не пишетъ, да ужь стоитъ посмотрѣть на бывшихъ членовъ комисій: какъ обваренные ходятъ.» Но скоро самого князя варомъ обдали, пригласивъ его въ собраніе для выбора членовъ отъ дворянства въ губернское присутствіе. Князь не поѣхалъ въ собраніе, а поѣхалъ къ бабушкѣ.

— Надобно принять мѣры, сказала бабушка, выслушавъ князя.

— Что же вы думаете дѣлать?

— Вы мнѣ скажите, князь: все или не все потеряно?

— Боюсь, что все!

— Однако?

Князь пожалъ плечами.

Digitized by Google

— Я твердо рѣшилась, не буду ждать послѣдней минуты!

— Да, послѣдней минуты, сказалъ князь и уѣхалъ.

Ровно за недѣлю до 19 февраля 1861 года, вечеромъ, когда я сидѣлъ дома и перелистывалъ труды редакціонныхъ комиссій, вошла ко мнѣ бабушка Татьяна Осиповна безъ доклада и перепугала меня: я глядѣлъ на ея капотъ, ея чепецъ, ея лицо и не могъ увѣрить себя, что предо мною бабушка, и бабушку счелъ за привидѣніе. Странно это конечно, но мнѣ ли, родному внуку, было не знать, что Татьяна Осиповна три года съ мѣсяцемъ сиднемъ сидитъ на гороховомъ полѣ, и сидитъ не по болѣзни, не по обѣту, не по капризу даже, а по четвертой причинѣ, которая была: страхъ попасть въ бѣду, лишь выѣдетъ за ворота. Такой домашній арестъ наложилъ на бабушку нѣмой солдатъ. Какъ-то на святкахъ вбѣгаетъ къ ней горничная.

— Барыня! у насъ въ кухнѣ знахарь, который все знаетъ.

— А вы дуры всему вѣрите.

Однако не вѣрившая бабушка велѣла позвать его. Объяснявшійся съ неграмотною дворней знаками, которые были поняты лучше письменъ, солдатъ вѣдалъ, что грамотная барыня не пойметъ его знаковъ и потребовалъ бумаги. Подана была бумага и чернила тоже. Поскрипѣлъ онъ перомъ, сдѣлалъ два клакса на листѣ и подвинулъ къ бабушкѣ свои каракули. Надѣла бабушка очки и прочла «быть съ тобою бѣдѣ на улицѣ.» Съ того дня бабушкины лошади даромъ ѣли сѣно, а овесъ почти задаромъ сбывалъ въ лавочку кучеръ, лишенный возможности возить въ кузницу экипажи въ починку и не имѣвшій другихъ средствъ для удовлетворенія своихъ привычекъ. Можетъ-быть бабушка не повѣрила бы пьяному солдату, но брюсовъ календарь пророчилъ ей опасность между 65 и 70 годами, а именно эти года она переживала. Отдѣльно не повѣрила бы бабушка и Брюсу, но предсказанія солдата и Брюса совпали... Бабушка написала къ князю Ивану Федорычу; князь пріѣхалъ, поговорилъ съ бабушкою и повѣстилъ общимъ знакомымъ на гороховомъ полѣ, на воронцовомъ полѣ и на пространствѣ между обоими полями, что Татьяна Осиповна проситъ старыхъ друзей не забывать ея вторниковъ, а визитами не считаться, потомучто она хвора, выѣзжать не можетъ. Разумѣется, князь не скрылъ причину, скрытую подъ хворостью, но брюсовъ календарь имѣетъ вѣсъ и ходъ на поляхъ: всѣ объявили согласно, что Татьяна Осиповна жен-

Digitized by Google

ница съ характеромъ. Я съ самого дѣтства наставляемъ былъ также вѣровать въ Брюса, но еще болѣе вѣровалъ въ бабушкину стойкость, и, считая по обыкновенному календарю, ранѣе года и семи мѣсяцевъ не ожидалъ выѣзда бабушки, а увидѣвъ ее у себя до назначеннаго графомъ Брюсомъ срока, поддался суевѣрію и, не шевелясь, тупо и глупо глядѣлъ на ея черты, чепецъ, капотъ. Но привидѣніе заговорило бабушкинымъ смѣхомъ, прикоснулось теплой рукой къ моей....Я опамятовался, обрадовался, сталъ усаживать бабушку, предлагая покойное кресло, мягкій диванъ.

— Затвори дверь, сказала бабушка, не садясь.

— Чаю бабушка?

— На ключъ затвори.

Но ключа въ замкѣ не оказалось.

— Такъ стуломъ заставь.

— Успокойтесь, милая бабушка, никто не войдетъ?

— Все таки заставь. Теперь сяду. Ты слышалъ?

— Ничего не слыхалъ, бабушка.

— Такъ я слышала. Черезъ недѣлю объявятъ мужикамъ волю.

— Наконецъ-то! Тянули-тянули. Но это не новость, бабушка. Ждали къ новому году.

— Новость не въ этомъ, а въ томъ, что мужикамъ землю даютъ по четыре десятины на душу. Слышишь ли, по четыре десятины на каждаго безъ разбора, старикъ ли, который съ тягла спущенъ, мальчишка ли, котораго только бы за вихоръ драть.

— Разумѣется съ землею, бабушка, какже иначе?

— Какже иначе? Разумѣется, сударь, безъ земли. Объявить имъ было, что они вольные, могутъ идти на всѣ четыре стороны, если баринъ отпуститъ, если нѣтъ на нихъ недоимокъ казенныхъ, недоимокъ барину. Всѣ вѣдь они господамъ должны, всѣ бы и остались на своихъ мѣстахъ по условіямъ какъ вольные. И обѣ стороны, батюшка мой, были бы довольны. Я, ты меня знаешь, за крѣпостное право не держусь. А земля моя земли у меня не отбирай, землю я купила.

— Но грозилъ бы пролетаріатъ.

— Ужь не говори пожалуста. Мужику дать землю, онъ ее заложитъ, продастъ за полцѣны и станетъ нищимъ. Кому же польза, у меня землю отнимутъ, у меня ее не будетъ. А ему

Digitized by Google

землю отдадутъ, а онъ ее продастъ, и у него земли не будетъ, въ третьи руки перейдетъ, къ купцу перейдетъ.

— Нѣтъ, бабушка, продать мужику землю не такъ-то легко. Въ трудахъ редакціонныхъ комисій...

— Ужь труды! перечеркать бы ихъ надо. Подлинно потрудились, чтобы ихъ во вѣки вѣковъ не забыли. Такъ бы взять съ первой страницы, да и перечеркнуть всю первую крестомъ и вторую и до послѣдней, именно крестъ наложить на нихъ. Кто бы подумалъ, что безъ отмѣны пройдутъ они въ главномъ комитетѣ. Въ немъ люди старые сидятъ, должны бы понимать. Ты мнѣ о редакціонныхъ комисіяхъ лучше не говори.

— Я, бабушка, не стою за комисіи: въ трудахъ комисій можетъ быть есть кой-какіе промахи, люди сидѣли, люди писали.

— Не раздражай меня, батюшка, сдѣлай милость. На моихъ глазахъ выросъ, на мои деньги воспитанъ.

— Я вамъ очень благодаренъ, бабушка, за воспитаніе.

— Не въ обиду сказано, не хорохорься, а обидѣла, прости. Слушать-то васъ терпѣнія не станетъ. Заставила бы я тебя написать все, что ты понаговорилъ, да прочесть, да положа руку на сердце отвѣтить, самъ-то понимаешь ли свою лекцію?

— Кажется, бабушка, ничего еще не сказалъ.

— И не одинъ ты, всѣ вы одинъ другого не понимаете. Будетъ, сиди смирно. Совсѣмъ не за разговоромъ пріѣхала, а за дѣломъ. 19 февраля будетъ объявлена воля въ одинъ день, въ одинъ часъ по всей имперіи. До 19 числа остается недѣля. Въ эту недѣлю, всѣ нужныя бумаги я привезла, ты долженъ перевести Жуки на свое имя.

— Какъ, бабушка?

— Не перебивай. И чтобы вводъ во владѣніе былъ сдѣланъ, все было бы покончено.

— Вы отдаете мнѣ Жуки.

— А, да не цѣпляйся! отстраняясь отъ моей благодарности сказала бабушка: — отдаю, такъ отдаю. Торопись получить: если до 19 не успѣешь всего обдѣлать, такъ и нельзя будетъ. За кѣмъ было, за тѣмъ и останется.

— Это невозможно, бабушка. Если право наслѣдства остается, то и передача.

— Никакихъ правъ не остается. Одно и было право у дворянства, крѣпостное.

Digitized by Google

— Вы сказали, что не держитесь за крѣпостное право.

— И не держусь-таки, да не хотѣла бы видѣть отмѣну его при жизни. Знаю, что правительству не дожидаться же было моей смерти, оттого сама отказываюсь отъ крестьянъ, передаю тебѣ мою деревню, купленную законнымъ образомъ, съ правомъ не только на наличныхъ крестьянъ съ жонами ихъ, вдовами, дѣвками, пасынками, внучатами и пріемышами, но и на родившихся послѣ, на умершихъ прежде, на бѣглыхъ, буде оказались бы, одна вдова-таки и оказалась, на скотъ рогатый крестьянскій и на мелкій, на лошадь и птицу, на хлѣбъ, на всякое имущество крестьянское, со всѣми правами, съ какими пріобрѣла, тебѣ передаю. Пускай же не моимъ, а твоимъ крестьянамъ объявляютъ волю: я и дворню всю распустила сегодня, ни одной души не оставила.

— Вотъ же вы сами отпустили дворовыхъ, а могли бы ихъ удержать.

— Стану я держать Артюшку, когда по глазамъ его вижу всѣ его мысли.

— Какія же у него мысли?

— А такія, что вотъ я былъ твой крѣпостной, думаетъ онъ, а теперь вольный буду. И бранить ты меня не смѣешь, и сѣчь ты меня не смѣешь.

— Вы и прежде его не наказывали, и никого.

— Да могла наказывать, право-то у меня было, а теперь связаны руки, съ связанными руками страха не нагонишь.

Я никогда не видалъ бабушку въ такомъ превосходномъ состояніи и желая ее успокоить, перемѣнилъ разговоръ, перейдя къ другому предмету, затронувшему мое любопытство.

— Наконецъ-то выѣхали вы! сказалъ я: — давно я вамъ говорилъ, что не стоитъ вѣрить глупому предсказанію.

— Ты думаешь, я вѣрю.

— Какъ же было не думать.

— Не вѣрю, умомъ не вѣрю, но что прикажешь дѣлать, не могу себя заставить выѣхать. Велю заложить лошадей, подадутъ ихъ къ крыльцу, дойду до передней, голова закружится.

— Но сегодня?

— Сама не знаю, забыла о солдатѣ, хотѣла непремѣнно тебя увидѣть, не откладывая до завтра.

Digitized by Google

— Вы прекрасно сдѣлали, что сами пріѣхали, сдѣлали начало. Но могли бы вы прислать за мною.

— Некого. Я вѣдь сказала, что всѣхъ распустила. Одна Малашка наемная при мнѣ.

— Неужели всѣ разбѣжались, какъ только получили билеты.

— Ни одинъ не ушолъ, то то и бѣда моя. Некуда наемныхъ помѣстить.

— Такъ ни одинъ не ушолъ, было стало-быть кого послать?

— Не только разсылать, а негодяямъ на глаза мнѣ запретила показываться. Гдѣ же моя табакерка?

— Можетъ быть забыли дома.

— Нѣтъ, не забыла. Навѣрное знаю, что взяла ее. Ну, если потеряла? Прикажи поискать въ сѣняхъ.

Распорядившись розыскомъ табакерки, я вернулся къ бабушкѣ:

— И повара прогнали?

— Архипа отпустила.

— Кто же вамъ обѣдъ готовилъ?

— Принесли изъ гостинницы.

— Оставили покрайней мѣрѣ кучера. Хотя помоему, если кого прогнать, такъ именно Николая. И пьетъ, обкрадываетъ васъ.

— Воръ и пьяница. Отпустила и его.

— Какъ, и его? Но кто же на козлахъ, Малашка? сорвалось у меня съ языка.

— Твоя бабка не сошла еще съ ума, чтобы дѣвку сажать на козлы, внука стыдить.

— Виноватъ, милая бабушка, но кто же васъ привезъ?

— А не знаю, мой другъ, какъ его зовутъ, извозчика.

Бабушка обидѣлась и назвала меня другомъ. Я зналъ, что это почтенное названіе — худой знакъ: послѣ «друга» или слѣдовали наставленія или наставало убійственное молчаніе.

Но пришолъ посланный за табакеркой съ докладомъ, что нѣтъ ее ни въ саняхъ, ни въ сѣняхъ; бабушка перемѣнилась въ лицѣ: она дорожила табакеркой, подаркомъ мужа, моего дѣда; на крышкѣ былъ его портретъ. Бабушка заглядывала во всѣ углы, я свѣтилъ, но табакерки не нашли мы.

Digitized by Google

— Довольно, сказала бабушка не своимъ голосомъ: — незачѣмъ попусту искать и сѣла на диванъ. Я вспомнила.

— Вѣрно дома оставили.

— Вспомнила, повторила бабушка, вспомнила, что бѣдѣ случиться со мною на улицѣ, и случилась она на улицѣ, бѣда! Подарилъ мнѣ твой дѣдъ въ имянины и сказалъ: «пока будешь ее носить, буду знать, что помнишь меня и любишь меня. Будто же я не люблю его теперь, не помню, говорила бабушка, и двѣ крупныя капли выкатились изъ ея глазъ. Бабушка вытерла ихъ и сидѣла молча, покачивая головой.

— Можетъ быть найдется дома, рѣшился я подать надежду, и самъ испугался.

Бабушка зарыдала, залилась слезами, твердя слова дѣда, что пока она будетъ носить табакерку, онъ будетъ знать, что она его любитъ и помнитъ: «а развѣ-жь я не помню его, не люблю? Подарилъ въ имянины, и на крышкѣ его портретъ!.. Дай мнѣ Митя воды».

Я радъ былъ цѣлое ведро вылить на бабушку и спросилъ: «не нужно ли еще, когда она выпила цѣлый стаканъ холодной воды, переводя духъ.

— Будетъ, сказала бабушка:—погоревала, и будетъ!

Она встала. Я взглянулъ ей въ лицо, и меня передернуло: никакихъ слѣдовъ слезъ и горя, только мокрый платокъ оставался въ рукѣ свидѣтелемъ пробѣжавшаго чувства, но и этотъ свидѣтель долженъ былъ скоро высохнуть.

— Хлопочи же, Митя, сказала бабушка: — о Жукахъ; потребуются деньги, не жалѣй, не торгуйся, двѣсти, триста дамъ и еще прикину, лишь бы дѣло скорѣе повернуть; бумаги пересмотри. Если не въ порядкѣ, скажешь мнѣ; завтра заѣзжай ко мнѣ, а мнѣ пора.

— Я провожу васъ, бабушка.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Но вы на извозчикѣ.

— Что же что на извозчикѣ.

— Темная ночь.

— Номеръ извозчика запертъ въ моемъ бюро: басманной части, 132.

Бабушка засмѣялась, но мнѣ не смѣшно было. Я готовъ уже былъ думать, что не зналъ бабушки, что она совсѣмъ не такая,

Digitized by Google

какою я привыкъ ее видѣть, что она можетъ чувствовать, какъ всѣ мы... Но вышла отъ меня бабушка тою же, какою я привыкъ ее видѣть: чувству не поддающеюся, спокойною, ровною, какъ написанная на полотнѣ женщина, изъ жизни которой выхватилъ художникъ одинъ моментъ, позволяя намъ судить о ея характерѣ по одному моменту.

Крестьянскій вопросъ только пришолся бабушкѣ къ сердцу, задѣлъ ее за живое, заставилъ выдти изъ рамы.

Я перебралъ бумаги, ни одной не было забыто, но Жуки были въ залогѣ, чего я не зналъ. Годъ залога былъ 1858, тотъ самый, въ который дворяне всѣхъ губерній заявляли длинными списками своихъ фамилій желаніе улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ. Бабушка всегда была противъ залога имѣній, но съ 1858 года, мысли ея объ этомъ предметѣ, какъ видно измѣнились. Между тѣмъ, залогъ Жуковъ требовалъ лишней переписки, и могъ помѣшать мнѣ сдѣлаться помѣщикомъ до обнародованія манифеста, если бы его обнародованіе можетъ быть молитвами бабушки Татьяны Осиповны, не было отложено.

V

— Ну, вы! А что, баринъ, испить водицы можно? И обогрѣться бы, ноги зазябли.

— Далеко?

— До города-то? Пять верстъ.

— Стоитъ ли останавливаться.

— Больно прозябъ, и жажда томитъ.

— Трактиръ что ли здѣсь.

— Нѣту трактира, деревня: у огня погрѣться, да воды испить.

И не дожидаясь моего полнаго согласія, ямщикъ поворотилъ къ избѣ, соскочилъ съ облучка и подошолъ къ лошадямъ.

Вѣтеръ ли бьетъ вамъ въ лицо, снѣгъ ли хлопьями застилаетъ глаза, но подвигаясь впередъ на ѣздѣ, не чувствуется такой стужи, какая прохватитъ васъ, когда остановитесь.

Не весела-таки зимняя погода. Нѣсколько верстъ пожалуй полюбуешься бѣлымъ снѣгомъ, одинаково покрывшимъ зеленую озимь и истоптанное стадомъ поле, завалившимъ пахучіе стога

Digitized by Google

и вонючія порытыя въ торфяномъ болотѣ ямы, но на шестой или седьмой верстѣ воротникъ подымешь повыше, шапку надвинешь пониже и не смотришь на снѣгъ,—ни изъ кибитки, какъ на солнцѣ блеститъ онъ серебромъ по краямъ дороги, ни въ кибиткѣ, какъ онъ падаетъ на шубу правильными звѣздами, крестами и иными образами, — холодно! Нехотя закроешь глаза подъ мѣхомъ и отдашься одному слуху. И чутокъ онъ дѣлается: явственнѣе скрипъ полозьевъ, взмахъ кнута и понуканья обозчиковъ, которыхъ обгоняетъ ямщикъ, съ немалымъ трудомъ, просьбой и бранью ровняя возы, раскидавшіеся во всю ширь дороги. А свернетъ онъ самъ съ нея къ жилью, взглянешь, и на виду кучи сгребеннаго наѣзжаннаго снѣга да голыя ветлы, какъ большіе вѣники, уродливо торчатъ у забора. Скучно и холодно, скучнѣе и холоднѣе, чѣмъ на ѣздѣ. Еще бы остановка на станціи, покрайней мѣрѣ спросишь самоваръ, перекинешь послѣдніе листы въ книгѣ проѣзжающихъ, посмотришь, какимъ почеркомъ впишетъ смотритель подорожную, а остановка не по уставу почтовому и не по собственному капризу, а единственно по желанію ямщика, у котораго съ мороза ноги окоченѣли и съ того же мороза въ горлѣ пересохло? Тутъ ни самовара, ни разговора не жди.

Поглядѣлъ я на избу, обложенную съ осени соломою, заметенную за зиму снѣгомъ, выкарабкался изъ повозки, переступилъ калитку и по хрустѣвшему подъ ногами навозу, какъ по недавно примерзшему болоту, добрался до крыльца, а чрезъ двѣ ступени до двери. Не высоко стѣлятъ полъ отъ земли въ крестьянской избѣ. Такимъ тепломъ обдало меня, когда я переступилъ порогъ, что распахнуться было истиннымъ удовольствіемъ.

— Кого вамъ? вскочила баба.

— Никого, тетка. Дашь воды напиться, спасибо скажу, а позволишь покурить, вдвое буду благодаренъ.

— Курите себѣ, а вода въ кадкѣ, и ковшъ тамъ. Купецъ чтоль?

— Проѣзжій.

— Съ города?

— Въ городъ изъ Москвы.

— Аль дѣло какое?

— Дѣло есть. Ну, что хозяйка, объявили вамъ волю?

— Намъ неча объявлять, мы и то вольные.

Digitized by Google

— А за другихъ будто грѣхъ порадоваться.

— За другихъ-то.

— Да, за господскихъ крестьянъ.

— Кто ихъ знаетъ. Вы купецъ чтоль?

— Нѣтъ, не купецъ, въ городъ ѣду, а изъ города въ деревню, бабушка деревню мнѣ подарила.

— Подарила? Теперь-то? Ишь добрая. Баба засмѣялась.

— Чего смѣешься?

— Ничего, своему смѣху смѣюсь. Чтоже ты будешь, баринъ, въ деревнѣ дѣлать?

— А вотъ введутъ меня во владѣніе.

— Введутъ во владѣніе, повторила баба и больше прежняго засмѣялась.

— Созову мужичковъ, поздравлю ихъ съ волею.

— Поздравишь. То-то обрадуются, какъ поздравишь. Чай не знаютъ сердечные. А сама хохочетъ.

— Ѣдемъ, ваше благородіе, нечего мѣшкать, вошолъ ямщикъ и напустилъ съ надворья морозу.

— Ай-да молодецъ, развѣ я мѣшкаю?

— Ноги совсѣмъ-отъ зашлись, маненько поотогрѣлся.

— Прощай хозяюшка.

— Прощайте. Шибче вези барина, въ деревню поспѣшаетъ, къ крѣпостнымъ мужичкамъ, потѣшалась баба на проводахъ.

Опять залѣзъ я въ кибитку, съ головою закутался въ шубу и до самого города размышлялъ о томъ, какъ упорядиться у себя въ деревнѣ.

Скоро въѣхали мы въ городъ.

Ямщикъ, по моему приказанію везти меня куда хочетъ, только бы недалеко было отъ земскаго суда, минуя станцію и трактиръ, доставилъ на постоялый дворъ. Черезъ часъ былъ я въ судѣ и знакомился съ секретаремъ, который, выслушавъ меня, попотчивалъ табакомъ, предложилъ присѣсть, а самъ сходилъ неторопливымъ шагомъ въ присутствіе и, вернувшись, сказалъ, что Иванъ Ермоланчъ спрашиваетъ: угодно ли мнѣ, чтобы вводъ во владѣніе былъ торжественный или обыкновенный!

— Какая же разница?

— Собственно для ввода, какъ вамъ извѣстно, должны отправиться въ имѣніе исправникъ, уѣздный стряпчій и становой приставъ.

Digitized by Google

— Ну да, временное отдѣленіе.

— Такъ-съ. А можно и эдакъ, что поѣдетъ одинъ становой, а исправникъ и стряпчій послѣ подпишутъ. Разница въ томъ, что вводный листъ вы получите днемъ позднѣе, когда подпишутъ.

— Понимаю: торжественнымъ называете вы вводъ съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, требуемыхъ закономъ, а обыкновеннымъ, вводъ безъ соблюденія формъ.

— Если угодно, я вѣдь такъ и докладывалъ: Иванъ Ермоланчъ сами поѣдутъ, только во всю эту недѣлю имъ некогда.

— Выходитъ, подумалъ я, что исправникъ, дѣйствующій какъ завѣщалъ обычай, хотя и задержалъ бы меня на недѣлю, не смѣя бросить болѣе важныхъ дѣлъ, но непремѣнно поѣхалъ бы самъ во главѣ временнаго отдѣленія и отъѣхалъ бы накормленный, напоенный, съ прибавкою въ бумажникѣ и съ сознаніемъ, что не отступилъ ни на шагъ отъ закона, и... отъ обычая. А нашъ исправникъ, Иванъ Ермоланчъ, отшатнувшійся отъ обычая, закона неписаннаго, брезгающій угощеньемъ и благодарностью, на каждомъ шагу обходитъ законъ писанный. Какъ же говорятъ, что обычай самъ по себѣ, законъ самъ по себѣ? Вотъ же есть такой случай, гдѣ оба рядомъ идутъ: одного не соблюдешь, и другой опущенъ.

— Такъ я доложу Ивану Ермоланчу, что вамъ желательно во всей формѣ, сказалъ секретарь, не получивъ отъ меня отвѣта.

— Нѣтъ, пожалуста пускай пришлетъ станового. Извините, я задумался о другомъ.

Удивленными глазами взглянулъ на меня секретарь, непонимавшій, какъ можно задумываться у дверей присутствія.

— Нынче командируемъ, завтра выѣдетъ. Табачку-съ, поднесъ онъ мнѣ табакерку на прощанье, какъ и на здравствованіе.

У постоялаго двора обступили меня вольные ямщики. Какой-то Семенъ бывалъ въ Жукахъ, гдѣ у него нашлись двѣ кумы и два крестника, съ нимъ я и поладилъ. Запрягли мигомъ и выѣхали на проселокъ гуськомъ, пробираясь по чуть замѣтному слѣду, запушонному недавнимъ снѣгомъ. «Ишь волкъ прошолъ», указалъ ямщикъ мой на дыры подлѣ дороги, протянутыя до самого лѣса, который былъ отъ насъ въ саженяхъ пятидесяти. Только потемнѣли зеленыя ели, но также заботливо, какъ лѣтомъ, прятали отъ мимо ѣдущаго и мимо идущаго свою непро-

Digitized by Google

ѣздную, непроходную чащу, выставляя на показъ одни сучья, щедро засаженныя колкими иглами, съ которыхъ стряхивались при вѣтрѣ, качавшемъ деревья, налетавшія снѣжинки.

— Чей лѣсъ?

— Прогалина, баринъ такой. Слыхали, чай, судьбище у него идетъ съ крестьянами.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Марфинкой деревня его прозывается, душъ до сотни было. Отъ города недалече, рукою подать, неча сказать, жить можно. Ну, и жили, таково хорошо у нихъ было, да на бѣду годъ съ небольшимъ и погори. Ни единаго двора, какъ есть, не осталось. Собрались этто мужики къ барину просить помочь имъ. Вышелъ къ нимъ баринъ, распросилъ, какъ все было, порадовался, что ни одна божья душа не сгорѣла. Чтожъ, говоритъ, помочь вамъ надо; только вамъ на прежнихъ мѣстахъ строиться незачѣмъ. «Гдѣ прикажешь, отецъ родной?» думаютъ, что на версту отъ своихъ хоромъ отгонитъ для простора себѣ значитъ. Гдѣ, говорятъ, прикажешь? Да, говоритъ баринъ, вы давно переведены въ могилевску губернію, три года переведены. Такъ, ваше благородіе, губернія что-ль прозывается, откелево къ намъ почесть кажный годъ гробари захаживаютъ, работой напрашиваются, потому у нихъ земля не родитъ. Эва куда онъ ихъ задумалъ загнать. Извѣстное дѣло мужики заупрямились; хоть умирать, а не пойдемъ въ могилевску губернію. Какъ хотите, говоритъ баринъ, не пойдете, такъ отведутъ; тѣмъ и покончилъ. И ужь не знаю, какъ онъ подвелъ, а только отвезли ихъ туда. Душъ съ тридцать никакъ живутъ, кто въ городѣ, кто у насъ по деревнямъ.

— Бѣжали!

— Зачѣмъ бѣжать. Тамошній управитель выдалъ билеты, по оброку значитъ. Намедни встрѣлся мнѣ одинъ, говорилъ, что просьбу опять подали въ Питерѣ. А какъ ваше благородье, вернутъ ихъ таперича въ Марфинку?

— Нельзя вернуть, самъ ты говоришь, что три года уже перечислены они по другому имѣнію.

— Три года, а землю изъ подъ нихъ женѣ продалъ; я, говоритъ, по закону не могу вамъ позволить жить въ Марфинкѣ, у меня, говоритъ, нѣту ни полдесятины тутъ, моя земля въ могилевской губерніи, тамъ и живите.

Digitized by Google

— Видишь, братъ, сказалъ я: — три года назадъ помѣщики имѣли право переводить крестьянъ.

— А для че-жъ онъ ихъ въ тѣ поры не перевелъ. До самого пожара въ Марфинкѣ жили.

— На бумагѣ перевелъ, все равно.

— А для че-жъ не объявилъ имъ въ тѣ поры. Какъ вотъ погорѣли, такъ и ступайте вонъ. Хитрое дѣло, ваше благородье, какъ ни поверни.

— Смотри-ко, впереди ѣдутъ.

— Знаемъ-ста.

Послушно бѣжалъ передній конь по узкой дорожкѣ, не срываясь, не спотыкаясь. На насъ ѣхали сани, тоже гусемъ. «Объѣзжай», твердо крикнулъ мой ямщикъ и остановилъ лошадей. Но будто глухой, возжей не тронулъ чужой ямщикъ, въ сторону глядя. «Слышь, объѣзжай», повторилъ громче Семенъ, съ тою же твердостью. Не спорилъ чужой ямщикъ, а взглянулъ впередъ и длиннымъ своимъ кнутомъ хлестнулъ по ноздрямъ нашей лошади, которая круто свернула въ снѣгъ, потащивъ за собою коренника съ повозкой. Безъ помѣхи пронесся другой гусекъ мимо насъ: ни сѣдокъ, ни возница не отозвались на брань моего Семена: «Лѣшій, прямой лѣшій», ругалъ онъ въ слѣдъ, проваливаясь и вытаскивая лошадей.

— Знаемъ-ста, поддразнилъ я.

— Марфинскій Пантелей, я жъ его доѣду. Эдакіе озарники! По дѣломъ ихъ сослали въ могилевскую губернію, не надо бы имъ пачпортовъ давать.

Я не слушалъ его и смотрѣлъ на мой старый домъ, до котораго не было версты. Захотѣлось мнѣ скорѣе домой: не прислать ли тебѣ помощь, я дойду пѣшкомъ? Но ямщикъ обидѣлся: «Жуковцы засмѣютъ, сказалъ онъ:—что я на двухъ животахъ довезъ васъ до мѣста; лучше мнѣ и денегъ вашихъ не надо.»— Такъ я самъ тебѣ помогу. «Чего помогать, сидите, закричалъ ямщикъ, рванулъ за узду рыжаго, вывелъ его на дорогу и шлепнулъ по ребрамъ: иди моль! Потомъ взялъ за узду коренную, и барахтаясь съ нею вмѣстѣ въ рыхломъ снѣгу, да покрикивая заставилъ натужиться и вывести повозку.

— Ну, вы, по гладкой дороженькѣ, расправляйте ноженьки.

Послушно бѣжалъ впереди рыжій конь, вытягивая постромки; за нимъ, нога въ ногу, не наѣзжая, не осаживая, ровною

Digitized by Google

рысью выносилъ гнѣдой коренникъ, потряхивая оглоблями, покачивая дугой.

Минуя неминучую лѣтомъ крутую гору, мы съѣхали къ Яснушкѣ-рѣчкѣ и проскакавъ льдомъ сажень двѣсти, поднялись отлого спускавшимися къ ней полями, по которымъ прошла зимняя дорога, къ околицѣ, проѣхали околицу, проѣхали улицу и и завернули на дворъ.

— Съ пріѣздомъ поздравляю, прибавить бы надо, просилъ ямщикъ у крыльца.

— За что прибавить?

— Знатно прокатилъ, что твоя почта.

— Почта дешевле братъ.

— На то она почта, казенная значитъ. А мы-съ то на своихъ лошадяхъ перевозимъ. За эвту скотину ста рублевъ не возьму. Во какъ. Здравствуйте Поликарпъ Федотычь, обратился онъ къ старостѣ, прибѣжавшему отворять двери: барина привезъ.

— Нечто невижу, отвѣчалъ не ласково староста, когда я снималъ шубу въ передней и не долженъ былъ его слышать, но сухія стѣны дома выдали его неудовольствіе.

Съ чего я началъ, когда пріѣхалъ въ деревню и какъ провелъ весь день, было сказано. Можно бы не досказывать, что наконецъ я легъ спать, и крѣпкій сонъ отогналъ до утра воспоминанія о прошломъ времени и думы о предстоявшемъ раздѣлѣ съ Жуковцами по уставной грамотѣ.

V

Какъ легъ я на правый бокъ свечера, такъ на правомъ боку проснулся утромъ въ 11 часовъ, не помня никакихъ сновъ. Пожалуй, становой пріѣхалъ, подумалъ я и торопился встать. Однако оказалось, что «становой еще не бывалъ, а собрались понятые изъ окрестныхъ деревень и ждутъ съ 8 часовъ, да староста приходилъ два раза.»

— Поликарпъ, спросилъ я.

— Приходилъ и Поликарпъ одинъ разъ, а два раза приходилъ Михей, тоже называетъ себя старостой. Ужь какой онъ староста, доложила Петровна, которую я нашолъ въ передней. Пріѣхавшій со мною отроческихъ лѣтъ слуга сгибъ съ моихъ глазъ въ деревнѣ.

Digitized by Google

Дивясь, почему-бы это съ Михея начинать, когда его ноба ни съ того ни съ другого края не пришлась, я хотѣлъ послать за нимъ, но Михей самъ шолъ въ третій разъ навѣдаться, и увидавъ меня въ окно, ускорилъ шаги.

— Ты очередной староста? спросилъ я, когда Михей вытеревъ ноги въ передней, вошолъ въ кабинетъ.

— Точно такъ-съ.

— Отчего же начали не съ Василья, не съ Андрона, какъ хотѣли.

— Лошади у меня нѣтъ, отвѣтилъ Михей.

Казалось-бы, такое заявленіе не могло служить отвѣтомъ на мой вопросъ.

— Ну? потребовалъ я объясненія.

— У тебя сказали нѣтъ лошади, ты и будь старостой, объяснилъ Михей.

— На какой срокъ тебя назначили.

— На мѣсяцъ.

— На мѣсяцъ, стало быть въ твою очередь не придется начинать сѣва, а все таки я съ тобою потолкую. Ты знаешь ли, гдѣ надо овесъ сѣять.

— Знаю-съ.

— Такъ передай тому, котораго послѣ тебя назначатъ и наблюди, чтобъ онъ распорядился порядкомъ, не запоздалъ-бы.

— Слушаюсь.

— Я вѣдь не знаю, кто будетъ назначенъ, а полагаюсь на тебя.

— Будьте покойны.

— На святой или на Ѳоминой постараюсь самъ пріѣхать.

— Слушаюсь.

— А не пріѣду, такъ ужъ ты распорядись.

— Будьте покойны. Больше приказаній не будетъ.

— Какія же приказанія. При вводѣ, когда становой пріѣдетъ, надо будетъ и своихъ и чужихъ водкой поподчивать. Только. Можешь идти, а ко мнѣ позови Поликарпа и Софрона.

— Они сами хотѣли къ вамъ идти, небойсь дожидаются тутъ.

— А если тутъ оба, прежде Софрона позови. Михей ушолъ и все таки наслѣдилъ сапогами.

Михея смѣнилъ Софронъ, поклонился и уперся глазами въ полъ.

Digitized by Google

— Что скажешь?

— Что сказать. Пришолъ къ вашей милости спросить: какъ со мною будетъ. Дворовый-ли я, крестьянинъ ли, ничего не знаю.

— Ты записанъ въ крестьянахъ, при семьѣ Андрона; ты родня ему?

— Троюродный братъ. Какъ же теперь? Мать еще мою барыня во дворъ взяла, когда отца въ сотскіе выбрали. Онъ въ деревнѣ и не жилъ, а когда приходилъ, во дворъ же приходилъ. И я во дворѣ родился. Стало, въ крестьяне мнѣ поступать?

— Если желаешь.

— Ничего и въ крестьяне, а только избы нѣтъ у меня. Опять обзаведенія никакого: ни лошади, ни сохи.

— Ни лошади, ни сохи, говоришь, а пахать-то умѣешь-ли?

— Пахать умѣю.

— Гдѣ же ты выучился?

— А самъ выучился. Гонишь скотину, прежде съ подпаскомъ бывалъ,—гонишь это мимо поля, видишь, пашутъ, подойдешь къ кому: дай-ко, дядя, поработаю за тебя. Такъ выучился и косить и молотить, всякую крестьянскую работу умѣю. Только обзавестись тяжело.

— Зачѣмъ тебѣ обзаводиться. Ты приписанъ къ Андроновой семьѣ, къ Андрону и поступишь на готовое.

— Значитъ, на Андрона работать. Отецъ-то мой, когда въ крестьянахъ былъ, старше былъ Андронова отца. Андроновъ отецъ на моего работалъ.

— Все равно, работалъ бы на Андрона, еслибы въ его семьѣ оставался. Андронъ старше тебя.

— Да коли-бы оставался, а я во дворѣ жилъ, во дворѣ родился. Опять же коли мнѣ въ Андрону въ семью, Андронъ женатый, въ первый наборъ мнѣ лобъ забрѣютъ.

— Какъ же быть?

— Не знаю, какъ. Я вотъ къ вамъ пришолъ спросить, наше дѣло темное.

— Есть въ положеніи статья, подъ которую ты подходишь: записанные въ крестьянахъ, но не пользовавшіеся землею, могутъ выписаться изъ общества въ мѣщане или въ казенные крестьяне.

— А отъ земли отказаться надо.

Digitized by Google

— Надо отказаться.

— Землю-бы лучше взять.

— И я думаю, что лучше.

— А лобъ забрѣютъ, это ужъ я знаю. Ну, коли я выпишусь, землю послѣ могу купить.

— Можешь, были-бы деньги.

— Какъ же надо выписываться.

— Покуда еще нельзя; когда будетъ назначенъ посредникъ, тогда объявишь ему.

— Посредникъ. Это что изъ крестьянъ-то будутъ выбирать.

— Нѣтъ, изъ крестьянъ будутъ выбраны старшины, судьи для волости, старосты, добросовѣстные, а мировые посредники назначаются изъ помѣщиковъ для разбора между помѣщиками и крестьянами.

— Избирать же посредниковъ крестьяне будутъ?

— Нѣтъ, крестьяне будутъ выбирать старшинъ и старостъ, добросовѣстныхъ, судей, смотрителей магазиновъ.

— А этихъ помѣщики же изберутъ?

— Назначитъ губернаторъ по совѣщанію съ предводителями

— Съ предводителями, спросилъ Софронъ.

— Да, съ предводителемъ губернскимъ и съ предводителемъ уѣзднымъ.

— Знать пойти на выписку. Ну, а на какомъ же положеніи буду я, пока не выпишусь.

— На томъ же, на какомъ былъ. Ты на какомъ былъ положеніи?

— Два пуда муки мнѣ отпускается въ мѣсяцъ, тулупъ на два года.

— А деньгами?

— На сапоги три рубля въ годъ.

— Что пара стоитъ?

— Четыре рубля.

— Гдѣ-жъ ты бралъ четвертый рубль.

— Часто не покупаю. Софронъ приподнялъ ногу, показавъ истертую, не стучавшую на полу подошву сапога.

— Все же покупалъ.

— Приложишь своихъ, отъ муки.

— А на пищу хватало?

— Хватало: иной день хлѣба ломоть съѣшь, а на другой водой запьешь.

Digitized by Google

— Ты на скотномъ дворѣ.

— Да, за скотомъ хожу.

— Куда-же ты пойдешь, если выгнишешься изъ общества.

— Мѣстовъ много, а хотѣлось-бы на родинѣ жить. Послужилъ бы вашей милости.

— Какое-же бы ты съ меня жалованье спросилъ?

Софронъ вскинулъ голову и взглянулъ мнѣ прямо въ глаза въ первый разъ.

— Не знаю, сказалъ онъ, положите сами.

— Я меньше твоего знаю, подумай.

— Коли скажу, а вамъ покажется много.

— Скажу, что много, поторгуемся.

— Какъ бы не было вамъ обидно?

— Не бойся.

— Пятьдесятъ рублевъ коли скажу? взглянулъ опять на меня Софронъ.

— Скажу, много.

— Много! А какъ бы вы думали, баринъ, у насъ на деревнѣ работнику въ лѣто даютъ сорокъ и сорокъ пять, а я иду на вѣчную работу на весь годъ.

— Такъ оно, да ты не одинъ у меня. Если всѣмъ класть по пятидесяти, весь доходъ уйдетъ на жалованье.

— Кому всѣмъ?

— Петровнѣ, скотницамъ, Ванюшкѣ.

— У Петровны свои деньги есть...

— Это не мое дѣло.

— Петровну гоните, не пойдетъ. И скотницы не пойдутъ, а Ванюха тоже крестьянинъ.

— Нѣтъ, онъ дворовый.

— Въ Ванюхѣ и проку мало. На скотномъ одинъ я управлюсь лѣтомъ, а на зиму въ подмогу мнѣ пріискать паренька за десять рублевъ можно.

— Все таки пятьдесятъ рублей много.

— Такъ ужъ не знаю, какъ быть. Софронъ опять сталъ упорно смотрѣть въ полъ.

Я молчалъ.

— Порѣшите, баринъ, меня скорѣе, вздохнулъ онъ, не томите.

— Хорошо, я тебѣ дамъ пятьдесятъ рублей, если увижу, что

Digitized by Google

ты ихъ стоишь, а покуда, до выхода твоего изъ общества, кладу тебѣ три рубля въ мѣсяцъ. Это вѣдь больше трехъ рублей въ годъ.

Весело взялъ Софронъ зеленую бумажку и поблагодарилъ. Будете довольны, сказалъ онъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ, Софронъ.

— Двадцать пять.

— Жениться еще не думалъ?

— Какъ думать-то! осмотрѣться прежде надо; одинъ живешь — проживешь, а съ женою-то... Софронъ не договорилъ.

— Позови Поликарпа и самъ приходи съ нимъ.

Развязно вошолъ Поликарпъ, съ улыбочкой обратился ко мнѣ.

— Такъ я тебя отпускаю, привѣтствовалъ я его.

— Я бы вамъ послужилъ, Дмитрій Дмитричъ, безъ всякаго интереса.

— Спасибо. Какъ же бы ты послужилъ мнѣ: лучше или хуже, чѣмъ бабушкѣ служилъ?

Поликарпъ собирался отвѣчать, но зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Становой ѣдетъ, сказалъ Софронъ.

— Сходи же къ Михею, вели созвать крестьянъ и понятыхъ, а съ тобою, Поликарпъ, лучше намъ не разговаривать. Станемъ сводить счетъ, хуже будетъ.

Становой подъѣзжалъ.

Колокольчикъ, возвѣщающій пріѣздъ земской полиціи, не уносить въ заоблачныя края. Равнодушно прислушивался я къ его звукамъ, и когда желѣзное кольцо языка, колотившее въ мѣдь, звякнуло у крыльца въ послѣдній разъ, а потомъ, погодя застукало тихо и не ровно, я догадался, что отъѣхали сани, а становой раздѣвается и валитъ отъ него паръ въ передней. Я ждалъ и видѣлъ, какъ повернули ручку замка и потянули дверь. Осторожно, безъ шума и треска, не повредивъ петлей, отворилъ половинку и вошолъ господинъ, въ мундирномъ сюртукѣ, гладко остриженный, сѣдой, совершенно не похожій на станового пристава. Извѣстно, что становой пишется съ усами и бакенбардами, съ краснымъ носомъ и блестящею лысиной на головѣ. Я готовъ былъ спросить, кого имѣю удовольствіе видѣть, но убѣдился, что предо мною самъ становой, когда вслѣдъ за нимъ появился письмоводитель въ истертомъ фракѣ, застегнутомъ на всѣ наличныя пуговицы, а потому почти разстегнутомъ, въ пес-

Digitized by Google

тромъ жилетѣ, закапанномъ чернилами и съ подвязанною щекой. Письмоводителя я тотчасъ узналъ, точь въ точь, какъ пишется.

— Позволите начать, спросилъ приставъ, и на мое предложеніе прежде пообѣдать, возразилъ, что люди ждутъ, такъ лучше съ дѣломъ покончить.

— Ваша правда, ждутъ съ 8 часа, а теперь скоро 3.

— Готовьте, обратился онъ къ письмоводителю, который изъ засаленнаго портфеля вынулъ бумагу гербовую и бумагу не гербовую, разложилъ ее на столѣ, подвинулъ чернильницу, освидѣтельствовалъ раскепъ пера на большомъ ногтѣ, откашлялся, какъ будто не писать, а говорить собирался, плюнулъ на полъ съ остервенѣніемъ, такъ что плевокъ издалъ звукъ, и принялся писать, перевѣсивъ голову на лѣвую сторону.

— Когда допишешь до формы, спроси, сказалъ ему становой и обратился ко мнѣ: «вотъ вы изволили замѣтить: ждутъ съ 8 часа, а что намъ прикажете дѣлать? Напримѣръ сегодня въ становую квартиру велѣно къ 6 часамъ вызвать четверыхъ, прикосновенныхъ къ одному дѣлу. Такъ вѣдь въ назначенное время хоть бы кто изъ нихъ явился. Двое пришли къ 10, а двое еще позднѣе, около 11 часовъ. А въ 11 часовъ я располагалъ здѣсь быть... а какъ къ 11-то собрались только, ну и провозился съ ними съ добрый часъ, раньше третьяго-то въ Жуки не могъ пріѣхать, подъ 25 верстъ будетъ.

— Быть не можетъ, чтобы отъ Хитровки было 25 верстъ.

— Отъ Хитровки-съ пять-съ, да ваша деревня къ 1 стану принадлежитъ, а въ Хитровкѣ квартира 3-го стана.

— Отчего же такое раздѣленіе; кажется, удобнѣе было бы приписать Жуки къ Хитровскому стану, который ближе.

— Оттого это-съ, что вся лѣвая сторона по дорогѣ къ одному стану отнесена, а правая къ другому.

— Готово, доложилъ письмоводитель голосомъ соборнаго діакона.

Становой приставъ вынулъ изъ жилета клочекъ бумаги, исписанный карандашомъ и продиктовалъ слова, принятыя на основаніи положенія въ замѣнъ обыкновенно употреблявшихся въ вводномъ листѣ. «Идите читать», сказалъ онъ письмоводителю. Письмоводитель всталъ, и скользнувъ на собственномъ плевкѣ, опять плюнулъ и двинулся къ передней, гдѣ уже собраны были крестьяне.

Digitized by Google

Приставъ и я, пошли за нимъ.

— Жаль мнѣ, ребята, сказалъ я понятымъ, что долго мы васъ продержали.

— Благодаримъ на добромъ словѣ, какъ быть, знать несподручно было Ипату Никитичу ранѣ, безъ нужды не держалъ-бы. Крестьяне кланялись приставу, который, сказавъ: «ладно», повторилъ письмоводителю читать. «Слушайте», пробасилъ письмоводитель и сталъ читать: Вводный листъ 1861 года, марта дня. Внимательно слушали крестьяне, и послѣ словъ, громче другихъ прочитанныхъ: «приказавъ крестьянамъ, водвореннымъ на вышеозначенной землѣ, исполнять всѣ законныя требованія, согласно положенію 19 февраля 1861 года, новому владѣльцу, — не дожидались вопросовъ слышали-ли и поняли-ли, а сами въ нѣсколько голосовъ, сказали: слушаемъ, и слышавъ и понявъ, что исполнять должны одни законныя требованія помѣщика, согласно положенію, и что они не крѣпостными названы, а водворенными на вышеозначенной землѣ.

— Можно теперь поднести, сказалъ я.

— Неграмотнымъ можно, отвѣчалъ письмоводитель, а грамотнымъ послѣ, но кромѣ одного всѣмъ оказалось можно, ибо грамотный нашолся одинъ. Пока въ передней неграмотные понятые выпивали по третьему стаканчику, грамотной понятой сидѣлъ въ кабинетѣ и трудился — писалъ.

— Пиши, приказывалъ письмоводитель грамотному: къ сему.

— Ксему, написалъ грамотный.

— Временно обязанный крестьянинъ.

— Обвязанный хресьянинъ, написалъ грамотный.

— Водворенный на землѣ.

— Одвореный, написалъ грамотный.

— Водворенный, во, слышишь во.

Грамотный поставилъ сверху: въ.

— Не дворовый ли ты, спросилъ я.

— Дворовый-съ, отвѣчалъ грамотный.

— Чего-жь ты, чортовъ сынъ не говорилъ, закричалъ письмоводитель.

— Вы бы его спросили прежде замѣтилъ приставъ, подходя къ столу: не было бы ошибки.

— Народецъ! Это я вамъ скажу.

Digitized by Google

— Нечего сказывать, а надо прежде опрашивать, наставительно повторилъ приставъ.

Жаль, что листъ испорченъ, сказалъ я.

— Отчего-же испорченъ, нѣтъ-съ, это не важное-съ, кто же справляться будетъ, дворовый-ли онъ, или крестьянинъ. Какъ же ты плохо пишешь, братъ, а еще дворовый. Лакей что-ли?

— Садовникъ-съ.

— Еще и садовникъ! На растеніяхъ ярлыки ставите, надо правильно писать.

— У насъ по латынскому надписываютъ, отвѣчалъ садовникъ, а русскую грамоту я точно плохо знаю, отвыкъ, все на латынскую сбиваюсь.

«Suum cuique», неожиданно проговорилъ письмоводитель и поспѣшилъ удержать садовника, который счелъ и эти слова за диктантъ. Не понимаешь?

— Изъ ученыхъ тоже, шепнулъ мнѣ Приставъ, изъ неокончившихъ въ семинаріи.

— Кончилъ, ну и ступай, водочки выпей теперь, и я съ тобою выпью; пойдемъ, говорилъ письмоводитель, направляясь къ толпѣ крестьянъ, изъ которыхъ нѣкоторые стояли въ кабинетѣ, другіе въ передней.

— Все что-ли ваше благородіе? Можно идти? спрашивали его.

— Ступай на всѣ четыре.

— Прощайте Дмитрій Дмитричъ, кричали мнѣ понятые, за угощеніе благодарствуемъ, много довольны.

— На чаёкъ-бы пожаловали, сказалъ кто-то.

— Вы-жъ водку пили, вступился за мои деньги письмоводитель.

— Водка сама по себѣ, а то чаекъ.

— Такъ подавай водку назадъ, съострилъ письмоводитель и расхохотался.

— Какъ же, баринъ, подошолъ ко мнѣ Савелій: все что-ли покончили?

— Все.

— Другіе нечто не будутъ.

— Кто другіе.

— Исправникъ, Стряпчій, какъ водится.

— Не будутъ, имъ некогда.

Digitized by Google

— На Приставѣ закончимъ.

— Да.

— Крѣпко-ли, баринъ?

— Крѣпко.

— То-то, я о вашей милости подумалъ.

— И за мною и за вами крѣпко, не бойся.

— О магазеѣ сказать что ли?

— Непремѣнно. Иванъ Никитичъ! Какимъ порядкомъ берутъ ссуды изъ запасныхъ магазиновъ.

— Съ прошеніемъ къ предводителю-съ слѣдуетъ войдти, какъ прежде было-съ. Да если прикажете, Нилъ Ѳедосѣичъ напишетъ отъ Жуковскихъ крестьянъ просьбу о выдачѣ въ ссуду изъ запаснаго магазина хлѣба.

— И овса, спросилъ Нилъ Ѳедосѣичъ.

— Тоже овса, сказалъ Савелій.

— Душъ у васъ много-ль.

— Тридцать шесть душъ, да намъ по четверти бы на тягло, десять тяголъ у насъ.

— Осемьнадцать четвертей затребуемъ, по полчетверти на душу будетъ.

— Будетъ, и овса тоже бы четвертей двѣнадцать, потому на посѣвъ надо и лошадямъ корму нѣтъ.

— Не по лошадямъ требуй, а по душамъ же. На тридцать шесть душъ девяти четвертей достанетъ. Ладно. Такъ и затребуемъ въ прошеніи. Да списокъ еще надобно подворный съ обозначеніемъ, сколько душъ въ каждой семьѣ, сколько на каждую семью придется хлѣба и овса. Да еще присяжный листъ надо. Кто у васъ старики?

— Старикъ одинъ и есть, Гаврило Сысоичъ, сказалъ Савелій.

— Одного нельзя, трехъ надобно. Ну не старики, такъ старожилы. Кто старожилы?

— Всѣ живемъ на своихъ мѣстахъ.

— Вы, Нилъ Ѳедосѣичъ, сказалъ я, бумаги успѣете послѣ написать, а теперь спросите себѣ обѣдать.

— Спрошу-съ, отвѣчалъ письмоводитель такъ твердо, что я больше о немъ не безпокоился; голоднымъ эдакого барина не оставишь, самъ найдетъ.

Сѣли мы съ Приставомъ за обѣдъ. «Нѣтъ-съ, не пью», прикрылъ онъ рюмку.

Digitized by Google

— Такъ краснаго?

Но становой отказался и отъ краснаго. Вы вотъ, сказалъ онъ, предложили вина, какъ всякій хозяинъ предложитъ, а отказался гость, бутылку на мѣсто поставили. Вспомнилъ я какъ въ прошедшемъ году были мы на вводѣ у одного генерала. Исправникъ ѣздилъ, стряпчій ѣздилъ, я. Входимъ, а генералъ стоитъ у стола, закусываетъ. На столѣ чего-чего нѣтъ, а больше всего штофовъ и бутылокъ. Не отвѣтивъ на наши поклоны, генералъ указалъ намъ рукою на закуску, а самъ отошолъ къ окну, смотритъ. Сѣрый-то, говоритъ, съ сапомъ, а былъ бы конь.... И обернулся. Что-жъ не пьете! Исправникъ отказался. Генералъ глазами на него потаращилъ и указалъ рукою стряпчему и мнѣ. Стряпчій выпилъ рюмку водки. По чинамъ, люблю, сказалъ генералъ, думая, что я выжидаю, и когда стряпчій отошолъ отъ стола съ балыкомъ въ зубахъ, опять указываетъ мнѣ.

— Я поблагодарилъ.

— Ну, говоритъ.

— Не пью, ваше превосходительство.

— Что, какъ заоретъ онъ, становой да не пьетъ! Это что за вздоръ! Исправника не неволю, да дворянствомъ выбранъ, почетный человѣкъ. А становому не спущу. Пей, не то оболью, и налилъ водки въ стаканъ: «Вотъ какъ долженъ пить становой» и опрокинулъ стаканъ въ свою глотку. Опять наливаетъ... «Онъ точно не пьетъ, замолвилъ за меня исправникъ, доктора ему запретили». Генералъ взглянулъ на меня щурясь: «Чортъ знаетъ что, становому доктора запрещаютъ, дрянь же онъ у васъ; вотъ какъ долженъ пить становой,—и другой стаканъ выдулъ не поморщившись». Точно что твоему превосходительству становымъ бы быть, подумалъ я; былъ бы настоящій.

— Вы не только не пьете, и не ѣдите ничего.

— Плохой ѣдокъ-съ. Этимъ развѣ должность по мнѣ-съ, что ѣда нигдѣ не задержитъ.

— За то Нилъ Ѳедосѣичъ васъ, я думаю, задерживаетъ. Должно быть, любитъ покушать.

— Любитъ-съ, а не скажу, чтобъ задерживалъ. Онъ какъ-то живо управляется. Мы съ вами оба мало ѣли, а сидимъ еще за столомъ, онъ же вѣрно покончилъ и съ ѣдой и съ бумагами. Изволите слышать, подъѣзжаютъ сани, стало-быть, готовъ.

— Не пора-ли, Ипатъ Никитичъ, до большой дороги за-

Digitized by Google

свѣтло надо бы добраться, въ дверяхъ показался письмоводитель.

— А бумаги о магазинномъ хлѣбѣ.

— Сданы по принадлежности.

— Такъ ѣдемъ-те, сборы не долги; становой приставъ первый подалъ мнѣ руку, сознавая себя человѣкомъ порядочнымъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, сытъ и пьянъ, сказалъ на прощаньи письмоводитель, пихнулъ наскоро въ портфель бумаги, подобравъ лоскутки и обрѣзки, а также, нечаянно или кстати захватилъ мое стальное перо, и пошатываясь послѣдовалъ за приставомъ.

Распорядившись передачею всякаго зерна, муки, сѣна, соломы съ рукъ Поликарпа на руки Софрона, и возвращеніемъ кладовой въ вѣденіе Петровны, я сталъ также собираться въ Москву. Ямщикъ, подряжонный въ оба конца—отъ города до деревни, отъ деревни до города, запрягъ въ обратный путь рыжаго въ корень, а гнѣдого поставилъ впереди, чтобы не обидно имъ было, объяснилъ онъ мнѣ.

Жуковцы, подгулявшіе на вводѣ, пришли толпой меня проводить и поклонились миской съ яйцами; бери на дорогу, говорили они, когда я отнѣкивался, бери и мисочку. Это нашъ первый тебѣ и послѣдній поклонъ. А старостой Михея назначили, потому назначили Михея, что лошади у него нѣту. Становой-ли пришлетъ за старостой, пущай идетъ безлошадный, а насъ отъ дѣла не отрываетъ. Да. Счастливаго пути Дмитрій Дмитричь, о святой ждать будемъ. Трогай.

Тронули со двора шагомъ, отъ двора хорошею рысью; попадались на дорогѣ одни мужики-порожняки, и завидя гусекъ, сами съѣзжали въ снѣгъ, оглядывали насъ, но шапокъ не ломали передъ сосѣдомъ, какъ бывало прежде, когда каждый мужикъ думалъ, что къ барину-сосѣду какъ-бы въ крѣпость не попасть и напредки ему про всякъ случай кланялся.

VII

— Девятымъ числомъ пишите, памятнѣе будетъ! Праздникъ у насъ, такъ отъ праздника и пойдетъ на новый ладъ.

— Девятымъ, такъ девятымъ, сказалъ я и выставилъ нуль

Digitized by Google

съ хвостомъ на оставленномъ для цифры мѣстѣ. Кто начнетъ подписываться? Твой дворъ отъ околицы первый, Андронъ, тебѣ и честь.

Я всталъ, а Андронъ сѣлъ на мое мѣсто, ухватилъ всѣми пятью пальцами перо и намалевалъ подобіе сучковатаго деревца, ни однимъ сучкомъ не представлявшее букву «к».

— Черти дальше, или усталъ.

— Не то, что усталъ, а спросить хотѣлъ.

— Спрашивай.

— Нельзя ли не подписывать?

— Оно точно, лучше не подписывать, вторили ему въ толпѣ.

— Какъ знаете, ребята, только безъ подписи уговоръ не въ уговоръ.

— Значитъ, надоть, сказалъ Андронъ и прибавилъ къ первой буквѣ другія: «слово», «есть», мыслете», «у», составившія вмѣстѣ изгородь, чрезъ которую, еслибы соорудить ее по Андронову образцу, не проскочить и курицѣ.

Подписывалъ Андронъ условіе о переходѣ крестьянъ сельца Жуковъ на оброкъ, по взаимному съ помѣщикомъ согласію, а согласіе такое составилось послѣ переговоровъ, длившихся ни много, ни мало, недѣлю.

На Ѳоминой я пріѣхалъ въ Жуки съ землемѣромъ. Тотчасъ приступили мы къ дѣлу. У крестьянъ оказался высшій надѣлъ, десятины съ три перепадало сверхъ, но утвердить его за ними, на вѣки, какъ существовавшій по уставной грамотѣ, нельзя было, потомучто господскія угодья были перемѣшаны съ крестьянскими. Разсмотрѣвъ на планѣ жолтыя пашни, зеленые лѣса и луга, голубыя рѣчки и пруды, я предложилъ землемѣру, не стѣсняясь цвѣтами, очертить слѣдуемое количество десятинъ поближе къ крестьянскому поселенію. Такъ и сдѣлалъ землемѣръ, и вычислилъ, что пашни у крестьянъ прибавится, сѣнокосовъ убавится, но зато лѣсные замѣнятся заливными луговыми, и кромѣ того останется за ними Мождюхинскій лѣсной участокъ, отданный бабушкою имъ для расчистки подъ пашню, но не расчищенный и обратившійся изъ поруби въ рѣдкій лѣсокъ. До размѣра лѣса не могъ онъ дойти въ тридцать лѣтъ, потомучто силу брать его не допускали, въѣзжая то за жердью, то за коломъ. Несмотря на рѣдину въ Мождюхино нечего было думать идти за грибами, ни просто погулять. Кажется, выберешься на

Digitized by Google

полянку, но сплошь полянка завалена высохшими сучьями, а подъ сучьями торчатъ пеньки, на которые, не видя ихъ, наступаетъ нога. По всей справедливости, Мождюхинскій лѣсокъ, находившійся во временномъ пользованіи крестьянъ, долженъ былъ поступить въ постоянное ихъ пользованіе. А что не воздѣлали они его въ поле, не выростили въ лѣсъ, ихъ же была вина! Удовлетворенный проектомъ нарѣзки, я созвалъ крестьянъ и объяснилъ границы предполагавшагося надѣла. Но проектъ мой былъ отвергнутъ, непрактичность его была мнѣ доказана и мною сознана. Дѣйствительно, онъ былъ удобенъ только на бумагѣ; его прямыя линіи рѣзали овраги и луга, въ черту крестьянскаго надѣла вгоняли клинъ господской пашни, оставляя за чертой хвостъ крестьянскаго покоса. Съ общаго совѣта положено было дать срокъ обѣимъ сторонамъ подумать до осени. Но опять возбужденъ былъ вопросъ о переходѣ на оброкъ, и этого вопроса до осени откладывать крестьяне не хотѣли.

Я возражалъ, что надо же кому-нибудь снять мой хлѣбъ и скосить мои луга.

Мнѣ возражали, что я могу нанять работниковъ.

Я возражалъ, что наемъ работниковъ требуетъ денегъ, а у меня денегъ нѣтъ; вотъ если они внесутъ мнѣ половину оброка впередъ, какъ и по положенію слѣдуетъ, тогда пожалуй.

Но на такое предложеніе объяснялось, что у нихъ тоже денегъ нѣтъ, а внесутъ они половину къ Покрову.

Подалъ-было за барщину голосъ Михей, и Михея поддержалъ-было Кондратій.

— Какъ угодно, Дмитрій Дмитричъ, а плохая будетъ барщина, сказалъ Савелій. Вы изволите слушать Михея съ Кондратьемъ, извѣстно, они съ чего къ барщинѣ тянутъ: у Кондратья три тягла, а на три тягла одна лошадь, а Михей, хоша свое тягло несетъ, а лошади ни одной.

— Должны купить? сказалъ я.

— Извѣстное дѣло, купило, поддержалъ и барина и барщину Кондратій.

— Купить? На куплю купилки нужны. По осени всѣмъ барыня приказала купить лошадей и деньги дадены. Были у нихъ и лошади.

— Мою свели, сказалъ Кондратій.

— То-то свели. Кто свелъ-то, не самъ ли? обвинялъ его Са-

Digitized by Google

велій. У тебя вишь свели, а у Михея пала. Отчего у меня не свели; будешь стеречь, конокрадъ не подойдетъ, да у конокрада и не сведутъ.

— Чего ругаешься, обидѣлся Кондратій.

— А у Михея пала, продолжалъ Савелій. Отчего у меня не пала, у Василья не пала, у Андрона не пала?

— Лошаденка дрянная была, корма не ѣла, оправдывался Михей.

— Не ѣла корма? И ѣла бы, да ты давалъ ли сей корма. Былъ ли онъ у тебя? До зимняго пути небойсь весь доставилъ въ городъ, нечто не видѣли. Извините, Дмитрій Дмитричъ, что при васъ говорю съ ними, а барщина будетъ неладная, какъ вамъ угодно.

— Какъ же, ребята, я всѣхъ спрашиваю.

— Съ оброкомъ грѣха меньше, заговорили крестьяне. Барщина одинъ грѣхъ будетъ.

— Когда же внесете первую половину?

— Какъ сказали, къ Покрову.

— Нельзя ли раньше?

— Не осилимъ.

— Гдѣ же я найду косцовъ и жнецовъ, которые ждали бы денегъ до Покрова. Да продовольствовать ихъ надо, а на продовольствіе деньги идутъ ежедневныя.

— Отдали бы намъ, баринъ, и скосить и сжать изъ полу, сказали мнѣ.

Я отвѣчалъ, что луга можно отдать изъ половины, можно и овесъ отдать, потомучто его еще не сѣяли и пашни подъ него не подготовили, хотя и обѣщались не упускать времени, но половину ржи отдавать, сказалъ я, не приходится: подъ неё не пахать и ее не сѣять, только снять — вся работа.

— Кто же землю-то подъ нее поднималъ, кто обсѣялъ-то зерномъ, все мы же, надоумилъ Василій.

Можетъ быть, бабушка Татьяна Осиповна доказала бы неопровержимо, что пахали землю въ прошломъ году и сыпали въ землю зерно ея крѣпостные мужики—Василій, Савелій, Степанъ, которыхъ у нея теперь нѣтъ; ибо для нея крѣпостные Василій, Савелій, Андронъ не существуютъ, политически умерли, а стоятъ передъ нею и ведутъ съ нею новыя рѣчи новые люди, вольные крестьяне Василій, Савелій, Степанъ. Ихъ она все равно

Digitized by Google

что не знаетъ, потомучто знать не хочетъ. Но я видѣлъ тѣже рябины на вольномъ лицѣ Степана, какія уродовали крѣпостное лицо его, видѣлъ туже бороду у вольнаго Василья, какая была у крѣпостного Василья, спутанную, въ одну сторону подавшуюся, точно ее съ другой стороны вѣтромъ поддувало, и не могъ отличить прежнихъ Степана и Василья отъ ставшихъ будто бы другими Василья и Степана.

— Вамъ бабушка подарочекъ сдѣлала, имѣньицемъ васъ наградила, а вы намъ подарочекъ сдѣлайте, половиной хлѣбушка наградите, поблагодаримъ, прибавилъ Василій.

И оттого ли, что на подарочекъ, на имѣніе безденежно доставшееся, иначе смотришь, не высчитывая процентовъ на затраченный капиталъ, только я согласился. Рѣшено было Жуковцамъ перейти на оброкъ по положенію, т. е. платить по 10 р. съ души и до введенія уставной грамоты обработывать мои поля изъ половины. Рѣшено было въ главномъ, но кончились толки о подробностяхъ не однимъ днемъ.

— Какъ же, баринъ съ Ѳомки, съ Карпушки, съ Демида, съ Ѳоки тоже по 10 р. возьмете?

Я объявилъ, что не беру съ Ѳомы или съ Демида, а съ жуковскаго общества, которое отвѣчаетъ круговою порукой въ исправности платежа.

— Тяжеленько намъ за ребятъ будетъ платить, не тягловыя они вѣдь.

— Развѣ ихъ земля не у васъ, убѣждалъ я.

— Да пущай возьмутъ ее, мы за землей не гонимся. Коли бы ребята попрежнему жили у насъ, ну такъ, а то тяжело, сказалъ Кондратій.

— Заберите ихъ опять.

— Чтожь забирать. Отошли, ну и пусть, съ дядею возжаются, а онъ съ ними.

— А какъ по вашему, спросилъ я,—можетъ Прохоръ у Николая отнять избу?

— Не можетъ, сказалъ Савелій, это онъ не дѣло говоритъ.

— Здѣсь онъ?

— Ушолъ въ городъ билетъ выправлять. Мы сказали ему, что безъ билета не дозволимъ проживать у насъ. Нонѣ строго, становой заказывалъ никого не держать. Кто его знаетъ, въ безсрочный ли онъ взялъ, али взялъ да бѣжалъ, мы не знаемъ.

Digitized by Google

— У тебя мальчики, Николай?

— Всю избу заполонили, мнѣ съ хозяйкой мѣста нѣтъ.

— Зачѣмъ пускалъ?

— Какъ же было не пускать? Онъ сказалъ, что съ вашего приказа.

— Никакого приказа не давалъ я. Онъ ко мнѣ приходилъ, побывавъ прежде у васъ.

— Сказывалъ, что въ безсрочномъ отпускѣ.

— Да, отвѣчалъ я, сказалъ, что выпросился въ отпускъ, чтобы устроить сына и племянниковъ. Не приходится, говоритъ, имъ по чужимъ угламъ жить. Хорошее дѣло, я говорю, выстрой имъ домъ. Что же, говоритъ, строить, своя у нихъ изба стоитъ, прикажите Николаю очистить, а то намъ тѣсно. Сталъ я его допрашивать, онъ мнѣ и разсказалъ, что перевелъ племянниковъ и сына къ Николаю. Моя, говоритъ, изба, у меня права на нее не отнимутъ.

— Никакого права не имѣетъ, повторилъ Савелій, потому солдатъ. Когда въ чистую выйдетъ, тогда можетъ, а теперь онъ ничто.

— Стало-быть только отъ того не можетъ, что срока не выслужилъ. А сынъ его, а племянники?

— Они, извѣстное дѣло, могутъ погнать Николая.

— Я, сударь, чѣмъ же виноватъ, мнѣ бабушка ваша приказала перейдти въ ихнюю избу, отозвался Николай.

— Пущай не виноватъ, а изба прохоровымъ ребятамъ должна идтить.

— Куда-жъ Николаю дѣваться, спросилъ я.

— Куда-жь мнѣ-то дѣться, запросилъ Николай.

— По нашему глупому разуму барская воля отдала Прошкину избу Николаю, барская воля и устрой его, когда его гонятъ настоящіе хозяева. Извините, сударь, мы по простотѣ говоримъ, а вы разумнѣе насъ, коли не такъ,—поучите.

Можетъ быть, бабушка Татьяна Осиповна не приняла-бы за насмѣшку воззваніе Савелья Кузьмина къ разуму господскому и поучила бы, что по старому закону не изба одна, но и послѣдняя рубаха на крестьянинѣ, стиранная и заплатанная, принадлежала барынѣ, а по новому закону нельзя мужику на барыню жаловаться по дѣламъ давно прошедшимъ, и доказала-бы, что она добро сдѣлала Николаю, давъ ему избу; добро сдѣлала

Digitized by Google

мальчикамъ, давъ имъ кормильцевъ; добро сдѣлала хилому ихъ дѣду, посадивъ его на готовую мѣсячину не за работу какую, а ради однихъ старыхъ его лѣтъ; добро сдѣлала дурѣ его дочери, указавъ ей трудъ, безъ котораго совсѣмъ бы дѣвка одеревенѣла. И не осудимъ бабушку, какъ помѣщицу: оставь она на мѣстѣ мальчиковъ съ дѣдомъ и глупою теткой,—натерпѣлись бы они голода—холода; переведи она вмѣстѣ съ дѣдомъ внучатъ во дворъ, мальчики безъ призора баловались-бы, и балуясь все таки получали за дѣло — не дѣло пинки отъ взрослой дворни, а родовая изба ихъ, въ ней ли бы они остались, на господскомъ ли дворѣ жили, давно завалилась-бы неподправляемая, небережная. По старому закону, по крѣпостному праву бабушка поступила человѣколюбиво, и не краснѣя могла бы указать на ст. положенія, не какъ неправду ея прикрывающую, но справедливо ограждающую ея бывшее право, во зло ею съ умысломъ не употребленное, но во многихъ случаяхъ ставившее помѣщика въ затруднительное положеніе, изъ котораго выбирался каждый по своему разсужденію, держась обычая дворянскаго и не вдумываясь, хорошъ ли обычай.

Но я не былъ помѣщикомъ крѣпостного имѣнія, обычаевъ прежнихъ не зналъ; я сдѣлался прямо помѣщикомъ имѣнія, населеннаго свободнымъ народомъ, когда старый порядокъ, казавшійся барину естественнымъ, а мужику привычнымъ, былъ надорванъ, а новаго еще не завелось. И потому-то, не зная какъ поступить въ иномъ случаѣ, вслушивался я въ мужицкое слово, которое съ языка, долго бывшаго на привязи и наконецъ—то развязаннаго, пошло навсю Русь, подкрѣпленное не законами и указами, а мужицкою простотою и мужицкимъ разумомъ. Не могла смущать и оскорблять новая мужицкая рѣчь меня, не слышавшаго старой мужицкой рѣчи, бѣдной словами, богатой недомолвками!

— Какъ хотите, ребята, а вѣдь и Николай не виноватъ, повторилъ я.

— Такая моя участь, сказалъ Николай, какъ-то опустившійся съ тѣхъ поръ, какъ былъ смѣненъ бабушкою, чувствовавшій себя больше забитымъ, нежели былъ забитъ прежде до назначенія въ старосты.

— По вашему, продолжалъ я, надобно его гнать изъ избы, а по моему нѣтъ, потомучто ему барыня не на срокъ жилье

Digitized by Google

дала, а чтобы спора не было, такъ я Ѳомѣ избу выстрою. Какъ это будетъ по вашему?

— Ничего, такъ согласиться можно. Ѳомка поблагодаритъ, что поставите ему замѣсто старой новую избу, а Миколаю жилье его остается—милость ваша.

— Какая же милость, когда бабушка отдала ему давно избу.

— Кабы ему барыня свое какое строеніе пожаловала, и вамъ бы не отнять, не то что другимъ, а то строеніе то Татьяна Осиповна, не осердитесь сударь, чужое отдала.

— Все же бы Николай могъ у меня требовать избу, могъ бы на меня жаловаться?

— Жаловаться завсегда можно; какъ разсудятъ, этого знать не можно. По нашему изба не его, а Прошкина, а онъ пущай въ прежній дворъ идетъ.

— Къ тебѣ? А ты принялъ бы его?

— Нѣту, не пустилъ бы, воля ваша, долго врознь жили, не уживемся.

— Ну, братъ Савелій, я уже тутъ ровно ничего не понимаю; самъ ты говоришь, что долженъ Николай въ прежній дворъ идти, а прежде онъ жилъ у тебя, а ты его не пустишь?

— Онъ, баринъ, не по своей волѣ отъ меня перешолъ, и коли избу отбираютъ у него, некуда ему больше идтить, одно что въ первое жилище!... Такъ то. А меня работника лишили, также не по моей волѣ; выходитъ, я то могу его не впущать къ себѣ!...

— Какъ же сдѣлать?

— Такъ сдѣлать, какъ говорили. Вы, баринъ, хорошо разсудили, никому не въ обиду.

Порѣшонъ былъ вопросъ о старой избѣ, но опять пошли толки о скидкѣ за 4 души, не несущія тягла, *гулящія*.

— Да это вѣдь 40 рублей, сказалъ я.

— 40 и есть.

На такое требованіе отказала бы и не бабушка. Видимо было, что за полный душевый надѣлъ слѣдуетъ полный душевый оброкъ, и до Ѳомокъ, Карпушекъ Демидокъ помѣщику не было дѣла, расправляйся съ ними и съ землею на ихъ души приходящеюся міръ какъ знаетъ. Но разныя бываютъ настроенія. Случалось ли вамъ иногда изъ за пятака биться — торговаться съ извощикомъ и настоять на сво-

Digitized by Google

емъ такимъ образомъ, что онъ остается выжидать болѣе тороватаго сѣдока, а вы дальше пойдете пѣшкомъ и двумя минутами не захватите кого вамъ непремѣнно было нужно видѣть? А въ другой разъ, сойдясь въ цѣнѣ съ извощикомъ, передадите ему гривенникъ сверхъ уговора, такъ, кляча ли его, взявшись неохотно съ мѣста, возбудитъ ваше состраданіе, самъ ли онъ вамъ жалокъ покажется въ своемъ треухѣ и въ дырявомъ кафтанишкѣ, или, не смотря на облѣзлый треухъ и худой кафтанъ, очень ужь лихо прокатитъ вскачь, дуя до устали сплетеннымъ концомъ возжи по ребрамъ пѣгой, захлестывая невзначай и по вашей шапкѣ.

Я былъ въ такомъ настроеніи, что согласился скинуть 40 рублей изъ оброка. Не могъ я быть въ иномъ настроеніи и не согласиться на скидку. Полагаю, что 40 руб. въ послѣднемъ случаѣ остались бы въ недоимкѣ на крестьянахъ.

— О переходѣ на оброкъ и объ отдачѣ полей изъ половины сдѣлаемъ условіе на бумагѣ, сказалъ я.

— Этто, чтобы назадъ нейдтить, охрана для васъ?

— Для меня и для васъ одинаковая. Да на слово-то я вамъ и не повѣрилъ бы, прежде подпишите условіе...

— Подписывать-то, этого мы не любимъ.

— Надо полюбить, уставная впереди. Одну грамоту подпишите, другую, уставную то есть, легче будетъ подписать.

— Чай, баринъ, и безъ подписи уладились бы таперича.

— Нѣтъ, ребята, вы меня уже обманули: обѣщали не запаздывать работами, а ярового поля не засѣяли.

— Время не ушло, поздняя нонѣ весна была.

— Сосѣдніе обсѣялись, одни мы опоздали.

— Мы и своего-то поля не засѣвали.

— Нѣтъ мнѣ дѣла до вашего, я о моемъ хлопочу.

— Признаться, приказа не было, ждали все, не подъѣдете ли. Хотѣли къ намъ о святой побывать.

— Говорилъ, что буду, да не навѣрное, и старостѣ вашему Михею говорилъ, чтобы не дожидался моего пріѣзда. Онъ и долженъ былъ распорядиться нарядомъ, если безъ наряда, вы не можете работать.

— Срокъ мой вышелъ, на мѣсяцъ назначали, отозвался Михей.

— А что я тебѣ приказывалъ на случай, если твой срокъ выйдетъ, вспомни-ка.

Digitized by Google

— Изволили сказать, чтобы я передалъ о сѣвѣ кому чередъ придетъ въ старосты.

— Ну?

— Послѣ меня никого не назначили, оправдался Михей.

— Отчего же вы послѣ Михея не назначили очередного?

— То-то васъ поджидали, кажный день думали, подъѣдете.

— Отчего же вы своихъ полей не засѣяли? Для вашихъ полей и наряда не было нужно.

— Все же васъ поджидали: хотѣли попросить сѣменовъ, признаться, у васъ.

— Положимъ, что такъ. Ну, а мельницу отчего не починили. Мельникъ жаловался на васъ.

— Мы ему, баринъ, не отказывали; одно что сказали, повременй, потому праздники.

— Праздники прошли.

— А Микола-то подходитъ, завтра вонъ ужь Микола, храмовой у насъ праздникъ. Такъ и порѣшили мы опосля Миколы приняться какъ надоть за работы, и за сѣвъ значитъ, и плотину исправить.

— И было бы у васъ послѣ Николина дня два дѣла, оба спѣшныя. Не въ одномъ, такъ въ другомъ ждать бы мнѣ убытка.

— Будьте покойны, Дмитрій Дмитричъ, управимся.

— Я не безпокоюсь о мельницѣ, оттого-то и не напоминалъ вамъ о ней, съ мельникомъ я сдѣлалъ другой договоръ: онъ взялъ на свой счетъ всѣ починки.

— Хорошо стѣлали, Дмитрій Дмитричъ, какъ на свои деньги чинить станетъ, такъ и смотрѣть лучше будетъ, не допустилъ бы и понѣ до паводка.

— Разумѣется, будетъ осмотрительнѣе. Только, ребята, онъ отказывается безплатно молоть вашъ хлѣбъ: сами виноваты, зачѣмъ во время не подмогли.

Я боялся, что крестьяне постараются отстоять право безплатнаго помола, но, къ удивленію, объявленіе мое о новомъ уговорѣ съ мельникомъ не возбудило возраженій.

— И выгоды намъ, баринъ, не было отъ дарового помола. Одна слава, что даромъ мололъ! Завсегда урветъ, на себя отсыплетъ. Либо прождешь, пока чужихъ помольцевъ отпуститъ, говорили крестьяне; все одно, что къ нему, что на другую мельницу возить.

Digitized by Google

Точно ли мельникъ прижималъ Жуковцевъ, или паводокъ былъ сильный, и требовалось много работы на мельницѣ; такъ что крестьяне отлынивали, но и съ мельницею дѣло было покончено. Я радъ былъ, что на будущее время со стороны крестьянъ не можетъ быть никакихъ притязаній на мою мельницу.

— Оттого, ребята, у васъ безурядица была, что старосты нѣтъ. Какъ вы себѣ хотите, а старосту должны выбрать, да не на мѣсяцъ, а чтобы на года пошолъ.

— Какъ на года-то выбирать, замѣтилъ основательно Савелій, станетъ посредникъ открывать сельское общество, опять велитъ старосту выбирать другого.

— Посредникъ можетъ утвердить вашего, какъ вами же избраннаго. Ну, пожалуй, выберите теперь старосту до открытія общества, съ тѣмъ что до окончанія полевыхъ работъ этого года онъ и останется старостой; покрайней мѣрѣ я буду знать съ кѣмъ вѣдаться. А осенью вступитъ въ должность тотъ староста, котораго при посредникѣ выберете.

— Подождать бы ужь.

— Какъ знаете, подождемъ ужь и оброкомъ, протянемъ барщину до осени.

— Степанъ, пойдешь?

— Не пойду.

— Вотъ нейдетъ.

— Не мое дѣло, и не слѣдъ при мнѣ выбирать старосту, сговаривайтесь безъ меня. А мое послѣднее слово вотъ какое: завтра, хоть вы и обманщики, и не стоите, да ужь такъ и быть, угощу я васъ ради храмового праздника обѣдомъ. Справимъ проводы барщинѣ и спрыснемъ оброкъ. Но знайте вотъ что: придете вы къ обѣду со старостой, посажу его я на почетномъ мѣстѣ, а придете безъ старосты, велю обѣдъ унести.

Засмѣялись мужики; надо-ть выбрать. А сѣменовъ-то пожалуете?

— Когда у васъ будетъ староста, тогда увидимъ. Да что же вы у меня просите сѣменъ, а магазинный овесъ? Подали вы прошеніе?

Мужики замялись.

— Ну, подали или нѣтъ?

— Подавали.

— Не было еще разрѣшенія, чтоли?

Digitized by Google

— Вышло, да...

— Что да? Отчего не сѣяли?

— Думали и то еще: будетъ землемѣръ, отведутъ другія мѣста, на тѣхъ и сѣять.

— Неправда, не могли вы этого думать. Я вамъ говорилъ, что вымѣряемъ землю для того, чтобы знать сколько ее у васъ, а размежуемся послѣ, къ осени, неближе. А вѣрно, въ магазинѣ овса у васъ нѣтъ?

— Мудреное этто дѣло съ магазеею было, заговорилъ Савелій. Помощникъ пристава написалъ намъ на листѣ прошеніе, а на другой листъ переписалъ всѣхъ хозяевъ, и сколько у кого душъ въ семьѣ... раскладку тоже сдѣлалъ, по скольку на каждую душу спрашивается. А въ третій листъ вписалъ Гаврилу Сысоича, Василья, меня; вы, говоритъ, старше другихъ, должны присягнуть, что крестьяне нуждаются въ довольствіи и въ корму для скота, и съ этимъ листомъ приказывалъ идтить къ священнику, а священникъ приведетъ васъ, говоритъ, къ присягѣ, что подлинно молъ нуждаетесь. Какъ быть? Стали мы просить ослобонить отъ присяги, рублевикомъ уломали: хорошо, сказалъ, составлю отъ васъ удостовѣрительный листъ, а священникъ за васъ поручится. Мы и рады, что отъ присяги отпросились, а тутъ другое горе: пошли къ отцу Ивану, а онъ не поручается; я, говоритъ, не знаю, полна ли ваша магазея. Будьте покойны, говоримъ, батюшка, не солжемъ; ладно, говоритъ, подпишу.

— Чудное дѣло, заключилъ Савельевъ разсказъ, старый Гаврила Сысоевъ. Давно не несъ Сысоичъ тягла, рѣдко впутывался въ крестьянскіе толки, а больше любилъ слушать на сходахъ, на которые иногда хаживалъ.

— Что чудное дѣло, спросилъ я.

— Да что божиться велятъ! Не побожишься—бѣда, а побожишься, грѣхъ на душу положишь.

— Какой же грѣхъ?

— А такой грѣхъ, Дмитрій Дмитричъ, сказалъ Савелій, что овесъ — отъ не весь всыпанъ, затѣмъ и просили васъ подмочь.

— Да, вотъ что! Какъ же вы мнѣ говорили, что магазинъ полонъ?

— Не мы, Поликарпъ Ѳедотовъ докладывалъ.

— Спрашивалъ-то я всѣхъ васъ, и Поликарпъ отвѣчалъ за всѣхъ васъ. Всѣ вы тутъ же были. Могли бы сказать ему при

Digitized by Google

мнѣ, что вретъ, а не сказали, стало-быть вмѣстѣ съ нимъ обманывали, сколько разъ вы меня обманули? Не перечтешь.

— Когда магазея-то полна была, сказалъ Савелій, — осенью засыплютъ, а до весны не все, такъ половину растащутъ; на обсѣвъ завсегда барыня жаловала. И сколько годовъ я не былъ старостою, ни о какихъ свидѣтельствахъ, слыхомъ не слыхать было; разъ въ годъ свезешь книгу къ попечителю, распишется, и конецъ.

— Лучше было, спокойнѣе, подтвердилъ разговорившійся Сысопчъ.

— Лучше по твоему?

— Вѣстимо лучше, все лучше было!

— Ужь и все! Можетъ быть и въ крѣпости лучше было?

— Въ крѣпости-то?—засмѣялся Маркелъ, и глядя на него другіе.

— Да.

— Не въ примѣръ было хуже, сказалъ Андронъ.

— Нонѣ вольготнѣе, добавилъ Кондратій.

— Тебѣ, Кондратій, кажется и прежде льготно было, ни барщины ни оброка отъ тебя не видали, ходилъ, гдѣ хотѣлъ.

— Ходить — ходилъ, а все оберегался. Ловятъ безпачпортныхъ. Нонѣ слободнѣе.

— Слободнѣе, повторили за нимъ.

— Слободнѣе, повторилъ и Гаврила Сысопчь; прежде, бывало, своей полоски не засѣешь, помѣщикъ увидитъ, взыщетъ, а таперича и свое запустилъ и на господское не пошолъ: засѣвайся-молъ поле-полечко само. Такъ-то, слободно!

И сгорбивъ спину на поклонъ, сказалъ мнѣ старикъ: прости, баринъ, на печь пора, и вышелъ. За нимъ, сначала изъ задняго ряда, а потомъ середніе повышли, и только двое-трое, стоявшіе въ самомъ переди, попрощались со мною, стараясь не смотрѣть мнѣ въ глаза, устыдившись старикова укора.

За ночь стыдъ заспался и начались бы толки на тотъ же ладъ, да праздникъ былъ, къ обѣднѣ ходили, а послѣ обѣдни мужики, разсѣвшись на завалинкахъ, посматривали какъ дѣвки изъ каждой избы выносятъ столъ и несутъ его въ открытыя ворота на господскій дворъ,—такъ то сидѣли и посматривали, выжидая, когда позовутъ ихъ обѣдать. А когда стали звать ихъ обѣдать, поднимались они съ завалинокъ не спѣша, шли чуть

Digitized by Google

двигаясь, особо мужики, особо бабы, которыхъ прежде и видно не было на улицѣ. Но когда мужики подходили къ столамъ, въ воротахъ гурьбой показались и бабы; у однихъ на рукахъ были грудные младенцы, другіе вели босоногихъ ребятишекъ, со вчерашняго дня начавшихъ ходить съ перевальцемъ: иной не поспѣлъ бы, отсталъ бы, упалъ бы, но тянула его къ верху рука матери, не заботившейся что вывернетъ его руку; за третьими сами тащились дѣти побольше, держась за шубки. Въ избахъ души говорящей и не говорящей не оставалось, всякую забрали съ собою хозяйки.

Принесли щи. Стали крестьяне разсаживаться. Въ началѣ стола сѣлъ староста Савелій Кузьминъ. Въ третій разъ довелось ему быть старостою, и подивился я сначала, что на него палъ мірской выборъ. Но дивиться было нечему: знали крестьяне, что Савелій имъ теперь служитъ, жалованье отъ нихъ получать будетъ, драться не посмѣетъ, а распорядительнѣе его мужика не найдти въ деревнѣ.

Развѣ Николая? Но не любили Николая; не ихъ онъ былъ уроженецъ.

Стали подносить вино.

— Первую барину, указалъ Савелій.

Надо было выпить. — Вторую старостѣ, сказалъ я.

— Таперь выпьемъ, отвѣчалъ Савелій: знай лей не жалѣй.

Мужики всѣ пили, бабы отказывались, но попрошенныя отпивали, вновь попрошенныя допивали. Не изъ многихъ блюдъ состоялъ обѣдъ, но длился. Не по нашему ѣдятъ крестьяне, не гонятъ куска за кускомъ, никакимъ не поперхнутся. Отломивъ прежде хлѣбца, прожуютъ его и тогда зачерпнутъ ложкой, горячаго ли, холоднаго ли; отхлебнутъ и ложку положатъ на мѣсто, и лежитъ она на мѣстѣ, пока пища не пройдетъ за грудью, согрѣвъ или прохладивъ ее.

Послѣ обѣда староста приказалъ хороводъ повеселить барина. Но никогда не веселитъ меня этотъ, съ ноги на ногу переступающій кругъ. Сначала сошлись однѣ бабы и дѣвки, потомъ втискивались парни, и вотъ въ средину круга вошла дѣвка, надѣли ей на голову мужичій картузъ.

— А вы чтожь, подошолъ я къ старостѣ, съ которымъ держались въ сторонѣ Василій, Михей и Маркелъ.

— Что молодымъ мѣшать, насъ не примутъ, отвѣтилъ Василій.

Digitized by Google

— Такъ не хотите ли условіе подписывать, что такъ-то стоять?

— Нѣтъ, баринъ, на эвто мы не годимся нонѣ, хмѣльны.

— Мнѣ и на руку, что на подложу, все подпишете.

— Истинно, отозвался староста, — пьяный мужикъ глупъ. Завтра, какъ прикажете, въ какомъ то есть часу, такъ и придемъ. Я не дамъ много раздобарывать, нечего пятиться назадъ.

— Чего пятиться, сказалъ Василій.

— Извѣстно нечего, добавилъ Михей и даже Маркелъ наклонилъ голову въ знакъ, что онъ раздѣляетъ тѣже мысли.

— Эй вы, чего тянете печальную, спойте повеселѣе, крикнулъ Савелій,—да поплясали бы.

Хороводъ раздвинулся въ двѣ стѣны, выдѣлились двѣ дѣвки и стали топтаться другъ передъ дружкой.

— Эхъ, и танцовать не умѣютъ, побранилъ Василій, выхватилъ у первой бабы платокъ и, присвистывая, прищелкивая, размахивая платкомъ, пустился въ присядку. Смѣхъ покрылъ пѣсню.

Закапалъ дождь. Понемногу бабы, жалѣя наряды, расходились. Можно было и мнѣ уйдти въ комнату. Но долго слышны были издали грустныя русскія пѣсни. Гдѣ-то, укрывшись подъ навѣсомъ отъ погоды, пѣли бабы и мужики, праздника и угощенья ради.

На другой день подписано было условіе и списокъ съ него передалъ я старостѣ.

VIII

Когда-то, окружонное лѣсомъ, сельцо Жуки казалось мнѣ безграничнымъ во всѣ его концы!.. Ребенкомъ смотрѣлъ я изъ оконъ, съ балкона и видѣлъ только лѣсъ, да небо надъ нимъ. Нигдѣ не спадало оно, не пригибалось къ землѣ, но вездѣ окраина его лежала на вершинахъ елей, или покоилась на нихъ, не опрокидываясь всею тяжестью, чѣмъ-то сверху придержанное, ясное, блѣдно-голубое, или, когда ходилъ вѣтеръ, давило, гнуло ихъ, крытое тучами, сѣро-темное,—и чуть не подламывались онѣ... Но вѣтеръ стихалъ, и снова, выпрямляясь, поддерживали края неба вершины деревьевъ, стрѣлами выступая надъ лѣсомъ, одна выше, другая ниже.

Digitized by Google

Какъ мнѣ хотѣлось подсмотрѣть ближе, гдѣ опускается на деревья небо и на которыя,—и я просился въ лѣсъ. Тамъ закидывалъ голову, но видѣлъ надъ собою однѣ зеленыя вѣтви, а за вѣтвями, выше вершинъ, какъ за рѣшоткой, что-то бѣлѣлось, будто плавало!.. «Перекинешься, Митя, упадешь, и головка заболитъ», говорила няня. Тогда, начиная глядѣть прямо на то, что было предо мною, я видѣлъ толстые стволы елей, а дальше, точно снова что-то сплачивалось изъ стволовъ; я тянулъ няню за платье или вырывался изъ ея рукъ, чтобы добѣжать скорѣе до стѣны, но деревья раздвигались, давая мѣсто людямъ, а дальше—опять становилась стѣна, за которою не проглядывала ни одна поляна. «Устанешь, сударь, идемъ-ко домой.» Няня ловила меня и уводила. Но мои ноги не уставали, ступая, какъ по ковру, по мягкимъ коричневымъ игламъ, сброшеннымъ деревьями внизъ. И не росло на томъ коврѣ, какъ на коврѣ настоящемъ, ни кустика, ни травки, и, какъ на настоящемъ, было всегда на немъ сухо. Взмокшія отъ дождя вершины, лишнею водою не скупились, но среднія вѣтви подхватывали ее налету, а съ нихъ спадали однѣ капли, пятнышками оставаясь на нижнихъ сучьяхъ, до земли не добираясь.

Разъ няня, будя меня утромъ ранѣе, чѣмъ всегда будила, стала торопить умываньемъ и одѣваньемъ, а когда я допрашивалъ, зачѣмъ она меня торопитъ, проговорила, что лѣсъ горитъ, сама бабушка тамъ, въ лѣсу, и во дворѣ человѣка не осталось. Узнавъ, что горитъ лѣсъ и небо безъ его поддержки повалится, я упросилъ няню повести меня на пожаръ, заспѣшилъ, не могъ допить чаю, заглядывалъ въ окно и очень безпокоился, пока не вышли мы на крыльцо. Когда мы были за воротами, я освѣдомился у няни, не ставятъ ли гдѣ-нибудь самовара, но няня объяснила мнѣ, что пахнетъ не самоваромъ, а гарью. Скоро были мы въ лѣсу; слышались голоса и трескъ, и звенѣло что-то; дымъ несся къ намъ навстрѣчу и кружился между деревьями, не находя простора въ глуши; я начиналъ кашлять и жмуриться, но, ксчастью, няня не замѣчала, или самой хотѣлось очень на пожаръ, гдѣ только ее не доставало. Я уже могъ различить голосъ старосты Ефрема Никанорова, на этотъ разъ покрикивавшаго смѣлѣе; доходили до меня прибаутки Василья, можно было догадаться, что звенѣло желѣзо о желѣзо: крестьяне наши и сосѣдніе рыли канаву и, ненавыкшіе къ зем-

Digitized by Google

ляной работѣ, попадали разомъ двумя заступами въ одно мѣсто Бабушка увидала насъ и забранила няню, зачѣмъ она меня привела; послѣдовалъ приказъ отправляться намъ въ путь обратный и не выходить изъ дома до ея возвращенія. Мольбы мои были напрасны!.. А недалеко, за свѣжимъ рвомъ, огонь, выскочивъ изъ земли, обнялъ стволъ сосны и, будто карабкаясь по лѣстницѣ, побѣжалъ по сучьямъ вверхъ красной змѣйкой; лѣвѣе покачивались обгорѣлыя деревья, точно большія головешки. «Ступайте же», крикнула бабушка. Испуганная няня потащила меня домой и неласково отвѣчала на мои распросы, но все-таки отвѣчала, что огонь идетъ отъ дерева къ дереву по корнямъ, оттого и кажется, что выбѣгаетъ онъ изъ подъ земли, а когда выкопаешь канаву, то корни перервутся, огню не за что ухватиться, огонь и замретъ. Потомъ няня разсказывала, что бабушкѣ отъ пожара убытка не будетъ, а плакаться какому-то купцу, что бабушка за деревню деньгами не платила, а заплатила этимъ самымъ лѣсомъ. Я не совсѣмъ понималъ, что няня мнѣ разсказывала и узналъ уже послѣ какъ нечаянно и выгодно приобрѣла бабушка Жуки. Она всегда была противъ недвижимыхъ имѣній; деревня пугала ее неурожаями, падежами, а домъ безъ жильцовъ могъ настояться. Невѣрные доходы; не такіе разсчитанные до копѣйки, какіе выдаетъ совѣтъ. И бабушкины деньги хранились въ совѣтѣ; не вынула бы она ихъ изъ совѣта ни для каменнаго дома подъ желѣзною крышей, ни для имѣнія съ мельницей-крупчаткой, плодовитымъ садомъ и тирольскими коровами. А въ Жукахъ коровы были простыя, садъ березовый, мельница мукомольная,—тремя причинами меньше покупать. Сдѣлаться же дѣлу было такъ, что деньги остались въ совѣтѣ, а имѣніе досталось бабушкѣ! Приходитъ разъ къ ней купецъ и говоритъ, что живетъ за границею одинъ русскій господинъ, въ деньгахъ нуждается. «Какое мнѣ дѣло», останавливаетъ бабушка на первомъ словѣ купца, «я взаймы не даю.» А купецъ говоритъ: «Позвольте, матушка, нуждается господинъ въ деньгахъ шибко и отписалъ къ управляющему: продавалъ бы онъ здѣшнюю вотчину и выслалъ бы деньги безпремѣнно къ новому году.» —«Я деревень не покупаю», перебиваетъ бабушка купца. А купецъ говоритъ: «Не то, сударыня, а при деревнѣ лѣсу въ досталь, въ годы его не сведешь...» «Я лѣсомъ не торгую», перебиваетъ бабушка купца.» А купецъ говоритъ: «Точно-съ, да мы-съ тор-

Digitized by Google

гуемъ, мы-съ купимъ...» «Какое мнѣ дѣло», перебиваетъ бабушка купца. Вынимаетъ платокъ, отираетъ лицо упарившійся въ разговорѣ купецъ и опять говоритъ: «Купили бы-съ безъ посторонняго пособія, да лѣсъ-отъ управляющій безъ деревни не согласенъ продать, это ужъ его разсчетъ, а имѣніе съ крестьянами мы купить не можемъ, а не угодно ли вашей милости задаромъ его получить. Денегъ отъ васъ не потребуется, одно лишь условіе заключимъ-те, что лѣсъ весь, какъ есть, продаете мнѣ, чтобы выводить его могъ я, когда найду сподручнѣе, срокомъ на десять годовъ. Деньги за себя отъ себя внесу при совершеніи купчей сполна и условьице одновременно напишется.» Можетъ-быть, на такихъ условіяхъ бабушка не согласилась бы приобрѣсти имѣніе, но почему-то спросила, какъ оно называется. «Сельцо Жуки», отвѣчалъ купецъ. Названіе приходилось по бабушкиной фамиліи, Жукиной, и всего вѣрнѣе, что эта случайность рѣшила ее на покупку. «Хорошо», сказала бабушка. «А подлецъ долженъ быть управитель, да и ты, борода, видно, съ нимъ заодно.» Купецъ не обидѣлся и отвѣчалъ: «Дѣло торговое-съ.»

Когда случился пожаръ, купецъ только-что приступилъ къ пилкѣ. Загорѣлось въ сторожкѣ, поставленной купцомъ: пьяный сторожъ солдатъ заснулъ съ недокуренною трубкой на соломѣ. Сгорѣло десятинъ пятнадцать, и если бы не распорядилась бабушка собрать своихъ крестьянъ и не выпребовала подмоги изъ сосѣднихъ деревень, огонь пошолъ бы на весь лѣсъ и понесъ бы большой убытокъ купецъ, котораго въ то время не было на мѣстѣ. Послѣ пріѣзжалъ онъ благодарить бабушку, и бабушка приняла благодарность, какъ заслужонную, сказала купцу, что, конечно, ей одной обязанъ онъ сохраненіемъ товара и посовѣтовала нанимать надежныхъ сторожей, а не брать ихъ съ улицы.

Когда купецъ дорубилъ жуковскій лѣсъ, — на палу, какъ стали называть крестьяне погорѣвшее мѣсто, выбѣжалъ частый осинникъ, мѣшаясь съ березникомъ и гдѣ-то гдѣ-то выкидывалась елка памятью о прежнихъ строевыхъ еляхъ. Такимъ же мѣшаннымъ лиственнымъ лѣскомъ заросли другіе участки, но изъ нихъ десятинъ двадцать въ Мождюхинѣ, — такъ называлось одно урочище, — бабушка отдала на расчистку для пашни крестьянамъ, жаловавшимся, что у нихъ мало пахоты, и десятинъ тридцать распахала для себя.

Digitized by Google

— Не стало въ Жукахъ лѣса, зато открылись овраги, ручьи, косогоры, прятавшіяся въ трущобѣ, и будто выстроилась въ снежномъ землями казенномъ селѣ бѣлая церковь.

Новые лѣса не загородили видовъ, росли въ сторонѣ, а пространство между казеннымъ селомъ и жуковскою усадьбою было поднято и обращено въ пашню. Когда Жуки достались мнѣ, вымѣрено было кромѣ поля, тридцать десятинъ молодыхъ зарослей послѣдней сѣчи и тридцать десятинъ лѣса постарше на рѣпищѣ, названной такъ потому, что купецъ, спиливъ лѣсъ, жогъ уголья, а послѣ сажалъ тамъ рѣпу... рѣпа родится чудовищныхъ размѣровъ на золѣ.

Не успѣлъ я осмотрѣть мои рощи, а ко мнѣ уже явились покупатели, двѣ окладистыя бороды, чорнымъ, расчесаннымъ, будто шолковая нитка распущеннаго вязанья, скрючившимся волосомъ прикрывшія широкія свѣжія скулы. У одного покупателя, который былъ и повыше, отгѣнялись отъ бороды усы; длинными русыми концами въ обѣ стороны протягивались изъ-за щокъ, точно не на одномъ съ бородою тѣлѣ росли, а съ чужого лица сорванные, были наложены. У другого покупателя сплошь чорный волосъ заростилъ половину лица, такъ-что и рта не было видно, когда онъ не говорилъ, а говорилъ онъ мало.

— Лѣску не продадите ли? началъ первый.

— А что дадите?

— Какая ваша цѣна будетъ?

— Продавать не думалъ, такъ и цѣны не кладу... Какая бы ваша была?

— Огуломъ-съ, али на вымѣръ?

— Мѣра извѣстна. Я перечолъ, сколько десятинъ въ каждомъ участкѣ.

— При разсчетѣ полянки выкидывать-съ?

— Нѣтъ.

— Такъ лучше огуломъ.

— Пожалуй.

— За Рѣпище полторы тысячи рублевъ будетъ угодно?

— Али двѣ тысячи, набавилъ другой, замѣтивъ, что мнѣ полуторы никакъ не угодно.

— А за Палъ-съ восемсотъ дадимъ, предложилъ первый.

Я запросилъ вдвое и сказалъ, что могу продать не ближе осени, потомучто по лѣсамъ крестьянскіе покосы. Купцы настаивали,

Digitized by Google

что имъ нужно пилить немедленно: «а съ крестьянами сговоримся». Ушли они, приходили опять на недѣлѣ, опять торговались и высказали, что съ крестьянами поладили. Объявили крестьяне, что помѣщикомъ довольны, препятствовать не будутъ, коли покупатели поблагодарятъ ихъ четвертною, да на топливо отпустятъ сучьевъ съ десяти десятинъ, да ихъ будутъ подряжать ставить дрова въ городъ.

— Трофимъ Захарычъ, наддадимъ что ли барину пятсотъ на Рѣпище, а Палъ пускай имъ останется.

Трофимъ Захарычъ согласился, но я стоялъ на своей цѣнѣ, на четырехъ тысячахъ. Не сойдясь еще въ цѣнѣ, они уже переговорили со мною, у какого маклера писать условіе, и такъ его писать, что продается лѣсъ, свободный отъ всякаго залога и запрещенія

— Имѣніе заложено, сказалъ я.

— Ничего-съ, съ становымъ сдѣлаться мы на себя беремъ, а настоящаго разрѣшенія выжидать—одна проволочка. Не въ первой покупаю.

— Давно вы торгуете лѣсами?

— Трофимъ Захарычъ въ новѣ, въ первой собрался, а я годовъ съ 15 эвтимъ промышляю, всѣ порядки знаю.

— Максимъ Ѳедорычъ вдавнѣ, пояснилъ Трофимъ Захаровъ.

— Вы изъ здѣшняго купечества?

— Не купцы-съ, а крестьяне г. Абольнева.

— Далеко отсюда?

— Верстъ съ 70 будетъ. Вы, баринъ, хорошо сдѣлали, что на оброкъ перевели крестьянъ. Какая ужь теперь барщина? Грѣхъ одинъ! А нашъ вотъ господинъ, какъ его ни просимъ, не подается.

— Вы на барщинѣ?

— Тянемъ, нанимаемъ за себя. Нельзя это поневолить барина перевести насъ на оброкъ по положенію?

— Нельзя покуда, а послѣ можно будетъ.

Я объяснилъ когда и какъ будетъ можно.

— Такъ-съ, а дозволите спросить, какъ на эвтотъ счетъ: за прошлою осенью выселилъ насъ господинъ на иное мѣсто; дотрежъ того мы были улицей выстроены при большой дорогѣ, а онъ загналъ насъ совсѣмъ въ глухое мѣсто. Изволите сообра-

Digitized by Google

зить. Таперича, имѣемъ-ли мы право просить на барина? Хотѣлось-бы на большую дорогу, гдѣ были.

— Въ то время помѣщикъ имѣлъ право переселить васъ и жалобу вашу не примутъ.

Оба призадумались.

— Большая была власть!—сказалъ Максимъ Ѳедоровъ.

— Да, была власть у господъ, подтвердилъ и я...

— Э, да что-съ! рукой махнулъ Максимъ Ѳедоровъ,—нечадругъ сердечный, старину поминать. А лучше мы о лѣсѣ покалякаемъ. Наддать чтоли барину 500?

— Наддали вѣдь.

— Тѣ своимъ чередомъ.

— Тысяча будетъ.

— Всего три. Угодно три тысячи?

— Четыре, держался я.

— Не сходно.

— Ваше дѣло, я рощей не набиваюсь.

— Скупы, баринъ, дорого просите.

— А я скажу, вы скупы; дешево даете.

Ушли купцы-крестьяне. Пожаловали на другой день, освѣдомились о моемъ здоровьѣ и предложили за рощу, точно новую цѣну, тѣ же три тысячи.

— Нѣтъ, сказалъ я.

— Какая же ваша цѣна послѣдняя?

— Четыре тысячи. Сегодня я не хочу отступаться отъ объявленой цѣны, но если сегодня не покончимъ, и придете вы завтра, запрошу пять. На пяти и стану.

— Извольте, грѣхъ пополамъ, три тысячи пятсотъ?

— Четыре.

— Въ убытокъ намъ будетъ.

— Какъ знаете.

— Трофимъ Захарычъ. Надо барину задаточекъ.

— Готово.

Трофимъ Захаровъ открылъ бумажникъ и вынулъ особо отложенныя двѣ сотенныя;—а какъ же, обратился онъ къ Максиму Ѳедорову, на счетъ...

— Напрасно сумлеваешься.

— Вѣрнѣе, Максимъ Ѳедорычъ.

— Затяжка будетъ.

Digitized by Google

— Вѣрнѣе, Максимъ Ѳедорычъ.

— Въ чемъ дѣло, спросилъ я.

— Желаетъ Трофимъ Захарычъ испросить первоначально разрѣшеніе на вырубку.

— Тѣмъ лучше, исполнимъ законъ.

— Затяжное дѣло-съ.

— Днемъ не кончишь, разумѣется.

— А намъ и день дорогъ. Какъ же, Трофимъ Захарычъ?

— Лучше выпросить, отвѣчалъ Трофимъ Захаровъ.

— И чего человѣкъ добивается, сказалъ Максимъ Ѳедоровъ.

Но я присталъ къ мнѣнію Трофима Захарова и на другой день отправился въ Москву, а на слѣдующій заявилъ сохранной казнѣ о моемъ желаніи продать часть лѣса въ Жуковѣ на срубъ.

— Не уменьшится-ли отъ порубки цѣнность вашего имѣнія, спросили меня.

— Забавный вопросъ, подумалъ я, и отвѣчалъ, что непремѣнно уменьшится ровно на четыре тысячи, которыя получу.

— Въ такомъ случаѣ, въ объявленіи не угодно-ли означить, съ какою цѣлью рубите лѣсъ.

— Какая же цѣль? Взять хорошія деньги вотъ и все.

— Нельзя-съ. Вы напишите такъ: для надѣла крестьянъ во избѣжаніе чрезполосности.

— Да этотъ лѣсъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ крестьянскихъ угодій.

— Можете эдакъ написать: для обращенія земли изъ подъ онаго, подъ пашню.

— Напротивъ, я и прежнюю-то пашню думаю запустить; куда еще заводить новую.

— Невозможно; для обезпеченія казны необходимо указать цѣль для видимости, что имѣніе не потеряетъ цѣнности.

— Позвольте, великъ ли на моемъ имѣніи долгъ.

— До трехъ тысячъ.

— До трехъ тысячъ. Извольте же выслушать. Тридцать десятинъ лѣса я продаю за четыре тысячи, да у меня остается его сорокъ пять десятинъ, вотъ вамъ обезпеченія, не считая остальной земли.

— Нельзя-съ.

— Да почему же нельзя?

— Потому нельзя, что по описи нашей значится въ вашемъ

Digitized by Google

имѣніи семьдесять пять десятинъ лѣса. Если вы сведете тридцать десятинъ, будетъ въ вашемъ имѣніи сорокъ пять десятинъ. Такъ?

— Такъ.

— А не семьдесять пять?

— Разумѣется, не семьдесять пять.

— Гдѣ же 30 десятинъ? Обратите ихъ въ пашню, тогда мы ихъ къ пашнѣ причтемъ. Отдайте ихъ крестьянанъ въ счетъ надѣла,—такъ мы и будемъ знать. Понимаете?

Я дѣйствительно понялъ, что споромъ протяну дѣло, и приготовившись заявить въ объявленіи все, что мнѣ продиктуютъ, спросилъ: тотчасъ ли выдадутъ мнѣ разрѣшеніе? Засмѣялись и сказали, что пошлютъ запросъ въ земскій судъ для справки;— точно ли я имѣю *таковую* надобность, какъ показываю, свести часть лѣса и не утратитъ ли имѣніе цѣнности?

— Да вѣдь судъ отнесется къ становому?

— Непремѣнно.

— Нельзя ли покороче?

— Если угодно, сохранная казна можетъ отнестись прямо къ предводителю. У него должны быть свѣдѣнія обо всѣхъ имѣніяхъ.

— Лучше къ предводителю.

— Хуже къ предводителю!

Я оглянулся. Незнакомый мнѣ господинъ, стоявшій съ другими чиновниками, у другого стола, смотрѣлъ на меня и повторилъ: хуже къ предводителю.

— Почему же, спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ разскажу и докажу. Вы знакомы съ вашимъ предводителемъ?

— Встрѣчался.

— Гмъ, встрѣчались!.. а я съ своимъ предводителемъ пріятель, однополчанинъ, стало-быть знакомѣе, чѣмъ вы съ своимъ! Ну-съ, также какъ вамъ, надобность была мнѣ порубить лѣсъ, разница въ томъ, что у васъ его покупаютъ, а я самъ порубилъ. Ну-съ, также какъ вы, пришолъ сюда и просилъ разрѣшить порубку, только не такъ долго разговаривалъ какъ вы, а на всѣ вопросы отвѣчалъ не запинаясь, что земля нужна подъ пашни, что цѣнность имѣнія не уменьшится, какъ можно! а увеличится. Ну-съ, также какъ вы, забраковалъ земскій судъ и

Digitized by Google

предпочелъ предводителя. Еще-бы! пріятеля! да онъ же былъ въ то время въ Москвѣ. Ѣду изъ совѣта прямо къ нему, объясняю въ чемъ дѣло и говорю: скомандуй же, Гриша. Пріятель позвонилъ, велѣлъ позвать письмоводителя. Отличный, говоритъ мнѣ, у меня Иванъ Карловичъ! Аккуратенъ, чистоплотенъ, пьетъ только въ праздники, и то пиво, одно, говоритъ, пиво, чистѣйшее пиво. Не успѣлъ онъ дохвалить своего нѣмца, а нѣмецъ входитъ. Разскажи ему, братецъ, обращается ко мнѣ предводитель, а вы, Иванъ Карловичъ, заготовьте бумагу, принесите, подпишемъ и дѣлу конецъ. Иванъ Карловичъ выслушалъ меня и доложилъ начальству, что, по отношенію совѣта, нужно будетъ сообщить въ земскій судъ. Слышите, въ земскій судъ! А я думалъ, что минуя судъ... и вы тоже думали, что судъ въ сторону? Нѣтъ, сударь, его не объѣдешь. Какъ говорю, въ земскій судъ, это одна проволочка. Иначе, братъ, невозможно, самъ разсуди, пустился растолковывать мой пріятель. «Помилуй, говорю, вы мое дѣло оттянете на двѣ, на три недѣли.» «Нѣтъ, говоритъ, въ какіе-нибудь три дня получишь отвѣтъ.» «Судъ вѣдь къ становому повернетъ?» «Къ какому тамъ становому...» Вижу, что пріятель плоховатъ. Я къ Ивану Карловичу: къ становому вѣдь? Судъ запроситъ станового, сказалъ Иванъ Карловичъ.— Ну такъ чтожь, ну, спроситъ. Нельзя же безъ этого, не дѣлать же для тебя исключеній, разгорячился мой предводитель. Плюнулъ я и уѣхалъ въ деревню.

— Скоро ли же получили вы разрѣшеніе?

— Не съумѣю вамъ опредѣлить въ точности время, а знаю, что гдѣ стоялъ лѣсъ, тамъ сложены были дрова и порядкомъ усохли, когда было оно получено. Сталъ бы я дожидаться его. За то какого черняка закатилъ я пріятелю на послѣднихъ выборахъ! А-таки выбалотировали его! что прикажете дѣлать?

Мнѣ-то что дѣлать, думалъ я. Но пріятель предводителя самъ сводилъ свой лѣсъ и не хлопоталъ, когда придетъ разрѣшеніе, а я не позволялъ пилить моего лѣса, пока не получится разрѣшенія, и потому лѣсники-покупщики хлопотали. И потому земскій судъ, основавшись на донесеніи станового, отвѣтилъ неотлагательно и обстоятельно, что настоитъ мнѣ дѣйствительная надобность вырубить 30 десятинъ въ сельцѣ Жукахъ, отъ каковой порубки цѣнность имѣнія не уменьшится. Въ сохранной казнѣ задержки не было; не могло быть задержки у маклера,

Digitized by Google

который однако пожалъ плечами, узнавъ, что неопытный Трофимъ Захаровичъ добивался формальнаго разрѣшенія: «Писали бы *свободный отъ залога*, всегда мы такъ пишемъ.»

Двѣ недѣли прожилъ я въ Москвѣ въ духотѣ, въ пыли, считая потерянными днями въ жизни эти двѣ недѣли. Вернувшись отъ маклера и наскоро пообѣдавъ, торопливо сбѣжалъ я съ лѣстницы и съ послѣдней ступенки прыгнулъ на подножку коляски. Но когда спѣшишь, тогда-то и помѣхи! Выѣхали за ворота и стали: загородилъ улицу полкъ. Прослушавъ поневолѣ цѣлый маршъ, двинулись мы дальше, а изъ переулка поворачиваетъ обозъ. Завернула одна телега, а къ задку ея прикрѣплена веревка, видна за веревкою лошадиная морда, вытягиваетъ бѣдная лошадь другой возъ, а за нимъ еще возы. Не прорвешься, надо ждать. Выждали, тронулись и сцѣпились съ тяжолымъ дормезомъ,—погнулось крыло у моей коляски... да знаю, не отвалится,—тронули, но вздумалось же какому-то барину, который преспокойно шолъ пѣшкомъ, — продолжать путь на извозчикѣ. Со всѣхъ сторонъ понаскакали на его зовъ и одинъ калиберъ, разъѣзжавшимся на стертой оси колесомъ, задѣлъ за нашу вагу. Усѣлся баринъ и отправился, отдребезжали извозчики всякій на свое мѣсто, и намъ бы трогаться. Но какъ нарочно, эту самую минуту выбралъ пьяный для перехода съ одного тротуара на противоположный и, оглянувшись на брань ямщика, перевѣсился и упалъ, стукнувшись два раза головою о мостовую подъ самымъ дышломъ. Пришлось его объѣзжать, назадъ податься.

Какъ же легко стало, когда выбрались мы наконецъ за заставу, когда повѣялъ вѣтерокъ,—въ городѣ и хода ему не было. Оживились лошади; одна пристяжная повернулась къ коренной куснула ее за ухо, коренная брыкнула; ямщикъ стегнулъ обѣихъ и третью кстати, поправилъ шляпу, снялъ кафтанъ на ѣздѣ, подложилъ его подъ себя и усѣлся вольнѣе на козлахъ — въ розовой рубахѣ, которую вѣтеръ тотчасъ поставилъ горбомъ за его спиною.

Ни шибко, ни тихо везли меня, а какъ можно везти не кормя нѣсколько переѣздовъ. Я дремалъ и вздрагивалъ, открывая глаза, когда ямщикъ, сберегая подковы, съѣзжалъ въ пыль сторонки, чтобы миновать сотню саженъ наваленнаго на шоссе неукатаннаго камня. И снова задремывалъ я, катясь по мягкой дорогѣ, и снова вздрагивалъ, открывая еще шире глаза, когда

Digitized by Google

взъѣзжая опять на шоссе, опять начинали стучать колеса. Пересаживаясь въ другой уголъ коляски, я рѣшался не спать и глядѣлъ, не заглядываясь на скучныя, по бокамъ дороги выстроенныя въ рядъ, на ровныхъ и голыхъ мѣстахъ, одно на другое похожія гнѣзда дворовъ, на чернѣвшіе за ними вдали покривившіеся овины, и засыпалъ вновь. Но вотъ подтолкнуло меня въ послѣдній разъ на поворотѣ съ шоссе. Сонъ прошолъ и бодрѣе взглянулъ я, когда, въ лѣвѣ оставивъ *каменку*, зелеными овсами да лѣсами покатили мы гладкимъ проселкомъ. Осторожно, упираясь, спускали привычные кони съ горъ и пригорковъ, тихо переступали по прыгавшимъ бревнамъ мостковъ, наклоняли горячія морды къ водѣ, переправляясь въ бродъ и взвивались вскачь на взгорья, не дожидаясь кнута. Но утомительно проѣхать десятки верстъ безъ привала. За версту отъ Жуковской усадьбы я велѣлъ остановиться, сказалъ ямщику, чтобы ѣхалъ одинъ, а самъ пошолъ овражкомъ къ яснушкѣ-рѣчкѣ и съ наслажденьемъ, какого давно не испытывалъ, выкупался въ ея ясной водѣ.

IX

Эвотъ гдѣ посредникъ стоялъ, указали мнѣ мѣсто подлѣ избы старосты.

— Такъ старостой ты остался, Савелій.

— Я остался и въ книгу записанъ. Спросилъ самъ посредникъ какъ меня зовутъ и велѣлъ помощнику своему записать.

— А меня старостѣ въ помощники записали, сказалъ Василій;—ужъ и въ чемъ это помогать Савелью Кузьмину буду, не знаю робятушки.

— Андрона выборнымъ, Степана добросовѣстнымъ, докладывалъ Савелій;—думали все, не подъѣдете-ль вы? Часами тремя не застали посредника. Поживите съ нами, Дмитрій Дмитричь.

— Поживу, осмотрю угодья, подумаю какъ удобнѣе намъ подѣлиться, сказалъ я.

И пожалѣлъ, что сказалъ.

— Надумались ли, сударь, какія угодья намъ отдать, спрашивалъ староста, встрѣчаясь на деревнѣ.

— Не совсѣмъ; до осени времени много, отдѣлывался я.

— Да, ужь по осени, говорилъ обыкновенно староста; а че-

Digitized by Google

резъ день другой, повавшись мнѣ тамъ ли, тутъ ли, опять запрашивалъ: не надумался ли я, какія отдать имъ угодья.

А я, что ни утро, въ рощу иду, въ поле иду, на луга. Въ рощѣ не деревомъ, въ полѣ не колосомъ занятъ, на лугахъ куриную слѣпоту мну, иванъ-да-марью топчу, объ ужинѣ, объ укосѣ не думаю, а думаю о нарѣзкѣ земли, изучаю мѣстность.

Что ни вечеръ, новую линію на планѣ веду, новымъ способомъ размежовываюсь съ крестьянами. Побурѣлъ мой планъ отъ свинцоваго карандаша, а дѣло все не ладится.

—

Попались мнѣ какъ то мужики съ косами. Идутъ невеселые.

— Откуда, ребята? Рано бы косить.

— Обидѣли насъ больно лѣсники, Дмитрій Дмитричъ, подѣлили мы намедни полянки на рѣпищѣ, а нонѣ приходимъ: прямо на покосы такъ и валятъ деревья.

— Развѣ они не заплатили вамъ денегъ по уговору?

— Отдали. Какъ бы не отдать.

— Чего жъ вамъ еще?

— Все думали успѣемъ скосить.

— Съ того бы имъ края начать, замѣчаетъ Василій.

— А что, баринъ, перебиваетъ староста, который отсталъ отъ другихъ и только что подошолъ, также съ косою,—порѣшили небойсь, въ какую сторону нашимъ полямъ быть?

— Сами вы дѣлежку до осени отложили, говорю я.

— Да ужъ осенью порѣшить надо-ть.

—

Заглянулъ я разъ на рѣпище. Много уже было свалено деревъ. Между порубью ходитъ Савелій, осматриваетъ пни, трогаетъ, разговариваетъ съ пильщиками, увидалъ меня.

— Какіе грибы бѣлые, баринъ, находилъ я подъ самыми этими деревьями.

— Хорошіе?

— Отмѣнные. Тутъ имъ редъ былъ.

— Выростетъ новый лѣсъ, пойдутъ опять грибы.

— Таперь малина пойдетъ. Завсегда по порубѣ малина идетъ. А что, сударь, рѣпище намъ располагаете отвести, если запустите? Изволили сказать, выростетъ лѣсъ.

Digitized by Google

— Можетъ быть отдамъ, можетъ быть, не отдамъ.—Я чувствовалъ, что краснѣю подъ его взглядомъ. Мнѣ казалось, что безпрестанныя его напоминанія мѣшаютъ моимъ соображеніямъ, сбиваютъ меня съ пути. Наконецъ я совершенно запутался въ проэктированныхъ въ разное время линіяхъ, которыя перекрестились, переплелись на планѣ; вычистилъ весь карандашъ съ такимъ усердіемъ, что бумага замшилась и отложилъ планъ въ сторону. Отправляясь гулять, я не носилъ его при себѣ, какъ прежде, принявъ намѣреніе не думать о крестьянскомъ надѣлѣ до осени, но забываясь на какомъ нибудь поворотѣ, мысленно укрѣплялъ межевой столбъ и останавливаясь, искалъ глазами точку для другого столба. Развѣ показывался вдали староста, отъ котораго я сворачивалъ куда нибудь. Надоѣлъ онъ мнѣ, и вечеромъ, если въ передней слышались мужицкія сапоги, уходилъ я черезъ балконъ въ садъ, а изъ саду прокрадывался въ рощу, и сидѣлъ и ходилъ до-поздна, заставляя часто дожидаться и не дождаться меня приходившаго по своему дѣлу крестьянина. Свое дѣло обыкновенно заключалось въ просьбѣ ссудить денегъ на разныя нужды. Просили 10 и 15 руб., спускали на 8 и на 5 и благодарили за 4 и за 3. Сроки для отдачи назначались самыми просителями короткіе, опредѣлялись петровымъ днемъ, тихвинскою, покровомъ. «Ты мнѣ отдай только, говорилъ я,—можешь и за петровъ день перейдти, отдавай частями, когда полтину принеси, когда цѣлковой; тебѣ легче будетъ расставаться, а мнѣ все равно.» — «Будьте покойны!» отвѣчалось, но исполнялось дурно. Нѣкоторые сосчитались сѣномъ и дровами, хотя сѣно у меня свое было и дрова были свои, и поставили мнѣ и сѣно и дрова въ счетъ по такимъ цѣнамъ, по какимъ на рынкѣ съ перваго раза не запрашиваютъ; другіе ничѣмъ несосчитались. Деньгами возвратилъ шести рублевый долгъ одинъ Михей, а за просрочку принесъ десятокъ яицъ. И какъ я ни отговаривался, а долженъ былъ взять проценты яйцами. Порывался какъ будто Маркелъ отдать взятые у меня два рубля, приносилъ мнѣ ихъ раза три, но изъ рукъ не выпускалъ, прося каждый разъ еще повременить. Приходили впрочемъ и по другимъ дѣламъ крестьяне. Одинъ парень спрашивалъ моего совѣта: дѣлиться ли ему съ дядею? «Жалится, объѣдаемъ его». У парня была жена, у дяди его была жена; у обоихъ по сынишку. «Не лѣниться ли работать?»

Digitized by Google

«Въ работѣ ему не уступаю»! «Потерпи до двухъ лѣтъ», совѣтовалъ я: «вы не освоились съ новыми порядками, сами не знаете что сойдетъ съ тягла на оброкъ, на подати, на волостные сборы». «Тяжелы два года покажутся», отвѣчалъ парень. «Не тяжелѣе прежнихъ», убѣждалъ я, и повидимому, убѣдилъ. «Обожду», сказалъ Ѳедоръ уходя. Другой парень, ремесломъ столяръ былъ на оброкѣ и проживалъ въ уѣздномъ городѣ. Когда вышелъ срокъ его билету, отправился онъ къ бабушкѣ въ Москву. Но бабушка разъ навсегда приказала: ни одного Жуковца не только къ ней на глаза, а на ея дворъ, не пускать. Тогда явился онъ ко мнѣ въ Жуки просить ходатайства все-таки у бабушки, чтобы выдала она ему паспортъ. «Напрасно ходилъ въ Москву, паспорты выдаются въ волостныхъ правленіяхъ, ступай въ волость,» толковалъ я парню. «Я въ волости не бывалъ». «Дорогу укажутъ, Савелья распроси:» «Зачѣмъ я въ волость пойду, мнѣ отъ барыни слѣдуетъ получить видъ, я крѣпостной человѣкъ Татьяны Осиповны, безъ вида отъ нея держать меня не будутъ». Началъ я объяснять Роману, что крѣпостныхъ больше нѣтъ, а есть временно обязанные крестьяне; и онъ временно-обязанный крестьянинъ, приписанный къ Жукамъ, принадлежащимъ мнѣ, а не бабушкѣ Татьянѣ Осиповнѣ, а потому бабушка не можетъ ему дать билета; не могу и я снабдить его билетомъ, потому что билеты по положенію, берутся въ волости. Слушалъ меня Романъ и не понималъ. Былъ онъ рѣщякъ-искусникъ; безъ рисунка, съ одного разсказа вырѣзалъ всякую хитрую фигуру, но все, что не касалось его науки, было для него мудрено. Зналъ онъ, напримѣръ, что господскимъ крестьянамъ объявлена воля, но ему лично воли никто не объявлялъ, и потому себя онъ считалъ въ крѣпости. Зналъ онъ до моихъ толкованій, что Жуки принадлежатъ мнѣ, но себя отдѣлялъ отъ Жуковскихъ крестьянъ, потомучто родился въ Москвѣ, отданъ былъ въ ученье изъ дворовыхъ и въ Жукахъ не жилъ. (Романовъ отецъ достался бабушкѣ по наслѣдству въ числѣ другихъ неуплоченныхъ моимъ прадѣдомъ карточныхъ долговъ). «Ступай въ волость», повторилъ я. Но Романъ отвѣчалъ, что онъ въ волости у Татьяны Осиповны, что прикажетъ, то и будетъ дѣлать. Наконецъ я послалъ за старостой. «Чего барина безпокоишь,—вразумлялъ парня Савелій, пачпортъ дадимъ на уговорѣ, что коли хочешь проживать на сторонѣ, плати намъ 15 рублевъ.

Digitized by Google

— За что вамъ платить? спрашивалъ озабоченный Романъ.

— Не то землю бери, нравъ тягло.

— За что, въ самомъ дѣлѣ, требуешь ты съ него 15 рублей.

— 10 рублевъ въ оброкъ, 5 на подати, на контору тоже сборъ будетъ: земля его намъ въ тягость.

— Все тебѣ выгоднѣе Романъ, чѣмъ прежде было; бабушкѣ платилъ ты въ годъ двадцать пять р., а крестьяне десять сбавляютъ.

— Плати пятнадцать рублевъ и живи гдѣ хошь. Такъ на міру порѣшили. Нечего намъ баловать ихъ, гулящихъ. Пойдемъ Романъ Микифорычъ, у меня поговоримъ о твоемъ дѣлѣ. Прощайте, сударь, завтра уставную приводятъ въ Мишинѣ.

— Вотъ какъ! По согласію съ крестьянами?

— Было согласіе.

А я—то! живу въ деревнѣ больше мѣсяца и дѣла не двинулъ. Опять развернулъ я планъ, и самый естественный надѣлъ кинулся мнѣ въ глаза. Дорогой, да оврагомъ, а гдѣ по извиву рѣчки идетъ межа,—ямъ не рой, столбовъ не ставь, вездѣ живое урочище.

На другой день пошолъ я на работы, отыскалъ старосту и увелъ его съ собою на *межу*. «Ну что?» «Какъ міръ», отвѣчалъ староста, «у него свое въ головѣ.» «Что же у него въ головѣ?» «Эко дрова-то гніютъ», показывалъ староста покосившіяся сажни: «грѣхъ Жуковцамъ, ей грѣхъ.» «Какой грѣхъ?» «Какже не грѣхъ; у самой нашей границы, по дорогѣ въ городъ, наставлены дрова, присмотра за ними нѣтъ, знай бы возили да возили». «Да вѣдь это чужія, не наши». «То-то чужія, свои не воровать стать.» «Давно рощу эту порубили?» «Три года будетъ.» «Отчегоже не распроданы?» «А Богъ вѣсть! баринъ самъ пилитъ, въ началѣ дорожился, никто не скупалъ; опосля надоѣло ему, такъ и бросилъ.» «Не за свое дѣло взялся», замѣтилъ я. «Видно такъ.» «Что же у васъ-то на умѣ, ты не сказалъ мнѣ?» «Вы себѣ думали, мы себѣ думали», отвѣчалъ староста, «Какъ же вы думали?» «Примѣромъ сказать, оглядѣлъ староста окрестность, въ эту сторону какъ взялъ и пошолъ округъ деревни. Вы намъ не мѣшаете, мы вамъ не мѣшаемъ. Права рука ваша, лѣва рука наша. Такъ мужики мекали, а по васъ какъ не знаю.»

— По мнѣ не такъ.

Digitized by Google

— Есть ваша воля, а кажись удобно.

Дѣйствительно для крестьянъ былъ удобенъ придуманный ими отдѣлъ; былъ бы удобенъ и для меня въ хозяйственномъ отношеніи, но я долженъ былъ отдать косогоръ надъ рѣчкой, поросшій лѣсомъ и примыкавшій къ саду; я долженъ былъ отдать прудъ, который при мнѣ рыли, съ карасями, которыхъ при мнѣ сажали въ воду; кромѣ того господскій скотный дворъ, выстроенный врядъ съ поселеніемъ, вошолъ бы языкомъ въ крестьянскій надѣлъ.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы согласились на мою нарѣзку сказалъ я старостѣ.

— Какъ мужики, а я не знаю.

— Поговори съ мужиками, укажи мои межи. Пускай они потолкуютъ и пришлютъ ко мнѣ двухъ или трехъ человѣкъ. Всѣхъ не зачѣмъ собирать ко мнѣ: рабочая пора, другого дѣла много.

— Мужикамъ скажу.

— Самъ-то какъ ты думаешь?

— Не знаю какъ мужики, отвѣтилъ староста и сталъ на томъ.

Василья съ Андрономъ выслало ко мнѣ общество для переговоровъ.

— Показывалъ вамъ староста межи.

— Водилъ.

— Чтожь вы скажете?

— А эдакъ, баринъ, какъ мы мекаемъ, не любо вамъ нечто?

— Дубняковъ, братцы, не отдамъ.

— Будто мало у васъ, Дмитрій Дмитричъ, лѣсу. Что ужь вамъ, сударь, за дубняками гнаться! десятины въ дубнякахъ не будетъ. Одно слово что дубняки, а дубовъ не найдешь: ольха да осина.

— Да я не за ольхой гонюсь, Василій, а дубняки подошли къ саду. Отдать вамъ этотъ косогоръ, все равно что полсада отдать.

— Это точно, что подъ садомъ они вышли, согласился Андронъ, топлива-то у насъ не будетъ безъ бубняковъ.

— Для топлива остается у васъ Мождюхино.

— На Мождюхинѣ-то, баринъ, одни пеньки, а деревья, что хворостъ, сказалъ Василій.

— Пожалуй вмѣсто Мождюхина я нарѣжу вамъ изъ молодого лѣса.

Digitized by Google

— Десять годовъ прожденъ его, баринъ, настоящаго дерева ни одного нѣтъ.

— Вы говорите, что на Мождюхинѣ пни до хворостъ.

— Какъ же можно! На Мождюхинѣ рѣдколѣсье, а есть годныя дерева, сознался Андронъ.

— Ну, какъ знаете, или Мождюхино или участокъ молодого лѣса. Потомъ, пруда я тоже не отдамъ.

— Чтожъ вамъ, баринъ, на прудѣ, сказалъ Василій,—у васъ рѣка подъ самымъ садомъ.

— Рѣка рѣкой, а прудъ прудомъ.

Какая вамъ баринъ отъ пруда прибыль?

— А вамъ какая?

— Намъ для водопоя.

— Если только за этимъ дѣло, я оставлю вамъ къ пруду прогонъ для скота; только чтобы прудъ былъ мой. Я оттого хочу его удержать за собою, что на моей памяти его рыли.

— А мы такъ и рыть помогали, напомнилъ Василій.

— Чтожъ, мы не постоимъ на прудѣ, коли баринъ дозволитъ поить скотину, запросилъ Андронъ Василья.

— Вѣстимо намъ не карасей ловить.

— Стало быть съ дубняками и съ прудомъ мы сладимъ. Потомъ вы хотите взять поля у скотнаго двора. Не желалъ-бы я его отдавать.

— Эхъ, баринъ, жаль вамъ, знать навозной пашни?

— Не пашни жаль, а скотный дворъ мой середи вашихъ полей станетъ.

— Не у мѣста и стоитъ онъ, Дмитрій Дмитричь, кому таперь у насъ выдѣляться придетъ, негдѣ избу строить, совсѣмъ тѣсно.

— А по моему, ваши дворы не на мѣстѣ. По положенію я имѣю право перенести всю деревню. И снесъ бы, да денегъ нѣтъ.

— Дворы-то наши, баринъ, годовъ можетъ сто на одномъ мѣстѣ стоятъ, а вашъ вотъ дворъ 10 лѣтъ поставленъ. По нашему малый старому дорогу давай.

— Я же вамъ говорю, что по положенію могу снести всю деревню.

— Мы неграмотные, дѣловъ эвтихъ не знаемъ.

— Ты неграмотный, а Андронъ читаетъ.

— Чтецы мы плохіе, сказалъ Андронъ.

Digitized by Google

— Ну такъ на слово повѣрьте мнѣ.

— Вѣстимо вамъ лучше знать.

— Пожалуй, если мой скотный дворъ мѣшаетъ вамъ, снесите его на свой счетъ, я согласенъ.

— Согласились бы и мы, да вѣдь и у насъ деньговъ-то нѣтъ. Намъ и взять ихъ неоткуда. Коли ваша милость будетъ, сами переставьте его.

Откуда же у меня деньги?

— Какъ деньгамъ у господъ не быть!

— Вы думаете, у господъ по стѣнамъ они растутъ, какъ же! Ну да васъ въ этомъ не увѣришь, лучше о дѣлѣ говорить. Я отдамъ вамъ поле у скотнаго двора, если вы скотный дворъ перенесете сами, а если не можете или не хотите переносить его на вашъ счетъ, пойдетъ въ надѣлъ поле подъ Мождюхинымъ. Вотъ условія, на которыхъ я согласенъ писать грамоту. Такъ и скажите крестьянамъ. Черезъ двѣ недѣли я уѣду въ Москву и очень бы желалъ передъ отъѣздомъ покончить съ вами. Потолкуйте между собой и о моей нарѣзкѣ, какъ намъ придумать, право не такъ она дурна; я разсчитывалъ не однѣ мои выгоды, думалъ и объ васъ. И граница идетъ по живымъ урочищамъ.

— Моя полоска подъ рѣпищемъ отойдетъ, сказалъ Василій Андрону.

— Мои двѣ отойдутъ, былъ Андроновъ отвѣтъ Василью

— Двѣ и мои отойдутъ, продолжалъ Василій.

— Гдѣ же двѣ?

— А по вражку къ яснушкѣ.

— Тамъ нѣту у меня, а по дорогѣ въ Вязы никакъ отойдетъ моя полоска.

— И то отойдетъ.

— Ну и отойдетъ сказалъ я—и вмѣсто того, чтобы пахать у вязоваго болота и подъ рѣпищемъ, будете вы пахать подъ Мождюхинымъ, большей бѣды нѣтъ. А вотъ мнѣ тамъ бѣда: вамъ я отдамъ хорошую пашню, а въ замѣнъ получу раскиданныя полосы, которыхъ разумѣется сохой не трону.

— Чтожъ, баринъ, землѣ тоже отдыхъ надобенъ.

— Спасибо, мало мнѣ прибыли отъ ея отдыха.

— Ну, Андронъ, пойдемъ что-ли, позвалъ Василій.

— Ничего болѣ приказывать не будете? спросилъ меня Андронъ

Digitized by Google

— Приказывать ничего не буду, а совѣтую хорошенько подумать, — какой изъ двухъ надѣловъ выгоднѣе, вашъ или мой.

— Какъ тутъ думать, Господь вѣдаетъ! помоталъ головою Василій. Идемъ что-ль.

Ушли выборные и въ другой разъ не приходили одни. Въ первое воскресенье, передъ вечеромъ, отыскалъ меня староста въ саду и доложилъ, что крестьяне желаютъ покончить. Я лежалъ на скатѣ, въ густой травѣ. Солнце было сзади. Лучи его падали на развѣсистый тополь. Далеко съ горы бросалъ онъ тѣнь свою по отвѣсу. «Тепло-то какъ!» сказалъ я. «Не даетъ Богъ дождичка, такая напасть», отвѣчалъ староста. «Такъ покончить хотятъ? И я хочу покончить, на чемъ же мы покончимъ?» Староста смолчалъ. «Позвалъ-бы ты ихъ сюда». «Траву помнемъ, Дмитрій Дмитричъ». «Ничего, поднимется. Зови сюда». Староста спустился съ пригорка на дорожку и пошолъ крупнымъ шагомъ, всковыривая сапогами только наканунѣ навезенный и убитый песокъ. Невольно привсталъ я, разглядывая слѣды гвоздей на возстановленной моими попеченіями дорожкѣ, ужомъ изгибавшейся по отлогому скату, и обрадовался, когда Савелій свернулъ на зароставшую, но еще не заросшую тропинку. Однако и тропинка показалась, видно крюкомъ старостѣ; опять пошолъ онъ травою, шагнулъ чрезъ рабатку, придавилъ денную красавицу и задѣлъ капуцина. Тогда я вскочилъ и побѣжалъ за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если два сапога надѣлали такихъ бѣдъ, что же надѣлаютъ двадцать? «Въ домъ, кричалъ я, зови въ домъ»! Но догналъ его уже у крыльца, гдѣ дожидались крестьяне. «Пойдемте ребята, на чемъ порѣшили?» «Какъ изволили Андрону и Василью говорить, сказалъ староста», дубняки, значитъ мы вамъ уступимъ. И прудокъ вашъ пущай останется, а намъ лишь скотину подгонять къ водѣ. А на счетъ скотнаго двора, какъ будетъ милость, отнесите его на другое мѣсто. Давеча плотники проходили, берутся за 150 рублевъ.» «А то, добавилъ Василій, пущай стоитъ, коли денегъ жалко вамъ на перестановку. Пущай сгніетъ на самомъ эвтомъ мѣстѣ. Намъ бы знать, что земля подъ нимъ наша, а вы ею пользуйтесь покуда до времени.

— Пожалуй я готовъ перенести его въ теченіе трехъ лѣтъ, но не сейчасъ. Этого сдѣлать я не могу.

Digitized by Google

— И ладно. А за мѣсто прудка и дубняковъ предоставьте намъ десятинъ хошь пять лѣску.

— Это какъ?

— Въ замѣнъ значитъ.

— Да подъ дубняками одна десятина, подъ прудкомъ нѣсколько саженъ, а подъ скотнымъ дворомъ полторы десятины. Вотъ вамъ замѣнъ.

— Мы, баринъ, не требуемъ, а просимъ, сказалъ Савелій.

— Лишняго не дамъ. Что вамъ слѣдуетъ, то и получите.

— Коли не дадите, и на томъ благодаримъ.

— Такъ вы согласны подписать уставную грамоту на этихъ основаніяхъ?

— Согласны ребята что ли? спросилъ Василій.

— Согласны, извѣстно, не вѣкъ переговариваться.

— Всѣ ли согласны?

— Какъ на плантѣ, выступилъ Борисъ, отъ котораго на прежнихъ сходахъ не слыхалъ я ни одного слова.

— Подойди къ столу, покажу.

Борисъ подошолъ. Я сталъ показывать границы, но онъ повернулся къ крестьянамъ.

— А знаете 130-ю статью? И опять повернувшись ко мнѣ, спросилъ: знаю ли я 130-ю статью.

— Этто объ отказѣ отъ полевыхъ угодій, сказалъ изучившій положеніе Степанъ.

Отыскавъ въ мѣстномъ положеніи 130 статью, я прочелъ велухъ, что каждый крестьянинъ, выкупившій свою усадебную осѣдлость, можетъ, послѣ девяти лѣтъ, отказаться отъ пользованія полевыми землями и угодьями, сохраняя право собственности на усадьбу.

— Вотъ что! сказалъ Борисъ,—намедни встрѣлся мнѣ волостной писарь. Знаешь, говоритъ, 130-ю статью? Не знаю, говорю. 130-ю статью, говоритъ? Вотъ она 130-я статья, теперь знаю.

— Не слушайте его, баринъ, онъ пьянъ.

— Бориса оттащили и хотѣли вывести, но онъ упирался.

— Оставьте его.

— Не замай, сказалъ Борисъ и сжалъ кулакъ. Его толкнули въ уголъ. Онъ повалился на полъ и скоро захрапѣлъ.

— Экой безобразникъ, поглядѣлъ въ уголъ староста.

Digitized by Google

— Ну такъ согласны, очень радъ, не хотите ли за одно и выкупиться; слыхали вы о выкупѣ? Тогда поступили бы въ разрядъ собственниковъ...

— Въ какой такой разрядъ? спросилъ Савелій.

— Оброка мнѣ платить не будете, а вѣдь вы должны платить его вѣчно.

— Вѣчнаго-то, баринъ, ничего нѣтъ, замѣтилъ Савелій же.

— А будете платить въ казну проценты съ капитала, который ссудитъ вамъ казна для уплаты мнѣ; вамъ придется платить въ казну процентовъ меньше, чѣмъ оброка мнѣ. Добавочную сумму, какая мнѣ слѣдуетъ съ васъ, я разсрочу вамъ на пять, на восемь, на 10 лѣтъ. Ну, какъ же вы думаете?

— Надо поразмыслить, сказалъ Андронъ, — кто его знаетъ, лучше ли будетъ.

— Повѣрьте мнѣ, что вамъ выгоднѣе на выкупъ пойдти.

— Коли намъ выгоднѣе, значитъ вамъ невыгодно, а вы насъ уговариваете.

— Мнѣ та выгода, старался я объяснить, что стану я вамъ сосѣдомъ, и вы мнѣ станете сосѣдями. Пока вы обязанные крестьяне, все отъ меня въ зависимости, должны мнѣ оброкъ платить, придти ко мнѣ, когда я васъ позову, а тогда вамъ дѣла до меня не будетъ, развѣ сами придете ко мнѣ за совѣтомъ, потомучто тогда вы мнѣ будете вѣрить, а теперь вамъ все кажется, что я васъ хочу обмануть.

— Тогда, извѣстное дѣло, не зачѣмъ будетъ вамъ насъ обманывать, сказалъ Андронъ, усмѣшкою смягчивъ дерзкое слово

— Много ли же годовъ въ казну платить, али тоже на вѣчныя времена платежъ, какъ про оброкъ изволили сказать, спросилъ Василій.

— Нѣтъ, не вѣчно, а сорокъ девять лѣтъ.

— Не доживемъ, Дмитрій Дмитричъ, все одно, что и вѣкъ платить.

— Можно разойдтись мнѣ съ вами еще иначе. Возьмите на душу по десятинѣ, тогда никакихъ денегъ не нужно платить ни мнѣ, ни въ казну. Этакъ еще выгоднѣе, чѣмъ по 130-й статьѣ.

— И податей не платить?

— Подати платить.

— Значитъ подати не въ счету.

— Подати сами по себѣ.

Digitized by Google

— По одной десятинѣ мало намъ земли. Нанимать придется. Никакой пользы не будетъ.

— Какъ знаете, мое дѣло было сказать. Такъ на грамоту согласны, какъ говорили.

— Согласны.

— Стало-быть, завтра староста отправляйся къ посреднику и проси его пожаловать къ намъ. Чѣмъ скорѣе приѣдетъ, тѣмъ лучше, а грамоту я заготовлю. Да всѣ ли согласны, чтобы споровъ послѣ не было.

— Согласенъ что ли, расталкивали мужики заснувшаго Бориса. Вставай что ли!

— Тащите его, приказывалъ староста.

Кто-то приподнялъ Бориса за волосы.

— Гдѣ я, заревѣлъ Борисъ, пустите!

— Въ волостной конторѣ, сказали ему.

— Тащи его, приказывалъ громко староста, и Борисъ былъ выведенъ за волосы, подталкиваемый въ бока и въ спину.

— Можно было бы не приводить его ко мнѣ пьянаго, сказалъ я старостѣ.

— Этто его, баринъ, у васъ въ комнатѣ разобрало, а то совсѣмъ не былъ пьянъ, токмо говорилъ все, какъ шли къ вамъ, и ничего, путно говорилъ. Коли прикажете, я его въ контору сведу, чтобъ не безобразничалъ.

— Не нужно.

— Благодаримъ покорно, тамъ спуску не дали бы.

—

Провелъ я красными чернилами на планѣ черту, отдѣлявшую отводимыя крестьянамъ земли отъ остающихся въ моемъ владѣніи, и съ ужасомъ замѣтилъ, что отстоявъ прудъ и дубняки, уничтожилъ все удобство разверстки чортъ знаетъ откуда явившейся чрезполосицей, но опять переговариваться съ ребятами было уже поздно. Какъ бы ни кончить, лишь бы кончить, сказалъ я себѣ въ утѣшеніе; вписалъ въ грамоту границы надѣла, составилъ дополнительныя къ грамотѣ условія и погасилъ свѣчи. Могъ я сдѣлать это гораздо раньше, потомучто совсѣмъ разсвѣло. Напрасно, впрочемъ, торопился я къ утру моей работой. Посредника не застали дома. Онъ уѣхалъ въ другую волость. Объ отъѣздѣ его волостной староста нашолъ недоста-

Digitized by Google

точнымъ сообщить мнѣ чрезъ Жуковскаго старосту, но прислалъ вмѣстѣ съ нимъ дежурнаго добросовѣстнаго, маленькаго худенькаго старичка. Не зная, что мнѣ съ нимъ дѣлать, я поподчивалъ его было водкой, и старичекъ признался, что любитъ выпить, да въ постъ воздерживается. Словоохотливый, безъ моихъ вывѣдываній, разсказалъ мнѣ старичекъ, что онъ крестьянинъ генеральши Анны Ивановны, что въ имѣніи генеральши грамота введена по соглашеніи съ крестьянами. А что же этто за барыня у насъ, такой другой нѣтъ, говорилъ онъ. Когда волю-то на селѣ объявили, мы сложились и купили хлѣбъ и солонку въ городѣ, четыре рубля заплатили за солонку, серебряная. И положили мы послать къ ней пятерыхъ изъ села въ Москву. По зимамъ въ Москвѣ она проживаетъ. Меня выбрали и другихъ стариковъ. Приходимъ мы, просимъ доложить: мужички, молъ, изъ вотчины ея превосходительства. Позвать, говоритъ, мужичковъ, не обижаетъ ли кто ихъ? Сейчасъ велѣла позвать. Вотъ и вошли мы. Что вы, православные, спрашиваетъ насъ-отъ. Говоримъ: матушка, ваше превосходительство, отходимъ мы отъ тебя, такъ за твои милости хотимъ поблагодарить, хлѣбъ-соль прими отъ насъ, и не сердись на твоихъ бывшихъ рабовъ; не своею волею вольны стали. «Что вы, говоритъ, мужички, что вы, съ чего мнѣ сердиться на васъ?» и заплакала, право! Хлѣбъ съ солью этто приняла, поблагодарила и отпустила: сама, говоритъ, пріѣду къ вамъ по веснѣ. И пріѣхала, созвала всю деревню къ себѣ, стараго и малаго, и благословила образомъ, да! И старостѣ нашему передала образъ-то. Опосля приказала хлѣбъ принести и нарѣзать кусочками, чтобъ каждый, сколько насъ ни было, кусочекъ бы съѣлъ при ней на память. Добрая барыня! Лѣсникомъ прежде былъ я. Когда назначила меня въ лѣсники-то, и призываетъ... Призываетъ этто, и строго-на́-строго наказываетъ беречь лѣса, и крестьянамъ объявила, что за порубку впервой кто сдѣлаетъ, высѣчь велитъ, а въ другорядь попадется, молодого въ солдаты, стараго на поселеніе. Ну, и изловилъ я, кого съ березой, кого съ двумя, отмѣтилъ у себя до пріѣзда госпожи. Пріѣхала она, въ тотъ же день послала за мною. Хорошо, говоритъ, завтра съ ними расправлюсь. Вотъ и привелъ я къ ней на другой день виноватыхъ. Велѣла по одному впускать къ ней, и староста стоитъ тутъ же да я, лѣсникъ. «Ты что у меня порубилъ?» спрашиваетъ перваго. «Березку, матушка.» «А зачѣмъ, говоритъ, понадобилась тебѣ моя березка?» «Изволишь ви-

Digitized by Google

дѣть, матушка ваше превосходительство, какъ темно-то становится, ты свѣчку зажжешь, а мужику гдѣ свѣчу покупать, онъ лучинку жжетъ, нащепитъ лучинокъ изъ березки и свѣтъ ему есть.» «Правда, говоритъ барыня, нельзя быть мужичку безъ огня!» ну, и не взыскала. Такъ-то и съ другими поговорила, узнала, что всякому на домашнюю потребу пошло дерево и отпустила: «идите, говоритъ, наказанные.» Всѣ и пошли на радостяхъ въ кабакъ проздравляться. Добрая барыня, да!» Что, скажетъ бывало, съ мужичка возьмешь. Высѣчь его? — ему больно, а мнѣ прибыли нѣтъ. Корову свести со двора? мужичку нельзя безъ коровки быть, а съ лишней богаче не буду. Лобъ забрить? — семью въ раззоръ разоришь. Боже меня сохрани.» Да! А еще какая заступница мужику. Жилъ этто нашей вотчины паренекъ въ Москвѣ, извозничалъ. Найми его кто-то на три часа и продержи шесть часовъ. Ванюха прибавки затребовалъ, сѣдокъ не даетъ. Ванюха и ухвати его легонько, такъ вотъ... А были они отъ будки недалечко... Тотъ, сѣдокъ-отъ, и кликнулъ будочника, сунулъ ему въ руку монетку: веди, говоритъ, въ часть. Ванюха стегнулъ было, да нѣтъ. Выскочили изъ будки другіе, съ троими не совладаешь. Такъ и отвели парня на съѣзжую съ лошадью, съ санями. Три дня высидѣлъ онъ тамъ-от-ко; напослѣдокъ зовутъ къ частному. За что сидишь?—Не знаю. «Какъ не знаешь, мошенникъ, такой сякой! Чей ты?» — Анны Ивановны, ея превосходительства, говоритъ Ванька. Частный такъ и схватился обѣими за голову: бѣда, говоритъ, моя! давно ли сидишь? Четвертые сутки. На тебѣ цѣлковый, иди съ Богомъ! «Нѣтъ, говоритъ, не пойду, — шельма парень, — не пойду поколева отъ ея превосходительства распоряженія не выйдетъ. Посылайте, говоритъ, лепортъ на барскій дворъ.» Умасливали этто его, ничего не подѣлали, послали на барскій дворъ. Прикатилъ дворецкій, разспросилъ Ивана и назадъ съ донесеніемъ барынѣ. А тамъ опять въ часть съ отвѣтомъ: коли помирится съ извозчикомъ частный, хорошо, а не помирится, сама сейчасъ поѣду съ жалобою. Сначала это дворецкій къ Ванюхѣ зашолъ сказать, какъ дѣлу быть, а ужъ отъ Ванюхи къ частному. Что частному дѣлать? Зачалъ онъ Ивана склонять на миръ. И едва-едва уломалъ. Не давала въ обиду мужичка барыня, да!

— Богата ваша барыня, спросилъ я.

— Богатѣющая. Извѣстно, не съ нашей вотчины живетъ.

Digitized by Google

— Много ли по волости грамотъ подано по соглашенію съ крестьянами.

— Всего двѣ. Другая по имѣнію генеральши Цвѣтовой. Тоже крестьяне помѣщицею довольны остались. Въ Митинѣ-то и въ прежнюю пору черезъ пень колоду валили. Наѣдетъ, бывалоче, генералъ, сдѣлаетъ свои распорядки, а уѣхалъ—опять по старому пошло. Потому барыня по лѣтамъ сама жила, за однимъ наблюдала: въ саду чтобы чисто было, а поля хоть травой зарости, ей горюшка мало. Ну вотъ, какъ воля-то пришла, генеральша пріѣхала; барщину покончила; оброкъ по положенію опредѣлила, и говоритъ: Не нужно мнѣ вашего оброка, сада моего лишь не опускайте. Такъ и написали: въ уставной грамотѣ примѣрно, оброкъ получать ей съ крестьянъ 500 рублевъ, а въ особомъ условіи, что за садовыя работы она крестьянамъ платитъ 500 же рублевъ. Стали мужики просить не отнимать у нихъ налишка земли, какой былъ, десятинъ съ 20. И налишекъ барыня имъ предоставила, да окромя того участокъ лѣса на 9 лѣтъ отвела безплатно. Оченно довольны Митинцы.

— А господская запашка была же въ Митинѣ?

— Совсѣмъ запашку бросить хотѣла, да ужь крестьяне выпросили: что землѣ пустовать, отдай намъ. Мы тебѣ третій снопъ доставимъ и въ скирдъ сложимъ. И отдала. Добрѣющая душа! А есть у насъ баринъ въ сусѣдствѣ, то его крестьяне ни на какую сдѣлку нейдутъ. Лишку имъ даетъ, не хотятъ.

— Отчего же?

— Оттого, душа не такая. Боязно имъ, какъ бы не подвелъ, ѣдокъ онъ былъ къ нимъ. Охотился тоже посредникомъ быть, да нѣтъ, въ кандидаты зачли, то-есь, коли помретъ посредникъ, тогды силу бери.

— Не боишься ты мнѣ о немъ разсказывать? Изъ кандидатовъ легче въ посредники попасть, чѣмъ ты думаешь.

— Пущай, будь посредникъ. Все мнѣ ничего не сдѣлаетъ, потому Анна Ивановна не дастъ забидѣть, да.

— Когда жь посредникъ пріѣдетъ.

— Ближе недѣли не ждемъ. Пройдетъ семь денъ, присылай, а старику на чаекъ пожалуй.

Во время разговора съ добросовѣстнымъ, я занимался складываніемъ башни изъ мѣдныхъ денегъ. Основаніемъ послужила старая гривна, въ стройку пошли пятаки, трехкопѣечники, двух-

Digitized by Google

копѣечники—семитки тожь, копѣйки, а двѣ денежки и довершили зданіе, ибо полушки не случилось. Охотно разрушилъ я мое сооруженіе и матеріалъ, образовавшійся изъ развалинъ, всыпалъ въ руку старика, начинавшаго надоѣдать долгими розсказнями. Получивши на чаекъ, добросовѣстный убрался.

—

Черезъ недѣлю я напомнилъ старостѣ, что пора-бы навѣдаться, не вернулся ли посредникъ.

— Какъ небойсь не вернуться, сказалъ староста.

— Такъ съѣзди.

— Что ѣздить-то, грѣхъ вышелъ, Дмитрій Дмитричь; крестьяне не согласны.

— На что не согласны?

— На то, какъ порѣшили. Просятъ въ придачу двадцать десятинъ, потому на Мождюхинѣ неудобна земля.

— Въ обмѣнъ Мождюхина?

— То-то не въ обмѣнъ, а придали бы сверхъ. Добросовѣстный сказывалъ, всѣ набавляютъ.

— Потому, годовъ черезъ десять народу народится, эвтой земли мало будетъ, прибавилъ староста, помолчавъ.

— Коли барину угодно, подпишемъ на три года, а на продолжительное время не согласны, говорятъ мужики, прибавилъ староста опять.

— И то говорятъ, что въ округѣ нигдѣ еще не приставляли грамотъ, всего-на-все двѣ, лучше обождать. Угодно поговорить самимъ съ мужиками?

— Неугодно, и скажи имъ, что ни теперь ни послѣ разговаривать съ ними не стану, а грамоту напишу безъ ихъ совѣта; скотнаго двора не снесу, къ пруду прогона не оставлю, ни одного дерева въ надѣлъ не дамъ и лишняго сажня земли не прирѣжу. Слышалъ?

— Слышалъ. Коли не двадцать, хоть десять добавилъ-бы, говорили мужики.

— Слышалъ, спрашиваю?

— Слышалъ-съ все.

— А слышалъ, такъ отправляйся.

Сердился я нѣсколько дней на старосту, на крестьянъ, на посредника, на добросовѣстнаго, на генеральшу Анну Ивановну,

Digitized by Google

на всѣхъ... Но трава была также зелена, птицы также весело пѣли, отцвѣли одни цвѣты, ранніе, зацвѣли другіе, поздніе... долго сердиться нельзя въ деревнѣ, когда и свѣтло и тепло. Досада моя прошла, и, встрѣчаясь съ крестьянами, мы попрежнему дружелюбно разговаривали, не касаясь только предмета раздора. Мнѣ же было лучше: не предстояло надобности сворачивать въ сторону отъ старосты, и вторую половину лѣта провелъ я покойнѣе, беззаботнѣе въ Жукахъ. Сначала я забылъ думать о грамотѣ, потомъ думалъ, но безъ тревоги, а почти съ увѣренностію, что къ осени крестьяне попросятъ меня кончить дѣло, и мы его кончимъ. Однако я ошибся. Подошолъ сентябрь и прошолъ; я назначилъ день моего отъѣзда, и до самаго дня моего отъѣзда никакихъ заявленій отъ Жуковцовъ не было. Въ досадѣ уѣзжалъ я. Не приходили со мною прощаться крестьяне, суетилась около меня Петровна, но какъ всегда суетилась, да провожалъ меня усердно Софронъ, такъ усердно, что я наконецъ спросилъ его довольно сердито: чего ему нужно?

— Жениться хочу, сказалъ Софронъ.

— Кто-жъ тебѣ мѣшаетъ? Женись, своя воля, я тебѣ не отецъ и не мать.

— Какъ же не сказаться, у васъ живу. Извѣстно, воленъ жениться, а какъ вамъ не покажется, не нужно мнѣ молъ женатаго, иди съ бабой со двора, тогда что?

— Женись, братецъ, женись. Не прогоню ни тебя ни бабу.

— Благодарствуйте. А то, Дмитрій Дмитричъ, коли вамъ не угодно, я оставлю; невѣстовъ много, не уйдутъ.

— Мнѣ таки помнится, что ты хотѣлъ обождать?

— Хотѣлъ-то-хотѣлъ, да притча вышла такая. Питомка тутъ есть, въ Вязахъ,

— Ну?

— Года ей подошли: или жениха подыщи, или припишутъ въ казенныя, ушлютъ.

— Чтожь ты изъ жалости ее берешь, чтобы не услали.

— Не изъ жалости, — Софронъ усмѣхнулся, а дѣвки охаять нельзя.

— Ты мнѣ скажи толкомъ, нравится тебѣ твоя, не знаю, какъ зовутъ?

— Солоха-то? Ндравится.

— А ндравится, такъ съ Богомъ, прощай.

Digitized by Google

Я уѣзжалъ, когда бѣгомъ вбѣжалъ въ ворота Ѳедоръ и повалился мнѣ въ ноги: къ вашему здоровью.

— Говори да поскорѣе.

— Гдѣ прикажете избу ставить?

— Избу, какую?

— Подѣлились мы съ дядей.

— Какое же мнѣ дѣло? гдѣ хочешь, тамъ и ставь.

— То-то хочется мнѣ у вашего скотнаго двора строиться.

— Гдѣ же это у скотнаго? на огородѣ что-ли?

— Да-съ, гдѣ вашъ огородъ.

— Видишь, какой добрый! не хочешь ли въ саду передъ балкономъ поставить избу?

— Помилуйте, какъ же посмѣлъ бы я просить, въ господскомъ саду рази можно.

— А на господскомъ огородѣ можно?

— Мужики говорили, вы намъ отдаете землю подъ скотнымъ.

— Отдавалъ, а теперь не отдамъ. Они пошли назадъ, не подписали грамоты, и я пойду назадъ, оставляю скотный дворъ на мѣстѣ.

— Гдѣ-жь мнѣ жить-то? дядя таперича выгонитъ.

— Не я виноватъ. Какой чортъ спрашивалъ тебя дѣлиться. Приходилъ еще ко мнѣ за совѣтомъ, помнишь? — Помню-съ. А что я тебѣ совѣтовалъ?—Изволили сказать: подожди.—Что-жь ты мнѣ сказалъ на совѣтъ?—сказалъ: подожду.—Сказалъ, да не исполнилъ, пеняй на себя, ты вѣдь зналъ, что, подѣлившись, безъ избы останешься?

— Кто его зналъ; я думалъ, по жеребью мнѣ придется изба. Не будетъ ли вашей милости помочь на стройку.

— Не будетъ.

Уѣхалъ я, непровожаемый на этотъ разъ всякаго рода пожеланіями.

X.

Бабушка Татьяна Осиповна сидѣла у окна и читала «Пчелу», когда, проѣхавъ мимо ея розоваго домика, я завернулъ въ ворота на широкій немощеный дворъ. Бабушка любила смотрѣть на улицу, на проѣзжающихъ и проходящихъ; раскланивалась съ знакомыми, наблюдала за незнакомыми, загадывая по спѣшнымъ

Digitized by Google

или медленнымъ шагамъ, что за человѣкъ прошолъ и куда»? Вотъ этотъ, скажетъ бывало, по дѣлу торопится, не глазѣетъ по сторонамъ, а безпокойно оглядывается.... Объ закладъ побьюсь, что ищетъ извощика. А тотъ, котораго этотъ обгоняетъ, навѣрное идетъ въ карты играть». «Отъ чего же непремѣнно въ карты играть»? спросятъ бабушку. «По поступи вижу, идетъ ровно; на часы взглянулъ выходя изъ дома, разсчиталъ напередъ, къ какому времени придетъ; глядитъ подъ ноги, ничѣмъ не развлекается. Стало-быть есть у него цѣль, о картахъ думаетъ. А вотъ два шалуна; у нихъ дѣла никакого нѣтъ, они то въ окно посмотрятъ, то побѣгутъ, то остановятся; и съ лавочниками заговорятъ, и бабу словомъ затронутъ, сами не знаютъ, зачѣмъ къ намъ забрели, а если есть у нихъ цѣль, лучше намъ не догадываться».

— Здравствуй, митя! назвала меня бабушка и скинула очки, а «Пчелку» положила на окно. «Пчелку» она читала по привычкѣ, но не сочувствовала новой редакціи, помня фельетоны Булгарина.

— Давно-ли пріѣхалъ? спросила меня бабушка.

— Здоровы-ли вы, милая бабушка.

— Здорова, а тебѣ о здоровьѣ нечего спрашивать. Какъ же ты загорѣлъ, арапъ арапомъ! Покончилъ-ли съ своими любимцами?

— Съ какими любимцами?

— Будто не понимаешь, съ любезными твоими крестьянами; ты вѣдь ими не нахвалишься.

— Нѣтъ, бабушка, не кончилъ.

— И грамоты не подавалъ?

— Не подавалъ.

— Господь тебя хранилъ, у самого благоразумія не достало бы.

— Хотѣлъ кончить, милая бабушка, да не за мною дѣло стало? добиваюсь добровольнаго согласія, и наладилось было....

— Да разладилось, напередъ знала. Выкинь ты согласіе изъ головы, и безъ согласія тоже погоди грамоту подавать. Иванъ Ѳедорычъ говоритъ: къ новому году перемѣны выйдутъ.

— Не можетъ быть перемѣнъ, бабушка.

— Не спорь о томъ, чего не знаешь! Иванъ Ѳедорычъ не самъ выдумалъ, изъ Петербурга ему писали; вечеромъ къ Варварѣ Степановнѣ обѣщалъ привезти письмо. Ты будешь?

Digitized by Google

— У Варвары Степановны?

— Приѣзжай, она тебя всегда рада видѣть.

— Проигрываться не хочется.

— Не играй.

— Трудно отговориться.

— Приѣзжай позднѣе, когда карты будутъ заняты. А утромъ заѣхалъ-бы къ ней съ визитомъ.

— Не приметъ она, бабушка.

— Нужды нѣтъ, билетикъ оставишь; безъ утренняго визита неловко заѣхать вечеромъ.

— Если бы знать, въ какомъ расположеніи найдешь Варвару Степановну, не всегда вѣдь у нея весело.

— Поскучаешь, не велика бѣда.

— Приѣду, бабушка.

— А утромъ заѣзжай.

— Заѣду и утромъ.

Я замолчалъ, предвидя скучный вечеръ. У бабушки былъ свой кругъ знакомыхъ, особый міръ, центромъ котораго былъ домъ Варвары Степановны Свѣтовой на Воронцовомъ полѣ, докторомъ котораго былъ Фердинандъ Фердинандовичъ Лиліенъ или Розенъ или просто Блуменъ, Блатъ, Фельдъ, Гартенъ, что-то въ этомъ родѣ; связью котораго съ другими московскими мірами былъ князь Иванъ Ѳедоровичъ. Во сколько докторъ Блуменъ-блатъ умѣлъ ограничивать свою практику пространствомъ между Воронцовымъ и Гороховымъ полями, не видя никакой надобности показываться въ иныхъ мѣстностяхъ, во столько князь Иванъ Ѳедоровичъ находилъ крайнюю надобность показать себя въ каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ; даже если по пути приходился тупой,—и въ тупой переулокъ заѣзжалъ Иванъ Ѳедоровичъ, хотя бы не имѣлъ въ немъ доступнаго ему дома. Отчего лошадь не промять? Какъ пчела, облетѣвъ луга, сады и рощи, несетъ медъ въ улей, такъ Иванъ Ѳедоровичъ, объѣздивъ знакомые дома, флигеля и клубы, заглядывая въ окна незнакомыхъ домовъ и всякаго рода зданій, везетъ запасъ слуховъ въ гостиную Варвары Степановны.

Варвара Степановна живетъ какъ ей нравится: спать ложится въ четыре часа утра и стало-быть, полдня спитъ да полдня зѣваетъ, приходя въ состояніе бодрости къ десяти часамъ вечера, когда въ гостиной зажгутъ лампы и сдвинутъ столы для

Digitized by Google

лото. Послѣ десятаго боя, она идетъ въ гостиную, садится, раскладываетъ завѣтные три карты и заставляетъ цвѣтными стеклышками всѣ сорокъ пять нумеровъ. А между тѣмъ набираются гости, привѣтствуютъ хозяйку: кто поцалуемъ въ руку, кто словомъ, кто однимъ поклономъ, садятся, и выбираютъ лучшія карты. Входящіе во время игры совсѣмъ не кланяются, спѣша достать карты и принять участіе въ игрѣ. А игра идетъ порядкомъ вотъ какимъ: заставляющій первый камень, получаетъ по одной фишкѣ съ каждаго; заставляющій прежде другихъ два камня къ ряду, награждается двумя фишками, и т. д., но не до первой квинты, а до восьми включительно, съ возвышеніемъ платы на одну фишку за каждую новую квинту. Счастливецъ, которому удается закрыть послѣдній сорокъ-пятый нумеръ, провозглашаетъ «довольно»! Тогда, оставшіеся въ мѣшкѣ номера вынимаются, сумма ихъ складывается и выплачивается каждымъ кончившему игру девятою квинтой. Много вниманія нужно, чтобы не проглядѣть, не прослушать какого нибудь номера. Но и при напряженномъ вниманіи карты хозяйки и ея племянницы выигрываютъ чаще другихъ картъ. Обѣ онѣ берутъ постоянно однѣ и тѣ же карты, на которыхъ сходится болѣе одинакихъ номеровъ, и счастье постоянно имъ благопріятствуетъ.

Не смотря однако на принятыя мѣры въ свое обезпеченіе, Варвара Степановна такая горячая игрица, что когда выкликаются номера, она забываетъ о годовомъ итогѣ и вся отдается минутѣ; она гнѣвается, когда слѣпое счастье новичка-игрока торжествуетъ надъ расчетомъ, и во гнѣвѣ разбрасываетъ марки и стекла, не заботясь, попадутъ-ли онѣ кому нибудь въ лицо или упадутъ на полъ, съ котораго, разумѣется, надобно ихъ поднимать. Но поднимаются, смѣясь, любезные гости.

Зато, какъ весела и говорлива бываетъ Варвара Степановна при удачѣ.

Въ часъ ночи, вошолъ я въ гостиную Варвары Степановны. Дымъ отъ папиросъ ѣлъ глаза; въ сторонѣ отъ играющихъ, на особомъ столѣ ставились блюда съ жаркими и бутылки разныхъ формъ: низкія, но широкія, длинныя, но узкія. Папиросы и ужинъ выражали выигрышъ хозяйки, которая отпускала гостей на разсвѣтѣ голодными, если ей не везло, и, сама не закуривая папироски, налагала воздержаніе на другихъ курильщиковъ.

Digitized by Google

— А, Жукъ пріѣхалъ, Жукъ! сократила мою фамилію Варвара Степановна, что также доказывало хорошее расположеніе ея духа.

Я сѣлъ подлѣ Варвары Степановны, но принесъ несчастье и былъ прогнанъ, впрочемъ, безъ ярости. Она уже наигралась и наиграла; какъ нарочно, только что я отошолъ, Варвара Степановна взяла седьмую квинту, потомъ восьмую... Я рѣшился опять — не подсѣсть, но подойти къ ней и доложилъ, что митинцы остались ею довольны. Варвара Степановна осклабилась, но когда я полюбопытствовалъ узнать: на ту же ли стать устроилась она съ дальними крестьянами, Варвара Степановна высунула мнѣ языкъ.

— Вѣрно иначе, спросилъ я.

Stop! раздалось на противоположномъ концѣ стола, когда у Варвары Степановны не доставало одного номера. Это было дѣйствительно досадно, и съ досады полетѣли синія, зеленыя, красныя и желтыя, круглыя, четыре-и-восьми-угольныя стекла со стороны Варвары Степановны въ разныя стороны.

— Больше не играю, ступайте спать, сказала она, не обращаясь ни къ кому въ особенности, но заставляя всѣхъ отыскивать шляпы.

— Какъ устроила Варвара Степановна у себя, спросилъ меня баронъ Крунихъ—я самъ на дняхъ вернулся изъ Владиміра; кончилъ съ моими по согласію, мнѣ интересно услышать, какъ сдѣлались другіе?

Я сталъ разсказывать, и скоро меня обступили.

— Ну, ужь это черезъ-чуръ!... Ну, я бы не далъ! Еще-бы не были довольны!... Дивлюсь, что не выпросили больше!... Какая доброта!

— Вотъ истинно благодѣтельная помѣщица!...

— Чорта съ два отъ меня дождались-бы!.. вставляли слушатели свои замѣчанія. Но чаще слышались возгласы Круниха: «Прекрасно, благородно, великодушно, честно, жаль, что не могъ я поступить также!»

Когда я кончилъ, пожелали узнать; какъ поступилъ Крунихъ.

Но Варвара Степановна совѣтовала намъ отправляться спать, и, кажется, пора, напомнилъ я.

— Пускай разсказываетъ, отозвалась Варвара Степановна, пересѣвшая за другой столъ, на которомъ были соусы и жар-

Digitized by Google

ніе. По правую ея руку находилась моя бабушка, по лѣвую Иванъ Ѳедоровичъ.

Мужчины закинули шляпы и повернулись къ барину.

— Крестьянъ перевелъ я на оброкъ.

— Умно! Каковъ! Какъ это вамъ удалось? Уговорите, баронъ, моихъ, шампанскаго поставлю. А я держу на дюжину, что моихъ не согласите ни на что. Не перебивайте, господа. Что же дальше, баронъ? Разсказывайте.

— Усадьбы имъ подарилъ...

— Это какъ? Что вамъ вздумалось?

— Не практично. — Да, ну на это согласились бы и мои. — А я держу на двѣ дюжины, что моимъ бы не подарили: откажутся, моихъ ни на что не согласишь.

— Что такое? спросила Варвара Степановна.

— Баронъ подарилъ крестьянамъ усадьбы; вообразите, даромъ отдалъ!..

— Дуракъ, сказала спокойно Варвара Степановна.

— Не понимаю, отчего такъ странно показалось вамъ, что я отдалъ усадьбы, продолжалъ Крунихъ, не смутившійся замѣчаніемъ Варвары Степановны, которое, впрочемъ никого не озадачило, — усадьбы, надѣюсь, каждый это признаетъ, de facto всегда принадлежали крестьянамъ.

— Позвольте, баронъ, какъ вы сей предметъ обсудите? Мои крестьяне платили мнѣ съ тягла по сорока рублей, что съ души причиталось, по моему разсчету, по семнадцати рублей, по двадцати четыре коп. съ дробью, это вѣдь, надѣюсь, тоже былъ фактъ; а теперь я получу съ души восемь рублей съ дробью, потомучто полнаго надѣла имъ не дамъ, а существующій.

— Можетъ-быть и восемь не получите, перебилъ кто-то перебившаго.

— И тоже будетъ фактъ, дополнилъ другой.

— Продолжайте, баронъ, продолжайте.

— По положенію я долженъ былъ давать топливо крестьянамъ впродолженіе девяти лѣтъ.

— За особую плату, не иначе какъ за особую плату, послышались голоса.

— Назначить можно рубль за полѣно, заявилъ одинъ.

— Мои имѣнья расположены среди казенныхъ лѣсовъ, сказалъ Крунихъ, гдѣ есть такса на этотъ предметъ, такса умѣренная

Digitized by Google

и я нашолъ, что для меня крайне неудобно и хлопотливо снабжать ихъ топливомъ.

— Еще бы!

— И потому отвелъ имъ въ счетъ надѣла лѣсной участокъ въ тридцать десятинъ.

— Совершенно напрасно. — Ни къ чему не поведетъ. — Они свой лѣсъ будутъ беречь, а ѣздить станутъ въ вашъ. — Нѣтъ, позвольте, они и своего не сберегутъ, черезъ годъ прута у нихъ не останется, и тогда поѣдутъ за дровами въ вашъ.

— Все это я предвидѣлъ, отразилъ Крунихъ, и распорядился такъ, что ихъ участокъ сбережется и мои лѣса останутся цѣлы.

— Любопытно! — Что же вы сдѣлали?

— Тише, господа, не мѣшайте говорить барону.

— Очень просто: предложилъ имъ разчищать мои лѣса и пользоваться хворостомъ. Это обоюдная выгода, надѣюсь?

Всѣ такъ удивились, что ни словомъ не возразили Круниху, но обступившій его кружокъ раздѣлился на многіе.

— Неопытность. — Нѣтъ, по моему просто глупость, вотъ тутъ недостаетъ.—Молодъ. — Что за молодъ, помилуйте, борода выросла... слышалось въ одномъ кружкѣ.

Въ другомъ говорилось другое: Какъ ваши, работаютъ? работаютъ, такъ я вамъ доложу, работаютъ, что три четверти луговъ принужденъ былъ отдать казеннымъ изъ полу, а подъ яровое совсѣмъ не запахали: успѣемъ, говорятъ, весною.—На оброкъ нейдутъ? Ни-ни. А ваши? Мои были оброчные.—Счастливецъ! И платятъ? Представьте, до ввода грамоты платили исправно, а какъ ввели, не знаю что будетъ! Два раза писалъ къ посреднику. И чтожь?—Хочу послать страховое.—Нѣтъ, да эта бѣда, что за бѣда; станутъ и платить и работать, дайте время. А вотъ въ мое положеніе войдите: есть у меня во Владимірской губерніи имѣніе, оброчное. Получалъ я съ него чистаго дохода пятсотъ рублей, и ничего не зналъ, получалъ каждый годъ пятсотъ и кончено!.. По положенію оброкъ остался тотъ же, высылаютъ мнѣ его въ сроки, а дохода нѣтъ, какъ вамъ это покажется? — Какже такъ? — А также такъ! Лѣсу много у меня; прежде его крестьяне стерегли, а нынѣ пришлось нанимать сторожей; потомъ надо особыхъ сторожей оберегать усадьбу, и обошлись мнѣ эти нововведенія въ 447 р. Чистаго дохода остается мнѣ 53 рубля, за пересылку коихъ сюда почтовая контора взыскала страховыя

Digitized by Google

вѣсовыя и ужь я не вѣдаю какія.—Лучше бы вамъ лѣсъ продать. — За восемь гривенъ десятину отдавалъ-съ, и тѣхъ не даютъ.—Нѣтъ, въ нашей мѣстности цѣны на лѣсъ есть, я продалъ хорошо.—А другіе дѣла хорошо идутъ?

Въ третьемъ кружкѣ чуть не падали отъ смѣха.—Отличная выдумка, геніальная мысль, возглашалъ одинъ господинъ. «Что такое?» Подошли другіе господа.

— Разсказывалъ сейчасъ Гаврила Петровичъ какимъ образомъ убѣдилъ онъ крестьянъ перейдти на оброкъ. Предлагалъ онъ имъ съ весны, — не хотѣли. Ну, а не хотите, говоритъ, и не надо. Только пришла навозница; развезли, разбросали по полямъ навозъ, и думаютъ, съ этимъ дѣломъ покончили. А Гаврила Петровичъ приказываетъ опять везти навозъ на скотный дворъ. Мужики рты разинули, не рехнулся ли баринъ? Какъ и собрать-то навозъ? Раскиданъ вѣдь, не въ кучкахъ. Но Гаврила Петровичъ разрѣшилъ вопросъ: граблями, говоритъ. Нечего дѣлать, повезли опять навозъ на скотный, уложили, утоптали. Гаврила Петровичъ самъ наблюдалъ, чтобы хорошенько его утаптывали. Ну, говоритъ, братцы, я ни какъ ошибся, лучше ужь мы его опять на поля свеземъ. Что же вы думаете? Тутъ же стали проситься на оброкъ.—Что и говорить: хорошее изобрѣтеніе! Что скажете, Василій Михайлычъ, — пожалуй не выдержатъ и ваши, согласятся переходить.

Вопросъ былъ обращенъ къ предлагавшему закладъ на двѣ дюжины.

Василій Михайловичъ отвѣчалъ: «пожалуй, что такъ.» Онъ однако не смѣялся разсказу.

— Право, попробуйте новый способъ.

— Нѣтъ, не стану пробовать. Это, значитъ, издѣваться надъ человѣкомъ, и отошолъ.

Не смѣялся еще Крунихъ, но по другой причинѣ: онъ не слышалъ ни разсказа, ни смѣха, наступая на генерала съ звѣздою на правой груди: «я, напротивъ, убѣжденъ, ваше превосходительство», говорилъ онъ, «что не раскаюсь никогда въ моемъ поступкѣ, не устыжусь его! Напротивъ, очень доволенъ, что имѣлъ средства, не обижая себя, обезпечить бытъ моихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Я обязанъ устроить ихъ по мѣрѣ силъ, за ихъ прежнюю службу.

— Это онъ изъ книги говоритъ, указалъ на него генералъ стоявшему съ ними среднихъ лѣтъ мужчинѣ;—ты, обратился онъ

Digitized by Google

опять къ Крунихе, о дѣдахъ думаешь, а подумалъ ли о сосѣдяхъ! Подумалъ ли, что ты весь околодокъ взбаломутилъ, всѣхъ окрестныхъ крестьянъ возстановилъ противъ помѣщиковъ!

— Мои дѣйствія для моихъ сосѣдей не обязательны.

— Поди растолкуй мужику, что для помѣщика обязательно, а что нѣтъ. Баронъ Крунихъ, скажутъ, даромъ отдалъ усадьбы,—и вы должны отдать даромъ; баронъ лѣсъ отвелъ своимъ крестьянамъ, и вы должны намъ лѣсу отвести..... А твой сосѣдъ, не Крунихъ, и не баронъ, готовъ бы дать и то и другое, да не можетъ. Правъ ли я? Спросилъ генералъ свидѣтеля ихъ разговора, Николая Семеновича Заботина.

— Отчасти правы, отвѣчалъ Заботинъ.

Крунихъ быстро къ нему повернулся: «такъ и по вашему я поступилъ не честно, потому что не выгадывалъ въ свою пользу каждаго куста, какъ мои сосѣди, а отдалъ крестьянамъ все, что имъ слѣдовало отдать по совѣсти, по моимъ убѣжденіямъ. Не ужели я долженъ отказаться отъ моихъ убѣжденій, чтобы не разсердить Павла Павлыча, продолжающаго собирать съ своихъ крестьянъ до сихъ поръ цыплятъ и яйца на томъ основаніи, что 20 лѣтъ назадъ далъ на каждый дворъ по пѣтуху и курицѣ. Это, доказываетъ онъ, не поборы, а проценты на затраченный капиталъ.

Сначала генералъ улыбался, но когда Крунихъ вошолъ въ азартъ, раскраснѣлся и сталъ подниматься на носкахъ, ближе и ближе наступая на Заботина, старый генералъ расхохотался всѣмъ туловищемъ.

— Маленькій, а какой сердитый! сказалъ:—такой же и отецъ его былъ.

— Не честно, по вашему, поступилъ я? допрашавалъ Крунихъ.

— Вы поступили честно, сказалъ Заботинъ.

— А, а! Испугался, продолжалъ смѣяться генералъ.

— Но, было бы, мнѣ кажется, благоразумнѣе неспѣшить подачею уставной вашей грамоты....

— Неспѣшить грамотою, говорите вы, поднялся на цыпочки баронъ, чтобы подольше пользоваться барщинною работою не по урочному положенію, а по безъурочному, выжать въ послѣдній годъ изъ бѣдныхъ людей послѣднія силы. Такъ ли я васъ понялъ?

— Совсѣмъ не такъ.

— Позвольте же узнать, зачѣмъ я долженъ былъ медлить?

Digitized by Google

— Затѣмъ, чтобы дать время вашимъ сосѣдямъ уговориться съ крестьянами.

— Да развѣ могутъ они уговориться съ Павломъ Павлычемъ?

— Павловъ Павлычей, конечно, не урезонишь, но, можетъ быть, найдутся около васъ Петры Петровичи и Александры Александрычи, помѣщики безъ большихъ средствъ и съ большими семьями, которымъ, послѣ вашей грамоты, затруднительно будетъ согласить своихъ крестьянъ на добровольныя сдѣлки.

— Съ этимъ я готовъ согласиться, сказалъ Крунихъ, но ждать, когда то они соберутся, когда то покончатъ, притомъ же мнѣ въ голову не приходило такое обстоятельство, а зимовать въ деревнѣ не хотѣлось. Я думалъ.....

— О дѣдахъ и прадѣдахъ, кончилъ за него генералъ, и увидавъ меня, спросилъ: подана моя грамота.

Я сказалъ, что еще не подана.

— Не хотите топить маленькихъ помѣщиковъ, какъ совѣтуетъ Николай Семеновичъ.

— Я отвѣчалъ, что напротивъ меня утопили крупные помѣщики, наградивъ крестьянъ водами, лѣсами и всякимъ добромъ.

Генералъ засмѣялся и освѣдомился, кто мнѣ такъ насолилъ?

— Вы сами. Я говорю о грамотахъ, введенныхъ въ имѣніяхъ вашей супруги Анны Ивановны и вашей сестрицы Варвары, а кажется, Митино и Важное, оба находятся въ управленіи вашего превосходительства.

— Да, да, сказалъ онъ, знаю. Я ужь рукой махнулъ на подмосковныя. — И въ доказательство генералъ сдѣлалъ размахъ рукой.

— Вы также и въ тамбовскихъ деревняхъ устроили, спросилъ его Заботинъ.

— Ну, нѣтъ-съ,—въ Тамбовъ я барынь не пущу, нѣтъ-съ.

— Васъ не соблазняетъ однообразіе?

— Да, да, помягче сказалъ генералъ, однообразіе, съ барынями сущая бѣда.

— Я радъ, прибавилъ онъ еще мягче, что о Тамбовѣ онѣ не хлопочутъ. Тамъ, знаете, мужики имъ неизвѣстные, такъ имъ и не жалко никого, а тутъ всѣ рыла знакомы, возвысилъ опять голосъ генералъ, но замѣтивъ, что слова его громко раздались въ комнатѣ, оглянулся и умолкъ.

Гостиная опустѣла, лампы горѣли тускло, незаманчиво смо-

Digitized by Google

трѣли объѣдки ужина... оставались только моя бабушка и князь Иванъ Ѳедоровичъ, складывавшій письмо. Сама Варвара Степановна что-то дожовывала.

— Прощайте, сказала она встрѣтивъ наши взгляды.

Крунихъ ушолъ, никому не подавъ руки; Заботинъ вышелъ вмѣстѣ со мною: ей ей дивлюсь, говорилъ онъ, сходя съ лѣстницы, ну изъ чего ѣздятъ къ этой барынѣ. Скука, брань, а разговоры странные, самые странные. Право не понимаю, какая сила тащитъ къ ней. Ну, скажите на милость, вы почему ѣздите?

— Какъ вамъ сказать, я вѣдь служилъ при Свѣтовѣ.

— Ну да.

— Старикъ умеръ, такъ совѣстно иногда къ старухѣ не заѣхать.

— Да, ну это чувство нравственное. А когда былъ живъ супругъ ея, вы тоже бывали на этихъ вечерахъ.

— Тоже.

— И вечера были тѣже, съ бранью и съ обманомъ.

— Какъ и теперь.

— И тогда влекло васъ другое чувство.

— Безнравственное, добавилъ я,—ѣздилъ къ женѣ начальника.

— Впрочемъ у нея свободно: ври что хочешь. Лото къ тому же, запрещенная игра, вино даровое въ утѣху проигрыша... многіе, можетъ быть, ѣздятъ безъ задней мысли.

— Но, знаете ли, она предобрая! Стоитъ къ ней обратиться, она сейчасъ поможетъ. Да не словомъ, а деньгами.

— Понимаю, что не совѣтомъ, — кто чѣмъ богатъ? Но всѣ мы не изъ денегъ ѣздимъ?

— Вы, напримѣръ?

— Право самъ не знаю, тоже служилъ у Свѣтова, только десятью годами раньше васъ. Однако намъ не по дорогѣ-ли, вы куда?

— Разумѣется, домой.

— Правда, ужъ не рано, стало быть налѣво?

— Да.

— А мнѣ направо, прощайте.

На крыльцѣ нашли мы Круниха.

— Какъ, баронъ, вы еще не уѣхали?

— Ждалъ васъ, М-г Заботинъ.

— Не съ вызовомъ-ли? Пришлите секунданта, такъ не водится.

Digitized by Google

— Я не мальчикъ, чтобы оскорбляться, когда меня оскорблять не желали. Напротивъ, я обдумалъ, и нахожу, что вы совершенно правы. Сознаюсь, что поступилъ легкомысленно.

— Напрасно вините себя, отвѣчалъ Заботинъ,—вы распорядились вашимъ имѣньемъ какъ хотѣли, и полное на это имѣли право.

— Нѣтъ, я долженъ былъ выждать, когда подадутъ грамоты сосѣди.

— Э, полноте всѣхъ не переждете.

— Но вы же говорили....

— Я хитрилъ: мнѣ хотѣлось допечь генерала; о Митинской грамотѣ я зналъ и берегъ ее на закуску, но Дмитрій Дмитричъ предупредилъ меня.

— Однако вы не подавали грамоты?

— Вы думаете, пережидаю своихъ Павловъ Павловичей? Нѣтъ, баронъ, просто лѣнь въ деревню ѣхать. Грамоту мою составлю по положенію и передамъ посреднику. Если при повѣркѣ ея, пристанутъ крестьяне, чтобы я далъ имъ то и это—дамъ, чтобы не спорить, изъ лѣни, а не пристанутъ, ничего самъ не предложу, тоже изъ лѣни. Что вы на меня такъ смотрите, баронъ, истину говорю. Но ваша лошадь подъѣхала и мѣшаетъ моей.

Торопливо простился сбитый съ толку барончикъ и уѣхалъ.

—Забавный малый, сказалъ Заботинъ,—молодъ еще, не надоѣло ему крестьянское дѣло. А мнѣ какъ надоѣло, другихъ разговоровъ нѣтъ, и хлопотъ много впереди. Прошли бы скорѣе два года. Ну, прощайте до дня, въ который опять увидимся.

XI

«Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ пословица, успокоивая насъ въ бѣдѣ. Къ сожалѣнію, будетъ также вѣрна пословица, если повернуть ее и сказать: «нѣтъ добра безъ худа.»—Великое добро дано крѣпостному сословію положеніями 19 февраля 1861 года. Но положенія, наградивъ крѣпостного правами, не могли оградить его отъ употребленія во зло новыхъ правъ. И первый воспользовался ими, очертя голову, московскій крестьянинъ. Какъ человѣкъ бывалый, и коли самъ не грамотный, то своякъ или кумъ грамотному, онъ скорѣе Уфимца и Курянина про-

Digitized by Google

чель или выслушалъ положеніе и понялъ разницу между старыми порядками и порядками новыми. Пока въ дальнихъ деревняхъ не было съ крестьянами ладу; не подавались они ни на какіе уговоры, ожидая *настоящей* воли, подмосковный крестьянинъ давно перепросился на оброкъ, если былъ на барщинѣ, надоѣлъ помѣщику, торопя уставную писать, хотя угодья не вымѣрены, и на опытѣ оцѣнилъ пріобрѣтенныя права.

»Выбирай, парень, дѣвку, какая приглянется, гдѣ бы ни жила, чья бы ни была, всѣ мы вольные. Не скажетъ казенная: чаго мнѣ за холопа идтить, еще лобъ тебѣ забрѣютъ, и свѣкуешь вѣкъ солдаткою».

«Не замай таперича, не то на дѣлежку пойду», грозитъ племянникъ. «Баринъ дѣлиться не дозволялъ, нонѣ на міру подѣлятъ.

«Не донесъ я оброка-то, робята, прошлую вёсну. Вызываетъ этто барыня. Ты, говоритъ, мотри, не балуй, въ солдаты отдамъ. Пущай-ко нонѣ ставитъ. Нѣтъ, погоди, смѣется Ванюха, а ребята хохочутъ,

Свободный бракъ, непринужденный раздѣлъ и сознаніе, что въ солдаты аль жребій укажетъ, аль чередъ приведетъ, а ненарокомъ не угодишь, прибодрили крестьянина и сталъ онъ поглядывать и поговаривать иначе.

Могимъ-де жениться, запрету нѣтъ. И пошолъ жениться.

Могимъ молъ дѣлиться, никто не указъ! И давай дѣлиться.

Сами въ некрута пойдемъ, а ставить не моги! И на словѣ пойманный, тутъ же подпоенный, задаромъ нанимается за казеннаго крестьянина временно-обязанный молодецъ.

Въ моей деревушкѣ всѣ поженились, кому было можно, всѣ подѣлились, кому даже нельзя было и нашлись охотники въ солдаты, прежде отъ наборовъ прятавшіеся.

Уѣзжая въ Москву, осенью 1861 года, послѣ лада—разлада съ крестьянами, я вовсе не думалъ, что на долго прощаюсь съ моимъ старымъ домомъ. Судьба отозвала меня въ другой край, къ другому дѣлу. Ровно черезъ годъ вернулся я въ Москву и, едва оправившись отъ дальняго пути, поѣхалъ въ свою деревушку, на этотъ разъ по желѣзной дорогѣ, благодаря новому сосѣду.

Въ верстѣ отъ Жуковской усадьбы, чуть не касаясь моей земли, проходила *чугунка*, но Жуковцы могли только слышать

Digitized by Google

ея тяжолую поступь и видѣть, днемъ валившій изъ *самовара* дымъ, ночью вылетавшія искры; обѣ станціи находятся въ одинаковомъ разстояніи отъ моей деревни. Пробираясь къ одной, можно завязнуть въ болотахъ; дорога къ другой идетъ не по дорогѣ, а цѣлиною, съ сосны на березу, а съ березы, дай Богъ памяти, кажись надо - ть вправо взять, разсуждалъ почасту мужикъ, бравшійся доставить кого до мѣста, и вмѣсто полутора-часовой ѣзды, какъ былъ уговоръ, привозилъ изломаннаго, запыленнаго или забрызганнаго грязью сѣдока часовъ эдакъ чрезъ восемь. Зная по разсказамъ, что путь къ правой станціи и къ лѣвой станціи, *оба хуже*, я не покушался ѣздить къ себѣ по желѣзной дорогѣ, пока богачь-купецъ, а можетъ быть и дворянинъ, не пріобрѣлъ подлѣ меня сотни десятинъ. Превративъ волшебными деньгами домъ въ замокъ, рощу въ паркъ, ручей въ озеро, Парменъ Гавриловичъ выхлопоталъ дозволеніе выстроить платформу, у которой поѣздъ останавливается на пространство времени, достаточное, чтобы вскочить въ вагонъ или изъ него выскочить.

Не только хорошо съ деньгами жить, но и возлѣ денегъ жить хорошо въ иныхъ случаяхъ.

Отправляясь въ Жуки по желѣзной дорогѣ, я взялъ мѣсто въ третьемъ класѣ, стараясь увѣрить себя, что сажусь на жосткую лавку изъ разсчета, но чуть ли не было примѣшано къ разсчету желаніе послушать, о чемъ, о комъ, что и какъ толкуютъ православные промежъ себя, когда нашего брата нѣтъ на виду или такъ его мало, что сила на ихъ сторонѣ. Наказанъ же былъ я за любопытство. Какой-то, чиновникъ, судя по гражданской кокардѣ на фуражкѣ, замѣтилъ сидѣвшему напротивъ мужику, что видно онъ порядкомъ нализался, что голова-то у него качается.—Эхъ, ты, баринъ, отвѣчалъ мужикъ, кивая сосѣдямъ, не то мѣщанамъ, не то крестьянамъ изъ зажиточныхъ: для чамужику не нализаться, коли есть на что. Теперь есть на что выпить, и пью. Семгу о праздникѣ ѣдимъ.—Слова мужика произвели общій хохотъ въ вагонѣ.

Наконецъ, мы остановились у красивой платформы Пармена Гавриловича. Тропинка, по которой я пошолъ, завела въ кусты, изъ кустовъ вывела на поляну, на полянѣ паслось стадо и изъ прилегавшихъ къ ней съ другой стороны кустовъ выглядывали тамъ и здѣсь чорныя и бѣлыя коровы, полускрытыя краснова-

Digitized by Google

тыми листьями березняка. День былъ сносный: сентябрьское солнце грѣло—не грѣло, но изрѣдка поднимался вѣтеръ и шолъ на меня съ холодомъ и съ пылью. Тогда застегиваясь плотнѣе и жмуря глаза, я прибавлялъ шагу, чтобы скорѣе добраться до дому, къ печному теплу, гдѣ вѣтеръ не бралъ, но гдѣ однако меня ожидала пыль. Въ домѣ, какъ будто я не выходилъ изъ него, стояло и лежало все на томъ же мѣстѣ, какъ въ часъ моего отъѣзда; даже старая широкополая шляпа, брошенная, что я хорошо вспомнилъ, на диванъ, такъ бочкомъ и валялась на диванѣ, касаясь его тульею и полями. А средину письменнаго стола занимало положеніе, развернутое на главѣ о разверстаніи угодій. Софронъ, проводивъ меня въ послѣдній разъ, заперъ дверь на ключь и съ тѣхъ поръ не посмѣлъ заглянуть въ мой кабинетъ благо топка была въ коридорѣ, не пускалъ и другихъ, на что Петровна, при свиданіи со мною, тотчасъ пожаловалась, сказавъ, что не было бы такой пыли и грязи, если бы ей препоручили смотрѣть за домомъ.

Уѣзжая на скоро изъ Москвы, я успѣлъ написать два письма, одно къ Софрону съ приказомъ собирать оброкъ и смотрѣть за хозяйствомъ; другое къ посреднику съ препровожденіемъ грамоты, составленной по положенію, и просилъ ввести ее, когда заблагоразсудитъ, не стѣсняясь моимъ отсутствіемъ. — Оброкъ вносился, не знаю въ сроки-ли; недоимки было 14 р. съ копѣйками. Но грамота не была еще введена. Увидавшись со Софрономъ, я спросилъ его: женатъ-ли онъ?

— Ужь дѣвочка у меня, отвѣчалъ Софронъ.

— Поздравляю. Покажешь мнѣ твою Соломониду?

— Вы о женѣ изволите говорить?

— О комъ же.

— Жену то Матреною звать.

— Виноватъ, братъ, видно позабылъ.

— Точно была Солоха да я на Солохѣ не женился.

— Не пошла?

— Какъ не пойдти, пошла бы! А не отдавалъ воспитатель. Я, значитъ, послалъ сватовъ, а онъ велитъ сказать: просватана за крапивницкаго вольнаго хлѣбопашца: двѣ избы у него, три коровы, пять овецъ, — богатый мужикъ. Куда жъ мнѣ съ нимъ тягаться: ни двора за мною, ни вола! Стало этто мнѣ больно.... Стали этто люди говорить, что въ Барашковѣ есть

Digitized by Google

невѣста и за меня отдадутъ. Я пошолъ смотрѣть, праздникъ тутъ пришолся, Матреша-то и приглянись мнѣ. Слово мы съ нею за слово. Отецъ ея, солдатъ, на ту пору въ деревню на побывку пришолъ. Люди, значитъ, сводить стали, такъ по рукамъ и ударили. Опосля прихожу домой, сказываютъ, что отъ Солохина воспитателя присылали за мною, дѣвка-то артачится, за меня, али ни за кого, пускай усылаютъ. Таково этто жаль ее стало, хорошая дѣвка была.

— Ну?

— Ну, на Матренѣ такъ вотъ и женился.

— Отчего жъ на Матренѣ, если Солоху отдавали.

— Какъ же назадъ идтить? Рукобитье было, назадъ не пойдешь.

— Гдѣ - же Солоха.

— И не знаю гдѣ, услали.

— Я братъ вотъ чего не возьму въ толкъ. Самъ ты прежде говорилъ, что хочешь оглядѣться, устроиться и тогда жениться. Потомъ ты мнѣ сказалъ, что женишься потому на Солохѣ, что нравится она тебѣ, и выжидать нельзя, оттого, что вышелъ ей какой то срокъ. Все это было для меня понятно. Но какая же была тебѣ нужда на другой-то жениться. Съ горя что-ли?

— Не то что съ горя, Дмитрій Дмитричь, а по христіански надо жить, все одно, что Соломонида, что Матрена. Такъ ужь видно было на роду мнѣ писано!

— Ну дѣло сдѣлано, полно и говорить о немъ. Какъ же ты хозяйничалъ?

— Вотъ у меня все записано, Дмитрій Дмитричъ,—да дозволили вы мнѣ на зиму для караула подмогу взять. Ѳедоръ у меня жилъ, по 3 въ мѣсяцъ, на нашемъ хлѣбѣ.

— Какой Ѳедоръ?

— Нашъ Ѳедоръ; подѣлился онъ съ дядей, жить негдѣ, избу ставить не указано гдѣ, да и не на что. Жалился и самъ, что обождать бы дѣлежемъ. И дядя не прочь былъ его принять, да не хотѣлъ Ѳедька первый поклониться, такъ и не сходились. Таперича на чугункѣ нанялся.

— Не женился ли и онъ?

— Женился на Кондраевой сестрѣ. Сказалъ ему Кондратій: коли женишься, клѣть отдамъ тебѣ, Ѳедька и радъ былъ, только Кондратій клѣти не отдалъ и сестру прогналъ къ мужу.

Digitized by Google

— Что-жъ у васъ по деревнѣ еще новаго?

— Лука съ Маркеломъ перегородились. Изба у нихъ большая, анъ ее перегородили, каждый ѣстъ свое значитъ. Ничего, живутъ. Бабы иной разъ повадорятъ: чьему горшку въ какомъ углу стоять, печь—то одна на обѣ семьи. Тоже Борисъ съ братомъ не ужился, да у тѣхъ двѣ избы, жеребьемъ перешли, кому на улицѣ жить, кому на задворкѣ.

Вошолъ староста, изъявилъ удовольствіе, что меня видитъ, пожелалъ узнать гдѣ я долго загостился.

— Недоимку—то принесъ-ли, спросилъ я, удовлетворивъ его вопросомъ.

— Какъ вамъ угодно, Дмитрій Дмитричъ. Хоша весь міръ опросите! Сколько не понукаю, не отдаетъ Кондратій.

— Мнѣ, братецъ, нѣтъ дѣла ни до Кондратья ни до Савелья. Вы обязались платить оброкъ круговою порукой: Кондратій неисправенъ, міръ за него подай.

— Точно это. Намедни стыдилъ его на сходкѣ. Одно говоритъ: отдамъ да отдамъ, то въ воскресенье, то въ среду, никакъ всѣ дни перебралъ, водитъ полгода. Да вы не безпокойтесь, баринъ, безпремѣнно взыщу.

— Я больше трехъ дней не пробуду. Смотри-жъ, чтобы до моего отъѣзда деньги были взысканы.

— Слушаюсь. Окромя эвтаго все кажись у насъ въ порядкѣ.

— Только Василья я изловилъ: сѣно ваше везъ изъ-за рѣки, да на мельницѣ за цѣлковый рубль возъ и свали, а въ возу пудовъ 20 было, доложилъ Софронъ.

— На что же это похоже, Савелій? Это хуже недоимки по моему. Отъ Василья-то я никакъ уже не ожидалъ.

— Срамное самое дѣло! Все наровятъ какъ въ старину было; не понимаютъ что новые порядки пошли.

— Какъ же такъ? подумалъ я, но вступать съ старостою въ споръ и доказывать, что и при старыхъ порядкахъ не слѣдовало продавать барскаго сѣна, не рѣшился.

— Еще бы у насъ барщина оставалась, сказалъ я, а то роботаете вы изъ полу, все равно что у сосѣда сѣяли бы землю, такъ надо на честь вести дѣло. Будь я здѣсь, не простилъ бы, особенно Василью, исправному мужику, который долженъ другимъ показывать примѣръ хорошій, а не эдакой.

— Мы съ него, баринъ, взыскъ сдѣлали.

Digitized by Google

— Какой же.

— Перво на перво отвѣсили у него что ни на есть лучшаго сѣна 20 пудъ, и доставили къ вамъ въ сарай, вы не въ убыткѣ, а міру само по себѣ заставили за безчестье поклониться четвертью вина.

— Хорошъ штрафъ!

— А чтожь, сударь?

— Ничего, видно что пьяницы взыскивали съ пьяницъ.

— Чѣмъ же, какъ не виномъ наказывать? Деньгами, извѣстное дѣло, не отдастъ, а виномъ охотнѣе, самого подпочивали. Безъ взыска, ваша воля, нельзя оставлять.

— Зачѣмъ оставлять. Сказалъ бы старшинѣ, тотъ уже зналъ-бы какъ распорядиться,

— Изъ рубля—то срамить, помилуйте Дмитрій Дмитричь!

— И отъ мельника не ждалъ, чтобы сталъ онъ покупать краденое сѣно, да еще мое.

— Не зналъ Архипъ Семенычь, а полагалъ, что свое Василій сѣно везетъ, что на его долю досталось, краденаго не купилъ бы покойникъ.

— Какъ покойникъ?

— Нечто Софронъ не докладывалъ. Вчера схоронили. Ужъ онъ маялся, маялся бѣдный! Двѣ недѣли не спалъ, не ѣлъ, исхудалъ то—ужасти! Никого то при немъ и не было, окромя работницы; братъ и невѣстка пріѣхали, когда уже отошолъ. Я и за батькой ѣздилъ на своей лошади: съѣзди, голубчикъ Кузьмичь, говоритъ, не дай помереть безъ покаянія. Такое горе, свою—то лошадь съ работникомъ отправилъ за два дня до часу въ Москву, больной ужъ былъ совсѣмъ, чтобы брата повѣстить, ну, не успѣли ко времю. Это таково мнѣ жалостно стало, поѣхалъ, лошадь совсѣмъ заморилъ, дожди были, дорога изгадилась. И привезъ попа и отвезъ; а вчера это мы съ Софрономъ до погоста его несли на своихъ плечахъ. И теперь ломятъ.

— Жаль старика. Лѣтъ двадцать жилъ онъ у насъ.

— Будетъ двадцать, коли не больше.

— Вы ужь прикажите мнѣ, Дмитрій Дмитричь телѣгу себѣ взять.

— Чью телѣгу.

— Покойникову телѣгу. Я брату его говорилъ, что мнѣ она слѣдуетъ за проѣздъ къ священнику, да за всѣ мои хлопоты.

— Ну, братъ, если бъ кому слѣдовало телѣга, скорѣе же

Digitized by Google

мнѣ: за послѣднюю треть я не получалъ за мельницу, а за уходъ около больного не по найму, а по одной жалости, какъ самъ ты сказалъ, платы не приходится требовать.

— Съ него бы я, сударь, не потребовалъ благодарности, останься только живъ; отъ добраго сердца, можно сказать, находился я при немъ, не то чтобъ корыстовался, а наслѣдники, другое слово, должны вознаградить.

— Вотъ логика—то!

— Чего-съ?

— Ничего, это я такъ.

— Прикажите, сударь?

— Нѣтъ, не прикажу. Одинъ мой приказъ: недоимку собрать.

— Соберу, будьте покойны.

— Такъ ступай собирай, а безъ денегъ и не приходи ко мнѣ.

— Телѣжонка самая пустая. Не стоитъ ее вывозить отсель, имъ два сорокъ верстъ ѣхать, не выдержатъ колеса; на деревнѣ, по мякоти, нечто годная.

— Съ Богомъ! Поговоримъ, когда принесешь недоимку.

Ушолъ Савелій, но привелось мнѣ скоро опять съ нимъ бесѣдовать.

Давно наступилъ вечеръ или казалось, что наступилъ давно. Долгій осенній вечеръ скученъ и въ городѣ, пока еще не наладишься на зимніе обычаи, а въ деревнѣ, особенно если не живешь въ ней, а заѣдешь туда сутокъ на двое, невыносимо тоскливъ онъ. Ставни, давно отбитыя въ Москвѣ, въ деревнѣ висятъ по прежнему и по прежнему постукиваютъ, навѣвая мечту или наводя уныніе, смотря по расположенію духа. Не желая поддаваться ни той ни другому, я отперъ книжный шкапъ, хранившій за потускнѣвшими стеклами журналы 20-хъ годовъ и пришолъ въ затрудненіе: взять ли «Галатею» или «Атеней», «Вѣстникъ Европы» или «Московскій Вѣстникъ», но мнѣ хотѣлось чтенія полегче. «Галатея» бабочка, возвѣщалъ издатель въ первой книжкѣ своего журнала. Что же легче бабочки? Я взялъ одну «Галатею» и открылъ ее на днѣ предъ Грансономъ. Елисавета Шарнохталь, женихъ ея, передавшійся Бургундцамъ, самъ Карлъ Бургундскій живыми встали предо мною какъ будто вчера, страница за страницей слѣдилъ я каждый шагъ, каждый успѣхъ швейцарцевъ. Но помня живо всѣ подробности битвъ,

Digitized by Google

весь ходъ народнаго дѣла, я забылъ развязку *повѣсти* и сталъ отыскивать ее въ другихъ нумерахъ, не замѣчая, не поражаясь звуками битвы, происходившей въ передней. Потомъ ужь, когда я былъ отозванъ отъ Грансона къ житейскому дѣлу, выдалъ мнѣ слухъ мой безъ пропуска, безъ утайки всю перебранку, принятую имъ прежде, какъ видно, къ свѣдѣнію. Петровна и Софронъ усовѣщивали кого то, силившагося войдти въ кабинетъ.

«Пустите, нехристи, хрипѣлъ чей-то голосъ, пусти, барина видѣть надо! И отбившись наконецъ, ввалилъ ко мнѣ пьяный староста». «Вотъ къ вамъ пришолъ», сказалъ онъ и остановился пошатываясь: «поднесли, извините! поднесли, нельзя не выпить! А вы помогите! такъ и объявилъ: пойду къ помѣщику.... Оставляли.... еще, говорятъ, выпей!... Не сталъ пить... къ вамъ пришолъ. Нашего Романа въ солдаты отдаютъ, спасите!

— Какого Романа?

— Микифорыча, что подъ городомъ у рѣщика живетъ, жалованья получаетъ 85 рублевъ серебра въ годъ, дорогой рѣщикъ, пять лѣтъ живетъ у одного хозяина, а хозяинъ, этакой подлецъ, подпоилъ его и за свое семейство везетъ въ рекруты ставить. Завтра везетъ, помогите!»

— Продался онъ что ли?

— За 200 рублевъ. И не увидитъ ихъ, за гулянки начтутъ на него сотню, а чего не прогуляетъ, положили такъ, что когда понадобятся ему деньги, спишется, чтобъ туда ему высылать, въ полкъ. Такъ и вышлютъ! Жди тамъ. Какъ же, Дмитрій Дмитричъ?

— Чтожъ я могу сдѣлать: вольному воля.

— Вѣдь нашъ онъ.

— И не вашъ. Онъ выписался изъ общества.

— Знать, они его на выписку-то подговорили. Слухъ давно прошолъ о наборѣ, вотъ они загодя о квитанціи заботу взяли...

— Можетъ быть.

— Извѣстно всякъ о себѣ помышляетъ.

— Ну да, а наше дѣло сторона.

— Какъ же, Дмитрій Дмитричъ, не пропадать же ему за каплю вина.

— Не пилъ бы.

— Нельзя не пить, когда подносятъ.

Digitized by Google

— Пускай пилъ-бы, да на солдатство согласья недавалъ.

— Пьяный-то! Пьянаго на все согласишь. Хошъ я, нанимай меня, семинуту въ рекруты пойду.

— Года мнѣ вышли, вотъ нечто... прибавилъ Савелій съ какимъ-то сожалѣніемъ, что одною причиной меньше напоить его мертвецки.

— Ничего, братъ, не придумаешь, сказалъ я.

— Какъ же, Дмитрій Дмитричъ? Самъ послалъ меня къ вамъ; я какъ узналъ, что нашего Романа Микифорыча уговорили на это дѣло, сейчасъ къ нему, изба пустая, я въ кабакъ, а въ кабакѣ вся кампанія, музыка такая, Романъ съ гармоніей, такъ-то отплясываетъ. Здравствуй, говорю. Какъ это увидѣлъ онъ меня, и кинулся ко мнѣ: отецъ родной, сходи, говоритъ, къ барину, попроси! Вотъ я пришолъ и прошу: спасите, помогите!

— Ничего не могу сдѣлать.

— Нельзя по закону?

— Нельзя.

— Такъ дозвольте отбить, созову деревню, всей деревней отобью.

— Не совѣтую, въ отвѣтъ попадешь.

— За что въ отвѣтъ, я вѣдь не самъ собой, прошу вашего дозволенія.

— Прошли, братъ, времена, теперь моимъ дозволеніемъ не отдѣлаешься, да я и не дамъ его.

— А не даете, самъ собою, своею властью соберу народъ, а Романа Микифорыча ослобожу. Покелѣва на ногахъ стою, не быть ему солдатомъ.

Безъ поклона, безъ всякаго уваженія ко мнѣ, какъ не оказавшему помощи въ такомъ горестномъ событіи, ушолъ староста.

— Смотри Софронъ, чтобы нашъ Кузьмичъ не сбилъ крестьянъ моимъ именемъ; слышалъ, что онъ спьяна затѣялъ?

— Не опасайтесь, сударь, онъ до дому на врядъ-ли дойдетъ, гдѣ нибудь ближе растянется, отвѣчалъ Софронъ.

Догадка его подтвердилась, и староста, стыдясь, что не постоялъ за Романа и все одно что пропилъ его, не показывался мнѣ на глаза во всѣ три дня, которые я провелъ въ Жукахъ, засвѣтло шатаясь по горамъ и по доламъ, а при свѣчкѣ перелистывая «Галатею». Свидѣлся я съ старостою Савельемъ Кузьмичемъ только передъ масляницею.

Digitized by Google

XII

За нѣсколько дней до масляницы, т. е. уже въ 1863 году, пріѣхалъ ко мнѣ Савелій въ Москву и передалъ повѣстку посредника, въ которой былъ назначенъ день повѣрки грамоты.

— Напрасно безпокоился; — сказалъ я Савелью: я, братъ, не поѣду.

— Какъ же безъ васъ!

— Обойдется безъ меня.

— Пожалуйте, мужики велѣли просить васъ безпремѣнно пріѣхать. Безъ васъ нельзя.

— Если-бы у меня съ вами состоялось соглашеніе, тогда другое дѣло, надобно было бы мнѣ ѣхать, а наша грамота написана по положенію. Не о чемъ спорить, не въ чемъ соглашаться.

— Теперь, мы согласны, какъ прошлую весну положили.

— Я то не согласенъ теперь.

— Вотъ что.

— Да, Савелій Кузьмичъ.

— Какъ угодно, а все напослѣдокъ не оставьте, пожалуйте въ деревню.

— Станетъ теплѣе, пріѣду. Видишь, опять холода завернули. Что за неволя мерзнуть: домъ, знаешь самъ, скоро не нагрѣется.

— Топятъ, ждутъ васъ.

— Буду, можетъ быть, посмотрю.

Савелій отправился. Отправился и я наканунѣ назначеннаго посредникомъ дня. По пріѣздѣ моемъ, тотчасъ явился Савелій, спросилъ: сзывать ли мужиковъ? Я сказалъ, что не нужно.

— А мужики гадали, позовете ихъ. До посредника все бы разсудить надо-ть.

— Разсуждать не о чемъ, а скажи имъ, чтобы завтра ни одинъ не отлучался.

— Кондратій вчера еще ушолъ на праздникъ въ устрѣтенку. Маркелъ съ Борисомъ ушли было тоже, я задержалъ до васъ. Чай у вашей милости будутъ проситься.

—Не слѣдовало отпускать Кондратья.

— Не спрашивался, ушолъ, и вся тутъ. Велите, сударь, позватъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, братъ, никого не зову, а желаетъ кто самъ придти, пожалуй. Такъ и передай, что я не зову, а кто хочетъ, пусть приходитъ.

Пришли однако всѣ, и за Кондратья братъ его.

Когда крестьяне установились и каждый нашолъ мѣсто по себѣ, кто продвинувшись ближе къ затопленной печкѣ, кто прислонившись къ стѣнѣ, кто пробившись впередъ на самый видъ, а кто, будто укрываясь, выбралъ уголокъ потемнѣе; — я сказалъ имъ, что посредникъ приѣдетъ завтра, что надо всѣмъ быть, что ихъ позовутъ, и прежде всего должны они поблагодарить посредника, — напряжонное вниманіе изобразилось на лицахъ слушателей, — хорошенько поблагодарить, продолжалъ я, за то, что именно завтра назначилъ онъ повѣрку грамоты, и тѣмъ избавилъ ихъ отъ расходовъ, потому всѣ бы, разумѣется, ушли въ Срѣтенку, не будь повѣстки о грамотѣ.

Послѣднюю строчку я договорилъ среди общаго смѣха. Особенно полюбилась моя рѣчь Вахрамею, брату Кондратья, оскалившему и зубы и десны, но только передернулось улыбкою и опять омрачилось лицо Маркела, охотника выпить, досадовавшаго на помѣху.

— Какіе же расходы, замѣтилъ Василій, тамъ бы не мы, а насъ бы угощали.

Сельцо Срѣтенка былъ давнишній выселокъ изъ многодушнаго села Срѣтенскаго, отданный въ приданое за пробабкою нынѣшняго владѣльца Срѣтенскаго. — Прежде Срѣтенка и Жуки принадлежали однимъ господамъ: дѣвки срѣтенскія отдавались за парней жуковскихъ, а жуковскія дѣвки шли за срѣтенскихъ парней. Хотя Татьяна Осиповна купила одни Жуки, и хоть Срѣтенка отъ Жуковъ отстоитъ на добрыхъ 15 верстъ, но сношенія между обѣими деревушками до сихъ поръ поддерживаются родственными связями, и еще болѣе храмовыми праздниками, которыхъ въ Жукахъ два: на Косьму и Даміана и на Николу, и въ Срѣтенкѣ два, другой тоже по Николу, но къ счастью, жуковскій приходъ особенно честитъ вешняго, а въ селѣ срѣтенскомъ съ большимъ торжествомъ справляютъ зимняго. Оттого, что оба праздника срѣтенцевъ зимою, ихъ прозвали крестьяне другихъ приходовъ зимниками.

— Сталыть завтра совсѣмъ порѣшаетъ, спросили меня.

— Совсѣмъ, сказалъ.

Digitized by Google

— И надѣлъ укажутъ.

— Надѣлъ остается вамъ прежній, нечего указывать, сами знаете.

— Навсегда прежній?

— Ну, нѣтъ. Послѣ 19 числа потребую разверстанья, представлю планъ. Посредникъ приѣдетъ, провѣритъ его на мѣстѣ, и если увидитъ, что я вамъ вмѣсто пашни даю тоже пашню, а не болото, утвердитъ его.

— Стало быть не настоящая будетъ нонѣ грамота.

— Грамота настоящая, а требовать разверстанія ранѣе 19 февраля я не имѣю права; разверстываться можно было до 19-го только по взаимному согласію.

— Что-жъ, мы согласны, какъ о томъ годѣ говорили.

— Вы согласны, да я не согласенъ, хочу теперь по своему.

— Пятитесь, баринъ.

— Не я первый отступился, коли помните.

— Точно сбилъ насъ о ту пору Кондратій. Вотъ и ушолъ, и нѣтъ его, будто не его проказа. Невѣчная, значитъ, грамота, нечего ее и подписывать. Безъ всякихъ перемѣнъ, какая ужь грамота!

— Перемѣны будутъ, сказалъ я. Пожалуй я прочту вамъ грамоту напередъ, чтобы завтра лишнихъ разговоровъ не было. Чего не поймете, спросите, объяснимся сегодня.

Мужики подошли ближе, когда я сталъ читать.

— Кажись, у насъ душъ болѣ, чѣмъ по грамотѣ выходитъ, перебили меня на первой страницѣ.

— Семеро выключаются; я прочелъ же вамъ: не пользующихся земельнымъ надѣломъ и исключенныхъ на основаніи 8 статьи. Сами знаете: Софронъ, Романъ....

— Вышли точно, да окромя ихъ наберется до полсотни съ ребятишками.

— Счетъ душъ берется по послѣдней ревизіи.

— Опосля какже будетъ? прибавка земли послѣдуетъ, потому народъ нарожается?

— Никакой прибавки не послѣдуетъ.

— Диковинное дѣло!

— Не знаю, какое, а не мое дѣло.

Я продолжалъ чтеніе.

Digitized by Google

— По какой же причинѣ вы изволите усадьбы класть въ третій разрядъ?

— Потому что вы, кромѣ земледѣлія, имѣете заработки отъ подвоза камня, песку, глины на желѣзную дорогу.

— Это мы, баринъ, и въ тое время подвозили, какъ первую грамоту писали, а въ первой грамотѣ было сказано первый разрядъ.

— Тогда, братцы, дѣло у насъ по согласью шло, а теперь грамота пишется по закону, оттого и усадьбы поднялись въ цѣнѣ.

Больше меня не перебивали, а когда я кончилъ, сказали опять, что грамота не настоящая, не вѣковѣчная, и подписываться къ ней не нужно: потому, разницы съ нонѣшнимъ нѣтъ.

— Есть и разница: прежде вмѣстѣ съ моею скотиною ходила и ваша, и разгуливала по всему имѣнію, а теперь ваше стадо должно пастись на вашихъ земляхъ.

— А коли зайдетъ корова на барскую землю, возьмутъ штрафы, добавилъ Степанъ.

— Какъ же, Дмитрій Дмитричъ, не перейдти иной разъ на ваше поле, оттого перемѣшаны поля.

— Хорошенько смотрите.

— Не углядишь.

— Чтожъ, можетъ быть и я не всякій разъ угляжу, когда ваша скотина перейдетъ на мои земли. Ну а замѣчу, не погнѣвайтесь.

— Какъ же вы надумали, Дмитрій Дмитричъ, насчетъ разверстки, спросилъ Савелій.

— Что-жъ мнѣ вамъ разсказывать: до 19 февраля осталось семнадцать дней, могу семнадцать разъ передумать.

— Плантъ у васъ чай срисованъ.

— Планъ тотъ же, который видѣли. Вотъ онъ.

— Обозначенія никакого нѣтъ, сказалъ Степанъ, взглянувъ на планъ.

— Намъ бы узнать, какъ то есь надумали?

— Ну смотри, вотъ гдѣ поведется черта. Степанъ сталъ глядѣть на планъ, всѣ стали глядѣть на Степана, какъ на оракула, который что пророчетъ, тому и быть.

— Понялъ.

— Понимаю.

— Какъ же по твоему.

Digitized by Google

— Ничего. Значитъ, обернулся онъ къ крестьянамъ,—подлѣ скотнаго поле и подлѣ твоего двора, дядя Василій, поле—къ намъ отойдутъ, какъ тогдысь; поле къ Яснушкѣ баринъ тоже намъ предоставляетъ, окромя луга.

— Луга не отдастъ, а тогды никакъ лугъ нашъ былъ, обращались крестьяне съ замѣчаніями къ Степану, называя меня: «онъ», точно я ушолъ за кулисы.

— Порубку намъ, продолжалъ Степанъ, до прудка.

— Порубку? ишь, жди, когда лѣсъ будетъ.

— Заросли у вязкаго болота тоже намъ.

— Ну, тамъ есть дерева годящія, да много ли. Еще что?

— Все тутъ.

— Кажись не хватитъ земли.

— Три лишнихъ, подалъ я голосъ, хотите, подпишемъ грамоту на этихъ условіяхъ, а не по васъ они, ну такъ будетъ казенная; разведемся угодьями послѣ. Чтожъ, какъ думаете?

— Тою нечего подписывать, Дмитрій Дмитричъ, коли невѣчная, не настоящая.

— Такъ другую?

— Нечего и другую подписывать. Какъ ужъ тамъ будетъ, пущай такъ и будетъ. Когда тутъ раздумывать: на дворѣ ночь, а къ утреву посредника жди. Не согласны, баринъ.

— Ваше дѣло. Не согласны, такъ идите по домамъ.

— Дозвольте, сударь, намъ съ Маркеломъ на праздникъ, подошолъ Борисъ.

— Нельзя.

— Все одно, будемъ ли мы тутъ, нѣтъ-ли, Кондратій ушолъ

— Одинъ ушолъ, не бѣда. А вы уйдете, придетъ и другимъ охота, тогда посреднику хоть уѣзжать.

— Коли-бы никто не уходилъ, не было-бы завидно, сказалъ Борисъ, а то Кондратій безъ насъ гуляетъ.

— То-то пойдти бы съ нимъ, звалъ, чего не шли? упрекнулъ Бориса Маркелъ, хотя этотъ упрекъ могъ тотъ же Борисъ сдѣлать тому же Маркелу.

Въ самомъ дѣлѣ оставалась на думу крестьянамъ одна ночь. А ночью и хотѣли бы раскинуть умомъ, какъ оно тамъ будетъ — да сонъ одолѣваетъ рабочаго человѣка. Къ тому же дума не дается, коли къ спѣху задается. А посредникъ, какъ нарочно, пріѣхалъ ранымъ рано.

Digitized by Google

Пріѣхалъ посредникъ съ помощникомъ, какъ называютъ крестьяне письмоводителя, съ волостнымъ старшиною, съ волостнымъ писаремъ.

Вслѣдъ за ними вошолъ Савелій.

— Ну-съ, какъ у васъ, согласіе на грамоту или несогласіе, съ разверстаніемъ или безъ разверстанія, спросилъ посредникъ.

— Моя грамота давно у васъ и составлена по положенію, какъ вы, конечно, замѣтили.

— Знаю-съ, знаю, но, можетъ быть вы сговорились послѣ, грамоту переписать не долго.

— Нѣтъ, грамота остается прежняя, а вотъ планъ разверстанія угодій, который я представлю вамъ послѣ 19-го февраля.

— Зачѣмъ же откладывать, можете заявить теперь, въ самой грамотѣ, дѣло короче. Позвольте взглянуть.

Посредникъ взялъ планъ.

На посредникѣ гремѣла цѣпь, у писаря, изъ-за отворота сюртука выказывался ополченскій крестъ; на синемъ кафтанѣ старшины горѣлъ знакъ его званія; письмоводитель пристегнулъ къ петличкѣ владимірскую ленточку; на грязномъ тулупѣ Савелья тоже свѣтилась медаль. На мнѣ одномъ была темная жилетка, не отцвѣченная ни красной ленточкой, ни жолтымъ знакомъ. Говорила моя бабушка, что былъ у моего дѣдушки мальтійскій крестъ, «но глупый твой отецъ», прибавляла она: «не позаботился предъявить на него свои права, пачкая весь вѣкъ глупыя картины. Чѣмъ-бы записаться на службу, какъ надлежитъ дворянину стараго рода, онъ добивался, какъ-бы ты думалъ, чего? званія художника! Его и дворянскою медалью обошли, такъ и не доставили. Слава-богу, что не попалъ въ художники, не вымолилъ себѣ этой чести—сраму. Художникъ Жукинъ, выговорить больно! Предокъ Жукиныхъ выѣхалъ изъ Нѣмцевъ и служилъ разныя службы...» Какъ-же это, Жукинъ и Нѣмецъ, что-то нейдетъ вмѣстѣ, допрашивалъ я обыкновенно бабушку. Родоначальникъ вашъ былъ баронъ Шукъ фонъ-Шука, а въ Россіи прозвали его Жукъ. Это прозваніе несли три поколѣнія: былъ Иванъ Жукъ, сынъ выходца, былъ Степанъ Жукъ, сынъ Ивана и былъ Астафій, Степановъ сынъ, сталъ писаться Жукинымъ.» Отчего же не Жуковъ?» надоѣдалъ я бабушѣ. «Оттого», снисходительно объясняла бабушкѣ, что всѣ хорошія фамиліи: не по правиламъ составлялись. Пашковы, Дашковы, Машковы, а не Паш-

Digitized by Google

кины, Дашкины, Машкины.» Но я не убѣждался приводимыми примѣрами и возражалъ, что если фамиліи, происходившія, какъ видно по мнѣнію бабушки, отъ лицъ женскаго пола, складывались въ Дашковыхъ, а не въ Дашкиныхъ; то тѣмъ болѣе отъ Жука, существа мужескаго пола, должны были произойти Жуковы, а никакъ не Жукины.» Бабушка называла меня непонятливымъ и втолковывала, что старыя фамиліи составлялись не по правиламъ, а противъ всякихъ правилъ: нужно-бы Дашкинъ, потому-что отъ Дашки, анъ сталъ Дашковъ, нужно бы Жуковъ, потомучто отъ Жука, анъ вышелъ Жукинъ.» Тогда я убѣждался и прибавлялъ иногда, что не вижу особенной чести происходить отъ нѣмецкаго рыцаря и былъ бы удовлетворенъ гораздо болѣе, еслибы могъ вести мой родъ отъ русскаго витязя.» Бабушка, считавшая своимъ предкомъ, можетъ быть не бывалаго, но именно русскаго витязя, въ родѣ Еруслана Лазаревича ломавшаго руки и ноги встрѣчнымъ и поперечнымъ, отзывалась на мои замѣчанія: «конечно, я съ тобою спорить не буду, но все же лучше пойдти отъ нѣмца барона, чѣмъ нести подъяческое или пономарское прозвище.»

Какъ бы то ни было, хоть я былъ потомокъ рыцаря, по одной линіи, и витязя по другой линіи, но не имѣлъ на себѣ никакихъ признаковъ моего благородства: ни родовыхъ, какъ-то: мальтійскаго креста, купленнаго дѣдомъ и дворянской медали, слѣдовавшей отцу, ни благопріобрѣтенныхъ. За то и долженъ былъ чувствовать униженіе передъ прочими господами при собственныхъ, т. е. бывшихъ собственныхъ крестьянахъ.

— Да вашъ проектъ разверстки очень удобенъ, сказалъ посредникъ, поправляя цѣпь, чуть-ли не удобнѣе для крестьянъ, чѣмъ для васъ.

— Я самъ также полагаю, но они думаютъ иначе.

— Отчего же бы, сказалъ посредникъ — отчего, говори, повторилъ онъ, обратившись къ Савелью.

— Мы порѣшили съ бариномъ другимъ манеромъ, отвѣчалъ Савелій, и на энтотъ манеръ идемъ съ охотою, а Дмитрій Дмитричъ не желаютъ нынѣ.

— Да, сказалъ я: они теперь соглашаются на прежній проектъ, отъ котораго сами отступились, но я не сдаюсь оттого, что онъ не удобенъ одинаково для нихъ и для меня.

— Но вы прежде готовы его были подписать и не состоялся

Digitized by Google

онъ потому только, что меня не отыскали, возразилъ посредникъ.

— Точно такъ, добавилъ староста,—васъ не было, а мы какъ тогда соглашались, такъ и нонѣ согласны.

— Не ври, сказалъ посредникъ, я знаю, что вы сами отказались. Лучше добромъ просить барина, и я за васъ попрошу. А ложью ничего не возьмешь ни у него, ни у меня,

— Никакія просьбы не заставятъ меня уступить имъ. Тогда я готовъ былъ на уступки, желая скорѣе раздѣлаться, но теперь буду стоять на своемъ, а что у меня есть на это основаніе, вотъ планъ перваго раздѣла.

Посредникъ разсмотрѣлъ планъ и прочелъ вслухъ границы крестьянскаго надѣла. Такъ-ли спросилъ онъ Савелья.

— Точно такъ, отвѣчалъ Савелій

— Никуда негодное дѣло, у васъ все-таки была бы черезполосица, хотя и не такая, какъ прежде. Позвольте мнѣ переговорить съ крестьянами, вызвался посредникъ.

— Сдѣлайте одолженіе,

Посредникъ вышелъ въ переднюю, гдѣ уже собрались крестьяне, и минутъ чрезъ двадцать возвратился, за нимъ вошли Жуковцы и стали молиться:

— Поздравляю васъ, сказалъ посредникъ, крестьяне согласны на всѣ ваши условія.

Я такъ удивился, что не отвѣтилъ ему ни слова. Со стороны можно было подумать, что я не обрадовался, а испугался неожиданной развязкѣ дѣла.

Когда грамота была подписана, крестьяне надлежащимъ обзомъ угощены и отпущены, и посредникъ, этотъ великій магъ, уѣхалъ, я велѣлъ опять созвать крестьянъ, но пришли четыре человѣка, пятый староста.

— Гдѣ же другіе?

— Уѣхали въ Устрѣтенку.

— Помилуй когда-жь они успѣли.

— Долго-ли, отозвался староста. И меня бы не было, коли бы не задержалъ старшина, заходилъ ко мнѣ, а лошадь готова, и жена на телѣгѣ.

— Уѣхали такъ уѣхали, а твоя жена, Савелій пускай подождетъ. Есть у меня къ вамъ дѣло: то, что скажу, передайте всѣмъ: условіе наше, ребята объ испольныхъ работахъ заклю-

Digitized by Google

чалось до уставной грамоты, стало быть съ весны я могу распоряжаться моею землею, какъ мнѣ заблагоразсудится.

— Мы согласны, Дмитрій Дмитричь, продолжать условіе.

— Пожалуй, братцы, и я не прочь, да и денегъ нѣтъ у меня на наемъ вольныхъ рабочихъ, но вотъ какимъ порядкомъ я готовъ отдавать вамъ землю изъ полу: не всему обществу, какъ прежде, не подъ круговую поруку, какъ прежде, а кто хочетъ у меня взять десятину двѣ-ли, три, съ тѣмъ и рядъ, понимаете съ каждымъ особо. Сказать вамъ по правдѣ, работали вы дурно.

— Чѣмъ бы дурно, Дмитрій Дмитричь.

— Всѣмъ дурно: и пахали дурно, и сѣяли дурно.

— Извѣстно, вѣтеръ относитъ сѣмя потому легко, ничего не подѣлаешь а пашемъ одинако что на вашемъ что на своемъ.

— И ваши поля обработаны дурно.

— Не знаемъ, кажись ходимъ въ эвтомъ дѣлѣ не первый годъ.

— Полноте, ребята, развѣ такіе были поля у васъ лѣтъ за десять.

— Троили, оттого и лучше были

— Отчего-жъ бы теперь не троить? да что ты за всѣхъ одинъ отвѣчаешь Савелій.

— Коли правду говорить, вступился Степанъ, точно, что коекакъ работаемъ два эти года. Воля, значитъ, вновѣ, не обошлась.

— Ну, потому-то я хочу отдавать мои поля по частямъ; чья десятина принесетъ меньше дохода, отъ плохой обработки, съ тѣмъ я впередъ дѣла имѣть не буду.

— На это идетъ, баринъ. Разумно придумано. Оно міромъ легче бы, коли-бы не было у насъ лишнихъ. Вы съ каждымъ особо уговаривайтесь, а мы промежь себя кто съ кѣмъ сойдемся

— Скажите же мнѣ теперь вотъ что: отчего, когда я вчера показывалъ надѣлъ вамъ, вы не соглашались на грамоту, а сегодня согласились. Дѣло конченное, можно сказать.

— Что говорить-то? Думали не настоящая грамота, лучше за одинъ разъ.

— Такъ-ли? Не было ли еще какихъ думъ?

— Нѣтъ, никакихъ не было

— Эхъ вы, дурачье, нечто баринъ не узнаетъ, сказалъ черезъ мѣру подгулявшій Борисъ: посредника мы спрашивали,

Digitized by Google

нѣтъ ли обмана, хорошо. Коды посредникъ завѣрилъ, что нѣтъ обмана, ну, значитъ, обмана нѣтъ. Извѣстно земли гожія намъ поступаютъ и на плантахъ обозначены все гожія земли, навозныя, а въ обмѣнъ баринъ беретъ пустыя, такія, что лѣтъ пять навоза не видали, ну, хорошо! барину пустыя, вотъ сумленіе и взяло, что обманъ, потому, неграмотные, потому спросили посредника. Посредникъ сказалъ: нѣтъ обмана. Значитъ, обмана нѣтъ, потому посредникъ отъ царя поставленъ, не можетъ обманывать, сказалъ, нѣтъ обмана, ну и нѣтъ.

Сначала крестьяне были озадачены, смутились, не стараясь остановить или переговорить Бориса, но замѣтивъ, кажется, что я не гнѣваюсь, приободрились и стали Бориса подзадоривать.

— Не хочешь ли винца? спросилъ я его.

— Благодарствуйте, пилъ, а будетъ милость ваша, пожалуйте, какъ вино дешево, не израсходуетесь.

— Рады дешовкѣ?

— Благодать! заявилъ Савелій.

— Благодать-то во какая, объяснилъ мало пившій Василій:— повстрѣчался мнѣ Левонъ Митинскій, любитъ выпить. Я и проздравилъ его съ дешовкой-то. Не проздравляй, говоритъ, хуже. Какъ я говорю хуже, всѣ баютъ, вино лучше не въ примѣръ стало. То-то, хуже, больше пьемъ. Зато дешево. Куды, говоритъ, дешево, не въ примѣръ дороже. Бывалоче выпьешь въ мѣсяцъ гривень на шесть, а нонѣ, другъ, до мѣсяца не дошло, а два рублевика ушло.

— Это рыжій такой Левонъ? спросилъ староста.

— Онъ самый.

— Перебитый носъ такой еще у него, замѣтилъ Степанъ.

— Онъ и есть.

— И губа никакъ разсѣчена нижняя, припомнилъ Андронъ.

— Ну, онъ.

— А на вискѣ просѣдь, на правомъ, весь рыжій, а на энтомъ мѣстѣ клокъ сѣдой, добавилъ Борисъ.

Сколько одному человѣку довелось имѣть особыхъ примѣтъ, подумалъ я, но Василью разспросы, видно надоѣли: «чего толкете воду, сказалъ онъ, знаете безъ меня, что одинъ Левонъ на свѣтѣ, а то рыжій, да такой-сякой, энтакой... И то одинъ, согласился Степанъ... Другого точно нѣтъ, подтвердилъ Ан-

Digitized by Google

дронъ... Какъ не знать Левона Абросимова, добавилъ староста.

— Признали всѣ, ну и слава те Боже, закончилъ Василій.

— Такъ нѣтъ обмана, спросилъ я Бориса, но Борисъ въ теплой комнатѣ начиналъ совѣть, и отвѣтили за него другіе:

— Смѣетесь, Дмитрій Дмитричъ, а точно сумленіе брало.

— Что ужь говорить, обидѣли вы меня, ребята, продолжалъ я, смѣясь: посредника иные два раза видѣли, и съ двухъ словъ ему повѣрили.

— Согрѣшили, баринъ, какъ быть, простите. И опосля-то побаивались, какъ ужь посреднику дались въ вѣру: не держитъ ли вашу руку? Сами ужь вы насъ успокоили.

— Я успокоилъ! Чѣмъ это?

— Знамо, коли-бы хотѣли подвести, все бы, какую ни на есть радость оказали, при согласіи нашемъ, а то нѣтъ: какъ стояли у окошечка, такъ и остались, кады посредникъ васъ проздравилъ, такма, что до эвтого въ окошечко поглядывали, а тутъ этто на насъ зачали глядѣть. Такъ-то и увѣрились.

— Вотъ что.

— Василій Кузьмичъ тоже сказывалъ, что посредникъ съ первоначала сталъ за насъ, а какъ увидалъ другой плантъ, сталъ за васъ, значитъ по душѣ рѣшилъ.

—

А мнѣ какъ было по душѣ, что дѣло кончено. Предоставивъ крестьянамъ самимъ добрать оброчную недоимку, оставшуюся за прошлый годъ, и употребить ее на выпивку, я самъ навеселѣ отправился на желѣзную дорогу, не отъ вина, а отъ удовольствія, что всякія заботы объ уставной грамотѣ отброшены...

Свистя, приближался поѣздъ, когда я всходилъ на платформу. Два лавочника изъ уѣзднаго города дожидались *машины*. Ишь, какъ забираетъ, вотъ семинуту остановится, передохнетъ маленько; а глядь-ко, Прокофій Еремеичъ, пустехоньки вторые вагоны. Не бойсь, брезгали прежде господа сидѣть съ нашимъ братомъ въ третьемъ, а нонче ничего, спѣси поубавилось.

— Да, сказалъ я себѣ, садясь въ третій: «ты, родимый, откѣлева», тотчасъ завязала со мною разговоръ, подвинувшаяся безъ просьбы, чтобы дать мнѣ мѣсто, старуха.

О. КРЖИНСКІЙ.

4-го апр. 1863 года.

Digitized by Google

БОЛЬНИЦЫ

ИХЪ АДМИНИСТРАЦІЯ И ХОЗЯЙСТВО

I

Наши больничныя заведенія находятся въ печальномъ положеніи: народъ чувствуетъ къ нимъ антипатію, смѣшанную со страхомъ и только въ случаѣ крайней нужды идетъ лечиться въ нихъ. Спрашивается: гдѣ причина того?

Составители устава о больничныхъ заведеніяхъ имѣли въ виду противопоставить возможности злоупотребленій цѣлый рядъ лицъ и вѣдомствъ, на которыхъ возложено наблюденіе за правильнымъ ходомъ больничнаго хозяйства, но полученные результаты вышли совершенно противуположные ожидаемымъ: бумага заѣла дѣло и скрываетъ дѣйствительность. Вотъ какая градація существуетъ напримѣръ хотя для завѣдыванія больницами, находящимися въ вѣдомствѣ приказовъ общественнаго призрѣнія: ближе всѣхъ стоитъ къ нимъ экономъ и смотритель, за тѣмъ слѣдуетъ совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ: губернскій предводитель дворянства, непремѣнный членъ приказа,—инспекторъ врачебной управы, старшій врачь, городской голова, управляющій удѣльной конторой, начальникъ внутренней стражи и т. д. (въ уѣздныхъ совѣтахъ число членовъ такъ же велико); затѣмъ приказъ общественнаго призрѣнія, гдѣ предсѣдательствуетъ губернаторъ и засѣдаютъ, кромѣ непремѣннаго члена, члены отъ дворянства, отъ городского и сельскаго сословія; за тѣмъ больничныя смѣты окончательно разсматриваются и утверждаются министерствомъ. Кажется чего бы лучше: за такимъ обиліемъ на-

Digitized by Google

блюдательныхъ особъ трудно утаиться микроскопическимъ злоупотребленіямъ, слѣдить есть кому; но въ томъ-то и бѣда, что такая многочисленность инстанцій даже при полномъ желаніи лица служить добросовѣстно дѣлу страждущаго человѣчества, нерѣдко парализируетъ его дѣятельность. Главнымъ завѣдывателемъ больничнаго хозяйства при существованіи совѣтовъ и приказовъ все таки остается смотритель.

Въ послѣднее время въ литературѣ все чаще и чаще стали говорить о больницахъ. Появилось нѣсколько до крайности вѣрныхъ описаній больничнаго быта;—свѣтлыхъ штриховъ въ немъ мало... Гдѣ же искать причину его несостоятельности? Въ личностяхъ ли, поставленныхъ во главѣ управленія больницами, въ несостоятельности ли принципа положеннаго въ основу самого управленія? Возможно ли улучшеніе отъ замѣны однихъ исполнителей другими, или если это и принесетъ результаты, то не будутъ ли они самые незначительные?

Кажется, что отвѣчать на эти вопросы, послѣ сказаннаго нами, не трудно; послѣдующими статьями, какъ подтверждающими фактами, мы постараемся еще нагляднѣе доказать нашу мысль.

Прежде чѣмъ коснуться до тѣхъ частностей больничнаго хозяйства, гдѣ мы видимъ наибольшую возможность злоупотребленій, мы скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ, которымъ вообще удовлетворяются больничныя нужды.

Неудовлетворительное положеніе нашихъ городскихъ больницъ, имѣвшее прямымъ за собой послѣдствіемъ антипатію къ нимъ общества, страхъ пользоваться предлагаемымъ ими пособіемъ, вовсе не зависитъ отъ суммы, которая асигнуется на ихъ содержаніе. Я не утверждаю, чтобы суммы, асигнуемыя на содержаніе больницъ, были настолько велики, чтобы больные могли находить въ больницахъ тотъ комфортъ, который встрѣчается въ заграничныхъ лечебницахъ, но я не скажу чтобы онѣ были настолько малы, чтобы больницы могли находиться въ такомъ несостоятельномъ положеніи, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время. Если бы всѣ деньги доходили до своего назначенія, если бы на больныхъ израсходывалось, — *при измѣненіи фундаментальномъ самого порядка управленія*, — то, что *должно* въ настоящее время израсходываться, то больные вмѣсто душной атмосферы дышали бы свѣжимъ воздухомъ; вмѣсто дурного, неудобоваримаго питались бы здоровымъ хлѣбомъ, супомъ и говядиной; вмѣсто лекарствъ они не принимали бы странныхъ специй; вмѣсто грязнаго и ветхаго носили бы чистое бѣлье. Въ передней комнатѣ каждой больницы, на столѣ, покрытомъ чистой скатертью, всегда находятся тарелка, миска и кружка съ «пробами»—образцовыми кушаньями и хлѣбомъ. Я нерѣдко отвѣды

Digitized by Google

валъ отъ этихъ пробъ и всегда находилъ ихъ очень хорошими, совершенно удобоваримыми, но горе тому неопытному, кто по этимъ пробамъ захочетъ себѣ составить понятіе о томъ что въ дѣйствительности вкушаютъ больные: онъ попадетъ въ этомъ случаѣ въ такой же просакъ, какъ попалъ бы присутствуя на *публичномъ экзаменѣ* (до сихъ поръ удержавшемся во многихъ учебныхъ заведеніяхъ) и вздумалъ судить объ успѣхахъ учащихся по тѣмъ бойко-вызубреннымъ отвѣтамъ, которыми ученики угощаютъ присутствующихъ и умиляютъ сердца своихъ родителей. Образцы, выставленные для публики и начальства больничныхъ заведеній, столько же похожи на настоящія кушанья, сколько настоящіе наши крестьяне похожи на тѣхъ примазанныхъ, свѣтскихъ пейзанъ, что подъ видомъ крестьянъ стряпаетъ большинство нашихъ романистовъ. Но я говорю, измѣнись управленіе больничными заведеніями и доходи всѣ асигнуемыя деньги до цѣли ихъ назначенія, и мы увѣрены, что выставленныя напоказъ «пробы» были бы дѣйствительными порціями пищи больныхъ... Вѣдь недаромъ же обѣды и пиры смотрителей больничныхъ заведеній пользуются заслуженной извѣстностью; недаромъ же на нихъ подаютъ такихъ осетровъ и стерлядей, которыми удовлетворился бы самый прихотливый вкусъ гастронома...

Для удовлетворенія больничныхъ нуждъ, на основаніи данныхъ представленныхъ смотрителемъ, въ приказѣ ежегодно составляется примѣрная смѣта; по этой смѣтѣ производятся торги для желающихъ принять на себя поставку припасовъ.

Публичные торги только *повидимому* исполняютъ свое назначеніе: довести цѣны на продукты потребленія, на постройку и т. д. до ихъ настоящаго, рыночнаго уровня; на самомъ же дѣлѣ это далеко не достигается. Въ каждомъ городѣ есть нѣсколько лицъ, спеціально занимающихся казенными поставками, остальные же капиталисты, частію изъ боязни новаго дѣла, частію чтобы сосредоточить свои капиталы на одномъ предпріятіи — въ казенные подряды не вступаютъ. Между капиталистами-подрядчиками, очень хорошо понимающими, что взаимное согласіе обусловливаетъ большіе или меньшіе барыши, всегда существуетъ стачка самая тѣсная: прежде чѣмъ явиться въ присутствіе они разлагаютъ между собою всѣ предметы поставки и назначаютъ имъ цѣну. Нерѣдко бываетъ и такъ, что товарищамъ подрядчика нѣкогда явиться въ день торга; тогда онъ беретъ лицо подставное, которому дается за его услуги частицу изъ крупныхъ кусковъ, получаемыхъ отъ казны, и тогда комедія, разыгрываемая въ присутствіи, бываетъ еще курьезнѣе. Намъ очень часто приходилось бывать на торгахъ и мы никогда не могли удержаться отъ смѣха при видѣ хитрыхъ, ловкихъ подрядчи-

Digitized by Google

ковъ, ссорящихся изъ-за каждой копѣйки, готовыхъ повидимому чуть ли не лѣзть въ драку между собою; но нашъ смѣхъ былъ еще не удержимѣе, когда мы читали журналы, составленные на торги, гдѣ нанизывались всѣ перлы канцелярскаго краснорѣчія, чтобы уяснить какія блестящія послѣдствія для сохраненія казеннаго интереса имѣли эти торги... Впрочемъ случается и такъ, что на торгахъ уменьшали цѣны на предметъ поставки процентовъ на 15, на 20, но это происходило только тогда, когда рука составителей смѣтъ слишкомъ расходится и вмѣсто хоть не много подходящихъ цѣнъ на предметы поставки къ дѣйствительнымъ, базарнымъ, распишетъ такія гигантскія цыфры, что только читаешь да удивляешься до какихъ предѣловъ можетъ дойти человѣческое воображеніе. Понятно, что съ страшно высокихъ цѣнъ подрядчики должны скинуть нѣсколько лишнихъ процентовъ для того чтобы тѣмъ хоть немного сравнить ихъ съ дѣйствительными, иначе ложь будетъ слишкомъ рѣзка, такъ что утвердители поставокъ могутъ замѣтить ее и не утвердить самые торги.

Мы считаемъ публичные торги положительно вредными, — и едва ли мы не будемъ въ томъ справедливы. Основывая свои выводы на долгихъ наблюденіяхъ надъ явленіями передъ нами происходившими, мы видимъ, что въ самые короткіе сроки подрядчики наживали себѣ огромные капиталы; мы знаемъ, что все «казенное» никакъ не можетъ быть синонимомъ „доброкачественное"; что быстрое разрушеніе негодность къ употребленію—неразлучные спутники всего построеннаго и поставленнаго подрядчиками. Въ концѣ нашихъ статей мы скажемъ нѣсколько словъ, чѣмъ бы мы считали удобнѣе замѣнить принятую у насъ въ настоящее время систему поставокъ.

Подрядчики, принявшіе на себя поставку различныхъ предметовъ больничнаго хозяйства, или сами выполняютъ свои обязательства или нерѣдко отдаютъ ихъ на руки смотрителямъ, оставляя конечно и въ пользу себя не малую часть доходовъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло подрядчиковъ состоитъ въ томъ только, чтобы въ извѣстные сроки являться въ приказъ и расписываться въ полученіи денегъ, большую часть которыхъ они немедленно должны передать настоящему, хотя и незаконному контрагенту-смотрителю. Подобнаго рода продѣлки ни для кого не новость; но при всемъ желаніи (иногда) пресѣчь ихъ, нельзя этого достигнуть, потомучто законная, формальная правда на сторонѣ виновныхъ. Впрочемъ по моему мнѣнію не стоитъ и пресѣкать въ настоящее время подобныя злоупотребленія, такъ какъ въ отношеніи пользы призрѣваемыхъ въ больницахъ рѣшительно все-равно кто бы не исполнялъ контрактъ поставки, настоящій ли подрядчикъ или смотритель больницы.

Digitized by Google

Въ отношеніи доставки и пріема припасовъ для больничныхъ заведеній, соблюдается та же длинная процедура канцелярской переписки, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ: смотритель доноситъ приказу, что потребны для больницы такіе-то матерьялы; приказъ предписываетъ ихъ вытребовать у подрядчиковъ смотритель опять доноситъ, что матерьялы вытребованы; приказъ предлагаетъ ихъ освидѣтельствовать совѣту; совѣтъ, освидѣтельствовавъ и найдя ихъ удовлетворительными, увѣдомляетъ о томъ приказъ; приказъ предписываетъ записать матерьялы на приходъ; смотритель, исполнивъ предписаніе, увѣдомляетъ о томъ приказъ, и ужь послѣ того въ приказѣ составляется журналъ и дается предписаніе казначею удовлетворить подрядчика деньгами.

II

Теперь отъ общаго взгляда на ходъ больничнаго управленія и хозяйства мы перейдемъ къ частностямъ, то есть къ тѣмъ статьямъ, гдѣ попреимуществу встрѣчаются злоупотребленія, причемъ мы впередъ заявляемъ наше сожалѣніе, что по неимѣнію подъ рукой матерьяловъ, мы должны перейти полнымъ молчаніемъ очень важную часть больничнаго хозяйства, а именно часть техническую медицинскую; не будучи спеціалистами въ этомъ предметѣ, мы и не могли съ достаточной точностью вести свои наблюденія и дѣлать выводы. Во всякомъ случаѣ мы были бы очень рады, еслибы кто-нибудь изъ людей свѣдущихъ пополнилъ нашъ пробѣлъ, на что мы вполнѣ и надѣемся, такъ какъ между медиками больничныхъ заведеній мы встрѣчали людей въ высшей степени честныхъ, благородныхъ, съ негодованіемъ смотрѣвшихъ на неблаговидныя продѣлки, около нихъ совершающіяся, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы принести хоть бы какую-нибудь пользу больнымъ, но которыхъ усилія парализировались значительно формальностями.

Одна изъ самыхъ *доходныхъ* статей для лицъ, завѣдывающихъ больничнымъ хозяйствомъ, есть безспорно дрова. Извлеченіе дохода производится очень незамысловато: положимъ въ больничныхъ заведеніяхъ находится 54 простыхъ русскихъ печей, на отопленіе которыхъ по уставу положено по двѣ сажени въ мѣсяцъ круглый годъ; всего стало-быть въ годъ—1296 саженъ, но само собою разумѣется, что такое количество дровъ никогда не израсходывается не только въ лѣтніе, но и въ зимніе мѣсяцы; кромѣ того въ цыфру 54 входятъ такія печи, которыя никогда неотапливаются, но на которыхъ тѣмъ не менѣе выводится постоянно одинаковый со всѣ-

Digitized by Google

ми другими печами расходъ дровъ. Понятно, что весь излишекъ отъ дровъ превращается въ капиталъ и ужъ никакъ нейдетъ въ экономію, а если и идетъ въ экономію, то не казенную, а смотрительскую и подрядческую. Такой же экономическій фортель употребляется и съ дровами, долженствующими идти на отопленіе голандскихъ печей, находящихся въ больничныхъ палатахъ. Голандскія печи положено отапливать не круглый годъ, какъ русскія; но въ извѣстные только мѣсяцы, а именно съ 15 сентября по 15 апрѣля. Считая на каждую печь по 1 сажени, если въ больничныхъ заведеніяхъ 150 печей, то дровъ должно на нихъ всего израсходоваться 1057 саженъ. Въ расходѣ конечно показывается всегда полное количество дровъ, какъ будто бы всѣ палатныя печи топились ежедневно, но въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ: больничное начальство чувствуетъ неопреодолимое влеченіе къ благорастворенію воздуховъ и къ живительной прохладѣ, и потому между топкой печей соблюдается очередь, а иныя постоянно остаются внѣ очереди, такъ что смотря на нихъ можно очень усомниться въ справедливости положенія: „все что создано, то и полезно.“ Воззрѣніе относительно прохлады можетъ оправдываться только теорію примѣняемости человѣка ко всѣмъ климатамъ. Въ самомъ дѣлѣ вотъ что говоритъ одинъ изъ лучшихъ физіологовъ, Льюисъ: „человѣческая температура равняется 98 градусамъ (по Фаренгейту) и остается таковою, какова бы ни была внѣшняя теплота. Подъ тропиками термометръ въ извѣстные часы дня поднимается до 110 градусовъ. Въ англійской Индіи онъ доходитъ иногда до 130 градусовъ. Въ арктическомъ поясѣ онъ, по свидѣтельству нашихъ путешественниковъ, опускается до 90 и даже до 120 градусовъ ниже точки замерзанія. Тѣмъ не менѣе, при такихъ обширныхъ колебаніяхъ внѣшней температуры, теплота человѣческаго тѣла измѣняется лишь незначительно и термометръ, помѣщенный подъ языкъ путешественника по полярнымъ странамъ, останавливается на томъ же градусѣ, какъ и помѣщенный подъ языкъ солдата на стѣнахъ Дели“. Зачѣмъ же топить печки въ больницахъ каждый день, когда внутри человѣка находится такая славная, постоянно теплая печка? Не излишняя ли роскошь въ двойномъ расходѣ

Поставка дровъ въ больничныя заведенія производится почти всегда подрядомъ и притомъ дрова поставляются не всѣмъ количествомъ заразъ, но по мѣрѣ нужды. Предъ каждой поставкой смотритель доноситъ совѣту, что ему потребно такое-то количество дровъ; совѣтъ предписываетъ ему принять это количество отъ подрядчика; по принятіи совѣтъ свидѣтельствуетъ дрова, послѣ чего они записываются на приходъ и израсходываются. Но такъ какъ

Digitized by Google

не все количество дровъ израсходывается въ дѣйствительности, то оставшаяся часть ихъ переносится въ какой-нибудь отдаленцый уголъ обширнаго больничнаго двора: когда же *по расчету* приходитъ время сгорѣть всѣмъ дровамъ, то смотритель опять доноситъ совѣту о необходимости принятія дровъ отъ подрядчика и совѣтъ снова предписываетъ ему принять ихъ. Подъ ихъ свидѣтельство оставшіяся въ экономіи дрова переносятся изъ отдаленныхъ угловъ больничнаго двора и складываются въ полѣнницахъ на самомъ видномъ мѣстѣ, являются опять члены совѣта, и освидѣтельствовавъ достоинство *вновь поставленныхъ* дровъ, приказываютъ смотрителю записать ихъ на приходъ. Такая перекочевка дровъ съ одного мѣста на другое и записка ихъ на приходъ совершается иногда разъ по пяти и многіе, если не всѣ члены совѣта, убѣждены, что каждый разъ они свидѣтельствуютъ новыя дрова.

Къ числу наиболѣе доходныхъ статей, мы должны отнести *постройку* (выражаясь техническимъ языкомъ) бѣлья. Постройка бѣлья, хоть и принимаемая на торгахъ подрядчиками, всегда передается ими на руки смотрителей, а послѣдними выполняется экономическими, домашними средствами, то-есть посредствомъ имѣющихся при больничныхъ заведеніяхъ кастелянишъ, прачекъ и т. д., такъ что гг. смотрители получаютъ отъ этой статьи двойной барышъ, а именно: барышъ отъ доброкачественности бѣлья, далеко низшей противу цѣнъ оставшихся на торгахъ, и барышъ отъ даровой работы. При свидѣтельствѣ *поставляемаго* бѣлья, совѣтомъ, иногда совершаются такіе курьозы, которые рѣшительно дѣлаютъ честь ихъ изобрѣтателямъ; чтобы не утомлять читателей, я разскажу одинъ чрезвычайно характеристическій случай. Бѣлье должно поставляться по образцамъ, которые хранятся при больничныхъ заведеніяхъ. Въ одинъ изъ совѣтовъ смотритель отъ имени подрядчика представилъ построенное имъ бѣлье; члены совѣта, освидѣтельствовавъ его, нашли, что оно гораздо короче образцовъ. Не зная что дѣлать съ такимъ бѣльемъ, они порѣшили раскинуть о томъ умомъ-разумомъ въ слѣдующее засѣданіе, оставивъ какъ бѣлье, построенное смотрителемъ, такъ и образцы въ комнатѣ совѣта. Приходитъ слѣдующее засѣданіе; собравшіеся рѣшили на этотъ разъ, прежде чѣмъ приступить къ разсужденію о дальнѣйшихъ судьбахъ бѣлья, вновь переосвидѣтельствовать его, и вообразите удивленіе членовъ совѣта! бѣлье оказалось гораздо длиннѣе образцовъ. Не входя въ дальнѣйшія прѣнія на тотъ предметъ, что одарено ли бѣлье растительной силой, вслѣдствіе которой оно успѣло удлиниться со дня послѣдняго засѣданія, или мнимый подрядчикъ успѣлъ въ недѣлю наготовить такую громаду бѣлья, рѣ-

Digitized by Google

шили такимъ образомъ: что такъ какъ бѣлье хотя и не оказывается надлежащаго качества, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а именно въ отношеніи длины, превосходитъ образцы, то принявъ его, проситъ приказъ предписать смотрителю записать на приходъ. Какъ вы думаете, читатель, какимъ образомъ произошла подобная метаморфоза? Да очень просто: смотритель вмѣсто того, чтобы трудиться надъ новой заготовкой (что бы и не успѣлось впродолженіи какой-нибудь недѣли) бѣлья, вмѣсто того, чтобы входить въ излишніе и очень значительные расходы, заблагоразсудилъ лучше обрѣзать самые образцы настолько, чтобы поставленное имъ бѣлье было не короче, но длиннѣе ихъ.

Исключеніе построенныхъ и выслужившихъ срокъ вещей производится такимъ образомъ: согласно уставу больничныхъ заведеній, по истеченіи каждой трети, смотритель представляетъ совѣту вѣдомость: „объ исключеніи вещей изъ наличности по вещевымъ книгамъ" за прослуженіемъ будто бы ими сроковъ, а потому не могущихъ быть годными къ дальнѣйшему употребленію. Въ вѣдомостяхъ, представленныхъ совѣту, количество вещей показывается такъ, какъ-будто въ больницахъ былъ постоянно полный комплектъ больныхъ; напримѣръ, если въ больницѣ положено пятьсотъ кроватей, то и вѣдомость на пятьсотъ человѣкъ. Въ дѣйствительности такого полнаго комплекта больныхъ никогда не бываетъ; напротивъ, весьма часто можно видѣть, что половина кроватей бываетъ незанята. Такимъ образомъ, вслѣдствіе этого остроумнаго фортеля у гг. смотрителей остаются отъ каждаго воображаемаго больного слѣдующія вещи: рубашка, подштанники, зимній и лѣтній халатъ, наволочки, простыни, подъодѣяльники, одѣяло суконное, матрасъ, туфли и т. п. Экономія, какъ видите немаловажная. Вы спросите: куда же дѣваться господамъ, столь хитрымъ на экономическія выдумки, съ оставшимися вещами? Куда? да сбытъ ихъ находится тутъ же подъ рукой, въ самой больницѣ; надо же по исключеніи старыхъ приступать къ постройкѣ новыхъ, а зачѣмъ же ихъ строить, когда имѣются такіе солидные остатки; гораздо лучше безъ хлопотъ получить за нихъ деньги. Такимъ образомъ съ бѣльемъ повторяется таже игривая перекочевка изъ вѣдомости въ вѣдомость, что и съ дровами. Пословица говоритъ, что нѣмецъ хитеръ, — обезьяну выдумалъ; ну, въ иной разъ и мы не ударимъ себя въ грязь лицомъ передъ басурманами.

Я думаю многимъ, читающимъ эти больничныя продѣлки, приходитъ въ голову такой вопросъ: „да вѣдь не можетъ же быть, чтобы всѣ лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточена высшая мѣстная власть надъ больницами, участвовали въ злоупотребленіяхъ; а

Digitized by Google

если не всѣ участвуютъ, то не можетъ же быть, чтобы они не знали объ ихъ существованіи. Было бы съ нашей стороны въ высшей степени нелѣпо утверждать, что всѣ мѣстныя административныя лица, имѣющія вліяніе на ходъ больничнаго хозяйства, сопричастны къ злоупотребленіямъ; мы вездѣ встрѣчались съ людьми честными, но чтобы показать съ какими изворотливыми людьми имъ приходится имѣть дѣло, я разскажу одинъ фактъ. Въ одной изъ больницъ, мною наблюдаемыхъ, умеръ смотритель; извѣстное дѣло, что нѣтъ ничего лучше, какъ принимать дѣла и вещи послѣ пожаровъ да умершихъ: все шито да крыто, свалилай знай на волю божію да на покойника — могила отвѣту не даетъ. На мѣсто умершаго смотрителя былъ назначенъ новый, человѣкъ бойкій, способный на всякія продѣлки. Увидавши, что въ настоящемъ случаѣ есть около чего погрѣть руки и разомъ заробить порядочный кушъ, онъ доноситъ начальству, что по принятіи больничнаго хозяйства не оказалось въ числѣ наличнаго имущества различныхъ вещей, всего на пять тысячъ рублей серебромъ; начальство видитъ, что дѣлать нечего, предписываетъ смотрителю заготовить недостающія вещи хозяйственнымъ способомъ, а на имѣніе умершаго смотрителя наложить секвестръ. Дѣло для новаго смотрителя пошло отлично: пять тысячъ рублей серебромъ въ карманѣ; но въ это время на его несчастье былъ присланъ ревизоръ, человѣкъ добросовѣстный, энергичный; онъ сталъ развѣдывать о всѣхъ больничныхъ злоупотребленіяхъ, съ цѣлью повозможности искоренить ихъ. Узнавъ о существованіи скрытыхъ послѣ умершаго смотрителя вещей, ревизоръ хотѣлъ обратить вниманіе начальства на эту статью, какъ на явное казнокрадство, но смотритель, очень хорошо знавшій къ чему клонится подобное открытіе, предупредилъ его и донесъ, что постоянно озабочиваясь соблюденіемъ казеннаго интереса и употребляя на то всѣ зависящіе отъ него способы, онъ въ одномъ изъ больничныхъ складовъ открылъ такія-то и такія-то вещи, всего на сумму пять тысячъ рублей серебромъ. Напрасно ревизоръ старался разъяснить это дѣло, напрасно говорилъ, что спустя цѣлый годъ не можетъ быть открытія, что оно должно было быть тогда, когда происходилъ пріемъ вещей, что тутъ дѣло неладное, но все было напрасно и ловкій господинъ вышелъ сухъ изъ воды.

III

Нѣкоторые дѣятели, создавшіе изъ больныхъ постоянный источникъ доходовъ, ухитрились извлекать эти доходы съ мертвецовъ. Цѣль нашихъ статей — не напугать воображеніе читателей различ-

Digitized by Google

ными созданіями собственной фантазіи, не вызвать улыбку разсказомъ о хитрыхъ продѣлкахъ, мы хотимъ обратить серьозное вниманіе на предметъ, гдѣ за малѣйшее нарушеніе (имѣющее основаніемъ злонамѣренность) законныхъ правилъ, должно слѣдовать строгое наказаніе виновниковъ. Я знаю, что въ нѣкоторыхъ больницахъ хоронятъ мертвецовъ нагишомъ, для того, чтобы имѣть въ экономіи тѣ двѣнадцать аршинъ холста, которые по уставу положено употреблять для каждаго умершаго. Фактъ страшно возмутительный, а между тѣмъ я не знаю ни одного священника, который протестовалъ бы противъ такого оскорбленія смерти, тогда какъ все это дѣлается при нихъ, тогда какъ ихъ прямая обязанность заявлять и возставать хоть противъ подобныхъ вещей. Я сказалъ, что нашъ народъ чувствуетъ антипатію къ больницамъ, что онъ нехотя идетъ туда, и чѣмъ больше я всматривался въ ходъ больничнаго хозяйства, чѣмъ больше наблюдалъ надъ судьбой призрѣваемыхъ, тѣмъ яснѣе понималъ причины этой антипатіи.

Немаловажныя статьи доходовъ заключаются въ предметахъ, потребляемыхъ больными въ пищу; здѣсь доходъ идетъ двумя путями: вопервыхъ всѣ припасы поставляются далеко не того качества, какого бы слѣдовало; напримѣръ вмѣсто свѣжей, недавноколотой говядины поставляется такая, которая самому неприхотливому человѣку едва можетъ идти въ горло; вмѣсто доброкачественной муки идетъ мука затхлая, часто подмоченная и т. д., стало-быть смотрители получаютъ *признательность* отъ подрядчиковъ за то, чтобы больные довольствовались тѣмъ что есть въ дѣйствительности, а не тѣмъ что должно быть по уставу (на совѣтъ подрядчики не обращаютъ особеннаго вниманія, несмотря на то, что на немъ лежитъ главная обязанность свидѣтельства припасовъ), и во вторыхъ больные пользуются вовсе не тѣмъ количествомъ припасовъ, какъ положено, но гораздо меньшимъ; въ этомъ случаѣ смотрителя съ удивительной стойкостью держатся того мнѣнія, что лучшее средство отъ всѣхъ болѣзней — діэта. Ученіе о діэтическомъ леченіи отъ всевозможныхъ болѣзней есть одно изъ самыхъ распространенныхъ и трудно отыскать больницу, гдѣ бы оно болѣе или менѣе не прилагалось къ практикѣ.

Впрочемъ разсмотримъ вкратцѣ еще нѣкоторыя частности больничнаго хозяйства.

Въ мукѣ ржаной, идущей въ хлѣбъ и крупичатой — въ булки, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ путей дохода т. е. недоброкачественности и недостаточности, есть еще третій и едвали не самый любезный для гг. смотрителей, — это разница въ припекѣ; напримѣръ на пудъ ржаного хлѣба полагается припека 10 фунтовъ, а

Digitized by Google

выпекается никакъ не меньше 18 фунтовъ, стало-быть отъ каждаго пуда останется въ барышахъ 8 фунтовъ. Если въ вѣдомостяхъ показано за мѣсяцъ въ расходъ 400 пудъ, то это цыфра ни больше ни меньше, какъ существующая въ воображеніи гг. составителей вѣдомости, а въ дѣйствительности должно существовать только 320 пудъ; 80 же пудъ есть не что иное какъ премія составителю остроумной вѣдомости. Тоже самое и съ мукой пшеничной: здѣсь если припека положено на пудъ 7 фунтовъ, то въ дѣйствительности выпекается покрайней-мѣрѣ до двѣнадцати фунтовъ, пять же фунтовъ составляетъ благоразумную экономію, такъ что если въ мѣсячной вѣдомости поставлено въ расходъ 300 пудъ, то въ дѣйствительности будетъ только 270 пудъ. Мы беремъ здѣсь цыфры какія намъ попадутся подъ руку, только стараясь придавать имъ характеръ среднихъ, общихъ, если не для всѣхъ, то покрайней-мѣрѣ для многихъ больничныхъ заведеній; кто же хочетъ себѣ составить понятіе сколько вообще не доходитъ до больныхъ, тотъ пусть вспомнитъ, что во многихъ больницахъ израсходуется въ мѣсяцъ до 500 и болѣе пудъ одного сорта муки и тогда пусть раскидываетъ, что за хлѣбныя статейки мука всѣхъ сортовъ крупичатыхъ и некрупичатыхъ.

Въ больницахъ, какъ извѣстно, въ большомъ употребленіи овсяная крупа. Когда вамъ придется видѣть вѣдомости объ этомъ предметѣ, то вы всегда со 100 пудиковъ скидывайте пудиковъ 45, какъ излишне накинутыхъ, для большей помпозности смотрительскихъ обѣдовъ и вечеринокъ... Сколько мнѣ ни случалось замѣчать дѣйствительное израсходованіе на больныхъ овсяной крупы, я никогда не сердился на себя за поспѣшное рѣшеніе и скидку; большею частью для первой ординарной порціи крупа вовсе не употребляется, а для вторыхъ и прочихъ порцій кладется вмѣсто ½ фунта ¼ фунта, или вмѣсто 16 золотниковъ, какъ бы слѣдовало, кладется только 10, да и то не всѣмъ больнымъ, а только избраннымъ, хотя выводится крупа въ расходъ на всѣхъ...

Я конечно могъ бы привести и самъ нѣсколько примѣровъ какъ хороши кушанья, приготовляемыя изъ овсяной крупы, но боюсь чтобы читатель не заподозрилъ меня въ особой непріязненности къ существующимъ больницамъ.

Любопытно распоряжаются также и съ грѣчневой крупой...

Больнымъ, состоящимъ на первой ординарной порціи, положено класть крупы по ½ фунту во щи, но само собою разумѣется, что подобная порція почти невозможна, такъ какъ выйдутъ ужь не щи, а каша, а потому больничные экономисты, на основаніи, что „крайности сходятся", вовсе не кладутъ грѣчневой крупы, или кладутъ

Digitized by Google

ея столько, что присутствіе ея дѣлаетъ одни только и то весьма тонкіе намеки на статью устава о полуфунтовой порціи... Впрочемъ кчему излишняя приправа, вѣдь „нѣтъ лучше приправы, какъ апетитъ", говорятъ французы, а такъ какъ первая порція назначается выздоровляющимъ, т. е. людямъ, у которыхъ всегда открывается отличный апетитъ, то стало-быть всякія приправы суть вещи совершенно излишнія...

Смотрителя изъ каждой статьи хозяйства умѣютъ извлекать свои доходы. На что бы кажется квасъ вещь маловажная, а между-тѣмъ доходъ изъ-него получается вовсе немаловажный. Согласно многихъ видѣнныхъ мною смѣтъ, на варку кваса должно идти въ одинаковомъ количествѣ какъ муки ржаной, такъ и солода, но насколько мнѣ извѣстно, почти во всѣхъ больницахъ первой употребляется въ 2½ раза, а послѣдняго въ 5 разъ меньше противу смѣтнаго исчисленія, такъ что въ вѣдомостяхъ должно читать вмѣсто 900 пудъ написанныхъ не болѣе 400 пудъ дѣйствительныхъ, и солоду, вмѣсто 900, не больше 180. Въ квасъ кромѣ того должна идти мята, но такихъ роскошей допускать не любятъ, а потому мята вся остается въ экономіи.

Сколько мнѣ ни случалось видѣть больныхъ, я почти никогда не замѣчалъ на нихъ чистаго бѣлья: всегда оно было въ пятнахъ, жолтое, не промытое...

Теперь, послѣ ближайшаго знакомства съ таинствами больничнаго хозяйства, я понялъ хорошо въ чемъ дѣло: по смѣтамъ полагается *на каждую штуку* бѣлья особенное и весьма достаточное количество мыла, но весьма нерѣдко *на пудъ бѣлья* отпускается самаго простого мыла не болѣе фунта... Можете себѣ судить какъ должно быть хорошо *больничное* бѣлье послѣ подобной стирки!

Для освѣщенія больницъ идетъ масло конопляное, сурепное и свѣчи... Масла конопляннаго для освѣщенія въ лѣтніе мѣсяцы обыкновенно полагается по ½ фунта на каждый свѣтъ, но больничное начальство полагая, что лѣтнія ночи и безъ того слишкомъ свѣтлы, выдаетъ его въ 2½ раза меньше; въ зимніе же мѣсяцы, когда на лампу должно отпускаться по 1 фунту въ вечеръ, даетъ его только по ½ фунту, такъ что во время большей части ночи весь свѣтъ больницы заключается въ какой-нибудь отвратительно дымящей плошкѣ. Тѣже самые разсчеты соблюдаются и при употребленіи свѣчъ: въ каждой больницѣ полагается извѣстное число „свѣтовъ", на которые лѣтомъ должно идти по одной свѣчѣ, а зимой на нѣкоторые по двѣ; но такъ какъ излишній свѣтъ очень вреденъ для глазъ, то въ видахъ сохраненія зрѣнія паціентовъ, отпускается свѣчъ только на половину „свѣтовъ", остальные

Digitized by Google

же должны пробавляться каждый чѣмъ заблагоразсудитъ; о двойномъ же количествѣ свѣчъ въ большой части больницъ никогда и не слыхивали; это остается только въ смѣтахъ, въ видахъ канцелярской тайны.

Но мы никогда не покончимъ, если станемъ описывать частности всѣхъ продѣлокъ, совершающихся нерѣдко въ нашихъ больницахъ; мы думаемъ, что достигли цѣли и тѣмъ что уже сказали,—цѣль же наша была выяснить хоть не много эти систематическія, смѣлыя злоупотребленія, имѣющія послѣдствіемъ всеобщее недовѣріе и отвращеніе общества къ мѣстамъ, долженствующимъ служить пріютомъ для страдающихъ.

Впрочемъ въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о прислугѣ. Если призрѣваемые въ нашихъ больницахъ лишены здороваго воздуха, если они терпятъ недостатокъ въ бѣльѣ, въ пищѣ, въ лекарствѣ, если они не пользуются тѣми удобствами, которыя назначены для нихъ правительствомъ, то ко всѣмъ этимъ даннымъ, долженствующимъ увеличить мѣру страданій, должно присоединить невыносимую грубость и дерзость служителей. Зная за своимъ начальствомъ всѣ грѣхи, будучи соучастниками въ его продѣлкахъ, служителя обращаются съ больными безъ всякаго состраданія; вмѣсто помощи больные видятъ отъ нихъ только дерзость и оскорбленіе; вмѣсто доставленія покоя, они нерѣдко заводятъ между собой драку и брань.

IV

Разсмотрѣвши недостатки и злоупотребленія, встрѣчающіеся въ больницахъ, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ мы видимъ возможность, если не довести наши больницы до того цвѣтущаго состоянія, въ какомъ находятся онѣ въ большинствѣ европейскихъ государствъ, то покрайней-мѣрѣ поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы въ глазахъ общества онѣ перестали бы казаться страшилищемъ, куда нужда можетъ загнать только бездомнаго бобыля, неимѣющаго возможности преклонить головы въ тяжолыя минуты страданій.

Больницы могутъ быть содержимы или на общій, государственный счетъ или учреждаться отдѣльными общинами; существованіе и тѣхъ и другихъ въ одномъ и томъ же государствѣ не только возможно, но и необходимо; община можетъ быть настолько бѣдна, что не будетъ въ состояніи затратить достаточнаго капитала на учрежденіе больницы; въ такомъ случаѣ государство или должно взять на себя все дѣло сполна, или доставить общинѣ пособіе, обезпе-

Digitized by Google

чивающее существованіе больницы. Кромѣ того инициатива учрежденія больницъ должна принадлежать и частной благотворительности. Смотря потому, кто стоитъ въ главѣ учрежденія лечебницъ (то есть чьи суммы идутъ на ихъ содержаніе, общія ли государственныя, отдѣльныхъ ли общинъ, или частныхъ благотворителей), могутъ быть и различные виды администраціи. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи объ общемъ положеніи: если община или частный человѣкъ жертвуетъ капиталъ на какое-нибудь учрежденіе, то имъ должно быть предоставлено самое широкое приложеніе дѣятельности въ этомъ учрежденіи; одна община учреждаетъ у себя лечебницу на однихъ основаніяхъ, другая на другихъ. Если члены общины согласны на введеніе этихъ основаній, то никто не имѣетъ права *принуждать* измѣнять ихъ. Въ отношеніи учрежденія больницъ общинами, я допускаю, да и то съ крайней осторожностью, одно условіе, исполненія котораго государство можетъ требовать: если сельское общество устроиваетъ лечебницу для своихъ членовъ, и если въ окружности нѣтъ ни одной другой, то было бы безчеловѣчно допустить мѣщанина умереть у дверей больницы сельской общины; въ этомъ случаѣ государство или должно выговорить, когда община богата и имѣетъ возможность дѣлать пожертвованіе отъ себя, пріемъ въ лечебницу лицъ другихъ сословій (съ платой или безъ платы), или если община несостоятельна, доставить ей возможность подавать помощь членамъ, не входящимъ въ ея тѣсный составъ. Только такое вмѣшательство въ дѣло общинныхъ больницъ и возможно; что же касается до ихъ управленія, хозяйства, надзора и т. п., пусть въ этомъ случаѣ каждая община составляетъ себѣ свой уставъ; пусть она когда хочетъ измѣняетъ этотъ уставъ, по мѣрѣ измѣненія своихъ нуждъ. Впрочемъ строго говоря, даже нельзя требовать однообразнаго устава для всѣхъ больницъ, содержимыхъ на общій государственный счетъ: даже и здѣсь онъ можетъ и долженъ измѣняться, смотря по условіямъ отдѣльныхъ мѣстностей.

Выставляя въ заголовкѣ нашихъ статей „больницы", мы говорили о больницахъ, куда принимаются не жители одной какой-нибудь мѣстности или одного сословія, но вообще гдѣ призрѣвается и крестьянинъ, и чиновникъ, и мѣщанинъ и т. д. На больницу конечно должно смотрѣть не съ точки зрѣнія экономической, но благотворительной: никто не имѣетъ права требовать, чтобы государство лечило безвозмездно всѣхъ, но оно обязано оказывать пособіе неимѣющимъ средствъ къ излеченію; нельзя отрицать права государства взимать плату за пособіе въ больницахъ съ лицъ состоятельныхъ, но вопервыхъ должно положить такъ, чтобы эта плата

Digitized by Google

была самая умѣренная, не превышающая издержекъ употребленныхъ на больнаго, а вовторыхъ должно, чтобы бѣднымъ дано было право вступать въ больницу безъ всякой платы. Вообще при устройствѣ больницъ должно избѣгать экономическихъ поползновеній; больницы не роскошь, но первѣйшая необходимость; ихъ явленіе вызываетъ не прихоть, безъ исполненія которой можно обойтись, но настоятельная нужда. Трата на больницы не есть расходъ непроизводительный, и врядъ ли у кого-нибудь пошевелится языкъ сказать укоръ государству, если оно израсходуетъ даже лишнія тысячи рублей на больницы.

Большая часть недостатковъ нашихъ больницъ вытекаютъ изъ слишкомъ сложной администраціи, изъ преобладанія канцелярскихъ порядковъ, изъ вмѣшательства нѣсколькихъ инстанцій въ дѣла хозяйственныя и изъ личныхъ злоупотребленій, какъ прямаго послѣдствія бюрократической несостоятельности. Государственное хозяйство (мы разсматриваемъ больницы какъ хозяйство) никогда не можетъ достигнуть точки процвѣтанія частнаго хозяйства, но оно дѣлается крайне-несостоятельнымъ, когда его подчиняютъ канцелярскимъ порядкамъ: видимая стройность и внутренняя негодность становятся его неотъемлемыми качествами... Если наши больницы до сихъ поръ находились въ неудовлетворительномъ положеніи, вслѣдствіе развѣтвленія власти въ ихъ управленіи между нѣсколькими инстанціями, если это представляло полную возможность извлекать изъ нихъ доходы въ ущербъ призрѣваемымъ, то надо искать средства къ исправленію въ сторонѣ совершенно противоположной, а именно въ возможномъ сокращеніи больничной администраціи. Существующіе въ настоящее время смотрители и старшіе врачи больничныхъ заведеній не имѣютъ *по законамъ* возможности распорядиться ни одной копѣйкой, не имѣютъ права принять фунтъ мяса, но *на самомъ дѣлѣ* они имѣютъ на своей сторонѣ всѣ данные, чтобы лишать въ свою пользу больныхъ самыхъ крайнихъ, самыхъ необходимыхъ вещей, чтобъ на огромныя цыфры урѣзывать асигнованныя суммы. Намъ кажется гораздо лучше сдѣлать такъ, чтобы управляющіе больницами были бы полными распорядителями больничнаго хозяйства и въ тоже время были бы лишены возможности дѣлать тѣ злоупотребленія, которыя встрѣчаются теперь. Мы видимъ возможность достигнуть этого превращеніемъ смотрителей изъ лицъ совершенно по закону пасивныхъ, въ лицъ дѣйствующихъ и въ тоже время отвѣтствующихъ. Отвѣтственность за неудовлетворительное состояніе больницъ разлагается въ настоящее время на нѣсколько инстанцій; по нашему же мнѣнію одно лицо должно нести эту отвѣтственность за все, такъ какъ оно одно всѣмъ распоряжает-

Digitized by Google

ся. Конечно при такомъ обширномъ кругѣ власти смотрителя весь успѣхъ дѣла будетъ находиться въ непосредственной зависимости отъ нравственныхъ качествъ лица, занимающаго эту должность, а потому въ выборѣ его должно руководствоваться крайнею осторожностью. Въ настоящее время смотрителя больничныхъ заведеній получаютъ самое ничтожное жалованье, какихъ-нибудь 400 рублей серебромъ; конечно довольно трудно допустить, что человѣкъ честный, добросовѣстный не согласится занять должность, влекущую за собой пропасть хлопотъ и дающее такое несоразмѣрное вознагражденіе, и понятно, что человѣкъ съ шаткими правилами будетъ искать въ точности восполнить недостатокъ средствъ къ жизни собственной экономіей въ управляемомъ имъ хозяйствѣ. Въ настоящее время большинство смотрителей больницъ нисколько не жалуются на недостатокъ жалованья и живутъ себѣ припѣваючи. Должности смотрителей должны занимать люди честные, добросовѣстные, гуманно-развитые, изъ любви къ человѣчеству преданные своему дѣлу; такъ какъ всѣ эти качества *въ большей части* условливаются воспитаніемъ, то они должны имѣть за собой высшее образованіе. Чтобы привлечь такихъ людей къ занятію должностей смотрителей, чтобы заставить ихъ дорожить своимъ мѣстомъ, чтобы предохранить ихъ отъ всякихъ искушеній, должно обезпечить ихъ матерьяльное содержаніе: вознаградить ихъ за страшно хлопотливую, полную непріятностей, должность, соотвѣтствующимъ жалованьемъ, на которое можно было бы жить, неотказывая себѣ въ лишнемъ кускѣ хлѣба, не прибѣгая для полученія его къ злоупотребленіямъ. Въ руки подобнаго смотрителя должно отдать распоряженіе всѣмъ больничнымъ хозяйствомъ; онъ долженъ расходовать деньги по мѣрѣ открывшихся нуждъ, никого не приглашая къ освидѣтельствованію, ни отъ кого не испрашивая разрѣшенія. Онъ долженъ знать только одно, чтобы на асигнованныя деньги больные содержались бы такъ какъ слѣдуетъ содержать- ся больнымъ, — иначе онъ подвергнется строжайшей отвѣтственно сти. Но скажутъ: уполномочивая такимъ образомъ смотрителя полнымъ распорядителемъ больничнаго хозяйства, вы предоставляете полную возможность на всякія злоупотребленія; хорошо если должности смотрителей займутъ люди честные и добросовѣстные, а ежели попадутся и дурныя? Вѣдь одно жалованье хорошее недостаточно, деньги никогда вещь не лишняя, кармана не отяготятъ, такъ отчего при хорошемъ жалованьи непоживиться насчетъ страждущихъ? Я не спорю, чтобы при отличномъ содержаніи должности смотрителей заняли все герои честности; точно такъ же не спорю, чтобы страхъ отвѣтственности удержалъ дурныхъ людей отъ злоупотребленія; недостатки вкра-

Digitized by Google

дутся вездѣ,—самая раціональная система управленій не можетъ избѣжать ихъ, но мы думаемъ, что всему этому поможетъ одно, едва ли не самое дѣйствительное средство: *косвенное* участіе всего общества въ управленіи больничнымъ хозяйствомъ, *черезъ гласное обсужденіе его*. Конечно, если управляющій больницами будетъ вести хозяйство въ видѣ канцелярской тайны, то едва ли оно будетъ гарантировано отъ корыстныхъ поползновеній, и сомнительно, чтобы ежегодными формальными ревизіями можно было проникнуть во всѣ его тайники и открыть истину; но если управляющій будетъ обязанъ каждую недѣлю или каждый мѣсяцъ въ мѣстномъ печатномъ органѣ отдавать самый подробный отчетъ о ходѣ больничнаго хозяйства, то врядъ ли его поползновенія на собственную экономію не будутъ открыты. Въ этихъ отчетахъ смотритель долженъ будетъ изложить сколько за весь срокъ поступило и выбыло больныхъ; какіе расходы употреблялись; у кого были куплены припасы, за какую цѣну; какія исправленія произведены, черезъ кого; что вызывало эти исправленія; какія усовершенствованія предполагается произвести, словомъ, представить подробную картину недѣльнаго быта больницы. Понятно, что если каждому будетъ предоставлено полное право отвѣчать управляющему больницы на его отчетъ, указывать его невѣрности, уличать въ злоупотребленіяхъ, то не всякая рука рѣшится написать вмѣсто 5 рублей 10 рублей. Предоставьте обществу только право слѣдить за дѣйствіями больничныхъ дѣятелей, и повѣрьте—оно окажется страшно ревнивымъ къ своимъ интересамъ; оно тотчасъ же остановитъ господина, идущаго съ ними въ разрѣзъ. Дневной свѣтъ и воздухъ гораздо лучше исправляетъ испорченную атмосферу, чѣмъ всевозможныя канцелярскія изобрѣтенія. Кромѣ гласнаго отчета, отдаваемаго еженедѣльно, въ больницахъ должна быть заведена книга, гдѣ каждый находящійся на излеченіи можетъ вписать свое пребываніе, жалобу на недостатокъ пищи, одежды, грубость прислуги, дурное леченіе и т. д. Эти жалобы вкратцѣ должны еженедѣльно печататься и потомъ должны производиться строжайшія изслѣдованія, о результатѣ которыхъ общество черезъ тотъ же органъ должно получить подробное свѣдѣніе; книга эта должна быть во всякое время открыта для каждого. Этимъ мы хотимъ, чтобы все общество, не входя въ стѣны больницы, знало бы все что за ними творится; оно бы невидимо присутствовало при каждомъ распоряженіи больничнаго начальства, знало бы каждую жалобу, приносимую на него, было бы увѣрено, что за нарушеніе довѣренности виновники подвергнуты наказаніямъ, соотвѣтствующимъ мѣрѣ ихъ вины.

Такъ какъ нельзя предоставить всему обществу права посѣщать

Digitized by Google

во всякое время больницы, потому-что тѣмъ можетъ быть нарушенъ необходимый для больныхъ покой, а между-тѣмъ несомнѣнную пользу принесло бы наблюденіе за дѣйствіями смотрителя и врачей на самомъ мѣстѣ этихъ дѣйствій, т. е. въ больницѣ; то мѣстность, гдѣ больница существуетъ, будетъ ли это губернскій или уѣздный городъ, должна выбрать изъ среды своихъ гражданъ трехъ человѣкъ, на обязанности которыхъ должно лежать не вмѣшательство въ дѣйствія больничнаго начальства, но только надзоръ за результатомъ его дѣйствій. Чтобы заставить этихъ выборныхъ лицъ приносить ожидаемую отъ нихъ пользу мы видимъ опять тоже единственное спасительное средство въ гласности ихъ дѣйствій. Каждый изъ выборныхъ лицъ по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю долженъ посѣтить больницу и о полномъ результатѣ своего посѣщенія сообщать обществу въ мѣстномъ печатномъ органѣ. Въ концѣ года эти лица должны повѣрить представленный имъ отчетъ о состояніи больницы, рѣшить по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ какая приблизительно сумма должна отпуститься на содержаніе больницы въ слѣдующемъ году, и съ собственными соображеніями представить все это на гласное обсужденіе. Намъ кажется, что дальнѣйшее развѣтвленіе іерархіи только повлечетъ за собой излишнюю запутанность, но ужь никакъ не поможетъ дѣлу. Въ гласности мы видимъ возможность исправить зло, такъ глубоко вкоренившееся въ наши больничныя заведенія.

Н. СОКОЛОВСКІЙ.

Digitized by Google

ИЗЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ФРАНЦІИ

Госпожа де-Праленъ (Praslin) процессъ 1847 года.

17-го августа 1847 года, герцогиня де-Шуазель-Праленъ, единственная дочь маршала, графа Себастіани, выѣхала съ мужемъ и всей семьей изъ своего великолѣпнаго замка Во-Праленъ, близь Медона, съ цѣлью отправиться на купанье въ Дьеппъ. Остановилась вся семья въ Парижѣ, въ отелѣ Себастіани.

Отель этотъ выходитъ одной стороной въ предмѣстье Сент-Оноре, № 55, а другой — въ алею Габріэль, въ Елисейскія поля. Въ предмѣстье выходитъ только главный подъѣздъ, съ двумя колонами и маленькое побочное строеніе, гдѣ помѣщается привратникъ. Отъ главныхъ воротъ длинная алея ведетъ къ настоящему фасаду зданія, обращенному окнами въ садъ, смежный съ Елисейскими Полями.

Герцогъ и герцогиня пріѣхали вмѣстѣ по желѣзной дорогѣ и разстались только въ Парижѣ. Герцогъ поѣхалъ съ дочерьми дѣлать визиты, а госпожа де-Праленъ отправилась въ свой отель съ сыновьями и прибыла туда вечеромъ около половины десятаго. Герцогъ вернулся уже часовъ въ одиннадцать; проводилъ дочерей въ

Digitized by Google

ихъ комнаты и сошолъ внизъ, на свою половину, отдѣлявшуюся коридоромъ отъ помѣщенія герцогини.

Въ полночь все въ замкѣ спало.

Около четырехъ часовъ утра раздались страшные крики какъ будто изъ комнатъ г-жи Праленъ. Одинъ прохожій принялъ ихъ за вопли сумасшедшаго. Спустя нѣсколько минутъ, порывистый звонъ колокольчика разбудилъ Августа Шарпантье, камердинера герцога и мадамъ Леклеркъ, горничную герцогини. Оба поспѣшно одѣлись и сошли внизъ. Они хотѣли войти на половину къ герцогинѣ въ дверь, находящуюся тотчасъ у лѣстницы и ведущую въ ея уборную, но къ удивленію нашли ее запертою изнутри. Слышались отрывистые, раздирательные вопли и глухой шумъ какъ будто отъ борьбы, въ промежуткахъ которой слышны были удары. Не будучи въ силахъ выломать дверь, служители бросились къ главному входу, но и тутъ дверь изъ спальни заперта была внутренней задвижкой; они стали стучать и звать госпожу по имени, но отвѣта не было. Приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, они услыхали какъ будто хрипѣніе въ глубинѣ комнаты. Очевидно совершено было убійство.

Слуги вышли въ садъ. Окна комнатъ госпожи де-Праленъ были по обыкновенію заперты внутренними болтами, но отворена была маленькая дверь, ведущая въ прихожую, отдѣлявшую женскую половину отъ мужской. Съ этой стороны дверь въ кабинетъ и комнаты, ведущія къ герцогинѣ, были растворены. Камердинеръ рѣшился войти. Было совершенно темно и тихо, только слышался запахъ крови.

Августъ въ испугѣ побѣжалъ къ камердинеру герцогини Орлеанской, Мервалю, жена которого завѣдывала бѣльемъ въ отелѣ.

„У насъ случилось несчастіе, барыню убиваютъ!“ Мерваль вскочилъ съ кровати, схватилъ трость, далъ саблю Шарпантье, зажогъ лампу и оба бросились въ комнаты.

Госпожа де-Праленъ лежала на полу, прислонясь головою къ кушеткѣ, въ одной сорочкѣ и истекала кровью. Зрѣлище это такъ поразило людей, что они выбѣжали на дворъ и, совѣщаясь тамъ что дѣлать, замѣтили клубы дыма, выходящіе изъ трубы герцогова кабинета. Это показалось имъ страннымъ въ такое время и въ такую теплую погоду. Окна мужской половины были еще закрыты. Это навело ихъ на мысль, что герцогу слѣдовало бы прежде всѣхъ услыхать шумъ по сосѣдству, а онъ до сихъ поръ еще не показывался.

Въ нѣсколько минутъ суматоха разнеслась по всему дому. Шарпантье, Мерваль, привратникъ Брофаръ и другіе собрались тол-

Digitized by Google

пой и пошли осматривать комнаты и садъ. Въ эту минуту герцогъ показался въ дверяхъ, ведущихъ на половину жены. Онъ былъ въ халатѣ, съ разстроеннымъ лицомъ, бился головою и руками объ стѣну, повторяя: Что такое случилось? Что здѣсь случилось? Одинъ изъ лакеевъ отворилъ ставень и глазамъ всѣхъ представилось тѣло съ подогнутыми колѣнами и все покрытое свѣжими ранами. „Господи Боже мой!“ вскричалъ г-нъ де-Праленъ. „Какое несчастіе! Кто же могъ сдѣлать это! Спасите! Помогите! Доктора!“

Жена привратника подбѣжала къ герцогинѣ. Она еще дышала. Принесли воды обмыть раны. Жена Мерваля поддерживала тѣло. „Что съ нами будетъ, Евфимія! говорилъ ей г-нъ де-Праленъ. Что съ нами будетъ! Жива ли она?“

Въ эту минуту г-жа де-Праленъ вздохнула въ послѣдній разъ.

Пріѣхалъ докторъ, но было уже поздно. Тогда герцогъ, выходившій изъ комнаты, вернулся, подошолъ къ трупу и обнялъ его, повторяя: Бѣдная, бѣдная женщина! Какое чудовище могло поднять на тебя руку! и, увидѣвъ въ каминѣ окровавленный чепчикъ, онъ вскрикнулъ, бросился на постель, рвалъ на себѣ волосы и кричалъ: Бѣдные дѣти! кто скажетъ вамъ, что у васъ нѣтъ больше матери! Бѣдный маршалъ! кто увѣдомитъ его объ этой смерти!

Спустя нѣсколько времени, пріѣхали гг. Трюи и Блюталенъ, полицейскіе комисары, и составили первое показаніе.

По первому медицинскому осмотру, произведенному докторами Канне, Симономъ и Реймономъ, оказалось, что окоченѣвшее уже тѣло покрыто было, начиная съ затылка до оконечности шеи, пятью поперечными ранами, отъ пяти до десяти центиметровъ величиною, доходившими до кости. Рана на шеѣ повредила позвоночный столбъ; на лбу и правой сторонѣ головы было восемь ранъ, всѣ вплоть до кости и отъ двухъ до пяти центиметровъ въ объемѣ.

На нижней части шеи, съ лѣвой стороны, двѣ поперечныя раны, нанесенныя сверху внизъ, глубиною въ два центиметра, а шириною въ два съ половиной; вокругъ, множество неглубокихъ ранокъ; на правой сторонѣ, нѣсколько выше нижней челюсти, рана, нанесенная сверху внизъ въ семь центиметровъ, дошедшая до сонной артеріи и пересѣкшая гортанную жилу, изъ которой еще текла чорная кровь. На лѣвой рукѣ, около кисти, три неглубокія ранки. На ладони огромная рана, повредившая большой палецъ; на пальцахъ тоже раны, показывавшія, что убитая старалась схватиться за оружіе острое съ обоихъ концовъ. На правой рукѣ тѣ же раны и тѣ же признаки усилій несчастной жертвы.

Поврежденія черепа происходили повидимому отъ необыкновенно сильныхъ ударовъ какимъ-то очень острымъ инструментомъ. На ли-

Digitized by Google

цѣ были видны слѣды ногтей, въ особенности около рта, что доказывало желаніе убійцы заглушить крики несчастной. Очевидно, борьба была жестокая.

Безпорядокъ въ комнатѣ подтверждалъ то же самое. Комната, выходящая въ садъ, освѣщалась однимъ окномъ и имѣла двадцать одинъ футъ глубины на восемнадцать ширины. Кровать помѣщалась у внутренней стѣны; надъ кроватью была сонетка. Постель стояла на эстрадѣ и закрыта была занавѣсками. Тюфяки на постели были сдвинуты съ мѣста, а на подушкѣ осталось большое кровавое пятно. Кисейные занавѣсы тоже испачканы были кровью. Одѣяло во многихъ мѣстахъ покрыто было огромными пятнами.

Въ комнатѣ было четыре двери, одна вела въ гостиную, другая въ будуаръ, а третья и четвертая — въ уборную.

На двери, выходящей въ гостиную, видны были слѣды окровавленныхъ рукъ, въ особенности около замка и ручки.

У будуарной двери было пятно возлѣ внутренней задвижки. Около этой двери коверъ былъ улитъ кровью и валялись пучки выдранныхъ волосъ.

Дальше отъ постели, по направленію къ камину, вся мебель носила отпечатокъ прикосновенія окровавленныхъ рукъ, въ особенности мраморный столикъ, на которомъ лоснилась цѣлая лужа крови.

На каминѣ стояли два канделябра и часы подъ стеклянным колпакомъ. Съ обѣихъ сторонъ висѣли сонетки. Бахрома ихъ захватана кровавыми руками. На лѣвомъ канделябрѣ, на часовомъ колпакѣ, на двери, выходящей въ будуаръ, на простѣнкѣ, отдѣляющемъ ее отъ окна, всюду были размазанныя пятна. Кусокъ хлѣба, оставшійся на каминѣ отъ ужина, былъ красенъ отъ крови.

Кушетка, стоявшая возлѣ камина и будуарной двери, на которой найденъ былъ трупъ, была просто промочена кровью. Цвѣта матеріи нельзя было узнать подъ ручьемъ крови, мѣстами запекшейся. Тутъ же валялась прядь выдернутыхъ волосъ.

Ночной столикъ изъ розового дерева лежалъ опрокинутый посреди комнаты. Доска его была забрызгана, а упавшая на полъ книга улита кровью: эта книга была послѣднимъ чтеніемъ герцогини.

Кто были убійцы? Пройти можно было только по деревянной лѣстницѣ изъ сада. Слѣды ихъ присутствія выражались только оставленнымъ пистолетомъ съ окровавленнымъ дуломъ, къ рукоятки которого прилипли волосы и клочья кожи несчастной. Были также кровавыя слѣды у коридорной двери, ведущей къ выходу.

Послѣ первыхъ розысковъ, комисары сняли показаніе съ г-на Праленъ.

Г-нъ де Праленъ объявилъ, съ волненіемъ совершенно естествен-

Digitized by Google

нимъ въ подобномъ случаѣ, что найденный въ комнатѣ пистолетъ, принесенъ имъ самимъ въ ту минуту какъ онъ, услыхавъ крикъ, бросился на помощь; а кровавые слѣды могли быть тоже произведены имъ въ то время какъ онъ, поднявши съ полу тѣло жены, изъ страха выбѣжалъ вонъ.

Между тѣмъ убійство такой извѣстной личности не могло всюду не надѣлать шуму. Герцогиня де-Шуазель-Праленъ была единственная дочь Маршала Себастіани, племянница герцога Куаньи, жена пера Франціи. Префектъ полиціи, генеральный прокуроръ, королевскій прокуроръ Бунли и Аристидъ Брусе уголовный судья явились, около восьми часовъ, на мѣсто преступленія. Ненадолго передъ тѣмъ, пріѣхалъ и дядя убитой генералъ Себастіани, командовавшій тогда первой дивизіей. При видѣ страшно обезображеннаго трупа, онъ упалъ въ обморокъ, а Августъ Шарпантье побѣжалъ за водой въ комнату герцога. Кабинетъ, въ который еще никто не входилъ въ это утро, былъ въ страшномъ безпорядкѣ. Въ каминѣ была куча золы и недогорѣвшихъ лоскутковъ; среди пола стоялъ умывальникъ и когда Шарпантье подошолъ почерпнуть изъ него воды, герцогъ поспѣшно вылилъ ее за окно, сказавъ, что она не чиста.

Первымъ дѣломъ судей было арестованіе всей прислуги: „Лучше бы хорошенько осмотрѣли комнату герцога", сказалъ Шарпантье. Въ самомъ дѣлѣ, принялись за осмотръ герцогова платья и нашли, что халатъ и многія другія вещи запачканы кровью, а въ каминѣ оказались остатки отъ сожженныхъ бумагъ и лоскутокъ фулярового платка. Халатъ очевидно былъ только что замытъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Всѣ эти вещи взяли. Въ умѣ судей мелькнуло странное подозрѣніе.

Аристидъ Брусе сталъ допрашивать герцога.

Разсказавъ всѣ подробности своего пріѣзда въ Парижъ, де-Праленъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ то, что по его мнѣнію, произошло въ отелѣ:

— „Я не видалъ герцогини по возвращеніи; она ушла уже на свою половину. Я тоже немедленно отправился къ себѣ, проводивъ дочерей во второй этажъ отеля. Раздѣлся и легъ я безъ помощи лакея, какъ это часто со мной случается и тотчасъ же заснулъ. Утромъ, не знаю въ которомъ часу, но когда уже начинало свѣтать, я разбуженъ былъ крикомъ, но такъ какъ крики каждаго слышатся въ Елисейскихъ поляхъ, то я ни мало не испугался и не торопясь всталъ съ постели. Надѣвши халатъ, я отправился въ комнаты г-жи де-Праленъ. Подходя къ третьей двери моей половины, у самого входа въ коридоръ, я услышалъ уже сильный крикъ и вернулся въ кабинетъ за пистолетомъ. Тогда я вошолъ къ госпожѣ де-

Digitized by Google

Праленъ черезъ ея уборную. Въ уборной было совершенно темно и тихо. Я звалъ жену по имени, но не получилъ отвѣта. Тогда я вошолъ въ будуаръ и зажогъ свѣчу спичками, обыкновенно лежащими у часовъ въ этой комнатѣ. Тутъ я вошолъ *одинъ* въ комнату герцогини и нашолъ ее на полу, прислоненную головою къ кушеткѣ, между окномъ и каминомъ. Я подошолъ ближе. Лицо ея было залито кровью изъ ранъ на головѣ и шеѣ. Въ первую минуту мнѣ и въ голову не пришло позвать людей, да я и не успѣлъ, такъ какъ почти въ то же время раздался стукъ у двери въ гостиную. Я отодвинулъ задвижку и увидѣлъ Мерваля, моего камердинера Августа и другихъ людей, вооруженныхъ палками, которыхъ я не успѣлъ разсмотрѣть. Шарпантье уже приходилъ въ спальню прежде меня изъ двери въ уборную. Въ крови я выпачкался, стараясь подать помощь герцогинѣ. Когда пришли люди, я минутъ двадцать разговаривалъ съ ними и нѣсколько разъ дотрогивался до убитой. Наконецъ, такъ какъ я совсѣмъ потерялся, то ушолъ не надолго къ себѣ и вымылъ тамъ руки въ тазу, а халатъ замывалъ уже послѣ, чтобы не испугать дѣтей, которымъ готовился идти сообщить о несчастіи. Однакожъ, разсказать имъ о смерти матери у меня до сихъ поръ не доставало духа. Тутъ пріѣхалъ генералъ Себастіани и говорилъ еще со мною, когда явился полицейскій комисаръ. Послать за докторомъ и комисаромъ была моя первая мысль.„

Аристидъ Брусск—Къ чему послужилъ вамъ принесенный съ собою пистолетъ, герцогъ?

Герцогъ. Собираясь поднять герцогиню, я бросилъ его, незнаю куда именно, но очень близко отъ раненой; потомъ, я опять взялъ его и, въ нервномъ раздраженіи, колотилъ имъ объ полъ, наконецъ совсѣмъ бросилъ, но куда неприпомню.

Брусск. Было-ли открыто окно въ спальнѣ?

Герцогъ. Нѣтъ.

Брусск. А была-ли отворена еще какая нибудь дверь, кромѣ двери въ уборную, когда вы входили?

Герцогъ. Я знаю навѣрное, что дверь въ гостинную была заперта на задвижку, такъ какъ я самъ потомъ долженъ былъ отпереть ее, о другихъ-же дверяхъ не могу сказать ничего положительнаго.

Брусск. Какъ очутился въ каминѣ платокъ, которымъ вы обыкновенно повязывали голову на ночь, герцогъ!

Герцогъ. Вчера я досталъ этотъ фуляровый платокъ, изъ комода, но, уже лежа въ постелѣ, замѣтилъ что онъ совершенно изорванъ и бросилъ его въ каминъ, гдѣ уже было нѣсколько бумагъ.

Digitized by Google

Бумаги эти загорѣлись сегодня утромъ отъ спички, брошенной мною въ каминъ.

Брусс. Извините герцогъ, но въ то время какъ вы воротились изъ комнаты герцогини, надобности въ огнѣ уже не могло быть, да и на вашемъ ночномъ столикѣ найденъ совершенно чистый и не развернутый головной фуляръ. Объясните намъ эти два обстоятельства.

Герцогъ. Не могу положительно припомнить для чего мнѣ былъ нуженъ огонь, хотя и сознаю, что это обстоятельство поведетъ къ важнымъ подозрѣніямъ на меня. Чтоже касается до другого фуляра, то его могли приготовить съ вечера мой человѣкъ или жена привратника. Я не замѣтилъ его, раздѣваясь, почему и вынулъ изъ комода второй разорваный платокъ. Вставать съ постели мнѣ не хотѣлось и я легъ спать безъ повязки. То, что я бросилъ изорваный платокъ въ каминъ, легко объясняется для людей знающихъ меня моимъ вспыльчивымъ характеромъ. Болѣе удовлетворительныхъ доказательствъ я привести не могу.

Брусс. — Чему приписываете вы, герцогъ, убійство вашей жены? Были ли у ней дома или въ городѣ враги, способные рѣшиться на преступленіе?

Герцогъ. — Мнѣ никогда не случалось слышать о врагахъ герцогини. Убійство это я объясняю не иначе, какъ намѣреніемъ обокрасть отель. Воры могли не ожидать возвращенія герцогини и убили ее какъ случайно встрѣтившееся препятствіе ихъ намѣреніямъ.

Брусс. — Откуда взялся зеленый шнурокъ, найденный у васъ на помочахъ и что вы думали съ нимъ сдѣлать?

Герцогъ.—Это шнурокъ отъ пороховницы или отъ сумки съ дробью, но какъ онъ очутился на мнѣ — я не знаю.

Брусс.—А откуда взялись пять веревочекъ, изъ которыхъ три разсучены, и кусокъ бѣлой тесемки, запачканной кровью, которыя нашли поутру въ карманѣ вашего халата?

Герцогъ.—Все это было дѣйствительно у меня въ карманѣ, но какъ оно тамъ очутилось не знаю. Кровь на тесемкѣ можетъ быть оттого, что я опускалъ окровавленныя руки въ карманы?

Брусс. — Я принужденъ объявить вамъ, герцогъ, что, входя въ комнату герцогини, мы замѣтили на столѣ пистолетъ съ запекшейся кровью на дулѣ и рукояткѣ; къ нему прилипли волосы и нѣсколько кусковъ кожи или мяса: это долженъ быть именно тотъ пистолетъ, который вы принесли съ собою. Покорнѣйше прошу васъ разъяснить хорошенько это обстоятельство, какъ бросающее на васъ самое сильное подозрѣніе и даже почти не оставляющее сомнѣнія, что убійца вы сами.

Digitized by Google

Герцогъ на минуту опустилъ голову и схватился за нее обѣими руками съ видомъ чрезвычайнаго утомленія и отчаянія. Такъ какъ молчаніе длилось долго, то королевскій прокуроръ Букли наклонился къ нему и сказалъ: „Умоляю васъ, герцогъ, объясните намъ все съ тою искренностью, которая прилична вашему положенію и имени". Де-Праленъ помолчалъ еще съ минуту, наконецъ поднялъ голову и сказалъ: „Еслибы г-нъ королевскій прокуроръ не отвлекъ моего вниманія на другіе предметы, я бы давно отвѣтилъ вамъ, что признаю найденный въ комнатѣ пистолетъ своимъ; что же касается до прилипшихъ къ нему волосъ и кожи, если это обстоятельство дѣйствительно существуетъ, я не могу дать на него никакихъ объясненій, такъ какъ намѣренъ былъ употребить пистолетъ для защиты, а не для нанесенія ударовъ.

Судьи были уже убѣждены, что де-Праленъ убилъ свою жену. Не было и возможности подозрѣвать еще кого нибудь послѣ столькихъ уликъ, но обвиненіе было такъ важно, что произнести его все-таки колебались. Стали продолжать розыски; у герцога нашелся ножъ съ окровавленной ручкой, кинжалъ, ятаганъ, охотничій ножъ, головная шапочка обрызганная кровью. На рукахъ у него оказались легкія ранки. Тогда судебный слѣдователь рѣшился приступить къ осмотру всего тѣла герцога.

На лѣвой рукѣ былъ синякъ, какъ будто отъ сильнаго давленія пальцами, а на правой ранка отъ укушенія; на указательномъ пальцѣ той же руки опять рана, которую герцогъ приписывалъ обжогу; на лѣвой рукѣ многіе слѣды ногтей; на лѣвой ногѣ сильный ушибъ.

Въ то же время убѣдились, что въ отелѣ не было никакихъ слѣдовъ вторженія посторонних лицъ.

Пока производились эти матеріальныя изслѣдованія, изслѣдованія нравственныя показали, что между герцогомъ и герцогиней существовали непріязненныя отношенія, въ особенности съ 1841 года, съ поступленія къ нимъ въ домъ дѣвицы Делюзи въ качествѣ гувернантки ихъ девятерыхъ дѣтей. Эта гувернантка удалена была за два мѣсяца до преступленія, по настоянію маршала Себастіани, такъ какъ требованія герцогини по этому поводу не были уважены. Молва упоминала о тайной связи, домашнихъ скандалахъ и разстройствѣ семейнаго согласія черезъ происки интригантки.

Рѣшено было произвесть слѣдствіе и по этому поводу въ первые два дня приступили къ допросу всей прислуги.

Августъ Шарпантье, первый свидѣтель, слышалъ о преступныхъ сношеніяхъ своего господина съ дѣвицей Делюзи. Онъ былъ увѣренъ, что по выѣздѣ ея изъ дома, баринъ навѣщалъ ее въ каждую

Digitized by Google

свою поѣздку въ Парижъ. 9-го августа дѣвица Делюзи провожала герцога на желѣзную дорогу и плакала, цѣлуя дѣтей.

По указанію того же свидѣтеля, найдены въ подвалѣ, подъ комнатой герцога, остатки обгорѣвшей матеріи, одинаковые съ найденными въ каминѣ, остатки полотняной сорочки съ уцѣлѣвшей перламутровой запонкой и двѣ золотыя запонки. Далѣе обломокъ кинжала.

Евфимія Дефоржъ-Мерваль, ключница, завѣдывавшая бѣльемъ у герцоговъ Себастіани и Пралена и воспитанная съ дѣтства съ госпожой де-Праленъ, показала:

Что она никогда не разставалась съ герцогиней и ея отцомъ, а съ 1824 до 1841 г. была горничною г-жи де-Праленъ. Впродолженіе этихъ семнадцати лѣтъ, согласіе между супругами сохранялось; иногда, правда, барыня плакала, но эти слезы можно было приписать только вспыльчивости герцога. Онъ иногда спорилъ съ нею, но не доходилъ до оскорбленій. Со времени вступленія въ домъ дѣвицы Делюзи, огорченія усилились и сдѣлались серьезнѣе. Всѣ люди замѣчали, что отъ барыни отдаляютъ дѣтей. Барыня никогда не жаловалась, но часто плакала, оставаясь одна и горничная не разъ находила платки, смоченные слезами. Всѣ вообще полагали, что герцогиня не совсѣмъ счастлива, что мужъ разлюбилъ ее и имѣетъ связь съ мадемуазель Делюзи... „Въ первую же минуту, прибавляетъ свидѣтельница: мнѣ пришло въ голову, что баринъ убилъ барыню. Я не сказала этого, но сильно подумала!»

Бриеоръ, привратникъ въ отелѣ, на жалованьи маршала, но опредѣленный по рекомендаціи герцога, слыхалъ о несогласіи между супругами, но никогда не старался удостовѣриться въ справедливости слуховъ. Жена его отвѣчала не такъ уклончиво. Она тоже не хотѣла доискиваться правды, но знала, что все зло приписываютъ вліянію гувернантки, съ которой баринъ имѣлъ сношенія. „Собственными глазами я ничего настоящаго не видала, но всегда чувствовала отвращеніе къ этой скверной женщинѣ. Одинъ разъ она говорила мнѣ, что барыня не проронила ни слезинки, когда ея старшая дочь уѣзжала въ Италію съ мужемъ. Я отвѣчала ей, что тѣ, которыя не плачутъ, страдаютъ часто сильнѣе тѣхъ, у кого слезы дешевы. Услыхавъ объ убійствѣ, я тотчасъ подумала, что это дѣло злодѣйки-гувернантки. Я все ждала, что ее найдутъ гдѣ-нибудь въ комнатахъ».

За дѣвицей Делюзи было уже послано, но ее не нашли въ томъ пансіонѣ Лемеръ, куда она поступила, отойдя отъ Праленовъ. Ее арестовали у г-на Реми, професора литературы, который и сообщилъ ей ужасную новость.

Судебный слѣдователь приступилъ къ ея допросу.

Digitized by Google

Дѣвица Генріэта-Делюзи-Депортъ, тридцати-пяти лѣтъ отъ роду, была прежде воспитанницей у леди Гислопъ, близь Лондона. Перваго марта 1841 года, поступила къ Праленамъ въ гувернантки, за двѣ тысячи франковъ съ квартирой и столомъ.

Таковы были ея первые отвѣты.

Брусск. Уже давно вы были неправы передъ герцогиней, не оказывая ей должнаго уваженія и стараясь лишить ее привязанности мужа и дѣтей.

Делюзи. Никогда этого не было! Когда я поступила въ этотъ домъ, дѣла шли уже очень плохо. Герцогъ хотѣлъ одинъ распоряжаться воспитаніемъ своихъ дѣтей; это сказала мнѣ и сама герцогиня. Мы много говорили объ этомъ предметѣ и она объявила, что я должна буду относиться по дѣлу воспитанія только къ герцогу. Г. де-Праленъ сказалъ мнѣ тоже самое, такъ какъ до моего вступленія къ нимъ перемѣнилось четыре гувернантки, съ которыми герцогиня не могла ужиться. Мнѣ объявлено было, что я буду обѣдать и жить съ дѣтьми въ особомъ отдѣленіи, а къ матери онѣ будутъ только ходить ненадолго. Я отвѣчала герцогу, что такія условія мнѣ не нравятся и я жить у нихъ не желаю. Тогда рѣшено было обѣдать вмѣстѣ, но наблюдать за дѣтьми предоставлено исключительно мнѣ.

Прежняя гувернантка, еще остававшаяся въ домѣ, дѣлала мнѣ множество непріятностей, въ особенности стараясь выставить меня въ дурномъ свѣтѣ въ глазахъ герцогини. Впослѣдствіи, она была въ числѣ распускающихъ слухъ, что я удаляю дѣтей отъ матери... Нѣсколько времени спустя, герцогиня пожелала принять участіе въ занятіяхъ дѣтей; результатъ вышелъ неудовлетворительный и герцогъ былъ очень недоволенъ. Съ тѣхъ поръ г-жа Праленъ оставалась въ сторонѣ. Въ то время мы переѣхали въ Во-Праленъ. Тамъ помѣстили насъ совершенно отдѣльно и мы встрѣчались только во время обѣда. Я никогда не старалась, даже при такомъ странномъ положеніи дѣла, отдалять дѣтей отъ матери, но между мужемъ и женою существовали такого рода несогласія, которыя предотвратить было не въ моей власти. Я, можетъ быть, была неправа, поступивъ въ домъ на такихъ исключительныхъ условіяхъ, но намѣренно оскорблять госпожу де-Праленъ никогда не старалась. Если я иногда горячо возражала, то всегда вслѣдствіе нанесеннаго мнѣ самой оскорбленія.

Вопросъ. Какого рода были упомянутыя вами несогласія между герцогомъ и герцогиней?

Отвѣтъ. Со стороны герцогини было желаніе подчинить своему вліянію дѣтей и въ особенности мужа, а со стороны гер-

Digitized by Google

цога твердое сопротивленіе, выражавшееся впрочемъ всегда очень мягко.

Вопросъ. Извѣстно, что въ послѣдніе четыре мѣсяца, герцогиня особенно сильно чувствовала къ вамъ ревность и совершенно была увѣрена въ существованіи между вами и ея мужемъ очень интимныхъ отношеній.

Отвѣтъ. Никогда! Никогда герцогиня не выказывала мнѣ лично чувства ревности; можетъ быть она говорила объ этомъ постороннимъ лицамъ.

Вопросъ. Гдѣ провели вы ночь съ 17 на 18 августа?

Отвѣтъ. Въ своей комнатѣ, находящейся въ связи съ пансіономъ г-жи Лемеръ.

Вопросъ. Ночуетъ ли еще кто-нибудь въ вашей комнатѣ?

Отвѣтъ. Нѣтъ. Но я окружена сосѣдками, которыя могутъ слышать малѣйшій шорохъ въ моемъ помѣщеніи.

Вопросъ. Вамъ вѣроятно извѣстно, что важныя доказательства подтверждаютъ виновность г. Праленъ въ убійствѣ своей жены?

Отвѣтъ. О, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Ради Бога скажите, что это неправда! Этого быть не можетъ! Онъ, который не могъ бывало вынести малѣйшаго страданія своихъ дѣтей. Нѣтъ! не говорите мнѣ, что есть важныя доказательства. Скажите, что есть подозрѣніе, которому нѣтъ возможности оправдаться, не такъ-ли?

И мадемуазель Делюзи, въ припадкѣ экзальтаціи, бросилась на колѣна передъ королевскимъ прокуроромъ: скажите мнѣ Бога ради, въ чемъ дѣло? Я не повѣрю обвиненію. Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что онъ не могъ этого сдѣлать. Но, если это такъ, то, Боже мой! Во всемъ буду виною я, я, такъ боготворившая его дѣтей; я не умѣла помириться съ своей участью; я писала имъ письма, которыя вы можете прочесть. Я писала, что у меня нѣтъ средствъ къ жизни; что мнѣ угрожаетъ нищета, потомучто у меня нѣтъ ни души близкой. Есть у меня одинъ дѣдъ, да и тотъ угрожалъ отказаться отъ меня. Я испугалась ожидающей меня будущности. О, какъ я была виновата! Мнѣ слѣдовало бы говорить, что я начинаю привыкать къ новой жизни, что мнѣ хорошо въ моей маленькой комнатѣ; слѣдовало бы просить ихъ забыть меня и привязаться къ матери; но ничего подобнаго я не сдѣлала. Когда мнѣ отказали, я рѣшилась умереть въ припадкѣ отчаянія. У меня была стклянка съ лауданумомъ и я ее выпила; къ несчастью, меня опять возвратили къ жизни, а жизнь предстояла тяжолая! Впродолженіе шести лѣтъ, я такъ была счастлива въ этомъ домѣ, окружонная этими дѣтьми, которыхъ обожала и которыя тоже очень любили меня. Жизнь безъ нихъ мнѣ невыносима и я сказала имъ это, въ этомъ все мое пре-

Digitized by Google

ступленіе. Одна я виновата! Напишите это, господинъ прокуроръ, умоляю васъ!

Вопросъ. Такая сильная экзальтація трудно объясняется одной вашей привязанностью къ дѣтямъ. Къ дѣтямъ-ли и къ однимъ-ли только дѣтямъ писались тѣ письма, о которыхъ вы говорите?

Отвѣтъ. О, да! Экзальтація порождается не однимъ только чувствомъ любви, развѣ вамъ это неизвѣстно! Кстому же, я и не скрою, что видя постоянную доброту, даже великодушіе ко мнѣ господина Пралена, я чувствовала къ нему глубокую привязанность; но никогда не помышляла я внести въ этотъ домъ интриги и раздора; этого я не сдѣлала-бы изъ уваженія къ дѣтямъ: никогда не рѣшилась-бы я прикоснуться губами къ чистому лбу моихъ дѣвочекъ, еслибы сознавала себя виновной. Развѣ умъ совершенно непонятно честное чувство? Сознаю, что не должна бы называть дочерей господина Пралена *своими*, но это я начала дѣлать только со времени моей переписки. Въ разговорѣ-же, я только изрѣдка называла ихъ всѣхъ *мои дѣти*.

Вопросъ. Раздѣлялъ-ли господинъ де Праленъ ваше нѣжное чувство къ нему? Вашу экзальтацію?

Отвѣтъ. Нѣтъ. Господинъ де Праленъ никогда не испытывалъ, въ отношеніи меня, ни экзальтаціи, ни нѣжнаго чувства. Но онъ видѣлъ, что дѣти страдаютъ, что мать обходится съ ними грубо.

Вопросъ. Но нельзя-же предположить, чтобы господинъ де Праленъ не нашолъ другого средства защитить дѣтей отъ грубаго обращенія, какъ рѣшившись убить жену.

Отвѣтъ. Конечно нѣтъ. Поводомъ къ убійству могла послужить боязнь процесса о разводѣ, которымъ ему угрожали каждую минуту. Въ этомъ скандалѣ, онъ видѣлъ большое несчастіе для будущности дѣтей и готовъ былъ все сдѣлать, чтобъ избѣжать его. На основаніи этого страха, герцогъ просилъ и меня во всемъ подчиниться герцогинѣ, что я и обѣщала. Жертвовать собой я была готова, но когда меня оповорили, у меня не достало силъ и я стала требовать письменнаго оправданія, которое вѣрно и надѣлало столько зла.

Вопросъ. Ваши послѣднія показанія совершенно противурѣчатъ первымъ. Оказывается, что госпожа де Праленъ имѣла не одни мнимые поводы къ ревности, которые уничтожились сами собою, но что присутствіе ваше въ домѣ причинало важный семейный раздоръ, грозящій окончиться разводомъ. Отъѣздъ вашъ не былъ результатомъ первой ревнивой вспышки. Мужъ постоянно поддерживалъ васъ противъ жены, такъ что понадобилось наконецъ вмѣшательство маршала.

Отвѣтъ. Недоброжелательство ко мнѣ выразилось особенно

Digitized by Google

сильно только въ послѣднее время. До того, я не знала какъ далеко оно заходитъ. Герцогъ никогда не оказывалъ мнѣ ничего болѣе дружескаго вниманія и уваженія и я протестую (если уже непремѣнно нужно произнести это слово) противъ того, что я была его любовницей.

Вопросъ. Однакожъ прошелъ только мѣсяцъ послѣ вашего выѣзда изъ этого дома, а впродолженіе этого мѣсяца, вы сами сознаетесь, что писали отчаянныя письма. Въ этотъ мѣсяцъ васъ навѣщалъ господинъ де Праленъ, покрайней-мѣрѣ три раза и наконецъ еще вчера вамъ назначено было явиться за полученіемъ оправдательнаго письма отъ герцогини и вчера-же по утру герцогиню убили.

Отвѣтъ. Къ сожалѣнію, я могу только настаивать на своихъ прежнихъ показаніяхъ. Въ прошедшемъ не было никакихъ тайнъ между мною и герцогомъ; ничего не предполагалось и въ будущемъ. Даже, еслибъ въ случаѣ естественной смерти г-жи де Праленъ, герцогъ предложилъ мнѣ свою руку, я отказала-бы изъ опасенія повредить его дѣтямъ своимъ неровнымъ бракомъ. О связи-же другого рода я никогда и не думала. Еслибы и любилъ меня господинъ де Праленъ, то я скорѣе согласилась-бы пожертвовать ему своей жизнью и репутаціей, чѣмъ требовать одного волоса съ головы его жены. Вы должны видѣть, что я не лгу. Должна же быть убѣдительность въ самомъ голосѣ правдиваго человѣка! Полагалось на васъ, господа!

Вопросъ. Вамъ-ли принадлежатъ эти четыре письма?

Отвѣтъ. Да.

Вопросъ. Одна фраза въ письмѣ не окончена, потрудитесь досказать вашу мысль: „Вы ничего не пишете мнѣ о вашемъ отцѣ, надѣюсь, что онъ здоровъ и попрежнему силенъ духомъ. Кажется я была-бы не такъ несчастна, сознавая что страдаю.....„ Что слѣдуетъ далѣе?

Отвѣтъ. По всей вѣроятности, я хотѣла поставить страдаю *одна* или „*за всѣхъ васъ*.„ Не могу вамъ сказать, почему я остановилась, вѣроятно по соображенію, что лучше не говорить вовсе о г-жѣ Праленъ въ этихъ письмахъ.

Вопросъ. И хорошо сдѣлали, потомучто въ письмѣ выражалось раздѣленное чувство, о которомъ не должны были знать его дочери.

Отвѣтъ. Чувство это было ничто иное, какъ участіе, выраженное можетъ быть слишкомъ сильной фразой, но за честность и чистоту котораго я отвѣчаю. Это былъ естественный результатъ шестилѣтняго житья общими интересами.

Digitized by Google

Всѣ эти отвѣты сдѣланы были съ умомъ и большимъ тактомъ *), но, тѣмъ не менѣе, раскрывали продолжительную семейную драму и бросали ужасный свѣтъ на послѣднее ея дѣйствіе какъ на конечный результатъ всего прежняго.

Необходимо было на что нибудь рѣшиться. Преступленіе совершилось. Всѣ въ одинъ голосъ признавали убійцу, но убійца былъ облеченъ титуломъ пера Франціи. Судьи ошибочно рѣшили, что улики еще не даютъ имъ права арестовать г-на Пралена и оставили его въ отелѣ подъ надзоромъ Аллара и нѣсколькихъ полицейскихъ агентовъ. Короля не было тогда въ Парижѣ, такъ что ему послали эстафету, прося разрѣшенія созвать палату перовъ по особому случаю.

Между тѣмъ, произошла важная перемѣна въ здоровьи господина Пралена, такъ что невозможно было продолжать слишкомъ строгій присмотръ.

Въ то время, какъ осматривали тѣло герцога по первому подозрѣнію, онъ былъ только немного блѣденъ, что легко объяснялось важностью минуты. Но когда наконецъ его оставили одного въ комнатѣ, открылась довольно сильная рвота. Послали за докторомъ Реймономъ, который и нашолъ, что пульсъ значительно ослабъ.

Ночью и утромъ 19-го числа снова открылась рвота. Докторъ Луи прописалъ ее припадку холеры. Послѣ ванны, больному сдѣлалось хуже, появилась страшная жажда и разслабленіе, такъ что его на креслѣ перенесли въ другую комнату.

Двадцатаго пригласили доктора Андраля. Больному стало немного лучше, но пульсъ былъ чрезвычайно слабъ, сердце билось неровно, оконечности холодѣли, такъ что явилось подозрѣніе въ отравленіи.

Разрѣшеніе созвать палату перовъ получено было въ Парижѣ вечеромъ двадцатаго августа, такъ что не могло быть напечатано въ Монитерѣ ранѣе слѣдующаго утра. Тотчасъ по обнародованіи его, призидентъ Паскье распорядился арестомъ герцога де Пралена.

Слухъ о варварскомъ убійствѣ герцогини взволновалъ Парижанъ и у замка стояли цѣлыя толпы народа.

21 августа, въ пятомъ часу утра, Пралена отвезли въ Люксамбургъ, къ самому мѣсту засѣданія палаты.

(*) Французскій авторъ, у котораго мы взяли весь этотъ разсказъ, находитъ въ отвѣтахъ гувернантки и умъ и тактъ и даже большой тактъ. Изъ-за хорошихъ фразъ и афектированнаго приличія, французъ рѣдко видитъ ложь, театральность и фальшъ въ тонѣ, пріемахъ, въ голосѣ. А между-тѣмъ этими послѣдними качествами отличается все показаніе гувернантки. Какой же тутъ тактъ, когда даже и для французовъ ея экзальтація показалась странною.

Гримпч. перевод.

Digitized by Google

Онъ былъ такъ слабъ, что пришлось внести его въ экипажъ на рукахъ. Передъ отъѣздомъ, въ карманѣ его халата нашли стклянночку лауданума пополамъ съ мышьякомъ.

Президентъ палаты перовъ, канцлеръ Франціи, въ сопровожденіи шести членовъ комиссіи: герцога Дешаза, графа Понтекулана, графа Сент-Олера, Кузена, Лапланъ-Берри и Винцента Сен-Лорана, отправился къ обвиняемому, который объявилъ, что онъ Карлъ-Гюгъ-Теобальдъ герцогъ де Шуазель-Праленъ, перъ Франціи, сорока трехъ лѣтъ отъ роду, родился въ Парижѣ.

Канцлеръ Паскье продолжалъ допросъ, несмотря на слабость больного.

Вопросъ. Вы знаете въ какомъ ужасномъ преступленіи васъ обвиняютъ; вы знаете, что множество уликъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ вашей виновности; прошу васъ, во избѣжаніе утомленія, отвѣтить намъ краткимъ сознаніемъ, потомучто опровергнуть обвиненія нѣтъ никакой возможности. *Да вы и неосмѣлитесь его опровергнуть.*

Отвѣтъ. Вопросъ поставленъ очень опредѣлительно, но у меня нѣтъ силы отвѣчать; тутъ требуются длинныя объясненія.

Вопросъ. Напрасно вы ссылаетесь на длинныя объясненія. Въ настоящемъ случаѣ, довольно сказать *да* или *нѣтъ*

Отвѣтъ. Нужно огромную силу духа, для того чтобы отвѣчать такимъ образомъ, а у меня ея нѣтъ.

Вопросъ. Однако можно обойтись, по крайнѣй мѣрѣ, безъ слишкомъ пространныхъ объясненій.

Отвѣтъ. Повторяю, что у меня не достаетъ для этого нравственной силы.

Вопросъ. Въ которомъ часу вы разстались съ дѣтьми наканунѣ преступленія?

Отвѣтъ. Было, кажется, безъ четверти одиннадцать.

Вопросъ. Что дѣлали вы послѣ этого?

Отвѣтъ. Сошолъ въ свою комнату и тотчасъ легъ спать.

Вопросъ. И вы заснули?

Отвѣтъ. Герцогъ вздыхаетъ и отвѣчаетъ: да.

Вопросъ. Рѣшились ли вы на убійство прежде чѣмъ легли спать?

Отвѣтъ. Нѣтъ. Да такія вещи и не дѣлаются обдуманно.

Вопросъ. Какая была ваша первая мысль, когда вы проснулись?

Отвѣтъ. Мнѣ помнится, что я былъ разбуженъ крикомъ и бросился въ комнату г-жи де Праленъ.

Здѣсь герцогъ прибавляетъ со вздохомъ: дайте мнѣ подышать свободно, прекратите допросъ.

Digitized by Google

Вопросъ. Знали-ли вы, входя въ комнату герцогини, что кругомъ двери заперты и кромѣ васъ никто войти не можетъ?

Отвѣтъ. Я этого не зналъ.

Вопросъ. Вы въ это утро не одинъ разъ входили въ спальню, гдѣ лежала ваша жена, когда вы вошли въ первый разъ?

Отвѣтъ. Она, къ несчастію, лежала уже на полу.

Вопросъ. Не тамъ-ли, гдѣ вы нанесли ей послѣдній ударъ?

Отвѣтъ. Почему дѣлаете вы мнѣ этотъ вопросъ?

Вопросъ. Потомучто вы не отвѣтили прежде отчего у васъ руки изранены.

Отвѣтъ. Вѣроятно я испарапалъ ихъ, укладывая вещи наканунѣ отъѣзда.

Вопросъ. А отчего у васъ укушенъ большой палецъ?

Отвѣтъ. Онъ не укушенъ.

Вопросъ. Доктора утверждаютъ, что это рана отъ укушенія.

Отвѣтъ. Пощадите меня; я совершенно ослабъ.

Вопросъ. Вамъ вѣроятно было очень тяжело видѣть себя обрызганнымъ кровью, такъ что вы тотчасъ принялись замывать ее?

Отвѣтъ. Вы придаете неправильное значеніе этимъ кровавымъ пятнамъ. Я просто не хотѣлъ показаться дѣтямъ въ крови ихъ матери.

Вопросъ. Раскаиваетесь-ли вы въ своемъ преступленіи?

Обвиненный не отвѣчаетъ.

Вопросъ. Не старался-ли кто-нибудь навести васъ на мысль объ убійствѣ?

Отвѣтъ. Никто. Едва-ли въ такихъ случаяхъ спрашиваютъ совѣта.

Вопросъ. Не мучитъ ли васъ раскаяніе и не желаете-ли вы облегчить свою душу сознаніемъ?

Отвѣтъ. Сегодня у меня совсѣмъ нѣтъ силъ.

Вопросъ. Для чего безпрестанно жаловаться на слабость, когда отъ васъ самихъ зависитъ прекратить допросъ словами *да* или *нѣтъ*.

Отвѣтъ. Еслибы здѣсь былъ докторъ, онъ нашолъ-бы, что пульсъ у меня очень слабъ.

Вопросъ. Однако, достало-же у васъ силы отвѣчать мнѣ на множество подробностей въ это время.

Герцогъ не отвѣчаетъ.

Вопросъ. Ваше молчаніе даетъ намъ поводъ думать, что вы не въ силахъ протестовать противъ обвиненія.

Отвѣтъ. Вы пришли сюда съ убѣжденіемъ въ моей виновности. Измѣнить это убѣжденіе не въ моей власти.

Digitized by Google

Вопросъ. Вы легко можете измѣнить его, разъяснивъ иначе тѣ обстоятельства, на основаніи которыхъ ваша виновность не подлежитъ сомнѣнію.

Отвѣтъ. Не надѣюсь, что успѣю дать другой оборотъ вашимъ мыслямъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, обвиненный снова сталъ жаловаться на совершенный упадокъ силъ.

Вопросъ. Думали ли вы о дѣтяхъ, совершая свое ужасное преступленіе?

Отвѣтъ. Преступленія я не совершалъ, а о дѣтяхъ думаю постоянно.

Вопросъ. Осмѣлитесь — ли вы повторить утвердительно, что вы не совершали преступленія?

Герцогъ опустилъ голову на руки и подумалъ: — Не могу отвѣчать теперь на этотъ вопросъ.

Вопросъ. Герцогъ, вы страшно страдаете, а сознаніе вѣроятно могло бы облегчить вашу душевную муку.

Обвиненный умоляетъ, чтобъ отложили допросъ до другого дня. Слабость его до того увеличилась, что принуждены были снизойти къ его просьбамъ.

Хотя во время этого допроса, и не высказано положительнаго признанія, но совершенное отсутствіе опроверженій и рѣшительный отказъ сказать *да* или *нѣтъ* могли служить несомнѣнными признаками виновности.

Далѣе допросъ не могъ продолжаться: больного вынесли почти безъ чувствъ и силы не возвращались къ нему болѣе. Къ вечеру признаки отравы были уже несомнѣнны и болѣзнь страшно усилилась.

Палата перовъ составила между тѣмъ тайное засѣданіе и королевскій прокуроръ Даланжъ, при содѣйствіи г—на Брессона, исполнявшаго обязанность генеральнаго адвоката, прочелъ слѣдующій актъ:

„Мы, генеральный королевскій прокуроръ въ палатѣ перовъ:“

„Въ силу королевскаго приказа отъ 19-го текущаго августа:“

„Въ силу 29-го пункта конституціонной хартіи“

„По случаю важныхъ обвиненій противъ Карла-Гюга-Теобальда герцога де-Шуазёль-Пралена, пера Франціи, въ убійствѣ или содѣйствіи убійству жены своей герцогини Пралень въ ночи съ 17-го на 18-е августа,

„Взявъ во вниманіе параграфы 296, 297 и 302 свода уголовныхъ законовъ,

Digitized by Google

„Просимъ о соизволеніи двора на преданіе Карла-Гюга-Теобальда герцога де-Шуазёль-Пралена, пера Франціи, равно какъ и всѣхъ соприкосновенныхъ по дѣлу объ убійствѣ совершенномъ надъ герцогиней де-Праленъ, въ ночи съ 17-го на 18-е число текущаго августа мѣсяца, суду палаты перовъ, принимая во вниманіе титулъ вышеупомянутаго герцога,

„И о разрѣшеніи государственному канцлеру и тѣмъ изъ перовъ, которыхъ онъ заблагоразсудитъ избрать, приступить къ разсмотрѣнію слѣдствія начатаго по вышеупомянутому дѣлу и о постановленіи по оному законнаго рѣшенія,

„И о разрѣшеніи представить королевскому секретарю обвинительный актъ и документы, на которыхъ основывались подозрѣнія.“

Наконецъ, президентъ спрашиваетъ, соизволитъ-ли дворъ разрѣшить ему самому довести до конца вышеизложенное дѣло.

По поводу возникшаго вопроса о неприкосновенности пера Франціи, президентъ выразилъ, что по его мнѣнію, судьи имѣютъ полное право арестовать всякого обвиняемаго, если существуетъ достаточная улика въ его преступленіи и что титулъ пера Франціи не долженъ нарушать хода правосудія; „кто будетъ утверждать“, говорилъ президентъ, „что перъ, совершившій злодѣйство въ одной изъ отдѣльныхъ провинцій не подлежитъ арестованію обыкновенными мѣстными властями и можетъ имѣть время спокойно и безнаказанно составить и привести въ исполненіе планъ бѣгства?“

И такъ, слѣдствіе началось съ новою дѣятельностью. Замѣчательнѣе всего, былъ въ немъ допросъ дѣвицы Делюзи.

На предварительные вопросы, подозрѣваемая отвѣчала, что шесть лѣтъ и три мѣсяца занималась она воспитаніемъ дѣтей господина Пралева и пользовалась уваженіемъ въ домѣ. Что дѣти скоро къ ней привязались и сама герцогиня оставалась довольна ходомъ воспитанія.

Вопросъ. Было-ли въ это время совершенное согласіе между супругами?

Отвѣтъ. Нѣтъ; гувернантка, моя предшественница, предупредила меня, что между герцогомъ и герцогиней бываютъ частыя размолвки и что мнѣ слѣдуетъ держать себя осторожно.

Вопросъ. Послѣдовали-ли вы этому совѣту?

Отвѣтъ. Долгое время, мнѣ не было нужды имъ пользоваться, такъ какъ я и дѣти жили совершенно отдѣльно.

Вопросъ. Съ какого же времени измѣнилось ваше положеніе?

Отвѣтъ. Когда дочери начали подростать, отецъ болѣе сблизился съ ними и по необходимости со мною, такъ какъ я была при нихъ безотлучно. Герцогиня видѣла насъ рѣже, потомучто безпре-

Digitized by Google

станно занята была выѣздами или жила у своего отца въ Парижѣ. Въ деревнѣ-же она, побольшей части, оставалась на своей половинѣ и нерѣдко тамъ и обѣдала. Я всегда думала, что это происходитъ отъ неизвѣстныхъ мнѣ отношеній между супругами.

Вопросъ. Заботились-ли вы, по возможности, о нравственномъ сближеніи дѣтей съ ихъ матерью, чего прямо требовала ваша обязанность воспитательницы?

Отвѣтъ. Я не разъ заговаривала объ этомъ съ г-жею Праленъ, но она никогда не хотѣла сообщить мнѣ своего взгляда на воспитаніе. Она говорила, что недовольна направленіемъ, которое далъ дѣтямъ герцогъ, но не хочетъ нарушить даннаго ему слова предоставить ихъ въ полное его распоряженіе до окончанія ученья. Ниразу неслыхала я отъ нея вопроса объ успѣхахъ или нравственности ея дочерей и ниразу не дѣлала она мнѣ другихъ замѣчаній, кромѣ замѣчаній о туалетѣ. Съ дочерьми она даже и разговаривала не часто. Когда случалось намъ быть вмѣстѣ, она обыкновенно заводила разговоръ о вопросахъ литературныхъ, въ которыхъ дѣти, по молодости лѣтъ и недостаточности развитія, не могли принимать никакого участія. Такіе разговоры только утомляли дѣтей и заставляли ихъ желать поскорѣе остаться наединѣ со мною. Они очень боялись матери, но были съ ней всегда почтительны.

Вопросъ. Не случалось-ли вамъ замѣчать, что такое удаленіе отъ дѣтей и почти совершенное одиночество были тяжелы для г-жи де Праленъ, и порождали раздоръ между ею и мужемъ?

Отвѣтъ. По совѣсти, я всегда думала, что герцогиню занимало въ то время исключительно чувство ея къ мужу, такъ что она постоянно отсылала дѣтей, желая сосредоточить его вниманіе на самой себѣ. Когда-же его не было дома, она отстранялась отъ всего нарочно, чтобъ имѣть поводъ дѣлать ему упреки за дурное положеніе домашнихъ дѣлъ. Въ деревнѣ герцогиня никогда не хотѣла принять участія въ общей прогулкѣ, особенно въ первое время. Когда герцогъ, играя съ дѣтьми, отвѣчалъ коротко на то что ему говорила герцогиня, она начинала сердиться, что на дѣтей обращаютъ больше вниманія и уходила изъ комнаты. Дѣти рано замѣтили это завистливое чувство и въ нихъ явилась какая-то скрытая раздражительность. Съ невинной злобой, свойственной дѣтскому возрасту, они старались отмстить ей, выказывая бо́льшую нѣжность къ отцу. Я видѣла весь вредъ такого настроенія, но не могла совершенно уничтожить его. Впослѣдствіи моя усилившаяся привязанность къ дѣтямъ мѣшала мнѣ быть безпристрастной въ этомъ вопросѣ, и мнѣ казалось несправедливымъ требовать сильнаго расположенія къ лицу, дѣлающему все чтобы оттолкнуть отъ себя.

Digitized by Google

Вопросъ. Изо всего что вы до сихъ поръ говорили видно желаніе всю вину сложить на герцогиню; а между тѣмъ ея ужасная кончина должна бы внушить вамъ поболѣе состраданія. Изъ словъ вашихъ трудно вывести, чтобы вы дѣйствительно старались внушать дѣтямъ тѣ чувства къ матери, ту любовь, на которую она имѣла такое неотъемлемое право. По всему видно, что вы далеко не вели себя такъ какъ того требовали несчастныя обстоятельства.

Отвѣтъ. Отъ всей души желала-бы не оскорблять памяти г-жи де-Праленъ, но вы сами требовали отъ меня правды и я считала себя обязанной высказать её безъ утайки. Я не говорю ничего дурного о ея сердцѣ или чувствахъ, но раздражительный и неуживчивый характеръ дѣлалъ ее неспособной заниматься воспитаніемъ дѣтей такихъ различныхъ возрастовъ и темпераментовъ. Въ обращеніи съ ними ей недоставало нѣжности и снисходительности; она раздражалась малостями, а тамъ гдѣ бы нужно было взыскать серьезно, являлось вредное потворство. Это-то и заставило г. Пралена просить ее отстраниться отъ воспитанія. Сначала онъ и самъ нехотѣлъ принимать въ немъ участія, но мало-помалу его склонность къ домашней жизни и привязанность къ дѣтямъ заставили измѣнить первоначальное рѣшеніе. Это раздражило г-жу де Праленъ, до того времени легко покорявшуюся установленному порядку. При вступленіи моемъ въ домъ она спокойно объявила мнѣ, что дочери останутся подъ моимъ исключительнымъ руководствомъ до начала ихъ выѣздовъ.

Вопросъ. Изъ сказаннаго все таки слѣдуетъ, что власть, вышедшая изъ рукъ герцогини, окончательно перешла въ ваши, а съ нею и любовь, которой дѣти обязаны матери. Если даже все это дѣлалось и помимо вашей воли, то не могли же вы не замѣтить, какія изъ этого выходятъ послѣдствія, и вашею прямою обязанностію должно-бы было быть устраненіе ихъ.

Отвѣтъ. Мнѣ никогда не приходило въ голову соперничать съ герцогиней,—я просто полюбила дѣтей и отдалась имъ всею душою: ихъ горе было моимъ горемъ, ихъ радость—моею радостію. Шесть лѣтъ я проводила съ ними и дни и ночи; понятно, что и они привязались ко мнѣ со всѣмъ жаромъ свойственнымъ дѣтскому возрасту. У меня небыло ни родныхъ, ни друзей, такъ что мнѣ легко было сосредоточить всѣ свои чувства на исполненіи моей святой обязанности.

Вопросъ. Невозможно, чтобы вы наконецъ не замѣтили какой причиной раздора вы стали между мужемъ и женою. Почему не пришло вамъ тогда на мысль принести въ жертву свое самолюбіе

Digitized by Google

и употребить все пріобрѣтенное вами вліяніе на внушеніе дѣтямъ ихъ настоящаго долга?

Отвѣтъ. Что касается собственно до меня, то я долго оставалась равнодушна къ непріязненнымъ чувствамъ г-жи де Праленъ, имѣя случай убѣдиться, что имъ болѣе или менѣе подвергались всѣ особы, принужденныя имѣть какія либо столкновенія съ ея мужемъ. Впослѣдствіи, когда распространились обо мнѣ дурные слухи въ свѣтѣ, я рѣшилась на откровенное объясненіе. Герцогиня сочла оскорбительнымъ для себя подобный поступокъ со стороны особы, столь неровной ей по общественному положенію. Оскорбленная въ свою очередь, я рѣшилась никогда болѣе не возвращаться къ откровенностямъ подобнаго рода. Что же касается расположенія дѣтей, то какая же мать не съумѣетъ сама пріобрѣсти его, если на то есть ея искреннее желаніе.

Вопросъ. Вы сказали вначалѣ, что г. де-Праленъ наконецъ совершенно жилъ только въ обществѣ васъ и своихъ дѣтей?

Отвѣтъ. Герцогъ далеко не всю жизнь посвятилъ однимъ дѣтямъ; только безконечныя прогулки г-жи де-Праленъ въ деревнѣ и постоянные ея выѣзды и пріемы въ Парижѣ были причиною, что герцогъ проводилъ часы лѣтнихъ рекреацій и долгіе зимніе вечера одинъ въ нашей классной комнатѣ. Во все время дѣтей ни разу не выводили въ гостиную.

Вопросъ. При вашей манерѣ отвѣчать, вся вина остается на сторонѣ герцогини. Это особенно тяжело слышать людямъ, имѣвшимъ случай только что прочесть письма этой прекрасной женщины. Въ особенности два письма, адресованныя собственно вамъ, гдѣ она предлагаетъ позабыть всѣ недоразумѣнія, существовавшія между вами. Можетъ быть она была бы въ правѣ написать, что *прощаетъ* вамъ, но у ней не вырвалось этого слова. Другое письмо писано уже по вашемъ отъѣздѣ, и въ немъ вамъ обѣщаютъ расположеніе и протекцію, не считая пансіона въ 1,500 франковъ, назначеннаго вамъ ежегодно въ благодарность за попеченія о дѣтяхъ.

Отвѣтъ. До сихъ поръ я говорила вамъ только о томъ что касалось дѣтей г-на Пралена и системы ихъ воспитанія. Со мною же лично, равно какъ и съ другими особами, гораздо болѣе меня пользовавшимися расположеніемъ герцогини, обращеніе ея было неровно и часто странно. Много приходилось выстрадать моему самолюбію, но иногда она вдругъ дѣлалась любезна. Послѣ жестокой сцены и упрековъ за то, что я захватила всю власть въ свои руки, она призывала меня къ себѣ и просила употребить мое вліяніе для исполненія какого нибудь изъ ея желаній. Часто вслѣдъ за жестокимъ оскорбленіемъ она дѣлала мнѣ богатые подарки и даже

Digitized by Google

въ послѣдніе дни моего пребыванія, въ то время какъ меня скорѣй выгоняли чѣмъ отпускали обыкновеннымъ образомъ, г-жа де-Праленъ, встрѣтясь со мною въ одной изъ алей парка, вдругъ очень мило заговорила и даже прислала мнѣ книгъ для развлеченія.

Вопросъ. Все это подтверждаетъ мои слова о добротѣ герцогини, добротѣ тѣмъ болѣе замѣчательной, что она постоянно являлась тотчасъ вслѣдъ за какимъ нибудь сильнымъ огорченіемъ.

Отвѣтъ. По моему мнѣнію, та же самая доброта можетъ служить и доказательствомъ, что всѣ огорченія герцогини происходили отъ ея раздражительнаго характера; она ихъ себѣ создавала.

Вопросъ. Къ несчастію эта раздражительность оправдывалась слишкомъ многими обстоятельствами, которымъ вы не мало содѣйствовали. Развѣ переписка ваша съ герцогомъ и дѣтьми не способствовала усиленію неудовольствія, существовавшаго уже по случаю вашего выѣзда изъ дома? Даже когда вы говорили имъ о покорности судьбы, въ рѣчахъ вашихъ высказывалось тайное желаніе сохранить къ себѣ то нѣжное чувство, которое безъ того слишкомъ сильно было во всѣхъ сердцахъ и взрывъ котораго въ сердцѣ г-на Пралена имѣлъ такую кровавую развязку.

Отвѣтъ. Клянусь вамъ, что не было въ этихъ письмахъ ни заранѣе обдуманныхъ фразъ и никакой задней мысли; я чувствовала себя одинокой и съ слишкомъ сильнымъ жаромъ выражала свое отчаяніе. О, какъ теперь я себя упрекаю за это! А все-таки тутъ не было намѣренія отвлекать дочерей отъ матери. Дѣло зашло такъ далеко, что не мнѣ было его поправить: все зависѣло отъ г-жи де Праленъ. Чувствую теперь и увы! слишкомъ поздно, что мнѣ слѣдовало бы уѣхать, дать успокоиться чувствамъ бѣдныхъ дѣтей, но все же я вѣдь не старалась усилить зла! Я высказывала всѣ свои страданья, но въ тоже время и поощряла ихъ къ терпѣнію. Хуже всего сдѣлали что рѣшили разомъ прервать шестилѣтнюю привязанность ко мнѣ дѣвушекъ. Если-бы г-жа де Праленъ согласилась объясниться со мною, взять подъ свое вѣдѣніе нашу переписку, не запрещать ее, обѣщать намъ хотя изрѣдка видѣться, наша экзальтація никогда не дошла-бы до такой степени.

Вопросъ. Въ каждомъ вашемъ отвѣтѣ, находится хоть одно обвиненіе противъ несчастной герцогини.

Мадемуазель Делюзи отвѣчала ужь со слезами:“ видитъ Богъ что я не желала-бы говорить того, что обязана была высказать. Она умерла, а я съ радостію отдала-бы не только свою жизнь, но и рѣшилась-бы подвергнуться всевозможнымъ мученіямъ для того, чтобы воскресить ее. Никто не могъ такъ прослѣдить, какъ я въ эти шесть лѣтъ, всѣхъ подробностей этого страннаго существованія,

Digitized by Google

этихъ необъяснимыхъ переходовъ отъ горя къ радости, отъ кротости къ гнѣву, отъ сарказма къ любезности. Увѣряю васъ, что чувствую всю тяжесть выпавшей мнѣ роли. О, конечно никому, кромѣ васъ, не выказала-бы я ничего кромѣ уваженія и глубокаго сожалѣнія о покойницѣ. О, я не защищаюсь, но стараюсь только раскрыть истину.

Мадемуазель Делюзи разсказала потомъ, что, по выходѣ изъ замка, три раза видѣла г-на де Пралена; первый разъ, онъ былъ съ сыномъ и дочерью; второй вызывалъ ее къ каретѣ, а третій разъ, 17-го Августа, пріѣзжалъ съ тремя дочерьми и младшимъ сыномъ. Въ тотъ день какъ герцогъ пріѣзжалъ одинъ, онъ попросилъ ее войти въ карету, чтобы переговорить о занятіяхъ третьей дочери, Мадемуазель Мари, которая поступила подъ руководство самой герцогини. Мадемуазель Делюзи не одобрила избраннаго способа преподованія, слишкомъ серьезнаго для такой молоденькой дѣвушки и совѣтывала г-ну Пралену дать ребенку отдохнуть лѣтомъ, пожить въ деревнѣ и продолжать потомъ болѣе правильный курсъ ученья въ одномъ изъ монастырей.

Вопросъ. Что произошло между вами въ послѣднее посѣщеніе герцога, его трехъ дочерей и младшаго сына?

Отвѣтъ. Въ этотъ разъ дѣти были очень растроганы, долго цѣловали меня и плакали. Потомъ я въ общихъ чертахъ разсказала г-ну Пралену, что г-жа Лемеръ, директриса того пансіона, въ которомъ я прожила этотъ мѣсяцъ, желала-бы предложить мнѣ мѣсто, но нѣкоторые слухи, касающіеся моей репутаціи, заставляютъ ее обратиться къ г-жѣ де Праленъ съ просьбою оправдать меня письменно. Герцогъ пожелалъ переговорить съ г-жею Лемеръ и когда возвратился снова ко мнѣ, я просила его не придавать слишкомъ большого значенія этому требованію, такъ какъ оно могло быть только уловкой, чтобы заставить меня согласиться на не со, всѣмъ выгодныя условія. Г. де Праленъ спѣшилъ воротиться домой, чтобы не подвергнуть дѣтей упрекамъ за слишкомъ долгую бесѣду со мною. Послѣднія слова наши были „до завтра!„ такъ какъ рѣшено было въ полдень слѣдующаго дня всѣмъ собраться въ отелѣ, а въ два часа, я должна была почтительно сдѣлать попытку къ примиренію.

Вопросъ. Давалъ-ли вамъ герцогъ обѣщаніе или надежду получить требуемое письмо?

Отвѣтъ Онъ сказалъ г-жѣ Лемеръ, что дѣло это нелегко уладить, потому что г-жа де Праленъ желаетъ моего отъѣзда за границу.

Вопросъ. Не замѣтили-ли вы особаго волненія въ герцогѣ, когда онъ прощался съ вами?

*

Digitized by Google

Отвѣтъ. Нѣтъ, онъ сказалъ только: какъ жаль, что мнѣ досталась такая скверная роль въ этомъ дѣлѣ! Жаль мнѣ васъ! Впрочемъ онъ казался спокойнымъ...

Вопросъ. Не случилось-ли вамъ слышать отъ герцога какого нибудь слова, имѣющаго связь съ совершоннымъ имъ преступленіемъ.

Отвѣтъ. Клянусь всѣмъ святымъ, что ничего подобнаго не слыхала. Не знаю, имѣю-ли право высказать здѣсь нѣкоторыя вещи, извѣстныя мнѣ одной и доказывающія, что г-нъ де Праленъ всегда отличался спокойствіемъ. Мнѣ случалось слышать нѣсколько разъ какъ герцогиня угрожала лишить себя жизни. Разъ, въ Водрелѣ, герцогъ изрѣзалъ себѣ руки, отнимая у ней оружіе; въ другой разъ въ Діеппѣ, вслѣдствіе сцены, которой я не была свидѣтелемъ; мы съ дѣтьми услыхали, что она убѣжала на улицу, грозя броситься въ море. Въ полночь, г-нъ де Праленъ нашолъ ее въ одной изъ лавокъ, преспокойно закупающую нѣкоторыя вещи, по свойственной ей измѣнчивости въ характерѣ. Во всѣхъ этихъ, часто повторявшихся случаяхъ, герцогъ совершенно умѣлъ владѣть собою.

Вопросъ, Развѣ всѣ эти крайности недоказываютъ глубокаго страданія, которое испытывала герцогиня. Какъ же должна была тяготить васъ мысль, что причиной этихъ страданій вы, и какъ вѣроятно тяготитъ она васъ теперь!

Отвѣтъ. Первое покушеніе герцогини на самоубійство случилось раньше моего поступленія къ ней; де Праленъ разсказалъ мнѣ о немъ съ тою цѣлію, чтобы я умѣла при случаѣ избѣжать съ нею столкновеній. Другія же попытки этого рода такъ быстро смѣнялись весельемъ, что я считала ихъ послѣдствіями экзальтированнаго воображенія скорѣе, чѣмъ результатомъ истиннаго несчастія.

Вопросъ. Извѣстно-ли вамъ было намѣреніе герцогини хлопотать о разводѣ?

Отвѣтъ. Да. Аббатъ Галляръ, приходившій ко мнѣ отъ имени Маршала требовать моего удаленія, грозилъ скандаломъ въ случаѣ моего отказа; какъ будто я имѣла право отказывать. А г. Ріанъ, нотаріусъ г-жи де Праленъ, къ которому я обратилась за объясненіемъ такой неожиданной немилости, также сказалъ мнѣ, что вѣроятно подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ, герцогиня рѣшилась просить развода. Мнѣ кажется однакожъ, что герцогъ считалъ это только временной угрозой.

Вопросъ. Говорилъ-ли вамъ самъ герцогъ объ этомъ обстоятельствѣ?

Отвѣтъ. Когда герцогъ объявилъ мнѣ, что всѣ его усилія и доводы герцогинѣ и Маршалу, объ оставленіи меня въ домѣ до замужества вто

Digitized by Google

рой дочери оказались безполезны, я горько-заплакала. Тогда онъ сказалъ мнѣ: умоляю васъ, уступите не раздражая герцогини, потому что скандалъ, о которомъ вамъ говорили, вѣроятно будетъ заключаться въ разводѣ, а тогда репутація моихъ дочерей, погибнетъ.

Вопросъ. Мысль о разводѣ вѣроятно возникла около времени вашего удаленія изъ замка?

Отвѣтъ. Да. Это было за мѣсяцъ до моего отъѣзда и съ этого времени, г-жа де Праленъ перестала выходить за общій столъ. Герцогъ просилъ ее неотдаляться такъ отъ дѣтей, но она отвѣчала, что не желаетъ видѣть меня раньше дня моего выѣзда изъ дома.

Вопросъ: Въ вашей перепискѣ говорится о клеветѣ. Объясните какого рода была эта клевета.

Отвѣтъ. Гг. Галляръ и Ріонъ передавали мнѣ, что ходятъ слухи о моей связи съ герцогомъ. Тѣже самые слухи преслѣдовали меня и впослѣдствіи, доходя съ разныхъ сторонъ до ушей г-жи Лемеръ.

Изъ этого длиннаго и интереснаго допроса, конечно нельзя было извлечь положительнаго доказательства участія въ преступленіи. Подозрѣніе могло только основываться на нѣкоторыхъ письмахъ герцогини и самой Делюзи, скрывающихъ разные фазисы этой длинной и таинственной драмы. Сильнѣйшая страсть, законная ревность и самое ужасное отчаяніе выражались въ каждой строкѣ писемъ г-жи де Праленъ. Въ нихъ видно было какъ мало-помалу собиралась гроза, которой предстояло разразиться такимъ страшнымъ ударомъ.

„Эти письма, говорилъ президентъ Паскье, адресованныя человѣку такъ мало достойному, эти изліянія одной изъ высшихъ душъ, созданныхъ на украшеніе нашего міра, могли-бы дать право, всякому прочитавшему ихъ, осудить въ своемъ сердцѣ того кто самъ поспѣшилъ осудить себя.... Собраніе ихъ, вѣчный памятникъ преступленія одного изъ величайшихъ грѣшниковъ, можетъ служить въ тоже время и утѣшеніемъ, открывая, что подлѣ самыхъ сильныхъ злодѣйствъ, провидѣніе ставитъ, во всѣхъ классахъ общества, и ангельскія добродѣтели, давая такимъ образомъ человѣчеству возможность отдохнуть душою и даже примириться съ первыми во имя послѣднихъ.“

Но мы возвратимся къ письмамъ, когда доскажемъ всѣ подробности этого драматическаго процесса.

22-го числа, по первому подозрѣнію въ отравленіи, г-ну Шевалье поручено было изслѣдовать рвоту, происшедшую еще въ отелѣ Себастіани. Онъ не нашолъ въ ней никакихъ слѣдовъ яда.

23-го, баронъ Паскье, первый королевскій хирургъ Амбруазъ

Digitized by Google

Тардье и Шевалье свидѣтельствовали пистолетъ, обломокъ кинжала, рукоятъ его и ножны найденные въ кабинетѣ герцога. На всѣхъ частяхъ кинжала найдены слѣды крови. Такимъ именно оружіемъ (обоюду-острый корсиканскій кинжалъ) были нанесены раны г-жѣ де Праленъ. Удары въ голову, очевидно, сдѣланы были пистолетомъ, что показывали присохшіе клочья волосъ и кожи.

23-го, состояніе больного ухудшилось, почти не оставалось сомнѣнія въ отравленіи. Герцогъ началъ чувствовать всѣ признаки воспаленія въ пищеварительномъ каналѣ. Языкъ былъ особенно красенъ, явилась неутолимая жажда, дыханіе сдѣлалось тяжело, но умственныя способности еще не угасали.

24-го утромъ, больной былъ въ отчаянномъ положеніи. Канцлеръ Паскье прислалъ къ нему священника; больной пріобщился и сталъ спокойнѣе.

По просьбѣ семейства, къ умирающему приходилъ главный референдарій, которому герцогъ признался, что принялъ ядъ какъ только замѣтилъ что его начинаютъ подозрѣвать.

„Но, герцогъ, отравиться въ подобномъ случаѣ, равносильно признанію.... Герцогъ промолчалъ, потомъ съ живостію сталъ отрекаться отъ всякого признанія; слова его прерывались болѣзненными криками.

„Ваши тѣлесныя страданія, безъ сомнѣнія, усиливаются отъ мученій душевныхъ, говорилъ ему референдарій, не чувствуете-ли вы потребности облегчить себя покаяніемъ. Семейство ваше убѣждено что вы рѣшились на свое ужасное преступленіе только въ припадкѣ безумной вспышки и теперь глубоко о немъ сожалѣетъ.“

Тогда поднявши руки и глаза къ небу, больной произнесъ слабымъ, но внятнымъ голосомъ: „О, да, глубоко сожалѣю!»

Референдарій воспользовался этой минутой и сталъ убѣждать герцога, что для примиренія съ божескимъ и человѣческимъ правосудіемъ, необходимо, чтобы раскаяніе сдѣлалось также гласнымъ, какъ и преступленіе, и что въ признаніи можно, покрайней мѣрѣ, объяснить причину увлекшаго его безумства. Для этого, онъ предлагалъ тотчасъ-же пригласить канцлера или принять самъ исповѣдь лично. — Умирающій, казалось, боролся самъ съ собою, наконецъ отвѣчалъ, что сегодня онъ слишкомъ слабъ и боленъ, но проситъ канцлера на слѣдующій день.

Физическое и нравственное состояніе больного было въ такомъ отчаянномъ положеніи, что настаивать сдѣлалось невозможно; доктора объявили, что нѣтъ надежды и дѣйствительно герцогъ умеръ въ тотъ-же день, около половины пятаго.

Digitized by Google

Химическій анализъ, произведенный докторами Орфилою и Тардье, показалъ присутствіе огромнаго количества мышьяка.

Припомнимъ въ этомъ случаѣ слова доктора Орфилы въ процессѣ Лафаржъ:» Симптомы отравленія разнообразны до безконечности: одинъ еще долго можетъ прожить послѣ пріема мышьяка, другой умираетъ мгновенно. Одинъ изъ преступниковъ Суффларъ, умеръ въ моихъ глазахъ, со всѣми признаками Азіатской холеры.“

Въ понедѣльникъ 30-го апрѣля, дворъ, собравшійся въ тайномъ засѣданіи, слушалъ донесеніе канцлера о ходѣ дѣла.

Виновность умершаго окончательно признавалась въ донесеніи. „Предположенія наши, къ несчастію оправдались, говорилъ Паскье. Онъ самъ осудилъ себя. Смерть его послѣдовала ровно семь дней спустя послѣ того, какъ онъ такъ варварски принесъ въ жертву невиннѣйшую, чистѣйшую и интереснѣйшую изъ женщинъ. Этой недѣли было однакожъ достаточно для того, чтобы слѣдствіе, начатое обыкновенными судьями и продолжаемое потомъ отъ лица палаты перовъ, раскрыло всѣ ужасныя обстоятельства, подтверждающія виновность умершаго....

„Всѣ улики были необыкновенно ясны и не оставляли возможности подозрѣвать кого либо другого въ этомъ неслыханномъ злодѣйствѣ. Герцогиня де Праленъ убита своимъ мужемъ, имѣвшимъ съ нею десять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ девять еще и теперь живы. Знатность ея рода ни въ чемъ не уступала знатности происхожденія мужа, природа и воспитаніе щедро излили на нее свои дары. Я не говорю уже о значительномъ богатствѣ, которымъ она умѣла такъ великодушно пользоваться, помогая несчастнымъ.“

И такъ погибъ этотъ ангелъ.... Не достало-бы словъ передать вамъ что я испытывалъ, раскрывая подробности этой раздирательной драмы.“

Смерть преступника не дала совершиться наказанію. „А кара, въ этомъ случаѣ, должна-бы была равняться преступленію, говорилъ Паскье. Въ такомъ дѣлѣ, яснѣе чѣмъ гдѣ нибудь, слѣдовало-бы проявиться равенству всѣхъ передъ закономъ.“

„Найдутся многіе, продолжалъ канцлеръ, которые будутъ думать, что обвиненному даны были средства избѣжать позора отравой (какъ будто позоръ уже не заключается въ самомъ злодѣйскомъ дѣйствіи) и добровольной смертью избѣжать смерти отъ руки палача.“

На подобныя подозрѣнія, отвѣчали самыми строгими розысками. Открыты всѣ малѣйшія подробности о причинахъ, средствахъ и времени отравленія. Вотъ результатъ этихъ розысковъ:

Digitized by Google

Вопервыхъ, самъ г-нъ де Праленъ признался референдарію, утромъ 24-го числа, когда врачи предсказали уже его близкую смерть, что привезъ ядъ изъ деревни, гдѣ постоянно держалъ его для истребленія вредныхъ животныхъ, а принялъ его 18-го числа. Тогда уже оказались несостоятельными всѣ планы, посредствомъ которыхъ онъ надѣялся оправдаться. Видя, какъ быстро собираются со всѣхъ сторонъ улики, онъ рѣшилъ отравиться и вѣроятно думалъ, что ядъ окажетъ свое дѣйствіе гораздо раньше.

Ядъ могъ быть принятъ 18-го числа не много раньше, не много позже, но такъ, что къ десяти часамъ вечера началась уже сильная рвота. Въ ночь и весь слѣдующій день, болѣзнь возрастала. Рвота прекратилась къ вечеру 19-го числа, но осталась большая слабость. Остатокъ дня и вся ночь прошли плохо, однако все еще не догадывались о настоящей причинѣ страданія и лечили ошибочно. Въ пятницу, двадцатаго числа, герцогу сдѣлалось лучше, что и обмануло доктора Андраля. Но когда обвиненный былъ уже Люксембургѣ и молчаніе его на первомъ допросѣ не оставило сомнѣній въ виновности, состояніе его здоровья такъ ухудшилось, что невозможно было дѣлать дальнѣйшихъ розысканій и отъ умирающаго могли добиться только немногихъ, безсвязныхъ словъ.

Итакъ въ отношеніи г-на Пралена все было кончено; покрайней мѣрѣ ничего не оставалось на долю человѣческаго суда. Слѣдовала другая личность, дѣвица Делюзи. Генеральный прокуроръ потребовалъ перенесенія дѣла этой второй обвиненной въ первую инстанцію парижскаго суда, на что дворъ изъявилъ немедленное согласіе.

Всѣ дальнѣйшіе розыски почерпались изъ переписки, захваченной въ Парижѣ или въ Во-Праленѣ и раскрывавшей всѣ грустныя подробности дѣла. Мы постараемся привести ее здѣсь вмѣстѣ съ разсказами другихъ дѣйствующихъ лицъ въ этой семейной драмѣ.

Госпожа де Праленъ вышла замужъ въ октябрѣ 1824 го года (въ то время былъ еще живъ отецъ ея мужа), а дѣвица Делюзи Депортъ поступила къ ней въ гувернантки 1-го марта 1841 года. Въ этотъ семнадцатилѣтній періодъ, наполненный счастіемъ первыхъ лѣтъ супружества, а впослѣдствіи, болѣе серьезнымъ чувствомъ материнской любви, у герцогини родилось десять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ девятеро осталось въ живыхъ. Если и проявляются, въ продолженіи этого времени, нѣкоторыя страницы въ дневникѣ молодой женщины, свидѣтельствующія о небольшихъ вспышкахъ ревности, то все таки замѣтно, что до серьезнаго горя еще далеко. Съ 1841 года горизонтъ заволакивается тучами. Сдѣлавшись послѣ смерти отца наслѣдникомъ Во-Пралена, герцогъ рѣ-

Digitized by Google

нилъ провести лѣто (которое прежде проводилось въ Водрелѣ, имѣніи жены) въ этомъ помѣстьѣ.

Г-нъ де Праленъ съ любовью занимался реставрированьемъ этого замка, бывшаго свидѣтеля болѣе чѣмъ царственной роскоши обергофмаршала Фуке, но во всѣхъ его планахъ замѣчалась забобота только о самомъ себѣ; о госпожѣ де Праленъ нерѣдко не бывало помина. Семнадцатилѣтняя нѣжность измѣнилась въ нѣсколько дней и герцогъ объявилъ, что теперь будетъ жить на отдѣльной половинѣ. Въ тоже время съ герцогини взято обѣщаніе не вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей.

Къ этому времени, относится слѣдующее письмо, краснорѣчивое, страстное и безпорядочное, какъ сама любовь. Это пѣсня пѣсней покинутой супруги. Ее изгнали изъ сердца и объятій возлюбленнаго, но она всегда оставалась вѣрна своему долгу. Вся вина ея въ ревности и экзальтаціи, то есть въ любви. И дѣйствительно, госпожа де Праленъ слишкомъ сильно любила, слишкомъ высказывала свое чувство и слишкомъ много требовала. Въ самой законной любви должны быть свои хитрости, своего рода кокетство, а герцогиня умѣла быть только женою въ христіанскомъ смыслѣ. Корсиканка по отцу а Куаньи по матери, она соединяла въ себѣ гордость и жосткость своихъ предковъ. Ея добродѣтель была высока, благородна, но жостка и немилосерда.

„Зачѣмъ не хочешь ты, мой милый, излить мнѣ свою душу? Ты изгоняешь изъ нашей жизни всю прелесть взаимнаго довѣрія. Развѣ ты думаешь, что быть одинокимъ значитъ быть независимымъ; такъ, по крайней мѣрѣ, ты стараешься думать. Ты называешь требовательностью желаніе раздѣлять твои заботы; ты не хочешь, чтобъ я ихъ замѣчала, но для этого нужно быть мнѣ чужимъ и совершенно оттолкнуть меня. Сколько долгихъ дней мнѣ еще нужно, чтобы дойти до совершеннаго равнодушія къ человѣку любимому больше всего на свѣтѣ! Развѣ ты можешь серьезно вѣрить, что сердце мое не разобьется до этого времени? Ты не желаешь видѣть меня печальной, но вѣдь тебѣ извѣстны и причина печали и утѣшеніе какое мнѣ нужно. Я вижу, что ты тоскуешь; знаю, что въ моемъ сердцѣ нашлась-бы цѣлая бѣздна любви и утѣшенія, а ты отвергаешь меня! Развѣ я не подруга всей твоей жизни, не половина твоего существа, не та, которая обязана смягчать и раздѣлять всѣ твои горести и удовольствія? Еслибы ты былъ болѣнъ, кто сталъ-бы ходить за тобою? Развѣ тогда ты оттолкнулъ-бы мою руку? А печаль таже болѣзнь души. Зачѣмъ же отвергать подругу, данную тебѣ Богомъ для раздѣленія всей твоей жизни! Твое сердце

Digitized by Google

способно понимать потребности любви, соединенія во едино двухъ родныхъ душъ.

„Это моя жосткость такъ отдалила тебя. Ты никогда не сказалъ бы другому, что жена не должна быть половиною сердца и всего существа своего мужа. Ты способенъ понять такое счастье, ты чувствуешь его потребность, но боишься моей подозрительности и требовательности".

„Повѣрь мнѣ, Теобальдъ, четырехъ—мѣсячное горе и раскаяніе меня исправили. Я требую твоей откровенности для того, чтобы утѣшить, успокоить, а не раздражать и критиковать тебя. Клянусь тебѣ, что не стану стараться имѣть вліяніе надъ тобою; я слишкомъ сознаю превосходство твоего характера и разсудка; я хочу только улучшить твою жизнь, пролить бальзамъ утѣшенія на раны твоего сердца. Ты разстался со мной, боясь что я захочу подчинить тебя своему вліянію; клянусь тебѣ, именемъ моей и твоей любви, всѣмъ что есть на землѣ святого, что ищу только твоей любви, твоего довѣрія, возможности отдать тебѣ всю мою душу! Я во всемъ буду подчиняться тебѣ; не буду мучить тебя ревностью; никогда не осмѣлюсь упрекать или подавать совѣты. Я слишкомъ раскаяваюсь, слишкомъ страдаю отъ прошлаго, чтобы желать опять возобновить его!"

„Мы еще молоды для одиночества, Теобальдъ! Какъ! Мы любимъ другъ друга, оба сознаемъ себя чистыми и должны будемъ жить разной жизнію. О, не давай мелкому самолюбію заглушить голоса сердца! Клянусь, что жажду одной любви, одного довѣрія, одной близости съ тобою: я буду любящей, но пассивной половиной твоего существа. Другъ мой, довѣріе есть супружество сердецъ, откровенность есть его ласка, а счастье и добродѣтель плоды этого союза. Повѣрь мнѣ, никогда я не употреблю во зло твоей доброты, твоей нѣжности. Твои признанія примутся моимъ сердцемъ съ тою-же нѣжностью и тайной, какъ и твои поцѣлуи.

„Прими опять свою Фанни; попробуй еще разъ обратиться къ ней съ довѣріемъ и лаской, и ты увидишь, что будешь счастливѣе. Ты стараешься развлечься, но счастливъ ли ты на самомъ дѣлѣ? О нѣтъ мой другъ, нельзя съ твоимъ сердцемъ довольствоваться нашей теперешней жизнью. У твоей жены нѣтъ другого счастія, другой любви, другой семьи, другой опоры кромѣ тебя. О, не будь глухъ къ ея мольбамъ, къ ея раскаянію, къ ея клятвамъ, потому что она тебя любитъ и вся ея жизнь будетъ состоять изъ любви и благодарности.

„Ты оттолкнулъ ее, какъ виновную; она не смѣетъ прійти къ тебѣ, открыть тебѣ свое сердце, осыпать тебя ласками, умолять

Digitized by Google

тебя. Ты изгналъ ее изъ своего сердца и своихъ объятій; что жъ бы ты сдѣлалъ въ случаѣ невѣрности? Она плачетъ всѣ дни и ночи, простаиваетъ у твоихъ дверей, не осмѣливаясь перешагнуть за нихъ, изъ боязни что ее упрекнутъ за это на утро. Другъ мой, въ память прошлаго счастія, о которомъ ты самъ позволилъ мнѣ напоминать въ минуты серьезныхъ размолвокъ, не отталкивай меня болѣе; возврати мнѣ свое довѣріе, свою любовь; согласись принять попеченіе отъ женщины, существующей рѣшительно только любовью къ тебѣ. За что ты разлюбилъ меня, мой милый? За мною вспыльчивость и подозрительность; но развѣ могла я когда нибудь устоять противъ твоей ласки? Не будь безжалостенъ, сердце мое разрывается на части! Теобальдъ, сжалься надъ любящей женщиной! Повѣрь мнѣ свое счастье, какъ я повѣряю тебѣ свое! Умоляю тебя, не отказывай мнѣ. Ты увидишь, что я не буду ни требовательна, ни рѣзка, ни подозрительна, если только будетъ ко мнѣ немножко нѣжности; я хочу знать всѣ твои горести, все твое сердце и обѣщаю тебѣ счастіе. Другъ мой, милый мой, вѣрь мнѣ!

„Еслибъ ты зналъ какъ я была счастлива, когда твой отецъ хвалилъ тебя сегодня и говорилъ, что ты можешь все что захочешь. О, я была горда и счастлива! только меня это не удивляетъ, вѣдь я давно знаю чего ты стоишь. Твоя жена слишкомъ горда, слишкомъ счастлива твоими успѣхами, слишкомъ любитъ тебя чтобы не имѣть права раздѣлять всѣхъ твоихъ думъ и заботъ. Теобальдъ, я живу для тебя и тобою. Чѣмъ важнѣе была моя вина, тѣмъ великодушнѣе съ твоей стороны простить ее. Да, моя любовь, преданность и раскаяніе заслуживаютъ прощенія. О, не разбивай моего сердца, другъ, прости, ты вѣдь любилъ меня! будь увѣренъ, что не раскаешься въ своемъ снисхожденіи. Развѣ ты думаешь тебѣ не станетъ легче, когда ты, положивъ голову на грудь любящей тебя женщины, изольешь свое горе? Развѣ я не съумѣю разсѣять твоихъ думъ словами любви и участія? О, не жертвуй своимъ и моимъ счастьемъ пустому страху подпасть подъ мое вліяніе; нѣтъ, я вовсе забуду себя. Развѣ ты станешь меньше мужчиной, если подлѣ тебя будетъ преданный другъ? Малѣйшее твое желаніе будетъ теперь закономъ; я буду сильна и разумна; буду утѣшеніемъ въ твоей жизни. Союзъ нашихъ сердецъ будетъ священной тайной только между нами двоими. О, мы могли-бы быть такъ счастливы, еслибы ты согласился! Ты-бы увидѣлъ въ какую веселость обратилась моя смертельная тоска. Дома, ты-бы всегда встрѣчалъ ясную преданную дружбу, сердечную радость твоему возвращенію, а на прогулкахъ любящую женщину, счастливую возможностью быть съ тобою. Случалось-ли тебѣ замѣтить, чтобы меня радовало что нибудь болѣе

Digitized by Google

твоего присутствія? А между тѣмъ, въ душѣ, ты можетъ быть ощущалъ болѣе ревности чѣмъ я сама. Богъ знаетъ до чего могли развиться эти подозрѣнія въ настоящую минуту, потому что я уже и не знаю, чѣмъ иначе объяснить твое горе. Какую муку я испытываю! Милый мой, мы можемъ еще быть такъ счастливы! Ты вѣрно хотѣлъ испытать меня; я не вѣрю, чтобы мы навсегда разстались, лишились добровольно полнаго счастія. Другъ мой, жизнь и безъ того коротка, а мы уже такъ давно страдаемъ порознь! Скоро я уже не осмѣлюсь болѣе дѣлать попытокъ къ сближенію, постоянно отталкиваемыхъ а твоя гордость недопуститъ тебя до перваго шага; такъ и пройдетъ вся жизнь. Я умру отъ отчаянія; ты также не будешь счастливъ. О, возвратись ко мнѣ!„

За этимъ воплемъ глубокой и истинной страсти, вѣроятно послѣдовало примиреніе. Солнце взошло, но передъ новой грозою. Послѣ немногихъ дней счастья, явившихся вслѣдъ за трехлѣтней разлукой, начались новыя подозрѣнія и ревность, предметъ которой былъ всегда передъ глазами. Г-жѣ де Праленъ не хотѣлось-бы вѣрить, но свѣтъ, но самая прислуга угадала оскорбленіе и гордость оскорбленной жены возмутилась.

Въ жалобахъ ея слышится столько же горечи и негодованія, сколько было любви, покорности и обожанія въ то время, когда еще не исчезла надежда на примиреніе.

Двадцатое мая 1741 года было грустной эпохой въ этой семейной драмѣ. Произнесено было нѣсколько жостокихъ словъ, которыхъ не забыть ни тому кто слышалъ, ни тому кто имѣлъ несчастіе произнесть. Г-жа де Праленъ съ разбитымъ сердцемъ запирается у себя и пишетъ мужу. Одно жестокое, рѣшительное слово разрушило всю ея жизнь, всю надежду на будущее, а между тѣмъ, любовь „*еще слишкомъ горяча въ ея сердцѣ*„ и она не въ силахъ холодно выдерживать въ глазахъ постороннихъ комедію ясныхъ дружескихъ отношеній.

„Не удивляйтесь, милый Теобальдъ, моему страху оставаться наеднѣ съ вами. Мы навсегда разстались, какъ вы сами сказали; вчерашній день навѣки останется для меня ужаснымъ воспоминаніемъ. Вы могли судить по вчерашнему вечеру, что я серьезно приняла ваше рѣшеніе, если даже въ присутствіи лица, бывшаго причиной этой разлуки, съумѣла выдержать себя какъ во времена полнаго согласія. Да, клянусь вамъ, въ глазахъ свѣта вы всегда будете довольны мною; моя вчерашняя побѣда надъ собою, послѣ такого ужаснаго дня, можетъ служить вамъ ручательствомъ.

„Пока у меня оставалась надежда на примиреніе и сближеніе, а въ послѣднее время надежда эта усилилась, я была въ такомъ

Digitized by Google

мучительномъ волненіи, что не умѣла сдерживать нетерпѣливыхъ порывовъ. Теперь, когда жертва принесена, можете быть совершенно спокойны. Въ присутствіи дѣтей, родныхъ, прислуги, свѣта, ни одинъ звукъ не напомнитъ вамъ о моемъ разрушенномъ счастьи.

„О, я вѣдь и не обвиняю *тебя*; только, другъ мой, быть теперь съ вами наединѣ выше всякой возможности. Мнѣ нужно одной выплакать свое горе, приготовиться, запастись энергіей, чтобъ не выказать людямъ своего горя. Я еще такъ близка отъ своихъ иллюзій, еще не потеряла привычки раскрывать душу тому, кто мнѣ всего дороже въ мірѣ, а тутъ нужна холодная сдержанность, единственно приличная нашимъ будущимъ отношеніямъ. Теперь еще мнѣ не выдержать; нужно время, чтобы горе обратилось въ привычку. Впослѣдствіи будьте увѣрены, другъ мой, вы опять станете лицомъ, съ которымъ мнѣ всего отраднѣе будетъ встрѣчаться. Теперь любовь еще слишкомъ горяча въ моемъ сердцѣ; жизнь моя будетъ однимъ сплошнымъ страданіемъ, время не уничтожитъ, а только смягчитъ его выраженіе.

„Не сердитесь-же, что я васъ избѣгаю: я чувствую, что должна это дѣлать, чтобы не отравлять вашей жизни передъ свѣтомъ, передъ твоими мнѣ будетъ несравненно легче. Тогда я буду въ правѣ, даже обязана быть съ вами предупредительной, ласковой; это будутъ минуты утѣшенія, счастія, чистой радости; о, доставляйте мнѣ ихъ почаще, другъ мой, я буду вамъ глубоко благодарна!

„Понятно, что послѣ утренней сцены, общество вчерашняго вечера не могло быть мнѣ пріятно; однакожъ, вы вѣдь видѣли, я казалась счастливой. Я говорила себѣ: еслибы мы были попрежнему, я бы говорила вотъ такъ, дѣлала это, и даже иллюзія была мнѣ отрадна. Вдвоемъ же съ вами мнѣ всегда нужно держаться настороже, передъ лицомъ страшной дѣйствительности. Мы вѣдь разлучены теперь и, хотя эта жизнь тянулась уже три года, но все еще существовала надежда: вчерашній день уничтожилъ ее.

„Чтобы держать себя съ вами какъ того требуютъ обстоятельства, нужно постараться забыть прошедшее, а въ особенности мои надежды. Привычка, время и одиночество помогутъ мнѣ отдѣлить въ моей мысли Теобальда отъ г-на де-Пралена и запомнить, что первый будетъ существовать для меня только передъ глазами свѣта, или какъ таинственное воспоминаніе, а всегда, въ домашнихъ моихъ отношеніяхъ, я буду ужь имѣть дѣло съ господиномъ де-Праленомъ.

„О, вѣрьте мнѣ, я желаю, чтобы вы были счастливы, цѣною моихъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ страданій. Пріѣзжайте

Digitized by Google

смѣло въ Водрель; оставайтесь дольше съ дѣтьми; никогда не встану я вамъ на дорогѣ. Я буду также старательно избѣгать всѣхъ мечтаній, какъ до сихъ поръ продолжала надѣяться. Слишкомъ дорого обошлись мнѣ мечты!

„Прощайте! О сколько теперь въ этомъ словѣ еще не прожитаго горя! Прощай, вѣдь ты любилъ меня когда-то! Прощай! встрѣтимся въ другомъ мірѣ. Не откажи мнѣ, хотя въ этой послѣдней просьбѣ, въ послѣднемъ свиданіи, которое я тебѣ назначаю. Хоть подумай иногда объ этомъ.

Все еще любящая тебя

Себастіани-Праленъ.

За этимъ отчаяннымъ крикомъ больной души, потянулась жизнь, полная заглушонныхъ страданій, одинокаго отчаянія. Вечеромъ, послѣ цѣлаго дня притворства, которое все-таки не обманываетъ свѣта, несчастная остается одна, обливаетъ слезами подушку, кусаетъ ее, чтобы заглушить рыданія и успокоивается только послѣ пріема опіума, которымъ натираетъ и свою измученную грудь.

Часто потребность высказаться, заставляетъ ее записывать въ дневникъ свои мученія, можетъ быть, съ тайной надеждой, что когда-нибудь онъ попадетъ въ *его* руки.

Первыя страницы этого таинственнаго альбома вырваны. Вотъ что писалось въ немъ дальше:

„Уже два раза наполнялись страницы этой книги выраженіемъ мукъ моего сердца; я сожгла ихъ въ минуту надежды, чтобъ уничтожить и слѣды прежняго горя, и показать тебѣ только строки, дышащія восторгомъ отъ твоего возвращенія.

„Прошло два года; надежды мои на счастіе въ этой жизни исчезли, осталось только желаніе, чтобы ты лучше узналъ то сердце, которое сосредоточивало на тебѣ всѣ свои нѣжныя чувства, и съ такою надеждой ввѣряло тебѣ счастіе цѣлой жизни.

„Я знаю, что одно равнодушіе, при твоемъ добромъ сердцѣ, не довело-бы тебя до жестокости съ женщиной, такъ совершенно отдавшей тебѣ всѣ свои чувства. Нужно было чувствовать отвращеніе, чтобъ позабыть въ отношеніи меня права, признаваемыя за всякой женщиной; нужно было даже презрѣніе, чтобы оторвать отъ меня дѣтей моихъ.

„Мои дѣти! Неужели ты думаешь, что я способна развратить ихъ? Но вѣдь ты знаешь, что жизнь и сердце мое всегда были чисты, и что самая падшая женщина не способна на такое страшное преступленіе. Ты думаешь, что я не люблю ихъ? Но, Господи! развѣ я хуже хищнаго звѣря? Развѣ во мнѣ вовсе нѣтъ сердца?

Digitized by Google

Ты долженъ знать, что я слишкомъ люблю тебя, чтобы не любить твоихъ дѣтей, еслибы и не было во мнѣ другого побужденія.

„Да, я долго была безпечна и неспособна къ занятіямъ, но вѣдь въ то время, я постоянно была беременна. А теперь, когда я знаю, и все мнѣ доказываетъ, что любовь наша кончилась, ты отнялъ у меня и дѣтей моихъ, и безавѣтно ввѣрилъ ихъ всѣхъ вѣтреной молоденькой дѣвушкѣ, не имѣющей твердыхъ религіозныхъ правилъ, которую ты и знаешь-то всего восемь мѣсяцевъ.

„Когда-то я надѣялась, что занимаю первое мѣсто въ твоемъ сердцѣ, но надежда обманула меня, и я покорилась. Впослѣдствіи стало ясно, что ты выше моей любви ставишь независимость; я опять покорилась, хотя послѣ тяжолой борьбы; потомъ, смерть твоего дорогого отца показала мнѣ, что мое мѣсто въ сердцѣ твоемъ четвертое. Я слишкомъ уважала этого почтеннаго человѣка, чтобъ не сознать справедливости этого предпочтенія. О, какъ бы я была счастлива, еслибы оставалась надежда занимать хотя это четвертое мѣсто!“

Скоро исчезло и послѣднее утѣшеніе изъ жизни несчастной женщины. Господинъ де-Праленъ нарушилъ даже дружескій договоръ, заключенный въ день послѣдняго объясненія. Вотъ какъ жалуется на это жена его 25 января 1842 года:

„До нынѣшняго года я могла разсчитывать каждый вечеръ, что какъ-бы поздно ты не вернулся, ты зайдешь въ мою комнату. Мнѣ позволено даже было иногда самой заходить къ тебѣ во всякое время. Теперь я уже не должна осмѣливаться на это; ты почти всѣ вечера проводишь на своей половинѣ, не знаю, одинъ ли? Даже чай подаютъ туда, такъ что я вовсе не имѣю случая видѣть тебя.

„Милый Теобальдъ, то-ли ты обѣщалъ мнѣ? Ты говорилъ: „Не приходи теперь ко мнѣ, я самъ безпрестанно буду съ тобою; впослѣдствіи, я позволю тебѣ быть у меня, и, наконецъ, мы вовсе не будемъ разставаться.“ — Я сдержала свое обѣщаніе, а ты? — „Не спрашивай ничего о моихъ дѣлахъ, я самъ все буду говорить тебѣ.“ — А вотъ уже цѣлые годы я ничего не знаю о твоей жизни и твоихъ отношеніяхъ, хотя не сдѣлала тебѣ ни одного вопроса. Ты не цѣнишь моей скромности и довѣрія. Тебѣ и въ голову не приходитъ успокоить меня.

„Ты, сказалъ мнѣ: “предоставь мнѣ распоряжаться воспитаніемъ дѣтей, и я буду сообщать тебѣ все что до нихъ касается, буду совѣтываться съ тобою и держать себя съ гувернанткой въ приличныхъ отношеніяхъ.“

„Ахъ, какъ теперь ты далекъ отъ своихъ обѣщаній?“

Она тревожится каждую минуту. Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Онъ

Digitized by Google

окружонъ таинственностью, значитъ считаетъ себя неправымъ. Онъ нанялъ въ городѣ особую квартиру, а говоритъ, что по вечерамъ ѣздитъ въ клубъ. Эти таинственныя поѣздки и ложь со стороны любимаго человѣка возмущаютъ душу. Она никогда не позволила-бы себѣ выспрашивать, но зачѣмъ такой явный обманъ?"

Господинъ де-Праленъ сдѣлалъ шагъ къ сближенію. Что еще скрывается подъ этой уловкой? Бѣдная женщина не смѣетъ болѣе довѣрять супружеской нѣжности.

„Вчера, къ удивленію моему, ты былъ такъ ласковъ со мною; ты подалъ мнѣ самыя нѣжныя, самыя сладкія надежды. Сегодня вечеромъ я предлагала тебѣ ѣхать въ театръ, но ты отвѣтилъ, что поздно, а между тѣмъ послалъ за наемной каретой. Развѣ у насъ нѣтъ экипажа къ твоимъ услугамъ? Ты какъ-будто боишься, чтобы я не узнала гдѣ ты бываешь. И дѣйствительно, куда-бы ты могъ ѣздить? Съ какими людьми и какими женщинами встрѣчаешься?

„Ты въ десять часовъ вечера, пошолъ пѣшкомъ изъ дома; къ какимъ знакомымъ можно отправиться въ такую пору пѣшкомъ, не переодѣваясь по возвращеніи изъ палаты? Ты меня упрекаешь въ неровности характера; но поставь себя на мое мѣсто, и тогда поймешь, до чего можетъ довести жизнь, вся состоящая изъ волненій, надеждъ на счастіе и мучительной неизвѣстности. А кто былъ-бы спокоенъ при видѣ этой таинственности. Дорогой Теобальдъ, вѣдь такая жизнь мука! Неужели я никогда не буду знать ничего, что до тебя касается?

Въ одно изъ послѣдовавшихъ объясненій, г-нъ де-Праленъ высказалъ свою мысль: что все можетъ устроиться, если оба согласны будутъ дѣлать взаимныя уступки. Уступки! Но вѣдь отъ герцогини требуютъ отрѣченія отъ своихъ правъ и обязанностей! Чего-жъ бы отъ нея потребовали, еслибы она была виновата? Хотятъ, чтобы она закрыла глаза и подчинилась той жизни, которая оскорбляетъ ее какъ мать и супругу. Она поняла наконецъ, какого содѣйствія отъ нея желаютъ, и вотъ что писалось въ альбомѣ, 1 го мая 1842 года.

„Теобальдъ очевидно сдѣлалъ большой шагъ къ сближенію; въ пріемахъ его была настоящая нѣжность и желаніе измѣнить нашъ образъ жизни. Но въ самомъ-ли дѣлѣ онъ хочетъ, *если сама я не помѣшаю*, (это его подлинное выраженіе) вести совершенно интимную жизнь и возвратить мнѣ мое настоящее значеніе жены и матери? Хорошо ли мы поняли другъ друга? Сознаетъ ли онъ, что я могу быть счастлива только при его неограниченномъ довѣріи, и удовлетворить меня можетъ только полное возвращеніе правъ хозяйки дома, а въ особенности, безконтрольнаго наблюденія за мо-

Digitized by Google

ими дѣтьми? Согласится ли онъ на это? Осмѣлится ли предложить на разсмотрѣніе дѣвицы Д? Сомнѣваюсь, потомучто она тотчасъ предложитъ ему выбирать между мною и ею, и перевѣсъ останется на ея стороне."

12 мая 1842 года г-жа де-Праленъ имѣла долгое объясненіе съ мадемуазель Делюзи и пишетъ мужу о вынесенномъ изъ него впечатлѣніи:

„Я вижу, что для нея не составляетъ условія sine qua non имѣть дѣло только съ тобою. Она останется даже тогда, когда все придетъ въ надлежащій порядокъ, что меня очень радуетъ. Я вижу, что у ней не было убійственнаго для меня намѣренія совершенно завладѣть моими дѣтьми. Она передавала мнѣ, что ты говорилъ ей и постоянно повторяешь дѣтямъ, будто мое здоровье не позволяло мнѣ до сихъ поръ заниматься ими. О, почему было давно не сказать мнѣ, что ты выдумалъ благовидный предлогъ, не допускавшій дѣтей обвинять меня и оставлявшій тебѣ возможность измѣнить свое правило? Отъ скольких слезъ, горя и вспышекъ ты бы меня избавилъ? Но какъ сильно должно быть въ тебѣ отвращеніе, допускающее такъ долго странныя отношенія между нами!.. Я совершенно посторонняя въ домѣ, въ твоихъ глазахъ и въ глазахъ дѣтей!.. О, ты жестокъ со мною Теобальдъ!.."

Десять дней спустя отношенія между супругами сдѣлались еще хуже.

„Все кончено! пишетъ г-жа де-Праленъ. Мы поссорились безвозвратно, на вѣки. О, онъ не только грубъ, онъ жестокъ со мною! И какъ онъ могъ дойти до этого отвращенія, зная мою честнѣйшую любовь и преданность? Какое пагубное вліяніе нужно было, чтобы испортить это доброе, прямое и честное сердце! Онъ старается извинить себя тѣмъ, что мой характеръ сдѣлался несносенъ. Но кто же виноватъ-то въ этомъ? Онъ постоянно оскорблялъ всѣ мои чувства, всѣ мои правила... Да, я бываю безъ ума, но по твоей винѣ Теобальдъ... Видъ нашего крыльца, по которому я входила въ день свадьбы съ такою полнотою счастія, любви и довѣрчивой надежды; видъ того отдѣленія замка, гдѣ мы жили вмѣстѣ съ тобою, когда ты еще любилъ и не покидалъ меня, все это сводитъ меня съ ума... Съ тѣхъ поръ какъ ты рѣшился не имѣть болѣе дѣтей, ты считаешь себя избавленнымъ отъ всякаго вниманія, отъ всякаго нѣжнаго чувства. Такъ, я въ глазахъ твоихъ была машиной, между тѣмъ какъ сама положила въ этотъ союзъ все свое сердце, всѣ свои надежды, все свое счастье. Сколько воспоминаній, сколько живыхъ доказательствъ нашей любви! Я уже думала, что мы успѣли слиться въ одно и будемъ жить всегда общей жизнію. Я не боялась

Digitized by Google

старости, какъ другія женщины, но напередъ представляла себѣ счастіе вспоминать вдвоемъ прожитое, снова переживать его въ лицѣ дѣтей и наконецъ вмѣстѣ переселиться въ лучшій міръ. Увы, зачѣмъ у тебя нѣтъ религіи?.. Горе сдѣлало меня удивительно суевѣрною, такъ что мнѣ просто стыдно. Въ воскресенье, поутру, въ день твоего пріѣзда, я увидѣла огромнаго паука и испугалась... Теперь, взглянувши на минуту въ сторону, я замѣтила то же насѣкомое; слезы мои остановились и я почувствовала какую-то тайную радость, какъ передъ близкой надеждой! Господи, какъ слабъ умъ человѣческій! вѣдь надѣяться я могу теперь только на Бога. Но вѣдь бывали же чудеса прежде? О, спаси его, возврати его мнѣ Господи!„

„Сегодня, возмущенная твоей уединенной бесѣдой съ мадемуазель Д., я думала что поступила мастерски, удалившись не говоря ни слова и только этимъ заявивши свое неудовольствіе. Боже мой! до какого азарта довела тебя моя кротость! Самая жестокая сцена съ моей стороны не внушила бы тебѣ мысли бѣжать за мною по лѣстницамъ съ бранью и угрожающими жестами, разбить у меня мою саксонскую вазу и отнять два подарка, которыми я такъ дорожила. Я получила ихъ въ то время какъ еще не сомнѣвалась въ твоей любви. О, лишь бы ты не подарилъ ихъ ей!

„Недавно, въ наказаніе за настойчивое желаніе войти въ твою комнату, куда она имѣетъ право входить во всякое время, ты поломалъ всѣ мои зонтики; сегодня, за то что я промолчала, во избѣжаніе сцены, ты бьешь у меня самыя драгоцѣнныя вещи и отнимаешь воспоминаніе о быломъ счастіи. Ты еще прежде заставилъ меня сжечь твои письма, единственный сохранившійся знакъ прежней нѣжности. Ты отнялъ у меня моихъ дѣтей, ты осудилъ меня на всѣ горести настоящаго, не оставивъ надежды на лучшую будущность, а теперь отнимаешь даже прошедшее! Боже мой! я слишкомъ его любила и ты наказываешь меня за это! Я способна была бы все выстрадать, все перенесть, лишь бы оставалась его любовь! Чувствую всю силу испытанія твоего, Господи! Да будетъ воля твоя, но пошли мнѣ и силу!.. Господи, неужели же правда, что онъ меня не любитъ?... Иногда мнѣ приходитъ на мысль, что это одно испытаніе, чтобъ исправить меня; но вѣдь уже пять лѣтъ, какъ я лишена правъ супруги и матери... У меня множество недостатковъ, отъ которыхъ я сама же страдаю, но мнѣ кажется, что онъ видитъ во мнѣ уже совершенно небывалые пороки. Сегодня поутру одна дама сказала мнѣ: „вашъ мужъ, кажется, такъ заботится о васъ?“ Я совсѣмъ растерялась, потомучто рѣшительно, не могу утверждать того, чему сама не вѣрю...

„Онъ не выразилъ ни малѣйшаго сожалѣнія о томъ, что перебилъ

Digitized by Google

у меня столько вещей, да еще улыбается, когда я заговариваю объ этомъ. Хотѣлось бы мнѣ повѣрить, что тутъ было немного и притворнаго гнѣва. Онъ, кажется, сильно расположонъ помириться. Никогда еще не была я такъ увѣрена въ его искренности. Только допустятъ ли его до этого?"

„Однакожъ, онъ и не думаетъ возвращать мнѣ моихъ вещей. Что-то онъ съ ними сдѣлалъ? У него ли онѣ? Я почти увѣрена въ этомъ. Но отдастъ ли онъ ихъ, это большой вопросъ".

Наконецъ г-жа де-Праленъ начинаетъ терять уваженіе къ своему прежнему идолу. Страсть первыхъ лѣтъ утихла и раскрылась непривлекательная дѣйствительность:

„Что за пагубное вліяніе тяготѣетъ надъ нимъ! Какъ страшно онъ измѣнился. Онъ, отличавшійся такой прямотою, безпрестанно попадается во лжи; вмѣсто прежней нравственности явилась потребность какихъ-то таинственныхъ связей; его прекрасныя манеры сдѣлались грубыми, прежняя изящная рѣчь отличается выраженіями вполнѣ дающими понятіе о его новомъ обществѣ. Мысли его измельчали; онъ сталъ рѣзокъ, насмѣшливъ, нетерпѣливъ и грубъ. Онъ нетолько не выразилъ мнѣ сожалѣнія о перебитыхъ у меня вещахъ въ припадкѣ злости, но еще находитъ это совершенно естественнымъ, шутитъ и смѣется надъ этимъ. О, ты уже не тотъ, котораго я любила! Какъ могъ ты поддаться другимъ до забвенія всѣхъ обязанностей въ отношеніи меня? Вѣдь эти дѣти, которыхъ производя на свѣтъ я провела лучшую половину жизни въ болѣзняхъ, могутъ служить тебѣ живымъ укоромъ. Вѣдь я выстрадала право на нихъ и, отнимая у меня свою любовь, ты обязанъ былъ раздѣлить хотя привязанность дѣтей между нами обоими. Проводя половину жизни въ возстановленіи твоего потомства, въ заготовленіи тебѣ будущихъ семейныхъ радостей, бѣдная мать должна сойти со сцены, отвергнутая тобою, оскорбляемая женщиной, которой ты отдалъ мою кровь и плоть, плоды моихъ многолѣтнихъ страданій. О, иногда мнѣ кажется, что за всѣ эти обиды, я перестаю любить тебя. Я прощаю тебѣ; знаю, что не самъ ты виноватъ во всемъ этомъ; ты слабъ, но вѣдь я такъ давно и такъ сильно страдаю; такъ упорно усиливаюсь въ тебя вѣрить!"

Иногда, она готова подумать, что сама была виновата; что долгъ повелѣвалъ ей самой подчинить своему вліянію эту слабую натуру, а не допускать до этого другую.

„Зачѣмъ я такъ долго считала тебя высшей натурой? Если тебѣ необходимо было вліяніе, зачѣмъ не забрала я его въ свои руки? Ты былъ бы счастливѣе, потомучто невѣроятно, чтобы тебя не упрекала теперь совѣсть за мое жалкое существованіе."

*

Digitized by Google

И герцогиня начинаетъ стараться возстановить свои права; но она слишкомъ неопытна въ дѣлѣ кокетства и ей слишкомъ мало извѣстны тайны извѣстнаго рода женщинъ для удержанія за собою порабощенныхъ сердецъ.

„Не думай, чтобы я имѣла безумство вѣрить, что мои просьбы, письма и сцены возвратятъ мнѣ твое расположеніе: мнѣ хотѣлось бы только, чтобы въ случаѣ моей смерти, ты могъ сказать себѣ: „Я не понималъ сердца и характера этой женщины.“ Я чувствую потребность высказать тебѣ мои житейскія правила: Если мужъ не чувствуетъ уваженія къ своей женѣ, супружеская любовь невозможна; уваженіе доказывается довѣріемъ и, чѣмъ сильнѣе это довѣріе, тѣмъ сильнѣе степень любви. Цѣль жизни женщины быть другомъ, повѣренной и утѣшительницей своего мужа, воспитательницей дѣтей и хозяйкой въ домѣ. Если она не исполняетъ этихъ обязанностей, то становится существомъ лишнимъ и достойнымъ презрѣнія, какъ мужчина, посвятившій всю жизнь кутежу и картамъ. Даже падшія женщины часто хорошо воспитывали своихъ дѣтей, потому-что заботы о дѣтяхъ освящаютъ и очищаютъ душу матери. Да, Теобальдъ, если отстраняютъ женщину отъ этого дѣла, значитъ считаютъ ее нравственно погибшей. Я долго думала, что увлеченный любовью къ независимости, дурными совѣтами и разсерженный моей ревностью (которой самъ давалъ столько поводовъ) ты исключишь меня только изъ своей жизни и удовольствій, но что ты достаточно понадѣешься на мое сердце, чтобы обратиться ко мнѣ въ минуты горя. Когда же я увидѣла, что въ горѣ ты отталкиваешь меня, и одну меня, отнимаешь дѣтей, чтобы передать ихъ незнакомой, пѣтреной женщинѣ, тогда я открыла глаза и убѣдилась, что въ твоемъ сердцѣ осталось ко мнѣ одно отвращеніе, смягчаемое по временамъ нѣкоторой жалостью къ моей любви и грустной жизни. Ахъ, третьяго дня, ты сказалъ мнѣ убійственное слово! Ты сказалъ, что, не принимая участія въ твоихъ жизненныхъ интересахъ, я не имѣю права раздѣлять твоихъ горестей. Ты самъ пожелалъ, чтобы мы были чужими другъ другу. Прощай же. Будь счастливъ, тебѣ это еще возможно; у тебя есть еще дѣти, а у меня твоя ненависть отняла все на свѣтѣ. Будь это только простое равнодушіе, ты бы не могъ поступить такъ жестоко...

„Теобальдъ, Теобальдъ, неужели не считалъ ты достаточной местью за мою ревность свою таинственную жизнь, разрывающую мнѣ сердце? Зачѣмъ было еще лишать меня любви и довѣрія дѣтей? Ты безсознательно поддаешься погубному вліянію. Я умираю съ горя. Въ эти пять лѣтъ, почти всѣ ночи я проводила безъ сна, кусая подушки чтобъ заглушить рыданія... Увы, характеръ мой

Digitized by Google

ожесточается, силы мнѣ измѣняютъ, умъ помрачается. Припомни то время, когда ты лишился отца; а я вѣдь лишилась мужа и дѣтей разомъ. Правда я всегда съ ними, но осуждена быть имъ чужою. Нужно быть слишкомъ хорошей актрисой, чтобъ казаться веселой и любезной, нося въ душѣ такую вѣчную пытку. Своимъ наружнымъ спокойствіемъ я бываю обязана только опіуму, да невѣроятному напряженію воли. Сколько разъ я бывала принуждена выбѣгать изъ гостиной, чтобы дать волю рыданіямъ....

Четыре мѣсяца спустя, новый взрывъ горя, но въ немъ уже жалобы матери слышнѣе жалобъ оскорбленной жены.

Парижъ, 15 сентября 1842 года.

„Вы вѣроятно и не подозрѣваете, Теобольдъ, какъ заставляетъ меня страдать ваша жестокость! Съ горя умираютъ ужасно медленно, но невыразимо мучительно, увѣряю васъ. О Теобольдъ, какъ бы я могла любить васъ и нашихъ дѣтей! вѣдь у меня ничего не осталось на свѣтѣ; отъ замужества съ вами у меня сохранилось одно только ваше имя. Я живу одна, покинутая и презираемая, тогда какъ у меня есть мужъ и девять человѣкъ дѣтей!... Другая, на моихъ глазахъ пользуется всѣми этими благами, а вы хотите чтобы я находила это естественнымъ? Да, повторю еще тысячу разъ, что моя жизнь невыносимая пытка. Господи, такъ вѣдь наказываютъ за преступленія!... Вы меня разлюбили и бросили, и хотя это самое главное изъ моихъ мученій, при безумной любви моей къ вамъ, оно все—таки еще понятно; но отнять у меня дѣтей, отдать чужой мое мѣсто при нихъ... О нѣтъ, Теобальдъ, на это вы не имѣете права! Поручить всѣхъ дѣтей безстыдной женщинѣ, не имѣющей правилъ и такта, какъ можете вы быть такимъ слѣпымъ и слабымъ?"

„Мадемуазель Д. властвуетъ неограниченно; никогда еще я не видывала болѣе скандалезнаго положенія гувернантки. Это большое несчастіе и даже большой вредъ, потомучто ея свободные пріемы ясно показываютъ презрѣніе ко всѣмъ приличіямъ. У ней все называется пустяками и деспотизмомъ; подумай, что ваши, положимъ, братскія отношенія, подозрительны въ ваши лѣта. Что могутъ извлечь молодыя дѣвушки, видя какъ двадцативосьмилѣтняя особа, во всякое время и во всякомъ костюмѣ отправляется въ комнату тритцатисемилѣтняго мужчины, принимаетъ его у себя въ блузѣ; просиживаетъ съ нимъ вдвоемъ цѣлые вечера, выпрашиваетъ себѣ новую мебель, поѣздки и разныя удовольствія. Она оставила всѣхъ своихъ знакомыхъ, чтобы чаще напоминать о себѣ своимъ вѣчнымъ присутствіемъ; безпрестанно находитъ предлоги высылать дѣ-

Digitized by Google

тей. У нея даже хватило дерзости сказать разъ мнѣ: „мнѣ очень жаль, что я не могу быть посредницей между вами и вашимъ мужемъ; но для вашей же пользы совѣтую вамъ подумать о перемѣнѣ обращенія со мною. Конечно, вамъ должно быть непріятно удаленіе отъ дѣтей, но по всей вѣроятности герцогъ имѣетъ для этого достаточныя причины. „Возможно-ли, чтобы твоя жена, всегда бывшая чистою и любившая одного тебя и твоихъ дѣтей, подвергалась подобнымъ оскорбленіямъ отъ гувернантки, которую ты едва знаешь? Вѣроятно, мнѣ нужно поощрять нѣкоторыя вещи для того, чтобы она позволила тебѣ лучше обходиться со мною. Но тогда то и сдѣлаюсь я совершенно достойной презрѣнія, если захочу купить ласку или даже само счастіе цѣною униженія. Я вовсе не хочу сказать тебѣ, что мадемуазель Д. твоя любовница въ полномъ значеніи этого слова, но ты не замѣчаешь, что ея фамиліарность съ тобою, неограниченное управленіе домомъ и мое совершенное отчужденіе заставляютъ другихъ положительно признавать это.

„Какъ не понять, что мнѣ должно быть невыносимо видѣть дѣтей въ рукахъ особы, неспособной сознать, что добродѣтели и хорошее поведеніе должны имѣть и свою внѣшнюю форму выраженія, а не походить на пороки? Какъ же быть мнѣ покойной? когда осмѣливаются вслухъ оскорблять меня и очевидно утверждаютъ свое владычество на внушеніи мужу ненависти ко мнѣ“?

Каждый годъ, повторялись подобныя сцены. Вотъ письмо, найденное въ Во-Праленѣ, гдѣ герцогиня всегда осуждена бывала на одиночество:

„Подъѣзжая сюда, я надѣялась на нѣсколько дней отдыха и спокойствія, но мечта продолжалась не долго. Едва успѣли затворить за мной дверцу кареты, какъ я прочла въ вашемъ холодномъ взглядѣ, на смущенныхъ лицахъ дѣтей и въ зеленыхъ глазахъ, выглядывавшихъ изъ за вашего плеча, что мнѣ предстоитъ снова вынести самое обидное обращеніе и быть свидѣтельницей самыхъ неблаговидныхъ вещей, чтобы не сказать болѣе. Повѣрьте, Теобальдъ, что я не соглашаюсь пріобрѣсть для себя нѣкоторое спокойствіе, цѣною молчанія, потому только, что этого не допускаетъ долгъ матери. Настоящій порядокъ вещей я нахожу негоднымъ, вреднымъ и растлѣвающимъ, для настоящаго и будущаго моей семьи.

Какъ я ни противна тебѣ, все-же я мать твоимъ дѣтямъ. Я знаю, что сила на твоей сторонѣ, но есть извѣстныя права, въ которыхъ жена имѣетъ столько же голоса сколько и мужъ, ты забываешь это. Развѣ тебѣ неизвѣстно, что, призови я законъ на помощь, въ настоящемъ случаѣ право останется на моей сторонѣ„. Ты увѣренъ, что я никогда не рѣшусь на это и употребляешь во зло мое терпѣніе. Ты

Digitized by Google

способенъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ, лишь бы сохранить милости мадемуазель Д. Если тебя такъ легко было замѣнить дѣтямъ родную мать, то неужели труднѣе замѣнить гувернантку? Ты самъ былъ причиной, что она вышла изъ своей роли и перестала быть хорошей наставницей. Какъ было не закружиться ея головѣ, когда ты словомъ и дѣломъ давалъ ей замѣтить: "У меня есть жена, но мнѣ пріятнѣе ваше общество; у дѣтей есть родная мать, но я болѣе довѣряю вашимъ правиламъ, хотя вы и гораздо моложе и я почти еще не имѣлъ случая хорошенько узнать васъ; что нужды, вы своими заботами, опытностью, умомъ и познаніями будете для нихъ лучше матери. Займите смѣло мѣсто хозяйки дома, распоряжайтесь, приказывайте, такъ должна поступать женщина, которую я удостоилъ своей довѣренностью.

„Во всемъ этомъ, можетъ быть есть и логика, но какое-же право имѣешь ты осуждать меня на гражданскую смерть? О, я сильно наказана за то, что любила тебя болѣе нежели дѣтей моихъ. Вотъ куда привели мои уступки; дѣти видятъ и пріучаются находить очень обыкновенными самыя странныя пріемы, самыя ложныя положенія! Если ты возьмешь на себя трудъ подумать, то убѣдишься, что, оставивъ въ сторонѣ свое личное счастье, я обязана не допустить порчи въ семействѣ. Вообрази, что у тебя отнимаютъ любимую жену и ея дѣтей и поставь себя въ мое положеніе. Сознаюсь, что я была безмѣрно виновата, уступивъ твоему требованію не входить въ дѣтское воспитаніе; мнѣ слѣдовало бы умереть лучше, чѣмъ уступать тебѣ, но это было вѣдь отъ избытка любви къ тебѣ же. Я надѣялась этой покорностью возвратить твою нѣжность, а между тѣмъ, она-то и унизила меня въ твоихъ глазахъ; ты получилъ дурное понятіе о моемъ сердцѣ и моихъ правилахъ, что совершенно естественно; въ оправданіе себя мнѣ остается только сказать, что я считала наши права слитыми въ одно цѣлое, признавала самое себя частью твоего существа, такъ что по моему одинъ-бы несъ на себѣ отвѣтственность за дѣла другого и наоборотъ.

„Теперь ты окончательно разъединилъ наши существованія; мы чужіе другъ другу. Долго я обманывала себя возможностью испытанія и всѣми существующими илюзіями, для того чтобъ имѣть возможность вѣрить, что все это пройдетъ и объясниться само собою въ десь примиренія. Долго смотрѣла я въ будущее съ мечтами и надеждами, теперь... Но рѣчь идетъ не о счастіи. Такъ какъ стало необходимымъ потерять всякую надежду на пріобрѣтеніе твоего расположенія и любви дѣтей, мнѣ остается устроить для себя болѣе или менѣе сносное положеніе. Прежній порядокъ не можетъ болѣе продолжаться. И такъ, подумай! Но умоляю тебя, дай мнѣ

Digitized by Google

какой нибудь интересъ въ жизни. О какъ ты сдѣлался слабъ! Ты не осмѣливаешься теперь выѣхать изъ дому съ женою и дѣтьми, безъ надзора особы, которой отдаешь даже отнятые у меня свадебные подарки; ты такъ поддался ея вліянію, что не рѣшишься сдѣлать шага безъ ея одобренія и покинуть ее на минуту, между тѣмъ какъ мать твоихъ девятерыхъ дѣтей осуждена жить и умереть въ одиночествѣ.

Бываютъ дни, когда г-жа де-Праленъ спрашиваетъ себя нѣтъ-ли за ней какой сильной вины; не остается-ли еще какого средства возвратить прежніе дни: вѣдь любовь вызываетъ любовь. И вотъ она опять смиряется и умоляетъ:

„Милый Теобальдъ, я такъ много и часто упрекаю себя, что окончательно впала въ уныніе. Я чувствую, вижу и знаю, что слѣдовало-бы сдѣлать для твоего полнаго счастія; желаю этого всѣми силами воли и не хочу уже думать о своемъ личномъ счастіи. Но что-то роковое въ моемъ характерѣ заставляетъ меня иногда дѣлать вещи, которыхъ я внутренно сама неодобряю. Позволь напомнить тебѣ, что бывало ты шутилъ и смѣялся надъ подобными поводами къ моему горю, а между тѣмъ, они продолжали усиливаться и существуютъ даже теперь, только скорѣе въ одномъ наружномъ проявленіи. Еслибъ ты зналъ, какое для меня несчастіе огорчать тебя! Но право я совсѣмъ теряю голову и не знаю что дѣлать.

„Ты помнишь, я не слишкомъ любила выѣзды, но поѣхать въ театръ или на большой вечеръ было для меня удовольствіемъ. Теперь-же, все мнѣ скучно, все мнѣ противно, потомучто я въ разладѣ съ тобою и боюсь, навсегда, если ты не захочешь сжалиться надо мною. Такое напряжонное состояніе, въ какомъ нахожусь я, не можетъ долго продолжаться. О, я буду стараться успокоиться! но если-бы ты зналъ какъ я страдаю, ты-бы меньше сердился. Въ настоящее время я сознаю, что имѣю право только на твое состраданіе и вполнѣ полагаюсь на твою доброту. Еще немного терпѣнія, на самое короткое время и потомъ дѣлай со мной что хочешь. Скоро я буду совсѣмъ спокойна, увѣряю тебя; а въ настоящемъ моемъ положеніи не возможно произнести надо мной окончательнаго приговора“.

Это добровольное униженіе осталось безъ результата. Герцогиня хочетъ уѣхать, чтобъ хоть нѣсколько времени отдохнуть отъ ложнаго положенія:

„Не думай, милый Теобальдъ, чтобы я не раскаявалась въ рѣзкости своихъ выраженій. Какъ-бы ни было законно и справедливо мое горе, я должна-бы высказать его въ болѣе спокойной формѣ.

Digitized by Google

Дѣло дошло до того, что намъ право лучше разстаться, безъ скандала, безъ шума, не призывая никакихъ свидѣтелей. Время улаживаетъ много дѣлъ и, можетъ быть, откроетъ тебѣ глаза на то вліяніе, которому ты подчинилъ себя, дѣтей и весь домъ. До тѣхъ поръ, позволь мнѣ пожить въ уединеніи. Уже слишкомъ давно я истощаю свои силы, стараясь равнодушнѣе смотрѣть на порядокъ вещей, по моему понятію, имѣющій пагубное вліяніе на нашихъ старшихъ дочерей. Я долго вѣрила въ твою дружбу и эта мысль придавала мнѣ энергіи. Ты такъ былъ добръ со мною, что мнѣ невольно приходило на мысль, что ты въ душѣ любишь меня. Теперь я не могу болѣе такъ думать. Если прежде не удалось мнѣ пріобрѣсть твоего расположенія, то тѣмъ менѣе возможно это теперь, когда мой характеръ испортился отъ горя. Мое сердце, и до сихъ поръ, живетъ только тобою и дѣтьми, но для нихъ, какъ и для тебя я ровно ничего не значу. Ты осудилъ меня на роль простого зрителя, тогда какъ мнѣ слѣдовало занимать второе мѣсто послѣ тебя. Въ моихъ глазахъ происходятъ тысячи вещей, съ которыми совѣсть моя не позволяетъ мириться.. Я очевидно стѣсняю тебя и нѣкоторыхъ изъ моихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ такъ кажется по наружности, а дѣтскую душу разгадать трудно. Наконецъ, все доказываетъ мнѣ, что меня здѣсь только терпятъ. Я совершенно увѣрена, что слова эти не въ состояніи измѣнить вашихъ намѣреній, а прошу только избавить меня отъ необходимости видѣть вещи, возмущающія мою совѣсть и душу. Ты ясно доказалъ мнѣ, что не чувствуешь ко мнѣ ни любви, ни уваженія, а потому несравненно лучше будетъ тебѣ ждать свободно, не имѣя передъ глазами моихъ страданій. Мнѣ слишкомъ тяжело жить одной и изъ милости въ семействѣ отнятомъ у меня-же самой какой то интригантной. Для чего тебѣ нужны мои страданія? Дѣлай что хочешь, но ради Бога не требуй, чтобы я смотрѣла на это. Довѣрь мнѣ везти на воды нашу Алину. О, если бы ты отдалъ на мое попеченіе хотя тѣхъ изъ дѣтей, къ которымъ менѣе привязанъ или которыхъ природа надѣлила менѣе щедро, какъ-бы я была счастлива! Еслибъ ты зналъ, какъ ты меня терзаешь! Я умоляю тебя только о позволеніи уѣхать подальше и впродолженіе цѣлаго года у тебя не находится времени подумать о моей просьбѣ! Ты смѣешься, а я клянусь тебѣ, что жизнь становится мнѣ не подъ силу. Не лучше-ли покончить мирно, чѣмъ доводить меня до побѣга? Какъ-бы ни складывалась жизнь моя въ будущемъ, едва-ли встрѣтятся въ ней непріятности хуже теперешнихъ. Господи, сколько ужь разъ я видѣла какъ распоряжаются тобою дрянные люди!"

На всѣ подобныя требованія г-нъ де Праленъ отвѣчалъ угроза-

Digitized by Google

ми окончательнаго разрыва. Гордость женщины безнаказанно оскорблялась.

„Теобальдъ, я теперь достаточно опытна и именемъ твоихъ дѣтей умоляю тебя не доводить меня до крайности. Для чего ты такъ цинически вводишь постороннихъ въ тайну нашихъ несчастныхъ отношеній? Развѣ мало тебѣ заставлять страдать меня? Неужели бездѣлица проводить ночи въ слезахъ и по утру надѣвать спокойную маску? Для чего толковать при всѣхъ о тѣхъ предположеніяхъ, которыя особенно мучительны для меня какъ для женщины еще любящей? Зачѣмъ мучить меня какими-то безпрестанными тайнами? Ты говоришь, что желалъ-бы разстаться со мною надолго, чтобъ позабыть прежнія ссоры и, можетъ быть, начать любить меня впослѣдствіи; но вѣдь пойми-же, что горе портитъ характеръ. Добротой изъ меня можно все сдѣлать, а въ несчастіи я рѣшительно теряю голову. Зачѣмъ всегда избирать самые тяжолые для меня разговоры. Теобальдъ, поставь себя на мое мѣсто, могъ-ли бы ты быть веселъ, еслибы съ тобой вѣчно говорили о близкомъ развратѣ, или вдругъ вовсе прерывали разговоръ при твоемъ приближеніи.

„Все это было-бы понятно во время ссоры, но что-же я такое сдѣлала сегодня поутру? Рана моего сердца и безъ того не закроется. Если мнѣ иногда удается добиться наружной веселости, зачѣмъ снова язвить меня? Другъ мой, ты вѣдь такъ добръ, что поймешь меня. Я вспыльчива и не умѣю тотчасъ-же овладѣть собою, не подвергай меня возможности быть тебѣ непріятной. Ты говоришь, что выведенъ изъ терпѣнія и сойдешься со мною не прежде какъ я буду совершенно спокойна; но если характеръ мой очерствѣетъ отъ долгихъ страданій, то я уже сама возстану противъ примиренія, каково тебѣ будетъ?

„Теперь мы такъ давно живемъ по разнымъ комнатамъ, что было-бы смѣшно вдругъ поселиться вмѣстѣ, если никто изъ насъ не болѣнъ серьезно. Это-бы значило признаться людямъ, что была ссора и вышло примиреніе. Такъ-то и все затягивается временемъ. Сначала станетъ смѣшна переписка, потомъ выѣзды вмѣстѣ и такъ далѣе. Я отъ тебя прошу вѣдь немногаго; только не заговаривать о разъѣздѣ и не шептаться въ моемъ присутствіи. Впослѣдствіи, когда отношенія наши перемѣнятся къ лучшему, можешь дразнить меня сколько угодно, а пока, пожалуйста, поудержись немного.

Вскорѣ, начались оскорбленія такого рода, что въ герцогинѣ проснулась настоящая гордость оскорбленной супруги и матери; она рѣшилась сама выѣхать изъ дома и вотъ нѣсколько писемъ, относящихся къ той эпохѣ:

„У васъ удивительная способность отравлять все на свѣтѣ. Пока

Digitized by Google

поведеніе ваше отзывалось только на мнѣ одной, я терпѣла. Ваши колкости намекаютъ на то, что я должна бы одобрить публично владычество въ нашемъ домѣ особы, заслуживающей всего моего и вашего презрѣнія и компрометирующей своимъ скандальнымъ поведеніемъ ввѣренныхъ ей взрослыхъ дѣвушекъ. Не такъ ли Мнѣ очень хорошо извѣстно, что у васъ есть другія связи и что не одна она занимаетъ васъ исключительно, но умѣйте же заставить ее держаться сколько нибудь прилично; этого я имѣю права требовать. Я не хочу узнавать всѣхъ подробностей вашей жизни, но ни угрозы, ни грубое обращеніе не помѣшаютъ мнѣ высказать, что дѣти мои не должны оставаться на рукахъ дѣвушки, не дорожащей своей репутаціей. Если ваши угрозы содержатъ намекъ на процесъ о разводѣ, то не мѣшаетъ припомнить, что право на моей сторонѣ; ужь много лѣтъ я коплю оскорбленія. Вы свободны поступать какъ хотите, но не должны воспитывать дѣтей вдали отъ матери, ни поручать ихъ женщинѣ сомнительной нравственности. Сознайтесь, что вѣдь очень странно принуждать меня быть свидѣтельницей всѣхъ безпорядковъ и выходить изъ себя, когда я хочу нѣсколько отдохнуть отъ нихъ. Пока у меня были мужъ и дѣти, я не искала предлога выѣхать изъ дома, а теперь непремѣнно желаю вырваться изъ вашего ада."

„Вы конечно поймете, милостивый государь, что послѣ нанесеннаго мнѣ оскорбленія, я не желаю оставаться подъ одной кровлей съ особой, которой я имъ обязана. Отъ васъ зависитъ распоряжаться вашей собственной жизнію, но дочери мои не останутся долѣе подъ надзоромъ этой развратной женщины. Уже давно я требую объясненія съ вами, но не удостоиваюсь никакого отвѣта. Во избѣжаніе скандала прошу васъ согласиться на мое путешествіе, впродолженіе котораго вы будете имѣть время устроить дѣло иначе. Я отправлюсь въ Нормандію; вы пропустите слухъ, что мнѣ предписаны морскія ванны или что тамъ хотите только ни за какія блага міра я не останусь въ Парижѣ въ теперешнемъ положеніи. Придетъ время, когда вы сами увидите какъ несправедливо поступали со мною, желая угодить безнравственной женщинѣ. Передаю вамъ бумаги, которыя у мени хранились. Послѣ завтра, я могла бы уже выѣхать, если вы найдете возможнымъ одолжить мнѣ карету.

„Вы поступали со мной какъ съ виновной, я не заслуживала этого, но да проститъ вамъ Богъ".

„Каждый день приноситъ съ собой новое горе. Вѣрно меня оклеветали передъ тобою, потомучто невѣроятно такъ ненавидѣть за какія нибудь вспышки ревности. И кто-же завладѣлъ всѣми моими

Digitized by Google

правами; кто замѣнилъ меня подлѣ дѣтей и мужа; кому дано право входить во всякій часъ въ тѣ комнаты, куда жена не смѣетъ показаться даже и въ дни болѣзни мужа?.. О, какъ много коварства можетъ скрываться подъ личиной безпечности у женщинъ, не имѣющихъ стыда и религіознаго чувства. Не имѣй столько правъ эта женщина, изъ нея вышла-бы хорошая учительница, но не мать этимъ дѣтямъ. Да проститъ тебѣ Богъ, что ты раньше моей смерти поспѣшилъ замѣстить меня. Какъ христіанка, я должна простить тебѣ и это. Только за что ты меня ненавидишь и оскорбляешь? Вѣдь могъ-бы ты внѣ дома устраивать всякія отношенія; зачѣмъ-же было не пощадить меня хоть на столько?..»

„Боже! какая жизнь, какая будущность! Я замужемъ и даже мать, а приходится умирать въ одиночествѣ. Одинъ Богъ въ силахъ измѣнить наши отношенія какимъ нибудь чудомъ...

„Гордость не допуститъ тебя протянуть руку въ знакъ примиренія; ты не рѣшишься отнять у Д. права, принадлежащія мнѣ по закону, а безъ этого я не могу обѣщать быть спокойной.

„Нѣтъ, ты разумѣется далеко не подозрѣваешь всей степени моихъ мученій; самая закоренѣлая ненависть не была-бы въ состояніи подстрекнуть тебя къ ихъ продолженію. Ты нехочешь чтобы я такъ презрительно отзывалась о людяхъ исказившихъ всю мою жизнь; я сама упрекаю себя за это, но вѣдь горе вызываетъ жостскія рѣчи.

„Вѣдь если-бы не подкопались подъ мое счастіе, я и не думала-бы объ ихъ существованіи. Стало быть, такъ и придется дожить жизнь въ ссорѣ и одиночествѣ? Хоть послѣ моей смерти не проклинай моей памяти. Теобальдъ, я всегда любила одного тебя, люблю и теперь и буду любить вѣчно! Я хотѣла быть твоей неразлучной подругой, раздѣлять всѣ твои занятія, интересы и неудачи, заниматься подъ твоимъ руководствомъ воспитаніемъ нашихъ дѣтей; вотъ какъ я понимала супружество, любовь и дружбу. Неужели ты-бы лучше любилъ меня, еслибъ я вполнѣ помирилась съ своей пассивной жизнью и предпочла свѣтъ мужу и дѣтямъ...»

„Покидая мѣста, гдѣ я жила такъ счастливо и такъ много страдала, гдѣ остается все, чѣмъ могло-бы существовать мое сердце, я переживаю минуты человѣка осужденнаго на смерть: но вѣдь нельзя же допустить, чтобъ съ женщиной поступали какъ съ какой-то преступницей, безъ всякаго повода къ этому. Можетъ быть, когда меня здѣсь не будетъ, ты убѣдишься, что та, которая поссорила тебя съ женою и отняла дѣтей у родной матери, недостойна была такой безграничной довѣренности. Ты боишься каждаго ея взгляда и жеста; боишься чтобы дѣти не полюбили меня, и я не возстановила ихъ

Digitized by Google

противъ нея, тогда какъ находишь полезнымъ, чтобы она заставляла дѣтей смѣяться надъ матерью, недовѣрять ея ласкамъ, сомнѣваться въ ея умѣ и нравственности...

„О, какъ далеко неизвѣстна мнѣ была слабость твоего характера, когда я съ полной вѣрой передала въ твои руки дѣтскую будущность, желая быть тебѣ обязанной даже ихъ любовью. Одна эта слабость и извиняетъ тебя нѣсколько въ моихъ глазахъ. Не будь ты ослѣпленъ до такой степени, ты не осмѣлился-бы быть такъ жестокимъ."

„Прощай, Теобальдъ; если изъ ложнаго стыда ты никогда не рѣшишься сойтись со мною, знай, что я уѣзжаю съ разбитымъ сердцемъ, но безъ малѣйшей злобы, и съ желаніемъ тебѣ полнаго счастія. Я знаю, что какъ бы ни измѣнились твои чувства, гордость не допустить тебя сознаться, что я говорила правду. Хоть для блага дѣтей, открой глаза, посмотри въ какой они опасности!»

„Прощай еще разъ! Сжалься надъ моими бѣдными дѣтьми."

Въ 1846 году горизонтъ нѣсколько прояснился. Въ первый-же день этого года, г-жа де Праленъ дѣлаетъ шагъ къ примиренію съ той, отъ которой такъ долго страдала. Она посылаетъ дѣвицѣ Д. браслетъ и письмо слѣдующаго содержанія:

Парижъ 1-го января 1846 года.

„Если Господь сказалъ, что мы не должны давать солнцу заходить во гнѣвѣ нашемъ, то тѣмъ болѣе нужно стараться объ уничтоженіи и забвеніи всѣхъ непріятностей при началѣ новаго года.

„Отъ всего сердца протягиваю вамъ руку и прошу васъ забыть всѣ тяжолыя минуты, которыя я вамъ доставила, обѣщая и съ своей стороны не вспоминать о причинахъ, которыя на нихъ вызывали.

„У всякаго есть свои слабости, что и должно способствовать извиненію ихъ въ другихъ людяхъ. Я совершенно убѣждена въ вашей привязанности къ моимъ дѣтямъ, и никто болѣе меня не чувствовалъ-бы потребности быть благодарной лицамъ посвятившимъ себя ихъ воспитанію, если бы въ тоже время не закрадывалась въ голову мысль, что ихъ отъ меня отдѣляютъ. Вы сами знаете, что дѣти привязываются къ тѣмъ, съ кѣмъ чаще бываютъ. Не видя матери, они забываютъ о ней, перестаютъ вѣрить въ ея любовь, и еще счастье, если потомъ сохраняютъ къ ней уваженіе и довѣріе.

„Конечно, вы не желаете привести ихъ къ подобной цѣли. Это можетъ быть горемъ всей жизни, какъ для нихъ, такъ и для бѣдной ихъ матери, однако, увлекаясь желаніемъ сдѣлать напротивъ, незамѣтно можно дойти до результатовъ, которыхъ прежде не было

Digitized by Google

и въ помышленіи. Вмѣсто того чтобы замѣчать слабости другъ друга, не лучше-ли будетъ дѣлать взаимныя уступки. Хорошій кучеръ старается объѣзжать кучи камней на дорогѣ. Сознаюсь, что до этого дня мнѣ иногда не доставало такого искусства.

„Давно уже я составила планъ все покончить съ наступленіемъ новаго года, такъ что вашъ милый подарокъ доставилъ мнѣ сегодня двойное удовольствіе. Онъ доказываетъ, что и вы расположены измѣнить порядокъ вещей, отъ котораго такъ страдаютъ всѣ въ домѣ, который нерѣдко ставитъ васъ самихъ въ ложное положеніе, а меня лишаетъ привязанностей, составляющихъ единственную цѣль моей жизни. Признаюсь, я съ восторгомъ дожидалась чтобы выросли мои дочери и понятно, какое мученье видѣть ихъ теперешнее отчужденіе отъ меня.

„Однако, вовсе не нужно такъ много словъ, чтобы сообщить вамъ желаніе измѣнить основной тонъ нашихъ отношеній и просить васъ принять отъ меня прилагаемый залогъ будущаго союза, на который вы вѣроятно будете также согласны.

Себастіани-Праленъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мадемуазель Делюзи писала г-жѣ де Праленъ изъ Турина, куда выдали замужъ старшую дочь. Вотъ отвѣтъ герцогини:

Праленъ, 25-го августа 1846 года.

„Не хочу откладывать надолго изъявленія моей благодарности за ваше любезное письмо, которое не только не показалось мнѣ длиннымъ, но возбудило желаніе получить поскорѣе еще такое-же. Признаюсь, пора было прійти этимъ письмамъ, потомучто всѣ мои мысли и сердце уже давно отправились имъ на встрѣчу.

„Вѣрно всѣ замѣтили мою ажитацію, потомучто почтальонъ принесъ мнѣ письма прямо сюда, уже въ семь часовъ вечера. Нашъ посланный опоздалъ сегодня на почту, такъ что бѣдный почтальонъ, пѣшкомъ явился ко мнѣ уже по собственному желанію.

„Видите-ли какъ хорошо всюду имѣть друзей: А я таки порядочно потревожилась; ну да, благо прошло!

„Бѣдная Лиза должна была получить отъ меня несовсѣмъ любезное письмо черезъ г-жу Гарнезіонъ; надѣюсь, что она извинитъ меня.

„Сегодня день св: Лудовика и мы были всѣ у обѣдни. Малютки очень ласковы со мною и мы не разстаемся съ восьми часовъ утра до девяти вечера. По вечерамъ я имъ читаю Мольера и онѣ въ восхищеніи. Мари замѣтно развивается. Я разумѣется въ восторгѣ

Digitized by Google

отъ счастія Изабеллы, только меня удивляетъ, что вы не нашли перемѣны въ ея манерахъ, тогда какъ тонъ ея писемъ такъ замѣтно измѣнился и сдѣлался изященъ, не утративъ прежней искренности.

„Тысячу разъ благодарю васъ за сообщенныя мнѣ подробности и собираюсь впередъ разсчитывать на такую-же обязательность.

„Дѣтямъ очень хочется видѣть раздачу наградъ въ монастырѣ; у меня такое-же сильное желаніе доставить имъ это удовольствіе, но абатъ Іризеней говоритъ, что въ Менси развилась эпидемія, отъ которой умираетъ множество стариковъ и дѣтей. Въ Муазене, той-же болѣзнью преимущественно страдаютъ женщины.

„Мы *безвыѣздно,* но далеко не *безвыходно* живемъ въ Во-Праленѣ. Въ ясные дни приходится по меньшей мѣрѣ проводить часа четыре въ паркѣ. Въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ царствуетъ совершенное согласіе.

„Мнѣ право стыдно за свою болтовню, но приходится отправить письмо такъ какъ оно есть, потомучто завтра и послѣ завтра мы ждемъ родныхъ, я не буду имѣть свободной минуты поблагодарить и попросить васъ сообщать мнѣ какъ можно больше подробностей. Повѣрьте, что тѣ письма, которыя вамъ самимъ покажутся длинными, едва только будутъ въ состояніи удовлетворить меня.

„Общее собраніе назначено 14-го, надѣюсь что г-нъ де Праленъ пропуститъ его; по крайней мѣрѣ, я бы такъ сдѣлала на его мѣстѣ. Вы пишете, что Луиза и Берта часто говорятъ обо мнѣ съ Изабеллой. Можетъ быть, вы сказали это чтобы только утѣшить меня, но во всякомъ случаѣ слова сдѣлали свое дѣло и я поплакала отъ радости.

„Еще разъ, благодарю отъ всей души за это письмо и надѣюсь, что оно не послѣднее.

Себастіани-Праленъ.

Герцогиня и сама ѣздила въ Италію. По возвращеніи произошло почти дружеское объясненіе и рѣшено было возстановить порядокъ въ домѣ, но исполненія не послѣдовало. Такъ дошло дѣло до окончательнаго кризиса.

Письмо найденное въ шкатулкѣ герцога, въ Во-Праленѣ

„Парижъ, 15-го января 1847 года.

„Дорогой Теобальдъ!

„До настоящей минуты, я все еще жду исполненія обѣщаній, возобновленныхъ вами по пріѣздѣ моемъ изъ Италіи по поводу измѣ-

Digitized by Google

неній въ нашей домашней обстановкѣ. Вы кажется забыли ихъ, и я нахожусь вынужденной напомнить, что не иначе возвращусь въ Во-Праленъ, какъ для принятія всѣхъ правъ матери и хозяйки дома, въ настоящемъ значеніи этого слова. Гувернантки намъ какъ-то не удавались. Пора, для пользы нашихъ дѣтей и для поддержанія собственнаго достоинства, вовсе отказаться отъ нихъ.

„До замужества дочерей, я ни на шагъ не оставлю ихъ, буду присутствовать при ихъ занятіяхъ и всюду выѣзжать съ ними. Планъ у меня давно составленъ и вы сами согласитесь впослѣдствіи, что мать можетъ быть столько-же полезна, сколько и гувернантка. Учителя будутъ ходить, какъ и во время занятій мадемуазель Д. Однимъ словомъ, все устроится превосходно.

„Я знаю, что отецъ мой предложилъ мадемуазель Д. достаточную ежегодную пенсію. Если съ этими средствами и протекціей, она отправится въ Англію, то ея познанія найдутъ гораздо болѣе выгодное примѣненіе тамъ нежели здѣсь, въ настоящее время.

„Вы напрасно тревожитесь, думая что это сильно огорчитъ нашихъ дочерей. Я имѣю поводъ предполагать, что печаль ихъ будетъ не слишкомъ глубока и продолжительна. Вамъ самимъ уже нѣсколько разъ случалось высказывать нѣкоторое неудовольствіе по поводу поступковъ этой дѣвицы; такъ что отъѣздъ ея въ Англію, обезпеченный пенсіей за моимъ ручательствомъ, будетъ самымъ лучшимъ и благороднымъ поводомъ покончить съ нею.

„Деликатность заставляла меня до сихъ поръ вести съ вами переговоры черезъ посредство вашихъ родныхъ; но такъ какъ они, съ сожалѣнію, остались безъ результата, то я вынуждена обратиться къ вамъ уже отъ имени моего отца съ просьбою позаботиться о чести моего семейства. Если мужъ, моя естественная опора, отвергаетъ меня, что-же мнѣ остается, какъ не искать покровительства у родного отца. Ктому-же, я увѣрена, что какъ скоро утихнутъ первыя треволненія, вы сами будете довольны новымъ образомъ жизни.

„Если вы найдете необходимымъ, чтобы мадемуазель Д. возвратилась въ Праленъ за своими вещами, я подожду здѣсь ея окончательнаго выѣзда; если-же можно выслать ей вещи, я отправлюсь въ деревню, когда вамъ будетъ угодно. Послѣ распространившихся слуховъ, я уже сдѣлала все что отъ меня зависѣло для возстановленія ея репутаціи, какъ это было условлено между нами.

„Мой подвигъ конченъ. Чтобы не повредить доброму имени собственныхъ дочерей, я не могу потворствовать долѣе прежнимъ порядкамъ.

„Не бойтесь упрековъ за прожитое горе. Въ видахъ своего соб-

Digitized by Google

твеннаго спокойствія, я твердо рѣшилась позабыть все. Ктомуже, мое молчаніе, по поводу нѣкоторыхъ вещей, можетъ служить вамъ порукой. Первое условіе семейной жизни — миръ и согласіе; достигнуть этого будетъ не трудно, когда некому будетъ сѣять раздоръ между дѣтьми и матерью и добиваться первенства въ домѣ.

„Настоящее рѣшеніе принято мною послѣ глубокихъ размышленій и сообразно съ совѣтами моего отца. Дядя мой Куаньи, единственный представитель семейства моей матери, вѣроятно былъ-бы такого-же мнѣнія, еслибы я не избѣгала говорить съ нимъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Я-бы желала, чтобы все окончательно разрѣшилось между моимъ отцомъ, вами и мною, безъ всякаго другого вмѣшательства.

„Вы нерѣдко выражали желаніе повести новую жизнь, дорогой Теобальдъ, такъ какъ ясно видѣли многія неудобства, но у васъ недоставало рѣшимости. Теперь я уже твердо разсчитываю на ваше содѣйствіе, какъ и во всемъ что будетъ касаться интересовъ нашихъ дѣтей.

Фанни Себастіани-Праленъ.

Заглянемъ теперь на страницы дневника.

Грусть перешла въ какую-то покорность. Теперь нѣтъ болѣе упрековъ и вспышекъ, въ которыхъ герцогиня такъ часто каялась.

„Смерть приближается медленно, но я чувствую ея приближеніе; еслибъ ты зналъ, какъ я разбита горемъ! Ты конечно невѣришь этому, потомучто иначе и не мучилъ-бы меня такъ жестоко. Ты упрекаешь меня за подозрительность, за то, что я не имѣю силъ быть веселой; да кому-же пришло-бы на умъ смѣяться, видя что мѣсто въ сердцѣ дѣтей и мужа занято? Вѣдь у меня есть душа, способная оскорбляться. Что мнѣ въ независимости, богатствѣ и всей остальной суетѣ? Мнѣ нуженъ мужъ, дѣти, ихъ дорогое присутствіе и ласки, а тамъ хоть проподай все остальное! Туалетъ занималъ меня, когда я выѣзжала съ тобою, свѣтъ и спектакли тоже. Мнѣ нравилось имѣть въ домѣ разныя рѣдкости, только пока ты жилъ вмѣстѣ со мною, но теперь, все это мнѣ тяжело и противно.

„Еслибъ ты только зналъ что я чувствую, когда жены говорятъ мнѣ о мужьяхъ и семейной жизни!

„Ты совѣтуешь мнѣ искать дружескихъ отношеній внѣ дома; но по какому праву приду я къ людямъ, имѣющимъ свои собственныя привязанности и заботы, вымаливать для себя дружбы. Мнѣ скажутъ:

„Чего-же вамъ нужно, когда у васъ есть мужъ и дѣти?

„Когда мнѣ поминаютъ о васъ, я испытываю страданіе человѣка,

Digitized by Google

лишившагося зрѣнія, въ то время какъ ему расказываютъ о прелестяхъ свѣта и красотахъ природы.

„Дорогой мой Теобальдъ, не проклинай меня послѣ моей смерти, потомучто я любила васъ всѣхъ, мои безцѣнные! Будь у тебя религіозныя правила, я бы не была такъ ревнива. Нѣтъ, вѣрно нужно умереть, чтобъ получить твое прощеніе.„

Изливъ такимъ образомъ свою душу, она обращается къ Богу, своему единственному прибѣжищу, открываетъ библію и попадаетъ на слова экклезіаста:

„Сынъ мой, когда посвятишь себя на служеніе Богу, приготовь душу свою къ испытаніямъ и искушеніямъ и пребывай твердъ въ дѣлѣ правды и упаванія на Господа. Умились душою и жди съ терпѣніемъ“.

Слова эти внушили ей готовность простить и смириться.

„Да, Господи, отняли у меня теперь все что походитъ на счастіе, только соедини насъ на лонѣ своемъ. Спаси насъ Господи! Пошли намъ жизнь вѣчную и да будетъ воля твоя надъ нами въ теперешней жизни. Господи, тебѣ извѣстно, что я уповаю на Тебя, только подай мнѣ силу перенести и смириться духомъ“.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, маршалъ Себастіани узналъ до какой степени скандала дошли дѣла въ домѣ герцога де Пралена и почелъ себя въ правѣ вступиться. Послѣдовало бурное объясненіе, вслѣдствіе котораго герцогъ и все его семейство перестало ходить къ столу въ комнаты маршала какъ это дѣлалось прежде.

Во время объясненія, г-нъ де Праленъ говорилъ грубо, такъ что старый маршалъ предпочелъ впередъ объясняться съ нимъ письменно:

„Господинъ Герцогъ,

„Вы приписываете моей холодности то что я не желаю видѣть у себя васъ и ваше семейство. Сознайтесь, что слова эти болѣе чѣмъ несправедливы.

„На сколько могъ, я старался не слыхать того что говорилось въ Парижѣ и даже притворялся негодующимъ на журнальные слухи, и за такое великодушное поведеніе вы же рѣшаетесь упрекать меня самымъ оскорбительнымъ образомъ. Собственно я, никогда не говорилъ о г-жѣ Делюзи и готовъ сдѣлать многое въ ея пользу; но будьте-же справедливы и нетребуйте невозможнаго.

»Съ дочерью, я не вижусь для того, чтобы не возстановить васъ противъ нея, а къ свиданію съ внуками вы же сами изыскиваете тысячи препятствій.

„Я заслуживалъ-бы, чтобы со мной поступали иначе.

„Все что предполагается, имѣетъ цѣлью благо вашихъ же соб-

Digitized by Google

ственныхъ дочерей, а вамъ лично я не имѣлъ и не имѣю желанія дѣлать никакихъ непріятностей, сообразите это. Впрочемъ вы теперь слишкомъ взволнованы, и я извиняю вамъ многое. Слушайтесь больше совѣтовъ своего добраго сердца и все устроится къ лучшему".

Г. Себастіани.

„Когда вы доживете до моихъ лѣтъ, то поймете какъ горько подѣйствовали на меня ваши упреки".

Однакожъ маршалъ уже твердо рѣшился вывести свою дочь изъ ложнаго положенія, не прибѣгая впрочемъ къ разводу, если будетъ возможно.

Настоящей, или, по крайней мѣрѣ, видимой причиной несогласія была мадемуазель Делюзи. Маршалъ послалъ къ ней своего нотаріуса Ріани, чтобы предупредить ее какія важныя послѣдствія могутъ произойти отъ ея упорнаго желанія оставаться въ домѣ герцога.

Аббатъ Галларъ, тоже по порученію маршала, передалъ ей требованія непремѣнно оставить домъ, въ которомъ ея присутствіе служитъ причиной скандала.

На этотъ разъ мадемуазель Делюзи поняла, что все кончено.

Надо однакожъ сказать, что даже и въ этомъ случаѣ, съ ней поступили съ чрезвычайною деликатностью. Маршалъ Себастіани назначалъ ей пенсію въ 1500 франковъ, за поручительствомъ г-жи де Праленъ. Отъ мадемуазель Делюзи требовалось только немедленнаго удаленія. Еслибы напримѣръ ей понадобилось уѣхать въ Англію, то она можетъ разсчитывать на достаточныя средства къ существованію. Вотъ два письма отъ 18 и 19-го іюня 1847 года, то есть, написанныя на другой день послѣ выѣзда гувернантки.

„Отъ всего сердца желала-бы изустно выразить вамъ, герцогиня, свое чувство признательности, но сознаю, что при теперешнихъ обстоятельствахъ, у меня не достанетъ на это силы.

„Позвольте отложить до бѣлѣе спокойнаго и счастливаго времени благодарность, которую я непремѣнно должна выразить вамъ лично за тѣ благодѣянія, которыми вы наградили мои небольшія услуги. Одобреніе полученное отъ васъ въ горькую минуту разставанія съ дорогими моими воспитанницами, много облегчило мою печаль.

„Съ глубочайшей признательностью принимаю обѣщаніе вашей протекціи, и немедленно воспользуюсь имъ какъ только представится надобность. Въ настоящую минуту слабое здоровье моего дѣда требуетъ чтобы я была при немъ безотлучно.

„Впослѣдствіи, я буду просить позволенія сообщать вамъ свои планы, а пока примите увѣреніе въ моей глубочайшей преданности.

Г. Делюзи.

Digitized by Google

Отвѣтъ г-жи де Праленъ

19-го іюня 1847 года

„Весьма сожалѣю, что чувствуя себя нездоровой, вы тѣмъ не менѣе, взяли на себя трудъ письменно благодарить меня за весьма естественныя заботы объ участи воспитательницы моихъ дѣтей. Не думайте, чтобы обстоятельства, вызвавшія вашъ отъѣздъ раньше чѣмъ всѣ мы предполагали, могли помѣшать мнѣ искать случаевъ быть вамъ полезной.

„Я слышала, что вы хотѣли-бы отправиться къ леди Гислопъ; въ такомъ случаѣ, я могу предложить вамъ письмо на имя леди Танкарвиль, которая сдѣлаетъ все возможное для доставленія вамъ хорошаго мѣста. Также могла-бы я служить вамъ письмами на имя г-жи де Флагонъ и миссъ Эльфинстонъ.

„Припоминаю, что еще въ Во-Праленѣ вы изъявляли желаніе имѣть одну изъ моихъ книгъ; надѣюсь, что теперь вы не откажитесь принять ее на память.

„Повторяю еще разъ, что буду весьма благодарна, если вы чаще будете доставлять мнѣ случай оказать вамъ какую нибудь услугу.

С. Праленъ.

И такъ побѣда выиграна, но побѣда нерадостная, чреватая ужаснымъ окончаніемъ. Герцогиня предчувствуетъ несчастіе, мужъ ея произнесъ какія-то непонятныя угрозы. „Вы отравили всю мою жизнь этимъ поступкомъ,“ сказалъ онъ ей съ худо скрываемой злобой. Наканунѣ отъѣзда въ Во-Праленъ, 17-го іюня, она писала въ своемъ дневникѣ:

„Я чувствую потребность повторять себѣ каждую минуту, что исполнила священный долгъ въ отношеніи своихъ дочерей, согласившись соединиться съ отцомъ для изгнанія этой женщины. Какъ это было тяжело! Скандалъ мнѣ противенъ, но тутъ мнѣ всѣ повторяли, да и сама я чувствовала, что нельзя поступить иначе.

„Боже *что-то ждетъ меня въ будущемъ?* Какъ онъ ожесточенъ. Право, можно подумать, что онъ никогда небылъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Возможно-ли такое ослѣпленіе! Боже, открой-же наконецъ ему глаза!

„Ему уже давно наскучила эта женщина; но *онъ ее боится* и потому не хотѣлъ отсылать ее; это ясно. Когда-же это сдѣлали другіе, его самолюбіе оскорбилось, но ничего другого онъ въ настоящее время не чувствуетъ. Выраженіемъ сильной горести онъ надѣется умилостивить извѣстную особу.

„Какъ онъ торопился вчера покончить дѣло! Да, правду говорятъ,

Digitized by Google

что я и ему оказала услугу; но только, *онъ никогда не проститъ мнѣ этого, онъ будетъ мстить* каждый часъ, каждую минуту за то что виноватымъ остался онъ. Бездна будетъ съ каждымъ днемъ увеличиваться между нами; чѣмъ болѣе онъ будетъ убѣждаться въ своей винѣ, тѣмъ сильнѣе будетъ возрастать его ненависть. *Будущее пугаетъ меня...*

Остальное извѣстно.

Мѣсяцъ спустя, г-жа де Праленъ въ послѣдній разъ повѣряла бумагѣ свои сокровенныя мысли. Вотъ запечатанный пакетъ, найденный въ Парижѣ, въ бюро герцогини, съ надписью:

Мои впечатлѣнія,

16-го іюля 1847 года.

„Давно уже я не писала, а между тѣмъ ничего не перемѣнилось.

„Говорятъ, что она должна уѣхать, когда мы станемъ перебираться въ Праленъ, а покуда владычество ея въ прежней силѣ. Отецъ и дѣти совершенно въ ея рукахъ. Если у ней вовсе потеуянъ стыдъ, то чего онъ-то смотритъ? я рѣшительно не могу объяснить себѣ его поведенія.

„Не самъ-ли онъ говорилъ, что клевета основывалась на нѣсколько эксцентричныхъ поступкахъ, а теперь самъ-же удвоиваетъ свои эксцентричности и подаетъ поводъ къ скандалезнымъ предположеніямъ. Для чего было публично заявлять о размолвкѣ съ моимъ отцомъ по поводу этой дѣвицы? Не странною ли покажется эта ссора съ своими и безотлучное пребываніе съ ней? Рѣшительно не понимаю этого характера.

„Что это развратъ или слабость? Но неужели слабость характера можетъ довести до попранія интересовъ собственныхъ дѣтей?

„Пока эта особа останется въ домѣ онъ не осмѣлится возвратить дѣтей матери и оказать должное уваженіе своей женѣ. Откуда у него эта настойчивость, я право не понимаю. Вѣроятно *она* удерживаетъ его угрозами...

„Бѣдняжка! мнѣ даже жаль его. Какую жизнь онъ ведетъ, какую будущность приготовляетъ себѣ, поддаваясь такъ интриганткамъ. Вѣдь ему еще только сорокъ четыре года, что-же будетъ подъ старость?

„Какъ я однако его любила! Много-же измѣнили его эти твари, если, видя его тѣмъ чѣмъ онъ есть, я не могу объяснить себѣ своей прежней страсти. Нѣтъ, это ужь не тотъ человѣкъ: умъ его обмельчалъ, сердце испорчено, онъ вѣчно брюзгливъ и мраченъ. Ничто его не оживляетъ; всѣ прежнія великодушныя чувства пропали безъ слѣда. У него было все, богатство, положеніе въ обще-

Digitized by Google

ствѣ; какую-бы блистательную, полезную и честную жизнь можно было вести при такихъ обстоятельствахъ. Теперь его не занимаютъ ни дѣла страны, ни дѣти, ничего кромѣ общества гувернантокъ, которымъ онъ прислуживаетъ въ качествѣ настоящаго раба.

„Право, онъ не рѣшался отпустить Д. (которую разлюбилъ уже около двухъ лѣтъ) только изъ страха, что она будетъ слѣдить за нимъ. Теперь онъ убѣжденъ, что я настаивала на ея удаленіи только изъ чувства ревности и никогда не повѣритъ, что моей единственной цѣлью будетъ впередъ одно благо дѣтей.

„Его самолюбію льститъ теперь именно то чувство, противъ котораго онъ бывало такъ благородно вооружался. Не думай онъ, что любовь моя неистощима, онъ не позволилъ бы себѣ и половины оскорбленій. Какое заблужденіе! какая бездна чорствaго самолюбія!

„Можно продолжать любить человѣка даже и послѣ тѣхъ поступковъ, какіе позволялъ себѣ со мной; но для этого нужно видѣть въ немъ что нибудь особенно высокое. Обыкновенныхъ людей любятъ только, если они добры, честны и не портятъ вамъ жизни.

„Вовсе не нужно каждому быть героемъ, но необходима способность цѣнить и интересоваться высокимъ.

„Эта апатія ко всему на свѣтѣ совершенно отталкиваетъ меня отъ этого человѣка. Я представляла его себѣ совершенно другимъ, да онъ и былъ таковъ прежде, иначе какъ-бы я могла привязаться къ нему! Въ его душѣ было много хорошаго; недоставало, къ несчастію, религіи и твердыхъ правилъ. Постоянная праздность развила въ немъ однѣ только страсти. И такой человѣкъ хочетъ руководить своихъ дѣтей?

„Какъ онъ уединился отъ общества! У него нѣтъ ни одного серьезнаго пріятеля; всѣ его связи ограничиваются женщинами, съ которыми потомъ не достаетъ силъ развязаться.

„Какіе странные эти мужчины! Онъ цѣлый вѣкъ оскорблялъ, притѣснялъ, мучилъ и унижалъ меня изъ-за женщинъ, которыхъ и не любилъ даже. Я—же любила его преданно, страстно, въ то время, а теперь когда можетъ быть онъ въ глубинѣ души предпочитаетъ меня этимъ женщинамъ, я немогу любить его болѣе.

„Онъ никогда не будетъ хорошо обращаться со мною, потомучто сознаетъ мѣру своихъ заблужденій и неспособенъ допустить, чтобы я могла позабыть и простить ему. А вѣдь теперь это вовсе не трудно; я ревную только пока люблю, а съ тѣхъ поръ какъ перемѣнились мои чувства, добиваюсь единственно чтобы не повредили моимъ дѣтямъ.

„Наши отношенія очень странны и грустны: пока онъ искалъ наслажденій, я была совершенно лишена ихъ; у него были насла-

Digitized by Google

жденія безъ любви, а моя любовь угасла безъ... Ну да, что умерло въ одномъ, можетъ быть сохранилось въ другомъ и обратно...

„Какъ-то все это кончится? Не думаю, чтобы совершеннымъ примиреніемъ, что было-бы всего полезнѣе для дѣтей нашихъ. Онъ всегда будетъ избѣгать меня, потомучто сознаетъ себя виноватымъ, а я не буду обращаться къ нему иначе, какъ на сколько потребуютъ этого интересы дѣтей. Чувство цѣломудрія не допуститъ меня сдѣлать перваго шага, даже къ мужу, если я дошла уже до сомнѣнія въ своей любви къ нему.

„Боже мой! одному тебѣ извѣстно, сколько я пострадала отъ сердечныхъ и всякихъ другихъ лишеній. Если я не поддалась искушенію, то потому что ты былъ моею опорой, не оставь меня и теперь; Господи, Господи! поддержи и наставь меня! *Я боюсь его угрозъ и вообще своей будущности* съ ежедневными непріятностями. Но ты будешь со мною, Господи! ты подкрѣпишь бѣдную мать въ борьбѣ за благо дѣтей своихъ!“

Скажемъ еще нѣсколько словъ о послѣднихъ событіяхъ этой семейной драмы.

Маршалъ Себастіани, уѣхавшій лечиться въ Швейцарію, поспѣшно возвратился раздѣлить страшное горе съ старой герцогиней де-Праленъ, до того уже больной и слабой, что ей невозможно было сообщить настоящей причины смерти ея обоихъ дѣтей.

Герцогиню-мученицу схоронили въ только что реставрированномъ герцогомъ въ Праленъ склепѣ, въ Во-Праленѣ. Это была грустная церемонія, при которой присутствовали всѣ крестьяне, обожавшіе герцогиню.

Еще долго спустя сохранялся слухъ о ея благодѣяніяхъ. Въ ея расходной книжкѣ, часто встрѣчались строки: „дано 100 франковъ вдовѣ С, на поставку рекрута за сына; послано Д. 50 франковъ для его больной жены.“ Священникамъ въ Праленѣ, Водрелѣ и Парижѣ поручала она раздавать тайную милостыню.

Герцога де Пралена схоронили ночью 26-го августа.

Толпы народа тѣснились до позняго вечера у воротъ Люксамбурга. Наконецъ въ половинѣ перваго, когда все успокоилось въ этомъ кварталѣ, почтовые дроги въѣхали черезъ садъ на дворъ замка и остановились у внутренняго крыльца тюрьмы палаты Перовъ. Вынесли гробъ и печальный кортежъ направился къ заставѣ подъ прикрытіемъ бригады городскихъ сержантовъ.

Ночь была темная и дождливая, по дорогѣ лишь изрѣдка встрѣчались огородники съ возами. Такъ доѣхали до Южнаго кладбища, гдѣ могильщики приготовили яму, сами не зная для какого бѣдняка.

Утромъ посѣтители кладбища могли-бы замѣтить въ самомъ от-

Digitized by Google

далекомъ углу свѣжую могилу, неосѣненную даже чорнымъ крестомъ, мавзолеемъ бѣдняка. Это и было послѣднее жилище пера Франціи, герцога Шуазель-Пралена!

Послѣ продолжительныхъ розысковъ, королевскій прокуроръ объявилъ, что дѣвица Делюзи Депортъ оказывается непричастной къ дѣлу убійства, въ силу рѣшительнаго отсутствія прямыхъ доказательствъ и обвиненій съ чьей либо стороны.

Сообразно этому рѣшенію, совѣтъ объявилъ, что процесъ конченъ, и дѣвица Делюзи-Депортъ выпущена на свободу 17-го ноября.

Digitized by Google

ЧЕРТЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ РЕЛИГІИ И ФИЛОСОФІИ ВЪ ГЕРМАНІИ

Г. ГЕЙНЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

«Когда послѣ долгихъ лѣтъ императоръ Отонъ III посѣтилъ гробницу, гдѣ находились смертные останки Карла Великаго, онъ вошолъ въ склепъ съ двумя епископами и графомъ де-Ломель, который и разсказалъ эти подробности. Тѣло не лежало, какъ тѣла другихъ мертвыхъ, но сидѣло на скамьѣ, какъ живой человѣкъ. На головѣ у него была золотая корона, а руки, державшія скипетръ, были въ перчаткахъ, но ногти выросли и прорвали кожу перчатокъ. Склепъ былъ плотно замурованъ известью и мраморомъ. Чтобы войти въ него, нужно было пробить отверстіе. Въ первую минуту слышенъ былъ сильный запахъ. Всѣ тотчасъ стали на колѣна и засвидѣтельствовали свое уваженіе къ покойнику. Отонъ надѣлъ на него бѣлую одежду, остригъ ему ногти и велѣлъ исправить все что пришло въ упадокъ. Ни одинъ изъ членовъ не подвергся разложенію за исключеніемъ носа, кончикъ котораго былъ отломанъ. Отонъ велѣлъ придѣлать кончикъ изъ золота; потомъ взялъ одинъ зубъ изо рта знаменитаго мертвеца, велѣлъ снова заложить склепъ и отправился во свояси. На слѣдующую ночь Карлъ Великій говорятъ являлся ему во снѣ и объявилъ, что онъ, Отонъ, проживетъ не долго и не оставитъ наслѣдниковъ.»

Вотъ что повѣствуютъ *нѣмецкія преданія*; но это не единственный примѣръ въ подобномъ родѣ. Такъ вашъ король Францискъ I велѣлъ от-

Digitized by Google

крыть гробъ знаменитаго Роланда, чтобъ ясно убѣдиться такъ ли былъ великъ этотъ герой, какъ угодно было говорить поэтамъ. Это произошло не задолго до сраженія при Павіи. Подобнымъ же образомъ посѣтилъ король Себастіанъ Португальскій гробницу своихъ предковъ передъ несчастной экспедиціей въ Африку, гдѣ пески Альканзаръ-Кебира сдѣлались его могилой. Онъ приказывалъ открывать всѣ гробы и долго всматривался въ черты прежнихъ королей.

Странное и страшное любопытство, которое часто влечетъ людей устремить взглядъ въ могилу прошедшаго. Это случается въ необыкновенные періоды, въ концѣ совершившейся эпохи или тотчасъ передъ катастрофой. Мы видѣли въ наше время подобный фактъ: то былъ французскій народъ, которому пришла въ одно прекрасное утро фантазія открыть могилу прошлаго и взглянуть при дневномъ свѣтѣ на вѣка давно почившіе и забытые. Не было недостатка въ ученыхъ могильщикахъ, которые принялись за дѣло съ лопатами и заступами, чтобы расчистить мусоръ и пробить отверстіе въ сводахъ. Послышался сильный запахъ, готическій духъ, пріятно защекотавшій носы, пресыщенные классическими благоуханіями. Французскіе писатели набожно преклонялись передъ вынутыми изъ могилы средними вѣками. Одинъ одѣлъ ихъ въ новое платье, а другой остригъ ногти; третій приставилъ новую заплату къ носу: потомъ подошли нѣкоторые поэты и выдернули зубы, совершенно какъ императоръ Отонъ.

Являлся-ли призракъ среднихъ вѣковъ во снѣ этимъ дергателямъ зубовъ и реставраторамъ носовъ? Предсказалъ-ли онъ имъ скорый конецъ ихъ романтическаго царствованія? Это мнѣ неизвѣстно. Моя главная цѣль, говоря объ этомъ событіи во французской литературѣ, есть желаніе заявить, что я не хотѣлъ порицать ее ни прямо, ни косвенно, когда разсказывалъ въ этой книгѣ въ нѣсколько жосткихъ выраженіяхъ подобный же фактъ происшедшій въ Германіи. Нѣмецкіе писатели, воздвигнувшіе средніе вѣка, имѣли другую цѣль, какъ будетъ видно изъ этихъ страницъ; и дѣйствіе, которое они смогли произвести на массу, подвергло опасности свободу и счастіе моего отечества. Французскіе писатели находили во всемъ этомъ только художественный интересъ, а французская публика желала только удовлетворить своему любопытству. Большая часть вздумала заглянуть въ гробницу прошедшаго для того только чтобы поискать въ ней интереснаго костюма для карнавала. Мода на готическое была во Франціи только мода, и служила къ тому, чтобы усилить радость настоящаго. Отпускали волосы длинными средневѣковыми буклями, но достаточно было бѣглаго замѣчанія куаффера что онѣ не къ лицу, для того чтобы разомъ обрѣзали

Digitized by Google

средневѣковую прическу и идеи которыя съ ней соединяются. Увы, со всѣмъ иначе было въ Германіи. Причина этому та, что средніе вѣка тамъ не совершенно умерли и разложились какъ у васъ. Германскіе средніе вѣка не лежатъ сгнившіе въ могилѣ; они часто принимаютъ образъ злого призрака; они появляются среди насъ при полномъ дневномъ свѣтѣ и сосутъ самые жизненные соки нашего сердца.

Увы, развѣ вы не видите, какъ Германія блѣдна и печальна и съ нею германское юношество, недавно еще такъ полное радостнаго энтузіазма? Развѣ вы не видите крови на губахъ уполномоченнаго вампира, сидящаго во Франкфуртѣ и сосущаго съ такимъ ужаснымъ и скучнымъ терпѣніемъ сердце германскаго народа?

То, что я сказалъ о среднихъ вѣкахъ, относится еще въ особенности къ религіи этой эпохи. Добросовѣстность требуетъ, чтобы я отличилъ самымъ яснымъ образомъ партію, которую здѣсь называютъ католической, отъ тѣхъ господъ, которые носятъ это имя въ Германіи. Объ этихъ-то послѣднихъ и говорилъ я въ этой книгѣ языкомъ, который мнѣ по правдѣ кажется еще слишкомъ мягкимъ. Это враги моего отечества, люди съ дерзкимъ лицемѣріемъ и непобѣдимой подлостью. Они шипятъ въ Берлинѣ, шипятъ въ Мюнхенѣ, и гуляя спокойно на Монтмартрскомъ бульварѣ, вы вдругъ чувствуете укушеніе въ пятку. Но мы сокрушаемъ голову старому змію. Это милиція лжи, это реставраторы всѣхъ бѣдствій, всѣхъ ужасовъ, всѣхъ безумствъ прошедшаго. На какое огромное разстояніе отстоятъ отъ нихъ люди здѣшней католической партіи, главы которой принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ писателямъ Франціи! Хотя они и не братья намъ по оружію, но они все-таки сражаются за одинаковые съ нами интересы, за интересы человѣчества. Эта-то общая любовь насъ и соединяетъ: мы расходимся только въ вопросѣ о томъ, что̀ всего болѣе нужно человѣчеству. Они думаютъ, что ему нужно только духовное утѣшеніе; а мы думаемъ напротивъ, что матеріальное удовлетвореніе необходимо ему прежде всего. Когда французская католическая партія, заблуждаясь на счетъ своей настоящей миссіи, объявляетъ себя партіей прошедшаго, рестовраторами старыхъ временъ, мы должны защищать ее противъ ея собственныхъ увѣреній. XVIII вѣкъ такъ совершенно побѣдилъ католицизмъ во Франціи, что оставилъ его почти безъ признака жизни и что тотъ, кто хочетъ у васъ возстановить католицизмъ, похожъ на проповѣдника совсѣмъ новой религіи. Подъ именемъ Франціи я разумѣю Парижъ, а не провинцію; потомучто то, что̀ думаетъ провинція имѣетъ такое же значеніе, какъ то, что̀ думаютъ наши ноги. Ибо голова есть резиденція нашихъ мыслей. Мнѣ говорили, что

Digitized by Google

французскіе провинціалы ревностные католики; я не могу ни утверждать, ни оспаривать этого. Люди, которыхъ я нашолъ въ провинціи, произвели на меня впечатлѣніе верстовыхъ столбовъ, которыя носятъ на лбу надпись о большей или меньшей отдаленности отъ столицы. Тамошнія женщины можетъ быть ищутъ въ католицизмѣ утѣшенія въ грустной невозможности жить въ Парижѣ. Даже въ самомъ Парижѣ, католицизмъ уже не существовалъ въ дѣйствительности со времени революціи, и гораздо прежде онъ потерялъ тамъ всякое дѣйствительное значеніе.

Надѣюсь, что не истолкуютъ въ дурную сторону этихъ замѣчаній: онѣ имѣли цѣлью предупредить читателя противъ непріятныхъ недоразумѣній. Въ трехъ первыхъ частяхъ этой книги я говорилъ довольно пространно о борьбѣ между религіей и философіей въ Германіи; мнѣ нужно было объяснить эту умственную революцію моей страны, по поводу которой Г-жа де Сталь распространила столько ошибочныхъ понятій во Франціи. Объявляю откровенно: я не переставалъ имѣть въ виду книги этой праматери доктринеровъ и именно въ видахъ ея поправки и далъ своей собственной книгѣ тоже заглавіе: *О Германіи*.

Парижъ, 8 апрѣля
1885 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ГЕРМАНІИ ДО ЛЮТЕРА

Послѣ долгихъ стараній дать Германіи настоящее понятіе о Франціи, уничтожитъ тѣ національные предразсудки, которые многіе такъ хорошо умѣютъ разработывать въ свою пользу, я предпринимаю такой-же и неменѣе полезный трудъ — объяснить французамъ Германію.

Провидѣніе, возложившее на меня этотъ трудъ, дастъ мнѣ также потребное для того разумѣніе. Я начинаю дѣло полезное двумъ странамъ и полонъ вѣры въ свою миссію.

Прежде во Франціи царствовало полнѣйшее невѣжество относительно духовнаго міра Германіи, невѣжество, которое становилось гибельнымъ во время войны. Теперь-же напротивъ появляется полу-знаніе, ошибочное толкованіе германскаго духа, безпорядочная смѣсь древне-нѣмецкихъ доктринъ, весьма опасная во время мира.

Digitized by Google

Большая часть французовъ вообразила, что достаточно быть знакомымъ съ главными произведеніями германскаго искуства для того, чтобы понять германскую мысль; но искуство есть только одинъ изъ фазисовъ этой мысли, да и для полнаго его пониманія нужно ознакомиться съ двумя другими фазисами германской мысли: религіей и философіей.

Только посредствомъ исторіи религіозной реформы, провозглашонной Лютеромъ, можно понять, какъ могла развиться у насъ философія, и только ознакомившись съ нашими философскими системами, можно оцѣнить великой переворотъ въ литературѣ, начавшійся теоріей, принципами новой критики, и породившій тотъ романтизмъ, которымъ такъ восхищались Французы. Вы любовались цвѣтами, не зная ни ихъ корней, ни ихъ символическаго языка: вы видѣли только краски; вы вдыхали только ароматъ ихъ.

Впродолженіи восемнадцати вѣковъ христіанство было благодѣяніемъ для человѣчества; оно было спасительно, божественно, свято. Все, что оно сдѣлало въ пользу цивилизаціи, ослабивъ сильныхъ, придавъ силы слабымъ, связавъ народы однимъ и тѣмъ-же чувствомъ, однимъ и тѣмъ-же языкомъ, и все великое, что приписывалось ему его апологетами, все это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ безмѣрнымъ утѣшеніемъ, которое оно разлило между людьми. Какое колосальное единство въ христіанскомъ искуствѣ, какое единство въ его твореніяхъ! Посмотрите на эти готическіе храмы, какъ они гармонируютъ съ богослуженіемъ и какъ хорошо раскрывается здѣсь идея самой церкви! Здѣсь все стремится къ небу, все пресуществляется: камень выростаетъ въ почки, листья и становится деревомъ. Какой драгоцѣнный и обильный источникъ для поэтовъ эта христіанская жизнь среднихъ вѣковъ!

Въ эту высокую эпоху христіанской религіи, сама природа казалось облачалась въ фантастическія формы; и хотя человѣкъ, погружонный въ глубину своихъ отвлеченностей, съ горестью отворачивался отъ нея, она иногда пробуждала его голосомъ до того сладкимъ и вмѣстѣ ужаснымъ, такимъ чудесно нѣжнымъ, такимъ волшебнымъ и могущественнымъ, что человѣкъ невольно слушалъ, улыбался, пугался и даже умиралъ иногда. Въ эту минуту мнѣ приходитъ на память исторія о базельскомъ соловьѣ и, такъ какъ вы ея вѣроятно не знаете, то я и разскажу ее вамъ.

Въ одинъ майскій день 1433 года, во время базельскаго собора, цѣлое общество духовныхъ отправилось гулять въ лѣсъ, въ окрестностяхъ города. Были тутъ прелаты, ученые доктора, монахи всѣхъ цвѣтовъ; они спорили о трудныхъ вопросахъ теологіи, различая, доказывая, горячась по поводу аннатъ, преемственныхъ правъ и ограниченій; изслѣдовали, кто бо-

Digitized by Google

лѣе великій философъ, Ѳома Акванскій или Бонавентура и—мало-ли о чемъ. Вдругъ, посреди своихъ догматическихъ и абстрактныхъ разсужденій они замолчали и остановились какъ вкопанные подъ одной цвѣтущей липой, на которой скрывался соловей и изливалъ свои самыя томныя и нѣжныя мелодіи. Всѣ эти учоныя особы почувствовали себя чудесно растроганными, ихъ схоластическія и монашескія сердца раскрылись для горячихъ вѣяній весны, они пробудились отъ ледяного оцѣпененія, въ которое были погружены; они взглянули было другъ на друга съ удивленіемъ и восторгомъ, какъ вдругъ кто-то тонко замѣтилъ, что все это кажется ему несовсѣмъ благочиннымъ, что соловей этотъ можетъ быть ничто иное, какъ дьяволъ, что этотъ дьяволъ отклоняетъ ихъ отъ христіанской бесѣды своими соблазнительными пѣснями, что онъ увлекаетъ ихъ къ сладострастію и грѣховнымъ наслажденіямъ, и принялся заклинать его принятой тогда формулой: adjuro te per eum qui venturus est judicare vivos et mortuos и т. д. Говорятъ, что птица отвѣчала на это заклинаніе: «да, я точно злой духъ!» и улетѣла со смѣхомъ. Тѣже, которые слышали ея пѣніе, заболѣли въ тотъ же самый день и вскорѣ умерли.

Эта исторія не нуждается въ комментаріи. Покуда ограничусь замѣчаніемъ, что французскіе писатели, увлеченные авторитетомъ нѣкоторыхъ нѣмцевъ, впали въ важную ошибку, предположивъ, что въ средніе вѣка, народныя вѣрованія были одинаковы во всей Европѣ. Только на доброе начало и царство Іисуса Христа у всей Европы были общіе взгляды; за этимъ наблюдала Римская церковь и тотъ, кто отступалъ отъ предписаннаго мнѣнія, считался еретикомъ. Но на злое начало, на царство сатаны взгляды были различны сообразно съ страною, и на сѣверѣ о немъ имѣли другое понятіе нежели въ романтическихъ странахъ юга. Это происходило оттого, что христіанскіе священники не отвергали, какъ пустыя мечты, старыя народныя божества, но приписывали имъ дѣйствительное существованіе, утверждая въ тоже время, что боги эти были черти и чертовки, потерявшіе власть надъ людьми чрезъ побѣду Христа и старающіеся теперь снова привлечь ихъ къ себѣ посредствомъ хитрости и соблазна. Весь олимпъ сдѣлался царствомъ ада и, съ какой граціей ни воспѣвали средневѣковые поэты греческіе божества, христіанскій читатель продолжалъ видѣть въ нихъ демоновъ и привидѣнія. Мрачная анаѳема средневѣковыхъ монаховъ преимущественно разразилась надъ бѣдной Венерой. Она считалась дочерью Веельзевула и добрый рыцарь Тангейзеръ сказалъ ей даже въ глаза

O Venus, ma belle déesse
Vous êtes une diablesse

Этого Тангейзера, Венера увлекла въ очарованное мѣсто, называемое

Digitized by Google

горою Венеры, гдѣ прелестная богиня и ея нимфы вели посреди игръ и танцевъ самую развратную жизнь. Сама Діана, вопреки своей непорочности, была заподозрѣна въ томъ, что таскалась ночью по лѣсамъ съ своими нимфами; отсюда легенды о Жестокомъ Охотникѣ и Ночной Охотѣ.

Національное вѣрованіе Европы, на сѣверѣ еще болѣе чѣмъ на югѣ, было пантеистическое. Его таинства и символы имѣли начало въ поклоненіи природѣ; въ каждой стихіи боготворили какое нибудь чудесное существо; въ каждомъ деревѣ дышало божество, всѣ проявленія видимаго міра были обоготворены. Католицизмъ перевернулъ на изнанку это воззрѣніе; вмѣсто обоготворенія природы, онъ населилъ ее злыми духами. Но свѣтлые образы греческой миѳологіи, созданные художниками и господствовавшіе на югѣ вмѣстѣ съ цивилизаціею, нетакъ легко было обратить въ сатанинскія маски, какъ божества Германіи, созданіемъ которыхъ не управляла ни одна художническая мысль и которые были почти также печальны, какъ и самый сѣверъ. Такъ во Франціи не могли создать такого страшнаго и мрачнаго ада, какъ у насъ, міръ духовъ и колдуновъ получилъ тамъ свѣтлую форму. Какъ прелестны, блестящи и свѣтлы народныя легенды Франціи въ сравненіи съ легендами Германіи, этими печальными порожденіями, слѣпленными изъ тумана и крови, формы которыхъ такъ блѣдны и сѣроваты и видъ такъ ужасенъ. Наши средневѣковые поэты, выбиравшіе, по большей части, сюжеты, которые были найдены и обработаны прежде у васъ въ Бретани и Нормандіи, можетъ быть, намѣренно придали своимъ произведеніямъ пріятныя формы древняго французскаго духа. Но въ нашихъ національныхъ созданіяхъ и наслѣдственныхъ народныхъ легендахъ господствуетъ тотъ мрачный духъ сѣвера, о которомъ вы едва ли можете составить себѣ понятіе. У васъ, также какъ и у насъ, есть много сортовъ стихійныхъ духовъ, но наши на столько же отличаются отъ вашихъ, на сколько отличается нѣмецъ отъ француза. Какъ ваши сказочные демоны чисты и опрятны сравнительно съ адской сволочью нашихъ грязныхъ и неуклюжихъ духовъ! Ваши феи и бѣсенята, изъ какой-бы страны вы ихъ ни взяли, изъ земли Галловъ или Аравіи—у васъ совершенно натурализуются. Ваши Ундины и Мелюзины, напримѣръ, всегда принцессы, наши-же прачки. Какъ испугалась-бы фея Моргана, еслибы встрѣтила нѣмецкую вѣдьму, нагую, обмазанную дегтемъ, отправляющуюся на помелѣ справлять шабашъ на Брокенъ, на эту гору, служащую мѣстомъ свиданія всему, что можно было выдумать безобразнаго и мрачнаго! На вершинѣ ея сидитъ сатана, подъ видомъ чорнаго козла. Каждая вѣдьма подходитъ къ нему со свѣчею въ рукѣ и цѣлуетъ его. Потомъ всѣ эти адскія сестры пляшутъ хороводомъ вокругъ него. Козелъ блеетъ и адскій раутъ испускаетъ крикъ

Digitized by Google

свирѣпой радости. Если одна изъ вѣдьмъ потеряетъ башмакъ въ этомъ танцѣ, то это для нея худой признакъ; это значитъ, что ее сожгутъ впродолженіи года. Но безумная музыка шабаша, достойная Берліоза, разсѣеваетъ всѣ страхи и всѣ предчувствія, а когда бѣдная вѣдьма проснется по утру отъ своего опьяненія, то очутится нагая и измученная на золѣ у своего потухшаго очага.

Самыя точныя свѣденія объ этихъ вѣдьмахъ можно найти въ Демонологіи достопочтеннаго и ученаго доктора Николая Ремигіуса, уголовнаго судьи его свѣтлости герцога Лотарингскаго. Этотъ прозорливый мужъ былъ, впрочемъ въ наивыгоднѣйшемъ положеніи для того, чтобы ознакомиться съ колдуньями, такъ какъ онъ велъ ихъ процесы и, въ его только время, взошло въ Лотарингіи на костеръ болѣе восьмисотъ женщинъ, заподозрѣнныхъ и уличенныхъ въ колдовствѣ. Испытаніе состояло преимущественно въ слѣдующемъ: имъ связывали вмѣстѣ руки и ноги, потомъ погружали ихъ въ воду. Если онѣ шли ко дну и тонули, значитъ были невинны, но если всплывали на поверхность рѣки, то ихъ признавали виновными и сожигали безъ милосердія. Такова была тогдашняя логика.

Основной чертой характера нѣмецкихъ демоновъ является то, что у нихъ отнято все идеальное, а страшное сливается въ нихъ съ неблагороднымъ. Чѣмъ болѣе они обнаруживаютъ неуклюжей фамильярности, тѣмъ страшнѣе производимое ими впечатлѣніе. Ничего нѣтъ отвратительнѣе нашихъ мертвецовъ, кобольдовъ и домовыхъ. Преторіусъ въ своемъ Antropodemus Plutonicus посвящаетъ этому предмету страницу, которую я выпишу буквально:

«Древніе ничего не могли сказать о кобольдахъ кромѣ того, что это были настоящіе люди, видомъ похожіе на маленькихъ дѣтей, въ маленькихъ пестрыхъ платьяхъ; нѣкоторые прибавляютъ, что у нихъ изъ поясницы торчалъ ножъ, которымъ они когда-то были злостно умерщвлены, почему ихъ очень непріятно видѣть. Суевѣрные думаютъ, что это должны быть души людей убитыхъ въ томъ домѣ, гдѣ они появляются; они разсказываютъ много исторій, повѣствующихъ какія услуги кобольды оказываютъ служанкамъ и кухаркамъ, чѣмъ заставляютъ такъ полюбить себя, что многія изъ нихъ доходили до непремѣннаго желанія призвать и увидѣть ихъ. Но духи не охотно исполняютъ эти желанія, потомучто, говорятъ, ихъ нельзя видѣть безъ смертельнаго страха. Однакожъ, если служанки слишкомъ настаиваютъ, кобольды назначаютъ мѣсто въ домѣ, куда и являются лично; они предупреждаютъ, что необходимо принести съ собою ведро холодной воды. Это потому, что кобольдъ иногда появлялся на полу, нагой, съ торчащимъ изъ спины ножомъ, и испуганная служанка падала

Digitized by Google

въ обморокъ. Тогда маленькое существо поднималось, брало воду и обливало ею служанку, чтобъ привести ее въ чувство. Съ той поры, служанка теряла охоту увидѣть еще разъ маленькаго Хима. Надо замѣтить, что всѣ кобольды имѣютъ свои имена, но что они обыкновенно называются Chim. Говорятъ также, что они исполняютъ всевозможныя работы за слугъ и служанокъ, которымъ преданы, чистятъ лошадей, убираютъ конюшню, моютъ повсюду, держатъ кухню въ порядкѣ, исполняютъ домашнюю работу и бываютъ такъ старательны, что скотъ жирѣетъ и очень здоровѣетъ подъ ихъ надзоромъ. Для этого нужно, чтобы прислуга ласкала кобольдовъ, чтобы имъ не дѣлалось ни малѣйшаго огорченія, чтобы надъ ними никогда не смѣялись и не отказывали имъ въ блюдахъ, которыя они особенно любятъ. Если кухарка взяла въ свои тайные помощники одно изъ этихъ маленькихъ существъ, она должна каждый день, въ извѣстный часъ и въ извѣстное мѣсто, снести ему хорошо приготовленное и вкусно приправленное блюдо и уйти неоглядываясь; послѣ этого, она можетъ лѣниться сколько угодно, лечь спать свечера, а поутру работа ея будетъ все-таки готова. Если же она разъ позабудетъ свою обязанность и не снесетъ въ извѣстный часъ блюда кобольду, то принуждена будетъ все дѣлать одна и все ей будетъ не удаваться. Она то обожжется кипяткомъ, то разобьетъ горшки и посуду, то опрокинетъ соусъ и проч.; за всѣмъ этимъ слѣдуетъ наказаніе отъ хозяина или хозяйки, случай, въ которомъ нерѣдко слышали смѣхъ кобольда. Въ свою очередь, кобольды имѣютъ обыкновеніе оставаться въ домѣ даже когда перемѣняютъ служанокъ. Нерѣдко уходящая служанка передавала кобольда своей наслѣдницѣ, и когда та не исполняла ея наставленій, на нее обрушивались несчастія, такъ что приходилось въ свою очередь оставить мѣсто».

Слѣдующій анекдотъ можетъ быть одинъ изъ самыхъ страшныхъ въ этомъ родѣ.

У одной служанки былъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ домашній духъ, садившійся подлѣ нея у очага, гдѣ она оставляла ему мѣстечко и бесѣдовала съ нимъ въ долгія зимнія ночи. Однажды, служанка попросила Гейнцхена (такъ она называла духа) показаться ей въ своемъ настоящемъ видѣ. Но Гейнцхенъ отказалъ ей. Наконецъ, послѣ долгихъ настаиваній, онъ согласился и велѣлъ служанкѣ сойти въ погребъ, гдѣ онъ ей покажется.

Служанка взяла огня, сошла въ погребъ и тамъ, въ открытой бочкѣ, увидѣла мертваго ребенка, плавающаго въ своей крови. Надобно знать, что много лѣтъ тому назадъ служанка эта тайно разрѣшилась ребенкомъ, задушила его и спрятала въ бочку.

Нѣмцы такъ уже созданы, что ищутъ самыхъ пикантныхъ шутокъ

Digitized by Google

въ страшныхъ вещахъ и народныя легенды, говорящія о кобольдахъ, часто исполнены забавныхъ чертъ. Самыя смѣшныя исторіи бываютъ большею частію о *Гюдекенѣ*, кобольдѣ, выкидывавшемъ свои штуки въ XII-мъ вѣкѣ въ Гильдесгеймѣ и о которомъ упоминается въ нашихъ хроникахъ, въ нашихъ волшебныхъ романахъ и нашихъ сказкахъ. Заимствую изъ монастырской хроники аббата Тритема слѣдующій пассажъ: «Въ 1132 году нѣкоторое время сталъ являться многимъ людямъ въ Гильдесгеймской эпархіи весьма злой духъ. Онъ имѣлъ видъ простолюдина и носилъ на головѣ шляпу. Почему и крестьяне называли его, на саксонскомъ нарѣчіи, Hüdeken (маленькая шляпа). Этотъ духъ находилъ удовольствіе посѣщать людей, быть то видимымъ, то невидимымъ, дѣлать вопросы, и отвѣчать на всѣ, которыя ему дѣлали. Онъ никого не обижалъ безъ причины. Но, если надъ нимъ насмѣхались или его оскорбляли, то онъ мстилъ съ лихвою. Когда графъ Бурхардъ Лукскій былъ убитъ Германомъ Визенбургскимъ и страна его подвергалась опасности сдѣлаться добычею послѣдняго, Гюдекенъ разбудилъ епископа Бернгарда Гильдесгеймскаго и закричалъ ему: » Вставай, плѣшивая голова! Визенбургское графство осталось вакантнымъ вслѣдствіе убійства его владѣтеля и ты легко можешь занять его.» Епископъ поспѣшно собралъ своихъ воиновъ, напалъ на владѣнія вѣроломнаго графа и присоединилъ ихъ, съ согласія императора, къ своему епископству. Духъ часто извѣщалъ упомянутаго епископа о всякаго рода опасностяхъ и нерѣдко появлялся въ кухнѣ епископскаго дворца, гдѣ бесѣдовалъ съ поваренками и оказывалъ имъ всякаго рода услуги. Такъ какъ съ Гюдекеномъ ужъ очень свыклись, одинъ поваренокъ позволялъ себѣ дразнить его и плескать въ него грязной водой, когда онъ показывался. Наконецъ, духъ попросилъ главнаго повара запретить подобныя шалости невѣжливому мальчику. Главный поваръ отвѣчалъ: «ты духъ, а боишься какого нибудь мальчишки!» на что Гюдекенъ возразилъ грознымъ тономъ: «такъ какъ ты не хочешь наказать этого мальчика, я покажу тебѣ черезъ нѣсколько дней боюсь-ли я его!» Вскорѣ послѣ того, мальчикъ обидѣвшій духа спалъ какъ-то одинъ въ кухнѣ. Духъ схватилъ его, закололъ, растерзалъ на части и побросалъ куски его тѣла во всѣ горшки, которые стояли на огнѣ; когда поваръ увидѣлъ эту штуку, то началъ проклинать духа и, на слѣдующій день, Гюдекенъ перепортилъ все жаркое на вертелахъ, подливъ въ него яду и крови ехидны. Месть вызвала у повара новыя оскорбленія; тогда духъ увлекъ его на заколдованный подъемный мостъ и сбросилъ въ ровъ замка. Съ этого времени онъ сталъ проводить ночи на городскихъ башняхъ и укрѣпленіяхъ, безпокоя часовыхъ и понуждая ихъ къ бдительной стражѣ. Одинъ мѣща-

Digitized by Google

нинъ, имѣвшій невѣрную жену, сказалъ какъ-то шутя передъ отъѣздомъ: «Гюдекенъ, другъ мой, поручаю тебѣ мою жену; стереги ее хорошенько.» Лишь только мѣщанинъ уѣхалъ, безчестная женщина зазвала всѣхъ своихъ любовниковъ одного за другимъ; но Гюдекенъ не допустилъ къ ней ни одного и всѣхъ побросалъ съ кровати на полъ. Когда мужъ возвратился изъ путешествія, духъ вышелъ ему навстрѣчу и сказалъ:» Очень радъ твоему возвращенію, которое избавляетъ меня отъ твоего тяжелаго порученія. Я съ невѣроятнымъ трудомъ сохранилъ твою жену отъ грѣха невѣрности и прошу тебя никогда не поручать ее больше моему надзору. Я охотнѣе сталъ-бы стеречь всѣхъ поросятъ въ Саксоніи, чѣмъ одну женщину, желающую броситься въ объятія своихъ любовниковъ.»

Для исторической вѣрности я долженъ замѣтить, что шляпа, которую носилъ на головѣ Гюдекенъ, удаляется отъ обыкновеннаго костюма кобольдовъ; они обыкновенно бываютъ одѣты въ сѣромъ и носятъ маленькую красную шапочку. По крайней мѣрѣ въ этомъ костюмѣ находятъ ихъ въ Даніи, гдѣ ихъ еще самое большое число. Прежде я думалъ, что они избрали жительствомъ эту страну за ея золотистый ячмень, но молодой датскій поэтъ Г. Андерсенъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ Парижѣ нынѣшнемъ лѣтомъ, положительно завѣрилъ меня, что Nissen, какъ называютъ кобольдовъ въ Даніи, предпочитаютъ питаться хлѣбной похлебкой на маслѣ. Когда эти кобольды поселятся разъ въ домѣ, то не бываютъ расположены скоро покинуть его. Впрочемъ они никогда не являются безъ доклада и предупреждаютъ хозяина дома слѣдующимъ образомъ: ночью, приносятъ въ домъ множество щепъ и кладутъ навозу въ кринки съ молокомъ; если хозяинъ не выброситъ этихъ щепъ и скушаетъ съ своей семьей испорченное молоко, кобольды поселяются у него навсегда. Одинъ бѣдный ютландецъ такъ огорчился безпокойнымъ присутствіемъ одного изъ этихъ странныхъ сожителей, что рѣшился оставить ему свой домъ. Онъ нагрузилъ на тележку свое убогое достояніе и отправился въ путь, въ ближайшее селеніе. Но оглянувшись дорогой, онъ увидѣлъ красную шапочку и маленькую головку кобольда, выглядывающую изъ за маслобойныхъ кадокъ и дружелюбно кричающую ему: wi flütten! (мы переѣзжаемъ!)

Я можетъ быть ужъ слишкомъ долго остановился на этихъ маленькихъ демонахъ и пора бы перейти и къ большимъ. Но всѣ эти исторіи даютъ понятіе о вѣрованіяхъ и характерѣ нѣмецкаго народа. Это вѣрованіе было въ прежнее время также сильно, какъ вѣра въ церковь. Когда ученый докторъ Ремигіусъ окончилъ свое большое сочиненіе о колдовствѣ, то нашолъ, что достаточно знакомъ съ предметомъ для того, что-

Digitized by Google

бы самому приняться за магію и, какъ добросовѣстнѣйшій изъ докторовъ, непреминулъ донести въ судъ на свое колдовство. Онъ былъ публично сожженъ вслѣдствіе своихъ признаній.

Человѣкъ не охотно разстается съ тѣмъ, что было дорого его предкамъ; его симпатіи тайно держатся за прежнее, часто безъ его вѣдома, даже и тогда, когда оно изувѣчено и искажено. Потому-то это народное суевѣріе, въ какія бы формы оно не облекалось, вѣроятно очень долго просуществуетъ въ Германіи, какъ имѣющее крѣпкій корень въ древней народности. Во время реформація не исчезло вѣрованіе въ волшебство и колдуновъ. Лютеръ вѣритъ въ могущество дьявола. Его *застольныя рѣчи* наполнены любопытными и старыми исторіями, гдѣ разсказывается о похожденіяхъ сатаны, кобольдовъ и вѣдьмъ. Ему самому часто казалось, что онъ борется съ самимъ дьяволомъ. Въ Вартбургѣ, гдѣ онъ перевелъ Новый Завѣтъ, дьяволъ такъ смущалъ его, что онъ бросилъ въ него чернильницей. Съ этого времени чортъ ужасно боится чернилъ, а типографскихъ въ особенности. Въ этихъ *застольныхъ рѣчахъ* очень часто идетъ дѣло о хитрости и коварствѣ дьявола и я не могу удержаться, чтобы не разсказать еще одной исторіи.

Докторъ Мартинъ Лютеръ повѣствуетъ, что однажды нѣсколько товарищей сидѣли и разговаривали въ кабакѣ. Былъ между ними юноша нетерпѣливый, вспыльчивый и дикій, которому вздумалось сказать, что онъ продалъ бы свою душу тому, кто поставитъ ему хорошую кружку вина.

Спустя нѣсколько минутъ вошолъ въ комнату человѣкъ, сѣлъ подлѣ него, началъ съ нимъ пить и сказалъ:

— Послушай, ты сейчасъ говорилъ, что продашь свою душу тому, кто поставитъ тебѣ хорошую кружку вина?

Юноша еще разъ повторилъ:—Идетъ, лишь бы повеселиться, подурачиться и попить сегодня.

Человѣкъ, который былъ чортъ, согласился и вскорѣ потомъ исчезъ. Когда нашъ гуляка провелъ весело цѣлый день и оказался пьянымъ, тотъ же человѣкъ, т. е. чортъ, воротился, сѣлъ подлѣ него и сказалъ другимъ участникамъ попойки:

— Почтеннѣйшіе господа, если кто купилъ лошадь, имѣетъ ли онъ право также на сѣдло и узду вмѣстѣ съ нею? Какъ вы объ этомъ думаете? Всѣ очень испугались. Но наконецъ человѣкъ опять повторилъ имъ:

— Ну же, говорите откровенно. Они согласились и отвѣчали: — Да, сѣдло и узда также должны принадлежать ему. Тогда чортъ завладѣлъ бѣднымъ горячимъ юношей, унесъ его черезъ крышу и никто не зналъ куда онъ дѣвался.

Digitized by Google

Хотя я питаю глубочайшее уваженіе къ нашему великому учителю Мартину Лютеру, но мнѣ все-таки кажется, что онъ совершенно не понялъ характера дьявола. Послѣдній никогда не отзывался о тѣлѣ съ такимъ пренебреженіемъ, какъ въ приведенномъ случаѣ.

Начало реформы уже раскрываетъ все ея значеніе. Ни одинъ французъ еще не понялъ значенія этого великаго факта. Самыя ошибочныя идеи существуютъ во Франціи относительно реформаціи и я долженъ прибавить, что эти идеи могутъ помѣшать французамъ прійти когда нибудь въ вѣрной оцѣнкѣ германской жизни. Французы поняли только отрицательную сторону нашей религіозной реформы: они видѣли въ ней только борьбу съ католицизмомъ, и такъ какъ они сами сражались противъ этого вѣрованія, то они иногда воображаютъ, что по ту сторону Рейна, борьба поддерживалась тѣми же побужденіями, какія были во Франціи. Побужденія эти совершенно различны. Борьба противъ католицизма въ Германіи была ничто иное, какъ борьба начатая спиритуализмомъ, когда онъ увидѣлъ, что сохраняетъ только лишь титулъ властителя, когда замѣтилъ, что царствуетъ только de jure, между тѣмъ какъ сенсуализмъ потихоньку забралъ въ свои руки настоящую власть и управлялъ de facto. Продавцы индульгенцій были изгнаны, наложницы священниковъ замѣнены холодными законными женами, и настоящій пуританизмъ овладѣлъ страною. Во Франціи же, борьба, которую вели съ католицизмомъ въ XVII и XVIII вѣкѣ, была, напротивъ, войною, которую предпринялъ сенсуализмъ, когда, видя себя царствующимъ de facto, онъ не хотѣлъ болѣе допускать, чтобы спиритуализмъ, существовавшій только de jure, осуждалъ какъ незаконное каждое его дѣйствіе и порицалъ его жесточайшимъ образомъ. Вмѣсто того, чтобъ бороться серьезно и цѣломудренно, какъ въ Германіи, войну поддерживали эпиграмами и шутками, и вмѣсто теологическихъ диспутовъ сѣвера здѣсь сочиняли веселыя сатиры. Предметомъ этихъ сатиръ было обыкновенно показать противорѣчіе, въ которое впадаетъ человѣкъ, когда онъ хочетъ сдѣлаться только однимъ духомъ; это было время исторій о набожныхъ личностяхъ, невольно уступавшихъ требованіямъ своей чувственности и старавшихся сохранить наружную святость, предаваясь земнымъ наслажденіямъ. Королева Наваррская уже подробно трактовала этотъ сюжетъ въ своихъ новеллахъ. Отношенія монаховъ къ женщинамъ составляютъ ея обыкновенную тему. Самымъ злостнымъ произведеніемъ въ этой рѣзвой полемикѣ былъ безъ сомнѣнія *Тартюфъ* Мольера, потому что эта комедія направлена не только противъ іезуитизма своего времени, но противъ самого католицизма. Испугъ, который причиняетъ Тартюфу обнаженная грудь Доримы, слова, которыя онъ говоритъ Эльмирѣ:

Digitized by Google

Le ciel défend, de vrai, certains contentements,
Mais on trouve avec lui des accommodements...

Все это клонится не просто къ осмѣянію обыкновеннаго лицемѣрства. Право, янсенисты имѣли большій поводъ чѣмъ іезуиты оскорбиться представленіемъ Тартюфа, и Мольеръ былъ бы теперь столько же ненавистенъ протестантскимъ методистамъ, какъ и набожнымъ католикамъ своего времени. Мольеръ потому и великъ, что, подобно Аристофану и Сервантесу, не только бичевалъ современныя слабости, но его высокія насмѣшки простираются и на вѣчныя, неразрушимыя слабости человѣчества. Вольтеръ, нападающій только на настоящее, на свое время, стоитъ въ этомъ отношеніи далеко ниже Мольера.

Знаменитыя особы, собравшіяся 17 апрѣля 1521 г. въ Вормсѣ, въ большой залѣ сейма, могли думать не тò, чтò говорили. Тамъ засѣдалъ молодой императоръ, облекавшійся въ свой новый пурпуръ со всей радостью и пыломъ, съ которымъ молодость хватается за власть, и втайнѣ радовавшійся, что гордый римскій первосвященникъ, рука котораго такъ тяжело тяготѣла надъ императорами и притязанія котораго еще не были оставлены, самъ теперь подвергается жестокимъ нападеніямъ. Съ своей стороны представитель Рима чувствовалъ тайное удовольствіе при видѣ начинающагося раздора между германцами, которые такъ часто бросались на прекрасную Италію, чтобы разграбить ее какъ пьяные варвары, и которые угрожали ей новыми набѣгами. Свѣтскіе властелины радовались возможности наложить руку на имущества церкви, при помощи идей распространяемыхъ новой доктриной. Святѣйшіе прелаты разсуждали уже не вступить ли въ законный бракъ, чтобы завѣщать своему мужскому потомству свое курфиршество, свои помѣстья и аббатства. Городское сословіе радовалось увеличенію своей независимости, какъ мірской такъ и духовной. Словомъ, каждый могъ что нибудь выиграть и всѣ думали о земныхъ интересахъ.

Между тѣмъ, былъ тамъ одинъ человѣкъ, который, я увѣренъ, думалъ не о самомъ себѣ, а о божественныхъ интересахъ, которые готовился защищать. Этотъ человѣкъ былъ Мартинъ Лютеръ, тотъ бѣдный монахъ, котораго провидѣніе избрало сокрушить великое могущество Рима, устоявшее противъ усилій храбрѣйшихъ императоровъ и смѣлѣйшихъ философовъ Но провидѣніе знаетъ, на какіе плеча возложить свое бремя. Тутъ нужна была сила не только нравственная, но и физическая. Нужно было тѣло, укрѣпленное долгой монашеской дисциплиной и обѣтомъ цѣломудрія, чтобы перенести тягости подобной миссіи. Нашъ дорогой учи-

Digitized by Google

тель былъ еще тогда очень худъ и блѣденъ, такъ что румяные и откормленные вельможи, присутствовавшіе на сеймѣ, смотрѣли почти съ сожалѣніемъ на этого сухопарого бѣдняка въ чорной рясѣ. Но онъ былъ полонъ силы и здоровья, и нервы его были такъ крѣпки, что онъ ни мало не пришолъ въ смущеніе при видѣ этой блестящей толпы; легкія его тоже должны были обладать значительной силой, потомучто, окончивши одинъ разъ свою длинную защитительную рѣчь, онъ долженъ былъ повторить ее по латынѣ, такъ какъ императоръ не понималъ верхне германскаго языка. Я не могу воздержаться отъ вспышки негодованія каждый разъ какъ подумаю объ этомъ обстоятельствѣ, потомучто дорогой нашъ учитель Мартинъ Лютеръ стоялъ подлѣ окна, на сильномъ сквозномъ вѣтру, между тѣмъ какъ потъ лилъ съ его лба. Длинная рѣчь, безъ сомнѣнія, сильно утомила его, и въ горлѣ у него вѣроятно очень пересохло.

— Этому человѣку должно очень хотѣться пить, подумалъ герцогъ Брауншвейгскій, сидѣвшій подлѣ него; по крайней мѣрѣ мы читаемъ, что онъ велѣлъ принести для него изъ своего трактира три кружки лучшаго Ейнбекскаго пива. Я никогда не забуду этого благороднаго поступка, дѣлающаго столько чести Брауншвейгскому дому.

Во Франціи составилось такое-же фальшивое понятіе о реформаціи, какъ и о главномъ ея представителѣ. Главная причина этихъ заблужденій та, что Лютеръ былъ не только самый великій, а и *самый нѣмецкій* человѣкъ, когда либо являвшійся въ нашихъ лѣтописяхъ, что его характеръ соединяетъ въ себѣ въ высочайшей степени всѣ добродѣтели и всѣ недостатки нѣмцевъ, и что онъ дѣйствительно представляетъ собою все чудесное германскаго духа. У него дѣйствительно были качества, которыя мы рѣдко видимъ въ соединеніи и которыя мы обыкновенно считаемъ исключающими другъ друга. Это былъ въ одно время мистическій мечтатель и человѣкъ дѣла. У его мыслей, кромѣ крыльевъ, были еще и руки. Онъ говорилъ и,—рѣдкая вещь,—онъ и дѣйствовалъ; онъ былъ языкомъ и шпагой своего времени. Лютеръ былъ въ одно и тоже время—холодный схоластикъ, буквоѣдъ и вдохновенный пророкъ, упоенный словомъ Божіимъ. Послѣ цѣлаго труднаго дня, проведеннаго въ истощеніи души на догматическія пренія, онъ, вечеромъ, бралъ свою флейту и, созерцая звѣзды, погружался въ мелодіи и благочестивыя мысли.

Человѣкъ способный перегорланить своихъ противниковъ, какъ какая-нибудь торговка, умѣлъ вести сладкія и нѣжныя рѣчи, какъ влюбленная дѣвушка. Онъ былъ то дикъ и стремителенъ, какъ ураганъ съ корнями вырывающій дубы, то мягокъ и пѣвучъ какъ зефиръ, ласкающій фіалки. Онъ былъ полонъ святой боязнью Бога, готовъ на всѣ жертвы во славу его;

Digitized by Google

онъ умѣлъ возноситься въ самыя чистыя обители небеснаго царства, а между тѣмъ отлично зналъ великолѣпія этой земли, онъ умѣлъ ихъ цѣнить и изъ его устъ произошла знаменитая пословица:

Wer nicht liebt Wein, Weiber und Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Lebenlang.

Кто не любитъ ни вина, ни женщинъ, ни пѣнія,
Тотъ глупъ и останется такимъ цѣлую жизнь.

Словомъ это былъ вполнѣ человѣкъ. Назвать его спиритуалистомъ была бы такая же ошибка, какъ и навязать ему титулъ сенсуалиста. Какъ бы сказать о немъ? Въ немъ было что-то непосредственное, первобытное, чудесное, необъяснимое; въ немъ было, какъ и во всѣхъ людяхъ посланныхъ провидѣніемъ, что-то страшно наивное, неловко умное; онъ былъ великъ и ограниченъ.

Отецъ Лютера былъ рудокопомъ въ Мансфельдѣ. Ребенокъ часто спускался съ нимъ въ нѣдра земли, гдѣ родятся могучіе металлы, гдѣ текутъ первобытные источники; эта молодая душа усвоила себѣ, можетъ быть безсознательно, тайныя силы природы и можетъ быть даже подземные духи сообщали ему свои чары. Тамъ-то по всей вѣроятности и прилѣпилось къ нему столько землистаго вещества, столько выгарковъ страстей, за которые часто упрекали его память. Въ этомъ къ нему были несправедливы, потомучто возможно ли бы ему было сдѣлаться человѣкомъ дѣйствія безъ всей этой земной примѣси? Чистые духи не умѣютъ дѣйствовать. Развѣ мы не читаемъ въ трактатѣ о привидѣніяхъ Юнга Штиллинга, что духи могутъ принимать форму и подобіе живыхъ существъ, что они могутъ ходить, бѣгать, танцовать какъ живые, но что они не способны сдѣлать что либо матеріальное, сдвинуть съ мѣста малѣйшую мебель.

Хвала Лютеру! Вѣчный почетъ этому знаменитому человѣку, которому мы обязаны спасеніемъ нашихъ самыхъ дорогихъ благъ и благодѣяніями котораго мы живемъ и въ настоящее время! Не намъ жаловаться на узкіе границы его взглядовъ. Карликъ, вскарабкавшійся на плеча великана, конечно можетъ видѣть дальше нежели онъ, въ особенности если умудрится надѣть очки; но на этой высокой позиціи намъ не достаетъ возвышенности чувства, сердца гиганта, котораго нѣтъ возможности присвоить. Еще менѣе имѣемъ мы права произносить суровый приговоръ надъ его заблужденіями; его ошибки были намъ полезнѣе чѣмъ добродѣтели тысячи другихъ. Тонкость Эразма и кротость Меланхтона никогда не могли-бы произвести такого прогреса, какъ рѣзкость брата Мартина.

Да, самыя его ошибки, о которыхъ я упомянулъ, произвели дорогіе пло-

Digitized by Google

ды, плоды, которые вкушаетъ теперь цѣлое человѣчество. Съ того дня сейма, когда Лютеръ отвергъ авторитетъ папы и объявилъ открыто, что его собственныя доктрины нужно опровергнуть доводами *разума* или цитатами изъ *священнаго писанія*, съ этого дня началась въ Германіи новая эра. Цѣпь, которою Св. Бонифацій привязалъ нѣмецкую церковь къ римскому папскому престолу, была порвана. Эта церковь, бывшая составной частью великой іерархіи, сдѣлалась религіозной демократіей. Протестантизмъ имѣлъ сильнѣйшее вліяніе на ту чистоту нравовъ и строгое исполненіе обязанностей, которыя называются нравственностью; протестантизмъ даже принялъ и направленіе отождествляющее его съ этой нравственностью. Мы всюду видимъ счастливую перемѣну въ жизни духовныхъ. Съ безбрачіемъ исчезаютъ пороки и развратъ духовныхъ, замѣнившихся достойными священниками, къ которымъ почувствовали бы уваженіе даже сами древніе стоики. Надо исходить пѣшкомъ сѣверную Германію бѣднымъ студентомъ, чтобы знать сколько добродѣтели и, чтобы употребить прекрасный эпитетъ, скажу — евангельской добродѣтели заключается въ скромномъ жилищѣ пастора. Сколько разъ въ зимніе вечера я находилъ тамъ радушный пріютъ, я, посторонній, безъ всякой рекомендаціи кромѣ голода и усталости! Когда я удовлетворялъ своему апетиту и хорошенько высыпался, старый пасторъ въ халатѣ, видя меня готовымъ пуститься въ путь на другой день, выходилъ ко мнѣ и давалъ напутственное благословеніе, благословеніе, которое никогда не приносило мнѣ несчастія. Добрая и говорливая жена пастора тихонько клала мнѣ въ карманы нѣсколько тартинокъ, которыя бывали мнѣ не менѣе полезны; а за матерью въ совершенномъ молчаніи толпились хорошенькія дочки стараго священника, съ своими зарумянившимися щечками и кроткими глазами цвѣта фіалки, стыдливый огонь которыхъ оживлялъ мое сердце на весь тотъ длинный зимній день.

Поставивъ тезисомъ, что его доктрину должно разбирать или опровергать съ помощію библіи или же понятіями вытекающими изъ разума, Лютеръ далъ человѣческому уму право объяснять себѣ священное писаніе и разумъ стали признавать верховнымъ судьею во всѣхъ религіозныхъ несогласіяхъ. Отсюда произошла въ Германіи свобода ума или мысли, какъ хотите. Мысль сдѣлалась правомъ и рѣшенія разума стали законными. Конечно въ продолженіи среднихъ вѣковъ думали и говорили довольно свободно, и схоластики спорили о такихъ скабрезныхъ предметахъ, что удивительно, какъ ихъ можно было даже коснуться въ средніе вѣка. Но это происходило отъ различія дѣлаемаго между истинами теологическими и философскими, различія, посредствомъ котораго тщательно охраняли себя отъ ереси; и это дѣлалось только въ университетскихъ

Digitized by Google

залахъ и на готической латыни, которой народъ не могъ понимать. Стало быть, церкви нечего было очень бояться этихъ разсужденій. Однакожь она никогда положительно не дозволяла этихъ преній и отъ времени до времени въ видѣ протеста сожигала какого нибудь бѣднаго схоластика. Со временъ Лютера напротивъ не стали дѣлать различія между истиной теологической и истиной философской и спорили на площадяхъ и на нѣмецкомъ языкѣ безъ всякаго опасенія. Государи, признавшіе реформу, узаконили эту свободу мысли, и нѣмецкая философія есть одинъ изъ важнѣйшихъ ея результатовъ.

Нигдѣ, даже въ Греціи, умъ человѣческій не могъ развиваться и выражаться такъ свободно, какъ въ Германіи съ половины послѣдняго вѣка до французской революціи. Въ Пруссіи преимущественно царствовала безграничная свобода мысли. Маркизъ Бранденбургскій понялъ, что онъ, которому не сдѣлаться законнымъ королемъ Пруссіи иначе какъ по протестантскому принципу, долженъ поддерживать протестантскую свободу мысли...

Но я не хочу предаваться этимъ печальнымъ размышленіямъ, въ особенности не кончивъ еще рѣчи о томъ посланномъ провидѣніемъ человѣкѣ, которымъ сдѣлано столько великихъ вещей въ пользу германскаго народа. Я показалъ, какъ онъ довелъ насъ до величайшей независимости мысли. Между тѣмъ Лютеръ далъ намъ не только свободу движеній, но также и средства двигаться. Онъ далъ плоть духу; мысли онъ далъ слово: онъ создалъ нѣмецкій языкъ.

Это сдѣлалось при переводѣ библіи.

Божественный авторъ этой книги вѣроятно зналъ, какъ и мы, что выборъ переводчика вовсе немаловажная вещь. Онъ самъ создалъ своего и одарилъ его чудодѣйственной способностью перенести свое творение съ языка давно умершаго и похороненнаго—на другой языкъ, который еще не родился.

Существовала, правда, Вульгата, которую начинали понимать, но знаніе еврейскаго языка было окончательно утрачено въ христіанскомъ мірѣ. Одни жиды, которые скрывались тамъ и сямъ въ уголкахъ міра, сохраняли еще преданія этого языка. Подобно привидѣнію, охраняющему сокровище, которое ему вверили еще при его жизни, эта задушенная нація, этотъ народъ—привидѣніе, скрываясь въ своихъ темныхъ ghettos, сохранялъ тамъ еврейскую библію; и нѣмецкіе ученые тайкомъ прокрадывались въ глухіе переулки, чтобы овладѣть сокровищемъ науки. Католическое духовенство увидѣло, что съ этой стороны ему грозитъ опасность; увидя, что народъ можетъ дойти по этой дорогѣ до настоящаго слова Божія и открыть римскія искаженія, оно

Digitized by Google

постаралось задушить также и преданія Израильтянъ и приготовилось уничтожить всѣ еврейскія книги. Съ той поры началась на берегахъ Рейна та война съ книгами, противъ которой такъ славно возсталъ докторъ Рейхлинъ. Кельнскіе теологи, дѣйствовавшіе въ то время, и въ особенности Гохштратенъ—не были такъ ограничены, какъ представляетъ ихъ храбрый сподвижникъ Рейхлина Ульрихъ фонъ Гуттенъ въ своихъ Litterae obscurorum virorum. Дѣло шло объ уничтоженіи еврейскаго языка. Когда Рейхлинъ остался побѣдителемъ, Лютеру стало возможно начать свое дѣло. Изъ одного письма, которое онъ написалъ въ это время Рейхлину, видно, что онъ какъ будто уже понималъ всю важность этой побѣды, одержанной послѣднимъ въ трудномъ и зависимомъ положеніи, между тѣмъ какъ онъ, августинскій монахъ, пользовался всей своей свободой; въ этомъ письмѣ Лютеръ очень наивно говоритъ: ego nihil timeo, quia nihil habeo.

До самой настоящей минуты я не могъ понять, какъ дошолъ Лютеръ до того языка, который онъ употребилъ въ переводѣ Библіи. Старое швабское нарѣчіе окончательно исчезло съ рыцарской поэзіей временъ императоровъ Гогенштауфенскаго дома. Старое саксонское нарѣчіе, которое называютъ нижне-германскимъ, было распространено только въ одной части сѣверной германіи и, несмотря на всѣ усилія, никогда не могло получить литературнаго употребленія. Еслибы Лютеръ воспользовался, при переводѣ Библіи, языкомъ, которымъ говорятъ теперь въ Саксоніи, Аделунгъ былъ бы правъ, утверждая, что саксонскій языкъ, въ особенности мейсенское нарѣчіе, есть верхне-германскій, т. е. нашъ литературный языкъ. Но это заблужденіе давно опровергнуто и я упоминаю о немъ потому только, что оно имѣетъ ходъ во Франціи. Нынѣшній саксонскій языкъ никогда не былъ нарѣчіемъ нѣмецкаго народа, также какъ и силезскій, потомучто тотъ и другой произошли отъ славянской примѣси. Повторяю опять, что не знаю какъ появился языкъ, который мы находимъ въ лютеровой Библіи; знаю только, что чрезъ посредство этой Библіи, которую въ тысячи экземплярахъ разсыпала между народомъ юная пресса, лютеровскій языкъ распространился по всей Германіи и сдѣлался всюду литературнымъ языкомъ. Онъ еще и теперь господствуетъ въ Германіи и даетъ этой странѣ, разрозненной религіозно и политически, литературное единство. Эта громадная услуга вознаграждаетъ насъ за то, что языкъ этотъ, въ томъ видѣ какъ онъ существуетъ теперь, не имѣетъ той простоты, которая встрѣчается въ языкахъ, составившихся изъ одного нарѣчія. Но слогъ Лютера въ Библіи представляетъ этотъ характеръ простоты, и эта старая книга есть вѣчный источникъ обновленія для нашего языка. Всѣ выраженія и обороты въ лютеровой Библіи по преимуществу нѣ-

Digitized by Google

мецкіе, писатели всегда могутъ употребить ихъ; а такъ какъ эта книга въ рукахъ самыхъ бѣдныхъ классовъ, то имъ не нужно ученыхъ уроковъ для того, чтобъ умѣть выражаться въ литературной формѣ.

Оригинальныя сочиненія Лютера не менѣе способствовали къ установкѣ нѣмецкаго языка. Они глубоко проникли въ умы живостью и страстностью его полемики. Тонъ, господствующій въ нихъ, не весьма деликатенъ, но вѣдь религіозные перевороты и не дѣлаются на сахарной водѣ. Въ библіи языкъ Лютера сохраняетъ всегда нѣкоторое достоинство изъ уваженія къ присутствію духа Божія. Въ полемическихъ же сочиненіяхъ онъ предается плебейской грубости, столь же отталкивающей какъ и грандіозной. Его выраженія и метафоры напоминаютъ тогда гигантскія каменныя изображенія, которыя находятъ въ египетскихъ и индѣйскихъ храмахъ, и безобразіе и странныя краски которыхъ привлекаютъ и отталкиваютъ насъ въ одно и тоже время. Посреди этого страннаго и тяжолаго слога, смѣлый монахъ является иногда религіознымъ Дантономъ, проповѣдникомъ Горы, который стоя на ея вершинѣ, бросаетъ на своихъ противниковъ свои громовыя слова, какъ обломки утесовъ.

Лыбопытнѣе и замѣчательнѣе прозаическихъ сочиненій Лютера его стихотворенія, эти пѣсни, вырывавшіяся у него во время борьбы и волненій дня. Это точно цвѣтокъ выросшій между камнями, лунный лучь освѣщающій бурное море. Лютеръ любилъ музыку, онъ даже написалъ трактатъ объ этомъ искусствѣ, такъ что его пѣсни очень мелодичны. Въ этомъ отношеніи онъ также заслужилъ свое прозваніе ейслебенскаго лебедя. Но далеко не кроткимъ лебедомъ является онъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, гдѣ возбуждаетъ мужество своихъ и одушевляется до самого дикаго увлеченія. Пѣснь, съ которой онъ вошолъ въ Вормсъ, сопровождаемый товарищами, была настоящей воинской пѣснью. Старый соборъ дрогнулъ отъ этихъ новыхъ звуковъ и вороны встрепенулись въ своихъ темныхъ гнѣздахъ на вершинахъ башенъ. Этотъ гимнъ, сохраняетъ до сихъ поръ свою энергическую силу. Вотъ эти старыя слова, звонкія и подбитыя желѣзомъ:

Господь наша крѣпость,
Оружіе и крѣпкій доспѣхъ;
Онъ избавитъ насъ отъ всякихъ бѣдъ,
Которыя пришли на насъ
Старый злой врагъ
Нынѣ возсталъ на насъ;
Онъ вооружился силою и хитростью,
Грозно его ополченіе
Равнаго ему нѣтъ въ мірѣ.

Digitized by Google

Могущество наше ничтожно;
Мы скоро погибли бы;
Но человѣкъ истины сражается за насъ,
Самъ Господь его избралъ.

Хочешь ли знать его имя?
Это Іисусъ Христосъ,
Господь Саваоѳъ,
Нѣтъ Бога развѣ его,
За нимъ останется побѣда.

Еслибы міръ былъ полонъ демоновъ
И они хотѣли бы пожрать насъ,
Не будемъ слишкомъ скорбѣть,
Мы все же успѣемъ.
Князь міра сего,
Хотя и косится на насъ,
Не сдѣлаетъ намъ вреда.
Онъ осужденъ, —
Одно слово можетъ ниспровергнуть его.

Они оставятъ намъ слово
И мы не станемъ благодарить за это.
Слово посреди насъ
Съ своимъ духомъ и своими дарами.
Пусть возьмутъ наше тѣло,
Имущество, честь, дѣтей и жонъ нашихъ. .
Оставьте ихъ,
Они ничего не выиграютъ чрезъ это,
За нами останется царство.

Я показалъ, какимъ образомъ мы обязаны нашему дорогому доктору Мартину Лютеру свободной мыслію, въ которой нуждалась для своего развитія новѣйшая литература. Я показалъ, какъ онъ намъ создалъ слово, языкъ, которымъ должна была выражаться эта литература. Остается еще прибавить, что онъ самъ, лично, открываетъ эту литературу, что собственно изящная словесность начинается съ Лютера; что его духовныя пѣсни составляютъ ея первый важный памятникъ и что въ нихъ уже открывается весь ея характеръ.

И такъ тотъ, кто захочетъ говорить о новой литературѣ Германіи, долженъ будетъ начать съ Лютера, а не съ добраго нюренбергскаго мѣщанина, называемаго Гансомъ-Саксомъ, какъ это дѣлали нѣкоторые недобросовѣстные романтическіе писатели. Гансъ Саксъ, этотъ трубадуръ почтенной корпораціи башмачниковъ, котораго лучшія пѣсни ничто иное, какъ безобразная пародія

Digitized by Google

на старыя пѣсни трубадуровъ, а драмы—нелѣпая передѣлка старыхъ мистерій; этотъ педантическій фарсеръ, тяжело передразнивающій свободную наивность среднихъ вѣковъ, есть можетъ быть послѣдній поэтъ старыхъ временъ, но ужь конечно не первый поэтъ новаго времени.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТЪ ЛЮТЕРА ДО КАНТА

Въ первой части этой книги мы говорили о великой религіозной революціи, представителемъ которой въ Германіи былъ Мартинъ Лютеръ. Теперь намъ слѣдуетъ говорить о революціи философской, которая произошла изъ первой и даже есть ничто иное какъ послѣдній выводъ протестантизма. Но прежде чѣмъ разскажемъ, какъ разразилась эта революція въ Эммануилѣ Кантѣ, намъ нужно припомнить философскія событія, происходившія за границей, значеніе Спинозы, участь философіи Лейбница, взаимныя отношенія этой философіи и религіи и ихъ несогласія. Но при этомъ, мы никакъ не будемъ терять изъ вида тѣхъ философскихъ вопросовъ, которымъ мы приписываемъ соціальное значеніе и рѣшенію которыхъ философія содѣйствуетъ вмѣстѣ съ религіей.

Прежде всего, дѣло идетъ о природѣ Бога. Богъ есть начало и конецъ всякой премудрости, говорятъ вѣрующіе въ своемъ смиреніи; и философъ, при всемъ надмѣніи своей наукой, признаетъ это благочестивое изрѣченіе.

Не Баконъ, какъ обыкновенно учили, а Рене Декартъ есть отецъ новой философіи, и мы ясно покажемъ въ какой степени родства состоитъ въ отношеніи къ нему нѣмецкая философія.

Рене Декартъ французъ, и въ этомъ случаѣ слава иниціативы принадлежитъ опять великой Франціи; но великая Франція, шумная, волнующаяся и болтливая земля французовъ, никогда не была благопріятной почвой для философіи, которая можетъ быть никогда и не удастся на ней. Это-то и почувствовалъ Рене Декартъ и отправился въ Нидерланды, тихую и мрачную страну Голландцевъ. Тамъ и написалъ онъ свои сочиненія; только тамъ стало ему возможно освободить свой умъ отъ наслѣд-

Digitized by Google

ственнаго формализма и воздвигнуть цѣлое философское зданіе чистыхъ мыслей, не заимствованныхъ ни у вѣры, ни у эмпиризма—условіе, котораго стали требовать съ тѣхъ поръ отъ всякой настоящей философіи. Тамъ только, онъ могъ такъ глубоко погрузиться въ бездны мысли, что схватилъ ее въ послѣднихъ изгибахъ самосознанія и что могъ констатировать самосознаніе посредствомъ мысли, въ знаменитомъ предложеніи: cogito, ergo sum.

Можетъ быть также Декартъ нигдѣ, кромѣ Голландіи, не могъ рискнуть распространить философію, идущую наперекоръ всѣмъ преданіямъ прошедшаго. Ему принадлежитъ честь основанія философской автономіи, такъ что философія съ тѣхъ поръ, могла уже стать твердо какъ независимая наука. Схоластики, какъ я уже замѣтилъ выше, нетолько давали первенство религіи надъ философіей, но еще и объявляли послѣднюю пустой игрою, суетнымъ упражненіемъ въ спорахъ, какъ скоро она начинала противорѣчить религіознымъ догматамъ. Для схоластиковъ главнымъ дѣломъ было выразить свои мысли, все равно подъ какимъ условіемъ. Схоластики тайно составляли философскую оппозицію церкви, но публично выказывали самую полную и лицемѣрную покорность. Во многихъ случаяхъ, они боролись за церковь и являлись вслѣдъ за нею на большихъ торжествахъ, почти какъ французскіе оппозиціонные депутаты въ торжественные дни реставраціи.

Комедія схоластиковъ продолжалась болѣе шести вѣковъ и становилась все болѣе и болѣе тривіальною. Уничтоживъ схоластицизмъ, Декартъ уничтожилъ дряхлую оппозицію среднихъ вѣковъ. Вслѣдъ за революціей необходимо, чтобы прежняя оппозиція сошла со сцены, иначе дѣлаются большія глупости. Мы сами видѣли это. Въ то время, о которомъ я говорю, нестолько сама католическая церковь, сколько ея старые противники, схоластики, возстали противъ картезіанской философіи. Папа запретилъ ее только въ 1663 году.

Я долженъ предположить у французовъ достаточное знакомство съ философіей ихъ великаго соотечественника, и мнѣ не нужно излагать здѣсь, какъ самыя противоположныя доктрины могли заимствовать у нея нужныя для себя матеріалы; я говорю объ идеализмѣ и матеріализмѣ.

Такъ какъ эти двѣ доктрины носятъ обыкновенно, преимущественно во Франціи, названія спиритуализма и сенсуализма, а я имѣю привычку употреблять въ другомъ значеніи послѣднія названія, то и долженъ, въ предупрежденіе всякой сбивчивости понятій, хорошенько опредѣлить, что именно я разумѣю подъ этими двумя выраженіями.

Существуетъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ два противоположныя

Digitized by Google

мнѣнія о природѣ человѣческой мысли, т. е. о послѣднихъ источникахъ познанія, о происхожденіи идей. Одни утверждаютъ, что идеи получаются нами только извнѣ, что нашъ умъ только пустая реторта, въ которой вырабатываются впечатлѣнія воспринятыя чувствами, почти какъ пища внесенная въ нашъ желудокъ. Чтобы употребить лучшій образъ, скажу, что эти люди считаютъ умъ гладкой доской, на который опытъ послѣдовательно пишетъ знаки и каждый день что нибудь новое, по нѣкоторымъ опредѣленнымъ графическимъ правиламъ. Другіе, держащіеся противоположныхъ воззрѣній, утверждаютъ, что идеи врождены человѣку, что умъ человѣческій есть первоначальное сѣдалище идей и что внѣшній міръ, опытъ и чувства, ведутъ насъ только къ признанію того, что уже было вложено въ нашъ умъ, и только будятъ въ немъ дремлющія идеи.

Первая доктрина носитъ названіе сенсуализма, иногда эмпиризма; другую назвали спиритуализмомъ или также раціонализмомъ. Однакожъ легко могутъ произойти недоразумѣнія изъ этихъ названій. Мы обозначаемъ также съ нѣкотораго времени именами спиритуализма и сенсуализма двѣ соціальныя системы, которыя обнаруживаются во всѣхъ проявленіяхъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, мы даемъ названіе спиритуализма тому дерзкому притязанію духа, по которому, стремясь захватить всѣ почести для себя одного, старается попрать ногами матерію или, по крайней мѣрѣ, унизить ее. Названіе сенсуализма мы придаемъ оппозиціи, которая возстаетъ противъ этого притязанія, оппозиціи, которая имѣетъ цѣлью возстановленіе матеріи и требуетъ неотъемлемыхъ правъ чувствъ, хотя и не отвергаетъ при этомъ ни правъ, ни даже преимущества духа.

Итакъ я оставляю этимъ двумъ соціальнымъ системамъ названія спиритуализма и сенсуализма. Что-же касается до философскихъ мнѣній о происхожденіи нашихъ познаній, я предпочитаю называть ихъ идеализмомъ и матеріализмомъ, и разумѣю подъ первымъ доктрину идей врожденныхъ, идей â priori, а подъ вторымъ доктрину познанія посредствомъ опыта, посредствомъ чувствъ, доктрину идей a posteriori.

Очень знаменателенъ фактъ, что идеалистическая сторона картезіанской философіи никогда не имѣла успѣха во Франціи. Многіе знаменитые янсенисты держались нѣкоторое время этого направленія, но скоро затерялись въ христіанскомъ спиритуализмѣ. Можетъ быть именно это обстоятельство было неблагопріятно идеализму въ глазахъ французовъ. Французы стояли уже на дорогѣ къ той политической революціи, которая разразилась только къ концу XVIII столѣтія и для которой имъ былъ нуженъ топоръ и матеріалистическая философія, не менѣе холодная, не менѣе рѣзкая. Христіанскій спиритуализмъ сражался въ рядахъ ихъ

Digitized by Google

противниковъ: поэтому сенсуализмъ сдѣлался ихъ естественнымъ союзникомъ. Такъ какъ французскіе сенсуалисты были обыкновенно матеріалистами, то было ложное убѣжденіе будто сенсуализмъ происходитъ только отъ матеріализма. Нѣтъ, сенсуализмъ можетъ также явиться результатомъ пантеизма, и тогда онъ становится прекрасенъ и величественъ. Мы не хотимъ однакожъ, никакимъ образомъ, отрицать заслуги, оказанныя французскимъ матеріализмомъ. Этотъ матеріализмъ былъ дѣйствительнымъ противоядіемъ противъ болѣзни прошлаго, ѣдкимъ средствомъ для отчаянно больныхъ, всеобщею панацеей для заражоннаго народа. Французскіе философы избрали Локке своимъ учителемъ. Вотъ тотъ спаситель, въ которомъ они нуждались. Его Essay on the human understanding сдѣлалось ихъ евангеліемъ: этимъ-то евангеліемъ они клялись. Джонъ Локке поступилъ въ школу Декарта и научился у него, чему можетъ научиться Англичанинъ—механикѣ, анализу и вычисленію. Одной только вещи онъ не могъ понять — врожденныхъ идей. Итакъ онъ усовершенствовалъ доктрину, по которой мы получаемъ всякое знаніе посредствомъ внѣшняго опыта. Онъ сдѣлалъ изъ человѣческаго ума родъ механизма, и цѣлый человѣкъ вышелъ въ его рукахъ англійской машиной. Это можетъ относится и къ человѣку, какимъ его построили ученики Локке, хотя они и желаютъ отличиться отъ него различными названіями. Они страшно боятся послѣднихъ выводовъ изъ своего господствующаго принципа, и послѣдователь Кондильяка пугается, когда его зачисляютъ въ одну категорію съ Гельвеціусомъ, даже съ Гольбахомъ или наконецъ съ Ламетри; а, между тѣмъ, это неизбѣжно, и я долженъ дать французскимъ философамъ XVIII-го вѣка и ихъ теперешнимъ продолжателямъ названіе матеріалистовъ. *Человѣкъ машина* есть послѣдній выводъ французской философіи, и заглавіе этой книги уже показываетъ, каково должно быть ея послѣднее слово.

Эти матеріалисты были большею частію послѣдователи деизма, потому что машина предполагаетъ механика, а высшее совершенство этой машины состоитъ въ томъ, чтобы она умѣла различать и оцѣнить техническое искуство такого художника въ своемъ собственномъ построеніи или въ другихъ его работахъ.

Матеріализмъ исполнилъ свою миссію во Франціи. Онъ исполняетъ можетъ быть теперь туже задачу въ Англіи, на Локке опираются въ этой странѣ революціонныя партіи, именно бентамисты, проповѣдники утилитарности. Это могучіе умы, взявшіеся за настоящій рычагъ, которымъ можно перевернуть Джона Буля. Джонъ Буль родился матеріалистомъ и его христіанскій спиритуализмъ по большей части наслѣдственное лице-

Digitized by Google

мѣріе или только бессмысленная покорность; его тѣло покоряется, потому что духъ не приходитъ ему на помощь.

Совсѣмъ другое дѣло въ Германіи; нѣмецкіе революціонеры ошибаются, когда думаютъ, что матеріалистическая философія будетъ способствовать ихъ намѣреніямъ.

Германія всегда выказывала нерасположеніе къ матеріализму: потому-то и была она цѣлые полтора вѣка истиннымъ отечествомъ идеализма. Нѣмцы также побывали въ школѣ у Декарта; его великаго ученика звали Готфридомъ Вильгельмомъ Лейбницемъ. Онъ послѣдовалъ идеалистическому направленію учителя, какъ Локке избралъ направленіе матеріалистическое. У Лейбница мы находимъ самымъ опредѣленнымъ образомъ выраженную доктрину врожденныхъ идей. Онъ оспаривалъ Локке въ своихъ *новыхъ опытахъ о человѣческомъ разумѣніи*. Съ нимъ возгорѣлась у нѣмцевъ страсть къ философскимъ наукамъ. Онъ разбудилъ умы и вывелъ ихъ на новые пути. Кротость, религіозное чувство, оживлявшія его сочиненія, до нѣкоторой степени примиряли съ его смѣлостью упорные умы, и дѣйствіе ихъ было необычайное. Смѣлость этого мыслителя особенно выказывается въ его доктринѣ о *монадахъ*, одной изъ замѣчательнѣйшихъ гипотезъ когда либо выходившихъ изъ головы философа. Это его лучшій трудъ, потомучто въ немъ уже проглядываетъ предчувствіе самыхъ важныхъ законовъ, признанныхъ теперь нашей современной философіей. Доктрина монадъ была можетъ быть только слабой попыткой формулированія тѣхъ же законовъ, которые провозглашены въ наше время въ лучшихъ формулахъ натур-философами. Я бы собственно долженъ былъ здѣсь вмѣсто слова законы, употребить слово формулы, ибо Ньютонъ справедливо замѣчаетъ, что то, что мы называемъ закономъ, въ природѣ не существуетъ, и что только существуютъ однѣ формулы, при помощи которыхъ нашъ умъ объясняетъ рядъ фактовъ въ природѣ.

О *Теодицеѣ* Лейбница говорили въ Германіи болѣе, чѣмъ о всѣхъ другихъ его сочиненіяхъ. А между тѣмъ это самое слабое изъ его произведеній. Эта книга, какъ нѣкоторыя другія сочиненія, гдѣ выражается религіозное чувство Лейбница, бросила на него тѣнь и внушила о немъ жестоко-превратное понятіе. Враги обвинили его въ умственной слабости и *притворности*, а друзья, чтобы защитить его, представили его хитрымъ лицемѣромъ. Характеръ Лейбница долго оставался у насъ предметомъ споровъ: самые доброжелательные не могли очистить его отъ обвиненія въ двуличности; всего сильнѣе нападали на него вольнодумцы и такъ называемые друзья просвѣщенія. Но Лейбницъ не былъ ни глупымъ ни подлымъ. Притомъ тогда онъ стоялъ на точкѣ безразличія, съ которой различныя системы казались

Digitized by Google

не болѣе, какъ фазисами одной и той-же истины. Эту точку безразличія призналъ впослѣдствіи Шеллингъ, а Гегель установилъ ее научнымъ образомъ, какъ систему системъ. Въ подобныхъ-же видахъ Лейбницъ занялся указаніемъ соотвѣтствія между Платономъ и Аристотелемъ. Эта-же задача была довольно часто предлагаема у насъ въ позднѣйшія времена. Была-ли она разрѣшена?

Нѣтъ, по истинѣ, нѣтъ! потомучто эта задача ничто иное, какъ примиреніе борьбы между идеализмомъ и матеріализмомъ. Платонъ совершенный идеалистъ и знаетъ только врожденныя идеи. Человѣкъ приноситъ съ собою идеи при рожденіи и, когда приходитъ къ сознанію ихъ, онѣ являются ему, какъ воспоминанія прежняго существованія. Отсюда неопредѣленность и мистицизмъ Платона, который всегда только припоминаетъ съ бо̀льшей или мѐньшей ясностію. У Аристотеля, напротивъ, все ясно, понятно, опредѣленно, потомучто его познанія не открываются ему съ воспоминаніями прежняго міра; онъ все получаетъ изъ опыта и умѣетъ все классифировать самымъ точнымъ образомъ: потому-то и остается онъ вѣчнымъ образцомъ эмпириковъ, и они не знаютъ, какъ и благодарить Бога за то, что онъ сдѣлалъ Аристотеля учителемъ Александра, который своими побѣдами далъ ему столько средствъ подвинуть науку и подарилъ ему столько тысячъ *талантовъ*, чтобы облегчить его зоологическія изысканія. Старый педагогъ добросовѣстно употребилъ эти деньги, я въ этомъ увѣренъ, и за эту цѣну онъ распласталъ почтенное число млекопитающихъ, набилъ большое количество чучелъ изъ птицъ и сдѣлалъ самыя добросовѣстныя наблюденія; но за всѣмъ этимъ онъ упустилъ изъ вида изученіе большого двуногаго, котораго имѣлъ чаще всего передъ глазами, котораго самъ воспиталъ и который былъ всего любопытнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ оставилъ насъ безъ всякаго понятія о природѣ этого юнаго царя, котораго жизнь и дѣйствія составляютъ для насъ чудесный предметъ удивленія и загадку. Каковъ былъ Александръ? Чего онъ хотѣлъ? Былъ-ли онъ безумецъ или полубогъ? Мы еще ничего этого не знаемъ; но за то Аристотель даетъ намъ подобнѣйшія свѣденія объ ассирійскихъ четвероногихъ, индѣйскихъ попугаяхъ и греческихъ трагедіяхъ, которыя онъ также распластывалъ.

Платонъ и Аристотель! Это не только двѣ системы, но еще и два типа различной человѣческой натуры, которые, съ незапамятныхъ временъ, во всѣхъ костюмахъ, становились въ болѣе или менѣе враждебныя отношенія другъ къ другу. Въ особенности эта борьба велась впродолженіи среднихъ вѣковъ до нашего времени. Какія-бы имена не выставлялись впередъ, дѣло идетъ все-таки о Платонѣ и Аристотелѣ. Темпераменты мечтательные, мистическіе, платоническіе, открываютъ на днѣ своей души христіанскія

Digitized by Google

идеи и символы имъ соотвѣтствующіе. Таже борьба обнаруживается въ протестантской церкви: несогласія между піетистами и правовѣрными въ нѣкоторой степени соотвѣтствуютъ мистикамъ и догматикамъ католицизма. Протестантскіе піетисты—это мистики безъ воображенія, а протестантскіе правовѣрные—это догматики безъ остроумія.

Мы находимъ эти двѣ протестантскія партіи въ ожесточенной борьбѣ во времена Лейбница, и философія его сдѣлалась впослѣдствіи посредницею, когда Христіанъ Вольфъ взялъ ее въ свои руки, примѣнилъ ее къ потребностямъ времени и, что всего важнѣе, преподавалъ ее на нѣмецкомъ языкѣ. Но прежде нежели станемъ говорить объ этомъ ученикѣ Лейбница, о результатѣ его усилій и дальнѣйшей судьбѣ лютеранства, мы должны упомянуть о посланномъ провидѣніемъ человѣкѣ, образовавшемся вмѣстѣ съ Локке и Лейбницемъ въ Декартовой школѣ, испытывавшемъ долгое время лишь презрѣніе и ненависть, и который, однакожъ, владычествуетъ теперь надъ умами.

Я говорю о Бенедиктѣ Спинозѣ.

Великій геній образуется при помощи другого генія, не столько чрезъ усвоеніе, сколько чрезъ соприкосновеніе. Алмазъ полируется другимъ алмазомъ. Такъ и философія Декарта не породила, а заставила возникнуть философію Спинозы. Потому-то мы и находимъ у ученика методу учителя, что составляетъ большое преимущество. Сверхъ того мы встрѣчаемъ у Спинозы, какъ у Декарта, доказательства, заимствованныя у математики, что есть большой недостатокъ. Математическая форма придаетъ жосткій и сухой видъ Спинозѣ; но это какъ миндальная шелуха,—зерно кажется отъ нея еще вкуснѣе. Чтеніе Спинозы захватываетъ насъ подобно зрѣлищу великой природы въ ея живой тишинѣ; это цѣлый лѣсъ мыслей, высокихъ какъ небо, цвѣтущія вершины которыхъ колышутся волнообразно, между тѣмъ какъ непоколебимые стволы погружаютъ свои корни въ вѣчную землю. Въ его сочиненіяхъ чувствуется какое-то вѣяніе, которое волнуетъ васъ необъяснимымъ образомъ. Какъ-будто дышется воздухомъ будущаго. Есть въ немъ также серьезность, гордость, сознающая свою силу, *grandezza* мысли, доставшаяся какъ-будто по наслѣдству, потомучто Спиноза принадлежитъ къ числу семействъ мучениковъ, которыхъ изгнали тогда изъ Испаніи. Прибавьте къ этому еще терпѣніе голландца, не измѣнившее этому человѣку ни въ сочиненіяхъ, ни въ жизни.

Достовѣрно извѣстно, что частная жизнь Спинозы была безупречна осталась чиста и непорочна.

Любезный читатель, если когда-нибудь случится тебѣ быть въ Амстердамѣ, вели показать себѣ испанскую синагогу. Это прекрасное зданіе, и

Digitized by Google

крыша поддерживается четырьмя колоссальными колоннами. По срединѣ возвышается каѳедра, съ которой произнесена анаѳема надъ измѣнникомъ закону Моисееву, гидальго Бенедиктомъ Спинозой. По этому случаю трубили въ рожокъ называемый schofar. Нужно думать, что очень страшныя идеи возбуждаются при видѣ этого рожка, потомучто я читалъ въ жизнеописаніи Саломона Маймона, что Альтонскій раввинъ вздумалъ разъ обращать его, ученика Канта, снова къ вѣрѣ отцовъ своихъ, и такъ какъ онъ упорствовалъ въ своей философской ереси, раввинъ сталъ угрожать ему и сказалъ съ мрачнымъ видомъ, указывая на schofar: «Знакомо тебѣ это?» Когда-же ученикъ Канта совершенно спокойно отвѣтилъ: «я знаю, что это козлиный рогъ», раввинъ упалъ навзничь отъ ужаса.

Этотъ-то рогъ составлялъ аккомпаниментъ при отлученіи Спинозы; онъ былъ торжественно изгнанъ изъ израильской общины и объявленъ недостойнымъ носить впредь имя жида. Это имя его христіанскіе враги имѣли великодушіе за нимъ оставить; но жиды были неумолимы; еще показываютъ мѣсто передъ испанской синагогой въ Амстердамѣ, гдѣ они напали на Спинозу съ своими длинными кинжалами.

Я не могъ удержаться, чтобы не обратить вниманіе читателей на эти личныя неудачи, постигнувшія человѣка: онъ образовался не только школьными уроками, но и жизненными. Это-то отличаетъ его отъ большей части философовъ; мы узнаемъ въ его сочиненіяхъ косвенное вліяніе дѣйствительной жизни. Теологія была для него не только наукой: онъ изучилъ ее, какъ и политику, столько же на практикѣ, какъ и въ теоріи. Отецъ его возлюбленной былъ повѣшенъ за политическое преступленіе въ Нидерландахъ, а на всемъ свѣтѣ нѣтъ другого мѣста, гдѣ-бы вѣшали хуже, чѣмъ въ Нидерландахъ. Вы не имѣете понятія о нескончаемыхъ приготовленіяхъ и церемоніяхъ, которыя дѣлаются въ подобномъ случаѣ. Осужденный умираетъ уже отъ скуки, и зритель имѣетъ довольно времени на размышленіе. Я увѣренъ, что Бенедиктъ Спиноза много размышлялъ о казни стараго Фан-де-Энде, и какъ онъ прежде понялъ жидовъ съ ихъ кинжалами, такъ понялъ тогда и политику съ ея веревками. Прочтите его Tractatus politicus.

Мое дѣло только указать, какъ философы болѣе или менѣе родственны другъ другу, и я ограничиваюсь приведеніемъ здѣсь степени ихъ родства и ихъ генеалогіи. Эта философія Спинозы, третьяго сына Рене Декарта, въ томъ видѣ, какъ онъ излагаетъ ее въ своемъ главномъ трудѣ, въ своей *этикѣ*, также далека отъ матеріализма его брата Локке, какъ и отъ идеализма другого брата Лейбница. Спиноза не мучится аналитическимъ способомъ надъ вопросомъ о послѣднихъ основахъ нашихъ по-

Digitized by Google

знаній. Онъ даетъ намъ свой великій синтезъ, свое объясненіе божества.

Бенедиктъ Спиноза учитъ, что есть одна только субстанція, которая и есть Богъ. Эта единственная субстанція безконечна; она абсолютна. Всѣ конечныя субстанціи вытекаютъ изъ нея, содержатся въ ней, всплываютъ изъ нея, погружаются въ нее; онѣ имѣютъ только преходящее, случайное существованіе. Абсолютная субстанція обнаруживается въ безконечной мысли, и также въ безконечномъ пространствѣ. Безконечная мысль и безконечное пространство суть два аттрибута абсолютной субстанціи. Мы знаемъ только эти два аттрибута. Богъ, абсолютная субстанція, имѣетъ, можетъ быть, еще много другихъ аттрибутовъ, которые намъ не извѣстны. Non dico me Deum omnino cognoscere, sed me quaedam ejus attributa, non autem omnia, neque maximam intelligere partem.

Глупость и злоба могла только дать такой доктринѣ названіе атеистической. Трудно выражаться о божествѣ болѣе возвышеннымъ образомъ, чѣмъ Спиноза. Вмѣсто того, чтобы говорить, что онъ отрицаетъ Бога, можно бы сказать, что онъ отрицаетъ человѣка. Всѣ конечныя вещи для него только видоизмѣненія безконечной субстанціи; всѣ конечныя субстанціи содержатся въ Богѣ; умъ человѣческій есть только блестящій лучь безконечной мысли; тѣло человѣческое есть только атомъ безконечнаго пространства: Богъ есть безконечная причина того и другого, духовъ и тѣлъ, natura naturans.

Въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Дю-Деффанъ, Вольтеръ восторгается идеей этой дамы, которая сказала, что всѣ вещи, которыхъ человѣкъ не можетъ знать, вѣроятно такого свойства, что ему рѣшительно ни къ чему бы не послужило узнать ихъ. Я могъ бы примѣнить это замѣчаніе къ той выпискѣ изъ Спинозы, которую привелъ выше, и по которой божеству должны принадлежать нетолько два признаваемые аттрибута мысли и пространства, но еще и другіе аттрибуты, которыя мы не можемъ знать. То, чего мы не можемъ знать, не имѣетъ для насъ никакой цѣны, по крайней мѣрѣ съ соціальной точки зрѣнія, гдѣ нужно реализировать въ осязательный фактъ то, что̀ позналось въ идеѣ. Впрочемъ у Спинозы все, что мы называемъ аттрибутами Бога, есть собственно только различныя формы нашей способности понимать, и эти различныя формы тожественны въ абсолютной субстанціи. Мысль есть, въ концѣ концовъ, ничто иное какъ невидимое пространство, а пространство есть видимая мысль. Мы встрѣчаемся здѣсь съ существеннымъ тезисомъ нѣмецкой философіи тожества, которая въ сущности ни мало не разнится отъ философіи Спинозы. Напрасно Шеллингъ будетъ силиться

Digitized by Google

доказать, что его философія не то, что спинозизмъ, что она гораздо болѣе *живая амальгама идеальнаго и реальнаго*, что она удаляется отъ спинозизма, какъ совершенство греческихъ статуй удаляется отъ грубости египетскихъ оригиналовъ; тѣмъ не менѣе я долженъ заявить, что въ свой первый періодъ, въ ту эпоху, когда онъ былъ еще философомъ, Шеллингъ нисколько не отличался отъ Спинозы. Онъ только пошолъ по другой дорогѣ, чтобъ прійти къ той же философіи, и это-то мнѣ остается объяснить далѣе, когда я разскажу, какъ Кантъ открылъ новую дорогу, какъ Фихте за нимъ послѣдовалъ, какъ Шеллингъ шолъ по слѣдамъ Фихте и какъ, блуждая въ одинъ прекрасный день въ темномъ лѣсѣ натуръ-философіи, онъ встрѣтился наконецъ лицомъ къ лицу съ великой личностью Бенедикта Спинозы.

Заслуга новой *натур-философіи* состоитъ только въ томъ, что она показала самымъ ощутительнымъ образомъ вѣчный параллелизмъ, который царствуетъ между духомъ и матеріей; я говорю духъ и матерія, и употребляю эти выраженія, какъ равносильныя тому, что Спиноза называетъ мыслью и пространствомъ. Я считаю также эти выраженія синонимами того, что нѣмецкіе философы называютъ духомъ и природою, или идеальнымъ и реальнымъ.

Впослѣдствіи, я дамъ названіе пантеизма не столько системѣ, сколько точкѣ зрѣнія Спинозы.

Любопытно видѣть, какъ самыя различныя партіи всегда сражались противъ Спинозы.

Видъ этой арміи очень забавенъ. Подлѣ роя капюшоновъ чорныхъ и бѣлыхъ, шла фаланга энциклопедистовъ, которая также цѣлила въ этого *дерзкаго мыслителя*. Подлѣ раввина Амстердамской синагоги, трубящаго аттаку въ священный рожокъ, приближается Аруэ де Вольтеръ съ свисткомъ насмѣшки, исполняющій свою обязательную партію въ пользу деизма; посрединѣ пищитъ старая баба Якоби, маркитантка этой арміи.

Уйдемъ поскорѣе отъ этого шаривари. Возвратясь изъ нашей пантеистической экскурсіи, обратимся къ философіи Лейбница, дальнѣйшія судьбы которой въ Германіи намъ остается еще разсказать читателямъ.

Тѣ сочиненія, которыя вы знаете, Лейбницъ писалъ на латинскомъ или французскомъ языкѣ. Христіанъ Вольфъ—имя того превосходнаго человѣка, который распространилъ идеи Лейбница, не только систематическимъ образомъ, но еще на нѣмецкомъ языкѣ. Его настоящая заслуга состоитъ не въ томъ, что онъ привелъ идеи Лейбница въ прочную систему; еще менѣе въ томъ, что сдѣлалъ ихъ доступными большему числу публики,

Digitized by Google

переведя ихъ на нѣмецкій языкъ. Его спеціальная заслуга та, что онъ заставилъ философствовать на нашемъ родномъ языкѣ.

До Лютера мы умѣли трактовать о теологіи только по латынѣ; тоже было и съ философіей до Вольфа. Примѣръ нѣкоторыхъ рѣдкихъ ученыхъ, которые уже пробовали въ прежнія времена говорить объ этихъ вещахъ по нѣмецки, остался безъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе историкъ литературы долженъ отнестись къ нимъ съ особенной похвалою; мы припомнимъ въ особенности Іоанна Таулера, доминиканскаго монаха, родившагося въ началѣ XVI вѣка на берегахъ Рейна и умершаго въ 1361 году въ Страсбургѣ. Онъ былъ человѣкъ набожный и принадлежалъ къ числу тѣхъ мистиковъ, которыхъ я назвалъ платонической партіей среднихъ вѣковъ. Въ послѣдніе годы своей жизни этотъ добрый человѣкъ отказался отъ гордости ученаго, не счелъ постыднымъ для себя проповѣдывать на скромномъ народномъ языкѣ, и эти проповѣди, которыя онъ собралъ, также какъ нѣмецкіе переводы, сдѣланныя имъ съ своихъ прежнихъ проповѣдей, считаются въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ нѣмецкаго языка; ибо этотъ языкъ показалъ съ тѣхъ поръ, что онъ не только годенъ для метафизическихъ диссертацій, но даже еще болѣе идетъ для нихъ чѣмъ языкъ латинскій. Этотъ послѣдній, языкъ римлянъ, никогда не можетъ забыть своего происхожденія. Это языкъ команды для полководцевъ, языкъ декреталій для администраторовъ, языкъ юридическій для ростовщиковъ, это лапидарный языкъ твердаго какъ камень римскаго народа; онъ сталъ обѣтованнымъ языкомъ матеріализма. Хотя христіанство, съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ, выбивалось изъ силъ, впродолженіи болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ, чтобы спиритуализировать этотъ языкъ, старанія его неудались; и когда Іоаннъ Таулеръ желалъ погрузиться въ самыя страшныя глубины мысли, и когда его сердце бывало переполнено религіознымъ чувствомъ, у него являлась потребность говорить по нѣмецки. Его языкъ подобенъ горному источнику, пробивающему себѣ путь въ твердой скалѣ, водѣ, чудесно пропитанной неизвѣстными ароматами и металлическими свойствами. Но только въ новѣйшія времена замѣтили рѣдкую пригодность нѣмецкаго языка для философіи. Ни на какомъ другомъ языкѣ, природа не могла бы сказать свое самое сокровенное слово, какъ на языкѣ нашего дорогого нѣмецкаго отечества. Только на сильномъ дубѣ и можетъ рости священная омела.

Здѣсь было бы у мѣста упомянуть о Парацельсѣ или Аэреолюсѣ Теофрастусѣ Парацельсусѣ Бомбастусѣ фонъ Гогенгеймъ, какъ онъ самъ называлъ себя; потомучто онъ тоже почти всегда писалъ по нѣмецки. Но мнѣ послѣ придется говорить о Парацельсѣ съ болѣе важной точки зрѣ-

Digitized by Google

нія. Его философія была то, что мы называемъ теперь натур-философіей, и эта доктрина о природѣ одушевленной идеями, такъ согласующаяся съ германскимъ духомъ, тогда же бы укоренилась у насъ, еслибъ, вслѣдствіе чужестраннаго вліянія, неодушевленная физика и всякая механика картезіанцевъ не завладѣла всѣмъ міромъ. Парацельсъ былъ большой шарлатанъ; онъ всегда носилъ красное платье и панталоны, красные чулки и и красную шляпу, и увѣрялъ, что можетъ создавать маленькихъ человѣчковъ, *homunculus*; по малой мѣрѣ онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ невидимыми духами, обитающими въ различныхъ стихіяхъ. Но онъ былъ въ тоже время одинъ изъ глубочайшихъ натуралистовъ, которые съ чисто нѣмецкимъ жаромъ къ изслѣдованіямъ поняли дохристіанскія народныя вѣрованія, германскій пантеизмъ. Они очень вѣрно угадывали то, чего не знали.

Мнѣ собственно слѣдовало бы говорить также и объ Іаковѣ Беме, потомучто онъ въ свою очередь, употреблялъ нѣмецкій языкъ въ философскихъ разсужденіяхъ. Но я все еще не могу рѣшиться прочесть его, даже и одинъ разъ: я не люблю давать себя морочить. Я сильно подозрѣваю хвалителей этого мистика въ желаніи мистифировать людей. Что же касается до содержанія его доктрины, Сен-Мартенъ далъ вамъ нѣчто изъ нея на французскомъ языкѣ; англичане также перевели его. Карлъ I имѣлъ такое высокое мнѣніе объ этомъ философѣ-сапожникѣ, что нарочно послалъ въ Герлицъ ученаго, чтобъ изучить его. Ученый этотъ лишился разсудка отъ теософіи Іакова Беме.

Я сказалъ уже что Христіанъ Вольфъ первый съ успѣхомъ примѣнилъ нѣмецкій языкъ къ философіи. Его наименьшая заслуга была приведеніе въ систему и популяризація идей Лейбница. Онъ подвергался большому порицанію за эти двѣ вещи и мы не имѣемъ права умалчивать объ этомъ. Его система была только пустою внѣшностью, и онъ пожертвовалъ этой внѣшности самымъ важнымъ въ философіи Лейбница, лучшей частью доктрины монадъ. Правда, что Лейбницъ не оставилъ систематическаго зданія, но только нужныя для него идеи. Нуженъ былъ гигантъ, чтобы собрать эти глыбы и эти колоссальныя колонны, которыя гигантъ же похитилъ изъ глубокихъ каменоломень мысли и отесалъ гармонически. Могъ бы выйти великолѣпный храмъ; но Христіанъ Вольфъ былъ слишкомъ малъ ростомъ и могъ совладѣть только съ частью матеріала, которую онъ уменьшилъ, чтобы сдѣлать изъ нея часовню деизму. Голова Вольфа была больше энциклопедическая чѣмъ систематическая: онъ понималъ единство доктрины только въ формѣ полноты. Онъ удовлетворился тѣмъ, что сдѣлалъ шкапъ, въ которомъ полки были прилично наполнены и снабжены чет-

Digitized by Google

ними надписями. Въ такомъ то духѣ онъ и далъ намъ энциклопедію наукъ. Понятно, что какъ потомокъ Декарта по Лейбницу, онъ наслѣдовалъ отъ своего предка математическія доказательства. Я уже порицалъ эту форму у Спинозы. Въ рукахъ Вольфа, она сдѣлала много вреда; у его учениковъ она перешла въ невыносимый схематизмъ и въ смѣшную манію все доказывать съ математической очевидностью. Такимъ образомъ возникъ такъ называемый догматизмъ Вольфа. Всѣ глубокія изслѣдованія прекратились и мѣсто ихъ заступило скучное стремленіе къ ясности; философія Вольфа сдѣлалась совсѣмъ прозрачна или скорѣе водяниста, и кончила тѣмъ, что затопила всю Германію. Слѣды этого потопа замѣтны еще и теперь то тамъ, то сямъ; на самыхъ безплодныхъ возвышенностяхъ нашихъ академій попадаются иногда старые ископаемые вольфовой школы.

Христіанъ Вольфъ родился въ Бреслау въ 1679 г., а умеръ въ Галлѣ въ 1754 г. Его умственное владычество продолжалось болѣе половины вѣка въ Германіи. Мы должны обратить особенное вниманіе на его отношенія къ нѣмецкимъ теологамъ и этимъ мы закончимъ нашъ разсказъ о судьбѣ лютеранства.

Во всей исторіи церкви нѣтъ части болѣе запутанной какъ исторія ссоръ между протестантскими теологами начиная съ тридцатилѣтней войны. Причины протестантскихъ стычекъ заключались единственно въ узкомъ педантизмѣ нѣсколькихъ ученыхъ париковъ. Университеты, и въ особенности Тюбингенъ, Виттембергъ, Лейпцигъ и Галле, были аренами этихъ теологическихъ битвъ. Двѣ партіи, которыя мы видѣли въ католическомъ костюмѣ, въ продолженіе среднихъ вѣковъ, платоники и аристотелики, только перемѣнили платье и дерутся попрежнему. Это піетисты и правовѣрные, о которыхъ я уже говорилъ и которыхъ назвалъ мистиками безъ воображенія и догматиками безъ остроумія. Іоаннъ Шпенеръ былъ Скотусъ Эригена протестантизма, и какъ послѣдній положилъ основаніе католическому мистицизму своимъ переводомъ Діонисія Ареопагита, такъ первый основалъ протестантскій піетизмъ своими назидательными сборниками, colloquia pietatis, откуда можетъ быть и получили названіе піетистовъ его сектанты. Это былъ благочестивый человѣкъ; миръ его памяти! Германскій піетистъ г. Горнъ составилъ хорошую его біографію. Жизнь Шпенера была постояннымъ мученичествомъ за христіанскую идею. Онъ былъ въ этомъ отношеніи выше своихъ современниковъ; онъ настойчиво проповѣдывалъ добрыя дѣла и набожность. Его поученія очень похвальны для того времени, потомучто вся теологія, въ томъ видѣ какъ ее преподавали въ вышеупомянутыхъ университетахъ,

Digitized by Google

состояла только изъ узкой догматики и бранчивой полемики. Эксегетика и изученіе исторіи церкви были въ совершенномъ пренебреженіи.

Одинъ изъ учениковъ Шпенера, Германъ Франкъ, началъ читать курсъ въ Лейпцигѣ, по примѣру и въ смыслѣ своего учителя. Онъ читалъ по нѣмецки, заслуга, за которую мы всегда охотно заплатимъ благодарностью. Успѣхи его возбудили зависть его сотоварищей, которые и постарались испортить жизнь нашему бѣдному піетисту. Онъ долженъ былъ оставить мѣсто и переселился въ Галле, гдѣ поучалъ христіанству словами и дѣлами. Память о немъ всегда будетъ жить въ этомъ городѣ, потомучто имъ основанъ въ Галлѣ сиротскій домъ. Галльскій университетъ населился тогда піетистами и ихъ называли партіей сиротскаго дома. Сказать мимоходомъ; партія эта сохранилась и до сихъ поръ. Галле еще и теперь—притонъ піетистовъ, и ссоры ихъ съ протестантскими раціоналистами нѣсколько лѣтъ тому назадъ скандализировали всю Германію. Счастливые французы, вы ничего не знали объ этомъ! Вамъ неизвѣстно даже существованіе этихъ періодическихъ сплетенъ протестантской церкви, гдѣ набожные люди бранились отъ всего сердца. Счастливые французы! вы не имѣете понятія о злости, низости, ѣдкости, которыя вносятъ въ свою борьбу наши протестанты! Вы знаете, я не сторонникъ католицизма; протестантизмъ былъ для меня болѣе чѣмъ религіей, онъ былъ моей миссіей, и уже четырнадцать лѣтъ я сражаюсь за его интересы противъ махинацій нѣмецкихъ іезуитовъ. Правда, впослѣдствіи угасла моя симпатія къ догмату и я откровенно заявлялъ въ своихъ сочиненіяхъ, что все мое протестантство ограничивается занесеніемъ моего имени въ реестры лютеранскаго исповѣданія, какъ евангелическаго христіанина... Но тайное влеченіе къ дѣлу, за которое когда-то страдалъ и боролся, навсегда остается въ душѣ и мои теперешнія религіозныя убѣжденія еще оживлены духомъ протестантизма. И такъ, я все-таки еще пристрастенъ въ отношеніи къ протестантской церкви; но истина обязываетъ меня сказать, что никогда въ лѣтописяхъ папизма, я не встрѣчалъ подобныхъ пошлостей, какъ *въ берлинской духовной евангелической газетѣ* во время этихъ скандалезныхъ споровъ. Злостныя хитрости и самыя мелочныя придирки іезуитовъ благородны и великодушны въ сравненіи съ подвигами нашихъ правовѣрныхъ и піетистовъ въ ихъ войнѣ съ раціоналистами. Вы, Французы, не имѣете ни малѣйшаго понятія о ненависти, которая разражается въ подобныхъ случаяхъ; но германцы склоннѣе къ злобѣ, чѣмъ народы романскаго происхожденія. Это происходитъ оттого, что они идеалисты даже въ ненависти. Мы не сердимся, какъ вы, за мелочи, за маленькій щелчокъ самолюбію, за эпиграму, за неприсланную визитную карточку; нѣтъ, мы ненавидимъ въ нашихъ

Digitized by Google

врагахъ самое существенное, самое интимное, мысль. Вы скоры и поверхностны въ ненависти, какъ и въ любви. Мы же, нѣмцы, ненавидимъ радикально и прочно. Слишкомъ честные и, можетъ быть, слишкомъ неловкіе, чтобы отмстить первой попавшейся хитростью, мы ненавидимъ другъ друга до послѣдняго издыханія. «Знаю я, милостивый государь, это нѣмецкое спокойствіе, говорила мнѣ недавно одна дама, глядя на меня во всѣ глаза и съ недовѣрчивой улыбкой; я знаю, что на вашемъ языкѣ одно и тоже слово значитъ *простить* и *отравить*.» Она была права: слово *vergeben* имѣетъ это двойное значеніе.

Если не ошибаюсь, правовѣрные въ Галле первые, въ своей борьбѣ съ тамошними піетистами призвали на помощь философію Вольфа.

Эта реформа протестантской теологіи началась съ спокойнаго Земилера котораго вы не знаете, дошла до опасной высоты съ яснымъ Теллеромъ, который извѣстенъ вамъ также мало, и достигла своего апогея съ Бартомъ, мѣднымъ лбомъ, о знакомствѣ съ которымъ вамъ совершенно нечего жалѣть. Самыя сильныя поощренія являлись изъ Берлина, гдѣ царствовали Фридрихъ Великій и книгопродавецъ Николаи,

О первомъ, вы имѣете достаточныя свѣдѣнія. Вы знаете, что онъ писалъ французскіе стихи, очень хорошоигралъ на флейтѣ, выигралъ сраженіе при Росбахѣ, нюхалъ много табаку и вѣрилъ въ однѣ только пушки Нѣкоторые изъ васъ, безъ сомнѣнія, посѣщали Сансуси, и старый инвалидъ, стерегущій тамошній замокъ, показывалъ вамъ въ библіотекѣ французскіе романы, которые принцъ Фридрихъ читалъ въ церкви и которые велѣлъ переплесть въ чорный сафьянъ, для того чтобы его строгій отецъ могъ подумать, что онъ читаетъ лютеранскіе гимны. Вы знаете этого мудраго короля, котораго вы назвали сѣвернымъ Соломономъ. Франція была Офиромъ этого полуноцнаго Соломона, и онъ почерпалъ изъ нея своихъ поэтовъ и философовъ, къ которымъ чувствовалъ большое предпочтеніе, также какъ южный Соломонъ, вывозившій изъ Офира черезъ посредство друга своего Гирама большіе грузы золота, серебра, слоновой кости, поэтовъ и философовъ, о чемъ говорится въ книгѣ царствѣ гл. X: Classis regis per mare cum classe Hiram semel per tres annos ibat, deferens inde aurum et argentum, et dentes elephantorum, et simias et pavos.

Это пристрастіе къ иностраннымъ талантамъ безъ сомнѣнія помѣшало Фридриху Великому пріобрѣсть больше вліяніе на германскій умъ: онъ скорѣе оскорбилъ и задѣлъ за живое національную гордость. Презрѣніе, которое онъ выказалъ къ нашей литературѣ должно еще печалить и насъ, потомковъ этихъ писателей. За исключеніемъ стараго Геллерта, ни одинъ

Digitized by Google

изъ нихъ не былъ поощренъ его всемилостивѣйшимъ вниманіемъ. Бесѣда его съ Геллертомъ любопытна.

Если Фридрихъ Великій осмѣивалъ насъ, не оказывая никакого покровительства, то тѣмъ сильнѣе покровительствовалъ намъ книгопродавецъ Никалаи, что̀ однако нимало не мѣшаетъ намъ его осмѣивать. Этотъ человѣкъ былъ впродолженіе всей жизни безпрерывно и дѣятельно преданъ благу отчества. Онъ не щадилъ ни трудовъ ни денегъ, когда надѣялся ускорить какой нибудь счастливый шагъ впередъ, а между тѣмъ ни одинъ еще человѣкъ въ Германіи не былъ осмѣянъ такимъ жестокимъ, неумолимымъ и уничтожающимъ образомъ. Хотя мы очень хорошо знаемъ, мы люди послѣдняго поколѣнія, что старый Николаи, другъ просвѣщенія, въ сущности и не ошибался; хотя мы знаемъ, что тѣ, которые осмѣивали его на смерть, были по большей части наши собственные враги, обскуранты, мы все-таки не можемъ вспоминать объ немъ съ серьезномъ лицомъ. Старый Николаи старался сдѣлать въ Германіи тоже, что̀ сдѣлали во Франціи французскіе философы; онъ хотѣлъ разрушить прошедшее въ умахъ народа; предваритетьная работа, безъ которой не можетъ произойти ни одной радикальной революціи. Напрасный трудъ: у него не было достаточной силы для такого дѣла. Старыя развалины, еще не упавшія, оказывали слишкомъ много сопротивленія; и привидѣнія выходили изъ нихъ и смѣялись надъ нимъ; тогда онъ выходилъ изъ себя, бросался въ ихъ толпу очертя голову, а зрители смѣялись, когда летучія мыши свистали надъ его ушами и путались въ его старомъ парикѣ. Ему случалось также иногда сражаться съ вѣтряными мельницами, которыя онъ принималъ за гигантовъ; но еще хуже выходило, когда онъ принималъ настоящихъ великановъ за простыя вѣтряныя мельницы, напримѣръ Вольфанга Гете. Онъ написалъ противъ его Вертера сатиру, въ которой самымъ неуклюжимъ образомъ не понялъ намѣреній автора. Однакожъ въ сущности онъ и тутъ былъ правъ: хотя онъ и не вѣрно понялъ то, что̀ Гете хотѣлъ сказать своимъ Вертеромъ, но очень вѣрно предугадалъ дѣйствіе, ту разслабляющую мечтательность и безплодную сантиментальность, которыя возникли отъ этого болѣзненнаго романа и стали въ враждебное противорѣчіе съ здоровыми и разумными чувствами, въ которыхъ мы нуждались. Въ этомъ Николаи совершенно сходился съ Лессингомъ, который писалъ одному изъ своихъ друзей слѣдующее сужденіе о *Вертерѣ*.

«Не кажется-ли вамъ, что для того, что бы такое пламенное произведеніе не причинило болѣе вреда, чѣмъ пользы, къ нему не худо-бы прибавить маленькій охлаждающій эпилогъ, нѣсколько смягчающихъ строкъ о причинахъ, по которымъ сложился у Вертера такой странный характеръ,

Digitized by Google

контрастъ другого молодого человѣка, которому природа дала такія-же наклонности и который съумѣлъ уберечься отъ нихъ? Развѣ греческій или римскій юноша убилъ-бы себя такимъ образомъ и по такой-же причинѣ? Конечно нѣтъ. Они умѣли иначе предохранять себя отъ любовныхъ безумствъ и, во время Сократа, подобная... едва-ли-бы была прощена дѣвчонкѣ. Созданіе такихъ оригиналовъ, болѣзненно великихъ, презрительно жеманныхъ, свойственно одному католичеству, которому-бы хотѣлось обратить тѣлесную потребность въ нравственное совершенство. И такъ, милый Гете, еще главу для заключенія, и самая циническая будетъ самая лучшая.»

Добрый Николаи дѣйствительно подарилъ намъ изданіе *Вертера*, исправленное по этому указанію. Въ этомъ новомъ измѣненіи, герой не убиваетъ себя, а только обагряетъ кровью цыпленка; ибо пистолетъ вмѣсто свинца былъ заряженъ пузыремъ съ кровью. Вертеръ дѣлается смѣшнымъ, продолжаетъ жить, женится на Шарлотѣ, словомъ,—кончаетъ еще трагичнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ Гете.

Всеобщая Нѣмецкая Библіотека былъ журналъ, основанный Николаи, въ которомъ онъ и его друзья ратовали противъ суевѣрія, іезуитовъ, придворныхъ лакеевъ и т. д. и т. д.

Нельзя отрицать, что иной ударъ, направленный въ суевѣріе, попадалъ къ несчастію въ поэзію. Такимъ образомъ Николаи возставалъ противъ возникающей любви къ народной поэзіи старыхъ временъ и, однакожъ, въ сущности все-таки былъ правъ; ибо эти пѣсни, оставя въ сторонѣ все ихъ достоинство, заключали въ себѣ много воспоминаній совершенно несовременныхъ; эти старые аккорды, эти ranz de vaches средняхъ вѣковъ могли своей чувствительностью заставить народъ вернуться къ стойламъ прошедшаго. Онъ попробовалъ, какъ Улиссъ, заткнуть уши своимъ товарищамъ, чтобы они не слушали пѣнія сиренъ, весьма мало заботясь о томъ, что они могутъ остаться потомъ глухими и къ невиннымъ руладамъ соловья. Чтобы радикально очистить отъ стараго терновника почву настоящаго, бѣдный практическій человѣкъ не пожалѣлъ вырвать изъ нея въ то же время и цвѣты. Эта ошибка возстановила противъ него партію цвѣтовъ и соловьевъ и все, что принадлежитъ къ этой партіи, красоту, грацію, остроуміе и шутку хорошаго тона; и бѣдный Николаи не устоялъ.

Теперь обстоятельства измѣнились въ Германіи. Когда мы станемъ поминать мертвыхъ мы конечно подумаемъ о тебѣ, старый Николаи, бѣдный мученикъ разсудка! Мы понесемъ твои останки въ нѣмецкій Пантеонъ, посреди торжественнаго шествія и съ музыкальными хорами, къ которымъ постараются не примѣшивать ни одного свистка; мы положимъ на твой гробъ при-

Digitized by Google

личный лавровый вѣнокъ и даже обязываемся сдѣлать все это безъ смѣха.

Желая дать понятіе о философскомъ и религіозномъ состояніи этого времени, я долженъ говорить здѣсь о мыслителяхъ, трудившихся въ Берлинѣ болѣе или менѣе за одно съ Николаи, и составлявшихъ родъ средины между философіей и изящной словесностью. У нихъ не было собственно системы, но только опредѣленная тенденція. Они похожи на англійскихъ моралистовъ елогомъ и главными своими началами. Они пишутъ, не соблюдая строго-научной формы, и нравственное сознаніе есть единственный источникъ ихъ познаній. Ихъ тенденція совершенно таже, какую мы видимъ у французскихъ филантроповъ. Въ религіи они раціоналисты и космополиты въ политикѣ; въ нравственности они люди благородные и добродѣтельные, строгіе къ самимъ себѣ, снисходительные къ другимъ. Что же касается до таланта, то можно указать на Мендельсона, Зульцера, Абта, Морица, Гарве, Энгеля и Бистера, какъ на самыхъ замѣчательныхъ. Морица я предпочитаю; онъ многое сдѣлалъ въ опытной психологіи; онъ былъ рѣдкой наивности, мало впрочемъ понятной его друзьямъ; его мемуары одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ того времени. Между тѣмъ Мендельсонъ, болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ соціальное значеніе: онъ былъ реформаторомъ германскихъ израильтянъ, своихъ братьевъ по вѣрѣ, разрушилъ авторитетъ талмуда и основалъ чистый мозаизмъ. Этотъ человѣкъ, котораго современники называли нѣмецкимъ Сократомъ, къ которому они выказывали самое почтительное удивленіе по благородству его души и силѣ его ума, былъ сынъ бѣднаго сторожа синагоги въ Дессау. Кромѣ тяжолой ноши бѣдности, провидѣніе удручило его еще и горбомъ, какъ бы для того, чтобы нагляднымъ образомъ показать черни, что человѣка надо судить по его достоинству, а не по наружности.

Какъ Лютеръ побѣдилъ папизмъ, такъ Мендельсонъ поступилъ съ талмудомъ,—и той же самой тактикой, т. е. отвергнувъ преданія и объявивъ источникомъ религіи Библію, изъ которой перевелъ самую важную часть. Онъ уничтожилъ этимъ еврейскій католицизмъ, какъ Лютеръ католицизмъ христіанскій. Талмудъ есть въ самомъ дѣлѣ католицизмъ евреевъ. Это готическій соборъ обремененный правда пустыми украшеніями, но все-таки удивляющій насъ своимъ чуднымъ размѣромъ и гигантскою высотою; это іерархія религіозныхъ законовъ, часто смѣшной тонкости, но, однакожь, такъ искусно сопоставленныхъ и подчиненныхъ другъ другу, что они взаимно служатъ опорой и всѣ вмѣстѣ составляютъ колоссальное и грозное цѣлое.

Какъ скоро палъ католицизмъ христіанскій, нужно было пасть и талмуду, католицизму еврейскому; потомучто съ той поры талмудъ потерялъ

Digitized by Google

свое значеніе: онъ служилъ евреямъ только оплотомъ противъ новаго Рима, точно также какъ прежде противъ Рима древняго. Какъ прежде древній, такъ теперь и новый Римъ былъ побѣжденъ и даже долженъ платить дань. Если пожелаешь, любезный читатель, пойти въ первые дни триместра въ улицу Лаффитъ, № 15, ты увидишь, какъ передъ высокимъ порталомъ остановится карета и изъ нея выйдетъ тучный человѣкъ. Онъ поднимется по лѣстницѣ, ведущей въ кабинетъ, гдѣ довольно благообразный господинъ сидитъ съ небрежностью вельможи, въ которой однакожь проглядываетъ что-то такое солидное, такое положительное, такое независимое, какъ будто у него въ карманѣ лежатъ деньги со всего свѣта; и дѣйствительно деньги со всего свѣта въ его карманѣ, ибо его зовутъ Джемсомъ Ротшильдомъ, а толстой человѣкъ—монсиньоръ, посланный его святѣйшества папы, который привезъ проценты съ римскаго займа, подать Рима.

Зачѣмъ ужь теперь талмудъ?

Итакъ Моисей Мендельсонъ заслуживаетъ большихъ похвалъ за уничтоженіе еврейскаго католицизма, по крайней мѣрѣ въ Германіи. Отбросивъ преданіе, онъ однакожь старался поддержать, какъ религіозную обязанность, обрядные законы пятокнижія.—Была ли это робость или мудрость?

Не возвратъ ли болѣзненной симпатіи помѣшалъ ему поднять разрушающую руку на предметы столь дорогіе его предкамъ, и за которые текло столько крови и столько слезъ мучениковъ?

Я не думаю этого. Я скорѣе допущу, что Моисей Мендельсонъ видѣлъ въ чистомъ мозаизмѣ постановленіе, могущее служить послѣднимъ укрѣпленіемъ деизму, потомучто деизмъ былъ его самый задушевной вѣрой и самымъ глубокимъ убѣжденіемъ. Когда умеръ его другъ Лессингъ и его заподозрили въ Спинозизмѣ, онъ защищалъ его съ самымъ тревожнымъ рвеніемъ, и въ этомъ случаѣ разсердился до того, что самъ умеръ.

Я во второй уже разъ пишу имя человѣка, котораго ни одинъ нѣмецъ не можетъ назвать не почувствовавъ въ своей груди болѣе или менѣе громкаго отклика. Со временъ Лютера, Германія не производила человѣка выше и лучше Готгольда Эфраима Лессинга; оба они составляютъ нашу гордость и радованіе. Въ печаляхъ настоящаго мы поднимаемъ взоры къ ихъ утѣшительнымъ образамъ и читаемъ въ ихъ глазахъ блистательныя пророчества.

Подобно Лютеру Лессингъ дѣйствовалъ сильно, не столько совершая опредѣленные факты, сколько расшевеливая до глубины германскій народъ и производя благодѣтельное движеніе въ умахъ своей критикой и своей полемикой. Онъ былъ живой критикой своей эпохи, а его жизнь постоянной

Digitized by Google

полемикой. Эта критика коснулась самой обширной области мысли и чувства, религіи, науки, искуства; эта полемика поражала каждаго противника и набиралась силъ съ каждой побѣдой. Лессингъ, какъ онъ самъ сознавался, имѣлъ потребность въ нравственной борьбѣ для развитія своего ума. Онъ совершенно походилъ на того сказочнаго норманна, который получалъ въ наслѣдство таланты, познанія и силы людей, которыхъ убивалъ на дуэли, и кончилъ тѣмъ, что пріобрѣлъ такимъ образомъ всевозможныя качества и совершенства. Понятно, что такой неугомонный боецъ надѣлалъ много шуму въ Германіи, въ этой спокойной Германіи, которой спокойствіе было тогда еще праздничнѣе, чѣмъ въ наше время. Большая часть испугалась его литературной смѣлости; но эта-то смѣлость и послужила ему всего болѣе въ пользу. Быть смѣлымъ! вотъ тайна побѣды въ литературѣ, какъ въ революціи... и въ любви. Всѣ дрожали передъ мечомъ Лессинга; никто не былъ безопасенъ отъ его ударовъ. Да, онъ изъ чистаго каприза срубалъ нѣкоторыя головы, которыя имѣлъ жестокость поднимать потомъ, чтобъ показать толпѣ ихъ пустоту. Тѣхъ, кого не могла задѣть его рѣзкая логика, онъ убивалъ остротами. Его друзья любовались пестротой оконечностей этихъ стрѣлъ, а враги чувствовали остріе ихъ въ своемъ сердцѣ. Умъ Лессинга не похожъ на ту игривость, на ту веселость, на тѣ прыгающія остроты, которыя извѣстны въ здѣшней странѣ; его умъ не былъ маленькой французской собачкой, бѣгающей за своей тѣнью; это скорѣе былъ толстый нѣмецкій котъ, играющій съ мышью, прежде чѣмъ задушить ее.

Да, полемика была наслажденіемъ нашего Лессинга. Потому-то онъ никогда долго себя не спрашивалъ достоинъ-ли его его противникъ. Такимъ-то образомъ эта полемика извлекла много именъ изъ вполнѣ заслуженнаго забвенія. Онъ какъ будто обернулъ въ самую остроумную иронію, въ самую плѣнительную веселость,—множество маленькихъ писакъ, и они сохранятся на вѣки въ сочиненіяхъ Лессинга, какъ насѣкомыя, залитыя въ кусочекъ янтаря. Убивая своего противника, онъ давалъ ему безсмертіе. Кто бы изъ насъ услыхалъ напр. о Клотцѣ, на котораго Лессингъ потратилъ столько мѣткихъ насмѣшекъ? Сатирическія глыбы, которыя онъ собралъ надъ этимъ бѣднымъ академикомъ, чтобы раздавить его, составляютъ теперь ему неразрушимый памятникъ.

Достойно замѣчанія, что этотъ человѣкъ, самый остроумный во всей Германіи, былъ также и самый достойный уваженія. Ничто не можетъ сравниться съ его любовью къ истинѣ. Лессингъ никогда не дѣлалъ малѣйшей уступки лжи, даже еслибы могъ, какъ наши искусники, ускорить черезъ это торжество истины. Онъ былъ въ состояніи все сдѣлать для правды, все, только не солгать. Тотъ, кто хочетъ представить народу ло-

Digitized by Google

тину подъ всевозможными прикрасами и масками, сказалъ онъ однажды, тотъ былъ бы ловкимъ продавцемъ истины, но никогда не былъ бы ея любовникомъ.

Прекрасное слово Бюффона:—«слогъ есть весь человѣкъ!» ни къ кому такъ нейдетъ, какъ къ Лессингу. Его манера писать такая-же, какъ и его характеръ,—правдивая, сильная, безъ прикрасъ, прекрасная и величественная своей внутренней силой. Его стиль совершенный стиль римскихъ зданій, мужественная красота котораго происходитъ отъ совершенѣйшей прочности. Различные части его періода покоятся одна на другой, какъ каменныя плиты; какъ для послѣднихъ законъ тяготѣнія есть невидимая укрѣпляющая связь, такъ цѣпь логической послѣдовательности для сочиненій Лессинга. Отсюда въ его прозѣ такое отсутствіе этихъ лишнихъ вставокъ, этихъ хитрыхъ оборотовъ, которыя мы употребляемъ въ видѣ цемента при построеніи нашихъ періодовъ. Еще рѣже встрѣчаются у него тѣ каріатиды мысли, которыя вы называете пышными фразами.

Весьма понятно, что такой человѣкъ какъ Лессингъ не могъ быть счастливъ; даже еслибъ онъ и не любилъ правды и не защищалъ ее храбро при каждомъ случаѣ, ему слѣдовало ужъ быть несчастнымъ, потому-что онъ былъ человѣкъ геніальный. Вамъ простятъ все, говорилъ когда-то со вздохомъ одинъ молодой поэтъ, богатство, знатное происхожденіе, красоту, вамъ простятъ все, даже талантъ; но къ генію люди неумолимы. Увы! имѣй геніальный человѣкъ счастіе не встрѣтить внѣшняго врага, онъ нашолъ бы въ себѣ самомъ врага, строящаго его погибель. Оттого-то исторія великихъ людей бываетъ всегда легендой мучениковъ; когда они не страдали за великое человѣчество, то страдали за свое собственное величіе, за свое великое maniére d'être, за свое отвращеніе отъ вульгарнаго, за свое недовольство посреди тщеславной тривіяльности и придирчивой мелочности ихъ обстановки, недовольство, легко вовлекающее ихъ въ сумабродства, напримѣръ въ игру и ухаживаніе за актрисами, какъ случилось съ бѣднымъ Лессингомъ.

Злые языки не находили для него другого упрека, а мы узнаемъ изъ его біографіи, что хорошенькія актрисы казались ему веселѣе пасторовъ Гамбурга, а нѣмыя карты занимали его гораздо лучше, чѣмъ болтовня философовъ вольфіанцевъ.

Сердце щемитъ, когда читаешь въ этой біографіи до чего судьба отказывала этому человѣку во всякой радости и даже не позволила ему отдохнуть въ тиши семейной жизни отъ его ежедневныхъ битвъ. Одинъ только разъ счастіе вздумало улыбнуться ему, подаривши его любимою женою, ребенкомъ... Но эта радость была лишь солнечнымъ лучомъ на крылѣ

Digitized by Google

улетающей птицы. Жена умерла послѣ родовъ, а ребенокъ нѣсколько часовъ послѣ своего рожденія. Объ этомъ ребенкѣ, онъ писалъ одному изъ своихъ друзей слѣдующія строки, исполненныя горькой иронім:

«Счастье мое было не продолжительно и я съ большимъ сожалѣніемъ потерялъ этого сына! потомучто онъ былъ такъ уменъ! такъ уменъ! Не думайте, что нѣсколько часовъ моего отеческаго званія заставляютъ меня корчить отца! Я знаю, что говорю! Развѣ было не умно съ его стороны заставить вытащить себя на свѣтъ только желѣзными щипцами, такъ быстро понять тягость нашей общественной жизни?.. Развѣ не умно было воспользоваться первымъ случаемъ выйти изъ нея?.. Я попробовалъ было быть счастливымъ, какъ другіе люди; но это мнѣ не удалось...»

Было одно несчастіе, на которое Лессингъ никогда не жаловался своимъ друзьямъ: это было его страшное одиночество, его нравственное уединеніе. Нѣкоторые изъ друзей его любили, но ни одинъ не понялъ. Мендельсонъ, его лучшій другъ, съ жаромъ защищалъ его отъ обвиненія въ спинозизмѣ. И жаръ и защита были столь же смѣшны, сколько излишни. Успокойся въ своей могилѣ, старый Моисей! твой Лессингъ дѣйствительно былъ на дорогѣ къ этому страшному заблужденію, къ этой ужасной безднѣ спинозизма;.. но Всевышній отецъ нашъ на небѣ во время предохранилъ его отъ нея смертію. Успокойся, Лессингъ не былъ спинозистомъ, какъ утверждало злорѣчіе, онъ умеръ истиннымъ деистомъ, какъ ты, и Николаи, и Теллеръ, и *Всеобщая Нѣмецкая Библіотека.*

Я назвалъ Лессинга продолжателемъ Лютера, и въ этомъ-то отношеніи я и буду говорить здѣсь о немъ. Въ другомъ мѣстѣ я укажу его значеніе въ нѣмецкомъ искуствѣ: онъ ввелъ спасительную реформу не только своей критикой, но и своимъ примѣромъ,—и этотъ-то фазисъ его дѣятельности обыкновенно выставляютъ на видъ и цѣнятъ. Мы-же смотримъ на него съ другой точки зрѣнія, и его философская и теологическая борьба интересуетъ насъ сильнѣе, чѣмъ его драматургія и его драма. Впрочемъ и онѣ, какъ и всѣ его сочиненія, имѣютъ соціальный характеръ и *Nathan der Weise* въ сущности не только хорошая комедія, но и философски-теологическій трактатъ въ пользу чистаго деизма. Искуство было для Лессинга другого рода трибуной, и когда ему встрѣчались препятствія въ проповѣди или на каѳедрѣ, онъ бросался на сцену, говорилъ тамъ еще яснѣе и пріобрѣталъ еще болѣе слушателей.

Я говорю, что Лессингъ продолжалъ Лютера. Когда послѣдній отстранилъ насъ отъ преданія и постановилъ Библію единственнымъ источникомъ христіанства, возникло сухое поклоненіе буквѣ, и эта библейская буква стала господствовать такъ же, какъ прежде преданіе. Какъ Лютеръ не совсѣмъ

Digitized by Google

одинъ побѣждалъ преданіе, такъ и Лессингъ боролся тоже, не одинъ, но храбрѣе всѣхъ противъ буквы; его голосъ громче всѣхъ раздавался въ битвѣ. Тутъ-то онъ съ наибольшимъ упоеніемъ потрясаетъ своимъ мечемъ, и этотъ мечъ сіяетъ и убиваетъ; но тутъ также Лессингъ и всего опаснѣе окружонъ самой чорной фалангой; въ подобномъ-то затрудненіи онъ воскликнулъ однажды:

«O sancta simplicitas!!.. Но я еще не дошолъ до того положенія, въ которомъ превосходный человѣкъ, произнесшій эти слова, не могъ сказать ничего далѣе (Іоаннъ Гуссъ произнесъ это восклицаніе на кострѣ). Мы хотимъ, чтобы насъ сперва судили тѣ, которые могутъ и желаютъ насъ слышать и судить».

«О! еслибы могъ это онъ, котораго я всего болѣе желалъ-бы имѣть судьею!.. Лютеръ! ты... непризнанный великій человѣкъ! и непризнанный всего болѣе тѣми упрямыми крикунами, которые, съ твоими туфлями въ рукахъ, плетутся по пути тобой-же имъ открытому!...»

Лессингъ умеръ въ Брауншвейгѣ въ 1781 г. непризнанный, ненавидимый и оклеветанный. Въ томъ же году появилась въ Кенигсбергѣ *Критика Чистаго Разума* Эммануила Канта. Съ этой книги, которая по странной случайности пріобрѣла общую извѣстность только на девятомъ году послѣ своего выпуска, начинается въ Германіи нравственная революція, представляющая самую любопытную аналогію съ политической революціей во Франціи и долженствующая казаться не менѣе важной человѣку мыслящему. Она развивается въ такихъ-же фазисахъ, и между этими двумя революціями существуетъ самый замѣчательный параллелизмъ.

По обѣимъ сторонамъ Рейна мы видимъ тотъ-же разрывъ съ прошедшимъ. Преданію отказываютъ во всякомъ уваженіи. Во Франціи всякое право, въ Германіи всякая мысль подвергнуты обвиненію и принуждены защищаться. Здѣсь падаетъ королевская власть, главное основаніе стараго соціальнаго зданія; тамъ деизмъ, главное основаніе стараго нравственнаго порядка.

Объ этой катострофѣ, этомъ 21-мъ январѣ деизма, мы будемъ говорить въ третьей части.

Digitized by Google

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ ОТЦЫ И ДѢТИ

Одна статья, недавно появившаяся въ печати, навела меня на мысль написать эти замѣтки.

Статья эта ставитъ вопросъ о годности или негодности нашей учащейся молодежи чрезвычайно просто и умно. Авторъ и не думаетъ защищать молодое поколѣніе: онъ отвѣчаетъ на обвиненіе фактами. Вы насъ обвиняете — таковъ смыслъ его статьи — такъ выслушайте-же какъ вы старались о нашемъ воспитаніи; мы неучи, посмотрите каковы ваши ученые, полюбуйтесь на тѣхъ, которые просвѣщали насъ. Всѣ, кому пришлось быть въ одно время съ авторомъ этой статьи въ университетѣ, конечно подтвердятъ правдивость его разсказа. Состояніе историко-филологическаго факультета одного изъ нашихъ университетовъ нарисовано имъ необыкновенно ярко; дѣло говоритъ само за себя.

Мнѣ кажется, что описаніе другого факультета будетъ не безъинтересно. Еслибы и другіе записали свои замѣтки по другимъ факультетамъ, то составилась-бы полная картина состоянія одного изъ нашихъ университетовъ за извѣстное время; картина весьма поучительная. Я намѣренъ разсказать о томъ, какъ обучали насъ естественнымъ наукамъ, по возможности избѣгая своихъ личныхъ воспоминаній.

I

Страшное время было этотъ 185... г.; самое нерѣшительное время, безъ всякой опредѣленной физіономіи, точно трусливый и застѣнчивый господинъ, который, идя по улицѣ, желаетъ изъ

Digitized by Google

себя молодца показать и въ то же время внутренно чувствуетъ робость; чувствуетъ, что все какъ-то не такъ, не хватаетъ чего-то, и взоры господина блуждаютъ изъ стороны въ сторону, боясь остановиться на какомъ нибудь опредѣленномъ предметѣ, и правое плечо какъ-то ежится, словно онъ боится задѣть кого нибудь, словно онъ выискиваетъ случая шмыгнуть въ какой нибудь переулокъ. Извѣстно, что вскорѣ началъ разъѣзжать по городамъ и селеніямъ Россійской Имперіи генералъ Конфузовъ (по выраженію Щедрина), и надо полагать, что началъ онъ свою ревизію именно съ университетовъ.

Насъ заставляли еще во всей своей строгости исполнять установленную форму; пройти по улицѣ въ фуражкѣ считалось смѣлостью; еще инспекторъ, встрѣчая студента, отворачивалъ полу шинели для того, чтобы поглядѣть имѣется-ли шпага. Инспекторъ и его помощники (по просту *субы*) заглядывали на квартиры студентовъ, имѣя въ виду туже высокую цѣль, какъ гоголевскій городничій, «чтобы всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій не было.» Вновь поступавшимъ раздавались книжечки, въ которыхъ изъяснялось, что надо вести себя прилично, при встрѣчѣ съ начальствомъ кланяться, и т. п. Даже и такіе факты были еще возможны: когда одинъ молодой професоръ возъимѣлъ желаніе читать студентамъ четвертаго курса «теорію химіи,» то ему было объявлено, что у студентовъ и безъ того много занятій.

Впрочемъ, во всѣхъ сихъ дѣлахъ исполнители конфузились уже излишнюю ревность прилагать; субъ, входя къ студенту, немного краснѣлъ, бормоталъ извиненіе и кашлялъ, слегка прикрывая ротъ рукою, на подобіе щитка. Слово карцеръ звучало какъ-то странно; инспекторъ ограничивался одними выговорами и то произносилъ ихъ негромко, съ опущенными глазами; тайная мысль видимо тревожила его: а что-молъ, если студентъ отвѣтитъ: да полно вамъ вздоръ-то молоть.»

Скоро все начало измѣняться; съ весною и новымъ попечителемъ стали появляться фуражки, шпаги употреблялись единственно при вареніи жжонки; начали — о, ужасъ! — не смотря на всевозможныя объявленія и предостереженія (въ родѣ: «виновные подлежатъ немедленному исключенію») курить въ стѣнахъ храма науки. Интересно, что само начальство приказывало снимать особенно краснорѣчивыя объявленія по воскресеньямъ,

Digitized by Google

когда въ университетской залѣ бывали концерты и, слѣдовательно, по коридорамъ проходила публика.

Этой внѣшности какъ нельзя лучше соотвѣтствовало внутреннее состояніе университета. Посѣщеніе лекцій de jure считалось обязательнымъ; нѣкоторые професора еще дѣлали репетиціи, или «репитички,» какъ выражался одинъ изъ нихъ, читавшій что-то такое, называвшееся въ университетскомъ росписаніи «логикою.» Они смотрѣли на своихъ слушателей, какъ чиновники высшаго полета взираютъ на своихъ подчиненныхъ; слушаніе лекцій считали службой и отмѣчали нерадивыхъ. Не ходитъ студентъ на лекцію — значитъ онъ негодяй, потому не его дѣло разсуждать какъ и что̀ (ей-Богу, приходила иногда въ голову мысль: да *что* это онъ читаетъ?) читаетъ професоръ; сиди смирно, слушай внимательно, не разсуждай и благо тебѣ будетъ. Многіе читали, или по своимъ запискамъ, составленнымъ лѣтъ за 20, или по своимъ столь-же почтеннымъ древностію печатнымъ руководствамъ; были и такіе, что такъ заматорѣли въ професорахъ, что обходились и безъ записокъ, и безъ книжекъ, — но ежегодно повторяли свои лекціи слово въ слово, съ неизмѣнными остротами и прибаутками. Молодыхъ професоровъ было очень мало; все большинство любило, чтобы студенты титуловали ихъ «ваше п-во.» Они напоминали мнѣ моего школьнаго учителя космографіи, который считалъ по старинному двѣнадцать планетъ, и на возраженія своихъ учениковъ смиренно отвѣчалъ: «ну тамъ другіе какъ себѣ хотятъ, а у насъ будетъ двѣнадцать.»

По счастію, мнѣ не пришлось испытать тѣхъ разочарованій которые выпали на долю автора вышеупомянутой статьи. Въ училищѣ, гдѣ я воспитывался, былъ сильно развитъ скептитическій духъ;— при томъ-же я перешолъ въ университетъ не прямо со школьной скамьи. Почтенные жрецы науки не наполняли моего юнаго сердца благоговѣніемъ; я наслушался объ нихъ довольно, особенно о томъ, котораго авторъ называетъ г. Креозотовымъ. Когда я обучался въ школѣ коммерческимъ наукамъ, — то у насъ въ класѣ издавались журналы «Фригійская шапка» «Гражданинъ» и даже «Соціалистъ» само-собою разумѣется, что̀ ни редакторъ, ни сотрудники, ни читатели не понимали хорошенько что это такое за штука соціализмъ; впрочемъ это ничего; главное, стремленіе къ чему-то было, а что до пониманія что такое соціализмъ,

Digitized by Google

то есть цѣлые литературные органы, которые лишены онаго. Выйдя изъ училища съ порядочными свѣдѣніями въ естественныхъ наукахъ, особенно въ химіи, трудно было поддаться краснорѣчію учоныхъ соловьевъ Но легко себѣ представить что должны были испытывать неопытные юноши; какъ ихъ огорошивали закругленные періоды и важное выраженіе лицъ почтенныхъ наставниковъ.

Вообще, на естественный факультетъ поступаютъ люди (по крайней мѣрѣ въ мое время, когда онъ не успѣлъ еще сдѣлаться *моднымъ* факультетомъ) болѣе развитые, чѣмъ на другія факультеты. Тутъ волей-неволей, худо-хорошо, а приходится заниматься и разсуждать: трехнедѣльнымъ зубреніемъ передъ экзаменами ничего не подѣлаешь. Знаменитый Біо рекомендовалъ нѣкогда естественныя науки французскому юношеству какъ занятія спокойныя, удаляющія отъ треволненій житейской суеты,— но у насъ оно вышло совершенно на оборотъ. Натуралисты интересовались не одними естественными науками; между тѣмъ, мнѣ случалось слышать, какъ филологи третьяго и четвертаго курса удивлялись, неужели возможно заниматься «такими *сухими* предметами, какъ ботаника, или химія»; имъ казалось, что въ этихъ наукахъ «*нѣтъ жизни*». Студенты въ этомъ случаѣ были даже ниже своего професора Телицына, котораго такъ прекрасно характеризировалъ авторъ статьи. Этотъ, напротивъ, благоговѣлъ передъ натуралистами, питалъ самую платоническую страсть къ естественнымъ наукамъ, ждалъ отъ нихъ спасенія міра (подобно нашему извѣстному литератору и педагогу г. Водовозову), волочился за студентами нашего факультета. Онъ проникался до того чувствомъ благоговѣнія, что приходилъ слушать лекціи физіологіи растеній, слушалъ съ усиленнымъ вниманіемъ, хлопалъ отъ удивленія глазами и разумѣется ничего не понималъ, потомучто естественныя науки были для него «темна вода во облацѣхъ.»

Надо правду сказать, что такихъ поклонниковъ естественныхъ наукъ на Руси у насъ развелось въ послѣднее время довольно. Съ ними просто совѣстно разговаривать. «Ахъ, вы были на естественномъ факультетѣ!» восклицаютъ они такимъ тономъ, что ожидаешь, что, подобно Анучкину, они объявятъ вамъ, «что ихъ стоило только посѣчь» и они знали-бы естественныя науки. Эти господа пересыпаютъ свою рѣчь выраженіями: «естествен-

Digitized by Google

ныя науки показали, натуралисты доказали, такой-то химикъ открылъ», и вслѣдъ за этимъ сморозятъ такую чушь, что только руками разведешь: двѣсти сорокъ пьявокъ Ноздрева передъ ихъ клеветою на науку — дѣтская шалость. Особенное уваженіе питаютъ они къ фосфору (которому у насъ на Руси дана привилегія кипѣть не при 2,90 какъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, а при обыкновенной температурѣ) и все оттого, что Моллешоту почему-то вздумалось сказать: Ohne Phosphor kein gedanke, хотя онъ имѣлъ полное право, вмѣсто фосфора, приписать эту честь, напр., кислороду или водороду. Такое уваженіе къ естественнымъ наукамъ было-бы весьма полезно, еслибы поклонники хоть немного поучились имъ; а то они совершаютъ какія-то безсмысленныя сатурналіи, пляшутъ передъ наукой, какъ дикіе передъ идолами.

Такое лакейство передъ наукою врядъ-ли скоро выведется изъ моды: оно столь же соблазнительно какъ поподличать передъ милліонщикомъ.

Да извинитъ меня читатель за это и подобныя будущія отступленія. И такъ я сказалъ, что на естественный факультетъ поступали люди болѣе или менѣе развитые, и професорамъ труднѣе было, чѣмъ на другомъ факультетѣ, заслужить уваженіе своихъ слушателей. Однѣми громкими фразами трудно отдѣлаться; требуются обширныя фактическія свѣдѣнія, и нужно непрерывно слѣдить за наукою. Всегда въ курсѣ есть два-три спеціалиста, могущіе обличить завравшагося професора. Такой професоръ, какъ Телицынъ, не могъ-бы увлечь своихъ слушателей-натуралистовъ; «перчикомъ», которымъ онъ посыпалъ концы своихъ лекцій, отдѣлаться было невозможно. Тутъ и личная ненависть къ Фридриху-Вильгельму I (заимствованная впрочемъ у Маколея) ничего-бы не помогла. Такъ называемые *выводы* естественныхъ наукъ порядочно понадоѣли въ разныхъ популярныхъ статейкахъ и книжкахъ. Я удивился бѣдности свѣдѣній, которыя, напр., передавалъ своимъ слушателемъ восторженный Телицынъ о древней русской литературѣ, когда зашолъ какъ-то къ нему на лекцію. Повѣритъ ли читатель, что я, почитывая только журнальныя статьи и кой-какія сочиненія по этой части, не только не вынесъ ничего изъ аудиторіи почтеннаго професора, но даже замѣтилъ кой-какія промахи?

Digitized by Google

II.

Теперь я приступлю къ описанію нашихъ професоровъ.

Професоръ Зоологіи очаровалъ насъ на нѣсколько лекцій. Онъ началъ безъ всякихъ прикрасъ, безъ опредѣленія своего предмета; не вдавался въ умствованія о значеніи слова природа, не вычислялъ названій естественныхъ наукъ; словомъ, обошолся безъ тѣхъ рутинныхъ пріемовъ, которыми преизобилуютъ всѣ учебники. Взойдя на каѳедру, онъ сказалъ: «мы будемъ говорить о костяхъ», и началъ прямо съ опредѣленія, что такое кость. Этимъ онъ прельстилъ всѣхъ слушателей. Надо отдать полную справедливость почтенному професору: у него былъ даръ разсказывать необыкновенно ясно, убѣдительно и краснорѣчиво. Къ несчастію, свѣдѣнія его далеко не соотвѣтствовали ораторскому таланту. Это обнаружилось скоро, именно, когда професоръ дошолъ до мускуловъ; правда, онъ столь-же убѣдительно указывалъ мѣста прикрѣпленія различныхъ мускуловъ, такъ что посторонній ни за чтобы не заподозрилъ почтеннаго професора въ незнаніи,—но на бѣду професора были студенты, занимавшіеся анатоміей помимо его лекцій: эти-то студенты и указали другимъ на промахи професора. Сомнѣніе вещь такого рода, что стоитъ ему только зародиться. Замѣтили разъ, что человѣкъ вретъ, — и бѣда ему; хотя онъ и правду иной разъ скажетъ, и ее подвергаютъ сомнѣнію; словомъ, на него начинаютъ смотрѣть подозрительно. Вообще, професоръ зоологіи имѣлъ удѣлъ плѣнять своими лекціями вновь поступившихъ студентовъ; со втораго курса студенты начинали охладѣвать къ его блестящимъ талантамъ. Всѣ легко замѣчали, что у него есть коньки, на которыхъ онъ любитъ выѣзжать, — къ несчасію коньки эти были весьма незавиднаго свойства и скоро всѣмъ надоѣдали. Професоръ до того увлекался и повторялся, излагая свои *общія идеи*, что лекціи его становились невыносимо скучны; выносилось изъ нихъ весьма мало; вся лекція легко умѣщалась на четверткѣ довольно крупнаго письма.

Къ ошибкамъ почтеннаго професора присоединялась еще крайняя небрежность изложенія. Онъ увлекался до того, что забывалъ весьма существенныя вещи. Такъ, читая «систему живот-

Digitized by Google

наго царства»,— онъ однажды проболталъ всю лекцію о пустякахъ, и при чтеніи записокъ оказалось, что онъ далъ слѣдующее опредѣленіе отличія жуковъ отъ прочихъ насѣкомыхъ (я привожу подлинныя слова професора): «если налетитъ на васъ такая штука — говорилъ онъ — ударится о васъ и упадетъ, то значитъ это жукъ, — если-же ударившись пролетитъ мимо—это другое какое нибудь насѣкомое?» И болѣе ни слова. Я вовсе не думаю сказать этимъ, что почтенный професоръ не зналъ, чѣмъ отличается жукъ отъ прочихъ насѣкомыхъ,—но по моему лучше-бы онъ вовсе этого не зналъ, чѣмъ подчивать своихъ слушателей подобнымъ вздоромъ. Весьма рѣдко професоръ приготовлялся къ лекціи,— а не приготовившись онъ конечно необходимо былъ принужденъ прибѣгать къ болтовнѣ, выражаться неточно, или просто говорить глупости, въ родѣ вышепреведенной. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ нелѣпостей онъ, по всей вѣроятности, былъ убѣжденъ самъ. Я по крайнѣй мѣрѣ увѣренъ, что нашъ полезный наставникъ умеръ, нисколько не сомнѣваясь, что у комара четыре крыла; въ продолженіе всей своей ученой дѣятельности онъ причислялъ комара къ перепончато-крылымъ.

А между тѣмъ онъ былъ человѣкъ не безъ гордости и любилъ похвалиться своими учеными трудами. Такъ, когда онъ показывалъ какой нибудь дорогой атласъ и его спрашивали о цѣнѣ этого изданія,—онъ не упускалъ случая тонко замѣтить, что между учеными есть обычай дарить другъ другу свои сочиненія,—а потому онъ и не знаетъ что стоитъ атласъ. Это произносилось весьма самодовольно и на лицѣ професора свѣтилась улыбка, которая ясно говорила: «вы не очень-то забывайтесь, насъ и знаменитые ученые уважаютъ». Нельзя однако сказать, чтобы ученые труды професора пользовались особеннымъ авторитетомъ; это были либо компиляціи, либо труды не вполнѣ удовлетворительные. Къ тому же на счетъ его *самостоятельныхъ* работъ ходили разные темные слухи, будто лучшая ихъ часть принадлежитъ не ему, а его бывшему професору. Трудно сказать справедливы ли были эти слухи,—но нѣкоторыя обстоятельства дѣлали ихъ вѣроятными. Положительно оказалось, что статьи, напечатанныя имъ въ русскихъ журналахъ, по большей части были переводами съ нѣмецкаго; конечно, выбирался какой-нибудь второстепенный ученый и къ его

Digitized by Google

изслѣдованію прибавлялись легкія замѣчанія, игривыя подробности. Такъ, переведя съ нѣмецкаго статью «о рукѣ и ногѣ человѣка,» професоръ распространился о ножкахъ Фанни-Эльснеръ, которая въ то время плѣняла петербургскую публику. Позже професоръ издалъ «естественную исторію земной коры», — и это сочиненіе оказалось на половину заимствованнымъ, на половину переведеннымъ. Професоръ не постарался даже соразмѣрить частей книги; и вышло, что одна часть — такъ сказано было въ предисловіи — предназначалась для женскихъ институтовъ, а другая для университетскихъ слушателей. Это вышло оттого, что одна часть была составлена по краткому нѣмецкому учебнику, а другая по болѣе подробному. О чемъ же заботился професоръ при изданіи книги? — Единственно о сбытѣ. Онъ былъ преподавателемъ въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній — вотъ ключь къ появленію книги. Составленная такимъ образомъ книга покупалась и студентами и для институтокъ. Разсчетъ, оказавшійся не безвыгоднымъ.

Въ извиненіе професора приводилось обыкновенно то обстоятельство, что предметъ чтеній его былъ очень обширенъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ обязанъ былъ читать сравнительную анатомію, зоологію, и палеонтологію — гдѣ тутъ одному управиться! Физіологіи не полагалось по уставу. Но надо сказать, что ни одной части изъ своего курса онъ не читалъ порядочно; читай онъ что нибудь удовлетворительно и студенты навѣрно примирились-бы съ нимъ. Мало этого, въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи (курсъ котораго равнялся университетскому) онъ читалъ минералогію и геогнозію; не говорю уже о преподованіи въ институтахъ, о публичныхъ лекціяхъ и т. п. И во всемъ онъ выдавалъ себя за спеціалиста: онъ былъ и зоологъ, и минералогъ lack of all trades, and master of none, какъ говорятъ англичане; т. е. малый на всѣ руки и ничего путемъ не дѣлалъ. Это-то шарлатанство и возмущало. Впослѣдствіи, неудовольствіе студентовъ дошло до того, что ходили жаловаться къ попечителю. Попечитель обѣщалъ, что каѳедра будетъ раздѣлена, что пригласятъ адъюнкта, — но эти хорошія слова остались хорошими словами, не больше.

По убѣжденіямъ професоръ былъ самый крайній матеріалистъ; другого такого я и не видывалъ. Въ противность другимъ матеріалистамъ, онъ былъ далеко не либералъ. Онъ хо-

Digitized by Google

тѣлъ быть человѣкомъ положительнымъ; мечтаній никакихъ не любилъ. Онъ непрямо оправдывалъ даже рабство негровъ: — извѣстно, негры низшая раса и даже междучелюстная кость у нихъ есть. Въ частныхъ дѣлахъ, въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ, — но впрочемъ до этого намъ нѣтъ дѣла.

Въ то время, когда двери университета отворились для женщинъ, професоръ явился противникомъ такого безобразія. Протестъ свой онъ выражалъ весьма оригинальнымъ способомъ. И прежде професоръ былъ не прочь пуститься въ не совсѣмъ умѣстныя эротическія подробности. Такъ напр. при объясненіи отправленія блуждающаго нерва, — онъ рисовалъ съ большимъ стараніемъ картину какъ влюбленная дѣвица (дѣйствіе конечно происходило въ саду освященномъ луною) ожидаетъ своего возлюбленнаго, какъ она вздыхаетъ, закатываетъ глаза и т. д. И при другихъ обстоятельствахъ рисовались подобныя-же соотвѣтствующія картины. Но какъ только женщины стали посѣщать его лекціи, — любовь его къ эротическимъ изображеніямъ, по крайнѣй мѣрѣ, утроилась. Приходя на лекцію онъ окидывалъ своимъ орлинымъ взоромъ аудиторію, — а, слушательница есть, хорошо-же! «Господа, мы будемъ говорить...

А было однако что-то въ этомъ человѣкѣ, что заставляло любить его, прощать половину его недостатковъ; была сила, былъ талантъ. Помню, какъ послѣ похоронъ професора мы сошлись «помянуть» его. Всѣ удивились отчего не было на могилѣ его произнесено ни одной рѣчи. Стали разсуждать о професорѣ и много теплыхъ и задушевныхъ словъ было сказано о немъ. Всѣ согласились, что онъ обладалъ драгоцѣннѣйшимъ свойствомъ: онъ умѣлъ внушать любовь къ наукѣ; онъ былъ похожъ на человѣка, который, указывая впередъ, говоритъ: «идите туда, тамъ хорошо»—но что именно хорошо онъ самъ не зналъ; онъ слишкомъ облѣнился, слишкомъ долго засидѣлся на одномъ мѣстѣ и трудно было ему сдвинуться съ насиженнаго мѣстечка. Какъ ни хотѣлось всѣмъ присутствовавшимъ распространиться о его заслугахъ, — однако насчитали только пять хорошихъ лекцій; никакъ не больше. Можетъ быть, иной подумаетъ, что смерть примиряетъ съ человѣкомъ и что потому только бывшіе слушатели и начали находить на поминкахъ хорошіе стороны въ своемъ умершемъ професорѣ — но это будетъ несправедливо. У него были дѣйствительно блестящія професорскія способности,—

Digitized by Google

но онъ умѣлъ только шарлатанить ими. Для такихъ людей нуженъ «глазъ», нуженъ контроль, а то они облѣнятся и зазнаются. А какой контроль былъ надъ нимъ? Гдѣ разбирались серьезно его хоть-бы популярныя публичныя лекціи или журнальныя статьи? А свидѣтельству студентовъ—кто повѣритъ? И теперь еще печатно проповѣдуется, что студентъ не можетъ оцѣнить професора. А кажется не мудрено сказать: хорошъ или дуренъ професоръ, когда онъ факты перевираетъ. Въ публикѣ слава професора была баснословная; удивлялись, когда студентъ не совсѣмъ почтительно объ немъ отзывался; считали это личнымъ нерасположеніемъ, чуть не святотатствомъ.

Антагонистомъ професора зоологіи и свѣтиломъ факультета былъ професоръ ботаники. Это былъ дѣйствительно человѣкъ весьма почтенный; солидный ученый и солидный професоръ, знающій вполнѣ свой предметъ. Онъ вносилъ въ университетскій застой новую струю. При другомъ професорѣ, или адъюнктѣ—лучшаго и желать-бы не надо. Несчастіе и въ то-же время великія достоинства професора Ботаники заключались въ томъ, что онъ былъ спеціалистъ, занимавшійся извѣстной частью предмета, именно низшими организмами и потому, знавшій только одинъ методъ — изученіе исторіи развитія. Свою спеціальность онъ зналъ вполнѣ удовлетворительно; я нисколько не сомнѣваюсь, что и другія части науки были ему хорошо извѣстны,—но онъ не обращалъ на нихъ почти никакого вниманія, а къ систематикѣ высказывалъ даже нѣкоторое пренебреженіе. Все это необходимо должно было отразиться на слушателяхъ. Всѣ уважали професора, но учениковъ у него не было, да и быть не могло. Нельзя же назвать учениками господъ, слѣпо поклонявшихся професору, знавшихъ только его мнѣнія и ничего внѣ ихъ знать не хотѣвшихъ; они точно зазубрили урокъ и боялись не сбиться; даже выраженія професорскія затвердили. Избави Богъ всякаго отъ подобныхъ учениковъ!

Професоръ читалъ весьма подробно исторію развитія низшихъ растеній, касаясь при этомъ нѣкоторыхъ весьма важныхъ вопросовъ, относительно размноженія вообще. Отъ него мы впервые услыхали напр. о періодично-смѣняющихся поколѣніяхъ. Онъ оказывалъ вліяніе даже на своего антагониста. Между тезисами дисертаціи професора ботаники на степень доктора былъ между прочимъ тотъ, что границы между растительнымъ и живот-

Digitized by Google

нымъ царствомъ не существуетъ. Професоръ зоологіи явился ярымъ противникомъ этого мнѣнія и потерпѣлъ жестокое пораженіе. Чрезъ полгода онъ сдался и объявилъ объ этомъ на лекціи. Точно также сталъ онъ обращать вниманіе на исторію развитія животныхъ, пересталъ держаться за прежнія опредѣленія рода и вида. Этими пасивными уступками онъ и ограничился. Правда, онъ намекалъ на лекціяхъ, что изученіе исторіи развитія не единственный методъ естественныхъ наукъ, — но только этимъ намекомъ и ограничивался; у него самого метода никакого не было, да и не могло быть, такъ какъ онъ, не смотря на нѣкоторыя (впрочемъ весьма рѣдкія) благодѣтельныя порывы, за серьезное изученіе своего предмета не принимался.

И такъ исторія развитія торжествовала, что было не совсѣмъ полезно (да извинитъ читатель невольный каламбуръ) для нашего развитія. По неволѣ къ намъ въ головы закрадывалась односторонность воззрѣнія. Мы, какъ я уже сказалъ, преуспѣвали въ изученіи исторіи развитія низшихъ организмовъ. Ее мы знали въ совершенствѣ. Да и излагалась она превосходно: на професора въ этомъ отношеніи пожаловаться нельзя. Этотъ спеціальный курсъ онъ читалъ съ любовью, увлекательно; безъ микроскопа лекція не мыслима; на ней излагаются всѣ послѣднія изслѣдованія, всѣ новѣйшія открытія. И вотъ мы, увлеченные професоромъ, больше ничего знать не хотѣли. Систематикой мы ясно пренебрегали, и мало кто занимался ею. Большинство знало только, что Шлейденъ назвалъ гербаріумъ—сушенымъ сѣномъ. Этого, конечно, было недостаточно. И не только систематику мы знали плохо, но даже исторія развитія высшихъ растеній излагалась далеко не въ такой подробности, какъ низшихъ. О питаніи прочтено было двѣ коротенькихъ и весьма неудовлетворительныхъ лекціи.

А будь при такомъ професорѣ ботаники хорошій професоръ сравнительной анатоміи! Такого односторонняго увлеченія и въ поминѣ бы не было. Но то и бѣда, что у насъ если одинъ дѣльный професоръ на факультетѣ, — то и слава Богу! О цѣломъ факультетѣ и не помышляетъ никто; этакой роскоши и не слыхано.

Все дѣлалось по простотѣ. Получитъ господинъ професорскую каѳедру и знаетъ что обезпеченъ на двадцать пять лѣтъ; дѣлаетъ онъ что, ничего не дѣлаетъ — все равно; никому до этого

Digitized by Google

дѣла нѣтъ; сидитъ на мѣстѣ крѣпко и незыблемо, и неизмѣнно каждое первое число по званію своему жалованье получаетъ. Роскошь! Ну, пока молодъ еще туда-сюда занимается кое-какъ; иной лѣтъ пять протянетъ, а тамъ къ концу шестого и увидитъ, что все это прахъ и суета: суета суетъ и всяческая суета. Еще лѣтъ пять журналы учоные почитываетъ, а тамъ и это броситъ; развѣ ужь очень про какое открытіе прокричатъ. А между тѣмъ десять лѣтъ не шутка; чинъ соотвѣтственный получитъ и славой взыщется. Всякій знаетъ, что онъ професоръ, да и знать-то это за честь себѣ почитаетъ. И польются на професора всякія благодати: и почетъ, и репутація учонаго и — главное — изобиліе денежное. Кого пригласить въ наставники-наблюдатели? — заслужоннаго и уважаемаго професора. Кому поручить преподованіе въ спеціальныхъ класахъ спеціальнаго училища? заслуженному и уважаемому професору. И платятъ такому професору по двадцати пяти рублей серебромъ за урокъ. Оно и професору выгодно и начальству спеціальнаго училища лестно: нами-де и столпы науки не гнушаются, потому мы цѣнить людей умѣемъ. Денегъ у насъ что-ли нѣтъ! Конечно, иной кандидатъ и за пять-бы рублей читалъ лекціи, да еще потолковѣе. Такъ опять разница: то професоръ, лицо извѣстное,а то кандидатъ какой нибудь. А нашъ професоръ живетъ да живетъ себѣ, и видя его хочется сказать: «ахъ ты, растолстѣлъ, разжирѣлъ и забылъ даже чему учился».

Гдѣ-же синклиту такихъ почтенныхъ мужей заботиться о составѣ факультета? Они и въ професора-то выбираютъ тѣхъ кто подъ руку подвернется: подвернется хорошій человѣкъ — счастье; подвернется дрянь—и то сойдетъ. Все дескать больше насъ грѣшныхъ знаетъ: недавно учился. А то и по протекціи и по родству люди попадаютъ въ професора; кто сынка Роберта, кто племянничка Анатолія упрячетъ въ наставники. А люди ходятъ и удивляются; откуда молъ эти молодчики въ професора налѣзли? А удивляться, право, нечему.

Однако возвратимся къ професору ботаники. Его вліянію, хотя и полезному, но одностороннему, какъ уже было замѣчено, изъ професоровъ никто не противудѣйствовалъ, да и не могъ-бы, не смотря на все желаніе.

Опозиція явилась въ средѣ студентовъ. Были люди занимавшіеся, помимо лекцій, сравнительной анатоміей; они предостере-

Digitized by Google

гали товарищей отъ увлеченія,—болѣе или менѣе удачно. Опозиція заговорила громче вотъ по какому случаю. Одинъ молодой ученый представилъ дисертацію на степень магистра зоологіи. «О костяхъ запястья млекопитающихъ,»—сочиненіе, обратившее на себя вниманіе ученыхъ. Опонентомъ, кромѣ професора зоологіи, былъ назначенъ доцентъ минералогіи, который не зналъ какъ отдѣлаться отъ своей обязанности. Дня за три до диспута возвратился изъ заграницы професоръ ботаники; доцентъ къ нему: «будьте благодѣтелемъ, будьте вмѣсто меня опонентомъ;» професоръ согласился. Не въ томъ бѣда, что професоръ согласился, а въ томъ бѣда, что онъ путемъ дисертаціи не прочелъ. На диспутѣ онъ сталъ возражать; сдѣлалъ два-три незначительныя замѣчанія и тотчасъ съѣхалъ на *общіе* взгляды. Именно, онъ обвинилъ магистранта въ томъ, что онъ не обратилъ вниманія на исторію развитія. Професоръ говорилъ долго и много; рѣчь его была отчасти его profession de foi; онъ выставлялъ важность изученія исторіи развитія (въ чемъ диспутантъ, конечно, и не сомнѣвался) и въ заключеніе объявилъ, что внѣ ея нѣтъ спасенія. Магистрантъ видимо былъ смущенъ такимъ заключеніемъ; онъ сказалъ двѣ три фразы, — и офиціальный диспутъ скончался.

Но дѣло этимъ не кончилось. Послѣ диспута, въ спорахъ студентовъ рѣшается обыкновенно кто былъ правъ, кто виноватъ. Тутъ-то опозиція и выступила. Она доказала весьма ясно, что и внѣ исторіи развитія есть спасеніе, что это не единственный методъ,—что сравнительно-анатомическій методъ, опредѣленіе гомологій, имѣетъ свои права и т. д. Впослѣдствіи торжество опозиціи увеличилось. Магистрантъ напечаталъ въ свою защиту цѣлую статью «о методѣ наукъ наблюдательныхъ.» Професоръ, прочтя эту статью, объявилъ на лекціи, что онъ былъ не правъ, что изученіе исторіи развитія очень важно, но что это не единственный методъ. «Хотя—прибавилъ—онъ у насъ въ ботаникѣ безъ исторіи развитія ничего и сдѣлать нельзя.»

Професоръ, конечно, продолжалъ идти своей дорогой и странно было-бы требовать отъ него большаго. Нельзя-же требовать чтобъ всѣ професора были первостепенными и всеобъемлющими учеными; и то хорошо, что человѣкъ работаетъ по возможности.

Digitized by Google

III.

Я могъ бы начать эту главу криками негодованія, язвительно замѣтить, что вотъ дескать какіе професора у насъ были и т. д., то есть излить свою жолчь страницахъ на пяти,—но увы! никакъ не могу сдѣлать этого. При воспоминаніи о професорахъ химіи и геогнозіи улыбка, самая добродушная, самая незлобивая, появляется на лицѣ моемъ; мы вѣдь и тогда не сердились на сихъ почтенныхъ мужей, а какъ-то добродушно-терпѣливо переносили ихъ. Что спрашивать съ человѣка, когда онъ не въ силахъ ничего дать. Притомъ, оба професора были люди очень добрые и простодушные, они сознавали сами, что отжили свой вѣкъ,—но надо-же выслужить пенсію?

Толстый, съ жирнымъ, румянымъ лицомъ, слегка плѣшивый, съ пріемами фокусника, величественно встаетъ передо мною образъ професора Химіи, слышится его округленная, однообразная рѣчь; сладость какая-то была въ звукахъ его голоса, точно глотаешь что-нибудь маслянистое. Онъ такъ пріобыкъ въ преподаваніи, что повторялъ свои лекціи чуть-ли не слово въ слово изъ году въ годъ; опыты всегда дѣлалъ одни и тѣже; даже всякій годъ тщился сдѣлать анализъ сахара и всякій годъ равно не удачно. Мнѣ особенно нравилась его вступительная лекція, начинавшаяся постоянно такъ: названіе химіи происходитъ отъ слова *хеми*; такъ называли древніе евреи Египетъ и т. д. Затѣмъ слѣдовала неизмѣнная острота, что *хеми* значитъ чорная земля, слѣдовательно заниматься химіей значитъ заниматься чернокнижіемъ. Опыты постоянно не удавались почтенному професору. «Вотъ сейчасъ образуется синій осадокъ», объявлялъ онъ... Въ полной увѣренности онъ засучивалъ рукава, съ важнымъ видомъ приливалъ реактива,—и, о ужасъ! получался какой-то мутнозеленоватый осадокъ. Професоръ этимъ не смущался; онъ встряхивалъ пробирку и говорилъ: «ну, видите, слегка синеватый». Сознаться, что онъ ошибкой какъ-нибудь реактивы перепуталъ, професоръ не рѣшался.

Чтенія его были невыносимо однообразны; точно читаешь сухой и не совсѣмъ толковый учебникъ; ни одного живого замѣчанія или сближенія; остроты, которыми уснащалъ свою рѣчь

Digitized by Google

почтенный наставникъ, были ужасно плоски и главное повторялись. Теоретическихъ соображеній професоръ не долюбливалъ; оттого у него не было никакой системы въ чтеніяхъ; кажется, по его мнѣнію, для изученія химіи требовалось только громадная память. Что такое *пай* професоръ излагалъ какъ-то не ясно; а различіе между паемъ и эквивалентомъ онъ считалъ самымъ неудачнымъ нововведеніемъ Жерара. Однажды онъ даже потерпѣлъ отъ студентовъ по этому поводу сильное пораженіе, такъ что прервалъ дебатъ словами: «однако пора за дѣло, господа!» и началъ свою скучную лекцію.

Замѣчу, что такое безсистематичное изложеніе химіи приводитъ къ тому, что у студента черезъ годъ, много два—если онъ не продолжаетъ спеціально заниматься Химіею—всѣ свѣдѣнія испаряются. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, удержать въ памяти множество фактовъ, связанныхъ чисто искуственно, да и то на живую нитку? Мнѣ разсказывалъ одинъ бывшій ученикъ почтеннаго професора, что ему черезъ годъ послѣ окончанія курса (блистательнаго; онъ считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ) случилось присутствовать на диспутѣ по каѳедрѣ химіи. «Слушаю я, говорилъ онъ, и ничего не понимаю; слова будто знакомыя, но для меня совершенно безсмысленныя. Я мечталъ, что порядочно учился химіи и что-же? черезъ годъ оказалось, что я ничего не знаю.»

Въ юности своей професоръ занимался, былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Либиха; даже открытіе сдѣлалъ. По поводу этого открытія, Либихъ съострилъ, что «не N открылъ теобраминъ, а теобраминъ открылъ N.» Докторская дисертація почтеннаго професора одна изъ лучшихъ русскихъ дисертацій. Но достигнувъ своей цѣли, професоръ опочилъ отъ дѣлъ своихъ. Онъ сначала запустилъ, ничего не читалъ, надѣясь, что на каникулахъ прочтетъ всѣ новости, а тутъ лѣто на бѣду стояло жаркое; лѣнь прежде насъ родилась и т. д. По собственному сознанію професора, онъ съ 1842 г. ничего не читалъ. Единственный трудъ, которымъ онъ занимался — это составленіе «Элементарнаго курса Химіи.» Ежегодно на университетскомъ актѣ, ректоръ, исчисляя ученые труды професоровъ, упоминалъ, что професоръ химіи трудится надъ окончаніемъ своего «Элементарнаго курса.» Лѣтъ шесть онъ трудился и никакъ не могъ окончить. Затѣмъ года три ректоръ умалчивалъ о дѣятельности професора, а тамъ опять

Digitized by Google

професоръ началъ «оканчивать свой элементарный курсъ.» Курсъ до сихъ поръ не оконченъ и я сомнѣваюсь: сшита-ли даже тетрадь, гдѣ онъ будетъ писаться, или професоръ еще оканчиваетъ «сшиваніе», да такъ и умретъ не окончивши.

Въ такихъ трудахъ проводилъ время професоръ, а наука, какъ нарочно, летѣла впередъ на всѣхъ парусахъ; открытіе за открытіемъ,—а тутъ еще эти Жераръ или Лоранъ; нѣтъ, уж лучше махнуть на все рукой и погрузиться въ Нирвану. О Жерарѣ и Лоранѣ професоръ положительно не имѣлъ никакого понятія. Есть преданіе, что онъ какъ-то вздумалъ прочитать ихъ сочиненія и по обычаю своему отложилъ до «каникулъ.» Пріѣхавъ въ деревню, онъ въ одно прекрасное (или вѣроятнѣе дождливое) утро вздумалъ отъ скуки и «умственнымъ позаняться.» Хвать похвать, анъ книги остались въ городѣ. Что-жь тутъ дѣлать? значитъ не судьба... Пока професоръ собирался написать, чтобъ ему переслали въ деревню книги, пока написалъ, пока книги были посланы и получены,—каникулы кончились. Професоръ возвратился въ Петербургъ, не дождавшись книгъ; снова пришлось ихъ выписывать изъ деревни и т. д. Операція, повторившаяся раза три-четыре и наконецъ заставившая утомленнаго понесенными трудами професора отложить всякое попеченіе. Онъ такъ и представилъ дѣло «волѣ Божіей!»

Одно время у него не было доцента, и онъ принужденъ былъ читать курсъ «органической химіи?» Познанія его въ этой части науки были весьма ограничены; какъ тутъ быть?—професоръ пустился на хитрости. Онъ взялъ нѣмецкое руководство (именно Шлоссбергера) и переводилъ его на лекціи. Эти упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ были весьма курьезны. Случалось, что професоръ переводилъ фразу не дочитавъ до конца; фразы у нѣмцевъ длинныя и на бѣду отрицаніе забирается на самый конецъ. Ну и выходило, что професоръ приписывалъ какому нибудь соединенію какія нибудь положительныя качества, доходилъ до конца фразы, краснѣлъ и объявлялъ, что все это «не такъ, все надо понимать на оборотъ».

Въ лабораторіи,—мы называемъ такъ комнату, предназначенную для практическихъ занятій студентовъ, единственно изъ чувства приличія,—ничего путнаго не дѣлалось, да безъ руководителя начинающимъ заниматься трудненько. Студенты занимались анализами единственно для того, чтобъ «отдѣлаться». При томъ-же

Digitized by Google

почтенный наставникъ, являвшійся въ видѣ мага и волшебника, только мѣшалъ своими плоскими шуточками и замѣчаніями и рѣшительно отбивалъ всякую охоту заниматься. Единственно чему у него было можно научиться, это—открывать стклянки съ реактивами. Откупоривать стклянки онъ былъ дѣйствительно великій мастеръ. Похаживая взадъ и впередъ по лабораторіи, онъ дѣлалъ замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: песокъ есть главный врагъ аналитиковъ. Если кто проносилъ мимо его приборъ для добыванія сѣрнистаго водорода, то онъ говорилъ: а нельзя-ли, для прогулокъ, подальше выбрать закоулокъ.» Если кто приливалъ въ пробирку реактива не оборачиваясь къ стѣнѣ, то онъ замѣчалъ: «оборотитесь лицомъ къ непріятелю». И вѣчно эти замѣчанія. Были однако господа, которые обращались къ професору за совѣтами: какую-бы имъ предпринять работу? Професоръ не затруднялся въ совѣтѣ. — «А вотъ-съ», совѣтывалъ онъ,—«вы человѣкъ богатый, купите-ка ртути, да приготовьте всѣ ртутныя соли.» Студетъ покупалъ ртути и начиналась пачкотня. Другому заказывалъ професоръ приготовить мѣдныя соли и т. д. Для какой цѣли производились эти работы? Какую пользу приносили они студенту? Результатомъ ихъ было то, что «занимавшійся ртутью» на экзаменѣ о ртути-то и отвѣчалъ плохо; а приготовившій всѣ мѣдныя соди не зналъ ни ихъ свойствъ, ни того, какъ онѣ приготовляются.

Еще милѣе былъ професоръ минералогіи и геогнозіи. Онъ былъ нѣмецъ и порусски говорилъ вродѣ того, какъ Вральманъ въ «Недорослѣ», съ тою разницею, что смыслъ вральмановскихъ рѣчей понятенъ, а почтеннаго професора часто совсѣмъ понять было нельзя. Довольно сказать, что онъ смѣшивалъ слова «уголъ» и «уголь», вмѣсто «атомы» произносилъ «атоми», а вмѣсто «ложатся»—«лягаются». Я былъ у почтеннаго професора на четырехъ, никакъ не больше, лекціяхъ и передамъ читателямъ почти все что вынесъ изъ его аудиторіи. На третьемъ курсѣ онъ читалъ минералогію. Въ юности своей професоръ согрѣшилъ: при помощи студентовъ перевелъ свои записки на русскій языкъ и предалъ ихъ тисненію. На лекціяхъ онъ раскрывалъ свою книжечку, вооружался pince — nez и начиналъ читать, страшнѣйшимъ образомъ перевирая слова. Слѣдя по книгѣ еще можно было понять что читаетъ ученый мужъ, — но слушая можно было или хохотать надъ его уморительнымъ про-

Digitized by Google

изношеніемъ, или спать. Не желая заниматься ни тѣмъ, ни другимъ, я избралъ благую часть: именно купилъ себѣ книжку и пересталъ ходить на лекціи. Замѣчу еще, что во время печатанія книжки, професоръ былъ преподавателемъ въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ, и примѣры въ его книгѣ были сдѣланы не совсѣмъ точные, именно были выбраны минералы, имѣвшіяся въ томъ университетскомъ кабинетѣ. Отсюда при чтеніи выходили преуморительныя вещи.

Были однако охотники посѣщать аудиторію почтеннаго професора, не пропускавшіе ни одной его лекціи. Я никакъ не могъ понять чего они тамъ не видали? Не было имъ другого дѣла что-ли? Или дѣлали они это изъ приличія? Научиться они ничему положительно не могли; доказательствомъ служитъ то, что знали они минералогію никакъ не лучше (если не хуже) насъ грѣшныхъ. Одинъ изъ нихъ—чуть-ли не самый прилежный — на экзаменѣ не могъ сказать таблицы твердости минераловъ.

На экзаменѣ изъ третьяго курса въ четвертый, професоръ, вызвавъ меня, всталъ съ кресла, разсшаркался и сказалъ: «честь имѣю рекомендоваться, професоръ такой-то?» Я отвѣчалъ ему тѣмъ-же. Послѣ экзамена професоръ изъявилъ надежду, что мы въ будущемъ году будемъ чаще видѣться. Я съ своей стороны обнадежилъ его, и въ тоже время подумалъ: «какъ-же, держи карманъ шире»

На четвертомъ курсѣ я только разъ посѣтилъ аудиторію любезнаго професора. Лекція была до того популярна и поучительна, что я разскажу ее. Началась она тѣмъ, что професоръ похвалилъ одного изъ своихъ слушателей за то, что онъ носитъ лупу на ленточкѣ. При этомъ былъ разсказанъ анекдотъ, какъ професоръ однажды во время путешествія спалъ на сѣнѣ, какъ у него изъ кармана вывалилась лупа, какъ онъ долго искалъ ее, сколько заплатилъ хозяину постоялаго двора за то что онъ перетрусилъ все сѣно, отыскивая лупу и т. д.,—какъ лупа все таки не нашлась и какъ натуралисту трудно обойтись безъ лупы. За тѣмъ начались дебаты на чемъ удобнѣе носить лупу: на ленточкѣ или гумиластиковомъ шнуркѣ. Шолковая ленточка одержала послѣ довольно продолжительныхъ преній верхъ, такъ какъ она прочнѣе. По окончаніи этого учонаго спора, професоръ вытащилъ изъ бокового кармана засаленную тетрадку. Тетрадка эта содержала курсъ професора, написанный по нѣмец-

Digitized by Google

ки, лѣтъ 15-ть тому назадъ. Онъ раскрылъ ее и провозгласивъ: «милостивые государи», началъ переводить ломанымъ русскимъ языкомъ. Это продолжалось ксчастію недолго. Студенты отъ нечего дѣлать начали разсматривать выставленные образцы горныхъ породъ.—«Господа! пожалуйста не перепутайте; кладите въ туже коробочку, изъ которой берете,» сказалъ професоръ и по сему удобному случаю разсказалъ два анекдота, одинъ изъ которыхъ я передамъ читателямъ.

— «Вотъ-та что случилось съ нашимъ знаменитымъ ученымъ генералъ Гельмерсенъ, началъ профессоръ. Однажды-та генералъ Гельмерсенъ былъ-та въ Берлинскій музеумъ. Ну, и консерваторъ-то Вейссъ далъ ему посмотрѣть ящикъ съ окаменѣлости, который опредѣлялъ самъ-та д'Орбиньи. Ну и та, генералъ Гельмерсенъ разсматривалъ эта ящикъ и уронилъ. Тутъ-та прибѣжалъ консерваторъ-та Вейссъ и заплакалъ. Ну, а генералъ Гельмерсенъ пошолъ къ Александръ фонъ- Гумбольдтъ. Что вы такъ печальны генералъ Гельмерсенъ? Тотъ-та разсказалъ ему. — Ну, не печальтесь генералъ Гельмерсенъ, сказалъ Александръ фонъ Гумбольдтъ, д'Орбиньи мой пріятель, отъ будетъ еще разъ опредѣлять.» За тѣмъ былъ разсказанъ подобный, но уже не столь интересный анекдотъ.

Снова началось чтеніе грязной тетрадки; при переводѣ професоръ сморозилъ что-то такое, что вся аудиторія расхохоталась. Это послужило поводомъ къ разговору о трудности изученія русскаго языка. Звонокъ прервалъ этотъ интересный разговоръ. Вотъ и все, что я вынесъ изъ посѣщенія лекцій почтеннаго професора.

На выпускномъ экзаменѣ професоръ — какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ — удивился моимъ знаніямъ, и дожно быть онъ дома занимался «прибавилъ онъ — я его никогда не видалъ лекціи.» Справедливость требуетъ прибавить, что свѣдѣнія мои были весьма и весьма ограничены, — но что мудренаго, что и имъ удивился професоръ? — все-же мы готовились по новымъ руководствамъ, а онъ кромѣ своей грязной тетрадки ничего не зналъ.

Замѣчательна еще слѣдующая черта *ученаго лакейства*, о которой не безъ гордости повѣствовалъ почтенный професоръ: онъ не посмѣлъ сказать г. Розе, что змѣевикъ встрѣчается на Уралѣ въ сплошныхъ массахъ единственно потому,

Digitized by Google

что знаменитый ученый былъ противнаго мнѣнія. Зачѣмъ-дескать обижать старика.

На экзаменѣ отъ насъ требовались самыя ничтожныя свѣдѣнія. Такъ напр. выставленно было 80 образцовъ горныхъ породъ и минераловъ, названія которыхъ студенты должны были знать; мѣстонахожденіе минерала, его кристалическая форма и проч. — все это считалось ничтожными подробностями.

IV

И такъ два вышеописанныхъ ученыхъ мужа ничего не дѣлали, почивали на лаврахъ и получали за это ежегодно полторы тысячи рублей. У каждаго изъ нихъ было по доценту, которые работали въ сто разъ больше и получали въ видѣ милости, изъ остаточныхъ суммъ, по 300 рублей сер. Объ одномъ изъ этихъ доцентовъ, именно о доцентѣ Химіи я скажу нѣсколько словъ; другого я почти не слушалъ и ничего положительнаго сказать о немъ не могу, кромѣ того, что тѣ лекціи, которыя я слышалъ, были вполнѣ удовлетворительны.

Доцентъ Химіи читалъ органическую Химію. Систематическое, ясное, вполнѣ научное изложеніе, прекрасныя замѣчанія и строгія интересныя выводы изъ фактовъ — таковъ былъ характеръ его лекціи. Онъ не производилъ фурора своими лекціями, но по выходѣ изъ аудиторіи всякій чувствовалъ, что вынесъ много новаго и дѣльнаго; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые заслуживаютъ прочную извѣстность, хотя имъ въ началѣ приходится бороться съ антипатіями нѣкоторой части студентовъ. Такъ были недовольные и нашимъ доцентомъ даже такіе, что предпочитали лекціи ординарнаго професора. Объяснить это можно единственно тѣмъ, что эти недовольные джентльмены просто на просто не понимали лекцій молодого ученаго; они были дурно къ нимъ приготовлены. Я уже замѣтилъ выше, что въ глазахъ ординарнаго професора теоретическая часть Химіи была излишнею мудростію, чѣмъ-то въ родѣ десерта, безъ котораго легко обойтись. Дѣйствительно, онъ какъ-то и обходился безъ нее. Дуалистическая система вполнѣ удовлетворяла его; онъ не видѣлъ спутанности понятій въ опредѣленіяхъ, что такое соль, кислота, почему опредѣленіе средней соли для

Digitized by Google

одной кислоты одно, а для другой другое; названа въ учебникѣ соль среднюю и пусть ее такъ называется и т. д. Тѣ, которые ничего не знали кромѣ лекцій почтеннаго професора, косо поглядывали на доцента, который — какъ имъ казалось — единственно для того, чтобы спутать студентовъ, толкуетъ объ двуосновныхъ кислотахъ и трехатомныхъ алкоголяхъ. Въ доброе старое время обходились и безъ этого. Не могу не замѣтить при этомъ, что одинъ докторантъ на степень доктора Физики и Химіи въ тезисѣ спуталъ понятіе объ атомѣ и эквивалентѣ. Онъ отговорился тѣмъ, что онъ совсѣмъ не химикъ и только поневолѣ долженъ быть докторомъ и Химіи, такъ какъ степени доктора Физики не имѣется. Положимте, что такъ, — но какъ же дурно шло преподаваніе Химіи въ былое время, что ученый весьма почтенный спуталъ два такія элементарныя понятія? Вѣдь это все равно, еслибы докторъ Славянскихъ нарѣчій не зналъ различія между эрой и эпохой.

Теоретическая часть излагалась доцентомъ особенно хорошо, и она-то особенно не нравилась завзятымъ ученикамъ стараго професора, упражнявшимся въ приготовленіи ртутныхъ и мѣдныхъ солей. Отвѣты нѣкоторыхъ студентовъ (особенно мой) заставили доцента пожалѣть, что онъ налѣгалъ на теоретическую часть; тутъ вовсе не его вина, а скорѣй наша. Но навѣрно мы получили большее понятіе о Химіи, какъ о наукѣ отъ него, чѣмъ слушая практическія замѣчанія (объ откупориваніи склянокъ) ординарнаго професора. Мы знаемъ покрайней мѣрѣ что за наука Химія, для насъ она не темный лѣсъ, не ученая номенклатура химическихъ соединеній, а живая, стройная, опредѣленная наука. А что у насъ душа не лежала къ практической части, — такъ это ужь наша вина.

Ученость и толковость молодого доцента обнаруживалась весьма ярко на ученыхъ диспутахъ; его возраженія были всегда дѣльныя; не второстепенныя, а мѣткія и тонкія. Я нарочно замѣтилъ это, потому что мнѣ хочется сказать слова два о диспутахъ на ученыя степени.

Диспуты бываютъ двухъ родовъ скромные и шумные. Первые проходятъ для публики незамѣтно, хотя иногда бываютъ очень важны для внутренней университетской жизни. Я упоминалъ выше объ одномъ изъ нихъ. Слухъ о вторыхъ проникаетъ даже въ газеты, обыкновенно въ видѣ какой нибудь горя-

Digitized by Google

чей, безпорядочной статьи. Сторонникъ одного изъ диспутантовъ чуть не съ пѣной у рта докладываетъ публикѣ, что покровительствуемый имъ диспутантъ былъ правъ, а его противники говорили глупости, на которыя не слѣдовало обращать вниманія; вся статья бываетъ написана необыкновенно-темно и преисполнена тонкими намеками на то,

Чего не вѣдаетъ никто.

Мнѣ нѣсколько разъ случалось присутствовать на шумныхъ диспутахъ, и какъ на зло диспутантъ, котораго встрѣчали, сопровождали и провожали громкими рукоплесканіями, былъ обыкновенно не правъ и отличался единственно дерзостью выраженій. Есть господа, у которыхъ самолюбіе не имѣетъ предѣла; замѣчаніе на ихъ дисертацію кажется имъ святотатствомъ, посягательствомъ на ихъ честь; въ опонентахъ они видятъ своихъ личныхъ враговъ, желающихъ унизить ихъ, всячески оскорбить. Бѣда, если у такого господина есть поклонники, ученики; они сходятся толпами на диспутъ своего любимца; въ залѣ замѣтно особое волненіе и по лицамъ посѣтителей видно, что они предвкушаютъ, что ихъ рукамъ придется значительно поработать. Вотъ начинается диспутъ; первая ярость диспутанта обрушивается на несчастнаго ординарнаго професора; съ нимъ диспутантъ обходится язвительно-шутливо, что приводитъ публику въ веселое расположеніе; смѣхъ дѣлается все шумнѣе и шумнѣе; раздаются отдѣльныя восклицанія. Зачастую возраженія заслуженнаго ветерана науки бываютъ самаго незавиднаго качества, но и тутъ поддержка аудиторіи иногда увлекаетъ диспутанта за предѣлы приличія. Такъ напр. на одномъ диспутѣ по каѳедрѣ Химіи, старый ординарный професоръ весьма дѣльно замѣтилъ докторанту, что у него не вѣрно сдѣлано опредѣленіе кислоты по Либиху. «Либихъ совсѣмъ другого мнѣнія», заключаетъ професоръ.

Докторантъ. — А я вамъ говорю, что я правъ, а вы ошибаетесь.

Професоръ. — Докажите.

Докторантъ. — Какъ же я докажу вамъ это? Я помню, что Любихъ говоритъ то, что у меня написано.

Професоръ. — Я очень сожалѣю, что не захватилъ съ собою книги; тогда бы дѣло было ясно.

Digitized by Google

Докторантъ. — И тогда бы вы ничего не доказали. (Въ публикѣ обнаруживаются всѣ признаки неистовой веселости).

Профессоръ. — Помилуйте, я сегодня нарочно справлялся въ книгѣ.

Докторантъ. — Это ничего не значитъ; я самъ справлялся недѣлю тому назадъ. (Въ публикѣ неистовый хохотъ и ярыя рукоплесканія, сопровождаемыя криками браво).

Докторантъ, видя что професоръ слегка обидился, прибавляетъ шутливо-небрежнымъ тономъ:—ну, хотите, станемте, держать пари, можетъ быть, вы выиграете? — Въ публикѣ хохотъ.

Диспутъ продолжается. Докторантъ видимо разыгрывается все больше и больше; возраженія спеціалистовъ онъ выслушиваетъ небрежно; отвѣчаетъ имъ дерзостями; къ неспеціалистамъ относится необыкновенно почтительно, называетъ ихъ возраженія «единственно дѣльными»; складываетъ руки на груди, подымаетъ очи горѣ, посматриваетъ на часы и своими неумѣстными выходками только затягиваетъ диспутъ. Вообще, онъ желаетъ показать публикѣ, что онъ несетъ тяжолую обязанность; что всѣ его опоненты люди такого сорта, что съ ними говорить не стоитъ; что онъ не знаетъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться.

Когда очередь опонировать дошла до доцента Химіи, нашъ докторантъ былъ въ полномъ разгарѣ шутливости. Доцентъ отозвался съ уваженіемъ о нѣкоторыхъ трудахъ докторанта и въ отвѣтъ услышалъ: «это вовсе не идетъ сюда; пожалуйста, поскорѣе приступите къ возраженіемъ.»—«Извините, отвѣчалъ доцентъ, я не зналъ, что это васъ обидитъ.» Затѣмъ, онъ сдѣлалъ весьма дѣльное возраженіе, необыкновенно-мѣткое, колебавшее весьма значительно одинъ изъ тезисовъ докторанта.

Что же отвѣчалъ докторантъ? А вотъ что: — Вы, пожалуйста, не слишкомъ нападайте на меня; я вѣдь самъ зубастъ.

И какой восторгъ овладѣлъ публикой! Какими рукоплесканіями разразилась она! Въ чужѣ становилось совѣстно. Возраженіе доцента, конечно, такъ и осталось безъ отвѣта.

А вѣдь докторантъ былъ человѣкъ весьма не глупый, хорошій учоный, трактовавшій о святости науки. И не будь неумѣстныхъ рукоплесканій, онъ навѣрно велъ-бы себя скромнѣе. Отчего и не поаплодировать своему любимцу? — но на бѣду аплодисменты раздаются обыкновенно совершенно некстати. Съострить любимецъ — и громъ рукоплесканій, а ему самому

Digitized by Google

навѣрно послѣ стыдно станетъ и за свою остроту, и за неумѣстное одобреніе. Аплодисменты въ серединѣ диспута именно потому и неумѣстны, что не даютъ возможности слѣдить за ходомъ спора; превращаютъ диспутъ въ какое-то личное дѣло; вмѣсто рѣшенія спорнаго вопроса слышишь почти что ругательства; а главное поощряемый любимецъ неумѣренно заигрывается и зарывается.

Таковъ постоянный исходъ всѣхъ шумныхъ диспутовъ.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о преподаваніи добавочныхъ предметовъ. Физика и Физическая Географія читались професоромъ по книжкѣ, (т. е. буквально читались), изданной для военно-учебныхъ заведеній. Были охотники слушать эти упражненія професора въ русскомъ чтеніи. Опытовъ почти не дѣлалось; въ два года не выдалось ни одного яснаго дня для произведенія опытовъ, необходимыхъ для поясненія ученія о свѣтѣ. Что дѣлать, въ такомъ неблагопріятномъ для науки климатѣ живемъ!

Въ мое время для натуралистовъ было обязательно посѣщеніе лекцій Начертальной Геометріи и Аналитической Геометріи. Теперь математика считается не нужною для натуралиста; можно весьма и весьма сомнѣваться въ этомъ. Жаль также, что уничтожены лекціи Начальной Астрономіи.

Объ уничтоженіи латинскаго языка никто конечно не пожалѣетъ, тѣмъ болѣе, что уроки эти походили больше на комедію, чѣмъ на изученіе языка; кто зналъ порядочно латинскій языкъ, тому посѣщеніе класовъ не приносило пользы, а кто не зналъ, тотъ ничему не научился, несмотря на всѣ тонкія замѣчанія преподавателя, расточаемыя имъ при чтеніи Саллюстія.

Немного раньше для натуралистовъ читалось — чтобы вы думали? — Исторія Россійскаго Законодательства. Что за притча? Кажется, это потому чтобы дать работу одному завалящему професору, попавшему въ университетъ по протекціи. Ужь очень было зазорно поручить ему читать на юридическомъ факультетѣ, — ну и навязали ему натуралистовъ и камералистовъ. Этотъ професоръ впослѣдствіи издалъ свой курсъ, и говорятъ много курьезовъ тамъ есть; къ несчастію не нашлось охотника разобрать его книжонку. Одну изъ своихъ лекцій онъ началъ такъ: «У всякаго человѣка есть свои права и обязанности. Такъ напр., у професора есть свои права, а у студентовъ свои обя-

Digitized by Google

занности (студенты приготовляются записывать лекцію, а професоръ тѣмъ же невозмутимо-ученымъ тономъ продолжаетъ): А потому, господа, прошу не входить, а также не выходить изъ аудиторіи во время моихъ лекцій».

Въ заключеніе весьма пріятно порадовать читателей извѣстіемъ, что въ настоящее время естественный факультетъ одинъ изъ лучшихъ не только въ университетѣ, но и въ Россіи.

Дм. Авркіевъ.

Digitized by Google

* * *

Давно я не вижу небесной лазури,
Давно я брожу одинокъ:
На жизненномъ морѣ житейскія бури
Разбили мой бѣдный челнокъ.

А я такъ надѣялся... такъ порывался
Сразиться съ гнетущей судьбой,
Такъ долго челнокъ свой направить старался
На встрѣчу волнѣ роковой.

Собравши остатки, я чолнъ мой исправилъ —
И снова предался волнамъ;
Но опытъ тяжолый смириться заставилъ,
Заставилъ не вѣрить мечтамъ.

И вотъ, искушонный житейской невзгодой,
Чуть съ вѣтромъ заспоритъ ладья,
Уже не о новой борьбѣ съ непогодой —
О пристани думаю я,

И кажется мнѣ, что живое участье
Тамъ ждетъ меня; послѣ трудовъ,
Что гдѣ-то вдали улыбается счастье —
И въ пристань войдти я готовъ...

Н. ГЕРВЕЛЬ.

1 января 1864 г.

Digitized by Google

ЛИСТКИ ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ

I.

По Невскому Проспекту полицейскіе солдаты проводили какъ-то партію арестантовъ, перепутанныхъ веревочками и взятыхъ должно быть за нищенство. Въ это время двѣ женщины въ салопахъ, повидимому купчихи средней руки, которыя только что расцѣловались при встрѣчѣ, обернулись и съ замѣтнымъ участіемъ смотрѣли на арестантское шествіе. Это случилось передъ картиннымъ магазиномъ, гдѣ я остановился посмотрѣть на выставленные въ окнахъ эстампы.

— Куда это ихъ, матушка, ведутъ спросила? одна изъ знакомокъ.

— Извѣстно куда, отвѣчала другая: въ теплое мѣсто—въ часть.

— По воровству видно?

— Можетъ иные и по воровству, а больше нищенькіе: вишь здѣсь именемъ-то христовымъ питаться не позволяютъ.

— Что же съ ними на съѣзжей дѣлаютъ?

— А разборъ имъ идетъ, да опросъ. Какъ разберутъ ихъ въ части, такъ послѣ этого въ комитетъ перешлютъ. Есть тутъ этакой комитетъ, такъ и прозывается—для разбора нищихъ. Была я въ немъ. И сколько ихъ забираютъ туда, сердечныхъ, видимо, не видимо! Вѣдь вотъ пословица говорится: бѣдный украдетъ, да его Богъ прощаетъ. А въ этомъ нищемъ ко-

Digitized by Google

митетѣ ужь нѣтъ никому прощенья: однихъ голубчиковъ въ работу, а коли пришлые—на родину отсылаютъ. Иныхъ далеко увозятъ, ну да помаеться онъ тамъ, и опять сюда идетъ, а его и въ другой разъ заберутъ.

— Зачѣмъ же матушка обираютъ ихъ насильно?

— А чтобы господъ здѣсь не безпокоили, потомучто городъ господскій. А какое тутъ безпокойство! Не хочешь подать—Богъ молъ подастъ, насильно ни у кого не вытянутъ. Да видно на бѣднаго-то вездѣ каплетъ! Только опять же и то сказать: бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ! Вотъ и находятся добрые люди, изъ купечества больше,—выкупаютъ ихъ, сердечныхъ.

— Какъ же это ихъ выкупаютъ?

— Да въ этомъ комитетѣ положеніе такое поставлено, чтобы бѣдненькіе-то не ходили по городу нищенками, такъ отдавать ихъ кому ни на есть, кто пожелаетъ—въ работу. Взыщутъ это съ васъ по гривеннику на человѣка—и отпустятъ вамъ на руки, и пашпортъ отдадутъ. Ну вотъ, и берутъ оттуда нищенокъ-то. Я сама о святой десять человѣкъ выкупила. Что дѣлать, надо и о душѣ подумать: всѣмъ вѣдь умирать придется, а въ животѣ и смерти Богъ воленъ. Вотъ я по этому самому и пошла въ нищій комитетъ-то. Чиновники тамъ сидятъ—все ихъ голубчиковъ распоряжаютъ. И попросила я десять женщинъ выбрать мнѣ въ работницы. А чиновникъ-то пытаетъ меня: на что вамъ, говоритъ, такъ много? заведеніе что-ли у васъ какое? Согрѣшила я грѣшная, солгала для добраго дѣла: заведеніе, говорю, батюшка—огородъ держу, такъ пора ужь за работу приниматься. Отсчитали мнѣ это десять нищенокъ, заплатила я за нихъ рубли серебромъ, по десяти копѣекъ за каждую, выдали мнѣ ихъ пашпорты, да такъ мы и вышли цѣлой ватагой изъ комитета.

— Благое дѣло, матушка, сира и убога въ темницѣ посѣтить и отъ заключенія высвободить: Господь вамъ за это воздастъ! Что же, вы ихъ домой взяли?

— Нѣтъ, куда ихъ домой тащить! Богъ ихъ вѣдаетъ, какія онѣ такія. Можетъ воровки еще, оберутъ того и гляди: не мало вѣдь изъ этихъ нищихъ мошенниковъ всякихъ; ты ему сдѣлай добро, а онъ тебѣ сломитъ ребро—такъ отплатитъ, что и себя не узнаешь. Иные вѣдь не отъ бѣдности, а отъ лѣни да распутства побираются. И такіе-то есть между ними сытые, да гладкіе! Ну ихъ совсѣмъ! Покажи имъ дорогу-то въ домъ, такъ

Digitized by Google

чего добраго до грѣха доживешь. Изъ этихъ-то вотъ бабъ, что я взяла, иныя такъ разбойницами и смотрятъ.

— Куда же вы ихъ дѣвали, матушка?

— А довела ихъ до рынка, купила имъ голубушкамъ по саечкѣ, помолилась на церковь божію, отдала пашпорты да и отпустила на всѣ четыре стороны. Ступайте, говорю, бѣденькія заключенницы—пострадали вы во имя христово, поживите теперь на волюшкѣ въ святые праздники, да помяните въ молитвахъ вашихъ рабу божію Евдокію. Такъ и попрощалась я съ ними,—и таково это радостно мнѣ стало на сердцѣ, какъ онѣ во всѣ стороны поразбрелись. Точно это какъ въ благовѣщенье вотъ птичекъ изъ клѣточекъ выпускаютъ, такъ и онѣ мои голубушки разлетѣлись всѣ по рынку-то.

— Доброе, доброе дѣло сдѣлали, матушка! Только вѣдь и чай онѣ опять попадутся?

— Какъ не попасть! Здѣсь вѣдь во всѣ глаза смотрятъ за ними по городу-то. Ну, а имъ куда дѣваться? вѣстимо-чай кто въ кабакъ, а кто на паперть церковную—руку протягивать, и сцарапаютъ опять куроцапы-то. Что дѣлать, бѣдный тяни лямку, пока не выкопаютъ ямку. Покрайности, думаешь, великіе дни-то христовы они не въ заключеніи просидятъ: вѣдь знаете, какой праздникъ-то, въ эти дни и грѣшниковъ въ аду не мучаютъ. Только не на долго и выпустишь-то ихъ, сердечныхъ. На другой это день, какъ выкупила я нищенькихъ-то, была я у ранней обѣдни у Катерины мученицы, такъ одну изъ этихъ самыхъ женщинъ, городовой при мнѣ-же опять и поволокъ на съѣзжую. Хмѣльна была... Немного погуляла, моя голубушка, опять въ тьму кромѣшную попала. Такъ-то вотъ, матушка! Однако заговорилась я съ вами, пора мнѣ... Прощайте-ка!

И сердобольныя благотворительницы поцѣловались и разошлись.

II.

Былъ я какъ-то въ баняхъ. Меня мылъ парильщикъ, красивый парень, лѣтъ тридцати, большой философъ и говорунъ: онъ толковалъ со мной о крестьянскомъ вопросѣ, о польскихъ дѣлахъ, о современномъ безденежьи. Въ то время, какъ взбивалъ

Digitized by Google

онъ мыло въ тазу, въ горячую баню прошолъ какой-то молодой человѣкъ. Парильщикъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Важный торсъ у барина!

— Откуда ты узналъ такое слово? спросилъ я.

— Да что-же въ немъ необнаковеннаго! возразилъ онъ. У художниковъ, извѣстно—все человѣчье тѣло, окромя ногъ да рукъ, такъ прозывается.

— Ты почему знаешь?

— А потому, что самъ по художествамъ слишкомъ годъ состоялъ, въ академіи жилъ въ натурщикахъ.

— Какъ ты попалъ туда?

— А жилъ я... теперь этому три года будетъ... въ талевскихъ-баняхъ, тоже въ парильщикахъ. Втѣпоры ходилъ туда живописецъ одинъ по суботамъ... такой здоровый былъ париться, что бывало такъ тебя въ лежку и положитъ. Онъ меня и сманилъ. Глыдіаторъ ты, говоритъ, да и только; то-есть тѣломъ-то я ему складенъ показался. Ступай, говоритъ, къ намъ въ натурщики: жалованье хорошее, а дѣлать почитай-что нечего. Ну, и сманилъ!

— Что-же, хорошо тебѣ было?

— Да сперва мнѣ полюбилось. Дали фатеру казенную, жалованья положили осьмнадцать цѣлковыхъ на мѣсяцъ, да почитай столько же заработаешь бывало по студіямъ... это ихнія мастерскія такъ прозываются! Жутко сперва было голому на амвонъ влѣзать, для того не баня же—ну, да привыкъ. Топили только не больно, такъ зибъ иной разъ.

— Отчего же ты не оставался тамъ?

— А тяжело стало. Кажись, что бы за работа на мѣстѣ стоять, а куда томитъ. Поставятъ тебя, да и не шевелись, покудова рисуютъ; полчаса, а иной и больше стоишь—инда всѣ нутренности-та одеревенѣютъ. Главное дѣло тутъ, какая фигура выдетъ. Я вотъ Иркулесомъ стоялъ—такъ это пустое дѣло, потому подъ руку тумбу подставляютъ. А то другой разъ поставили Миркуріемъ—такъ не приведи Господи: ногу подкорючили, бокъ вывернули на сторону, руки подняли—такъ меня минутъ черезъ десять начало ломать, что я свѣту не взвидѣлъ. Лучше ужь кулье съ барокъ таскать.

— Такъ по этому ты и бросилъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, это бы еще пожалуй можно стерпѣть, потому въ такихъ трудностяхъ стоятъ не часто. Выпьешь опосля хорошенько и разомнешься... я отъ этихъ стоянокъ-то дня по два иной разъ гулялъ. А главная причина, обижать меня зачали. Мой-то, что сманилъ меня, въ Италію уѣхалъ по медали, меня и стали обижать. Живописцы-то почали толковать, что ноги вишь у меня пухнутъ—а съ чего имъ было пухнуть... ноги какъ ноги! Вотъ и сдѣлали со мной надругательство: поставили меня сатиромъ. Я сперва ничего—вижу нарисовали и голову и торсъ, а тамъ смотрю: взяли да и придѣлали мнѣ козьи ноги, въ шерсти отъ самыхъ колѣнокъ, и съ копытами. По старой мивологической вѣрѣ вишь этакія чудища проживали въ Греціи. Ну, и нарисовали они, что я съ козьими копытами-то дѣвку въ лѣсъ затащилъ, по ихнему нимфа называется.

— Чтожь, трудно тебѣ было что ли въ этой позѣ?

— Нѣтъ, труда немного, да надругались-то больно. Начали это они зубоскалить, что дескать я съ козьими-то ногами красивѣе. У тебя, говорятъ, одинъ торсъ хорошъ, а ноги-то только и годятся, что для копытъ. Горе меня такое взяло, что я послѣ того денъ пять курилъ: всѣ денежки спустилъ до копѣйки. Грозили прогнать, да професоръ одинъ за меня всталъ, потому понялъ, что я съ обиды закружился. Ну, еще мѣсяца два почитай я прожилъ въ академіи... Александромъ Македонскимъ стоялъ. Только тутъ опять на меня страмъ пустили пуще прежняго.

— Какъ же такъ?

— А поставили это они меня Цынтавромъ, по мивологіи тоже. Нарисовали торсъ съ головой какъ есть, да отъ самой поясницы лошадью и покончили; ровно ужь я кромѣ этакого оборотня ни на что и не годился! Пущай бы верхомъ еще написали, а то человѣческій образъ да съ конскимъ задомъ! Все бы еще можетъ я стерпѣлъ, кабы это не на програму было, а они вѣдь на выставку меня выставили, да не въ одной картинѣ — цѣлыхъ пять картинъ въ этакомъ-то безобразіи написали. Какъ пришолъ я въ залу-то, инда меня въ потъ бросило: нешто я на этакой страмъ шолъ по художеству-то! Прямо съ выставки-то я въ трактиръ, да на цѣлую недѣлю почесть и закатился. Драка тамъ у меня съ ребятами вышла... смѣялись они... такъ мнѣ въ дракѣ-то инда профиль на сторону поворотили. Въ Ва-

Digitized by Google

сильевской-части двѣ ночи ночевалъ. Ну, съ этого самого я изъ академіи-то и порѣшился.

— Отказали?

— Ну, да.., плюнулъ да ушолъ. Опять по банной части поступилъ: тутъ у насъ въ парильщикахъ хоть иное время работа тяжела и здоровья много потомъ выходитъ, да по крайности никто надо мной не надругается — завсегда я здѣсь въ своемъ образѣ, а не съ козьими копытами да кобыльимъ хвостомъ... Пожалуйте, сударь, окачиваться... Желаю быть здоровымъ! прибавилъ онъ, съ поклономъ провожая меня въ сторожку.

III

Въ прошломъ декабрѣ управляющій нашимъ домомъ принесъ мнѣ печатный бланкъ, въ который слѣдовало вписать, по требованію полиціи, показанія о семействѣ и прислугѣ, для составленія статистическихъ свѣдѣній о населеніи столицы. Мы разговорились объ этой новой еще у насъ операціи.

— Представьте, какія бываютъ затрудненія въ такомъ пустомъ дѣлѣ, сказалъ управляющій. Отъ иныхъ господъ никакими средствами не добьешься самыхъ простыхъ показаній. Не дальше сказать, въ прошломъ году я завѣдывалъ домомъ въ конюшенной. Въ одной квартирѣ, въ третьемъ этажѣ, жили у насъ двѣ сестры, пожилыя дѣвицы, дочери какого-то статскаго совѣтника... триста рублей платили. Тогда въ первый разъ потребовали эти свѣдѣнія. Вотъ и посылаю я къ нимъ дворника, чтобы написали что слѣдуетъ по бланкамъ: прогнали его. — Что-жъ, спрашиваю, онѣ сказали тебѣ? — Ругаются, говоритъ: я докладывалъ, что полиція молъ спрашиваетъ — который вамъ годъ, такъ осерчали и выгнали. — Не ловко спросилъ, дуракъ, думаю я, и пошолъ самъ. Онѣ на меня и закричали: какое вы право имѣете присылать къ намъ дворниковъ съ неприличными вопросами? — Извините, говорю, можетъ-быть онъ перевралъ что-нибудь. Мы должны представить по дому списокъ, съ показаніемъ званія, лѣтъ и воспитанія каждаго лица. — Это для чего? спрашиваютъ онѣ. — По распоряженію правительства составляютъ новыя статистическія свѣдѣнія о населеніи Петербурга, такъ требуютъ списки по всѣмъ квартирамъ. — Это до насъ

Digitized by Google

не касается! возражаютъ онѣ мнѣ. — Извините, говорю я, это распространяется на всѣхъ жителей столицы, безъ различія званія.—Что-же вамъ нужно? какихъ вы хотите свѣдѣній? — Прежде всего, говорю, позвольте узнать лѣта. — При этомъ онѣ такъ и привскочили на диванѣ. — Какъ вы смѣете спрашивать объ этомъ у благородныхъ дѣвицъ? мы генеральскія дочери — не забывайте этого, милостивый государь! — Я не забываю, говорю я, но полиція велитъ домохозяевамъ представить свѣдѣнія о всѣхъ жильцахъ. — Это невѣжливо: вы можете объ этомъ спрашивать нашу служанку. Порядочный человѣкъ долженъ знать приличія и не обращаться съ такими грубыми вопросами къ благороднымъ людямъ. — Но мнѣ кажется, тутъ нѣтъ ничего обиднаго, замѣчаю я. — Какъ онѣ закричатъ опять: предоставьте намъ самимъ понимать что оскорбительно и что нѣтъ: мы воспитывались въ институтѣ. — Но вѣдь это дѣлается, сударыня, въ правительственныхъ видахъ, настаиваю я. — Намъ до этого дѣла нѣтъ, говорятъ онѣ: мы генеральскія дочери и непривыкли отвѣчать на такія странныя требованія. Пускай хоть вся ваша полиція приходитъ—мы скажемъ тоже самое, а если насъ будутъ притѣснять, мы съумѣемъ найти защиту. Намъ никто не смѣетъ дѣлать неблагопристойныхъ вопросовъ — мы благородныя дѣвицы. А васъ, милостивый государь, предупреждаемъ: если вы не перестанете насъ тревожить, мы съѣдемъ съ квартиры. Вы можете говорить объ этой статистикѣ съ другими жильцами, а насъ съ сестрой совѣтуемъ не безпокоить: мы не мѣщанки какія-нибудь, а генеральскія дочери, слѣдовательно не позволимъ надъ собой смѣяться въ контромаркахъ. — Съ тѣмъ я и ушолъ отъ нихъ.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ я.

— А написалъ въ бланкѣ по глазомѣру, что одной пятдесятъ лѣтъ, а другой пятдесятъ пять, и обѣ грамотныя, да тѣмъ дѣло и кончилось безъ хлопотъ.

IV.

Зимой я проѣзжалъ однажды по Большой Мѣщанской. Когда мы поровнялись съ Ломбардомъ, мой извощикъ обернулся ко

Digitized by Google

мнѣ и показалъ на противоположный домъ, гдѣ помѣщалась булочная, съ золоченымъ кренделемъ надъ дверьми. Изъ окна выглядывала тамъ въ форточку бѣлокурая, слегка напудренная мукой голова булочника, очевидно нѣмецкой породы. Извощикъ, указывая на него, засмѣялся съ самой задушевной веселостью.

— Чему ты смѣешься? спросилъ я.

— Булочникъ-то вонъ въ окошко смотритъ.

— Такъ что же?

— Нѣмецъ, это булочникъ-то. Съ нимъ это какая потѣшная оказія вышла!

— Какая оказія?

— Да третьевось ночью посадилъ я двоихъ господъ отъ Александрынскаго-театра въ Демидовъ переулокъ, опосля того, какъ приставленіе-то отошло. Я къ самому разъѣзду поспѣлъ. Ѣдемъ это мы по Невскому, а господа-то все толкуютъ какъ приставленіе-то втѣпоры было на театрѣ. Много они толковали, да сговориться не могли. Одинъ баринъ хвалилъ, понравилось ему, значитъ, а другому видно не по вкусу: все это онъ хаялъ, что вишь сложено-то не такъ что приставляли. Мудрено таково они говорили-то, я много не понялъ... А нѣмецъ-то, гляди, нѣмецъ-то!

Извощикъ обернулся, и смѣясь указалъ опять кнутомъ на булочника, который все еще смотрѣлъ въ форточку.

— Да что жъ такое съ нѣмцемъ.

— А вотъ послушайте. Спорили, это спорили мои господа-то; только одинъ, вотъ которому полюбилось въ театрѣ-то, и говоритъ, что приставленіе тѣмъ хорошо было, что больно смѣшно. А другой-то баринъ все свое: нѣтъ, молъ, вовсе не смѣшно: для смѣху какой ни есть резонъ нуженъ, а въ эвтомъ приставленіи резону не было; кабы ты поколотилъ, говоритъ, кого безъ вины, такъ тутъ смѣяться нечему. — Анъ нѣтъ, другой-то говоритъ, и въ такомъ дѣлѣ бываетъ иной разъ смѣшно.—А докажи!—Изволь, докажу! — Чудовый это какой баринъ-то, право! Весело ѣздить съ такими! Въ эту пору какъ говоритъ-то онъ, мы вотъ здѣсь, супротивъ Ломбарта, проѣзжали, мимо этой булочной-то. Стой, говоритъ, извощикъ!—У самой булочной-то мы и остановились.—Подождите маленько, говоритъ. — Вылезъ онъ, взбѣжалъ по лѣсенкѣ, да и почалъ въ мѣдное стекло-то барабанить, а самъ это сторонится поодаль. Ну, отворилось окно-то: булоч-

Digitized by Google

никъ, этотъ самый, высунулъ голову, а баринъ-то его обѣими руками за волосы зацѣпилъ и принялся возить. Волосы-то у булочника лохматые, знатно таково онъ его сгребъ. Тотъ по-нѣмецкому какъ залепечетъ, инда смѣхъ меня взялъ, и баринъ-то другой, что на саняхъ остался, тоже хохочетъ. Оттаскалъ это онъ его важнымъ манеромъ, и сѣлъ опять въ санки. А нѣмецъ-то какъ благимъ матомъ закричитъ: накараулъ! Какъ же, молъ, вотъ тебѣ и честь отдадутъ... нѣмчура этакая безтолковая, право! — Что, спрашиваетъ меня баринъ-то, смѣшно тебѣ, извощикъ?—Какъ молъ, сударь, не смѣяться: больно вы съ нѣмцемъ ловко пошутили—оретъ, а подѣлать-то нечего, двери заперты.— И товарищъ мой, спрашиваетъ, смѣялся?—А какъ же, говорю, вѣдь всякому смѣшно какъ нѣмцу, ни за что ни про что, экую трепку зададутъ.—Такъ вотъ тебѣ и доказательство! говоритъ онъ другому-то. Веселый баринъ, право!

— Какъ же васъ не остановили? спросилъ я.

— На что останавливать? Дворникъ-то тутъ у самыхъ воротъ спалъ; проснулся, какъ булочникъ орать началъ, такъ онъ же на нѣмца-то крикнулъ: что, говоритъ, ротъ-то разинулъ? рѣжутъ-те, что ли? Вѣстимо, и дворнику-то смѣшно—человѣкъ тоже! А ужь какую баринъ-то задалъ баню шельмецу-нѣмцу, инда я животики надорвалъ. Чай, и въ театрѣ такія приставленія не часто бываютъ... Спрятался, чортова голова! прибавилъ извощикъ, обернувшись еще разъ къ булочной.

V

Проѣзжая въ мальпостѣ черезъ Ростовъ, мы остановились завтракать въ трактирѣ. Въ то время какъ я закусывалъ въ общей залѣ, у сосѣдняго столика пили чай двое купцовъ въ сибиркахъ — одинъ молодой, другой съ сѣдѣющей бородкой. Бойкій половой, весь въ бѣломъ, точно жрецъ изъ Нормы, перемѣнялъ имъ безпрестанно чайникъ съ кипяткомъ. Купцы, по поводу какого-то пожара, бесѣдовали о страховыхъ обществахъ.

— Да-съ, насчетъ теперича этой страховой кампаніи, говоритъ молодой, разливая чай—большое обезпеченіе людямъ. Оно конечно плата, да вѣдь можно сказать тягости не составляетъ;

Digitized by Google

а при этомъ человѣкъ въ недвижимомъ не опасается, по тому самому, что пропасть не можетъ!

— Все это во власти господней! сухо замѣтилъ сѣденькій купецъ: кого Богъ захочетъ помиловать, тотъ завсегда и безъ страховыхъ не пропадетъ, для-того что кому положено. Вотъ сосѣдъ-то и застрахованъ былъ, а въ трубу банкрутомъ вылетѣлъ.

— Справедливо-съ. Однако на счетъ спокойствія, я полагаю, страховое человѣку много предоставляетъ: при этомъ самомъ спитъ человѣкъ съ чистой совѣстью, потому онъ понимаетъ, что его достатки отъ огня сбережены. Вонъ въ Петербургѣ еще кампанія застрахованія жизни—тоже на счетъ сохранности человѣка.

— Какъ же это человѣческую жизнь страховать? Дохтора что ли это какъ придумали? спросилъ старикъ.

— Никакъ нѣтъ-съ—тоже кампанія нѣмецкая. Опять же это не то, чтобы касательно продолженія жизни: это дѣло ни съ чѣмъ не сообразное; а только капиталъ бы сберечь, чтобъ человѣкъ, примѣрно сказать, могъ при концѣ жизни жену и дѣтей не пустить по-міру безъ куска хлѣба.

— Какимъ же это манеромъ?

— А вотъ изволите видѣть, вы теперича желаніе имѣете опосля смерти своей оставить фамиліи сто тысячъ рублевъ, ну и записываетесь въ эту кампанію; а тамъ и смотрятъ каковъ вы человѣкъ есть по лѣтамъ возраста и на счетъ тоже комплекціи—не одержимы ли какими болѣзнями—ну, по соразмѣрности тамъ, процентъ вы каждогодно и вносите въ кампанію.

— А какъ же мнѣ жизнь-то опосля этого застрахуютъ? продолжалъ старикъ.

— А въ одномъ только капиталѣ и застрахуютъ-съ, больше ничего. Потому, примѣрно, если продлитъ Господь вѣку—сколько бы вы лѣтъ своей жизни не прожили, кажный годъ вы проценты платите, какъ разсчитано у нихъ. А какъ теперь въ животѣ да въ смерти Богъ воленъ — то помретъ иной человѣкъ хоть на другой али на третій день послѣ перваго взноса, такъ фамиліи оставшей сто тысячъ капиталу сейчасъ отъ компаніи и выдадутъ. Потому, за этимъ правительство наблюдаетъ, чтобы безъ обману. Развѣ вотъ только на счетъ самовольнаго смерто-

Digitized by Google

убійства, когда самъ человѣкъ на себя руку наложитъ — въ этомъ случаѣ кампанія отвѣтственности не принимаетъ.

— О-хо-хо! проговорилъ съ тяжолымъ вздохомъ пожилой купецъ. Это не для честныхъ людей! Старики-то наши не страховали жизни, а семью по-міру не пускали, для того надѣялись не на князи, не на сыны человѣческіе. Что, настоящіе капиталисты-то на страховыя деньги что ли разжились? Ишь ты что—жизнь страховать! Трудомъ-то не умѣемъ достать, такъ въ ростъ на проценты себя съ дѣтьми пущаемъ. Оттого-то видно нынче и мретъ народъ, не дождамшись возраста. Святые отцы вонъ не страховали жизни, такъ поэтому и Господь имъ вѣку давалъ — по сту да по полтораста лѣтъ жили, а нонѣ съ страховой-то жизнью и мретъ народъ отъ холеры али ипидеміи. Да и капиталы-то такіе въ прокъ развѣ пойдутъ—въ трубу вылетятъ рано или поздно!

— Многіе однако же идутъ, говорятъ, въ это страхованіе, замѣтилъ собесѣдникъ.

— Оттого-то много теперь и банкрутства: вѣдомости-то вонъ всѣ испачканы конкурсами. Статочное ли дѣло, чтобы хорошій человѣкъ сталъ жизнь свою въ залогъ пущать! Да и дастъ ли Богъ благословеніе дѣтямъ, когда у нихъ отецъ въ закладъ отдается? Развѣ почтительные дѣти, али жена богобоязненная, согласятся послѣ того жить на кровную-то копѣйку, за которую мужъ али отецъ душу запродалъ. Да знаючи, что за отцовскую смерть имъ деньгами заплатили, они куска-то послѣ этого всласть не съѣдятъ. Ну, нешто сталъ бы я жить, али дѣла вести на такія нечистыя деньги! Въ старые годы не было этихъ выдумокъ, такъ и дѣла-то держались крѣпче, и дѣти къ отцамъ больше страху имѣли. А нынче въ Москвѣ страховыя-то эти дѣтки только и знаютъ что по гуляньямъ, да съ цыганками. Нѣтъ, лучше ужъ пущай по-міру идутъ, христовымъ именемъ побираться, чѣмъ отцовскую жизнь страховать, да поджидать его смертнаго часу...

Призывный сигналъ кондукторской трубы не далъ мнѣ дослушать конца этой бесѣды.

VI.

На одной изъ станцій николаевской дороги вошолъ ночью въ вагонъ третьяго класса человѣкъ въ синей сибиркѣ, съ дву-

Digitized by Google

ня узлами подъ мышкой и съ билетомъ въ зубахъ. Послѣ оказалось, что это былъ огородникъ. Онъ успѣлъ, кажется, выпить, потомучто, переходя черезъ вагонъ, покачивался въ стороны. Расположась на скамьѣ съ своими котомками, онъ откусилъ уголъ своего билета, потомъ другой, и принялся жевать ихъ.

— Закусываешь что ли, почтенный? спросилъ его сосѣдъ-пасажиръ.

— Ѣмъ не чужое, а свое добро, для того деньги заплатилъ, вотъ что! отвѣчалъ мужикъ, и откусилъ еще порядочный кусокъ отъ билета.

Скоро послѣ этого онъ заснулъ, какъ и большая часть пасажировъ.

Утромъ вошолъ въ вагонъ кондукторъ и крикнулъ: господа, приготовьте билеты! Всѣ приподнялись. Проснулся и огородникъ.

— Эхъ-ма! проговорилъ онъ, посматривая то на сосѣдей, то на полъ вагона.

— Что ты, любезный? спросилъ его мужикъ, который прежде съ нимъ говорилъ.

— Билетъ-то я вечоръ изжевалъ — не было бы хлопотъ!

— Да нечто ты весь его съѣлъ?

— Весь!

Это возбудило общую веселость въ вагонѣ.

Между-тѣмъ, оберъ-кондукторъ вошолъ осматривать билеты, и отъ одного къ другому добрался и до огородника.

— Билетъ! сказалъ онъ отрывисто.

— Билетъ-то у меня былъ, ваше благородіе, вотъ извольте спросить у сосѣдей: на Волховской купилъ, да не зналъ, что потребуется—думалъ на пропускъ только идетъ... А былъ, спросите у добрыхъ людей!

— Да гдѣ же онъ?

— Не сообразилъ я, что опять понадобится для осмотру-то. Признаться, маленько хмѣленъ былъ — съѣлъ билетъ-то.

— Съѣлъ?

— Такъ точно.

Нѣсколько пасажировъ, смѣясь, подтвердили справедливость этого факта.

— Мы не запрещаемъ? сказалъ кондукторъ: если вкусно и выгодно—ѣшь пожалуй, только на проѣздъ нуженъ билетъ. На этой станціи надобно купить другой, а то я не повезу дальше.

Digitized by Google

— Да вѣдь видѣли сусѣди, какъ я его грызъ. Не вдомекъ мнѣ только, что еще разъ смотрять здѣсь.

— Ну, это твое дѣло, а какъ пріѣдемъ на станцію—возьми билетъ, а не то я тебя высажу.

Кондукторъ перешолъ въ другой вагонъ.

— Эхъ-ма! не помилуетъ, пожалуй! сказалъ, вздыхая мужикъ. Экой грѣхъ какой! Кабы кондукторъ-то милостивѣе попался, а этотъ гровенъ больно — не проститъ!

— Какъ же ты билетъ-то сжевалъ? спросили его.

— А вотъ поди ты, толкуй: что въ немъ вкусъ что ли какой! Не помилуетъ! кондукторъ-то новый, бери, вишь,—а какая въ немъ сласть, въ билетѣ-то, въ самомъ дѣлѣ!

На слѣдующей станціи огородника позвали въ касу. Но послѣ второго звонка онъ явился въ вагонъ съ новымъ билетомъ. Мужикъ повеселѣлъ, и кажется, успѣлъ опять мимоходомъ выпить.

— Ну, что? приступили къ нему другіе пасажиры.

— Сорокъ пять копѣекъ заплатилъ. Еще хотѣлъ, чтобъ я отъ самой Волховской взялъ, да послѣ того смиловался. Строгъ кондукторъ-отъ!

— Да что тебѣ вздумалось билетъ съѣсть? спросилъ его какой-то чиновникъ съ кокардочкой на фуражкѣ.

— Полакомиться, сударь, захотѣлось: дорожное дѣло, такъ-то сидѣть безъ всего не весело, ну и жевалъ, да жевалъ помаленьку.

— Чтожъ! вкусенъ ли?

— Лучше, доложу я вамъ, сударь, закуски нѣтъ. Можно подчивать кажнаго, кто не пробовалъ—такъ и таетъ во рту!

— Зачѣмъ же ты теперь такой же билетъ взялъ?

— А какъ же?

— Купилъ бы перваго класса, да полакомился: вотъ должно быть объяденье-то!

— Куда намъ, ваше благородіе, такими дорогими закусками лакомиться: онѣ чай не къ водкѣ, а къ шампанскому идутъ. Нашему брату мужику впору ржаной, третьекласный жевать, а тѣ для вашей милости припасены, длятого тонкое лакомство, барское. А куда намъ, вахлакамъ, съ суконнымъ рыломъ за господской ѣдой гоняться!

Въ это время кондукторъ опять вошолъ въ вагонъ.

Digitized by Google

— Получайте-съ, не початой! проговорилъ огородникъ, подавая ему билетъ.

VII

Въ началѣ апрѣля проходилъ я по набережной фонтанки. Ледъ былъ довольно хрупокъ, и мѣстами образовались ужь порядочныя трещины. Ходить черезъ рѣку давно не позволяли. У одного спуска однакожъ какой-то мужикъ въ полушубкѣ, не совсѣмъ трезвый, подлѣзъ подъ перекладину и спустился на ледъ. Городовой, съ номерованной бляхой на груди, стоявшій на углу, увидѣлъ это, подошолъ къ спуску и закричалъ на мужика. Тотъ оглянулся и молча пошолъ дальше. Но перейдя больше половины рѣки, онъ оступился въ полынью и провалился въ воду. Ему удалось однако ухватиться за ледъ и выкарабкаться. Отряхнувшись, онъ поправилъ шапку, и, хотя былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ другого берега, воротился назадъ,

— Ты на что меня не остановилъ? спросилъ онъ, приступая къ городовому и отряхивая воду съ тулупа.

— А зачѣмъ ты лѣзешь, когда запрещено? Видишь, перекладина положена!

— Нешто ее на то положили?

— Вѣстимо, чтобъ не ѣздили. Водовозы-то вонъ съ бочками прутъ на ледъ — иной съ пьяныхъ глазъ и съ лошадью завалится, а ледъ-то что твое рѣшето.

— Для-чего-же ты меня пропускалъ?

— Ахъ, ты дуракъ: да вѣдь я тебѣ кричалъ, чтобъ воротился — нешто ты не слыхалъ?

— Что вь твоемъ крикѣ-то! Знамо дѣло, кричать вы охочи изъ малости; а ты-бы безъ крику остановилъ. Скажи-ко мнѣ, что ты есть за человѣкъ?

— Чего тебѣ еще надо, бестыжіе глаза?

— Нѣтъ, погоди; я спрашиваю тебя: что ты за человѣкъ? какой на тебѣ чинъ есть?

— Ступай, ступай, пока тебя не забрали!

— Нѣтъ, ты напередъ отвѣчай мнѣ: въ какой ты должности состоишь?... Не знаешь, такъ я тебѣ скажу: ты есть по-

Digitized by Google

лиція! Ты не самъ по себѣ, а отъ начальства произведенъ. А на что васъ произвели? —чтобы за порядками смотрѣли. Здѣсь не деревня, здѣсь столица прозывается, а потому порядки нужны. Тутъ не посмотри, такъ иной ровно муха пропадетъ. А ты что? — видишь, человѣкъ безъ толку лѣзетъ въ воду, когда и собакѣ-то не перебѣжать, а тебѣ и горя мало! Для чего-же ты, спрошу я тебя, полицейскій чинъ на себѣ носишь? Зачѣмъ у тебя на груди номера повѣшены?

— Иди ты прочь отъ грѣха! сказалъ городовой.

— Нѣтъ, ты постой, не торопись! продолжалъ мужикъ. Скажи ты мнѣ, подъ какими ты номерами состоишь?

— Смотри самъ, коли нужно.

— Что мнѣ смотрѣть-то: грамотный что-ли я! Кабы я грамотный былъ, я-бы не спросилъ тебя. А на что ты не остановилъ меня, когда я въ прорубь полѣзъ? Васъ начальство выставило по пришпектамъ народъ оберегать; а ты какъ меня уберегъ? Тебѣ мужикъ-то чорный не почемъ, ровно собака. Ты по закону долженъ беречь кажинаго человѣка — баринъ-ли, мужикъ-ли, — для того во всякомъ душа христіанская. А блюдешь-ли ты это? Небось, поди-ка теперь чиновникъ по льду, нешто далъ бы ты ему въ полынью врютиться! А то видитъ мужикъ лѣзетъ, да еще хмѣльной можетъ, такъ ты и пораболѣпствовать ему не хочешь: нѣтъ того, чтобы оберечь отъ лютой смерти, безъ покаянія бы не пропалъ!

— Да вѣдь я же тебя останавливалъ, я тебѣ кричалъ! сказалъ съ досадой городовой.

— Что-жъ что кричалъ! Малый ребенокъ я что-ли? Начальство васъ не кричать выставило. Ты долженъ былъ остановить меня..

— Какъ-же тебя еще останавливать, глупый ты человѣкъ?

— Ты долженъ былъ за шиворотъ меня удержать. Не знаешь что-ли порядковъ-то? Ну, сталъ-бы я супротивъ тебя перечить — на то съѣзжа есть; тебѣ власть предоставлена на съѣзжу забирать, коли кто порядковъ не соблюдаетъ. А ты спрошу я тебя, ты препятствовалъ-ли мнѣ? бралъ-ли меня за воротъ, чтобы отъ скоропостижной погибели выручить?

— Такъ коли ты самъ лѣзешь на грѣхъ, я-же тебя отведу на съѣзжу! сказалъ выведенный изъ терпѣнія городовой.

— Ну, ну, оставь! не замай! Для-чего обижать хмѣльного

Digitized by Google

человѣка? Я вѣдь не въ обиду тебѣ толкую. Мало что нашъ братъ по глупости болтаетъ — за все и на съѣзжу!... А позвольте спросить, почтенный — прибавилъ мужикъ, снимая шапку — гдѣ-бы тутъ поближе дешовки выпить? Больно продрогъ я, въ воду-то ввалившись...

Городовой махнулъ рукой и пошолъ прочь.

А. МИЛЮКОВЪ

Digitized by Google

ПЕРВЫЯ СЛЕЗЫ

РАЗСКАЗЪ

Старый домъ нашъ,—ветхій и сумрачный,—долго стоялъ пустой передъ тѣмъ какъ они поселились въ немъ.

Я часто, бывало, бродилъ въ его огромныхъ, пустынныхъ комнатахъ. Онъ пугалъ меня, но что-то таинственное и необъяснимое влекло меня въ него. Я живо помню тотъ ужасъ, ту дрожь и замираніе сердца, которые охватывали меня,—когда робкіе шаги мои звучно раздавались въ безмолвныхъ покояхъ, словно пробуждая въ нихъ прошлую жизнь. Медленно замирало гулкое эхо; я останавливался и ждалъ, что вотъ-вотъ выскочитъ изъ какого-нибудь угла злой волшебникъ и унесетъ меня за тридевять земель, въ тридесятое царство, въ свой заколдованный замокъ, а потомъ — съѣстъ. Эта мысль заставляла меня трепетать отъ страха; но кажется, что именно этотъ-то страхъ и заставлялъ меня уходить въ старый домъ и бродить по его пыльнымъ, сумрачнымъ заламъ, въ которыхъ пауки плели свои хитрыя сѣти, да скребли по угламъ мыши. Странный, очень странный я былъ ребенокъ: пытливый и охочій до всего волшебнаго.

Съ этимъ волшебнымъ сказочнымъ міромъ впервые познакомила меня няня, сѣдая сгорбленная старуха, съ круглыми въ мѣдной оправѣ очками на носу и съ вѣчно недовязаннымъ чулкомъ въ рукахъ... Такъ именно сохранилась она въ моемъ воображеніи, и хотя прошло уже много-много лѣтъ со времени ея

Digitized by Google

тихой безропотной смерти, но каждую морщину на ея добромъ лицѣ помню я живо.

Большая была она охотница разсказывать сказки! И разсказывала она ихъ мастерски. Разсказывала она ихъ такъ хорошо потому, что сама наполовину вѣрила въ существованіе и злыхъ волшебниковъ, и царь-дѣвицы съ мѣсяцемъ во лбу, и бабы-яги, и змѣя горынчища... и ужь конечно никто не увѣрилъ бы ее, что нѣтъ на землѣ кіевскихъ вѣдьмъ. Эта глубокая вѣра въ преданья давно миновавшаго, въ разныя чудища народной фантазіи много способствовала роскоши красокъ, которыми она рисовала своихъ чудодѣйныхъ героевъ. Эти герои живьемъ жили въ ея воображеніи, и потому такъ сильно вліяли на меня.

Никто не увѣрилъ бы меня, что этихъ героевъ никогда не существовало и не существуетъ. Какъ могла не существовать царь-дѣвица, если часто ночью она сама приходила ко мнѣ и цѣловала, называя меня своимъ милымъ мальчикомъ? Я самъ видѣлъ какъ сіялъ у ней во лбу мѣсяцъ, и она еще такъ походила на мою мамашу!.. Конечно никто не увѣрилъ бы меня, что то была сама моя мать, приходившая благословлять своего сына! Точно, я ни разу не видывалъ ни бабы-яги, которая въ ступѣ сидитъ,—помеломъ слѣдъ замѣтаетъ, ни такого коня, у котораго изъ ноздрей польмя, а изъ ушей дымъ валитъ, но вѣдь няня за то видѣла: она ужь ни за что не солжетъ! Няня говоритъ, что когда я выросту большой и поѣду въ тридесятое царство,—то и самъ тоже увижу. Эхъ, кабы только поскорѣй!..

Съ няней объ этихъ волшебникахъ шли у насъ безконечные разговоры.

— Няня, спрашивалъ я,—а что, страшные эти бываютъ волшебники?

— Страшные, батюшка мой,—престрашные-страшные!..

— Съ бородой они, няня?

— Съ бородой, батюшка Длиннѣющая у нихъ борода!

— Длиннѣе чѣмъ у Василья?

— Длиннѣе, мой батюшка.

— А злые они?

— Презлющіе-злющіе!

— А зачѣмъ же они дѣтей таскаютъ?

— Утащатъ они, а потомъ и съѣдятъ.

— А большихъ не ѣдятъ?

Digitized by Google

— Большихъ не ѣдятъ.

— Почему же они большихъ не ѣдятъ?

— А потому — не справятся.

— Стало быть съ папашей они не справятся?

— Онъ ихъ вотъ какъ перевернетъ — страсть!..

Няня гладила меня по головѣ и называла умникомъ.

Я задумывался — и желалъ одного только: сдѣлаться такимъ же большимъ, какъ отецъ.

«Погодите же, думалъ я, — только бы большимъ вырости, а то я всѣхъ этихъ волшебниковъ перебью! Палку я такую толстую-претолстую заведу и стану я этой палкой ихъ бить.»

Не одни только разсказы няни увлекали мое, охочее до всего волшебнаго, воображеніе въ сказочный міръ давно сошедшихъ со сцены героевъ. Рано я почувствовалъ жажду знанія и съ непонятнымъ теперь для меня проворствомъ поглащалъ и «Бову Королевича», похищеннаго у поваренка Петрушки, — какъ сейчасъ помню—замасленную такую, сѣрую книжонку,—и«Разсказы фей» съ сильфами и ихъ дивной царицей. Изъ этихъ разнообразныхъ книгъ и разсказовъ я создалъ для себя особенный міръ— таинственный, но живой и плѣнительный для дѣтскаго ума.

Въ большомъ домѣ мнѣ чудились волшебники, огромный садъ я населялъ тѣми сильфами, о которыхъ читалъ я въ «Разсказахъ фей». Я вѣрилъ, что въ каждомъ душистомъ цвѣткѣ заключено маленькое существо въ яркой, сіяющей золотомъ и драгоцѣнными камнями, одеждѣ. Капля дождя, дрожавшая въ вѣнчикѣ цвѣтка, въ которой переливы свѣта играли всѣми радужными красками, казалась мнѣ однимъ изъ бриліантовъ, украшающихъ корону волшебной царицы; въ тихомъ шопотѣ изумрудныхъ листовъ мнѣ слышалось дивное пѣнье: то феи баюкали царицу свою.

Любилъ я нашъ огромный, на половину заглохшій садъ! Любилъ я длинную липовую алею, въ которой и днемъ было темно и прохладно; любилъ свѣтлый прудъ, въ которомъ купали свои гибкія вѣтки плакучія березы, — и полуразрушенную бѣсѣдку на самомъ концѣ сада; но цвѣтникъ передъ домомъ, пестрѣвшій левкоями, георгинами, макомъ, я любилъ и больше пруда, и больше бесѣдки, ибо въ немъ-то именно, по моему мнѣнію, и обитали мои прекрасныя феи.

Я уходилъ въ этотъ цвѣтникъ тотчасъ послѣ уроковъ и по-

Digitized by Google

долгу сидѣлъ въ немъ, поджидая появленія какого-нибудь крылатаго сильфа. Я подсматривалъ, какъ развертывался цвѣтокъ, надѣясь, что изъ его середины вылетитъ вся въ радужныхъ лучахъ фея, но цвѣтокъ раскрывался, а ни феи, ни сильфа мнѣ не являлось.

«Это вѣрно потому, съ невольной грустью думалось мнѣ,—я не могу видѣть фей, что онѣ являются только добрымъ, а я не добрый... я гнѣзда маленькихъ птичекъ разорялъ... Не даромъ мамаша и няня говорили мнѣ, что это грѣхъ дѣлать!..

И я далъ себѣ слово никогда не разорять болѣе гнѣздъ, — и крѣпко держалъ его, а феи все-таки мнѣ не показывались.

Впрочемъ разорялъ гнѣзда не я самъ, а садовникъ-Андрей,— великій знатокъ своего дѣла и горчайшій пьяница. Галки, вороны и другія пернатыя, вившія себѣ гнѣзда на высокихъ липахъ, были его непримиримыми врагами; истреблять ихъ онъ считалъ своею священной обязанностью. И сколько же было этихъ гнѣздъ на столѣтнихъ липахъ нашего сада? И какое жалобное карканье подымали птицы, когда гнѣзда одно за другимъ были уничтожаемы безпощадной рукою врага ихъ.

Удивительный парень былъ этотъ Андрей! такой сдержанный, такой невозмутимо-спокойный, вѣчно углубленный въ какія-то размышленія, о которыхъ онъ никогда не говорилъ никому. Къ земнымъ благамъ, къ комфорту онъ оказывалъ самое глубокое презрѣніе, словно самый рьяный циникъ. У него, кажется, было всего-на-всего одна только рубаха изъ какой-то бурой дерюги, кафтанишка, на которомъ заплатъ было около миліона, да одни опорки, служившіе ему съ незапамятныхъ временъ и зиму и лѣто: въ этомъ заключалось все его имущество, не считая картуза прошпигованнаго саломъ. Не было никакой возможности заставить его перемѣнить костюмъ: пробовали покупать ему новую одежу, — день-другой походитъ, а потомъ непремѣнно пропьетъ.

— Андрюшка, спрашиваетъ у него отецъ,—куда же ты дѣвалъ новую одежу?

Стоитъ Андрюшка и молчитъ, изъ подлобья взглядывая на барина.

— Что жь ты молчишь? крикнетъ отецъ.

— Виноватъ-съ! себя не сдержалъ!..

— Пропилъ?

Digitized by Google

— Точно такъ-съ.

Наступало молчаніе.

— Вы ужь, Павелъ Степановичъ, прикажите меня выпороть!..

— А если я не прикажу?

— Нѣтъ, ужь вы, Павелъ Степановичъ, какъ вамъ угодно, выпороть меня надо!..

— Что же тебѣ такъ хочется? Легче тебѣ что ли станетъ?

— Потому я чувствую, какой я подлецъ передъ вами есть: барскую одежу пропилъ. Развѣ можно барскую одежу пропивать?! Ужь вы, Павелъ Степановичъ, прикажите...

Ну и выпорютъ его; онъ станетъ какъ будто веселѣе. Пройдетъ нѣсколько времени—опять таже исторія. Отецъ такъ и махнулъ на него рукой.

А говорятъ было время, когда Андрей считался первымъ щеголемъ во дворнѣ, да сгубила его какая-то Акулина, — не вытерпѣлъ онъ — пропьянствовалъ всю свою остальную жизнь; истрепался ни за что человѣкъ и сдѣлался предметомъ неистощимыхъ насмѣшекъ цѣлой дворни. Только лѣнивый не глумился надъ нимъ; но онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на эти насмѣшки, словно они не его касались.

— Андрюха, говоритъ пузанъ-кучеръ, считавшійся весьма большимъ остроумцомъ,—а что я такъ думаю, если тебя таперича на огородъ на мѣсто чучела поставить, — всякая птица за версту тебя испужается.

Андрей молчалъ и уписывалъ краюху хлѣба.

Только когда ужь очень пробирали его смѣшками, онъ вставалъ и, обозвавъ всѣхъ присутствовавшихъ какимъ нибудь ругательнымъ словомъ въ собирательномъ смыслѣ, уходилъ въ садъ, либо за ворота.

Лицо его было постоянно сумрачно и отъ водки получало какой-то сизодымчатый колоритъ; оживлялось оно только въ то время, когда онъ слѣзалъ съ дерева съ гнѣздомъ маленькихъ галчатъ и съ презрительной усмѣшкой разсматривалъ своихъ неоперенныхъ враговъ.

— Эка погань проклятая! говорилъ онъ. — Тварь! добавлялъ истребитель галочьихъ гнѣздъ, придавая этому слову самое ядовитое значеніе.

Несчастливецъ этотъ,—этотъ, по выраженію моей няни, которой онъ доводился племянникомъ, — безпросыпный пьяница ни

*

Digitized by Google

къ кому не питалъ такой привязанности, какъ ко мнѣ. Я былъ единственнымъ существомъ, для котораго сумрачное лицо его озарялось чѣмъ-то похожимъ на улыбку. Онъ и Нептунъ были почти постоянными спутниками въ моихъ прогулкахъ по саду. Няня, если когда и выходила въ садъ, такъ усѣвшись гдѣ нибудь на солнцѣ, чтобъ поразогрѣть, какъ говорила она, свои старыя кости, не покидала этого мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвращалась въ домъ на широкую и длинную лежанку, бывшую предметомъ моего крайняго вниманія и удивленія по поводу необыкновенныхъ птицъ и растеній, которыми были изукрашены старинные изразцы; а Андрей между тѣмъ посвящалъ меня въ таинства растительнато царства, разсказывая о различныхъ свойствахъ цвѣтущаго міра.

Нептуномъ звали огромнѣйшаго водолаза, съ чорною волнистою шерстью и бѣлыми подпалинами. Мы были съ нимъ большими друзьями. Обыкновенно страшно рычавшій и оскаливавшій зубы какъ только чья нибудь дерзкая рука намѣревалась прикоснуться къ нему, — Нептунъ позволялъ мнѣ не только гладить себя, но даже садиться верхомъ и разъѣзжать, подобно древнему паладину, по проросшимъ травою дорожкамъ. И то сказать: я для него былъ очень легкою ношей! Мнѣ было около девяти лѣтъ, но по росту казалось не больше пяти.

— Какой ты у меня маленькій, да худенькій! съ своею свѣтлой хорошей улыбкой говорила мать, гладя меня по головѣ.

— Чтожъ мамаша: я большой выросту!

— Выростешь, выростешь.

О, какъ я любилъ тебя, моя милая, добрая матушка! О, какъ я люблю тебя до сей поры! Ты умерла: — во всемъ блескѣ своей красоты и такою же навсегда сохранилась въ моей душѣ.

Я любилъ и отца, но эта любовь совсѣмъ не походила на чувство, которое влекло къ матери. Отецъ былъ слишкомъ холоденъ, слишкомъ, если можно такъ выразиться, — джентльмэнтенъ. Я увѣренъ, что онъ очень любилъ всѣхъ насъ и матушку, и меня, и двухъ моихъ крохотныхъ сестеръ, изъ которыхъ послѣдней было всего около года, — но никогда не дозволялъ этому чувству прорываться наружу. Въ немъ не было той привлекательности, которая составляла главную прелесть характера моей матери. Его прекрасное лицо было постоянно невозмутимо, а рѣчь отличалась строгостью и ироніей.

Digitized by Google

Младшая сестра моя составляла для меня предметъ неистощимаго смѣха. Она была такая маленькая, такая красненькая, такъ уморительно барахталась своими рученками!... И спрашивалъ я:

— Няня, неужели и я такой маленькій былъ?

— Былъ, батюшка, былъ.

— И папаша тоже и мамаша!

— И папаша съ мамашей.

— Отчего же теперь онъ большой?

— Выросъ.

— И я выросту?

— И вы выростете.

Странно! А впрочемъ няня вѣдь правду говоритъ: вонъ тоже георгины въ саду были такія маленькія — чуть отъ земли подымались, а теперь выше меня стали. Только онѣ очень скоро выросли!.. Я задумывался и снова задавалъ нянѣ вопросъ: почему цвѣты скоро растутъ, а я — нѣтъ?

— Что вы, Николай Павлычъ, неотвязный какой, право! Отчего, да почему?.. Ну почемъ я знаю отчего цвѣты скорѣе людей выростаютъ!.. Богомъ ужь такъ устроено.

Ей видимо было досадно, что она не можетъ разрѣшить моего пытливаго вопроса; но я былъ хитрый мальчишка, и не давая ей опомниться, обхватывалъ ее шею, цѣловалъ и упрашивалъ не сердиться.

— И, Богъ съ вами! за что я стану на васъ сердиться!. былъ ея обыкновенный отвѣтъ. Вы-бы книжку лучше почитали, а я-бы послушала. Очень ужь хорошо вы читаете!..

Я брался за книжку, и мы уносились въ тридесятыя государства. Нянѣ особенно нравился «Сѣрый армякъ;» я разъ двадцать прочелъ ей, и наконецъ почти выучилъ наизусть.

Жили мы очень уединенно; сверстниковъ у меня не было, и я всецѣло отдавался моей природной мечтательности.

Весну и лѣто я проводилъ по большей части въ саду, зимой и позднею осенью меня всегда было можно видѣть или въ гостиной съ матушкой, или на высокой лежанкѣ, внимательно слушающаго разсказы о томъ какъ Иванушка-дурачекъ уѣзжалъ за жаръ-птицей, какъ Илья-муромецъ убивалъ соловья-разбойника и т. п.

Славное то было время.

Digitized by Google

II

Сумраченъ и безмолвенъ стоялъ нашъ большой домъ.

Весна была въ полномъ блескѣ: зеленѣли громадныя липы, цвѣла сирень, и пѣли въ саду его пернатыя обитатели.

Однажды, проснувшись часовъ въ девять утра, я замѣтилъ на дворѣ большой шумъ и движеніе: стояли какіе-то возы, вокругъ нихъ суетились люди, перенося различную мебель въ нашъ большой домъ.

Все это было такъ ново и странно для меня! Я долго не могъ опомниться отъ изумленія, и когда оно миновало — обратился къ нянѣ съ вопросомъ: что это такое значитъ, и ужь не волшебникъ-ли избралъ нашъ домъ для своего заколдованнаго замка.

Няня конечно улыбнулась при этомъ вопросѣ.

— И батюшка! отвѣтила она: какой волшебникъ!

— Такъ кто же это?

— Папашины сродственники изъ за моря пріѣхали. Жить у насъ станутъ.

— А далеко это море?

— Далеко, батюшка.

— А какъ далеко?

— Да и сказать невозможно, — вотъ какъ далеко.

Отвѣтъ этотъ не могъ удовлетворить мое тревожное любопытство. Няня посовѣтывала мнѣ обратиться къ мамашѣ, но и она не могла точно опредѣлить этого разстоянія — такъ, по крайнѣй мѣрѣ, казалось мнѣ, потомучто я ничего не понялъ изъ ея объясненія о дальности заморскихъ странъ.

Узналъ я, что родственники, переѣхавшіе въ нашъ большой домъ, были мой дядя и тетка, но я все-таки не могъ уяснить себѣ откуда взялись они, когда прежде я ниразу не слыхивалъ объ ихъ существованіи.

Дня черезъ два, послѣ суматохи на нашемъ дворѣ, у насъ въ гостиной сидѣлъ какой-то неимовѣрно толстый господинъ, съ огромной лысиной и весьма величественная дама, еще довольно молодая и красивая дама, нѣсколько походившая на моего отца. Когда я вошолъ, она что-то разсказывала о своемъ путе-

Digitized by Google

шествіи, но при видѣ меня обернулась къ матушкѣ и спросила по французски.

— Это вашъ старшій сынъ?

Отвѣтъ, конечно, былъ самаго положительнаго свойства.

— Онъ на тебя, Paul, совсѣмъ не походитъ, замѣтила она, осторожно цѣлуя меня въ лобъ и ласково мнѣ улыбаясь.

— Только ты не думай, что ему отъ этого хуже! тоже съ улыбкой отвѣтилъ отецъ. — Онъ ничего не теряетъ.

— Кому хуже? неожиданно спросилъ лысый господинъ словно въ просонкахъ.

— Ты, cher ami кажется ужь спишь? замѣтила тетка.

— Не совсѣмъ. А этотъ молодой человѣкъ—кто? Мой племянникъ? а? Ну, молодой человѣкъ, подойдите ко мнѣ, познакомимтесь. — Онъ охватилъ меня своими толстыми руками и посадилъ на колѣна. — Худы вы очень, молодой человѣкъ! добавилъ онъ.

Я почему-то разсмѣялся.

— Чему вы смѣетесь? Говорите, молодой человѣкъ: чему вы смѣетесь? спрашивалъ меня лысый господинъ, и широкая, добродушная улыбка разливалась по всему его заплывшему жиромъ лицу: казалось и лысина и та свѣтилась улыбкой.

Я былъ мальчикъ неробкій и откровенно сознался, что смѣюсь тому какъ онъ лысъ и толстъ.

— О! о! да вы вотъ какой!. И толщина весьма добродушно загрохотала. Отъ этого смѣха отвислый животъ и все рыхлое тѣло лысаго господина заходило ходуномъ! — я вашъ другъ. А очень я толстъ? спросилъ онъ меня.

— Очень..

— И лысъ?

— Да!..

— Молодецъ! Я тебѣ за это коня подарю!.

Тетка тоже смѣялась.

— Mais il est gentil ce petit monsieur la! А который ему годъ? спросила она.

— Восемь, отвѣтила матушка.

— Да? онъ выглядитъ гораздо моложе.

— Плохо ростетъ, замѣтилъ отецъ. — Ну, а твоя Лидочка велика стала? спросилъ онъ у тетки.

— Почти съ него. Ты не узнаешь ее теперь.

Digitized by Google

— Ну, не узнать мнѣ ее не мудрено: я вѣдь ее пять лѣтъ невидалъ.

— Я тебѣ говорю: это удивительный ребенокъ!..

Тетушка пустилась въ отвлеченный разборъ характера Лидочки, и какъ ни широко раскрывалъ я глаза, однако понять ничего не могъ.

Изъ этого перваго свиданія съ моими новыми родственниками я вынесъ очень пріятное впечатлѣніе: тетка мнѣ очень понравилась — я всегда любилъ красивыхъ женщинъ. Дядя хотя и показался мнѣ смѣшнымъ, но я рѣшилъ, что онъ долженъ быть очень добръ. Всего-же болѣе меня занимала мысль, — что такое Лидочка, о которой говорилъ папаша? Я наконецъ узналъ, что такъ звали мою двоюродную сестру и что я ее скоро увижу.

Я ждалъ

III.

Дня два или три шолъ дождь.

Меня не выпускали изъ дому.

Но вотъ снова засіяло солнце; послѣдніе оторванные клочья весеннихъ тучь уплыли на югъ; листья зазеленѣли еще ярче, еще ароматнѣе задышали цвѣты.

Заключеніе мое кончилось,—рушились запоры моей темницы, и я какъ стрѣла пустился по влажнымъ еще дорожкамъ сада, сопровождаемый моимъ неизмѣннымъ спутникомъ—Нептуномъ. Умные глаза моего товарища свѣтились радостью: въ эти три дня онъ ни разу не видалъ меня; радость его выражалась ласковымъ ворчаньемъ и необыкновенными курбетами, которые онъ выдѣлывалъ передо мною. Исполнивъ какую нибудь хитрую штуку, Нептунъ останавливался и заглядывалъ мнѣ въ лицо, будто желая узнать: доволенъ ли я его эквилибристикой?...

Алея кончилась, и я остановился, словно приросъ къ мѣсту.

Шагахъ въ десяти отъ меня стояло маленькое существо и съ любопытствомъ разсматривало какой-то цвѣтокъ. То была дѣвочка лѣтъ шести, въ голубомъ съ бѣлыми крапинками платьицѣ въ соломенной шляпкѣ, изъ подъ которой выбивались свѣт-

Digitized by Google

лые локоны. Самая нѣжная, самая розовая улыбка сіяла на ея дѣтскомъ личикѣ! Она была хороша какъ ангелъ.

Въ умѣ моемъ промелькнула мысль: «Ужь не одна ли это изъ тѣхъ фей, которыя живутъ въ душистыхъ цвѣтахъ?»

Мысль эта перешла въ увѣренность, когда Нептунъ вмѣсто того, чтобы залаять на незнакомое ему существо, какъ онъ обыкновенно дѣлывалъ,—тихо подошолъ къ голубоглазой дѣвочкѣ и ласково завилялъ хвостомъ.

«Это непремѣнно должна быть фея!» втайнѣ рѣшилъ я, и цвѣтокъ въ ея рукахъ показался мнѣ тою волшебной палочкой, которая до чего бы ни прикоснулась и все цвѣтетъ и благоухаетъ.

На дѣтскомъ личикѣ сначала выразился испугъ при видѣ громаднаго чорнаго страшилища, и она готова была вскрикнуть, но вдругъ, съ внезапной рѣшимостью, прикоснулась своею дѣтской рукой до волнистой шерсти моего спутника; Нептунъ смиренно легъ къ ея ногамъ, какъ будто признавая надъ собой власть маленькой дѣвочки: сила смирилась предъ красотой.

Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ и не могъ сказать ни слова.

Голубые глаза съ изумленіемъ остановились на мнѣ.

— Это ваша собака? спросила меня побѣдительница Нептуна.

— Моя.

— Какая славная! Она не кусается?

— Нѣтъ...

— А вы чей такой? Васъ какъ зовутъ? и не дожидаясь моего отвѣта, маленькое голубое существо добавило:—А меня зовутъ Лидой? Неправда-ли,—какое хорошенькое имя?

— Очень... вы изъ какого цвѣтка?

Вопросъ мой, надо полагать, показался ей очень страннымъ: нѣсколько секундъ она смотрѣла мнѣ въ лицо съ самымъ наивнымъ изумленіемъ и вдругъ разразилась такимъ звонкимъ, такимъ серебристымъ смѣхомъ!—словно соловьиная трель разлилась по саду.

— Ахъ, какой вы смѣшной! воскликнула она, продолжая смѣяться.

— Вы развѣ не фея? тоскливо спросилъ я.

Она покачала головкой:

— Я не знаю что такое фея.

— Это такія добрыя волшебницы. Онѣ въ цвѣтахъ живутъ,

Digitized by Google

пояснилъ я, все еще надѣясь, что моя незнакомка окажется одною изъ обитательницъ таинственнаго міра.

— Не знаю, повторило голубое существо.—Я живу тамъ,— она показала по направленію большого дома.—Тамъ насъ много живетъ!... Папаша, мамаша, Амалія Карловна — много, много!...

Для меня стало ясно, что голубое существо дѣйствительно не фея, а моя двоюродная сестра,—та самая, о которой говорилъ папаша съ красивой дамой.

— Ну, такъ я знаю кто вы, воскликнулъ я:—вы моя кузина.

— Развѣ васъ Николей зовутъ?

— Николей...

— Ахъ, какъ это славно. Мы будемъ съ вами играть! Вы умѣете играть въ воланъ.

— Нѣтъ, не умѣю, отвѣтилъ я.

Мнѣ почему-то стало совѣстно и грустно.

— Ничего! Я васъ выучу!... А вы любите цѣловаться?

— Люблю.

— Поцѣлуйте меня. Вы меня въ щоку поцѣлуйте: у меня щоки толстыя!. Мамаша меня всегда въ щоку цѣлуетъ.

Я поцѣловалъ милую дѣвочку.

— Да вы крѣпче! Давай-те я васъ поцѣлую!. вотъ какъ!.. вотъ какъ!.. говорила та, которую сначала я было принялъ за фею, крѣпко обнявъ меня своими дѣтскими пухленькими ручками.

— Was machen Sie!. Was machen Sie!. совершенно неожиданно раздался надъ нами чей-то въ высшей степени дерущій уши голосъ, и мы были расторгнуты безтрепетной рукою.

Я оглянулся и онѣмѣлъ отъ ужаса: никто, кромѣ Амаліи Карловны, не олицетворялъ собою идеала кіевской вѣдьмы въ такой высокой степени.

— Ахъ, mein Gott, mein Gott! говорила кіевская вѣдьма,— какъ же можно поцѣловать чужой мущинъ....

Хорошъ я былъ мущина, — нечего сказать!

При этомъ упрекѣ Лида вся вспыхнула.

— Онъ не чужой, отвѣтила она: — онъ мой братъ!.

— Das ist nicht wahr! Das ist nicht wahr! У васъ нѣтъ братъ. Я буду говорить вашей mutter.

Амалія Карловна взяла мою фею за руку и повела за собой.

Digitized by Google

— Вы куда ее ведете? спросилъ я, храбро становясь по срединѣ дорожки.

— Подите домой! подите домой! говорила кіевская вѣдьма.

Но я неуступалъ ни шагу, намѣреваясь похитить Лидочку изъ рукъ страшной волшебницы; однако злая волшебница была гораздо сильнѣе меня. Я долженъ былъ уступить ей дорогу. Уходя, Лидочка обернулась ко мнѣ съ самой свѣтлой, съ самой розовой изо всѣхъ улыбокъ, когда либо видѣнныхъ мною и сказала:

— Au revoir mon cousin!

О, какое негодованіе и гнѣвъ почувствовалъ я, когда кіевская вѣдьма увела мою миленькую кузину. Будь я сильнѣе, — кіевская вѣдьма была-бы мною уничтожена, но тогда я могъ только заплакать.

На самомъ дѣлѣ Амалія Карловна была добрѣйшимъ нѣмецкимъ существомъ, созданнымъ изъ чего то необыкновенно рыхлаго и тающаго. Ея сердце хранило неистощимый запасъ слезъ лившихся при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Слышала-ли она о чьей нибудь смерти, — о смерти существа совершенно ей незнакомаго, ни разу ею невидѣннаго, — слезы лились весьма изобильно; видѣла-ли она какъ хищный коршунъ утаскивалъ цыпленка, — слезамъ не было удержа, читала-ли архинѣмецкія драмы архинѣмецкаго бурша-Коцебу, — она рыдала такъ, что можно было опасаться за ея здоровье.

Я какъ сейчасъ вижу ея лоснящееся лицо съ двумя бородавками около носа, отвислыя, почти невѣроятной толщины, губы и правый глазъ, обезображенный бѣльмомъ, величиной чуть не съ куриное яйцо. Этотъ глазъ, — тусклый, съ какимъ-то свинцовымъ отблескомъ, — былъ предметомъ моего почти суевѣрнаго страха. Особенно сильно пугала меня его неподвижность: мнѣ казалось, что отъ его взгляда не можетъ ничто укрыться, никакое тайное помышленіе — и непріятная дрожь пробѣгала по тѣлу.

Позже, когда я на самомъ себѣ испыталъ доброту Амаліи Карловны, — я примирился съ нею, но этотъ глазъ, — о, я не могу передать какъ ненавидѣлъ я его!—этотъ глазъ былъ причиною того, что послѣ я возненавидѣлъ всю нѣмецкую націю, ибо я не могъ представить себѣ нѣмца или нѣмку — и не вспомнить неподвижно-устремленнаго тусклаго взгляда; я былъ

Digitized by Google

почти убѣжденъ, что у всѣхъ нѣмцевъ должны быть такіе же тусклые, оловянные глаза, — по одному у каждаго, — и что всѣ нѣмцы могутъ узнать у человѣка его самыя сокровенныя мысли.

Но какъ ни безобразна была Амалія Карловна, однако и она вздыхала о какомъ-то Карлѣ, который былъ ея женихомъ и который ждалъ ее гдѣ-то въ Ригѣ или въ Ревелѣ. Сколько я помню, свадьба отлагалась до тѣхъ поръ, пока Карлъ будетъ имѣть возможность купить себѣ аптеку. Не знаю состоялась-ли эта свадьба, но и до сихъ поръ не могу понять какъ можно было влюбиться въ такого урода какъ гувернантка моей кузины. Впрочемъ, нѣмцы — прехитрый народъ!..

...О! что такъ жалобно воешь ты, вѣтеръ? О! зачѣмъ жгучая скорбь о прошломъ, о моемъ миломъ, не возвратно минувшемъ дѣтствѣ жжотъ мою грудь? Помню я! помню! ничего не забылъ я!..

Вся грустная повѣсть объ алыхъ устахъ, о глазахъ незабудкахъ, такъ рано поблекшихъ и охладѣлыхъ, — никогда не умретъ въ душѣ моей.

Воетъ жалобно вѣтеръ, и милыя-тѣни милаго прошлаго опять, какъ живыя, встаютъ и все манятъ куда-то!..

IV

Мое приключеніе въ саду не могло остаться тайной. Амалія Карловна тотчасъ же по приходѣ домой разсказала о немъ, съ подобающимъ высокоправственной нѣмкѣ ужасомъ, Софьи Николаевнѣ. Софья Николавна конечно разсмѣялась и успокоила возмутившуюся нѣмецкую стыдливость увѣреніемъ, что я дѣйствительно двоюродный братъ Лидочки.

Я былъ прозванъ Баярдомъ. Это имя навсегда такъ и осталось за мною. Имя это, какъ извѣстно, принадлежало благородному рыцарю, но сѣдая старушка качавшая мою колыбель, нашла нужнымъ возстать противъ басурманской клички.

— Точно у ребенка христіанскаго имени нѣтъ, ворчала она. Ворчанье ее не имѣло никакихъ послѣдствій.

— Ну, весьма небольшой Баярдъ, говорилъ дядя съ своей

Digitized by Google

широкой улыбкой, — разскажите намъ какъ вы защищали свою даму?

Я конечно не понималъ добродушной ироніи этого вопроса, но почему-то краснѣлъ и молчалъ.

Въ этотъ же вечеръ мы бѣгали съ Лидочкой по саду. Какъ сейчасъ помню: тихій такой вечеръ былъ, темный и ароматный какъ всегда бываетъ весною послѣ дождя. На этотъ разъ Амалія Карловна ограничилась только замѣчаніемъ, чтобъ мы не упали и не такъ шибко бѣгали.

— Nicht so schnell nicht so schnell !. кричала она.

Ну, да мы ее не очень-то слушались.

Лидочка была необыкновенно рѣзвымъ ребенкомъ; она кажется ни минуты не могла посидѣть покойно, и первая предложила мнѣ бѣгать.

— А тебѣ меня не догнать! сказала она.

— Догоню!..

Но, увы! самоувѣренность моя не оправдалась: Лидочка бѣгала гораздо рѣзвѣе меня. Я очень скоро запыхался и остановился.

— Что? усталъ?.. спрашивала меня шалунья.

— Усталъ...

— Ну, давай посидимъ.

Мы усѣлись на травѣ. На лицѣ Лидочки появилось какое-то серьезное выраженіе.

— Ты меня любишь? спросила она.

— Я люблю...

— И я тебя очень люблю. Я тебя всегда буду любить.

— Что это вы тутъ на травѣ-то сидите: сыро! замѣтила намъ только что подошедшая няня. — Простудитесь.

Насъ увели домой.

Часто потомъ мы странствовали съ Лидочкой по саду. Я показалъ ей всѣ мои любимыя мѣста, но они вовсе не заинтересовали ее. Характеръ у ней былъ слишкомъ живъ для того, чтобы могла она, подобно мнѣ, мечтательно прислушиваться къ шопоту листьевъ и бродить по сумрачнымъ алеямъ. Вначалѣ такое равнодушіе какъ будто оскорбляло меня, но потомъ я подчинился вліянію маленькой дѣвочки и мало по малу отставалъ отъ своихъ прежнихъ привычекъ. Даже дѣтскія грезы о феяхъ не такъ уже сильно занимали меня. Впрочемъ чудодѣйные разсказы

Digitized by Google

изъ волшебнаго міра любила и Лидочка; иногда по цѣлому часу смирно сидѣла она и внимательно слушала фантастическія приключенія сказочныхъ героевъ, но ужь долѣе часа просидѣть она не могла, какъ бы ни былъ интересенъ разсказъ:—она вставала и предлагала мнѣ бѣгать. Я, конечно, никогда не отказывался отъ предложенія.

Эти годы моего дѣтства далеко необильны приключеніями. Въ той замкнутой жизни, которую вели мы, мало встрѣчалось мнѣ новыхъ лицъ и мало событій, выходившихъ изъ ряда повседневныхъ. Тѣмъ сильнѣе въ тишинѣ этого однообразія росла моя привязанность къ Лидочкѣ. Мы почти не разставались и даже учились вмѣстѣ.

Помню какъ сильно грустилъ я, когда Лидочка заболѣла корью и мы не видѣлись цѣлыхъ три недѣли. За то и велика же была наша радость при первомъ свиданіи!

— Скучно тебѣ безъ меня было? спрашивала меня маленькая фея.

— Ахъ, какъ скучно!..

— Отчего же ты не приходилъ?

— Не пускали меня.

— А ты потихоньку пришолъ бы.

— Ахъ, какъ можно потихоньку!

— Отчего же?

— Не хорошо.

— А я непремѣнно пришла бы. Ужь я такъ бы это сдѣлала, что никто бы и не узналъ.

— Амалія Карловна узнала бы. Она все знаетъ.

— И Амалія Карловна не узнала бы.

— А еслибъ узнала?

— Ну, я поцѣловала бы ее, — она бы и ничего. Она вѣдь добрая!

— Сердитая только, возразилъ я.

Въ дѣтскую вошолъ дядя.

— А! маленькій Баярдъ,—вы здѣсь? замѣтилъ онъ съ обычной улыбкой и обратился къ дочери съ вопросомъ:—ну что ты теперь Лида чувствуешь!

— Я, папаша, здорова,—я совсѣмъ здорова. Можно мнѣ теперь гулять? Мнѣ очень побѣгать хочется.

— Ишь какая бойкая! А опять больной хочешь быть?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не хочу.

— Ну такъ и бѣгать надо подождать...

— Долго?..

— А вотъ докторъ пріѣдетъ,—ты у него спроси.

— Когда онъ пріѣдетъ? сегодня?

— Нѣтъ, сегодня не пріѣдетъ.

— Когда же?

— Завтра.

— Ну, я подожду. Только, папашечка миленькій, вы ужь пускайте Николю ко мнѣ!..

— Хорошо, хорошо. Да онъ можетъ быть самъ не захочетъ? Что вы скажете, маленькій Баярдъ?

Я конечно выразилъ самое горячее желаніе видаться съ Лидочкой и получилъ позволеніе.

Еще двѣ недѣли она не выходила изъ комнаты, а потомъ снова мы носились по саду.

Напрасно я стараюсь въ настоящую минуту воскресить въ памяти всѣ тѣ слова, которыми мы мѣнялись въ дѣтствѣ, во всей ихъ наивной простотѣ; напрасно стараюсь возобновить впечатлѣнія дѣтскихъ нашихъ игръ, огорченій и радостей — онѣ какъ-то смутно и неясно рисуются въ моемъ воображеніи и прежній смыслъ ихъ навсегда для меня потерянъ. Фантазія моя давно уже утратила первоначальную живость и свѣжесть, и я врядъ ли буду въ состояніи воспроизвесть образъ моей милой феи во всей его наивной граціи и прелести. Да, едва ли!..

Что же дѣлать! буду продолжать, какъ могу.

V.

Наступила осень. Сѣрыя тучи заволокли все небо; неустанный дождикъ то польетъ какъ изъ ведра, то сѣетъ словно черезъ сито; осенній вѣтеръ уныло завываетъ въ облетѣвшихъ сучьяхъ садовыхъ липъ. Кончились наши веселыя прогулки по саду, но я попрежнему часто видаюсь съ Лидочкой.

— Нѣтъ, надо опять за границу, въ Италію! говоритъ дядя.

— Не сидится вамъ на одномъ мѣстѣ? замѣчаетъ матушка.

—Да помилуйте! здѣсь со скуки умрешь. Развѣ это погода?..

Digitized by Google

Одинъ видъ этого сѣраго неба, да непроходимой грязи—способенъ ненависть къ жизни внушить.

— Ужь и помириться нельзя?..

— Съ какой же стати я мириться-то стану? Мнѣ вотъ докторъ велѣлъ какъ можно больше ходить, а то, говоритъ, съ подагрой познакомитесь. Ну, а извольте-ка по такой грязи прогуливаться! Думаю, что не совсѣмъ пріятно. Какъ вы скажете?

— Я ужь привыкла.

— Съ чѣмъ васъ имѣю честь поздравить. Нѣтъ, я и привыкать не хочу.

— Попробуйте.

— И пробовать не стану. Помилуйте, тамъ теперь розы цвѣтутъ, апельсины созрѣли, виноградъ, — рай! Тамъ я на какой-нибудь франкъ объѣсться могу, а здѣсь рубль заплатите, да еще за дрянь! Нѣтъ, ужь отъ отечественнаго дыма — увольте.

Матушка улыбается.

— Я увольняю васъ, говоритъ она.

— Ну а ты, Софи, что скажешь? обращается онъ къ женѣ?

— Ты знаешь, мой другъ, что я всегда готова... отвѣчаетъ Софья Николаевна.

Широкая улыбка освѣщаетъ лысину.

— Гм!.. Думаю я, что въ Парижъ ты съ большимъ бы удовольствіемъ поѣхала.

— Почему жь ты такъ думаешь!

Широкая, добродушно-ироническая улыбка продолжала освѣщать лысину.

— Потомучто Парижъ, моя милая,—конечная цѣль желаній и стремленій всѣхъ нашихъ барынь. Я думаю, вамъ и во снѣ снятся эти милые французы съ ихъ сладкими рѣчами, съ ихъ жантильностью, ну—и т. п.

— Дальше?

— Ну, трескотню вы любите, а въ Парижѣ трескотни вдоволь! Извѣстно: столица модъ и вкуса...

— Хорошо же твое мнѣніе о насъ!

— Исключенія есть... Ну, и конечно ты принадлежишь къ исключеніямъ.

— Merci! Нечего золотить пилюлю.

— Нѣтъ, право цѣлый мѣсяцъ обѣщаю посвятить милой Франціи.

Digitized by Google

— А потомъ въ Италію? спросила матушка.

Въ Италію... *et vogue la galère!*

— Ты, кажется, французскаго языка не любишь? уязвила дядю Софья Николавна.

— Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, — я скажу — кто ты такая.

— Это значитъ?

— Обѣдать пора, вотъ что это значитъ. Я вѣдь травленный волкъ.

Всѣ засмѣялись.

— Мамаша, и Лидочка уѣдетъ? съ тревогой спрашивалъ я.

— Куда?

— Вмѣстѣ съ дядей.

— Конечно, мой другъ.

О, какою грустью сжалось мое дѣтское сердце! Я запрятался въ уголъ и горько заплакалъ.—Вскорѣ до меня долетѣлъ рѣзвый смѣхъ моей милой подруги; я поспѣшилъ утеретъ глаза: мнѣ не хотѣлось, чтобъ кто нибудь видѣлъ мои слезы, но Лидочка тотчасъ же замѣтила ихъ слѣды на моемъ лицѣ.

— Ты о чемъ плачешь? спросила она.

— Я... не... плачу!...

— Неправда! у тебя глаза красныя.

— Ты... уѣдешь... и слезы снова крупными каплями потекли по щекамъ.

— Нѣтъ, я никуда не поѣду!...

— Поѣдешь... я самъ слышалъ... Дядя... мамашѣ.. самъ сказалъ... въ Италію...

— Туда гдѣ апельсины родятся?

— Да.

— Ахъ, какъ славно!... Какъ я рада!...

— Тебѣ хочется ѣхать?

— Очень.

— А я-то какже?...

— И ты тоже поѣдешь. Я ужь папашу попрошу: онъ тебя возьметъ. Какъ намъ будетъ тамъ весело!..

И Лидочка съ дѣтскимъ восторгомъ начала мнѣ разсказывать о дивахъ заморскихъ странъ. Вскорѣ я уже строилъ воздушные замки о предполагаемомъ путешествіи, и весело болталъ съ

Digitized by Google

моей милой подругой о томъ, какъ мы будемъ бѣгать по высокимъ горамъ и кататься на большихъ — большихъ лодкахъ.

Нашимъ дѣтскимъ планамъ не суждено было осуществиться. Дня черезъ четыре послѣ этого разговора я, съ свойственной дѣтству наблюдательностію, примѣтилъ, что у насъ происходитъ нѣчто особенное: всѣ лица были какія-то встревожённыя, печальныя... всѣ о чемъ-то шептались; а мамаша съ утра ушла въ большой домъ и когда на минуту возвратилась къ себѣ, глаза у ней были красны..

— Мамаша, зачѣмъ ты плачешь? тревожно спрашивалъ я ее.

— Я не плачу мой другъ, — не плачу!.

— Ты обманываешь меня.. Я вижу!.

Вдругъ въ умѣ моемъ промелькнула мысль: не случилось ли чего нибудь съ Лидочкой? Дѣтское сердце мое болѣзненно сжалось, и слезы готовы были хлынуть изъ глазъ.

— Мамаша, Лидочка ничего? спросилъ я, дрожавшимъ отъ слезъ голосомъ.

— Ничего.. ничего.. упокойся.. она сейчасъ придетъ сюда.. Ступай къ нянѣ въ дѣтскую.

Любопытство мое въ высшей степени было возбуждено этой таинственностью.

— Няня, допытывался я, — о чемъ это мамаша плачетъ.

— Дяденька вашъ скончался, отвѣтила старушка и набожно перекрестилась. — Царство ему небесное! добавила она. — Доброй души былъ человѣкъ!

— Няня, онъ умеръ?

— Умеръ, батюшка, умеръ.

— Его въ землю зароютъ!

— Зароютъ... Сестрица-то ваша придетъ: вы ей не говорите.

— Развѣ она не знаетъ?

— Не знаетъ..

Лидочка на самомъ дѣлѣ не знала о смерти отца. Ей только сказали, что онъ очень болѣнъ и что эту ночь она должна провести у насъ. Въ первый разъ на ея розовомъ личикѣ появилось печальное выраженіе и не было слышно ея рѣзваго смѣха. Угрюмое молчаніе, царившее въ нашемъ домѣ, пугало ее; она какъ-будто чувствовала то великое горе, которое омрачило ея дотолѣ полную радости — жизнь. Вечеромъ, когда матушка зашла въ дѣтскую, Лидочка печально спросила у ней:

Digitized by Google

— Папаша очень болѣнъ?

— Да, но ты не плачь!. отвѣтила матушка, тихо и грустно цѣлуя ее.

— Я не буду плакать. Можно мнѣ пойти къ нему? буду смирно сидѣть.

— Не теперь. Теперь нельзя.

— Когда же?

— Завтра. Ты помолись объ немъ.

— О, я всегда молюсь!.

Она была успокоена обѣщаніемъ увидѣть завтра своего добраго отца, котораго она такъ нѣжно любила, и уснула съ этой надеждой, произнося его имя.

На другой день на Лидочку надѣли чорное съ плерезами латыце, и насъ повели прощаться съ умершимъ. И въ этотъ день она была необыкновенно кротка и послушна, и только спросила: «Зачѣмъ на нее надѣли такое некрасивое платье?»

— Такъ папенька вашъ приказалъ, отвѣтила няня. — Вы не пугайтесь, прибавила она, папенька вашъ теперь спитъ.

Насъ ввели въ большой домъ, снова ставшій сумрачнымъ и безмолвнымъ.

Огромная, высокая зала снизу до верху обита чорнымъ сукномъ; на катафалкѣ стоитъ лавиновый бархатный гробъ, покрытый золотой парчею; ярко горятъ вокругъ гроба свѣчи... священники въ серебрянныхъ ризахъ, запахъ ладона, чьи-то сдерживаемыя рыданья — все это необыкновенно живо запечатлѣлось въ моей дѣтской душѣ. Я помню какимъ ужасомъ сжалось мое дѣтское сердце при входѣ въ эту мрачную комнату!. Я въ первый разъ видѣлъ смерть. Лидочка крѣпко схватила меня за руку и отъ чего-то дрожала.

«Со святыми упокой!..» Уныло разлилось по залѣ, и громкія рыданья слились съ этой послѣдней напутственной пѣснью.

— Папаша! милый папаша! вскрикнула Лидочка и бросилась къ гробу.

Черезъ два дня его схоронили.

Не удалось тебѣ, милый дядя, повидать своей милой Италіи.

VI

Прошло около шести недѣль со дня смерти дяди.

Digitized by Google

Просыпаюсь я однажды поутру и вижу: и дворъ, и кровли на господскихъ службахъ все покрыто молодымъ пушистымъ снѣгомъ.

— Няня! няня! бѣлыя мухи прилетѣли «кричу я,» подбѣгая къ окошку.

— Прилетѣли, батюшка,—прилетѣли. Зима пришла. Да какъ же вамъ не стыдно голыми-то ножками по холодному полу ходить? Ступай-же скорѣе въ кроватку! Стыдно сударь,—стыдно! говоритъ няня, увидавъ что я босикомъ и въ одной рубашонкѣ подбѣжалъ къ окну, нетерпѣливо желая убѣдиться въ томъ, что зима на самомъ дѣлѣ пришла.

Въ эти шесть недѣль въ нашей замкнутой жизни не произошло никакихъ перемѣнъ. Первое тяжолое впечатлѣніе смерти мало по малу изгладилось; на лицѣ Лидочки снова появилась улыбка, только смѣхъ ея сталъ какъ будто сдержаннѣе. Мнѣ кажется я буду правъ, сравнивъ — хотя многіе найдутъ это сравненіе даже пошлымъ, — дѣтскій возрастъ съ свѣтлымъ прозрачнымъ ручьемъ, въ которомъ отражается и лазурное небо, и тучи, и въ которомъ отъ этого отраженія не остается слѣда. Рѣдко случается, чтобъ жизненное горе,—какъ бы ни было оно сильно,—испытанное въ дѣтствѣ, навсегда сохранилось въ душѣ, развѣ только моральное потрясеніе захватило весь дѣтскій организмъ, затронуло всѣ его струны. Вообще впечатлѣнія дѣтства живѣе, но не столь глубоки, не столь сосредоточены. Интересы и привязанности ребенка слишкомъ разнообразны для того, чтобъ потеря одного изъ нихъ могла бы поразить навсегда Весеннія бури благотворны. Но, я чувствую, мнѣ не совладать съ философіей, а потому «впередъ, впередъ моя исторія»!

Мы пили чай.

Софья Николавна въ чорномъ платьѣ съ плерезами казалась еще прекраснѣе и величавѣе. На лицѣ ея была написана скука и утомленіе. Я не думаю, чтобы она очень любила покойнаго дядю. Теперь характеръ ея для меня совершенно ясенъ: она была крайне пуста и мелочна; сердце ея было неспособно ни къ какой глубокой привязанности: оно растратилось въ той суетной и пошлой жизни, которую почему-то называютъ свѣтской, на мелкія страстишки и желаньица. Да, я съ увѣренностью говорю: Софья Николавна была не совсѣмъ хорошей женой и дурной матерью, хотя на ея совѣсти не лежало никакого упрека,

Digitized by Google

а на супружеской жизни никакого пятна, если смотрѣть со стороны узко-мѣщанскихъ понятій о нравственности.

— Paul, говорила Софья Николавна моему отцу,—я не могу жить въ этомъ огромномъ домѣ. Я просто не знаю что дѣлать..

— Конечно онъ для тебя великъ.

— Ты знаешь, я не очень нѣжна, но меня пугаетъ малѣйшій шорохъ. Я не могу спать одна. Imagine toi: chaque instant je crains l'arrivèe de Jean....

— У тебя нервы разстроены. Тебѣ надобно было-бы посовѣтоваться съ докторомъ. Возьми Карла Ѳедорыча: онъ отлично лечитъ нервныя болѣзни.

— Нѣтъ, мнѣ просто кажется, что этотъ огромный домъ, эта пустота...

— Я предложилъ бы тебѣ жить вмѣстѣ, перебилъ отецъ, — но вѣдь это можетъ насъ стѣснить. Ты не привыкла жить тѣсно.

— Ахъ, Боже мой! мнѣ все равно, гдѣ бы ни жить, только бы не въ этомъ домѣ. Притомъ же мнѣ не надолго: я думаю весной ѣхать за границу... Бѣдный Жанъ! ему не удалось снова увидать Италіи!.. Софья Николавна печально вздохнула.

На лицѣ моего отца выразилось изумленіе. Онъ переглянулся съ матушкой.

— Ты хочешь ѣхать за границу? спросилъ онъ.—А я думалъ ты поѣдешь съ нами въ деревню!...

— Ты знаешь, Paul, я никогда не могла выносить деревенской скуки. Эти грязныя избы, эти мужики—tout cela est horrible! Ну, а жить на дачѣ—слишкомъ дорого, да и удобствъ такихъ нѣтъ. За границей на какія нибудь тридцать тысячъ франковъ я могу жить очень прилично...

— Конечно это твое дѣло. Я не могу вмѣшиваться. Ну, а какъ же ты думаешь насчетъ перемѣщенія?

— Ахъ, я очень тебѣ благодарна.

— У насъ есть двѣ, почти совершенно лишнія, комнаты; ты прикажи перенести свою мебель, а Лидочка будетъ спать въ дѣтской...

И снова мраченъ и безмолвенъ стоитъ нашъ большой домъ. Онъ даже сталъ какъ будто мрачнѣе и суровѣе прежняго, словно мертвецъ, подъ снѣжнымъ саваномъ.

Зима стояла холодная...

Огромные сугробы снѣга почти совсѣмъ занесли садовую рѣ-

Digitized by Google

шетку; серебрянный иней опушилъ черныя липы,—говорятъ къ урожаю; на стеклахъ нарисованы фантастическіе узоры... Хорошо бы теперь выбѣжать на дворъ и поваляться въ снѣгу, какъ валяется поваренокъ Петрушка, но насъ почти не выпускаютъ изъ комнаты. Изрѣдка, только въ ясный солнечный день гуляемъ мы, я и Лидочка,—съ Амаліей Карловной по улицѣ, да и то насъ укутываютъ такъ, что дышать даже трудно.

Вотъ и рождество ужь прошло,—и святки. Помню я съ какимъ нетерпѣніемъ ждали мы обѣщанной елки и сколько было смѣха, когда въ залу явилась цѣлая толпа ряженыхъ! Былъ тутъ и неизбѣжный медвѣдь съ косой-барабанщицей, и колдунъ съ бородой чуть не по поясъ, и просто мужикъ съ балалайкой, — и много—много другихъ! всѣ въ необычайно уродливыхъ маскахъ... Очень смѣялись мы съ Лидочкой!...

Огромная снѣговая гора возвышается на нашемъ дворѣ! Легкія сани, управляемыя Андреемъ, съ визгомъ летятъ по ней. Сердце замираетъ, страшно—а хорошо!... Это наше любимое удовольствіе съ Лидочкой. Каждый день происходятъ эти катанья. Тотчасъ послѣ обѣда Лидочка идетъ къ матери проситься на гору.

— Нынче кажется холодно, замѣчаетъ Софья Николаевна.

— Ничего, мамаша! я закутаюсь.

— Ну, ступай.

Софья Николаевнѣ, на самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ кажется теперь, было рѣшительно все равно какая на дворѣ погода: она не слишкомъ-то много заботилась о своей дочери. Но по ея мнѣнію катанье съ горъ удовольстіе — *tout-à-fait mesquin!* мѣщанское удовольствіе.

Быстро проходитъ зима. Теплое весеннее солнце растопило ледяную кору; на деревьяхъ развертываются почки, зазеленѣла трава, и весело чирикаютъ воробьи: «подавай бойца! подавай бойца!» Но не весело мнѣ; не весела и Лидочка: мы уже знаемъ, что скоро придется намъ, быть можетъ, на долго разстаться. У насъ въ домѣ ужь производятся сборы, и часть мебели отправлена ужь въ деревню. Рѣшено выѣхать въ одинъ день.

Вотъ наступилъ и этотъ памятный день.

Рано поутру все поднялось въ нашемъ домѣ. Небо безоблачно; солнце ярко свѣтитъ, а на сердце у меня такая грусть и такъ хочется мнѣ плакать!

Digitized by Google

— Долго пробудешь ты за границей? Спрашиваетъ отецъ Софью Николавну.

— Какъ я могу тебѣ сказать! отвѣчаетъ она. — Во всякомъ случаѣ года два-три.

— Ты конечно будешь писать?

— Конечно.

— Лидочка, Лидочка! говорю я,—ты долго теперь не пріѣдешь...

— Нѣтъ, я буду просить мамашу, чтобы поскорѣй!

— Мнѣ безъ тебя будетъ очень-очень скучно. Я умру...

— Нѣтъ, Николя, ты не умирай! Я ужь пріѣду. Я непремѣнно пріѣду.

— Не скоро.

— Я зимой пріѣду.

— Ахъ, пожалуйста пріѣзжай! Андрей намъ опять гору сдѣлаетъ. Тамъ вѣдь нѣтъ нашихъ горъ?

— Нѣтъ. Тамъ большія горы! большія! А изъ снѣгу тамъ нѣтъ.

И долго, долго болтаемъ мы съ Лидочкой и строимъ воздушные замки, которымъ никогда уже не суждено было осуществиться.

Но вотъ экипажи поданы къ крыльцу. Долго сдерживаемыя слезы неудержимо льются изъ глазъ. Прощай, моя милая подруга милаго дѣтства, прощай!.. Быстрые кони уносятъ насъ по разнымъ дорогамъ, и никогда не сойдемся мы снова. Прощай!

Никогда не забыть мнѣ моей маленькой феи, какъ не забыть той синей роскошнѣйшей ночи, когда твои алыя уста впервые прошептали мнѣ нѣжно и робко: «люблю!»

Эту старую пустую исторію нашей краткой любви я разскажу какъ-нибудь послѣ.

Воетъ осенній вѣтеръ, льетъ неустанно дождикъ, и сердце сжимается томительной скорбью о прошломъ... Прощай, моя милая фея!

К. БАБИКОВЪ

Москва.
1863 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЧТО ТАКОЕ ПОЛЬСКІЯ ВОЗСТАНІЯ

У насъ есть повѣрье, что при послѣднихъ предсмертныхъ минутахъ человѣка, когда онъ отходитъ, не надобно его тревожить, чтобы не помѣшать ему умереть, а если помѣшать, то долго будетъ мучиться. Такъ Польшѣ помѣшали умереть, а она благополучно отходила, кончалась естественною смертью. Помѣшали ей въ 1772, 93 и 95 годахъ. Но съ которыхъ именно поръ начала она умирать, это рѣшить довольно трудно.

Послѣдній польскій король Станиславъ Понятовскій умеръ въ 1798 году въ Петербургѣ. Этотъ король весь свой вѣкъ колебался между вліяніемъ русскаго правительства и требованіями своихъ магнатовъ. Онъ подписалъ всѣ три раздѣла Польши, но еще задолго до его отреченія сказано было: «finis Poloniae!» Это было сказано замѣчательнымъ человѣкомъ, любимымъ героемъ поляковъ, Костюшкой, въ ту минуту (30 сент. 1794 г.), когда онъ бросилъ саблю и отдался въ плѣнъ. Станиславъ Понятовскій былъ избранъ въ короли по приказанію императрицы Екатерины. Это одно показываетъ уже отсутствіе самостоятельной политической жизни въ королевствѣ поляковъ. Но симптомы умиранья начались гораздо раньше.

Въ теченіе всей второй трети прошлаго столѣтія (1733 — 1763), въ царствованіе Августа III, курфирста саксонскаго, Польша не составляла уже цѣлаго политическаго организма. Это была конфедерація магнатовъ, которые безпрестанно между собою ссорились и терпѣли короля только для того, чтобы было кому окончательно подписывать и укрѣплять за магнатами остатки коронныхъ земель, захватываемыхъ панами въ частную собственность. Онъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что его побѣждалъ Фрид-

Digitized by Google

рихъ II, что жилъ онъ больше въ своемъ курфиршествѣ чѣмъ въ королевствѣ, и буйные магнаты на просторѣ наслаждались самою необузданною оргіею неограниченнаго самовластія. Кромѣ обильнаго количества актовъ, утверждавшихъ за магнатами захваченныя земли, не состоялось ни одного почти постановленія: бурные сеймы закрывались подъ самыми мелочными предлогами, а главнѣйшій поводъ заключался въ томъ, что ни одному изъ пановъ не хотѣлось уступить ни на волосъ своихъ неограниченныхъ правъ, своего безусловнаго абсолютизма.

Вся первая треть прошлаго столѣтія (1696 — 1733) наполнена царствованіемъ Августа II, который купилъ себѣ польскую корону за десять миліоновъ флориновъ, розданныхъ знатнѣйшимъ польскимъ панамъ. А тогда австрійскіе флорины, не то что теперь, имѣли полную свою цѣну. Это былъ тотъ бѣдный король, котораго Карлъ XII смѣнилъ, а Петръ I отстоялъ и воротилъ на престолъ. Нѣтъ надобности объяснять что было за политическое тѣло, въ которомъ голоса самыхъ вліятельныхъ и цивилизованныхъ людей были продажны и которымъ два сосѣдніе государя распоряжались каждый по своему.

Такъ жила въ прошломъ столѣтіи Польша, единственный въ исторіи примѣръ конфедераціи многихъ самостоятельныхъ и независимыхъ владѣтелей, магнатовъ. Разложеніе Польши на составныя части началось раньше прошлаго столѣтія. Восходя далѣе, въ глубину семнадцатаго вѣка, встрѣчаемъ точно также самые яркіе признаки отсутствія государственнаго единства, видимъ свободу обожаемую панами, но свободу неограниченнаго самовластія каждаго изъ нихъ. Ради этой свободы они жертвовали и политическою цѣлостью своего отечества, и всѣми государственными выгодами.

Послѣдняя четверть XVII вѣка занята царствованіемъ Ивана Собѣскаго, знаменитаго спасителя Вѣны, осажденной турками (1683 г.). Предпослѣдняя четверть прославлена правленіемъ Ивана Казимира, который однако не управлялъ ничѣмъ, кромѣ систематическаго преслѣдованія православныхъ. Тридцати лѣтъ отъ роду, стало быть въ самый лучшій возрастъ человѣка, вступилъ онъ въ орденъ іезуитовъ и потомъ папою Иноментіемъ X посвященъ въ санъ кардинала-священника. Это было лѣтъ за семь до восшествія его на польскій престолъ, стало быть по восшествіи въ его королевствѣ іезуитамъ было очень хорошо и привольно, если можно еще привольнѣе прежняго. Въ его правленіе паны потеряли Украину, отошедшую съ Богданомъ Хмѣльницкимъ подъ покровительство Россіи. Не смотря на все свое іезуитство, онъ однакожъ не могъ ужиться съ панами, отрекся отъ престола послѣ двадцатилѣт-

Digitized by Google

ного правленія и уѣхалъ во Францію, гдѣ Людовикъ XIV далъ ему нѣсколько аббатствъ, для пропитанія.

Первая половина столѣтія занята царствованіемъ Сигизмунда и сына его Владислава, которые оба могли имѣть надежду въ смутное время наше сдѣлаться русскими царями, но къ счастію благодаря неурядицѣ самодержавныхъ польскихъ пановъ, не имѣли возможности воспользоваться въ высшей степени благопріятными обстоятельствами. Паны дѣлали что хотѣли, заботясь не о родинѣ, а только о набиваніи своихъ кармановъ, и многіе снаряжали отряды и отправлялись съ ними въ Россію, явно признавая, что идутъ поправить свои денежныя обстоятельства на счетъ беззащитной Руси, взбаломученной самозванцами.

Шестнадцатое столѣтіе въ Польшѣ имѣетъ совершенно другой характеръ. Первыя три четверти этого вѣка заняты царствованіемъ Сигизмундовъ I и II. При нихъ въ Польшѣ и въ западной Руси свободно распространялось ученіе реформатовъ; при нихъ былъ золотой вѣкъ литературы польской; твердости Сигизмунда II принуждены были покоряться магнаты; объявлена была полная свобода вѣроисповѣданій, и не только объявлена, но и строго соблюдалась. При Сигизмундѣ II совершилось соединеніе западной Руси съ Польшей, и въ 1572 году пресѣкся родъ Ялеллоновъ. Эти два обстоятельства были переломомъ въ судьбѣ Польши. Началось быстрое, неодолимое паденіе. Присоединеніе западной Россіи, неправильно называвшейся Литвою, подѣйствовало для Польши весьма неблагопріятно, потомучто затѣмъ началось преслѣдованіе православія. Но безъ сомнѣнія это горестное заблужденіе не произвело бы слишкомъ быстраго паденія государственной идеи въ Польшѣ, еслибы со смертью послѣдняго Ягеллона не пришлось выбирать королей со стороны. Тогда магнаты начали съ каждымъ новымъ королемъ торговаться на счетъ своихъ вольностей, которыя своимъ чрезмѣрнымъ развитіемъ подрывали въ самомъ основаніи государственное единство и при которыхъ въ то же время презирались права другихъ людей, и топтались въ грязь другія вѣры, кромѣ римской, другія народности, кромѣ польской, другія сословія, кромѣ шляхетства.

Первымъ избранникомъ магнатовъ былъ Генрихъ Валуа, французскій принцъ, который однако же черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего коронованія сбѣжалъ и уѣхалъ во Францію. Послѣ него избрали Стефана Баторія, Трансильванскаго князя, которому шляхетство помѣшало сдѣлать Россіи весь тотъ вредъ какой онъ могъ сдѣлать. Вслѣдъ за тѣмъ Польшу наводнили іезуиты, ввели знаменитую церковную унію 1596 года. Извѣстно очень хорошо, что унія существовала и раньше, что со времени

Digitized by Google

флорентійскаго собора западно-русскіе православные были принуждаемы признавать своимъ главою папу, что они терпѣли притѣсненія, гоненія и всевозможныя истязанія, такъ что даже папа долженъ былъ за нихъ вступиться и умѣрить усердіе своихъ ксендзовъ, приказывая покамѣстъ довольствоваться только признаваніемъ папской власти. Но съ 1596 года унія разнуздалась; избираемые короли старались показать свое усердіе къ государственной религіи, а показать это всего удобнѣе можно было посредствомъ преслѣдованія православныхъ.

Такъ въ концѣ XVI вѣка соединилось множество причинъ, которыя произвели разстройство Польши и прямо повели ее къ распаденію. Прежде всего вредно было для Польши соединеніе съ Литвою. Будь это Литва въ самомъ дѣлѣ, какъ стараются увѣрить польскіе историки, а за ними всѣ иностранные, а за ними и наши: то особеннаго вреда для государственнаго единства могло бы и не быть. Но это вовсе была не Литва; это была западная Русь, соединенная подъ одну державу посредствомъ родственныхъ союзовъ потомковъ Даніила Романовича Галицкаго съ литовскими князьями, и за тѣмъ скрѣпленная оружіемъ Гедимина и Ольгерда. Немногочисленное литовское племя было слишкомъ слабо въ сравненіи съ огромными владѣніями, доставшимися Гедимину въ силу родственныхъ союзовъ. Заняты были эти владѣнія войсками, въ которыхъ литовцы или вовсе не участвовали, или составляли меньшинство. Большая часть населенія этого такъ называемаго литовскаго княжества, этой Литвы, состояло изъ бѣлорусовъ и малоросовъ, и одной національности владѣтельнаго дома слишкомъ еще мало, чтобы измѣнить національность цѣлаго народа. Еслибы къ Польшѣ былъ присоединенъ незначительный литовскій народъ, то не произошло бы никакого неудобства: онъ скоро былъ бы поглощенъ болѣе многочисленнымъ и болѣе образованнымъ народомъ польскимъ. Но на дѣлѣ это была не Литва, а цѣлая западная половина Россіи, что совершенно измѣняетъ вопросъ. Какъ бы польскіе историки не называли западную Россію, какъ бы не называли ее вслѣдъ за ними и наши историки, мы будемъ называть ее настоящимъ именемъ. Имя тутъ совсѣмъ не бездѣлица. Поляки понимаютъ очень хорошо значеніе имени и до послѣдняго времени настоятельно требовали отъ своихъ бѣлорусскихъ крестьянъ, даже Витебской губерніи, чтобы они называли себя не иначе, какъ поляками.

И такъ присоединеніе западной Россіи къ Польшѣ, казавшееся сначала такою выгодною операціей, въ сущности было началомъ паденія Польши. Было собственно два соединенія западной Руси съ Польшей. Первое, въ 1386 году, когда Ягелло женился на польской королевнѣ Ядвигѣ,

Digitized by Google

сдѣлался польскимъ королемъ, оставаясь въ тоже время княземъ западно-русскимъ. Второе, черезъ 183 года (1569 г.), когда люблинскій сеймъ постановилъ имѣть обоимъ государствамъ общій сеймъ въ Варшавѣ, общій сенатъ, избирать одного короля. Первое не было еще невозвратнымъ соединеніемъ, и Польша могла быть еще спасена, еслибы со смертью послѣдняго потомка Ягелло, въ 1572 году, она отдѣлилась и продолжала жить своею жизнью, не стараясь распространяться на востокъ. Но это было уже трудно, потомучто въ 183 года дѣла зашли слишкомъ далеко. Еще самъ Ягелло писалъ: «мы разсудили, постановили, обѣщали, обязались и по принятіи святыхъ таинъ дали клятву — всѣхъ людей народа литовскаго обоего пола, въ какомъ бы они ни были званіи, состояніи и чинѣ, къ вѣрѣ католической латинской и святому послушанію римской церкви привести, притянуть и всѣми способами присоединить, какой бы секты и различія они ни были». — Ягелло первый назвалъ православныхъ еретиками или схизматиками, и съ тѣхъ поръ у поляковъ такъ и осталось за ними это названіе. Въ ту пору уже совершенно опредѣлилось отдѣленіе западной церкви отъ православной, и враждебныя чувства между послѣдователями восточной церкви и западной проявлялись при всякомъ удобномъ случаѣ. Поэтому, не смотря на политическое соединеніе западной Россіи съ Польшей, православный народъ все тяготѣлъ къ единовѣрной восточной Руси, и полякамъ казалось, что распространеніе латинства въ западнорусскихъ земляхъ прерветъ связь западной Россіи съ восточной и тѣсно соединитъ ее съ Польшей. Литовскіе язычники охотно принимали латинство, потомучто при крещеніи получали значительныя политическія выгоды и кромѣ того подарки. Но православные не поддавались никакимъ соблазнамъ, не уступали своихъ религіозныхъ убѣжденій, такъ что Ягелло долженъ былъ придумать переходную мѣру, средину между православіемъ и латинствомъ: онъ довольствовался уже тѣмъ, чтобы люди по крайней мѣрѣ признавали папу своимъ главою. Но и это не дѣйствовало. Тогда принимались болѣе энергическія мѣры, начались гоненія, преслѣдованія; православные лишены были нѣкоторыхъ правъ. Многіе богатые и знатные люди перешли въ латинство, и къ концу XVI вѣка въ западной Россіи считалось 700 латинскихъ приходовъ. Эти богачи, магнаты, уже владѣли огромными землями, благодаря польскимъ порядкамъ, заведеннымъ въ западной Россіи: коронныя земли захватывались должностными людьми, воеводами, каштелянами, старостами, потомъ укрѣплялись за ними королевскою подписью, и такимъ образомъ составлялись тѣ колосальныя богатства, которыя удивляли европейцевъ. Западнорусскимъ магнатамъ невыгодно было отка-

Digitized by Google

заться отъ такого порядка, и потому они охотно согласились на окончательное соединеніе западной Руси съ Польшей. Послѣ того церковная унія 1596 года дѣйствовала на почвѣ хорошо подготовленной латинствомъ.

Духовенство почти съ самаго начала Польши играло тамъ весьма важную роль, а со времени прекращенія династіи Ягеллоновъ значеніе его еще усилилось. При ничтожной власти короля, паны имѣли почти республиканскую форму правленія. Магнаты подбирали себѣ партіи и дѣйствовали каждый по своему; на сеймахъ перетягивала то одна партія, то другая; не было никакого единства направленія, ничего похожаго на одну общую идею. Каждый имѣлъ въ виду только собственные интересы и нерѣдко измѣнялъ свое собственное направленіе, смотря по тому какъ того требовали выгоды. Но въ сенатѣ всегда засѣдали члены высшаго духовенства, стоявшіе въ срединѣ всѣхъ партій. Ихъ голоса имѣли огромное значеніе, потомучто давали перевѣсъ той партіи, къ которой присоединялись. Кромѣ того, какъ духовные отцы своихъ сочленовъ по сенату, епископы-сенаторы имѣли въ своемъ распоряженіи нѣкоторое количество голосовъ. Такимъ образомъ выходило, что вѣчно вѣрная своему направленію партія латинско-польскаго духовенства давала хоть какой-нибудь общій токъ польскимъ дѣламъ и никакъ не могла не вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Изъ этого становится понятнымъ то преувеличенное участіе, какое принималось польскимъ духовенствомъ въ дѣлахъ гражданскихъ. И въ цѣломъ свѣтѣ католическое духовенство старалось втереться въ гражданскія дѣла, распространить непосредственное свое вліяніе на всѣ житейскія отношенія; а въ Польшѣ этому въ особенности благопріятствовало еще политическое устройство, или лучше сказать неустройство. Понятно само собою, что по взгляду духовенства счастіе Польши заключалось въ торжествѣ и пользахъ польскаго латинства, тѣмъ болѣе, что это было выгодно по отношенію къ епархіальнымъ и приходскимъ доходамъ. А такъ какъ торжество латинства требовало распространенія во чтобы то ни стало уніи, то произошло одно изъ самыхъ безобразныхъ явленій, какія только встрѣчались въ исторіи: меньшинство вступило въ религіозную борьбу съ большинствомъ, одна часть государства во имя спасенія души начала угнетать другую, настоятельно требуя перемѣны религіозныхъ убѣжденій. Борьба очевидно была неравная. Съ одной стороны испытанная настойчивость латинства въ соединеніи съ изворотливымъ и пронырливымъ іезуитствомъ; къ этому присоединялось сверхъ того могущественное политическое вліяніе вмѣстѣ съ внѣшнею силою, съ войскомъ, которое всегда было къ услугамъ преобладающей партіи. Съ другой стороны была одна только внутренняя сила православія

Digitized by Google

съ сознаніемъ русской народности. Польское духовенство не побоялось вступить въ борьбу противъ этихъ силъ, но одолѣть ихъ не могло. Эта неравная борьба, въ которой побѣда осталась не на сторонѣ нападающаго, показываетъ такую громадную, такую неодолимую силу сопротивленія, какой въ исторіи невидано. И мудрено рѣшить, православная ли вѣра въ этой пятивѣковой борьбѣ спасла русскую народность, или русская живучая народность спасла православіе. Безпристрастный историкъ вынужденъ будетъ признать эти два элемента нераздѣльными, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ люди пограничные съ польскою народностью смѣшиваютъ названіе католика съ названіемъ поляка. По тому же самому у насъ въ народѣ наша вѣра называется просто русскою.

Пока тѣ ксендзы дѣлали свое дѣло, паны развивали свою свободу на счетъ государственной цѣлости. Они не хотѣли знать первыхъ словъ общественной азбуки, состоящихъ въ томъ, что всякое общество, всякое государство требуетъ отъ каждаго изъ своихъ членовъ извѣстной жертвы, безъ которой никакая связь невозможна. Каждый изъ членовъ долженъ отказаться отъ нѣкоторой доли своей свободы и своей самостоятельности въ пользу своихъ сочленовъ. А паны, съ тѣхъ поръ какъ королевство сдѣлалось избирательнымъ, мало по малу постарались избавить себя отъ всѣхъ обязательствъ налагаемыхъ общественною жизнью. Каждый магнатъ, каждый панокъ, каждый шляхтичъ сдѣлался въ своемъ кругу неограниченнымъ властелиномъ, уступавшимъ только силѣ. И любопытно читать произведенія польскихъ беллетристовъ, картинно описывающихъ счастливыя времена польской независимости.

Представляется напримѣръ какой нибудь князь Опустовскій, живущій въ своемъ замкѣ, на Волыни. Дворня его или дворъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дворянъ и отряда изъ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ въ мирное время и нѣсколькихъ тысячъ во время войны; всѣ они, разумѣется, чистой дворянской крови. Ежедневный, домашній обиходъ такого магната приводилъ въ остолбененіе заѣзжихъ иностранцевъ, а если давался пиръ, то при этомъ развертывалась размашистая славянская натура такъ широко, будто князь совсѣмъ сходилъ съ ума. Для освѣщенія пути гостей, напр., зажигались цѣлые лѣса или, — что было гораздо сподручнѣе,—зажигались деревни, стоявшія близъ дороги. И почтенные гости хвалили умѣнье хозяина блестящимъ образомъ принять и угостить родовитыхъ пановъ. Какой нибудь бѣднякъ владѣющій только сотнею или двумя крестьянъ, не знаетъ какъ вывести въ люди сына и добивается чести опредѣлить сына къ ясновельможному князю. И вотъ, — мы разсказываемъ планъ не одного романа, а смѣсь можетъ быть нѣсколькихъ

Digitized by Google

польскихъ романовъ, стараясь сохранить только общій духъ этихъ произведеній, въ которыхъ авторъ относится къ предмету съ истиннымъ, непритворнымъ благоговѣніемъ;—и вотъ является къ магнату молодой, прекрасный собою шляхтичь, верхомъ на великолѣпнѣйшемъ турецкомъ конѣ, который достался старику отцу его въ послѣднемъ сраженіи противъ невѣрныхъ, когда «польскія сабли писали свои лѣтописи на спинахъ непріятелей». Старикъ убилъ своею рукою семнадцать враговъ во славу польскаго оружія и между прочимъ одного пашу, и этимъ повернулъ счастье на свою сторону: сраженіе было выиграно, *ойчизна* спасена, а старый сотникъ воспользовался неоцѣненнымъ конемъ паши. Безконечно скромный сотникъ считалъ себя совершенно достаточно награжденнымъ однимъ уже сознаніемъ свято исполненнаго долга. Чтобы пріобрѣсти сыну благосклонность князя, онъ рѣшился подарить ему своего драгоцѣннаго коня, за котораго Потоцкій предлагалъ баснословную сумму; но продажа не состоялась, потомучто старикъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ единственнымъ трофеемъ.

Князь Ошустовскій, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, съ просѣдью, «обладалъ величавою наружностью, важными и нѣсколько торжественными манерами, и взглядомъ, обличавшимъ привычку повелѣвать безпрекословно.» Князь сначала отказывается отъ безцѣннаго коня, но потомъ, послѣ нѣсколькихъ звонкихъ фразъ юнаго шляхтича, чтобы не обидѣть старика, соглашается принять приношеніе, невольно замѣчая, что такому сокровищу приличнѣе стоять въ его княжескихъ конюшняхъ, нежели въ лачугѣ стараго сотника. Шляхтичь поступаетъ ко двору ясновельможнаго патрона. Далѣе онъ отличается въ двѣнадцати сраженіяхъ противъ казаковъ, которые конечно, никогда не осмѣливаются противупоставить полякамъ серьознаго сопротивленія и бѣгутъ. Потомъ происходитъ такое стеченіе обстоятельствъ, среди которыхъ князь, патронъ «нашего героя», едва не лишается жизни, и спасается только благодаря неслыханной неустрашимости и невѣроятному присутствію духа героя.

У князя, разумѣется, дочь, прелестное существо, созданное для любви, нѣжныхъ словъ и разныхъ пріятностей. Герой давно вздыхаетъ, и она давно примѣтила его среди многочисленной дворни. А князь, не подозрѣвая возможности нѣжныхъ чувствъ, уже обѣщалъ руку дочери князю Хлописко. Цѣлый рядъ сценъ у фонтана, на охотѣ, на балѣ; герой спасаетъ княжну; герой спасаетъ жениха своей возлюбленной, хотя могъ бы отдѣлаться отъ него весьма удобно, только оказавъ нѣсколько менѣе великодушія, самоотверженія и презрѣнія ко всевозможнымъ опасностямъ. Доходитъ дѣло до того, что старый сотникъ, тронутый тоскою своего

Digitized by Google

сына, рѣшается явиться къ князю и робко сдѣлать предложеніе. Сцена. Князь оскорбленъ въ своихъ магнатскихъ предразсудкахъ. Романистъ, съ своей стороны, увѣряетъ читателя, что княжеская корона — статья не слишкомъ важная, въ сравненіи съ обще-шляхетскою родовитостью, и что благородство души до нѣкоторой степени можетъ замѣнить знатность рода. Князь Хлописко клянется заткнуть въ горло юному шляхтичу его дерзкое предложеніе, но потомъ вспоминаетъ, что онъ обязанъ герою жизнью, и — происходитъ внутренняя борьба. Интересъ романа возрастаетъ; романистъ оказываетъ весьма похвальное стараніе и запутываетъ дѣло, на сколько хватаетъ смѣлости. Объявлена война. Походъ. Битва. «Панна плачетъ и тоскуетъ, онъ колѣна ей цѣлуетъ...» Князь Хлописко взятъ въ плѣнъ турками. Герой на полѣ сраженія спасаетъ отчизну и еще разъ спасаетъ своего будущаго тестя. Возвращеніе на родину. Завтра назначена свадьба; первый женихъ, выкупленный изъ плѣна, является требовать невѣсты. Отецъ ея совѣтуетъ герою похитить героиню въ туже ночь и обвѣнчаться въ ближайшемъ костелѣ. «Такъ все исполняется на дѣлѣ.» Сцена притворнаго гнѣва князя Ошустовскаго, и настоящаго гнѣва князя Хлописко. Сцена примиренія и пышныя фразы на счетъ благородства души и возвышенныхъ чувствъ. Эпилогъ: герой получаетъ мѣсто маршалка или старосты и удивляетъ публику умѣньемъ жить, великодушными поступками и двумя прелестными дѣтьми, составляющими лучшее украшеніе его пышнаго жилища.

Понятно, что на такую развязку рѣшится какой нибудь беллетристъ радикалъ, потомучто болѣе естественный исходъ изъ всѣхъ затрудненій состоитъ въ томъ, что герой убитъ въ сраженіи съ турками и умирая что-то страстно цѣлуетъ и произноситъ какое-то имя. Понятно само собою, что это имя было имя его возлюбленной, а предметъ страстныхъ поцѣлуевъ — цвѣтокъ, полученный у фонтана. При этомъ извѣстіи княжна въ присутствіи отца и жениха падаетъ въ обморокъ. Эпилогъ: женское сердце, созданное «конецъ концовъ» для любви, а не для вѣчныхъ вздоховъ, дѣлаетъ изъ княжны Ошустовской княгиню Хлописко и производитъ двухъ ангеловъ-младенцовъ, предназначенныхъ судьбою для украшенія страницъ отечественныхъ лѣтописей. Дѣйствительно, одинъ былъ впослѣдствіи старостой львовскимъ, маршалкомъ тарковскимъ и грозою казаковъ, а другой сдѣлался генераломъ ордена іезуитовъ.

Изъ всѣхъ лицъ тутъ всего любопытнѣе самъ современный беллетристъ, его поклоненія передъ пышной или заносчивой фразой и его отношенія къ разсказаннымъ происшествіямъ. Къ величію магната и его неограниченной власти надъ дворней и хлопами, къ его неизмѣннымъ богатствамъ и

Digitized by Google

великолѣпнымъ пиршествамъ польскій романистъ чувствуетъ самое искреннее благоговѣніе; онъ находитъ въ высшей степени справедливымъ, чтобъ молодой человѣкъ чистой дворянской крови дѣлалъ карьеру не иначе, какъ поступая сначала въ конюшіе или кравчіе къ магнату. Не довольствуясь представленіемъ этого, какъ факта, противъ котораго ничего не подѣлаешь, онъ считаетъ его очень хорошимъ и не находитъ возможности ничего сказать противъ. Суевѣрное уваженіе англичанина къ своимъ лордамъ ничего не значитъ въ сравненіи съ неограниченнымъ благоговѣніемъ поляковъ къ своимъ магнатамъ, хотя заслуги тѣхъ и другихъ передъ народомъ неизмѣримо различны. Первые сдѣлали много для своего народа, вторые сдѣлали противъ народа все что могли. Въ понятіяхъ истиннаго поляка все то хорошо что дѣлаетъ магнатъ. Какъ наши старинные дворовые (которыхъ теперь уже нѣтъ, если они не хранятся гдѣ нибудь въ музеумахъ) они съ умиленіемъ разсказываютъ о чрезвычайной пышности такого-то князя или такого-то графа, говорятъ, что усадьба была цѣлымъ городомъ, что у такого-то князя дворецкимъ былъ воевода и получалъ семь тысячъ злотыхъ жалованья за то только, что два раза въ годъ являлся предъ князя, а другой какой-то сумасшедшій магнатъ ѣздилъ на четверкѣ ручныхъ медвѣдей. У нашихъ старинныхъ дворовыхъ хвастовство барскими богатствами и причудами прошло, потомучто это было результатомъ личныхъ отношеній, а у поляковъ пройти не могло, потомучто это была сама исторія. Наши бары исторіи не дѣлали; у насъ исторія дѣлалась съ одной стороны народомъ, а съ другой правительствомъ. Въ Польшѣ, напротивъ, народъ и правительство въ исторіи не участвовали; тамъ отъ конца XVI вѣка вплоть до нашего времени сущность исторіи заключалась въ развитіи самостоятельности каждаго пана отдѣльно, съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ всѣхъ общихъ интересовъ. Въ то время, когда въ цѣлой Европѣ элементъ личный уступалъ общественному и государственному, олицетворенному въ королевской власти, въ Польшѣ королевская власть слабѣла и образовывалось столько же королей, сколько было землевладѣльцевъ; они были деспотами въ своихъ владѣніяхъ болѣе неограниченными чѣмъ западные короли въ родѣ Людовика XIV. Если онъ могъ сказать: «государство — это я», то каждый магнатъ съ точно такою же справедливостью могъ сказать: «Польша — это я». Понятно само собою, что при высшей степени торжества личнаго элемента передъ общественнымъ, распадалась община безъ всякаго посторонняго насилія, государство умирало своею естественною смертью. Польша перестала бы существовать и безъ знаменитыхъ раздѣловъ.

Безпристрастные поляки соглашаются съ этимъ, потомучто не согласить-

Digitized by Google

ся невозможно и спорить противъ логики нельзя даже во имя любви къ отечеству. Но въ то же время они утверждаютъ, будто бы Польша могла быть еще спасена конституціею 3 мая 1791 года. И это отчасти правда. Польша могла бы быть спасена конституціею 3 мая, *еслибы не было слишкомъ поздно*. Партія передовыхъ людей подъ предводительствомъ Чарторижскихъ на сеймѣ, тянувшемся цѣлые четыре года, доказала несомнѣнно, что liberum veto, право каждаго отдѣльнаго члена сейма отвергать постановленіе, принимаемое всѣми остальными, — губитъ Польшу; что право составлять конфедераціи, вооруженною рукою сопротивлявшіяся постановленіямъ сейма—не менѣе гибельны; что избирательность польскаго престола вредитъ общему дѣлу и слѣдуетъ его сдѣлать наслѣдственнымъ. Тутъ сеймъ договорился до правды. Онъ призналъ полезнымъ отреченіе каждаго члена общества отъ нѣкоторой доли своей свободы, ради общаго блага. Поляки отрекались отъ права отвергать постановленія большинства, соглашались рѣшать вопросы не единогласно, а по большинству голосовъ: уступка весьма естественная, но въ ту пору казавшаяся большою жертвой. Такъ 3 мая 1791 г. сеймъ принялъ новую конституцію: liberum veto уничтожено, конфедераціи запрещены, польскій престолъ обращенъ въ наслѣдственный въ домѣ саксонскаго курфирства (помимо тогдашняго польскаго королевскаго дома), ограждена неприкосновенность шляхетскихъ правъ, право избранія депутатовъ распространено и на горожанъ не шляхетскаго происхожденія, и наконецъ сельское населеніе принято подъ покровительство закона, обезпечившаго его личную свободу.

Но было уже поздно. Въ маѣ мѣсяцѣ 1791 года давнымъ давно уже не существовала самостоятельность Польши, хотя въ тоже время процвѣтала и дошла до высшей своей степени самостоятельность и независимость каждаго пана отдѣльно. Ежели трудно бываетъ сохранить принадлежащее, то несравненно труднѣе сберечь колеблющееся, а возвратить потерянное—становится почти невозможнымъ; польская же независимость была потеряна давно.

На слѣдующій годъ послѣ вступленія на престолъ молодой императрицы Екатерины умеръ (въ октяб. 1763 г.) польскій король Августъ III. Магнаты съѣхались каждый съ своею дворней и съ вооружонными отрядами. Оказалось двѣ главныя партіи: съ одной стороны графъ Климентъ Браницкій и Радзивилъ, а съ другой князья Чарторижскіе и молодой графъ Понятовскій, сынъ ихъ сестры. Первые во что бы ни стало держались старинныхъ шляхетскихъ вольностей, католической вѣры и древнихъ обычаевъ, то есть жертвовали государствомъ для своихъ личныхъ неограниченныхъ правъ. Вторые, болѣе образованные люди, и лучше по-

Digitized by Google

нимавшіе выгоды отечества, желали перемѣнъ и именно почти всѣхъ тѣхъ, которыя утверждены были потомъ, черезъ 20 лѣтъ, конституціею 3 мая. Такъ какъ Польша давно потеряла самостоятельность, такъ какъ на выборы короля давно имѣли вліяніе иностранныя державы, то и на этотъ разъ обѣ партіи обратились къ чужой помощи: Браницкій къ Франціи, а Чарторижскіе къ Россіи. Вопросъ стало быть заключался въ томъ чей кандидатъ будетъ избранъ: русскій или французскій. Вскорѣ явилась французская декларація, въ которой выражалось ручательство въ полной свободѣ поляковъ. Браницкій торжествовалъ, а Чарторижскіе обратились къ Россіи съ просьбою ввести войска въ Варшаву. Русскій посланникъ Кейзерлингъ былъ въ этотъ день болѣнъ и прислалъ свою рѣчь на бумагѣ: онъ предлагалъ въ короли графа Станислава Понятовскаго, который и былъ провозглашенъ почти единодушно. Понятное дѣло, что въ то время, далеко до перваго раздѣла, Польша не была уже самостоятельнымъ государствомъ, хотя и считалась еще независимою. Но люди, которые кричатъ о «преступленіи, совершонномъ раздѣлами», дѣлаютъ видъ будто не знаютъ какъ происходило все дѣло.

За тридцать лѣтъ до этого избранія Понятовскаго, происходилъ выборъ его предшественника, Августа III, и почти точно такъ же. Франція съ епископомъ гнѣзненскимъ, Потоцкимъ, желала избранія Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV, а Россія и Австрія желали видѣть на польскомъ престолѣ курфирста саксонскаго; того же самаго желалъ литовскій канцлеръ Вишневецкій. Пренія на выборахъ дошли до пушекъ, но такъ какъ результатъ кровопролитныхъ выборовъ былъ не рѣшителенъ, то Вишневецкій пригласилъ русскія войска въ Варшаву. Правленіе Августа III, этой несчастной тѣни государя, замѣчательно тѣмъ, что въ его царствованіе во всѣ тридцать лѣтъ состоялось только одно сеймовое опредѣленіе, только одинъ разъ сеймъ единогласно принялъ предложенную и надлежащимъ образомъ измѣненную мѣру; только одинъ разъ не нашлось ни одного шляхтича, который захотѣлъ бы поломаться и показать, что у него есть «гонъ ръ» «кавалъ» желѣзо и liberum veto, то есть неограниченный произволъ воспротивиться волѣ цѣлой націи, своимъ несогласіемъ остановить движеніе впередъ цѣлаго народа. Такой порядокъ вещей совершенно равняется отсутствію какого бы то ни было правительства; это было даже не федерація, а только жительство многихъ отдѣльныхъ, независимыхъ одинъ отъ другого деспотовъ.

Между поляками и ихъ всепокорнѣйшими учениками есть любители, которые силятся доказать, будто эти тридцать лѣтъ правленія Августа III и были счастливѣйшимъ временемъ Польши, на томъ основаніи, что

Digitized by Google

правительство менѣе давало себя чувствовать. Это было бы весьма справедливо, еслибы въ самомъ дѣлѣ въ королевствѣ польскомъ было очень мало правительства. Но въ дѣйствительности правителей, и самыхъ неограниченныхъ, было слишкомъ много. Сто или полтораста магнатовъ были въ самомъ дѣлѣ свободны; но все остальное населеніе края принуждено было ползать передъ ясновельможными и вполнѣ зависѣло отъ ихъ необузданнаго произвола. Длинный рядъ годовъ среди такихъ порядковъ составилъ для поляковъ привычку, вторую натуру; умѣнье приноравливаться къ обстоятельствамъ, умѣнье льстить, уступать, вѣжливо обращаться и гдѣ можно угнетать самымъ скирѣпымъ образомъ. Но объ этомъ послѣ.

Дѣло пакамѣстъ въ томъ, что въ Польшѣ правительства не было никакого съ самаго начала прошлаго столѣтія, что не было единства, цѣлости государственной. Польша отходила, кончалась естественною смертью; но ей помѣшали умереть, потревожили. Шла рѣчь о диссидентахъ, то есть обо всѣхъ польскихъ подданныхъ не католикахъ, которые давно жаловались на страшныя притѣсненія. Въ этомъ, и только въ этомъ выражалось единство, цѣлость и направленіе Польши, потомучто если какія дѣла и дѣлались, то исключительно только проистекавшія изъ непосредственныхъ распоряженій духовенства. Основываясь на точномъ смыслѣ договоровъ, диссиденты просили возвращенія церквей и кладбищъ, отнятыхъ католиками, просили права свободно отправлять свое богослуженіе и права занимать разныя должности на государственной службѣ. Императрица приняла участіе въ страданіяхъ православныхъ и заявила это черезъ своего посланника Репнина, посланнаго въ 1764 году въ помощь Кейзерлингу. Онъ долго не могъ ничего сдѣлать противъ единственной сильной тогда партіи, духовенства. Наконецъ онъ склонилъ на свою сторону партію патріотовъ, ненавидѣвшихъ Чарторижскихъ и родственника ихъ, короля. Во главѣ этой партіи сталъ Радзивилъ, устроилась конфедерація, въ помощь которой наши войска опять вступили въ Польшу и въ самую Варшаву. Но партія Радзивила ничего не успѣла сдѣлать въ пользу православныхъ на сеймѣ 1767 года, потомучто весь сеймъ состоялъ изъ католиковъ. Репнинъ терпѣлъ пораженіе. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ блистательныхъ вельможъ, которые получили хорошій европейскій лоскъ въ заграничныхъ путешествіяхъ, заимствовали манеры у французскихъ придворныхъ, и играли въ обществѣ самую видную роль. Сверхъ того онъ наслушался разныхъ пріятныхъ вещей отъ пановъ и паннъ, былъ хорошо принятъ при дворѣ прусскаго короля и въ милости у императрицы. Но подъ лоскомъ образованности у него сохранилась

Digitized by Google

пламенная, порывистая натура, характеръ страстный, увлекающійся и рѣшительный. Видя свою неудачу, терпя пораженіе на сеймѣ, Репнинъ схватилъ четырехъ важнѣйшихъ противниковъ своихъ и сослалъ ихъ въ Россію. Въ ту же минуту сеймъ присмирѣлъ, уступилъ и возстановилъ политическія и религіозныя права дисидентовъ.

Вслѣдъ за ударомъ, духовенство дѣятельно принялось за свои происки, одушевленное непримиримою ненавистью противъ православія.

Такъ произошло раздраженіе, нарушившее спокойное умиранье Польши. Ксендзы пустили въ ходъ всѣ бывшія въ ихъ рукахъ пружины, и въ слѣдующемъ году въ мѣстечкѣ Барѣ, въ Подоліи, шляхтичъ Пулевскій съ четырьмя сыновьями и мелкою шляхтой взялся за оружіе. Конфедераты клялись своею жизнью защищать латинскую вѣру, оскорбленную постановленіемъ сейма. Такъ какъ съ организаціею польскаго духовенства трудно сравниться всякой другой правильно организованной силѣ, то не удивительно, что по всей Польшѣ ксендзы согласно и успѣшно раздували пламя. Понемногу къ Барской конфедераціи начали присоединяться магнаты; во многихъ мѣстахъ наши отряды были разбиты; уничтоженъ былъ и отрядъ, высланный изъ Варшавы отъ другой конфедераціи, возникшей подъ вліяніемъ Репнина. Такъ подъ вліяніемъ духовенства началась война за спасеніе латинской вѣры. Но ксендзы, начавшіе войну, сдѣлали свое дѣло; разжигать, раздражать, раздувать страсти, плакать о погибели латинства—вотъ что они считали своею обязанностью. Но затѣмъ въ войнѣ требовалось знаніе военнаго искуства; этого они требовали отъ своихъ прихожанъ и устранялись отъ прямаго участія въ кровопролитіяхъ. А какъ только руководители отстранялись, такъ между исполнителями являлись споры и несогласія. Причина этихъ несогласій заключается въ томъ же чрезмѣрномъ развитіи личнаго начала въ ущербъ общественному. Каждый хотѣлъ вести войну посвоему, и ни одинъ не рѣшался принести въ жертву общему дѣлу свое неограниченное право: распоряжаться судьбами Польши по своему собственному произволу.

Тогда Польша не была еще раздѣлена, а Россія не была еще такъ сильна, какъ теперь; однако же и нераздѣленная Польша не думала бороться одна, потомучто уже не имѣла политическаго единства и самостоятельности; она бросилась искать чужой помощи. Графъ Красинскій, онъ же епископъ каменецкій, поѣхалъ во Францію, и прямо говорилъ тамъ: «я пріѣхалъ въ Версаль, чтобы бросить Польшу въ объятія Франціи.» Такъ съ тѣхъ поръ Польша все бросается въ объятія Франціи, но ничего изъ этого не выходитъ: для заключенія этихъ объятій надо протянуться черезъ всю Германію. Итакъ, поляки хлопотали не о совершен-

Digitized by Google

ной независимости, а только о томъ, чтобы изъ-подъ покровительства одной державы ускользнуть подъ покровительство другой, но тоже католической. Французскій офицеръ, тайно посланный въ Польшу съ денежною помощью конфедератамъ, пишетъ, между прочимъ: «Проѣхавъ нѣсколько городовъ и мѣстечекъ, я все никакъ не могъ получить никакихъ свѣдѣній о конфедератахъ, и наконецъ, въ Станиславовѣ случайно встрѣтился съ людьми графа Потоцкаго, принадлежавшаго къ конфедераціи. Они знали, что ихъ господинъ, послѣ неудачнаго сраженія, направился къ Снятину, но не полагали, чтобы онъ могъ тамъ остановиться. Куда же онъ могъ направиться дальше, я никакъ не могъ развѣдать, потомучто сообщеніе между ближайшими мѣстами чрезвычайно трудно, а конфедераты отступаютъ передъ московитами съ необыкновенною быстротою. Даже не отступаютъ и не бѣгутъ, а просто улетучиваются и исчезаютъ.»

Еслибы не было достовѣрно, что французскій агентъ де-Толесъ жилъ и писалъ въ прошломъ столѣтіи, то можно было бы подумать, что онъ искалъ въ Польшѣ повстанцевъ во второй половинѣ 1863 года.

Этотъ агентъ имѣлъ порученіе удостовѣриться въ силахъ конфедератовъ и отдать имъ французскія деньги въ такомъ только случаѣ, если можно будетъ надѣяться, что эта помощь принесетъ какую нибудь пользу конфедераціи и вредъ Россіи. Но онъ не могъ отдать денегъ, потомучто вмѣсто тридцатитысячнаго войска нашолъ только безпорядочныя толпы, числомъ до двухъ тысячъ; за то видѣлъ Потоцкаго и Красинскаго и слышалъ отъ нихъ пышныя фразы. Спрашивалъ онъ у предводителей, гдѣ же у нихъ та артилерія, о которой накричали во Франціи; но они не могли показать ему ни одной пушки; просилъ, чтобы ему показали сколько нибудь войска, но ничего не видалъ, и изъ занимаемаго главною квартирою конфедераціи мѣстечка едва успѣлъ уѣхать, потомучто русскіе приблизились тутъ къ конфедератамъ и навели такой ужасъ, что никто не схватился за оружіе, а всѣ бросились къ возамъ и бѣжали за турецкую границу, къ Хотину. «Только и слышны были проникнутые ужасомъ крики: москали! москали! Дѣло было ночью, московиты были всего на разстояніи четверти мили отъ мѣстечка; поляки погасили всѣ огни, чтобы московиты не направились прямо на нихъ, и тутъ произошла сцена неслыханнаго безпорядка, смущенія и ужаса...» Такъ и кажется, что писано не 96 лѣтъ тому назадъ, а нынче.

До крайности плохо шли дѣла конфедератовъ; немногочисленный, но хорошо дисциплинированный русскій отрядъ занималъ Варшаву; нѣсколько другихъ отрядовъ гонялись по лѣсамъ за шайками, отстаивая постановленіе сейма о правахъ диссидентовъ, особенно православныхъ. Разбиваемые

Digitized by Google

конфедераты собирали новыя силы, въ особенности на Волыни, въ Подоліи и кіевскомъ воеводствѣ. Тамъ землевладѣльцы и прочая шляхта шли въ свои отряды съ криками: «смерть схизматикамъ!» и въ самомъ дѣлѣ, когда руки расходились, члены барской конфедераціи, и въ особенности маршалокъ Пулавскій, во имя латинства, убивали, сажали въ тюрьмы православныхъ священниковъ, разоряли ихъ дома. Женщинъ, дѣвицъ, дѣтей православныхъ терзали, и отъ мужей и братьевъ своихъ не отставали польскія паны. Болѣе мягкія сердцемъ, стало-быть болѣе способныя всею душою принимать религіозную проповѣдь и предаваться ея вліянію, онѣ всѣми мѣрами старались обращать православныхъ въ латинство, и для этой «святой» цѣли не останавливались ни передъ пытками, ни передъ всевозможными истязаніями схизматиковъ. Пулавскій пришолъ съ полкомъ въ чигиринское староство склонять народъ къ латинству, и не ожидалъ сопротивленія. Но чаша переполнилась. Монастырскій послушникъ Максимъ Желѣзнякъ собралъ охотниковъ, получилъ благословеніе отъ чигиринскаго архимандрита Мельхиседека и *Золотую грамоту*, призывавшую народъ къ защитѣ православія. Дѣйствительно, грамота была написана золотыми буквами.

Наконецъ благодаря стараніямъ Франціи Порта объявила Россіи войну, чтобы отвлечь наши силы отъ Польши. Подвиги Румянцова извѣстны, точно такъ-же, какъ и знаменитая чесменская побѣда Орлова. Но въ Польшѣ все-таки оставалось довольно нашихъ силъ, чтобы держать конфедератовъ въ очень стѣсненномъ положеніи. Тогда французскій дворъ, дѣйствуя противъ Россіи въ Турціи, рѣшился дѣйствовать болѣе энергически и въ Польшѣ: онъ послалъ знаменитаго впослѣдствіи Дюмурье съ 60 офицерами, чтобы принять начальство надъ конфедератами и доставить имъ денежную помощь, съ обѣщаніемъ присылки ежемѣсячно шести тысячъ дукатовъ. Дюмурье засталъ конфедератовъ въ ссорѣ между собою; но въ тоже время они были заняты карточною игрою, попойками и женщинами. «Все войско ихъ,— писалъ онъ — состояло изъ шестнадцати тысячъ человѣкъ и раздѣлено было на восемь или десять отрядовъ съ совершенно самостоятельными начальниками, которые дѣйствовали каждый самъ по себѣ, безъ общаго плана, ссорились между собою, иногда между собою дрались и никогда другъ другу не довѣряли. Всѣ отряды были конные, все народъ благородный, дворяне равные другъ другу, безъ всякой дисциплины, съ дурнымъ вооруженіемъ; ни пушекъ, ни пѣхоты не было въ поминѣ.» При Дюмурье дѣйствія конфедератовъ оживились, но наконецъ русскіе одержали рѣшительную побѣду и французскій командиръ едва ушолъ съ бумагами своего правительства. Конфедераты положили свергнуть польскаго короля и поса-

Digitized by Google

дить на его мѣсто другого; французскій дворъ прочилъ на эту вакансію своего родственника. Австрія и Пруссія рѣшились не допускать этого и поддержать Станислава Понятовскаго всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда открылись переговоры о первомъ раздѣлѣ Польши. Для Россіи раздѣлъ не представлялъ особенныхъ выгодъ. Со временъ Петра I Россія имѣла неограниченное вліяніе на дѣла Польши; по городамъ польскимъ были устроены постоянные военные магазины наши; при всякой малѣйшей ссорѣ наши войска были приглашаемы то одною, то другою польскою партіей, такъ что находились тамъ почти безвыходно; русскіе уполномоченные въ Варшавѣ распоряжались дѣлами по всей своей волѣ и прямо требовали отъ короля повиновенія повелѣніямъ русской императрицы, и ихъ требованія исполнялись. De facto вся Польша подчинена была Россіи, и не только при Станиславѣ Понятовскомъ, но и при обоихъ Августахъ, курфистахъ саксонскихъ.

Нѣмецкіе сосѣди были испуганы успѣхами нашими въ Турціи. Екатерина могла требовать себѣ завоеванныхъ Молдавіи и Валахіи; она требовала отдѣленія отъ Турціи Крыма; Россія разросталась не по днямъ, а по часамъ, вступая въ свои естественныя границы; да еще въ добавокъ она имѣла неограниченное вліяніе въ Польшѣ. Всего этого было слишкомъ много, и нѣмецкіе сосѣди обезпокоились. Съ ихъ стороны были еще прямыя причины желать раздѣла. Для Прусіи необходима была полоса польской земли, которая раздѣляла прускія владѣнія на двѣ части, и въ тоже время заключала въ себѣ весьма важные для Прусіи торговые центры: Данцигъ и Торнъ. Эта полоса сама улыбалась королю-философу: ему то Польша и обязана разработкою первой мысли о раздѣлѣ. Онъ писалъ императрицѣ Екатеринѣ 2 марта 1771 года: «Австрія овладѣла однимъ польскимъ округомъ (графство Ципсъ, окруженное со всѣхъ сторонъ австрійскими землями) и уже конечно никогда не возвратитъ его, то не лучше-ли будетъ Россіи и Пруссіи послѣдовать ея примѣру и пріобрѣсти тоже земли? Россіи все равно, откуда ни получить вознагражденіе за турецкую войну, а такъ какъ война начата по проискамъ Польши, то всего справедливѣе съ нея и взять удовлетвореніе.» Очень долго императрица не соглашалась на раздѣлъ, такъ какъ онъ былъ слишкомъ невыгоденъ для насъ; но потомъ политика прусскаго короля-философа и австрійскаго министра Кауница одержали верхъ. Для Австріи весьма было важно не дать Россіи усилиться на счетъ Турціи, особенно на устьяхъ-Дуная; требованіе отдѣленія отъ Турціи Крыма казалось достаточнымъ вознагражденіемъ за торжество русскаго оружія надъ турецкимъ а императрица Ека-

Digitized by Google

терина объявила еще, что она удержитъ за собою и Молдавію съ Валахіею на 25 лѣтъ, въ вознагражденіе за военныя издержки. Противъ такихъ притязаній, казавшихся чрезмѣрными, Австрія и Прусія рѣшилась на раздѣлъ, признавая, что пора, что надобно не давать Россіи слишкомъ усиливаться. Въ тоже время Пруссія не хотѣла давать вѣсамъ слишкомъ перетянуть на сторону Австріи, а съ своей стороны Австрія, послѣ потери Силезіи, завоеванной королемъ прусскимъ, боялась усиленія Прусіи.

Операціи, предшествовавшія раздѣлу, имѣли видъ военныхъ дѣйствій, направленныхъ прямо противъ Россіи и русскихъ войскъ, фактически владѣвшихъ Польшей. Прусскій король подъ предлогомъ какой-то воображаемой чумы перевелъ свои войска черезъ польскую границу и всякій день понемногу подвигалъ ихъ впередъ; а между тѣмъ у себя въ тылу, въ польскихъ городахъ, устроивалъ военные магазины. Онъ подвигался къ Варшавѣ, занятой нашими войсками. Съ австрійской стороны точно также сдвигались войска, дѣлались запасы, и отъ времени до времени раздавались осторожныя, облеченныя въ самыя тонко-вѣжливыя дипломатическія формы, угрозы войны, въ случаѣ если Россія не согласится возвратить Турціи завоеванныя земли и принять вознагражденіе въ другомъ мѣстѣ. А наряду съ тонкими угрозами стояли деликатныя обѣщанія способствовать заключенію мира съ Турціей. Утомленная турецкою войною, стараясь избѣжать новой войны съ нѣмецкими сосѣдями, императрица согласилась на раздѣлъ для насъ неособенно выгодный, и тѣмъ уже опасный, что онъ пробуждалъ умирающую Польшу, оттягивалъ ея умиранье на неопредѣленный срокъ продолжительной агоніи, мучительной для нея и вредной для сосѣдей.

25 іюля 1772 года подписанъ въ петербургѣ договоръ, по которому къ Россіи отошла Бѣлоруссія, къ Австріи — Галиція, къ Прусіи — Померанія. Польскій сеймъ послѣ бурныхъ споровъ согласился на это, а союзники обязались не трогать остальныхъ областей польской республики, съ тѣмъ, чтобы поляки держались своей прежней конституціи и уважали права польскихъ подданныхъ не католиковъ. Россія взялась охранять этотъ порядокъ.

Выше мы говорили о тѣхъ перемѣнахъ, какія произведены были новымъ уложеніемъ 3 мая 1791 года, подъ вліяніемъ Чарторижскихъ. Но Потоцкій, Ржевускій, Косаковскій и другіе магнаты не соглашались съ новымъ уложеніемъ, считали его порожденіемъ демократовъ, которые посягаютъ на привилегіи дворянства и на старую польскую свободу. Они просили помощи Россіи. Образовалась конфедерація въ Тарговицѣ; русскія войска двинулись на помощь ей и старому законному порядку, за прочность котораго ручалась императрица Екатерина. Съ другой стороны вступили прусскія войска.

Digitized by Google

Произошолъ второй раздѣлъ, а за нимъ черезъ два года и третій, послѣ котораго Польша вовсе перестала существовать въ видѣ самостоятельнаго государства, если считать самостоятельностью девяностопятилѣтнюю ближайшую опеку Россіи.

Эти раздѣлы жестоко растолкали, расторкошили летаргическій сонъ шляхетства, потомучто въ бытѣ народа не произошло никакихъ перемѣнъ. Для народа, никогда не принимавшаго участія въ жизни своего государства, все равно было какъ себя чувствуютъ въ политическомъ отношеніи магнаты. Но для высшаго сословія потерять право шумѣть на сеймахъ, а для шляхты потерять доходъ отъ продажи своихъ голосовъ на сеймикахъ — было тяжело; въ первомъ случаѣ дѣло шло о гонорѣ, а во второмъ — прямо о хлѣбѣ насущномъ. Народъ былъ загнанъ, забитъ, разоренъ до такой степени, что едва дышалъ. До послѣдняго раздѣла существовалъ законъ, опредѣлявшій за убійство хлопа штрафъ въ 10 дукатовъ. По этому можно судить въ какомъ положеніи были крестьяне, о которыхъ конституція 3 мая 1791 года, однако позаботилась: объявила ихъ подъ покровительствомъ закона. До того времени въ прославленной вольностями своими Польшѣ собственно народъ не имѣлъ никакихъ правъ, не пользовался даже покровительствомъ закона. Стало-быть по настоящему подверглись раздѣлу только владѣнія магнатовъ, при чемъ нѣкоторыя очутились въ Австріи, другія въ Прусіи, третьи въ Россіи, а сама Польша перестала быть самостоятельною еще за 99 лѣтъ до послѣдняго раздѣла.

Самая мысль о раздѣлѣ могла явиться только по случаю земли, созрѣвшей для раздѣла. Никому же не приходитъ въ голову произвести раздѣлъ Прусіи, или Англіи, или хоть Швеціи, или Швейцаріи. Гнилое шляхетство доказало свое неумѣнье устроить государственный бытъ. При значительной массѣ вольностей, которыми пользовались магнаты, рабство процвѣтало, и тысячи деспотовъ не хотѣли знать никакого закона, кромѣ своего произвола. Понятно само собою, что не вольности, а деспотизмъ шляхты погубилъ Польшу.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ послѣдняго раздѣла произошолъ еще одинъ припадокъ жизни Польши, когда Наполеонъ актомъ тильзитскаго міра основалъ новое герцогство Варшавское съ государемъ Фридрихомъ Августомъ саксонскимъ. Это герцогство тянулось пять лѣтъ и было лишь одною изъ предѣлокъ наполеоновской завоевательной политики. Новая Польша, составленная изъ частей, отнятыхъ отъ Прусіи и отъ Австріи, несла тягости наравнѣ съ другими землями, подчиненными владычеству Наполеона: война, конскрипція и континентальная система разорили ее въ конецъ. За то она имѣла утѣшеніе въ томъ,

Digitized by Google

что принимала участіе въ славныхъ подвигахъ своего славнаго покровителя: польскіе солдаты умирали въ Австріи, умирали въ Италіи, за что границы Варшавскаго герцогства были расширены къ югу, присоединеніемъ западной части Галиціи, дѣйствительно населенной поляками. Это послѣднее обстоятельство дало толчокъ польскому національному чувству, и при Наполеонѣ, который знать ничего нехотѣлъ ни о какихъ національностяхъ и передѣлывалъ карту Европы каждые два года, или чаще, смотря по тому, какъ вздумается, поляки мечтали о возстановленіи прежней, дораздѣльной Польши. Компанія 1812 года, возродила ихъ надежды самымъ блистательнымъ образомъ. La grande armée прошла по герцогству Варшавскому и по западнымъ губерніямъ нашимъ—какъ дома и благодаря панамъ не чувствовала себя въ чужой, завоеванной странѣ вплоть до смоленской губерніи: польскіе землевладѣльцы встрѣчали вездѣ французовъ какъ освободителей. Но московскій пожаръ произведенный Кутузовымъ и поворотъ французовъ на старую калужскую дорогу повернули дѣло иначе. Землевладѣльцы, дававшіе въ Вильнѣ праздникъ въ честь императора Александра въ тотъ день, какъ онъ узналъ о переходѣ Наполеона черезъ русскую границу и потомъ дававшіе праздники въ честь императора Наполеона, пришедшаго чтобы сломить русское могущество, опять давали праздники императору Александру, за то будто-бы что онъ освободилъ Польшу отъ Наполеона. Но такіе повороты не рѣдкость въ польской исторіи, богатой фактами, свидѣтельствующими о дѣтской или женской впечатлительности народа.

Не намъ русскимъ, любящимъ свою родину больше всего на свѣтѣ, порицать поляковъ за любовь къ родинѣ. Это столько-же инстиктивное, сколько и священное чувство достойно всевозможнаго уваженія и ни у кого не достанетъ силы что нибудь противъ него сказать. Но дѣло въ томъ, что поляки давно потеряли понятіе о родинѣ и со словомъ *ойчизна* у нихъ соединялось понятіе о шляхетскихъ вольностяхъ; у нихъ бурлила шляхетская гордость, совершенно особеннаго свойства гоноръ. За свободу родины люди жертвуютъ всѣмъ: и предразсудками гонора, и сословными привилегіями, и имуществомъ, и жизнью. Въ особенности и прежде всего забываются сословныя привилегіи: всѣ класы народа сами собою безъ всякаго предусмотрѣннаго плана, безъ малѣйшей мысли о самопожертвованіи, сливаются въ одну массу, стремящуюся къ цѣли со всею силою неодолимой страсти. Между поляками этого не было. Среди возстаній у нихъ на первомъ планѣ все-таки стояли шляхетскія выгоды и привилегіи; личный элементъ преобладалъ въ возстаніяхъ, точно такъ-же какъ и во время самостоятельной жизни Польши въ теченіе всего прошлаго столѣтія. Это еще одно изъ доказательствъ того, что Польша отжила свое время, что она

Digitized by Google

умерла и только подергивалась послѣдними не общими, но частными судорогами, послѣдній порывъ которыхъ кончился 8 сентябуя 1831 года сдачей Варшавы Паскевичу.

Такъ погасли послѣдніе признаки того что можно еще было принять за остатки внутренней жизни Польши, и все что было за тѣмъ — не больше какъ гальваническія сотрясенія. Послѣ усмиренія польскаго возстанія 1831 года, за границу выѣхало такое множество эмигрантовъ, что они всѣмъ въ Европѣ намозолили глаза, и такъ какъ роль изгнанника, страдальца за политическія убѣжденія — роль весьма пріятная, то отъ нея никто не отказывался. Изгнанники жили въ Парижѣ, въ Лондонѣ и по цѣлой Европѣ, и вездѣ возбуждали участіе къ судьбѣ Польши, но разумѣется никому не говорили, что они сами устроили эту судьбу. Для поддержанія достоинства этой роли они, отъ нечего дѣлать, занимались сочиненіемъ плановъ для возстановленія Польши. Въ 1844 г. вышло въ Брюсселѣ извѣстное сочиненіе Модлицкаго: «Жизненныя истины польскаго народа», гдѣ подробнѣйшимъ образомъ описаны мѣры для произведенія возстанія во всѣхъ областяхъ дораздѣльной Польши. Предполагалось произвести возстаніе вездѣ въ одно время. Но съ перваго шага вышла неудача. *Мѣрославскій*, назначенный заграничными гальванизаторами Польши главнокомандующимъ всего возстанія, былъ разбитъ въ Гнѣзнѣ. Въ Краковѣ возстаніе приняло болѣе обширные размѣры. Тамъ Тисовскій объявилъ себя диктаторомъ, но черезъ десять дней былъ выгнанъ изъ этого города русскимъ, австрійскимъ и прускимъ отрядами. Въ Галиціи дѣла шли еще хуже. Дворяне понуждали крестьянъ взяться за оружіе; крестьяне и взялись, но не противъ непріятелей, а противъ господъ: было истреблено нѣсколько сотъ помѣщичьихъ домовъ вмѣстѣ съ помѣщиками. По этому поводу эмиграція прокричала по всей Европѣ, будто австрійское правительство возбудило крестьянъ противъ помѣщиковъ, которые всегда были обожаемы своими крѣпостными и за пятидневную барщину, и за jus primae noctis, и за прочія натуральныя повинности.

При этомъ произошло странное явленіе. При видѣ столкновенія двухъ властей люди, считавшіе себя передовыми, стоявшіе всегда на сторонѣ угнетеннаго, не разобравши хорошенько дѣла, стали на сторону угнетателя. Эти люди изъявляли живѣйшее сочувствіе панамъ, прославившимся безвыходнымъ угнетеніемъ хлоповъ, и порицали австрійское правительство, которое не успѣло вовремя предупредить ярость хлоповъ, возставшихъ на вѣковыхъ своихъ притѣснителей. Такое странное явленіе можно объяснить развѣ только очень искуснымъ плачемъ пановъ, которые съ обы-

Digitized by Google

кновенною іезуитскою ловкостью съумѣли выставить себя страдальцами и жертвами.

Этою ловкостью объясняется все нынѣшнее возстаніе Польши, возбудившее такое сочувствіе въ цѣлой Европѣ. Безъ этого сочувствія и безъ надежды коноводовъ на внѣшнюю помощь, возстаніе не могло бы осуществиться, его не было бы вовсе. По этому-то и справедливо видѣть въ немъ припадокъ, возбужденный постороннею, внѣшнею силой, нѣчто въ родѣ судорогъ, производимыхъ въ мертвомъ тѣлѣ сильнымъ гальваническимъ токомъ.

Возстаніе приготовлялось давно. Еслибы не было другихъ доказательствъ его давности, то достаточно было бы того соображенія, что за границей, польской эмиграціи нечего было дѣлать, какъ приготовлять возстаніе. Одна только эта дѣятельность и можетъ дать эмиграціи какое нибудь положеніе, потомучто одна только голая роль угнетенной невинности весьма скоро надоѣстъ зрителямъ. Чтобы придать ей занимательность, необходимо, чтобы жертва сопротивлялась и принимала мѣры для своего избавленія. Занимательно не страданіе, а борьба.

Заграничные коноводы хорошо изучили свое дѣло и сцену, на которой предстояло имъ дѣйствовать. Они знали очень хорошо, что народъ, потерявшій жизнь, терпѣлъ въ возстаніяхъ постоянныя неудачи вслѣдствіе перевѣса личнаго начала надъ общественнымъ; знали также, что одно только духовенство польское, по своимъ церковнымъ учрежденіямъ и правиламъ болѣе свободно отъ личнаго начала, имѣетъ общую идею, способно всѣмъ этой идеѣ жертвовать. Сообразуясь съ этими двумя данными, они скрыли имена предводителей и приведеніе въ исполненіе общей идеи возложили на духовенство. Такимъ образомъ великолѣпно достигнута была цѣль, найденъ ключь успѣха на столько, на сколько возможенъ успѣхъ гальванизаціи мертваго тѣла. Увлекающійся, впечатлительный характеръ поляковъ поддался на удачу таинственности; опасности тайнаго заговора привлекли огромное количество мечтательныхъ головъ, какъ огонь свѣчки привлекаетъ ночную бабочку. Еслибы знамя поднято было открыто, явно, еслибы поляки знали кто именно стоитъ во главѣ всего дѣла, то непремѣнно явились бы партіи и начались бы ссоры. Но тутъ, посредствомъ тайны, превосходно достигалась цѣль устраненія всякихъ партій. А къ тому еще въ туманной дали представлялось имя знаменитаго магната въ качествѣ не предводителя, а только агента той таинственной силы, которая представлялась въ видѣ будущей Польши. Магнатъ Адамъ Чарторижскій былъ только агентомъ, и поляки особенно хорошо себя чувствовали и оттого что его зовутъ Адамомъ, и оттого что эта фамилія «въ родныхъ

Digitized by Google

преданьяхъ прозвучала». — Когда все построено было на таинственности, когда въ воздухѣ запахло заговоромъ,—а это началось съ тридцатыхъ годовъ, вскорѣ послѣ усмиренія бунта,—надо было дать единство направленію всѣхъ взбаломученныхъ головъ. И вотъ началъ распространяться знаменитый тринадцати-главый катихизисъ, и то подъ условіемъ величайшей тайны, а духовенство, одно способное дѣйствовать въ опредѣленномъ, общемъ направленіи, получило надлежащія инструкціи. Токъ началъ дѣйствовать, сначала тонко и слабо, разработывая прежде всего мнѣнія и воззрѣнія образованнаго класса русскаго и европейскаго общества. И разсчетъ былъ вѣрный.

Разсказывались самыя невѣроятныя вещи, возбуждавшія сначала лишь улыбку недовѣрія. Но потомъ тоже самое повторялось много разъ, и все точно также, и очень многими разсказчиками, такъ что наконецъ приходилось вѣрить. Они умѣли представить всю націю такою страдалицею, такою мученицею, что каждый отдѣльный членъ этой націи получалъ и хорошее мѣсто и вмѣстѣ съ тѣмъ прочное въ извѣстномъ кругу вліяніе. Умѣнье изо всего извлекать пользу торжествовало, «вѣжливое» обращеніе, кстати вставленное льстивое слово не только окупалось, но приносили хорошій барышъ. Покамѣстъ только это и было нужно.

Въ Европѣ пропаганда дѣйствовала съ большимъ успѣхомъ. Въ ея убѣжденіи укрѣпляютъ ее цѣлыя тысячи поляковъ, но уже болѣе энергически, посредствомъ клеветы. Дошло до того, что Европа знаетъ Россію гораздо меньше, чѣмъ Африку. Путешественники, посѣщающіе Россію, разные натурфоршеры, изучаютъ нашихъ жучковъ, сусликовъ, саранчу, табаранчиковъ, но народа не касаются, потому во-первыхъ, что для этого надобно знать языкъ и, сверхъ того, что несравненно еще труднѣе, одолѣть недовѣрчивость и замкнутость русскаго человѣка.

Они до такой степени исказили мнѣніе Европы о событіяхъ, совершающихся въ Польшѣ, что когда великія державы въ прошедшемъ году ополчились на насъ въ своихъ дипломатическихъ нотахъ, то начали требовать для Польши именно такихъ вещей, которыя давно были даны и никогда не оспаривались. Одинъ изъ шести пунктовъ требовалъ свободы католическаго вѣроисповѣданія для поляковъ!! Они увѣряли въ своихъ краснорѣчивыхъ писаніяхъ, что русскіе гонятъ, преслѣдуютъ римскую вѣру. Намъ это смѣшно слышать, а между тѣмъ, эта и подобныя клеветы едва не довели насъ до войны противъ всей Европы. Мы преслѣдуемъ римскую вѣру,—когда по цѣлой Европѣ, въ самыхъ католическихъ странахъ, католическіе монастыри уничтожены, какъ зловредная вещь, а подъ русскимъ владыче-

Digitized by Google

ствомъ католическіе монастыри процвѣтаютъ, и въ самомъ Петербургѣ два католическіе монастыря, одинъ на Невскомъ проспектѣ, а другой на Васильевскомъ островѣ. На Выборгской есть католическое кладбище, при которомъ живетъ нѣсколько десятковъ дѣвицъ въ нарочно построенномъ для нихъ домѣ... Русскіе угнетаютъ римскую вѣру!.. Европейскіе дипломаты, требуя отъ насъ свободы католическаго вѣроисповѣданія, могли бы собрать болѣе точные справки; но клеветы залѣпили глаза и уши государственныхъ людей и поставили ихъ въ смѣшное положеніе: требовать съ оружіемъ въ рукахъ то, что давно уже дано. Какъ бы то ни было, изъ этого примѣра ясно, что польская пропаганда успѣла вывихнуть мнѣніе Европы о польско-русскихъ отношеніяхъ и довести это мнѣніе до абсурда.

Когда этотъ пунктъ былъ надлежащимъ образомъ разработанъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, наступила пора подтвердить голословныя показанія ближайшими примѣрами и въ то же время наэлектризовать массы, которыя дѣлали свое дѣло и политикою занимались только на исповѣди или въ пріятельскомъ кругу, отъ нечего дѣлать. Пущены были въ ходъ революціонныя пѣсни, въ которыхъ запѣвалами были ксендзы. Пѣсни эти пѣлись въ костелахъ, на улицахъ. Предположено было невинною демонстраціей вызвать кровопролитіе, по поводу котораго можно будетъ накричать на всю Европу, будто казаки рѣжутъ народъ, истребляютъ женщинъ и дѣтей и предаются всѣмъ неистовствамъ татарскаго нашествія — и за что же?—за религіозный порывъ ревностныхъ католиковъ.

Такъ и сдѣлалось. Когда уличная толпа не хотѣла расходиться, не смотря на приглашеніе полиціи, не смотря на двигавшееся войско, — сдѣланъ былъ залпъ, и пять человѣкъ легло на мѣстѣ.

Время, въ которое это произошло, — чрезвычайно важно; оно раскрываетъ всю сущность шляхетскихъ притязаній, все свойство не самого возстанія, а той среды, которая задвигалась отъ внѣшняго гальваническаго тока. Уличныя демонстраціи въ Варшавѣ начались чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ былъ обнародованъ высочайшій манифестъ 19 февраля, стало-быть, именно тогда какъ паны почувствовали, что у нихъ ускользаетъ изъ рукъ право безусловно употреблять въ свою пользу работу, время, жизнь православныхъ хлоповъ въ западной Руси. Гербы Литвы и юго-западной Руси, носимые въ религіозныхъ процесіяхъ, показывали, что панство не думаетъ отказаться отъ этихъ древнихъ провинцій, составлявшихъ одно время части древней Польши, а всеподданнѣйшіе адресы пановъ прямо заявляли желаніе возсоединиться съ царствомъ Польскимъ. Это желаніе понятно, потомучто кто себѣ врагъ. Но не подумали почтенные

Digitized by Google

паны, что вопіющимъ противорѣчіемъ они уличаютъ себя во лжи. Еслибы Польша была такою, страшно-угнетенной страной, какъ они старались выставлять ее передъ Европой и передъ своими русскими милостивцами и доброжелателями, то не присоединиться къ Польшѣ должны бы они желать, а отдѣлиться отъ нея какъ можно дальше. Если же имъ пришло въ голову возсоединиться, то это значитъ ясно и неоспоримо, что они клеветали на русскія власти въ Варшавѣ и во всемъ царствѣ; значитъ, царство Польское не было угнетеннымъ краемъ, значитъ панство пользовалось тамъ не малыми льготами. Но европейскіе политики и русскіе доброжелатели всяческаго панства не смотрятъ на дѣло такъ близко, а прямо и во что бы то ни стало доброжелательствуютъ, играя такимъ образомъ въ опозицію и въ отрицаніе.

Русскія власти въ царствѣ Польскомъ ожидали взрыва, и для предупрежденія его дѣлали огромныя уступки. Но никогда еще не бывало, чтобы несвоевременныя уступки предупредили взрывъ. Напротивъ уступки наканунѣ взрыва дѣлаютъ требованія и желанія болѣе настойчивыми, болѣе смѣлыми, придаютъ требующей сторонѣ небывалую силу, внушаютъ ей разсчетъ на слабость или страхъ противниковъ и приготовляютъ много лишнихъ слезъ и кровопролитій.

Мало-по-малу возстаніе организовалось, гальваническая батарея подстроивалась и длинныя нити связывали ее съ заграничными центрами толчка. Польскіе чиновники дѣятельно работали, устроивая подкопы противъ русской власти: ввозилось оружіе, устроивались тайныя почты, вербовались войска, раздавались роли, а польскія женщины дома вышивали знамена, которыя должны были вести патріотовъ противъ *Москвы*. Удалены были всѣ чиновники, или русскіе или сомнительные по своей преданности русскому правительству. Все было готово.

И вотъ вспыхнулъ пожаръ возстанія. Въ половинѣ января прошлаго года поляки бросились ночью на спящихъ русскихъ солдатъ, и началась рѣзня. Понятно само собою, что неожиданность нападенія была причиною нѣкотораго успѣха; но потомъ войска наши стянулись въ нѣсколько важнѣйшихъ пунктовъ, и стали торжествовать надъ нестройными толпами повстанцевъ. Но тутъ произошло явленіе, нигдѣ и никогда не виданное: крестьянское населеніе, не подвергнувшееся заграничной гальванизаціи и остававшееся вѣрнымъ законному правительству, ловило повстанцевъ, этихъ тяжолыхъ, разорительныхъ гостей, и передавало ихъ начальству. Гражданское управленіе отпускало схваченныхъ людей, а крестьянъ наказывало, производя слѣдствія о самовольномъ захватѣ хлопами

Digitized by Google

разныхъ шляхетскихъ личностей. Объявленное военное положеніе не соблюдалось. Военные начальники требовали одного, гражданскіе начальники требователи совершенно другого, дѣйствовали наперекоръ военнымъ и явно парализовали ихъ распоряженія.

Не станемъ повторять всѣхъ подробностей нашей борьбы съ повстаньемъ; читателямъ все это очень хорошо извѣстно изъ газетъ, которыя въ прошедшемъ году читались съ величайшею жадностью. Наконецъ сдѣлалось извѣстнымъ, что на всѣхъ ступеняхъ администраціи подстроены нити гальванической батареи, производящей нынѣшнія судороги Польши, что нѣтъ ни одного польскаго чиновника, который, служа законному правительству для виду только, въ тоже время не служилъ-бы дѣйствительно своему подземному правительству, своей батареѣ. Наши войска между тѣмъ честно дѣлали свое дѣло, а польскіе агенты за границей на всѣ голоса, на всѣхъ языкахъ, во всѣхъ газетахъ, на всѣхъ митингахъ кричали, что насталъ послѣдній часъ: варвары ополчились на цивилизацію, казаки жарятъ и ѣдятъ польскихъ младенцевъ, а иногда ѣдятъ и сырыхъ, распарываютъ животы беременныхъ женщинъ, позорятъ дѣвицъ благороднаго происхожденія, и огнемъ и мечомъ истребляютъ оплотъ европейской цивилизаціи; истребивши его, въ непродолжительномъ времени нахлынутъ и на Европу, ежели только Европа, хотя изъ чувства самосохраненія, если не изъ состраданія, не вступится за-Польшу.

Докричались до того, что Европа въ самомъ дѣлѣ вступилась. На Россію со всѣхъ сторонъ посыпались дипломатическія ноты; Австрія, Франція и Англія были во главѣ этого дипломатическаго похода, а за ними и прочіе. Извѣстно, съ какимъ великолѣпнымъ торжествомъ вышла Россія изъ этой борьбы дипломатовъ. Это былъ новый поворотъ на старую Калужскую дорогу, съ тою только разницею, что въ 1812 году это торжество стоило много крови, а въ 1863 дѣло ограничилось чернилами.

Разбитые вездѣ, на всѣхъ пунктахъ, повстанцы до послѣдняго времени удержались только въ гражданскомъ управленіи царства польскаго. По указаніямъ внѣшнихъ гальванизаторовъ они должны продержаться только до весны, въ надеждѣ на какую-нибудь войну, въ которую будетъ втянута Россія, при чемъ ея силы должны будутъ раздробиться, и поражонная внѣшнимъ врагомъ, она принуждена будетъ признать независимость Польши. Поэтому мелкія шайки повстанцевъ, обратившіяся наконецъ въ разбойничьи шайки, всю зиму не переставали тревожить царство, а въ послѣднее время изъ Галиціи пробралось къ намъ даже значительное число венгерцовъ. Соединившись съ остатками разныхъ шаекъ, они 9 фев-

Digitized by Google

раля, напали на Опатовъ, уѣздный городъ Радомской губерніи, и были отбиты. Многочисленные отряды наши бросились ихъ преслѣдовать. Одинъ изъ предводителей этой шайки Жвирждовскій, извѣстный подъ псевдонимомъ Топора, былъ захваченъ и повѣшенъ въ Опатовѣ. Иностранные газеты въ пышныхъ фразахъ описывали побѣду Топора и его подвигъ истребленія опатовскаго гарнизона именно въ то время, когда онъ былъ уже казненъ. Давно уже не было такихъ многочисленныхъ скопищъ повстанцевъ. Надо полагать, что эта весенняя вспышка, одна изъ послѣднихъ вспышекъ. Вторженіе послѣдняго опатовскаго отряда изъ Галиціи показываетъ, что паны еще не совсѣмъ потеряли надежду. Однако теперь имъ будетъ труднѣе вести свои дѣла, потомучто Галиція объявлена на военномъ положеніи, потомучто гальваническая судорога начала охватывать и Галицію. Тамъ устроились такія-же какъ въ царствѣ тайныя власти со всѣми необходимыми развѣтвленіями; тамъ запасается оружіе, дѣлаются приготовленія, и вѣрность оказалась очень сомнительною. Необходимо было принять мѣры.

А между тѣмъ весна наступаетъ, лѣса скоро потеряютъ свою зимнюю прозрачность и всѣ неудобства, въ родѣ морозовъ, вьюгъ, непогодъ, и т. п. Иностранные гальванизаторы продолжаютъ дѣйствовать. Необходимы теперь самыя дѣятельныя мѣры. Съ нашей стороны одна изъ самыхъ важныхъ мѣръ, это подписанный нынѣшняго 19 февраля указъ «объ устройствѣ крестьянскаго сословія въ царствѣ Польскомъ». Этотъ указъ, надлежащимъ образомъ исполненный, совершенно преобразитъ всю Польшу, она должна будетъ переродиться.

Хлопы получатъ не только гражданскія права, но и землю, которая будетъ выкуплена у помѣщиковъ; вмѣсто нынѣшнихъ шести тысячъ землевладѣльцевъ явится ихъ нѣсколько сотъ тысячъ, и условія гражданскаго быта измѣнятся самымъ неузнаваемымъ образомъ.

Край теперь совершенно разоренъ. Подземное правительство дѣлало большіе поборы, подъ угрозою смерти. Законное правительство, за участіе въ мятежѣ, налагало контрибуціи; безпрестанно брались подводы; повстанцы брали продукты для своего продовольствія; безправные хлопы исполняли всѣ требованія господъ, сочувствовавшихъ возстанію. Теперь у нихъ будутъ права и свое собственное имущество, и панамъ не такъ удобно будетъ распоряжаться ими, а, что всего важнѣе, они увидятъ, что законное русское правительство для нихъ несравненно благопріятнѣе панства. Надо надѣяться, что крестьянское сословіе, уже и теперь ненавидящее своихъ пановъ, подъ впечатлѣніемъ благодѣянія, полученнаго

Digitized by Google

отъ законнаго правительства, будетъ ему предано душою и тѣломъ. Польша преобразится, ничѣмъ не будетъ похожа на прежнюю Польшу и стало-быть, гальваническія судороги на прежнихъ основаніяхъ сдѣлаются совершенно невозможными. Всего же знаменательнѣе для насъ то обстоятельство, что Россія умиротворитъ безпокойный край блистательнѣйшимъ актомъ во имя вѣчной правды и справедливости.

Digitized by Google

121

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

I

ПО ВОЗОБНОВЛЕНІИ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ГГ. АРТИСТАМЪ АЛЕКСАНДРИНСКОЙ СЦЕНЫ)

Вновь начиная въ «Эпохѣ» дѣло, начавшееся первоначально во «Времени» и на нѣсколько мѣсяцевъ перешедшее въ „Якорь", я не могу миновать одного изъ ослиныхъ мостовъ т. е. вступленія, въ нѣкоторомъ родѣ предисловія.

Начато было мной дѣло театральной критики съ того положенія, что театръ есть дѣло серьезное, дѣло народное. Положеніе повидимому очень простое и даже нисколько не новое, но оно влекло за собою безконечное множество весьма и весьма непріятныхъ послѣдствій.

Имъ, этимъ несноснымъ и постоянно какъ нѣкое пугало стоявшимъ передъ глазами моими, положеніемъ, во первыхъ требовалось многое такое, что совершенно не требуется другими театральными критиками, а во вторыхъ устранялось многое такое, что для нихъ имѣетъ огромную важность.

Требовалось:

1) чтобы театръ *помирился* съ литературой, съ которой онъ не въ ладахъ съ незапамятныхъ временъ, или проще сказать, чтобы театръ подчинился литературѣ, т. е. чтобы на сценѣ являлись только произведенія, признанныя литературою за литературныя, и

Digitized by Google

таковыя были бы исполняемы съ возможнымъ совершенствомъ. Это — по отношенію къ драматургіи.

2) По отношенію къ сценическому исполненію требовалось отъ артистовъ — правда, прежде всего правда и почти одна только правда. Въ этомъ словѣ впрочемъ заключалось многое и требованіе созданія типовъ, по крайней мѣрѣ хоть внѣшняго, Самойловскаго созданія, такъ какъ внутреннее, Васильевское, составляетъ, какъ вообще поэзія, чрезвычайную рѣдкость вездѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, на нашей, скудной талантами петербургской сценѣ.

Устранялось съ другой стороны:

1) Все то, что составляетъ роскошь, а не насущный хлѣбъ сценическихъ наслажденій. Ни разу не могъ себѣ критикъ даже позволить говорить ни объ итальянской оперѣ, хоть можетъ быть не менѣе другихъ былъ въ восторгѣ отъ поэтической Гретхенъ-Барбо; ни о французскомъ, ни о нѣмецкомъ театрахъ. Все это прекрасно, да все это — Богъ съ нимъ. Оно не наше и къ дѣлу національнаго драматическаго искуства нисколько не относится.

2) Не говорилось никогда о сценической дребедени, какъ бы хорошо эта дребедень ни была исполнена — опять таки во имя того принципа, что театръ есть дѣло серьезное — и что если на немъ отхватываютъ какую нибудь Лизу Ѳомину или если даже геніальный актеръ, какъ П. Васильевъ, создаетъ великолѣпный типъ въ пошломъ издѣліи г. Н. Потѣхина: „Доля горе“ — для критики и „Лиза Ѳомина“ и „Доля горе“ остаются случайными и совершенно безсмысленными фактами, хотя конечно не остается такимъ фактомъ геніальная игра актера.

3) По отношенію къ игрѣ артистовъ — не только устранялась, но ожесточенно преслѣдовалась многообразная ветошь, столь дорогая для другихъ, воспитанныхъ, образованныхъ или какъ пуделя обученныхъ критиковъ, ветошь, извѣстная подъ именемъ хорошихъ манеръ, дикціи, умѣнья держать себя на сценѣ и проч. — однимъ словомъ вся школьная рутина съ пѣвучими интонаціями, съ эфектными жестами, съ галантерейностью обхожденія — рутина, создавшая деревянную игру „нарочно“ моего однофамильца, игру въ присядку г. Нильскаго въ роли „Жадова“ — рутина, расплодившая на нашей сценѣ значительное количество канареекъ прекраснаго пола, выученныхъ подъ органчикъ и проч. Еще съ бо́льшимъ, но столь же справедливымъ ожесточеніемъ преслѣдовалась та фальшь съ претензіями, которая всего лучше выражается въ настоящую минуту терминомъ: бурдинизмъ, — терминомъ, который какъ всякій удачный терминъ распространился въ театральномъ мірѣ съ замѣчательной быстротою.

Всѣ эти требованія, какъ положительныя, такъ и отрицательныя—

Digitized by Google

выходя изъ одного положенія, сводились и сводятся въ сущности въ одну формулу.

Эта формула — демократизмъ искуства.

И вообще-то искуство — но драматическое въ особенности — играло бы весьма жалкую роль въ исторіи народовъ, еслибы оно было предметомъ наслажденія для однихъ только дилетантовъ. Оно и исходитъ изъ массъ и должно озарять массы; оно фокусъ, въ которомъ сосредоточивается свѣтъ сознанія, но этотъ свѣтъ пришолъ не извнѣ, а такъ сказать „*поднялся*" изъ глубины жизни массъ. Это — ихъ же собственный свѣтъ, но сосредоточившійся, выдѣлившійся и ставшій такимъ образомъ руководящимъ... Нѣтъ, да и быть не можетъ великаго поэта, который бы въ то же время не былъ въ высшей степени національнъ. Великая ли эпопея послѣдняго времени, *Les miserables*, созданія ли Островскаго суть ни больше, ни меньше какъ свѣтъ, поднявшійся извнутри жизни массъ — отраженіе національнаго сознанія.

Формулой „демократизма въ искуствѣ" можетъ быть яснѣе и лучше, чѣмъ простымъ положеніемъ — что театръ есть дѣло народное и серьезное — опредѣляется вся логическая и жизненная необходимость высказанныхъ выше требованій критики: ей, этой формулой, представляющей нѣкоторымъ образомъ знамя литературное — извиняется, въ глазахъ людей мыслящихъ и любящихъ дѣло, самая рѣзкость требованій и даже рѣзкость тона, которымъ требованія выражаются.

За эту рѣзкость требованій и въ особенности за рѣзкость тона, я слыхалъ нерѣдко нареканія. То и другое, видите ли, вредитъ яко бы дѣлу.

Какому?

Дѣлу искуства въ его высшемъ значеніи они повредить не могли и не могутъ; а если онѣ вредятъ дѣлу преуспѣянія застарѣлой рутины, если они идутъ поперекъ всѣмъ „гастрономическимъ" требованіямъ — тѣмъ лучше.

И безъ меня найдутся критики, которые будутъ разсказывать вамъ съ подобающею важностью о содержаніи „Лизы Ѳоминой", „Чужой вины"—твореній гг. Потѣхиныхъ senioris et junioris — найдутся даже журналы, въ которыхъ вы можете прочесть эти прелестныя произведенія. И безъ меня, съ другой стороны, найдутся критики „бонтоны", которые повѣдаютъ вамъ о всемъ „шикѣ" представленій Михайловскаго театра — и также найдутся тончайшіе знатоки всѣхъ утонченностей пѣнія для того, чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ итальянскихъ пѣвцовъ.

Наше дѣло — иное, наше дѣло — народное. Но во всякомъ случаѣ, благодаря этимъ порицаемымъ рѣзкостямъ требованій и тона,

Digitized by Google

едва ли возможно напримѣръ теперь появленіе г. Марковецкаго въ „Разлюляевѣ“ съ обычнымъ скаканіемъ къ водкѣ; едва ли возможны толки о томъ,— поэтическое ли лицо Анна Ивановна у Островскаго и соотвѣтствуетъ ли этому лицу г-жа Воронова и проч. и проч. Бурдинизмъ можетъ быть останется только всегда себѣ вѣренъ, пока не падетъ наконецъ предъ общимъ посмѣяніемъ,— но вѣдь во первыхъ, на то онъ бурдинизмъ, а во вторыхъ, нарочно для него устроены такъ называемыя *чередовки*, гибельное зло, открывающее поле не соперничеству талантовъ съ талантами, а соперничеству всяческой тли съ талантомъ... Впрочемъ и на бурдинизмъ критика имѣетъ все-таки нѣкоторое, хоть конечно ограниченное, вліяніе. Безъ нее, нашъ Леметръ напримѣръ непремѣнно дошолъ бы до Отелло, что, согласитесь, было бы еще плачевнѣе, нежели его бенгалика въ Львѣ Красновѣ.

Рѣзкость требованій и тона! вопіете вы, гг. привыкшіе къ Александринскимъ потѣхамъ. А чему, какъ не этой рѣзкости, приписать весьма отрадное явленіе, именно то, что „прелестнѣйшая изъ канареекъ“ нашей сцены, встрѣченная этой суровой рѣзкостью — сразу почувствовала всю ея справедливость — и принялась усердно, добросовѣстно забывать все то чему ее такъ долго учили „театральныхъ дѣлъ мастера“ — и дошла до созданія „Воспитанницы“ — внутри себя начала искать звуковъ для выраженія ощущеній и съ каждымъ шагомъ, съ каждою ролью становится все проще и самостоятельнѣе?

Есть кромѣ того во всякомъ честномъ дѣлѣ, а стало быть и въ честной критикѣ, то особенное свойство чуткости, которое даетъ ей возможность, идти паралельно съ улучшеніями „общественными“. Тщетно разные сиплые голоса стараются изо всѣхъ своихъ старческихъ силъ доказывать необходимость офиціальнаго существованія французскаго и нѣмецкаго театровъ. Въ воздухѣ уже носится мысль о необходимости прекращенія такого офиціальнаго существованія. Пусть нѣмцы и французы — ихъ не мало въ Петербургѣ—и вообще тѣ, кому это нужно — поддерживаютъ, хоть компаніями на акціяхъ, нужные имъ театры. Намъ нашъ національный театръ нуженъ и о немъ мы должны преимущественно позаботиться. Было когда-то время, когда иностранные театры были нужны — и въ особенности несомнѣнно то, что нужна была итальянская опера для воспитанія въ насъ музыкальнаго чутья и вкуса. Но даже и ея задача проходитъ; національная опера образуется у насъ и быть можетъ не далеко то время, когда эта національная опера побѣдно возвратитъ себѣ свое законное мѣсто: большой театръ, будетъ тоже что le grand Opera въ Парижѣ, — не далеко то время, когда съ бо́льшею роскошью фантастическихъ освѣщеній, декора-

Digitized by Google

цій, костюмовъ, будутъ ставить „Рогнѣду“ или „Руслана“ или даже „Роберта“ на русской сценѣ, чѣмъ „Фауста“ на итальянской. Такъ хочется вѣрить по крайней мѣрѣ — и есть поводы вѣрить, по тому что въ послѣднее время сдѣлано для русской оперы.

И сдѣлано — и сдѣлалось въ самомъ дѣлѣ не мало — въ теченіе послѣднихъ годовъ. Что сдѣлалось — это уже даръ судьбы, пославшей вдругъ и высокаго композитора, на котораго съ надеждою устремлены теперь глаза всѣхъ людей, любящихъ національное искуство, и пѣвцовъ, способныхъ удовлетворять его музыкальнымъ задачамъ; но что сдѣлано то сдѣлано руками человѣческими, и только развѣ безъосновное фрондерство не отдастъ полной справедливости прекраснымъ стремленіямъ лицъ, руководящихъ дѣломъ. Составъ настоящей русской оперы таковъ, что ее не только безъ вреда ей, но даже съ большою пользою, можно бы раздѣлить на двѣ труппы для обѣихъ столицъ... Все что ни появлялось сколько нибудь замѣчательнаго — было ангажируемо: г-жи Біанки, Платонова, Прохорова, Михайловская. Я сѣтовалъ какъ-то, что не на сценѣ г. Демидовъ — дѣйствительно колосальный бассъ съ регистромъ Петрова безъ его носовыхъ нотъ и съ бо́льшею густотою тона, урожденный артистъ, который сразу сыгралъ въ Москвѣ „Мельника“ въ Русалкѣ, какъ истинный мастеръ — и г. Демидовъ дебютировалъ недавно съ огромныхъ успѣхомъ въ труднѣйшей сценѣ Фарлафа съ Наиной въ „Русланъ и Людмила“. Съ такими басами какъ гг. Демидовъ и Васильевъ 1-й (который между прочимъ изумилъ всѣхъ недавно не только пѣніемъ но даже игрою въ „Лепорелло“) оперѣ жить можно — да еще какъ? особенно если прибавить къ нимъ г. Саріотти, отъ котораго какъ отъ пѣвца и актера, я до тѣхъ поръ не перестану ждать очень многаго, пока не дойду окончательно до убѣжденія, что возрастъ отрочества — для него возрастъ непроходимый...

Я останавливаюсь невольно на этомъ субъектѣ. Онъ началъ какъ начинаютъ весьма немногіе, началъ созданіемъ блестящей роли Олоферна, какимъ бы то ни было, но все-таки созданіемъ, на первый разъ всѣхъ поразившимъ, до сихъ поръ еще многихъ увлекающимъ. Для людей мыслящихъ, конечно, съ перваго раза очевидно было, что обаяніе образа происходитъ несравненно болѣе отъ созданія поэта-композитора, чѣмъ отъ исполненія артиста; что Титанъ, котораго создалъ Сѣровъ, далеко не Титанъ въ игрѣ г. Саріотти — но и они, какъ всѣ почти, довольствовались, увлеченные на первые разы высокою музыкальною поэмою уже и тѣмъ, что свойства тигра, барса или другого какого либо хищнаго звѣря съ достаточной энергіей и молодой силою были выражаемы г. Саріотти. Но разъ отъ разу всѣмъ мыслящимъ поклонникамъ

Digitized by Google

„Юдиеи“ становилась очевидною—положительная несостоятельность молодого артиста въ выраженіи грандіозныхъ сторонъ титаническаго характера — и надобно сказать также, не къ чести его, что разъ отъ разу, онъ впадалъ въ бо́льшія и бо́льшія преувеличенія, доходившія иногда въ сценѣ пьянства Олоферна до рѣшительнаго гаерства. И что за страсть вообще къ ломанью у г. Саріотти? Я былъ боленъ въ представленіе Дона-Жуана и не видалъ его; но люди компетентные говорили мнѣ, (что я впрочемъ и предчувствовалъ) что на половину — это было созданіе лица съ залогами настоящей поэзіи, на половину же—ребячьи проказы. Вѣдь эдакъ можно совсѣмъ изпутиться, т. е. изгаерствоваться, что будетъ тяжкимъ грѣхомъ для человѣка съ такимъ яркимъ талантомъ какъ г. Саріотти. Молодой артистъ очень хорошо знаетъ какое горячее и искреннее участіе къ его таланту внушаетъ мнѣ эти строгія и даже грубыя замѣчанія.

Можно сказать, что „Юдиеь“ Сѣрова, кромѣ того что начала новый періодъ исторіи нашей музыки—была вмѣстѣ съ тѣмъ и пробою силъ нашей національной оперы, ея пѣвцовъ и пѣвицъ, хоровъ и оркестра. Проба была болѣе чѣмъ удовлетворительная, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже блистательная. На пробѣ оказалось, что мы имѣемъ европейскаго капельмейстера, который справившись съ Сѣровымъ, точно также стало быть можетъ справиться и съ Вагнеромъ и съ кѣмъ угодно. Положимъ, что и прежде еще всѣ хорошо знали *силы* К. Н. Лядова, его огромныя практическія познанія, его чуткое ухо, которое сразу слышитъ гдѣ и даже какой именно инструментъ вретъ, но никогда еще съ такой блестящей стороны не являлся его музыкальный смыслъ. Съ каждымъ разомъ оркестровая сторона выполненія одного изъ самыхъ мудреныхъ и сложныхъ музыкальныхъ произведеній, становилась все чище, яснѣе и прозрачнѣе, но и на первый разъ должно было поразить всѣхъ, мало-мальски знакомыхъ съ дѣломъ людей, вполнѣ разумное и отчетливое отношеніе капельмейстера къ созданію маэстро. Если, по удачному выраженію Т**, оркестръ какъ мячикъ въ рукахъ Сѣрова, то такой же мячикъ онъ, въ отношеніи къ исполненію, и въ рукахъ Лядова. Желалъ бы я посмотрѣть какъ справились бы съ Юдиеью многіе хваленые и захваленые итальянскіе капельмейстеры, вооружонные пожалуй капельмейстерскими жезлами, осыпанными разными драгоцѣнными камнями!..

Дѣло въ томъ, что первое что выступило ярко на пробѣ національной оперы въ ея новомъ періодѣ—былъ оркестръ управляемый однимъ изъ первокласныхъ капельмейстеровъ.

Затѣмъ рельефно выдвинулась примадона оперы. Пусть гастрономы упрекаютъ ее въ завываніяхъ, пусть ихъ скандализируетъ

Digitized by Google

колебаніе тона, дѣйствительно слышнаго подчасъ въ нотахъ ея голоса... Это все можетъ быть ихъ и скандализируетъ, но какъ-то ни самого маэстро, ни массу это нисколько не скандализировало... А очень просто почему. Было нѣчто такое, что заслоняло всѣ эти недостатки — были пониманіе и энергія, была поэзія въ созданіи лица, была художественная красота въ музыкально-поэтическомъ образѣ, что въ соединеніи конечно съ весьма сильными средствами голоса и съ замѣчательной его обработкою, воплощало идею маэстро. Съ насъ было этого вполнѣ достаточно.

О г. Саріотти я уже говорилъ. За двумя главными лицами выступило третье, собирательное лицо, это хоръ, хоръ, которому въ «Юдиѳи» предстояли задачи столь же трудныя, какъ и оркестру, если не столько сложныя. Благодаря усердію и знаніямъ г. Вителяро, да стараніямъ хористовъ, задачи были выполнены болѣе чѣмъ удовлетворительно; можно сказать даже, что разъ отъ разу—хоры становились все лучше и лучше.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на пробѣ новой національной оперы обнаружились два обстоятельства, нѣсколько непріятныхъ. Это, во-первыхъ, отсутствіе контральта въ русской оперѣ, и во-вторыхъ, рѣшительная невозможность замѣнить кѣмъ либо другимъ нашего tenore di Forza, г. Сѣтова.

Первое обстоятельство послужило началомъ цѣлой нѣсколько скандальной исторіи. Наша mezzo soprano, служившая замѣною контральта за его недостаткомъ, г-жа Леонова, отказалась почему-то за нѣсколько дней до представленія отъ роли Авры. Г-жа Леонова— пѣвица, безспорно весьма талантливая — но она въ сущности то что называется genre въ искуствѣ — и притомъ genre цыганскій. Она одарена тембромъ голоса, который... какъ бы это сказать... не привлекаетъ, но нервически раздражаетъ симпатію, и удовольствіе, доставляемое ея пѣніемъ, — удовольствіе безспорное, доходящее до извѣстной степени увлеченія, но оно собственно не принадлежитъ къ сферѣ наслажденій, доставляемыхъ искуствомъ. Какъ артистка сценическая, г-жа Леонова была всегда ниже всякой критики — не по недостатку способностей, которыхъ вообще дано ей природою много, а по недостатку любви къ дѣлу, добросовѣстности и артистическаго смысла. Первое дѣло, что она напримѣръ никогда не заботилась даже о внѣшнемъ созданіи лица: въ несчастной «Наташѣ» г. Вильбоа, играя старуху-тетку, она являлась — съ намѣреніемъ или безъ намѣренія — моложе своей племянницы; въ «Ванѣ» она нисколько не заботилась о томъ, чтобы походить на мальчика; всѣ эти недостатки, повидимому чисто внѣшніе, но весьма важные. Тотъ не артистъ кто боится гримировкой испортить свою физіономію или нищенскимъ костюмомъ повредить своей на-

Digitized by Google

ружности, а можно держать пари какое угодно, что на мѣстѣ г-жи Біанки, г-жа Леонова не рѣшилась бы явиться передъ публикой въ томъ рубищѣ, въ которомъ «является наша примадонна во второмъ актѣ «Юдиѳи»—и также, что еслибы г-жа Леонова удержала за собою роль «Авры», то никакъ не гримировалась бы старой жидовкой, а непремѣнно постаралась бы превзойти «Юдиѳь» хоть великолѣпіемъ покрывала, являясь съ нею въ станъ Олоферна... Не думайте чтобы я это говорилъ остроумія ради; понятія объ искуствѣ нашихъ театральныхъ принцесъ вообще довольно странны, и немногія изъ нихъ, играя напримѣръ роль русской бабы, разстанутся съ кринолиномъ. Но это въ сторону. Г-жа Леонова, отказываясь за нѣсколько дней до представленія отъ роли «Авры», думала вѣроятно, что опера погибла. Да и въ самомъ дѣлѣ, положеніе композитора и капельмейстера было въ высшей степени затруднительнымъ. Вѣдь сыграть роль «Авры» вовсе не то что арійки двѣ-три разучить. Авра повидимому выдвигается рельефно только въ одинъ моментъ драмы, именно когда по просьбѣ Юдиѳи поетъ побѣдную пѣснь Израиля о Яили... но Авра—всюду въ послѣдующихъ актахъ оттѣняетъ такъ сказать грандіозно прекрасную фигуру «Юдиѳи». Съ одной стороны стушовываться, а съ другой—играть, играть постоянно должна въ этой роли артистка. Къ удивленію всѣхъ — артистка на Авру явилась въ г-жѣ Латышевой... Вотъ ужь: ou la vertu va-t'-elle se nicher?

Меня опять таки упрекали и упрекаютъ—даже близкіе мнѣ люди (впрочемъ, немножко „гастрономы" въ искуствѣ) за то, что я неумѣренно *яко бы* хвалилъ г-жу Латышеву. Но дѣло въ томъ, что на моей сторонѣ — фактъ, т. е. масса, постоянно восторженно вызывающая г-жу Латышеву послѣ втораго акта вмѣстѣ съ г-жей Біанки, которая въ этомъ актѣ доходила иногда до высоко-поэтическаго просвѣтленія. Ну, разъ вызвали — другой вызвали — положимъ, это — случайность, но постоянно, милые мои гастрономы, изрѣдка, крайне изрѣдка удостоивающіе посѣтить русскій театръ: постоянно! повѣрьте въ этомъ на слово — мнѣ демократу въ искуствѣ, для котораго русскій театръ есть часть его культа и который изо-всѣхъ представленій «Юдиѳи» напримѣръ, пропустилъ всего только три, да и то потому, что былъ боленъ. Не меньше васъ знаю я господа, что голосовыя средства г-жи Латышевой—очень не богаты, (говоря вѣжливо) что звуки ея голоса не то что вуалированы, а подчасъ непріятно—сиплы... но каковъ же смыслъ музыкальный и какова любовь къ дѣлу у столь скудно-одаренной артистки?.. Вѣдь одной энергіей, одной силой души поетъ она великолѣпный гимнъ о Яили — и эта энергія, эта сила души глубоко проникаютъ массу, дѣлаютъ ей доступною музыкальную

Digitized by Google

красоту гимна — воплощаютъ мысль маэстро. Вы скажете можетъ быть, что я и масса увлечены здѣсь красотою созданія?.. Не менѣе побѣднаго гимна Авры замѣчательна въ своемъ родѣ—индійская пѣсня евнуха Вагоа: тамъ и Гангесъ слышимо катитъ свои величавые волны и мѣсяцъ видимо серебритъ струи—да вѣдь мертвитъ же эту музыкальную прелесть г. Булаховъ... Всю энергію, весь смыслъ своей артистической натуры положила въ личность Авры г-жа Латышева, — и масса, которая повеликодушнѣе васъ, мои милые гастрономы, оцѣнила артистическій подвигъ, тѣмъ болѣе, что та Авра, которая нужна въ драмѣ Сѣрова достаточно рельефно и достаточно поэтично отражалась и въ игрѣ и въ пѣніи артистки.

Исторія съ „Аврой" была только началомъ скандальчиковъ театральныхъ по поводу нашего mezzo soprano. Давно уже носились слухи, что — говоря высокимъ слогомъ—„въ нѣдрахъ" театральнаго училища скрывается контральто съ самымъ симпатическимъ голосомъ. Контральто! искомый *иксъ* для нашей оперы! Контральто! стало быть нѣтъ надобности нарушать тональность въ операхъ Глинки, т. е. транспонировать партіи Вани и Ратмира, какъ дѣлалось это для нашего „mezzo soprano" — стало быть то что составляетъ пока наше драгоцѣннѣйшее музыкальное достояніе,—оперы Глинки,—могутъ быть исполняемы такъ какъ задумалъ ихъ геніальный маэстро и какъ они не исполнялись со временъ незабвенной Петровой—Воробьевой... Кажется, простѣйшею вещью со стороны всѣхъ любителей и сторонниковъ родного искуства—было бы порадоваться появленію контральто и принять какъ слѣдуетъ новую артистку, если она дѣйствительно контральто и дѣйствительно артистка. Такъ выходитъ по простому здравому смыслу и таковому же чувству, но не такъ выходитъ по тому особенному строю нашей жизни, который сложился въ послѣдніе годы. На протестѣ ужь оченно мы помѣшались — за кого и за что, противъ кого и противъ чего мы не протестовали?.. И за нахальство лихачей извощиковъ Невскаго проспекта и противъ невиннаго обычая срѣзывать въ семикъ и „Троицынъ день" ни на что негодныя березки — обычая вреднаго яко бы лѣсоводству! До всего, я вамъ скажу, доходили! Принципъ — совершенно понятенъ, имѣетъ свою историческую законность, но послѣдствія принципа, практическія его приложенія, доходили у насъ, надобно намъ чести приписать, до нелѣпостей, равныхъ въ нѣкоторомъ родѣ *кололадамъ* Ивана Яковлевича.

Такая же „белиберда, Андроны ѣдутъ, сапоги въ смятку" вышла и по отношенію къ исторіи о „mezzo soprano" и контральто. Противъ контральто, еще до появленія на сцену — составилась опозиція. Опозиція состояла разумѣется изъ сторонниковъ контральто...

Digitized by Google

Теперь — театральный скандальчикъ отошолъ уже въ область исторіи — и о немъ можно разсказать съ полнымъ знаніемъ пружинъ и притомъ sine irà et studio, съ самымъ спокойнымъ отношеніемъ къ предмету. Надобно сказать прежде всего, что наша mezzo soprano погорячилась и предложила дирекціи для новой ангажировки такія условія, которыхъ дирекція принять не могла — между прочимъ что-то въ родѣ восьмидесяти обезпеченныхъ представленій (это на счетъ „разовыхъ" значитъ) — такъ что прими дирекція эти условія, мы имѣли бы несказанное удовольствіе видѣть только такія оперы, въ которыхъ участвуетъ наша mezzo soprano. Дирекція разумѣется отказала — тѣмъ болѣе, что имѣла и такъ уже въ виду замѣнить въ нѣкоторыхъ роляхъ mezzo soprano контральтомъ. Поднялись вопли. Сторонники mezzo soprano были трехъ родовъ: поклонники ея таланта т. е. спеціалисты по части цыганскаго жанра; націоналисты особаго рода — именно представители той національности, которой,—играй только артистъ или артистка въ „Москалѣ Чаривникѣ" или въ „Казакѣ Запорожцѣ" (вѣдь они и на эту штуку въ серьезъ смотрятъ!), — такъ ужъ это патентъ на геніальность — и наконецъ просто поборники протеста для протеста. Причины—по которымъ работала первая, весьма немногочисленная категорія, категорія поклонниковъ цыганскаго жанра—заключались въ ихъ понятіяхъ объ искуствѣ; вторую категорію г-жа Леонова прельстила тѣмъ, что играла и играетъ постоянно и довольно недурно „Тетяну" въ Москалѣ — и „Оксану" въ „Казакѣ" съ хохлацкимъ, хоть и ломаннымъ произношеніемъ — какъ же дескать, наша-то — и намъ за нее не постоять? Третья категорія увѣрила себя, что г-жа Леонова — жертва существующаго порядка и что новое контральто «импонируется» публикѣ дирекціей — ну, значитъ, и катай во вся!

Такова была подготовка дѣла, когда на афишѣ объявлена была „Жизнь за Царя" съ новымъ Ваней—г-жею Шредеръ. Не смотря на всѣ усилія партіи, партію одолѣло вѣрное чувство нашей умной и безпристрастной массы, которая сразу же поняла, что передъ ней одна изъ очень немногихъ «урожденныхъ» артистокъ — ибо г-жа Шредеръ явилась не только пѣвицей, но артисткой сценической, совершенно готовой, — явилась съ робостью впервые выступающаго таланта, но вмѣстѣ и съ непосредственною, тайною вѣрою таланта въ его силы. Ее не смутили постыдныя шиканья партіи, по крайней мѣрѣ не смутили на столько чтобы она забыла созданіе лица: лицо вышло — поэтическое, прелестное лицо, и массу она завоевала, какъ симпатическими звуками своего хотя еще молодого, но чистаго контральта, такъ и артистичностью созданія роли. И въ самомъ дѣлѣ было нѣчто столь обаятельное въ этомъ еще не сло-

Digitized by Google

жившемся — то серебряномъ, то віолончельномъ тембрѣ голоса, — нѣчто столь наивно-граціозное и вмѣстѣ благородное въ концепціи представляемой личности, что противустоять этому было въ высшей степени трудно. Я думаю даже, къ чести человѣческаго чутья и чувства, что многіе изъ поборниковъ протеста для протеста сдались въ этотъ разъ, и что многіе изъ любителей цыганскаго жанра усумнились — по крайней мѣрѣ въ абсолютно-единомъ значеніи ихъ любимаго рода. Это было «чистое» пѣніе, свѣжее, благоухающее, почти что безъискуственное, хотя уже достаточно выработанное для того, чтобы служить выраженіемъ одной изъ самыхъ поэтическихъ музыкальныхъ мыслей. Къ чести молодой артистки надобно замѣтить еще то, что она не пренебрегла и внѣшностью созданія роли: кромѣ прекрасной гримировки, она первая имѣла смѣлость надѣть овчинный тулупъ — отъ чего разумѣется вдвое смѣшнѣе представились окружающіе ее *пейзанскіе* костюмы, потомучто вѣдь до сихъ поръ еще у насъ не поняли до какой степени неприлично обставлять *пейзанами* великое народное произведеніе: вѣдь и Антонида даже пейзанка, и Сусанинъ — недостаточно мужикъ по костюму... а объ остальныхъ т. е. о хористахъ и хористкахъ и говорить нечего: это — верхъ неприличія... Въ г-жѣ Шредеръ даже и на то стало такта, чтобы почувствовать неприличіе пейзанства въ великомъ національномъ произведеніи искуства.

Съ этой минуты т. е. съ минуты перваго появленія своего на сцену, г-жа Шредеръ завоевала массу.

Между тѣмъ mezzo soprano предложила дирекціи болѣе резонныя, что называется, условія и была разумѣется принята, ибо въ настоящее время, когда дирекція обратила серьезное вниманіе на національную оперу, у нее повидимому обратилось въ правило — и вновь принимать и удерживать все сколько-нибудь замѣчательное. Оно такъ и слѣдуетъ. Удержать г-жу Леонову дирекція была должна какъ изъ уваженія къ части публики, такъ и потому, что талантъ — жанръ — все же таки талантъ, а всякому дѣйствительному таланту *слѣдуетъ* быть на національной сценѣ.

И прекрасно бы кажется. Протестантамъ слѣдовало бы угомониться, врымъ сторонникамъ mezzo soprano прекратить неблагопристойныя и падавшія на ихъ же голову выходки. Дѣло предоставлялось общему вкусу и общему разумѣнію. «Жизнь за Царя» шла поочередно съ двумя Ванями (г-жа Шредеръ и г-жа Леонова) и съ двумя Антонидами (г-жа Платонова и г-жа Булахова). Правда, что театръ былъ всегда биткомъ набитъ въ представленія съ г-жею Шредеръ и замѣчательно пустъ въ представленія съ г-жею Леоновой — но вѣдь ужъ тутъ ни г-жа Шредеръ, „импонированная" публикѣ дирекціей, ни дирекція „импонировавшая" г-жу Шредеръ

Digitized by Google

публикѣ нисколько не были виноваты. Тутъ уже всевластно дѣйствовали общее разумѣніе и общій вкусъ. И тѣмъ не менѣе враждебныя дѣйствія „опозиціи“ не прекращались. Было одно представленіе, когда г-жа Шредеръ была совсѣмъ не въ голосѣ — и благодаря „*благородству*“ опозиціи чуть не потерпѣла совершеннаго фіаско — да масса, честная и умная масса выручила. Надобно было видѣть все злорадство партіи, когда въ бенефисѣ О. А. Петрова — г-жа Шредеръ сфальшивила въ адски-трудномъ финалѣ 1-го акта „Руслана“! — чтобы восчувствовать глубочайшее омерзеніе къ современнымъ проявленіямъ нашего протеста или лучше сказать, чтобы еще больше ядовитой горечи прибавилось къ тому омерзенію, которое чувствуешь постоянно къ непрерывнымъ проявленіямъ его въ „Искрѣ“ и иныхъ органахъ современной словесности Россійской.

Долгъ историка заставляетъ меня занести въ эту лѣтопись имя знаменитаго критика, отличавшагося въ этой достойной борьбѣ. Критикъ „Сынъ Отечества“ г. М. Рапапортъ, съ умилительнымъ усердіемъ ратовалъ за mezzo soprano противъ новаго контральто, т. е. другими словами говоря, ратовалъ за постоянную порчу оперы Глинки, за искаженіе партіи Вани — транспонировкой.

Между тѣмъ, какъ въ довольно частыя представленія „Жизни за Царя“ съ г-жею Шредеръ, такъ и въ представленія 1-го акта „Руслана“—гдѣ впрочемъ лицо Ратмира еще не выдѣляется рельефно—и „Марты“, гдѣ она была прелестна въ роли „Нанси“—обнаружились вмѣстѣ съ достоинствами новаго контральто и его недостатки, т. е. въ сущности одинъ недостатокъ, молодость. Симпатическій голосъ г-жи Шредеръ еще не сложился, не пріобрѣлъ надлежащаго волюма, не окрѣпъ. Театръ долженъ беречь молодую пѣвицу — выпускать ее на сцену не часто до поры ея полнаго развитія. И кажется это обстоятельство вполнѣ понято. На подмогу къ г-жѣ Шредеръ явилась недавно дебютировавшая въ „Линдѣ“ въ роли „Пьеротто“ *г-жа Силуянова*, контральто гораздо болѣе сильное и сложившееся, но несравненно менѣе симпатическое чѣмъ г-жа Шредеръ. Г-жа Силуянова принята была превосходно публикой и, по всей вѣроятности, будетъ ангажирована. Такимъ образомъ въ оперѣ нашей два контральто: одно, такъ сказать, праздничное, другое—будничное. Чтобы кончить съ „прекраснымъ поломъ“ (галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе!) нашей оперной труппы— я долженъ сказать нѣсколько словъ о трехъ новыхъ пѣвицахъ, ангажированныхъ въ этотъ годъ: г-жѣ Платоновой, г-жѣ Прохоровой и г-жѣ Михайловской. Начну съ послѣдней, потомучто это—чистое золото въ отношеніи къ голосу, золото и по тембру, и по регистру, и по чистотѣ, и по звучности тона — но еще болѣе золото по

Digitized by Google

врожденному музыкальному смыслу и по врожденной же артистичности. Она являлась только въ двухъ операхъ, въ „Цыганкѣ“ и въ „Донъ-Жуанѣ“ (Церлинна)—и въ обѣихъ имѣла успѣхъ блистательный. Въ „Церлинѣ“, говорятъ, она была очаровательна и какъ пѣвица, и какъ актриса, чему я охотно вѣрю, видѣвши ее въ „Цыганкѣ“. Г-жѣ Михайловской кажется суждено сдѣлаться представительницей граціозныхъ типовъ въ музыкальныхъ драмахъ. Г-жа *Платонова*—прежде всего пѣвица въ высшей степени добросовѣстная, отчетливая какъ серинетка, ибо, право, я не нахожу лучшаго сравненія и нисколько не въ обиду его употребляю; пѣвица съ средними въ отношеніи къ тембру и регистру голоса средствами, grande utilité въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова... но, сколько можно судить, до сихъ поръ чисто пѣвица, а не пѣвица-актриса, какъ г-жи: Біанки, Шредеръ и Михайловская — которыя всѣ три именно „урожденныя“ драмматическія пѣвицы. — Что касается до г-жи *Прохоровой*, то о ней можно сказать одно только, что ея обширнымъ средствамъ предятъ какая-то жосткость тембра, деревянность манеры и совершенно ложная, не драматическая метода пѣнія. Она тоже пѣвица, а не пѣвица-актриса.

Прежде чѣмъ изъ моей исходной и, кажется, правильно выбранной точки, „Юдиеи“ перейти къ исторіи о нашихъ теноpахъ, я считаю нужнымъ изложить вкратцѣ мое „profession de foi“ въ отношеніи къ оперному дѣлу.

Это „profession de foi“ впрочемъ очень просто. И въ этомъ отношеніи я такой же демократъ какъ во всѣхъ другихъ. Какъ демократъ—я разумѣется Вагнеристъ, ибо принципъ, что опера есть драма, принципъ, котораго Вагнеръ является высшимъ и притомъ чистѣйшимъ представителемъ въ наше время,—принципъ вполнѣ демократическій, устраняющій наслажденія дилетантскія и дающій наслажденія массамъ.

Но—до тѣхъ крайностей Вагнеризма, отъ которыхъ самъ великій мастеръ давно уже отказался, и которые остались теперь на долю только его послѣдователямъ заднимъ числомъ, имѣющимъ вообще привычку подбирать соръ за учителями,—я никогда не доходилъ и, по всей вѣроятности, не дойду, хоть бы великій мастеръ написалъ еще что либо болѣе высшее чѣмъ „Полетъ Валкирій“.

Крайности эти, какъ извѣстно — странный идеалъ сліянія всѣхъ родовъ драматическаго искуства въ одинъ, въ оперу- безобразный идеалъ, похеривающій возможность Шекспира и Островскаго. Какъ будто можно музыкой выразить „Быть или не быть“ Гамлета или мечтанія Бальзаминова о томъ: нельзя ли на двухъ разомъ жениться... какъ будто не равносильно музыкѣ и не имѣетъ права на от-

Digitized by Google

дѣльное, самобытное существованіе — последнее свиданіе Ромео и Джульетты, — разговоръ Лоренцо и Джессики „въ такую ночь...“ и проч.

Поднимаю этотъ вопросъ въ моей статьѣ между множествомъ другихъ вопросовъ, отъ которыхъ право не знаю куда дѣваться, потому собственно, что „Вагнеризмъ“ въ его „законныхъ“ требованіяхъ, Вагнеризмъ безъ его дикихъ крайностей — не только носится въ воздухѣ, но положительно ужь засѣлъ въ немъ. Когда вамъ, среди даже хорошихъ музыкально-драматическихъ вещей, попадаются вдругъ условныя пошлости, обычная реторика, вамъ, — что угодно готовъ прозакладывать, — невольно становится неловко или смѣшно—какъ смѣшно до нельзя стало мнѣ разъ въ представленіи очень хорошей и очень драматической вещи, «Жидовки» Галеви, когда въ концѣ IV акта принцеса и Рахиль подъ весьма шикарный мотивъ галопа выражаютъ дуэтомъ трагическія чувства... Такъ вотъ и видишь, что все это умерло, прошло, можетъ быть, давно прошло, еще

Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ ..

Слушая даже великія созданія мастеровъ былого времени, кромѣ конечно глухого гиганта, опередившаго свое время на цѣлый вѣкъ, — досадуешь часто до бѣшенства на тѣ реторическія путы, которыя ихъ сковывали, какъ чистая поистинѣ „великаго“ Корнеля и поистинѣ поэтическаго Расина, бѣсишься на три единства, приличія и прочую ветошь. Отчего у величайшаго изъ художниковъ бывалаго времени, у художника, явно призваннаго творить музыкальныя личности, у Моцарта, создавшаго Донну-Анну — его демоническій Жуанъ, несомнѣнно носившійся въ его воображеніи, слышенъ какъ таковой, какъ личность, только въ оркестрѣ, а самъ поетъ, съ позволенія сказать, величайшія пошлости?... Вѣдь былъ же однако въ ту же эпоху сухой и строгій, но грандіознѣйшій мастеръ Глюкъ, который стремился, избѣгая пошлостей, къ суровой, хотя чисто-діалектической трагедіи, т. е. къ трагедіи страстей, а не лицъ... Бетховенъ не былъ по натурѣ своей пантеистической — способенъ къ драмѣ. Я помню, въ *Берлинѣ*, я въ первый разъ услыхалъ добросовѣстно исполненнаго Фиделіо—и до изумительной ясности это добросовѣстное выполненіе разъяснило мнѣ непосредственный, прирожденный пантеизмъ музыкальнаго Гёте. Голосъ человѣческій — для этого всевластнаго чародѣя, съ которымъ говоритъ вся природа и который слышитъ всѣ ея звуки отъ рева бури до стука кузнечика въ травѣ — не болѣе какъ одинъ изъ этихъ звуковъ природы, и потому самому—не болѣе какъ одинъ изъ инструментовъ оркестра.

Digitized by Google

Онъ не паритъ надъ оркестромъ какъ личность: самая драма Бетховена не борьба и торжество личности, а борьба отвлеченныхъ идей, торжество правды и вѣрности надъ коварствомъ и злобой. Стонъ ли Флорестана въ тюрьмѣ, стонъ ли мира, скованнаго оплотами земли, ему въ сущности все равно.

Вагнеръ, въ отношеніи къ музыкѣ вообще, разумѣется есть послѣдствіе самое прямое и разумное Бетховена, изъ чего конечно, никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ ниже его по генію. Но Вагнеръ, кромѣ того, творецъ музыкальной драмы въ ея высшемъ значеніи, самый чистый изъ ея современныхъ представителей, притомъ творецъ драмы трагической, par excellence...

Потому: драма комическая, или лучше сказать, драма кипѣнія крови, искрящаяся, рассыпающаяся блестками — такъ же изъ самой жизни вышедшая и снова въ жизнь вошедшая, то страстная, то шутовская, имѣла въ нашемъ столѣтіи представителемъ одного изъ величайшихъ и вмѣстѣ лѣнивѣйшихъ геніевъ, Россини. Эта драма, какъ и вообще опера Италіи, родилась вполнѣ органически. Какъ только повезли меня гондолеры вмѣстѣ съ другими путешественниками отъ таможни Венеціи къ albergo di Luna, и какъ только начали гондолеры пересыпаться другъ съ другомъ въ какой-то темпъ своими гортанными звуками, я тотчасъ же самымъ яснымъ образомъ понялъ органическое происхожденіе итальянскаго речитатива. А потомъ, когда каждый изъ гитаристовъ, которыхъ такъ много бродитъ въ Венеціи подъ окнами отелей, каждый непремѣнно представлялъ Фигаро и пѣлъ не то искаженіе, не то демократическое видоизмѣненіе Россиніевской музыки—органичность этой музыкальной струи изъ народа вытекшей и въ народъ опять возвратившейся, опять-таки до наглядности стала мнѣ очевидна. И повторялъ я дивные стихи Пушкина:

Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень Орфей,
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ *вѣчно тотъ же, вѣчно новый*,
Онъ звуки льетъ, они кипятъ и проч.

И точно такимъ же органическимъ процессомъ понялъ я потомъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ страной, гдѣ

Die Citronen blühn
Im dunkeln Laub die goldorangen glühn

органичность элегіи Беллини, мелодраму Доницетти, даже страстность пополамъ съ шумихой, все-таки, геніальнаго маэстро Верди, къ которому, въѣзжая въ Италію, я чувствовалъ нѣчто въ родѣ патипатіи, и съ которымъ... увы! даже чуть что не въ самыхъ

Digitized by Google

краяхъ его, помирился я отъ всей души, выѣзжая изъ милаго града Флоренсиа.

Все это говорилъ я на тотъ конецъ, чтобы читатели поняли, въ какомъ смыслѣ я „Вагнеристъ“ и не пугались этого имени, съ которымъ для большей части изъ нихъ связанъ и призранъ der Zukunft-Musik и презрѣніе ко всякой другой музыкѣ, кромѣ Вагнера. Начать съ того, что и Вагнеръ-то самъ вовсе не Zukunft-Musik, а самая настоящая музыка настоящаго, какъ могли достаточно убѣдиться всѣ, слышавшіе здѣсь его концерты — а потомъ, вовсе онъ не такъ лишенъ мелодіи, какъ это желаютъ представить его благопріятели. Благороднѣе, чище мелодіи въ пѣсни Эльзы (Lohengrin)— задушевно-поэтичнѣе пѣсни къ „Вечерней звѣздѣ“ (Тангейзеръ), наивнѣе и смѣлѣе пѣсни Зигфрида при кованьи меча трудно себѣ что либо представить. А что онъ массами оркестра владѣетъ какъ никто, что онъ тутъ какъ чародѣй проникъ въ невѣдомыя до него тайны инструментовъ, что онъ съ другой стороны всѣ голоса природы какъ Бетховенъ подслушалъ, что море шумитъ и стонетъ у него въ увертюрѣ „Моряка-скитальца“—и священная чаша Граль видимо schwebt, паритъ у него въ воздухѣ въ интродукціи Лоэнгрина... такъ это точно, и опять же таки это не Zukunft-Musik, потомучто наглядно совершается передъ нами въ настоящемъ. Совершается даже еще нѣчто болѣе странное: воздушный полетъ Валкирій—и даже еще нѣчто болѣе странное, болѣе мудреное, а именно: наглядно и слышимо грудь человѣческую волнуетъ, колышетъ, терзаетъ до истязаній и наконецъ разрываетъ окончательно чувство глубокой, сосредоточенной, всевластной и исключительной страсти (интродукція къ Тристану и Изольдѣ)... Ну, да вѣдь ужь съ этимъ ничего не подѣлаешь. На то онъ — геній.

И между тѣмъ не на столько я Вагнеристъ, чтобы не видѣть, что Вагнеръ все-таки германецъ, истый германецъ, живущій въ высяхъ заоблачныхъ,—живущій почти что исключительно великолѣпными и громадными формами — безъ содержанія. Чтобы добыть содержаніе, ему надобно сдѣлаться нѣмцемъ, т. е. впасть въ кухонный прозаизмъ нѣмецкаго народнаго мотива—а нѣмцемъ, по геніальности своей и весьма понятному чувству гадливости, онъ сдѣлаться не желаетъ. Довольно того, что Бетховенъ временами становился истымъ фламандцемъ въ музыкѣ — что, впрочемъ, еще несравненно простительнѣе, чѣмъ быть въ ней нѣмцемъ — и основалъ напримѣръ allegro пасторальной симфоніи, со всѣми его музыкальными чудесами на всепошлѣйшемъ плясовомъ мотивѣ...

И съ другой стороны, не на столько я вагнеристъ, чтобы ничего не видать и не слыхать, кромѣ Вагнера. Я вѣчно живого и вѣч-

Digitized by Google

но юнаго, искренняго, по натурѣ вполнѣ драматическаго Обера ужасно люблю (кромѣ ужь итальянцевъ); я наконецъ... о ужасъ!... я къ лукавому Іудею ужасную страсть имѣю... Да! — и въ этомъ, несмотря на всю мою любовь и уваженіе къ Сѣрову—я рѣшительно часто расхожусь съ нимъ... я люблю эту, хоть и попорченную, хоть и предательски фальшивую, до ерничества развратившуюся въ придумываніи эффектовъ — но все-таки геніальную силу, вызвавшую изъ пропастей ада мрачную фигуру Бертрама и какъ-то вмѣстѣ съ тѣмъ стащившую съ облаковъ свѣтлый образъ Алисы, угадывающую музыкально и непотребство адскихъ оргій (valse infér-nale и разные tentation) и вмѣстѣ проникающуюся такимъ глубоко-экстатическимъ вдохновеніемъ, что вслѣдъ за звуками: malheureux ou coupables—въ воображеніи встаютъ мрачные готическіе соборы, летящіе вверхъ своими стрѣлами... Я люблю до страсти почти каждый звукъ въ Робертѣ, безъ исключенія даже сцены „ненужнаго скандала", какъ зоветъ ее остроумно Сѣровъ—т. е. сцены прихода Роберта къ Изабеллѣ съ волшебною вѣтвію... Менѣе уже конечно—но все-таки люблю я Гугенотовъ — въ особенности встрѣчу Марселя съ Валентиною (Qui vo la?) и сцену Валентины и Рауля (Le temps s'en vole). Еще менѣе люблю я Пророка, потому что тутъ ужь дѣйствительно на каждомъ шагу фальшь вопіющая—а все-таки люблю въ немъ до страсти сцену передъ приступомъ и гимнъ Пророка... Однимъ словомъ, лукавый Іудей составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ мою пасію, выходящую отчасти изъ предѣловъ того profession de foi музыкально-драматическаго, которое я имѣлъ честь изложить передъ моими читателями.

Въ концѣ концовъ дѣло все въ томъ, что „вагнеризмъ" — безъ его крайностей, въ которыхъ все-таки виноватъ не великій учитель, а servum pecus раболѣпныхъ учениковъ — есть „слово" настоящей минуты въ музыкальномъ отношеніи вообще и въ музыкально-драматическомъ въ особенности. Отъ него не уйдешь никуда — и еслибы человѣкъ, подразумѣвается одаренный поэтическимъ и музыкальнымъ смысломъ, нарочно поставилъ себѣ задачею избѣгать вагнеризма, вагнеризмъ, какъ неотвязный бѣлый медвѣдь, все-таки стоялъ бы передъ нимъ какъ неотразимый логическій и историческій постулатъ искуства. Вагнеризмъ предчувствовался и къ нему все вело. Нашъ великій Глинка, въ IV-мъ актѣ „Жизни за Царя" — актѣ, который между прочимъ имъ самимъ задуманъ и почти исполненъ даже какъ либретто—уже безсознательный вагнеристъ. Мейерберъ во множествѣ случаевъ — вагнеристъ и едва ли безсознательный. Сѣровъ,—не смотря на то, что и концепція и даже прозрачная фактура его великолѣпнаго созданія — менѣе всего похожа на Вагнера — вагнеристъ по своимъ требова-

Digitized by Google

нимъ отъ музыкальной драмы, преимущественно по требованіямъ отрицательнымъ т. е. по совершенному отсутствію всего условнаго, реторическаго въ своей музыкальной драмѣ. Но Сѣровъ имѣетъ передъ Вагнеромъ ту выгоду, то великое счастье, что у него при богатствѣ формъ есть подъ руками фондъ, музыкальное содержаніе, что онъ родился въ средѣ славянскаго племени, столько же музыкальнаго, какъ племя итальянское. Всякому уже ясно теперь, что Юдифь основана на богатыхъ и разнообразныхъ мелодіяхъ, но что мелодіи эти развиты только въ той степени и мѣрѣ, въ какой это нужно для музыкальной драмы. Мелодическое начало, еще ярче выступитъ въ „Рогнѣдѣ" — выступить можетъ быть даже съ нѣкоторымъ преобладаніемъ, ибо драма совершается на славянской почвѣ — хотя именно только этимъ, а никакъ не уступкою какой-либо—это преобладаніе объясняется.

Вагнеризмъ наложилъ свои требованія и на сценическое выполненіе музыкальныхъ драмъ. Время „соловьиныхъ горлышекъ" развитыхъ до nec plus ultra, время фіоритуръ и прочаго — прошло, какъ прошло же время пѣвцовъ—кастратовъ. Рубини былъ можетъ быть послѣдній пѣвецъ виртуозъ — да и онъ уже переходилъ въ драму.

А вотъ, между прочимъ, — чѣмъ въ особенности увлекалъ этотъ, несомнѣнно величайшій пѣвецъ нашего столѣтія и людей, одаренныхъ истиннымъ поэтическимъ и музыкальнымъ чутьемъ и массу?.. Вѣдь не „соловьинымъ горлышкомъ", не фіоритурами и прочими премудростями, которыя достойно цѣнятся (наравнѣ съ опарями и устрицами) только гастрономами? Мы напримѣръ здѣсь слышали его уже съ сильно-тронувшимся голосомъ, но какое „соловьиное горлышко" и какой Ut-dièze замѣнятъ намъ этого поэтически-мрачнаго Эдгара, этого страшнаго Отелло?.. Не „соловьинымъ горлышкомъ" пѣлось „maledetta sia l'instante" — а внутреннею, трагическою силою артистической души—и наравнѣ съ лучшими Мочаловскими минутами хранится впечатлѣніе отъ maledetta— душою каждаго, кто это слышалъ. Далеко Ut діэзамъ до чего нибудь подобнаго!

Рѣчь опять сводится къ тому же принципу, подъ вліяніемъ котораго пишется вся эта статья, къ принципу демократизма въ искусствѣ... Даже самая противуестественная страсть къ Ut діэзамъ, развившаяся въ послѣднее время и породившая столько скандаловъ, отъ потеряннаго на дорогѣ изъ Италіи Ut діэза г. Кравцова, до сомнительнаго Ut діэза г. Никольскаго и несомнѣнно-писклиаго Ut діэза г. Васильева 2-го — наглядное оправданіе этого принципа. Крайности сходятся. Масса въ своихъ простодушныхъ требовані-

Digitized by Google

ихъ силы и энергіи, сошлась на утъ-діэзѣ съ дилетантизмомъ. Потому въ сущности ut-діэзы — прямое послѣдствіе гастрономическихъ требованій. Надоѣли устрицы—подавай пауковъ... Обычный регистръ тенороваго голоса—развитъ былъ великимъ Рубини уже до крайнихъ предѣловъ совершенства. Ну, подавай что нибудь почудѣе. И точно, явился пѣвецъ съ утъ-діэзомъ, хоть разумѣется выработаннымъ, но въ основахъ-то—даннымъ дѣйствительно самою природою, какъ рѣдкость, какъ исключеніе, какъ чудо. Но дилетанты или—что все равно—гастрономы, чрезмѣрно прожорливы — во чтобы то ни стало, подавай имъ этого новаго блюда, которое только одно уже можетъ удовлетворить ихъ пресыщенному вкусу. А массѣ—понравилась какъ всегда—сила, энергія человѣческаго голоса, выразившаяся въ этой, дѣйствительно въ высшей степени замѣчательной рѣдкости природы. Вотъ и пошли, одинъ за другимъ являться и проваливаться позорно утъ-діэзы на нашей сценѣ!

Хотя по поводу утъ-діэзовъ я и пришолъ въ достаточно скандальное настроеніе духа — но однако исторіи о скандалахъ по поводу утъ-діэзовъ, какъ не принадлежащей къ этому сезону, я поднимать не стану — а прямо перейду къ нашимъ тенорамъ.

Считается у насъ ихъ кажется человѣкъ восемь, не то девять, показываются же на сценѣ преимущественно трое, изрѣдка является четвертый — евнухъ Вагоа или герцогъ въ Фенеллѣ, въ какомъ нибудь „казакѣ запорожцѣ“ выпрыгнетъ пятый, выпустятъ въ случаѣ болѣзни primo tenore di forza,—шестого—и „срѣжется“, говоря студенческимъ языкомъ, этотъ шестой безобразнѣйшимъ образомъ — и скроется вмѣстѣ съ пятымъ и остальными двумя или тремя „во мракъ забвенія“... Теноровъ восемь или девять, а пѣть, въ томъ случаѣ, когда идетъ серьезная опера, въ родѣ „Юдиеи“, „Гугенотовъ“, „Фенеллы“, „Жидовки“ — и когда вдругъ заболѣлъ primo tenore di forza — рѣшительно некому. Тогда — одно спасеніе: „Жизнь за Царя“ или всѣмъ надоѣвшая опера Флотова (дѣтскаго оперпаго композитора) Страделла. Нынѣшній годъ только, благодаря появленію г. Коммисаржевскаго, обычный репертуаръ нѣсколько разнообразился „Лукреціей“ — въ которой между прочимъ весьма плоха наша, ужъ вовсе не итальянская примадонна, г-жа Біанки и къ ужасу всѣхъ роль Орсини выполняетъ г-жа Леонова; разнообразился Фавориткой“, гдѣ напротивъ къ удовольствію всѣхъ она является въ Леонорѣ — да „Мартой“, которую пора бы ужь сдать на дѣтскіе театры.

Что жъ это за странность такая? А страннаго ничего нѣтъ. Дѣло очень простое. У насъ въ сущности есть только: 1) одинъ пѣвецъ-актеръ и можно сказать высокій пѣвецъ-актеръ, истинный, чест-

Digitized by Google

ный художникъ, съ хромающими къ сожалѣнію верхними нотами голоса. 2) Золотой тембръ голоса, крылосный пѣвецъ, котораго почти ни въ одной роли выпустить нельзя безъ того, чтобъ онъ, какъ пѣвецъ-актеръ не произвелъ смѣха, не говорю ужъ игрою, но самыми интонаціями пѣнія, потому что онъ поетъ всегда *слова*, а не роль. 3) Голосокъ, достаточно, хоть въ высшей степени односторонне развитый, съ прекрасною сценическою наружностью и съ задатками пѣвца-актера — но страдающій односторонностью манеры (вѣчное mezzo voce или насильственный крикъ — и только), испорченный манерностью и приторнымъ нѣжничаньемъ и вообще пришедшійся какъ-то намъ не ко двору — ибо чисто итальянскія оперы у насъ идти не могутъ, а дѣтскія оперы всѣмъ ужь намозолили уши. 4) Ожирѣвшій (это я говорю не въ буквальномъ конечно, а въ метафорическомъ смыслѣ,) — довольно хорошій теноръ, который „мертвъ" вездѣ кромѣ роли Торопки въ „Аскольдовой могилѣ», но который, еслибы „ожилъ", былъ бы весьма полезнымъ членомъ какой угодно оперной труппы. Вотъ и все. Остальное, какъ я вамъ сказалъ, внезапно выскочитъ изъ тьмы на свѣтъ, пропоетъ казацкую пѣсню или нафальшивитъ на сколько силъ хватитъ въ роли „Ахіора" въ „Юдиѳи", да и скроется во мракъ.

Согласитесь, что изо всего этого исчисленнаго я, и по принципу демократизма въ искуствѣ и по чувству музыкальному, могу питать серьезное и искреннее сочувствіе только къ primo tenore di Forza, хоть у него и хромаютъ верхнія ноты голоса. Да вѣдь — не будь этого органическаго недостатка — онъ былъ бы несомнѣнно одинъ изъ первыхъ пѣвцовъ Европы. Вѣдь даже съ этимъ недостаткомъ, онъ все-таки въ высокой степени замѣчательное и отрадное артистическое явленіе.

Фактъ тотъ, что рѣшительно не кѣмъ замѣнить г. Сѣтова; да, когда видишь его въ истинно-художественно созданныхъ имъ роляхъ *Элеазара* (Жидовка), *Мазаньелло* (Фенелла), *Рауля* (Гугеноты), такъ до того поддашься невольному обаянію мастерскаго созданія, что совершенно не понимаешь надобности этой замѣны, не понимаешь вмѣстѣ съ массой, восторженно вызывающей своего любимца, привѣтствующей его нерѣдко у театральнаго подъѣзда своими криками на прощаньи... Потому: иное дѣло масса, иное дѣло партіи. Той или другой партіи — хотѣлось бы выдвинуть то г. Никольскаго, то г. Коммисаржевскаго, то наконецъ даже г. Васильева 2, на мѣсто primo tenore di forza — и, оставляя въ сторонѣ и энергію пѣнія г. Сѣтова и артистическое созданіе имъ ролей, они толкуютъ только о его верхнихъ нотахъ, какъ будто только что и слышны у него въ пѣніи эти верхнія ноты; о другихъ его же пол-

Digitized by Google

ныхъ, звучныхъ, могучихъ нотахъ, обусловливающихъ даже возможность перехода въ баритонъ, à la Граціани (чтобы г. Сѣтову попробовать?) они умалчиваютъ. Но доходитъ дѣло до факта — и идолы партій, или какъ г. Комиссаржевскій сами ограничиваются извѣстнымъ жанромъ, или какъ г. Никольскій берутся не за Элеазара и Рауля, а за Торопку—и портятъ инстинктивно-геніально созданную Верстовскимъ личность, или какъ г. Васильевъ 2-й производятъ несказанную кутерьму въ оркестрѣ и въ хорахъ своимъ появленіемъ въ „Ахіорѣ". Г. Сѣтовъ виноватъ передъ партіями только тѣмъ, что онъ у насъ единственный (за исключеніемъ г. Коммиссаржевскаго) пѣвецъ — актеръ съ настоящимъ музыкальнымъ смысломъ, и Рихарду Вагнеру не къ кому было обратиться кромѣ него для выполненія отрывковъ изъ Лоэнгрина и Нибелунговъ (пѣсня Зигфрида при кованіи меча). Еще онъ виноватъ передъ ними тѣмъ, что онъ пока единственный (это ужь безъ исключенія и г. Коммиссаржевскаго) у насъ пѣвецъ для серьезныхъ оперъ нѣмецкаго и даже французскаго стиля. Масса же инстинктивно очень хорошо понимаетъ что въ *Элеазарѣ*, *Мазаньелло*, *Раулѣ*, передъ ней является одинъ изъ весьма немногихъ сценическихъ художниковъ, способныхъ электризовать, потрясать и увлекать. Мазаньелло въ особенности— если можно сдѣлать выборъ между тремя этими коронными ролями нашего primo-tenore di forza. Столько простоты и вмѣстѣ благородства, столько трагизма и вполнѣ итальянской rabbia положено имъ въ созданіе этого, одного изъ лучшихъ въ искуствѣ, музыкально-поэтическаго образа; даже самая партія такъ пришлась ему по голосу, что лучшаго Мазаньелло трудно себѣ вообразить... Но вѣдь, подумавши и вспомнивши, тоже скажешь объ Элеазарѣ—особенно въ сценѣ съ кардиналомъ и въ знаменитой аріи (Rachel, quand du seigneur...) совершенно оригинально имъ исполняемой, аріи, гдѣ у него слышны и неподдѣльныя слезы и неподдѣльный религіозный восторгъ; тоже скажешь и о Раулѣ, особенно въ сценѣ дуэли и въ сценѣ съ Валентиной, такъ что не о замѣнѣ г. Сѣтова думаешь, когда его тутъ слышишь, а жалѣешь напротивъ о томъ, что не даютъ *Лючію*, въ которой онъ производилъ фуроръ (послѣ Рубини!)—да *Фрадьяволо*, въ которомъ онъ истинно — обаятеленъ.

Кончивши исторію о теноpахъ, я долженъ перейдти къ баритонамъ нашей оперы... но именно баритона-то у насъ и нѣтъ, кромѣ г. Гумбина, артиста съ музыкальнымъ смысломъ, но весьма не богато одареннаго средствами, да г. *Соболева*, не одареннаго кажется ни тѣмъ ни другими. По части баритоновъ, положеніе нашей оперы очень прискорбно. Являлся было на вакансію баритона г.

Digitized by Google

Битженчъ, но увы! изъ этого появленія ничего не вышло, потому что совсѣмъ безъ голосу цѣть нельзя и это надобно бы кажется принять за математическую аксіому всѣмъ дебютирующимъ на оперной сценѣ господамъ и госпожамъ.

Я посвятилъ почти полстатьи нашей оперѣ, потомучто, преимущественно съ нынѣшняго года, опера наша заявила рѣшительныя стремленія быть національнымъ театромъ, серьезнымъ дѣломъ, и настоящею пробою этого серьезнаго дѣла было представленіе великаго произведенія національнаго художника. До тѣхъ поръ, опера въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ росла, но росла какъ-то незамѣтно.

Во всякомъ случаѣ пора ужь теперь, когда національный театръ заявилъ съ нѣкоторымъ блескомъ свое существованіе, отдать должную справедливость честнымъ усиліямъ тѣхъ, кто его подымалъ. Не болѣе какъ пять лѣтъ тому назадъ русская опера была въ совершеннѣйшемъ забросѣ: о ней и думать забыли какъ о вовсе ненужной при существованіи итальянской оперы. Съ появленіемъ г. Сѣтова на русской сценѣ совпадаетъ новый фазисъ бытія нашей оперы. И совпаденіе это — вовсе не случайность для того кому извѣстны закулисныя пружины событій. Много и честно работали г. Сѣтовъ и инспекторъ репертуара, чтобы поднять изъ заброса дорогую имъ національную оперу. Повѣрятъ ли тому, что постановку „Жидовки"—той самой Жидовки, которая давала и даетъ огромные сборы, г. Сѣтовъ предлагалъ обозпечить своимъ годовымъ жалованьемъ — и все-таки, едва, даже при содѣйствіи самомъ горячемъ инспектора репертуара — добился этой постановки?... И такихъ фактовъ множество.

Какъ бы то ни было — дѣло пошло. Сдѣлано уже многое, хотя многое остается еще сдѣлать. Прежде всего, нужно сдѣлать репертуаръ болѣе разнообразнымъ, нужно возстановить многое хорошее старое: Руслана, Роберта, нѣсколько комическихъ оперъ Обера и Герольда (Цампа, Пре-о-клеръ) — нужно поставить много классическаго стараго заново: „Оберона", „Фиделіо", „Свадьбу Фигаро", „Волшебную Флейту", „Эвріанту" — нужны наконецъ „Морянъ-Скиталецъ", „Тангейзеръ" и „Лоэнгринъ" — даже „Пророкъ" нуженъ, даромъ что онъ идетъ у итальянцовъ. И нужно все это, да и можетъ быть при настоящихъ средствахъ нашей оперы исполнено. Потомъ...

Пошолъ я въ первое представленіе *Фауста* у итальянцовъ. Боже мой! что за непроходимая пошлость музыки, и что за поэзія въ

Digitized by Google

Гретхенъ-Барбо, и что за великолѣпіе постановки, что за красота химическаго освѣщенія! Наркотически дѣйствовала на меня сцена свиданія въ саду вся залитая луннымъ свѣтомъ, а между тѣмъ, желчь кипѣла во мнѣ невольно. Что думалъ я—кабы „Юдиѳь" возвращающуюся съ головой Олоферна освѣтить утренней зарею, да залить луннымъ свѣтомъ Катерину въ «Грозѣ» когда она сходитъ въ оврагъ на свиданіе. Когда-то думалъ я—мы «Минина» и «Рогнѣду» поставимъ? Вотъ что значило мое: «потомъ» которымъ я кончаю замѣтки объ оперѣ.

Я миную балетъ и балетную труппу—и это по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, балетъ, какъ обособившійся родъ сценическихъ представленій, я плохо понимаю: притомъ же, балетъ послѣ геніальнаго въ своемъ родѣ Дидло — пошолъ не вверхъ а внизъ со степени пантомимной драмы упалъ на очень низенькую степень болѣе или менѣе нелѣпой рамки для разныхъ плясокъ, и наконецъ въ послѣднемъ произведеніи г. Сенъ-Леона „Ливанской Красавицѣ" дошолъ до той крайней степени абсурда, послѣ которой некуда уже идти дальше. Вовторыхъ, говорить о нашемъ балетѣ, значитъ говорить о г-жѣ Муравьевой, а говорить о г-жѣ Муравьевой, значитъ писать лирическое стихотвореніе въ прозѣ, къ чему я мало наклоненъ въ настоящую минуту.

И такъ, я прямо, ex abrupto перехожу къ нашей драматической сценѣ.

Увы! начавши за здравіе, а свожу за упокой. Представьте вы себѣ провинціала, никогда не бывавшаго въ столицѣ, но образованнаго литературно достаточнымъ образомъ. Есть вѣдь такіе экземпляры, рѣдко, но бываютъ. Въ родномъ его захолустьѣ, въ какомъ-нибудь изъ тѣхъ городовъ, которыхъ, по народной поговоркѣ, „чортъ три года искалъ"—водился въ извѣстное время года (зимою или во время ярмарки — если таковая въ захолустьѣ существуетъ), между прочими развлеченіями захолустной жизни, и театръ со всѣми особенностями нашихъ провинціальныхъ театровъ, т. е. двумя-тремя, а можетъ быть и больше даровитыми артистическими личностями обоихъ половъ, какихъ днемъ съ огнемъ поискать, и съ самыми скудными средствами сценической обстановки: съ труппою вообще, загнанною въ театръ съ разныхъ концовъ земли россійской горькою необходимостью ѣсть и преимущественно горькой потребностію пить... съ непремѣннымъ „драматистомъ" (въ провинціи трагиками очень правильно зовутъ актеровъ играющихъ *Типы*, все равно какой типъ, положимъ Квазимодо или типъ Юсова)—

Digitized by Google

драматистомъ — Ляпуновымъ, игрокомъ и проч., ревущимъ какъ быкъ и воспитавшимъ въ голосѣ жеребячье ржаніе, драматистомъ, который пьянъ всегда, но иногда уже пьянъ такъ эксцентрически, что можетъ побить антрепренера и даже скусить носъ измѣняющей ему примадоннѣ — наконецъ съ сальностью и грязью какого-нибудь сарая или лошадинаго манежа, отведеннаго „подъ театръ" городовыми властями. И между тѣмъ, двѣ-три талантливыя личности какъ то такъ могли иногда воздѣйствовать на сбродную труппу, что выдавались представленія драмъ Островскаго, гдѣ провинціалу моему сдавалось, что и правдою и жизнію вѣетъ. Но провинціалъ мой молодъ, онъ еще недовѣряетъ своимъ впечатлѣніямъ: можетъ быть втайнѣ же, онъ къ примадоннѣ какой-нибудь воспылалъ страстію, можетъ быть онъ даже близко знакомъ съ даровитыми артистическими личностями и втайнѣ же былъ не разъ поражонъ ихъ дѣльнымъ взглядомъ на артистическое дѣло — но все это втайнѣ. Своимъ впечатлѣніямъ онъ боится довѣриться. Въ захолустье къ нему проникаютъ наши газеты, въ которыхъ гг. Раппапортъ, В. Александровъ, Вильде и иные „цѣнители и судьи" весьма чувствительно красоты нашихъ сценическихъ столичныхъ представленій изображаютъ. Можетъ быть, онъ даже года три тому назадъ какой нибудь „Русскій Міръ" выписывалъ и вѣрилъ, бѣдняжка, на слово фельетонисту, безцеремонно возводившему г. Бурдина въ великіе артисты — но во всякомъ случаѣ, онъ несомнѣнно вѣритъ въ то, что г. Самойловъ — Гаррикъ, благодаря статьямъ г. Раппапорта и разнымъ „голосамъ" — и вѣритъ вмѣстѣ съ г. В. Александровымъ, что единственная надежда русской сцены, послѣ „незабвенной" г-жи Снѣтковой 3-й, г-жа Александрова 1-я... Мало ли во что онъ вѣритъ, наивный и страстно любящій искуство юноша. Играютъ ли въ грязномъ и жалкомъ сараѣ — положимъ, хоть „Доходное Мѣсто" Островскаго—по мѣрѣ силъ и въ высшей степени добросовѣстно— его знакомые артисты: будь трагически-типиченъ Вышневскій, хоть на немъ и фракъ старый да и звѣзда бумажная; будь въ высшей степени проста и наивна Поленька, и будь даже онъ влюбленъ въ эту Поленьку, все-таки мой юноша думаетъ: кажется, это хорошо, кажется это даже очень хорошо — но каково же должно быть тамъ-то?.. Dahin, Dahin!

И вотъ, представляется ему возможность ѣхать въ Сѣверную Пальмиру. Мнѣ нѣтъ дѣла до всѣхъ ощущеній, которыми обдаетъ она его, мнѣ нужны театральныя его ощущенія.

Положимъ, что на афишѣ, которую потребовалъ онъ почти тотчасъ же по пріѣздѣ, въ тѣхъ грязныхъ „нумерахъ" близь желѣзной дороги, въ которыхъ онъ непремѣнно остановился зазванный или,

Digitized by Google

лучше сказать, схваченный насильственно какой нибудь благочестивой старушенціей, занимающейся въ этихъ нумерахъ промысломъ организованнаго грабежа—положимъ, я говорю на афишѣ назначена, вмѣстѣ конечно съ какимъ нибудь издѣліемъ г. Устрялова или Потѣхина junioris, да съ „Водевилемъ съ переодѣваньемъ“ — ну хоть „Женитьба“ Гоголя. Радъ мой провинціалъ — увидитъ онъ наконецъ одно изъ произведеній, которое немножко, впрочемъ по рутинѣ, онъ привыкъ считать класическимъ. Смотритъ онъ афишу. „Подколесинъ“—г. Шемаевъ... гм! что-то не слыхивалъ! Даже г. Раппапортъ о немъ не упоминаетъ... Кочкаревъ — г. Марковецкій. Ну, этого хоть многіе и ругаютъ, но о немъ много говорятъ, должно быть актеръ замѣчательный! у кого нѣтъ враговъ и завистниковъ? Тетка купчиха — г-жа Рамазанова „Тоже что-то имя это не попадалось — а вѣдь въ Петербургѣ есть кажется знаменитость по части такихъ ролей, г-жа Линская!“ — „Агафья Тихоновна — г-жа Александрова 2-я“ „А! вотъ оно... да нѣтъ, нѣтъ! это не то. То— г-жа Александрова 1-я надежда-то русской сцены, а объ г-жѣ Александровой 2-й, г. В. Александровъ что-то мало упоминаетъ. „Смотритъ афишу дальше... что ни имя, все имя неизвѣстное... Попадается Экзекуторъ Яичница—лицо очень рельефное,—какой-то г. Башкировъ. А! вотъ одно *знаменитое* и *заслуженное* имя: капитанъ Жевакинъ—г. Григорьевъ, только знаменитость то эта какая-то смѣшная, не то что ужь сомнительная... заслуженность эта — больше насчетъ многолѣтія. Посмотримъ однако! думаетъ мой провинціалъ, немного впрочемъ уже спустившись съ облаковъ. Разумѣется, онъ какъ воспитанный на Бѣлинскомъ и читающій толстые журналы, къ гили г. Устрялова или г. Потѣхина junioris или г. Родиславскаго, относится съ подобающимъ презрѣніемъ, тѣмъ болѣе, что гиль г. Устрялова и Потѣхина пробѣжалъ онъ какъ-то послѣ обѣда, перелистывая единственный, нарочно отведенный для сихъ знаменитыхъ драматурговъ толстый журналъ...

Бѣдный, наивный провинціяльный вьюнышь! Ты и не вѣдаешь, что мы круглый годъ ничего почти кромѣ этой гили не видимъ — ты и не знаешь также, что безъизвѣстный тебѣ и каждому неприсяжному Александринцу г. Шемаевъ — какъ нѣкій древній идолъ „пожралъ“ уже множество хорошихъ ролей, кромѣ несчастнаго Гоголевскаго Подколесина; что имъ напримѣръ „Кулигинъ“ въ „Грозѣ“ и Африканъ Савичъ Коршуновъ въ «Бѣдность не Порокъ» — скушаны... Увы! ты не вѣдаешь еще тонкой прелести игры г. Марковецкаго — и да хранятъ тебя древнія музы — отъ дальнѣйшаго знакомства съ этой тонкой прелестью... Увы! ты думаешь можетъ быть, что г. Башкирову потому „экзекутора“ дали, что онъ его

Digitized by Google

изображать способенъ?.. Любезный мой, потому ему экзекуторы дали, что надо же куда-нибудь и когда нибудь сунуть г. Башмирова.

Гораздо ранѣе срока, разумѣется, является мой провинціалъ въ Александринскій театръ. Озираетъ онъ его. Мѣсто пространное!.. только насчетъ грязи въ коридорахъ и насчетъ анти-изящества самой внутренности, пожалуй, съ его захолустнымъ сараемъ потягается: главное только, что конечно гораздо пообширнѣе будетъ. Собирается „публика". Эге-ге! да вѣдь она нисколько не отличается отъ захолустной—все такая же, даже и въ бельэтажѣ, если бельэтажъ наче чаянія занятъ.

Начинается представленіе. Сидитъ-сидитъ мой провинціалъ, хлопаетъ глазами, высиживаетъ наконецъ первый актъ — и, уже не въ силахъ высидѣть втораго, по своему обычному фанатическому уваженію къ великому національному писателю — стремглавъ бросается къ выходу, и не медля ни минуты, хоть взопрѣлъ какъ въ банѣ — на перваго извощика — домой, въ свой сальный нумеръ, гдѣ за полпорціей сквернѣйшаго чаю на водѣ изъ Лиговскаго канала, за которую сдерутъ съ него—и то еще милосердно,—шесть гривенъ серебра — погружается въ плачевнѣйшія размышленія.

Начать съ того, что Александринское представленіе — хотя конечно артисты не поставляли для себя никакой сознательной отрицательной задачи — поколебало разомъ нѣсколько его литературныхъ вѣрованій, къ которымъ онъ привыкъ, съ которыми онъ сжился, съ которыми ему было очень тепло. Онъ сомнѣвается и въ томъ что Гоголь — народный писатель, ибо ужасно ярко выступило въ игрѣ г-жѣ Рамазановой и того господина, который купчика игралъ, то совершенное незнаніе быта, которымъ страдалъ великій поэтъ. Онъ сомнѣвается и въ томъ, что Гоголь былъ живописецъ дѣйствительности: потому — ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не станетъ спрашивать слугу о томъ: „не спрашивалъ ли портной, для чего баринъ шьетъ себѣ новый фракъ, не хочетъ ли молъ баринъ жениться?"—и эти, и другія подобныя рѣчи въ устахъ Подколесина и Кочкарева — на голо́ во всей ихъ несодѣянности выступили въ деревянной игрѣ г. Шемаева и въ безпощадномъ гаерствѣ г. Марковецкаго. Что же долженъ быть скачекъ въ оно Подколесина, скачекъ, котораго не имѣлъ онъ силы дождаться?.. И доходитъ онъ на пути анализа до той мысли, что Гоголь былъ собственно поэтъ фантастическій и что великъ онъ именно какъ таковой. Результатъ, такъ правильный или неправильный, но во всякомъ случаѣ важный и интересный;—только вѣдь не добывался же этого результата режисеръ театра, распредѣляя роли такимъ образомъ, чтобы обнажить всѣ бѣлые швы драматическаго произ-

Digitized by Google

веденія? Вѣдь не критика же должна быть задачею сценическихъ представленій?.. А впрочемъ, заканчиваетъ мой бѣдный провинціальный „вьюнышъ“ свои печальные думы, можетъ быть, *они* тутъ въ столицѣ и до этого дошли! Можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ. И ложится онъ на свое, мало отличающееся и мягкостью и опрятностью ложе, но заснуть онъ долго не можетъ. Ему все перещится уныло однообразный Подколесинъ и въ стукѣ часового маятника слышится его казенно-размѣренная рѣчь: ему не даетъ покоя своей безсмысленной суетней Кочкаревъ, незнающій роли и выкидывающій фарсы все нелѣпѣе и нелѣпѣе: ему наконецъ постоянно рѣжетъ ухо противно-фальшивый и шепелявящій тонъ экзекутора Яичницы. Все наконецъ принимаетъ въ его воображеніи видъ суздальской литографіи; Подколесинъ, Кочкаревъ, Яичница, тетка — перемѣшиваются и сливаются, то съ Полканомъ, то со свахою, развертывающею «роспись приданому жениху удалому», то съ птицею Сиренъ, которой гласъ весьма силенъ, и въ которую превращается для него Кочкаревъ, то съ «морозомъ и большимъ носомъ», который представляетъ почему-то курносый и шепелявящій экзекуторъ.

А все таки, послѣ тяжолаго сна и послѣ новой, лѣзущей въ его карманъ за шестью гривнами серебра, полпорціи гнуснаго чая, онъ спрашиваетъ афиши. И, о радость! на афишѣ, положимъ, „король Лиръ“, и притомъ, „король Лиръ“ на Маріинской, на аристократической сценѣ. Вотъ онъ увидитъ наконецъ на сценѣ Шекспира, котораго онъ никогда не видалъ, потому что разъ какъ-то собрались было кое-какъ дать въ захолустьѣ сцены изъ Гамлета — и Офелія нашлась очень хорошая, да къ несчастью, драматистъ совершенно безнадежно запилъ: такъ дѣло и не состоялось. Онъ увидитъ Самойлова, того Самойлова, передъ которымъ совершаютъ колѣнопреклоненія театральные критики. Правда, о немъ молчатъ толстые журналы, да они вообще вѣдь съ величавымъ презрѣніемъ молчатъ о театрѣ, чего мой провинціалъ, не смотря на все свое уваженіе къ толстымъ, никакъ въ нихъ не похваляетъ. Онъ увидитъ въ роли Корделіи г-жу Александрову 1-ю, эту надежду русской сцены, судя по фельетонамъ соименнаго ей театральнаго критика.

Бѣдный, наивный провинціальный „вьюнышъ“! Въ наивности души твоей, ты и не проникаешь въ тайну того, что со временъ покойнаго И. И. Панаева обозначаетъ молчаніе, хоть-бы напримѣръ „Современника“, о знаменитомъ артистѣ; не знаешь, что всякому серьезному критику еще отъ Бѣлинскаго досталась въ наслѣдіе вражда непримиримая къ „внѣшнему“ творчеству; что тотъ же по-

Digitized by Google

койный Панаевъ съумѣлъ оцѣнить геніальность Мартынова; кромѣ того, ты еще недостаточно понялъ, что въ идеѣ того ученія, котораго толстый журналъ является представителемъ, лежитъ презрѣніе къ искуству вообще и къ театру въ особенности... А потомъ, о наивная душа! ты вѣришь какъ въ серьозъ — въ рецензіи г. В. Александрова...

Въ своемъ умилительномъ невѣденіи, ты идешь въ русскій аристократическій театръ смотрѣть Шекспира и опять — увы! глазамъ и ушамъ своимъ не вѣришь. Вотъ зашагали передъ тобою трагически-гусиной выступкой Глостеръ, фельдфебельскимъ шагомъ Кентъ, походкой лихача незаконнорожденный Эдмондъ, и сразу же ошибли тебя несодѣяннѣйшей фальшью фразировки: точно какъ будто у нихъ есть затаенная мысль, что въ Шекспирѣ ни говорить, ни ходить по просту, по человѣчески не слѣдуетъ... Любопытные сюжеты! Но еще любопытнѣе — дщери старца Лира, по истинѣ „прынцесы", и руки это какъ-то къ сердцу особенно прижимаютъ, и говорятъ по какимъ-то крюковымъ нотамъ. Двѣ изъ нихъ — злодѣйки, такъ ужь это и очевидно, что злодѣйки: и голосъ грубый и очами дико вращаютъ. За то третья, надежда русской сцены, не вращаетъ, но замѣчательно играетъ своими глазами. Только впрочемъ ты и видишь въ ней замѣчательнаго, да развѣ еще бо́льшую, сравнительно съ другими „прынцесами" манерность, еще утонченнѣйшее пѣніе по крюковымъ нотамъ, еще ухищреннѣйшую фальшь въ интонаціяхъ. Такъ вотъ и слышишь ты, что кѣмъ-то напѣты эти интонаціи...

Но ты ошибешься глубоко, употребивши слово: кѣмъ-то. Не „кѣмъ-то", а „чѣмъ-то" напѣты эти интонаціи, и это „что-то" я пожалуй поясню тебѣ что́ оно такое. Это что-то — „вѣяніе" старыхъ преданій, воздухъ театральной школы, дѣло рукъ „театральныхъ дѣлъ мастеровъ". Это что-то — такъ называемая *дикція*, которой слава Богу не знаютъ въ провинціяхъ, заученные напѣвы съ рѣчей великихъ артистовъ былого времени, окаменѣвшіе или лучше одеревенѣвшіе порывы чувства, воспроизводимые по востребованію органчиками или серинетками. Это что-то — поровая язва рутины, подъѣдающей душу въ артистѣ или артисткѣ! Главнымъ же образомъ, это такъ называемая театральная школа.

Самъ старецъ-Лиръ производитъ на провинціала какое-то въ высшей степени странное дѣйствіе. Онъ не можетъ дать себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ—и притомъ, вовсе не потому, чтобы былъ слишкомъ огорошенъ этими впечатлѣніями. Напротивъ, характеръ впечатлѣній самый прозаическій. Онъ видитъ умнаго, даже очень умнаго актера, изучившаго до тонкости механизмъ дра-

Digitized by Google

матической игры, превосходно гримирующагося и отлично *представляющаго* внѣшніе пріемы и внѣшнія проявленія страстей и чувствъ. Но его поражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопервыхъ, чрезмѣрная утрировка въ изображеніи старческой немочи, и во вторыхъ то, что только патетическіе взрывы гнѣва, горя или безумія старательно представляются артистомъ—и что въ обыкновенныхъ мѣстахъ роли онъ впадаетъ въ тривіальность съ позволенія сказать водевильную: такъ что собственно передъ нимъ ходятъ какихъ-то два Лира, изъ которыхъ одинъ гнѣвается, плачетъ, скорбитъ и съумашествуетъ весьма искустно—за то другой постоянно отдыхаетъ за этого перваго въ роли Морковкина или какого нибудь водевильнаго дядюшки. Провинціалъ мой—немножко педантъ и сей часъ же придумываетъ въ головѣ названіе для этого недостатка, формулу: именно онъ называетъ это "отсутствіемъ среднихъ терминовъ въ созданіи характера".

О младый, младый вьюнышъ!.. Никакого тутъ отсутствія среднихъ терминовъ и другихъ подобныхъ суесловныхъ премудростей нѣтъ и не бывало. Дѣло объясняется гораздо проще. Г. Самойловъ артистъ съ способностями въ высшей степени замѣчательными, но чисто внѣшними. Въ былыя времена онъ превосходнѣйшимъ образомъ копировалъ цыганъ, татаръ, жидовъ, итальянцевъ и проч. Эти качества за нимъ и теперь остались, такъ что самая блистательная его роль—роль "Кречинскаго" основана на польскомъ акцентѣ, котораго совсѣмъ не имѣлъ въ виду авторъ пьесы. Способность г. Самойлова—хотя и принадлежитъ къ числу существенно-артистическихъ способностей, но низшей категоріи. Эта—способность переносится въ тѣло, а не въ душу предположенной личности. Тѣло—и прежде всего тѣло т. е. натура въ грубомъ смыслѣ—стоитъ всегда предъ г. Самойловымъ. Въ Лирѣ—онъ и играетъ по этому раздражительнаго и разбитаго чуть что не параличемъ старика,—въ Шейлокѣ—жида изъ старой пьесы: "Бердичевская ярмарка"—въ Любимѣ Торцовѣ, котораго впрочемъ играть онъ бросилъ, потому что вообще не охотникъ до пьесъ Островскаго и до его типовъ, которыхъ "тѣлесъ" онъ въ Петербургѣ видать не могъ, а въ духъ, какъ актеръ совершенно ненаціональный, не проникъ,—въ Любимѣ Терцовѣ, говорю я—онъ понялъ только припадки delirii trementis и доводилъ ихъ до клиническаго совершенства.

Да какъ же.. говоришь ты мой милый другъ совершенно взволнованный и нѣсколько даже въ смущеніи... Какъ же г. Раппапортъ, г. В. Александровъ разные голоса... наконецъ, прежніе критики...

Digitized by Google

Да ты успокойся... они тутъ по своему пожалуй и правы. Г. Самойловъ вовсе не ниже какой нибудь нѣмецкой или французской извѣстности въ родѣ тамъ Дависона, Дессуарда, Поли Мине, какихъ нибудь вообще всѣхъ знаменитностей, играющихъ плотью, а не нервами. И нѣмцы и французы пожалуй отъ него въ восторгъ придутъ, только мы демократы въ искуствѣ въ восторгъ не приходимъ, да Итальянцы можетъ быть не придутъ, потомучто у нихъ есть Модена и Сальвини, которые нервами играютъ.

А все-таки жаль, о юноша, что ты не видалъ г. Самойлова въ одномъ водевилѣ графа Соллогуба, гдѣ онъ Итальянца, продавца фигуръ, Антоніо Регенти, изображаетъ, или въ "купленномъ выстрѣлѣ„ въ роли Англичанина, или наконецъ въ "Комедіи съ Дядюшкой„ гдѣ онъ такъ называемую роль переодѣванья отлично игралъ бывало. Вотъ его настоящее амплуа. Несчастная же страсть къ Шекспиру пришла къ нему не очень давно, — лѣтъ пять-шесть, и пришла такъ сказать съ вѣтру. Мода вдругъ на Шекспира пошла; послѣ того, какъ черномазый Ольдриджъ здѣсь побывалъ. Ну и принялся г. Самойловъ за Шекспира. До "Гамлета„ сударь мой, добрался—новый (и надо сказать правду, дубовый) переводъ на сцену поставилъ—съ бородой вышелъ,—но что онъ въ Гамлетѣ игралъ и играетъ, это покамѣсть остается тайною между нимъ и небомъ.

Между тѣмъ представленіе кончается. Трупъ Корделіи весьма эфектно распускаетъ прекрасные волосы, старческая немочь многострадальнаго короля заканчивается наконецъ смертью. Кентъ, г. Григорьевъ—успѣваетъ наконецъ довести свой, плохо повинующійся ему органъ голоса, до трагическаго ржанія въ заключительныхъ рѣчахъ...

И опять въ плачевныхъ размышленіяхъ засыпаетъ мой провинціалъ—и опять снится ему что-то несодѣянное. Кентъ и Глостеръ соперничествуютъ ржаніемъ другъ передъ другомъ, прыщесы до того уже дико вращаютъ очесами, что очеса эти выскакиваютъ изъ орбитъ.

Провинціалъ встаетъ съ намѣреніемъ нѣкоторое время не ходить въ театръ, подождать, пока дадутъ Островскаго что нибудь, но за афишами слѣдитъ все-таки съ жаднымъ любопытствомъ. И видитъ онъ къ ужасу своему не малому, что репертуаръ столичный — ой-ой-ой! — какой низменной температуры, сравнительно съ репертуаромъ провинціальнымъ... видитъ онъ, что на сценѣ національной владычествуютъ штуки архиерундистыя — и что даже чѣмъ штука ерундистѣе, какъ „Было да прошло", тѣмъ Александринскій полнѣе и тѣмъ стало быть чаще штука дается. Умилился онъ разъ неска-

Digitized by Google

занно душою передъ однимъ фактомъ, явно показавшимъ взаимную симпатію между режисеромъ труппы и „публикою". Назначили какъ-то разъ „Гамлета" — и отмѣнили по болѣзни г. Самойлова. Режисеръ какъ разъ догадался, чѣмъ публику вознаградить и утѣшить. Между прочими вещами, замѣнившими „Гамлета", онъ назначилъ водевиль: „Гамлетъ Сидорычъ и Офелія Куазмишна". И прелестно! И то—Гамлетъ и это—Гамлетъ! не все-ль равно?...

Вотъ наконецъ въ серединѣ между какой-то пасквильной дребеденью и какой-то непроходимой чушью — на афишѣ назначено „За чѣмъ пойдешь то и найдешь", или „женитьба Бальзаминова". Женитьба Бальзаминова!—послѣдняя часть трилогіи, которая вся—едва ли не высшее, что написалъ Островскій въ комическомъ родѣ — трилогіи, раскрывающей разнообразнѣйшіе міры въ какомъ-то небольшомъ закоулкѣ самаго типическаго на свѣтѣ города, міры до того своеобразные, что они казались бы чѣмъ-то фантастическимъ, еслибы отъ каждаго типа не вѣяло самой несомнѣнной жизнію; трилогіи съ глубочайшимъ смысломъ и съ самымъ чудовищнымъ содержаніемъ, полной самаго веселаго смѣха и Шекспировской психологіи, психологіи до дерзости, до мечтаній Бальзаминова въ потьмахъ!... Понятное дѣло, что мой юный провинціалъ наизусть знаетъ почти всю трилогію, что каждое лицо онъ тутъ любитъ художественно: и мать Бальзаминова, сѣтующую на то, что нѣтъ въ ихъ сторонѣ самонужнѣйшей вещи—ворожеи, и кухарку Матрену, дерзко поперѣчащую герою драмы, и сваху, и Раису, и Анфису. Пусть средоточіе этого міра личностей — закоулокъ Москвы, взлелѣявшій ихъ въ самой типической неприкосновенности,—но, можетъ быть, менѣе типичные, они разсѣяны по лицу всей земли Россійской — пружины ихъ дѣйствій и помышленій понятны всякому бытовому, а не кабинетному человѣку. Опять съ нетерпѣніемъ ждетъ мой юный провинціалъ часа, когда по его разсчетамъ, дребедень должна уже кончиться—и дѣйствительно, къ счастію попадаетъ чуть что не въ ту самую минуту, когда поднимается занавѣсъ и начинается: „Женитьба Бальзаминова".

Какое превращеніе совершилось со сценой... Все живетъ, все проникнуто смысломъ и правдой—ни одинъ фальшивый тонъ не рѣжетъ уха. Даже г. Яблочкинъ,—и тотъ — если не хорошъ, то и не противенъ въ своей роли... Даже Раиса и Анфиса хороши—а Ничкина, такъ просто прелесть—а мой юный другъ забылъ даже и въ афишу заглянуть. Теперь онъ заглядываетъ—и видитъ, что Ничкина—г-жа Васильева 2,—мать г-жа Линская,—сваха—г-жа Воронова. Сваха-то могла бы быть потипичнѣе, говоритъ онъ про себя—ну, да такъ и быть: хоть тонъ настоящій. За то мать Бальзаминова—

Digitized by Google

вѣдь это сама правда, сама жизнь, вѣдь это точно родная сестра нашей Глазунихѣ... пожалуй еще точно что почище будетъ!...

Но къ кому приковался онъ глазами и сердцемъ, это къ Бальзаминову. Изумительно! шепнетъ онъ чуть что не слышно—послѣ каждаго вдохновеннаго, огненнаго порыва юмора великаго артиста—а эти огненные до дерзости, вдохновенные до дурачества, но глубоко осмысленные, веселые порывы на каждомъ шагу, — порывы, увлекающіе неудержимо массу. Живой, искренній смѣхъ ходитъ по театру, — и уже предѣловъ этому смѣху нѣтъ въ сценѣ свиданія Бальзаминова съ Раисой съ Анфисой... Изумительно! шепчетъ опять мой страстный къ театру вьюнышь... но уже не знаетъ что сказать, когда Бальзаминовъ погружается въ потемкахъ въ сладкія мечтанія—до того глубока, проста и правдива игра артиста. Когда же Бальзаминовъ топаетъ ногой и оретъ какъ дикій оселъ отъ радости, получая черезъ сваху часы въ подарокъ отъ невѣсты,—онъ, за минуту передъ тѣмъ сидѣвшій въ адской лихорадкѣ, очевидно-адской и мучительной,—мой провинціалъ готовъ вскочить со стула, и самъ, когда падаетъ занавѣсъ, оретъ неистово: Васильева!...

Въ первый разъ въ чаду сценическаго упоенія возвращается онъ домой...

Погоди мой милый! Этотъ актеръ не высокаго роста, съ однообразной по мнѣнію гг. Раппопорта и Александрова манерой, съ отсутствіемъ столь любезной разнымъ „образованнымъ" господамъ дикціи — протей! Ты отъ него хохоталъ какъ съумасшедшій—онъ заставитъ тебя заплакать;—мало того, онъ въ знобъ и дрожь тебя броситъ. О да!... онъ мужикъ какъ ты же—и мужикъ безъ дикціи и хорошихъ манеръ, какъ покойный Мочаловъ — и ты его глубоко полюбишь!

Между тѣмъ, по возвратѣ домой, провинціалъ мой осмысливаетъ свои впечатлѣнія! Что же это такое однако,—думаетъ онъ. Явное дѣло, что г. Васильевъ 2 и г-жа Линская—настоящіе, заправскіе—даже самые настоящіе и самые заправскіе артисты на здѣшней сценѣ—и однако они на здѣшнихъ-то другихъ совсѣмъ не похожи: они больше на нашихъ, на захолустныхъ-то смахиваютъ, — только что Васильевъ—геніальный актеръ, котораго второго ни въ столицахъ ни въ провинціи не найдешь—а Линская—развѣ что градуса на два повыше нашей Глазунихи будетъ—да и то еще Богъ знаетъ: кажется проще то, что обѣ—большія артистки... Да вотъ и г-жа Васильева-то 2-я, которая Ничкину играла — совсѣмъ на провинціальную актрису похожа: очень ужь правды и простоты много и хорошихъ манеръ нѣтъ.

И опять снится ему сонъ—но сонъ чрезвычайно пріятный, хотя

Digitized by Google

можетъ быть гораздо болѣе фантастическій и несбыточный, чѣмъ всѣ предшествовавшіе. Представленіе какъ будто продолжается... но сваху играетъ Глазунова—и обѣ артистки, т. е. и мать и сваха—соперничаютъ другъ передъ другомъ, но не пошло, а благородно, артистически соперничаютъ. То вдругъ проходитъ передъ нимъ „Доходное мѣсто" и мерещатся ему П. Васильевъ въ Жадовѣ, Виноградовъ — въ „Юсовѣ", Браво—въ Вышневскомъ, и мало ли сколько идеальныхъ сценическихъ представленій проносится передъ нимъ въ несбыточномъ сновидѣніи?

Результатъ представленія для него тотъ, что онъ, вопервыхъ — начинаетъ высоко и вмѣстѣ сознательно уважать провинцію—а во вторыхъ, у него есть уже два имени, которыхъ онъ жадно ищетъ въ каждой афишѣ — П. Васильевъ и г-жа Линская. Для нихъ онъ пойдетъ смотрѣть всякую водевильную дичь и разныя издѣлія гг. Потѣхиныхъ senioris et junioris...

Скоро къ этимъ именамъ присоединяется еще третье. Онъ еще въ провинціяхъ слыхалъ о г. Горбуновѣ, о его глубокихъ въ своей безпритязательности бытовыхъ разсказахъ. Онъ услыхалъ наконецъ—не въ театрѣ впрочемъ, гдѣ г. Горбуновъ постоянно разсказываетъ одно и то же — а на частномъ вечерѣ эти неистощимые и никогда не пріѣдающіеся разсказы изъ устъ самого разсказчика, но онъ еще вовсе не знаетъ г. Горбунова какъ артиста.

Къ счастію первая роль, по которой онъ знакомится съ г. Горбуновымъ какъ съ актеромъ—его коронная роль, роль Ваши Кудряша въ „Грозѣ"—въ заигранной великой трагедіи, которая стала у насъ для всяческихъ дебютантокъ тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда былъ Гамлетъ для всяческихъ дебютантовъ—и разумѣется отъ г. Горбунова и г-жи Левкѣевой приходитъ въ самый искренній восторгъ; къ счастію его и Тихона играетъ въ это представленіе П. Васильевъ и Дикова не безобразитъ г. Григорьевъ, а честно выполняетъ г. Зубровъ. Довольный представленіемъ вообще — хоть въ немъ и нѣтъ главнаго лица, Катерины, а читается съ условными интонаціями и прекрасными манерами роль,—наэлектризованный — при посредствѣ великолѣпной игры г. Горбунова и г-жи Левкѣевой волжскою ночью—онъ совершенно счастливъ. Великое созданіе великаго народнаго поэта еще шире развернулось передъ нимъ въ сценическомъ осуществленіи, ибо въ родномъ его захолустьѣ не было средствъ и возможности поставить „Грозу".—Бытовыя, эпическія подробности, которыя составляютъ красоту трагедіи, открывая перспективы въ тотъ міръ бытовой жизни, съ которымъ она связана всѣми нервами,—съ достаточною опредѣленностью выразились въ сценическомъ выполненіи — и онъ, повторяю я, вполнѣ доволенъ.

Digitized by Google

Ему, кромѣ того, увидавшему г-жу Линскую въ „Кабанихѣ"—становится очень ясно, что г-жа Линская едва ли съ кѣмъ либо идти въ сравненіе можетъ, что она, какъ П. Васильевъ, экземпляръ въ своемъ родѣ единственный, что не только смѣяться, а тяжело задуматься можетъ она заставить человѣка. Онъ начинаетъ почти съ послѣдней сцены трагедіи прозрѣвать и даже очень ясно прозрѣвать—что̀ такое П. Васильевъ, что̀ значитъ огонь того юмора, съ которымъ геніальный артистъ до дерзости игралъ Бальзаминова!... Онъ только спрашиваетъ у кое-кого изъ знакомыхъ—неужели Мартыновъ былъ еще выше П. Васильева въ Тихонѣ Кабановѣ, и конечно ему отвѣчаютъ или двусмысленными улыбками, или казеннѣйшими рѣчами.

О младый, неопытный вьюнышь! Зачѣмъ вы такіе вопросы дикіе дѣлаете. Поймите вы разъ навсегда всю глубину стиховъ поэта:

Живая власть для черни ненавистна —
Она любить умѣетъ только мертвыхъ...

Поймите вы еще, что собственно то что носитъ у насъ имя литературы и что стоитъ этого имени—въ русскій театръ не ходитъ или ходитъ чрезвычайно рѣдко. Ну, зашолъ разъ случайно одинъ аристократъ литературный, покойный Панаевъ; въ театръ случайно же попалъ на представленіе дикой штуки г. Потѣхина senioris „Чужое добро въ прокъ нейдетъ"—гдѣ былъ покойный Мартыновъ такъ же точно великъ, какъ былъ въ ней великъ по своему покойный С. Васильевъ въ Москвѣ и какъ теперь великъ въ ней по своему же П. Васильевъ. Панаевъ честно и прямо сказалъ объ игрѣ Мартынова, что это игра геніальная. Объ игрѣ С. Васильева—онъ этого не сказалъ, потомучто ее не видалъ, живя въ Петербургѣ: до игры П. Васильева онъ не дожилъ. Вотъ и вся разгадка. Вѣдь тлѣ литературной, кромѣ того, что она по натурѣ терпѣть не можетъ „всякъ холмъ высокій и всяку гору высоку" — авторитеты нужны.

Послѣ „Грозы" мой провинціалъ попадаетъ въ представленіе „Грѣхъ да бѣда", но къ несчастію, на первый разъ съ г. Бурдинымъ. Онъ осужденъ такимъ образомъ присутствовать при одной изъ самыхъ отчаянныхъ „бенгаликъ" россійскаго Леметра, при бенгаликѣ съ растяжкою на полу во всю длину роста, при бенгаликѣ приторнѣйшихъ всхлипываній и заученнѣйшихъ интонацій. А онъ шолъ съ надеждою видѣть въ „Львѣ Красновѣ"—П. Васильева, потомучто кое-кто изъ знакомыхъ уже говорили ему о высокой игрѣ артиста въ этой роли, прибавляли даже, не обинуясь — что *самъ* Садовскій, сравнительно съ нимъ оказался въ этой роли край-

Digitized by Google

не несостоятельнымъ. Онъ разумѣется спрашиваетъ — *почему* же и *для чего же* играетъ эту роль г. Бурдинъ, котораго „бенгальскіе огни“ даже и Александринской публикѣ не доставляютъ повидимому большого удовольствія, да и самая растяжка на полу не производитъ желаемаго эффекта. Ему отвѣчаютъ, что артисты *чередуются* — что это еще цвѣточки, что Любима Торцова напримѣръ играетъ не только г. Бурдинъ, но чуть ли даже и не г. Марковецкій, чередуясь съ П. Васильевымъ. Конечно, онъ въ толкъ не можетъ взять, ради чего это нужно.

О провинціальный юный невѣжда!... „Тайна сія велика есть“—и тебѣ ли понять ее?

Ты можешь ли Левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?

„и можешь ли ты знать все важное значеніе разовыхъ“ въ мірѣ искуства?... Не тому дивись, что г. Бурдинъ чередуется съ г. П. Васильевымъ и что г. Марковецкій тоже съ нимъ во многихъ роляхъ чередуется, а тому дивись, что г. Марковецкій не чередуется съ г. Самойловымъ въ роли Гамлета, что г. Шемаевъ не чередуется съ г-жей Ѳедоровой въ роли „Гонерильи“ въ „Королѣ Лирѣ“— что г. Бурдинъ Офелію еще не изображалъ до сихъ поръ! Вотъ чему дивись, а вовсе не тому, что ты ждалъ видѣть П. Васильева въ его высшей роли—а осужденъ былъ услаждаться бурдинизмомъ въ его полнѣйшемъ разливѣ...

И долго приходится тебѣ ждать другого представленія великой и сурово сжатой трагедіи. Изъ этого ея представленія вынесъ ты только убѣжденіе, что второе артистическое имя, которое можетъ быть названо послѣ именъ П. Васильева, г-жи Линской—имя г. Горбунова. Вѣдь ты мужикъ, мой провинціальный другъ: для тебя простота и правда созданія есть первое и единственное условіе артистической игры—а простотой и правдой, правдой до глубины созданія роли больного Аѳони г. Горбуновъ на тебя сильно подѣйствовалъ... Но что же это за Протей такой—г-жа Линская? думаешь ты... Кто узнаетъ мрачную и суровую Кабаниху въ подпрыгивающей, юлящей и „воспитанной“ Лукерьѣ Даниловнѣ?... Опять типъ — и типъ такой, выше и правдивѣе котораго не то что трудно — невозможно что либо придумать...

На одно то ты не обратилъ достаточнаго вниманія—на игру г-жи Владиміровой, въ роли „Татьяны Даниловны“. Ты ей совершенно доволенъ, какъ доволенъ и г. Нильскимъ, который дѣйствительно очень хорошъ въ многихъ холодныхъ роляхъ индѣйскихъ лингамчиковъ, расхаживающихъ по драмамъ Островскаго... ты вполнѣ

Digitized by Google

доволенъ тѣмъ, что ни пѣнія, ни рутины почти что не слышно въ рѣчи г-жи Владиміровой, что „хорошихъ манеръ“ въ ней не замѣтно, но еслибы ты зналъ, что роль Татьяны Даниловны была первою ролью, съ которой прекрасная артистка начала тяжкую работу самостоятельнаго развитія — ты подивился бы огромнымъ артистическимъ способностямъ г-жи Владиміровой—и въ особенности ея вѣрному, умному, правдивому артистическому чувству... Сразу понять всю фальшь тѣхъ штукъ, изученіемъ которыхъ можетъ быть очень долго мучили ее „театральныхъ дѣлъ мастера“ — и понять вмѣстѣ съ тѣмъ, что только *правда, искренность, простота* нужны въ искуствѣ — и повлечься къ этой правдѣ, этой простотѣ, этой искренности всей своей—и артискически и просто—женственно отзывчивой-душою,—и смѣло рѣшиться „сжечь за собою корабли“— т. е. отринуть, отметнуть отъ себя весь хламъ старой рутины, *почти что* сдѣлать это въ короткое время... и явиться отрицательно-чистою въ роли Татьяны Даниловны—это такой подвигъ, на который способна только настоящая, заправская артистическая натура.

Разумѣется ты, не зная ничего предшествовавшаго, былъ только просто доволенъ отрицательными достоинствами игры артистки въ роли Татьяны Даниловны.—Впрочемъ и эти, чисто-отрицательныя достоинства, ты съумѣлъ бы оцѣнить гораздо болѣе, еслибы до г-жи Владиміровой видѣлъ въ Татьянѣ Даниловнѣ г-жу Снѣткову 3-ю, которая вообще артистическимъ пониманіемъ весьма мало отличалась, и никакой разницы между глубоко-страстной „Катериной“ Грозы и очень пустой „Татьяной Даниловной“—не полагала...

Но вотъ ты въ состояніи оцѣнить и положительныя достинства игры г-жи Владиміровой. Ты видѣлъ „Воспитанницу“, ты воротился домой въ какомъ-то чаду упоенія отъ этого, почти единственнаго спектакля съ ансамблемъ на нашей сценѣ, спектакля, показывающаго что̀ такое драмы великаго поэта, когда они сколько нибудь честно поставлены. Тебѣ все мерещится эта ночь съ соловьиными пѣснями и этотъ прелестный женственный образъ, тающій въ страстной истомѣ: въ ушахъ твоихъ все отдаются прямо изъ сердца вырванные звуки страсти, удали отчаянія и — стоны безвыходной скорби...

Въ два-три мѣсяца совершилась эта чудесная метаморфоза съ г-жей Владиміровой. Ты пойми это—и потому не равняй ее—даже съ лучшей провинціальной примадонной, которую ты видѣлъ, съ г-жей Ивановой. Та простота и естественность, которой ты восхищался всегда въ К. Н. Ивановой — ей ничего не стоили. Она не знала надъ собой тяготѣнія преданій театральной школы, не вѣдала муштровки „театральныхъ дѣлъ мастеровъ“. Она только къ сценѣ

Digitized by Google

привыкала и свободно отдавалась тому чувству и артистическому вдохновенію, какія Богъ ей далъ. Несравненно же болѣе глубокія чувство, женственность и вдохновеніе, данныя природою г-жѣ Владиміровой, должны были бороться съ рутиною, освобождаться отъ старой ветоши преданій, отъ фальши такъ называемой „дикціи„ — отъ искуства декламаціи, отъ пѣнія рѣчей по нотамъ, наконецъ отъ „прекрасныхъ манеръ". Когда ты всю эту борьбу себѣ представишь, ты нисколько не будешь дивиться моей глубочайшей симпатіи къ таланту г-жи Владиміровой — ты какъ я же будешь съ нетерпѣніемъ ждать ея появленія въ „Бѣдной невѣстѣ" въ „Марѳѣ Борисовнѣ" (Мининъ) въ „Любови Гордѣевнѣ" (Бѣдность не порокъ) въ „Катеринѣ" (Гроза) въ Корделіи, Офеліи, Дездемонѣ... потому: она актриса Шекспира и Островскаго. Не соверши она въ самое короткое время труднѣйшаго дѣла: „забыть уроки театральныхъ дѣлъ мастеровъ" — и въ самой себѣ доискаться вѣрныхъ и правдивыхъ, глубоко-страстныхъ и вмѣсто глубоко-искреннихъ звуковъ, я не имѣлъ бы права говорить это съ такой увѣренностью, но теперь имѣю полное право. Въ этой артистической натурѣ есть самое рѣдкое свойство артистическихъ натуръ, — вслѣдствіе только котораго однако онѣ и могутъ быть названы артистическими—поэзія есть...

Но что же это однако такое? продолжаетъ думать мой провинціальный мечтатель. Единственный геніальный артистъ на столичной сценѣ развился на провинціальныхъ театрахъ:—высокая артистка г-жа Линская—тоже не столичный продуктъ. Г. Горбуновъ—никакихъ „хорошихъ манеръ" не имѣетъ—г-жа Левкѣева—совсѣмъ точно провинціальная актриса... г-жа Владимірова, явнымъ образомъ изъ актрисы *столичной*, какой она была прежде, становится провинціальной актрисой. Г. Зубровъ — хорошій актеръ, хоть гораздо пожиже и поодноообразнѣе Глушкова, потому только и хорошъ, что на столичнаго совсѣмъ не походитъ. Кто жъ столичные-то?..

А вотъ кто, мой милый: г. Григорьевъ, я начну съ заслуженныхъ ветерановъ, потому что онъ типы Русакова напримѣръ или Дикова прямо изъ казармъ, находящихся только въ столицѣ, беретъ. Г. Бурдинъ—столичный, потому онъ и говоритъ и вздыхаетъ и даже всхлипываетъ по крюковымъ нотамъ; ну, г. Марковецкій — столичный, ибо отъ департаментскихъ писарей свой комическій юморъ и свои натуры заимствуетъ; ну, „прынцессы" всѣ—безъ исключенія столичныя.

Вотъ ты напримѣръ недавно небольшую и милую сцену покойнаго М. Стаховича „Ночное" видѣлъ—и вынесъ еще бо́льшее уваженіе къ своеобразному таланту г. Горбунова, но вмѣстѣ съ тѣмъ не

Digitized by Google

могъ безъ нѣкотораго отвращенія „игру въ футлярѣ“ юнаго г. Петрова видѣть, потомучто онъ изображалъ пейзана—и возмутился игрой и пѣніемъ г-жи Загородниковой, изображавшей пейзанку. Возмущаться тутъ нечего: это столичная народность, любезный мой. Ну, вотъ тебѣ... Г-жа Левкѣева, артистка совсѣмъ какъ будто не столичная а провинціальная—въ „Варварѣ“ напримѣръ въ „Грозѣ“—со всею искренностью народной удали дѣвицу весьма непримѣрнаго поведенія изображаетъ и пѣсни мужицкія, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, во всю силу даннаго ей звонкаго и народно-заливного голоса поетъ... а г-жа Загородникова — то ли дѣло? хоть она и говоритъ на *о*, но такъ и видно что барышня — и разныя декламаціи и дикціи *происходила*... и пѣсню это „Размолодчики вы молоденькіе“—по-образованному, подъ музыку *сочиненія* г. Кажинскаго: поетъ, такъ что совсѣмъ грубой, мужицкой пѣсни и не узнаешь. Ты говоришь, что это—оскорбленіе народности, что г. Кажинскій своими оркестровками русскихъ пѣсенъ показываетъ только весьма постыдное въ этомъ дѣлѣ невѣжество, что отъ столично-народнаго тона г-жи Загородниковой—„претитъ“ всякаго порядочнаго смертнаго... Это все отъ того, что ты провинціалъ необразованный... Ты этимъ возмущаешься? Любезный! такъ ли еще мы тебя утѣшить можемъ? Хорошо что дали мы на нѣкоторое время отдохнуть бѣдной „Бѣдность не порокъ!“ Полюбовался бы ты нашей постановкой одной изъ вдохновеннѣйшихъ и искреннѣйшихъ драмъ народнаго поэта... Доѣхали бы тебя и Разлюляевъ съ Анной Ивачовной, и святочныя игры, и подвиги г. Кажинскаго по части исполненія темпа и мотива обрядовыхъ и свадебныхъ пѣсенъ, знакомыхъ издѣтства всякому русскому уху... А то вотъ нашолъ еще какими пустяками возмущаться: мы и почище чѣмъ нибудь тебя угостить можемъ...

Вотъ оно наше столичное-то. Тебѣ оно не нравится—за то нравится г. Раппапорту, г. В. Александрову, и другимъ разнымъ критикамъ и проч. Потому: всѣ они—люди образованные. Вонъ теперь „Голосъ“ какъ начинаетъ г-жу Владимірову отдѣлывать. Недавно, она прелестнѣйшимъ и простѣйшимъ образомъ „Анну Демби“ въ Дюмасовомъ „Кинѣ“ сыграла — а „Голосу“ не понравилось. И понятно. Г-жа Владимірова рѣшительно становится изъ столичной актрисы провинціальной артисткой...

Или не видишь ты, о мой еще свѣжій и полный радужныхъ мечтаній юноша, что борьба и борьба на смерть завязалась теперь между устарѣлыми требованіями устарѣлаго и притомъ не нашего искуства съ его декламаціей, дикціей, пѣвучей рѣчью, разсчитанными жестами, завитыми хохлами жёньпремьеровъ и прекрасными манерами жёньпремьерокъ — и между требованіями правды, жизни,

Digitized by Google

новаго, изъ самой жизни возникшаго искуства?... Разумѣется—нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ побѣдѣ жизненной правды, но тяжело, страшно тяжело въ настоящую минуту тѣмъ артистическимъ личностямъ, которыя—или уже жрецы этого новаго служенія какъ Садовскій, П. Васильевъ, Линская, Горбуновъ и нѣкоторые другіе, или чувствуютъ въ душѣ необоримыя стремленія къ этому новому, къ этой жизненной и художественной правдѣ, какъ напримѣръ хоть г-жа Владимірова. Тѣмъ болѣе это тяжело, что въ литературѣ современной они не встрѣчаютъ себѣ поддержки. Наша литература въ настоящую минуту—публицистика. Нѣтъ, да по историческимъ условіямъ минуты и не можетъ быть Бѣлинскаго, борца, котораго могучій голосъ былъ бы авторитетомъ въ дѣлѣ національнаго искуства, чье слово клеймило бы печатью смѣха рутину и ветошь! Горсть людей, сохранившихъ вѣру въ литературу и искуство, въ ихъ сурьезъ и значеніе, сочувствующихъ поэтому глубоко новому и правдивому въ его борьбѣ съ старой фальшью, слишкомъ венелика—да и ее можетъ быть самоё, эту небольшую горсть обуреваютъ нерѣдко сомнѣнія въ абсолютности ея задачи... Со стороны же „тли“ поборники правды въ искуствѣ, конечно уже сочувствія не встрѣтятъ... А между тѣмъ—борьба идетъ, глухая, подземная—но идетъ. Еще нѣсколько, даже немного лѣтъ,—еще нѣсколько драмъ Островскаго и честныхъ усилій артистовъ, понимающихъ ихъ высокое значеніе—и больше не мыслимы уже ни „бенгалики“ бурдинизма, ни голоса трагиковъ, воспитанные до жеребячьяго ржанія, ни вращаніе „прынцессъ“ очесами, ни завитые хохлы женьпремьеровъ, ни школа театральная съ ея декламаціей и дикціей, ни критики, въ родѣ гг. Рапапорта и В. Александрова.

Но я увлекся мечтами—я забылъ тебя, мой юный провинціальный другъ... Послѣ „Воспитанницы“ ты почти такъ же ищешь на афишѣ имени г-жи Владиміровой—какъ именъ артистовъ, которыхъ ты уже успѣлъ полюбить. И вотъ ради ея, а отчасти изъ любопытства попадаешь ты въ „Друзей-пріятелей“ — россійскую передѣлку въ дубину—гнилого продукта г. Сарду,—поэта гнилой французской буржуазіи... Увы! „Бри-бри и Мабишь“ Ѳ. Достоевскаго не даютъ тебѣ покоя во все представленіе—но за то ты къ ужасу своему знакомишься съ такими тонкостями игры г. Марковецкаго, непрестанно и съ особымъ подчеркиваніемъ твердящаго сыну, г. Шемаеву: „не клади ручку въ брючки“—и съ такимъ бурдинизмомъ г. Нильскаго,—съ другой стороны, тебѣ такъ жаль г-жу Владиміровy, по неволѣ принужденную прибѣгать къ рутинѣ—и тебя наконецъ такъ тошнитъ отъ добродѣтели французскаго бри-бри, изобра-

Digitized by Google

жаемой г. Григорьевымъ—что ты зарекаешься ходить въ представленія переводныхъ штукъ.

Нѣтъ, любезный!... Ты бы г. Марковецкаго въ „Разлюляевѣ" посмотрѣлъ—ты бы тирады Жадова изъ устъ г. Нильскаго послушалъ, игрой бы въ присядку его насладился. Вотъ тогда какую бы ты пѣсню запѣлъ?

Но мой провинціалъ слѣдитъ все въ афишахъ за любимыми именами, и между тѣмъ, слѣдя за ними, невольно втягивается въ „театральство", ходитъ уже наконецъ во всѣ спектакли, если только спектакли эти не „Ермакъ Тимоѳеевичъ", не „Костромскіе лѣса", не „бояринъ Матвѣевъ", не „Было да прошло." Въ зимній сезонъ—своего любимца, своего „идола" онъ успѣлъ видѣть почти во всѣхъ его многообразныхъ роляхъ, но все еще не видалъ его въ двухъ „коронныхъ", въ „Любимѣ Торцовѣ" и въ „Львѣ Красновѣ" Онъ начинаетъ однако понимать уже совершенно ясно, что настоящая сущность этого таланта есть сущность трагическая, что во всякой роли онъ преимущественно схватывается за ея страстную сторону и на этой сторонѣ основываетъ свою игру, что гдѣ нѣтъ этой страстной стороны, какъ напримѣръ въ „Юсовѣ" въ Доходномъ мѣстѣ, онъ не въ своей тарелкѣ, что комизмъ и юморъ его носитъ тоже страстный и огненный оттѣнокъ, сверкаютъ молніями взрывовъ въ „Бальзаминовѣ"—и не рѣдко, какъ въ „Женихѣ изъ ножевой линіи" или въ „Женихѣ изъ долговаго отдѣленія", переходятъ въ нѣчто столь трагитески болѣзненное, что сердце зрителей сжимается и слезы невольно подступаютъ къ глазамъ.

И юный другъ мой, не видавши еще высокаго трагика ни въ „Любимѣ" ни въ „Красновѣ", не споритъ уже болѣе со мною на счетъ „Мочаловскаго" начала въ игрѣ П. Васильева, начала, къ которому по статьямъ Бѣлинскаго, привыкъ онъ питать неограниченнѣйшее благоговѣніе.... Однимъ словомъ, онъ понялъ уже всю *суть* высокой артистической природы: онъ видѣлъ, какъ на страстной сторонѣ Лазаря Подхалюзина, П. Васильевъ, нисколько не нарушая комизма лица, основалъ одно изъ своихъ безспорно оригинальнѣйшихъ созданій, какъ онъ наглость и ерничество возвелъ до нѣкоторой поэзіи и умѣлъ даже мастерски выпутаться изъ нелѣпой сцены съ полицейскимъ чиновникомъ, которой Островскій вынуденъ былъ закончить драму.... Его нисколько не удивляютъ темные слухи о томъ, что артистъ собирается играть Гамлета: онъ уже твердо убѣжденъ, что если это такъ, то глубокоправдивый и полный смысла и поэзіи образъ зародился въ душѣ артиста и носится въ его воображеніи. Онъ боится одного только, боится что не сробѣлъ артистъ передъ лаемъ рутины, не остановился въ самомъ

Digitized by Google

началѣ своего пути, оглушонный этимъ лаемъ, которому подвторитъ безъ сомнѣнія лай присяжныхъ рецензентовъ россійскаго театра, поборниковъ дикцій, декламацій и прекрасныхъ манеръ...

Нѣтъ нужды что почти во всемъ что видитъ мой провинціальный юноша—впечатлѣнію отъ игры П. Васильева мѣшаетъ „бенгалика" г. Бурдина, что эта бенгалика до геркулесовыхъ столповъ достигаетъ напримѣръ въ „Большовѣ" спутала бы своими хлопушками всякаго другого Лазаря кромѣ Васильева... онъ видитъ только геніальнаго актера, единственнаго полнаго представителя правдиваго демократическаго искуства.

И вотъ наконецъ наступаетъ давно желанный день, когда „Грѣхъ да бѣда" назначается съ П. Васильевымъ. Инымъ, совершенно новымъ предстаетъ моему провинціальному другу смыслъ трагедіи. Явно и очевидно ему что, вопреки нашимъ нелѣпымъ обличителямъ и отрицателямъ, которые навязывали трагедіи смыслъ борьбы за эмансипаціею женщинъ и которые готовы пожалуй даже въ явленіи св. Сергія Минину видѣть у поэта „отрицательный и обличительный элементъ"—вопреки ихъ приказу—быть обличителемъ „Темнаго царства" — нашъ поэтъ столь же правдиво, сосредоточилъ интересъ и участіе на лицѣ Льва Краснова въ этой трагедіи, какъ въ „Грозѣ" сосредоточилъ ихъ на избранной натурѣ Катерины... И любуется мой юноша тѣмъ, что великій артистъ глубоко понялъ великаго поэта. Сразу, съ перваго же появленія Краснова ясно ему, что это избранная, впечатлительная до тонкости ощущеній и вмѣстѣ раздражительная до бѣшенства натура, которой дано чувствовать не въ мѣру, а сверхъ всякой мѣры и горе и радость и блаженство страсти и муки ревности—блаженство до нервно истерическаго состоянія, муки до судорогъ. Одно изъ яркихъ трагическихъ лицъ живетъ передъ нимъ всею полнотою жизни и ощущеній, храня однако постоянно всѣ признаки того сословія, къ которому оно принадлежитъ, но ни разу не возбуждая смѣха этими признаками, лицо грандіозное въ своей простотѣ, трагическое даже въ сценѣ съ хахалемъ—баричемъ („Наше дѣло"—„Ваше дѣло"), глубоко-симпатичное въ своей исповѣди дѣду, увлекающее до слезъ своей истерикою страсти въ сценѣ задушевно-довѣрчивой бесѣды съ женою и грозное какъ Божій громъ въ сценѣ упрековъ и убійства!„

А что, еслибъ ты увидалъ его еще въ „Любимѣ", еслибы слушая его горькую и судорожную исповѣдь и видя глупую улыбку съ которой онъ засыпаетъ, ты перешолъ съ нимъ всѣ моменты паденія благороднѣйшей и чистѣйшей натуры. Но ты не увидишь его въ „Любимѣ", и отчасти хорошо, что не увидишь. „Бѣдность не порокъ" мы здѣсь такъ знатно обставили, что ей не худо по-

Digitized by Google

лежать съ полгода въ театральномъ архивѣ, такъ сказать „преставиться и переставиться.“

Во всякомъ случаѣ — артистическіе образы П. Васильева и г-жи Линской, которая еще поразила тебя правдой и комической поэзіей типа Василисы Перегриновны въ „Воспитанницѣ“,—для тебя сформовались, почти окончательно опредѣлились. Не такъ еще ясенъ для тебя г. Горбуновъ, котораго ты видѣлъ собственно въ трехъ только типахъ (Кудряшъ, больной Аѳоня и молодецъ въ „Ночномъ“), — хотя всегда, гдѣ ты его видѣлъ, онъ являлся артистомъ правды, артистомъ настоящаго новаго дѣла...

Вотъ между прочимъ назначается представленіе первой изъ игранныхъ драмъ Островскаго: „Не въ свои сани не садись“; напрасно говорятъ тебѣ, что пьеса заиграна, — что гг. Григорьевъ и Бурдинъ рѣжутъ на повалъ Русакова и Бородкина. Двѣ вещи влекутъ тебя въ театръ,—г. Горбуновъ въ „Маломальскомъ“ и новая артистка, дебютирующая въ роли Авдотьи Максимовны... Г. Горбуновъ—дѣйствительно является лучшимъ изо всѣхъ, для тебя мыслимыхъ, Маломальскихъ.

Зачѣмъ это г-жа Крестовская дебютируетъ въ этой заигранной роли и въ этой чудовищно (со стороны главныхъ лицъ) обставленной драмѣ?—слышишь ты почти отовсюду. — Да милостивые государи,—можно было бы возразить господамъ, такъ легко распоряжающимся репертуаромъ изъ креселъ... Въ чемъ же дебютировать прикажете?.. Новаго ничего по правиламъ для дебютанта или дебютантки не поставятъ,—да пожалуй это и справедливо: стараго хорошаго тоже не возобновятъ,—что ужъ не совсѣмъ то справедливо, ибо въ сущности, это значитъ—мирволить лѣни „заслуженныхъ“ артистовъ. Играй то, что постоянно стоитъ на репертуарѣ... Конечно, дебютанткѣ, по даннымъ ея натуры и таланта выгоднѣе было-бы явиться въ роли Марьи Андревны въ „Бѣдной Невѣстѣ“—или пожалуй въ роли „Эсмеральды“—въ весьма жалкой и кухонной сценической передѣлкѣ великаго романа, сохранившей однако все-таки прелестный образъ поэта,—пожалуй въ роли „Тизбы“ въ его же Венеціанской актрисѣ,—да все это сошло съ репертуара. Не въ „Грозѣ“ же дебютировать—кто въ ней не дебютировалъ?

Дебютантка производитъ и на тебя и на публику, принимающую ее очень благосклонно, очень выгодное впечатлѣніе. И ты и масса охотно извиняете ей и нѣкоторое отсутствіе сословной типичности, необходимой для личности Авдотьи Максимовны и даже нѣкоторую сценическую бенгалику, прикрывающую собственно чрезвычайно естественную робость,—за превосходно и съ глубокимъ чувствомъ сыгранную сцену съ Вихоревымъ въ началѣ третьяго акта,—да за

Digitized by Google

рѣшительное стремленіе къ правдѣ выраженія ощущеній, къ новому искуству. Можетъ быть и не такъ иное понимаетъ г-жа Крестовская, да по своему понимаетъ, можетъ быть и подчеркнетъ иное слово, да не въ томъ мѣстѣ подчеркнетъ, гдѣ театральная школа обыкла подчеркивать,—и всегда пойметъ правдивѣй, подчеркнетъ правильнѣй, чѣмъ понимаетъ и подчеркиваетъ театральная школа. Очевидно притомъ для массы, что это уже актриса готовая, что ей привыкать къ сценѣ нечего и учиться у „театральныхъ дѣлъ мастеровъ" нечему—„что ей самой надо только идти впередъ неустанно, въ жизнь вглядываться и въ типы ея вникать, что бы сдѣлаться замѣчательнымъ сценическимъ явленіемъ,—тѣмъ болѣе что она сразу же заявила и заявила вполнѣ удачно самостоятельность игры и манеры, да весьма рѣдкое пониманіе. И по тому самому, масса, которая въ большей части случаевъ руководится чутьемъ весьма вѣрнымъ и правдивымъ,—приняла ее такъ благосклонно, какъ давно не принимала она дебютантовъ вообще.

И вотъ — на другой, много на третій день ты читаешь въ разныхъ газетахъ... читаешь и глазамъ не вѣришь...что г-жа Крестовская не только что плоха, но — не имѣла успѣха... За то черезъ недѣлю, въ одномъ весьма изящно издаваемомъ листкѣ, читаешь ты дичь въ другомъ родѣ, дичь о какихъ то чуть не оваціяхъ, сдѣланныхъ публикою г-жѣ Крестовской,—дичь, которой разные рыцари плаща и пледа несравненно болѣе могли бы повредить дебютанткѣ, чѣмъ критики, за день до ея дебюта собирающіеся идти въ театръ, съ тѣмъ чтобы ругануть ее хорошенько (во славу своихъ соименницъ),—еслибы театральное управленіе обращало какое либо на ту и другую дичь вниманіе. Но оно, по всей вѣроятности, руководится голосомъ массы и прекрасно дѣлаетъ.

Долго ждешь ты второго дебюта г-жи Крестовской—и вотъ наконецъ афиша извѣщаетъ тебя, что она играетъ роль „Любаши„ въ „Царской Невѣстѣ" Мея... Вотъ наконецъ удачный выборъ, думаешь ты. Положимъ, что ты и пристрастенъ къ драмѣ поэта, котораго память дорога тебѣ какъ мнѣ,—положимъ что „Царская Невѣста" вообще — дѣтская попытка весьма талантливаго человѣка и какъ драма, построена почти что на Кукольниковскихъ ходуляхъ, за исключеніемъ конечно того глубокаго историческаго изученія эпохи и того вѣрнаго чутья народнаго, которымъ она проникнута, да еще того стиха и вообще языка, которымъ владѣлъ покойный поэтъ и здѣсь до совершенства почти такого же, съ какимъ создано Псковское Вѣче... Но во всякомъ случаѣ, пѣсенный образъ Любаши — созданіе, хотя нѣсколько и мозаическое, но созданіе. Ты ждешь многого, тебѣ сдается что эта роль—совсѣмъ по средствамъ г-жи Кре-

Digitized by Google

стовской, что тутъ просторъ и ея нервическому тембру рѣчи и нѣсколько—змѣиной гибкости и граціи ея движеній—и ея порывистости.

Бѣдный юный другъ мой!... Ты и не знаешь, что Любаша—лицо безнравственное, что ее чуть что не на половину урѣзали „приличій ради". Могло ли тебѣ придти въ голову, что исчезла блистательная выходная сцена Любаши на пиру Грязнова, что ты не услышишь:

Снаряжай скорѣй матушка родимая.

Что—тоже „приличій ради" непонятнѣйшая белиберда выйдетъ изъ отношеній Любаши къ нѣмцу лекарю—что во всей роли останутся (за исключеніемъ послѣдняго акта) мѣста, удобныя для того, чтобы „пущать бенгалику". Ты слушаешь въ какомъ то чаду одуренія—не упоенія а одуренія, какъ ржетъ по лошадиному Грязной, какъ Прынцесса... то бишь, царская невѣста МарѳаСобакина по крюковымъ нотамъ и съ вращаніемъ очесъ изливаетъ разныя чувствія... Ты почти не видишь дебютанки—чувствуешь только, что въ сценѣ, когда она видитъ въ окнѣ Марѳу, она небольно выбившись изъ силъ въ неблагодарномъ дѣлѣ „пустила бенгалику"; но уже въ сценѣ съ нѣмцемъ лекаремъ опять выражается ярко самостоятельность и энергія пониманія и манеры; и въ четвертомъ актѣ свойства эти являются съ замѣчательнымъ блескомъ, съ явнымъ присутствіемъ огня таланта, страсти и чувства. Для тебя и для вызывающей единодушно г-жу Крестовскую массы—вопросъ о ней вторично порѣшенъ блистательнымъ образомъ, и ты и масса обратили вниманіе даже на то, какъ естественно-красиво упала зарѣзанная Грязновымъ Любаша, ибо красота позъ и движеній—если она есть даръ божій, а не дѣло рукъ „театральныхъ дѣлъ мастеровъ"—есть дѣло не малой важности.

И ты радъ за молодую дебютантку, ты великодушно забылъ и лошадиное ржаніе г. Грязнова и казенщину интонацій Марѳы. Тебя же въ добавокъ увлекъ еще вѣчно юный, вѣчно простой, вѣчно высокій артистъ Сосницкій въ художественно созданной имъ роли Собакина.„ Ты мечтаешь о возможности представленій съ двумя равносильными женскими ролями: тебѣ грезится напримѣръ Венеціянская актриса Гюго, въ которой г-жа Владимірова играетъ Катарину, а г-жа Крестовская—Тизбу, или его же Марія Тюдоръ съ Маріей—опять таки г-жей Владиміровой и Дженни опять таки съ г-жей Крестовской...

Но вопросъ о г-жѣ Крестовской порѣшенъ только для тебя, свѣжаго и простого человѣка, для массы, да по всей вѣроятности для театральнаго управленія, которое не врагъ же своему собст-

Digitized by Google

венному дѣлу и разумѣется обрадовалось готовой актрисѣ съ такими блестящими данными...

Не порѣшенъ вопросъ міркомъ тли литературной и міркомъ тли театральной. И опять таки, хоть „тайна сія—тоже велика есть"— и тебѣ ее раскрою. Г-жа Крестовская имѣетъ несчастіе быть женою одного изъ даровитыхъ молодыхъ писателей, достаточный поводъ для тли литературной — относиться къ ней враждебно. Г-жа Крестовская съ другой стороны положительно мѣшаетъ „тлѣ" театральной своимъ присутствіемъ на русской сценѣ. Она не мѣшаетъ конечно — не говорю ужь г-жѣ Линской, Левкѣевой и даже полезностямъ въ родѣ г-жи Вороновой и Громовой — не говорю ужь высоко талантливой г-жѣ Владиміровой—тѣмъ болѣе что у нея совсѣмъ другая артистическая натура и потому ея назначеніе идти обь руку съ г-жей Владиміровой—такъ что съ ними двумя дѣйствительно становится возможнымъ выполненіе многихъ хорошихъ сценическихъ произведеній—но она не мѣшаетъ даже артисткамъ второй степени, выработавшимъ себѣ спеціальность, какъ г-жа Александрова 2-я или наша Стрѣльская; не мѣшаетъ наконецъ г-жѣ Споровой, которая съ большимъ успѣхомъ можетъ играть умныя и холодныя роли въ родѣ „Юлиньки" въ „доходномъ мѣстѣ";—но всей кучѣ нашихъ многочисленныхъ женьпреньерокъ ужасно мѣшаетъ.

И не дивись ты поэтому, пожалуйста, что и послѣ третьяго ея дебюта въ „дочери станціоннаго смотрителя"—дебюта, при которомъ она была принимаема еще съ большимъ сочуствіемъ; въ газетахъ все тѣже штуки, въ театральномъ мірѣ все тоже шушуканье. Все это такъ и слѣдуетъ — и все это, въ сущности, гроша мѣднаго не стоитъ.

Между тѣмъ, то слѣдя за любимыми артистами, то ходя аккуратно въ представленіе класическихъ т. е. литтературныхъ произведеній, — провинціалъ мой, по неволѣ и по развившемуся уже театральству,—пересматриваетъ почти все что стоитъ на репертуарѣ россійскомъ и выводитъ изъ хожденій своихъ весьма плачевныя размышленія, какъ относительно артистокъ, такъ и относительно драмматургія.

Неустанно преслѣдуетъ его мысль о его захолустной сценѣ. Боже ты мой! боже ты мой; все думаетъ онъ — что же это такое? Лучшіе артисты тономъ и манерою несравненно ближе къ провинціальнымъ, чѣмъ къ столичнымъ. Лучшая молодая артистка потому только и пошла впередъ, что сама себя изъ столичныхъ разжаловала въ провинціальныя. Даровитая молодая дебютантка тѣмъ преимущественно и замѣчательна,—что и тонъ и пониманіе у нея совсѣмъ свои, непохожія совсѣмъ на тонъ и пониманіе „прынцессъ»

Digitized by Google

Какой нибудь г. Нильскій — пока играетъ холодныя роли индѣйскихъ лингамчиковъ и можетъ держаться въ предѣлахъ обычной человѣческой рѣчи — актеръ не то что хорошій, а даже отличный; какъ только роль погорячѣе, и какъ только вынужденъ онъ прибѣгать къ наукѣ „театральныхъ дѣлъ мастеровъ“ — не вынесимѣе самаго г. Бурдина. А вѣдь о г. Бурдинѣ вонъ даже изъ Вологды, г. Ѳедоровичъ въ журналѣ: „Русская сцена“ пишетъ что тамъ удивляются, какъ это г. Бурдинъ имѣетъ успѣхъ въ Петербургѣ, когда въ Вологдѣ была для всѣхъ нестерпима его приторная рутина“... Что жь это такое? Господи ты Боже мой! что жь это такое?

И замѣчаетъ мой юноша еще одно странное явленіе: на афишахъ большею частію фигурируютъ гг. Бурдины, Григорьевы, Яблочкины, Шимаевы, Пронскіе и иные витязи, такъ сказать показные витязи,—а Чернышевъ, въ которомъ было гораздо болѣе призванія къ сценическому дѣлу чѣмъ къ дѣлу драматурга и котораго еще удалось ему увидать въ глубоко и честно созданной имъ роли „учителя Иванова“ въ „Чужомъ пиру похмѣлье“,—такъ и умеръ не признаннымъ артистомъ,—а какой нибудь г. Жулевъ,—когда появится, что бываетъ очень рѣдко,—выкажетъ въ хорошей роли, какъ роль купчика—кутилы въ „Женихѣ изъ ножовой линіи“, столько огня и веселости, сколько не выжмешь изо всѣхъ показанныхъ витязей вмѣстѣ,—а въ роли совсѣмъ не видной, какъ напримѣръ роль Баранчевскаго въ «Саняхъ» столько простоты и естественности, что совсѣмъ уже похожъ на провинціальнаго актера, — а какой нибудь, совершенно безъизвѣстный міру г. Васильевъ 1, являясь въ ничтожнѣйшихъ роляхъ—все высказываетъ въ нихъ и умъ и талантъ и простоту—качества, которыхъ именно не достаетъ столичнымъ, показнымъ витязамъ, а наконецъ въ г. Малышевѣ,—у котораго только и есть что двѣ-три человѣческихъ роли, какъ напримѣръ Эдгаръ въ «Лирѣ»,—да «Борисъ» въ Грозѣ (провинціальный другъ мой не видѣлъ его въ «Митѣ» въ «Бѣдность не порокъ») — таится кладъ настоящаго огня и глубокаго чувства, — и между тѣмъ онъ все является въ роляхъ приторно-добродѣтельныхъ и битыхъ людьми или загнанныхъ судьбою юношей.

И видитъ также мой захолустный другъ, что множество артистовъ рѣшительно ошибаются въ своемъ призваніи,—что какой нибудь г. Степановъ — почти что самый желаемый Устрашимовъ и отличный Вихоревъ — въ трагики стремится!.. Другіе же большею частію радикально ошиблись въ своемъ направленіи и мой юноша мысленно готовъ обратиться къ нимъ съ такого рода рѣчью: О благородные сограждане! Для чего, избравши несвойственное на-

Digitized by Google

турѣ вашей и весьма многотрудное поприще сценическое, лишили вы драгое отечество полезнѣйшихъ столоначальниковъ и можетъ быть даже блистательныхъ начальниковъ отдѣленій! Вы были бы тогда — украшеніемъ и гордостію мѣстъ вашего служенія, — а нынѣ, вы — не болѣе какъ незаконныя похищенія у канцелярій, акцизной части и другихъ полезнѣйшихъ установленій!

Обращаясь, въ печальныхъ думахъ своихъ, отъ сцены къ драматургіи на ней царствующей и невольно сравнивая репертуаръ столичный съ своимъ захолустнымъ, — провинціальный другъ мой впадаетъ въ не менѣе тяжкія и печальныя сомнѣнія... Бываютъ въ захолустьѣ особые торжественные случаи, когда подъѣздъ сарая, отведеннаго „подъ театръ", иллюминуется фонаремъ изъ красной бумаги и украшается афишею въ сажень длиною, возвѣщающею, что въ бенефисъ такого-то дана будетъ штука такая-то въ семи дѣйствіяхъ и двадцати пяти картинахъ, изъ коихъ каждая носитъ особое замысловатое названіе; но позорно кончается обыкновенно такое торжественное празднество... И таковыхъ же, чуть что не двадцать пять, картинъ зритъ мой юноша на столичныхъ афишахъ, возвѣщающихъ о представленіяхъ боярина Матвѣева, Ермака Тимоѳеевича и прочихъ продуктовъ драматургіи Россійской, которыя почему-то единственно почти и предлагаются въ пищу массѣ, наполняющей плебейскій и дешовый Александринскій театръ. Юноша мой знаетъ хорошо, что и въ захолустьяхъ нынче не даютъ уже Ермаковъ, Нарановъ, Костромскихъ лѣсовъ, и вообще удивляется какъ *весь* Островскій играется въ захолустьяхъ и чрезвычайно много вещей нашего народнаго поэта—„сошли съ репертуара" столичной сцены... Тщетно ждетъ онъ напримѣръ „Бѣдной Невѣсты" „Не такъ живи какъ хочется" „Бѣдности не порокъ" „Минина"—Минина, къ которому даже отчасти фанатическое уваженіе привезъ онъ изъ своего „далека", весьма мало заботящагося о томъ, чтобы великій драматургъ Россіи былъ непремѣнно поэтъ отрицательный, карательный и *обличительный*...

Эхъ, любезный! Не радъ бы ты былъ, кабы и увидалъ эти дорогія тебѣ произведенія на нашей сценѣ въ ихъ прежней обстановкѣ. По моему, такъ очень хорошо даже сдѣлали, что имъ на нѣкоторое время отдыхъ и покой, бѣднымъ, дали... Вѣдь ты видѣлъ какъ мы, при посредствѣ г. Бурдина—Кита Китыча—„Тяжолые дни" обработываемъ и какого жёньпремьера Досужева въ нихъ г. Нильскій изобразилъ. Вѣдь ты видѣлъ тоже, какъ мы одну изъ любимыхъ тобою комедій, которая такъ хорошо и честно выполнялась въ твоемъ захолустьѣ, какъ мы „Старый другъ лучше новыхъ двухъ" въ гробъ уложили при посредствѣ того же Бурдина, который сгу-

*

Digitized by Google

билъ всю *жизнь* и все *веселье* комедіи, взявши на себя роль Вавилы Вавилыча Густомѣсова!

Вотъ оно, какія у насъ, милый мой „вьюношь“ — какія у насъ диковинки есть

Ты хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ — а мы видали виды!

Ты спрашиваешь наконецъ: кого же винить въ такомъ печальномъ состояніи національной драматической сцены?

„*Обличители*“ сейчасъ же укажутъ тебѣ на личности, разумѣется, властныя. Не вѣрь. Первое дѣло, что личности для своей же пользы и чести готовы были бы сдѣлать все что можно: ты вѣдь былъ въ оперѣ и видѣлъ что́ тамъ успѣли уже сдѣлать. А второе дѣло, онѣ, личности-то, во сто разъ надежнѣе нашихъ *обличителей*, готовыхъ отца родного за небольшіе сребренники (5 коп. серебромъ за стихъ и 1 коп. за строчку прозы) „въ лучшемъ видѣ“ изобразить.

Абсолютные отрицатели скажутъ тебѣ, что публика виновата, что по Сенькѣ шапка, по публикѣ театръ. Тоже не вѣрь. Масса—дитя, но умное дитя, и у нея губа не дура.

Рутина виновата, ржавчиной въѣвшаяся во все устройство драматической сцены, во всѣ понятія объ искуствѣ. Объ этомъ впрочемъ дѣльно и толково поразсудимъ мы съ тобою въ слѣдующій разъ. А теперь, я весьма усталъ, усталъ, бесѣдуя съ тобою, мой провинціальный другъ.

5 Марта
1864 г.

Аполлонъ Григорьевъ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ

ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ И ВОЙНЫ 1830 И 1831 ГОДОВЪ. Ф. СМИТА. ПЕРЕВЕДЕНО СЪ НѢМЕЦКАГО ГВАРДІИ ШТАБСЪ-КАПИТАНОМЪ КВИТНИЦКИМЪ. ТОМЫ I И II. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1863 г.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Подъ этимъ заглавіемъ явился въ прошломъ году переводъ двухъ первыхъ томовъ въ высшей степени интереснаго и добросовѣстнаго труда Ф. Смита. Оба тома обнимаютъ собою періодъ времени отъ начала возстанія до смерти генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго. Критически отнестись къ этому труду мы не намѣрены такъ какъ это пока почти единственный источникъ, изъ котораго мы можемъ почерпнуть болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о польской революціи 1830 — 1831 годовъ. Поэтому мы ограничимся простой передачей содержанія, интреснаго не только потому, что вся вообще исторія этого возстанія (особенно въ Литвѣ) чрезвычайно похожа на исторію нынѣшняго возстанія въ Польшѣ, но и потому, что она передана намъ авторомъ, который повидимому былъ очевидцемъ многихъ изъ описываемыхъ имъ событій, а о прочихъ событіяхъ заимствовалъ свѣдѣнія изъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ (польскихъ революціонныхъ историковъ съ одной стороны, и подлинныхъ дѣлъ и списковъ русской арміи съ другой). Въ сочиненіи этомъ, кромѣ ссылокъ на книги, уважаемыя обѣими сторонами нерѣдко случаются отмѣтки въ родѣ: „Авторъ жилъ тогда въ Варшавѣ и живо помнитъ и пр.“ (Т. I, стр. 13). „Мы говоримъ здѣсь о Литвѣ, гдѣ авторъ все это время жилъ вблизи и видѣлъ и пр.“ (т. I, стр.

Digitized by Google

89), Находясь въ свитѣ фельдмаршала, авторъ былъ очевидцемъ сраженія и пр.“ (т. II, стр. 216) и т. п.

—

Одинъ изъ ревностнѣйшихъ революціонеровъ, Морицъ Мохнацкій въ своемъ Powstanie narodu Polskiego w. r. 1830 и 1831. Paryz. говоритъ (t. I, 197):

„Я спрашиваю, еслибы даже русскіе святѣйшимъ образомъ соблюдали конституціонное учрежденіе въ царствѣ польскомъ, то полное его развитіе не привело-ли-бы еще скорѣе къ возстанію, чѣмъ его ограниченіе? Революція лежала въ самомъ основаніи царства и русскіе государи не могли предотвратить ее ни пунктуальнымъ исполненіемъ конституціи, ни совершеннымъ ея уничтоженіемъ; по этой-же самой причинѣ я не вывожу революцію изъ недостатка правительства, такъ какъ оно могло быть въ тысячу разъ хуже, если мы были независимы“.

Черезъ нѣсколько страницъ (1 с., стр. 220) онъ говоритъ яснѣе:

По моему убѣжденію ни свобода, ни учрежденія, каково бы ни было ихъ достоинство, не въ силахъ усладить судьбу польской націи, которая нѣкогда была велика и могущественна и впослѣдствіи пришла въ упадокъ. Такая страна находится въ состояніи постоянныхъ инсурекцій, такой народъ живетъ только возстаніемъ и въ немъ одномъ видитъ свое назначеніе. Царство польское, основанное конгресомъ, было только частицею общаго національнаго бытія. Дарованныя ему права и привилегіи по стольку лишь имѣли значеніе для поляковъ, по скольку онѣ доставляли возможность законнымъ путемъ выказывать опозицію главнѣйшимъ врагамъ польскаго имени.“

„Итакъ,“ справедливо замѣчаетъ по этому поводу Ф. Смитъ, отъ котораго (т. I, стр. 75) мы заимствовали эти цитаты, „возстаніе было произведено не злоупотребленіями, какъ часто старались выставить, но желаніемъ ниспровергнуть политическое состояніе Европы и возстановить большое польское государство.“ Казалось бы, что послѣ этого не для чего и говорить о мнимыхъ злоупотребленіяхъ русскихъ въ Польшѣ. Тѣмъ не менѣе, вѣроятно съ цѣлью фактами доказать справедливость этихъ словъ и нелѣпость клеветъ, взводимыхъ поляками на русскихъ, Ф. Смитъ посвящаетъ всю первую главу своего труда исторіи „Польши въ теченіе пятнадцатилѣтняго владычества русскихъ“ (1815—1830).

„Польша исчезла изъ ряда государствъ“, такъ начинается эта небольшая (всего 76 стр.) глава, „только небольшая горсть храбрыхъ сражалась подъ знаменами французской республики и имперіи, поочередно возлагая на нихъ всѣ свои надежды“. Но оправдывались ли эти надежды? Наполеонъ въ полякахъ видѣлъ только хорошихъ рекрутъ. Онъ вовсе не думалъ имъ благодѣтельствовать и никогда не сталъ бы заботиться о возстановленіи Польши, еслибы не заду-

Digitized by Google

малъ похода въ Россію. Только для того, чтобы увеличить число враговъ Россіи, онъ создалъ въ 1807 г. Варшавское Герцогство и для этой же цѣли отдалъ Россіи земли, отнятыя отъ Пруссіи (Бѣлостокскую область, 1807 г.) и Австріи (Тарнопольскій округъ, 1809 г.) и принадлежавшія когда-то Польшѣ." Это было однимъ изъ основаній наполеоновской политики—навязывать своимъ союзникамъ (*на этотъ разъ Россіи*) владѣнія, отрываемыя отъ другихъ государствъ, чтобы при ссорѣ съ ними возвращать эти земли ихъ прежнимъ владѣльцамъ, въ видѣ вознагражденія за ихъ содѣйствіе" (стр. 3). Но какъ бы то ни было учрежденіемъ Варшавскаго герцогства Наполеонъ показалъ свое благорасположеніе къ полякамъ и благодарность ихъ не знала предѣловъ. Когда въ 1812 г. онъ двинулся въ Россію, поляки доставили ему 80000 воиновъ, — „армію сильнѣе, чѣмъ дозволяло небольшое пространство ихъ государства", замѣчаетъ Ф. Смитъ, — и сверхъ того старались возмутить литовскія провинціи, принадлежавшія Россіи со временъ Екатерины II. Исходъ этого похода извѣстенъ каждому. Тогда исчезли всѣ надежды поляковъ; а надежды ихъ были таковы, что даже кн. Адамъ Чарторижскій, не участвовавшій ни въ чемъ этомъ и бывшій въ то время человѣкомъ весьма близкимъ къ Александру I, извиняясь въ письмѣ къ польскому министру Матушевичу въ непринятіи участія въ дѣйствіяхъ противъ Россіи, между прочимъ говорилъ: „Еслибы судьба моего отечества была еще неизвѣстна, еслибы для спасенія его нужны были новыя жертвы, я бы не колебался. Но кто можетъ сомнѣваться въ исходѣ этой войны? Всякій, кто только не лишенъ здраваго смысла, долженъ ясно видѣть, что все обѣщаетъ побѣду генію побѣдъ! Напротивъ однѣ несчастія угрожаютъ Александру" (у Ф. См. т. I, 5). Однако случилось противное!

Не таковы были отношенія Императора Александра къ полякамъ: онъ всегда чувствовалъ къ нимъ благорасположеніе, не смотря на все зло, проистекавшее отъ нихъ. Знатнѣйшіе изъ нихъ (напр. кн. Адамъ Чарторижскій, гр. Огинскій и другіе, преимущественно литовцы) понимали всю важность этого благорасположенія, до того, что передъ войною 1812 г. предлагали, чтобы онъ провозгласилъ себя польскимъ царемъ. Рыцарскій духъ Александра не дозволилъ ему сдѣлать это, не дождавшись исхода начинавшейся борьбы: „терпѣніе и довѣріе", говорилъ онъ имъ отправляясь въ походъ. Любовь и довѣріе къ польской націи были не разъ доказаны императоромъ. Не смотря на все зло, причиненное намъ поляками въ отечественную войну 1812 г., императоръ Александръ, вступивъ въ Варшаву побѣдителемъ, и не думаетъ воспользоваться своими правами къ угнетенію поляковъ. Напротивъ, онъ учреждаетъ времен-

Digitized by Google

ное правительство изъ лицъ, въ числѣ которыхъ на двухъ русскихъ были два поляка и между ними Томашъ Вавржецкій, командовавшій послѣ Косціюшко арміей, выставленной противъ Россіи; онъ оставляетъ неприкосновенными всѣ присутственныя мѣста съ сохраненіемъ полной ихъ власти и даже принимаетъ на себя расходы по управленію, потомучто истощенная войной Польша страшно оскудѣла. Великодушіе было поразительное! Поляки только и думали о томъ какъ бы попасть въ подданство къ этому царю-рыцарю. Между тѣмъ прошли весьма основательные слухи о томъ, что „въ тотъ критическій моментъ, когда необходимо было склонить Пруссію и Австрію къ борьбѣ на жизнь и на смерть, было предварительно рѣшено вновь раздѣлить между тремя сосѣдними государствами Варшавское Герцогство, какъ основанное Наполеономъ и бывшее главнымъ орудіемъ его завоевательныхъ плановъ на „Сѣверѣ" (стр. 6). И вотъ „всѣ воеводства собрались и въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ повергли императору Александру свое единодушное желаніе и просьбу остаться соединенными подъ его скипетромъ. *Императоръ можетъ*, говорили они, *впредь управлять нами по своему желанію и мы только просимъ, чтобы онъ не допустилъ насъ подпасть подъ владычество нѣмцевъ, потомучто поляки составляютъ одно племя съ русскими* (Ф. См., т. I, 6)." Съ просьбою отправленъ государственный секретарь Шанявскій, и вслѣдъ за нимъ хлопотать объ исполненіи ея отправился по общему желанію кн. Адамъ Чарторижскій, къ которому Александръ питалъ неограниченное довѣріе. И такъ поляки сами *дважды* просились въ подданство Александра. Императоръ съ своей стороны и до и послѣ этихъ событій и просьбы выказывалъ къ нимъ явное благорасположеніе и желалъ полнаго возстановленія Польши, хотя и не высказывалъ своихъ намѣреній во всей подробности.

Таковы были обстоятельства, предшествовавшія Вѣнскому конгресу. На этомъ конгресѣ Александръ, требовавшій совершеннаго возстановленія Польши, встрѣтилъ препятствія со стороны Франціи, Англіи и Австріи, составившихъ противъ него тайный союзъ изъ опасенія за европейское равновѣсіе. Видя исполненіе этого плана невозможнымъ и не желая новой общеевропейской войны, онъ въ декабрѣ 1814 г. подалъ предложеніе, въ которомъ "соглашался уступить Австріи половину соляныхъ рудниковъ Велички, также какъ и Тарнопольскій округъ, а Пруссіи нѣкоторые другіе небольшіе участки земли. Остальная часть герцогства должна была, какъ *соединенное государство* достаться Россіи, и государь *предоставлялъ себѣ* право дать ему такія государственныя учрежденія и такое развитіе, какое *онъ найдетъ приличнымъ*. Въ этомъ же

Digitized by Google

предложеніи онъ ходатайствовалъ у Австріи и Пруссіи за подвластныхъ имъ поляковъ" (стр. 9). Отвѣтомъ на это со стороны Англіи послѣдовала знаменитая нота лорда Кастельри, на основаніи которой поляки ждутъ всегда помощи отъ Англіи и Франціи, и изъ-за которой такимъ образомъ лилась и теперь еще льется русская и польская кровь. „По мнѣнію министра было важно основать общественное спокойствіе въ прежней Польшѣ на либеральныхъ учрежденіяхъ; онъ убѣждаетъ монарховъ согласиться между собою управлять поляками, какъ отдѣльною націею, хотя и по тѣмъ формамъ, которыя самими монархами будутъ признаны за лучшія" (стр. 10, 11). Особыхъ подробностей объ этомъ нѣтъ въ очеркѣ Ф. Смита; въ немъ приводится только послѣднее рѣшеніе конгреса: «Герцогство Варшавское, за исключеніемъ областей и округовъ, поименованныхъ въ послѣдующихъ статьяхъ, присоединяется къ Россійской Имперіи. Оно будетъ безвозвратно соединено съ нею своею конституціею на вѣчное владѣніе его величества императора Всероссійскаго и его наслѣдниковъ и преемниковъ. Его императорское величество оставляетъ за собою право предоставить этой области, пользующейся особой администраціей, такое внутреннее очертаніе границъ, которое сочтетъ приличнымъ. Къ другимъ титуламъ своимъ онъ присоединитъ титулъ Царя Польскаго, согласно протоколу, принятому и утвержденному для титуловъ, соединенныхъ съ его другими владѣніями. Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ представительство и національныя установленія, сообразно тому роду политическаго существованія, которое всякое изъ правительствъ, коему они подлежатъ, найдетъ полезнымъ и приличнымъ дать имъ». Такое поразительное согласіе заключительнаго акта съ предложеніемъ, поданнымъ конгресу въ декабрѣ 1814 г., ясно показываетъ, что то была воля императора Александра. Да и могло ли быть что нибудь насильно навязано (какъ послѣ утверждали поляки) ему, главному виновнику освобожденія Европы? Авторъ нашъ жилъ въ то время въ Варшавѣ и живо помнитъ, что поляки всю свою надежду основывали на великодушіи императора Александра. Вѣнскій конгресъ не могъ ничѣмъ обязать его; даже и общія слова акта объ учрежденіяхъ и о границахъ нельзя считать обязательствомъ: все предоставлялось его усмотрѣнію (стр. 14).

Поляки были недовольны. Хотя то что успѣлъ выхлопотать для нихъ Александръ на Вѣнскомъ конгресѣ, далеко превосходило ихъ ожиданія, они все-таки требовали еще большаго. Именно они желали, чтобы при опредѣленіи внутренней границы Императоръ присоединилъ къ Польшѣ и тѣ области, отошедшія къ Россіи при Екатеринѣ II, которыя составляли исконное достояніе Россіи и были

Digitized by Google

только возвращены, а не вновь пріобрѣтены отъ Польши. Эти-то провинціи, отторгнутыя поляками отъ Россіи въ тяжкія времена удѣльныхъ усобицъ и татарскаго ига, служили тогда, какъ и теперь еще служатъ, яблокомъ раздора.

Между тѣмъ Александръ ничего не упускалъ, чтобы могло служить къ удовлетворенію законныхъ требованій поляковъ. „Какъ только воспослѣдовала уступка Варшавскаго герцогства Россіи, государь спѣшилъ осуществить данное обѣщаніе и назначилъ комиссію изъ польскихъ государственныхъ людей для составленія конституціи“ (стр. 17). Какова должна была быть эта конституція, — можно отчасти угадывать по одному очень интересному обстоятельству, свѣдѣніе о которомъ Ф. Смидтъ заимствовалъ у Подчашинскаго, одного изъ враговъ Россіи. „Во время Вѣнскаго конгреса, разсказываетъ Подчашинскій (Revue des deux mondes 1861 г., IV, стр. 355; у Ф. См. т. I, 17)“, когда шли переговоры о томъ, чтобы дать полякамъ конституцію, аристократическая партія, въ главѣ коей были кн. Адамъ Чарторижскій и гр. Людвигъ Платеръ, подала предложеніе конституціи, въ которой главною цѣлью были выгоды дворянства; Императоръ Александръ изорвалъ её и приказалъ изготовить другую“. Новая конституція составлена комисіей, состоявшей, подъ предсѣдательствомъ гр. Островскаго, изъ министра финансовъ Матушевича, сенатора гр. Станислава Замойскаго, и изъ государственныхъ совѣтниковъ Линовскаго и Грабовскаго. Во многомъ сходная съ хартіей, данной во Франціи Людовикомъ XVIII, она была значительно либеральнѣе послѣдней. Преимущества ея заключались въ лучшей организаціи муниципальныхъ и провинціальныхъ учрежденій. Вотъ ея сущность:

„Монархъ, особа котораго неприкосновенна и который имѣетъ опредѣленныя права; двѣ камеры, отвѣтственные министры и независимые суды. Сенатъ и камера депутатовъ раздѣляли съ монархомъ законодательную власть: члены сената, числомъ вдвое менѣе второй камеры, состояли изъ епископовъ, воеводъ, кастеляновъ, назначаемыхъ пожизненно государемъ; вторая камера состояла изъ 77 представителей отъ поземельнаго дворянства и 51 депутата отъ городовъ и общинъ, всего 128 членовъ. Требуемый закономъ возрастъ для депутата былъ 30 лѣтъ, для сенатора 35; первый долженъ былъ платить 100 польскихъ злотыхъ (около 15 руб. сер.) прямыхъ податей, второй по крайней мѣрѣ 2000. Избирателемъ былъ каждый собственникъ достигшій 21 года. Сеймъ долженъ былъ быть созываемъ каждые два года на четыре недѣли, для разсужденія о предлагаемыхъ правительствомъ законовъ; улучшенія могли выходить только изъ камеръ, которымъ предварительно предлагались проекты. Въ заключеніе засѣданія сейму было дозволено обращать къ государю чрезъ государственный совѣтъ вопросы, разсужденія, представленія и желанія. Бюджетъ долженъ былъ быть утверждаемъ на 4 года; но первый бюджетъ долженъ былъ имѣть свою силу до тѣхъ поръ, пока

Digitized by Google

правительство (во ликвидаціи государственнаго долга) не предложитъ новый. Изъ числа общественныхъ гарантій были упомянуты личная свобода и обезпеченіе собственности; относительно свободы печати, особый законъ долженъ былъ утвердить способъ предупрежденія злоупотребленій. Исполнительная власть находилась въ рукахъ царя и пяти отвѣтственныхъ министровъ; министры составляли, подъ предсѣдательствомъ царскаго намѣстника, совѣтъ управленія, а вмѣстѣ съ государственными совѣтниками и государственными секретарями, общее собраніе государственнаго совѣта, въ которомъ должны были составляться проекты законовъ. Въ главѣ управленія воеводствъ былъ совѣтъ воеводъ, наблюдавшій за интересами своей провинціи; въ немъ засѣдали члены отъ дворянства и отъ городскаго сословія. Сверхъ того, города имѣли по собственному избранію особое муниципальное управленіе, общины—старшинъ, поземельное дворянство—своихъ маршаловъ или предводителей" (стр. 17, 18).

Поляки были въ восторгѣ отъ этой конституціи. Похвалы ей сыпались со всѣхъ сторонъ. Даже строгій республиканецъ Карно, жившій тогда въ Варшавѣ, находилъ, что она не могла быть либеральнѣе. Поляки превозносили её впослѣдствіи даже въ самый разгаръ борьбы 1831 г. (Rzut oka na stan politiczny krolewstwa Polskiego pad panowaniem Rossyiskiem od 1815 — 1830. Warszawa. 1831). Но..... уже и въ это время находились безпокойные люди, которые были недовольны опущеніемъ нѣкоторыхъ статей первоначальнаго проекта и между прочимъ параграфа: „конституціонная хартія должна быть навсегда разсматриваема какъ главное и священное основаніе соединенія съ Имперіей". Подобный пропускъ они объясняли тайной мыслью государя никогда не исполнять данной для виду конституціи. Эти люди, такъ недавно молившіе его стать ихъ неограниченнымъ властелиномъ, — за все безграничное довѣріе къ нимъ платили теперь—подозрительностью.

Но не въ этомъ заключалась истинная причина мятежа; подобное обстоятельство могло только способствовать распространенію волненія умовъ; дѣйствительная-же причина его таилась въ оскорбленномъ честолюбіи лицъ, произведшихъ впослѣдствіи возстаніе. Государю нельзя было оставаться въ Варшавѣ: собственная имперія ждала его. Уѣзжая оттуда онъ, по свойственному его благородству, устранивъ приверженцовъ Россіи, назначилъ намѣстникомъ Польши стараго врага Россіи и республиканца—генерала Заіончека. Поляки были довольны; но недоволенъ былъ кн. Адамъ Чарторижскій. До послѣдней минуты онъ разсчитывалъ занять эту должность и какъ громомъ поражонъ былъ этимъ извѣстіемъ. Его мрачный видъ наканунѣ отъѣзда государя, его сдержанная молчаливость въ отношеніи къ русскимъ, окружавшимъ его въ покояхъ государя, — даютъ отчасти право догадываться, что уже въ эту ночь рѣшено было возстаніе Польши и напрасны были потомъ на-

Digitized by Google

значенія въ министры либеральныхъ людей, заслужившихъ довѣріе націи.

Изъ русскихъ самыя видныя мѣста заняли: тайный совѣтникъ Новосильцовъ, получившій титулъ уполномоченнаго императорскаго комисара и долженствовавшій быть представителемъ русскаго правительства при взаимномъ столкновеніи интересовъ царства и имперіи, и великій князь Константинъ, стоявшій во главѣ польской арміи и не принимавшій никакого участія въ дѣлахъ правленія (стр. 24). Лица, составлявшія управленіе царства, избраны были изъ числа старыхъ патріотовъ, игравшихъ болѣе или менѣе важную роль въ прежнихъ народныхъ событіяхъ.

Сначала все шло мирно — до перваго сейма. Да и то если не считать возмущенія, затѣяннаго какимъ-то Рупневскимъ въ Августовскомъ воеводствѣ. Впрочемъ это возмущеніе послужило только къ тому, чтобы благородство Императора Александра проявилось въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ: генералъ Заіончекъ, какъ старый воинъ, привыкшій къ крутымъ мѣрамъ, думалъ нарушить конституцію въ отношеніи къ пойманному Рупневскому; но Императоръ самъ напомнилъ ему объ ней, „потомучто не нужно давать повода къ опасеніямъ въ отношеніи торжественно обезпеченной личной свободы“, какъ сказано въ отвѣтѣ государя отъ 16-го августа 1817 г. Правда, государь предоставлялъ себѣ право въ крайнихъ обстоятельствахъ принимать мѣры, неуказываемыя конституціею, но это могло случиться тогда только, когда того требовали общественный порядокъ и благосостояніе.

Наконецъ наступило время перваго сейма (открытъ самимъ государемъ въ маѣ 1818 г.). По исторіи извѣстно что̀ такое былъ польскій сеймъ встарину. Польша не даромъ звалась республикой: сеймъ былъ законодателемъ и верховнымъ судьемъ не только въ общихъ судебныхъ дѣлахъ, но надъ королемъ и министрами, рѣшалъ вопросы о мирѣ и войнѣ, — словомъ былъ все; въ немъ сосредоточивались всѣ роды власти. О такомъ-то сеймѣ мечтали поляки и теперь. Но новая конституція предоставляла имъ право судить только о томъ, о чемъ предложатъ и не давала имъ права контроля надъ правительствомъ. На этотъ разъ государь по положенію своему былъ не только выше сейма, но и выше самой конституціи, имъ самимъ созданной и данной въ видѣ опыта. Депутаты могли, какъ мы уже видѣли, предлагать государю чрезъ государственный совѣтъ вопросы, разсужденія, представленія и желанія, но не имѣли права заявлять требованія и предрѣшать возбуждаемые ими же самими вопросы... Первыя засѣданія прошли спокойно. Проекты законовъ, предложенные сейму,—новое уложеніе о наказа-

Digitized by Google

ніяхъ, новыя правила объ ипотекахъ, законы о бракѣ и разводѣ, о чиновникахъ гражданскаго вѣдомства, и т. д., — были приняты всѣ, за исключеніемъ закона о бракѣ, въ которомъ не хотѣли допустить слишкомъ сильнаго вмѣшательства духовной власти. Не смотря на это послѣднее обстоятельство, сеймъ до того мало походилъ на старопольскій, безурядица котораго вошла даже въ пословицу, что государь остался доволенъ результатами засѣданій, на которыхъ ни въ чемъ не выказалось вліянія партій, и въ своей рѣчи поблагодарилъ депутатовъ. „Свободно избранные могли свободно совѣщаться", сказалъ онъ между прочимъ на счетъ отвергнутаго закона. Но этимъ дѣло не кончилось. Въ заключеніе сеймъ по закону имѣлъ право обратиться къ государю чрезъ государственный совѣтъ со своими особыми мнѣніями. Пользуясь этимъ, камеры представили какъ разъ то, чего не слѣдовало представлять: излагали различныя теоріи объ отношеніяхъ народа (собственно сейма) къ царю и министрамъ, требовали обѣщанныхъ въ уложеніи судовъ, предложенія новаго бюджета (о чемъ ихъ заранѣе, передъ самымъ сеймомъ, просили не говорить до окончанія ликвидаціи государственнаго долга), отчета объ управленіи національными имѣніями, военнаго уложенія, закона о конскрипціи, о свободѣ печати и взаключеніе открыто порицали правительство за то, что оно, будто бы занимаясь мелочами, упускаетъ изъ виду болѣе важныя вещи. Эти неумѣстныя замѣчанія, способъ ихъ выраженія, рѣзкость упрековъ, самый тонъ ихъ, — все это напоминало уже старопольскіе сеймы и это уже не понравилось государю, которому желалось, чтобы строже придерживались настоящей конституціи и болѣе уважали законы. Его неудовольствіе выражено въ рескриптѣ совѣту управленія: поляки на все получили отрицательные отзывы, хотя и съ объясненіемъ причинъ, и имъ напомнили, что они вышли изъ предѣловъ конституціи. Уже по этому напоминовенію о конституціи видно было, что государь уважалъ её и не хотѣлъ только допускать излишнихъ притязаній сейма. Не такъ думали поляки.

Въ то время въ Европѣ замѣтно было сильное броженіе. Во всѣхъ западныхъ государствахъ безпрерывно составлялись заговоры, совершались политическія убійства, словомъ не было ни одной страны, въ которой не было бы волненій. Понятно, что все это не могло не имѣть вліянія на Польшу. Между тѣмъ подошло время новаго сейма (сентябрь 1820). государь, опасаясь этого вліянія, открылъ сеймъ увѣщаніями сохранить спокойствіе и не пускаться въ отвлеченныя теоріи. Но все было напрасно. Поляки успѣли уже забыть всѣ оказанныя имъ благодѣянія и на сеймѣ образовалась страстная опозиція, во главѣ которой стояли депутаты калишскаго вое-

Digitized by Google

водства. Проекты законовъ были отвергнуты почти безъ обсужденія. Это были: проектъ гражданскаго судоустройства и проектъ уголовнаго судопроизводства. Послѣдній отвергнутъ большинствомъ 120 голосовъ противъ 3, главнымъ образомъ потому что не былъ введенъ судъ присяжныхъ, котораго въ то время требовали либералы всей Европы. Напрасны были увѣщанія министровъ и государственныхъ людей Польши: сеймъ прошолъ бурно и закрытъ въ ноябрѣ строгой рѣчью государя, наполненной жосткими, но справедливыми упреками. Между тѣмъ поляки все-таки въ заключеніе сейма представили прежнія свои жалобы и замѣчанія. Это окончательно нарушило добрыя отношенія между царемъ и его подданными. Въ слѣдующемъ году былъ даже возбужденъ вопросъ о возможности дальнѣйшаго существованія Польши, какъ отдѣльнаго государства: „Если королевство само не умѣетъ содержать себя, то его нужно организировать другимъ образомъ", объявилъ огорченный государь. Это придало жизни полякамъ, и бывшій въ то время министръ финансовъ Ксаверій Любецкій употребилъ всевозможныя усилія, чтобы поправить финансы: онъ уговорилъ поляковъ внести подати сполна и ранѣе обыкновеннаго, устроилъ выгодныя ликвидаціи съ Пруссіей и Австріей, отдалъ на откупъ мелочную продажу вина (впрочемъ не вездѣ), продалъ національныя имѣнія, совершенно запущенныя по небрежности арендаторовъ и т. д.

Европейскія событія того времени, — испанская война, возстаніе грековъ, — и несогласія съ Портою отвлекли вниманіе императора отъ Польши на столько, что третій сеймъ, долженствовавшій по закону послѣдовать за вторымъ черезъ 2 года, былъ открытъ только по прошествіи 5 лѣтъ, въ маѣ 1825 года. Открытію его, еще въ февралѣ того же года, предшествовало обнародованіе дополнительнаго акта къ конституціи. Новымъ постановленіемъ отмѣнялись публичныя засѣданія сейма: публика допускалась только при открытіи и закрытіи сейма; прочія засѣданія должны были происходить при затворенныхъ дверяхъ. Причиной такого постановленія были шумныя засѣданія предшествовавшаго сейма, на которомъ члены не столько заботились о дѣлахъ, сколько о пріобрѣтеніи популярности. Поляки были крайне недовольны новымъ закономъ и думали поднять цѣлую Европу на защиту польской конституціи, воображая, что всѣ европейскія государства гарантировали ее на вѣнскомъ конгресѣ. Какъ будто незнали они, что подробности конституціи были тамъ предоставлены на волю государей, владѣвшихъ поляками, и такимъ образомъ императоръ былъ поставленъ выше конституціи! Разумѣется эти волненія только раздражили государя и

Digitized by Google

онъ открылъ сеймъ рѣчью, въ которой слышался голосъ властелина.

Изъ желанія сохранить большее спокойствіе на засѣданіяхъ сейма, самые страстные вожди оппозиціи, братья Немоіевскіе (депутаты Калишскаго воеводства), были заранѣе удалены. Послѣ нѣсколькихъ предостереженій, оставленныхъ ими безъ вниманія, Викентій Немоіевскій былъ захваченъ при въѣздѣ въ Варшаву и отправленъ въ свои помѣстья, гдѣ и долженъ былъ жить подъ надзоромъ, а братъ его Бонавентура, оскорбившій присутствовавшаго при этомъ арестованіи чиновника, получилъ запрещеніе въѣзжать въ столицу до окончанія процеса, начавшагося по поводу такого оскорбленія.

Сеймъ прошолъ мирно. Важнѣйшій изъ проектовъ, именно законъ о земскихъ кредитныхъ установленіяхъ, возбудилъ общее одобреніе и благодарность; прочіе проекты были менѣе важны. Государь былъ доволенъ, и благодарилъ депутатовъ. Закрытіе этого сейма было послѣднимъ публичнымъ актомъ Императора Александра I въ Польшѣ: 19 ноября его не стало.

Нетолько русскіе историки, но даже сами поляки, вотъ что говорятъ о царствованіи его въ Польшѣ:

„Эта бѣдная страна дошла въ то время (*во время Наполеона*) до послѣдней степени бѣдствій; всѣ мѣстности опустошены, города въ развалинахъ, имѣнія отягощены чрезвычайными долгами; большая часть владѣльцевъ въ полномъ банкротствѣ; общественный кредитъ уничтоженъ, земледѣліе запущено, другія отрасли промышленности почти неизвѣстны, торговля въ застоѣ. Подати только частію и то съ помощію строжайшихъ экзекуцій поступали въ общественныя касы; финансы были въ такомъ жалкомъ положеніи, что даже для покрытія необходимѣйшихъ потребностей государства, финансовое управленіе должно уже было прибѣгнуть къ распоряженію капиталами, отданными на сохраненіе. На зовъ Александра возстала несчастная осиротѣвшая Польша, и съ первой минуты учрежденія королевства въ изобиліи излились на нее благодѣянія съ русскаго трона. Чужестранецъ, вступившій опять въ Польшу не вѣрилъ своимъ глазамъ, видя перемѣны въ послѣднія 15 лѣтъ. Варшава, имѣвшая прежде грязный наружный видъ, сдѣлалась однимъ изъ лучшихъ городовъ Европы, украшенная новыми великолѣпными строеніями, широкими чистыми улицами и площадями; всѣ города въ королевствѣ получили новый видъ; основались села и, что было не слыхано въ польшѣ, большія дороги и мосты могли сравниться съ германскими. Фабрики и мануфактуры воскресли и удержались только выгодною торговлею съ Россіею, подъ покровительствомъ великодушнаго монарха. Польша подъ русскимъ скипетромъ была хорошо организированною, промышленною страною, чего не было въ прежнее время. Отечественное, законноучрежденное правительство, во главѣ котораго были мѣстные уроженцы, пеклось о благосостояніи страны и о развитіи всѣхъ сословій общества. Кредитъ былъ пробужденъ и учрежденіе банковъ даровало промышленности новую жизнь. Города польши соревновали съ германскими въ промышлен-

Digitized by Google

ной дѣятельности и въ то время, какъ половина жителей была занята фабриками, мануфактурою и торговлею, другая питалась доходами своихъ полей. Войска и чиновники имѣли обезпеченный доходъ; бѣднымъ людямъ умѣли доставить пріютъ и помощь. Справедливость и точность были введены въ судебныя палаты и во всѣ отрасли управленія. Польша была счастлива во всѣхъ отношеніяхъ." (стр. 63).

Другой полякъ, Подчашинскій, говоритъ:

„Дѣйствительно, не нужно сравнивать положеніе такъ называемаго царства, основаннаго въ 1815 г., съ положеніемъ большой ягеллоновской республики, которую три раза дѣлили. Повсюду былъ введенъ порядокъ достойный удивленія. Армія получила совершенную организацію, крѣпости были вновь созидаемы, превосходныя столбовыя дороги прорѣзали страну по всѣмъ направленіямъ. Заведены военныя школы и прекрасное гражданское управленіе. Прежде, для защиты страны бывшей болѣе Франціи, имѣли едва 30000 человѣкъ регулярныхъ войскъ, съ 1815 г. подъ ружьемъ было 32000 человѣкъ, а во время революціи въ нѣсколько мѣсяцевъ можно было довести силы арміи до 160,000 состава хорошо организованнаго, дисциплинированнаго войска. Въ 1788 г. доходы республики были въ 80 милліоновъ польскихъ злотыхъ, а теперь они простираются въ странѣ, имѣющей едва пятую или шестую часть тогдашняго пространства, болѣе чѣмъ до 100 милліоновъ злотыхъ" (стр. 64).

До такого благосостоянія довелъ Александръ I созданную имъ Польшу. За эти 15 лѣтъ народонаселеніе царства въ особенности Варшавы почти удвоилось, матеріальный бытъ во всѣхъ отношеніяхъ улучшился, наука и искуства развились съ новою силою, повсюду воцарились довольство, порядокъ и справедливость, словомъ, казалось для Польши настала новая счастливая эпоха.

Чѣмъ же платили поляки за всѣ эти благодѣянія?

14-го декабря 1825 г. въ Петербургѣ былъ бунтъ. Захваченные правительствомъ заговорщики, показали между прочимъ, что они имѣли сношенія съ агентами польскихъ тайныхъ обществъ. Поляки замышляли возстаніе!

Есть поводы думать, что начало польскихъ патріотическихъ обществъ относится ко времени 1788—1792 гг. и что они сдѣлалались тайными только вслѣдствіе раздѣленія Польши. Первоначальною цѣлью было сохранить языкъ и національный духъ поляковъ въ областяхъ, подпавшихъ подъ власть трехъ различныхъ государей. Съ учрежденіемъ Варшавскаго герцогства они пришли въ упадокъ, потомучто тогда всѣ надежды возлагались болѣе на Наполеона, чѣмъ на собственныя силы; но съ паденіемъ его общества начали снова учреждаться (1814 г.). Это было тѣмъ легче, что масонскія ложи въ то время еще не были запрещены. Въ большинствѣ случаевъ члены этихъ обществъ дѣлились на нѣсколько (до четырехъ) степеней, такъ что только лица, составлявшія высшую степень знали настоящія цѣли общества; лица же, составлявшія низшую степень, были связаны

Digitized by Google

между собою только мнимыми цѣлями, невинными и похвальными, привлекательными для незнающихъ. Болѣе надежныхъ посвящали все въ большія и большія тайны, которымъ соотвѣтствовали промежуточныя степени. Особенное развитіе и распространеніе тайныхъ обществъ относится ко времени второго сейма (около 1820 г.). Но первое появленіе ихъ относится къ болѣе раннему времени. Думаютъ, что главнымъ основателемъ ихъ былъ генералъ Домбровскій; по крайней мѣрѣ нѣсколько предсмертныхъ словъ его (1818 г.) и дѣятельность въ этомъ отношеніи бывшихъ его подчиненныхъ даютъ нѣкоторое право предполагать нѣчто подобное.

Еще въ 1814 г. образовалось тайное общество „настоящихъ поляковъ"; но тогда вся нація возлагала свои надежды на Александра I и обществу кажется не посчастливилось. Успѣшнѣе была попытка 1817 г. Нѣсколько варшавскихъ студентовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Ксаверій Бронниковскій, ставшій впослѣдствіи однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ революціонеровъ, образовали общество „вольныхъ поляковъ", съ цѣлью поддержанія національнаго духа и распространенія демократическихъ идей, для чего они предприняли даже изданіе журнала „Польская Декада". Наконецъ въ 1819 г. маіоръ Лукашинскій основалъ національное общество свободныхъ масоновъ. Душою масонскихъ ложъ были Лукашинскій и Мохнацкій; ихъ стараніями ложи распространились не только въ Царствѣ, но въ Великопольшѣ, Галиціи, Литвѣ. Въ Познанскомъ воеводствѣ ложи эти (при содѣйствіи генерала Уминскаго) скоро обратились въ чистый заговоръ, и изъ нихъ образовалось общество косиньеровъ (жнецовъ или людей, вооруженныхъ косами). Между тѣмъ масонскія ложи были запрещены. Заговорщики подъ этимъ предлогомъ успѣли удалить ненадежныхъ и ихъ коварное дѣло покрылось непроницаемой тайной.

Въ концѣ апрѣля 1821 г. изъ Познани пріѣхалъ въ Варшаву генералъ Уминскій. Не нанимая себѣ квартиры, чтобы не возбудить подозрѣній полиціи, онъ въ тотъ же день поспѣшилъ познакомиться съ Лукашинскимъ, и вечеромъ въ Лазенкахъ собрались почти всѣ остававшіеся члены четвертой (высшей) степени изъ масонской ложи, устроенной этимъ послѣднимъ. Было рѣшено преобразовать масонскія ложи и дать имъ чисто-политическое направленіе. 1 мая въ окрестностяхъ Варшавы, въ лѣсу, рѣшеніе это было скрѣплено клятвою предъ изображеніемъ Косцюшко, прикрѣпленнымъ къ шпагѣ Прондзинскаго, игравшаго впослѣдствіи столь значительную роль во время войны. Общество, отвергнувъ познанское названіе косиньеровъ, назвалось патріотами и мало по малу составился обширный союзъ, охватившій все царство. Распространеніе общества шло по той же

Digitized by Google

методѣ, какая была принята поляками и въ нынѣшнее возста вся прежняя Рѣчь Посполитая (Царство, Познань, Литва, Краковъ, Галиція, Волынь и Подолія съ Украйною) была разбита на семь провинцій (въ числѣ которыхъ считалась и армія въ качествѣ особой провинціи), и во главѣ каждой изъ нихъ поставили національное отдѣленіе для управленія округами и общинами; общины состояли изъ маленькихъ союзовъ человѣкъ по десяти, изъ которыхъ каждый имѣлъ право образовать новый союзъ изъ такого же числа лицъ. Начальники общинъ могли сноситься только съ начальниками округовъ, эти—только съ начальниками провинцій, и наконецъ только послѣдніе находились въ непосредственной связи съ главнымъ или высшимъ отдѣленіемъ въ Варшавѣ. Устроивъ въ Варшавѣ главное отдѣленіе, состоявшее изъ семи членовъ подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Вержбиловича, заговорщики разослали своихъ агентовъ по провинціямъ и общество успѣшно стало распространяться. Кромѣ него существовали и другія побочныя общества, имѣвшія ту же цѣль: *возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года*..

Въ то время (1819 и послѣдующіе годы) повсюду въ Европѣ было замѣтно броженіе умовъ. Заговорщики дѣйствовали, какъ и въ Польшѣ, весьма скрытно, стараясь время отъ времени смущать народъ популярными брошюрами и прокламаціями. Это повело къ установленію повсюду строгой цензуры. Введена она и въ Польшѣ вмѣстѣ съ запрещеніемъ всякихъ тайныхъ обществъ. Но это только раздувало пламя, и, убѣдившись въ томъ, правительство назначило наконецъ 8 іюля 1822 г. особую комисію для изслѣдованія объ этихъ обществахъ.

Комисіи скоро посчастливилось напасть на слѣдъ. Одинъ изъ членовъ патріотическаго союза, капитанъ Карскій, посланный для собранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ агентовъ, отправленныхъ за границу для поддержанія связи съ тамошними заговорщиками, былъ арестованъ при возвращеніи въ Польшу, и при немъ найдено письмо къ чиновнику калишскаго казначейства Добржицкому, которому онъ сообщалъ въ немъ собранныя свѣдѣнія. Въ то же время полковникъ Шнейдеръ, уличенный въ двоеженствѣ, желая получить прощеніе, сдѣлалъ доносъ на національныхъ масоновъ, и въ доказательство справедливости его представилъ нѣкоторыя бумаги, довѣренныя ему для передачи въ Калишъ. Послѣдовало много арестовъ. Между прочимъ были арестованы и главные зачинщики: Лукашинскій, Умиискій, Пронзинскій. Розыски продолжались почти два года.

Сначала испуганные этими арестами, но потомъ снова ободренные молчаливостью арестованныхъ и продолжительностью розы-

Digitized by Google

сковъ, остальные заговорщики во все это время (1821—1823) вербовали новыхъ членовъ. Тогда были приняты самые осторожные и самые дѣятельнѣйшіе революціонеры, между которыми вскорѣ особенно выдались гр. Станиславъ Солтыкъ (заклятой врагъ Россіи), гр. Яблоновскій, Кржижановскій, Гржимайло и Плихта, потомъ извѣстный по своей особенной энергіи гр. Ворчель. Подъ вліяніемъ этихъ лицъ общество получило свое дальнѣйшее развитіе. Вновь принимаемымъ членамъ указывали сначала на гр. Ст. Солтыка, какъ на верховнаго главу.

Около того же времени (янв. 1824 г.) Яблоновскій, Малаховскій и Кржижановскій вошли было въ сношенія съ русскими заговорщиками Южнаго Общества, подполковникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ и поручикомъ Бестужевымъ Рюминымъ. Но уже на первыхъ порахъ можно было догадываться, что ничего не выйдетъ изъ этихъ сношеній: поляки и тутъ не могли забыть своей ненависти къ русскимъ; русскіе расходились съ ними въ мнѣніяхъ объ образѣ правленія и о внутренней границѣ. Чтобы покончить разомъ, добавимъ, что въ слѣдующемъ году (1825), когда въ сношенія вступилъ съ русской стороны и полковникъ Пестель, поляки совершенно разошлись съ русскими заговорщиками, хотя и былъ назначенъ новый съѣздъ въ будущемъ году (1826).

Между тѣмъ дѣло арестованныхъ кончилось (1826) тѣмъ, что военный судъ, президиумъ котораго былъ польскій военный министръ Гауке, приговорилъ къ заключенію въ крѣпость Лукашинскаго на 9 лѣтъ, а Доброгайскаго и Добржицкаго на 6 (въ высочайшей конфирмаціи сроки эти сокращены на 2 года); остальные оставлены въ подозрѣніи (какъ національные масоны, а не какъ члены союза) и подъ надзоромъ полиціи. Союзъ былъ спасенъ.

Какъ уже сказано выше, русскіе заговорщики дали на допросахъ нѣкоторыя свѣдѣнія о заговорщикахъ польскихъ. Назначена особая комисія, состоявшая, подъ предсѣдательствомъ гр. Станислава Замойскаго (президентъ польскаго сената), изъ четырехъ поляковъ (съ президентомъ ихъ было пять) и пяти русскихъ членовъ. Она, по выраженію Мохнацкаго, „не смотря на всѣ утайки, собрала достаточно фактовъ для того, чтобы возвести на эшафотъ не одного изъ обвиненныхъ“. Великій князь предложилъ предать арестованныхъ военному суду; но не желая нарушать конституцію императоръ предалъ ихъ суду сената. Обвинялись они въ намѣреніи возобновить старую рѣчь Посполитую, а слѣд. въ намѣреніи перемѣнить династію, измѣнить правленіе или конституцію страны и ввергнуть ее во внѣшнюю опасность, потомучто иначе исполненіе ихъ желаній было не возможно. Все это по польскому кодексу были го-

Digitized by Google

сударственныя преступленія. Въ сенатѣ за гр. Станислава Замойскаго, который какъ президентъ слѣдственной комиссіи не могъ быть судьею, предсѣдательствовалъ гр. Петръ Бѣлинскій, человѣкъ устарѣвшій и безхарактерный.

„Взоры всей страны были устремлены на это высшее государственное судилище; но по многимъ причинамъ его приговоръ легко было предвидѣть. Три побудительныя обстоятельства имѣли на него могущественное вліяніе: во-первыхъ извѣстный духъ опозиціи, овладѣвшій по разъясненнымъ уже причинамъ, высшимъ обществомъ и оказавшій дѣйствіе и на сенаторовъ; за тѣмъ тайное участіе къ обвиненнымъ, бывшимъ отчасти въ родствѣ и дружбѣ съ судьями и имѣвшимъ тѣже цѣли, исполненія которыхъ сами судьи желали въ глубинѣ своей души; и наконецъ въ-третьихъ, общественное мнѣніе, которое живѣйшимъ образомъ и безъ всякаго лицемѣрія принимало участіе въ осужденныхъ. Оно во всевозможныхъ формахъ высказывалось въ ихъ пользу: на ихъ дѣло взирали, какъ на польское національное дѣло, — вѣдь они составили заговоръ за Польшу противъ Россіи. Всѣми средствами старались подѣйствовать на сенаторовъ и внушить имъ тѣ же чувства; во всѣхъ обществахъ пріемъ былъ разсчитанъ смотря потому, чего отъ нихъ ожидали: отталкивая тѣхъ, на которыхъ мало надѣялись, предупредительнольстя тѣмъ, на которыхъ разсчитывали. Особенно женщины всѣми данными имъ природой средствами старались имѣть вліяніе на судей. Наконецъ народъ открытымъ и сильнымъ обнаруживаніемъ своихъ мнѣній хотѣлъ напугать сенаторовъ: казалось вся Варшава ожидала изъ ихъ устъ приговора польской національности. Много-ли нашлось бы людей, чтобы устоять противъ столькихъ моральныхъ вліяній, лести, надежды и страха? Сенаторы не принадлежали къ числу такихъ людей и хотя преступленіе оскорбленія Величества было довольно ясно, они освободили обвиненныхъ" (стр. 60).

Великій князь писалъ въ Петербургъ о пристрастности сенатскаго приговора, и императоръ, побуждаемый этимъ письмомъ, поручилъ Совѣту Управленія разсмотрѣть рѣшеніе Сената. Послѣ жаркаго спора между русскимъ комисаромъ Новосильцовымъ (обвинитель) и кн. Любецкимъ (защитникъ), изъ которыхъ послѣдній взялъ верхъ, Совѣтъ объявилъ, что "Сенатъ по несовершенству законовъ не могъ произнести другого приговора„. Арестованныхъ освободили! Страстное напряженіе націи, внимательно слѣдившей за ходомъ этого дѣла, разрѣшилось восторгомъ; заговорщики ожили; а тутъ еще подоспѣла турецкая война; пропаганда усилилась; родился новый заговоръ въ средѣ военной молодежи и—возстаніе вспыхнуло.

Таково было значеніе этого оправданія. Мохнацкій говоритъ о немъ: (Ф. См. т. I, 62).

„Оно было, такъ сказать, торжественнымъ освященіемъ всѣхъ прежнихъ предпріятій и вмѣстѣ полномочіемъ для будущихъ заговоровъ и для всѣхъ попытокъ низпровергнуть правительство... оно подвело подъ существующій порядокъ вещей мину, которая наконецъ необходимо должна была взорвать его на воздухъ; судъ

Digitized by Google

сейма своимъ приговоромъ показалъ себя болѣе революціоннымъ, нежели самые революціонеры, которыхъ онъ судилъ... Съ этого времени духъ революціи былъ такъ сказать въ воздухѣ Польши."

Теперь-то выступили на сцену главные виновники и вожди революціи, хотѣвшіе и умѣвшіе, такъ сказать, загребать жаръ чужими руками. Это были Чарторижскій и Лелевель.

—

Вотъ что Ф. Смитъ сообщаетъ о фамиліи Чарторижскихъ:

„Происходя отъ Ягеллоновъ, фамилія эта по своей бѣдности до XVIII столѣтія не играла роли. Основателемъ ея величія и благосостоянія былъ Августъ Чарторижскій, который въ половинѣ прошедшаго столѣтія, вступивъ въ бракъ съ одною изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ страны, вдовствующею графинею Денгофъ, изъ фамиліи Сенявскихъ, сдѣлался обладателемъ большого состоянія. Онъ успѣлъ увеличить его еще болѣе, отчасти пользуясь своимъ вліяніемъ на короля Августа III, который даровалъ ему одно за другимъ до сорока восьми староствъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ магнатомъ страны, онъ съ тѣхъ поръ возъимѣлъ притязаніе даже на корону. Желая захватить ее для себя или для своего сына Адама, онъ послалъ въ Петербургъ племянника своего Понятовскаго, который вмѣсто того пріобрѣлъ ее для себя лично и этимъ возбудилъ непримиримую вражду Чарторижскаго. Все послѣдующее царствованіе Понятовскаго было омрачено интересами Чарторижскаго и его могущественной партіи и такимъ образомъ было подготовлено и облегчено паденіе Польши. Прежніе друзья и единомышленники Россіи, при помощи которой они надѣялись достигнуть своихъ честолюбивыхъ цѣлей, сдѣлались ея противниками, какъ скоро Россія предпочла имъ Понятовскаго. По смерти Августа Чарторижскаго, главою партіи сдѣлалась Изаблела Флеммингъ, жена сына его Адама. Въ то время какъ мужъ ея интриговалъ на сеймахъ, она съ своей стороны дѣлала тоже въ гостиныхъ: прекрасной наружности, остраго ума, съ любезными манерами, эта женщина очаровывала каждаго, кто приближался къ ней; а во время своихъ неоднократныхъ путешествій ей удалось мало-по-малу войти въ тѣсную связь со всѣми знатнѣйшими лицами Европы. Одно обстоятельство преимущественно раздражило ее противъ Россіи. Въ 1784 принцъ Людвигъ Виртембергскій, братъ супруги великаго князя Павла Петровича, сочетался бракомъ съ ея прекрасною дочерью Маріанною: но къ ея величайшему оскорбленію императрица Екатерина II никогда не хотѣла признать этого брака. Поэтому, когда Россія была вовлечена въ войны съ Портою и Швеціею, Чарторижскіе изъ чувства мести поощряли всѣ мѣры направленныя противъ Россіи: долгій сеймъ, козни, волновавшія Польшу отъ 1788 до 1792 г., враждебныя дѣйствія противъ Россіи,—все это было большею частію дѣломъ Чарторижской и ея партіи. Слѣдствіемъ сего былъ второй раздѣлъ Польши. Теперь Чарторижскіе снова старались сблизиться съ Россіею и особенно настаивали на признаніи того союза, на которомъ они основывали такъ много надеждъ. Но и въ этотъ разъ не имѣя успѣха, они вновь стали употреблять всѣ усилія, чтобы возбудить войну и раздоръ. Такъ оскорбленное самолюбіе и фамильныя интриги

Digitized by Google

были одною изъ причинъ войны 1794 г. Война эта, для которой престарѣлая княгиня пожертвовала шесть милліоновъ золотыхъ, рѣшена была въ Вѣнѣ, куда удалились Чарторижскіе съ главнѣйшими лицами своей партіи. Въ Косціушко, военныя дарованія котораго выказались въ послѣднюю войну, думали найти желаемаго полководца и при помощи его пріятельницы, княгини Любомирской, уговорили его принять на себя управленіе возстаніемъ. Послѣ неудачнаго исхода этой попытки, фамильнымъ ихъ имѣніямъ угрожала конфискація; но ихъ спасъ тогдашній генералъ-губернаторъ литовскихъ провинцій, кн. Репнинъ, давнишній пріятель кн. Чарторижской. Въ 1795 г. онъ послалъ обоихъ молодыхъ Чарторижскихъ, сыновей Изабеллы, въ С. Петербургъ, и здѣсь старшему изъ нихъ—Адаму удалось пріобрѣсти благосклонность молодого князя Александра Павловича, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ защитникомъ, другомъ и благодѣтелемъ поляковъ" (стр. 80, 81).

Этотъ-то кн. А. А. Чарторижскій и былъ истинною душею возстанія. Наружно преданный Россіи и Александру, онъ втайнѣ дѣлалъ все что могло служить къ увеличенію числа враговъ ихъ. «Подъ отеческими попеченіями», говоритъ революціонный журналъ Nova Polska (№ 12), "и съ вѣдома кн. Адама образовались и развились патріотическія общества. Когда они были открыты, онъ сколько могъ защищалъ ихъ, уменьшалъ ихъ вину и многихъ юношей спасъ отъ погибели„ (Ф. См., стр. 101). Дѣло ведено было чрезвычайно искустно. Между тѣмъ какъ кн. Адамъ-отецъ оставался въ Литвѣ во главѣ своей партіи, враждебной Россіи,—кн. Адамъ-сынъ старался снискать благосклонность императора Александра. Этимъ маневромъ Чарторижскіе хотѣли обезпечить себя какъ со стороны Наполеона (отецъ), такъ и со стороны Александра (сынъ), чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать на того изъ нихъ, кто останется побѣдителемъ Со времени присоединенія литовскихъ провинцій, тамъ почти ничего не измѣнилось: мѣстное управленіе осталось почти тоже самое и только отчеты вмѣсто Варшавы посылались въ Петербургъ. Диволи, что здѣсь господствовалъ польскій духъ? При такой обстановкѣ очень естественно было, что еще въ 1807 г., когда французы подошли къ границамъ Польши, въ Литвѣ было замѣтно сильное волненіе: дворяне намѣренно скрыли свои хлѣбные запасы, приберегая ихъ для французовъ, и тѣмъ чрезвычайно повредили русской арміи, бывшей въ Пруссіи. Но еще болѣе повредили они этимъ самимъ себѣ: когда миръ былъ заключенъ, хлѣбъ страшно понизился въ цѣнѣ. Гибельныя слѣдствія этого выяснились только въ 1816 г., когда употреблены были усиленныя мѣры для сбора недоимокъ (въ большинствѣ случаевъ намѣренныхъ), и въ немного лѣтъ множество дворянъ совершенно разорились. Между тѣмъ подошелъ 1812 г. Кн. Адамъ-отецъ сталъ во главѣ конфедераціи противъ Россіи; кн. Адамъ-сынъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, сталъ напротивъ во главѣ русской партіи, предлагавшей Александру I объявить себя

Digitized by Google

польскимъ царемъ. На сколько было искренности въ его привязанности и въ его поступкахъ, имѣвшихъ видъ полной добросовѣстности, объ этомъ можно судить по глубинѣ того зла, которое порождено его тайной дѣятельностью. Будучи назначенъ въ 1803 г. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, онъ испросилъ для Виленскаго университета особый уставъ и занялся устройствомъ школъ, въ которыхъ все обученіе должно было вести къ поддержанію польскаго духа и распространенію ненависти къ Россіи. Планъ такого воспитанія, подъ его руководствомъ, былъ составленъ Колонтаемъ, вытребованнымъ обратно отъ Австріи, гдѣ онъ былъ заключенъ въ Ольмюцской крѣпости и Чацкимъ. Въ особенности замѣчательна дѣятельность этого послѣдняго на югѣ: на собственныя деньги онъ основалъ большую гимназію въ Кременцѣ и 120 школъ на Волыни, въ Подоліи и Украйнѣ. Подчашинскій сознается, что воспитаніе въ школахъ, подчиненныхъ Чарторижскому, шло въ чисто польскомъ духѣ: все питало въ ученикахъ любовь къ старой Рѣчи-Посполитой и ненависть къ Россіи. Результаты такого направленія школъ выяснились чрезвычайно быстро, особенно когда въ руки поляковъ перешли не только мѣстное управленіе и полиція, но былъ даже образованъ отдѣльный Литовскій корпусъ войскъ, долженствовавшій состоять изъ уроженцевъ страны и поляковъ, и управленіе всѣми провинціями сосредоточено было въ рукахъ Великаго князя въ Варшавѣ. Еще съ 1818 г. стали являться въ Литвѣ политическія общества, непріязненныя правительству и Россіи. Въ нихъ принимали и женщинъ что особенно содѣйствовало ихъ распространенію. Сначала они имѣли видъ масонскихъ ложъ; только настоящимъ масонамъ (изъ нѣмцевъ и русскихъ) страннымъ казалось, что вопреки законному дозволенію "Великій Востокъ„ (управленіе) этихъ ложъ былъ не въ настоящей столицѣ Литвы, не въ Петербургѣ, а въ Варшавѣ.... Когда ложи были запрещены, эти общества, сдѣлавшись тайными, обратились при содѣйствіи гр. Людвига Платера въ чисто заговорщицкія. Главнымъ ихъ средствомъ подготовить страну къ возстанію было воспитаніе, которое вели по плану кн. А. А. Чарторижскаго. Вызванныхъ изъ-за-границы педагоговъ и професоровъ, онъ въ бытность свою попечителемъ мало-по-малу успѣлъ замѣнить или природными поляками или приверженцами Польши, и былъ радъ дать у себя мѣсто всякому, кто только любилъ Польшу и ненавидѣлъ Россію. Имъ были вызваны къ педагогической дѣятельности (съ извѣстнымъ направленіемъ) и Твардовскій, не имѣвшій никакого ученаго званія, но, благодаря своему направленію получившій отъ него мѣсто университетскаго ректора въ Вильнѣ, и Лелевель, который, какъ глубокій соціалистъ, по

Digitized by Google

идеямъ своимъ казалось скорѣе могъ-бы стать врагомъ, чѣмъ другомъ богатаго аристократа. Вотъ что говоритъ о Лелевелѣ Ф. Спитъ (т. I, стр. 87):

"Лелевель, долженствовавшій играть столь важную роль при послѣдующемъ возстаніи, былъ уроженцемъ Варшавы (онъ родился тамъ въ мартѣ 1786 г.) происходилъ изъ дворянской прусской фамиліи Лельгевель (Löihövel), одинъ изъ членовъ которой, изгнанный изъ Пруссіи за проступки, поселился въ Польшѣ и сдѣлался родоначальникомъ Лелевелей. Воспитанный у таристовъ, молодой Лелевель поступилъ на короткій срокъ въ Виленскій университетъ, откуда отправился на Волынь къ учоному Чацкому, который опредѣлилъ его во вновь учрежденную гимназію въ Кременцѣ, и, найдя въ немъ единомышленника, оказывалъ ему большое довѣріе. Затѣмъ онъ исполнялъ должность професора въ Вильнѣ (1814), и потомъ былъ професоромъ въ учрежденномъ императоромъ Александромъ, Варшавскомъ университетѣ (1816), и наконецъ снова былъ назначенъ ординарнымъ професоромъ исторіи въ Вильнѣ (1819), гдѣ при начинавшихся тогда волненіяхъ, онъ нашолъ обширное поприще для своей дѣятельности. Строгій, неутомимый труженикъ, онъ обогатилъ польскую литературу многими сочиненіями по всеобщей и польской исторіи. Онъ писалъ объ Индіи, Карѳагенѣ, сѣверной миѳологіи, издалъ многія учоныя изслѣдованія, руководства разсужденія и т. д: но совсѣмъ тѣмъ онъ мало способствовалъ развитію науки; какъ професоръ онъ былъ постоянно окружонъ многочисленными слушателями, ибо молодежь отъ природы склонна ко всякаго рода историческимъ занятіямъ; къ тому же онъ умѣлъ произвесть глубокое впечатлѣніе на молодые умы посредствомъ искусныхъ намековъ на то, чѣмъ нѣкогда была Польша и чѣмъ она опять могла-бы быть. Между этою молодежью Лелевель избралъ орудіемъ къ исполненію дальнѣйшихъ своихъ плановъ Матвѣя Зана (человѣка некрасивой наружности, но отличавшагося обширнымъ умомъ и предпріимчивымъ характеромъ): Занъ посѣщавшій тогда Виленскій университетъ и отличавшійся отъ товарищей своимъ высшимъ развитіемъ, былъ очевидно предводителемъ академической молодежи, и въ 1820 г. основалъ по образцу германскихъ бурсей общество молодыхъ людей, назвавшихъ себя «лучезарными» (променисты), какъ бы желая указать на то, что всѣ лучи распространялись изъ одного общаго средоточія. Какъ и всѣ общества такого рода, оно раздѣлялось на нѣсколько отдѣленій съ различными цѣлями. Наружною гласною цѣлью его было патріотически-научное образованіе и сохраненіе неприкосновенными польскаго языка и національности; по другою, тайною цѣлью было подготовленіе будущей общественной (*т. е. соціальной*) революціи, для чего старались уничтожить всякіе слѣды аристократическаго духа въ подрастающей молодежи. Богатые и бѣдные сближались между собою, и послѣдніе воспитывались и получали образованіе на счетъ первыхъ, чтобы впослѣдствіи занять мѣста учителей и воспитателей въ богатѣйшихъ и наиболѣе знатныхъ семействахъ, гдѣ они должны были стараться распространять новыя идеи въ подростающемъ поколѣніи» (стр. 89).

Недовѣрчивый и осторожный, Лелевель, будучи давно уже завербованъ Плихтою въ члены патріотическаго союза, дозволилъ себѣ открыто войти въ сношенія съ варшавскими заговорщиками не ранѣе, какъ только за недѣлю до возстанія, и отклонился отъ участія

Digitized by Google

въ рѣзнѣ, отговариваясь болѣзнію отца. Вообще это былъ человѣкъ готовый для революціи работать головою, но вовсе не желавшій жертвовать ею. Мастеръ вывертываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, онъ всегда велъ двойную интригу, льстя однимъ и подстрекая другихъ. Сколько можно видѣть изъ книги Ф. Смита, это былъ самый ревностный и чуть-ли не болѣе всѣхъ счастливый пропагандистъ. Самъ всегда оставаясь въ сторонѣ, онъ въ сущности былъ создателемъ множества обществъ, отличавшихся особенной живучестью и разсѣвавшихъ сѣмена революціи даже между дѣтьми. Таково напр. было виленское общество променистовъ. Распущенное по настоянію правительства, оно исчезло только для того, чтобы явиться обновленнымъ и болѣе тайнымъ. Члены его назвались филаретами (друзьями добродѣтели), и выборные изъ нихъ филоматами (друзьями знанія), и съ Заномъ во главѣ продолжали свое дѣло таинственной пропаганды: печатали запрещонныя и патріотическія книжки, учили дѣтей и т. д. Открыты они были только въ 1823 г., когда назначено было слѣдствіе въ Виленской гимназіи по поводу того, что 12-ти лѣтній гр. Платеръ написалъ тамъ 3-го мая на доскѣ: „Да здравствуетъ конституція 3-го мая"! Но и тутъ слѣдствіе не могло послужить къ полному обвиненію оговоренныхъ (всѣхъ ихъ было 166; болѣе компроментированныхъ 108) и дѣло кончилось только тѣмъ, что дали отставку ректору Твардовскому, четыремъ професорамъ, въ числѣ ихъ Лелевелю, и секретарю библіотеки, да удалили въ Россію девять „наиболѣе виновныхъ" студентовъ, которымъ впрочемъ это далеко не было наказаніемъ: всѣ они сдѣлали у насъ болѣе или менѣе хорошую карьеру, кто въ канцеляріи Его Величества, кто на каѳедрѣ, кто наконецъ, какъ бывшій въ числѣ ихъ знаменитый поэтъ Мицкевичъ, въ частной жизни (онъ жилъ, принимаемый повсюду съ уваженіемъ и величайшимъ вниманіемъ, сначала въ Одессѣ, потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ, а впослѣдствіи одна русская княгиня взяла его съ собою въ Италію). Такимъ образомъ по крайней мѣрѣ никто изъ нихъ не загубленъ; но это не помѣшало полякамъ разсказывать, что они были приговорены къ каторжной работѣ... Покинувъ Вильно, Лелевель поселился въ Варшавѣ, гдѣ друзья доставили ему мѣсто библіотекаря въ Обществѣ наукъ. Но его пропаганда не пропала даромъ: съ каждымъ днемъ число политическихъ преступниковъ между студентами и гимназистами Виленскаго учебнаго округа все росло и росло. Шпацпръ, признавшійся впрочемъ впослѣдствіи, что онъ писалъ свою исторію изъ-за денегъ, и потому не особенно гонялся за точнымъ изслѣдованіемъ истины, насчитываетъ 500-студентовъ и гимназистовъ, отданныхъ въ солдаты впродолженіе двухъ

Digitized by Google

лѣтъ по отъѣздѣ Лелевеля. Но Ф. Смитъ, близко знающій это дѣло, показываетъ всего 26 отданныхъ на время (т. е. съ выслугою) въ солдаты и двухъ сосланныхъ въ Сибирь за покушеніе на жизнь Великаго Князя.

Таковы были главные двигатели революціи — кн. А. А. Чарторижскій и Лелевель. Какъ мы уже замѣтили выше, они рѣшились выдвинуться не ранѣе 1826 г. Вотъ какъ Ф. Смитъ описываетъ ихъ дѣятельность въ Варшавѣ (стр. 101).

...«Чарторижскій и Лелевель также отважились дѣйствовать смѣлѣе въ Варшавѣ. Чарторижскій обманутый въ надеждѣ получить мѣсто намѣстника, на которомъ, какъ выражается одинъ изъ его почитателей (Шнацеръ), «онъ одинъ могъ надѣяться привести въ исполненіе свои планы», будучи кураторомъ Виленскаго учебнаго округа, въ тишинѣ продолжалъ дѣйствовать, не измѣняя принципамъ своей жизни; но и здѣсь онъ былъ уволенъ и удаленъ отъ своей должности. Послѣ этого, считая обстоятельства еще не созрѣвшими для своихъ намѣреній, онъ отправился за границу, чтобы на нѣкоторое время отвратить отъ себя вниманіе. Но едва приговоръ о государственныхъ преступникахъ (1826) былъ переданъ въ Сенатъ, какъ онъ возвратился, дабы занять въ немъ свое мѣсто. Теперь онъ усерднѣ, хотя все еще съ большою осторожностью, принялся за дѣло, и различныя партіи взирали на него какъ на своего тайнаго главу. Тогдашнія политическія отношенія начали запутываться, возгорѣлась турецкая война, отношенія Англіи и Австріи къ Россіи казались двусмысленными и угрожающими: чѣмъ запутаннѣе дѣлались обстоятельства, тѣмъ радостнѣе казались они польскимъ патріотамъ и тѣмъ большую подавали имъ надежду. Чарторижскій, предвидѣвшій скорый взрывъ, думалъ только о томъ, какъ-бы обезпечить свои имѣнія въ Россіи и взялъ подъ залогъ ихъ нѣсколько мильоновъ изъ русскаго банка. Большая часть другихъ предводителей сдѣлали тоже; такимъ образомъ люди, которыхъ впослѣдствіи не знали какъ превозносить за принесенныя ими отечеству жертвы, во время обезпечили себя. Лелевель, принужденный въ 1824 г вернуться въ Варшаву, въ началѣ могъ дѣйствовать только въ замкнутомъ кругу. Онъ былъ здѣсь менѣе извѣстенъ, не имѣлъ еще вѣсу и вліянія, чтобы привлечь на себя вниманіе; тогда именно господствовала калишская опозиція и была въ своемъ блестящемъ періодѣ, а потому первымъ стараніемъ его было сдѣлаться членомъ сейма. Съ содѣйствіемъ своихъ прежнихъ покровителей онъ достигъ сего и былъ избранъ депутатомъ маленькаго городка Желехова. Знакомство съ депутатомъ отъ Мѣхова, Зверковскимъ, человѣкомъ рѣшительнымъ и смѣлымъ, бывшимъ офицеромъ наполеоновской арміи, привело его въ средоточіе всей дѣятельности. Не имѣя ни состоянія, ни вліянія, малоуважаемый высшими партіями, Зверковскій былъ тѣмъ болѣе расположенъ къ планамъ и намѣреніямъ Лелевеля, что при помощи ихъ онъ могъ надѣяться играть важную роль. Онъ ревностно старался привлечь Лелевеля къ большему кругу дѣйствія. Вѣроятно при его помощи Лелевель вступилъ въ связь съ политическимъ союзомъ, бывшимъ въ то время въ Варшавѣ и состоявшимъ изъ людей высшихъ званій, депутатовъ и дипломатовъ, къ числу которыхъ принадлежали Густавъ Малаховскій, Францъ Трипинскій, Зверковскій и др. Этотъ союзъ съ одной стороны при помощи посредниковъ имѣлъ большое вліяні

Digitized by Google

на партіи военной и академической молодежи, и отчасти давалъ направленіе ихъ дѣйствіямъ, а съ другой стороны поддерживалъ связи съ заговорщиками другихъ странъ, въ особенности во Франціи, откуда онъ и получалъ наставленія». (стр. 103).

Такимъ образомъ въ 1826 г. въ Польшѣ образовались уже двѣ весьма сильныя партіи. Соединенныя общимъ желаніемъ возстановить бывшее Польское королевство въ самыхъ отдаленнѣйшихъ его границахъ, онѣ въ сущности были чрезвычайно различны между собою. Одна, представителемъ которой былъ кн. Чарторижскій, состояла изъ аристократовъ и депутатовъ отъ дворянства; она желала произвесть переворотъ мирнымъ путемъ и главными средствами для этого почитала воспитаніе, дипломатическія сношенія, придворныя интриги, опозицію на сеймѣ и т. п. Другая, представителемъ которой былъ Лелевель, состояла изъ литераторовъ, журналистовъ, ученой, учащейся и военной молодежи; она жаждала революціи и притомъ не только политической, а и соціальной, и всѣ средства, ведущія къ этой цѣли, считала дозволительными.

Polska niersadem stoi *), говоритъ старинная польская поговорка. Въ средѣ этихъ партій можно было явственно различить нѣсколько подраздѣленій. Каждая изъ этихъ партій разбилась на двѣ, сгруппировавшіяся впрочемъ уже попарно, около тѣхъ-же двухъ лицъ. Партія Чарторижскаго разбилась на кружокъ собственно Чарторижскаго, заслужившій впослѣдствіи названіе дипломатической партіи, и на кружокъ, сгруппировавшійся около братьевъ Немоіевскихъ и гр. Владислава Островскаго. Первый считалъ возможнымъ произвести переворотъ единственно дипломатіей и всѣ другія средства считалъ ни во что: члены его должны были интриговать противъ Россіи и въ Польшѣ, и за границей при иностранныхъ дворахъ, и наконецъ въ самой Россіи; къ нему примкнули всѣ знатнѣйшіе магнаты (Велепольскій, Платеръ, Малаховскій и мн. др.). Другой кружокъ носилъ впослѣдствіи названіе калишской или конституціонной партіи, и члены перваго кружка относились къ нему съ насмѣшкой; такъ напр. Адамъ Гуровскій называлъ его „монархически-конституціонно-законно-опозиціонной партіей сейма". Это послѣднее названіе въ сущности было совершенно вѣрно, потому-что калишцы думали дойти до переворота, основываясь единственно на конституціи 1815 г. и составляя опозицію на сеймѣ. Не отдаляясь отъ Чарторижскаго, члены этого кружка въ тоже время смотрѣли на гр. В. Островскаго, какъ на настоящаго своего главу-

*) Польша держится безурядицей.

Digitized by Google

Большое его состояніе, красивая наружность, образованіе, свѣтскость, ласковость, все это возвышало его въ ихъ глазахъ. Кружокъ этотъ былъ весьма обширенъ, потомучто къ нему примкнуло много провинціальныхъ дворянъ-депутатовъ сейма.—Вторая партія (Лелевеля), члены которой въ большинствѣ не отличались ни знатностью рода, ни богатствомъ, дѣлилась на осторожныхъ и крайнихъ. Первую изъ этихъ двухъ партій можно назвать академической, потомучто она состояла главнымъ образомъ изъ литераторовъ, журналистовъ, ученой и учащейся молодежи; вторую — военной, такъ какъ она состояла изъ военной молодежи. Обѣ эти партіи были особенно опасны: во первыхъ онѣ стояли въ непосредственной связи съ чернью и арміей; во вторыхъ кружки ихъ составлявшіе отличались особенной живучестью и, что главное, безусловной покорностью своимъ вождямъ. Сильные своей вѣрой въ возможность политическаго и соціальнаго переворота, обѣ эти партіи расходились только въ томъ, что академическая, съ Левелемъ во главѣ, думала сначала ограничиваться только усиленной пропагандой и съ терпѣніемъ выжидать всеобщаго возстанія при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; военная партія напротивъ думала, что возстаніе возможно сейчасъ-же, только бы нашолся предводитель. Въ этомъ отношеніи послѣдняя, лишонная своего главы въ арестованномъ Кржижановскомъ, надѣялась, впрочемъ не совсѣмъ основательно, на генерала Хлопицкаго, почтеннаго и заслужоннаго, отличоннаго по воинскимъ способностямъ самимъ „геніемъ побѣдъ",— Наполеономъ. Дѣло открытаго возстанія главнымъ образомъ принадлежитъ этой военной партіи.

Когда въ концѣ 1828 г. несогласія Россіи съ Портою разрѣшились войною, время казалось благопріятнымъ для возстанія Польши. Заговорщики, распуская различныя ложныя слухи, успѣли произвести волненіе умовъ и между военными. Тогда явился Петръ Высоцкій, подпоручикъ гвардейскихъ гренадеръ. Неизвѣстно положительно, былъ-ли онъ прежде въ непосредственной связи съ патріотическимъ союзомъ; по крайней мѣрѣ первыя его дѣйствія, равно какъ и первыя его признанія, заставляютъ думать противное. Онъ дѣйствовалъ на учениковъ школы подпрапорщиковъ (туда поступали не иначе, какъ прослуживши нѣкоторое время въ полку въ унтер-офицерскомъ званіи). Въ тоже время подпоручикъ Іосифъ Залиевскій, принимавшій участіе въ волненіяхъ 1820 г., бывши тогда подпрапорщикомъ, усилилъ свою пропаганду (онъ принадлежалъ къ обществу, образованному изъ военныхъ еще ранѣе Высоцкаго). Военные были въ связи съ университетскою молодежью.

Digitized by Google

Ни Высоцкій, ни Заливскій сначала не знали ни другъ друга, ни того на сколько распространено въ Польшѣ желаніе возстанія, ни того какъ приступить къ открытому мятежу. Но вотъ разнесся слухъ, что Государь, передъ отправленіемъ въ Турецкій походъ, со всей фамиліей пріѣдетъ въ Варшаву для торжественной коронаціи. Тогда пріѣхалъ въ столицу Польши нѣкто Дзялинскій, родственникъ Чарторижскаго, повидимому весьма пустой фанфаронъ, бахвалъ и страшный трусъ, и черезъ Ад. Гуровскаго сталъ искать людей, которые рѣшились бы на ужаснѣйшее изъ преступленій посягнуть на жизнь Государя и членовъ его семейства. Гуровскій указалъ на Высоцкаго и его общество. Тогда только этотъ послѣдній вошолъ въ сношенія съ описанными нами партіями: черезъ Гуровскаго съ дипломатами, а черезъ Зверковскаго, съ которымъ познакомилъ его Гуровскій, и съ калишцами. Рѣшено было подать Государю просьбу объ отмѣнѣ добавочнаго акта, и если онъ ее не исполнитъ (въ чемъ они были увѣрены), то сообщники Высоцкаго должны были на парадѣ совершить свое злодѣяніе, и тѣмъ подать сигналъ къ мятежу. Они уже запаслись боевыми патронами и все было готово, какъ вдругъ перетрусившійся Дзялинскій бросилъ въ среду заговорщиковъ слухъ, что они заподозрѣны. Хотя просьба и была подана, хотя отказъ на нее и полученъ, однако заговорщики нашли, что „не настало еще время". Возстаніе не состоялось; военные заговорщики со страхомъ ждали арестовъ...

Можетъ быть и долго они не собрались бы снова съ духомъ, еслибы въ Парижѣ не вспыхнула іюльская революція. Извѣстіе объ ней дошедшее въ Польшу было электрической искрой, брошенной въ порохъ. Теперь Высоцкій соединился съ Заливскимъ и, въ товариществѣ съ Урбанскимъ (доставившимъ во время коронаціи боевые патроны заговорщикамъ) и Пашковичемъ, они взялись возмутить армію. Сначала было мало надежды. Генералъ Хлопицкій, котораго думали поставить во главѣ взбунтовавшейся арміи, оказался несочувствующимъ революціи: „о, Польша! какое несчастіе грозитъ тебѣ!" воскликнулъ онъ, видя всѣ эти приготовленія. Въ арміи тоже мало находилось сочувствующихъ. Но при усиленной дѣятельности наличныхъ заговорщиковъ, число ихъ возрастало съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Вскорѣ къ нимъ примкнули лица различныхъ званій, и вотъ уже въ октябрѣ составился особый комитетъ для распространенія воззванія и управленія имъ. Тогда-же былъ опредѣленъ и составъ будущаго временнаго правительства, во главѣ котораго думали поставить кн. Чарторижскаго. Но ни онъ, ни гр. В. Островскій не желали такого поспѣшнаго возстанія, и недовольные ими во-

Digitized by Google

ванные заговорщики тѣснѣе примкнули къ партіи Лелевеля, условившись дѣйствовать по его предположеніямъ. Не долго думая, они въ октябрѣ же хотѣли привести въ исполненіе свой планъ революціи: пронеслись тревожные слухи, дошедшіе и до правительства; на углахъ улицъ прибивались революціонныя воззванія; наконецъ, назначали даже и день возстанія, — сперва 10, потомъ 15, затѣмъ 20 октября. Впрочемъ объ этихъ дняхъ только поговаривали; въ сущности заговорщики дѣйствовали еще не совсѣмъ рѣшительно: Высоцкій, подстрекаемый окружавшей его молодежью, назначилъ правда 18 октября, но Заливскій и Урбанскій требовали отсрочки. Для молодежи казалось, что дѣло идетъ слишкомъ медленно и они были недовольны. Испуганный ихъ упреками, Высоцкій выбивался изъ силъ, чтобы поскорѣе доставить имъ удостовѣреніе въ сочувствіи камеръ и націи; получаетъ наконецъ, вмѣстѣ съ Заливскимъ, эти удостовѣренія для нихъ, — какъ вдругъ одному изъ подпрапорщиковъ, истомленному ожиданіемъ и страхомъ, пришло на мысль покаяться и донести Великому Князю обо всемъ, что зналъ на счетъ заговора... Высоцкій былъ арестованъ.... Но доброта Великаго Князя, любившаго въ польской арміи свое собственное созданіе, спасла и его, и его сообщниковъ: Высоцкій и Урбанскій отдѣлались выговоромъ и легкимъ арестомъ; подпрапорщикамъ запрещено на время посѣщать городъ и дали новаго строгаго начальника, генерала Трембицкаго, человѣка впрочемъ весьма даровитаго. Какъ это обстоятельство, такъ и аресты произведенные въ самой Варшавѣ, нѣсколько охладили заговорщиковъ и навели на нихъ страхъ: многіе даже отказались отъ союза. Остальнымъ, чтобы не погибнуть, оставалось одно — какъ можно скорѣе начать открытое возстаніе.

Въ это время узнали, что кн. Любецкій получилъ повелѣніе пополнить казну на случай похода въ Бельгію. Это заставляло еще болѣе ускорить дѣло, — иначе заговорщикамъ даже въ случаѣ успѣха, пришлось бы оставаться безъ денегъ, а пожалуй еще безъ войскъ, или по крайней мѣрѣ безъ военныхъ запасовъ. Тогда же повсюду разосланы были агенты союза, и 10 декабря было назначено днемъ всеобщаго возстанія. Но вскорѣ оказалось, что замедлять дѣло нельзя: послѣдовало много арестовъ и стало извѣстнымъ, что полиція попала на главную нить заговора. Высоцкій и Заливскій поспѣшили представиться (9 ноября) Лелевелю, и въ библіотекѣ учонаго общества рѣшено было произвести возстаніе въ воскресенье 16 ноября (но впослѣдствіи его отложили до понедѣльника 17 числа, когда въ караулы назначены были польскія войска). Затѣмъ Высоцкій, Заливскій и Урбанскій съ нѣкоторыми изъ сво-

Digitized by Google

его общества составили планъ возстанія. Вечеромъ 16-го ноября этотъ планъ былъ предложенъ, у подпоручика Боркевича, заговорщикамъ-офицерамъ и одобренъ ими:

«Онъ заключалъ въ себѣ три главныхъ пункта: умерщвленіе Великаго Князя, взятіе арсенала и обезоруженіе русскихъ войскъ. Для сего были приняты слѣдующія мѣры: Набѣлякъ со студентами и нѣсколькими подпрапорщиками долженъ былъ, съ наступленіемъ сумерекъ, ворваться во дворецъ Великаго князя и привести въ исполненіе покушеніе на его жизнь. Въ то же время вооруженные подпрапорщики должны были направиться къ близь лежащимъ казармамъ трехъ русскихъ кавалерійскихъ полковъ, и съ помощью шести гренадерскихъ ротъ 1-го и 3-го егерскихъ и 6-го линейнаго полковъ съ 4 орудіями учебной артиллеріи, обезоружить русскихъ кирасиръ, уланъ и гусаръ, *здѣсь долженъ былъ дѣйствовать Высоцкій*... Въ сѣверной части города саперный баталіонъ, подкрѣпленный однимъ баталіономъ 4-го полка, долженъ былъ напасть внезапно на находившійся въ сосѣдствѣ л. гв. Волынскій полкъ, обезоружить его и взять въ плѣнъ; также точно гренадерскія роты 3-го полка и вовлеченная въ заговоръ часть гвардейскихъ гренадеръ, стоявшихъ въ однѣхъ казармахъ съ Литовскимъ полкомъ, должны были съ заряжонными ружьями напасть на этотъ полкъ и задержать его. Эта часть плана была препоручена управленію Урбанскаго. Между тѣмъ всѣ караулы столицы (въ этотъ день отъ 2-го баталіона 4-го полка) вмѣстѣ съ гренадерскими ротами 5-го и 8-го полковъ должны были направиться на находящійся посреди города арсеналъ и овладѣть имъ; но оружіе арсенала (что Заливскій нарочно подтвердилъ) ни въ какомъ случаѣ не должно быть роздано, но сбережено. Здѣсь управленіе имѣлъ Заливскій, коему было поручено главное начальство до того времени, пока одинъ изъ генераловъ, Хлопицкій, Пацъ или Сѣравскій (уже приготовленный), не станетъ во главѣ заговорщиковъ. Маіоръ Кіекерницкій, съ гренадерскими ротами 1-го полка, долженъ былъ отправиться въ Прагу, овладѣть пороховыми магазинами и препятствовать русскимъ занять оба моста чрезъ Вислу; въ случаѣ нужды онъ долженъ былъ даже разломать мосты. Наконецъ Кс. было ввѣрено управленіе народнымъ возстаніемъ; онъ долженъ былъ распредѣлить разныхъ лицъ по кварталамъ города для возмущенія народа подъ тѣмъ предлогомъ, что будто русскіе умерщвляютъ поляковъ, и такимъ образомъ прервать по всему городу сношенія законныхъ властей между собою. Назначено было четыре главныхъ сборныхъ пункта: въ старомъ городѣ, въ новомъ городѣ, на Саксонской площади и въ Гржибовѣ за саксонскимъ садомъ. Народъ не долженъ былъ быть вооруженъ оружіемъ изъ арсенала, но запастись собственнымъ. Всѣ русскіе генералы и офицеры должны были быть схвачены и, въ случаѣ сопротивленія, умерщвлены; сигналомъ для общаго возстанія должно было служить пламя пивоварни на Сольцѣ, находящейся вблизи казармъ русской кавалеріи. Многіе офицеры были посланы въ лагерь и въ предмѣстье Прагу для добыванія боевыхъ патроновъ. Для начала возстанія былъ избранъ 6-й часъ вечера, такъ какъ въ это время простой народъ, ничего еще не подозрѣвавшій обыкновенно по окончаніи работы предавался пьянству и шумной веселости въ многочисленныхъ кабакахъ города, и слѣдовательно удобнѣе было распорядиться имъ» (стр. 124—127).

Digitized by Google

* * *

Осеннія листья по вѣтру кружатъ;
Осеннія листья въ тревогѣ шумятъ:
„Все гибнетъ! все гибнетъ! ты чоренъ и голъ,
О лѣсъ нашъ родимый, конецъ твой пришолъ!“

Не слышитъ тревоги ихъ царственный лѣсъ:
Подъ хладнымъ дыханьемъ суровыхъ небесъ
Его спеленали могучіе сны,
И зрѣетъ въ немъ сила для новой весны...

1863 г.

А. МАЙКОВЪ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ИЗЪ ПОДПОЛЬЯ

I

ПОДПОЛЬЕ *)

Я человѣкъ больной... Я злой человѣкъ. Непривлекательный я человѣкъ. Я думаю, что у меня болитъ печень. Впрочемъ я ни шиша не смыслю въ моей болѣзни и не знаю навѣрно что у меня болитъ. Я не лѣчусь и никогда не лѣчился, хотя медицину и докторовъ уважаю. Ктому-же я еще и суевѣренъ до крайности; ну, хоть настолько, чтобъ уважать медицину. (Я достаточно образованъ, чтобъ не быть суевѣрнымъ, но я суевѣренъ.) Нѣтъ-съ, я не хочу лѣчиться со злости. Вотъ вы этого навѣрно не изволите понимать. Ну-съ, а я понимаю. Я разумѣется не съумѣю вамъ объяснить кому именно я насолю въ этомъ случаѣ моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторамъ я никакъ несмогу «нагадить» тѣмъ, что у нихъ не лѣчусь; я лучше всякаго знаю, что всѣмъ этимъ я единственно только себѣ поврежу и никому больше. Но все-таки, если я не лѣчусь, такъ

---

* И авторъ записокъ и самыя "Записки„ разумѣется вымышлены. Тѣмъ не менѣе такія лица какъ сочинитель такихъ записокъ не только могутъ, но даже должны существовать въ нашемъ обществѣ, взявъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ вообще складывалось наше общество. Я хотѣлъ вывести передъ лицо публики, повиднѣе обыкновеннаго, одинъ изъ характеровъ протекшаго недавняго времени. Это — одинъ изъ представителей еще доживающаго поколѣнія. Въ этомъ первомъ отрывкѣ, озаглавленномъ: „Подполье," это лицо рекомендуетъ самого себя, свой взглядъ, и какъ-бы хочетъ выяснить тѣ причины, по которымъ оно явилось и должно было явиться въ нашей средѣ. Въ слѣдующихъ отрывкахъ придутъ уже настоящія "записки„ этого лица о нѣкоторыхъ событіяхъ его жизни. Такимъ образомъ этотъ первый отрывокъ должно считать какъ бы вступленіемъ къ цѣлой книгѣ, почти предисловіемъ.

Ѳедоръ Достоевскій.

Digitized by Google

это со злости. Печонка болитъ, такъ вотъ пускай-же ее еще крѣпче болитъ!

Я ужь давно такъ живу, — лѣтъ двадцать. Теперь мнѣ сорокъ. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Я былъ злой чиновникъ. Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе. Вѣдь я взятокъ не бралъ, стало быть, долженъ же былъ себя хоть этимъ вознаградить. (Плохая острота; но я не вычеркну. Я ее написалъ, думая что выйдетъ очень остро; а теперь какъ увидѣлъ самъ, что хотѣлъ только гнусно пофорсить, — нарочно не вычеркну!) Когда къ столу, у котораго я сидѣлъ, подходили бывало просители за справками, — я зубами на нихъ скрежеталъ и чувствовалъ неутолимое наслажденіе, когда удавалось кого нибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частію все былъ народъ робкой: извѣстно—просители. Но изъ фертовъ я особенно терпѣть не могъ одного офицера. Онъ никакъ нехотѣлъ покориться и омерзительно гремѣлъ саблей. У меня съ нимъ полтора года за эту саблю война была. Я наконецъ одолѣлъ. Онъ пересталъ гремѣть. Впрочемъ это случилось еще въ моей молодости. Но знаете-ли, господа, въ чемъ состоялъ главный пунктъ моей злости. Да въ томъ-то и состояла вся штука, въ томъ-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ минуты самой сильнѣйшей жолчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человѣкъ, что я только воробьевъ пугаю напрасно и себя этимъ тѣшу. У меня пѣна у рта, а принесите мнѣ какую нибудь куколку, дайте мнѣ чайку съ сахарцемъ, я пожалуй и успокоюсь. Даже душой умилюсь, хоть ужь навѣрно потомъ буду самъ на себя скрежетать зубами и отъ стыда нѣсколько мѣсяцевъ страдать безсонницей. Таковъ ужь мой обычай.

Это я навралъ про себя давича, что я былъ злой чиновникъ. Со злости навралъ. Я просто баловствомъ занимался и съ просителями и съ офицеромъ, а въ сущности никогда не могъ сдѣлаться злымъ. Я поминутно сознавалъ въ себѣ много—премного самыхъ противуположныхъ тому элементовъ. Я чувствовалъ, что они такъ и кишатъ во мнѣ, эти противуположные элементы. Я зналъ, что они всю жизнь во мнѣ кишѣли и изъ меня вонъ наружу просились, но я ихъ не пускалъ, не пускалъ, нарочно не пускалъ наружу. Они мучили меня до стыда; до конвульсій меня доводили и — надоѣли мнѣ наконецъ, какъ надоѣли! Ужь не кажется-ли вамъ, господа, что я теперь въ чемъ-то пе-

Digitized by Google

редъ вами раскаиваюсь, что я въ чемъ то у васъ прощенья прошу?... Я увѣренъ, что вамъ это кажется... А впрочемъ увѣряю васъ, мнѣ все равно, если и кажется...

Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не съумѣлъ сдѣлаться: ни злымъ ни добрымъ, ни подлецомъ ни честнымъ, ни героемъ ни насѣкомымъ. Теперь-же доживаю въ своемъ углу, дразня себя злобнымъ и ни къ чему не служащимъ утѣшеніемъ, что умный человѣкъ и не можетъ серьезно чѣмъ нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только дуракъ. Да - съ, умный человѣкъ девятнатцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человѣкъ-же съ характеромъ, дѣятель,—существомъ по преимуществу ограниченнымъ. Это сорокалѣтнее мое убѣжденіе. Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, а вѣдь сорокъ лѣтъ — это вся жизнь; вѣдь это самая глубокая старость. Дальше сорока лѣтъ жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живетъ дольше сорока лѣтъ,—отвѣчайте искренно, честно? Я вамъ скажу кто живетъ: дураки и негодяи живутъ. Я всѣмъ старцамъ это въ глаза скажу, всѣмъ этимъ почтеннымъ старцамъ, всѣмъ этимъ сребровласымъ и благоухающимъ старцамъ! Всему свѣту въ глаза скажу! Я имѣю право такъ говорить, потомучто самъ до шестидесяти лѣтъ доживу. До семидесяти лѣтъ проживу! До восмидесяти лѣтъ проживу!.. Постой! те, дайте духъ перевести....

Навѣрно вы думаете, господа, что я васъ смѣшить хочу. Ошиблись и въ этомъ. Я вовсе не такой развеселый человѣкъ, какъ вамъ кажется, или какъ вамъ можетъ быть кажется; впрочемъ, если вы, раздражонные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто жъ я таковъ именно?—то я вамъ отвѣчу: я одинъ коллежскій асесоръ. Я служилъ, чтобъ было что нибудь ѣсть (но единственно для этого), и когда прошлаго года одинъ изъ отдаленныхъ моихъ родственниковъ оставилъ мнѣ шесть тысячъ рублей по духовному завѣщанію, я тотчасъ же вышелъ въ отставку и поселился у себя въ углу. Я и прежде жилъ въ этомъ углу, но теперь я поселился въ этомъ углу. Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя—деревенская баба, старая, злая отъ глупости, и отъ нея ктому-же всегда скверно пахнетъ. Мнѣ говорятъ, что климатъ петербургскій мнѣ становится вреденъ и что съ моими ничтожными средствами очень дорого въ Петер-

Digitized by Google

бургѣ жить. Я все это знаю, лучше всѣхъ этихъ опытныхъ и премудрыхъ совѣтчиковъ и покивателей, знаю. Но я остаюсь въ Петербургѣ; я не выѣду изъ Петербурга! Я потому не выѣду... Эхъ! да вѣдь это совершенно все равно выѣду я иль не выѣду.

А впрочемъ: о чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?

Отвѣтъ: о себѣ.

Ну такъ и я буду говорить о себѣ.

II

Мнѣ теперь хочется разсказать вамъ, господа, желается иль не желается вамъ это слышать, почему я даже и насѣкомымъ не съумѣлъ сдѣлаться? Скажу вамъ торжественно, что я много разъ хотѣлъ сдѣлаться насѣкомымъ. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознавать,—это болѣзнь, настоящая полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было бы достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то есть вполовину, вчетверть меньше той порціи, которая достается на долю развитаго человѣка нашего несчастнаго девятнатцатаго столѣтія и, сверхъ того, имѣющаго сугубое несчастье обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ. (Города бываютъ умышленные и неумышленные). Совершенно было-бы довольно, напримѣръ, такого сознанія, которымъ живутъ всѣ такъ называемые непосредственные люди и дѣятели. Бьюсь объ закладъ вы думаете, что я пишу все это изъ форсу, чтобъ поострить на счетъ дѣятелей, да еще изъ форсу дурного тона, гремлю саблей какъ мой офицеръ. Но, господа, кто-же можетъ своими-же болѣзнями тщеславиться, да еще ими форсить?

Впрочемъ чтожъ я?—всѣ это дѣлаютъ; болѣзнями-то и тщеславятся, а я пожалуй и больше всѣхъ. Не будемъ спорить; мое возраженіе нелѣпо. Но все таки я крѣпко убѣжденъ, что не только очень много сознанія, но даже и всякое сознаніе болѣзнь. Я стою на томъ. Оставимъ и это на минуту. Скажите мнѣ вотъ что: отчего такъ бывало, что какъ нарочно въ тѣ самыя, да, въ тѣ же самыя минуты, въ которыя я наиболѣе способенъ былъ сознавать всѣ тонкости «всего прекраснаго и высокаго», какъ гово-

Digitized by Google

рили у насъ когда-то, мнѣ случалось уже не сознавать, а дѣлать такія непригляднія дѣянья, такія, которыя... ну, да однимъ словомъ, которыя хоть и всѣ пожалуй дѣлаютъ, но которыя какъ нарочно приходились у меня именно тогда, когда я наиболѣе сознавалъ, что ихъ совсѣмъ бы не надо дѣлать? Чѣмъ больше я сознавалъ о добрѣ и о всемъ этомъ «прекрасномъ и высокомъ», тѣмъ глубже я и опускался въ мою тину и тѣмъ способнѣе былъ совершенно завязнуть въ ней. Но главная черта была въ томъ, что все это какъ будто не случайно во мнѣ было, а какъ будто ему и слѣдовало такъ быть. Какъ будто это было мое самое нормальное состояніе, а отнюдь не болѣзнь и не порча, такъ что наконецъ у меня и охота прошла бороться съ этой порчей. Кончилось тѣмъ, что я чуть не повѣрилъ, (а можетъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ), что это пожалуй и есть нормальное мое состояніе. А сперва-то, вначалѣ-то сколько я муки вытерпѣлъ въ этой борьбѣ! Я не вѣрилъ, чтобъ такъ бывало съ другими и потому всю жизнь таилъ это про себя какъ секретъ. Я стыдился, (даже можетъ быть и теперь стыжусь); до того доходилъ, что ощущалъ какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденьице возвращаться, бывало, въ иную гадчайшую петербургскую ночь къ себѣ въ уголъ и усиленно сознавать, что вотъ и сегодня сдѣлалъ опять гадость, что сдѣланнаго опять-таки никакъ не воротишь и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконецъ въ какую-то позорную, проклятую сладость и наконецъ, — въ рѣшительное, серьозное наслажденіе! Да, въ наслажденіе, въ наслажденіе! Я стою на томъ. Я потому и заговорилъ, что мнѣ все хочется навѣрно узнать: бываютъ-ли и у другихъ такія наслажденія? Я вамъ объясню: наслажденіе было тутъ именно отъ слишкомъ яркаго сознанія своего униженія; оттого, что ужь самъ чувствуешь, что до послѣдней стѣны дошолъ; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что ужь нѣтъ тебѣ выхода, что ужь никогда не сдѣлаешься другимъ человѣкомъ; что еслибъ даже и оставалось еще время и вѣра, чтобъ передѣлаться во что нибудь другое, то навѣрно самъ-бы не захотѣлъ передѣлываться; а захотѣлъ-бы, такъ и тутъ-бы ничего не сдѣлалъ, потомучто, на самомъ-то дѣлѣ, и передѣлываться-то можетъ быть не во-что. А главное, и конецъ концовъ, что все это происходитъ по нормальнымъ и основнымъ законамъ

Digitized by Google

усиленнаго сознанія и по инерціи, прямо вытекающей изъ этихъ законовъ, а слѣдственно тутъ не только не передѣлаешься, да и просто ничего не подѣлаешь. Выходитъ напримѣръ, вслѣдствіе усиленнаго сознанія: правъ что подлецъ, какъ будто это подлецу утѣшеніе, коль онъ уже самъ ощущаетъ что онъ дѣйствительно подлецъ. Но довольно... Эхъ нагородилъ-то, а что объяснилъ?. Чѣмъ объясняется тутъ наслажденіе? Но я объяснюсь! Я таки доведу до конца! я и перо затѣмъ въ руки взялъ....

Я, напримѣръ, ужасно самолюбивъ. Я мнителенъ и обидчивъ какъ горбунъ или карликъ, но право бывали со мною такія минуты, что еслибъ случилось, что мнѣ-бы дали пощечину, то можетъ-быть я былъ-бы даже и этому радъ. Говорю серьозно: навѣрно я-бы съумѣлъ отыскать и тутъ своего рода наслажденіе, разумѣется наслажденіе отчаянія, но въ отчаяніи-то и бываютъ самыя жгучія наслажденія, особенно когда ужь очень сильно сознаешь безвыходность своего положенія. А тутъ при пощечинѣ-то — да тутъ такъ и придавитъ сознаніе о томъ въ какую мазь тебя растерли. Главное-же какъ ни раскидывай, а все таки выходитъ, что всегда я первый во всемъ виноватъ выхожу и, что всего обиднѣе, безъ вины виноватъ, и такъ сказать по законамъ природы. Потому во первыхъ виноватъ, что я умнѣе всѣхъ, которые меня окружаютъ. (Я постоянно считалъ себя умнѣе всѣхъ, которые меня окружаютъ и иногда, повѣрите-ли, даже этого совѣстился. По крайнѣй мѣрѣ я всю жизнь смотрѣлъ какъ-то въ сторону и никогда не могъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза.) Потому наконецъ виноватъ, что еслибъ и было во мнѣ великодушіе, то было бы только мнѣ-же муки больше отъ сознанія всей его безполезности. Я вѣдь навѣрно ничего-бы не съумѣлъ сдѣлать изъ моего великодушія: ни простить, потому что обидчикъ можетъ ударилъ меня по законамъ природы, а законовъ природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хоть и законы природы, а все-таки обидно. Наконецъ, еслибъ даже я захотѣлъ быть вовсе не великодушнымъ, а напротивъ пожелалъ-бы отмстить обидчику, то я и отмстить ни въ чемъ никому-бы не могъ, потому что навѣрно не рѣшился бы что нибудь сдѣлать, еслибъ даже и могъ. Отчего не рѣшился-бы? Объ этомъ мнѣ хочется сказать два слова особо.

Digitized by Google

III

Вѣдь у людей, умѣющихъ за себя отомстить и вообще за себя постоять, — какъ это напримѣръ дѣлается? Вѣдь ихъ, какъ обхватитъ, положимъ, чувство мести, такъ ужь ничего больше во всемъ ихъ существѣ на это время и не останется кромѣ этого чувства. Такой господинъ такъ и претъ прямо къ цѣли, какъ взбѣсившійся быкъ, наклонивъ внизъ рога и только развѣ стѣна его останавливаетъ. (Кстати: передъ стѣной такіе господа, т. е. непосредственные люди и дѣятели, искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна — не отводъ, какъ напримѣръ для насъ, людей думающихъ, а слѣдственно ничего не дѣлающихъ; не предлогъ воротиться съ дороги, предлогъ, въ который нашъ братъ обыкновенно и самъ не вѣритъ, но которому всегда очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всею искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокоительное, нравственно-разрѣшающее и окончательное, пожалуй даже что-то мистическое... Но объ стѣнѣ послѣ.) Ну-съ, такого-то вотъ непосредственнаго человѣка я и считаю настоящимъ, нормальнымъ человѣкомъ, какимъ хотѣла его видѣть сама нѣжная мать—природа, любезно зарождая его на землѣ. Я такому человѣку до крайней жолчи завидую. Онъ глупъ, я въ этомъ съ вами не спорю, но можетъ быть нормальный человѣкъ и долженъ быть глупъ, почему вы знаете? Можетъ быть это даже очень красиво. И я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ такъ-сказать подозрѣніи, что если, напримѣръ, взять антитезъ нормальнаго человѣка, то есть человѣка усиленно-сознающаго, вышедшаго конечно не изъ лона природы, а изъ реторты (это уже почти мистицизмъ, господа, но я подозрѣваю и это) — то этотъ ретортный человѣкъ до того иногда пасуетъ передъ своимъ антитезомъ, что самъ себя, со всѣмъ своимъ усиленнымъ сознаніемъ, добросовѣстно считаетъ за мышь, а не за человѣка. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тутъ человѣкъ, а слѣдственно и прочее. И главное онъ самъ, самъ вѣдь считаетъ себя за мышь; его объ этомъ никто не проситъ; а это важный пунктъ. Взглянемъ же теперь на эту мышь въ дѣйствіи. Положимъ, напримѣръ, она тоже обижена (а она почти всегда бываетъ обижена) и тоже желаетъ отмстить. Злости-то

Digitized by Google

въ ней можетъ еще и больше накопится, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la verité. Гадкое, низкое желаньице воздать обидчику тѣмъ же зломъ, можетъ еще и гаже скребется въ ней, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la vèritè, потому что l'homme de la nature et de la vèritè, по своей врожденной глупости, считаетъ свое мщенье просто за просто справедливостью; а мышь, вслѣдствіе усиленнаго сознанія, отрицаетъ тутъ справедливость. Доходитъ, наконецъ, до самаго дѣла, до самаго акта отмщенія. Несчастная мышь, кромѣ одной первоначальной гадости, успѣла уже нагородить кругомъ себя, въ видѣ вопросовъ и сомнѣній, столько другихъ гадостей; къ одному вопросу подвела столько неразрѣшонныхъ вопросовъ, что поневолѣ кругомъ нея набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая изъ ея сомнѣній, волненій и наконецъ изъ плевковъ, сыплющихся на нее отъ непосредственныхъ дѣятелей, предстоящихъ торжественно кругомъ въ видѣ судей и диктаторовъ и хохочущихъ надъ нею во всю здоровую глотку. Разумѣется ей остается махнуть на все своей лапкой и съ улыбкой напускного презрѣнья, которому и сама она не вѣритъ, постыдно проскользнуть въ свою щелочку. Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вонючемъ подпольѣ, наша обиженная, прибитая и осмѣянная, мышь немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей, свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазіей. Сама будетъ стыдиться своей фантазіи, но все-таки все припомнитъ, все переберетъ, навыдумаетъ на себя небывальщины подъ предлогомъ, что она то же могла случиться, и ничего не проститъ. Пожалуй и мстить начнетъ, но какъ нибудь урывками, мелочами, изъ-за нечки, инкогнито, не вѣря ни своему праву мстить, ни успѣху своего мщенія и зная напередъ, что отъ всѣхъ своихъ попытокъ отмстить сама выстрадаетъ во сто разъ больше того кому мститъ, а тотъ пожалуй и не почешется. На смертномъ одрѣ опять таки все припомнитъ, съ накопившимися за все время процентами и.... Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ подуотчаяніи полувѣрѣ; въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя за-живо съ горя, въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ; въ этой усиленно-сознанной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія: во

Digitized by Google

всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь; во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ на вѣки рѣшеній и черезъ минуту опять наступающихъ раскаяній—и заключается сокъ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до того тонкое, до того иногда неподдающееся сознанью, что чуть чуть ограниченные люди, или даже просто люди съ крѣпкими нервами, не поймутъ въ немъ ни единой черты. «Можетъ еще и тѣ не поймутъ, прибавите вы отъ себя осклабляясь, которые никогда не получали пощечинъ,» — и такимъ образомъ вѣжливо намекнете мнѣ, что я въ мою жизнь можетъ быть тоже испыталъ пощечину, а потому и говорю какъ знатокъ. Бьюсь объ закладъ, что вы это думаете. Но успокойтесь, господа, я не получалъ пощечинъ, хотя мнѣ совершенно все равно какъ бы вы объ этомъ ни думали. Я можетъ быть еще самъ-то жалѣю, что въ мою жизнь мало роздалъ пощечинъ. Но довольно, ни слова больше объ этой чрезвычайно для васъ интересной темѣ.

Продолжаю спокойно о людяхъ съ крѣпкими нервами, не понимающихъ извѣстной утонченности наслажденій. Эти господа, при иныхъ казусахъ напримѣръ, хотя и ревутъ какъ быки во все горло, хоть это, положимъ, и приноситъ имъ величайшую честь, но, какъ уже сказалъ я, передъ невозможностью они тотчасъ смиряются. «Невозможность — значитъ каменная стѣна? Какая каменная стѣна? Ну разумѣется законы природы, выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужь какъ докажутъ тебѣ напримѣръ, что отъ обезьяны произошолъ, такъ ужь и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужь какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственнаго жиру; тебѣ должна быть дороже ста тысячь тебѣ подобныхъ и что въ этотъ результатъ разрѣшатся подконецъ всѣ такъ называемыя добродѣтели и обязанности и прочія бредни и предразсудки, такъ ужь такъ и принимай, нечего дѣлать-то, потому дважды-два, — математика. Попробуйте возразить.

«Помилуйте, закричатъ вамъ, возставать нельзя: это дважды-два-четыре! Природа васъ не спрашивается; ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній, и до того нравятся-ль вамъ ея законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ какъ она есть, а слѣдственно и всѣ ея результаты. Стѣна значитъ и есть стѣна... и т. д. и т. д.» Господи, Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и

Digitized by Google

дважды-два-четыре не нравятся? Разумѣется, я не пробью такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней, потому только, что у меня каменная стѣна и у меня силъ не хватило.

И какъ-будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое-нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она дважды-два-четыре. О нелѣпость нелѣпостей! То-ли дѣло все понимать, все сознавать, всѣ невозможности и каменныя стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзитъ примиряться; дойти путемъ самыхъ неизбѣжныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ какъ-будто чѣмъ-то самъ виноватъ, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе невиноватъ, и вслѣдствіе этого, молча и безсильно скрежеща зубами, сладострастно замерѣть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а можетъ быть и никогда не найдется, что тутъ подмѣнъ, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда,— неизвѣстно что и неизвѣстно кто, но несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки у васъ все-таки болитъ, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болитъ!

IV.

Ха, ха, да! да вы послѣ этого и въ зубной боли отыщете наслажденіе!» вскрикнете вы со смѣхомъ.

— А что жь? и въ зубной боли есть наслажденіе, отвѣчу я. У меня цѣлый мѣсяцъ болѣли зубы; я знаю, что есть. Тутъ, конечно не молча злятся, а стонутъ; но это стоны не откровенные, это стоны съ ехидствомъ, а въ ехидствѣ-то и вся штука. Въ этихъ-то стонахъ и выражается наслажденіе страдающаго; не ощущалъ-бы онъ въ нихъ наслажденія,—онъ-бы и стонать не сталъ. Это хорошій примѣръ, господа, и я его разовью. Въ этихъ стонахъ выражается вопервыхъ вся для вашего сознанія унизительная безцѣльность вашей боли; вся законность природы, на которую, вамъ, разумѣется, наплевать, но отъ которой вы все-таки страдаете, а она-то нѣтъ. Выражается сознаніе, что

Digitized by Google

врага у васъ не находится, а что боль есть; сознаніе, что вы, со всевозможными Вакгейзами, вполнѣ въ рабствѣ у вашихъ зубовъ; что захочетъ кто-то и перестанутъ болѣть ваши зубы, а не захочетъ, такъ и еще три мѣсяца проболятъ; и что наконецъ, если вы все еще не согласны и все-таки протестуете, то вамъ остается для собственнаго утѣшенія, только сомого себя высѣчь, или прибить побольнѣе кулакомъ вашу стѣну, а болѣе рѣшительно ничего. Ну-съ вотъ отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ и начинается наконецъ наслажденіе, доходящее иногда до высшаго сладострастія. Я васъ пропу, господа, прислушайтесь когда-нибудь къ стонамъ образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, страдающаго зубами, этакъ на второй, или на третій день болѣзни, когда онъ начинаетъ уже не такъ стонать, какъ въ первый день стоналъ, то есть не просто оттого что зубы болятъ; не такъ какъ какой-нибудь грубый мужикъ, а такъ какъ человѣкъ тронутый развитіемъ и европейской цивилизаціей стонетъ, какъ человѣкъ «отрѣвившійся отъ почвы и отъ народныхъ началъ», какъ теперь выражаются. Стоны его становятся какіе-то скверные, пакостные и продолжаются по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ самъ, что никакой себѣ пользы не принесетъ своими стонами; лучше всѣхъ знаетъ, что онъ только напрасно себя и другихъ надрываетъ и раздражаетъ; знаетъ, что даже и публика, передъ которой онъ старается, и все семейство его уже прислушались къ нему съ омерзѣніемъ, не вѣрятъ ему ни на грошъ, и понимаютъ про себя, что онъ могъ бы иначе, проще стонать, безъ руладъ и безъ вывертовъ, а что онъ только такъ со злости, съ ехидства балуется. Ну такъ вотъ въ этихъ-то всѣхъ сознаніяхъ и позорахъ и заключается сладострастіе. «Дескать я васъ безпокою, сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ вотъ не спите же, чувствуйте-же и вы каждую минуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужъ теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гаденькой человѣкъ, шелапанъ. Ну такъ пусть же! Я очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои подленькіе стоны? Ну такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ еще скверней руладу сдѣлаю...» Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, видно надо глубоко доразвиться и досознаться, чтобъ понять всѣ изгибы этого сладострастія! Вы смѣетесь? Очень радъ-съ. Мои шутки, господа, конечно дур-

Digitized by Google

ного тона, неровны, сбивчивы, съ самонедовѣрчивостью. Но вѣдь это оттого, что я самъ себя не уважаю. Развѣ сознающій человѣкъ можетъ сколько-нибудь себя уважать?

V.

Ну развѣ можно, развѣ можно хоть сколько-нибудь уважать себя человѣку, который даже въ самомъ чувствѣ собственнаго униженія, посягнулъ отыскать наслажденіе? Я не отъ приторнаго какого-нибудь раскаянья такъ теперь говорю. Да и вообще терпѣть я не могъ говорить: «Простите, папаша, впередъ не буду», — не потому, чтобъ я не способенъ былъ это сказать, а, напротивъ, можетъ быть именно потому, что ужь слишкомъ способенъ на это бывалъ, да еще какъ? Какъ нарочно и влопаюсь бывало въ такомъ случаѣ, когда самъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ. Это уже было всего гаже. При этомъ я опять-таки душою умилялся, раскаивался, слезы проливалъ и конечно самого себя надувалъ, хоть и вовсе не притворялся. Сердце ужь тутъ какъ-то гадило... Тутъ ужь даже и законовъ природы нельзя было обвинить, хотя все-таки законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь меня обижали. Гадко это все вспоминать, да и тогда гадко было. Вѣдь черезъ минуту какую-нибудь, я уже съ злобою соображаю бывало, что все это ложь, ложь, отвратительная напускная ложь, то есть всѣ эти раскаянія, всѣ эти умиленія, всѣ эти обѣты возрожденія. А спросите, для чего я такъ самъ себя коверкалъ и мучилъ? Отвѣтъ: затѣмъ, что скучно ужь очень было сложа руки сидѣть; вотъ и пускался на выверты. Право такъ. Замѣчайте получше сами за собой, господа, тогда и поймете, что это такъ. Самъ себѣ приключенія выдумывалъ и жизнь сочинялъ, чтобъ хоть какъ нибудь да пожить. Сколько разъ мнѣ случалось — ну хоть напримѣръ обижаться, такъ, не изъ за чего, нарочно; и вѣдь самъ знаешь бывало, что не изъ за чего обидѣлся, напустилъ на себя, но до того себя доведешь, что подъ-конецъ право и въ самомъ дѣлѣ обидишься. Меня какъ-то всю жизнь тянуло такія штуки выкидывать, такъ что ужъ я сталъ подъ-конецъ и

Digitized by Google

въ себѣ неудовлетворенъ. Другой разъ влюбиться насильно захотѣлъ, даже два раза. Страдалъ вѣдь, господа, увѣряю васъ. Въ глубинѣ-то души не вѣришся, что страдаешь, насмѣшка шевелится, а все-таки страдаю, да еще настоящимъ, заправскимъ образомъ; ревную, изъ себя выхожу... И все отъ скуки, господа, все отъ скуки; инерція задавила. Вѣдь прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія — это инерція, т. е. сознательное сложа-руки-сидѣнье. Я ужь объ этомъ упоминалъ выше. Повторяю, усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограниченны. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ, такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли, ну и успокоиваются; а вѣдь это главное. Вѣдь чтобъ начать дѣйствовать нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно, и чтобъ сомнѣній ужь никакихъ не оставалось. Ну а какъ я напримѣръ себя успокою? гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрусь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму. Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ-же тащитъ за собою другую еще первоначальнѣе и такъ далѣе въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это уже опять стало-быть законы природы. Что-же наконецъ въ результатѣ? Да тоже самое. Вспомните: давеча вотъ я говорилъ о мщеніи. (Вы вѣрно не вникли). Сказано: человѣкъ мститъ, потомучто находитъ въ этомъ справедливость. Значитъ онъ первоначальную причину нашолъ, основаніе нашолъ а именно: справедливость. Стало-быть онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, а слѣдственно и отмщаетъ спокойно и успѣшно, будучи убѣжденъ, что дѣлаетъ честное и справедливое дѣло. А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мстить, то развѣ только изъ злости. Злость конечно могла-бы все пересилить, всѣ мои сомнѣнія, и стало-быть могла-бы совершенно успѣшно послужить вмѣсто первоначальной причины, именно потому что она не причина. Но что же дѣлать если у меня и злости нѣтъ (я давеча вѣдь съ этого и началъ). Злоба у меня опять-таки вслѣдствіе этихъ проклятыхъ законовъ сознанія химическому разложенію подвергается. Смотришь,—предметъ улетучивается, резоны испаряются, виновникъ

Digitized by Google

не отыскивается, обида становится не обидой, а капризомъ, чѣмъ-то въ родѣ зубной боли, въ которой никто не виноватъ, а слѣдовательно остается опять-таки тотъ же самый—выходъ т. е. стѣну побольше прибить. Ну и рукой махнешь, потому что не нашолъ первоначальной причины. А попробуй, увлекись своимъ чувствомъ слѣпо, безъ разсужденій, безъ первоначальной причины, отгоняя сознаніе хоть на это время; возненавидь или полюби, чтобъ только не сидѣть сложа руки. Послѣ-завтра, это уже самый поздній срокъ, самого себя презирать начнешь, за то что самого себя за-знаю надулъ. Въ результатѣ: мыльный пузырь и инерція. О, господа, вѣдь я можетъ потому только и считаю себя за умнаго человѣка, что всю жизнь ничего не могъ ни начать, ни окончить. Пусть, пусть я болтунъ, безвредный, досадный болтунъ, какъ и всѣ мы. Но что-же дѣлать, если прямое и единственное назначеніе всякаго умнаго человѣка есть болтовня т. е. умышленное пересыпанье изъ пустого въ порожнее.

VI

О, еслибъ я ничего не дѣлалъ только изъ лѣни. Господи, какъ-бы я тогда себя уважалъ. Уважалъ-бы именно потому, что хоть лѣнь я въ состояніи имѣть въ себѣ; хоть одно свойство было-бы во мнѣ какъ будто и положительное, въ которомъ я-бы и самъ былъ увѣренъ. Вопросъ: кто такой? Отвѣтъ: лѣнтяй; да вѣдь это препріятно было-бы слышать о себѣ. Значитъ положительно опредѣленъ, значитъ есть что сказать обо мнѣ. «Лѣнтяй»! да — вѣдь это званье и назначеніе, это карьера-съ. Не шутите, — это такъ. Я тогда членъ самого первѣйшаго клуба по праву, и занимаюсь только тѣмъ, что безпрерывно себя уважаю. Я зналъ господина, который всю жизнь гордился тѣмъ, что зналъ толкъ въ лафитѣ. Онъ считалъ это за положительное свое достоинство и никогда не сомнѣвался въ себѣ. Онъ умеръ не то что съ покойной, а съ торжествующей совѣстью, и былъ совершенно правъ. А я-бы себѣ тогда выбралъ карьеру: я былъ-бы лѣнтяй и обжора, но не простой, а напримѣръ сочувствующій всему прекрасному и высокому. Какъ вамъ это нравится? мнѣ это давно мерещилось. Это «прекрасное и высокое» сильно-таки надавило мнѣ затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ; но это въ мои сорокъ лѣтъ, а тогда—

Digitized by Google

о, тогда было-бы иначе! Я бы тотчасъ-же отыскалъ себѣ и соотвѣтствующую дѣятельность, — а именно: пить за здоровье всего прекраснаго и высокаго. Я бы придирался ко всякому случаю, чтобъ сначала пролить въ свой бокалъ слезу, а потомъ выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свѣтѣ обратилъ тогда въ прекрасное и высокое; въ гадчайшей, безспорной дряни отыскалъ бы прекрасное и высокое. Я сдѣлался бы слезоточивъ какъ мокрая губка. Художникъ, напримѣръ, написалъ картину Ге. Тотчасъ-же пью за здоровье художника, написавшаго картину Ге, потомучто люблю все прекрасное и высокое. Авторъ написалъ «*какъ кому угодно*»; тотчасъ-же пью за здоровье «кого угодно», потому что люблю все «прекрасное и высокое.»—Уваженія къ себѣ за это потребую, преслѣдовать буду того, кто не будетъ мнѣ оказывать уваженія. Живу спокойно, умираю торжественно, — да вѣдь это прелесть, цѣлая прелесть! И такое себѣ отростилъ-бы я тогда брюхо, такой тройной подбородокъ соорудилъ, такой-бы сандальный носъ себѣ выработалъ, что всякой встрѣчный сказалъ-бы, смотря на меня: «вотъ такъ плюсъ! вотъ такъ ужь настоящее положительное!» А вѣдь какъ хотите, такіе отзывы препріятно слышать въ нашъ отрицательный вѣкъ, господа.

VII

Но все это золотыя мечты. О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ; а что еслибъ его просвѣтить, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человѣкъ тотчасъ-же пересталъ-бы дѣлать пакости, тотчасъ-же сталъ-бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ-бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать зазнамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно такъ-сказать по необходимости сталъ-бы дѣлать добро? О младенецъ! о чистое, невинное дитя! да когда-же, вопервыхъ, бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды?

Digitized by Google

Что-же дѣлать съ мильонами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди, *зазнамо*, т. е. вполнѣ понимая свои настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ непринуждаемые къ тому, а какъ будто именно только не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелѣпую, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. Вѣдь значитъ имъ дѣйствительно это упрямство и своеволіе было пріятнѣе всякой выгоды... Выгода! что такое выгода? Да и берете-ли вы на себя совершенно точно опредѣлить въ чемъ именно человѣческая выгода состоитъ? А что если такъ случится, что человѣческая выгода, *иной разъ*, не только можетъ, но даже и должна именно въ томъ состоять, чтобъ въ иномъ случаѣ себѣ худого пожелать, а не выгоднаго? А если такъ, если только можетъ быть этотъ случай, то все правило прахомъ пошло. Какъ вы думаете бываетъ-ли такой случай? Вы смѣетесь; смѣйтесь, господа, но только отвѣчайте: совершенно-ли вѣрно сосчитаны выгоды человѣческія? Нѣтъ-ли такихъ, которыя не только не уложились, но и не могутъ уложиться ни въ какую класификацію? Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ. Вѣдь ваши выгоды, это — благоденствіе, богатство, свобода, покой, ну и такъ далѣе, и такъ далѣе; такъ что человѣкъ, который бы напримѣръ явно и зазнамо пошолъ противъ всего этого реестра, былъ-бы по вашему, ну да и конечно по моему, обскурантъ или совсѣмъ сумасшедшій, такъ-ли? Но вѣдь вотъ что удивительно: отчего это такъ происходитъ, что всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно одну выгоду пропускаютъ? Даже и въ разсчетъ ее не берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ брать, а отъ этого и весь разсчетъ зависитъ. Бѣда-бы не велика, взять бы ее, эту выгоду, да и занесть въ списокъ. Но въ томъ-то и пагуба, что эта мудреная выгода ни въ какую класификацію не попадаетъ, ни въ одинъ списокъ не умѣщается. У меня напримѣръ, есть пріятель... Эхъ, господа! да вѣдь и вамъ онъ пріятель; да и кому, кому онъ не пріятель! Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ-же изложитъ вамъ, велерѣчиво и ясно, какъ именно надо ему поступить по законамъ разсудка и истины. Мало того: съ волненіемъ и страстью будетъ

Digitized by Google

говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ человѣческихъ интересахъ; съ насмѣшкой укоритъ близорукихъ глупцовъ, не понимающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели и, — ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго внезапнаго, посторонняго повода, а именно почему-то такому внутреннему что сильнѣе всѣхъ его интересовъ, — выкинетъ совершенно другое колѣно, т. е. явно пойдетъ противъ того, объ чемъ самъ говорилъ: и противъ законовъ разсудка, и противъ собственной выгоды, ну однимъ словомъ, противъ всего... Предупрежду, что мой пріятель — лицо собирательное и потому только его одного винить — какъ-то трудно. То-то и есть, господа, не существуетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что почти всякому человѣку дороже самыхъ лучшихъ его выгодъ или, (чтобъ ужь логики не нарушать) — есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вотъ объ которой сейчасъ говорили), которая главнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ выгодъ, и для которой человѣкъ, если понадобится, готовъ противъ всѣхъ законовъ пойти, т. е. противъ разсудка, чести, покоя, благоденствія, — однимъ словомъ противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей, лишь-бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего.

— Ну такъ все-таки выгоды-же — перебиваете вы меня. Позвольте-съ, мы еще объяснимся, да и не въ каламбурѣ дѣло, а въ томъ, что эта выгода именно тѣмъ и замѣчательна, что всѣ наши класификаціи разрушаетъ и всѣ системы, составленныя любителями рода человѣческаго для счастья рода человѣческаго, постоянно разбиваетъ. Однимъ словомъ всему мѣшаетъ. Но прежде чѣмъ я вамъ назову эту выгоду, я хочу себя компрометировать лично и потому дерзко объявляю, что всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человѣчеству настоящихъ, нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобъ оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало-бы тотчасъ-же добрымъ и благороднымъ, — покамѣстъ по моему мнѣнью, одна логистика! Да-съ, логистика! Вѣдь утверждать хоть эту теорію обновленія всего рода человѣческаго посредствомъ системы его собственныхъ выгодъ, вѣдь это, по моему, почти тоже... ну хоть утверждать, напримѣръ, вслѣдъ за Боклемъ, что отъ цивилизаціи человѣкъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. По логикѣ-то кажется у

Digitized by Google

него и такъ выходитъ. Но до того человѣкъ пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказить правду, готовъ видомъ невидать и слыхомъ не слыхать, только чтобъ оправдать свою логику. Потому и беру этотъ примѣръ, что это слишкомъ яркой примѣръ. Да оглянитесь кругомъ: кровь рѣкою льется, да еще развеселымъ такимъ образомъ, точно шампанское. Вотъ вамъ все наше девятнадцатое столѣтіе, въ которомъ жилъ и Бокль. Вотъ вамъ Наполеонъ — и великій и теперещній. Вотъ вамъ Сѣверная Америка — вѣковѣчный союзъ. Вотъ вамъ наконецъ карикатурный Шлезвигъ — Гольштейнъ... И что такое смягчаетъ въ насъ цивилизація? Цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только многосторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше. А черезъ развитіе этой многосторонности человѣкъ еще пожалуй дойдетъ до того, что отыщетъ въ крови наслажденіе. Вѣдь это ужь и случалось съ нимъ. Замѣчали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которымъ всѣ эти разные Атиллы, да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годились, и если они не такъ ярко бросаются въ глаза какъ Атилла и Стенька Разинъ, такъ это именно потому, что они слишкомъ часто встрѣчаются, слишкомъ обыкновенны, примелькались. По-крайней мѣрѣ отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ если не болѣе кровожаденъ, то ужь навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде. Прежде онъ видѣлъ въ кровопролитіи справедливость и съ покойною совѣстью истреблялъ кого слѣдовало; теперь же мы хоть и считаемъ кровопролитіе гадостью, а всетаки этой гадостью занимаемся, да еще больше чѣмъ прежде. Что хуже? — сами рѣшите. Говорятъ Клеопатра (извините за примѣръ изъ римской исторіи) любила втыкать золотыя булавки въ груди своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ. Вы скажете, что это было во времена, говоря относительно, варварскія; что и теперь времена варварскія, потомучто (тоже говоря относительно) и теперь булавки втыкаются; что и теперь человѣкъ хоть и научился иногда видѣть яснѣе, чѣмъ во времена варварскія, но еще далеко не *пріучился* поступать такъ какъ ему разумъ и науки указываютъ. Но все-таки вы совершенно увѣрены, что онъ непремѣнно пріучится, когда совсѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя привычки, и когда здравый смыслъ и наука вполнѣ перевоспитаютъ и нормально направятъ натуру

Digitized by Google

человѣческую. Вы увѣрены, что тогда человѣкъ и самъ перестанетъ *добровольно* ошибаться и такъ сказать поневолѣ не захочетъ розрнить свою волю съ нормальными своими интересами. Мало того: тогда, говорите вы, сама наука научитъ человѣка, (хоть это ужь и роскошь по моему) что ни воли, ни каприза на самомъ-то дѣлѣ у него и нѣтъ, да и никогда не бывало, а что онъ самъ неболѣе какъ нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органнаго штифтика; и что сверхъ того — на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно эти законы природы стоитъ только открыть, и ужь за поступки свои человѣкъ отвѣчать не будетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ расчислены тогда по этимъ законамъ, математически, въ родѣ таблицы логарифмовъ, до 108,000 и занесены въ календарь; или, еще лучше того, появятся нѣкоторыя благонамѣренныя изданія, въ родѣ теперешнихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.

Тогда-то, — это все вы говорите — настанутъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ ужь готовыя и тоже вычисленныя съ математическою точностію, такъ что въ одинъ мигъ изсчезнутъ всевозможные вопросы, собственно потому что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ. Конечно, никакъ нельзя гарантировать, (это ужь я теперь говорю) что тогда не будетъ на примѣръ ужасно скучно; (потому что что-жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ) за то все будетъ чрезвычайно благоразумно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь! Вѣдь и золотыя булавки отъ скуки втыкаются, но это бы все ничего. Скверно то (это опять таки я говорю), что чего добраго, пожалуй и золотымъ булавкамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То есть онъ хоть и вовсе не глупъ, но ужь за то неблагодаренъ такъ, что поискать другого, такъ не найти. Вѣдь я напримѣръ нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшли-

Digitized by Google

вою физіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть-ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логарифмы отправились къ чорту, и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это-бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непремѣнно послѣдователей найдетъ: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, объ которой бы кажется и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть-же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это ужь моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный хотя бы самый дикой капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть-бы даже до сумашествія, — вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую класификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непремѣнно вообразили они, что человѣку надо непремѣнно благоразумно-выгоднаго хотѣнья? Человѣку надо — одного только *самостоятельнаго* хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему-бы ни привела. Ну и хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ.....

VIII

«Ха, ха, ха,! да вѣдь хотѣнья-то, въ сущности, если хотите и нѣтъ!» прерываете вы съ хохотомъ. — «Наука даже о сю пору дотого успѣла разанатомировать человѣка, что ужь и теперь намъ извѣстно, что хотѣнье и такъ называемая свободная воля, есть ничто иное какъ....

— Постойте, господа, я и самъ такъ начать хотѣлъ. Я признаюсь даже испугался. Я только что хотѣлъ было прокричать, что хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ отчего зависитъ и что это пожалуй и слава Богу. да вспомнилъ про науку-то и... осѣлся. А

Digitized by Google

вы тутъ и заговорили. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, ну если и вправду найдутъ когда-нибудь формулу всѣхъ нашихъ хотѣній и капризовъ, т. е. отъ чего они зависятъ, по какимъ именно законамъ происходятъ, какъ именно распространяются, куда стремятся въ такомъ-то и въ такомъ-то случаѣ и проч. и проч. т. е. настоящую, математическую формулу,—такъ вѣдь тогда человѣкъ тотчасъ-же пожалуй и перестанетъ хотѣть, да еще пожалуй и навѣрно перестанетъ. Ну что за охота хотѣть по табличкѣ? Мало того: тотчасъ-же обратится онъ изъ человѣка въ органный штифтикъ, или въ родѣ того; потому, что-же такое человѣкъ безъ желаній, безъ воли и безъ хотѣній какъ не штифтикъ въ органномъ валѣ? Какъ вы думаете? сосчитаемъ вѣроятности, — можетъ это случиться или нѣтъ?

— Гм... рѣшаете вы, наши хотѣнья большею частію бываютъ ошибочны отъ ошибочнаго взгляда на наши выгоды. Мы потому и хотимъ иногда чистаго вздору, что въ этомъ вздорѣ видимъ, по глупости нашей, легчайшую дорогу къ достиженію какой нибудь заранѣ предположенной выгоды. Ну, а когда все это будетъ растолковано, расчислено на бумажкѣ (что очень возможно, потому что гнусно-же и безсмысленно заранѣ вѣрить, что иныхъ законовъ природы человѣкъ никогда не узнаетъ) — то тогда, разумѣется, не будетъ такъ называемыхъ желаній. Вѣдь если хотѣнье стакнется когда-нибудь совершенно съ разсудкомъ, такъ вѣдь ужь мы будемъ тогда разсуждать, а не хотѣть, собственно потому, что вѣдь нельзя-же, напримѣръ, сохраняя разсудокъ, *хотѣть* безсмыслицы, и такимъ образомъ зазнамо идти противъ разсудка и желать себѣ вреднаго.... А такъ-какъ всѣ хотѣнья и разсужденія могутъ быть дѣйствительно вычислены, потомучто когда-нибудь откроютъ-же законы такъ называемой нашей свободной воли, то стало-быть, и кромѣ шутокъ можетъ устроиться что нибудь въ родѣ таблички, такъ что мы и дѣйствительно хотѣть будемъ по этой табличкѣ. Вѣдь если мнѣ, напримѣръ, когда нибудь расчислятъ и докажутъ, что если я показалъ такому-то кукишъ, такъ именно потому, что не могъ не показать и что непремѣнно такимъ-то пальцомъ долженъ былъ его показать, такъ что-же тогда во мнѣ *свободнаго-то* останется, особенно если я ученый и гдѣ-нибудь курсъ наукъ кончилъ? Вѣдь я тогда впередъ всю мою жизнь на тридцать лѣтъ расчитать могу; однимъ словомъ, если и устроится это, такъ вѣдь намъ ужь нечего бу-

Digitized by Google

деть дѣлать; все равно надо будетъ принять. Да и вообще мы должны не уставая повторять себѣ, что непремѣнно въ такую-то минуту и въ такихъ-то обстоятельствахъ, природа насъ не спрашивается; что нужно принимать ее такъ какъ она есть, а не такъ какъ мы фантазируемъ, и если мы дѣйствительно стремимся къ табличкѣ и къ календарю, ну, и... ну хоть бы даже и къ ретортѣ, то чтоже дѣлать, надо принять и реторту! не то она сама, безъ васъ примется....

Да-съ, но вотъ тутъ-то для меня и занятая! Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался; тутъ сорокъ лѣтъ подполья! позвольте пофантазировать. Видители-съ: разсудокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а хотѣнье есть проявленіе всей жизни, т.е. всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша, въ этомъ проявленіи выходитъ зачастую дрянцо, но все таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня. Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобъ удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобъ удовлетворить одной только моей разсудочной способности, т. е. какой нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить. Что знаетъ разсудокъ? Разсудокъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать, (иного, пожалуй, и никогда не узнаетъ; это хоть и не утѣшеніе, но отчего же этого и не высказать?), а натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ, всѣмъ что въ ней есть, сознательно и безсознательно, и хоть вретъ да живетъ. Я подозрѣваю, господа, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что не можетъ просвѣщенный и развитой человѣкъ, однимъ словомъ такой, какимъ будетъ будущій человѣкъ, зазнамо захотѣть чего-нибудь для себя невыгоднаго, что это математика. Совершенно согласенъ, дѣйствительно математика. Но повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ только случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, а именно: чтобъ *имѣть право* пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностью желать себѣ одного только умнаго. Вѣдь это глупѣйшее, вѣдь этотъ свой капризъ, и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгоднѣе для нашего брата изъ всего что есть на

Digitized by Google

землѣ, особенно въ иныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приноситъ намъ явный вредъ и противурѣчитъ самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ, — потомучто во всякомъ случаѣ сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое, т. е. нашу личность и нашу индивидуальность. Иные-вотъ утверждаютъ, что это и въ самомъ дѣлѣ всего для человѣка дороже; хотѣнье конечно можетъ, если хочетъ, и сходиться съ разсудкомъ, особенно если не злоупотреблять этимъ, а пользоваться умѣренно; это и полезно и даже иногда похвально. Но хотѣнье очень часто и даже большею частію совершенно и упрямо разногласитъ съ разсудкомъ и... и... и знаете-ли, что и это полезно и даже иногда очень похвально? Господа, положимъ, что человѣкъ не глупъ. (Дѣйствительно вѣдь никакъ нельзя этого сказать про него, хоть-бы потому одному, что если ужь онъ будетъ глупъ, такъ вѣдь кто же тогда будетъ уменъ?) Но если и не глупъ, то все-таки, — чудовищно неблагодаренъ! Неблагодаренъ феноменально. Я даже думаю, что самое лучшее опредѣленіе человѣка, это: существо на двухъ ногахъ и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостатокъ его; главнѣйшій недостатокъ его — это постоянное неблагонравіе, постоянное, начиная со всемірнаго потопа до Шлезвигъ-гольштейнскаго періода судебъ человѣческихъ. Неблагонравіе, а слѣдственно и неблагоразуміе; ибо давно извѣстно, что неблагоразуміе неиначе происходитъ какъ отъ неблагонравія. Попробуйте-же, бросьте взглядъ на исторію человѣчества; ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй хоть и величественно; ужь одинъ Колоссъ Родосскій, напримѣръ, чего стоитъ! Не даромъ же г. Анаевскій свидѣтельствуетъ о немъ, что одни говорятъ будто онъ есть произведеніе рукъ человѣческихъ; другіе же утверждаютъ, что онъ созданъ самою природою. — Пестро? пожалуй хоть и пестро; разобрать только во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ одни парадные мундиры на военныхъ и статскихъ, — ужь одно это чего стоитъ, а съ виц-мундирами и совсѣмъ можно ногу сломать; ни одинъ историкъ не устоитъ. Однообразно? Ну пожалуй и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся и прежде дрались и послѣ дрались,— согласитесь, что это даже ужь слишкомъ однообразно. Однимъ словомъ все можно сказать о всемірной исторіи, все что только самому разстроенному воображенію въ голову можетъ прійти.

Digitized by Google

Одного только нельзя сказать,—что благоразумно. На первомъ словѣ поперхнетесь. И даже вотъ какая тутъ штука поминутно встрѣчается: постоянно вѣдь являются въ жизни такіе благонравные и благоразумные люди, такіе мудрецы и любители рода человѣческаго, которые именно задаютъ себѣ цѣлью всю жизнь вести себя какъ можно благонравнѣе и благоразумнѣе, такъ сказать свѣтить собой ближнимъ, собственно для того, чтобъ доказать имъ, что дѣйствительно можно на свѣтѣ прожить и благонравно и благоразумно. И чтожъ? Извѣстно, многіе изъ этихъ любителей рано-ли, поздно-ли, подъ конецъ жизни измѣняли себѣ, произведя какой нибудь анекдотъ, иногда даже изъ самыхъ неприличнѣйшихъ. Теперь васъ спрошу: чего-же можно ожидать отъ человѣка, какъ отъ существа, одареннаго такими странными качествами? Да осыпьте его всѣми земными благами, утопите въ счастьи совсѣмъ съ головой, такъ чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, какъ на водѣ; дайте ему такое экономическое довольство, чтобъ ему совсѣмъ ужь ничего больше не оставалось дѣлать кромѣ какъ спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращеніи всемірной исторіи,—такъ онъ вамъ и тутъ человѣкъ-то, и тутъ, изъ одной неблагодарности, изъ одного пашквиля мерзость сдѣлаетъ. Рискнетъ даже пряниками и нарочно пожелаетъ самого пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумію, примѣшать свой пагубный фантастическій элементъ. Именно свои фантастическія мечты, свою пошлѣйшую глупость пожелаетъ удержать за собой, единственно для того, чтобъ самому себѣ подтвердить (точно это такъ ужь очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянныя клавиши, на которыхъ хоть и играютъ сами законы природы, собственноручно, но грозятъ до того доиграться, что ужь мимо календаря и захотѣть ничего нельзя будетъ. Да вѣдь мало того: даже въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно-бы оказался фортепьянной клавишей, еслибъ это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ необразумится, а нарочно напротивъ что-нибудь сдѣлаетъ, единственно изъ одной неблагодарности; собственно чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ если средствъ у него не окажется, — выдумаетъ разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія и настоитъ-таки на своемъ! Проклятіе пуститъ по свѣту, а такъ-какъ про-

Digitized by Google

клинать можетъ только одинъ человѣкъ (это ужъ его привилегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ) такъ вѣдь онъ пожалуй однимъ проклятіемъ достигнетъ своего, т. е. дѣйствительно убѣдится, что онъ человѣкъ, а не фортепьянная клавиша! Если вы скажете, что и это все можно разсчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятіе, такъ что ужь одна возможность предварительнаго разсчета все остановитъ и разсудокъ возьметъ свое, — такъ человѣкъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоять на своемъ! Я вѣрю въ это, я отвѣчаю за это, потому что вѣдь все дѣло-то человѣческое кажется и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобъ человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифтикъ! хоть своими боками да доказывалъ; хоть троглодитствомъ да доказывалъ. А послѣ этого какъ не согрѣшить не похвалить, что этого еще нѣтъ и что хотѣнье покамѣстъ еще чортъ знаетъ отъ чего зависитъ....

Вы кричите мнѣ (если только еще удостоите меня вашимъ крикомъ), что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ; что тутъ только и хлопочутъ какъ нибудь такъ устроить, чтобъ воля моя сама, своей собственной волей, совпадала съ моими нормальными интересами, съ законами природы и съ арифметикой.

— Эхъ, господа, какая ужь тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходитъ до таблички и до арифметики, когда будетъ одно только дважды-два-четыре въ ходу? Дважды-два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая-ли своя воля бываетъ!

IX

Господа, я конечно шучу, и самъ знаю, что неудачно шучу, но вѣдь и нельзя-же все принимать за шутку. Я можетъ быть скрыпя зубами шучу. Господа, меня мучатъ вопросы; разрѣшите ихъ мнѣ. Вотъ вы, напримѣръ, человѣка отъ старыхъ привычекъ хотите отучить и волю его исправить, сообразно съ требованіями науки и здраваго смысла. Но почему вы знаете, что человѣка не только можно, но и *нужно* такъ передѣлывать? изъ чего вы заключаете, что хотѣнью человѣческому такъ необходимо *надо* исправиться? Однимъ словомъ, почему вы знаете, что та-

Digitized by Google

кое исправленіе дѣйствительно принесетъ человѣку выгоду? И, если ужь все говорить, почему вы такъ *навѣрно* убѣждены, что не идти противъ настоящихъ, нормальныхъ выгодъ, гарантированныхъ доводами разума и ариѳметикой, дѣйствительно для человѣка всегда выгодно и есть законъ для всего человѣчества? Вѣдь это покамѣстъ еще только одно ваше предположеніе. Положимъ, что это законъ логики, но можетъ быть вовсе не человѣчества. Вы можетъ быть думаете, господа, что я сумасшедшій? Позвольте оговориться. Я согласенъ: человѣкъ есть животное, по преимуществу созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инженернымъ искуствомъ, т. е. вѣчно и безпрерывно дорогу себѣ прокладывать хотя *куда-бы то ни было*. Но вотъ именно потому-то, можетъ быть, ему и хочется иногда вильнуть въ сторону, что онъ *присужденъ* пробивать эту дорогу, да еще пожалуй потому, что какъ ни глупъ непосредственный дѣятель вообще, но все-таки ему иногда приходитъ на мысль, что дорога-то, оказывается, почти всегда идетъ *куда-бы то ни было*, и что главное дѣло не въ томъ куда она идетъ, а въ томъ, чтобъ она только шла, и чтобъ благонравное дитя, пренебрегая инженернымъ искуствомъ, не предавалось губительной праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Человѣкъ любитъ созидать и дороги прокладывать, это безспорно. Но отчего же онъ до страсти любитъ тоже разрушеніе и хаосъ? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ мнѣ самому хочется заявить два слова особо. Не потому-ли, можетъ быть, онъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ (вѣдь это безспорно, что онъ иногда очень любитъ, это ужь такъ), что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе? Почемъ вы знаете, можетъ-быть онъ зданіе-то любитъ только издали, а отнюдь не вблизи; можетъ-быть онъ только любитъ созидать его, а не жить въ немъ, предоставляя его потомъ aux animaux domestiques, какъ-то муравьямъ, баранамъ и проч. и проч. Вотъ муравьи совершенно другого вкуса. У нихъ есть одно удивительное зданіе въ этомъ-же родѣ навѣки нерушимое, — муравейникъ.

Съ муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейникомъ навѣрно и кончатъ, что̀ приноситъ большую честь ихъ постоянству и положительности. Но человѣкъ существо легкомысленное и неблаговидное и, можетъ быть, подобно шахматному игроку, любитъ только одинъ процесъ достиженія цѣли, а не

Digitized by Google

самую цѣль. И, кто знаетъ, (поручиться нельзя), можетъ быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится, только и заключается въ одной этой безпрерывности процесса достиженія, иначе сказать — въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное-что какъ дважды два четыре, т. е. формула, а вѣдь дважды-два-четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мѣрѣ человѣкъ всегда какъ-то боялся этого дважды-два четыре, а я и теперь боюсь. Положимъ человѣкъ только и дѣлаетъ, что отыскиваетъ эти дважды-два-четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ отыскиваніи, но отыскать, дѣйствительно найти, — ей богу какъ-то боится. Вѣдь онъ чувствуетъ, что какъ найдетъ, такъ ужь нечего будетъ тогда отыскивать. Работники кончивъ работу, по крайней мѣрѣ деньги получатъ, въ кабачокъ пойдутъ, потомъ въ часть попадутъ — ну вотъ и занятія на недѣлю. А человѣкъ куда пойдетъ? По крайней мѣрѣ, каждый разъ замѣчается въ немъ что-то неловкое при достиженіи подобныхъ цѣлей. Достиженіе онъ любитъ, а достигнуть ужь и не совсѣмъ, и это конечно ужасно смѣшно. Однимъ словомъ, человѣкъ устроенъ комически; во всемъ этомъ очевидно заключается каламбуръ. Но дважды-два-четыре, — все-таки вещь пренесносная. Дважды-два-четыре, вѣдь это по моему мнѣнію, только нахальство-съ. Дважды-два-четыре смотритъ фертомъ, стоитъ поперегъ вашей дороги руки въ боки и плюется. Я согласенъ, что дважды-два-четыре превосходная вещь; но если ужь все хвалить, то и дважды-два-пять премилая иногда вещица.

И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное, — однимъ словомъ — только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается-ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь можетъ быть человѣкъ любитъ не одно благоденствіе? Можетъ быть онъ ровно настолько-же любитъ страданіе? Можетъ быть страданіе-то ему ровно настолько-же и выгодно какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любитъ страданіе, до страсти, и это фактъ. Тутъ ужь и со всемірной исторіей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человѣкъ и хоть сколько-нибудь жили. Что-же касается до моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе, даже какъ-то и неприлично. Хорошо-ли, дурно-ли, — но разломать иногда что нибудь тоже очень пріятно. Я вѣдь тутъ соб-

Digitized by Google

ственно не за страданіе стою, да и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризъ, и за то, чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится. Страданіе, напримѣръ, въ водевиляхъ не допускается, я это знаю. Въ хрустальномъ дворцѣ оно и не мыслимо: страданіе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усумниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданія, т. е. отъ разрушенія и хаоса, никогда не откажется. Страданіе, — да вѣдь это единственная причина сознанія. Я хоть и доложилъ вначалѣ, что сознаніе по моему есть величайшее для человѣка несчастіе, но я знаю, что человѣкъ его любитъ и не промѣняетъ ни на какія удовлетворенія. Сознаніе, напримѣръ, безконечно выше чѣмъ дважды-два. Послѣ дважды-двухъ ужъ разумѣется ничего не останется, не только дѣлать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будетъ, это — заткнуть свои пять чувствъ и погрузиться въ созерцаніе. Ну, а при сознаніи, хоть и тотъ-же результатъ выходитъ, т. е. тоже будетъ нечего дѣлать, но по крайней мѣрѣ самого себя иногда можно посѣчь, а это все-таки поживляетъ. Хоть и ретроградно, а все же лучше, чѣмъ ничего.

X

Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, навѣки нерушимое, т. е. въ такое, которому нельзя будетъ ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманѣ показать. Ну, а я можетъ быть потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и навѣки нерушимое, и что нельзя будетъ даже и украдкой языка ему выставить.

Вотъ видите-ли: если вмѣсто дворца будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я можетъ быть и влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться, но все-таки курятника не приму за дворецъ, изъ благодарности что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вы смѣетесь, вы даже говорите, что въ этомъ случаѣ курятникъ и хоромы — все равно. Да, отвѣчаю я, еслибъ надо было жить только для того, чтобъ не замочиться.

Но что же дѣлать, если я забралъ себѣ въ голову, что живутъ и не для одного этого, и что если ужъ жить, такъ ужъ жить въ

Digitized by Google

хоромахъ. Это мое хотѣніе, это желаніе мое. Вы его выскоблите изъ меня только тогда, когда перемѣните желанія мои. Ну, перемѣните, прельстите меня другимъ, дайте мнѣ другой идеалъ. А покамѣстъ я ужь не приму курятника за дворецъ. Пусть даже такъ будетъ, что хрустальное зданіе есть пуфъ, что по законамъ природы его и не полагается, и что я выдумалъ его только вслѣдствіе моей собственной глупости, вслѣдствіе нѣкоторыхъ старинныхъ, нераціональныхъ привычекъ нашего поколѣнія. Но какое мнѣ дѣло, что его не полагается. Не все-ли равно, если онъ существуетъ въ моихъ желаніяхъ, или, лучше сказать, существуетъ пока существуютъ мои желанія? Можетъ-быть вы опять смѣетесь? Извольте смѣяться; я всѣ насмѣшки приму и все-таки не скажу что я сытъ, когда я ѣсть хочу; все-таки знаю, что я не успокоюсь на компромиссѣ, на безпрерывномъ періодическомъ нулѣ, потому только, что онъ существуетъ по законамъ природы и существуетъ *дѣйствительно*. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ—капитальный домъ, съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ и, на всякой случай, съ зубнымъ врачемъ Вагенгеймомъ на вывѣскѣ. Уничтожьте мои желанія, сотрите мои идеалы, покажите мнѣ что нибудь лучше, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоитъ и связываться; но въ такомъ случаѣ вѣдь и я вамъ могу тѣмъ-же отвѣтить. Мы разсуждаемъ серьозно; а не хотите меня удостоить вашиье вниманіемъ, такъ вѣдь кланяться не буду. У меня есть подполму

А покамѣстъ я еще живу и желаю,—да отсохни у меня рука, коль я хотьо динъ кирпичекъ на такой капитальный домъ принесу! Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, единственно по той причинѣ, что его нельзя будетъ языкомъ подразнить. Я это говорилъ вовсе не потому, что ужь такъ люблю мой языкъ выставлять. Я можетъ быть на то только и сердился, что такого зданія, которому бы можно было и не выставлять языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не находится. Напротивъ я бы далъ себѣ совсѣмъ отрѣзать языкъ, изъ одной благодарности, еслибъ только устроилось такъ, чтобъ мнѣ самому уже болѣе никогда не хотѣлось его высовывать. Какое мнѣ дѣло до того, что такъ невозможно устроить и что надо довольствоваться квартирами. Зачѣмъ-же я устроенъ съ такими желаніями? Неужели-жь я для того только и устроенъ,

Digitized by Google

чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю.

А впрочемъ знаете что: я убѣжденъ, что нашего брата подпольнаго нужно въ уздѣ держать. Онъ хоть и способенъ молча въ подпольѣ сорокъ лѣтъ просидѣть, но ужь коль выйдетъ на свѣтъ, да прорвется, такъ ужь говоритъ, говоритъ, говоритъ...

XI.

Конецъ концовъ, господа: лучше ничего недѣлать! Лучше сознательная инерція! И такъ да здравствуетъ подполье! Я хоть и сказалъ, что завидую нормальному человѣку до послѣдней жолчи; но на такихъ условіяхъ въ какихъ я вижу его, не хочу имъ быть (хотя все-таки не перестану ему завидовать. Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе)! Тамъ по крайней мѣрѣ можно... Эхъ! да вѣдь я и тутъ вру! Вру, потомучто самъ знаю, какъ дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ чорту подполье!

Даже вотъ что тутъ было бы лучше: это — еслибъ я вѣрилъ самъ, хоть чему нибудь изъ всего того что теперь написалъ. Клянусь-же вамъ, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не вѣрю изъ того что теперь настрочилъ! То есть я и вѣрю, пожалуй, но въ тоже самое время неизвѣстно почему чувствую и подозрѣваю, что я вру какъ сапожникъ.

— Такъ для чего-же писали все это?—говорите вы мнѣ.

— А вотъ посадилъ-бы я васъ лѣтъ на сорокъ безо всякаго занятія, да и пришолъ-бы къ вамъ черезъ сорокъ лѣтъ, въ подполье, навѣдаться до чего вы дошли? Развѣ можно человѣка безъ дѣла на сорокъ лѣтъ одного оставлять?

— «И это не стыдно, и это не унизительно!» можетъ быть скажете вы мнѣ, презрительно покачивая головами. «Вы жаждете жизни и сами разрѣшаете жизненные вопросы логической путаницей. И какъ назойливы, какъ дерзки ваши выходки и въ тоже время какъ вы боитесь! Вы говорите вздоръ и довольны имъ; вы говорите дерзости, а сами безпрерывно боитесь за нихъ и просите извиненія. Вы увѣряете, что ничего не боитесь и въ

Digitized by Google

тоже время въ нашемъ мнѣніи заискиваете. Вы увѣряете, что скрежещете зубами и въ тоже время острите, чтобъ насъ разсмѣшить. Вы знаете, что остроты ваши неостроумны, но вы очевидно очень довольны ихъ литературнымъ достоинствомъ. Вамъ можетъ быть дѣйствительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страданія. Въ васъ есть и правда, но въ васъ нѣтъ цѣломудрія; вы изъ самаго мелкаго тщеславія несете вашу правду на показъ, на позоръ, на рынокъ... Вы дѣйствительно хотите что-то сказать, но изъ боязни прячете ваше послѣднее слово, потомучто у васъ нѣтъ рѣшимости его высказать, а только трусливое нахальство. Вы хвалитесь сознаніемъ, но вы только колеблетесь, потомучто хоть умъ у васъ и работаетъ, но сердце ваше развратомъ помрачено, а безъ чистаго сердца—полнаго правильнаго сознанія не будетъ. И сколько въ васъ назойливости, какъ вы напрашиваетесь, какъ вы кривляетесь! Ложъ, ложъ и ложъ!»

Разумѣется всѣ эти ваши слова я самъ теперь сочинилъ. Это тоже изъ подполья. Я тамъ сорокъ лѣтъ сряду къ этимъ вашимъ словамъ въ щелочку прислушивался. Я ихъ самъ выдумалъ, вѣдь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло...

Но неужели, неужели вы и въ самомъ дѣлѣ до того легковѣрны, что воображаете, будто я это все напечатаю, да еще вамъ дамъ читать? И вотъ еще для меня задача: для чего, въ самомъ дѣлѣ, называю я васъ «господами», для чего обращаюсь къ вамъ какъ будто и вправду къ читателямъ? Такихъ признаній, какія я намѣренъ начать излагать, не печатаютъ и другимъ читать не даютъ. По крайней мѣрѣ я на столько твердости въ себѣ не имѣю, да и нужнымъ не считаю имѣть. Но видите-ли: мнѣ въ голову пришла одна фантазія и я во что бы ни стало ее хочу осуществить. Вотъ въ чемъ дѣло:

Есть въ воспоминаніяхъ всякаго человѣка такіе вещи, которыя онъ открываетъ не всѣмъ, а развѣ только друзьямъ. Есть и такія, которыя онъ и друзьямъ не откроетъ, а развѣ только себѣ самому, да и то подъ секретомъ. Но есть, наконецъ, и такія, которыя даже и себѣ человѣкъ открывать боится и такихъ вещей у всякаго порядочнаго человѣка довольно-таки накопится. То есть даже такъ: чѣмъ болѣе онъ порядочный человѣкъ, тѣмъ болѣе у него ихъ и есть. По крайней мѣрѣ я самъ только недавно рѣ-

Digitized by Google

шился припомнить иныя мои прежнія приключенія, а до сихъ поръ всегда обходилъ ихъ, даже съ какимъ-то безпокойствомъ. Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже рѣшился записывать, теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть съ самимъ собой совершенно быть откровеннымъ и не побояться всей правды? Замѣчу кстати: Гейне утверждаетъ, что вѣрныя автобіографіи почти невозможны и что человѣкъ, самъ объ себѣ навѣрно налжотъ. По его мнѣнію, Руссо, напримѣръ, непремѣнно налгалъ на себя въ своей исповѣди, и даже умышленно налгалъ, изъ тщеславія. Я увѣренъ, что Гейне правъ; я очень хорошо понимаю какъ иногда можно единственно изъ одного тщеславія наклепать на себя цѣлыя преступленія и даже очень хорошо постигаю какого рода можетъ быть это тщеславіе. Но Гейне судилъ о человѣкѣ, исповѣдывавшемся передъ публикой. Я же пишу для одного себя и разъ навсегда объявляю, что если я и пишу какъ-бы обращаясь къ читателямъ, то единственно только для показу, потомучто такъ мнѣ легче писать. Тутъ форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будетъ. Я уже объявилъ это...

Я ничѣмъ не хочу стѣсняться въ редакціи моихъ записокъ. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу.

Ну вотъ, напримѣръ: могли-бы придраться къ слову и спросить меня: если вы дѣйствительно не разсчитываете на читателей, то для чего-же вы теперь дѣлаете съ самимъ собой, да еще на бумагѣ, такіе уговоры, т. е., что порядка и системы заводить не будете, что запишите то, что припомнится и т. д. и т. д.? Кчему вы объясняетесь? Кчему извиняетесь?

А вотъ подите-же, отвѣчаю я.

Тутъ впрочемъ цѣлая психологія. Можетъ быть и то, что я просто трусъ. А можетъ быть и то, что я нарочно воображаю передъ собой публику, чтобъ вести себя приличнѣе, въ то время когда буду записывать. Причинъ можетъ быть тысяча.

Но вотъ что еще: для чего, зачѣмъ собственно я хочу писать? Если не для публики, такъ вѣдь можно-бы и такъ, мысленно все припомнить, не переводя на бумагу?

Такъ-съ; но на бумагѣ оно выйдетъ какъ-то торжественнѣе. Въ этомъ есть что-то внушающее, суда больше надъ собой будетъ, слогу прибавится. Кромѣ того: можетъ быть я отъ за-

Digitized by Google

писыванія дѣйствительно получу облегченіе. Вотъ нынче, напримѣръ, меня особенно давитъ одно давнишнее воспоминаніе. Припомнилось оно мнѣ ясно еще на дняхъ и съ тѣхъ поръ осталось со мною, какъ досадный музыкальный мотивъ, который не хочетъ отвязаться. А между тѣмъ надобно отъ него отвязаться. Такихъ воспоминаній у меня сотни; но по временамъ, изъ сотни, выдается одно какое-нибудь и давитъ. Я почему-то вѣрю, что если я его запишу, то оно и отвяжется. Отчего-жь не испробовать?

Наконецъ: мнѣ скучно, а я постоянно ничего не дѣлаю. Записыванье же дѣйствительно какъ-будто работа. Говорятъ отъ работы человѣкъ добрымъ и честнымъ дѣлается. Ну вотъ шансъ по крайней мѣрѣ.

Нынче идетъ снѣгъ, почти мокрый, желтый, мутный. Вчера шолъ тоже, на дняхъ тоже шолъ. Мнѣ кажется я по поводу мокраго снѣга и припомнилъ тотъ анекдотъ, который не хочетъ теперь отъ меня отвязаться. И такъ пусть это будетъ повѣсть по поводу мокраго снѣга.

(Продолженіе будетъ).

Ѳ. ДОСТОЕВСКІЙ.

Digitized by Google

СМѢХЪ

(ИЗЪ ВАРБЬЕ)

I

Мы все утратили, все, даже смѣхъ радушный
Съ его веселостью и лаской простодушной —
Тотъ смѣхъ, который встарь бывало у отцовъ,
Изъ сердца вырвавшись, гремѣлъ среди пировъ.
Его ужь нѣтъ теперь, веселаго собрата:
Онъ скрылся отъ людей и скрылся безъ возврата...
А былъ онъ, этотъ смѣхъ, когда-то добрый кумъ!
Нашъ смѣхъ теперешній — не болѣе какъ шумъ,
Какъ вопль, исторгнутый знобящей лихорадкой,
Ротъ искажающій язвительною складкой.
Прощайте-жь навсегда и пѣсни и любовь,
Вино и громкій смѣхъ — вы не вернетесь вновь!
Въ нашъ вѣкъ нѣтъ юношей румяныхъ и веселыхъ,
Во славу красотѣ дурачиться готовыхъ;
Нѣтъ откровенности, бывалой въ старину —
При всѣхъ поцѣловать не смѣетъ мужъ жену;
Шутливому словцу дивятся словно чуду;
За то цинизмъ теперь господствуетъ повсюду,
Жолчь льется съ языка обильною струей;

Digitized by Google

Насмѣшка подлая шипитъ надъ нищетой,
Повсюду, какъ въ аду, у насъ зубовный скрежетъ:
Смѣхъ не смѣшитъ людей—нѣтъ, онъ теперь ихъ рѣжетъ...

II

О смѣхъ! Чтобъ къ намъ прійти съ наморщеннымъ челомъ,
Какимъ доселѣ ты кровавымъ шолъ путемъ?
Твой голосъ издавна тамъ слышался бывало,
Гдѣ все въ развалинахъ дымилось и пылало...
Онъ рѣзко пробѣгалъ надъ нивой золотой,
Когда по ней толпу водили на разбой;
На стѣнахъ городскихъ, нежданно, безъ причины,
Онъ слышался сквозь стукъ ударовъ гильотины;
Онъ часто заглушалъ и стонъ и громкій плачъ,
Когда за клокъ волосъ тресъ голову палачъ...
Вольтеръ, едва живой, но полный страшной силы,
Прощаясь съ жизнію, смѣялся у могилы —
И этотъ смѣхъ его, какъ молотъ роковой
Въ основахъ потрясалъ общественный нашъ строй.
Съ тѣхъ поръ подъ тяжестью язвительнаго смѣха
Ничто прекрасное не жди у насъ успѣха!

III

Увы! бѣда тому, въ комъ есть святой огонь,
Кто душу положить хотѣлъ бы на ладонь!
Бѣда, сто разъ бѣда той музѣ благородной,
Которая, избравъ отъ дѣтства путь свободный,
Слѣпая къ призракамъ мишурной суеты,
Полюбитъ идеалъ добра и красоты!
Смѣхъ, безобразный смѣхъ — людской руководитель,
Всего прекраснаго завистливый гонитель,
Какъ язва кинется внезапно на нее,
Запутаетъ въ сѣтяхъ, столкнетъ съ пути ее...
И тщетно, бѣдная, сбирала бы усилья
Широко развернуть израненыя крылья,
И пѣснью въ небесахъ подслушанной своей

Digitized by Google

Затронуть заживо больную грудь людей —
Увы, на полъ-пути, лишонная надежды,
Поникнувъ головой, сомкнувъ печально вѣжды,
Она падетъ съ небесъ... А тамъ, на краткій срокъ,
Забившись гдѣ-нибудь въ безвѣстный уголокъ,
Оплакивая жизнь, но съ жизнію не споря —
Умретъ до времени съ душою полной горя...

С. ДУРОВЪ

Digitized by Google

ЕРША

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА «ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ») *)

ГЛАВА VIII

ЛИТОГРАФСКІЙ УЧЕНИКЪ

Въ маленькой, узенькой конуркѣ одного изъ огромныхъ и грязныхъ домовъ на Вознесенскомъ проспектѣ сидѣлъ рыжеватый молодой человѣкъ. Сидѣлъ онъ у стола, понадвинувшись всѣмъ корпусомъ къ единственному тусклому окну, и съ напряженнымъ вниманіемъ разглядывалъ «бѣленькую» двадцати-пяти-рублевую бумажку.

Комнатка эта, отдававшаяся отъ жильцовъ, кромѣ пыли и копоти, не отличалась никакимъ комфортомъ. Два убогіе стула, провалившійся волосяной диванъ съ брошенной на него засаленной подушкой, да простой столъ у окна — составляли все ея убранство. Нѣсколько разбросанныхъ литографій, двѣ-три гравюры, два литографическіе камня на столѣ и граверскія принадлежности достаточно объясняли спеціальность хозяина этой конурки. А хозяиномъ ея былъ рыжеватый молодой человѣкъ, по имени — Казиміръ Бодлевскій, по званію — польскій шляхтичъ. На стѣнѣ, надъ диваномъ, между висѣвшими халатомъ и сюрту-

*) Отрывокъ этотъ заключаетъ въ себѣ четыре главы изъ первой части романа, «Петербургскія трущобы». Событія, описываемыя въ ней, относятся къ 1838 году.

Digitized by Google

комъ, выглядывалъ рисованный карандашомъ портретъ молодой дѣвушки. Это былъ портретъ Наташи.

Молодой человѣкъ такъ долго и съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ былъ углубленъ въ разсматриваніе асигнаціи, что когда раздался легкій стукъ въ его дверь—онъ испуганно вздрогнулъ, словно очнувшись отъ забытья, даже поблѣднѣлъ немного и поспѣшно сунулъ въ карманъ двадцати-пяти-рублевую бумажку.

Стукъ повторился еще, и на этотъ разъ лицо Бодлевскаго просіяло. Очевидно, это былъ знакомый и обычно-условный ударъ въ его дверь, потомучто онъ съ привѣтливою улыбкой отомкнулъ задвижку.

Въ комнату вошла Наташа.

— Что ты тутъ мѣшкалъ, не отпиралъ-то мнѣ? ласково спросила она, скинувъ шляпку съ бурнусомъ, и садясь на провалившійся диванъ. — Занимался, что ли, чѣмъ?

— Извѣстно чѣмъ.

И вмѣсто дальнѣйшихъ объясненій, онъ вынулъ изъ кармана бумажку и показалъ Наташѣ.

— Нечего сказать, стоитъ! съ презрительной гримаской улыбнулась Наташа.

— А то, по твоему, не стоитъ? возразилъ молодой человѣкъ.— Погоди, научусь — богаты будемъ!

— Будемъ, коли въ Сибирь не уйдемъ, шутливо подтвердила дѣвушка. Это что за богатство! продолжала она, игра свѣчъ не стоитъ!... Я вотъ-такъ раньше тебя буду богата.

— Ну да, толкуй!

— Чего толкуй?... Я къ тебѣ не съ пустяками, а съ дѣломъ нынче пришла... Ты вотъ помоги-ка мнѣ, такъ честное слово въ большихъ барышахъ будемъ.

Бодлевскій съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на свою подругу.

— Я вѣдь тебѣ говорила, что съ моей княжной скандалъ случился... Мать ужь и отъ наслѣдства сегодня утромъ отрѣшила ее, разсказывала съ злорадной улыбкой Наташа. — А я нынче у нея въ комнатѣ порылась въ ящикахъ, да кое-какія бумажонки съ собой захватила.

— Какія бумажонки?

— А такъ — письма да записки разныя... Всѣ до одной рукою княжны писаны. Хочешь я тебѣ ихъ подарю? шутила На-

Digitized by Google

таша. — А ты поразгляди-ко ихъ хорошенько, попристальнѣй; изучи ея почеркъ, да такъ, чтобы каждая буква была похожа... Тебѣ это дѣло знакомое: копировщикъ ты отличный, значитъ и задача какъ разъ по мастеру.

Граверъ слушалъ и только пожималъ плечами.

— Нѣтъ, шутки въ сторону! серьозно продолжала она, усѣвшись поближе къ Бодлевскому. — Я задумала не простую вещь: будешь благодаренъ! Объяснять всего теперь нѣкогда—узнаешь послѣ... Главное—ты получше изучи почеркъ...

— Да зачѣмъ же все это? недоумѣвалъ Бодлевскій.

— Затѣмъ, что ты долженъ написать нѣсколько словъ, но написать подъ руку княжны такъ, чтобы почеркъ похожъ былъ... А что именно нужно писать, это я тебѣ сейчасъ же продиктую.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ поторопись достать мнѣ какой нибудь видъ или паспортъ, подъ чужимъ именемъ, и свой держи наготовѣ... Да руку-то, руку изучи поскорѣе. Отъ этого все зависитъ.

— Трудно... едва ли съумѣю... со вздохомъ процѣдилъ сквозь зубы Бодлевскій, почесавъ у себя за ухомъ.

Наташа вспылила.

— А любить меня умѣешь? энергично возразила она, вскинувъ на него сверкнувшіе досадой глаза.—Ты говоришь, что любишь — такъ сдѣлай, если не лжошь!. Бумажки же учишься дѣлать?

Молодой человѣкъ въ раздумьи зашагалъ по своей конурѣ.

— А какъ скоро надо? спросилъ онъ послѣ минутнаго размышленія, дня эдакъ черезъ два, что ли?

— Да не позже, какъ черезъ два дня, или все дѣло пропало! рѣшительнымъ и увѣреннымъ тономъ подтвердила дѣвушка. — Черезъ два дня я приду за запиской, и паспортъ чтобы былъ ужь готовъ мнѣ!

— Хорошо, будетъ сдѣлано, согласился Бодлевскій.

И Наташа стала диктовать ему содержаніе записки.

Тотчасъ же по ея уходѣ, граверъ принялся за работу.

Весь остальной день и всю ночь напролетъ прокарпѣлъ онъ надъ принесенными ею листками; вглядывался въ характеръ почерка, свѣрялъ буквы съ буквою, слово со словомъ, и надъ каждымъ штрихомъ практиковался самымъ настойчивымъ образомъ, копируя и повторяя его чуть ли не по сту разъ, пока нако-

Digitized by Google

нецъ достигалъ желаемой чистоты. Онъ перемарялъ нѣсколько листовъ бумаги и самымъ упорнымъ, что называется микроскопическимъ, трудомъ одолѣвалъ каждую букву. Онъ достигъ уже того, что измѣнилъ свой почеркъ; оставалось еще придать ему непринужденную легкость и естественность. Отъ натуги кровь бросалась ему въ голову, въ ушахъ звенѣло и въ глазахъ давно уже рябили зеленыя мушки,—а онъ все еще не разгибая спины, продолжалъ работать...

Наконецъ уже утромъ, записка была кончена, и подъ нею подписано имя княжны. Исполненіе отличалось истиннымъ мастерствомъ и превзошло даже собственныя ожиданія Бодлевскаго. Легкость и чистота отдѣлки были изумительны. Граверъ взглянувъ на руку княжны, сличилъ ее со своею работой и самъ удивился — до такой степени поразительно было сходство почерка.

И долго послѣ этого любовался онъ на свое произведеніе съ тѣмъ отраднымъ, отеческимъ чувствомъ, которое такъ хорошо знакомо каждому творцу-художнику, и лишь здѣсь-то, надъ этою запиской, впервые съ гордостью сознаъ въ себѣ истиннаго артиста.

ГЛАВА IX.

ЕРШИ.

— Половина дѣла сдѣлано! рѣшилъ онъ самъ съ собою, вскочивъ съ провалившагося дивана, послѣ нервно-безпокойнаго часового полусна.

— Ну, а паспортъ?... Вотъ тебѣ и осѣчка! озадачился граверъ, вспомнивъ вторую часть непремѣннаго порученія Наташи.—Паспортъ... Да... осѣчка... долго бормоталъ онъ въ раздумьи, опустивъ голову и упершись худощавыя руки въ угловатыя колѣна свои... Наконецъ, перебирая въ умѣ своемъ разное возможное и невозможное, подходящее и неподходящее, набрелъ онъ случайно на воспоминаніе объ одномъ земляхѣ, сапожномъ подмастерьѣ Юзичѣ, который по собственному откровенному сознанію въ хмѣль-

Digitized by Google

ную минуту — «больше чувствуетъ охоты къ швецамъ-рукодѣльникамъ и къ портняжному искуству, чѣмъ къ сапожному ремеслу.» *) Малый, значитъ, подходящій и въ задуманномъ дѣлѣ какія-нибудь лазейки указать можетъ. Онъ ужъ съ годъ тому назадъ былъ прогнанъ отъ «честнаго сапожнаго нѣмца» Окерблума за пьянство съ буйствомъ и безобразіемъ, да за то еще, что сосѣднему цѣловальнику стали ужь больно часто приходиться «по нраву» окерблюмовскія голенища, подошвы и прочій выростковый и опойковый товаръ. Съ тѣхъ самыхъ поръ Юзичъ рѣшилъ, что не слѣдуетъ заниматься такимъ неблагодарнымъ ремесломъ, за ко-

---

*) У воровъ и мошенниковъ существуетъ своего рода условный языкъ (argot), называемый подъ именемъ «музыки» или «байковаго языка». Этотъ языкъ между прочимъ представляетъ много интереса и въ филологическомъ отношеніи. Въ немъ кромѣ необыкновенной образности и лаконической сжатости, отличительныхъ качествъ его, замѣтенъ сильный наплывъ словъ, звучащихъ очевидно не славянскими звуками. Не говоря уже о звукахъ отчасти польскихъ, отчасти малорусскихъ, вы весьма часто слышите въ *музыкѣ* слова вполнѣ восточнаго происхожденія; иногда попадаются намеки на корни романскіе и нѣмецкіе, хотя и не такъ часто какъ татарскіе, финскіе или цыганскіе. Это смѣшеніе объясняется самымъ составомъ мошеннического сословія, служащаго широкимъ стокомъ для всѣхъ національностей. Характеръ московскаго argot уже нѣсколько розпится отъ петербургскаго: въ немъ менѣе, и даже совсѣмъ почти нѣтъ звуковъ не русскихъ и только одни татарскіе допускаются въ него, и это точно также зависитъ оттого, что составъ *жульническихъ* (*мазурническихъ*) обществъ въ Москвѣ болѣе петербургскаго носитъ на себѣ характеръ почвенный, россійскій. Москва какъ-будто вездѣ и во всемъ старается проводить свои собственныя, славяно-московскія тенденціи. Впослѣдствіи, при выходѣ въ свѣтъ романа, авторъ намѣренъ сдѣлать болѣе подробное изслѣдованіе о байковомъ языкѣ съ приложеніемъ словаря, первоначально составленнаго г. Путилинымъ и нынѣ во многомъ дополненнаго самимъ авторомъ. Читателю неоднократно еще встрѣтится эта *музыка*, которая иногда потребуетъ не одного только перевода байковыхъ словъ на русскій языкъ; но разъясненія либо историческаго, либо даже физіологическаго смысла заключающагося въ нихъ. Примѣръ—чтобы не ходить за нимъ далеко—заключается въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, по поводу которыхъ сдѣлана настоящая выноска. *Швецъ* на бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіи значитъ—портной. Это еще ровно ничего не объясняетъ читателю. Швецовымъ или портняжнымъ искуствомъ называется на байковомъ языкѣ цѣлая отрасль воровскаго промысла. Воры и мошенники дѣлятся на категоріи и градаціи, смотря по характеру своего промысла, какъ напримѣръ: карманники, комнатные или домашные, паркетники, уличники, скамьевщики (конноокряды), ночники, — это ихъ общее раздѣленіе: за симъ слѣдуетъ дѣленіе болѣе частное: швецы (по части платья), скор-

Digitized by Google

торое хозяева выгоняютъ въ шею, да еще воромъ обзываютъ всеартельно, а лучше-де призаняться искуствомъ свободнымъ — хотя бы на первый случай *карманнымъ*, а тамъ *швецовымъ* или *скорняжнымъ*, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи, можно и въ *ювелиры* «на чистоту» записаться [2]). И сталъ онъ, рабъ божій, вольною птицей лыжи свои направливать съ площади на улицу, съ улицы въ переулокъ, изъ трактира въ кабакъ, изъ кабака въ «заведеніе», и все больше, *задними невоскресными ходами* [3]) наровилъ, съ тѣхъ темныхъ лѣсенокъ, по которымъ спускается и подымается «*секретъ*» — т. е. свои, теплые людишки, кои не сѣютъ, но жнутъ и пожинаемое цѣловальникамъ да барышникамъ-перекупщикамъ сбываютъ. Полюбился ему какъ-то особенно душевнымъ образомъ нѣкій пріютъ, въ просторѣчіи неофиціально «*Ершами*» называемый; тамъ онъ и резиденцію свою основалъ, и незамѣтнымъ образомъ пристаръ къ «*ершовскому хороводу*.» [4]) Любили ершовцы посѣщать александринскій театръ —

няки (по части мѣховъ), ювелиры (золотыя вещи), финажники, сорники или бабочники (ворующіе чистые деньги). Нельзя сказать, чтобы воры поименованныхъ категорій строго держались каждый своей спеціальности. Въ общемъ характерѣ своемъ они безъ исключенія слѣдуютъ правилу «не клади плохо», воруя все что попало подъ руку, и такимъ образомъ швецъ весьма легко можетъ забраться въ область финажника, ювелиръ въ область скорняка или скамьевщика и т. д. Но каждый изъ нихъ—по душевному ли расположенію, или по снаровкѣ и умѣнію—какую нибудь отрасль предпочитаетъ, чувствуетъ къ ней болѣе симпатіи и такимъ образомъ зачисляетъ себя или въ ювелиры, или швецы, стараясь конечно болѣе оріентироваться въ избранной имъ специальности.

[2]) "Ходить на чистоту по музыкѣ,— выраженіе, означающее искуство de la haute ecole. «Ходить по музыкѣ» значитъ просто воровать; но "на чистоту„ заставляетъ подразумѣвать въ себѣ ловкость, легкость, проворство пріемовъ и опытность.

[3]) Каждое заведеніе будетъ ли то трактиръ или питейный домъ, имѣетъ непремѣнно два входа: одинъ съ улицы наружный, показной, надъ которымъ, по обычаю красуется вывѣска; другой—чорный, непремѣнно со двора, старается (особенно въ кабакахъ) замаскироваться какимъ нибудь хламомъ, въ родѣ пустыхъ большихъ бочекъ, порожнихъ пивныхъ ящиковъ, дровъ, или чего нибудь подобнаго. Мазурики эти послѣдніе ходы называютъ »невоскресными« т. е. не праздничными, непарадными.

[4]) Въ Петербургѣ мошенники не составляютъ такой обширной и такъ правильно организованной общины, каковою является лондонская «Семья„ если вѣрить автору «Лондонскихъ тайнъ» А. Троллопу. У насъ они либо живутъ и промышляютъ въ отдѣльности, каждый самъ по себѣ, независимо отъ прочихъ, либо

Digitized by Google

бляю не очень далеко отъ Ершей онъ находится, и Юзичъ вмѣстѣ съ ними театраломъ сдѣлался. Ершовцы же въ александринскомъ театрѣ не столько искуствомъ артистовъ плѣнялись, сколько рыболовному промыслу себя посвящали—«удили *камбалы* и *двухглазыхъ* спуску не давали.» [5])

Вотъ про этого-то самого Юзича, земляка и сотоварища по первой школѣ, и вспомнилъ такъ упорно задумавшійся Бодлевскій. Вспомнилъ онъ, что мѣсяца три тому назадъ, встрѣтилъ онъ Юзича на улицѣ, зашолъ съ нимъ въ первый же трактиръ и тамъ, за бутылкою пива, которымъ великодушно угостилъ его Юзичъ, разговорился съ нимъ по душѣ о превратностяхъ судебъ вообще и о своихъ незавидныхъ обстоятельствахъ въ особенности. Совѣта Юзича на счетъ *хороводника*—Бодлевскій не принялъ, ибо намѣревался посвятить себя искуству самой высшей школы и превращать чистыя бумажки въ государственныя асигнаціи. Юзичъ между прочимъ, радушно пожимая руку на прощаньи, сказалъ своему товарищу:

— А если я тебѣ, другъ любезный, на что нибудь понадоблюсь, или просто повидаться захочешь, такъ приходи въ Разъѣзжую улицу, спроси тамъ заведеніе Ерши, а въ Ершахъ Юзича—тамъ тебѣ и покажутъ. Я братъ тамъ *завсегдатаемъ*. [6]) А ежели буфетчикъ притворяться станетъ, что не знаетъ такого имени,—

составляютъ асоціаціи, шайки, число членовъ которыхъ можетъ быть различно: отъ трехъ или пяти до шестидесяти и болѣе. Каждая такая асоціація непремѣнно сгруппируется въ какомъ нибудь кабакѣ или трактирѣ, стекается въ сборъ для обсужденія и совѣщанія по своимъ дѣламъ, и для бутежа послѣ работы. Такія таймы, какъ подмѣтилъ авторъ, называются «хороводами» которые они въ большинствѣ случаевъ окрещиваютъ прилагательнымъ названіемъ по имени своего трактира, какъ напримѣръ: *ершовскій* хороводъ, *покинскій*, *машиновскій* и пр. Члены такой ассоціаціи подчиняются уже извѣстнымъ законамъ, относительно дѣлежа и нѣкоторыхъ обязанностей своихъ къ товарищамъ что читатель увидитъ впослѣдствіи и даже отчасти въ настоящемъ отрывкѣ.

[5]) *Камбала*—лорнетъ, *двухглазая*—бинокль. У нѣкоторыхъ воровъ, отправляющихся по вечерамъ въ театръ, съ спеціальною цѣлью—воровать бинокли и лорнеты, промыселъ этотъ называется «рыболовнымъ», причиною этого эпитета конечно послужила *камбала*. Впрочемъ можно предположить, что названіе *рыболовный промыселъ* не есть обще-принятое и усвоенное въ музыкѣ. Авторъ, по крайней мѣрѣ, слышалъ его только разъ и то совершенно случайно—и на этомъ основываетъ свое послѣднее предположеніе.

[6]) *Завсегдатай*—постоянный, обычный посѣтитель, habitué.

Digitized by Google

наставительно прибавилъ Юнчъ,—такъ ты только шепни ему, что секретъ, молъ, прислалъ, тотчасъ тебя и допустятъ.

Все это очень ясно и очень подробно припомнилъ Бодлевскій въ эту затруднительную для него минуту, припомнилъ и воспрянулъ просвѣтленнымъ духомъ своимъ. Надежда на скорое и удачное исполненіе второй части наставленія порученія начала блистать передъ нимъ яркими лучами.

Улыбаясь, сталъ онъ одѣваться; улыбаясь, сбѣжалъ съ лѣстницы и улыбаясь же, фертомъ пошолъ по улицѣ, направляясь къ Загородному проспекту, въ который у Пяти Угловъ впадаетъ Разъѣзжая улица.

Продолженіемъ Разъѣзжей улицы служитъ Чернышовъ переулокъ. Поэтому и та, и другой — ничто иное, какъ одна и та же артерія, соединяющая два такіе пункта, какъ Толкучка съ одной стороны и съ другой — Глазовъ кабакъ, находящійся на Лиговкѣ, неподалеку отъ Разъѣзжей же, въ тѣхъ первобытныхъ странахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Ямской, гдѣ обитаетъ преимущественно староверческая, раскольничья и скопческая часть петербургскаго населенія. Туда же тянетъ и татарская.

Странное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе представляютъ осадки петербургской осѣдлости. Въ Мѣщанскихъ, на Вознесенскомъ и въ Гороховой сгруппировался преимущественно ремесленный цѣховой слой, съ сильно преобладающимъ нѣмецкимъ элементомъ. Близь Обухова моста и въ мѣстахъ у церкви Вознесенія, особенно по каналѣ и въ Подъяческихъ, лѣпится населеніе еврейское. Тутъ вы на каждомъ почти шагу встрѣчаете пронырливо-озабоченныя физіономіи и длиннополыя пальто съ камлотовыми шинелями дѣтей Израиля. Васильевскій Островъ, это своего рода status in statu, отличается совсѣмъ особенной пустынно-чистоплотной внѣшностью съ негоціантски-комерческимъ и какъ бы англійскимъ характеромъ. Окраины городского центра, какъ напримѣръ Англійская, Дворцовая и Гагаринская набережныя, и съ другой стороны Сергіевская и паралельно съ нею идущія широкія улицы представляютъ царство различныхъ палацо, въ которыхъ засѣлъ отсадокъ аристократическій и вѣчно-лѣпящійся къ нему, какъ паразитное растеніе, элементъ quasi-аристократическій или откупной. Впрочемъ, та часть этого послѣдняго разряда, которая резюмируется Сергіевской улицей, кромѣ аристократическаго, имѣетъ еще характеръ военный и именно учено-военный

Digitized by Google

съ артилерійскимъ оттѣнкомъ. Но все то что носитъ на себѣ характеръ почвенный, великороссійскій — все это осѣло въ юго-восточной окраинѣ города, все это какъ-то невольно тянетъ къ Москвѣ и даже по преимуществу сгруппировалось въ части, которая и названіе-то носитъ *Московской*.

Загородный проспектъ и особенно Разъѣзжая улица съ Чернышовымъ переулкомъ являются самыми живыми, самыми сильными и дѣятельными артеріями этой послѣдней части.

Мы уже сказали, что Разъѣзжая съ Чернышовымъ соединяютъ два такіе пункта, какъ Толкучка и Глазовъ кабакъ. Поэтому они вѣчно кишатъ снующимъ взадъ и впередъ народомъ: но это не народъ Невскаго проспекта — «чистой публики» вы здѣсь не встрѣтите. Изящный экипажъ и модный джентльменъ или изящно одѣтая дама составляютъ здѣсь рѣдкое исключеніе (мы не говоримъ о Загородномъ проспектѣ). Публика Чернышова и Разъѣзжей, въ общей массѣ своей, носитъ сѣроватый характеръ съ примѣсью громкаго крѣпкаго говора и запаха пироговъ, продающихся на лоткахъ подъ тряпицею. Тутъ все народъ, заботящійся о чорствыхъ повседневныхъ нуждахъ, о работишкѣ да кускѣ насущнаго хлѣба.

На всемъ пространствѣ этихъ двухъ улицъ, отъ Толкучки до Глазова, вы встрѣтите отчасти странныя личности, то въ чуйкахъ, то въ халуйскихъ пальтишкахъ, то отставныхъ солдатъ съ ворохомъ разнаго стараго платья, перекинутаго на руку. Эти странныя личности, съ бойкимъ и бѣгло-безпокойнымъ, какъ-бы вѣчно-ищущимъ взглядомъ, называются «маклаками» или «барышниками-перекупщиками». Мѣсто дѣйствія ихъ не одинъ Чернышовъ да Разъѣзжая. — Щербаковъ переулокъ, дворъ Мѣщанской гильдіи, Садовая, лѣстницы средней и низшей руки трактировъ и площадки театровъ, во время спектаклей — служатъ имъ постоянной ареной дѣятельности. На театральныхъ площадкахъ, гдѣ нѣсколько маклаковъ стараются перебить другъ другу товаръ, дѣло иногда доходитъ до такой запальчивости, что они, подхватывая выносимую ими добычу, вырываютъ ее другъ у друга изъ рукъ, ломаютъ часы и театральныя трубки и рвутъ платки пополамъ. Дѣло зачастую доходитъ до драки, а въ накладѣ остается все-таки мазурикъ, у котораго вырывали и перепортили добытую имъ вещь. Маклаки постоянно находятся въ тѣсныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ тѣмъ теплымъ людомъ, къ ко-

Digitized by Google

торому принадлежалъ Юзичъ, и эксплуатируютъ этотъ людъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. У тѣхъ и у другихъ очень много общаго и между прочимъ этотъ взглядъ, по которому вы очень легко можете признать маклака и мазурика. Таковой характеръ взгляда вырабатывается жизнью и промысломъ, которые ежечасно подвержены столькимъ превратностямъ всяческихъ случайностей.

Если вы — прохожій и несете что нибудь въ рукахъ, — маклакъ тотчасъ же оглядитъ васъ своимъ пытливымъ: — «нѣтъ ли чего подходящаго?» и тихо, но внятно спроситъ: — Продаете чтоль?

Если идетъ пріѣзжій мужичонко, купившій для себя на Толкучкѣ порты, — маклакъ непремѣнно предложитъ ему смѣняться. Мужичонко часто непрочь отъ такого рода операціи. Маклакъ беретъ его порты, разглядываетъ ихъ на свѣтъ и такъ, и эдакъ, выворачиваетъ на изнанку, растягиваетъ матерію, третъ ее и щупаетъ между пальцами. Это называется «крѣпость ощмалапить.» А мужичонко все время, съ пытливымъ недоумѣніемъ, тупо смотритъ на всѣ эти продѣлки, послѣ которыхъ маклакъ въ озабоченномъ раздумьи, перебрасывая совсѣмъ новенькіе, крѣпкіе и хорошіе порты съ ладони на ладонь—словно бы измѣривая вѣсъ ихъ — съ сострадательной рожею цмокаетъ языкомъ и цѣдитъ сквозь зубы:

— Э-эхъ!.. жаль, паря! .

— Чево жаль? тупо вопрошаетъ, съ испуганнымъ лицомъ, ничего не понимающій мужичонко.

— «Чево»!.. Извѣстно, чево! — тебя жаль! Что далъ за порты?

— Сорокъ копѣекъ на серебро выходитъ...

— Сорокъ на серебро?!.. Ну, братъ, дрянь твое дѣло! Надули. совсѣмъ надули! Экой народъ шельмовскій въ Питерѣ живетъ!.. Вотъ, гляди самъ — пестрядь-то, какъ есть гнилье выходитъ.

— Да гдѣ же гнилье?

— «Гдѣ!..» Все-то тебѣ «*гдѣ*!..» Значитъ я чувствую! — подъ пальцами не крѣпко шуршитъ, — вотъ те гнилье-то гдѣ!

— Эко горе какое! грустно-досадливо произноситъ мужичонко, совсѣмъ увѣровавши въ силу приведеннаго аргумента и ударивъ руками объ полы зипунишка.

— Что за горе! горю, милый человѣкъ, помочь можно, утѣ-

Digitized by Google

шаетъ маклакъ, успѣвшій своими ловкими пріемами сразу огорошить простоватаго мужичонку.—Давай, чтоли, мѣняться. Вотъ тебѣ порты — такъ ужь порты! какъ есть въ самомъ разѣ настоящее дѣло! Одно слово — красота!.. Пощупай-ко!

— Да что... я вѣдь не тово... возражаетъ мужичонко.

— Нѣтъ, ты, братъ, пощупай! ты разницу, значитъ, почувствуй — потому я на чистоту, изъ одной только жалости выходитъ.

Мужичонко щупаетъ, ровно ничего не понимая.

— Ну, видишь самъ теперь! Мозги, чай, есть въ головѣ! спѣшитъ убѣдить его перекупщикъ. — Давай, чтоли, порты, да въ придачу двугривенникъ мѣнового — и дѣло съ концомъ! По рукамъ, чтоли? заключаетъ онъ, ловя мужичонкину руку и норовя хлопнуть по ней ладонью.

— Да какже это?.. еще двугривенникъ?..

— Вотъ те Христосъ—свою цѣну беру! съ мѣста не сойдти! лопни глаза мои!.. я вѣдь съ тобой по божескому; — поди, чай вѣдь тоже крещоные и хрестъ, значитъ, носимъ; — занапрасну божиться не стану. А беру свою цѣну изъ жалости, значитъ, потому, шельмы, хорошаго человѣка надули. Да и порты же, прахъ ихъ дери! лихіе порты вѣдь! — износу не будетъ!

Мужичонко раскошеливается и лѣзетъ за двугривеннымъ.

Маклакъ пронзительно устремляетъ взоръ свой въ глубину его замшевой мошонки, и чуть замѣтитъ тамъ относительное обиліе «*бабокъ*» [7]) какъ оно тамъ, значитъ, *финаны* [8]) шуршатъ, либо «*цари-колесики*» [9]) мало мальски вертятся-позвякиваютъ, — тотчасъ же дружески хлопаетъ онъ мужичонку по плечу и говоритъ ему необыкновенно мягко и задушевно:

— Милый человѣкъ! Что мнѣ съ тебя деньги брать!.. Я значитъ, по душѣ... Лучше пойдемъ-ка вотъ—раздавимъ косушечку по малости, али пивка пару слакаемъ. Чѣмъ мнѣ деньги съ тебя въ придачу брать, такъ мы лучше на мѣсто того магарычъ разопьемъ. — Идетъ, чтоли?

---

[7]) *Бабки* или *сара*—деньги вообще, какого бы рода и вида онѣ ни были.

[8]) *Финаны*—бумажки, ацсигнаціи. Нѣкоторыя произносятъ *финаги*, вмѣсто *финаны*.

[9]) *Колесо*, *царь*—рубль серебрянный, *цари-колесики* серебрянныя деньги.

Digitized by Google

— Ладно! соглашается мужичонко, который отъ косушки никогда не прочь, а самъ думаетъ себѣ: «этакого человѣка честнаго, да хорошаго Господь-то послалъ мнѣ — совсѣмъ бы пропащее дѣло, кабы не онъ выручилъ.»

И ведетъ маклакъ мужичонку такъ-таки прямо въ Ерши. Съ буфетчикомъ у нихъ давно уже «*печки-лавочки, дѣло хорошее*» — свои люди — только глазомъ мигнетъ, такъ у того умъ и «*смекалка соотвѣтствуетъ:*» несетъ онъ имъ графинъ, мужичонку «почтеннымъ» величаетъ и рѣчь свою съ нимъ «*на ее*— по чистотѣ столичной, но политикѣ держитъ.» Мужичонко съ нѣсколькихъ стаканчиковъ, гляди, и раскочевряжется, видя такое почтеніе отъ питерскихъ къ своей сиволаной особѣ. Напоитъ его маклакъ до забвенія, заведетъ его съ половымъ въ «*квартиру* [10]» и облущитъ тамъ дочиста, даже и порты въ обратную придачу возьметъ, да потомъ и выталкаютъ мужичонку на вольный воздухъ прохлаждаться; а сами примутся межъ тѣмъ «слямъ растырбанивать», т. е. дѣлить на законныя доли благопріобрѣтенную добычу.

Къ такому-то милому мѣсту направлялся Казиміръ Бодлевскій.

Дойдя до «Пяти угловъ», онъ остановился въ раздумьи, окинувъ глазами окрестную мѣстность и, къ счастью, увидѣлъ будочника, который опершись на свою алебарду, сонливо посвывалъ, прислонясь къ стѣнѣ спиною, поодаль отъ размалеванной черными и бѣлыми полосами будки. Сей градской стражъ представился теперь Бодлевскому чѣмъ-то въ родѣ путеводнаго столпа въ пустынѣ; и потому онъ прямо направился къ нему съ вопросомъ:

— А гдѣ тутъ заведеніе Ерши?

— Будочникъ недовѣрчиво и съ проницательною подозрительностью посмотрѣлъ на Бодлевскаго.

— Какое заведеніе? не торопливо переспросилъ онъ.

— Ерши.

— Ерши? Нѣтъ такого, недовѣрчиво отвѣтилъ онъ Бодлевскому, продолжая вглядываться въ него своими сонными глазами, и какъ бы соображая: какого, молъ, полета можетъ быть эта птица?

---

[10]) Такъ называется одна комната, съ которою читатель познакомится нѣсколько ниже.

Digitized by Google

— Да какъ же это нѣтъ? съ безпокойствомъ заговорилъ Бодлевскій, котораго сталъ покидать свѣтлый лучъ надежды.—Какъ же, братецъ мой, нѣтъ, когда мнѣ за вѣрное сказали, что есть?

— А кто сказалъ-то? отнесся къ нему недовѣрчивый стражъ.

— Пріятель одинъ сказалъ...

Будочникъ ухмыльнулся и, хотя все еще не совсѣмъ-то довѣрчиво, но перемѣнилъ свой офиціальный тонъ на болѣе фамильярный и безцеремонный.

— А зачѣмъ-те Ерши-то? спросилъ онъ.

— Надо... по своему дѣлу... Пріятеля тамъ сыскать надо...

— Ишь ты... пріятеля... продолжалъ стражъ все съ тою же ухмыляющейся харей, но уже безъ оттѣнка сомнѣнія и недовѣрчивости.

— Ну, такъ что же, служивый? Скажи, братъ, пожалуйста,— мнѣ нѣвогда...

— Ишь ти, какой скороспѣлый!... А ты дай на уху, такъ скажу, гдѣ ерши водятся!

Бодлевскій полѣзъ къ себѣ въ карманъ отыскивать какую нибудь мелочь.

— Что? аль свищетъ? съ издѣвкой поддразнилъ его будочникъ; но тотъ, къ счастью своему, отыскалъ въ жилеткѣ гривну мѣди и сунулъ въ секретно-протянутую руку градскаго стража, который тотчасъ же поспѣшно опустилъ ее по шву, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и дружелюбно указалъ ему дорогу:

— Ступай вонъ наперекоски... Второй домъ отъ угла... Вишь— деревянный-то домишко—вотъ-те и будутъ ерши.

Бодлевскій перешолъ улицу въ указанномъ ему направленіи и очутился передъ входною дверью деревяннаго домишка. Надъ этою дверью коротала свой старческій вѣкъ полинялая отъ времени вывѣска, гдѣ былъ изображонъ чайникъ, бильярдъ и рыба какая-то, а надписано просто «растерація.» Надписи же «Ерши», которую Бодлевскій ожидалъ встрѣтить на вывѣскѣ, онъ, къ удивленію своему, не нашолъ. Въ то время граверскій ученикъ еще не зналъ, что названіе это усвоено «растераціею» неофиціально, а придано ей гласомъ народа. Генеалогію свою неофиціальное названіе это ведетъ, по сказанію однихъ, отъ той причины, что «растерація» нѣкоторое время славилась своею дешовою и отмѣнною ухою изъ ершей, которыхъ она будто бы даже поджаривала какимъ-то особеннымъ образомъ; а по сказанію другихъ—

Digitized by Google

названіе «Ершей» имѣетъ смыслъ метафорическій, происходящій оттого, что ершовскіе habitués или «засѣдатаи» больно ужь были щетинисты и на языкъ, и на кулаки, съ тѣми, кого они въ особой потаенной комнатѣ, извѣстной у нихъ подъ именемъ «квартиры», лущили въ карты, и кто вздумывалъ протестовать противу такого очевиднаго лущенія. Во время оно секретная картежная игра весьма сильно процвѣтала въ семъ достолюбезномъ заведеніи.

Домишко этотъ существуетъ еще и до сихъ поръ. Въ немъ все также помѣщается заведеніе, перемѣнившее кличку «растерація» на новую кличку—«трактирное заведеніе.» Это уже значитъ степенью выше, и значитъ, что прогресъ и для него существуетъ. Но консервативный гласъ народа по старому продолжаетъ именовать его Ершами.

Прогресъ Ершей выказался, впрочемъ, не въ одной только поновленной вывѣскѣ, да въ перемѣнѣ клички. Теперь и сами Ерши во всемъ своемъ составѣ поновились, не смотря на то, что болѣе чѣмъ двадцатилѣтній срокъ времени долженъ бы былъ привести ветхій домишко въ еще большую ветхость. Теперь они напоминаютъ собою старуху, подбѣленную и подрумяненную, а въ то время находились еще въ состояніи старухи неподрумяненной.

Ерши—это длинное, деревянное, одноэтажное зданіе, со стѣнами, которыя отъ времени осѣлись въ землю, такъ что окна высятся надъ тротуаромъ немного болѣе, чѣмъ на полъ-аршина. По вечерамъ эти окна всегда завѣшивались красными кумачовыми занавѣсочками, каковыми и до сихъ поръ продолжаютъ завѣшиваться. Крыша—приведенная теперь въ болѣе благоустроенное состояніе—въ то время безпрепятственно позволяла бурьяну и различнымъ сорнымъ травамъ расти въ ращелинахъ своего ветхаго и прогнившаго до черноты тёса. Входная «парадная» дверь, врубленная посрединѣ главнаго фасада, теперь приходится порогомъ своимъ въ уровень съ тротуаромъ; а тогда — неопытный посѣтитель, прежде чѣмъ войдти, непремѣнно долженъ былъ клюнуться въ нее носомъ, особенно по вечерамъ, если предварительно онъ не замѣчалъ довольно глубокой ступеньки, спускавшейся гораздо ниже уровня тротуара. Теперь и самые полы, и самые обои въ Ершахъ давно передѣланы и возобновлены въ болѣе современномъ вкусѣ, а тогда стѣны сохраняли еще патріар-

Digitized by Google

хальную живопись — въ родѣ какихъ-то фантастическихъ деревьевъ и райскихъ птицъ. Въ настоящее время только одна небольшая комната, выходящая единственнымъ окномъ своимъ въ маленькій садикъ и смежная съ «квартирой,» сохраняетъ пока еще свой тогдашній первобытный видъ. Сѣрыя стѣны ея разрисованы сѣрою же мѣловою краской и являютъ собою различныя картины мифологическихъ сюжетовъ. Въ этой комнатѣ искони помѣщается биксъ. Вообще надо замѣтить, что время, прогресируя Ерши во внѣшности, во многомъ способствовало безвозвратной утратѣ ихъ первобытной оригинальности.

Бодлевскій, клюнувшись предварительно носомъ въ дверь, очутился въ комнатѣ, носящей наименованіе «буфета.»

За стойкой стоялъ высокій, видный и весьма красивый мужчина, лѣтъ сорока, степенно-благообразнаго и необыкновенно честнаго выраженія въ открытомъ лицѣ. Высокая лысина его обрамлялась мягкими и курчавыми волосами. Широкая аккуратно подстриженая чорная борода начинала уже замѣтно серебриться. Умные, слегка улыбающіеся глаза глядѣли спокойно, добродушно и въ то же время весьма проницательно. Ярославскій типъ съ перваго взгляду давалъ себя знать въ этомъ субъектѣ. Бѣлая, миткалевая рубаха, бѣлый, какъ снѣгъ, передникъ и башмаки на босу-ногу—эта трактирная чистота и харчевенное изящество, среди обычной грязи посѣтителей и неопрятностей обстановки, совокуплявшіяся съ внушительной важностью физіономіи ярославца—ясно говорили всѣмъ и каждому, что онъ особа не простая, что онъ—представитель «заведенія», однимъ словомъ, что онъ—«буфетчикъ», «старшой», которому подчинены половые и который въ своей особѣ соединяетъ всю администрацію заведенія. Власть его простирается даже нѣкоторымъ образомъ и на посѣтителей или «гостей», еслибы они вздумали учинить что нибудь неподобное, въ родѣ буйства и дебоша.

Встрѣтя Бодлевскаго солиднымъ поклономъ — болѣе глазами, чѣмъ головой, онъ указалъ ему рукою направо, примолвя:

— Пожалуйте на чистую половину.

Но Бодлевскій, вмѣсто чистой половины, предпочелъ подойти къ его стойкѣ и освѣдомиться объ Юзичѣ.

Въ отвѣтъ на это освѣдомленіе послѣдовалъ недоумѣвающій, но втайнѣ весьма осторожный и проницательный взглядъ.

— Какъ вы изволите спрашивать? Юзича-съ? очень вѣжливо

Digitized by Google

переспросилъ онъ, опершись пальцами на стойку и принимая корпусомъ наклонное положеніе впередъ — что составляетъ извѣстнаго рода ярославско-трактирную галантность и буфетческій бонтонъ. Юзича... Нѣтъ-съ, такого не знавали.

— Да вѣдь онъ у васъ тутъ постоянно бываетъ! возражалъ ему удивленный по неопытности своей Бодлевскій, для котораго каждое новое затрудненіе въ его поискахъ было — острый ножъ,—подрѣзывавшій радужную нить его надежды.

— Не знаемъ-съ... Можетъ оно и точно, что бываетъ—мало ли тутъ гостей-то перебываетъ за день! гдѣ же намъ всѣхъ ихъ узнать-то — посудите сами-съ! отбояривался между тѣмъ буфетчикъ.

— Да, меня «секретъ» прислалъ, ляпнулъ вдругъ, безъ всякой осторожности, и нескромнымъ голосомъ Бодлевскій.

Отвѣтомъ на это опять-таки былъ взглядъ весьма удивленнаго и подозрительнаго качества, взглядъ, который предварительно, въ мигъ — подобно молніи — обѣжалъ всѣ углы комнаты: «нѣтъ-ли, молъ, кого лишняго»? — и тотчасъ-же уклончиво и неопредѣленно установился между бровями Бодлевскаго.

— Какъ вы изволили сказать-съ? съ улыбкой спросилъ буфетчикъ.

—«Секретъ» прислалъ, повторилъ Бодлевскій.

— Это что-же-съ такое значитъ?

Граверъ, неожидавшій такого переспроса, смѣшался и отчасти даже струхнулъ немного.

— Ужь будто вы не знаете? возразилъ онъ не смѣлымъ тономъ.

— Почемъ намъ знать-съ... Помилуйте-съ!.. Мы объ эфтимъ никакого пониманія не имѣемъ... Гдѣ-же намъ загадки отгадывать?.. Мы, значитъ, при своемъ дѣлѣ у стойки состоимъ; а что касаемое до чего другого, такъ эфто не по нашей части.

Бодлевскій, видя, что тутъ ничего не подѣлаешь, прикусилъ съ досады губу и нервно заходилъ по комнатѣ.

Буфетчикъ незамѣтно, но зорко слѣдилъ за нимъ глазами.

— Вамъ, можетъ статься, знакомый вашъ этотъ въ нашемъ заведеніи свиданіе назначилъ? спросилъ онъ послѣ минуты молчаливаго наблюденія.

— Да, свиданіе... машинально подтвердилъ граверъ, котораго

Digitized by Google

уже начинала шибко пронимать сосущая тоска отъ видимой неудачи задуманнаго дѣла.

— Такъ вы пожалуйте-съ на чистую половину-съ, предложилъ ему обязательный ярославецъ, указывая на правую дверь изъ темныхъ разноцвѣтныхъ стеколъ. — Пообождите тамъ маненько-съ: можетъ, они тѣмъ часомъ подойдутъ; а можетъ, ужь и тамъ дожидаютца...

Бодлевскій послѣдовалъ совѣту буфетчика и прошолъ на «чистую половину»; а этотъ послѣдній, тотчасъ-же вслѣдъ за нимъ, поспѣшно юркнулъ въ низенькую дверцу, которая незамѣтно пряталась въ стѣнѣ, обокъ съ полками буфета, заставленнаго неизмѣримымъ количествомъ стакановъ и росписныхъ чайниковъ.

Комната, въ которую вступилъ Бодлевскій, хотя и представляла собою «чистую половину» заведенія, — отличалась весьма грязноватою внѣшностью. Это была довольно большая зала, въ пять оконъ, съ неизмѣнными красными занавѣсочками. Доски закоптѣлыхъ стѣнъ покоробились отъ времени и петербургской сырости. Когда-то онѣ были выкрашены бѣлою мѣловою краской, и по этому фону смѣлая фантазія маляра-художника пустила зелено-чорныя пальмы и папирусы, стоявшіе, яко бы алеей, въ рядъ, какъ солдаты во фронтѣ; на пальмахъ и между ними помѣщалися розовыя райскія птицы, въ которыхъ палили изъ ружей и пускали стрѣлы изъ луковъ какіе-то лиловые охотники. Но время набросило на все это свой сѣровато-бурый колоритъ. Покоробившійся досчатый потолокъ—по самой серединѣ комнаты представлялъ широкое, расползающееся чорное какъ сажа пятно, которое образовалось отъ копоти изъ висящей на крючкѣ лампы. Вдоль стѣнъ и у оконъ лѣпилися маленькіе, четырехъугольные столики, покрытые грубоватыми салфетками не весьма-то опрятнаго качества — отъ какихъ-то пятенъ, — и на каждой такой салфеткѣ была опрокинута вверхъ-дномъ полоскательная чашка съ синенькимъ ободочкомъ. Ращелистый полъ, носившій еще кое-гдѣ скудные слѣды жолтой краски, весь уснащался мокрыми натоптанными слѣдами посѣтителей, махорочной золой и плесками чаю, которые дѣлали все тѣ-же безцеремонные посѣтители, предпочитая для этого трактирный полъ, вмѣсто полоскательныхъ чашекъ. Атмосфера этого милаго пріюта, не смотря на вентиляторы въ окнахъ, неисходно была пропитана крѣпкимъ

Digitized by Google

першащимъ въ горлѣ запахомъ махорки, жукова и «цыгарокъ». Въ довершеніе всей обстановки, какъ необходимое украшеніе къ ней, по стѣнамъ помѣщалось нѣсколько старыхъ портретовъ и картинъ въ когда-то позолоченныхъ рамахъ. Портреты являли собою какихъ-то генераловъ въ пудрѣ, а картины изображали нѣчто возвышенное изъ буколико-мифологическихъ и священныхъ сюжетовъ; тѣ, и другія лоснились мѣстами зеленымъ лакомъ, а мѣстами совсѣмъ исчезали въ густонасѣвшей на нихъ пыли, грязи и копоти. Богъ знаетъ — гдѣ, какъ и когда и кѣмъ писаны такія картины; но извѣстно только то, что найдти ихъ можно единственно въ «ресторацiяхъ», и кажется, будто онѣ ужъ такъ самою судьбой предназначены для того, чтобы украшать закоптѣлыя стѣны низшей руки трактировъ и харчевень.

Бодлевскій хотя и не былъ избалованъ жизненнымъ комфортомъ, но ему еще ни разу не случалось присутствовать въ столь милыхъ мѣстахъ, и потому его немного покоробило, особенно когда онъ, усѣвшись у крайняго грязнаго столишки, оглядѣлъ присутствующихъ посѣтителей.

Въ одномъ углу, за двумя составленными вмѣстѣ столами помѣщалася компанія мастеровыхъ, въ нестрядинныхъ халатахъ, съ испитыми лицами, на которыхъ установился неопредѣленный сѣро-блѣдный колоритъ—вѣрный признакъ спертаго воздуха душной мастерской, тѣснаго спанья артелью, непосильнаго труда и невоздержной жизни. Эту колекцію небритыхъ и длинноволосыхъ, по большей части украшенныхъ усами физіономій съ наглыми взглядами, какъ-бы говорившими: «мы не мы и хозяинъ не хозяинъ»!—угощалъ пивомъ такой-же нестрядинный халатъ, вмѣщавшій въ себѣ какого-то спицеобразнаго мальчонку, лѣтъ шестнадцати. Мальчонка этотъ видимо желалъ показать, что онъ взрослый и чувствуетъ свое достоинство, — потому капиталъ имѣетъ и угощать можетъ. Онъ то и дѣло старался представиться пьянымъ и потому громче всѣхъ кричалъ, поминутно и безъ всякой нужды ругался, какъ-бы самоуслаждаясь гармоническими звуками этой брани, поминутно размахивалъ своими истощенными, худыми какъ щепки руками и вообще ломался, «задавая форсу». Компанія мастеровыхъ поощряла его то обниманіями, то словами, то наконецъ пріятельской ругатней и во всю глотку нестройно горланила солдатскую пѣсню:

Digitized by Google

...и графъ Башкевичъ Ириванскай
Подъ Аршавой состоялъ —

пѣсню, бывшую въ то время ради близкой своей современности, въ особенной модѣ между солдатами и фабричнымъ народомъ.

Другой уголъ, на нѣсколькихъ отдѣльныхъ столахъ, занимали извощики, которые днемъ очень любятъ посѣщать Ерши и тамъ чаепійствовать. Дворъ ершовскій, гдѣ помѣщается нѣсколько пойловыхъ колодъ, въ теченіе дня, т. е. пока не начинаетъ смеркаться, постоянно занятъ извощичьими клячами и загроможденъ то дрожками, то санями—смотря по времени года. Клячамъ этимъ извощики задаютъ корму и пойла, а себя — «по малости чайкомъ побаловываютъ». Въ этомъ второмъ углу господствовали трезвость, «кипяточекъ» и до багровости распарившіяся чайкомъ физіономіи. Тутъ уже былъ слышенъ свой особый говоръ. За однимъ столомъ сообщали, что Игнатку въ часть взяли, а Парфену дядѣ офицеръ въ кипажѣ ѣхамши колесо отшибъ, а намеднись у одного извощика лошадь съ дрожками мазурики угнали; только отвернулся, а они и угнали, проклятые; хозяинъ теперь вычитать, поди-ка, станетъ, а дома-то въ деревнѣ, можетъ, и холодно, и голодно.—И начинается по этому поводу разговоръ про распроклятую жисть извощичью, питерскую. За другимъ-же столомъ идетъ бесѣда такого рода:

— Ты хозяину какъ отдаешь? поди-ка-ся всю выручку? спрашиваетъ плутоватая харя извощика изъ тертыхъ калачей у извощика еще не тертаго, двѣнадцати-лѣтняго мальчишки.

— Извѣстно всю. А то какъ-же? отзывается дѣтскимъ голосенкомъ этотъ послѣдній, съ тяжолымъ переводомъ духа, неистово втягивая въ себя съ блюдца струю горячаго чая.

— Эхъ ты, михря!.. «всю»! презрительно подхватываетъ первый.—Пошто-же всю отдавать? Ты бы себѣ каку часть оставилъ.

— Ишь ты — себѣ!.. а грѣхъ? возражаетъ мальчишка.

— Ну, такъ что-жь, что грѣхъ?—грѣхъ не бѣда!

— Эвася — не бѣда!.. какъ-же!

— А то бѣда?.. Эка ты рѣпа какая, паря, какъ я погляжу! Въ грѣхѣ на духу покаешься — и баста! а ты бы, покрайности, себѣ каку деньгу оставилъ.

— А хозяинъ ругаться станетъ?

— Такъ пошто-жь тебѣ говорить ему сколько выручки при-

Digitized by Google

везъ? Коли ты, значитъ, цалковай-рупь выѣздилъ, такъ отдавай семь гривенъ, áлибо восемь гривенъ, коли ужь почестнѣе захочешь. Вотъ такъ и вертись на этомъ.

— Да я не умѣю...

— Не умѣешь? а наука начто? Ставь пару чаю — такъ разомъ выучу!

И мальчишка точно — ставитъ пару чая и начинаетъ первые шаги своего развитія на поприщѣ столь занимательной науки.

Остальную публику составляли два-три дворника, нѣсколько солдатъ, которые проникали сюда задними ходами, такъ какъ съ наружныхъ пускать ихъ было строго запрещено, да двѣ-три темныя личности, изъ коихъ одна, въ порваномъ, истертомъ вицъ-мундирѣ, углублялась въ чтеніе полицейской газеты.

Нравственное чувство Бодлевскаго, неискусившагося еще въ сладости познанія различныхъ трущобъ житейскихъ, начинало уже давить и сосать что-то боязливо непріятное. Ему все казалось, будто кругомъ его сидятъ воры и мошенники, можетъ и убійцы даже, а воображеніе помогало разрисовывать все это еще болѣе мрачными красками, хотя вся обстановка этой комнаты была не болѣе какъ обстановка каждой харчевни. Сознаніе, что и самъ онъ идетъ на рискованное дѣло, и эта неизвѣстность — гдѣ и съ кѣмъ онъ, и какъ все это кончится; потомъ неотступное томительное чувство одиночества, чувство разобщонности съ окружающимъ міромъ — все это производило на него особаго рода нервное впечатлѣніе, такъ что ему казалось — вотъ-вотъ войдетъ полиція и заберетъ ихъ всѣхъ тотчасъ, или что всѣ эти господа разомъ накинутся на него, ограбятъ и убьютъ пожалуй... Подобное чувство, при первомъ посѣщеніи незнакомаго еще вертепа, необходимо испытываетъ каждый неофитъ, каждый будущій кандидатъ на Владимірку, задумавшій свой первый шагъ къ преступленію.

А изъ низеньной дверцы въ буфетѣ выходилъ между тѣмъ застоечный ярославецъ, въ сопровожденіи темной личности съ физіономіей отчасти перетревожившейся.

— Ну, полно спать! аль не прочухался еще? ползи, чтоль, чо-ортъ! говорилъ онъ, оборачиваясь въ полъ-спины къ этому темному субъекту, который подвигался впередъ весьма неохотно.

— Да кто спрашивалъ-то? послышался его хриплый заспанный голосъ.

Digitized by Google

— А мнѣ почемъ знать—тебя спрашивалъ!.. *Возьми зеньки въ граблюхи да и зеть вонъ сквозь звенья! Можетъ и фигарисъ какой!* [11]) отвѣтилъ ярославецъ, становясь за стойку и принимая такой видъ, какъ будто ничто до его милости не касается.

Темная личность подошла къ правой двери, плотно приблизила лицо свое къ темнымъ цвѣтнымъ стекламъ и осторожно стала смотрѣть сквозь нихъ въ «чистую половину.»

— Который это? что въ *шельмѣ* [12]) камлотной сидитъ, что ли? спросилъ онъ разглядывая посѣтителей.

— Тотъ самый... Гляди не фигарисъ ли *капюжный?* [13]) предостерегъ его буфетчикъ.

— Нѣтъ, своя *гамля* [14]) успокоилъ смотрѣвшій субъектъ и смѣло направился въ «чистую половину».

Свиданіе друзей, какъ и должно предполагать, было весьма радостно, особенно со стороны Бодлевскаго. За порціей селянки, сопровождавшейся цѣлымъ графиномъ померанцовой, онъ объяснилъ Юзичу свою настоятельную нужду.

И ни тотъ, ни другой не замѣтили, какъ сидѣвшій поодаль неизвѣстнаго званія человѣкъ все время незамѣтно наблюдалъ за ними, стараясь вслушаться въ каждое ихъ слово.

Юзичъ, по выслушаніи дѣла, сейчасъ же скорчилъ изъ себя солидно-важнаго человѣка, въ которомъ нуждаются и отъ воли котораго зависитъ надлежащее рѣшеніе и сталъ озабоченно потирать свой лобъ, какъ бы обдумывая затруднительное дѣло. Мазурики вообще любятъ въ эдакихъ случаяхъ напускать на себя важность и дѣтски рисоваться (хотя бы передъ самимъ собою), своимъ выдуманнымъ значеніемъ. Люди всегда склонны обманывать и себя и другихъ тѣмъ, чего у нихъ не хватаетъ.

— Это я могу, наконецъ заговорилъ онъ съ разстановкой, стараясь придать каждому своему слову и вѣсъ и значеніе.—Н-да-съ,.. Это въ нашей силѣ... только съ однимъ человѣчкомъ повидать-

---

[11]) *Зеньки*—глаза, *граблюхи*—руки, *зеть*—смотрѣть, *звенья*—стекла, *фигарисъ*, *фига*, *подлипало*—полицейскій лазутчикъ, сыщикъ. «Возьми глаза въ руки да и смотри сквозь стекла, можетъ и шпіонъ какой».

[12]) *Шельма*—шинель.

[13]) *Капюжный*—полицейскій; *капюжникъ*—общее названіе для всѣхъ лицъ и чиновъ служащихъ въ полиціи.

[14]) *Гамля*—собака.

Digitized by Google

ся надобно... Трудно, но могу — за то ужь магарычъ съ тебя! да и другимъ заплатить придется.

Бодлевскій безпрекословно согласился на всѣ условія, и тогда Юзичъ всталъ и подошолъ пошептаться къ той темной личности, которая водила краснымъ носомъ своимъ по строкамъ полицейской газеты.

— Другу Борисычу! проговорилъ Юзичъ, подавая ему свою руку. — *Клей* есть [15]).

— Ой-ли? *клевый* аль *яманный?* [16]) отозвался другъ Борисычъ, изобразивъ на широкихъ губахъ своихъ улыбку алчной акулы.

— Не бойсь, чортова песочница, коли *я* говорю, такъ значитъ клевый!

— А какъ пойдетъ, *въ сламъ* али *въ розницу?* [17])

— Извѣстно въ сламъ! Тебѣ, коли самъ работать станешь,

---

[15]) *Клей*—имѣетъ нѣсколько значеній въ "музыкѣ". Клеемъ вопервыхъ называется всякая ворованная вещь; вовторыхъ, всякое выгодное воровское предпріятіе, всякая афера, дѣльцо, сдѣлка; втретьихъ—*идти тырить на клей*, значитъ, идти воровать на готовое, т. е. когда дѣло подготовлено заранѣе, съ помощью прислуги или кото-либо изъ домашнихъ, или же наконецъ съ помощью кого нибудь изъ *своихъ*, если этотъ свой успѣлъ украсться въ домъ а иногда и въ довѣріе къ избранной жертвѣ и подстроилъ дѣло такъ, что оно не представляетъ никакого риску, никакой опасности.

[16]) *Клевый*—хорошій, красивый, дорогой, выгодный, подходящій. *Яманный* негодный, не хорошій, скверный, невыгодный, не подходящій.

[17]) *Сламъ* — доля добычи. Между мазурниками есть свои законы, которымъ они вполнѣ подчиняются. Законы дѣлежа соблюдаются особенно строго, при чемъ доля каждого участника опредѣляется съ большею точностью и правильностью. *Жуликъ* т. е. ученикъ, если онъ по пріобрѣтеніи нѣкоторой сноровки допускается въ видѣ опыта на практику, получаетъ отъ малоцѣнной вещи половину, отъ болѣе цѣнной—треть. Всякій другой товарищъ или *подручный* т. е. помощникъ—половину; простой зритель—четвертую долю, а иногда и треть, если есть опасеніе что онъ *прозвонится*, т. е. проговорится кому нибудь или выдастъ; въ этомъ случаѣ, дабы нѣсколько обезопасить себя на сей конецъ, мазурики этою долей хотятъ сдѣлать его какъ бы соучастникомъ въ воровствѣ. *Мазъ* (мастеръ, распоряжающійся планомъ дѣла или производящій воровство) а равно и атаманъ (въ тѣхъ шайкахъ гдѣ онъ есть) получаютъ двойную долю. Мазъ обыкновенно и *растырбаниваетъ сламъ*, т. е. распредѣляетъ вырученную сумму на равныя части и выдаетъ ихъ соучастникамъ или по заранѣе выговореннымъ условіямъ или же по обыкновеннымъ законамъ. Если дѣло идетъ *въ розницу*, то это значитъ, что всю выручку возьметъ кто нибудь себѣ одному, безъ раздѣла, а товарища проситъ оказать одну безкорыстную помощь.

Digitized by Google

двойную растырбанимъ [18]). Вонъ, видишь *мухорта* [19]), что со мной сидѣлъ? пояснялъ ему Юзичъ, — такъ вотъ ему *темный глазъ* [20]) нуженъ.

— На кого? на себя? спросилъ Борисычъ.

— Нѣтъ, *марушiй* [21]) нужно...

И они ушли въ другую комнату — продолжать свое секретное совѣщанiе.

Черезъ нѣсколько минутъ Юзичъ возвратился къ Бодлевскому и объявилъ, что вечеромъ будетъ все готово, чтобы онъ къ одинадцати часамъ являлся въ Ерши, а пока вручилъ бы ему задатокъ—«на извощика молъ надо, съѣздить въ Полторацкiй переулокъ въ Сухаревскiй домъ къ виленцамъ изъ тридцать перваго нумера [22]) потому тотъ, кто станетъ поддѣлывать пачпортъ, весь свой струментъ и матерьялъ проигралъ въ трынку одному человѣчку изъ виленцовъ — ну, такъ и того, значитъ, надо будетъ выписать, чтобы съ матерьяломъ явился.»

Замѣчательно, что мазурики не только съ посторонними, но даже и между собою въ разговорѣ о какомъ-либо отсутствующемъ товарищѣ постоянно избѣгаютъ назвать его по имени, а всегда говорятъ нѣсколько неопредѣленно, стараясь выражаться болѣе мѣстоимѣнiями «*тотъ*, *этотъ*, *нашъ*», или существительными, вродѣ: «*знакомый человѣкъ*, *нужный человѣкъ*» и т. п.

Бодлевскiй щедро далъ задатокъ и выйдя за дверь, напутствуемый привѣтливымъ (уже безъ недовѣрчивости) поклономъ буфетчика, опрометью бросился домой, не будучи въ силахъ сдер-

---

[19]) *Мухортомъ* въ общемъ смыслѣ называется всякiй партикулярный человѣкъ, *барчукомъ* же именуютъ воры каждаго прилично-одѣтаго джентльмена, или господина одѣтаго во фракъ, а также чиновника и дворянина.

[20]) *Темный глазъ*—фальшивый паспортъ, «*безъ глазъ ходить*—безъ паспорта, «*безглазый*, *темный*, *слѣпышъ*»—безпаспортный. Есть въ музыкѣ еще одинъ терминъ: «*бирка*», который означаетъ всякiй, какой бы-то ни было письменный видъ и преимуществу видъ законный, настоящiй, не фальшивый.

[21]) *Маруха*—женщина; *клева-маруха*—публичная женщина; *марушiй*—женскiй, бабiй и дѣвичiй.

[22]) О виленцахъ и ихъ спеціальной професіи будетъ говориться нѣсколько ниже. Сухаревскимъ домомъ въ то время назывался нынѣшнiй домъ князя Вяземскаго (3-й Адм. части. 4-го квартала) Ресторація, помѣщающаяся въ немъ (въ первомъ флигелѣ выходящемъ на Обуховъ проспектъ, рядомъ съ домомъ Котомина) и до сихъ поръ еще сохранила названіе «Сухаревки».

Digitized by Google

жать свою радостную улыбку, такъ что узнавшій его сонливый будочникъ только крякнулъ да ухмыльнулся и послалъ ему въ спину такой смѣшливо-лукавый взглядъ, который какъ бы говорилъ: «погоди-ка, другъ любезный! сорвалъ я съ тебя нынче на уху съ ершами, а попадешься ко мнѣ на лану, такъ стяну и на леща со щукой!»

ГЛАВА X.

КВАРТИРА ДЛЯ ТРЫНКИ И ТЕМНЫХЪ ГЛАЗЪ.

Вечеромъ Ерши измѣняются, принимая совсѣмъ новый характеръ. Это ужь не то, что Ерши днемъ. Какъ только зажгутся въ нихъ коптильныя лампы и бросятъ свои мутные лучи на всю ершовскую обстановку,—такъ тотчасъ ловкая рука побѣгушника-полового позадергиваетъ красныя занавѣсочки въ окнахъ—и это задергиваніе служитъ уже вѣрнымъ признакомъ того, что Ерши открыли свою вечернюю дѣятельность.

Главнымъ двигателемъ и, такъ сказать, всепритягивающимъ центромъ этой дѣятельности становится степенный, благообразный буфетчикъ Провъ Викулычъ; и тутъ-то разностороннее и разнохарактерное умѣніе его, по истинѣ, становится изумительнымъ.

Какъ только начнетъ смеркаться, Толкучка прекращаетъ свою промышленную дѣятельность; по Чернышову переулку, какъ стаи чорныхъ мухъ, торопятся и перегоняютъ другъ друга, въ направленіи къ Пяти-Угламъ, толкучники-сидѣльцы. Между ними шныряютъ взадъ и впередъ темные людишки, покончившіе свой дневной промыселъ на Толкучкѣ и не начавшіе еще промысла ночного. Кто изъ нихъ засвѣтло не успѣлъ сбыть съ рукъ благопріобрѣтеннаго товара ни маклакамъ, ни купцамъ-поощрителямъ, тотъ по близости несетъ его, большею частію въ Ерши, черезъ задній ходъ, гдѣ всегда уже для такого добраго гостя находится на сторожѣ Провъ Викулычъ.

Провъ Викулычъ человѣкъ добрый, разсудительный и не привередникъ: онъ ничѣмъ не побрезгуетъ и за все дастъ положен-

Digitized by Google

ную цѣну. Неси къ нему *мягкій товаръ*, т. е. мѣха—онъ возьметъ съ благодарностью; неси *красный товаръ*, т. е. золотыя и иныя драгоцѣнныя вещи — тоже возьметъ и съ благодарностью же; табакерку добудешь — и ее туда же, платокъ карманный добудешь — и на платокъ отказу нѣтъ; словомъ сказать, Провъ Викулычъ — человѣкъ вполнѣ покладистый и сговорчивый, милый человѣкъ, съ которымъ пріятно и полезно вести всякое дѣло. Его и маклаки, извѣстные у мазуриковъ подъ именемъ «*мѣшковъ*», весьма уважаютъ; а это очень замѣчательный фактъ, ибо маклаки вообще никого не уважаютъ. Провъ же Викулычъ заслужилъ себѣ отъ нихъ такую глубокую дань уваженія ни чѣмъ инымъ, какъ допущеніемъ свободнаго сбыта. Иные буфетчики и половые, промышляющіе маклачествомъ, ни за что не пустятъ «мѣшка» за порогъ своего заведенія, а Провъ Викулычъ впускаетъ безпрепятственно. Какъ же послѣ этого и не уважать Прова Викулыча? Впрочемъ ему самому отъ этого допущенія мѣшковъ было мало убытку: мазурики все-таки предпочитали къ нему нести свой товаръ для сбыта.

Итакъ, только что смеркнется, и Ерши освѣтятся своими коптилками, къ нимъ начинаютъ стекаться мѣшки и мазурики. Входная дверь на блокѣ ни на минуту не перестаетъ визжать и хлопать, и напускать въ комнату свѣжаго воздуха, который такъ вообще никогда не бываетъ лишнимъ. Вмѣстѣ съ мазуриками набивается сюда изрядное количество мастеровыхъ и фабричныхъ, также покончившихъ свои дневныя занятія; увеличивается и элементъ военный, которому въ вечернемъ мракѣ менѣе представляется опаски отъ начальства; немного попозже начинаютъ мелькать и женскія физіономіи; за то замѣчается полнѣйшее отсутствіе извощиковъ.

Въ эту дѣятельную минуту Провъ Викулычъ становится вездѣсущъ. Онъ и за стойкой вѣжливо кланяется глазами разнымъ посѣтителямъ; онъ и на кухнѣ отдаетъ повару приказаніе на счетъ провизіи; онъ и въ погребъ спустится за новою непочатою корзиной холоднаго пива; онъ и на чистую половину заглянетъ: все ли-де тамъ въ порядкѣ и, на половыхъ за нерасторопность прикрикнетъ, и съ гостемъ краснымъ словцомъ перекинется; онъ наконецъ улучитъ минутку, и юркнувъ въ свою дверцу, очутится на «квартирѣ».

Но пора наконецъ читателю узнать, что это за «*квартира*».

Digitized by Google

Низенькая, маленькая дверца, въ которую такъ часто юркаетъ Провъ Викулычъ, ведетъ изъ буфета въ кухню, гдѣ прежде всего бросается въ носъ чадъ отъ масла и паръ столбомъ, а потомъ уже сквозь эту атмосферу выступаютъ силуэты огромныхъ мѣдныхъ котловъ съ кипяткомъ и огромной же, словно бы навуходоносоровой печи, которая пожалуй и побольше чѣмъ трехъ отроковъ поглотитъ. Изъ кухни налѣво взору посѣтителя представляется дверь въ однооконную комнату, куда имѣютъ право входа одни только «завсегда́таи» да особы прекраснаго пола, дарящія ее почему-то особенною своей симпатіей, преимущественно передъ прочими чертогами заведенія. Поэтому ершовскіе habitués эту комнату такъ ужь и прозвали «марушьимъ угломъ». Здѣсь въ этомъ «марушьемъ углу» постоянно можно найдти женщинъ, въ количествѣ нѣсколькихъ персонъ, занимающихся мирнымъ чаепитіемъ или не менѣе мирною ругатнею и тараторливымъ перезвономъ. Изъ этой комнатки маленькая низенькая дверца ведетъ въ другую, которая-то собственно и носитъ наименованіе «квартиры».

Это даже не комната, а скорѣе какой-то темный чуланъ, безъ оконъ, но съ парою дверокъ, содержащихся постоянно на запорѣ. Вторая дверка выходитъ въ узенькій сквозной коридорчикъ, изъ котораго вы, по желанію своему, можете спуститься либо во дворъ, либо въ крохотный садикъ. Съ внутренней стороны дверь эта представляется какъ бы заколоченной, но это нисколько не мѣшаетъ ей въ случаѣ нужды очень скоро и ловко отпираться и выпускать изъ себя, во время полицейскихъ осмотровъ, разныхъ теплыхъ людишекъ, которымъ изъ коридорчика—скатертью дорога либо во дворъ, либо въ садикъ, да черезъ заборъ на сосѣдній задворокъ. Съ наружной же стороны этой дверки, на верхнемъ брускѣ ея, и до сихъ поръ еще можно видѣть намалеванную чорною краскою надпись: *квартира*.

Въ этой канурѣ темно — хоть глазъ выколи; иначе какъ со свѣчой тамъ никто и не бываетъ. Въ ней помѣщаются двѣ-три постели, столъ да нѣсколько стульевъ. Подъ постелями и въ углахъ сваливается вечеромъ все *натыренное* [23]), которое стараніями Прова Викулыча рѣдко когда залеживается до слѣдующаго утра. Пріобрѣтаетъ онъ тыренное—то на смарку трактир-

23) Наворованное.

Digitized by Google

наго долга, то на *хрястанье съ канновкой* [24]), то на какіе нибудь ничтожные гроши, которые иногда нужнѣе самой жизни уличному вору, когда голоднымъ дѣтямъ нужно принести хоть корку хлѣба. Сбываетъ же Провъ Викулычъ это «тыренное» только на чистые деньги, и на деньги не малыя. Отсчитываетъ онъ въ этомъ случаѣ *гроникъ да каникy*, а получаетъ *колесами* [25]).

И такъ, мы уже говорили, около осьми часовъ вечера темные людишки съ «вольнымъ товаромъ» подъ полою, начинаютъ мало по малу проюркивать въ ершовскіе ворота, на задній «невоскресный» ходъ заведенія, и стеваются обыкновенно въ смежной съ кухнею комнатѣ.

Провъ Викулычъ, держитъ себя въ этомъ случаѣ весьма замѣчательнымъ образомъ: онъ и тутъ какъ всегда и вездѣ, свою особую политику и строгій этикетъ соблюдаетъ. Всѣмъ, напримѣръ, собравшимся въ «марушьемъ углу» мазурикамъ очень хорошо извѣстно, что Провъ Викулычъ занимается *спуркой* [26]), и всѣ они именно и собрались сюда незачѣмъ инымъ, какъ только *пропурить* ему *тыренное*. И Провъ Викулычъ въ свою очередь очень хорошо знаетъ, что теплые ребятки пришли сюда единственно ради его милости, и не однажды ужь онъ со всѣми ими дѣла этого рода обдѣлывалъ, а между тѣмъ Провъ Викулычъ передъ глазами всей этой обычно-собравшейся компаніи никогда не рѣшится явно показать, что онъ занимается «спуркой» или вообще имѣетъ съ ними какіе либо общіе дѣла и интересы относительно вольнаго товару.—«Потому значитъ, дѣло-дѣломъ, а честь-честью, разсудаетъ себѣ Провъ Викулычъ, и честь свою, значитъ, ты никакъ обронить не моги».

Провъ Викулычъ, въ нѣкоторомъ родѣ, сила, «капиталомъ ворочаетъ», держитъ въ рукахъ своихъ весь этотъ темный людъ и потому третируетъ его нѣсколько en canaille. Онъ не сразу выходитъ къ нимъ въ марушій уголъ, а такъ-себѣ урывками, заглянетъ туда, какъ будто мимоходомъ, идя по своему дѣлу и вообще заставляетъ себя дожидаться.

---

24) *Хрястать*—ѣсть; *хрястанье*—ѣда, кушанье, обѣдъ, завтракъ или ужинъ *Канна* на байковомъ языкѣ значитъ кабакъ; поэтому нѣкоторые мазурики водку называютъ *канновкой*.

25) *Гроникъ*—грошъ, *коника*—копѣйка, *колесо*—рубль.

26) *Спурка*—скупка и перепродажа краденыхъ вещей, *спурить пропулить*—предать, сбыть варованное.

Digitized by Google

— Провъ Викулычъ, дѣльце есть до вашей милости! говоритъ ему обыкновенно какой нибудь мазурикъ, заискивающимъ и даже просительскимъ тономъ, кланяясь чуть не въ поясъ.

— Како таю дѣльце? суровымъ голосомъ важно-занятаго человѣка вопрашаетъ буфетчикъ, почти неудостоивая взглядомъ своего просителя.

— Такъ-съ... просьбица одна... по секрету-съ...

— Ну да! еще чего не выдумай! нѣкогда мнѣ тутъ съ вами секретничать-то! бурчитъ онъ себѣ подъ носъ съ большимъ неудовольствіемъ. Ну, да инъ ладно! пойдемъ! Эй! Анчутка!

— Чево-съ? откликается юркой трактирный мальчишка съ развращоннымъ лицомъ и плутовскими глазами, выросшій словно грибъ изъ подъ земли передъ Провомъ Викулычемъ.

Буфетчикъ на это «чево-съ» только глазомъ мигнетъ незамѣтно — и Анчутка опрометью бросается къ заднему ходу на сторожку.

За симъ слѣдуетъ удаленіе Прова Викулыча съ просителемъ въ секретную квартиру.

А мазурики межъ тѣмъ, въ марушьемъ углу, ожидая каждый очереди, въ-полголоса межъ собой о своихъ дѣлахъ разговариваютъ. Они въ этомъ отношеніи менѣе Прова Викулыча церемонятся.

— *Что стырилъ!* [27]) освѣдомляется одинъ у другого.

— Да что, другъ любезный, до нынече все было *яманъ* [28]) хоть бросай совсѣмъ дѣло! а сегодня, благодаренье Господу Богу *клево* [29]) пошло! Зашолъ этта ко Владимірской. Народу за всенощной тьма тьмущая — просто, братъ, лафа!

— Ну, и чтожь ты? маху не далъ?

— Еще-бъ тѣ маху! *Шмеля срубилъ да выначилъ скуржаную лоханку*! [30]) самодовольно похваляется мазурикъ.

---

[27]) Что укралъ? *Тырить*—воровать.

[28]) Скверно, плохо.

[29]) Хорошо, удачно.

[30]) *Выначить, срубить*—вынуть изъ кармана. *Шмель*—кошелекъ съ деньгами, *скуржаная лоханка*—серебрянная табакерка. *Скуржа* серебро. «Выпулъ кошелекъ да вытащилъ серебряную табакерку».

Digitized by Google

— *Мѣшокъ во что кладетъ веснухи?* [31]) спрашиваютъ въ тоже время въ другой группѣ, на противуположномъ концѣ комнаты.

— Во что кладетъ? да гляди чуть не въ гроникъ! ропщетъ темная личность съ крайне-истомленнымъ блѣднымъ и печальнымъ лицомъ. *Клей* [32]) не дешеваго стоитъ, поди-ка сунься въ магазинѣ у нѣмца купить — колесъ въ пятьдесятъ станетъ.

— А какой клей-то?

— Да *канарейка съ путиной*, какъ есть цѣликомъ *веснушныя*! [33]) Такъ онъ что, песъ эдакій, мѣшокъ-то? Я по чести, какъ есть, *три рыжика правлю* [34]).

— Какими? *рыжею сарой*? [35])

— Ну, вѣстимо, что сарой, а онъ, песъ, только четыре *царя* [36]) кладетъ. А мнѣ вѣдь тоже хрястать что нибудь надо! жена тоже вѣдь, дѣти... голодно, холодно...

И голосъ мазурика, нервно дрогнувъ, обрывается, задавленный горькою внутреннею слезою.

Въ третьемъ углу молодой воръ, повидимому изъ апраксинскихъ сидѣльцевъ, тоненькой фистулой молодцовато повѣтствуетъ о своихъ ночныхъ похожденіяхъ:

— Просто, братцы, страсть! Вечоръ-было совсѣмъ-таки *влопался!* [37]) да спасибо, мазурикъ со стороны каплюжника *дожде-*

---

[31]) Барышникъ во что цѣнитъ золотыя часы? *Класть* — цѣнить, опредѣлять стоимость. *Веснухи веснушки*—золотые часы.

[32]) Терминъ для обозначенія всякой ворованной вещи

[33]) Часы съ цѣпочкой, какъ есть цѣликомъ золотые, «*Канарейка*—карманныя часы,—названіе общее и для золотыхъ и для серебряныхъ часовъ, въ отличіе отъ всякихъ другихъ, какъ то стѣнныхъ, столовыхъ и пр, для которыхъ существуетъ названіе «*стуканы, стуканцы*» *Путина, перязь*—цѣпочка. *Веснушный* или *рыжій*—золотой.

[34]) *Рыжикъ*—червонецъ. *Править*—просить, запрашивать.

[35]) *Рыжая Сара*—полуимперіалъ.

[36]) *Царь*—рубль серебряный.

[37]) Для народа «*ходящаго по музыкѣ*» т. е. принадлежащаго къ воровскому сословію, имѣютъ важное значеніе слова: *влопаться, облопаться* и *сгорѣть*. *Влопаться*—значитъ — попасться въ воровствѣ, но неопасно, если попавшійся тутъ же на мѣстѣ освобождается, благодаря или своей увертливости, своей силѣ или снисхожденію пойманнаго или же наконецъ отсутствію *поличнаго* т. е. ворованной вещи, которая у вора крадущаго никогда почти въ рукахъ не остается, а тутъ же, мгновенно передается изъ подтишка *подрушному* т. е. помощнику. Подрушный же немедленно удаляется съ нею на безопасный пунктъ. *Облопаться*—это уже степенью выше. Если мазурикъ облопался, то это значитъ

Digitized by Google

вшкомъ [38]) проздравилъ, тѣмъ только и отвертѣлся! А Грышутка совсѣмъ ужь *облопался*,—поминай какъ звали! Сталъ-было *хрять* [39]) въ другую сторону, да лихъ, вишь-ты, не *стремилъ* [40]), опосля какъ съ *фараономъ* [41]) справились, а тутъ *стрѣла* [42]) подоспѣла въ догонку — ну и конецъ! Теперь *потѣетъ* [43]); гляди *къ дядѣ на поруки попадетъ* [44]), коли хороводъ не выручитъ.

— Значитъ, *скупъ* [45]) надо? озабоченно спрашиваютъ мазурики, ибо это вопросъ весьма близко касающійся ихъ сердца и карманныхъ интересовъ.

— Значитъ, скупъ! Парень братцы клевый, нужный парень! *Отначиться* [46]) безпремѣнно надо.

— Сколько сламу потребуется? вопрошаютъ члены хоровода, почесывая у себя въ затылкѣ.

— Обнаковенно *на гуртъ: сламъ на крючка, сламъ на выручку да на ключая*, — троимъ, значитъ какъ есть полный сламъ отваливай [47]).

— Надо подумать! отвѣтствуютъ хороводные, соображая свои средства на выкупъ товарища.

что онъ попался болѣе опаснымъ образомъ, взятъ полиціей и отведенъ въ часть или въ тюрьму и находится подъ слѣдствіемъ, однакоже съ надеждой на освобожденіе. Когда же говорится про музыканта, что онъ *сворѣлъ*, то это означаетъ либо дальній путь его по Владимірки, либо по меньшей мѣрѣ, препровожденіе по этапу на мѣсто родины.

38) *Дождевикъ*—камень булыжникъ для случайной обороны. Нѣкоторые воры, если имѣютъ какихъ либо другихъ—орудій, носятъ его постоянно при себѣ, отправляясь на дѣло; и есть между ними мастера, владѣющіе очень ловко искуствомъ пускать дождевика на довольно значительномъ разстояніи и при этомъ мѣтко и вѣрно попадать именно въ то самое мѣсто, которое избрано цѣлью удара, какъ напр: рука, плечо, колѣно.

39) *Хрять*—бѣжать.

40) *Стремить*—смотрѣть, наблюдать, остерегаться. Возгласъ «*Стрема!*» означаетъ: берегись! будь осторожнѣй,—смотрятъ.

41) *Фараонъ*—будочникъ.

42) *Стрѣла*—казакъ патрульный. 43) *Потѣть*—сидѣть въ части 44) *Попасть къ дяди на поруки*—значитъ попасть въ тюрьму.

45) *Скупомъ* называется общая складчина товарищей на выручку попавшагося товарища.

46) *Отначиться*—вывернуться, отыграться въ карты.

47) *Дать сламу на гуртъ* — *Сламъ на крючка сламъ на выручку Сламъ на клюя* или *на ключая* все это суть техническіе термины разныхъ взятокъ.

Digitized by Google

А степенный, важный и благообразный Провъ Викулычъ межъ тѣмъ обдѣлываетъ на квартирѣ свою выгодную спурку.

Въ одинадцатомъ часу показался въ Ершахъ и Бодлевскій, захвативъ съ собою весь свой капиталъ, заключавшійся въ двадцати-пяти-рублей бумажкѣ и кой-какой мелочи. Сердце его довольно-таки неровно постукивало. Онъ не боялся дѣлать асигнаціи *на единъ*, запершись въ своей комнатѣ, и боялся теперь предстоящаго ему дѣла, потомучто оно должно было обдѣлаться между нѣсколькими сообщниками. Эта черта, на первый взглядъ какъ будто и трусливая, предвѣщала однако въ Бодлевскомъ великаго будущаго мастера. Не боятся сообщничества только одни заурядные мазурики, изъ которыхъ никогда ничего замѣчательнаго не выработается. А въ Бодлевскомъ, напротивъ, таился своего рода геній...

Провъ Викулычъ, обрѣтавшійся на сей разъ за буфетною стойкой, степенно поклонился ему, по обычаю своему, больше глазами, чѣмъ головой и пригласительно указалъ рукою на узорную дверь чистой половины, а самъ, конечно, не замедлилъ сію-же минуту юркнуть въ свою дверцу, на квартиру за Юзичемъ.

Послѣ короткихъ переговоровъ о томъ что дѣло будетъ стоить двадцать рублей, Юзичъ получилъ впередъ съ Бодлевскаго деньги и ввелъ его въ заповѣдную квартиру черезъ наружную ея дверку, мимо буфетчика, который сдѣлалъ видъ, будто ничего не замѣчаетъ. Тамъ на столѣ тускло горѣлъ сальный огарокъ, едва освѣщая фигуры семи человѣкъ, сгруппировавшихся вокругъ стола, за которымъ возсѣдалъ красноносый чиновникъ — тотъ самый, что поутру на чистой половинѣ углублялся въ полицейскую газету. Онъ тасовалъ замасленную колоду картъ и умоляющимъ голосомъ обращался къ рыжему, угрюмому господину съ портфелемъ въ рукахъ.

— Ну, сдѣлай ты мнѣ такое божеское одолженіе! Сорокъ грѣховъ тебѣ за это простится, мошенникъ ты эдакій! говорилъ онъ ему. Ну что тебѣ стоитъ! Душечка моя! свалемся на одну игорку.

— Сказано нѣтъ! зарычалъ на его рыжій, сверкая изъ подлобья своими угрюмыми глазами. Напоть дурака: свалянся съ нимъ до дѣла, а онъ пожалуй, отначится — такъ я, значитъ, двойного сламу долженъ лишиться! Ишь ты вицъ-мундирникъ ка-

Digitized by Google

кой, губа-то у тебя не дура! Ты прежде дѣло сдѣлай, а тамъ пожалуй стукнемся на счастье.

— Все струментъ свой отыграть хочетъ, пояснилъ Юзичу одинъ изъ семерыхъ, лукаво подмигивая на краснонораго чиновника, который вѣроятно чувствуя себя очень огорченнымъ отвѣтомъ рыжаго, только вздохнулъ отъ глубины души и смиренно, съ видомъ угнетенной невинности, воздѣлъ къ потолку глаза свои, какъ бы говоря этимъ: «Ты видишь, Господи, сколь много и неправо обиженъ я»!

Никто изъ присутствующихъ не поклонился Бодлевскому при входѣ и вообще не выразилъ ни словомъ, ни знакомъ какимъ-либо привѣтствія; но всѣ очень внимательно и безцеремонно вымѣряли его своими взглядами.

Эти семь человѣкъ были виленскіе и витебскіе мѣщане, извѣстные въ трущобахъ подъ общимъ именемъ «виленцовъ» и занимавшіеся спеціально поддѣлкой паспортовъ.

— Готово! сказалъ Юзичъ, обращаясь безлично ко всей компаніи.

— Значитъ можно въ ходъ *помадку* [48]) пускать? спросилъ чиновникъ, съ добродушной улыбкой, за которой однако такъ и просачивалась алчность акулы.

— А ты, голова, зачѣмъ мухорта съ вѣтру привѣлъ? безцеремонно вмѣшался рыжій, бросая непріязненные взгляды на Бодлевскаго. Зачѣмъ морды казать? Не всякой вѣдь рожѣ калитки ѣсть!

— Ничего, мухортъ съ нами заодно поѣстъ, благодушнымъ тономъ успокоивалъ его чиновникъ.

— А коли облопается, да клюю прозвонитъ? [49])

— А мы на сей конецъ не дураки: прикосновенность учинимъ, къ дѣлопроизводству притянемъ—и выйдетъ дѣвица тогоже хоровода. На себя не всякъ вѣдь показывать-то охочь, возразилъ на это канцелярско-крючковатымъ тономъ чиновникъ. Рыжій, вѣроятно возчувствовавъ силу послѣдняго аргумента, ничего не отвѣтилъ, только сплюнулъ въ сторону.

---

[48]) *Помадой* называется извѣстная система, манера, метода дѣйствія и пріемовъ при совершеніи воровства. *Пустить въ ходъ помаду*—значитъ производить самый актъ воровского или иного подходящаго къ этому роду дѣйствія.

[49]) А если по падется да на слѣдствіе приставу фасонить?

Digitized by Google

Чиновникъ потирая свои красныя, дрожащія руки, всталъ съ мѣста и съ особеннымъ, какимъ-то сладенькимъ подходцомъ, приблизился къ Бодлевскому.

— Намъ надо познакомиться, сказалъ онъ весьма любезно. Вмѣстѣ уху станемъ стряпать—вмѣстѣ хлѣбать; значитъ, дѣло товарищеское. Честь имѣю рекомендоваться! присовокупилъ онъ, отдавая скромный поклонъ, отставной губернскій секретарь Пахомъ Борисовъ Прянинъ. Нынѣ приватно въ конторѣ квартальнаго надзирателя письмоводствомъ занимаюсь.

Бодлевскій, при этомъ послѣднемъ сообщеніи сдѣлалъ весьма удивленную мину, такъ что Пахомъ Борисычъ поспѣшилъ пояснить ему, съ обычнымъ, добродушнымъ вздохомъ:

— Что дѣлать-съ! бываютъ обстоятельства, когда всякъ человѣкъ на предлежащемъ ему мѣстѣ къ пользѣ ближняго нуженъ бываетъ. А это-съ, прибавилъ онъ, указывая на членовъ своей компаніи, это ближніе мои. Такъ-то-съ!..

Бодлевскій слегка поклонился, но ближніе не удостоили его поклонъ ни малѣйшимъ вниманіемъ. Они вообще были не совсѣмъ-то довольны присутствіемъ при дѣлѣ посторонняго человѣка.

— Предварительно, началъ опять чиновникъ, позвольте попросить у васъ рюмку водки, а то у меня трясучка съ перепою: рука не тверда-съ. Я, повѣрьте, не столько для себя, сколько собственно для руки прошу. Позвольте монетку-съ!

Бодлевскій далъ ему сколько-то мелочи, которую чиновникъ тотчасъ-же опустилъ въ свой карманъ и подойдя къ полочкѣ, гдѣ стоялъ заранѣе купленный имъ же самимъ полштофъ водки, налилъ себѣ рюмку и нацѣлясь проглотилъ ее залпомъ.

— А теперь приступимъ говорилъ онъ со своею улыбочкой, и, потирая руки, сѣлъ на прежнее мѣсто. Угрюмый рыжій молча положилъ передъ нимъ портфель и вынулъ изъ кармана какія-то двѣ стклянки. Въ одной заключалась жидкость чорная, въ другой—чистая какъ вода.

— Мы вѣдь химики: наукой тоже занимаемся! шутливо пояснилъ Бодлевскому Пахомъ Борисычъ, и вслѣдъ за тѣмъ скомандовалъ:

— Чижикъ! *на стр'му!* [56])

---

56) *На стрему* — на сторожку.

Digitized by Google

Молодой парень поднялся съ постели, на которой было развалился, и вышелъ изъ «квартиры» въ наружную дверку.

— Ну-съ, а теперь *затыньте-ка*, [51]) братцы, хорошенько! предложилъ чиновникъ остальнымъ—и вся компанія тѣсно стала локоть къ локтю вокругъ стола. А мы газетку вынемъ да на столикъ положимъ—тутъ же вотъ, рядышкомъ съ портфелькой. Это, изволите ли видѣть, пояснилъ онъ Бодлевскому, собственно на тотъ конецъ дѣлается, еслибы, избави насъ боже, посторонній человѣкъ въ нашу келейную бесѣду ворвался—такъ мы какъ будто ничего, яко агнцы какіе непорочные сидимъ и мирно извѣстія съ политическаго горизонта читаемъ. Понимаете-съ?

— Какъ не понять!

— Извѣстно-съ... А теперь не угодно ли?.. Извольте намъ со всею откровенностію, яко передъ зерцаломъ, объявить: къ какому званію и состоянію желаете вы приписать извѣстную вамъ особу — по купечеству ли или въ дворянское сословіе?

— Я думаю въ дворянское лучше б детъ, зммѣтилъ Бодлевскій.

— Всеконечно такъ! по крайней мѣрѣ пріобрѣтается право безпрепятственнаго проѣзда во всѣ города и селенія россійской имперіи. Посмотримъ, нѣтъ ли у насъ чего подходящаго?

И Пахомъ Борысичъ, раскрывъ портфель, наполненный всевозможными паспортами, плакатами, увольнительными свидѣтельствами и иными видами, сталъ перебирать эти бумаги, не вынимая, впрочемъ ни одной изъ портфеля: все на тотъ конецъ— если какая тревога случится такъ чтобъ не мѣшкотно спрятать ихъ.

— Ага! новенькій! воскликнулъ онъ, разглядывая какой-то видъ. — Откуда это?

— Отъ одного человѣчка пріѣзжаго добылъ, пробурчалъ себѣ подъ-носъ рыжій.

— Те-те-те! совсѣмъ подходящее дѣльце! Дворяночка-съ! съ удовольствіемъ говорилъ чиновникъ, продолжая разсматривать видъ. Н-да-съ... Дано сіе изъ ярославскаго губернскаго правленія, продолжалъ онъ, уже читая текстъ вынутаго имъ вида, дано сіе вдовѣ колежскаго асессора Маріи Солонцовой на свободное проживательство и т. д., какъ слѣдуетъ быть по надлежащей формѣ. Здѣсь чтоли добыто? обратился онъ снова къ рыжему.

---

[51]) *Затыкить* — скрыть, заслонить.

Digitized by Google

— Въ Москвѣ, сказывалъ.

— Нешто стиренъ?

— Амба! лаконично и еще угрюмѣе обыкновеннаго выговорилъ рыжій.

— Амба! повторилъ серьезнымъ тономъ чиновникъ, какъ бы преисполняясь особеннымъ уваженіемъ къ той бумагѣ, которую онъ держалъ въ рукахъ. Амба!.. такъ вотъ какъ! Въ домухѣ опатрулено? [52])

— Клевѣй, братъ! почти что *на гонъ:* [53]) у Рогожскаго, сказывалъ.

— Ну, это точно что клевѣй, потому, значитъ, только и послѣдствій, что въ вѣдомостяхъ пропечатаютъ: такого-то, молъ, числа усмотрѣно неизвѣстнаго званія и состоянія...

— А ты ѣшь пирогъ съ грибами! сурово перебилъ его рыжій. Видно съ одной рюмки-то мѣлево разшатало?

— Что жь! я ничего! кочевряжился въ отвѣтъ на это замѣчаніе Пахомъ Борисычъ. Я только говорю, что отпусти Господи рабу твоему, потомучто въ силу извѣстнаго намъ параграфа уголовныхъ узаконеній за это надо сгорѣть.

Едва успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ ударъ съ размаху по головѣ, который молча нанесъ ему рыжій, заставилъ его стукнуться затылкомъ въ стѣну и ужь конечно замолчать на минуту—такъ что онъ только глазами заморгалъ отъ боли.

— Это что же? оскорбленіе чести можно сказать... забормоталъ оторопѣлый Пахомъ Борисычъ, — теперь я и работать не могу: въ головѣ трескъ и темень... Ей-богу не могу... Надо, по крайности, рюмку для проясненія.

— Ну, чортъ, ступай пей! разрѣшилъ ему рыжій, — да гляди: если еще разъ мелево пустишь — не заставь руку расходиться!.. *ломату* задамъ добрую! [54])

---

[52]) *Амба* — убить; собственно означаетъ ударъ, или еще ближе — то движеніе, которое дѣлаетъ рука, нанося ударъ. Подъ словомъ *амба* исключительно подразумѣвается ударъ на смерть, наносимый сразу и съ такою силой, чтобы жертва даже и не вскрикнувъ, падала мертвою. Собственно же убить — значитъ *притикнуть*, зарѣзать—*освѣжевать скотинку* (отъ слова свѣжанина) *освѣжуемъ*— зарѣжемъ. Языкъ, какъ видите, довольно образный и выразительный. *Домуха* — домъ; *опатрулить* — обобрать или вообще обдѣлать подходящее дѣло въ дому, въ квартирѣ.

[53]) *На гонъ*—въ полѣ или въ лѣсу.

[54]) *Ломата* — побои; *задать ломату* — выраженіе равносильное трепкѣ.

Digitized by Google

Оскорбленный Пахомъ Борисычъ молча пропустилъ въ себя рюмку, молча воротился на мѣсто и молча же принялся за работу.

Онъ откупорилъ стклянку съ безцвѣтною, чистою жидкостью и вынулъ изъ портфеля тщательно завернутую въ бумажку рисовальную кисточку.

— Ну, полно, дяденька! развеселись-на! Стоитъ ли изъ-за пустяковъ такихъ? утѣшилъ его Юзичъ, ободрительно похлопывая по плечу—и Пахомъ Борисычъ дѣйствительно развеселился.

— Извѣстно не стоитъ! заговорилъ онъ своимъ обычнымъ тономъ, въ которомъ однако замѣтно слышалось чувство собственнаго достоинства. — Я и вниманія не хочу обращать, потому честь и амбицію свою несравненно выше того полагаю! Меня это обидѣть не можетъ. Военные за это между собою на поединки выходятъ, гражданскіе чины по закону деньгами безчестіе взыскиваютъ, а съ него что взять? Одно остается: простить ему это.

Это означало, что Пахомъ Борисычъ въ глубинѣ сердца своего былъ очень оскорбленъ.

— Ну вотъ ты и прости! предложилъ ему Юзичъ.

— Я и простилъ!.. махнувши рукою, произнесъ Пряхинъ. — Такъ вамъ угодно ли будетъ извѣстную особу переименовать въ Марію Солонцову—вдову коллежскаго асесора? обратился онъ къ Бодлевскому.

ГЛАВА XI.

КАПИТАНЪ

Бодлевскій не успѣлъ еще въ отвѣтъ на это утвердительно кивнуть ему головою, какъ вдругъ наружная дверка быстро распахнулась и въ комнату стремительно влетѣлъ высокаго роста мужчина, статный, сильный и красивый блондинъ, немного косоватый, съ золотыми очками и въ форменномъ военномъ (кр

Digitized by Google

тукѣ. Компанія испуганно повернула къ нему головы, но не тронулась съ мѣста: какъ стояла она, тѣсно сплотившись вокругъ стола, такъ и теперь осталась.

— Здорово, соколики, виленцы почтенные! вы это что тутъ? какими дѣлами занимаетесь? заговорилъ онъ, въ одно мгновеніе подлетая къ столу и садясь на стулъ вскочившаго Пахома Борисыча.

— Это что такое? продолжалъ онъ, захватывая одною рукою стклянку съ безцвѣтною жидкостью, а другою видъ вдовы коллежскаго асесора—это у насъ, значитъ, хлористая жидкость для вытравливанія чернилъ? Хорошо-съ! А это чей-то видъ—значитъ, мы тутъ пачпортики поддѣлываемъ? Важно! Отмѣнно важно! Ай да молодцы! что дѣло, то дѣло! Гей! Свидѣтели!

И блондинъ довольно рѣзко свиснулъ.

Изъ наружной дверки появились двѣ лихія физіономіи, торчавшія на плечахъ весьма внушительнаго свойства. Рыжій молча подошолъ къ блондину и яростно схватилъ его за воротъ. Остальные въ тотъ же моментъ поразобрали—кто стулъ, кто палку, кто желѣзный ломъ и приготовились къ защитѣ.

Блондинъ между тѣмъ, отнюдь не измѣняя въ лицѣ самоувѣренно-хладнокровнаго и спокойнаго выраженія, быстро опустилъ руки въ карманы и вынулъ пару маленькихъ двухствольныхъ пистолетовъ. Въ наступившей тишинѣ, которою сопровождалась вся эта сцена, ясно было слышно, какъ щелкнули на двухъ взводахъ курки подъ его пальцами. Онъ поднялъ правую руку и направилъ дуло въ упоръ къ груди своего противника.

Рыжій отпустилъ его воротъ и презрительно скося на него свои глаза сверкавшіе ненавистью и злостью, молча отошолъ въ сторону.

— Сколько надо будетъ дать? спросилъ онъ.

— Ага!.. Вотъ эдакъ-то лучше! и давно бы такъ слѣдовало! заговорилъ блондинъ спокойно усѣвшись на стулъ и слегка поигрывая своими пистолетами. А вы за сколько работаете?

— За одную красную! отвѣтилъ рыжій.

— Мало. Мнѣ гораздо больше надо. Да впрочемъ вы, милый мой, врете; я вѣдь знаю васъ: вы менѣе какъ за бѣленькую и рукъ марать не станете.

— Благодаримъ за комплиментъ! вмѣшался Пахомъ Борисычъ.

Блондинъ съ усмѣшкой кивнулъ ему головою.

Digitized by Google

— Мнѣ надобно гораздо больше, настойчиво и съ внушительной разстановкой повторилъ онъ, и если вы мнѣ не дадите по крайней мѣрѣ двадцати пяти, такъ я сію же минуту донесу на васъ полиціи, а вотъ — и двое свидѣтелей кстати.

— Сергѣй Антонычъ! господинъ Ковровъ! помилосердствуйте! откуда жь взять намъ столько! какъ передъ богомъ, такъ и передъ вами говорю! вѣдь насъ девять человѣкъ да васъ трое; да кромѣ того троимъ: мнѣ, Юзичу и Гречкѣ двойной сламъ слѣдуетъ, убѣждалъ его умоляющимъ голосомъ Пахомъ Борисычъ.

— Гречкѣ, за то что осмѣлился меня за воротъ схватить — вовсе сламу не полагается; впередъ наука! порѣшилъ Сергѣй Антонычъ.

— Господинъ Ковровъ! началъ снова чиновникъ, мы съ вами люди благородные...

— Что-о? что ты такое сказалъ? презрительно перебилъ его Ковровъ. Себя на одну доску со мною поставилъ! Ха, ха, ха! Нѣтъ, братъ, я честь свою храню! Я, братъ, себя порокомъ или воровствомъ какимъ не маралъ еще, слава богу! а *ты* что такое?

— Гмъ!.. капитаномъ-то какимъ ты считаешься? злобно и какъ бы про себя замѣтилъ Гречка.

— Кто считается? Я, уволенный отъ службы поручикъ драгунскаго полка Сергѣй Антоновичъ Ковровъ! Слышали? Я считаюсь! гордо и высокомѣрно сказалъ онъ, окидывая компанію своими самоувѣренными взглядами. А вы всѣ еще и не доросли до меня, потому вы — трусишки! Чупровъ! крикнулъ онъ одному изъ своихъ, ступай, сними маску съ Чижика, а то мальчишка пожалуй еще задохнется и руки развяжи ему кстати, да дай еще добраго подзатыльника, чтобъ впередъ получше караулилъ.

«Маска», которую употреблялъ въ подобныхъ обстоятельствахъ Ковровъ, была ничто иное, какъ клеенка вырѣзанная въ величину человѣческаго лица и съ одной стороны густо смазанная липкимъ варомъ, посредствомъ терпентиннаго масла приведеннымъ въ нетвердѣющее состояніе. Ковровскіе молодцы употребляли этотъ «струментъ» съ изумительной снаровкой: обыкновенно дѣлалось такъ, что одинъ изъ нихъ, тихо подкрадываясь сзади къ избранной жертвѣ, ловкимъ ударомъ влеплялъ ей въ физіономію липкую клеенку — и жертва тотчасъ же становилась нѣма и слѣпа, задыхаясь отъ недостатка воздуха; за симъ, если

Digitized by Google

представлялась надобность, скрученныя назадъ руки перетягивались бичевной и начиналась дальнѣйшая «помада», смотря по тому, нужно ли было ограбить или совершить что либо иное. Ковровская шайка образовалась въ половинѣ тридцатыхъ годовъ. Первыми основателями ея были три польскіе дворянина. Она никогда не отличалась многочисленностью своихъ членовъ, за то всѣ ужь они могли съ честью назваться отчаяннѣйшими головорѣзами, которые нигдѣ и ни въ чемъ не знали преградъ для своихъ самыхъ дерзкихъ подвиговъ. Настоящій вожакъ этой шайки поручикъ Ковровъ былъ въ полномъ смыслѣ то, что называется triple canaille. Дерзкій, храбрый и самоувѣренный, онъ обладалъ кромѣ того еще красотою, манерами и свѣтскимъ лоскомъ, извѣстнымъ подъ именемъ образованія. Передъ шайкой Ковровa и въ особенности передъ Ковровымъ трепетали всѣ остальные хороводы. Онъ повсюду имѣлъ своихъ тайныхъ агентовъ, которые незамѣтно, но зорко слѣдили за каждымъ предпріятіемъ мазуриковъ. Въ моментъ исполненія такого предпріятія, на мѣсто дѣйствія вдругъ нежданно-негаданно являлся Ковровъ съ кѣмъ либо изъ своихъ и требовалъ контрибуцію, грозя въ противномъ случаѣ тотчасъ же донести полиціи,—и мошенники для того чтобы «смирить ему звонокъ» невольно должны были жертвовать часть сламу, какую онъ самъ заблагоразсуждалъ себѣ назначить. Дѣйствуя необыкновенно ловко и тонко во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, онъ велъ себя такъ, что подъ него никакъ нельзя было подпустить иголки и такимъ образомъ грабилъ вдвойнѣ: и мирныхъ обывателей града Санктъ-Петербурга, и мазуриковъ вмѣстѣ. Подобный промыселъ искони существуетъ въ мазуричьемъ мірѣ: между ними есть разрядъ людей, которые сами никогда не пускаются на воровство, но промышляютъ собственно тѣмъ, что узнаютъ о всякой покражѣ и за одно это знаніе, за одно отрицательное соучастіе свое получаютъ извѣстную долю—лишь бы только молчали да полиціи не выдали. Впрочемъ, надо прибавить, что подобныхъ людей въ этомъ мірѣ очень немного, и всѣ они пользуются у самихъ мазуриковъ глубочайшимъ презрѣніемъ. Не пользовался имъ только Ковровъ, но это потому, что онъ вообще дѣйствовалъ en grand и пускался со своею шайкой на такіе отчаянные, рискованные подвиги, о какихъ остальные хороводы даже и мечтать не дерзали. Мазурики, какого бы разряда они ни были, вообще очень уважаютъ рискъ,

Digitized by Google

хитрость и силу — по этому они Коврова уважали, боялись и ненавидя его въ то же время до послѣдней степени.

— Кому это пачпортъ изготовляете? спросилъ онъ, взявъ со стола бумагу и преспокойно запихивая ее въ свой карманъ. Гречка кивнулъ головой на Бодлевскаго.

— Ага, такъ это для васъ? Очень пріятно слышать! сказалъ Ковровъ, смѣривая его глазами. И такъ, господа, двадцать пять рублей, или прощайте — до пріятнаго свиданія въ слѣдственной камерѣ.

— Господинъ Ковровъ! позвольте съ вами говорить по чести! вмѣшался опять Пахомъ Борисычъ. Мы взяли за дѣло двадцать рублей — вамъ весь хороводъ дастъ въ этомъ свое честное слово! вѣдь не подлецы же мы какіе! Вѣдь не станемъ же мы изъ за двадцати какихъ нибудь паршивыхъ рублишекъ лгать вамъ и марать честь своего хоровода?

— Вотъ, это дѣло! это хорошо сказано! хорошее слово я люблю и всегда готовъ уважить! поощрительно замѣтилъ Сергѣй Антоновичъ.

— Ну, такъ сообразите же сами, продолжалъ чиновникъ, сообразите, что отдавши вамъ всю выручку, мы всѣ на шишахъ должны остаться! За что же нашему труду пропадать зазнапрасно?

— Пусть вотъ они заплатятъ! сказалъ Ковровъ, вскинувъ глаза на Бодлевскаго.

Бодлевскій снялъ съ себя золотые часы — единственное наслѣдство отъ своего отца и вмѣстѣ съ оставшимися пятью рублями, бросилъ ихъ на столъ передъ Ковровымъ.

Ковровъ опять вымѣрялъ его глазами и улыбнулся.

— Вы благородный молодой человѣкъ, сказалъ онъ, вашу руку! я вижу — вы далеко пойдете...

И онъ съ чувствомъ пожалъ руку гравера.

— Только надобно вамъ знать на будущее время, прибавилъ онъ дружески-внушительнымъ тономъ, что я въ своихъ сношеніяхъ съ *этимъ* народомъ никогда не пользуюсь вещами, а всегда заставляю платить контрибуцію чистыми деньгами. Эй, вы! крикнулъ онъ, обращаясь къ компаніи, ступайте кто нибудь съ часами къ вашему святошѣ Прову Викулычу — пусть онъ мнѣ размѣняетъ ихъ по совѣсти — слышите ли, *по совѣсти!* на двѣ трети того что стоютъ: вещь хорошая, въ магазинѣ надо шестьдесять рублей заплатить. Да пусть угощеніе мнѣ приготовитъ,

Digitized by Google

я приду къ нему въ гости, а иначе — плохо будетъ! крикнулъ онъ въ догонку удалявшемуся Юзичу, который черезъ минуту возвратился и подалъ Коврову сорокъ рублей. Ковровъ пересчиталъ и положилъ себѣ 20 въ карманъ, а остальные молча, но съ джентльменской улыбкой возвратилъ Бодлевскому.

— Одно вынимается, а другое кладется на смѣну, сказалъ онъ, подавая Бодлевскому видъ вдовы колежскаго асесора. Теперь старый плутъ Пахомка можетъ и за дѣлопроизводство свободно приниматься.

— Да чтожь тутъ приниматься? съ улыбочкой замѣтилъ Пахомъ Борисычъ. Видъ вѣдь чистенкій, дворянскій; особыхъ примѣтъ, якобы глаза сѣрые, носъ умѣренный писать по закону не требуется,—значитъ, и такъ сойдетъ полегоньку. А теперь бы мнѣ вотъ рюмочку, да потомъ и за трыночку, заключилъ онъ, направляясь къ штофу и на пути пригласительно показывая Гречкѣ колоду картъ.

— Мы съ вами будемъ знакомы, мнѣ ваше лицо понравилось и потому, надѣюсь, сдѣлаемся друзьями, сказалъ Ковровъ, вторично пожимая Бодлевскому руку. А теперь пойдемте выпьемъ. Вы мнѣ за стаканомъ разскажете для чего вамъ нуженъ этотъ пачпортъ, а я, за вашъ поступокъ съ часами, зла вамъ не пожелаю. Въ этомъ даетъ вамъ свое честное слово поручикъ Сергѣй Ковровъ! я также умѣю быть великодушнымъ! заключилъ онъ — и новые друзья, въ сопровожденіи всей компаніи, направились въ «чистую половину».

Ночная оргія въ Ершахъ находилась уже въ полномъ своемъ разливѣ. Былъ двѣнадцатый часъ ночи. Чистая половина вполнѣ представляла собою смѣшеніе языковъ. Грязь ея обстановки какъ-то сама собою устроилась къ этому заповѣдному часу ночной ерюовской жизни. Публику составляли почти исключительно мазурики, покончившіе дневные счеты и съ горя, обсчитанные мѣшками, а наипаче Провомъ Викулычемъ, угарно пропивали ему же свои послѣдніе гроши. Подлѣ каждаго почти сидѣла собесѣдница весьма непрезентабельной наружности. Компанія мастеровыхъ все таже, которая и днемъ тутъ засѣдала, по сію пору разваливалась на прежнемъ своемъ мѣстѣ, за двумя составленными столами; только почтенные члены ея, что называется, «лыка не вязали», обрѣтаяся въ томъ вяломъ состояніи, когда человѣкъ становится уже «не помнящимъ родства». Одинъ только угощатель-

Digitized by Google

мальчонка сохранялъ еще кое-какіе безсознательно-нервные признаки усиленной жизненной дѣятельности. Онъ, закрывъ свои отяжелѣвшіе глаза, какъ-то конвульсивно размахивалъ въ безпорядкѣ руками, опрокидывая на скатерть пивныя бутылки и стаканы, судорожно моталъ головою и по временамъ съ большимъ усиліемъ выкрикалъ какіе-то дикіе, безсмысленные звуки.

Одинъ только Провъ Викулычъ посреди этого всеобщаго хаоса невозмутимо сохранялъ свою благообразную степенность за буфетною стойкой, и чѣмъ солиднѣе казался онъ, тѣмъ рѣзче являлъ собою этотъ контрастъ со всѣмъ окружающимъ. А на «квартирѣ», гдѣ, при нагорѣломъ сальномъ огаркѣ, Пахомъ Борисычъ и Гречка азартно рѣзались въ трынку, шла своя обычная дѣятельность подъ бдительнымъ присмотромъ и руководствомъ, вездѣсущаго Прова Викулыча, не перестававшаго съ извѣстными интервалами юркать въ свою дверцу. Тамъ поминутно уходили и приходили его довѣренные люди: ювелиры, которымъ онъ продавалъ золотыя вещи, портные и скорняки, покупавшіе платье и мѣха, и наконецъ еще одинъ разрядъ личностей, преимущественно изъ евреевъ, промыселъ которыхъ состоялъ въ томъ, чтобы нѣкоторыя вещи, какія по чему либо неудобно или опасно было оставить въ Петербургѣ увозить въ Москву, гдѣ ужь онѣ сбывались безъ всякаго опасенія и за хорошія деньги. Занятія этого послѣдняго рода требуютъ особенной честности—и, надо отдать справедливость Прову Викулычу, онъ умѣлъ выбирать людей. Впрочемъ честность эта обусловливалась и самою выгодой такого промысла, требующаго особенной ловкости, предусмотрительности и снаровки: надо знать — гдѣ, что, когда и какъ и кому выгоднѣй сбывается и какими куда путями удобнѣе добираться.

Между тѣмъ, говоръ и восклицанія перекрещивались межъ собою по всѣмъ угламъ «чистой половины» и мѣшались съ звуками пѣсни, подъ акомпаниментъ торбана и ложекъ. Эти послѣдніе звуки производили два артиста, которые въ то время, къ одинадцати часамъ ночи, постоянно являлись въ Ерши развлекать своимъ искуствомъ ночныхъ посѣтителей. Торбанистъ — Мосей Маркычъ, сухощавый высокій брюнетъ, очень серьезнаго и меланхолическаго вида былъ точно—истинный артистъ: его пальцы съ необыкновенной быстротою и художественнымъ тактомъ бѣгали по струнамъ торбана и когда увлекался онъ извлекаемыми имъ звуками, все лицо его какъ будто преображалось: свѣтлѣло

Digitized by Google

или тушилось, съ каждымъ музыкальнымъ переходомъ. Не менѣе художникомъ въ душѣ былъ и товарищъ его, пѣвецъ и ложечникъ—Иванъ Родивонычъ, курносый, рябой, приземистый и широплечій костромичъ, въ поддевкѣ и красной рубахѣ. Когда онъ своимъ немножко гнусавымъ теноркомъ «отхватывалъ» какую-нибудь «*чибирячку* (*)» всѣ поджилки и суставчики его, словно на пружинахъ, ходуномъ ходили: ходили брови и скулы, ходили плечи, и руки, и пальцы, и коротенькіе полѣшки-ноги, ходила наконецъ грудь и даже самый животъ, которыми онъ выдѣлывалъ удивительныя штуки, къ общему удовольствію столпившихся слушателей. Мы потому такъ обращаемъ вниманіе читателя на Мосея Маркыча съ Иваномъ Родивонычемъ, что ему еще придется впослѣдствіи встрѣчаться съ этими двумя личностями, составляющими необходимое звено трущобной жизни, и даже ея свѣтлую сторону, если въ ней таковая только возможна.

„Что ты чоренъ воронъ вьешься
Надъ моею головой?“

чувствительно гнусилъ Иванъ Родивонычъ, а Мосей Маркычъ баскомъ подтягивалъ ему:

„Ты добычи не дождешься —
Я не твой, нѣтъ, я не твой!“

„Мое тѣло здѣсь не тлѣить —
Тлѣить лишь одна душа“

еще чувствительнѣе выводилъ свои верхнія нотки Иванъ Родивонычъ.

„И она-то разумѣить
Сколь ты, Маша, хороша!“

вторилъ ему басокъ Мосея Маркыча.

Слушатели оставались въ полномъ восторгѣ.

— Здорово, ребята! гаркнулъ съ авторитетомъ лихого ротнаго командира Ковровъ, молодцовато входя въ комнату, подъ руку съ Бодлевскимъ.

— Разъ, два, ваше—ство! крикнули въ отвѣтъ артисты. Почти вся остальная публика, которой хотя бы и по слухамъ толь-

---

*) *Чибирячкою* называется каждая веселая пѣсня съ скандалезнымъ характеромъ.

Digitized by Google

ко былъ извѣстенъ Сергѣй Антонычъ, почтительно привстала съ мѣста и поклонилась.

— Садись, ребята! пей и гуляй не стѣсняясь! снова скомандовалъ Ковровъ и обратился къ музыкантамъ:

— Ершовскую! да живѣе!

Мосей Маркычъ, встряхнулъ своей чорной, курчавой головой, ударилъ по струнамъ, а Иванъ Родивонычъ звякнулъ ложками и пошолъ въ припляску:

Какъ на гору, значитъ, ежъ ползетъ —
Подъ горою горемыка идетъ.
Ты куды же, куды ежъ ползешь?
Ты куды же горемыка идешь?
Я иду-ползу на барскій дворъ,
Ко Агафьѣ свѣтъ-Ивановнѣ,
Къ Серафинѣ Сарафановнѣ—

и вдругъ на этомъ послѣднемъ стихѣ онъ какъ-то конвульсивно встряхнулся всѣмъ тѣломъ, лихо тоннулъ ногами, еще лише подзвякнулъ ложками — и вся компанія, наполнявшая эту комнату, съ гикомъ, свистомъ и какимъ-то жиганьемъ, подхватила вслѣдъ за нимъ. стуча и топая каблуками:

Ахъ, ерши, ерши, ерши, ерши, ерши! — да
Все по четверти ерши, ерши, ерши — да
По полу-вершку ерши, ерши, ерши — да
Запущу такъ и держи, держи, держи!

— Тукъ-тукъ, у воротъ! выкрикнулъ Иванъ Родивонычъ, стараясь перекричать весь этотъ шумъ, гамъ и топотъ.

— Кто тутъ? вопросилъ его Мосей Маркычъ.

— Ежь!

— Зачѣмъ пришолъ?

— Попить-погулять съ вашимъ дѣвкамъ баловать!

— Что принесъ?

— Грошъ.

— Ступай прочь: самъ нехорошъ!

— Тукъ-тукъ, у воротъ! повторилъ опять Иванъ Родивонычъ.

— Кто тутъ? своимъ заученнымъ тономъ снова отвѣтилъ Мосей Маркычъ.

— Ежь.

— Что принесъ?

Digitized by Google

— Пятакъ!

— Шишки! идешь не такъ! порѣшилъ торбанистъ — и ложечникъ снова пустился въ припляску:

Загуляла тутъ ежова голова,
На чужой сторонѣ живучи,
Много горя принимаючи,
Свою участь проклинаючи!

— Ахъ, ерши, ерши, ерши! да все по четверти ерши! подхватила въ отвѣтъ ему честная компанія съ новымъ неистовымъ гикомъ и жиганьемъ, еще сильнѣе прежняго, приходя въ какой-то дикій, шальной экстазъ отъ тѣхъ ловкихъ, размашистыхъ тѣлодвиженій, которыми сопровождались Ерши Ивана Родивоныча.

Оргія въ этомъ родѣ длилась далеко за полночь.

Бодлевскій все щупавшій свой боковой карманъ—тамъ ли его пачпортъ, вышелъ наконецъ изъ заведенія, словно въ какомъ-то чаду, съ крайне разстроенными нервами. Онъ чувствовалъ себя какъ-то тяжело-счастливымъ; его давило и сознаніе этого счастія, и чувство неизвѣстности того, что задумала Наташа и вопросъ: какъ-то еще все это кончится, и убѣжденіе, что первое преступленіе имъ уже *сдѣлано*. Всѣ эти ощущенія свинцовымъ наплывомъ ложились на его душу, тогда какъ въ ушахъ еще свѣжо отдавался дикій отзвукъ ершовской пѣсни.

Воевододъ Крестовскій.

Digitized by Google

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «ЭПОХИ»)

Замѣчаете ли вы, милостивый государь, что настоящее время, то время, когда вы вновь начинаете ваше дѣло и когда я вновь начинаю писать къ вамъ, однимъ словомъ это послѣднее и новѣйшее изъ всѣхъ временъ, отзывается чѣмъ-то старымъ, чѣмъ-то давно знакомымъ? Говорю не шутя. По многимъ признакамъ, по нѣкоторымъ чертамъ, бьющимъ въ глаза, мнѣ иногда кажется, что мы какъ будто вернулись лѣтъ за десять назадъ, какъ будто теперь не 1864, а 1854 годъ.

Полное объясненіе этого было бы довольно трудно. Одно могу сказать навѣрное—надъ Петербургомъ царитъ тоска и скука, такая тоска и такая скука, что они живо напоминаютъ времена, повидимому минувшія на вѣки. Я, милостивый государь, житель столичный—вы это всегда имѣйте въ виду. Можетъ быть тамъ, въ деревняхъ дѣло идетъ и иначе; но у насъ, въ Сѣверной Пальмирѣ, въ центрѣ просвѣщенія и всякаго совершенства—дѣло обстоитъ такъ какъ я вамъ докладываю. Никогда зима не была скучнѣе; никогда журналы не наводили такой зѣвоты, *неутолимой никакимъ сномъ* по выраженію Байрона; кто говорилъ, тотъ замолчалъ въ неизобразимомъ смущеніи, а кто могъ говорить, для того это оказалось совершенно излишнимъ трудомъ. Все поблѣднѣло, стерлось, стушевалось, спряталось и прикинулось дохлымъ.

А помните ли, какъ мы недавно шумѣли и ликовали? Какія радужныя мечты насъ питали, какъ все казалось намъ легко, скоро и возможно! Помните ли незабвенный вечеръ, когда... Но нѣтъ, лучше и не воспоминать.

Digitized by Google

Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.

Примѣръ этотъ какъ нельзя лучше научаетъ насъ, что не должно предаваться слишкомъ свѣтлымъ мечтамъ, что всякое упоеніе такими мечтами влечетъ за собою какъ должную кару—разочарованіе. Нужно постараться отвыкнуть отъ того грубаго, наивнаго, дѣтскаго оптимизма, которому мы такъ любимъ предаваться. Не могу понять откуда взялся этотъ оптимизмъ. Ужъ не состовляетъ ли онъ злополучнаго наслѣдства, завѣщаннаго намъ прошлымъ вѣкомъ? А иначе съ чего бы, помилуйте люди взяли, что, вообще жить и дѣйствовать на свѣтѣ легко, что истина общедоступна и легко распространяется, что добро общелюбезно и легко возбуждается въ сердцахъ, что стоитъ только постараться и прогресъ ко всему хорошему пойдетъ у насъ не по днямъ, а по часамъ? Помилуйте, спрашиваю я васъ, гдѣ все это видано и слыхано въ наши времена? Какъ можно было составить о жизни такія ложныя и легкомысленныя понятія? Ежедневно, ежечасно опытъ разрушаетъ ихъ и показываетъ намъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; но это не вразумляетъ людей; они только начинаютъ бранить опытъ, начинаютъ называть его *горькимъ*, *суровымъ*, *неумолимымъ*. Я признаюсь вамъ въ этомъ случаѣ станавлюсь на сторону опыта и думаю про себя: нечего сказать, хорошъ бы онъ былъ, еслибы все гладилъ ихъ по головкѣ!

Я, милостивый государь, никогда не былъ оптимистомъ и всегда питалъ даже нѣкоторое отвращеніе къ легкому и пріятному взгляду на міръ. Въ этомъ взглядѣ есть нѣчто неуважительное, нѣкоторое отсутствіе благоговѣнія; послушать иныхъ, такъ истина, добро, красота, словомъ все, что составляетъ цѣль и достоинство жизни, есть такой дешевый товаръ, такой всюду разсыпанный жемчугъ, что онъ валяется подъ ногами у самыхъ грязныхъ свиней. Я этого не думаю; я знаю, что истина этого добро и красота существуютъ въ мірѣ, что искра ихъ таится даже въ каждой душѣ человѣческой; но не смотря на то полагаю, что въ полной и чистой своей силѣ они суть нѣчто высокое, драгоцѣнное и рѣдкое. Истина трудно достигается, и трудно распространяется; добро составляетъ исключеніе среди господства всякихъ золъ; прекрасное рѣдко открывается человѣку во всей своей святости. Такъ это есть и на это нечего жаловаться; нечего жаловаться на то, что идеалъ не даетъ себя схватить всякими руками и стащить во всякую нашу грязь, а остается чистымъ и сіяющимъ на своей высотѣ. Только по нашему легкомыслію мы все думаемъ обра-

Digitized by Google

щаться съ нимъ за просто и готовы принимать за его воплощеніе всякую дрянь.

Въ особенности непонятно мнѣ то, какимъ образомъ оптимизмъ можетъ держаться въ нашъ вѣкъ, въ наше печальное и трудное время. Какъ можетъ возникать легкомысленная радость въ это время всякихъ язвъ и проказъ, всякихъ египетскихъ казней? Вмѣсто истины надъ міромъ царятъ безчисленныя заблужденія; добра также мало, какъ его всегда бываетъ мало; и прекрасное какъ будто стало чуждаться людей и отворачивать отъ нихъ свое лицо. Люди теряются все больше и больше, и блуждаютъ какъ во мракѣ.

Оскуденіе идеала, вотъ явная болѣзнь, которою страдаетъ наше время; оскуденіе того свѣта, хотя бы далекаго и недоступнаго, но который все-таки служитъ руководящимъ свѣтомъ жизни и не даетъ падать духомъ на срединѣ пути. Чувствуя мракъ, все гуще и гуще застилающій имъ глаза, люди приходятъ въ неописанное смущеніе. Можно подумать, что различіе между добромъ и зломъ, это древнее различіе, которое по сказанію было найдено человѣчествомъ въ самыя первобытныя времена, все больше и больше сглаживается въ душахъ людей. Между тѣмъ жить безъ этого сознанія никакъ нельзя; въ груди человѣческой есть потребность не шутить съ употребленіемъ жизни. Незримый голосъ грозитъ и требуетъ себѣ служенія; и вотъ люди, чувствуя свою слѣпоту, перетрусились самымъ жалкимъ образомъ.

Трусость, милостивый государь, самая отвратительная трусость царитъ теперь повсюду, и въ многомудрой Европѣ и въ самомъ европейскомъ углу нашего любезнаго отечества—въ Петербургѣ. Ни одна идея, ни одно ученіе, ни одна мысль не высказывается смѣло, не говоритъ твердымъ и яснымъ голосомъ; ни одно начало не вѣритъ въ себя до конца; все лицемѣритъ, прикидывается, старается выслужиться... Передъ кѣмъ? Передъ чѣмъ? Не передъ дѣйствительною силою, что было бы простительно, а передъ какими-то неясными призраками, тѣнями, созданіями испуганнаго воображенія. Кто не вѣритъ въ себя, тотъ какъ извѣстно кланяется чему ни попало.

Печальная картина! Трусость, милостивый государь, есть дѣло во многихъ случаяхъ весьма извинительное. Можно охотно простить людямъ, если они боятся болѣзней и голода, огня и меча. Тутъ боязнь понятна и вполнѣ основательна. Но неизвѣстно почему бояться сказать свою мысль и свое чувство, но изъ одного паническаго страха измѣнить тому, что считаешь святынею, но безъ всякаго повода и побужденія говорить не то что думаешь, лгать на себя—вотъ что возмутительно до крайности.

Digitized by Google

Повѣрьте мнѣ я говорю не общія фразы и не пускаюсь въ отвлеченныя мечтанія. Я живу тутъ въ Петербургѣ, видаю самыхъ различныхъ людей и потому могу вамъ привести не мало примѣровъ этого нерадостнаго явленія. Я слѣдилъ за этими приливами трусости весьма усердно и знаю много формъ, въ которыхъ она проявляется. Видѣлъ я напримѣръ сѣдого старика, человѣка почтеннаго, котораго я привыкъ уважать за его умъ и характеръ. Однажды, когда я съ нимъ заспорилъ о чемъ-то,— «да вы что думаете?» сказалъ онъ мнѣ вдругъ. «Я вѣдь матеріалистъ! Я вѣдь тоже матеріалистъ!»

Признаюсь вамъ, сердце сжалось во мнѣ отъ этого неожиданнаго объявленія, которымъ онъ думалъ смягчить меня и возбудить о себѣ хорошее мнѣніе. Бѣдный старецъ! Развѣ я не знаю, какъ ты глубоко религіозенъ, какъ противенъ матеріализмъ всему складу твоей умственной жизни? За чѣмъ же ты лицемѣришь? Какой страхъ обуялъ тебя, что ты нарочно, для виду, плюешь на самыя дорогія свои вѣрованія? Чего, ну чего ты боишься?

Разскажу другой случай. Пришолъ какъ-то ко мнѣ одинъ милый человѣкъ, одинъ изъ милѣйшихъ людей въ Петербургѣ. Онъ только-что воротился изъ одного бойкаго кружка и сталъ мнѣ разсказывать разныя бойкія рѣчи, которыхъ онъ тамъ наслушался. Слушалъ я, слушалъ, и наконецъ не вытерпѣлъ. «Какой все это вздоръ, сказалъ я. «Какая дикая нелѣпица, какіе безобразнѣйшіе пустяки!»

— Да, съ жаромъ возразилъ онъ, говорите себѣ, что пустяки! Но вы забываете, что вѣдь это говоритъ молодое поколѣніе, и что будущность принадлежитъ ему! Вѣдь не мы съ вами будемъ жить, а они!

На силу я его разговорилъ и успокоилъ. Ну разсудите пожалуста, чего испугался этотъ человѣкъ? Изъ за чего онъ вздумалъ отказаться отъ своего ума, отъ способности «свое сужденіе имѣть»? Онъ испугался призрака еще не имѣющаго никакого очертанія, испугался идеи, въ которой еще нѣтъ никакого содержанія. Вслѣдствіе этого страха онъ потерялъ возможность различать что добро и что зло, что бѣлое и что чорное; онъ уже ничего не видитъ, какъ будто совершенно погасъ въ немъ внутренній свѣтъ души, озаряющій предметы, среди которыхъ мы живемъ.

Новое поколѣніе! Но все равно, къ какому бы поколѣнію вы ни принадлежали— ваша обязанность говорить то, что вы признаете за истину, проповѣдовать то, что вы считаете святынею и настоящимъ достоинствомъ человѣка. Если же вамъ нечего проповѣдывать, если въ душѣ ничего нѣтъ, то лучше молчать, чѣмъ преклоняться передъ чѣмъ-то новымъ, грядущимъ, но неизвѣстно чѣмъ и неизвѣстно какимъ.

*

Digitized by Google

,ЖдуВсе ждутъ,тъ! все подсматриваютъ и подслушиваютъ, все забѣгаютъ впередъ, чтобы преклониться передъ первымъ идоломъ, которы покажется на дорогѣ. Бѣдные идолопоклонники, у которыхъ нѣтъ идоловъ, а есть только желаніе идолопоклонства!

Почти невѣроятно, до чего доходитъ это странное настроеніе. Бесѣдовалъ я не очень давно съ однимъ почтеннымъ мужемъ о предметѣ великой важности, именно о философіи. Оказалось, что мой ученый собеседникъ *ждетъ*, ждетъ самымъ нетерпѣливымъ образомъ *новой* философіи, и полагаетъ что эта философія должна родиться отъ современнаго матеріализма. Не мало я удивился. Съ матеріализмомъ еще можно бы справиться, но что вы прикажете дѣлать съ философіей, которая еще будетъ, которая еще никому неизвѣстна, но должна прійти со славою и силою, какая подобаетъ настоящей философіи? Какъ вы до нея доберетесь и какъ вы ее опровергнете?

А сверхъ того и матеріализмъ, при такомъ взглядѣ на него, занимаетъ такую позицію, изъ которой его никакими силами нельзя выбить. Положимъ что матеріализмъ есть ученіе неосновательное, поверхностное; ученый собесѣдникъ охотно соглашался съ этимъ, ибо на извѣстной степени пониманія съ этимъ стыдно не соглашаться; но тѣмъ не менѣе матеріализму будтобы принадлежитъ неувядаемая слава и неоцѣненная заслуга; ибо изъ него возникнетъ новая философія, которая конечно будетъ самая хорошая, самая истинная и основательная. Ну что вы противъ этого скажете?

Напрасно я возражалъ, прося обратить вниманіе на самыя свойства и сущность матеріализма, на то, что онъ въ самомъ своемъ корнѣ есть нѣчто старое, что онъ не только не содержитъ новыхъ зачатковъ, а составляетъ подновленную и получившую ходъ старину, и что слѣдовательно, какъ у насъ говорится,

Гдѣ жъ это видано было,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ?

Я ничѣмъ не могъ убѣдить моего собѣсѣдника и онъ остался въ твердой надеждѣ на будущую мудрость, которая должна озарить міръ и возродиться изъ матеріализма какъ фениксъ изъ пепла.

Что прикажете дѣлать? Не знаю я, милостивый государь, что будетъ въ будущемъ и слѣдовательно долженъ молчать, и не смѣю судить, и долженъ трусить каждаго грядущаго дня, и долженъ сторониться отъ каждаго новаго человѣка.

Удивительно подумать! Вѣдь многіе дѣйствительно сторонятся,

Digitized by Google

многіе съ величайшимъ благодушіемъ, какъ будто исполняя нѣкоторую религіозную обязанность, записываютъ себя въ число *отсталыхъ*, *отставныхъ*, и потомъ со смиреніемъ и нѣжностью глядятъ на молодое поколѣніе, которому дали дорогу, и о дѣлахъ котораго даже не рѣшаются судить. Бѣдные люди! Какъ они не подумали, что вѣдь стыдно отказываться отъ человѣческаго достоинства, что не великая услуга — *не мѣшать* другимъ, что настоящее человѣческое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы помогать и участвовать.

Молодое поколѣніе! Какъ случилось, что эта мысль, что мысль объ этой массѣ свѣжихъ силъ и надеждъ, перестала оживлять умы и сердца, а напротивъ отуманила головы, отшибла языки, заставила многихъ не думать, не говорить и не двигаться? Откуда такое малодушіе, такая растерянность такое глубокое отсутствіе вѣры въ себя, въ свою мысль и свое чувство?

Приходилъ ко мнѣ нѣкоторый юноша и бойко разговаривалъ о молодомъ поколѣніи. О молодомъ поколѣніи говорятъ много, но эта рѣчь не походила на другія и сильнѣйшимъ образомъ затронула мое вниманіе. Очевидно, говорилъ онъ мнѣ, всѣ толкующіе о молодомъ поколѣніи не имѣютъ о немъ надлежащаго понятія. Всѣ говорятъ такъ, какъ будто молодое поколѣніе составляетъ что-то однородное и нераздѣльное. Между тѣмъ собственно говоря существуетъ не одно, а три молодыхъ поколѣнія. Различить ихъ не трудно, если принять въ соображеніе только время воспитанія. Замѣтьте напримѣръ что Добролюбовъ и многіе другіе причисляемые къ молодому поколѣнію кончили курсъ еще въ прежнее старое время. Это очень важно; они совсѣмъ не то, что люди, которые проходили свой университетскій курсъ въ нынѣшнее время. Но теперь, да вы не улыбайтесь! является еще третье, новѣйшее молодое поколѣніе; оно состоитъ изъ тѣхъ, кто не только университетское, но уже и почти все гимназическое образованіе получилъ въ нынѣшнее время. Ничего этого не замѣчаютъ, а между тѣмъ эти три поколѣнія различаются рѣзкими чертами. Что для однихъ новость, то другимъ давно знакомо; послѣднее молодое поколѣніе уже не можетъ находить никакого интереса въ томъ, чѣмъ было занято первое; мы иначе смотримъ на міръ; совершенно другія чувства....

«Помилосердуйте!» вскричалъ я, объятый нѣкоторымъ ужасомъ. «Что же вы намъ-то оставляете? Что же значатъ послѣ этого наши взгляды, наши интересы и чувства въ глазахъ послѣдняго и новѣйшаго изъ молодыхъ поколѣній? Да такъ просто житья нѣтъ на свѣтѣ. Не успѣешь порядочно заняться какимъ нибудь предметомъ, взяться какъ слѣдуетъ за

Digitized by Google

какое нибудь дѣло, глядь—ужъ новое поколѣніе не раздѣляетъ съ тобою ни чувствъ ни взглядовъ, ни интересовъ. Что за напасть!»

Юноша былъ неумолимъ. Когда онъ ушолъ, я погрузился въ самыя печальныя размышленія. Какое странное настроеніе мыслей! Зачѣмъ они думаютъ объ этомъ? Какой можетъ быть прокъ, какая сласть, какая занимательность въ этихъ мысляхъ? Какъ случилось, что образъ пустого движенія, одной формальной послѣдовательности, пріобрѣлъ такую силу и привлекательность для умовъ? Вѣдь изъ этого образа ничего не слѣдуетъ; вѣдь въ немъ ничего нѣтъ, ни хорошаго, ни дурного. За что же его любятъ? За что ему кланяются и его боятся? Отвѣтъ одинъ—потому что нѣтъ другихъ предметовъ любви, страха и поклоненія; потому что слабы любовь, страхъ и поклоненіе, внушаемые другими, настоящими, а не призрачными предметами.

Нѣтъ того, чтобы прямо взяться за дѣло, прямо стремиться къ хорошему и отвергать дурное; нѣтъ, за все берутся съ боку, со стороны ко всему прикидываютъ мѣрку совершенно постороннюю и внѣшнюю, мѣрку временнаго слѣдованія. Поэтому ни во что крѣпко не вѣрится и ничто крѣпко не любится; все настоящее можетъ быть брошено и забыто ради того, что принесетъ съ собою грядущая минута.

Печальное настроеніе! А вѣдь во всемъ виноватъ Гегель, все онъ, этотъ великанъ мысли, наплодившій столько заблужденій на свѣтѣ. Молодые люди этого не знаютъ; они не знаютъ, подъ чью дудку они пляшутъ; между тѣмъ честь изобрѣтенія *прогреса* всего больше конечно принадлежитъ Гегелю. Правда, еще прежде прогресъ былъ придуманъ французами; но это былъ грубый прогресъ, какой только и могли выдумать узкія французскія головы. Это было—простое сваливаніе въ кучу. Намъ дескать кое-что досталось отъ предковъ, а мы еще прибавимъ; вотъ и все. Гегель же выдумалъ настоящій прогресъ, прогресъ тонкій, глубокомысленный, нѣмецкій. Онъ научилъ разбирать съ удивительною гибкостію и остроуміемъ, какъ новое рождается изъ старого, какъ во всякой пакости заводятся черви и изъ самыхъ гадкихъ червей выходятъ мухи. Онъ научилъ, какъ можно видѣть жизнь и движеніе тамъ, гдѣ по грубой французской теоріи ничего нельзя было видѣть. Онъ-то и есть родоначальникъ ученія, по которому каждое новое время тѣмъ или другимъ образомъ представляетъ шагъ впередъ относительно времени предъидущаго.

Бѣдный Гегель! Онъ былъ, милостивый государь, по преимуществу логикъ; т. е. онъ былъ величайшій мастеръ создавать *формы*, посредствомъ которыхъ можно понимать вещи и думать о вещахъ. До того хороши были и эти формы, такъ широко они захватывали предметы, такую свѣтлую и

Digitized by Google

правильную связь давали тому, что подъ нимъ подводилось, что наконецъ съ ними случилась бѣда: они оторвались отъ своего содержанія и стали носиться въ умахъ людей какъ самостоятельные предметы. Люди стали воображать, что они что-то понимаютъ и имѣютъ какое-то познаніе, тогда какъ въ сущности они ничего не знали и не понимали. Первою жертвою такого состоянія умовъ былъ самъ же Гегель, т: е. его философія. Онъ научилъ нѣмцевъ что такое прогресъ, и они принялись прогрессировать такимъ отчаяннымъ образомъ, что въ скоромъ времени гегелевской философіи не осталось и слѣда, да и вообще впрочемъ не осталось никакой философіи.

Вы думаете, что я пускаюсь въ отвлеченности? Нимало, милостивый государь; все это какъ нельзя больше примѣнимо къ нашимъ современнымъ настроеніямъ. Сколько разъ меня приводили въ изумленіе и досаду эти повороты мысли, эти странныя соображенія, въ которыхъ собственно никакой мысли и никакого соображенія не заключается.

«Какой шумъ! какой шумъ!» кричитъ иной господинъ по поводу какой-нибудь сумятицы. «Какое сильное впечатлѣніе на умы! Вотъ оно— знаменіе времени!» Помилуйте. Ну что жъ тутъ интереснаго и важнаго? Развѣ не можетъ быть сумятицы изъ за пустяковъ? Развѣ не могутъ люди взбаломутиться самымъ нелѣпѣйшимъ образомъ, не по дѣйствительному поводу, а что называется съ бухты барахты? Размѣры явленія тутъ ничего не значатъ, по содержанію оно все-таки можетъ быть пусто. Невольно приходитъ на мысль отзывъ Карлейля по поводу восхищенія формами англійскихъ парламентскихъ преній; да, замѣтилъ онъ, зрѣлище великолѣпное; если одинъ дуракъ будетъ говорить, а шестьсотъ другихъ дураковъ будутъ слушать, то изъ этого выйдетъ очень много пользы.

«Какъ хотите», глубокомысленно замѣчаютъ иногда, «а вѣдь это станетъ историческимъ фактомъ; войдетъ въ исторію литературы....» Опять таки какая вамъ-то нужда, войдетъ или не войдетъ что-нибудь въ исторію? Развѣ это измѣняетъ дѣло хоть на волосъ? Развѣ можетъ отъ этого бѣлое почернѣть, а черное побѣлѣть? Развѣ есть здѣсь хоть малѣйшая точка опоры, чтобы судить о достоинствѣ какого-нибудь дѣла? Такъ нѣтъ же; ужъ чего-чего только не дѣлается у насъ для того чтобы подсмотрѣть исторію, забѣжать ей въ бокъ и взглянуть на нее сверху, а главное добраться хоть по догадкѣ, куда она тянетъ, въ какую сторону поворачиваетъ, и ринуться впереди всѣхъ. Сколько тутъ страха, рабства, идолослуженія! Совершенно понятно, что люди въ такомъ настроеніи чувствуютъ себя очень печально, что они вѣчно въ тревогѣ, вѣчно боятся промахъ и неудачъ.

Digitized by Google

«Вонъ нынче какое время!» грустно замѣчаетъ иной даже весьма чтимый и прославляемый художникъ. «Нынче бываетъ, что физіологическая статья производитъ больше впечатлѣнія, больше занимаетъ умы, чѣмъ самое блистательное художественное произведеніе!» Ну сдѣлайте милость, милостивый государь, ну скажите мнѣ пожалуста, развѣ есть какой-нибудь толкъ въ этомъ замѣчаніи? Ну чего онъ смотритъ по сторонамъ? Чего онъ подглядываетъ за впечатлѣніемъ физіологическихъ статей? Что ему тамъ нужно? За чѣмъ не работаетъ, не занятъ, не поглощенъ своимъ дѣломъ? Не было ли бы это тысячекратно логичнѣе и полезнѣе, чѣмъ наблюдать за теченіемъ времени и приходить въ уныніе отъ чужихъ успѣховъ?

Вообще, милостивый государь, мнѣ весьма не нравится, когда рѣчь заходитъ о паденіи искуства, наукъ, или чего нибудь подобнаго. Эти рѣчи иногда повторяются. Помните ли вы, какъ напримѣръ Карамзинъ въ концѣ прошлаго столѣтія предвѣщалъ паденіе наукъ? «Паденіе наукъ, говорилъ онъ, мнѣ кажется не только возможнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ.»

Подобныя мысли, какъ я сказалъ, мнѣ неиравятся. Попробуйте-ка съ такою мыслью обратиться къ человѣку ученому, обладающему твердымъ знаніемъ; скажите напримѣръ астроному, что его наука современемъ потеряетъ значеніе и не будетъ имѣть ходу въ человѣчествѣ: онъ вамъ засмѣется въ глаза. Точно также попробуйте сказать вѣрующему, что предметъ его вѣры со временемъ перестанетъ быть насущною потребностью людей: онъ посмотритъ на васъ съ глубокимъ сожалѣніемъ. А что отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что уныніе граничитъ съ невѣріемъ, что кто невѣритъ въ силу своего идеала, тотъ уже начинаетъ невѣрить въ самый идеалъ. Наоборотъ вѣра съ надеждою неразлучны.

И такъ, милостивый государь, работать, работать ничтоже сумнися, ни передъ чѣмъ не отступая, ничего не боясь — вотъ истинное правило всякой дѣятельности, а также и литературной.

Признаться вамъ, я даже не мало удивлялся, замѣчая, какъ многіе боятся людей и стараются угодить имъ и не раздражать ихъ. Помилуйте! Люди совсѣмъ не страшны. Нѣкоторые воображаютъ, что люди дѣлятся на добрыхъ и злыхъ. По тщательномъ наблюденіи я долженъ сознаться, что я этого не замѣтилъ. Конечно дѣленіе на добрыхъ и злыхъ есть очень хорошее дѣленіе; но люди кажется напрасно питаютъ притязаніе примѣнять къ себѣ эти понятія. Добры ангелы, и злы демоны; люди же.... какъ бы это сказать? То, что обыкновенно называется людской добротою, по моему мнѣнію, есть ничто иное, какъ нѣкоторая натуральная ласко-

Digitized by Google

вость, та ласковость, которою обладаютъ многія животныя, особенно собаки. Въ силу этой животной ласковости люди суть существа довольно обходительныя. Конечно вполнѣ довѣряться ей невозможно, но нечего особенно опасаться и противоположнаго свойства, т. е. злости. Эта злость имѣетъ у людей столь же безсознательный характеръ, какъ и ихъ доброта. Случается, что самый ласковый господинъ, который постоянно вилялъ хвостомъ и умильно глядѣлъ на васъ, вдругъ ни съ того ни съ сего начинаетъ оскаливать зубы и собирается укусить васъ. Не разъ, признаюсь вамъ, дивился я этому явленію. Но смущаться тутъ никакъ не слѣдуетъ; можно покончить дѣло самымъ простымъ средствомъ. Нужно ударить господина по носу, и не то чтобы сильно ударить, а такъ слегка, самымъ нѣжнымъ образомъ. Будьте увѣрены, что злость въ туже минуту спадетъ съ него и онъ снова станетъ ласковымъ господиномъ.

Нѣчто подобное я могъ бы сказать относительно людей и въ умственномъ отношеніи. Хотя по древнему убѣжденію человѣкъ отличается отъ животныхъ способностію мыслить, однакоже несомнѣнно, что многіе изъ людей не мыслятъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а занимаются только *процесомъ мышленія*. Такъ гоголевскій Петрушка не читалъ, а занимался только процесомъ чтенія. Помню, какъ въ неопытные годы удивилъ меня этимъ обстоятельствомъ одинъ баринъ. Произошло въ немъ нѣкоторое движеніе мысли, которое онъ выразилъ такими словами: *человѣкъ есть произведеніе природы*. Ужь какъ онъ носился съ этимъ, какъ былъ доволенъ! Бывало скажетъ въ сотый разъ: да, господа, и человѣкъ есть произведеніе природы! и даже замолчитъ отъ избытка внутренней полноты и сладости. Долго я не могъ понять, чѣмъ же онъ тутъ доволенъ, что такое для него уясняется и подтверждается его фразою. Теперь я понимаю: ему сладко было такъ сказать самое ощущеніе мысли и онъ съ наслажденіемъ повторялъ: человѣкъ есть произведеніе природы!

А то другой баринъ, еще старинный мой пріятель, сталъ какъ-то передо мною восхищаться тѣмъ давнишнимъ открытіемъ, что *все имѣетъ свою причину*. Вотъ, говорилъ онъ, истина, такъ истина! Всякое явленіе имѣетъ свою причину! Ужь этого никто и никогда не можетъ опровергнуть. Эта истина примѣняется ко всему безъ исключенія и какое бы явленіе человѣкъ ни встрѣтилъ, онъ можетъ смѣло искать причины, отъ которой оно произошло!

Такъ онъ былъ доволенъ, что это наконецъ задѣло меня за живое. Ну помилуй, любезный другъ, сказалъ я ему, чему это ты такъ обрадовался? Истина твоя конечно безспорная, да вѣдь она ровно ничего не доказываетъ и не объясняетъ. Вѣдь ты все-таки изъ нее не узнаешь, *какія* явленія про-

Digitized by Google

исходятъ въ мірѣ. Ты только знаешь, что явленія связаны между собою, а больше ничего. Ты даже и связи-то вовсе не понимаешь; вотъ еслибы ты зналъ, *какъ* по данному явленію найти его причину, то это было бы любопытно; а то вѣдь при одной истинѣ, что на все есть причина, ты можешь для взятаго явленія нагородить такихъ причинъ, которыя никъ чорту негодятся. Однимъ словомъ, милый мой, съ тобою случилось то, что иногда бывало съ Петрушкою Чичикова; ты прочиталъ слово, которое чортъ знаетъ что значитъ, да и остался въ полномъ удовольствіи. Такъ не годится.

Такъ-то размышляютъ люди. Могу васъ увѣрить, милостивый государь, что изъ этого источника проистекаетъ большая часть ихъ заблужденій. Попадутъ на какую нибудь мысль, и носятся, и носятся съ нею, думаютъ, что могутъ посредствомъ нея разрѣшить всѣ вопросы, объяснить всѣ явленія; объясняютъ, объясняютъ... глядь, а и ровно ничего не объяснили.

Таковы люди по моему долгому наблюденію и крайнему разумѣнію. Нѣтъ въ нихъ ни добра ни зла, нѣтъ ни ясной мысли, ни твердыхъ заблужденій. Радоваться тутъ конечно не чему, но не отъ чего и приходить въ отчаяніе. Ибо, милостивый государь, очевидно въ этой зыбкой средѣ дѣйствительная мысль и дѣйствительное чувство не могутъ быть затоплены, не могутъ не обнаружить большаго дѣйствія. Въ людяхъ нѣтъ закоренѣлости ни въ ту, ни въ другую сторону — вотъ чему нужно порадоваться.

И такъ нужно смѣло работать и ничего не бояться. Да не подумайте, милостивый государь, что я произношу эти рѣчи въ какомъ нибудь праздничномъ настроеніи духа. Если бы вы знали, какія печальныя чувства наполняютъ въ настоящую минуту мое сердце! Я скорѣе похожъ на человѣка совсѣмъ разбитаго и подавленнаго, который, чтобы ободрить себя, чтобы не потеряться, обращается наконецъ къ самой глубокой, самой внутренней искрѣ радости и бодрости, согрѣвающей человѣческое сердце. Это та искра, которая остается горящею даже при величайшихъ бѣдствіяхъ, переносимыхъ человѣкомъ. Потомучто безъ нея сердце холодѣетъ и человѣкъ умираетъ.

И такъ радость и бодрость! Та радость и та бодрость, безъ которой уже невозможно ни жить ни работать. Вотъ вамъ напутствіе для начала новаго вашего журнала. Можетъ быть оно не совсѣмъ не кстати и не одинъ разъ прійдетъ вамъ на память.

Н. КОСИЦА.

13 Марта.

Digitized by Google

О КОМЕРЧЕСКИХЪ СУДАХЪ

И О ДѢЛАХЪ ТОРГОВОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

При настоящихъ реформахъ гражданскаго и уголовнаго судоустройства и судопроизводства, возникаютъ вопросы: какое мѣсто должны будутъ занять комерческіе суды въ общей системѣ судоустройства. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ необходимо вникнуть: вопервыхъ въ историческое происхожденіе этихъ судовъ; вовторыхъ, въ то значеніе, какое они получили въ нашемъ обществѣ.

Комерческіе суды возникли у насъ въ 1832 году вслѣдствіе двухъ причинъ: общая система гражданскаго судоустройства и судопроизводства оказывалась для торговыхъ дѣлъ неудовлетворительною; а между тѣмъ одно только скорое отправленіе правосудія могло дать надлежащее развитіе торговлѣ, придать надлежащую силу торговымъ обязательствамъ и договорамъ и упрочить кредитъ торговаго сословія.

Эти причины и побудили правительство къ учрежденію въ 1832 году комерческихъ судовъ — вначалѣ въ обѣихъ столицахъ, а въ 1835 году въ другихъ мѣстахъ Имперіи. Но изъ высочайшаго указа отъ 14 мая 1832 г. открывается, что законодательство имѣло намѣреніе привести комерческіе суды постепенно въ *единообразіе* съ общими судебными учрежденіями имперіи... Намъ неизвѣстно, хотѣло-ли правительство ввести и въ комерческіе суды существовавшій на прежнихъ началахъ порядокъ общаго судопроизводства или въ указѣ предвидѣлся случай общей реформы?.. Такъ или иначе, но мы видимъ, что по настоящее время судопроизводство комерческихъ судовъ удержалось у насъ какъ особый типъ...

Digitized by Google

Это явленіе есть естественное послѣдствіе того положенія, какое эти суды занимали у насъ въ общей системѣ судопроизводства. Превосходя, по многимъ началамъ своимъ, общій судебный порядокъ, торговый уставъ былъ признанъ всѣми большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ правосудія, и самые ретроградные люди, находя въ комерческихъ судахъ, кромѣ этихъ началъ, негласность и бюрократическій характеръ, мирились съ нимъ. Этимъ-то причинамъ комерческіе суды обязаны тѣмъ, что они сохранились у насъ до настоящаго времени съ тѣми недостатками, на которые уже мною указано въ другомъ сочиненіи. Но несмотря на это комерческіе суды пріобрѣли у насъ такую популярность внутри имперіи и за границею, что уничтожить ихъ было бы затруднительно. Отъ подобнаго уничтоженія можетъ поколебаться торговый нашъ кредитъ за границею, такъ какъ едва ли въ Европѣ скоро познакомятся съ характеромъ нашихъ новыхъ реформъ. Независимо отъ этого, само торговое сословіе будетъ недовольно такимъ уничтоженіемъ: торговые люди всегда вѣрятъ тому, что правильный разборъ ихъ дѣлъ и отношеній—можетъ воспослѣдовать только въ то время, когда онъ будетъ производиться спеціалистами, знакомыми съ условіями торговли и финансовой науки. Они вѣрятъ, что въ комерческихъ судахъ судьи пріобрѣтаютъ торговый опытъ и тактъ и что въ общихъ судебныхъ мѣстахъ судьямъ невозможно заняться съ рвеніемъ и любовью торговыми дѣлами; а въ этомъ-то знаніи—торговые люди только и полагаютъ всю гарантію торговаго правосудія. Взглядъ этотъ весьма логиченъ: торговыя дѣла такъ разнообразны, заключаютъ въ себѣ такъ много мѣстныхъ условій и особенностей, неподходящихъ подъ общій законъ и теорію права, что только спеціальный судъ можетъ и дѣйствовать въ нихъ съ надлежащею пользою. Вотъ почему торговое сословіе во всѣ времена стремилось къ тому, чтобы имѣть свой спеціальный судъ. А это дастъ поводъ желать, чтобы комерческіе суды остались какъ особые органы правосудія, необходимые для успѣшнаго развитія торговли и промышленности, и вошли бы въ общую систему нашего судоустройства и судопроизводства.

Вслѣдствіе всего этого займемся изслѣдованіемъ: 1) состава суда; 2) степени его власти и его подсудности; 3) судомъ присяжныхъ; 4) преимуществомъ этой формы предъ общею судебною формою по дѣламъ торговымъ; 5) осуществленіемъ этой формы въ мѣстахъ, гдѣ находятся комерческіе суды и тамъ гдѣ ихъ замѣнятъ окружные суды; 6) дѣятельностью комерческихъ судовъ и окружныхъ судовъ по дѣламъ торговой несостоятельности; 7) дѣятельностью конкурсныхъ управленій и общихъ собраній кредиторовъ; 8) администраціею и ея узаконеніями.

Digitized by Google

1. Составъ суда.

Комерческіе суды основаны у насъ въ настоящее время на выборномъ началѣ. Но такъ какъ правительство оставляетъ за собою прерогативу въ дѣлѣ суда и назначенія судей, кромѣ мировыхъ, то рождается вопросъ: съ оставленіемъ для торговыхъ дѣлъ комерческихъ судовъ слѣдуетъ ли оставаться прерогативѣ въ рукахъ правительства или предоставить торговому сословію право избранія судей?.. Я вообще за выборное начало, если оно поставлено въ разумные предѣлы; но въ особенности я не могу не высказаться въ пользу этого начала въ дѣлахъ торговыхъ. Противники выборнаго начала въ дѣлѣ суда обыкновенно основываются на томъ, что выборы суть всегда выраженіе извѣстной партіи, преобладающей въ данное время въ данномъ обществѣ; поэтому лица выборныя болѣе или менѣе стоятъ подъ вліяніемъ избравшей ихъ партіи. Это обвиненіе дѣйствительно было бы справедливо, еслибы несмѣняемость не ставила судей внѣ этихъ условій. Въ торговомъ же сословіи лица постоянно мѣняются: въ немъ нѣтъ ничего прочнаго, постояннаго, и это, собственно говоря, вовсе не есть ни сословіе, ни каста, а просто совокупная дѣятельность всѣхъ лицъ, занимающихся постоянно, временно или даже случайно, торговлею и промышленностью. По этимъ то причинамъ въ комерческихъ судахъ встрѣчаются слѣдующія явленія: тѣ лица, которыя участвуютъ лѣтъ 20 въ его выборахъ, не имѣютъ тамъ ни одного дѣла, и обратно: бываютъ такіе случаи, что лица, которыя никогда даже не бывали въ томъ городѣ, гдѣ находятся комерческіе суды, имѣютъ тамъ по нѣсколько дѣлъ ежегодно. Торговые обороты такъ разнообразны и такъ неуловимы принимаемыя ими черты, что съ достовѣрностью нельзя сказать: какой элементъ въ будущемъ году явится въ судѣ — торговый или неторговый; купцы или дворяне; горожане или иногородные. По этимъ даннымъ въ комерческомъ судѣ выборное начало никакъ не можетъ носить на себѣ какихъ нибудь признаковъ, по которымъ можно сказать: что оно сдѣлается выраженіемъ извѣстной партіи. Къ тому же торговое сословіе должно быть во всей своей жизни, по возможности, свободно и независимо. Находя полезнымъ оставленіе выборнаго начала для суда мироваго, я вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что было бы полезно оставить „за торговыми людьми право избранія судей въ комерческіе суды: такъ какъ отъ успѣха развитія торговли и промышленности зависитъ благосостояніе нашего народа.

Но оставляя выборное начало, нужно вопервыхъ, ввести однообразіе въ организаціи судовъ; 2) измѣнить нѣкоторыя условія его состава.

Въ обѣихъ столицахъ принято за правило, что предсѣдатели су-

Digitized by Google

довъ и ихъ товарищей избираются торговымъ сословіямъ безсрочно, въ другихъ же городахъ избраніе *срочное* т. е. на 4 года; а въ Тифлисѣ и Архангельскѣ они назначаются правительствомъ. Я же полагаю, что полезно бы было постановить: что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся комерческія суды, предсѣдатели и члены ихъ должны избираться на четыре года торгующимъ сословіемъ того округа который подчиненъ суду. Кромѣ этого, самый составъ суда долженъ быть измѣненъ: въ настоящее время онъ состоитъ изъ предсѣдателя, старшаго члена, и опредѣленнаго по штату числа членовъ отъ купечества. Но подобный составъ представляетъ большія неудобства: члены отъ купечества неимѣютъ никакого голоса: 1) занятые своими дѣлами, они по большей части не имѣютъ времени заниматься дѣлами суда; 2) служа безъ вознагражденія, они не могутъ посвятить всю свою дѣятельность суду; 3) составляя всего два голоса, они не могутъ и вліять на дѣла суда, такъ какъ въ рукахъ предсѣдателя и его товарища всегдашній перевѣсъ.

По этимъ то причинамъ званіе членовъ отъ купечества при комерческихъ судахъ есть должность болѣе почетная, нежели дѣйствительное служеніе правосудію: это извѣстно тортовому сословію и оно въ рѣдкихъ случаяхъ сохраняетъ даже воспоминаніе о томъ кто изъ купечества засѣдаетъ въ судѣ. Подобное положеніе членовъ отъ купечества въ комерческихъ судахъ возникло изъ тѣхъ отношеній, какія возникаютъ обыкновенно между познаніемъ и невѣжествомъ; между опредѣленными и неопредѣленными обязанностями. Предсѣдатель суда и его товарищи обыкновенно избираются изъ юристовъ; между тѣмъ какъ остальные члены нерѣдко бываютъ едва грамотные люди. Независимо отъ этого, первые получаютъ опредѣленное жалованье и служба ихъ считается коронною: по этому они и считаются хозяевами суда. Члены же отъ купечества всегда отговариваются тѣмъ: «что мы жалованья не получаемъ; служба намъ не считается, и дѣлъ своихъ много. На то предсѣдатель и его товарищи получаютъ отъ насъ же содержаніе, чтобы они преимущественно занимались дѣломъ; а мы только служимъ имъ *совѣтниками*.» Но послѣдняя роль, какъ выше объяснено мною, самая пасивная: они по большей части пользуются только честью подписывать журналы и протоколы. Основываясь на этомъ я полагаю полезнымъ было бы остановиться на выборномъ началѣ, но уничтожить членовъ изъ купечества и составъ суда опредѣлить изъ одного предсѣдателя и двухъ членовъ.

Условіе выборовъ, — чтобы избираемыя лица имѣли извѣстный чинъ — должно быть уничтожено: познанія и честность — вотъ главныя условія, которыя должны быть приняты при каждомъ

Digitized by Google

выборномъ началѣ... И такъ какъ у насъ комерческихъ судовъ немного, то съ большою пользою можно было бы примѣнить къ нимъ правило: что избираемы могутъ быть только лица, имѣющія ученыя юридическія степени или пробывшія безпорочно на адвокатскомъ поприщѣ 10 лѣтъ. Эти условія дадутъ комерческимъ судамъ возможность организоваться на разумныхъ и прочныхъ началахъ и, не смотря на ихъ выборное начало, они въ торговый міръ внесутъ общія начала юридической науки и юридической практики.

Жалованье членовъ комерческихъ судовъ, секретарей и т. д., хотя значительно превосходитъ жалованье 2-хъ степеней суда въ настоящее время, но я полагаю, что полезно бы было комерческіе суды сравнить съ апелляціонными судами, какъ въ отношеніи содержанія, такъ и въ отношеніи службы и другихъ преимуществъ. Комерческіе суды, какъ извѣстно, находятся или въ столицахъ или въ портовыхъ городахъ и другихъ торговыхъ пунктахъ; тамъ же, гдѣ развита торговля, гдѣ густо населеніе,—тамъ дороже жизненныя потребности. Кромѣ того само общественное положеніе выборныхъ лицъ требуетъ, чтобы имъ дана была возможность прилично жить и содержать хоть безбѣдно свое семейство. Только при такихъ условіяхъ можно и требовать отъ нихъ безкорыстнаго и добросовѣстнаго служенія общественному дѣлу: въ противномъ же случаѣ мы никакъ не уничтожимъ взяточничества. Ошибочно также мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что большое содержаніе членамъ суда обременитъ торговое сословіе. Напротивъ, правильный и безпристрастный судъ такъ важенъ, такъ необходимъ для развитія торговли, что купечество готово заплатить втрое противу теперешняго, лишь бы имѣть хорошій судъ. При дурномъ же судѣ каждый изъ торгующихъ теряетъ ежегодно вдесятеро больше, нежели съ него взыскиваютъ на содержаніе суда... Одно только крѣпостное отдѣленіе отнимаетъ капиталовъ по крайней мѣрѣ вдвое противъ того, что получаетъ весь судъ на содержаніе. Судный уставъ и конкурсный поглощаютъ едва-ли не 10% съ цѣны исковъ... Послѣ этого не трудно рѣшить: выгоднѣе-ли платить вдвое противу теперешняго и не знать этихъ расходовъ или остаться при настоящемъ порядкѣ? Правда, при теперешней процедурѣ вся тягость этихъ расходовъ падаетъ на тяжущихся; а при новой—налогъ будетъ равномѣрный. Но дѣло въ томъ, что правосудіе дорого для всѣхъ безразлично, есть ли у меня тяжбы или нѣтъ ихъ, потомучто справедливый судъ на столько гарантируетъ мое благосостояніе, на сколько несправедливый подвергаетъ мое состояніе риску.

Digitized by Google

2) Степень власти ком. судовъ и ихъ подсудность.

Оставляя комерческіе суды, слѣдуетъ рѣшить вопросъ: о степени ихъ власти и ихъ подсудности. Было бы не логично дать комерческимъ судамъ характеръ общихъ окружныхъ судовъ съ подчиненіемъ ихъ судамъ апеляціоннымъ. Торговое наше сословіе привыкло смотрѣть на комерческіе суды, какъ на нѣчто высшее, какъ на палату, рѣшенія которой могутъ касацироваться только сенатомъ. Поэтому, не понявъ сразу значенія окружныхъ палатъ, торговое сословіе, въ началѣ, въ подчиненіи имъ комерческихъ судовъ—найдетъ, что прибавлена только торговымъ дѣламъ лишняя инстанція. Притомъ положеніе въ палатѣ ком. суда, дѣйствующаго по большей части по торговымъ обычаямъ и основаннаго на выборномъ началѣ, — будетъ не нормальное. Съ одной стороны — палаты, какъ суды, долженствующіе дѣйствовать на точномъ основаніи законовъ, будутъ парализировать дѣйствія комерческихъ судовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ рѣшенія и дѣйствія будутъ основаны на торговомъ обычаѣ; съ другой стороны какъ судъ, основанный на выборномъ началѣ, его нельзя подчинить суду организованному изъ чиновниковъ, такъ какъ подобное положеніе всегда можетъ вызвать антагонизмъ между этими двумя корпораціями. Наконецъ само торговое сословіе въ этомъ подчиненіи будетъ видѣть ограниченіе его гражданской свободы и подчиненіе его правительственной магистратурѣ. Не зависимо же отъ этого при такомъ порядкѣ торговое сословіе увидитъ въ комерческихъ судахъ только облегченіе въ 1-й степени; въ палатахъ же оно вправѣ будетъ полагать, что не будетъ никакой разницы между торговыми и неторговыми дѣлами.

Но не подчиняя комерческіе суды палатамъ, нужно же для торговыхъ дѣлъ учредить двѣ степени суда; такъ какъ безъ апеляціоннаго суда не можетъ обойтись ни одно усовершенствованное судоустройство и судопроизводство. Мы вполнѣ согласны съ этимъ, а потому и полагаемъ, что въ дѣлахъ торговыхъ слѣдуетъ изыскать такія формы, чтобы: 1) комерческій судъ вполнѣ осуществлялъ свое значеніе судовъ спеціальныхъ, стоящихъ особнякомъ, какъ особые органы правосудія: 2) чрезъ подчиненіе ихъ только одному касаціонному суду, дать имъ значеніе апеляціонныхъ палатъ: чѣмъ они не только возвысятся въ глазахъ общества; но еще получатъ возможность дѣйствовать самостоятельно и осуществить высокое свое назначеніе: поддержать кредитъ и положеніе торговаго сословія.

Преслѣдуя эти двѣ цѣли я полагаю, что ближе всего для ком. судовъ принять главныя начала англійской процедуры: одна только

Digitized by Google

эта форма по мнѣнію нашему, можетъ ввести комерческій судъ въ общую систему нашего судопроизводства съ надлежащею пользою и дастъ возможность комерческимъ судамъ, не подчиняясь палатамъ, дѣйствовать самостоятельно и отчитываться только одному правительствующему сенату, какъ верховному касаціонному суду.

Что же касается до подсудности, то оставляя подсудность ихъ въ настоящемъ видѣ, слѣдуетъ только присовокупить: что комерческіе суды обязаны принимать всѣ иски и тяжбы, когда между тяжущимися состоится соглашеніе о подчиненіи ихъ комерческому суду или если въ договорѣ между сторонами будетъ это постановлено. Законъ этотъ будетъ полезенъ потому, что онъ укажетъ то мѣсто, какое должны будутъ занять формы комерческаго суда въ нашей народной юстиціи: если общество охотно подчинится имъ не только въ дѣлахъ торговыхъ, но въ общихъ гражданскихъ, то это будетъ значить, что формы комерческихъ судовъ болѣе удовлетворяютъ общество, нежели формы судовъ окружныхъ; въ противномъ случаѣ перевѣсъ будетъ на сторонѣ вторыхъ. На этомъ основаніи вообще было бы полезно предоставить и торговому сословію и въ дѣлахъ торговыхъ, (или по обоюдному соглашенію или же по формальному договору), изъять себя изъ вѣдѣнія судовъ комерческихъ и обращаться къ судамъ окружнымъ.

Такимъ образомъ въ наше судопроизводство внесется кромѣ элемента французскаго, который выражается въ *состязательной* судейской процедурѣ, еще другой элементъ, англійскій, состязательный присяжный; который же изъ нихъ для насъ болѣе жизненъ и удободопримѣнимъ—покажетъ время и народный разумъ.

3. Судъ присяжныхъ.

Наше законодательство, какъ объяснено мною выше, нашло необходимымъ участіе въ судѣ членовъ изъ купечества. Кромѣ этого по закону оцѣнка убытковъ подлежитъ вѣдѣнію также особыхъ свѣдущихъ людей. Поэтому я полагаю, что переходъ комерческихъ судовъ къ формѣ суда присяжнаго не будетъ затруднителенъ; тѣмъ болѣе, что торговое сословіе, въ конкурсахъ, общихъ собраніяхъ кредиторовъ несостоятельныхъ, въ администраціяхъ и въ дѣлахъ третейскихъ,—привыкло уже съ давняго времени принимать участіе въ предметахъ торговой тяжбы. На этомъ основаніи едва-ли торговое сословіе будетъ въ претензіи, когда его пригласятъ въ судъ для рѣшенія торговыхъ дѣлъ.

По этимъ причинамъ я полагаю, что, въ столицахъ и тѣхъ портовыхъ городахъ, гдѣ купечество многочислено, въ присяжные засѣдатели, могли бы быть приглашаемы по очереди всѣ лица

Digitized by Google

состоящія въ гильдіи. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ мѣстное купечество немногочислено, тамъ могли бы быть приглашаемы въ комерческіе суды и другія городскіе обыватели, владѣльцы недвижимой собственности. Опредѣленіе ценса могло бы быть съ пользою предоставлено тому торговому сословію, отъ котораго зависитъ избраніе состава комерческихъ судовъ: въ подобномъ случаѣ ценсъ каждаго округа установлялся бы сообразно мѣстнымъ условіямъ.

4. О ПРЕИМУЩЕСТВѢ СУДА ПРИСЯЖНАГО ВЪ ДѢЛАХЪ ТОРГОВЫХЪ ПРЕДЪ НАЧАЛАМИ НАШЕГО ОБЩАГО ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Въ Европѣ, кромѣ Англіи, между теоретиками существуетъ мнѣніе, что форма суда присяжнаго неудобна для дѣлъ гражданскихъ. Главное начало, на которомъ основывается это мнѣніе заключается въ томъ, что гражданскія дѣла основываются исключительно на формальномъ правѣ и потому требуютъ спеціальныхъ юридическихъ свѣдѣній; и что по сложности своей они требуютъ глубокаго анализа и подробнаго разбора документовъ и счетовъ.

Мы съ этимъ мнѣніемъ не можемъ согласиться безусловно; потому что такое сужденіе основано на незнаніи того участія, какое принимаетъ въ Англіи судъ присяжныхъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Въ гражданскомъ процесѣ мы находимъ слѣдующіе элементы: 1) или въ немъ признается совершившійся фактъ и оспаривается право. 2) или въ немъ отвергается фактъ и признается право. 3) или отвергается то и другое.

Возьмемъ для примѣра *самовольное завладѣніе*. Здѣсь я могу: 1) или признавать, что я владѣю данною вещью; но вмѣстѣ съ тѣчъ доказывать, что, по закону, истецъ не имѣетъ права оспаривать этого владѣнія. Естественно, что въ подобномъ случаѣ не можетъ быть и участія суда присяжнаго: потомучто существенный вопросъ заключается въ опредѣленіи законнаго права истца; 2) или не признавать, что я владѣю данною вещью и признавать за истцомъ полное право отыскивать свою собственность. Въ этомъ случаѣ необходимо уже участіе суда присяжнаго: потомучто рѣчь идетъ о признаніи факта: владѣетъ ли или не владѣетъ отвѣтчикъ вещью истца. Въ этомъ случаѣ судъ прилагаетъ только законъ къ рѣшенію, verdict, присяжныхъ. Въ 3-хъ, я могу отвергать и фактъ и право: здѣсь необходимо ужь участіе рѣшенія и присяжныхъ и суда.

Въ дѣлахъ *объ обидахъ* существуетъ же подобный порядокъ.

Digitized by Google

Въ дѣлахъ объ ущербахъ и убыткахъ, судъ присяжныхъ опредѣляетъ: 1) дѣйствительность или не дѣйствительнось факта, вызвавшаго право на вознагражденіе. 2) Самую мѣру или оцѣнку убытка и вознагражденія, если только онѣ въ точности неопредѣлены въ законѣ; въ послѣднемъ же случаѣ опредѣленіе этой мѣры есть дѣло суда.

Въ дѣлахъ объ обидахъ присяжные опредѣляютъ: совершено-ли или не совершено оскорбленіе; а судъ опредѣляетъ мѣру вознагражденія истца или наказаніе отвѣтчику.

По договорамъ и обязательствамъ присяжные опредѣляютъ: есть-ли нарушеніе договора или нѣтъ; а судъ постоновляетъ мѣры къ возстановленію нарушеннаго обязательства и къ точному его исполненію.

По тѣмъ же вообще дѣламъ, гдѣ требуется, чтобы юридическія доказательства права были облечены въ извѣстную формальность, судъ присяжныхъ вовсе недопускается.

Въ такомъ видѣ выработался въ Англіи судъ присяжныхъ на началахъ юридической практики и здраваго смысла, и въ такомъ видѣ я признаю эту форму какъ одну изъ самыхъ совершенныхъ. Это же происходитъ отъ того, что въ формахъ этихъ мы открываемъ тѣ элементы, изъ которыхъ слагается наша общественная жизнь, наши юридическія отношенія и гражданскія права. Съ одной стороны законодательство строго придерживается тѣхъ формальныхъ правъ, на которыхъ зиждется общественный покой и порядокъ; съ другой стороны предоставляетъ общественной совѣсти рѣшать тѣ вопросы, гдѣ становится безсильною форма.

Послѣдняго же элемента во французской магистратурѣ нѣтъ: съ ея порядкомъ всѣ гражданскія отношенія облекаются въ формальное право и французскій судъ неможетъ допустить ничего такого, что выходитъ или неподходитъ къ законнымъ формамъ.

Такой характеръ будетъ не совсѣмъ удовлетворителенъ въ дѣлахъ торговыхъ.

Само законодательство наше признавало еще въ 1832 и 1835 годахъ невозможность подчинить торговыя дѣла общимъ формамъ гражданскаго нашего процеса; поэтому и разрѣшено было: *а*) комерческимъ судамъ рѣшать дѣла и на основаніи юридической практики и торговыхъ обычаевъ. *б*) дѣла товариществъ и акціонерныхъ компаній разсматривать *узаконеннымъ* третейскимъ судомъ. При этомъ мы можемъ только сказать, что къ сожалѣнію, одинъ лишь третейскій судъ и то единственно по несовершенству установленныхъ для него формъ, оказался неудовлетворительнымъ; установленіе же комерческихъ судовъ было логично и вытекало изъ той про-

Digitized by Google

стой аксіомы, что по разнообразію своему, торговыя отношенія имѣютъ столько особенностей, что ихъ никакъ нельзя подвести подъ гражданскія формы какой бы то ни было націи: потомучто торговыя отношенія и ихъ формы получаютъ начало свое не изъ какихъ нибудь законодательствъ, а вытекаютъ изъ торговой практики, временныхъ или мѣстныхъ нуждъ и потребностей, такъ напримѣръ: сильное развитіе торговли и заводской промышленности въ Украйнѣ въ послѣдніе годы вызвало со стороны фабрикантовъ и банкировъ учрежденія такъ называемыхъ траттъ и марокъ. Первыя были ничто иное какъ частные векселя, имѣвшіе форму асигнацій и приносившіе проценты, вторыя были отпечатанные безпроцентные билеты для размѣна. Оба рода этихъ бумагъ, въ послѣдніе годы, были выпущены разными лицами въ одной Украйнѣ почти на 40 мильоновъ, и когда многіе банкиры, помѣщики и фабриканты объявили себ банкротами, почти на 20 миліоновъ, то никому и въ голову неприходило признавать недѣйствительными выпущенные ими билеты по ихъ неформальности... Общество, въ этомъ случаѣ, выполнило то, чего нѣтъ въ законѣ: оно поняло, что торговля можетъ только развиваться при совершенной свободѣ; вотъ почему до банкротства главныхъ своихъ торговыхъ домовъ, оно принимало ихъ билеты и асигнаціи наравнѣ съ государственными бумагами; при банкротствѣ же ихъ, вопреки закона, общество признало ихъ законную силу наравнѣ съ формальными векселями. Это явленіе ясно доказываетъ, что формальная правда, положенная въ основу преобразуемаго нами судопроизводства, едва ли можетъ удовлетворить торговое наше сословіе, привыкшее издавна совершенно къ другимъ формамъ, нежели тѣ, которыя существуютъ по нашимъ гражданскимъ законамъ. На этомъ основаніи мы и полагаемъ, что только одна форма суда присяжнаго можетъ вполнѣ удовлетворить это сословіе въ его дѣлахъ: здѣсь судъ присяжныхъ чисто съ комерческой точки зрѣнія взглянетъ на дѣло и рѣшитъ: нарушено ли чье нибудь право или нѣтъ; могли ли возникнуть изъ даннаго дѣянія убытки для даннаго лица или нѣтъ и въ какой мѣрѣ могли возникнуть эти убытки. Только лица торговаго сословія могутъ понять и оцѣнить подобныя дѣла; въ этомъ случаѣ ни ученость, ни юридическое образованіе, не могутъ принести дѣлу пользы; потомучто сущность вопроса—въ торговомъ оборотѣ, который можетъ быть извѣстенъ только спеціалистамъ. Судьи же не могутъ быть всеобъемлющими геніями: они могутъ быть отличными законовѣдами, а въ торговлѣ могутъ ничего не смыслить.

Такъ приведу примѣръ: одинъ помѣщикъ Полтавской губерніи продалъ одному купцу 10000 ведеръ горячаго вина по 50 коп. за ведро и обязался сдать ему это вино къ извѣстному сроку. Задатку

Digitized by Google

взято 4 тыс. Изъ дѣла этого, по неустойкѣ помѣщика, возникъ со стороны купца искъ на 39 тыс. и третейскій судъ по совѣсти рѣшилъ дѣло въ пользу купца.

Какъ, скажутъ быть можетъ многіе, это безсовѣстно: купецъ далъ 4 тыс. и на нихъ требуетъ 39 тыс...

Съ перваго взгляда дѣйствительно оно такъ, но торговые люди судятъ иначе. Они вникли въ слѣдующія обстоятельства: 1) купецъ изготовилъ на 10 тыс. ведеръ бочекъ и большая часть ихъ погнила и, будучи сдана экономіи помѣщика распалась на части и клепки расхищены. 2) два раза подводы купца приходили за товаромъ и уходили безъ него. 3) Два раза были нанимаемы купцомъ на Днѣпрѣ *Берлины* съ тѣмъ, чтобы они доставили до Херсона вино. 4) Само вино было запродано къ сроку въ Крымъ, для подвала и купецъ заплатилъ покупщику неустойку.

Такимъ образомъ дѣло въ 5 тыс. рублей основного капитала возрасло на 39 тыс. самаго справедливаго и добросовѣстнаго иска. Какъ же вы послѣ этого можете подвести дѣла торговыя подъ формальность и условія общаго гражданскаго права?.. Отвѣтъ на это одинъ: только судъ негоціантовъ въ видѣ суда присяжнаго, можетъ быть удовлетворительною формою по этого рода дѣламъ и этой то формы мы должны желать и домогаться.

)5 О томъ какъ осуществлять эту форму въ мѣстахъ, гдѣ находятся комерческіе суды и тамъ, гдѣ ихъ замѣнятъ окружные суды.

Въ настоящее время общее правило ценса, для выборовъ судей въ комерческіе суды, положило: что избирателями могутъ быть купцы 1-хъ двухъ гильдіи того округа, который подчиненъ суду. Ценсъ этотъ для присяжныхъ засѣдателей комерческаго суда не можетъ быть принятъ безусловно: въ столицахъ и портовыхъ городахъ, гдѣ округъ ограничивается однимъ городомъ и уѣздомъ, тамъ это правило можетъ остаться въ своей силѣ; гдѣ же комерческимъ судамъ подчинена цѣлая страна, или область, тамъ это правило должно быть измѣнено: потомучто оно сдѣлается бременемъ для купечества, такъ какъ оно нерѣдко будетъ отрывать купцовъ отъ ихъ занятій и заставитъ ихъ ѣхать въ комерческіе суды иногда безъ всякой существенной пользы для дѣла, потомучто нерѣдко, по неявкѣ свидѣтелей или тяжущихся, засѣданія суда могутъ быть отложены. Вслѣдствіе этого при подобныхъ комерческихъ судахъ слѣдуетъ допустить въ при-

Digitized by Google

сяжные засѣдатели горожанъ мѣстопребыванія комерческаго суда. Опредѣленіе ценса должно быть предоставлено торговому сословію всего округа. Это же правило должно существовать и для окружныхъ судовъ по дѣламъ торговымъ, гдѣ они замѣнятъ комерческіе суды. Я безусловно полагаю это правиломъ, въ этомъ случаѣ, относительно окружныхъ судовъ, потомучто существованіе нынѣшнихъ комерческихъ судовъ указываетъ на тѣ точки, гдѣ у насъ наибольшее развитіе торговли; а пространство округа указываетъ на большій или меньшій объемъ купеческаго сословія. Вотъ почему Петербургскій, Московскій и Одесскій комерческіе суды указываютъ по пространству подсудности, что тамошнее купечество можетъ безъ обремененія исполнять обязанности засѣдателей; между тѣмъ какъ остальные комерческіе суды не представляютъ тѣхъ же условій. Купечество другихъ мѣстъ, гдѣ находятся эти суды, немногочисленно и поэтому судамъ этимъ подсудна цѣлая область или большой округъ. Тоже самое должно сказать и о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣла торговыя будутъ подчинены общимъ судамъ: по малочисленности своей, торгующее сословіе этихъ мѣстъ до настоящаго времени не вызывало потребности учрежденія комерческихъ судовъ, чѣмъ они и обнаруживаютъ, что они ближе всего подходить могутъ къ тѣмъ комерческимъ судамъ, которые учреждены не для одного города, а для цѣлой области. Въ мѣстностяхъ этихъ опредѣленіе ценса для присяжныхъ засѣдателей должно быть предоставлено торговому сословію того округа, который подсуденъ окружному суду.

6) О роли комерческихъ и окружныхъ судовъ по дѣламъ о торговой несостоятельности.

Я полагаю, что было бы небезполезно, если бы дѣла—о торговой несостоятельности — были подчинены мировымъ учрежденіямъ; но еслибы это предположеніе не осуществилось и подсудность этихъ дѣлъ была бы отдана комерческимъ судамъ, а гдѣ ихъ нѣтъ — судамъ окружнымъ, то по крайней мѣрѣ въ точности должны быть опредѣлены отношенія послѣднихъ къ дѣламъ — о торговой и о неторговой несостоятельности.

По мнѣнію моему разность этихъ двухъ родовъ несостоятельностей должна быть уничтожена, и законодательство должно опредѣлить только одинъ родъ несостоятельности, подъ который и должны быть подведены всѣ сословія.

Съ уничтоженіемъ же этой разности, намъ необходимо бросить

Digitized by Google

взглядъ на наши постановленія о торговой несостоятельности для того, чтобы разсмотрѣть ихъ недостатки и достоинства. По этой програмѣ мы разсмотримъ здѣсь слѣдующіе предметы: а) объ открытіи несостоятельности: б) объ объявленіи несостоятельности и первоначальныхъ распоряженіяхъ суда. в) О выборѣ кураторовъ и о составленіи конкурснаго управленія.

а) *Объ открытіи несостоятельности.*

«Признаки *торговой* несостоятельности открываются или собственнымъ признаніемъ должника или состояніемъ его имущества *и лица*» (*).

Послѣднія слова: «*и лица*» совершенно излишни въ этомъ законѣ. За тѣмъ законъ въ послѣдующихъ двухъ статьяхъ подробно объясняетъ оба случая — несостоятельности *по собственному признанію и по состоянію имущества*; но я нахожу большую часть этихъ разъясненій совершенно излишнею: потомучто вышеприведенная мною статья закона сама по себѣ совершенно ясна. Только 3 и 4 пункты ст. 1879 необходимо оставить, потому что они разсматриваютъ исключительное состояніе должника.

б) *Объ объявленіи несостоятельности и о первоначальныхъ распоряженіяхъ суда.*

«Никто не можетъ быть признанъ въ несостоятельности прежде, нежели она объявлена будетъ судомъ. Судъ, разсмотрѣвъ признаки неоплатности и, по призывѣ должника въ тотъ же день, выслушавъ словесныя его объясненія, если не найдетъ въ нихъ основательныхъ причинъ, опровергающихъ достовѣрность тѣхъ признаковъ, то, не выходя изъ присутствія, объявляетъ его несостоятельнымъ и подписываетъ о томъ свое опредѣленіе. Послѣ этого опредѣленія должникъ объявленный несостоятельнымъ въ тотъ же самый день отдается подъ стражу. Изъ сего общаго правила допускается то только изъятіе, когда открытіе несостоятельности послѣдовало по собственному признанію должника, прежде нежели долги поступили ко взысканію, и когда притомъ наличные его заимодавцы, представъ предъ судъ, сами или чрезъ уполномоченныхъ изъявятъ общее со-

(*) Ст. 1877 о судопроизводствѣ по дѣламъ торговымъ т. XI, изд. 1851.

Digitized by Google

гласіе оставить его на свободѣ, а должникъ въ то же время представитъ надежное поручительство въ неотлучкѣ его изъ города» *).

Въ этихъ законахъ мы несогласны съ слѣдующими ихъ положеніями: 1) что судъ опредѣленіе свое о несостоятельности даннаго лица приводитъ тотчасъ въ исполненіе. 2) Что при такомъ опредѣленіи судъ немедленно отдаетъ несостоятельнаго подъ стражу, 3) что отъ несостоятельнаго требуется поручительство даже въ томъ случаѣ, когда заимодавцы пожелаютъ оставить его на свободѣ.

Съ первымъ мы не согласны потому, что судъ опредѣляетъ несостоятельность даннаго лица или по собственному его признанію или по состоянію его имущества. Въ первомъ случаѣ можно еще допустить, что суды могутъ приводить въ исполненіе свои рѣшенія; но во второмъ судебное опредѣленіе можетъ быть или ошибочно, или неправильно или незаконно и можетъ подлежать еще касаціи. Это же можетъ воспослѣдовать ужь потому, что о состояніи имущества даннаго лица можно судить тогда лишь, когда провѣряется тщательно весь балансъ торговаго дома, со всѣми его счетами и долговыми обязательствами. Въ одно же засѣданіе сдѣлать этого нельзя; а между тѣмъ судъ, огласивъ данное лицо, по своему неправильному приговору, несостоятельнымъ, можетъ подорвать его кредитъ и ввести его въ огромные убытки. Поэтому справедливѣе и его, рѣшенія судовъ—объ объявленіи даннаго лица несостоятельнымъ—подвергнуть общимъ законамъ объ исполненіи рѣшеній. Самый же приговоръ суда долженъ быть основанъ на заключеніяхъ суда присяжныхъ, которыя обязаны опредѣлить: есть ли данное лицо несостоятельное или нѣтъ.

Второе положеніе, что судъ немедленно, по объявленіи даннаго лица несостоятельнымъ, отдаетъ его подъ стражу, также не удовлетворяетъ строгой справедливости: если по этому предмету нѣтъ положительнаго требованія кредиторовъ и не внесены отъ нихъ кормовыя деньги, то какое дѣло до этого суду?

Третье положеніе представляетъ еще менѣе основаній: кредиторы объявляютъ свое согласіе оставить несостоятельнаго на свободѣ; а законъ требуетъ отъ него еще поручительство. Мы спрашиваемъ: кому какое дѣло до того, что я, оставляя на свободѣ несостоятельнаго, рискую потерять свой капиталъ?...

Остальныя статьи закона о первоначальныхъ распоряженіяхъ суда отъ 1883—1902 прекрасны, какъ по своимъ началамъ, такъ и въ практическомъ ихъ примѣненіи. Мы не согласны только съ ст. 1900,

*) Ст 1880—1888, т. XI. уст. о торг. несост.

Digitized by Google

постановляющей: что присяжный попечитель уполномочивается отъ суда завѣдывать имуществомъ несостоятельнаго *совмѣстно* съ наличными его заимодавцами. Извѣстно: гдѣ много хозяевъ, тамъ и отвѣтственности меньше и больше безпорядка; поэтому мы полагаемъ, что полезнѣе бы было оставить попечителя полнымъ хозяиномъ съ общею отвѣтственностью опекуновъ. Конецъ 1902 ст., такъ какъ онъ имѣетъ такой же смыслъ, какъ и ст. 1882, (выше сего мною разсмотрѣнная), долженъ быть также измѣненъ.

в) *О выборѣ кураторовъ и о составленіи конкурснаго управленія.*

Въ какомъ бы видѣ конкурсное управленіе ни вошло въ систему настоящаго судопроизводства: съ такою ли юрисдикціею какъ въ настоящее время или же какъ простая администрація, но система выборовъ должна быть измѣнена. Общее правило, существующее въ настоящее время есть то, что большинство по суммѣ собравшихся кредиторовъ составляетъ избирательную корпорацію и избраніе производится не по большинству голосовъ, а по большинству суммы. Въ дѣлахъ о несостоятельныхъ, по мнѣнію нашему, обѣ эти формы неудовлетворительны: первая — тѣмъ, что если я долженъ, положимъ, 500 тыс. тремъ лицамъ, то я могу раздать 4 лицамъ нѣсколько сотъ руб. сер. и получить перевѣсъ во всѣхъ дѣлахъ. Вторая форма также неудобна: если я долженъ 20 тыс. руб., положимъ, 50 лицамъ, то я даю векселей на 30 тыс. одному или двумъ моимъ пріятелямъ и получаю перевѣсъ во всѣхъ конкурсныхъ моихъ дѣлахъ. Но, возразите вы на это, остальные кредиторы могутъ доказывать фальшивость выдаваемыхъ мною векселей... Это правда, но дѣло въ томъ, что прежде разбора документовъ собирается общее собраніе кредиторовъ и голоса ихъ опредѣляются по балансу, показанному самимъ несостоятельнымъ. Притомъ же самый разборъ документовъ и распредѣленіе ихъ по категоріямъ есть дѣло самого конкурснаго управленія или другими словами: тѣхъ же самыхъ лицъ, которымъ я далъ перевѣсъ въ общемъ собраніи. Вслѣдствіе этихъ то причинъ банкронтство сдѣлалось у насъ *спекуляціею*, какъ остроумно выразился О. Рабиновичъ въ мнѣніи своемъ, посланномъ имъ въ редакціонную комисію. Это-то и побуждаетъ меня изыскать такую избирательную форму, которая по возможности уничтожила бы тѣ злоупотребленія, которыя существуютъ въ настоящее время по поводу неправильности принятыхъ избирательныхъ началъ. По мнѣнію нашему избирательная система по дѣламъ о несостоятельности должна быть слѣдующая:

Digitized by Google

Въ дѣлахъ до 20,000 одинъ голосъ, составляютъ 300 руб.; отъ 20 тыс. до 25 тыс., 500; отъ 25,000 до 100 тыс. 3000; отъ 100 тыс. до 500 тыс. 10 тыс.; отъ 500 до 1 мил. 25 тыс.; отъ 1 мил. и т. д 30 тыс.

Одному лицу при этомъ не можетъ принадлежать болѣе 2 голосовъ и если сумма его иска превышаетъ цифру, пріобрѣтающую право на одинъ или на два голоса, то онъ не имѣетъ права присоединить этотъ излишекъ къ другимъ. Можно владѣть только двумя голосами хотя бы они были по довѣренности.

Къ этому же должно присовокупить еще то, что общее собраніе кредиторовъ, въ годовой срокъ, со дня учрежденія 1-го конкурса, имѣетъ право собраться даже по распоряженію одного изъ кредиторовъ и можетъ первый конкурсъ смѣнить и назначить новый.

Предлагаемыя мною постановленія, хотя немогутъ называться безусловно совершенными; но они хотя въ нѣкоторой степени уменьшатъ нынѣшнія злоупотребленія. А именно возьмемъ примѣры:

1) я долженъ 5 тыс. 10 человѣкамъ. Прежде я могъ дать пріятелю своему вексель на 6 тыс. и одерживалъ верхъ въ общемъ собраніи. По проектируемому же мною закону, этого не будетъ: 10 человѣкъ, которымъ я долженъ, будутъ имѣть 16 голосовъ; слѣдовательно мнѣ необходимо найти, по крайней мѣрѣ, 8 новыхъ человѣкъ, соучастниковъ моего преступленія, для того, чтобы сравниться съ ними въ общемъ собраніи. Но согласитесь, что легче найти одного соучастника, чѣмъ 8; и притомъ можно ли еще довѣриться такой массѣ людей?... Но положимъ, что я могъ бы перенести свое дѣло въ другой классъ, т. е., вмѣсто 5 тыс. выдать на 6 тыс. векселей. Во второмъ классѣ дѣйствительные кредиторы пріобрѣтутъ 10 голосовъ. а фальшивые—12 голосовъ; но все-таки придется найти 6 человѣкъ, которые бы рѣшились на такое гнусное дѣло.

2-й примѣръ.

Я долженъ 500 тыс., 50-ти человѣкамъ: они получаютъ 50 голосовъ я долженъ пріобрѣсти 25 человѣкъ, которые бы рѣшились взять отъ меня документы: что весьма неудобно для банкрота.

Въ единственномъ только случаѣ предлагаемое мною правило неудобно: когда дѣйствительныхъ кредиторовъ очень мало, а сумма велика: такъ напримѣръ если одному лицу я долженъ 500 тыс. руб. то онъ имѣетъ только 2 голоса; и тогда мнѣ стоитъ 2 лицамъ выдать на 75 тыс. векселей и они пріобрѣтаютъ перевѣсъ. Поэтому слѣдуетъ дополнить вышесказанное правило слѣдующимъ постановленіемъ: что въ банкротствахъ на сумму ниже 100 тыс. голоса, дающіе перевѣсъ въ общемъ собраніи, должны равняться по долговымъ обя-

Digitized by Google

зательствамъ по крайней мѣрѣ половинѣ той суммы, которую имѣютъ тѣ лица, надъ голосами которыхъ они получаютъ перевѣсъ; а въ банкротства свыше 100 тыс. кредитная сумма голосовъ должна равняться по крайней мѣрѣ $^2/_3$ той суммы, надъ голосами которыхъ она получаетъ перевѣсъ. Если же такая пропорція не установится то чью сторону приметъ судъ, та и получаетъ перевѣсъ.

Такимъ образомъ установится смѣшанная система: голоса будутъ опредѣляться, какъ въ акціонерныхъ обществахъ, *опредѣленной суммой*; и вмѣстѣ съ тѣмъ для перевѣса потребуется опредѣленная цифра всего долга. Эта-то смѣшанная система устранитъ всѣ злоупотребленія, существующія нынѣ въ конкурсахъ какъ въ отношеніи банкротовъ такъ и въ отношеніи самихъ кредиторовъ. При настоящей же выборной системѣ, независимо отъ тѣхъ злоупотребленій, какія позволяютъ себѣ банкроты, сами кредиторы поставлены не въ нормальное положеніе другъ къ другу. Бѣдняки, и мелкіе кредиторы при настоящемъ порядкѣ, неимѣютъ никакого голоса въ конкурсахъ и большіе кредиторы, овладѣвая всѣми конкурсными дѣлами, пускаютъ первыхъ по міру. Въ этомъ убѣждался я неоднократно какъ въ конкурсахъ, такъ и въ администраціяхъ. Предлагаемая же мною система устраняетъ эти злоупотребленія, такъ какъ большіе кредиторы получаютъ право только на 2 голоса; а мелкіе соединившись получаютъ возможность не только бороться съ ними, но и получить даже перевѣсъ.

7) О роли конкурсныхъ управленій и общихъ собраній кредиторовъ.

По моему крайнему убѣжденію юрисдикція конкурсныхъ управленій и общихъ собраній кредиторовъ должна быть измѣнена: оба эти учрежденія должны получить характеръ однихъ простыхъ финансовыхъ учрежденій, или администрацій. Согласно съ этимъ всѣ узаконенія, относящіяся до управленія имуществомъ несостоятельнаго, до распредѣленія суммъ конкурсной массы, до розысканія долговъ и т. д. должны остаться въ своей силѣ, какъ для конкурсныхъ управленій, такъ и для общихъ собраній кредиторовъ. Также конкурсное управленіе въ лицѣ своего предсѣдателя, или по его уполномочію въ лицѣ кредиторовъ, можетъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ защищать интересы кредиторовъ; но власть судебная должна быть отнята отъ конкурсныхъ управленій и общихъ собраній кредиторовъ. На этомъ основаніи: 1) распредѣленіе обязательствъ по разрядамъ и признаніе ихъ дѣйствитель-

Digitized by Google

ными или недѣйствительными, а также 2) признаніе свойства несостоятельности,—должно быть предоставлено судебному рѣшенію.

Всѣ злоупотребленія въ настоящее время по дѣламъ о несостоятельности возникаютъ изъ за того, что конкурсныя управленія суть—и администраціи и суды: вслѣдствіе этого дѣла тянутся безконечно, нарочно запутываются и незасчитываются оконченными съ цѣлью на содержаніе конкурсовъ поглотить всѣ остатки имущества банкротовъ... При комерческихъ судахъ знаемъ мы такихъ адвокатовъ, професія которыхъ—собственно конкурсныя дѣла, отъ которыхъ они наживаются; при чемъ само собою разумѣется коечто перепадаетъ и на долю членовъ и канцеляріи суда.

При отнятіи же отъ конкурсныхъ управленій власти судебной, всѣ эти злоупотребленія сами собою рушатся: всѣ поводы къ безконечной проволочкѣ дѣла сами собою исчезнутъ и всѣ юридическіе вопросы небудутъ болѣе подвергаться пристрастному сужденію конкурснаго управленія и общаго собранія кредиторовъ, дѣйствующаго всегда подъ вліяніемъ эгоистическихъ цѣлей, но будутъ рѣшаться скоро и окончательно общей судебною властью. Ни кредиторы, ни самъ несостоятельный, если только со стороны послѣдняго дѣла его ведены были честно, неимѣютъ въ настоящихъ формахъ надлежащихъ гарантій: дѣла кредиторовъ рѣшаются пристрастно; а самъ несостоятельный, иногда подъ вліяніемъ сильнѣйшей партіи, безвинно страждетъ и томится въ тюрьмѣ Богъ знаетъ сколько лѣтъ. Съ передачею же юрисдикціи общей судебной власти всѣ эти злоупотребленія сами собою рушатся.

8) Объ администраціяхъ и ея узаконеніяхъ.

Если конкурсныя управленія обратятся въ простыя администраціи, то всѣ статьи закона—о послѣднемъ учрежденіи, начиная отъ ст. 1868 до 1876, кн. XI устава о торговой несостоятельности—должны быть отмѣнены.

По мнѣнію моему: если оставлять существующія формы конкурснаго управленія съ его настоящею юрисдикціею, то по крайней мѣрѣ слѣдуетъ измѣнить многое въ самыхъ узаконеніяхъ объ администраціяхъ. Вслѣдствіе этого я приступаю къ анализу этихъ узаконеній.

1) ст: 1868, допускаетъ администраціи «только по обширнымъ комерческимъ и фабричнымъ дѣламъ и единственно въ столицахъ и *портовыхъ* городахъ, гдѣ существуютъ биржи». Почему бы недопускать эту форму, если ее находятъ полезною, вообще по всѣмъ

Digitized by Google

дѣламъ о несостоятельности? И въ самомъ дѣлѣ, если кредиторы хотятъ возстановить чьи нибудь дѣла безъ объявленія этого лица несостоятельнымъ, то можетъ-ли законъ не содѣйствовать такимъ гуманнымъ намѣреніямъ?.. На практикѣ мы находимъ множество примѣровъ, что общество не смотря на то, что законъ разрѣшаетъ администрацію только подъ вышесказанными условіями, само установляетъ эту форму и она пріобрѣла большое значеніе, въ особенности въ настоящее время, въ дѣлахъ—о несостоятельности помѣщиковъ. Это явленіе доказываетъ ясно, что форма эта сдѣлалась современною потребностью общества.

2) Для установленія администраціи требуется *) еще два другихъ условія: а) чтобы дефицитъ торговаго дома не превышалъ 50% б) чтобы биржевой комитетъ разрѣшилъ открытіе администраціи. Первое условіе безъосновательно: если кредиторы хотятъ сдѣлать несостоятельному благодѣяніе, то какое дѣло закону ставить эти благодѣянія въ извѣстные предѣлы и измѣрять его величиною дефицита?.. Второе условіе также неосновательно: съ какой стати законъ въ дѣлахъ о несостоятельности вмѣшалъ биржевой комитетъ; послѣдній по закону обязанъ избрать 6 человѣкъ изъ почетнѣйшихъ купцовъ, которые совмѣстно съ предсѣдателемъ комитета постановляютъ: слѣдуетъ-ли разрѣшить администрацію или объявить данное лицо несостоятельнымъ. Намъ кажется, что если большинство кредиторовъ желаетъ не погубить несостоятельнаго и возстановить его имя, то тутъ не только биржевому комитету, но кому бы то ни было—нѣтъ никакого дѣла. И желательно только одно, чтобы и здѣсь, подобно какъ при учрежденіи конкурсныхъ управленій, была бы измѣнена система подачи голосовъ, согласно настоящаго моего проэкта: потому что и въ дѣлахъ администраціи несовершенство нынѣшняго порядка подачи голосовъ влечетъ за собою злоупотребленія какъ со стороны самихъ несостоятельныхъ, такъ ровно со стороны крупныхъ кредиторовъ. Примѣръ злоупотребленія послѣднихъ я видѣлъ въ нынѣшнемъ году на Кіевской крещенской ярмаркѣ: въ одной администраціи явилось до 100 человѣкъ; изъ нихъ 99 имѣли на 500 тыс. руб. сер. голосовъ, а одинъ банкиръ Э... изъ эгоистическихъ цѣлей собралъ въ Одесѣ почти на 600 тыс. голосовъ, пріѣхалъ съ ними въ общее собраніе, и всѣ постановленія и выборы сдѣланы собственно имъ; остальныя лица видя свое безсиліе—или вовсе неподписывали протоколовъ общаго

---

*) ст: 1870, 1871. т. XI, торг. устав.

Digitized by Google

собранія или же подписывали ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что этимъ актомъ имъ оказывали только честь...

3) «По ст: 1873, кредиторы уполномочиваютъ особымъ актомъ администрацію: какимъ образомъ дѣйствовать, *не выходя впрочемъ изъ общаго закона уполномоченнаго порядка*». Что подразумѣвалъ здѣсь законъ подъ послѣдними словами? Порядокъ-ли существующій для конкурсныхъ управленій или для опекъ?.. Но намъ кажется, что кредиторы имѣютъ полное право давать администраціямъ такія уполномочія, какія они полагаютъ болѣе сообразными съ ходомъ и обстоятельствами дѣла и это уполномочіе должно подлежать общимъ узаконеніямъ о довѣренностяхъ, безъ всякаго ограниченія.

4) «По ст: 1874, въ случаѣ могущихъ возникнуть между администраторами недоразумѣній, они обязываются испрашивать разрѣшеній отъ наличныхъ кредиторовъ, или отъ комерческаго суда, а гдѣ его нѣтъ отъ магистрата».

Законъ этотъ неясенъ, неопредѣлителенъ и не точенъ.

а) здѣсь говорится о недоразумѣніяхъ, могущихъ возникнуть *между* администраторами или другими словами, когда между ними будетъ *разногласіе* по какому нибудь предмету. Но могутъ быть недоразумѣнія и въ томъ случаѣ, когда между администраторами есть единогласіе.

б) что значитъ въ этомъ законѣ слово *наличные кредиторы*... Мѣстопребываніе администраціи обусловливается мѣстонахожденіемъ администруемаго имущества; а кредиторы могутъ находиться въ другихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ городищенская администрація сахарнаго завода находится въ Кіевской губерніи, черкаскаго уѣзда, въ Городищѣ; а одна половина кредиторовъ живетъ въ Одессѣ другая же въ Кіевской губерніи,—кого же слѣдуетъ считать наличными кредиторами?.. Законъ долженъ былъ бы пояснить, что администрація обязана въ случаѣ недоразумѣній, сдѣлать вызовъ на извѣстный срокъ всѣмъ кредиторамъ для явки ихъ въ мѣстопребываніе администраціи, и тогда само собою разумѣется явившіеся къ сроку кредиторы были бы наличными.

в) Какое дѣло комерческимъ судамъ или магистратамъ вмѣшиваться въ хозяйственныя распоряженія администраціи? Наконецъ какое судебное мѣсто приметъ на свою отвѣтственность разрѣшеніе администраціи какого нибудь торговаго оборота?..

5) «По ст: 1875, если по учрежденіи администраціи, двѣ трети кредиторовъ по числу всей долговой суммы или сами администраторы, единогласно потребуютъ, чтобы дѣло обращено было въ обыкновенное конкурсное, то администрація прекращается».

Этотъ законъ тяжолъ для кредиторовъ: по статьѣ 1870, для установ-

Digitized by Google

ленія администраціи требуется простое большинство; а для прекращенія ея $^2/_3$ голосовъ. Вслѣдствіе такихъ началъ нетостоятельный, выпустивъ фальшивыя обязательства, легко можетъ пріобрѣсти простое большинство и тогда дѣло его навсегда выиграно потомучто ст: 1875 закрываетъ навсегда всѣмъ его кредиторамъ возможность достигнуть признанія его несостоятельнымъ: потомучто въ рѣдкихъ случаяхъ есть возможность собрать $^2/_3$ кредиторовъ; притомъ несостоятельному всегда есть возможность выпустить фальшивыхъ документовъ болѣе нежели на треть всей конкурсной массы, тѣмъ болѣе, что администрація вовсе не входитъ въ разборъ свойства и законности документовъ. По этимъ причинамъ я полагаю, что было бы полезно общему собранію $^2/_3$ кредиторовъ предоставить право доказывать въ судѣ неправильность учрежденія администраціи, злостность даннаго должника и невѣрность представленнаго имъ баланса.

6) по ст: 1876, для банковъ дѣлается исключеніе: а именно кредиторы, учреждающіе администрацію, должны дать обязательства, что если дѣла ихъ пойдутъ не хорошо, то банки получаютъ сполна удовлетвореніе. Законъ этотъ имѣетъ неблагопріятное вліяніе на учрежденіе администрацій: такъ какъ онъ грозитъ кредиторамъ окончательнымъ разореніемъ.

Digitized by Google

ІЕРОНІМЪ САВОНАРОЛА

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОНОГРАФІИ.

«Anzi noi ha remo sempre a sospetto d'eretico, chi l'impugnasse».

Отзывъ папы Павла III о Савонаролѣ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

На великой аренѣ исторіи часто рядомъ съ крайнимъ увлеченіемъ жизнію, рядомъ съ самымъ утонченнымъ развратомъ, возникаетъ совершенно противоположное направленіе, заключающееся въ стремленіи возвратиться къ первобытному состоянію, стремленіи, необходимо порождающемъ собою крайній аскетизмъ. Эти два діаметрально противоположныя направленія не составляютъ исключительной принадлежности какой либо одной эпохи, одного столѣтія; ихъ можно открыть во всемъ теченіи исторической жизни человѣчества. Одинъ изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ историковъ, Фридрихъ Шлоссеръ, доказалъ намъ всю справедливость этого положенія, прослѣдивъ картину такихъ контрастовъ черезъ всю всемірную исторію, начиная съ древнихъ временъ и оканчивая позднѣйшими вѣками (1). Такъ въ Индіи, рядомъ съ господствующею роскошью, мы встрѣ-

---

1) *Schlosser*. Weltgeschichte für das deutsche Volk, bearbeitet von Krieck, Fr.-am.-Main. 1844. 16 vls. T. II, p. 273—275.

Digitized by Google

чаемъ суровую проповѣдь бранцовъ о самоотверженіи. Пѣсни малоазійскихъ грековъ, служащія безъ сомнѣнія выраженіемъ современнаго имъ греческаго общества, рельефно раздѣляются на двѣ противоположныя категоріи; однѣ изъ нихъ призываютъ къ полному наслажденію жизнію, въ матеріальныхъ удовольствіяхъ считаютъ настоящее призваніе человѣка; напротивъ того другія проповѣдываютъ ничтожество и пустоту всѣхъ чувственныхъ наслажденій и выставляютъ за образецъ жизни, исключительно достойный человѣка—блаженство созерцательнаго покоя. Римъ, какъ республиканскій такъ и императорскій, представляетъ еще нагляднѣе эти противоположныя картины; большинство римлянъ утопаетъ въ самомъ безсовѣстномъ развратѣ, совершаетъ самыя неслыханныя преступленія, а меньшинство стоиковъ, состоявшее лишь изъ нѣсколькихъ благородныхъ людей, въ строгихъ правилахъ лишенія ищетъ спасенія отъ всеобщей испорченности нравовъ. Позднѣе, въ предѣлахъ той же римской имперіи, во время жестокихъ гоненій на христіанство, среди безнравственности господствовавшаго язычества, среди грубости вторгавшихся варварскихъ народовъ, возникаетъ первое христіанское монашество. Вообще отшельничество, по непреложному историческому закону, появлялось лишь тогда, когда современное общество достигало высшей точки безнравственности, когда людямъ съ нѣкоторою силою воли и съ благороднымъ направленіемъ предстояло раздражаться каждую минуту, видя духовную гибель своихъ братьевъ, и только однѣ стѣны монастырскія или непроходимыя дебри лѣса въ состояніи были успокоить человѣка, поставившаго самосовершенствованіе цѣлью своей жизни. Такъ въ начальныя эпохи жизни первыхъ европейскихъ обществъ, возникшихъ на развалинахъ римской имперіи, монахи составляли единственное отрадное исключеніе изъ общаго невѣжества и застоя. Въ средніе же вѣка, въ XII и XIII столѣтіяхъ, когда дикая грубость и разбой составляли характеристическую черту всей жизни, когда монашество уже давно утратило прежнюю чистоту, когда рыцарство предавалось роскоши и разврату, когда духовенство и тампліеры утопали въ самомъ страшномъ распутствѣ, — возникли ордена нищенствующихъ францисканскихъ и картезіанскихъ монаховъ, которые жизнью и ученіемъ представляя радикальную противоположность общему духу времени, пріобрѣли всеобщее сочувствіе. Въ XIV и XV столѣтіяхъ въ Нидерландахъ, гдѣ быстрое развитіе матеріальнаго благосостоянія повело за собою упадокъ нравственности,—появились благочестивые бегины и бегарды, поставлявшіе цѣлью своей жизни покаяніе, и въ цѣлой странѣ не было мѣстечка, гдѣ бы не было этихъ сектантовъ. Также позднѣе является Ѳома Кемпійскій, проповѣдующій строгую, благочестивую и созерцательную

Digitized by Google

жизнь. Въ Англіи, при роскошныхъ Стюартахъ, возникло учеміе квакеровъ и пуританъ, требовавшихъ самаго строгаго воздержанія и полнаго отреченія отъ всего что только можетъ наводить на удовольствіе. В о Франціи при пышномъ и блестящемъ дворѣ Людовика XIV, являются строгіе янсенисты.

Великіе таланты, составляющіе непремѣнную принадлежность таковыхъ личностей, ихъ добродѣтельная, безкорыстная, почти святая жизнь, далеко неравная борьба одного съ цѣлою массою, удивительная смѣлость и самопожертвованіе, наконецъ ихъ трагическая смерть, служащая вѣнцомъ неудавшагося предпріятія,—все это носитъ на себѣ слѣды чего то высокаго, фантастическаго, невольно привлекающаго къ себѣ своимъ обаятельнымъ содержаніемъ вниманіе потомства. Историкъ же обращаетъ на нихъ серьезное вниманіе, какъ на людей, служащихъ звеньями развитія и прогреса человѣчества, какъ на людей великихъ, имѣющихъ огромное значеніе въ исторіи, какъ на людей, изученіе которыхъ приноситъ осязательную пользу потомству, часто повторяющему въ своей собственной исторіи прежніе фазисы человѣческаго развитія.

Іеронимъ Савонарола принадлежитъ именно къ такимъ геніальнымъ личностямъ. Дѣло, за которое онъ палъ, было дѣло великое; если и существовали крайности въ направленіи, которое онъ хотѣлъ дать своимъ современникамъ, если и были нѣкоторыя ошибки въ его поступкахъ и дѣйствіяхъ, то онѣ происходили лишь отъ крайней преданности его своему дѣлу, своимъ убѣжденіямъ, выработаннымъ съ безупречною честностью намѣренія; его высокое для того времени образованіе, строгое нравственное направленіе, изумительная сила воли и твердость характера, служащая всегда зародышемъ великихъ дѣлъ, наконецъ обнаруженныя имъ несомнѣнныя государственныя способности—даютъ ему право быть въ ряду первокласныхъ историческихъ лицъ. Величіе идеи, которой суждено было осуществиться лишь черезъ четыре столѣтія и за которую онъ такъ страстно боролся въ теченіи всей своей проповѣднической дѣятельности, дѣлаетъ его однимъ изъ великихъ пророковъ—мучениковъ Италіи. Слѣдовательно, какъ по своему значенію въ исторіи, такъ и по отношенію къ Италіи, Савонарола требуетъ внимательнаго и серьезнаго изученія; но прежде нежели приступить къ изложенію его біографіи и къ изображенію его нравственно-религіозной и политической дѣятельности намъ необходимо бросить взглядъ на состояніе современнаго ему общества и на политическія судьбы города, среди котораго ему суждено было дѣйствовать. Тогда пластичнѣе выдается передъ нами этотъ строгій обликъ монаха—

Digitized by Google

гражданина XV вѣка (1).—Съ именемъ эпохи il rinascimento, la renaissance, возрожденіе, соединяется представленіе объ одномъ изъ тѣхъ великихъ пробужденій духа и ума человѣческаго, которое сильно вліяя на послѣдующія поколѣнія, составляетъ капитальнѣйшее явленіе, совершенно измѣняющее судьбу и направленіе цѣлаго человѣчества. Два важныхъ событія, стоящія на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, не имѣвъ рав-

---

I. Новѣйшій французскій біографъ Савонаролы Perrens, такъ отзывается о трудности изложенія жизни Іеронима: «Il règne sur lavie entière de Sawonarole une incertitude extrême, la chronologie en est embarassée, et les événements les plus notables ont été dénaturés par les auteurs; il y a des nombreuses lacunes, qui ne peuvent etre expliquées, que par l'ignorance des biographes ou la négligence des historiens. Les différentes parties du récit n'offrent aucun rapport, et l'histoire disparaît sous tant des légendes incroyables, que nous regardons comme impossible d'éléver une étude quelconque sur des bases aussi peu solides, Sauf quelques pages d'histoire sincéres, mais éparpillées et incomplétes. nous ne trouvons qu'apologies ou détractions dans les livres, que nous avons consultés (*Cantu*. Histoire des Italiens, traduite par Lacombe. 1860. T. VII, p. 257). Дѣйствительно встрѣчается бездна противорѣчій при чтеніи матеріаловъ для исторіи Савонаролы; но всѣ они болѣе или менѣе касаются подробностей; что же касается до главныхъ фактовъ, то историки сходятся въ нихъ между собою. Заслуга Перренса состоитъ во внимательномъ изслѣдованіи всѣхъ мельчайшихъ подробностей и во внесеніи здраваго прагматизма въ свою біографію; но къ сожалѣнію первое изданіе его Jérome Savonarole, Paris, 1853, уже не существуетъ болѣе въ продажѣ; оно гораздо важнѣе втораго изданія, 1856 года, которымъ мы принуждены были пользоваться. Сочиненіе это при своемъ появленіи встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ въ ученомъ мірѣ; по французскому обыкновенію оно было признано апогеемъ своего рода, а Вильменъ въ видахъ удобства публики предложилъ автору выпустить при слѣдующемъ изданіи всѣ ссылки и цитаты, какъ затемняющія дѣло; все сказанное въ текстѣ сочиненія, есть уже, по словамъ этого ученаго, строго доказанная истина, не допускающая никакого сомнѣнія; такимъ образомъ, благодаря ученому содѣйствію Вильмена, провѣрка выводовъ Перренса оказалась невозможною; необходимо было постоянно справляться въ другихъ источникахъ, число которыхъ впрочемъ довольно значительно. Но прежде нежели говорить объ нихъ, мы предложимъ раздѣленіе ихъ на 4 групы, смотря по степени отношенія этихъ сочиненій къ предмету изложенія; подобное дѣленіе, кажется намъ, имѣетъ мѣсто при всякой біографіи. Къ первой категоріи мы относимъ труды современниковъ Савонаролы; изъ нихъ мы пользовались:

II. *Guicciardini*. Storia d'Italia. 10 vls. Milano. 1803; сочиненіе это было посвящено племянникомъ автора герцогу Тосканскому въ 1561 году. Francesco Guicciardini род. 6 марта 1482, умеръ 27 мая 1540, большую часть жизни провелъ во Флоренціи, слѣд. юношей былъ современ-

Digitized by Google

ныхъ себѣ по значенію во всю послѣдующую исторію; мы подразумѣваемъ совершившіяся въ то время открытія и изобрѣтенія, имѣвшія болѣе матеріальное значеніе, и возрожденіе наукъ и искуства древняго міра, давшее новое направленіе духу человѣческому. Но, какъ и надо было ожидать, знакомство съ классиками не принесло съ перваго раза большой пользы; эта польза явилась впослѣдствіи, когда слѣдующее поколѣніе освоилось

никомъ изображаемыхъ имъ событій, обнимающихъ періодъ отъ 1494—1520 года. Сочиненіе заключается въ 20 книгахъ.

III. *Nardi*. Le storie della cittá di Firenze di M. Jacopo Nardi, cittadino fiorentino. Dove con tutte le particolaritá, che si possono desiderare, si contieue cio, che dall'anno 1494 sino all'anno 1531 é successo. In Firenze. 1584. Edizione del Bartolomeo Sermortelli. in 4. p. 390. Посвящено Александру Медичи, кардиналу и архіепископу флорентійскому. Въ 9 книгахъ.

IV. Собственныя сочиненія Савонаролы, изданныя въ Венеціи въ 1543—1547 годахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Prediche del reverendo padre fra *Girolamo Savonarola* da Ferrara, accolte per Messer Lorenzo Violi, notajo fiorentino, parte in Santa Maria del Fiore e parte nella chiesa di Santo Marco di Firenza. Edizione del Bascarini. 6 vls. Посвящено герцогу Феррарскому. О внѣшности этого рѣдкаго въ настоящее время изданія мы будемъ говорить впослѣдствіи, при разборѣ сочиненій Савонаролы. Сюда входятъ большею частію его проповѣди и только одинъ томъ посвященъ богословскимъ сочиненіямъ;—его назидательныя письма изданы Ралломъ:

V. Die wirklichen Schriften des Märtyrers Hieronimus Savonarola; zur Belebung christlichen und kirchlichen Sinnes übertragen von Georg *Kapp*, Pfarrer zu Oberurbach. Stuttg. 1839. 29 и 319 стр. in 12. — Классическимъ сочиненіемъ Макіавелли: «Delle storie fiorentine» мы пользовались лишь для исторіи Медичи; въ немъ ни слова не упоминается о Савонаролѣ; свое сочувствіе къ нему Макіавелли высказываетъ въ другомъ своемъ трудѣ: «De'discorsi sofra la prima deca di Tito Livio.» Къ источникамъ второй категоріи относятся монографіи, исключительно посвященныя Савонаролѣ. Вотъ ихъ полное собраніе, расположенное въ хронологическомъ порядкѣ:

VI. *Spangenberg*. Historie von Leben, Lehre und Tod H. Sawonarola's. Witte. 1557.

VII. *Neri* (Tomasso). Apologia del padre Savonarola. Fir. 1564.

VIII. *Pico della Mirandola*. Vita Hieronimi Savonarolae, notis, additionibus, actis, diplomatibus, epistolis etc. aucta et illustrata. Par. 1674. 2 vls.

IX. *Buddeus*. Disputationes duae de artibus tyrannicis Hieronimi Savonarolae. Jen. 1690.

X. *Burlamacchi*. Vita di Girolamo Savonarola. Lucca 1764; Liv. 82; Ven. 1829.

Digitized by Google

ъ нихи посерьезнѣе, вникнуло въ нихъ духъ и направленіе. Блестящая болочка привлечетъ къ себѣ больше поклонниковъ, нежели скрытое внутг богатое содержаніе; въ особенности если что содержаніе не вознаграждетъ сразу за трудъ, употребленный на его открытіе. Такъ было и съ об-

---

Этимъ сочиненіемъ, какъ однимъ изъ полнѣйшихъ, пользовались преимущественно всѣ позднѣйшіе біографы.

XI. *Scarponio*. Vita del padre Girolamo Savonarola dell'ordine de'Precatori. Fir. 1781. Злая сатира.

XII. *Barsanti*. Della storia del padre Girolamo Savonarola. Liv. 1782.

XIII. *Rudelbach*. Hierenimus Savonarola und seine Zeit. Hamb. 1835.

XIV. *Meier*. Girolamo Savonarola. Berlin.

XV. *Carle*. Histoire de fra Savonarola, Par. 1842.

XVI. *Hase*. Neue Propheten. Hamb. 1851.

XVII. *Perrens*. Jérome Savonarole d'aprés les documents originaux et ec des piéces justificatives en grande partie inédites; ouvrage couronné r l'Academie française. 2, édition. Paris. 1856. p. 414 T. in 12. Нѣмецкій переводъ Шредера. Braunschweig. 1858. Мы уже имѣли случай оминать объ этомъ сочиненіи; оно, какъ лучшее въ своемъ родѣ, будетъ главнымъ нашимъ руководителемъ; но замѣтимъ, что его необходимо пристально свѣрять съ прочими источниками; притомъ авторъ обращаетъ мало вниманія на современную Савонаролѣ исторію и въ этомъ ношеніи далеко не удовлетворителенъ. Къ сожалѣнію большей части иведенныхъ выше сочиненій не находится въ Публичной Библіотекѣ; і должны были, по необходимости, довольствоваться кромѣ Перренса чиненіями Нери и Карля, критическій разборъ которыхъ послѣдуетъ въ оемъ мѣстѣ. Къ третьему разряду источниковъ принадлежатъ труды бое обширные, имѣющіе предметомъ преимущественно общую исторію орентіи:

XVIII. *Varillas*. Les anecdotes de Florence ou l'histoire secrète de la aison de Medicis. A la Haye, 1685. p. 322, 1 и 12. Какъ большая сть французскихъ историческихъ сочиненій, не имѣли важнаго значенія, отсутствію эрудиціи; изложеніе довольно интересное.

XIX. *Lorenzo Pignotti*. Storia della Toscana sino al principato con disi saggi sulle scienze, lettere, e arti. Pisa. 1815, 10 vls. Это сочинеоканчивается 1537 годомъ; продолженіемъ его можетъ служить трудъ lluzzi въ 10 книгахъ, обнимающій время до 1737 года.

XX. *Sismondi*. Histoire des républiques italiennes du moyen age. Brux, 1826. 12 vls. Капитальный, серьезный трудъ, получившій почетную вѣстность въ исторіографіи; составляетъ одно изъ немногихъ отрадныхъ ключеній французской исторической литературы.

Къ послѣдней, четвертой категоріи принадлежатъ сочиненія еще боо отдаленныя отъ нашей узкой рамки, біографіи одной личности; на къ мы должны обратить вниманіе по отношенію къ авторамъ этихъ

Digitized by Google

шествовъ XV вѣка; средневѣковымъ людей поразило свободное, живое слово, льющееся прямо изъ души древняго писателя, нестѣсненное никакимъ руслемъ, никакими препятствіями; все, сказанное Виргиліемъ, Горацієм, Овидіемъ, Цицерономъ и другими, казалось имъ совершенно, безусловно вѣрнымъ. Находясь подъ чарующимъ вліяніемъ живого, ефектнаго изложенія, они не хотѣли понять той истины, что всякому поколѣнію суждены свои убѣжденія, вырабатываемыя извѣстнымъ культомъ, извѣстными обстоятельствами; они забыли то, что ихъ, людей христіанства, осѣняетъ другое направленіе, что имъ присущи другія мнѣнія, другія взгляды.

Съ легкой руки Данте, Петрарка Боккачіо, этихъ великихъ всемірныхъ поэтовъ, выросшихъ на классической почвѣ Италіи, общество дѣятельно принялось за изученіе классиковъ, за разборку древнихъ рукописей; изобрѣтеніе книгопечатанія быстро двинуло эту работу. Какъ всегда въ средніе вѣка, въ дѣлѣ науки и литературы шло впереди католическое духовенство; въ своемъ увлеченіи и оно забыло, что приготовляетъ само себѣ гибель; возрожденіе, породившее реформацію, было для духовенства карой за его поведеніе въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Имѣя за себя, казавшійся несокрушимымъ, авторитетъ, имѣя огромное вліяніе на всѣхъ государей западной Европы, а черезъ нихъ и страшную физическую силу,

---

трудовъ, имѣющихъ цѣлью полную исторію Италіи; приговоры ихъ опредѣляютъ мѣсто одного лица, въ ряду цѣлой фаланги другихъ личностей. Изъ такихъ общихъ исторій Италіи считаются относительно лучшими, два слѣдующіе труда, совершенно противоположные по направленію и взглядамъ.

XXI. *César Cantu*. Histoire des Italiens, traduite par Lacombe Paris, 1860. 12 vls. По неимѣнію итальянскаго подлинника мы брали его во французскомъ переводѣ. Живого, симпатичнаго направленія, но не безъ пропусковъ въ фактахъ.

XXII. *Heinrich Leo*. Geschichte der italienischen Staaten. Hamb. 1829 1830. 5 vls, — написано авторомъ для обширнаго изданія Heeren und Uckert—исторіи еврейскихъ государствъ. Клерикальнаго направленія, притомъ гораздо короче Кантю. Къ этому же отдѣлу мы относимъ всеобщія исторіи: и др. Шлоссера, Беккера Приговоры такого человѣка какъ Шлоссеръ, слишкомъ всегда важный, неотъемлемый авторитетъ.—Мы не указываемъ здѣсь на многія другія сочиненія, на которыя намъ необходимо было ссылаться въ разныхъ мѣстахъ предлагаемаго труда; они касаются болѣе исторіи духовнаго состоянія того времени.—На англійскомъ языкѣ нѣтъ сколько нибудь замѣчательныхъ сочиненій, относящихся къ біографіи Савонаролы; въ русской литературѣ есть одна небольшая статья, помѣщенная въ каномъ то журналѣ, но при всемъ нашемъ стараніи мы не могли ею воспользоваться.

Digitized by Google

оно не предвидѣло, что въ классикахъ кроется для него зерно будущаго разложенія всего общества за то ужасное состояніе невѣжества, въ которое оно было погружено, благодаря стараніямъ духовенства.

Духовенство дѣятельно занималось изученіемъ древнихъ и слѣдовательно получало отъ нихъ тѣ же плоды, какъ и прочіе классы общества. Призванные быть вождями, представителями христіанства, духовные по своимъ убѣжденіямъ не вышли исключеніемъ изъ массы общества; въ то самое мгновеніе, когда въ алтарѣ совершалась безкровная жертва, священники въ богохульныхъ выраженіяхъ отрицали ее. При дворѣ самого папы въ теченіи почти всего XV и первой половины XVI вѣка было въ модѣ противорѣчить христіанскимъ началамъ. Тотъ не считался образованнымъ изъ духовенства, кто не держался мнѣній, противныхъ христіанству. Только въ шутку говорили при дворѣ о догматахъ католической церкви, о текстахъ св. Писанія; таинства вѣры даже не уважались (¹). Христіанскіе интересы потеряли всякое значеніе въ глазахъ папы; зная это, ему предлагаютъ крестовый походъ противъ Палестины, не съ цѣлью освобожденія святой земли, а съ цѣлью пріобрѣтенія древнихъ затерянныхъ рукописей греческихъ, а можетъ быть даже и римскихъ (²). «Исключительно преданные земнымъ интересамъ, говоритъ Гвичіардини, «папы заботились лишь о расширеніи своей территоріи и на престолѣ «св. Петра возсѣдали не первосвященники, а короли. Никто не думалъ «поддерживать величіе и достоинство самого первосвященничества; каж«дый папа заботился лишь о своихъ дѣтяхъ, думалъ какъ бы доста«вить имъ могущество, княжества, королевства. Религія, святая жизнь, до«бродѣтель не занимали уже болѣе духовныхъ владыкъ; страстно домога«ясь лишь раздоровъ и смутъ, они дерзали приносить святую жертву ру«ками, только что омоченными въ человѣческой крови... Единственная «ихъ забота заключалась въ придумываніи разныхъ болѣе или менѣе ис«кусныхъ способовъ къ увеличенію своихъ сокровищъ. Папы не совѣсти«лись заставлять служить духовныя средства къ удовлетворенію своей нена«сытной алчности; они не стыдились позорно торговать священными пред«метами, какъ самыми обыкновенными. Богатства, которыми обладали

---

¹) *Leopold Ranke*. Die römische Päpste, ihre Kirche u. ihr Staat im 16-ten und 17-ten Jahrh. Berlin. 1838. 3 B. T. I, p. 74.

²) Ibidem. p. 70.

Digitized by Google

«папы, влекли за собою пышность, роскошь, порчу нравовъ и гнусную «невоздержность. [1])»

Савонарола, всю жизнь свою посвятившій борьбѣ съ развратнымъ направленіемъ духовенства, въ своихъ проповѣдяхъ постоянно упоминаетъ про эту испорченность нравовъ, какъ бы возраставшую постепенно съ приближеніемъ къ высшимъ степенямъ этого сословія, дошедшую въ современникѣ Джироламо—папѣ Александрѣ VI, до nec plus ultra, до художественности въ своемъ родѣ. Вотъ въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ отзывается Савонарола объ духовенствѣ, въ одной изъ своихъ горячихъ проповѣдей, съ кафедры Флорентинской кафедральной церкви Santa-Maria-del-fiore: «Что мнѣ сказать объ развратѣ нашего духовенства. Всѣ дни они проводятъ въ пустой болтовнѣ съ женщинами. Каждый день дѣлаютъ визиты своимъ родственницамъ. Они бываютъ вездѣ. Зная какую жизнь ведутъ они, не позволяйте вашимъ дѣтямъ оставаться съ ними наединѣ; берегите ихъ. Духовные отцы не разлучаются и въ церкви съ женщинами. Часто видали въ храмахъ женщинъ, одѣтыхъ въ костюмъ клериковъ, прислуживавшихъ прелатамъ вмѣстѣ съ послѣдними [2]).» Въ біографіи Савонаролы намъ невольно придется встрѣчаться съ подобными проповѣдями великаго бойца правды. И не одинъ онъ говорилъ это; общій голосъ всѣхъ сколько нибудь не невѣжественныхъ класовъ общества не только Италіи, но и всей католической Европы громко вопіялъ противъ духовенства. Если, какъ мы сейчасъ увидимъ, и само свѣтское сословіе вело довольно пустую, даже нѣсколько развратную жизнь, то можно судить каково же было состояніе духовенства, если даже такого рода люди рѣшились порицать его, притомъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Картина безотрадная представляется взору историка; тѣ, которые, по своему призванію, должны были бы поддерживать общую нравственность, показывали самый дурной примѣръ и влекли за собою въ развратъ цѣлыя массы. «Горе намъ, восклицаетъ одинъ прелатъ; кто дастъ глазамъ моимъ источникъ слезъ? Даже вѣрные отпали; вертоградъ господень опустошонъ. Еслибы только одни эти вѣрные погибли, то было бы зло все еще снос-

---

[1]) *Guicciardini*. Storia d'Italia. 1803. t. II, p. 294; libro 4. Этому мѣсту предшествуетъ довольно полное изложеніе исторіи папской власти.

[2]) Изъ нравственнаго чувства мы не рѣшаемся приводить этой проповѣди; Савонарола не поскупился на самыя циническія краски для изображенія развратной жизни духовенства: *Perrens*. Jérome Savonarol. 1856. p. 72.

Digitized by Google

ное; но они, какъ нервы, разлились по всему христіанскому міру; слѣдомъ за ихъ паденіемъ необходимо послѣдуетъ гибель всего міра [1].»

Матеріалистическое направленіе, распространялось въ свѣтскомъ обществѣ конца XV вѣка; конечно нельзя сказать что это направленіе было общее для всѣхъ сословій; духъ свободнаго мышленія, какъ имѣвшій тѣсную связь съ образованіемъ, необходимо долженъ былъ разлиться лишь въ сферахъ высшихъ, которымъ однимъ были доступны средства для образованія. Философіи Петра Помпонаццо, отрицавшей безсмертіе души, могли сочувствовать лишь на высшихъ класахъ общества [2]. Послѣдніе если ходили въ Витиканъ, то не для молитвы апостоламъ, а для того, чтобы во дворцѣ папы подивиться великимъ произведеніямъ древняго искуства, Аполлону Бельведерскому и Лаокаону [3]. Простонародье же оставалось вполнѣ вѣрнымъ религіи и духовенству, съ ревностью исполняя всѣ обряды церкви; среднее сословіе, если колебалось въ религіи, то вело жизнь не менѣе пустую, какъ и аристократія. Два послѣдніе класа всегда подразумѣваютъ современики, когда въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ характеризуютъ свою родиву: «флорентійцы заботились лишь о томъ, какъ бы въ пѣгѣ и праздности провести дни свои; они разорвали всякую связь съ преданіями своихъ предковъ; съ крайнимъ и невыносимымъ невоздержаніемъ стремятся они по дорогѣ безстыднѣйшихъ и гнуснѣйшихъ пороковъ. Отцы ихъ цѣ-

---

[1]) *Leopold Ranke*. Die römischen Päpste T. I. p. 61.

[2]) Петръ Помпонацо или Перотто, какъ называли его за малый ростъ, — падуанскій професоръ, одинъ изъ замѣчательныхъ итальянскихъ философовъ эпохи возрожденія, послѣдователь Аристотеля, род. въ 1462 году. Главнѣйшія изъ его сочиненій: De immortalitate animi; De fato, libero arbitrio, praedestinatione et providentia. Первое изъ нихъ изданное имъ въ 1516 году встрѣтило, какъ и слѣдовало ожидать, многихъ враговъ и даже было публично сожжено въ Венеціи; но впослѣдствіи, поддержка папы Льва X дозволила ему снова перепечатать его съ нѣкоторыми поправками; Помпонацо долженъ былъ такъ переставить свое заключеніе, что если онъ отвергаетъ философскія доказательства о безсмертіи души, то не сомнѣвается нисколько въ справедливости откровенія, которому, равно какъ и авторитету церкви, онъ объявляетъ совершенную покорность. Замѣтимъ, что подобныя убѣжденія были высказаны съ каѳедры Падуанскаго университета, который въ продолженіе болѣе нежели цѣлаго столѣтія, былъ средоточіемъ Итальянскаго безбожія. *Галламъ*. Исторія Европейской Литературы 15 и 16 столѣтія; русскій перев. Чижова Спб. 1839. Т. I, p. 221, 268, 325. Русскій переводъ по полнотѣ и библіографическимъ указателямъ превосходитъ англійскій подлинникъ.

[3]) *Leopold Ranke*. Die römischen Päpste. T. I. p. 70.

Digitized by Google

ною трудовъ, тяжкихъ усилій, добродѣтели, воздержанія и честности сдѣлали цвѣтущимъ свое отечество; они же, напротивъ, оставивши въ сторонѣ всякую совѣсть, самымъ спокойнымъ образомъ предались игрѣ, вину, самымъ позорнымъ удовольствіямъ. Погрязнувши въ распутствѣ, они предаются постояннымъ оргіямъ. Имъ, причастнымъ всѣмъ злодѣйствамъ, всѣмъ преступленіямъ, общее презрѣніе закона и правосудія обѣщаетъ полнѣйшую безнаказанность. Существуетъ особенное нахальство въ шалости и дерзости. Легкость нравовъ проявляется въ непростительномъ снисхожденіи къ проступку; утонченность видна въ самомъ злословіи и болтливости. Во всемъ проявляется безсиліе, истощеніе, безпорядокъ; лѣность, трусость сдѣлались отличительными чертами ихъ жизни [1])». Другой современникъ Бенивіени [2]), выставляя на видъ упадокъ религіи, обвиняетъ въ порокахъ и безнравственности уже не одну Флоренцію, но всю Италію: «Несправедливость и грѣхъ размножились въ Италіи, говоритъ онъ, потомучто страна эта потеряла христіанскую вѣру. Обыкновенно думаютъ теперь, что все на свѣтѣ, въ особенности же человѣческія дѣйствія, не имѣетъ другой причины, кромѣ слѣпого случая. Иные думаютъ, что все управляется движеніемъ и вліяніемъ небесныхъ тѣлъ. Отрицаютъ будущую жизнь, издѣваются надъ религіей. Мудрецы міра сего считаютъ вѣру предметомъ очень обыкновеннымъ, годнымъ только развѣ для женщинъ и глупцовъ. Нѣкоторые же видятъ въ ней лишь призракъ человѣческаго воображенія... Вся Италія, а особенно Флоренція, преданы безбожію... Даже женщины отвергаютъ вѣру Христову; всѣ, и мужчины и женщины, вернулись къ языческимъ обрядамъ; всѣ занимаются изученіемъ языческихъ писателей, астрологіей и всякимъ невѣріемъ [3])».

Подобное отрицательное состояніе общества было однако же необходимо въ силу того непреложнаго закона, по которому историкъ извиняетъ чело-

---

[1]) *Perrens*, Jerome Savonarole; p. 28, 29. Такой отзывъ даетъ историкъ Брато.

[2]) Бенивіени (1453—1542) перевелъ на итальянскій языкъ трактатъ Савонаролы. De simplicitate vitae christianae; какъ поэтъ, онъ не блеститъ особенными достоинствами, но былъ важенъ въ эту эпоху, какъ звѣно, соединяющее грубость литературы 15 съ мощностью 16 столѣтія. Итальянскіе критики, какъ Карвіани, Муратори, находятъ его натянутымъ въ выраженіи чувствъ, въ выборѣ низкихъ словъ и неудовлетворительномъ въ общей гармоніи его стихотвореній. *Галламъ*; Т. I, p. 497.

[3]) *Perrens*, Jérome Savonarole. p. 44, 45.

Digitized by Google

вѣчеству и его ложные, ненормальные пути, если только они ведутъ къ великой цѣли. Отвѣтственность значительно спадетъ съ людей XV вѣка, если мы вспомнимъ, что это печальное нравственное направленіе явилось какъ необходимое слѣдствіе, какъ неминуемое отраженіе прежняго покорнаго подчиненія сухимъ, средневѣковымъ авторитетамъ, имѣвшимъ значеніе въ свое время, а въ настоящую эпоху уже совершенно отжившимъ. Какъ въ природѣ, физическій законъ требуетъ равенства угловъ паденія и отраженія, такъ и въ жизни человѣчества положеніе стѣсненное, сдавленное, при извѣстномъ толчкѣ образуетъ діаметрально-противоположное состояніе, которое, мало по малу измѣняясь къ лучшему, вполнѣ наконецъ удовлетворяетъ прежней, желанной задачѣ и только въ эту минуту совершается настоящій прогресъ въ ходѣ человѣческой жизни: XV и XVI столѣтіе готовили будущее твердое нравственное развитіе, которое, уже само собою совершенствуясь и развиваясь постепенно, достигло блестящихъ результатовъ, а эти самые результаты ждутъ еще въ свою очередь дальнѣйшаго развитія. Слѣдовательно мы должны не столько винить то общество, сколько средневѣковое поведеніе людей, призваныхъ быть его руководителями, а не палачами, не врагами его нравственнаго развитія. Писатели, служащіе всегда вѣрнымъ отголоскомъ желаній своихъ современниковъ, подъ прикрытіемъ переводовъ и подражаній древней классической литературѣ, хотомъ требовали реформы. Рѣдко такое желаніе выражалось прямо; чаще всего оно скрывалось подъ алегорическими формами, характеризующими литературу того времени. Мы познакомимъ читателей хотя въ немногихъ словахъ съ этими писателями, важными не только въ ихъ историческомъ значеніи, но также по красотамъ и достоинствамъ, заключающимся въ ихъ произведеніяхъ [1]). Но мы не будемъ упоминать про Полиціано, Луиджи Пульчи,

---

[1]) Для литературы эпохъ возрожденія кромѣ *Галлама* можно указать какъ на лучшія: *Voigt* Die Wiederbelebung des classischen Alterthums. Berlin. 1859,—исключительно для 15 вѣка. Потомъ упомянемъ про извѣстный трудъ *Мейнерса*, тщательность котораго оспариваетъ его давность: Lebensbeschreibung berühmter Männer aus der Zeiten der Wiederherstellung der Wissenschaften. 1795—1797. 1 vls. *Heeren*. Geschichte des Studiums der classischen Litteratur, Göttingen 1797, —до 16 вѣка.—Изъ общихъ исторій итальянской литературы капитальными считаются три серьезные труды: I) *Tiraboschi*: Storia della literature italiana 12 vls. in 4 1785. Roma; доведено до 17 столѣтія. Авторъ родомъ изъ Бергамо, іезуитъ, былъ библіотекаремъ принца Моденскаго; очень сносная исторія духовнаго развитія Италіи.

Digitized by Google

про универсальнаго Альберти, про многосторонній геній Леонардо де-Винчи, совмѣщавшаго въ себѣ и творца тайной вечери и прекраснаго писателя и первоклассного механика и оптика того времени, даже не будемъ говорить про великаго «Orlando furioso»,—всѣ эти болѣе или менѣе важные писатели не такъ тѣсно связаны съ предметами нашего изложенія, какъ тѣ личности, которыя имѣли одни желанія и стремленія съ Савонаролой, одни задушевныя съ нимъ убѣжденія. Для насъ гораздо важнѣе, напримѣръ: *Мантуанъ* (1448—1518) необлестящій въ своихъ латинскихъ eclogae и silvae, но замѣчательный именно по своимъ сатирамъ на римскій дворъ; до религіи впрочемъ онъ не касался. Современники же, напротивъ, восхищались упомянутыми нами латинскими произведеніями; послѣднія они считали едва ли не равными Виргиліевымъ, а маркизъ Мантуанскій, предупреждая общее желаніе поставилъ ихъ статуи одну подлѣ другой. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отдать преимущество *Понтану* (1426—1508), который за свои латинскіе гекзаметры заслужилъ похвалу даже Эразма роттердамскаго, извѣстнаго германскаго гуманиста, всегда скупаго на сочувствіе къ итальянскимъ писателямъ; дѣйствительно, по нѣкоторымъ элегіямъ, его ставятъ наравнѣ съ Полиціаномъ, первымъ писателемъ того времени. Понтанъ между прочимъ написалъ нѣсколько нравственныхъ и политическихъ отвѣтовъ въ прозѣ, наполненныхъ справедливыми замѣчаніями и ѣдкою сатирой на римскій дворъ; прекрасный языкъ этихъ произведеній дѣлалъ ихъ популярными и способствовалъ сильному распространенію ихъ во всѣхъ классахъ общества.

Большія поэмы двухъ другихъ поэтовъ *Триссино* (1478—1550) и *Манцоли* имѣли еще бо́льшее значеніе; въ нихъ замѣтны довольно сильные намеки на папу и духовенство. Произведеніе перваго называлось: La Italia liberata da Gotti а второго: Zodiacus vitae, hoc est, de hominis vita, studio ac moribus optime instituendis,—въ 12 книгахъ, издано въ 1537 году. Въ авторѣ послѣдней поэмы видѣнъ поклонникъ Лютера; поэзіи въ ней немного, но есть мѣста, полныя горячаго чувства (1). Подымаясь постепенно, мы дойдемъ наконецъ до *Аламани*, (1495 — 1556), кото-

---

II) *Corniani*, Secole detta litteratura italiana dopo il suo risolgimento Brescio. 9 vls. 1804—1813. Превосходитъ Тирабоски въ разборахъ сочиненій и въ большей полнотѣ біографій.

III) *Ginguené*. Histoire litéraire de l'Italie. Paris. 9 vls. 1810—1819. Довольно витіевато, но не безъ эрудиціи; построено по Тирабоски.

1) Вотъ на выдержку одно довольно рѣзкое мѣсто изъ этой поэмы.

«Sed tua praesertim non intret limina quisquam
Frater, nec monachus, vel quavis lege sacerdos,

Digitized by Google

рый почти единственный изъ всѣхъ своихъ собратьевъ говоритъ смѣло, съ нескрываемымъ негодованіемъ (¹), впрочемъ онъ писалъ гораздо позже Савонаролы, въ самый сильный разгаръ реформаціи; свободное движеніе за Альпами придавало ему значительную смѣлость, какую опасались выказывать прочіе, упомянутые нами, сатирики; послѣдніе могли вращаться лишь въ области намековъ и то весьма осторожныхъ; хотя папы въ душѣ и раздѣляли ихъ убѣжденія, вполнѣ сознавая правоту ихъ, но тѣмъ не менѣе не дозволяли никому произносить слово порицанія преемниковъ святого апостола; имя его и великіи преданія первыхъ первосвященниковъ охраняли духовныхъ владыкъ, возсѣдавшихъ на престолѣ какъ бы для олицетворенія всевозможнаго контраста съ первыми папами. Поэтому никто изъ нашихъ сатириковъ не рѣшался ставить на рискованную карту свое состояніе и самую жизнь, тѣмъ болѣе, что паденіе ихъ не могло принесть успѣха желанному дѣлу. Для достиженія послѣдняго нуженъ былъ человѣкъ смѣлый, рѣшительный, отличающійся рѣдкими качествами, имѣющими за собою высокій авторитетъ, человѣкъ необходимо одаренный огненнымъ даромъ слова, способнымъ покорить себѣ сердце и голову пылкаго, страстнаго итальянскаго народа. Но тогдашнее политическое состояніе Италіи, находившейся въ рукахъ отдѣльныхъ деспотовъ, не допускало возможности появленія подобныхъ личностей. Исключеніе могла составить лишь одна небольшая республика, незначительная по территоріи, но весьма важная по своему политическому и нравственному вѣсу въ средѣ прочихъ государствъ. Лишь отъ Флорентійской республики можно было ждать иниціативы этого дѣла; тамъ только существовалъ народъ, имѣвшій всегда возможность заявлять свои желанія и требованія. Дѣйстви-

---

Hos fuge; Pestis enim nulla hac immanior, hi sunt
Tact hominum, fons stultitiae, sentina malorum,
Agnorum sub pelle lupi, mercede colentes,
Nec pietate Deum; falsa sub jimagine vecti
Decipiunt stolidos, ac religionis in umbra
Mille actus vetitos, et mille piacula condunt.»

Галламъ. Исторія Европейской литературы 15 и 16 ст. Т. II, p. 118.

¹) Приводимъ отрывокъ изъ его 1-й сатиры, доказывающій всю, неслыханную до того времени, рѣзкость и смѣлость выраженій Аламани:

«Ahi cieca gente, che l'hai troppo'n preggio;
Tu credi ben, che questa ria sienza
Habbian piu d'alttri gracia e privilegio;
Ch'altra trovi hoggi in lei vera scienza
Che di simultion, mensogne efrodi?
Beato'l mondo, che sarà mai senza.»

Digitized by Google

тельно,—Флоренція не обманула общихъ ожиданій; среди нея явился человѣкъ, удовлетворявшій всѣмъ необходимымъ для успѣха дѣла условіямъ, присоединявшій въ добавокъ къ своимъ требованіямъ нравственной реформы и реформу политическую, человѣкъ, стремившійся къ самому строгому, высокому демократизму, какой когда либо существовалъ на землѣ; непреклонною силою воли и характера онъ уже достигъ было отчасти осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій, но скоро погибъ вслѣдствіе несоразмѣрнаго перевѣса своихъ враговъ, въ рукахъ которыхъ была страшная физическая сила, способная подавить всякое противодѣйствіе.

Такъ какъ этотъ человѣкъ былъ тѣсно связанъ съ Флоренціей, то мы не поймемъ хорошо ни его личности, ни дѣла, которое онъ предпринялъ, если не познакомимся съ современнымъ ему состояніемъ Флоренціи, а чтобы изучить послѣднее необходимо въ свою очередь вспомнить хотя вкратцѣ общій очеркъ флорентійской исторіи.

Флоренція (Firenze) построена на мѣстѣ одной римской колоніи, основанной еще Суллою; колонія эта находилась въ зависимости отъ Фіезолы, древняго города Этрусковъ. Тотила разрушилъ ее до основанія; остались лишь знаменитые римскіе водопроводы и фонтаны, прочность и крѣпость которыхъ устояла отъ руки варвара. Карлъ Великій возстановилъ городъ изъ разрушенія и даровалъ Флоренціи самостоятельное правленіе, продолжавшееся до 1207 года, хотя номинально и подчинилъ ее феодальнымъ владѣтелямъ, не имѣвшимъ на дѣлѣ никакой власти; они носили титулъ маркизовъ; первый изъ нихъ былъ Бонифацій I (съ 822 г.), послѣдній Филиппъ V, сынъ Барбаруссы (съ 1195 г.). Восемь консуловъ, выбираемыхъ народомъ изъ извѣстныхъ фамилій, управляли общественными дѣлами; изъ иностранныхъ вельможъ выбирался верховный правитель съ титуломъ podesta. Все это относится къ тому времени, когда по выраженію Виллани, «флорентійскіе граждане были еще воздержны, употребляли «пищу самую грубую, носили одежду самую простую; жены ихъ не знали «еще различныхъ украшеній, не предавались удовольствіямъ свѣта» [1]) Около 1200 года во всей Италіи начинается ожесточенная борьба между двумя партіями Гвельфовъ и Гибелиновъ, вражда обагрившая кровью кла-

---

Двѣнадцатая сатира оканчивается рѣшительнымъ проклятіемъ на римское духовенство, отъ имени всей Италіи.—*Галламъ*. Т. II, p. 118.

[1]) *Giovanni Villani* Croniche di Firenze; edizione del Mutiero. 1823. Firenze. 8 vls. T. VI, p. 202. Эта хроника доведена братьями Виллани до 1364 года.

Digitized by Google

ситескую почву Италіи и непринесшая ей всякого кромѣ вреда. Эти партіи служили только прикрытіемъ для ихъ предводителей, папы и императора, боровшихся за первенство въ Италіи; первый изъ нихъ провозглашавшій независимость Италіи естественно долженъ былъ пользоваться большей симпатіей и популярностью, чѣмъ второй, напустившій на страну своихъ желѣзныхъ рыцарей.

Высшій классъ всѣхъ итальянскихъ городовъ дѣлился на двѣ части: сторонниковъ Папы — Гвельфовъ, бѣлыхъ, и приверженцевъ императора — Гибелиновъ, черныхъ. Средній классъ, равно какъ и народъ преимущественно былъ на сторонѣ папы, защищавшаго повсюдному принципы народности. Во Флоренціи существовало такое же распредѣленіе населенія [1]). Въ началѣ борьбы Гвельфы были побѣждены и императоръ Фридрихъ II учредилъ аристократическое правленіе; верховная власть была ввѣрена, наиболѣе преданной императору, фамиліи Уберти, блестѣвшей между прочими, какъ богатствомъ, такъ не менѣе того и честолюбіемъ. Своимъ деспотизмомъ и жестокостью Уберти вывелъ народъ изъ терпѣнія и вотъ 20 Октября 1250 года толпы народа съ скрытымъ подъ плащами оружіемъ съ утра сбираются на площади Santa-Croce и грозною массою, постепенно увеличивающейся, идутъ черезъ людныя улицы города, мимо недавно отстроенной церкви Santa-Maria-Novella, на площадь San-Lorenzo. Здѣсь жилъ императорскій подеста; толпа окружила домъ его и потребовала отрѣченія отъ власти. Уберти долженъ былъ согласиться на желаніе народа, высказанное тономъ приказанія. Такимъ образомъ Флорентійцы безъ пролитія капли крови сдѣлались самовластными распорядителями своей будущей судьбы; граждане были раздѣлены на двадцать частей; каждая изъ нихъ избрала себѣ начальника и знамя; званіе подесты, напоминавшее народу императорскую власть, было уничтожено; вмѣсто его учредили должность il capitano del popolo, — верховнаго народнаго начальника; двѣнадцать лучшихъ гражданъ составляютъ синьорію, которая дол-

---

[15]) Для общей исторіи Гвельфовъ и Гибелиновъ въ Италіи, лучшимъ считается сочиненіе: *Ferrari*, Histoire des revolutions d'Italie ou Guelfes et Gibelins. Paris. 1858. 4 vls. — Хотя общая идея сочиненія не вѣрна и взглядъ на исторію Италіи отличается односторонностью и легкостью, хотя изложеніе довольно темно и слишкомъ витіевато, однако при всемъ томъ, по полнотѣ и внимательной, точной отдѣлкѣ фактовъ приведенное сочиненіе считается лучшимъ источникомъ для изученія исторіи этого довольно запутаннаго времени.

Digitized by Google

жно было смѣняться каждые полгода. Но надо было еще сражаться за это новое устройство съ императоромъ, который очевидно нисколько не думалъ уступать возмутившимся. Поэтому правительство новой республики поспѣшило организовать милицію; каждый изъ 20 кварталовъ города выставилъ извѣстное число воиновъ; къ нимъ были прибавлены еще 36 вспомогательныхъ отрядовъ, поставленныхъ частями всей флорентійской территоріи; кастеланамъ было приказано снабдить свои замки достаточнымъ запасомъ провіанта; крѣпости Basso и Belvedere, расположенныя на сѣверномъ и южномъ концахъ Флоренціи были тщательно осмотрѣны, снова укрѣплены и унизаны башнями. Народъ, какъ видимъ, готовъ былъ оружіемъ защищать свое новое государственное устройство, положившее твердое основаніе демократизму и перевѣсу простыхъ, торговыхъ гражданъ надъ родовою, феодальною знатью. Смерть Фридриха II (7 января 1251 года) прекратила всякую возможность борьбы; слабый преемникъ его Манфредъ не могъ быть опасенъ для Флоренціи и народъ могъ спокойно наслаждаться благами своего правленія. Поощренные успѣхомъ, флорентійцы пошли уже далѣе; въ 1258 году распространился слухъ, что оставшіеся въ городѣ гибелины умышляютъ ниспровергнуть демократію и вмѣстѣ съ нею уничтожить своихъ враговъ гвельфовъ. Не думая долго, народъ бросился на дворцы Гогенштауфенской знати; напрасно послѣдніе думали защищаться въ своихъ палаццо; народъ стремительно окружилъ ихъ; одинъ изъ Уберти былъ убитъ, другой взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ, обвиненный въ покушеніи на государственную измѣну. Прочіе же гибелины, предводительствуемые третьимъ изъ этой фамиліи — Farinata degli Uberti, удалились въ Сіену. Флорентійская армія бросилась на этотъ городъ за несоблюденіе договора, по которому Сіена не имѣла права давать убѣжища врагамъ Флоренціи. Джіордано д'Антоне, присланный Манфредомъ, напрасно думалъ оказать сопротивленіе горячему натиску; онъ былъ разбитъ на голову и знамена Гогенштауфеновъ, доставшіяся побѣдителямъ, со смѣхомъ и бранью народа были носимы по улицамъ и площадямъ флорентійскимъ. Но если повидимому масса и изъявляла свое сочувствіе къ дѣлу гвельфовъ, то причина этого заключается не въ преданности ея папѣ, служившему коноводомъ партіи бѣлыхъ, не въ особенныхъ симпатіяхъ, связывавшихъ народъ съ врагами императора; какъ Гвельфы такъ и Гибелины одинаково состояли изъ аристократовъ, съ которыми, какой бы партіи они ни были, всегда враждовало торговое и промышленное населеніе Флоренціи; если народъ болѣе дружественно относился къ гвельфамъ, то лишь потому что послѣдніе умѣли управлять имъ гораздо уступчивѣе, разумнѣе, либеральнѣе, нежели взросшіе на

Digitized by Google

феодальныхъ отношеніяхъ Гогенштауфены. Но перевѣсъ гвельфовъ продолжался не долго; битва при Арби уничтожила всѣ надежды бѣлыхъ; остатокъ ихъ арміи подъ предводительствомъ Гвидо Новелло, перешелъ черезъ Арно и отступилъ къ Луккѣ. Черезъ нѣсколько дней чорные вступили въ городъ и провозгласили республику, подъ протекторствомъ Манфреда, которому должны были присягать всѣ граждане слѣдовательно на самомъ дѣлѣ, выходила та же монархія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гибелины, хорошо зная непріязненное настроеніе къ себѣ народа, пріискивали средства, которыя бы послужили постоянной, вѣрной опорой ихъ господства. Дѣйствительно, почти вся Тоскана была на сторонѣ императора и только одна дерзкая Флоренція раздѣляла убѣжденія противной партіи; между тѣмъ это былъ городъ, сильнѣйшій не только во всей области, но даже и во всей Италіи; онъ вліялъ на сосѣдніе города вовсе не въ интересахъ императорскихъ, могъ даже иногда принуждать другихъ силою переходить на сторону Гвельфовъ.

Надо положить конецъ могуществу этихъ папистовъ, говорили гибелины на военномъ совѣтѣ въ Эмполи (городокъ къ з. отъ Флоренціи на р. Арно), а для этого необходимо ослабить ихъ притонъ — безпокойную, буйную Флоренцію. Крайніе изъ Гогенштауфеновъ поговаривали уже о полномъ уничтоженіи города, приводили въ примѣръ Фридриха Барбаросу и предлагали какъ лучшее средство срыть городскія стѣны и разрушить укрѣпленія.

Тогда Фаринната—дельи—Уберти, горячій гибеллинъ, но тѣмъ не менѣе итальянецъ въ душѣ, цѣнившій общую отчизну несравненно выше личныхъ интересовъ партій [1]), поднялся съ своего мѣста и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Мнѣ интересно бы знать синьоры противъ кого именно предпринимаются подобныя мѣры, — противъ ли тѣхъ кто оставилъ городъ или противъ насъ, только что вступившихъ въ него; если это касается до насъ, то я къ величайшему моему сожалѣнію долженъ признаться въ нашемъ заблужденіи считать своими братьями и союзниками людей, строящихъ на самомъ дѣлѣ козни противъ насъ. Дѣйствительно, поразительна

[1]) Вотъ что говорятъ о немъ два лучшихъ флорентійскихъ историка — Нарди и Макіавелли: «Lodano le nostre istorie ragione volmente Messer Farinata degli Uberti, percioche con la constanzia e fortezza del suo generoso animo diffese la patria della distruzione (*Nardi*, le storie della città di Firenze. 1584. p. 5; libro 1)». — «Era Messer Farinata degli Uberti uomo di grande animo, eccelente nella guerra, capo de'Ghibellini,

Digitized by Google

ваша несправедливость; вы, прикидывающіеся нашими друзьями, вы, дѣйствующіе вмѣстѣ съ нами, питаете въ сердцѣ своемъ самыя враждебныя намъ намѣренія. Флоренція не принадлежитъ болѣе гвельфамъ, она наша. Только одно позорное убѣжденіе въ своей слабости, въ своемъ собственномъ безсиліи, можетъ внушить вамъ эту низкую зависть къ нашей славѣ и силѣ. Я объявляю торжественно, что если бы народъ флорентійскій составлялъ я одинъ, то и тогда не потерпѣлъ бы гибели моей родины, и если для этого необходимо умереть тысячу разъ, я готовъ хотя сейчасъ на этотъ подвигъ [1])».

Сильная, горячая рѣчь Фаринаты достигла вполнѣ своей цѣли; голоса враждебные Флоренціи замолкли. Но не долго господствовали гибелины; Манфредъ былъ разбитъ Карломъ Анжуйскимъ, креатурой папы; битва происходила при Беневенто, въ 1266 году; видя проигрышъ сраженія, императоръ бросился въ толпу враговъ и погибъ смертью героя. Гвидо Новелло почувствовалъ перевѣсъ и сдѣлалъ воззваніе къ свободѣ народа, утѣсняемой гибелинами съ ихъ императоромъ; по обыкновенію, масса стала переходить на его сторону; ворота города были ему отворены и гвельфы съ тріумфомъ снова вступили во Флоренцію; опять начались переселенія гибелиновъ и конфискаціи ихъ имуществъ. Новелло, наученый столькими опытами безурядицъ, происходящихъ отъ безполезной вражды партій, хотѣлъ установить такое правленіе, которое бы примиряя враждующихъ, гарантировало и свободу народа. На этомъ основаніи онъ предложилъ верховную власть ввѣрить двумъ подеста,—гвельфу и гибелину; ихъ долженъ ограничивать совѣтъ 36 мужей, также изъ каждой партіи поровну; демократія не была нарушена,—корпораціи цеховъ и ремесленниковъ были оставлены во всей силѣ. Но привычка гибелиновъ къ своеволію не дала осуществиться мысли Новелло; чорные не хотѣли дѣлиться властью съ бѣлыми и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, погнав-

---

ed appresso a Manfredi assai utimato, la cui autorità pose fine a que ragionamento, e pensarono altri modi a volersi lo stato preservare (*Machiavelli*, delle istorie fiorentine. Capolago. 1842. 2 vls. T. I, p. 92; libro 2)».

[1]) Мы лично раздѣляемъ то убѣжденіе, что рѣчь, согласная съ характеромъ говорящаго ея лица, изложенная простымъ, разговорнымъ языкомъ, занимаетъ важное мѣсто въ манерѣ изложенія историческаго сочиненія; она скорѣе всего обрисуетъ извѣстное лицо и сдѣлаетъ его понятнымъ для читателя; притомъ такой переходъ къ драматическому роду изложенія значительно одушевляетъ всякій серьезный трудъ. Приведенныя сейчасъ слова Уберти заимствованы нами изъ Виллани.

Digitized by Google

лись за полною, неограниченною властью, потеряли всякое участіе въ правленіи. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. Въ городѣ распространился слухъ, что Гагенштауфены умышляютъ ниспроверженіе существующаго порядка; пущенный безъ сомнѣнія гвельфами, слухъ этотъ съ быстротою молніи облетѣлъ всю Флоренцію; народъ рѣшился однимъ разомъ удалить отъ себя всякую опасность со стороны гибеллиновъ. Немедленно, какъ сами собой, выросли баррикады на улицахъ города; милиція флорентійская несравненно превосходила разбросанные въ разныхъ частяхъ столицы мелкіе отряды чернихъ, и поэтому неудивительно, что деревѣсъ остался за народной силой; разбитые поодиночкѣ Гогенштауфены должны были бѣжать изъ города и уже на этотъ разъ навсегда.

Между тѣмъ народъ, уничтоживши враговъ своей свободы и почувствовавъ свои силы, не хотѣлъ уже болѣе повиноваться приказаніямъ аристократовъ, писавшихъ для него законы, а самъ устроилъ себѣ правленіе, сохранившееся за немногими исключеніями до того времени, которое мы избрали за предметъ предлагаемаго сочиненія. Намъ необходимо нѣсколько познакомиться съ правительственной машиной Флоренціи.

Исполнительная власть была ввѣрена восьми пріорамъ (signori priori di liberta,) и гонфалоньеру (il gonfaloniere di giustizia); послѣдній имѣлъ одинаковую власть съ пріорами и пользовался только правомъ предсѣдательства въ собраніяхъ пріоровъ. Въ соединеніи съ 28 выборными гражданами, они составляли совѣтъ тридцати шести, называвшійся синьоріею (il collegio, la signoria, i collegi). Члены этого главнаго правительственнаго совѣщательнаго собранія выбирались черезъ каждые два мѣсяца и жили въ теченіе этого времени безвыходно во дворцѣ. Сверхъ того существовалъ сенатъ (il senato), число членовъ котораго не опредѣлялось закономъ, а зависѣло отъ обстоятельствъ. Власть же, облеченная верховной юрисдикціей, управлявшая судьбами государства, заключалась въ двухъ собраніяхъ: совѣтъ народный (il consiglio del popolo), въ которомъ участвовали лишь простые граждане и совѣтъ общинъ (il consiglio del commune), представлявшій смѣшеніе и бѣдныхъ и богатыхъ. Безъ согласія этихъ двухъ совѣтовъ никакой законъ не могъ получить силы и значенія. Избраніе представителей, составляющее съ древнихъ временъ самый жизненный вопросъ въ бытѣ народномъ, совершалось въ особомъ собраніи посредствомъ балотировки (lo squittino).

Права каждой власти были слѣдующія: главная, непремѣнная обязанность гонфалоньера заключалась въ охраненіи спокойствія города отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ; онъ могъ дѣйствовать въ случаѣ надобности даже оружіемъ; въ его распоряженіи находилась огненная гвардія

*

Digitized by Google

(guardia del fuoco), расположенная въ четырехъ удобнѣйшихъ мѣстахъ города. Всѣ законы и распоряженія, какъ частныя такъ и общественныя, шли отъ синьоріи къ сенату, а оттуда уже въ совѣты общинъ и народный. Граждане, на долю которыхъ выпадала завидная участь управленія судьбами своей родины, всегда выбирались изъ извѣстныхъ своею честностью и добродѣтелью семействъ; между правителями ярко блестѣли люди способные и опытные въ дѣлахъ государственныхъ; насчитываютъ до 400 семействъ, имѣвшихъ право на представительство въ разныхъ упомянутыхъ нами собраніяхъ; это число относится къ XV столѣтію, въ половинѣ же XVI, оно возросло до 4000; замѣтимъ однако, что постоянное стремленіе простого народа (il popolo minuto) возвыситься и достигнуть такимъ образомъ участія въ правленіи всегда колебало и измѣняло это число (¹). Наконецъ мало-по-малу простой народъ достигъ участія въ правленіи, хотя и не слился съ прочими сословіями, получившими теперь слѣдующее раздѣленіе: знать (la nobiltà), зажиточные ремесленники, родъ буржуа (il popolo grasso), чернь (il popolo minuto); въ строгомъ смыслѣ первое изъ нихъ дѣлилось еще на 3 степени: родовыхъ аристократовъ, вельможъ и богачей, вышедшихъ изъ простыхъ гражданъ (²).

Послѣ всего сказаннаго нами очевидно, что флорентійское государственное устройство было построено на широкомъ демократизмѣ; прибавимъ, что демократія постоянно напоминала о своемъ существованіи; это обнаруживалось часто повторявшимися болѣе или менѣе сильными междоусобіями внутри города; простой народъ напиралъ и вливался въ popolo grasso, въ свою очередь тѣснившаго аристократію и занимавшаго ея ряды, съ чѣмъ очень часто была сопряжена потеря участія въ правленіи, по той причинѣ, что въ промышленномъ населеніи Флоренціи, опиравшейся главнымъ образомъ на финансовые обороты,—человѣкъ торговый пользовался гораздо большимъ уваженіемъ, нежели дворянинъ. Это фактически доказывается существовавшимъ во Флоренціи закономъ, по которому дворянъ за заслуги записывали въ гражданское сословіе. Подобный законъ имѣлъ мѣсто и въ другихъ демократическихъ городахъ, какъ напр. въ Пистойѣ:

Всякое требованіе народа исполнялось безпрекословно. Изъ многихъ примѣровъ мы возьмемъ на выдержку одинъ, относящійся къ 1352 году.

---

¹) Обстоятельнѣе всего флорентійскій образъ правленія изложенъ у Нарди, отъ котораго и мы заимствовали приведенныя нами свѣдѣнія: *Nardi*, le storie della città di Firenze; p. 6—8; l. 1.

²) *Nardi*, le storie della città di Firenze. p. 1.

Digitized by Google

Оливы, среди бѣлаго дня, толпою ломились въ ихъ трапезу, лакомились ею и расхищали серебро своихъ домовъ; вторгнувшись въ свою многочисленность, они начали валѣять прохожихъ, врывались въ дома бѣдныхъ гражданъ; пожѣлали принуждены были сдержанно вмѣшиваться. Видя собравшуюся противъ себя большую толпу, мальчики разбѣжались; тѣмъ не менѣе ихъ розыскали; предводителемъ этихъ героевъ оказался нѣкто Бердони, принадлежащій къ одной изъ богатыхъ и вліятельныхъ флорентійскихъ фамилій. Тогдашній гонфалоньеръ Филикайа, человѣкъ справедливый и рѣшительный, хотѣлъ казнить молодого аристократа; но, какъ и слѣдовало ожидать, за осужденнаго явились протекціи и деньги. Пріоры, товарищи гонфалоньера, были подкуплены и протестовали противъ строгаго приговора Филикайа; послѣдній, видя такое злоупотребленіе, сложилъ съ себя свою должность и удалился въ Сіену. Едва лишь только народъ узналъ причину удаленія правителя, какъ пришелъ въ грозное движеніе и началъ собираться передъ окнами синьоріи. Общій голосъ требовалъ безпрекословнаго исполненія приговора гонфалоньера и возвращенія президента правительства. Синьорія вынуждена была отправить къ нему депутацію и просить его снова принять въ свои руки бразды правленія. Филикайа, снисходя общему желанію, возвратился и первымъ его распоряженіемъ было приказать отрубить голову шаловливому аристократу. Когда кончился срокъ правленія справедливаго гонфалоньера, власти флорентійскіе, по требованію народа, предложили ему въ награду за твердость и стойкость 2,000 флориновъ [1]).

Въ рукахъ флорентійцевъ находилась вся область отъ моря до Апеннинъ, за исключеніемъ Луки и Сіены, покоренныхъ впослѣдствіи. Но главная сила республики основывалась на неутомимой предпріимчивости и богатствѣ отдѣльныхъ гражданъ; гражданскія права, раздѣлы по всѣмъ сословіямъ, служили прочнымъ залогомъ внутренней крѣпости государства; если и существовали постоянные раздоры дворянства и popolo grasso, то они лишь поддерживали въ республикѣ извѣстное напряженіе. Притомъ торговля и промышленность Флоренціи увеличивались со дня на день; этому много способствовала правильная организація цеховъ, которыхъ всего было семь: мѣнялъ, врачей, торговцевъ пряными кореньями, скорняковъ, суконщиковъ, суконпродавцевъ, судей съ юристами; торгующихъ разными товарами. Суконныя фабрики были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; шерсть

---

[1]) *K. S. Berker*, Weltgeschichte herausg, von Löbell. Berlin. 1844. 14 vls; T. VI, p. 284.

Digitized by Google

тали въ 200 шерстяныхъ и 30 тысячъ человѣкъ жило этой работой. Доходы республики въ это время, т. е. въ теченіи XIV-го вѣка, доходили до 300 тысячъ золотыхъ гульденовъ (около милліона р. с. на наши деньги, по тогдашней цѣнности монеты было несравненно выше нынѣшней),—такой доходъ получало рѣдкое государство въ то время. Издержки составляли лишь четвертую часть доходовъ. Народонаселеніе города составляло 90 тысячъ человѣкъ; 25 тысячъ изъ нихъ могли быть вооружены тотчасъ же. Чтенію обучалось до 10 тысячъ дѣтей; въ высшихъ школахъ было около 600 молодыхъ людей [1].

Торговые обороты нѣкоторыхъ гражданъ флорентійскихъ доходили до огромныхъ размѣровъ; богатства такихъ людей были велики, и намъ извѣстно что никакъ не знатность рода, а именно богатство давало такъ право на политическое значеніе; на этомъ основаніи многія торговыя фамиліи имѣли большой авторитетъ въ городѣ. Но вначалѣ XV-го столѣтія, всѣ онѣ должны были уступить свое мѣсто представителямъ того рода, которому суждено было нѣсколько вѣковъ съ XV-го до XVIII-го (1421—1737) играть первую роль въ флорентійской исторіи. Мы говоримъ про Медичи; первые изъ нихъ, правившіе Флоренціей, въ теченіи всего XV-го вѣка, симпатическіе личности, которыя когда либо приходится встрѣчать историку. Мы желали бы дольше остановиться, какъ на нихъ такъ и на этомъ блестящемъ времени возрожденія искуствъ и наукъ, но предначертанная нами программа дозволяетъ намъ заняться ими лишь на столько, на сколько они имѣютъ связь съ тѣмъ человѣкомъ, біографію котораго мы взяли за предметъ предлагаемаго сочиненія. При всемъ томъ, мы рѣшаемся нѣсколько подробнѣе передать ихъ дѣятельность, какъ общественную, такъ и частную; мы надѣемся, что интересъ содержанія искупитъ это отступленіе отъ прямой нашей цѣли.

Джіованни Медичи (1421—1429) былъ первый полновластный правитель Флоренціи изъ этого дома. Онъ пріобрѣлъ огромныя богатства въ особенности въ то время, когда имѣлъ случай снабжать деньгами папу во время констанскаго собора. Кредитъ его былъ неограниченный; торговыя операціи онъ производилъ рѣшительно во всемъ тогда извѣстномъ мірѣ. Управляя Флоренціею съ 1421 года въ качествѣ гонфалоньера, онъ сумѣлъ остаться совершенно частнымъ человѣкомъ, въ высшей степени простымъ въ обхожденіи, безъ малѣйшихъ признаковъ заносчивости

---

[1]) *Becker*. Weltgeschichte. T. VI, p. 283.

Digitized by Google

либо гордости [1]). Снабжая деньгами всѣхъ обращавшихся къ нему, лаская постоянно народъ, отъ котораго онъ никогда не отдѣлялся, Джіованни пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе и указалъ своимъ дѣтямъ лучшее средство снискивать любовь народную, опираясь на которую они могли со временемъ сдѣлаться неограниченными властителями свободнаго народа. Эту личность высоко поставили всѣ итальянскіе историки того времени. «Кончина Джіованни говоритъ Макіавелли, возбудила во всѣхъ глубочайшее сожалѣніе, котораго онъ вполнѣ заслуживалъ по своимъ высокимъ качествамъ. Будучи добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ, онъ не только помогалъ тѣмъ, которые обращались къ нему съ просьбами, но снабжалъ деньгами и тѣхъ нуждающихся, которые не рѣшались просить у него вспоможенія. Онъ любилъ всѣхъ; хвалилъ добрыхъ, къ людямъ развратившимся имѣлъ сожалѣніе. Самъ никогда не искалъ почестей, а между тѣмъ обладалъ всевозможными; онъ вступилъ на ступени дворца лишь призванный къ тому общимъ желаніемъ. Умѣя дорожить миромъ онъ избѣгалъ войны; содѣйствуя счастію всякаго, онъ въ случаѣ несчастія старался быть полезнымъ. Этотъ человѣкъ не расхищалъ, а обогащалъ общественную казну. Всегда умѣренный въ дѣлѣ государственнаго правленія (nel magistrati grazioso), онъ обладалъ большимъ краснорѣчіемъ и величайшимъ благоразуміемъ. Въ разговорѣ же частномъ блисталъ веселостью и остроуміемъ. Онъ умеръ обремененный сокровищами, но еще болѣе того доброй славой и общею любовью [2])».

За нѣсколько дней передъ смертью онъ призвалъ къ себѣ двухъ сыновей своихъ Козьму и Лоренцо и сказалъ имъ:

«Я кажется отжилъ опредѣленное мнѣ Богомъ и природой время. Я умираю спокойный, потому что оставляю васъ здоровыми, богатыми, одаренными такими качествами, съ которыми вы, если пойдете по моимъ слѣдамъ, будете жить окружонные любовью и уваженіемъ согражданъ. Еще другое обстоятельство позволяетъ мнѣ умереть спокойно и счастливо.

---

[1]) *Cantu*. Histoire des Italiens. T. VI, p. 423. Итальянскій историкъ отдаетъ только одному Джіованни свое сочувствіе; его наслѣдниковъ онъ безъ всякаго основанія порицаетъ въ иныхъ мѣстахъ своего сочиненія. Во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы совершенно бездоказательно называть правительство Медичи: «матеріальнымъ, эгоистическимъ, чуждымъ всякихъ благородныхъ побужденій» (T. VII, p. 204).

[2]) *Machiavelli*, delle istorie fiorentine; T. I, p. 257; libro 4. — Нарди горячо порицаетъ враговъ Медичи, отдавая полную справедливость Джіованни: *Nardi*, le storie della città di Firenze; p. 8; libro 1.

Digitized by Google

Я могу сознаться, что не обидѣлъ никого, а напротивъ старался по возможности всѣмъ дѣлать добро. И вамъ завѣщаю поступать также. Облеченные властью, не нарушайте священныхъ правъ закона и собственности, въ противномъ случаѣ не избѣжать вамъ нареканій и даже опасностей. Если человѣка ненавидятъ, то это значитъ, что онъ не могъ удержаться отъ самовластія и пользовался большимъ, нежели сколько ему было дозволено закономъ и его согражданами. Ваше положеніе будетъ тогда похоже на положеніе тѣхъ людей, которые, погнавшись за чужимъ, теряютъ и свое собственное; они принуждены жить въ постоянномъ ожиданіи возмездія за свои поступки. Не такимъ способомъ я успѣлъ, при постоянныхъ врагахъ и раздорахъ, не только поддержать, но даже увеличить свою славу. Если вы возьмете примѣръ съ меня, то удержитесь на этой высотѣ; мало того, еще увеличите свою власть [1])»

Слова умиравшаго старика упали на добрую почву. *Козьма Медичи* (1429—1464) къ прекраснымъ качествамъ отца своего присоединялъ большія государственныя способности и еще большую нравственную и умственную воспріимчивость. Съ именемъ его и его внука Лаврентія Великолѣпнаго тѣсно соединяется представленіе объ одной изъ тѣхъ эпохъ, которыя, рѣдко повторяясь въ исторіи, рельефно запечатлѣваютъ собою цѣлыя столѣтія. Если нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Галлама, что эпоха возрожденія не замѣчательна въ отношеніи произведеннаго ею, потомучто литература того времени не оставила какихъ либо безсмертныхъ твореній, умъ человѣческій не сдѣлалъ какихъ либо гигантскихъ успѣховъ въ области знанія,—то тѣмъ не менѣе нельзя не признать за этимъ вѣкомъ другого великаго значенія; на него надо смотрѣть, какъ на фундаментъ нашего современнаго развитія, какъ на сильный толчекъ, вслѣдствіе котораго опредѣлилось извѣстное направленіе Европы [2]). Вспомнимъ, что при жизни Козьмы, въ 1455 г., напечатана первая книга; это была латинская библія, называемая нынѣ Мазариновскою. Германскіе работники зашли и въ Италію, и вотъ въ октябрѣ 1465 года появилась въ типографіи Субіанскаго монастыря, лежащаго въ Апеннинскихъ горахъ, изданіе Лактанція, богослова IV-го вѣка; эта

---

[1]) *Machiavelli*, delle istorie fiorentine; T. I, p. 251. Во французскомъ переводѣ эта рѣчь помѣщена въ *Artaud*. Histoire et description de l'Italie. Paris. 1847; p. 178, — составляетъ 27-й томъ роскошнаго изданія: L'Univers pittoresque.

[2]) Безпристрастный взглядъ на эпоху возрожденія, см. *Галламъ*. Исторія Европ. литературы 15-го и 16-го столѣтія; T. I, p. 208, 209.

Digitized by Google

были перепечатываемы въ Италіи книги [1]). Въ 1468 г. появились такія же Цицероновы de oratore и de civitate Dei святого Августина; въ томъ же году типографія была перенесена въ Римъ; спустя несколько времени, въ Венецію, и потомъ и въ прочихъ итальянскихъ городахъ, такъ что съ 1470 года книгопечатаніе окончательно утвердилось въ Италіи [2]). Въ теченіи періода времени отъ 1470—1500 года, въ одной Италіи напечатано по крайней мѣрѣ 5400 сочиненій; изъ нихъ въ первое десятилѣтіе отъ 1470—80 года около 1300; слѣдовательно въ два послѣдующіе десятка лѣтъ книгопечатаніе возрастетъ въ значительно увеличивающейся прогрессіи. Во всей Европѣ до 1500 г. насчитываютъ болѣе 10000 изданій книгъ и брошюръ,—слѣдовательно одной Италіи принадлежитъ половина всего печатнаго европейскаго производства того времени; цифры, какъ видимъ, очень красноречиво рисуютъ это общее стремленіе къ знанію и литературѣ тогдашнихъ итальянцевъ [3]). Козьма, отчасти изъ государственныхъ причинъ, но болѣе всего по своей личной склонности къ наукамъ и искуствамъ, покровительствовалъ всегда тѣмъ, кто чѣмъ либо ознаменовалъ себя на этомъ поприщѣ. Всѣ лучшіе художники и ученые эпохи выросли подъ его почти родственнымъ отеческимъ наблюденіемъ и попеченьемъ. «Вообще всѣ Медичи, говоритъ Фойхтъ, отличались покровительствомъ наукамъ и искуствамъ, но никто изъ нихъ, *даже самый* Лаврентій Великолѣпный, не возвышался въ этомъ отношеніи до такихъ высокихъ и благородныхъ понятій, какъ Козьма. Трудолюбивые критики, списывавшіе и разбиравшіе рѣдкія рукописи; стихотворцы, съ геніальною легкостью создававшіе гекзаметры; учителя древнихъ языковъ; переводчики съ греческаго; глубокоученые философы и богословы; художники, сооружавшіе удивительные храмы, дворцы, виллы,

---

[1]) Имена типографщиковъ, положившихъ начало итальянскому книгопечатанію, были: Конрадъ Свейнгеймъ и Арнольдъ Паннартцъ, какъ понимаютъ, два работника Іустова (Майнскаго типографщика) работника. Въ Италіи участвовалъ нѣкто: Bussi-di-Vigerano, впослѣдствіе Алерійскій епископъ. *Cantu*, Histoire des Italiens, T. VI, *Галламъ*, T. I, p. 134, 135.

[2]) Подробности объ открытіи книгопечатанія и первыхъ изданіяхъ, явившихся въ свѣтъ, можно читать: *Галламъ*, T. I, p. 126—135; *Cantu*, Histoire des Italiens, T. VI, p. 511- 519.

[3]) Въ Парижѣ было напечатано въ это время только 751 сочиненіе, въ Англіи 130,—остальныя въ Германіи и Италіи: въ послѣдней странѣ между городами существовало слѣдующее распредѣленіе напечатанныхъ книгъ: въ Венеціи — 2,835, въ Римѣ — 925, въ Миланѣ — 629, во Флоренціи—300 и въ Болоньѣ—298. *Галламъ*, T. I, p. 210, 211; *Cantu*, T. VI, p. 512, 513.

Digitized by Google

мосты, украшавшіе городъ; статуями и портретами,—всѣ они принимали въ Козьмѣ какъ зрѣлищу въ цѣлому; ихъ произведенія украшали городъ, представляли государство. Талантъ высоко стоялъ надъ толпой, ему оказывали уваженіе; люди одаренные имъ были осыпаемы наградами, но едва ли они хорошо сознавали, кого имъ слѣдуетъ благодарить,—*отца ли отечества*, или Козьму—простого частнаго человѣка [1])».

Вообще изъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, во Флоренціи лучше всего шло прозваніе «республики музъ»; чѣмъ былъ Римъ для религіи, Венеція для торговли, тѣмъ Флоренція для литературы и художествъ [2]),—а такъ какъ процвѣтаніе искусствъ и наукъ при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ необходимо влечетъ за собою извѣстное политическое значеніе, то неудивительно, что въ это время роль Рима перешла къ Флоренціи и на ея долю пришлось поддерживать равновѣсіе между сѣверными и южными государствами полуострова. Напрасно говорить, что республика, руководимая политическимъ талантомъ опытнаго Козьмы, съ честью поддержала свое значеніе.

Однако не слѣдуетъ считать Козьму исключительнымъ покровителемъ изящнаго и знанія, во Флоренціи всѣ вельможи и богачи наперерывъ старались отличиться покровительствомъ художникамъ и ученымъ; но Медичи являлись между ними лучшими представителями этого благороднаго стремленія [3]) Они совершенно отвергались всему прекрасному и великому и рѣшительно богатствомъ людей выдающихся изъ толпы по своимъ талантамъ.

Огромныя богатства служили главною подпорою этого возвышеннаго направленія дома Медичи, пользовавшагося постоянною любовію народа, отдававшагося имъ съ полнымъ довѣріемъ. Граждане привыкли ихъ считать людьми умными и честными, и покорно имъ повиновались. Но при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ Медичи не были чужды честолюбія. Напрасно упоминать о томъ, что задушевною ихъ цѣлью было сдѣлаться полными властителями Флоренціи, съ титуломъ державнаго государя; они нисколько не имѣли претензіи быть Цинцинатами,—отказываться отъ власти, которая при всѣхъ тяжкихъ усиліяхъ, необходимыхъ для достиженія ея, очень обольстительна даже для весьма даровитыхъ людей; желаніе

---

[1]) *Georg Voigt*. Die Wiederbelebung des classichen Alterthums, p. 151.

[2]) *Voigt* называетъ Флоренцію: «die Mutter der feinen Sitte», p. 148.

[3]) *Voigt*. Die Wiederbelebung des classichen Alterthums, p. 149.

Digitized by Google

достигъ ея возрастаетъ пропорціонально генію честолюбца, пропорціонально его сознанію своего нравственнаго права властвовать надъ извѣстнымъ народомъ. Мы не будемъ считать первыхъ Медичи героями чести, но вмѣстѣ съ тѣмъ не станемъ говорить про нихъ, какъ про личныхъ похитителей свободы народной, какъ про ужасныхъ деспотовъ. Они оставили Флоренціи большую часть личныхъ правъ ея гражданъ; на себя они взяли лишь веденіе ихъ внѣшнихъ дѣлъ, а отчасти и внутреннихъ, служившихъ къ охраненію ихъ же свободы; деспотами, а тѣмъ болѣе ужасными, они никогда не заявляли себя. Управлять 70 лѣтъ свободнымъ народомъ, возвеличить его извнѣ, не загубивъ его жизненные соки, не заставить его сожалѣть о потерѣ своихъ вольныхъ правъ,—огромная государственная заслуга [1]). Внимательное изученіе ихъ жизни принесетъ большую пользу для политической науки. Кантю, вообще не расположенный къ нимъ, не могъ не сознаться что «личныя качества, умѣренность въ правленіи, національное чувство, умѣнье сохранять постоянное хладнокровіе среди пылкости флорентійскихъ партій, благородные подвиги добродѣтели,—служили главными причинами могущества Медичи [2]).

Что касается лично до Козьмы, то его богатства, нравственныя качества, важныя услуги, принесенныя родинѣ, были вѣрнымъ залогомъ постоянной любви согражданъ. По однимъ его виламъ въ Кареджи и въ Кафаджіоло можно было уже заключить о его богатствѣ; онъ имѣлъ на арендѣ всѣ рудники итальянскіе, и за одни изъ нихъ, находившіеся въ Романьѣ, платилъ 100 тысячъ флориновъ ежегодно. Черезъ Александрію онъ велъ торговлю съ Индіею; его банки были во всѣхъ городахъ. Король англійскій, герцогъ бургундскій брали у него значительныя суммы. До насъ дошолъ списокъ вещей Козьмы, относящійся къ 1464 году; въ немъ оказывается множество медалей, колецъ, камеевъ, печатей и проч. цѣною на 2,624 золотыхъ флориновъ; драгоцѣнныя вазы и прочія вещи большой цѣнности на сумму 8,110 флориновъ; однихъ галантерейныхъ вещей насчитывается на 17,689; здѣсь не упоминается про огромное количество серебряной посуды, хранившейся въ кладовыхъ виллы Кореджи. Не-

---

[1]) Мы не упоминаемъ здѣсь про преемниковъ Лаврентія, носившихъ титулъ герцоговъ Тосканскихъ,— это были слабые, ничтожные отпрыски нѣкогда сильнаго, краснаго дерева.

[2]) *Cantu*, Histoire des Italiens, T. VI, p. 424. Довольно небрежный въ приговорахъ и внимательномъ изслѣдованіи фактовъ, Кантю въ слѣдующемъ томѣ своей исторіи, самъ противорѣчитъ себѣ; см. T. VII, p. 201.

Digitized by Google

удивительно, что такія средства позволяли Медичи издержать въ теченіе менѣе чѣмъ сорока лѣтъ (1434—1471) до 664 тысячъ флориновъ [1]). Его путешествія по большей части европейскимъ государствамъ доставили ему возможность изучить націи и правителей; личное знакомство черезъ отца съ нѣкоторыми монархами тогда еще открыло ему всѣ пружины политической жизни западной Европы. Между тѣмъ напрасно посланники и государственные люди думали проникнуть въ его тайны; онъ былъ недоступенъ для нихъ, всегда сводилъ рѣчь на модный разговоръ, касающійся древнихъ рукописей, искусства и пр., а самъ втихомолку готовилъ дѣло, которое строго обдумывалъ предварительно [2]).

Макіавели въ слѣдующихъ выраженіяхъ относится объ его характерѣ и дѣятельности: «Козьма не только поддержалъ доброе имя и увеличилъ богатства своего отца, но даже превзошолъ послѣдняго [3]). Онъ еще съ большею ревностью и съ большей свободой управлялъ государствомъ. Это былъ человѣкъ благоразумнѣйшій съ рѣшительными, но пріятными манерами, либеральный, гуманный, обращавшій вниманіе не исключительно на партію или на государство, но старавшійся между прочимъ снискать расположеніе всякаго частнаго посторонняго человѣка; щедростью онъ привлекъ на свою сторону многихъ гражданъ [4]). Короче сказать, замѣчаетъ флорентійскій историкъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ никогда не было не только во Флоренціи, но и во всякомъ другомъ городѣ. Между качествами, содѣлавшими его властителемъ своего отечества, болѣе всего обращали на себя вниманіе щедрость и блескъ [5]).»

Жанъ-Жако-Руссо восхищался великою личностью Козьмы Медичи и хотѣлъ непремѣнно написать его біографію. Это былъ простой частный человѣкъ, говорилъ женевскій гражданинъ; управляя своими согражданами, онъ сдѣлалъ ихъ счастливѣйшими; Козьма возвысился и господствовалъ лишь путемъ добродѣтели [6]).»

Между тѣмъ лѣта и болѣзнь быстро низводили его въ могилу. За нѣсколько дней передъ смертью, онъ говорилъ своимъ сыновьямъ Петру и Іоанну: «Я вамъ оставляю огромныя богатства, которыми наградила меня судьба; мать ваша помогала мнѣ скопить ихъ. Старайтесь поддержать ува-

---

1) *Cantu*. Histoire des Italiens; T. VI, p. 429—431.
2) *Voigt*. Die Wiederbelebung des classischens Alterthums, p. 150.
3) *Machiavelli*, delle storie fiorentine; T. I, p. 252; libro 4.
4) *ibidem*; T. I, p. 269; l. 4.
5) *ibidem*; T. II, p. 157; l. 7.
6) *Cantu*. Histoire des Italiens; T. VI, p. 430.

Digitized by Google

женіе и любовь добрыхъ гражданъ и народа; если вы будете хранить свято обычаи вашихъ предковъ; народъ всегда поддержитъ васъ. Будьте только милостивы къ бѣднымъ, ласковы и благосклонны къ богатымъ, будьте готовы всегда и всѣмъ помогать въ несчастіи. Не дѣлайте никогда ничего противъ желанія народа; не говорите съ нимъ какъ повелители, но будьте какъ можно мягче и общительнѣе. Не стремитесь слишкомъ ко дворцу; вступайте подъ кровъ его, лишь побужденные къ тому общимъ желаніемъ. Пріискивайте мѣры для спокойствія народнаго; пусть подъ вашимъ правленіемъ будетъ изобиліе во всемъ; избѣгайте по возможности личнаго посѣщенія судилищъ; своимъ присутствіемъ вы только помѣшаете законному теченію дѣла. Я васъ оставляю въ настоящее время чистыми отъ всякаго нареканія, богатыми наслѣдіемъ славы,—я доволенъ; но еще спокойнѣе бы я сошолъ въ могилу, еслибы видѣлъ васъ не въ шелку, а въ простой грубой одеждѣ. Будьте повелителями народа какъ можно меньше. Поручаю вамъ вашу мать; успокойте ее послѣ моей смерти, обезпечьте ея положеніе; смотрите, чтобы она не потерпѣла въ чемъ либо недостатка. Благословляю васъ дѣти мои,... молитесь за меня (1) »

Перваго апрѣля 1464 года не стало Козьмы; онъ умеръ 75 лѣтъ отъ роду въ своей виллѣ Кареджи. Добрую и рѣдкую память оставилъ по себѣ; въ теченіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ онъ былъ главою, но не тираномъ республики (2). » Платоническая Академія, библіотека Николая, купленная и значительно увеличенная числомъ томовъ, San—Marco, San—Lorenzo, многіе другіе храмы флорентійскіе, великолѣпные часовни работы Брунелески и Микалоццо—остались вѣчными памятниками «отца отечества.»

Сынъ его *Петръ* (1464—1469) не послѣдовалъ умнымъ совѣтамъ опытнаго политика. Къ тому же онъ не обладалъ отъ природы ни способностями, ни благороднымъ характеромъ своего отца, а потому понятно, что ему всегда приходилось испытывать на себѣ нерасположеніе согражданъ, что еще болѣе раздражало его, такъ что онъ рѣшился на постыдную мѣру, выказавшую всю мелочность его характера (3).

---

1) *Cantu*. Histoire des Italiens; T. VI, p. 430.
2) *Cantu*. Histoire des Italiens; T. VI, p. 430.
3) Макіавелли пытается защитить Петра: «la virtú e boutá del quale la patria sua non potette interamente conoscere, per essere stato da Cosimo, suo padre, infino quasiché all' estremo della sua vita accompaguato, e per aver quelli pochi anni, che sorpavisse, nelle contenzioni civili e nella infermitá consumati. Delle storie fiorentine; T. I, p. 192; libro 7.

Digitized by Google

Онъ потребовалъ назадъ деньги, розданные его отцомъ въ заемъ нуждавшимся. Естественно, что отвращеніе къ новому правителю сдѣлалось общее; родовые враги дома Медичи, искавшіе только удобнаго случая сокрушить ихъ господство, рѣшились воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Но Петръ сумѣлъ привлечь на свою сторону главнаго изъ нихъ Луку Питти, и тѣмъ удержалъ за собою верховную власть. Подъ конецъ своего неудачнаго правленія, въ самый годъ смерти, онъ съ грустью говорилъ своимъ приближеннымъ (¹).

«Не думаю, чтобы вся Италія была такъ заражена пороками, какъ наша Флоренція. Неужели за тѣмъ вскормило насъ наше отечество, чтобы мы сами дѣлались его палачами; неужели оно сдѣлало насъ побѣдоносными для того, чтобы мы сами загубили его; неужели оно окружило насъ уваженіемъ для того, чтобы мы послужили позорищемъ нашей отчизны?»

Народъ безъ особенной грусти провожалъ его тѣло до могилы, которая была приготовлена, рядомъ съ отцомъ въ церкви San-Lorenzo. За гробомъ шли его дѣти Лаврентій и Юліанъ. Большая часть честныхъ гражданъ отъ души желала имъ счастья въ трудномъ искусствѣ государственнаго управленія, которое рано или поздно не могло миновать ихъ рукъ, общій голосъ возлагалъ на нихъ большія надежды, хотя никто не скрывалъ опасеній за молодость двухъ юношей.

Дѣйствительно Лаврентію довелось испытать много бѣдствій и неудачъ, прежде нежели утвердиться въ положеніи отца и дѣда; Юліанъ же въ этой борьбѣ пожертвовалъ даже жизнію. Хотя наслѣдственныхъ должностей не существовало въ флорентійскомъ государственномъ устройствѣ, но народъ уже такъ привыкъ къ Медичи, что Лоренцо могъ смѣло занять мѣсто своего отца. Между тѣмъ власть Медичи все болѣе и болѣе увеличивалась; они дѣлались какъ бы протекторами республики, хотя не носили никакихъ титуловъ кромѣ гофалоньера. Это соединеніе власти въ однихъ рукахъ не было такъ ощутительно для народа, какъ для аристократовъ; всѣ предки Лаврентія умѣли ладить съ народомъ, но знать флорентійская считала себя точно также въ правѣ занимать мѣсто Медичи. Хорошо понимая, что при жизни Лаврентія имъ никогда не достичь верховной власти, аристократы рѣшились купить свое господство цѣною жизни молодыхъ наслѣдниковъ Петра.

Въ 1478 г. многими аристократами былъ составленъ заговоръ; во гла-

---

¹) *Machiavelli* delle storie fiorentine; T. II, p. 191; l. 7.

Digitized by Google

къ руководителей его стояла знатная фамилія Пацци; въ ней принимало много важныхъ духовныхъ лицъ. Заговорщики желали убить Лоренцо и Джуліано въ каѳедральной церкви во время обѣдни; исполненіе заговора было назначено 26 апрѣля. Папа Сикстъ IV, врагъ Медичи, не только зналъ о заговорѣ, но едва ли не былъ однимъ изъ его главныхъ руководовъ; родственникъ папы, кардиналъ Ріаріо, нарочно пріѣхалъ изъ Пизы служить обѣдню съ цѣлью заставить обоихъ братьевъ невольно присутствовать при богослуженіи. Ничего не подозрѣвая, Лоренцо торжественной процесіей встрѣтилъ кардинала, испросилъ его благословенія, зашелъ въ церковь и занялъ свое мѣсто. Младшій братъ почему-то не пошелъ въ этотъ день въ храмъ. Франциескъ Пацци и Бандини, предназначенные убить Юліана, отправились къ нему на домъ и дружескими убѣжденіями привели его въ церковь. Имъ хотѣлось совершить убійство непремѣнно въ самомъ храмѣ. Условленная минута наступила,.... Франциескъ Пацци съ яростью бросается на Юліана, наноситъ ему смертельную рану, съ бѣшенствомъ топчетъ его трупъ ногами; злодѣй до того увлекся, что самъ ранилъ себя довольно сильно въ колѣно [1]); тогда двое другихъ бросились на Лоренцо, но тотъ, не теряя духа и прикрываясь плащемъ отъ сыпавшихся на него ударовъ, какъ второй Цезарь, вынулъ мечь и сталъ защищаться; все дѣло ограничилось лишь легкою раною въ плечо; убійцы хотѣли бѣжать, но почти всѣ были схвачены народомъ, выведены за церковную ограду и тутъ же растерзаны. Другая партія заговорщиковъ бросилась было въ синьорію, съ цѣлью произвести переворотъ въ правительствѣ, но храбрость гонфалоньера Цезаря Петруччи не допустила заговорщиковъ нарушить порядокъ. Всѣ участники заговора были переловлены и казнены. Народъ, съ той минуты еще болѣе отдавшійся Медичи, наслаждался въ теченіи нѣсколькихъ дней полною разгульною местью; пощады не было никому. Даже такое лицо, какъ архіепископъ флорентійскій, не избѣгнулъ казни, къ которой приговорила его синьорія; онъ былъ повѣшенъ передъ окнами дворца пріоровъ. Папа запретилъ богослуженіе въ городѣ, оскверненномъ казнью архіепископа, и въ союзѣ съ королемъ неаполитан-

---

[1]) «Sorpa Giuliano Franzesco di Pazzi gittatosi, lo empio di ferite, e con tanto studio lo per cosse, che, accecato da quel furare che lo portava, se medesimo in una gamba gravemente offese». *Machiavelli*, delle storie fiorentine», T. II, p. 224; l. 8. — Заговоръ Пацци можно подробно читать у Макіавелли на 215 — 230 страницахъ втораго тома нашего изданія.

Digitized by Google

сенатъ объявилъ открытою войною дѣйствовать противъ Медичи. Республика вооружилась. Напрасно Лаврентій просилъ синьорію лучше его выслать за городъ, какъ единственнаго виновника предстоявшаго кровопролитія, не желая рисковать опасными случайностями войны. «Если вы не согласны на это; такъ онъ кончилъ свою рѣчь въ торжественномъ засѣданіи синьоріи, то я отдаюсь весь въ ваши руки. Вы мнѣ можете приказать остаться или уѣхать изъ города. Вы мои повелители, мои защитники; что велите мнѣ; я всегда исполню охотно, даже не откажусь, если вы только потребуете того, потушить несчастіе, погубившее брата, моею собственною кровью [1]).»

Члены собранія, тронутые до слезъ, отвѣчали, что городъ настолько горячо уважаетъ его и цѣнитъ его заслуги государству, что всегда считаетъ его личное дѣло своимъ собственнымъ; власть твоя рушится лишь съ гибелью самого государства. Но это было лишь увлеченіе. Въ ту рѣшительную минуту, когда неаполитанская армія, разсѣявши войска республики, приближалась къ стѣнамъ Флоренціи, начался легкій ропотъ въ городѣ. Благородный Лоренцо рѣшился тайно покинуть столицу и отправился въ Неаполь съ цѣлью привлечь на свою сторону стараго короля. При его политическихъ способностяхъ, при его знаніи людей и свѣта, это не было трудно для молодого Медичи. Онъ мало того, что отклонилъ короля отъ союза, но даже успѣлъ привлечь его на свою сторону за 60 тысячь флориновъ [2]). Папа, оставленный на произволъ и опасаясь къ тому же турокъ, также примирился съ республикой. Такой счастливый оборотъ дѣла выставилъ Лаврентія еще въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ передъ народомъ. Флорентійцы горячо полюбили его, тѣмъ болѣе что онъ не слѣдовалъ скряжничеству отца своего, а подобно Козьмѣ не щадилъ своего казнохранилища на пользу города и на вспомоществованія бѣднымъ. Самъ же между тѣмъ, пользуясь своею популярностью, все болѣе и болѣе укрѣплялъ и обезпечивалъ свою личную власть въ ущербъ синьоріи, которую онъ совершенно ослабилъ учрежденіемъ постояннаго совѣта изъ 70 гражданъ; этому собранію было ввѣрено замѣщеніе общественныхъ должностей и завѣдываніе всѣми государственными дѣлами. Замѣщая новый совѣтъ преимущественно своими кліентами, онъ захватилъ верховную власть въ свои руки. По выраженію одного современнаго историка, Лоренцо считался

---

[1]) *Machiavelli*, delle storie fiorentine; T. II, p. 234, 235; l. 8.

[2]) «Dove essendosi riconciliato con sua Maestá fu fatta tra quella e la cittá confederazione, o lega a dissensione degli stati, pervigore, della quale, la cittá nostra pagava l'anno a quel Re florini sessanta mila». Nordi, le storie della cittá di Firenze, p. 12; l. 1.

Digitized by Google

почти законнымъ, абсолютнымъ монархомъ.[1]). Всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ благоразумію и оборотливости, любезности своего характера, многосторонности своего ума и образованія, своему утонченному вкусу въ наукахъ и искуствахъ, которыя находили въ немъ самаго ревностнаго друга и покровителя, и наконецъ тому высокому уваженію, которымъ онъ, по своимъ качествамъ и вліянію, пользовался даже за предѣлами Италіи. Четыре дочери его породнились съ знаменитѣйшими итальянскими домами. Члены дома Медичи возсѣдаютъ на папскомъ престолѣ; извѣстный покровитель наукъ и искуствъ Левъ X былъ никто иной, какъ Джіованни, одинъ изъ сыновей Лаврентія. Папа Климентъ VII, былъ его племянникъ,—незаконный сынъ убитаго Юліана. Родственники Лаврентія дѣлаются впослѣдствіи членами многихъ королевскихъ семействъ западной Европы.

«Постоянно занятый важными предпріятіями, Лаврентій умѣлъ убѣждать «самыхъ упорныхъ, былъ ласковъ и обходителенъ въ обращеніи; онъ об«ладалъ всѣми свойствами, необходимыми для поддержанія своего могуще«ства. Въ обществѣ частныхъ людей онъ блисталъ любезностью; его вы«раженія отличались благородствомъ, хотя на самомъ дѣлѣ были очень «рѣшительны и опредѣлительны; остроты его были мѣтки, но сдержанны; «иронія составляла отличительную сторону его бесѣды; чѣмъ злѣе была «эта иронія, тѣмъ мягче и изящнѣе становилось его обхожденіе [2])». Лаврентій не отличался особенной красотой, но высокій ростъ, представительная осанка, мужественное выраженіе лица, открытый, строгій, смягченный ласковостью взглядъ,—придавали всей его фигурѣ достоинство и благородство.

Напрасно говорить про его любовь къ наукамъ и искуствамъ, которую онъ заявлялъ на каждомъ шагу. Онъ не упускалъ удобнаго случая обогатить Флоренцію рѣдкими рукописями или предметами древности и художествъ. Такъ еще въ молодости, вскорѣ послѣ смерти отца, отправленный посломъ въ Римъ для присутствія при короновании Сикста IV, онъ большую часть времени посвящалъ обзору римскихъ музеевъ и древнихъ рукописей; по возвращеніи во Флоренцію онъ привезъ съ собою двѣ мраморныя головы Агриппы и Августы, составлявшія одно изъ лучшихъ созданій римскаго искуства; въ то же время онъ обогатилъ Флоренцію мно-

---

[1]) «E cosi per il felice successo delle cose ne, venne Lorenzo in trnta grandezzo riputazione, che quasi poteva poco meno d'uno legittimo e assoluto principe». *Nardi*, le storie della cittá Firenze; p. 13; l. 1.

[2]) *Pignotti*. Storia della Toscana. Pisa. 1815; T. VII, p. 119; l. 4

Digitized by Google

жествомъ медалей, камеевъ и прочихъ рѣдкихъ и дорогихъ вещей [1]).

При такомъ покровителѣ «великолѣпномъ» правителѣ, ученые и художники толпою сбирались во Флоренціи, гдѣ жили во дворцѣ Лаврентія, окруженные почетомъ и довольствомъ, — какъ постоянные собесѣдники правителя. Они-то украсили Флоренцію изящными общественными зданіями и произведеніями живописи [2]), они-то прославили вѣкъ Лаврентія прекрасными литературными произведеніями. Для исторіи итальянскаго языка время Лаврентія составляетъ эпоху, — національный, мелодичный языкъ вытиснилъ изъ бенетристическихъ и даже ученыхъ произведеній сухую, средневѣковую латынь.

Въ изученіи древнихъ Лоренцо искалъ чего-то болѣе возвышеннаго, нежели скучныхъ, хотя необходимыхъ, изслѣдованій критики. Большую часть времени великолѣпный правитель проводилъ въ своей виллѣ, нависшей надъ флорентійскими башнями, расположенной на скатѣ высокаго холма, на вершинѣ котораго стоялъ древній Fiesole. Въ роскошныхъ садахъ виллы, онъ, окруженный философами и писателями, спорилъ о догматахъ Платоновой и Аристотелевой философіи, а передъ нимъ широкой грудной церквей, дворцовъ и колоколенъ разстилалась Флоренція съ своимъ огромнымъ куполомъ кафедральнаго собора [3]), работы Брунелески, едва ли не первымъ по своей архитектурѣ въ Италіи; за этимъ высокимъ гармоническимъ созданіемъ искусства выглядывали Santa—Croce, Santa—Maria—Novella, San-Marco, San-Spirito, другой великолѣпный памятникъ генія Брунелеска. Съ другой же стороны тянулись необозримыя рав-

---

[1]) *Cantu*. Histoire des Italiens; T. VI, p. 434. (Взято изъ «Memorie» Лаврентія, отличающихся, замѣтимъ кстати, простымъ но изящнымъ изложеніемъ; эти воспоминанія служатъ всегда важнымъ источникомъ для его біографіи. Кромѣ того онъ написалъ: Stanze bellisime ossia Selve d'amore, Poesie volgare, Rime sacre. Собраніе соч. Лаврентія Великолѣпнаго издано подъ заглавіемъ: Poesie del Magnefico Lorenzo di Medici. 1763.

[2]) Leonardo da Vinci (1452 — 1519) и Michel-Angelo-Buonarotti (1474 — 1564) считаются главами флорентійской школы живописи. Послѣдній изъ нихъ былъ сверхъ того замѣчательнымъ архитекторомъ и скульпторомъ. Леонардо, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, былъ первый физикъ и механикъ своего времени; по этимъ предметамъ онъ написалъ: De perspectiva, De machines et aedificiis.

[3]) Микель Анджело, отправляясь въ Римъ, доканчивать соборъ Петра и Павла, долго стоялъ въ задумчивости передъ этимъ куполомъ и наконецъ сказалъ: дай Богъ, чтобы я могъ сдѣлать хотя что нибудь похожее на это; сдѣлать равный я не въ силахъ.

Digitized by Google

нины, покрытыя роскошными садами, уходившія вдаль за горизонтъ; вдали жолтыя струи Арно тихо прокрадывались къ отдаленному своему устью.

Дѣйствительно и современники, и потомки имѣютъ полное основаніе считать Лаврентія украшеніемъ Медичи и титулъ Великолѣпнаго, которымъ они наградили его за блескъ и величіе, проявлявшіеся во всѣхъ его дѣйствіяхъ, есть только, по выраженію одного изъ итальянскихъ историковъ, слабая дань похвалы, заслуженной вполнѣ этимъ симпатичнымъ правителемъ (¹). Все повиновалось ему въ городѣ; аристократія испытала полную неудачу въ борьбѣ съ нимъ; среднее сословіе и простой народъ, считая Медичи первымъ своимъ другомъ, невольно подчинялись ему, вполнѣ сознавая его превосходство передъ прочими претендентами, чему доказательствомъ служила быстро возраставшая сила и значеніе Флоренціи; духовенство любило его за религіозность и за большія пожертвованія въ пользу церквей и монастырей. Такъ онъ былъ постояннымъ жертвователемъ и попечителемъ главнаго доминиканскаго флорентійскаго монастыря св. Марка, настоятель и иноки котораго платили ему всегда за это уваженіемъ и преданностью. Между прочимъ былъ заведенъ обычай, требовавшій чтобы пріоръ, при вступленіи своемъ въ должность, являлся непремѣнно къ своему патрону засвидѣтельствовать ему уваженіе и преданность; всѣ пріоры постоянно соблюдали это обыкновеніе. Вдругъ, это было въ 1491 году, узнаетъ Лаврентій, что на дняхъ избранный настоятель отказывается сдѣлать ему визитъ, несмотря на всѣ убѣжденія и прозьбы старыхъ монаховъ исполнить обычай своихъ предшественниковъ. Удивленный Лаврентій поспѣшилъ узнать имя смѣльчака, — ему отвѣчали: Іеронимъ Савонарола, доминиканецъ, прибывшій во Флоренцію изъ Болоньи. Лоренцо продолжалъ изумляться выходкѣ пришельца и рѣшилъ непремѣнно при первой возможности отправиться въ монастырь и видѣть новаго пріора... И мы въ свою очередь постараемся ближе познакомиться съ личностью, занявшею съ тѣхъ поръ умъ и сердце Лаврентія.

Джироламо Савонарола род. въ Феррарѣ 21 сентября 1452 г. (²). Отецъ его Николай Савонарола происходилъ изъ значительной Падуанской фамиліи; мать, урожденная Annalena Buonacorsi, была родомъ изъ Ман-

---

¹) »Si puo concludere, che Lorenzo é il piu chiaro ornamento della famiglia Madicea e il titolo di Magnefico, che gli fu dato per la grandezza e magnificenza, che pareva in tutte le sue ozioni, é il piú piccolo elogio, che egli meritasse». *Pignotti.* Storia della Toscana; T. VII, p. 120; l. 4.

²) Въ годѣ рожденія согласны всѣ біографы.

Digitized by Google

тун. Дѣдъ нашего Джироламо, съ успѣхомъ занимавшійся физикой и медициной, былъ приглашонъ герцогомъ феррарскимъ Николаемъ д'Эсте, въ качествѣ медика ко двору [7]).

Съ тѣхъ поръ онъ постоянно жилъ въ Феррарѣ. Семейство Николая Савонаролы было довольно многочисленно; кромѣ его самого съ женой и старика отца, оно состояло изъ двухъ дочерей и пяти сыновей Джироламо былъ третій между ними. Дѣдъ съ любовью занимался ихъ воспитаніемъ и, какъ медикъ, хотѣлъ непремѣнно направить внучатъ къ занятіямъ естественными науками, преимущественно медициной. Между прочими и Джироламо предстояла въ будущемъ карьера врача. Но еще съ дѣтства душа юноши симпатизировала къ совершенно другимъ занятіямъ. Характеръ его отъ природы молчаливый, требовалъ уединенія и самоуглубленія; его страсть была размышлять о метафизическихъ, отвлеченныхъ предметахъ. Онъ всегда чуждался своихъ товарищей, очевидно не находя между ними никого, кто бы удовлетворялъ его строгимъ требованіямъ. Онъ не посѣщалъ никогда любимаго мѣста феррарской публики— крѣпостного бульвара, а находилъ большое удовольствіе въ уединенной прогулкѣ за городомъ или же въ посѣщеніи обширныхъ галерей дворца д'Эсте, куда онъ имѣлъ доступъ черезъ отца. Онъ съ жадностью бросался на всѣ немногочисленныя и рѣдкія тогда книги, которыя только попадались ему подъ руки; читалъ все и книги и рукописи, но болѣе всего привязывался къ сочиненіямъ философскаго и богословскаго содержанія. Такъ онъ нѣсколько разъ перечитывалъ Аристотеля и Ѳому Аквинскаго; послѣдняго онъ полюбилъ всею душою и съ удовольствіемъ желалъ бы идти по его слѣдамъ. Но онъ съ величайшимъ сожалѣніемъ долженъ былъ сознаться, что уже теперь не то время, не та религіозность, какая была при св. Ѳомѣ; повсюду его взору представлялось печальное разстройство и паденіе нравовъ, о которомъ мы имѣли случай говорить въ началѣ предлагаемой статьи.

Понятно, что тяжело это должно было дѣйствовать на впечатлительную, воспріимчивую душу ребенка. До насъ дошли нѣкоторыя изъ его стансовъ, посвященные грустному состоянію церкви; въ нихъ видна вся скорбь молодой души и печаль о паденіи религіи и добрыхъ отношеній

---

[7]) *Perrens*. Jerome Savonarole, p. 31. *Карль*, въ Histoire de fra Savonarole, p. 57, вѣроятно по ошибкѣ относитъ приглашеніе въ Феррару къ отцу Джироламо; но всѣ розысканія біографовъ противъ этого увѣренія. *Rignotti* говоритъ положительно: «Aveva *il suo avo* esercitare con lode la medecina al servizio della casa d'Este. Storia della Toscana, T. VIII p. 37; L. 5.

Digitized by Google

между людьми ([1]). Хотя поэтическія произведенія не совсѣмъ то удавались будущему проповѣднику и часто выдерживали поправки одного доминиканскаго монаха, по имени Бенедикта Флорентійскаго, но нельзя отнять у нихъ глубокаго чувства, которое всегда скорѣе даетъ себя замѣтить при внѣшней шероховатости отдѣлки ([2]).

Видя въ свѣтѣ совершенный контрастъ съ религіей, которой онъ совершенно и окончательно посвятилъ себя, Джироламо, достигши совершеннолѣтняго возраста, рѣшился удалиться отъ міра и вступить въ монашество. На 23 году своей жизни, онъ привелъ въ исполненіе это намѣреніе.

Чтобы уяснить себѣ причины и поводы этого рѣшительнаго шага въ жизни Савонаролы, біографы прибѣгаютъ къ различнымъ способамъ. Одни объясняютъ это внимательнымъ чтеніемъ богослововъ и схоластиковъ сред-

---

[1]) Всѣ его поэтическія произведенія изданы отдѣльно во Флоренціи въ 1847 году, подъ заглавіемъ: Poesie del Girolamo Savonarola. Этой книги, къ сожалѣнію, не находится въ Публичной Библіотеки и мы по необходимости должны были ограничиться отрывками стихотвореній Савонаролы, приводимыми Кантю; вотъ для примѣра одно довольно рѣзкое мѣсто изъ его юношескаго опыта. «De ruina Ecclesiae:»

«Io vidi a Roma entrar quella superba
Che va tra'fiori e l'erba.
Sicuramente; mi restrinsi alquanto
Ove io conduco la mia vita inpianto.
Poi—Mira (disse), figlio, crudeltade;
E qui scoperse da far pianger sassi...
E lacerato in nulle parti il petto
Fuor dell'umil suo primo santo aspetto.
(Cantu. Histoire des Italtens; T. VII, p. 196).

Въ другомъ отрывкѣ Савонарола уже болѣе ясно высказываетъ наболѣвшее состояніе души своей; оно относится къ позднѣйшему времени:

«Omnipotente Jddio,
Tu sai quel che bisogna al mio lavuro
E quale e'il mio desio:
Jo non ti chiedo scettro ne'tesaro
Comme quel cieco avaro,
Ne che città o castel per me si strua,
Ma sol, Signor mio caro
Vulnera cor caritate tua:»
(*ibidem*; T. VII, p. 208).

[2]) *Cantu*. Histoire des Italiens; T. VII, p. 203. Трактатъ Савонаролы объ удаленіи отъ удовольствій свѣта и о суетѣ міра, о которомъ, упоминаетъ Карль въ Histoire de fra Savonarola, p. 76,—относится также къ юношескимъ произведеніямъ Савонаролы.

Digitized by Google

нихъ вѣковъ, преимущественно Ѳомы Аквинскаго, какъ Перренсъ; другіе же выставляютъ за причину представившееся ему видѣніе, какъ Карлъ. Посмотримъ лучше что говоритъ самъ Савонарола.

«Однажды я отправился въ Фаенцу; случайно завернувъ въ церковь св. Августина, я услыхалъ чудную проповѣдь одного августинскаго монаха. Теперь я не могу вамъ передать ее, но тогда она произвела на меня потрясающее впечатлѣніе. Черезъ годъ я уже былъ монахомъ [1]).» Далѣе онъ слѣдующимъ образомъ мотивируетъ свою склонность къ монашеской жизни:

«Истинная христіанская жизнь, полная любви ко Христу, не боящаяся ничего на свѣтѣ, презирающая самую смерть, заключаетъ въ себѣ безконечныя наслажденія. Человѣкъ религіозный, я понимаю здраво каждаго религіознаго, счастливъ вполнѣ. Сюда, сынъ мой, сюда, подъ покровъ религіи. Здѣсь ты не будешь имѣть болѣе ни жены, ни дѣтей; ты избавишься отъ великаго несчастія. Вы же блуждаете среди міра, обременены семействами, о которыхъ должны постоянно заботиться и жизнь ваша невольно дѣлается полною горестей. Что касается до меня, то я считаю выше всего въ этомъ мірѣ свободу и покой. Они будутъ моими постоянными спутниками до конца жизни. Чтобы наслаждаться свободой, необходимо отказаться отъ жены, а чтобы быть совершенно покойнымъ, я бѣгу отъ свѣта и стремлюсь къ стѣнамъ монастырскимъ [2]).»

Перренсъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что Савонарола желалъ въ тиши монастырской погрузиться въ метафизику и богословію, а вовсе не искалъ успокоенія, ибо врядъ ли кто велъ такую дѣятельную жизнь какъ будущій проповѣдникъ флорентійскій [3]).

Долго боролся Джироламо съ привязанностью къ дому родительскому, съ мыслью что онъ страшно оскорбляетъ своихъ родителей, оставляя ихъ въ томъ зрѣломъ возрастѣ, когда болѣе всего они могли ждать отъ него какъ нравственной такъ и матеріальной поддержки. Но сознаніе своего призванія и безкорыстія своихъ стремленій побудило его ни мало не медля привести свой планъ въ исполненіе. Ночью 23 апрѣля 1745 года, въ праздникъ св. Георгія, — время общаго веселья феррарцевъ, Джироламо бѣжалъ изъ родительскаго дома и ушолъ въ Болонью, въ тамошній

---

[1]) *Perrens.* Jérome Savonarole, p. 33.
[2]) *Perrens.* Jérome Savonarole; p. 33, 34.
[3]) *Perrens,* p. 34.

Digitized by Google

доминиканскій монастырь [1]). Св. Ѳома былъ доминиканецъ, а Джироламо еще въ юношескихъ лѣтахъ ревностно желалъ подражать ученому иноку; и поэтому онъ не хотѣлъ поступать ни въ какой другой орденъ. Надо замѣтить, что доминиканцамъ дозволялось многое, что строго воспрещалось (въ другихъ орденахъ; въ отношеніи исполненія строгихъ правилъ сподвижничества они стояли гораздо ниже, напримѣръ бенедиктинцевъ и картезіанцевъ, которые обрекали себя на самые ужасные подвиги и тяжкія усилія [2]), Зато отъ доминиканцевъ въ большей мѣрѣ требовалось другое качество, гораздо болѣе важное нежели физическое самоотверженіе. Имъ поставлялось въ обязанность разносить слово божіе по всѣмъ странамъ и ненарушимо хранить принципы католической религіи, защищая ихъ отъ всѣхъ нападеній противниковъ католицизма. Поэтому въ члены этого ордена поступали люди, преимущественно одаренные даромъ слова, притомъ основательно и подробно изучившіе богословіе и философію. Самое названіе этого ордена было *проповѣдники*, подъ которымъ они болѣе всего извѣстны у иностранныхъ писателей. Савонарола какъ нельзя болѣе удовлетворялъ этимъ требованіямъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что это былъ одинъ изъ величайшихъ проповѣдниковъ, какой только встрѣчается въ исторіи западной церкви. Онъ зналъ что рельефно выдастся и между доминиканцами, въ числѣ которыхъ необходимо должны были быть замѣчательнѣйшіе и лучшіе въ католическомъ мірѣ ораторы.

Черезъ два дня по прибытіи въ монастырь, онъ послалъ отцу письмо для оправданія своего поступка. Письмо это (отъ 25 апрѣля 1475 года) стоитъ того, чтобы нѣсколько остановиться на немъ. Молодой Іеронимъ видѣнъ здѣсь весь, съ плотью и кровью, со всѣмъ пыломъ своего увлеченія, со всею горячностью своего темперамента. Молодость автора придаетъ еще болѣе экзальтаціи его строкамъ. Джироламо говорилъ, что «печальное состояніе свѣта, несправедливость людей, деспотизмъ, развратъ

---

[1]) Карль дѣлаетъ очевидный промахъ и въ этомъ случаѣ; онъ говоритъ, что Джироламо убѣжалъ 25 апрѣля (p. 76) а потомъ (p. 86) письмо его къ отцу относитъ къ тому же 15 Апрѣлю. Сисмонди дѣлаетъ еще бо́льшую ошибку; у него Савонарола произноситъ окончательные монашескіе обѣты 23 Апрѣля 1475; такихъ промаховъ въ числахъ и даже годахъ вообще много въ сочиненіи французскаго историка, *Sismondi*. Histoire des republiques italiennes du moyen age; T. VIII, p. 298.

[2]) Die Regel wurde dahin ausgebildet, dass durch chwehre unterbrochene geistliche mechanische Beschäffigungen jede Individualität vernichtet und der kirchlich-klösterliche Gemeinsinn allein grossgezogen wurde». *Weber*. Lehrbuch der Weltgeschichte. Leipzig. 1859; T. I, p. 633.

Digitized by Google

разбойничество, гордость, идолопоклонство, ужасное богохульство, заставили его отказаться отъ міра». «Нѣтъ человѣка, который бы дѣлалъ добро; добродѣтель поругана, порокъ возвышенъ; всякому честному человѣку остается только одно средство бѣжать изъ этого вертепа разврата и преступленій, и жить вдали отъ людей, какъ существо разумное, а не какъ животное между свиньями (e non come bestia fra li porci).» Въ заключеніи проситъ снисхожденія у отца къ его поступку, проситъ обдумать зрѣло положеніе, въ которомъ онъ находился, обратить вниманіе на борьбу, которую онъ долженъ былъ вынести съ самимъ собою, оставляя родительскій кровъ, — на все это онъ не рѣшился бы безъ особенныхъ, непреодолимыхъ побужденій. «Мнѣ остается только просить васъ, какъ человѣка твердаго, успокоить мать мою. Я же всегда буду посылать горячія мольбы за васъ къ престолу Всевышняго [1])». То же страстное одушевленіе, та же рѣшительная ясность доводовъ, которою были проникнуты всѣ проповѣди Савонаролы, характеризуетъ и это письмо юноши, еще полнаго горячей любви къ своему семейству, среди котораго прошли его первыя впечатлѣнія дѣтства, но успѣвшаго уже возненавидѣть общество своихъ современниковъ.

Настоятель монастыря позволилъ ему удержать свое имя и не обременилъ его никакими обязанностями, которыя бы ему слѣдовало исполнять какъ послушнику. Джироламо, на волѣ, среди монастырской обстановки, спокойно могъ предаться своимъ занятіямъ богословіей и изученію святыхъ отцовъ, которыхъ онъ затвердилъ почти наизусть [2]). Любимцемъ его былъ, какъ мы сказали, св. Ѳома, знаменитый схоластикъ среднихъ вѣковъ, личность весьма замѣчательная, какъ по своимъ нравственнымъ качествамъ такъ и по высокому для своего вѣка образованію. Намъ не мѣшаетъ по-

---

[1]) Въ postscriptum сказано: «поручаю вамъ заботиться о всѣхъ моихъ братьяхъ и сестрахъ; болѣе всего обращаю ваше вниманіе на Альберта, въ надеждѣ, что вы займетесь его образованіемъ; на васъ будетъ лежать тяжкій грѣхъ, если вы дозволите ему терять дорогое время.»

Письмо это въ итальянскомъ подлинникѣ находится въ началѣ одного изъ томовъ: Gediche del fra Savonarola; сверхъ того цѣликомъ помѣщено у *Burlamachi*,—Vita di Girolamo Savonarola.—Во французскомъ переводѣ см, *Perrens*, p. 35—38; *Carll*, p. 77—80. Адресовано: Nobili et egregio viro Nicolao Savonarolae, patri optimo Ferrariae. Начинается возгласомъ: Iesus Christus Maria, а слѣдомъ за тѣмъ: - Honorande pater mio.

[2]) По словамъ Pico-della-Mirandola, лично знавшаго Савонаролу. *Perrens* p. 39.

Digitized by Google

знакомиться съ его жизнью и сочиненіями, опредѣлившими направленіе дѣятельности Савонаролы.

Ѳома происходилъ изъ знатнаго рода; онъ былъ въ родствѣ съ императорами германскими, какъ внукъ императора Фридриха I, племянникъ Генриха II, близкій родственникъ Фридриха II. Родился онъ въ Италіи, въ настоящее время незначительномъ, но въ средніе вѣка довольно большомъ городѣ Аквино, расположенномъ между Римомъ и Неаполемъ — въ 1227 году. Едва только ребенку исполнилось пять лѣтъ, какъ его отвели въ монастырь Monte-Cassino, гдѣ родной его дядя былъ абатомъ. Достигши достаточнаго возраста, онъ поступилъ въ недавно открытый (1224 г.) неаполитанскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи Петра Мартина и Петра Ирландскаго, двухъ философовъ того времени. Между тѣмъ св. Доминикъ устраивалъ новый орденъ. Молодой Ѳома, чувствуя въ себѣ уже давнюю склонность къ монашеской жизни, рѣшился поступить въ члены юнаго ордена. По постриженіи, онъ отправился въ сопровожденіи своего генерала, въ Парижъ.

Высокая богословская учоность доставила ему, еще восемнадцати-лѣтнему юношѣ, вторую богословскую кафедру въ колонской школѣ Альберта Великаго, считавшагося въ числѣ первыхъ философовъ своего времени. Извѣстна вся тяжеловатость, всѣ условные пріемы тогдашней науки; съ именемъ схоластики невольно соединяется представленіе о первоначальномъ, дѣтскомъ періодѣ развитія науки. Но если Ѳома не произвелъ переворота въ этомъ направленіи, то всячески старался упростить, уяснить разные богословскіе догматы, а не дѣлать ихъ еще болѣе недоступными для обыкновеннаго человѣческаго пониманія. Совершенно выдти изъ колеи тогдашнихъ требованій онъ не могъ, а для себя лично онъ не имѣлъ надобности; его громадныя знанія въ богословіи и философіи далеко превосходили познанія современныхъ ему учоныхъ [1]). Исключительно онъ отдался и вѣрилъ богословіи, считая философію пособіемъ для теологіи,— общее убѣжденіе среднихъ вѣковъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Ѳома не выходитъ изъ ряда схоластиковъ, но къ этому необходимо при-

---

[1]) Шлоссеръ разсказываетъ что Ѳома всегда имѣлъ въ запасѣ множество отвѣтовъ, такъ что никто изъ учениковъ не могъ застать его въ расплохъ. Онъ носилъ съ собою цѣлый арсеналъ матеріаловъ для богословскаго диспута, на которомъ онъ въ состояніи былъ тотчасъ же предложить 3,000 вопросовъ и представить своему противнику 15 тысячъ доказательствъ. *Schlosser* Weltgeschichte für das deutsche Volk. Er-an-Main. 1847; T. VIII, p. 228.

Digitized by Google

бавить, что Аквинскій философъ стоялъ гораздо выше современныхъ ему ученыхъ, по болѣе живымъ, разумнымъ взглядамъ какъ на богословіе, такъ и на философію. Онъ ратовалъ не изъ любви къ самой процедурѣ науки, что дѣлала большая часть схоластиковъ, а изъ за пользы, какую приноситъ наука для жизни, въ чемъ конечно не выходилъ изъ предѣловъ духовнаго мышленія. Смотря съ такой точки на его дѣятельность, мы ставимъ Ѳому Аквинскаго одною изъ симпатичнѣйшихъ личностей среднихъ вѣковъ.

Въ извѣстной борьбѣ съ Скоттомъ онъ держался воззрѣній эмпирическихъ, во всякомъ случаѣ болѣе прогресивныхъ нежели темные взгляды тогдашнихъ идеалистовъ, прозывавшихъ себя почему-то реалистами Партію номиналистовъ, къ которой принадлежалъ Ѳома, составляли всѣ доминиканцы; въ лагерѣ реалистовъ были францисканцы. Какъ глава партіи, Ѳома велъ дѣятельную полемику съ своими соперниками, которая еще болѣе разгорѣлась, когда молодой, но уже знаменитый ученый сталъ читать въ Парижѣ; здѣсь онъ получилъ степень бакалавра богословія. Поселившись въ якобинскомъ монастырѣ, онъ написалъ свои письма: de regimine Iudaeorum ad ducissam Brabantae, посвященныя Аделаидѣ бургундской. Кромѣ того онъ не переставалъ по обязанности професора толковать св. Писаніе. Имя его дѣлалось знаменитымъ во всей Европѣ, а ему было лишь 25 лѣтъ. Но слава перваго европейскаго богослова не мѣшала ему свято соблюдать въ стѣнахъ своей бѣдной кельи всѣ аскетическіе обряды строгаго ордена, едва лишь только начинавшаго развиваться. Церковь неоставляла безъ вниманія своего горячаго защитника; въ 1256 г. онъ получилъ степень доктора богословія вмѣстѣ съ своимъ другомъ св. Бонавентуро, принадлежавшимъ къ ордену минноритовъ францисканцевъ и считавшимся учителемъ ангельской премудрости [1]). Народъ же, слушая разсказы о подвигахъ Ѳомы, еще при жизни считалъ его святымъ; голосъ народа былъ формально подтвержденъ католическою церковью, канонизировавшей его по смерти. Ѳома скончался на пути въ Ліонѣ, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать на соборѣ, по приглашенію папы. Дорогою, почувствовавъ приближеніе смерти, онъ остановился въ абатствѣ Fosse-

---

[1]) «Bonaventura in seiner gemüthvollen Beschaulichkeit des innern und äussern Lebens als eines Spiegels der ewigen Wesenheit von der Kirche zu weitgreifender Thätigkeit berufen, ist eine der hohen Gestalten, an denen sich das in sich befriedigende Kirchenthum glorreich darstellt; an seinem Sarge weinten die Repräsentanten des ganzen Abendlandes». *Weber*. Lehrbuch der Weltgeschichte, T. I. p. 641.

Digitized by Google

Neuve, и здѣсь, въ присутствіи всѣхъ монаховъ, съ первыми лучами утра 7-го марта 1274 года, испустилъ духъ [1]).

Главнѣйшее сочиненіе Ѳомы называемое Summa totius Theologiae или просто богословіе, надъ которымъ онъ работалъ около десяти лѣтъ,— считается у католическаго духовенства лучшимъ и вѣрнѣйшимъ изъясненіемъ божественныхъ истинъ. Эта книга, говорятъ они, до того убѣдительно доказываетъ свои положенія, что уничтожаетъ всякую возможность отрицанія и воспитывавшіеся на этомъ богословіи всего менѣе могутъ сдѣлаться ересіархами. Но для насъ важнѣе другое сочиненіе Ѳомы, оставшееся къ сожалѣнію неоконченнымъ, это: De regimine principum. Оно имѣло значительное вліяніе на первоначальныя политическія тенденціи Савонаролы; впослѣдствіи, пророкъ—демократъ развилъ въ другую сторону свои убѣжденія, но въ основаніе ихъ положилъ строгое изученіе этого труда, въ которомъ видѣнъ человѣкъ, полный негодованія на совершающіяся передъ его глазами несправедливости, рѣшающійся призывать мщеніе небесъ на утѣснителей человѣчества. Ѳомѣ собственно принадлежитъ первая книга и четыре главы второй; окончаніе же сочиненія приписываютъ его ученику Толомео Лукскому.

Авторъ начинаетъ общими разсужденіями о человѣческой природѣ; онъ говоритъ, что человѣкъ созданъ для общества и что безъ послѣдняго, онъ будетъ слабѣйшее и несчастнѣйшее существо; всѣ его отличительныя качества, данныя ему самимъ небомъ, какъ-то: разумъ и языкъ потеряли бы свое значеніе, еслибы человѣкъ былъ изолированъ отъ общества. Разби-

---

[1]). Мы пользовались для біографіи Ѳомы сочиненіемъ того же Карля: *Histoire de la vie et des écrits de S. Thomas d'Aquin*. Paris. 1846; факты изложены довольно тщательно, но впечатлѣніе портитъ слишкомъ ревностное католическое направленіе автора. Кромѣ того есть еще слѣдующія спеціальныя біографіи:

I. *Vacuius*. Vita Domini Thomae Aquinatis. Antverpen. 1610.

II. *Etiro*, Vita di San Tomasso d'Aquin, divisa in 3 libri, Ven. 1630.

III. *Tournon*, Vie de S. Thomas d'Aquin, avec un exposé de sa doctrine et de ses ouvrages. Paris. 1737.

IV. *Vielmius*. De Thomae Aquinatis doctrina et scriptis, libri o. Brix: 1748.

V. *Bareille*. Histoire de S. Thomas d'Aquin, de l'ordre des frées Precheurs. Paris, 1846.

VI. *Hörtel* Thomas von Aquino und seine Zeit, nach Tournon. Augsb. 1840.

Сверхъ того существуетъ множество мелкихъ аналогій, похвальныхъ словъ, панегириковъ, преимущественно на итальянскомъ языкѣ.

Digitized by Google

раются всѣ роды правленія: демократическій, аристократическій и наконецъ монархія; послѣдней онъ хотя отдаетъ предпочтеніе, но замѣчаетъ, что монархія, полезная при честности правителя дѣлается невыносимою въ рукахъ человѣка, обращающаго исключительное вниманіе лишь на свои личные интересы [1]). Отъ несчастій и бѣдствій, по его словамъ, не спасетъ народъ ни аристократическое, ни демократическое правительство; въ этомъ случаѣ еще болѣе шансовъ развиться такимъ печальнымъ обстоятельствамъ, нежели въ монархіи, которую онъ поэтому считаетъ болѣе спокойною и *ровною* [2]). На этомъ основаніи онъ говоритъ, что если извѣстный деспотизмъ можно перенести, если онъ не чрезмѣрно гнететъ гражданъ, то лучше, изъ своего собственнаго спокойствія, не рѣшаться противодѣйствовать ему, дабы тѣмъ не быть вовлеченнымъ еще въ большія опасности [3]). Во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ Ѳома, какъ бы ни былъ монархъ жестокъ, не слѣдуетъ подымать на него руку и должно стараться спокойно переносить его поступки, считая ихъ за гнѣвъ небесъ. Государямъ онъ совѣтуетъ уклоняться отъ честолюбивыхъ войнъ и стараться находить удовольствіе въ мирномъ счастьи своихъ подданныхъ; всѣ слѣдующія главы посвящены исключительно наставленію монарховъ. Продолженіе Толомео далеко уступаетъ труду св. Ѳомы [4]).

Надъ сочиненіями этого человѣка просиживалъ Савонарола дни и ночи. Задушевнымъ его желаніемъ еще съ молодыхъ лѣтъ было подражать Аквинскому философу и дѣйствительно много сходства представляется между ними въ нравственномъ отношеніи, хотя Савонарола своею религіозною и публичною дѣятельностью оставилъ по себѣ гораздо большую славу, нежели Ѳома, не выступавшій на скользкое поприще политическаго проповѣдника.

Черезъ годъ искуса, т. е. въ 1476 году Джироламо былъ постриженъ въ монашество и оказался такимъ строгимъ къ себѣ и взыскательнымъ къ другимъ, блюстителемъ иноческой жизни, что представлялъ яркій контрастъ съ прочими доминиканцами, только по имени называвшими себя

---

[1]) Liber 1, caput 4.
[2]) Liber 1, ceput 5.
[3]) Liber 1, caput 6.
[4]) Кромѣ упомянутыхъ нами сочиненій Ѳома написалъ: Commentarii in Aristotelem, in Petrum Lombardum, in Psalmorum quinquagenam, in Prophetas, in Evangelia et Epistolas Paulinas. De Anima. Contra Graecos. Самое полное собраніе всѣхъ его сочиненій издано въ Римѣ, въ 1570 г., въ 17 томахъ, infolio.

Digitized by Google

нищенствующими, но на самомъ дѣлѣ весьма сходными съ развратившимся свѣтскимъ духовенствомъ [1]).

Такъ еще съ перваго же дня вступленія въ монастырь онъ отказался отъ денегъ, принесенныхъ имъ съ собою; даже книги подарилъ монастырю, оставивъ для себя только одну библію; въ случаѣ надобности, говоритъ онъ, я могу пользоваться монастырской библіотекой; инокъ не долженъ имѣть рѣшительно ничего, что бы напоминало ему о мірѣ, за исключеніемъ необходимой одежды [2]). Особенно онъ вооружался противъ кассъ монастырскихъ; міряне, любящіе церковь, могутъ снабжать монастырь всѣмъ необходимымъ; всякій принесетъ то что по силамъ и что находится у него съ избыткомъ; этимъ по необходимости долженъ уничтожиться всякій поводъ къ развитію роскоши въ стѣнахъ монастырскихъ. Мы сообщимъ кстати нѣсколько анекдотическихъ подробностей, записанныхъ его другомъ Pica della Mirandola, подробностей, очень вѣрно характеризующихъ приводимыя нами черты характера Савонаролы, хотя по времени онѣ относятся къ нѣсколько позднѣйшему періоду дѣятельности Джироламо.

Разъ дядя его, человѣкъ довольно зажиточный, послалъ ему 400 дукатовъ, которые, если онъ самъ не нуждается въ деньгахъ, просилъ передать монастырю. Но какъ и слѣдовало ожидать, Джироламо отослалъ ихъ назадъ, при чемъ писалъ дядѣ, что монастырь не можетъ имѣть никакой надобности въ деньгахъ [3]).

Однажды пріѣхали къ Джироламо (это было уже въ его бытность во Флоренціи) два бенедиктинскихъ монаха, одѣтые въ роскошныя, шолковыя мантіи и капишоны. Савонаролѣ весьма не понравилось подобное отступленіе отъ строгаго орденскаго устава; удивленіе его было такъ сильно, большіе чорные глаза доминиканца такъ пристально и съ такой ироніей были устремлены на пышныя складки пришедшихъ отцовъ, что бенедиктинцы не могли не догадаться въ чемъ дѣло. Они начали было толковать Іерониму, что прочное и широкое платье всегда дольше носится и тѣмъ избавляетъ монастырь отъ частыхъ тратъ, но Джироламо съ насмѣшливой улыбкой высказалъ имъ свое удивленіе: какъ жаль, что св. Бенедиктъ не зналъ такой простой хозяйственной экономіи,—онъ бы непремѣнно послѣдовалъ вашему примѣру [4]).

Громадная сила и твердость воли этой великой натуры поборола необ-

---

[1]) *Ranke*, die römischen Päpste, T. I, p. 61.
[2]) *Carle*. Histoire de fra Savonarola, p. 83.
[3]) *Carle*. Histoire de fra Sauonarola p. 84.
[4]) *Carle*, p. 84.—*Perrens*. p. 77.

Digitized by Google

ходимыя побужденія и требованія самой природы. Савонарола пріучилъ себя умерщвлять и презирать тѣло, въ ущербъ котораго развивалъ разумъ, возвышалъ свои духовныя силы. Такъ онъ, во всю жизнь отказываясь отъ всякихъ чувственныхъ наслажденій, сохранилъ дѣвственность, о чемъ генералъ ордена писалъ папѣ Александру VI [1]). Нѣкоторые пожалуй назовутъ Савонаролу за это формалистомъ, педантомъ, но эти нѣкоторые своимъ заключеніемъ выкажутъ сильную опрометчивость и полное непониманіе дѣла; врядъ ли въ комъ было менѣе педантизма, какъ въ этой высокой личности; онъ требовалъ исправленія не обрядовъ католической религіи, на которые смотрѣлъ всегда довольно равнодушно Цѣлью его было обновленіе упадшей нравственности, которую онъ не мѣрилъ узкимъ аршиномъ внѣшнихъ обычаевъ, но принималъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, — въ возстановленіи истиннаго значенія идеи правды, справедливости и свободы. Въ дополненіе къ тому онъ требовалъ и гармоніи внѣшней, невольно побуждающей не особенно развитаго человѣка идти по тому пути, символомъ котораго она служитъ.

Ученость и даръ слова молодого монаха, его склонность къ уединенію и размышленію, не могли конечно не обратить на себя вниманіе монастырскаго начальства. Въ 1482 г. его посылаютъ проповѣдывать въ города Ломбардіи; между прочимъ пришлось ему пробыть нѣсколько дней въ своемъ родномъ городѣ — Феррарѣ, но онъ не думалъ воспользоваться удобнымъ случаемъ повидаться съ родителями. Опасался ли монахъ за свою твердость, желалъ ли избѣгнуть непріятныхъ сценъ съ отцомъ, который продолжалъ негодовать на самовольный поступокъ сына; только Джироламо избѣгалъ всякаго повода къ свиданію съ своими родственниками и не выходилъ далѣе церкви доминиканскаго монастыря, въ которомъ онъ поселился. Высокая жизнь духа, посвященіе себя великому дѣлу распространенія истиннаго христіанства, мысли о политическомъ преобразованіи общей итальянской отчизны, которыя невольно срывались съ устъ пылкаго монаха [2]), естественно подавили своею массивностью и величіемъ узкія семейныя отношенія.

---

[1]) Подобною жизнью Савонарола возбуждалъ гнѣвъ и ненависть людей, не строгихъ къ самимъ себѣ. Можно отчасти согласиться съ Карлемъ: «Savonarola aima mieux obéir à Dieu, qu'aux hommes, et l'iniquitée vaincue sous touttes les formes, quand elle s'était presenée à lui pour l'ébranler, ne lui pardonna jamais cette masima». p. 85.

) Кантю говоритъ, что еще во время своихъ проповѣдей въ Брешіи, въ 1482 году, Савонарола упоминалъ о несчастномъ политическомъ

Digitized by Google

Въ то время Венеція находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Феррарой, державшей сторону соперницы ея Флоренціи. Желая избавить доминиканцевъ отъ бѣдствій войны, провинціалъ области распорядился отправленіемъ ихъ въ разные города Италіи. На долю нашего Джироламо выпала Флоренція; Савонарола получилъ приказаніе ѣхать въ столицу Тосканы, гдѣ ему назначено было поступить въ вѣдѣніе пріора монастыря Св. Марка.

«A quoi tiennent les destinées humaines», восклицаетъ по этому поводу новѣйшій біографъ Савонаролы [1]): въ порывѣ краснорѣчія онъ совершенно неосновательно прибавляетъ, что «будь Савонарола посланъ въ Павію, Брешію или другой какой либо небольшой итальянскій городокъ, то пламенный свѣтильникъ души его, чуждый прикосновенія искры, можетъ быть никогда бы не воспламенился (мы строго держимся подлинника: le foyer ardent de son âme, faute d'une étincelle, ne se fût peut-être j'amais embrasé)- Даже большіе города Италіи не могли представить удобнаго случая развернуться его генію. Въ Миланѣ, онъ не имѣлъ возможности ни произвести революцію политическую, ни проповѣдывать реформу церковную; звукъ его голоса, безъ всякаго эхо, замеръ бы подъ широкими сводами храма. Въ Римѣ всемогущій папа заживо похоронилъ бы его въ казематахъ замка св. Ангела. Неаполь, расположенный на другомъ концѣ Италіи, съ своимъ безпечнымъ народонаселеніемъ, не обѣщалъ никакого успѣха. Остается одна Флоренція; здѣсь живетъ народъ, такъ живо напоминающій намъ древнихъ Афинянъ, горячо увлекающійся энтузіазмомъ, храбростью, героизмомъ, народъ способный произвесть революцію, но неумѣющій пользоваться ея плодами. Къ тому же и самое состояніе города въ то время, много способствовало политическому генію человѣка, облаченнаго въ скромную рясу св. Доминика [2]).»

Дѣйствительно, какъ увидимъ впослѣдствіи, печальное состояніе Флоренціи, оставшейся безъ хорошаго руководителя послѣ смерти Лаврентія Медичи, давало большій просторъ Савонаролѣ, но мы не можемъ согла-

---

состояніи Италіи. Но по похвальному обыкновенію, авторъ не указываетъ откуда онъ заимствовалъ это извѣстіе. Сисмонди также безъ объясненій относитъ начало политическихъ проповѣдей Савонаролы къ 1483 или основательнѣе къ сезону 1484 года, проведенному имъ въ Брешіи. *Cantu*; Histoire des Italiens, T. VII, p. 197. *Sismondi*; Histoire des rép. italiennes, T. p. 299.

[1]) *Perrens*. Jérome Savonarole; p. 40.

[2]) *Perrens*, p. 40.

Digitized by Google

ситься съ Перренсомъ, что только въ одной Флоренціи могъ развернуться знаменитый проповѣдникъ. Что Римъ представлялъ непреодолимыя препятствія для успѣха дѣла Савонаролы, это не требуетъ объясненій; но отчего же другіе города подходятъ къ той же категоріи? Не было большой разницы между Флоренціей, Миланомъ и Неаполемъ XV-го вѣка; изъ городовъ его обличительныя смѣлыя рѣчи достигли бы до другихъ, болѣе важныхъ итальянскихъ центровъ; результатъ бы слѣдовательно не измѣнился. Этимъ неосновательнымъ предположеніемъ Перренсъ противорѣчитъ своимъ собственнымъ выводамъ, ставящимъ личность Савонаролы на такой широкій пьедесталъ, подъ который не подходятъ узкія различія итальянскихъ городовъ того времени.

Монастырь св. Марка лежитъ въ сѣверной части Флоренціи, почти на самомъ концѣ города. Погружонное въ зелень садовъ, это зданіе не останавливаетъ путешественника своею масивностью и величіемъ, какъ напримѣръ кафедральный соборъ, но оно становится интереснымъ, когда внимательно начинаешь разсматривать произведенія скульптуры и живописи, заключающіяся въ этомъ монастырѣ, занимаемомъ, какъ намъ извѣстно, доминиканцами. Здѣсь цѣлый рядъ картинъ работы старыхъ флорентійскихъ художниковъ; фрески и красивые баральефы украшаютъ алтарь и ризницу церкви.

Слава строгой жизни и рѣдкой богословской учоности Савонаролы уже успѣла достигнуть до обитателей этого монастыря. Доминиканцы св. Марка передавали даже другъ другу слухи о дарѣ чудотворенія, которымъ будто бы одаренъ ихъ будущій товарищъ; такъ говорили, что когда онъ плылъ однажды изъ Феррары въ Мантую, затѣялся споръ между матросами судна, при чемъ произносились непристойныя, площадныя выраженія. Строгій блюститель нравственности, монахъ не могъ быть безмолвнымъ свидѣтелемъ поруганія ея, и вотъ онъ началъ убѣждать матросовъ, укорять ихъ за безнравственность и простыми, но сильными словами умѣлъ привести ихъ къ полному раскаянію; матросы бросились къ ногамъ доминиканца; нѣкоторые изъ нихъ тутъ же исповѣдали свои грѣхи и съ тѣхъ поръ всѣ они отличались примѣрнымъ поведеніемъ [1]).

И много чего толковали про брата Джироламо иноки обители, которымъ

---

[1]) *Carle*, p. 89; *Perrens*, p. 43, Предполагаемый разсказъ кажется намъ достовѣрнымъ изъ всѣхъ подобныхъ повѣтствованій о дарѣ чудотворенія Савонаролы; по крайней мѣрѣ въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго. Джироламо славился умѣньемъ убѣждать не однихъ грубыхъ матросовъ. Это мнимое чудо передается совершенно одинаково всѣми біографами.

Digitized by Google

казалась странною такая суровая и святая жизнь, какую велъ Савонарола. Съ невольнымъ уваженіемъ вспоминали они про черепъ, сдѣланный изъ слоновой кости, который носилъ на рукѣ Джироламо, какъ символъ страшной смерти [1]); всѣ съ нетерпѣніемъ ждали той минуты, когда прибудетъ, къ нимъ въ монастырь этотъ святой человѣкъ.

Наконецъ вожделѣнная минута настала; монахи лично могли убѣдиться въ справедливости того что они слыхали про Джироламо. Пріоръ Викентій Бодилла [2]), убѣдившись въ богословской учености новоприбывшаго, назначилъ его почетнымъ чтецомъ при монастырѣ и учителемъ послушниковъ. Эти должности онъ исполнялъ до 1486 года. Публичная же проповѣдь во Флоренціи не удалась Савонаролѣ съ перваго раза. Обыкновенно въ праздничные дни способные проповѣдники, преимущественно изъ доминиканцевъ, получали приказанія говорить проповѣди въ разныхъ флорентійскихъ церквахъ. Нашему Іерониму однажды, въ 1483 году, выпало на долю говорить въ храмѣ S. Lorenzo. Оказалось, что слабый голосъ, невѣрная интонація, неизящныя жесты не могутъ быть вознаграждены ни выразительными чертами лица, ни даже самымъ увлеченіемъ. Къ концу проповѣди въ церкви почти никого не было; едва ли можно было еще насчитать человѣкъ 25, которые окончательно уничтожали всякое одушевленіе въ проповѣдникѣ [3]). Савонарола самъ сознается въ этомъ. «Опытомъ я убѣдился, говоритъ онъ, какъ мало былъ способенъ отъ природы къ роли проповѣдника. Волею моихъ начальниковъ принужденный «исполнять эту обязанность въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ, я былъ не толь-

---

[1]) *Cantu*. Histoire des Italiens; T. VII, p. 197.

[2]) Въ этомъ случаѣ мы вѣримъ болѣе Карлю, авторитетъ котораго, какъ спеціалиста во всемъ, что касается до исторіи церкви, гораздо значительнѣе, нежели Перренса. Послѣдній указываетъ на какого то Финаріо.

[3]) *Perrens*, p. 43. Карль относитъ эту неудачу къ 1482 г., но Перренсъ очевидно болѣе правъ. Сисмонди опять начинаетъ путаться; вообще надо замѣтить, что біографія Савонаролы до самаго 1494 г. весьма небрежно изложена у Сисмонди; факты сотавлены не только безъ прикосновенія исторической критики, но даже простого здраваго смысла. Такъ онъ говоритъ, что Джироламо потерпѣлъ фіаско еще въ Болоньи (такъ надо догадываться), на церковной проповѣди, послѣ успѣха своей публичной лекціи философіи; сообщивши объ этомъ, вдругъ безъ малѣйшихъ объясненій говоритъ: «ceux qui avaient été choqués de sa récitation en 1482, purent à peine le reconnaitre, lorsqu'en 1489 ils l'étendirent moduler à son gre uue voix harmonienze et porte, et la soutenir par une déclamation noble, imposante et gsacieuse». *Sismondi*. Histoire des répebliqnes italienes du moyen age; T. VIII, p. 299.

Digitized by Google

«ко на свой взглядъ, но и по мнѣнію всей церковной аудиторіи, весьма «неудовлетворителенъ. У меня не было ни порядочнаго голоса, ни пріятности произношенія, ни манеры говорить, словомъ ничего что бы могло «остановить на мнѣ вниманіе слушателей» [1]).

Неудача лишь подстрекнула Савонаролу; онъ рѣшился во что бы то ни стало исправить свои недостатки. Для этого онъ пользовался пребываніемъ въ S. Gemignano (небольшой городокъ къ ЮЗ. отъ Флоренціи), куда былъ отправленъ вѣроятно для проповѣди. Тамъ Іеронимъ пробылъ около двухъ лѣтъ (1484—1486), и это-то время онъ, какъ новый Демосфенъ, употребилъ исключительно для исправленія своихъ недостатковъ. Не успѣлъ Джироламо возвратиться, какъ получилъ отъ пріора приказаніе ѣхать назадъ въ Ломбардію. Былъ ли это просто капризъ монастырскаго начальства [2]) или какая другая болѣе важная причина руководила этимъ событіемъ въ жизни нашего доминиканца,—трудно опредѣлить. Мы думаемъ, что Савонарола не могъ удержаться отъ рѣзкихъ политическихъ намековъ не въ пользу Лаврентія, который не рисковалъ повредить своей популярности высылкою изъ города человѣка, не успѣвшаго еще пріобрѣсть сочувствіе и поддержку народа.

Какъ бы то ни было, но въ 1486 году мы встрѣчаемъ Савонаролу опять въ Ломбардіи, гдѣ онъ пробылъ около четырехъ лѣтъ до 1490 года. Эти годы—самые темные въ исторіи его жизни. Иные біографы даже вовсе неупоминаютъ про нихъ. Дѣйствительно-вѣрныхъ, критически-изслѣдованныхъ фактовъ мы не можемъ сообщить въ настоящемъ случаѣ; все держится исключительно на предположеніяхъ и вѣроятности. Такъ нѣтъ причины не согласиться съ Перренсомъ, что эти четыре года выработали и ясно указали Савонаролѣ его будущую дѣятельность. Изъ постояннаго посѣщенія большихъ и малыхъ городовъ, селъ и деревень, изъ частаго личнаго сношенія съ тогдашнимъ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ, онъ не могъ не вынести того убѣжденія «что прелаты не только не за«ботятся о своихъ паствахъ, но даже развращаютъ ихъ дурнымъ примѣ«ромъ; священники расхищаютъ добро церковное; проповѣдники толкуютъ «о пустякахъ; между духовными встрѣчаются лица всякаго поведенія; па«ства не слушаетъ болѣе своихъ прелатовъ; отцы и матери перестали за«ботиться о воспитаніи дѣтей своихъ; монархи утѣсняютъ своихъ подданныхъ и предаются междоусобіямъ; граждане и купцы заботятся только о

---

[1]) *Cantu*. Histoire des Italiens, T. VII, p. 197.
[2]) *Perrens*, p. 44.

Digitized by Google

«прибыли, женщины о пустякахъ, крестьяне о поживѣ, солдаты погрязли «въ святотатствѣ и безчинствѣ» [1]).

Требовалась всеобщая реформа; самый центръ католичества, римскій дворъ, говорилъ про нее; папы тоже сознавали ея необходимость; конечно никто изъ нихъ не думалъ покушаться на догматы и богослужебные обряды, долженствовавшіе остаться ненарушимыми. Италія требовала реформы, но не заходила далѣе улучшенія нравовъ въ главѣ и членахъ католической церкви; реформація, въ томъ видѣ какъ ее выразили протестанты, не могла и никогда не можетъ привиться въ Италіи; она противна характеру этого живого, пылкаго народа, воспринимающаго все не столько умомъ, сколько чувствомъ, сердцемъ, а эфектные картинные и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенные обряды католицизма удовлетворяютъ именно этимъ послѣднимъ чертамъ народнаго характера. Но папамъ подчинялась не одна Италія; вліяніе ихъ было сильно не менѣе и за Альпами, а извѣстно, что характеръ германскій не представляетъ никакого сходства съ итальянскимъ. Въ Германіи же, равно какъ во Франціи и въ Англіи, богословы и философы любили иногда вникать въ вопросы болѣе серьезные, поэтому тамъ не ограничивались уже разсужденіями объ исправленіи духовенства, а касались самой религіи. Пожалуй, удовлетворивши первымъ требованіямъ, можно было еще надѣяться остановить сектаторство; совершенно уничтожить возможность раздѣленія церквей было не въ власти человѣческой. Хорошо понимая положеніе дѣлъ, нѣкоторые изъ благоразумныхъ первосвященниковъ давно еще совѣтывали духовенству обратить вниманіе на свое соблазнительное поведеніе. Такъ, папа Григорій X на второмъ Ліонскомъ соборѣ, происходившемъ въ 1274 году, говорилъ что прелаты будутъ причиною паденія всего христіанскаго міра; онъ убѣждалъ духовныхъ исправиться, дабы отклонить великую церковную реформу, которая необходимо послѣдуетъ, если лица, призванныя быть блюстителями нравственности, будутъ продолжать вести позорную жизнь. На Константскомъ соборѣ, въ 1417 году, церковная реформа была главнымъ предметомъ обильныхъ разсужденій, но члены собора не выходили изъ предѣловъ нѣкоторыхъ улучшеній въ составѣ римской куріи; что соборъ состоялъ весь изъ горячихъ, непреклонныхъ католиковъ, доказательствомъ служила казнь Гусса, за которую стояли даже либеральные члены. Послѣдніе вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельно требовали введенія болѣе строгихъ мѣръ, которыя сдер-

---

[1]) Подлинныя слова Савонаролы; *Perrens*, p. 44.

Digitized by Google

живали бы въ извѣстныхъ границахъ свѣтскую жизнь духовенства [1]). Но консервативные ораторы пересилили; и лишь только новый папа Мартинъ V былъ выбранъ, какъ голоса либераловъ, встрѣчая общее равнодушіе въ членахъ собора, замолкли. Собраніе декретомъ Мартина было распущено и папа, ничѣмъ не побуждаемый, окружонный массою кардиналовъ совершенно противоположныхъ воззрѣній, не заявилъ себя никакими распоряженіями, которыя бы могли остановить копившуюся въ Германіи грозу. Конклавъ для приличія предлагалъ каждому кандидату на папскій престолъ прибѣгнуть къ реформѣ, но лишь только новый папа укрѣплялся твердо на первосвященническомъ мѣстѣ, то всѣ подобныя дѣла откладывалъ до будущаго своего преемника, который въ свою очередь поступалъ точно такимъ образомъ. Такъ было до Инокентія VIII.

«Этотъ первосвященникъ, говоритъ Гвичіардини, ничтожный для общественнаго блага, принесъ пользу развѣ только въ томъ отношеніи, что «вовремя прекратилъ войну съ королемъ Фердинандомъ, войну, ведепную «несчастливо и начатую вслѣдствіе происковъ неаполитанскихъ бароновъ; «предавшись всецѣло празднымъ удовольствіямъ, онъ не имѣлъ въ головѣ «никакихъ другихъ помышленій, если не упоминать про тѣ, которыя по«служили лишь ко вреду Италіи» [2]). Такая весьма посредственная лич-

---

[1]) Кромѣ спеціальной исторіи Констанскаго собора Ленфана лучшими источниками для этого предмета служатъ два сочиненія: *Johann von Weissenberg;* die grassen Kirchenverhannulungen des 15 und 16 Jachrhunderts, 1840; и *Bonnechose;* Gerson, Jean Hus et le concile de Constance. 2 vls. Paris. 1853. — Этотъ соборъ, продолжавшійся три съ половиною года (16 Ноября 1414—22 Апрѣля 1418 года), представлялъ торжественное зрѣлище соединенія первыхъ представителей католическаго міра, какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ. Императоръ Сигизмундъ конечно занималъ первое мѣсто въ ряду блестящей фаланги нѣмецкихъ владѣтельныхъ герцоговъ, князей, бароновъ. Число членовъ духовенства было огромное, невиданное доселѣ и между ними были лучшіе люди католицизма; кромѣ множества абатовъ, докторовъ богословія, простыхъ священниковъ (до 1800) на немъ присутствовало: 30 кардиналовъ, 20 архіепископовъ, 55 епископовъ и столько же прелатовъ. Но нельзя помянуть добрымъ словомъ этотъ соборъ; ничего хорошаго не оставилъ онъ на память о себѣ. «Единеніе церкви подъ властью одного папы было главное но единственное слѣдствіе его засѣданій; это верховное собраніе казалось для того пріобрѣло себѣ такое могущество, чтобы потомъ добровольно сложить его у ногъ своего владыки». *Bonnechose*, T. II, p. 223.

[2]) *Guicciardini*, Storia d'Italia; T. I, p. 10.

Digitized by Google

ность не могла много помочь дѣлу исправленія клира. Нельзя же считать за подвигъ съ его стороны подтвержденіе указа Пія II, воспрещавшаго духовенству содержанія боенъ, гостинницъ, игорныхъ и публичныхъ домовъ. Это подтвержденіе, изданное въ 1488 году, еще болѣе опозорило духовное сословіе, подтвердивъ офиціальнымъ образомъ позорное сочувствіе и покровительство духовенства разврату современниковъ [1]). Подобный указъ въ состояніи былъ подорвать и послѣдній нравственный кредитъ этого класса общества. Допуская такой порядокъ вещей, папы шли добровольно къ глубокой, неисходной пропасти. На инціативу ихъ невозможно и безразсудно было уже болѣе разсчитывать; общество само изъ себя необходимо должно было выработать реформаторовъ. И вотъ среди страстныхъ итальянцевъ явился Савонарола, среди болѣе хладнокровныхъ и болѣе практичныхъ нѣмцевъ—Лютеръ, предшествуемый и сопровождаемый цѣлымъ рядомъ другихъ, происходившихъ изъ той же германской расы.

Но огромная разница заключалась въ стремленіяхъ итальянскаго и нѣмецкаго проповѣдника, при всемъ замѣчательномъ сходствѣ внѣшней обстановки и нѣкоторыхъ фактовъ ихъ жизни, при всемъ сходствѣ нѣкоторыхъ ихъ убѣжденій, но только нѣкоторыхъ: въ главныхъ они радикально расходились другъ съ другомъ. Напрасно Лютеръ съ такой дружеской симпатіей относился къ своему мнимому собрату, напрасно онъ говорилъ про Савонаролу, что послѣдняго самъ Спаситель сопричислитъ къ лику святыхъ за то, что онъ служилъ лишь одному евангелію а не внѣшнимъ обрядамъ. «Облеченный щитомъ вѣры и шлемомъ спасенія, говоритъ Лютеръ, Савонарола смѣло бился съ врагами, не какъ доминиканецъ, но какъ воинъ церкви Христовой [2]).» За такой лестный отзывъ пророкъ флорентійскій не могъ отплатить съ своей стороны любезностью главѣ протестантизма: еслибы Лютеръ жилъ и дѣйствовалъ при Савонаролѣ, то итальянскій реформаторъ первый бы бросилъ въ него слово обличенія и проклятія.

Что Савонарола не возставалъ противъ догматовъ католицизма, ни противъ власти папской, что онъ нисколько не подходилъ къ тѣмъ реформаторамъ, которые сокрушили папскій престолъ, какъ то къ Лютеру, Кальвину, Цвингелю, ни даже къ менѣе требовательнымъ и менѣе строгимъ ихъ предшественникамъ, какъ Гуссу и Винклеру, лучшимъ доказательствомъ служитъ сочиненіе Карла, ревностнаго католика и горячаго

---

[1]) *Perrens*, Jérome Savonarole; p. 47.
[2]) *Cantu*, Histoire des Italiens; T. VII, p. 255.

Digitized by Google

поборника папизма съ его спутниками іезуитами, инквизиціей и т. п. [1]). Такой человѣкъ рѣшается отозваться объ этомъ низкомъ другѣ Лютера слѣдующимъ образомъ: «Савонарола, этотъ мученикъ за правду и свободу [2]), былъ ревностнѣйшій защитникъ святой церкви и правъ народныхъ [3]). Онъ, въ періодъ нравственнаго разложенія общества, находился во главѣ католицизма, всегда готовый на защиту церкви и всего необходимаго для счастія человѣчества. Мы любимъ его потому, что онъ предпочелъ лучше потиноваться Богу, чѣмъ людямъ; мы любимъ его за то, что онъ предавшись совершенно во власть его, рѣшился лучше пострадать за его святое дѣло. Этотъ человѣкъ мстилъ за попранніе законовъ правды и справедливости и несмотря на всѣ бѣдствія, обрушившіяся на его голову, онъ всегда былъ княземъ міра, непрестанно напоминавшимъ людямъ, что ихъ первый долгъ есть повиновеніе законной власти [4]) Обвиняютъ Савонаролу въ сочувствіи республиканскому образу мыслей. Если подъ республиканизмомъ разумѣютъ равенство всѣхъ передъ законами божескими и человѣческими, благородство и искренность между людьми, горячую любовь къ родинѣ и согражданамъ, возвышенныя чувства и энтузіазмъ ко всему, что способствуетъ развитію человѣчества, тогда, пожалуй, и мы признаемъ Савонаролу республиканцемъ и даже считаемъ за особенную честь раздѣлять подобное направленіе [5]).»

Если человѣкъ, защищающій нетерпимость, фанатизмъ и даже самую инквизицію, если такой горячій папистъ, какъ Карль, становится на сторонѣ Савонаролы, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что пророкъ фло-

---

[1]) Чтобы наше мнѣніе объ авторѣ «Histoire de fra Girolamo Savonarola» не показалось голословнымъ, мы совѣтуемъ прочесть 35 — 40 страницы его сочиненія, которыя бы не написалъ и самъ Инокентій III. Тамъ между прочимъ есть такія мѣста: «L'inquisition telle qu'elle fut constituée par le pontificat et selon les formes qu'elle garde encore en Italie, avertissait les égarés avec l'amour d'une mère (p. 35). — Intolérance, dont on fait un si vif reproche au catholicisme, n'est que la conséquence de ce principe, dont elle ne se départira jamais, la conservation, intacte du dépot de la foi (p. 35). — C'est surtout contre l'inquisition espagnole, que la liberalisme voltairien et jauséniste ont poussé les hauts cris.... L'inquisition a peut — être été longtemps le salut de l'Espagne (p. 38).

[2]) *Carle*, p. 56.

[3]) *Carle*, p. 111.

[4]) *Carle*, p. 362.

[5]) *Carle*, p. 363.

Digitized by Google

рентійскій, нисколько не былъ опасенъ для римскаго престола, что онъ нисколько не анализировалъ догматовъ католической религіи и что онъ никогда не думалъ покушаться на непримосновенность папской власти, Значеніе его заключается въ борьбѣ противъ современной ему безнравственности, въ стремленіи создать великую общину, которой религія служила бы главной опорой и необходимымъ цементомъ, въ желаніи политической свободы и единенія Италіи, наконецъ въ стремленіи поставить идеи соціализма (въ лучшемъ значеніи этого слова) основаніемъ общественной жизни. Если же онъ по видимому, боролся съ Римомъ, то причиной этой борьбы служилъ лишь исключительно развратъ Александра VI; правъ его духовной власти Савонарола не касался и считалъ ихъ вполнѣ справедливыми, законными; на свѣтскую же власть нападалъ именно потому, что послѣдняя служила главнымъ источникомъ безнравственности папъ; будь на первосвященническомъ престолѣ Григорія VII или какой другой сторонникъ строгой, честной жизни, Савонарола вѣрно бы не коснулся Рима а поставилъ бы своею исключительной цѣлью лишь проведеніе политическихъ идей. Только въ томъ смыслѣ можно его называть предшественникомъ Лютера, что онъ одинаково съ послѣднимъ порицалъ поведеніе папъ и духовенства; но какъ извѣстно, далеко не это одно было дѣломъ Лютера; нѣмецкій реформаторъ пошолъ далѣе, между тѣмъ какъ Савонарола, имѣя всѣ средства и способности сдѣлаться сектаторомъ, остановился на извѣстной точкѣ, — остановился потому, что образованіе новой церкви, отложеніе отъ католицизма, не лежало въ основаніи его духа, его призванія, его убѣжденія въ полной догматической правотѣ католической церкви и въ безспорной святости папской власти. Обвиненіе же въ ереси, произнесенное Александромъ VI, очень понятно; оно было необходимо въ интересахъ этого папы, стремившагося достигнуть совершенства въ развратѣ; никакимъ другимъ образомъ нельзя было погубить смѣлаго порицателя своихъ пороковъ, своего личнаго врага, какимъ былъ этотъ идолъ Флоренціи для достойнаго представителя семейства Борджіа.

Чтобы подтвердить наше мнѣніе, мы предложимъ еще нѣсколько фактовъ въ его пользу, а послѣ того выскажемъ взгляды на Савонаролу всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ писателей, касавшихся въ своихъ трудахъ этой интересной личности. Замѣчательнѣйшіе изъ такихъ ученыхъ, какъ Шлоссеръ, Сисмонди и нѣкоторые другіе будутъ болѣе на нашей сторонѣ, а извѣстно, что опытность напримѣръ Шлоссера въ дѣлѣ оцѣнки историческихъ личностей не подлежитъ сомнѣнію.

Однаъ изъ преемниковъ Александра VI, папа Павелъ IV, прежде кардиналъ Караффа, очень интересовался Савонаролой; онъ предложилъ и

Digitized by Google

которымъ богословамъ разобрать ученіе казненнаго доминиканца, чтобы наконецъ католическая церковь могла убѣдиться другъ или врагъ ей этотъ, по однимъ мученикъ, по другимъ просто обманщикъ и шарлатанъ [1]). Въ отвѣтъ на желаніе папы явилось два сочиненія и оба они оказались полными апологій Савонаролы. Одно изъ нихъ принадлежало перу монаха Павла Бернарда Лукскаго, который высказалъ прямо ту мысль, что ученіе невинно замученнаго брата Джераламо «не можетъ быть названо ни еретическимъ, ни схизматическимъ, ни даже погрѣшительнымъ или безпокойнымъ [2]).»

Авторомъ другого сочиненія былъ доминиканецъ Такассо Нери [3]); сочиненіе его было одобрено верховнымъ инквизиторомъ, слѣдовательно нельзя подозрѣвать автора въ пристрастіи къ Савонаролѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть измѣненія взгляда на мнимаго ересіарха со стороны римскаго двора, который дѣйствительно сталъ переходить на сторону Савонаролы ([4]). Такъ, папа Павелъ III, учредитель ордена Іезуитовъ, принужденъ былъ сознаться въ близорукости римской куріи; онъ разбирая дѣло Савонаролы произнесъ: Anzi noi haremo sempre a sospetto d'eretico, chi l'impugnasse—мы всегда считаемъ еретикомъ того, кто на самомъ дѣлѣ насъ защищаетъ ([5]). Еще другая причина побудила Нери написать эту апологію. Дѣло въ томъ: одинъ анонимный

---

[1]) *Cantu*, Histoire des Italiens; T. VII, p. 253.

[2]) Narrazione e discorso circa la contradizione grande fatta contra l'opere del reverendissimo padre frà Savonarola.—Объ этомъ сочиненіи см. *Cantu*, Histoire des Italiens, T. VII, p. 256.

[3]) Вотъ полное заглавіе этой апологіи, напечатанной старымъ курсивнымъ итальянскимъ шрифтомъ со множествомъ сокращеній: Apologia del reverendo padre fra *Tomasso Neri*, fiorentino, dell'ordine dei frati Predicatori, indifessa della dottrina del reverendissimo padre fra Girolamo Savonarola da Ferrara del medesimo ordine; indiritta al molto reverendo M. Francesco Diacetto, patrizio e canonico fiorentino; data nuovamente in luce con licentia de'superiori. Con priveligio. In Firenza. 1564.

[4]) Мы вышишемъ это *Licentia della santa inquisitione*. Nos Alexander Strozza, praepositus Florenti, Vicenuatius Apostolicus atque inquisitor Haereticae pravitatis Fforentiae. Visa praesenti Apologia per reverendum patrem, fratrem Thomam Nerium, ex sacro ordine praedicatorio, et ea reperta consona sanctae catholicae et apostolicae doctrinae sacrosanctae, imprimendi cuilibet concedimus per praesentes. — Data Florentiae, hac die XVII, mensis Augusti M. D. L. X. III.

[5]) *Neri*. Apologia del Girolamo Savonarola; dedicazione.

Digitized by Google

обвинитель издалъ въ Венеціи 22 положенія, противъ доктринъ Савонаролы, котораго онъ поносилъ всяческой бранью [1]). Нери блистательно опровергнулъ всѣ 22 положенія на 212 страницахъ своей апологіи. Анонимный обвинитель, вѣроятно въ порывѣ увлеченія, смѣшивалъ флорентійскаго проповѣдника съ Лютеромъ; по поводу такого лживаго заключенія Нери замѣчаетъ, «что Джироламо оказывалъ полную преданность Апостольской церкви и былъ весьма далекъ отъ заблужденій Лютеровыхъ [2]).»

Не отрицая преступленія Савонаролы противъ папы, котораго онъ дерзалъ порицать, и, причисляя это къ ошибкамъ проповѣдника, Нери оправдываетъ его заблужденіе человѣческою слабостью, che egli er' huomo e potev'errare и прибавляетъ что Джироламо претерпѣлъ за это наказаніе, далеко превосходящее его ошибки; оно искупило всѣ оскорбленія, которыя онъ по увлеченію нанесъ святѣйшему отцу. Въ заключеніи авторъ высказываетъ желаніе, не касаясь подробностей біографіи своего героя, взять на себя трудъ защитить ученіе Савонаролы [3]).

Разбирая характеръ проповѣдника, Нери говоритъ что «Джироламо, какъ ясно доказываютъ его сочиненія, былъ человѣкъ глубокой учености и по словамъ лицъ, знавшихъ его лично, святой жизни. Великія послѣдствія принесли Флоренціи его проповѣди. Между тѣмъ ученіе при жизни и по смерти навлекло на него важныя клеветы, породившія, если можно такъ выразиться, безчисленные поводы обвинять Савонаролу въ гнуснѣйшемъ преступленіи,—въ ереси [4]).» Папа Павелъ IV одобрилъ это сочиненіе и съ тѣхъ поръ католическій міръ призналъ безусловно невинность флорентійскаго пророка, а если ревностнѣйшіе паписты, сыплящіе цитатами изъ св. Писанія и св. Отцовъ, на сторонѣ Савонаролы,—то это лучшее доказательство непричастности послѣдняго дѣлу Лютеровой реформы.

Обзоръ мнѣній разныхъ писателей о нашемъ героѣ, мы расположимъ въ хронологическомъ порядкѣ; начнемъ съ тѣхъ людей, въ памяти которыхъ арче запечатлѣлась эта высокая личность,—съ его современниковъ.

---

[1]) Такъ онъ называлъ Савонаролу: «heretico, scandaloso, vano, ingannatore, huomo di cattiva lingua, inimico della chiesa, del papa e di prelati». *Neri*; apologia, p. 2.

[2]) *Neri*; apologia. p. 3.

[3]) «Jo adunque solamente diffendere voglio la sua dottrina, ne entrar in altro». *Neri*, apologia; p. 5.

[4]) *Neri*, apologia; dedicazione.

Digitized by Google

Макіавелли (1469—1528) по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, высказаннымъ въ его знаменитомъ произведеніи «Il. Principe» совершенно расходившійся съ Савонаролой, питалъ къ послѣднему однако глубокое сочувствіе. Нелѣпо предполагать, чтобъ такой горячій патріотъ, какъ Маккіавелли, раздѣлялъ все то что онъ навязалъ своему идеальному князю. Надо согласиться съ Маколеемъ, что главною цѣлью флорентійскаго политика было придать внѣшнюю силу и значеніе своей родинѣ. Средства не принимались въ соображеніе; пилюли бываютъ горьки, отвратительны, говоритъ онъ, но страшныя страданія и желаніе выздоровлѣнія заставляютъ больного и ихъ принимать не безъ удовольствія. Макіавелли былъ просто человѣкъ практическій, стремившійся возвеличить и укрѣпить извнѣ свою Флоренцію; Савонарола же, владѣя прекраснымъ духовнымъ оружіемъ, не хотѣлъ насиловать свою совѣсть, не хотѣлъ никому и ничему дѣлать уступокъ, а рѣшился прямо пробиваться черезъ крѣпкую фалангу враговъ къ осуществленію своихъ задушевныхъ идей...

Въ своихъ «Разговорахъ по поводу первой декады Тита Ливія» Макіавелли, разбирая значеніе религіи въ государствѣ, приходитъ къ тому убѣжденію, что вѣра, такъ сильно вліяющая на народъ невѣжественный, нецивилизованный, не остается нейтральной въ отношеніи и другихъ болѣе развитыхъ обществъ. Въ примѣръ онъ приводилъ ту популярность, какою пользовался Джироламо Савонарола во Флоренціи. Великій итальянскій политикъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы высказать свою симпатію къ проповѣднику; при чемъ однако не пускается въ большія подробности для подтвержденія своихъ замѣчаній [1]).

Другой современникъ *Гвичіардини* (1482—1540) характеризуетъ Савонаролу также очень слабо и кратко. Такъ онъ говорилъ, что Джироламо съ возвышеннымъ направленіемъ соединялъ глубокую ученость, высокую мудрость и даръ пророчества; онъ предсказывалъ Флоренціи «силу и могущество, но вмѣстѣ съ тѣмъ грозилъ страшными бѣдствія-

---

[1]) «Jo non voglio giudicare s'egli era vero o no, perche d'un tanto huomo se ne deble parlare con riverenza. Ma io dico bene, che infiniti lo credevano, senza havere risto cosa nessuna straordinaria da farlo laro credere; perche la vita sua, la dottrina, il soggetto che prese, erano sufficientr à fargli restare fede». — *Machiavelli*; tutte le opere, divise in cinque parti. 1550; T. III, p. 33). (Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio; l. 1, c. 11).

Digitized by Google

«ни, которыя наступятъ для римскаго двора и государей Италіи [1]).» Только обиліе предмета можетъ извинить недостаточность подобной характеристики.

Авторъ «Исторіи города Флоренціи,» очень подробно изображающій небольшой періодъ времени (1494—1531), *Нарди*, имѣлъ болѣе возможности говорить о Савонаролѣ, но и онъ, по общему обыкновенію, тоже болѣе толкуетъ о дарѣ пророчества Джироламо.

«Я рѣшительно утверждаю, говоритъ онъ, что этотъ человѣкъ имѣлъ «способность вѣрно предсказывать о разныхъ предметахъ, которые ни «одинъ смертный не можетъ предвидѣть [2]). Онъ старался поддерживать «общую страсть къ свободѣ, которая естественно прирождена людямъ; «надъ всѣмъ же возвышалась душа его къ Богу и высокая нравственная чи«стота, составляющая необходимо качество тѣхъ людей, которые ста«вятъ выше всего общее благо своей родины [3]).

Позднѣйшій историкъ Медичи, *Варильасъ* тоже восхваляетъ даръ пророчества Джироламо; причиною же паденія проповѣдника выставляетъ публичное обличеніе пороковъ Александра VI равно какъ заявленное имъ стремленіе къ реформѣ; однако же доказательствъ и объясненій послѣдняго факта не приводитъ никакихъ. Варильасъ считаетъ Джироламо «ученѣйшимъ человѣкомъ, какой только родился на почвѣ Италіи со «временемъ первыхъ Цезарей [4]).

Къ чести науки, немногіе изъ писателей нашего столѣтія рѣшились вмѣстѣ съ *Лео*, издѣваться надъ симпатичностью Савонаролы и поносить этого благороднаго человѣка эпитетомъ въ родѣ обманщика и проч. Нельзя не видѣть въ этихъ нападкахъ какую-то старческую злобу человѣка, сознающаго правоту своего врага, но не имѣющаго возможности сочувствовать ему, вслѣдствіе противорѣчія своихъ врожденныхъ, въѣвшихся въ плоть и кровь, убѣжденій. Характеръ сочиненій бывшаго Галль-

---

[1]) *Guicciardini*. Storia d'Italia; T. II, p. 91, 32; l. 3. Вся эпоха Савонаролы изложена у Гвиччіардини въ первыхъ трехъ книгахъ.

[2]) Нарди описываетъ время Савонаролы въ первыхъ двухъ книгахъ; особенно подробно изложенъ процесъ Джироламо; приводятся подробности со словъ людей, лично знавшихъ проповѣдника. Позднѣйшіе историки преимущественно основывались на Нарди. Взглядъ его на Савонаролу важенъ, какъ выраженіе современнаго настроенія общества относительно «пророка флорентійскаго».

[3]) *Nardi*. Le storie della città di Firenze; p. 86; l. 2.

[4]) *Nardi*, p. 84; l. 2.

Digitized by Google

сного профессора извѣстенъ всѣмъ, нѣсколько занимающимся исторіей; о чемъ бы ни шло дѣло, онъ непремѣнно будетъ возвѣщать папу, какъ представителя непогрѣшимости католической церкви; всѣ реформаторы, всѣ прогресисты, всѣ люди, которымъ обязано человѣчество своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, личные враги Лео. По словамъ достопочтеннаго профессора, поступками такихъ людей руководитъ лишь эгоизмъ и болѣе ничего.

Во всякомъ случаѣ надо имѣть большую дозу пристрастія и даже тупости, чтобы говорить про Савонаролу, что онъ «лишонъ былъ основательной учености и точнаго изученія богословія [1])» чтобы находить единственную заслугу этой геніальной личности,—въ происхожденіи отъ благородныхъ родителей [2]) и проч.,—все это доказываетъ только полное непониманіе, даже просто незнаніе дѣла, отсутствіе всякаго знакомства съ біографіей Савонаролы. При болѣе основательномъ изученіи предмета, положимъ, Лео не сталъ бы сторонникомъ проповѣдника нравственной реформы; его клерикальныя убѣжденія, враждебность всякому свободному проявленію мысли, не допустили бы его до того, но все-таки, онъ не сдѣлалъ бы промаховъ, компрометирующихъ всякаго образованнаго человѣка, а тѣмъ болѣе профессора исторіи.

Гораздо большею основательностью отличаются сужденія *Пиньотти*, автора Тосканской исторіи. Этотъ писатель находитъ, дѣйствительно, многіе недостатки въ Іеронимѣ, но не думаетъ оспаривать ни его важнаго значенія, ни его рѣдкихъ качествъ, ни общей грандіозности этой личности. Такъ, онъ упрекаетъ Джироламо за крайности, за увлеченія, за ригоризмъ, выразившійся въ его направленіи; это все справедливо; но едва ли справедливо обвиненіе въ ложномъ краснорѣчіи, въ постоянномъ будто бы стремленіи къ эффекту; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ порицать все итальянское духовенство и съ этой стороны упрекъ будетъ еще имѣть нѣкоторое значеніе, потомучто посредственность имѣетъ надобность прибѣгать къ эффекту для заявленія себя съ болѣе выгодной стороны.

Впрочемъ многія изъ проповѣдей Савонаролы строгій критикъ находитъ совершенно безукоризненными; высказавши это, Пиньотти при-

---

[1]) *Varillas*. Les anecdotes de Florence ou l'histoire secrète de la maison des Medicis. 1685; p. 213 et 314.

[2]) *Heinrich Leo*. Geschichte der italienischen Staaten; T. IV, p. 416 nnd T. V, p. 67.

Digitized by Google

ставляетъ: «многіе протестанты осыпаютъ похвалами этого порицателя римской куріи и смотрятъ на него, какъ на пророка, проповѣдывавшаго реформу, составляющую главное основаніе ихъ церкви [1])

Перренсъ преувеличиваетъ реформаторскую дѣятельность Савонаролы; онъ кажется готовъ совершенно переселить его въ станъ протестантовъ.

Подобное заключеніе въ высшей степени опрометчиво [2]). Но нельзя отчасти не согласиться съ слѣдующими строками Перренса. «Противорѣчіе самому себѣ составляетъ отличительное качество человѣка; никогда послѣдній не можетъ быть ни абсолютно добрымъ, ни положительно худымъ. Савонарола менѣе чѣмъ всякій другой могъ отличаться такимъ рѣшительнымъ направленіемъ. Онъ смѣло пошолъ по такой дорогѣ, гдѣ необходимо долженъ былъ встрѣтить на каждомъ шагу искушенія и опасности. Онъ желалъ бы всегда быть добродѣтельнымъ, но между тѣмъ дѣлалъ иногда зло. Это происходило не изъ желанія, не изъ наклонностей, но лишь по увлеченію, по трудности выдти изъ извѣстнаго положенія. На самомъ дѣлѣ онъ не былъ пророкомъ, между тѣмъ считалъ себя таковымъ; эта самая иллюзія была часто для него и причиной могущества и вмѣстѣ съ тѣмъ обильнымъ источникомъ ошибокъ и заблужденій [3]). Если, не смотря на его слова, нельзя считать его на самомъ дѣлѣ пророкомъ, если притомъ невозможно смотрѣть на него какъ на обманщика, то остается только одинъ выводъ, что онъ самъ заблуждался и льстилъ себѣ, что онъ будто бы дѣйствительно вдохновленъ такимъ даромъ [4]). Есть предположеніе, что онъ смотрѣлъ на религію, какъ на средство къ достиженію политической свободы и демократіи, но внимательное изученіе жизни и сочиненій доминиканца убѣждаетъ насъ въ томъ, что на него нельзя смотрѣть, какъ на равнодушнаго къ дѣлу религіи, мученика свободы. Послѣдняя была для Іеронима лишь средствомъ, которое онъ считалъ самымъ удобнымъ для достиженія религіозной и соціальной реформы [5]). Характера онъ былъ деспотическаго, надменнаго; ему, какъ непокорному сыну, церковь не могла простить того соблазна, котораго онъ былъ причиной; не могла также забыть тѣхъ оскорбленій, которыми

---

[1]) *Heinrich Leo*; T. V, p. 67. Біографія Савонаролы изложена у Леона 66—122 с. 5-го тома.

[2]) *Pignoti*. Storia della Toscana; T. VIII, p. 85—80.

[3]) *Perrens*. Jérome Savonarole; p. 11, 12.

[4]) *ibidem*; p. 3.

[5]) *Perrens*; p. 327.

Digitized by Google

онъ осыпалъ духовенство. Но болѣе безпристрастное потомство не можетъ забыть, что папа, съ которымъ такъ страстно боролся Джироламо, назывался Александромъ VI, и что Савонарола рѣшился на возмущеніе потому, что папа и дворъ его противопоставляли всевозможныя препятствія людямъ, напедавшимъ на нихъ ничтожность и развратъ [1]).»

Но спѣшимъ прибавить, что боровшись съ папой, флорентійскій проповѣдникъ, нисколько не касался церкви, что кажется забываетъ Перренсъ; по крайней мѣрѣ, смыслъ его выраженія «реформа» весьма неопредѣлительный.

Послѣдняго, сдѣланнаго нами, замѣчанія нельзя отнести къ новѣйшему историку Италіи,—*Кантю*, который говоритъ положительно, что Савонарола нисколько не былъ причастенъ Лютеровой реформѣ, что, какъ по своему возвышенному, далекому отъ холоднаго разсудка Лютера, направленію, такъ и по цѣлямъ, Джироламо не представляетъ даже большаго сходства съ германскимъ реформаторомъ. Кантю называетъ нашего флорентійца болѣе человѣкомъ среднихъ вѣковъ и говоритъ что костеръ былъ необходимъ въ дѣлѣ Савонаролы, хотя спустя нѣкоторое время, церковь сама раскаялась въ своемъ поступкѣ. Вскорѣ послѣ казни смѣлаго доминиканца, Рафаель помѣщаетъ его портреты въ Ватиканѣ, въ рядахъ другихъ ученыхъ богослововъ; въ флорентійской Santa Maria—Novella, портретъ Савонарола поставленъ между изображеніемъ проповѣдующаго Спасителя и Рожденіемъ св. Доминика [2]).

Подобнымъ же образомъ отзываются Сисмонди и Шлоссеръ о дѣятельности и значеніи Савонаролы. Эти ученые преимущественно отстаиваютъ ту огромную разницу, которая необходимо существуетъ въ дѣйствіяхъ и цѣляхъ итальянскаго и германскаго проповѣдника. Такъ Сисмонди прямо говоритъ что реформа, которую предлагалъ Савонарола, какъ необходимое средство для избавленія отъ бѣдствій, уже приготовленныхъ для Италіи,—долженствовала измѣнить лишь нравы христіанскаго міра, а вовсе не вѣру... Джироламо никогда не позволялъ себѣ сомнѣваться въ догматахъ католической церкви, никогда не рѣшался подвергать ихъ анализу. Самый его энтузіазмъ никогда не дозволилъ бы ему чего либо подобнаго. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, слѣдуя голосу разсудка, нарушаютъ установленный порядокъ;

---

[1]) *Perrens;* p. 337.

[2]) *Cantu.* Histoire des Italiens; T. VII, p. 255. — О Савонаролѣ надо читать с. 196—256 седьмаго тома.

Digitized by Google

напротивъ, онъ слѣдовалъ лишь неопредѣленнымъ внушеніямъ, которыя онъ принималъ за сверхестественныя; это былъ человѣкъ не логическаго анализа, а пророчествъ и чудесъ [1]).»

«Католики, говоритъ еще яснѣе другой историкъ, могутъ порицать Савонаролу лишь за нарушеніе дисциплины въ іерархіи и за стремленіе исправить внѣшность (auszere Ordnung) католическаго міра, а не за измѣненіе догматовъ, какъ Гусса и Лютера [2]).» Упрекая проповѣдника, за излишнюю утопію, за стремленіе къ тому, что немыслимо было для его эпохи, какъ напр. къ комунизму [3]), Шлоссеръ продолжаетъ: «какъ соціалистъ, Савонарола вовсе не могъ быть предшественникомъ Лютера, который прежде всего проповѣдывалъ подчиненіе поставленнымъ властямъ [4]).

Такія положительные отзывы лучшихъ историковъ этого времени не оставляютъ никакого сомнѣнія о характерѣ дѣятельности Савонаролы. Приведенныя же нами выше замѣчанія на Карля и Нери служатъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ безучастія Джироламо въ дѣлѣ оскорбленія римской церкви. Все это вполнѣ подтверждаетъ нашъ взглядъ на значеніе и образъ дѣятельности Савонаролы.

Это отступленіе мы считали необходимымъ въ томъ отношеніи, что оно заранѣе познакомитъ читателей съ характеромъ дѣятельности нашего героя, а также съ мѣстомъ, занимаемымъ имъ во всеобщей исторіи. Факты его жизни, къ которой мы теперь обращаемся, еще болѣе подтвердятъ наше заключеніе.

Мы оставили Савонаролу въ Ломбардіи, гдѣ онъ пробылъ около четырехъ лѣтъ. Въ это время является у него первая попытка выска-

---

[1]) *Sismondi.* Histoire des républiques italiennes du moyen age; Bruxslles; 1826; T. VIII, p. 300. Эпоха Савонаролы разобрана у Сисмонди въ 8 и 9 томахъ нашего изданія.

[2]) *Schlosser.* Weltgeschichte für das deutsche Volk. 1850; T. XI, p. 137.

[3]) *ibidem;* T. IX. p. 465.

[4]) *ibidem;* T. IX, p. 466. — Намъ еще часто придется встрѣчаться съ Шлоссеромъ при изложеніи дѣятельнооти Савонаролы. Хотя германскій историкъ не стремится, по своему обыкновенію, къ фактическимъ подробностямъ и въ этомъ отношеніи не можетъ служить для насъ важнымъ пособіемъ, но его общіе взгляды, его приговоры, почерпнутые изъ практическаго знанія свѣта и людей, изъ постояннаго изученіи дѣятелей минувшаго времени, имѣютъ капитальную важность. Савонаролѣ онъ посвящаетъ въ 9 томѣ,—с. 463—468; въ 11—с. 135—143.

Digitized by Google

зать публично свои политическія убѣжденія, которыя уже созрѣвали и стали мало по малу складываться въ извѣстную форму [1]). Популяризировать ихъ онъ рѣшился съ церковной каѳедры и дѣйствительно это было лучшее средство подѣйствовать на религіозную массу, которая всегда и вездѣ глубоко уважаетъ все, выходящее изъ устъ проповѣдника. Успѣхъ же Савонаролѣ можно было смѣло предсказать огромный, тѣмъ болѣе, что онъ успѣлъ къ тому времени исправить свои прежніе мелкіе недостатки, касавшіеся внѣшней стороны проповѣди; даромъ же слова и успѣхомъ эллектризовать слушателей Джироламо отличался еще прежде. Хотя средній и высшій класъ общества относился уже скептически къ религіи, но тѣмъ не менѣе уважалъ практическую выгодную для него сторону значеніе которой заключалось въ ея порывистомъ дѣйствіи на массу.

Еще до 1490 года, съ котораго начинается настоящая проповѣдническая дѣятельность Савонаролы, — у Джироламо замѣчаются попытки высказать свои, уже созрѣвшія, убѣжденія. Но еще, не обладая на столько достаточной увѣренностью, чтобы рѣшиться горячо отстаивать ихъ передъ массою слушателей, онъ принужденъ былъ облекать ихъ въ загадочныя, темныя формы. Тѣмъ не менѣе, въ народѣ заговорили, что смѣлому монаху не сдобровать; одна дама изъ Брешіи даже рѣшилась письменно

---

[58]) Противоположность между богатствомъ и силою итальянской почвы и народнаго характера съ одной стороны и несчастнаго, раздробленнаго политическаго состоянія съ другой, — постоянно возмущали душу пылкаго Савонаролы. Чтобы убѣдиться въ прекрасномъ земледѣльческомъ состояніи, въ какомъ находилась Италія, и вообще въ существованіе всѣхъ необходимыхъ, для внѣшняго процвѣтанія страны, условій, — достаточно прочесть вступленіе *Гвичіардини* въ его исторію; онъ называетъ Италію 15-го вѣка: «ornatissima di tanti doti, meritamente appresso tutte lo nazioni nome e fama chiarissima riteneva» (T. I, p. 4). По внѣшнему экономическому процвѣтанію и богатству внутреннихъ нравственныхъ соковъ, Сисмонди сравниваетъ тогдашнюю Италію съ нынѣшней Англіи; какъ тутъ такъ и тамъ представляется при томъ одинаковое пониманіе идеи политической свободы и равное (конечно относительно) процвѣтаніе торговли и богатства народнаго. Большое вліяніе внѣшнихъ благопріятныхъ обстоятельствъ на исторію Англіи, побуждаетъ Сисмонди отдать преимущество, при этомъ сравненіи, Италіи. *Sismondi*, Histoire des répebliques italiennes du moyen age; T. VIII, p. 257, 258. — Но если, при всѣхъ по видимому благопріятныхъ условіяхъ, не развилась политическая свобода и удовлетворительная, судя по количеству населенія, государственная сила, то какъ бы въ вознагражденіе за это явилось у

Digitized by Google

предупредить проповѣдника о предстоявшей ему опасности, если до слуха святѣйшаго отца дойдутъ его двусмысленныя фразы, но Савонарола, думая что это козни дьявола, сжогъ письмо [1]). Кромѣ того разнесся слухъ въ городѣ, что одинъ монахъ видѣлъ, въ ночь на Рождество Христово, голову Іеронима, озаренную сіяющимъ вѣнцомъ; это говорили,—предвѣщаніе будущей мученической кончины брата Джироламо [2]).

Мы не считаемъ себя въ правѣ выпускать эти подробности дѣтскихъ, безъискуственныхъ выраженій фантазіи массы. Онѣ для насъ важнѣе иныхъ громкихъ фактовъ, относящихся къ подвигамъ военнымъ, вращающимся въ узкой сферѣ междоусобій владѣтельныхъ лицъ. Выражая собою понятія и убѣжденія народныя, онѣ своею сказочною занимательностью скорѣе всего переносятъ въ описываемую эпоху.

Подъ вліяніемъ такихъ неблагопріятныхъ слуховъ, Джироламо счелъ за лучшее остановить свои пока еще ранніе порывы, которые должны были быть лишь напрасно истрачены среди неприготовленныхъ немногочисленныхъ брешіанскихъ гражданъ.

Біографы говорятъ, что Лаврентій Медичи въ первый разъ услышалъ о Савонаролѣ еще въ 1486 году. Виновникомъ этого былъ извѣстный ученый и мистикъ того времени Pica-della-Mirandola [3]); поводомъ по

итальянцевъ обиліе политическихъ теорій и блестящее состояніе публицистики. «Число политическихъ писателей, говорилъ Феррари, представляется весьма значительнымъ, особенно если судить по отношенію къ прочимъ европейскимъ народамъ; послѣдніе должны были бы имѣть на своей сторонѣ по крайней мѣрѣ 4,240 публицистовъ (принимая въ соображеніе народонаселеніе), такъ какъ въ одной Италіи ихъ оказывалось 424. На дѣлѣ же мы находимъ лишь 494 европейскихъ политическихъ писателей.... Между городами Италіи на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить Флоренцію; соблюдая извѣстную пропорціональность, слѣдовало бы ожидать въ ней двухъ или трехъ, тогда какъ въ дѣйствительности во Флоренціи насчитываютъ до двадцати, притомъ первоклассныхъ, публицистовъ, какъ Данте, Макіавелли, Каппони, Джіанноти и друг.». *Ferrari*. Histoire de la raison d'Etat, Paris, 1860; p. 357.

[1]) *Perrens*. Jerome Savonarole; p. 51.

[3]) *Perrens*; p. 51.

[2]) Необыкновенно даровитая личность, къ сожалѣнію сгубившая напрасно свои богатыя способности. Онъ жилъ отъ 1463 до 1496 года; въ молодости съ большимъ успѣхомъ занимался поэзіей и древними языками, но охватившая его страсть къ магіи и кабалистикѣ, сдѣлала изъ него мистика. Онъ вздумалъ писать кабалистическія изъясненія на священныя книги; пользуясь покровительствомъ Иннокентія VIII, въ 1486 г. объявилъ въ Римѣ диспутъ, на которомъ представилъ 900 положеній изъ

Digitized by Google

служило слѣдующее обстоятельство. Въ 1486 году происходило въ Реджіо засѣданіе ломбардскаго капитула доминиканскаго ордена. Сюда съѣхались всѣ духовныя знаменитости сѣверной Италіи; между прочими тамъ былъ и Савонарола. Онъ поражалъ слушателей, интересовавшихся познакомиться съ нимъ, своею высокой богословской ученостью, своимъ гибкимъ, тонкимъ умомъ, способнымъ разбить всякаго соперника, вступившаго съ нимъ въ какой либо споръ. Мирандола, обрадованный такой находкой, написалъ о Джироламо своему могущественному другу; онъ тѣмъ убѣдительнѣе просилъ Лоренцо пригласить къ себѣ Савонаролу, что Сфорца недостоинъ имѣть у себя такого ученаго и умнаго монаха. Лаврентій исполнилъ просьбу своего друга и прислалъ приглашеніе Іерониму,—прибыть во Флоренцію [1]). Но хронологія противъ этого свидѣтельства; Джироламо вернулся во Флоренцію въ 1490 году; что же помѣшало ему немедленно исполнить столь лестное для него желаніе великолѣпнаго правителя? невозможно, чтобы онъ цѣлые три года употребилъ на сборы и дорогу. Вѣрнѣе, даже можно сказать положительно справедливо, другое свидѣтельство, принятое Перренсомъ [2]). Савонарола, по нему, вернулся во Флоренцію не по приглашенію, а просто по назначенію генеральнаго викарія, который отправилъ его туда въ концѣ 1489 года; но на мѣсто, Джироламо прибылъ не ранѣе апрѣля 1490 года, употребивши все промежуточное время на проповѣди и богослуженія въ итальянскихъ городахъ, Болоньи, Павіи, Падуѣ, Генуѣ и другихъ мѣстахъ.

Съ минуты возвращенія Савонаролы во Флоренцію, т. е. съ 1490 года, мы становимся на твердую почву; каждый фактъ жизни проповѣдника уже строго изслѣдованъ и разсмотрѣнъ біографами; прежнія предположенія смѣняетъ обиліе подробностей.

Во время отлучки Савонаролы немногое перемѣнилось во Флоренціи; тотъ же правитель, тѣ же власти, тотъ же вольный и горячій народъ,

---

логики, этики, математики, физики, богословія, магики и кабалистики. Мирандола представляетъ собою примѣръ человѣка, загубленнаго излишнею склонностью къ мечтательности и рѣшенію вопросовъ, превосходящихъ его пониманіе. *Галламъ*, Исторія литературы 15 и 16 стол. Т. I, p. 174—177.

[1]) Свидѣтельство многихъ біографовъ; между прочимъ: *Pignotti*, Storia della Toscana; T. VIII, p. 38; l. 5. «Lorenzo Magnefico, checercava gli nomini di merito d'ogni sorte, lo attiro a Firenze».

[2]) *Perrens;* p. 52.

Digitized by Google

толпами посѣщающій церкви и съ благоговѣніемъ преклоняющійся передъ прелатами и монахами; та же аристократія, пренебрегающая посѣщеніемъ церквей, а занимающаяся своими торговыми дѣлами или въ свободное время искусствами и чтеніемъ классиковъ въ рукописяхъ либо въ дорогихъ печатныхъ фоліантахъ, число которыхъ между тѣмъ значительно увеличивалось. Въ небольшомъ, но красивомъ монастырѣ св. Марка та же братія предстала нашему Джироламо; измѣнился только онъ одинъ для нихъ. Это былъ уже не прежній кроткій, тихій братъ Джироламо, всегда уединявшійся отъ людей, проводившій дни и ночи надъ монастырскими книгами. На кафедрѣ передъ ними явился уже не заикающійся, не присвистывающій и безпрестанно не кстати махавшій руками монахъ, то говорившій едва слышныхъ, слабымъ голосомъ, то не вовремя напрягавшій усилія и кричавшій изъ всѣхъ силъ,—нѣтъ, теперь на кафедрѣ залы монастырской возвышался представительный съ виду, съ самоувѣренностью и выразительностью въ лицѣ, умѣренный и изящный въ жестахъ доминиканецъ, въ которомъ сила и краснорѣчіе проповѣди вполнѣ гармонировали съ внѣшностью. Съ первой же мессы онъ привлекъ къ себѣ общую симпатію слушателей. Для проповѣдника, оратора, весьма важна внѣшняя выразительность и вся та, если можно такъ выразиться, физическая обстановка слова, которая невольно заставляетъ обращать вниманіе на предметъ рѣчи. Савонарола, какъ изображаютъ его дошедшіе до насъ портреты, и какъ рисуетъ его Бурламакки, вполнѣ удовлетворялъ этимъ требованіямъ. «Ростъ его былъ немного ниже средняго; лицо его, удивительной бѣлизны «загоралось по временамъ румянцемъ; широкое и нѣсколько приподнятое «чело омрачали лишь морщины, изрѣдка набѣгавшія на него; прекрасные «голубые глаза его осѣнялись долгими рыжеватыми рѣсницами; большой «длины носъ придавалъ особенное выраженіе красоты всей его фигурѣ; «лицо онъ имѣлъ довольно полное, нижняя губа была нѣсколько приподнята. Стройный станъ и общая гармонія всѣхъ частей тѣла сообщали «изящество этой личности. Умѣренность пріемовъ и кротость въ обхожде«ніи помогали ему выказывать свое превосходство передъ другими. Боль«шія, сухощавыя руки его, при приближеніи къ свѣту, казались совер«шенно прозрачными. Походка его отличалась благородствомъ, увѣренностью, достоинствомъ» [1]).

---

[1]) *Carle*. Histoire de fra Girolamo Savonarola, p. 60. Портретъ приложенный къ этой книгѣ совершенно схожъ съ приведеннымъ нами описаніемъ Бурламакки. Вся физіономія Савонаролы дышетъ какою то женственностью, сдержанностью; но всякій, при взглядѣ на выразительныя

Digitized by Google

Зала монастырская уже оказывалась непомѣстительною для постоянно прибывающаго числа слушателей Савонаролы. Многіе просили пріора дать церковь въ распоряженіе Джироламо. Пріоръ соглашался, но, сверхъ всякаго ожиданія, сопротивленіе явилось со стороны самого Іеронима. Необходимы были самыя убѣдительныя просьбы братіи и самого настоятеля, чтобы заставить Джироламо уступить общему желанію. Надо впрочемъ замѣтить, что Савонарола имѣлъ основаніе такъ настойчиво упираться. Онъ хорошо понималъ, что съ перемѣною мѣста измѣняется и значеніе его проповѣдей; въ церкви слова его пріобрѣтали несравненно большую силу, нежели въ простой, частной залѣ; въ послѣдней онъ былъ не проповѣдникъ а профессоръ; въ храмѣ же,—человѣкъ, вѣщавшій слово божіе, хотя бы самая проповѣдь имѣла свѣтское значеніе. Сновидѣнія, явленія, пророчества, все сверхестественное, не покорявшееся холодному разуму,—и на лимфатическій народъ производятъ довольно сильное впечатлѣніе; можно судить, какъ все это дѣйствовало на сангвиниковъ—итальянцевъ, въ особенности на простой класъ. Густыя толпы постоянно окружали, прежде мало посѣщаемый монастырь св. Марка. Аскетическій образъ жизни проповѣдника еще болѣе привлекалъ массу. Иные не имѣя возможности пробиться въ церковь, желали хотя взглянуть на святого человѣка, когда онъ будетъ проходить изъ храма въ свою келью.

Но не одинъ народъ такъ горячо интересовался доминиканцемъ. Объ немъ заговорили уже и въ палаццо флорентійскихъ аристократовъ. Самъ Лаврентій распрашивалъ иногда своихъ приближенныхъ про возрождающуюся знаменитость. Разумѣется придворные, задѣваемые часто за живое смѣлымъ и прямымъ проповѣдникомъ, не упускали случая передать своему повелителю всѣ политическіе намеки, срывавшіеся иногда съ устъ увлекавшагося монаха. Но каково было удивленіе Лаврентія, когда услужливые синьоры сообщили ему проповѣдь Савонаролы, говоренную въ воскресенье 1 августа (1490). Въ ней заключались тѣ знаменитыя три положенія, которыя послужили точкою опоры всѣхъ его дальнѣйшихъ дѣйствій и отъ которыхъ онъ не отказался даже подъ висѣлицей въ послѣдній день своей бурной жизни. Вотъ они:

1) *скоро послѣдуетъ обновленіе церкви,*

черты доминиканца, скажетъ, что эта видимая кротость разразится бурею при первомъ горячемъ, задѣвающемъ за душу, спорѣ.—Другой портретъ его приложенъ къ Мейеровой біографіи.

Digitized by Google

2) *передъ этимъ обновленіемъ, Господь поразитъ своимъ гнѣвомъ всю Италію*

и 3) *все это должно совершиться въ самомъ скоромъ времени* [2]).

Увѣренность, съ какою Савонарола высказывалъ эти совершенно неслыханныя во Флоренціи фразы, магически дѣйствовала на слушателей. Чѣмъ смѣлѣе, стремительнѣе шелъ проповѣдникъ, тѣмъ народъ болѣе привыкалъ къ нему, между тѣмъ какъ высшій классъ становился день ото дня враждебнѣе къ рѣчамъ дерзкаго смѣльчака, задѣвавшаго самые жизненные ихъ вопросы, притомъ съ совершенно другой, новой для нихъ, точки зрѣнія [3]). Но нашъ проповѣдникъ нисколько не опасался вражды высшаго сословія; хорошо постигая ту истину, что маса простого народа въ союзѣ съ среднимъ сословіемъ играетъ главную роль во всякой республикѣ, онъ, не озираясь, смѣло шелъ впередъ по избранной имъ разъ навсегда дорогѣ,—карать разврать и произволъ. Такъ застаетъ его 1491 годъ.

Въ этомъ году братія св. Марка избрала Джироламо своимъ пріоромъ не находя никого другого, кто бы съ честью могъ занять это мѣсто [3])

Мы упоминали уже про обычай представленія новыхъ пріоровъ покровителямъ монастыря—Медичи. Савонарола своимъ личнымъ примѣромъ уничтожилъ эти визиты, унижавшіе честь монашескаго чина. Напрасно старики убѣждали его съѣздить къ Лоренцо.

— «Кто сдѣлалъ меня пріоромъ, Богъ или Лаврентій Медичи» говоритъ самъ въ этомъ случаѣ Джироламо.

---

[1]) Мы беремъ изъ Ниццотти латинское четверостишіе одного монаха, составленное по поводу этихъ положеній:

«Ecclesia Die indiget reformatione et renovatione.
Ecclesia Die flagellabitur, et post flagella reformabitur.
Infideles ad Christum, et fidem ejus convertentur,
Florentia flagelabitur, et post flagella renovabitur
Et prosperabit.»

Piignott. Storia della Toscana; T. VIII, p. 88; l. 5.

[2]) Объ этихъ проповѣдяхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ когда станемъ разбирать реформаторскую дѣятельность Савонаролы.

[3]) Мы вѣримъ въ этомъ случаѣ *Перренсу* (p. 59); предположенія прочихъ писателей рѣшительно неосновательны и удивляютъ своею опрометчивостью; такъ *Carle* беретъ 1484 г., *Canti* указываетъ на 1480. (Histoire des Italiens, T. VII, p. 197): Becker на 1490 (Welteschichte T. VII p, 104) и другіе.

Digitized by Google

«Конечно Богъ» отвѣчали ему.

— «Такъ и знайте же, что я долженъ благодарить Господа, а не человѣка» говоритъ пріоръ.

Когда слова эти достигли ушей Лаврентія, онъ говоритъ своимъ приближоннымъ: «чужой монахъ пришолъ въ мой монастырь, и не хочетъ явиться ко мнѣ (*)».

Перренсъ объясняетъ этотъ фактъ изъ жизни нашего Іеронима личнымъ нерасположеніемъ новаго пріора къ Лаврентію, не хотѣвшему пригласить его ранѣе. Но кажется, что отказа въ визитѣ должно было во всякомъ случаѣ ожидать отъ честнаго и открытаго характера Джироламо; посторонніе, личныя причины здѣсь рѣшительно не имѣютъ мѣста.

Лаврентій, не дождавшись гордаго доминиканца, рѣшился самъ напроситься на свиданіе. Однажды, утромъ, онъ нарочно отправился въ обѣднѣ, а послѣ службы началъ гулять по монастырскому саду. Одинъ изъ братіи бросился предупредить объ этомъ настоятеля, думая сообщить ему тѣмъ отрадную вѣсть.

— «Развѣ онъ спрашиваетъ меня» прервалъ его пріоръ своимъ неизмѣннымъ голосомъ.

«Нѣтъ, но...

— «И прекрасно, пусть его прогуливается; только не мѣшайте ему (*)».

Убѣдившись что такую крѣпкую, закалившуюся натуру нельзя устрашить авторитетомъ власти, Лаврентій почувствовалъ къ Савонаролѣ невольное уваженіе. Дѣйствительно, кругомъ властителя все преклоняется по одному его слову и вдругъ находится человѣкъ, который не хочетъ даже обращать на него никакого вниманія; онъ самъ, правитель могущественной республики, принужденъ былъ ѣхать къ нему въ монастырь, принужденъ былъ ходить передъ его окнами, выжидать его появленія, а этотъ дерзкій не думалъ даже, хотя бы изъ простого чувства вѣжливости занять гостя... Подобное обстоятельство могло бы заинтересовать и самаго закоренѣлаго деспота, а Лоренцо, какъ мы видѣли, не принадлежалъ къ подобнымъ правителямъ.

Все это еще болѣе усиливало желаніе Медичи ближе сойтись съ Савонаролой. Для начала, Лаврентій прислалъ на имя пріора дары мона-

---

(6) *Carle*; p. 113, 114. *Perrens;* p. 60.—*Pignoti*, Storia della Toscana; T. VIII, p. 38; l. 5.

(7) *Perrens;* p. 61.

Digitized by Google

стырю. По общему требованію Джироламо долженъ былъ принять пожертвованіе Лоренцо, хотя сперва, суровый настоятель и въ этомъ случаѣ думалъ слѣдовать своему обыкновенію не допускать денегъ въ счеты монастырскія; при всемъ томъ часть присланной суммы онъ, не смотря на сопротивленіе братіи, препроводилъ къ городскимъ властямъ для раздачи бѣднымъ.

Между тѣмъ проповѣди Савонаролы противъ развратной жизни духовенства день ото дня становились рѣзче и смѣлѣе. Лоренцо, изъ политическихъ видовъ не желая ссориться съ папой, подослалъ къ Іерониму депутацію изъ знатнѣйшихъ вельможъ города (тутъ были: Joderini, Valori, Vespucci друг.) съ цѣлью просить пріора быть умѣреннѣе и сдержаннѣе въ своихъ выраженіяхъ. Депутаціи было приказано говорить отъ своего имени и не вмѣшивать Медичи въ это дѣло. Такой фактъ показываетъ, что сила и вліяніе будущаго пророка уже и въ то время были весьма значительны. Родовые аристократы являются съ униженною просьбой къ простому монастырскому настоятелю, который, въ добавокъ, вмѣсто согласія даетъ имъ слѣдующій смѣлый и пророческій отвѣтъ. «Вы говорите, что пришли отъ своего имени; это вздоръ; «вы подосланы. Ступайте лучше и скажите вашему владыкѣ Лаврентію «Медичи, чтобы онъ каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ; Господь уже «простеръ руку свою для наказанія Лоренцо со всѣмъ домомъ его [1])».

Убѣдившись въ безполезности всѣхъ усилій склонить на свою сторону пріора св. Марка и замѣчая, что Савонарола не щадитъ въ своихъ нападкамъ и Медичи, Лаврентій, всегда чуждый мѣръ крутыхъ или насильственныхъ, считалъ лучшимъ средствомъ для борьбы съ своимъ отважныхъ противникомъ,—уничтоженіе духовнаго авторитета пріора. Съ этой цѣлью онъ поручилъ августинскому монаху Маріану-да-Гинаццано въ день Воскресенья (1491 г.) произнесть проповѣдь на

---

[1]) Объ этомъ событіи Савонарола упоминаетъ въ своей 22 проповѣди на 1497 годъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Al tempo di Lorenzo di Medici, e venneno a me cinque cittadini vostri principali, che allora reggevano nella cittá, de quali ne vivi ancora quattro, e feciono ommunitione come da loro, che io non dicessi quelle cose, io gli risposi tra l'altre cose dissi. Voi dite, che non siate stati mandati e io vi dico di si; andate e rispondete o Lorenzo di Medici, che faccia penitentia delli suoi peccati, che Dio la vuole punire lui e li suoi.» *Prediche del Savonarola.* 1590; p. 274.—Также см. *Carle*, p. 115, 116; *Perrens*, p. 62. Карль по справедливости оцѣниваетъ великодушіе Лоренца:» il est facile de s'imaginer toute la rage orgueilleuse de magnifique Laurent, en ecoutant le récit fidèle de reponses si audacieuses.» p. 116.

Digitized by Google

текстъ: Non est vestrum nosse tempora vel momenta, quae Pater posuit in sua potestate [1]). Очевидно, такой поступокъ служилъ вызовомъ Савонаролѣ; послѣдній принялъ его и на тотъ же самый текстъ сказалъ свою проповѣдь. Конечно побѣда осталась за Джироламо; но побѣжденный отплатилъ за нее вѣжливостью. Маріано пригласилъ Іеронима въ свой монастырь отслужить обѣдню и тамъ, два недавніе противника, за братской трапезой, казались совершенными друзьями [2]). Такъ твердость воли, энергія Савонаролы разстроила и уничтожила всѣ старанія Лаврентія, принужденнаго прекратить борьбу и сдаться на великодушіе пріора. Разбирая все это дѣло, нельзя не отдать справедливости благородному характеру великолѣпнаго правителя, всегда чуждавшагося грубой силы. Лоренцо имѣлъ доброе сердце, доступное не для одного низкаго, и привыкъ уважать все истинно великое, хотя бы послѣднее проявлялось даже въ его противникахъ,—черта весьма рѣдкая и въ частныхъ, а тѣмъ болѣе въ правителяхъ, имѣющихъ на готовѣ всѣ средства удовлетворять своему самолюбію и тщеславію.

Въ началѣ 1492 года, Лаврентій предлагаетъ Савонаролѣ говорить проповѣди въ древнемъ храмѣ. S. Lorenzo въ томъ самомъ гдѣ девять лѣтъ тому назадъ, Джироламо потерпѣлъ позорное fiasco. Теперь напротивъ успѣхъ былъ въ полномъ смыслѣ блестящій. Біографы указываютъ на нѣсколько примѣровъ, которые даютъ достаточное понятіе о силѣ и характерѣ проповѣдей пріора св. Марка. Такъ говорятъ, что его рѣчь противъ роскоши женскихъ нарядовъ была такъ сильна, что всѣ дамы, бывшія въ церкви, начали незамѣтно уходить и вернулись уже безъ всякихъ украшеній, одѣтыя въ простыя чорныя платья [3]) Когда онъ говорилъ о несправедливо нажитомъ богатствѣ, то одинъ горожанинъ возвратилъ добровольно три тысячи дукатовъ, которые долгое время лежали пятномъ на его совѣсти [4]).

---

[1]) Дѣянія Апостольскія I. 7; «нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже отецъ положи во своей власти.»

[2]) *Carle*, p. 117.—Но эта дружба была притворна. Маріано, будучи въ Римѣ, прямо говорилъ папѣ про Савонаролу: «Св. отецъ, уничтожьте, сожгите это орудіе дьявола, вы прекратите тѣмъ церковное посрамленіе.» Іеронимъ предсказалъ ему за все притворство и лицемѣріе наказаніе Божіе. Дѣйствительно на Маріана посыпались несчастія; онъ былъ обвиненъ какъ участникъ заговора на возстановленіе Медичи во Флоренціи: къ довершенію параличь лишилъ его употребленія языка. *Carle*, p. 117, 118.

[3]) *Perrens;* p. 64.

[4]) *Perrens:* p. 64.

Digitized by Google

Въ то самое время, когда Савонарола пожиналъ лавры въ храмѣ San-Lorenzo, другая печальная картина совершилась въ великолѣпной вилѣ Кареджіо, любимомъ мѣстопребываніи Медичи. Тамъ въ страшныхъ мученіяхъ, умиралъ великій правитель Флоренціи, послѣ двухмѣсячной тяжкой болѣзни [1]). Чувствуя близкое приближеніе смерти, онъ пожелалъ исповѣдаться и пріобщиться, но съ тѣмъ только, чтобы св. Дары принять изъ рукъ пріора своего монастыря, единственнаго духовника, говорилъ Лаврентій, которому онъ вѣритъ. Джироламо явился на этотъ зовъ; въ настоящую минуту звалъ его не пышный флорентійскій повелитель а простой умирающій христіанинъ. Между ними произошолъ слѣдующій отрывочный разговоръ:

— «Вѣруешь ли ты» спросилъ пріоръ, приближаясь къ больному.

— Да, мой отецъ» отвѣчалъ утвердительно Лаврентій.

Джироламо сталъ увѣщевать его жить впередъ честно, не стремиться ко власти, въ случаѣ если Господь избавитъ его отъ смерти.

«Да, я буду стараться поступать такъ....

— «Если же смерти суждено посѣтить тебя теперь же, продолжалъ монахъ, то перенеси ее съ твердостью.» «Если только Господь поможетъ мнѣ, то для меня не было бы ничего отраднѣе,» смиренно отвѣчалъ Лаврентій.

Исполнивъ священный обрядъ, Савонарола хотѣлъ уже удалиться, какъ Медичи сталъ просить его благословенія. Пріоръ исполнилъ желаніе умиравшаго [2])

Такъ передаетъ предсмертныя минуты Лоренцо, присутствовавшій при этомъ Полиціанъ. Что это дѣйствительная истина доказываетъ и строгая естественность разсказа и отсутствіе всякаго украшенія, эффекта. Но позднѣйшіе біографы разукрасили это простое повѣствованіе очевидца. Такъ Бурламакки передаетъ это событіе слѣдующимъ образомъ.

Получивъ приглашеніе Медичи, Джироламо первоначально отказался на отрѣзъ, говоря, что онъ съ Лаврентіемъ не можетъ и не долженъ мириться. Когда этотъ отвѣтъ передали умиравшему, то тотъ нисколько не оскорбившись имъ, посылаетъ просить его другой разъ, при чемъ велѣлъ сообщить пріору свою готовность на уступки... Отъ вто-

---

[1]) Описаніе его болѣзни можно читать у *Pignotti*, Storia della Tascana, T. VII, p: 121. — Мы не упоминаемъ про сочиненіе Роское, посвященное спеціальной біографіи Лаврентія.

[2]) *Perrens*; p, 64, 65.—Также см. *Pignotti*, Storia della Toscana; T. VII, p. 121. Leo Geschichte der italienischen Staaten; T. IV, p. 417 и др,

Digitized by Google

ричнаго приглашенія Іеронимъ не могъ уже отказаться; онъ поѣхалъ въ Кареджіо. Дорогою, Джироламо увѣрялъ своего спутника стараго монаха Григорія, что Медичи уже не встанетъ болѣе, что смерть его неизбѣжна.

Умирающій изъявилъ желаніе исповѣдать свои прегрѣшенія Савонаролѣ; онъ сказалъ что три главные грѣха тяготятъ его совѣсть: 1) разграбленіе Вольтерры, совершенное въ его присутствіи; 2) похищеніе значительныхъ суммъ изъ Monte—delle—figlie (банкъ для дѣвушекъ, гарантировавшій приданое невѣстъ), остановившее браки флорентійской молодости и 3) казнь многихъ совершенно невинныхъ по поводу заговора Пацци.

Для искупленія этихъ преступленій, Джироламо предложилъ ему три подвига.

— «Прежде всего, говорилъ пріоръ, принеси полное раскаяніе».

Лоренцо отвѣчалъ, что онъ уже чистосердечно раскаялся передъ Всевышнимъ.

— «Если ты возвратишь все не чисто пріобрѣтенное тобою, не оставивъ ничего въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, кромѣ счастья вашего дома, то я снимаю съ тебя твои первые два грѣха».

Лоренцо соглашался.

«Но если ты хочешь искупить твой третій тяжкій грѣхъ, то возврати народу его свободу, несправедливо отнятую тобою, заставъ его своимъ великодушіемъ забыть о мученіяхъ несчастныхъ, казненныхъ по твоему велѣнію...»

При послѣднихъ словахъ больной повернулся на другой бокъ, спиною къ монаху и Джироламо оставалось только удалиться [1]).

Очевидно, что разсказъ Бурламакки гораздо дальше отъ истины, нежели немногія слова Полиціана. Мы вполнѣ раздѣляемъ доводы Перренса въ пользу послѣдняго.

(продолженіе слѣдуетъ)

---

[1]) Карль вѣритъ этому разсказу; его симпатія къ Савонаролѣ доходила иногда до ослѣпленія; не разобравши хорошо дѣла, Сисмонди тоже слѣдуетъ его примѣру. См. *Carle*, p. 144, 145; *Sismondi*, Histoire des répital. T. VIII, p. 301. Только Perrens болѣе здраво взглянулъ на эту красивую басню, см. p. 65, 66.

Digitized by Google

ЗАГАДОЧНЫЯ НАТУРЫ

РОМАНЪ ШПИГЕЛЬГАГЕНА

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАГАДОЧНЫЯ НАТУРЫ

РОМАНЪ ШПИГЕЛЬГАГЕНА

Есть загадочныя натуры, которыя не приходятся ни къ какому изъ положеній, въ которыя бываютъ поставлены, и не удовлетворяются ни однимъ изъ нихъ. Отсюда происходитъ страшное противорѣчіе, пожирающее жизнь безъ наслажденія *Гете.* Dichtung und Wahrheit.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Въ одинъ изъ теплыхъ іюньскихъ вечеровъ 184.. года, по песчаной дорогѣ, медленно тащился экипажъ запряжонный парой неповоротливыхъ гнѣдыхъ лошадей.

«Будетъ-ли когда нибудь конецъ этому лѣсу!» вскричалъ молодой человѣкъ, сидѣвшій одинъ въ повозкѣ, и нетерпѣливо приподнялся на своемъ мѣстѣ.

Кучеръ, вмѣсто отвѣта, взмахнулъ только кнутомъ. Неповоротливые кони сдѣлали тщетную попытку побѣжать рысью, но вскорѣ отказались отъ намѣренія, которому такъ сильно противорѣчилъ и ихъ темпераментъ и песчаная дорога. Молодой человѣкъ со вздохомъ прижался въ уголъ и опять сталъ прислушиваться къ однообразной музыкѣ тяжело двигающагося экипажа, и опять замелькали мимо его темные стволы елей, на которые тамъ и сямъ попадала полоса луннаго свѣта. Онъ

Digitized by Google

снова началъ представлять себѣ пріемъ, который ожидаетъ его въ замкѣ, и свое новое положеніе. Но мало по малу, образы неизвѣстнаго будущаго стали становиться смутнѣе, утомленные глаза сомкнулись, и первый звукъ, снова призвавшій его къ дѣйствительности былъ тяжолый топотъ лошадиныхъ копытъ по деревянному мосту, который велъ къ огромнымъ каменнымъ воротамъ. «Наконецъ!» вскричалъ молодой человѣкъ встрепенувшись и съ любопытствомъ озираясь вокругъ, между тѣмъ какъ экипажъ быстрѣе покатился по алеѣ изъ громадныхъ деревьевъ, повернулъ на площадку, усыпанную крупнымъ пескомъ, и остановился передъ порталомъ замка, на темныхъ окнахъ котораго скользили лунные лучи.

Молчаливый кучеръ далъ знать о своемъ прибытіи, хлопнувъ бичемъ. Единственнымъ отвѣтомъ былъ звонкій бой часовъ, пробившихъ гдѣ-то вблизи одинадцать. Лишь только смолкъ послѣдній ударъ, какъ отворилась дверь дома, слуга подошолъ къ экипажу, а сзади его показалась фигура старика, морщинистое лицо котораго было ярко освѣщено свѣчою, которую онъ прикрывалъ рукой отъ вѣтра.

Молодой человѣкъ быстро выскочилъ изъ повозки и направился къ старику; тотъ протянулъ ему руку и сказалъ съ привѣтливостью, которой не мѣшало ни старческое дрожаніе голоса, ни нѣсколько иностранное произношеніе:

»Добро пожаловать, господинъ докторъ!» Молодой человѣкъ отъ души отвѣтилъ на пожатіе протянутой ему старческой руки: Я приѣхалъ немного поздно, господинъ баронъ, но .....

— Ничего, ничего! прервалъ старикъ,—госпожа Фонъ Гренвицъ еще не ложилась. Иванъ, отнеси вещи въ комнату г-на доктора! не угодно ли вамъ войти! Освальдъ наскоро поправилъ свой туалетъ въ вымощенной плитой пріемной и послѣдовалъ за барономъ въ высокую, красивую комнату.

Когда онъ вошолъ, съ дивана поднялись двѣ дамы, занимавшіяся, по видимому, чтеніемъ.

— Жена моя, сказалъ баронъ, представляя Освальда старшей изъ дамъ, высокой, стройной женщинѣ, лѣтъ около сорока, которая сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу новоприбывшему и нѣсколько офиціально отвѣтила на его привѣтствіе; потомъ, онъ молча поклонился другой дамѣ, изящному маленькому существу, съ оттѣнкомъ чего-то остраго, истинно французскаго, въ лицѣ

Digitized by Google

обаймленномъ длинными локонами; обратиться къ ней съ рѣчью было неловко, такъ какъ онъ не былъ ей особенно представленъ.

— Поздно-же вы приѣхали, докторъ Штейнъ, сказала баронесса глубокимъ и пріятнымъ голосомъ, который какъ-то не совсѣмъ гармонировалъ съ холоднымъ блескомъ ея большихъ сѣрыхъ глазъ.

— Я ѣхалъ на столько скоро, насколько это угодно было противному вѣтру, который задержалъ сегодня утромъ переправу на нѣсколько часовъ, и кучеру господина барона, котораго терпѣнію я неоднократно имѣлъ случай удивляться дорогой, весело отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Терпѣніе хорошая добродѣтель, сказала баронесса, снова садясь на софу, между тѣмъ какъ другіе размѣстились вокругъ стола на стульяхъ, — добродѣтель, которую вы должны въ особенности цѣнить, потомучто она необходима въ вашемъ призваніи. Боюсь, что мои два мальчика часто будутъ доставлять вамъ случай въ ней упражняться.

— Я ожидаю всего лучшаго отъ своихъ будущихъ питомцевъ и надѣюсь выдержать съ честью — испытаніе, которому они подвергнутъ мое терпѣніе.

— Дай богъ, чтобы такъ было, сказала баронесса, снова принимаясь за работу, оставленную при входѣ гостя; — впрочемъ мальчики нѣсколько избаловались теперь, такъ какъ вы запоздали пріѣздомъ, а предшественникъ вашъ не могъ или не хотѣлъ сдѣлать намъ одолженіе повременить еще нѣсколько дней.

— Мало-же бы я ожидалъ добраго отъ натуры своихъ воспитанниковъ и отъ воспитательнаго таланта Г-на Бауера, котораго мнѣ такъ хвалили, еслибы допустилъ, что вліяніе его на дѣтей могло изгладиться въ недѣльный срокъ, возразилъ Освальдъ.

— Ну, у г-на Бауера были свои достоинства и свои недостатки, отвѣчала баронесса, считая крестики въ своемъ вышиваньи.

— Таковъ уже удѣлъ всего человѣчества, сударыня

— Не хочетъ-ли закуситъ г-нъ докторъ, милая Анна — Марія? сказалъ старый баронъ; Освальдъ не могъ точно опредѣлить, было-ли это радушіе или желаніе перемѣнить разговоръ, незамѣтно принявшій слишкомъ горячій оборотъ.

— Благодарю, сухо отвѣчалъ Освальдъ.

— На сколько я могла заключить изъ словъ профессора Бергера, который говорилъ намъ о васъ, продолжала баронесса,

Digitized by Google

не замѣчая сказаннаго, вы еще никогда не занимались воспитаніемъ, господинъ докторъ?

— Нѣтъ.

— Чрезвычайно обязали-бы вы меня, еслибы при случаѣ подробно изложили мнѣ свой взглядъ на этотъ предметъ. Я заранѣе убѣждена, что въ главномъ мы съ вами сойдемся, въ нѣкоторыхъ-же неважныхъ вещахъ нужно будетъ дѣлать взаимныя уступки другъ-другу. Я всегда буду прямо высказывать вамъ свои желанія и мнѣнія и прошу васъ держаться того-же правила и со мною. Что же касается степени познаній мальчиковъ, то вы скоро будете имѣть случай сами судить объ этомъ. О характерѣ ихъ тоже не хочу говорить вамъ заранѣе, только нахожу нужнымъ предупредить, что въ Мальтѣ, нашемъ сынѣ, вы найдете нѣсколько избалованнаго мальчика, а въ Бруно—вы знаете, что Бруно фонъ Левенъ дальній родственникъ моего мужа, котораго мы взяли къ себѣ послѣ смерти его родителей — въ Бруно найдете вы мальчика вовсе невоспитаннаго и потому отчасти негоднаго.

— Милая Анна — Марія, сказалъ баронъ.

— Знаю, что ты хочешь сказать, любезный Гренвицъ, прервала баронесса, — Бруно твой извѣстный любимецъ и наши мнѣнія о немъ еще долго будутъ очень различны. Впрочемъ, ты можетъ быть и правъ, когда говоришь, что я его не знаю, въ чемъ впрочемъ виновата не столько я, сколько мрачная сосредоточенная натура мальчика, постоянно уклоняющаяся отъ всякаго сближенія съ нами, я хочу сказать, со мной.

— Но, милая Анна — Марія.

— Ну, хорошо, другъ мой, не нужно дѣлать доктора Штейна свидѣтелемъ нашихъ супружескихъ несогласій въ первый-же вечеръ, который онъ проводитъ въ нашемъ домѣ. Къ томуже, доктору Штейну нужно отдохнуть. Мадемуазель, потрудитесь позвонить.

Послѣднія слова были сказаны по французски и относились къ молодой дамѣ, которая, во все продолженіе разговора, неподвижно сидѣла у стола, ни разу не поднявъ глазъ на гостя и не отрываясь отъ книги, которую, повидимому, читала. Теперь она встала и пошла къ двери, у которой висѣла сонетка. Освальдъ любезно предупредилъ ее. Дѣвушка подняла на него большіе темные глаза съ полу-удивленнымъ и полу-испуганнымъ видомъ, который достаточно обличалъ, какъ она не привыкла къ подоб-

Digitized by Google

ной внимательности, — и тотчасъ, опустивши длинныя рѣсницы, быстро вернулась на прежнее мѣсто.

Вошолъ слуга и получилъ приказаніе проводить Освальда въ приготовленную для него комнату.

— Надѣюсь, что вы, на первый разъ, останетесь довольны, сказала баронесса, когда Освальдъ началъ молча раскланиваться, — если же, что нибудь будетъ упущено изъ вида или не будетъ вамъ нравиться, то вы потрудитесь тотчасъ же объявить объ этомъ: очень желала бы, ради собственнаго интереса, чтобы вы оставались довольны нашимъ домомъ.

Освальдъ поклонился еще разъ и вышелъ вслѣдъ за слугою.

Лакей повелъ его черезъ сѣни, гдѣ на стѣнахъ Освальдъ мелькомъ замѣтилъ темные портреты мущинъ и дамъ одѣтыхъ по старинному, по каменной винтовой лѣстницѣ на верхъ; потомъ черезъ длинные коридоры и рядъ маленькихъ комнатъ привелъ въ довольно просторный покой.

— Вотъ комната г. доктора, сказалъ онъ, зажигая двѣ свѣчи на большомъ кругломъ столѣ посреди комнаты. Слѣдующая дверь ведетъ въ спальню г. доктора.

— А гдѣ же спятъ дѣти? спросилъ Освальдъ.

— Черезъ свою спальню, г. докторъ можетъ пройти въ комнату молодыхъ господъ. Не угодно ли еще что-нибудь приказать г. доктору?

— Нѣтъ, благодарствуй.

— Желаю г. доктору доброй ночи.

— Прощай.

Освальдъ остался одинъ. Онъ стоялъ опершись рукою о столъ, машинально прислушиваясь къ удаляющимся шагамъ лакея, потомъ взялъ свѣчу, прошолъ черезъ спальню къ двери, на которую ему указали, осторожно отворилъ ее и вошолъ, прикрывая свѣчу рукою.

Кровати мальчиковъ стояли совершенно рядомъ. Передъ одной кроватью лежалъ коверъ, передъ другой нѣтъ. Надъ кроватью безъ ковра, висѣли на стѣнѣ маленькіе серебряные часы; надъ кроватью съ ковромъ еще меньшіе золотые. На кровати подъ золотыми часами, лежалъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, съ гладкими бѣлокурыми волосами и продолговатымъ нѣжнымъ лицомъ, которое, въ эту минуту, отъ полуоткрытаго рта, приняло нѣсколько глуповатое выраженіе; на кровати подъ серебряными ча-

Digitized by Google

сами лежалъ мальчикъ, можетъ быть годомъ старше перваго, но казавшійся гораздо мужественнѣе и составлявшій совершенный контрастъ съ своимъ сосѣдомъ. Руки перваго вяло были раскинуты поверхъ одѣяла, между тѣмъ какъ второй крѣпко скрестилъ ихъ на груди. Плотно сжатый ротъ и нѣсколько нахмуренныя, очевидно подъ вліяніемъ сновидѣнія, чорныя брови, придавали его блѣдному лицу, съ неправильными, но красивыми чертами, выраженіе гордой отваги.

— Бѣдный мальчикъ, подумалъ Освальдъ, съ участіемъ всматриваясь въ загадочное молодое лицо, — весна твоей жизни уже имѣла свои непогоды, если, впрочемъ, была у тебя какая нибудь весна.

Онъ и самъ незналъ, почему чувствовалъ себя сильно взволнованнымъ, наклонился къ мальчику и поцѣловалъ его въ лобъ. Тогда мальчикъ зашевелился, раскрылъ глубокіе синіе глаза и взглянулъ сквозь сонъ на Освальда; руки его разжались; по лицу будто скользнулъ какой-то свѣтлый лучъ, все мрачное исчезло и теплая, привлекательная улыбка заиграла въ оживленныхъ чертахъ.

— Я полюбилъ тебя, сказалъ мальчикъ.

— Я тебя также, отвѣчалъ Освальдъ.

Бруно повернулся на другой бокъ и, по его правильному и равномѣрному дыханію, Освальдъ увидѣлъ, что онъ опять крѣпко заснулъ.

— Видѣлъ-ли онъ меня въ самомъ дѣлѣ или это былъ только сонъ? спрашивалъ себя молодой человѣкъ, расхаживая, подъ вліяніемъ этой сцены, по своей комнатѣ. Онъ подошолъ къ окну, растворилъ его и сталъ смотрѣть.

Небо покрылось темными облаками, сквозь которыя полная луна, стоящая уже высоко на небѣ, казалась темно-краснымъ огненнымъ шаромъ. На востокѣ собиралась гроза. Воздухъ былъ удушливъ. Въ саду замка, въ самомъ низу, бѣлѣлись цвѣтущія деревья. Глубокая, чорная тѣнь лежала на букахъ и дубахъ, которые, какъ исполины, тянулись въ небо изъ за высокой ограды сада. Соловьи переливались въ долгихъ мелодическихъ нотахъ; ключь журчалъ потихоньку, будто съ просонья.

Освальдъ чувствовалъ себя въ странномъ настроеніи. Смутные образы прошедшаго мелькали въ его головѣ, какъ мелькали облака мимо луны; тутъ же тѣснились и предчувствія будущаго

Digitized by Google

такъ зарница передъ восходомъ солнца. Деревья запумѣли сильнѣе; звонкій маятникъ, привѣтствовавшій его во время пріѣзда, медленно пробилъ двѣнадцать.

Онъ все стоялъ. Ты хотѣлъ отучиться мечтать, сказалъ онъ смѣясь самому себѣ,—такъ иди скорѣй спать, если не можешь бодрствовать, не видя сновъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Освальдъ уже недѣлю прожилъ въ замкѣ Гренвицъ и эта недѣля показалась ему за одинъ день. Свойствомъ его натуры было страстно хвататься за всякую новизну, даже самую обыкновенную, лишь бы она была нова; здѣсь же, новаго было вдоволь. Новое положеніе, новая обстановка, новые люди. Все это привело его надолго въ отличнѣйшее настроеніе, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми сангвиническаго темперамента. Въ этомъ настроеніи, ему было пріятно, или, по крайней мѣрѣ, интересно все окружающее, люди и вещи, даже баронесса съ своими строгими, холодными чертами, даже молчаливый кучеръ, къ которому онъ, съ перваго вечера, почувствовалъ было ненависть, даже раболѣпно-угодливый лакей съ своимъ вѣчнымъ: «что угодно приказать г. доктору». Тѣмъ же яснымъ, примирительнымъ настроеніемъ отличались и письма, которыя онъ въ это время писалъ, своимъ друзьямъ. «Наконецъ-то,» говорится въ одномъ изъ нихъ «добрался я до той новой станціи въ моей исполненной чудесъ жизни, на которой надѣюсь пробыть, не смотря на ваши частые укоры за нетерпѣливость, до тѣхъ поръ, пока дядя Кроносъ не перемѣнитъ лошадей и не подастъ сигнала изъ своего вѣчнаго рога. Да, еслибы только я не боялся возбудить вашихъ насмѣшекъ своимъ слишкомъ поспѣшнымъ энтузіазмомъ, то непремѣнно воспѣлъ бы благодарственную пѣснь той счастливой звѣздѣ, которая привела меня сюда. Я нахожусь именно въ должномъ настроеніи для этого. Я столько вдохнулъ въ себя, въ продолженіе этихъ дней, лѣсного и морского воздуха, что мой бѣдный

Digitized by Google

мозгъ, сдѣлавшійся почти негоднымъ отъ насѣвшей на него пыли съ разныхъ фоліантовъ, находится теперь въ опьяненіи. Въ самомъ дѣлѣ, если только здѣшніе люди не совсѣмъ будутъ идти въ разрѣзъ съ здѣшнимъ райскимъ мѣстоположеніемъ, то меня ждетъ хорошая будущность.»

«Простите мнѣ, добрый другъ, что я не испросилъ вашего спеціальнаго одобренія на тотъ важный шагъ, который привелъ меня сюда, какъ вы могли бы ожидать отъ человѣка всегда слѣпо подчинявшагося вашей волѣ. Я уже твердо рѣшился поступить именно такъ. Вы же, конечно, не одобрили бы моего намѣренія. Вотъ я и рѣшился противупоставить вашимъ непреклоннымъ резонамъ такое же непреклонное fait accompli и никакъ не допустить, чтобы ваши добрые совѣты пришли, противъ обыкновенія, не тогда, когда уже дѣло кончено. Къ тому же, это дѣло захватило меня въ расплохъ; я долженъ былъ рѣшиться почти мгновенно, такъ что едва нашолъ время извѣстить васъ нѣсколькими словами о принятомъ рѣшеніи; наконецъ, если уже долженъ кто нибудь быть виноватымъ въ этомъ дѣлѣ, то вся вина на сторонѣ професора Бергера, и я торжественно взваливаю на его шею и всю отвѣтственность.»

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ вами въ столицѣ, мы писали другъ-другу очень рѣдко и очень наскоро. Потому-то я всего раза два вскользь упомянулъ о професорѣ Бергерѣ, а теперь пора познакомить васъ основательно съ этой оригинальной личностью, которая занимала такую важную роль въ моей ранней молодости, и которой я исключительно обязанъ тѣмъ, что не сыгралъ слишкомъ плачевной роли въ главномъ гражданскомъ дѣйствіи той траги-комедіи, которую называютъ экзаменомъ.»

«Когда я, въ то время, пріѣхалъ изъ Б... въ Грюнвальдъ съ смутной надеждою, что найду въ этомъ спокойномъ городѣ музъ, гдѣ, какъ мнѣ сказывали, трава, въ идиллическомъ спокойствіи, растетъ на улицахъ,—найду то общество, въ которомъ чувствовалъ такой недостатокъ въ литературныхъ кружкахъ столицы съ ихъ эстетическими чаями и музыкальными бутербродами,—въ числѣ грозныхъ мужей, могущихъ осудить меня на вѣчное проклятіе или вѣчное блаженство, самымъ грознымъ явился професоръ Бергеръ. Я слышалъ отъ товарищей по наукѣ, которыхъ знакомства избѣжать не было возможности, дѣйствительно страшныя вещи объ его удивительной учености, о его эксцентричности, объ

Digitized by Google

его странной причудливости и большомъ вліяніи на другихъ членовъ экзаменаторской коммисіи, которыхъ онъ держалъ въ страхѣ своей учоностью, а еще болѣе остроуміемъ, бичъ котораго обрушивался на всѣхъ безъ различія. Лично, я еще не видалъ страшнаго мужа. У него былъ одинъ изъ нерѣдкихъ ипохондрическихъ припадковъ, во время которыхъ, какъ говорили, онъ днемъ запирался въ комнатѣ, а ночью скитался по лѣсамъ.

«Однажды, я былъ приглашонъ на обѣдъ въ одно богатое семейство, которому меня рекомендовали. Общество было очень большое; я велъ къ столу одну изъ хозяекъ дома, хорошенькую бѣлокурую дѣвочку, веселость которой очень занимала меня при началѣ обѣда. Перебравши всѣ темы, о которыхъ обыкновенно говорятъ съ дѣвушками, не болѣе года вышедшими изъ пансіона, я обратилъ вниманіе на сидѣвшаго противъ меня господина. Это былъ довольно плотный и уже пожилой человѣкъ съ массивнымъ, будто изъ гранита выточеннымъ, лбомъ, подъ которымъ блистала пара умныхъ глазъ. Нѣсколько полныя щоки обличали наклонность къ наслажденію жизнію, выражавшуюся и въ усердіи, съ которымъ господинъ не пренебрегалъ дарами Цереры и Бахуса. Черты вокругъ сжатаго, красиваго рта, имѣли что-то загадочное: въ нихъ видѣлись чувственность, остроуміе, лукавство и меланхолія — демоны и добрые геніи.

«Разговоръ, на этой части стола, скоро сдѣлался общимъ, и я могъ вмѣшаться въ него, не рискуя показаться навязчивымъ. Говорили объ искусствѣ, литературѣ, политикѣ. Со всѣмъ этимъ замѣчательный господинъ былъ знакомъ въ совершенствѣ, во всемъ поражалъ насъ глубиною взглядовъ, силою антитезъ и удивительными парадоксами. Да, ему очевидно было пріятно пытать добрыхъ людей на медленномъ огнѣ. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что историческіе перевороты не принесли и не могутъ принести человѣчеству никакой пользы.

«Вы знаете мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Я поднялъ перчатку; я оживился при своей любимой темѣ и горячился тѣмъ болѣе, что противникъ старался сбить меня разными уклоненіями въ сторону. Я совершенно забылся, говорилъ съ паѳосомъ, сатирически. Я чувствовалъ, что говорилъ хорошо, такъ, по крайней мѣрѣ, какъ еще никогда не случалось. Противникъ мой сложилъ наконецъ оружіе, оружіе, которое, какъ я узналъ послѣ, къ стыду своему, онъ употреблялъ для своей забавы и сталъ

Digitized by Google

внимательно слушать меня, склонивъ немного къ правому плечу свою большую голову и посматривая на меня съ улыбкой своими умными глазами; въ то же время онъ медленно опоражнивалъ стаканъ за стаканомъ. Обѣдъ кончился. Провожая въ чайную свою даму, я спросилъ у нея: «Что это за господинъ, съ которымъ я завелъ такой, вѣроятно, скучный для васъ разговоръ?»

— Какъ? вы не знаете професора Бергера? отвѣчала удивленная дѣвушка.

— Такъ это былъ професоръ Бергеръ?

— Конечно, хотите я васъ ему представлю?

— Ради Бога не надо? вскричалъ я съ неподдѣльнымъ ужасомъ, о я несчастный!

— Что это съ вами? спрашивала хорошенькая блондинка.

«Но я уже выпустилъ ея руку и старался скрыться въ самую отдаленную комнату. Тамъ я бросился на диванъ въ самомъ уединенномъ углу, чтобы на свободѣ предаваться меланхолическимъ размышленіямъ о постигшемъ меня несчастіи. Такъ я боролся съ разъяреннымъ медвѣдемъ, между тѣмъ, какъ воображалъ, что играю съ добродушнымъ пуделемъ! Этого человѣка описывали мнѣ столь же коварнымъ, сколько онъ ученъ и остроуменъ. Ну, какъ онъ припомнитъ мои выходки и сарказмы въ тотъ грустный часъ, когда я безпомощно буду лежать передъ нимъ на анатомическомъ столѣ экзаменаторской залы?

«Тутъ я услышалъ подлѣ себя шумъ и поднялъ голову, которую дотого сжималъ руками.

«Передо мной стоялъ професоръ Бергеръ. Я вскочилъ съ мѣста.

— Позвольте мнѣ присѣсть около васъ, сказалъ этотъ странный человѣкъ, располагаясь на диванѣ и усаживая меня рядомъ съ собою.—Вы мнѣ нравитесь, и я желаю короче познакомиться съ вами. Я професоръ Бергеръ; съ кѣмъ я имѣю честь ....?

— Моя фамилія Штейнъ.

— Вы изучаете, или лучше сказать, изучали?

— Хотѣлъ бы просто отвѣчать, г. професоръ, что изучалъ «филологію», но такъ-какъ это было бы совершенною неправдой, то могу только сказать: что желалъ бы *имѣть право* изучать филологію.

— Какъ такъ?

Digitized by Google

— Потомучто, тогда честь близкаго знакомства съ вами не казалась бы мнѣ такъ опасной.

«Усмѣшка появилась на губахъ професора, перешла на правую щоку и какъ-то исчезла въ правомъ глазу.

— Вы держите экзаменъ?

— Да, г. професоръ.

— И потому пугаетесь меня, какъ Гамлетъ тѣни своего отца?

— По крайней мѣрѣ, вы кажетесь мнѣ очень загадочнымъ существомъ.

— Ну, видите, поэтому-то намъ и слѣдуетъ короче узнать другъ-друга. Хотите, если окажется на это время и охота, зайти ко мнѣ завтра вечеромъ на стаканъ пунша?

«Я, конечно, не отказался.

«И это было началомъ моего знакомства, могу сказать, дружбы съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Съ этихъ поръ мы ежедневно бывали вмѣстѣ во все время, пока я оставался въ Грюнвицѣ, и я далеко не столько цѣню практическія выгоды, которыя извлекъ изъ частыхъ отношеній съ *ученымъ*, какъ возможность близко всмотрѣться въ одинъ изъ загадочнѣйшихъ характеровъ, какія мнѣ когда-либо встрѣчались. Боюсь, что существуетъ тайное сродство между моей и его натурой, иначе мы не могли бы такъ скоро сойтись, такъ беззавѣтно довѣриться другъ-другу, такъ понимать каждый взглядъ и движеніе. Я говорю «боюсь», потомучто Бергеръ глубоко несчастный человѣкъ. Молніи его блестящаго остроумія появляются на темномъ фонѣ грозовой тучи. Онъ одинъ на свѣтѣ, всѣми не признанный; многіе его боятся, но никто не любитъ. Почему это такъ, я не могу сказать даже вамъ, потомучто дружба есть храмъ, въ который входъ не разрѣшается третьему, кто бы онъ ни былъ. Но я содрагаюсь каждый разъ, какъ всматриваюсь въ тьму его ожидающую, когда старость будетъ мало по малу погашать факелъ геніальности, которая одна освѣщаетъ теперь страшную пустоту его души. Можетъ быть, кто знаетъ, тогда ему будетъ лучше. Можетъ быть, надъ нимъ исполнится то слово, которое онъ часто повторяетъ теперь, то съ злобной насмѣшкой, то съ болѣзненной увѣренностью: «Блаженны нищіе духомъ.»

«Короткія отношенія съ извѣстнымъ ученымъ окружили меня въ глазахъ другихъ какимъ-то ореоломъ, въ которомъ я, подобно

Digitized by Google

героямъ Гомера, дѣлался безопаснымъ отъ всѣхъ ужасовъ экзамена. Поутру рѣшительнаго дня, Бергеръ сказалъ мнѣ:

— Знаете, милый Освальдъ, у меня есть огромное желаніе заставить васъ провалиться!

— Зачѣмъ же это!

— Потомучто я боюсь погубить васъ, вдвойнѣ погубить. Боже ты мой, какія превратности могутъ встрѣтиться человѣку, котораго посадятъ на прадѣдовское кресло какой-нибудь должности и надѣнутъ на него спальный колпакъ какого-нибудь званія! Пожалуй, еще вы дойдете до того, что станете считать Горація великимъ поэтомъ, а Цицерона знаменитымъ философомъ; пожалуй, еще въ это удушливое время, вы сдѣлаетесь отъ скуки такимъ-же ученымъ професоромъ какъ я.

«Экзаменъ кончился. Я получилъ, по выраженію Бергера, право заниматься всякими пустяками. Въ одно утро онъ пришолъ ко мнѣ съ письмомъ и спросилъ:

— Хотите получить мѣсто воспитателя въ одномъ благородномъ семействѣ?

«На это я не могъ отвѣчать утвердительно.

— Ну, конечно; однако условія такъ благопріятны, что стоитъ, покрайней мѣрѣ, поразмыслить основательно. Вы должны будете пробыть тамъ четыре года.

— И это вы называете благопріятными условіями? Четыре года не четыре недѣли!

— Постойте! изъ четырехъ лѣтъ вы проведете собственно въ домѣ только два, а остальные два будете путешествовать съ своимъ питомцемъ. Вамъ хочется увидѣть свѣтъ и вы должны его увидѣть, хотя бы для того, чтобы удостовѣриться, что люди повсюду совершенно правы, когда любятъ собакъ. У васъ нѣтъ состоянія, а для бродяжничества вы слишкомъ цивилизованы. Eh bien! Здѣсь представляется вамъ случай, лучше котораго вы, можетъ быть, не встрѣтите цѣлую жизнь.

— А кто тотъ Александръ, у котораго мнѣ предстоитъ быть Аристотелемъ?

— Одинъ молодой наслѣдникъ, какъ и македонскій укротитель лошадей. Я познакомился съ благороднымъ семействомъ въ прошломъ году, въ Остенде. Мужъ, нѣкто баронъ Гренвицъ, представляетъ нуль, жена, баронесса — х, котораго я еще не успѣлъ опредѣлить. Во всякомъ случаѣ она не глупая барыня.

Digitized by Google

Я знаю, что для васъ это немаловажная рекомендація. Она хорошо говоритъ на трехъ или четырехъ языкахъ, не считая отечественнаго. Я даже подозрѣваю, что она втихомолку изучаетъ латинскій и греческій языки съ своимъ теперешнимъ домашнимъ учителемъ, нѣкоимъ Бауеромъ, который здѣсь учился и вышелъ основательно ученымъ юношей.

— И вы, вы написавшій, по вашимъ же собственнымъ разсказамъ, книгу о дворянствѣ и противъ дворянства, которая, къ несчастію, не можетъ быть напечатана въ Германіи, для которой только и назначалась,—вы совѣтуете мнѣ, имѣющему объ этомъ такія же мнѣнія паразита, поступить въ самый лагерь нашихъ враговъ?

— Въ томъ-то и штука, сказалъ смѣясь Бергеръ;—вы должны идти туда, какъ Могиканъ въ лагерь ирокерзцовъ; и я уже заранѣе радуюсь тому количеству великолѣпныхъ чубовъ, которое вы принесете съ собой. Тогда мы повѣсимъ ихъ, какъ трофеи въ своемъ Вигвамѣ и будемъ на нихъ радоваться.

— А если меня скальпируютъ тамъ самого, тогда что?

— Тогда я останусь послѣднимъ Могиканомъ и буду уединенно и меланхолически покуривать свою трубку дружбы на могилѣ моего Ункаса.

«Онъ подперъ голову рукою и сталъ мрачно смотрѣть въ землю.—Да, знаю, знаю, сказалъ онъ, большая змѣя, когда ей надоѣстъ наконецъ жалить людей, уползетъ въ болото и тамъ одиноко околѣетъ.

«Я схватилъ его руку.—Этого не случится до тѣхъ поръ, пока я живъ!

«Онъ грустно посмотрѣлъ на меня.

— Но ты умрешь прежде меня, сказалъ онъ,—большая змѣя живуча, а ты мягокъ, слишкомъ мягокъ для этого грубаго міра. Но это въ сторону. Что вы скажете на мое предложеніе?

— Что оно мнѣ нравится только вполовину, даже менѣе, чѣмъ вполовину.

— Такъ мнѣ приходится ходить съ послѣдняго козыря, вскричалъ Бергеръ, вскакивая съ мѣста. Ну, слушайте же, невѣрующій,—домъ, въ который я васъ посылаю, заключаетъ въ своихъ стѣнахъ ангела во образѣ прелестнѣйшей дѣвушки. Она сестра вашего Александра и, слава Богу, пока еще въ пансіонѣ въ Гамбургѣ. Я ненавижу ее, потомучто она повергла меня въ

Digitized by Google

ужаснѣйшія мученія. Всѣ безумные сны моей юности воскресли при взглядѣ на нее и преслѣдовали меня, какъ прелестные призраки. Скоро я началъ убѣгать, какъ только замѣчалъ ее въ ея легкой соломенной шляпкѣ на гладкомъ пескѣ морского берега. Да, признаюсь, что тѣ сонеты, которые я вамъ читалъ недавно и, которые вы имѣли снисходительность найти насквозь проникнутыми любовью, и Богъ знаетъ, еще какими чувствами, и которые я выдалъ за свои юношескія произведенія, написанныя тридцать лѣтъ назадъ въ Гельголандѣ, написаны кровью моего сердца, въ прошломъ году, подъ обаяніемъ взгляда этой чародѣйки. Но, впрочемъ, пусть это останется между нами.

— Разумѣется, потомучто вздумай я разсказать, мнѣ никто не повѣритъ.

— Да, пожалуй, что такъ; ну что же о дѣлѣ?

— Теперь оно прельщаетъ меня еще менѣе. Я не желаю самъ повторить жалостной исторіи любви домашняго учителя къ дочери высокоблагородныхъ родителей, въ родѣ тѣхъ, которыхъ я до отвращенія начитался въ романахъ. А если дѣвушка дѣйствительно такъ хороша, что.,...

— Что даже такое сухое дерево какъ я дало свѣжіе отпрыски, а что-же будетъ съ молодымъ? прервалъ меня со смѣхомъ Бергеръ. — Ну чтожъ! влюбитесь! почему нѣтъ! Любезный другъ, книга жизни для людей нашего закала имѣетъ тоже заглавіе, какъ одинъ изъ романовъ Бальзака: Illusions perdues. Каждый день начертываетъ въ ней новую главу, и чѣмъ короче книга, тѣмъ она интереснѣе. Но такъ какъ она должна же когда нибудь написаться и не можетъ быть написана иначе; то не все-ли равно, пойдемъ-ли мы на востокъ или на западъ. Тамъ и тутъ, насъ ожидаютъ тѣже самыя испытанія. Потому-то и повторяю вамъ еще разъ, поѣзжайте въ Гренвицъ!

«Что мнѣ было дѣлать? Я счелъ своимъ долгомъ исполнить желаніе моего друга, которому былъ столько обязанъ. Кромѣ-же, развѣ Бергеръ не правъ, что для меня все равно идти на востокъ или на западъ? Кончено! Я упаковалъ свои вещи, простился съ своимъ менторомъ и направилъ путь къ этому острову.»

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Освальдъ до этого времени жилъ всегда только въ городахъ. Его обычаи, взгляды и склонности вполнѣ принадлежали городскому жителю. Потому-то, перенесенный какъ будто волшебствомъ въ деревню, онъ сильнѣе чѣмъ кто нибудь чувствовалъ неизъяснимую прелесть первыхъ лѣтнихъ дней въ прекрасной сельской мѣстности: они имѣли для него что-то притягивающее, упоительное. Для него все было такъ ново и въ тоже время такъ странно знакомо, какъ будто онъ пріѣхалъ въ страну, которую задолго передъ этимъ видѣлъ во снѣ. Неужели этотъ голубой куполъ тоже самое небо, которое такъ безотрадно бѣлѣло надъ множествомъ домовъ столицы? А эти искрящіеся огоньки неужели тѣ самыя одинокія звѣзды, на которыя онъ едва взглядывалъ, выходя изъ театра или съ званаго вечера? Возможно-ли, чтобы лѣтнее утро было такъ богато блескомъ и великолѣпіемъ, а лѣтній вечеръ былъ такъ мягокъ и сладострастенъ? Развѣ онъ до тѣхъ поръ никогда не слыхалъ пѣнія птицъ, что не можетъ теперь оторваться отъ ихъ простыхъ пѣсенъ? Развѣ никогда не видалъ цвѣтовъ, что не можетъ наглядѣться на ихъ чудныя краски и удивительныя формы? Онъ чувствовалъ себя какъ человѣкъ возвращающійся къ жизни послѣ тяжкой болѣзни. Самое близкое прошедшее скрывалось за какимъ-то густымъ покровомъ, но отдаленное, уже долгіе годы утонувшее въ морѣ забвенія, снова возникало на горизонтѣ воспоминанія, какъ свѣтлое волшебное отраженіе.—Э, да это рыцарскіе шпоры! радостно вскричалъ онъ однажды, встрѣтивъ этотъ цвѣтокъ на многихъ грядахъ въ саду.

— Разумѣется, сказалъ Бруно, которой былъ съ нимъ,—развѣ вы еще никогда не видѣли такого цвѣтка?

— Давно уже это было, пробормоталъ молодой человѣкъ съ чувствомъ вглядываясь въ цвѣтокъ. Его духовному зрѣнію представился опять шумящій садъ у городской стѣны и самъ онъ, собирающій цвѣты, камешки и другія рѣдкости, попадавшіяся ему на дорогѣ, и складывающій ихъ на колѣна прелестной, мо-

Digitized by Google

лодой и блѣдной женщины; при этомъ она каждый разъ гладила его по кудрявой головѣ и съ терпѣніемъ, свойственнымъ только матери, не уставала отвѣчать на безчисленные вопросы. Тогда же онъ принесъ ей и этотъ цвѣтокъ, а красивая женщина сказала: это рыцарскіе шпоры. И она долго смотрѣла на цвѣтокъ, такъ долго, что слезы выступили изъ глазъ. Тогда она взяла ребенка на колѣна, крѣпко прижала къ груди кудрявую голову и здѣсь онъ вѣроятно заснулъ отъ долгаго бѣганья, потомучто на этомъ мѣстѣ оканчивалась картина.

Прекрасная молодая женщина была его мать; она умерла, когда ему еще не было и пяти лѣтъ. Кому не извѣстно, по собственному грустному опыту, что въ сумятицѣ жизни, когда одно явленіе вытѣсняетъ другое, и мы нерѣдко находимся подъ тиранническимъ вліяніемъ минуты, забывается все, даже самое дорогое, даже люди давшіе намъ жизнь. Такъ и Освальдъ почти уже забылъ, что у него была когда-то любимая мать. Теперь цвѣтокъ съ силою вызвалъ въ душѣ его воспоминаніе о ней. Первое время, которое онъ проводилъ въ деревнѣ, близко подходило къ первому времени его жизни, потомучто съ тѣхъ поръ онъ никогда такъ свободно и пристально не вглядывался въ прелестный, чарующій ликъ природы. Даже объ отцѣ своемъ, который умеръ только два года тому назадъ, въ томъ-же уединеніи, въ которомъ жилъ, онъ вспомнилъ съ нѣкоторой благодарной любовью, которая, къ сожалѣнію, часто возникаетъ тогда, когда предметы ея не могутъ уже насладиться ея дарами. Вспомнилъ онъ своего отца, маленькаго человѣчка, котораго восемнадцати—лѣтній сынъ уже переросъ двумя головами, этого боящагося людей оригинала, котораго весь городъ называлъ «старымъ кандидатомъ», и котораго потертый чорный фракъ, несмѣняемый ни зимой, ни лѣтомъ, извѣстенъ былъ каждому уличному мальчику; загадочнаго человѣка, скрывавшаго свои вещественныя и умственныя скровища отъ всѣхъ, кромѣ своего сына, котораго любилъ безконечно, за которымъ ухаживалъ съ материнскою нѣжностью и для котораго у этого, всѣмъ извѣстнаго скряги, не было ничего завѣтнаго.

Эти сладкія и другія горчайшія воспоминанія проходили въ душѣ Освальда, когда онъ въ свободное время бродилъ одинъ или съ своими воспитанниками по садамъ, лѣсамъ и полямъ. Съ каждымъ днемъ, онъ сильнѣе втягивался въ сельскую жизнь, и

Digitized by Google

когда, передъ началомъ утреннихъ занятій, урывками забѣгалъ подышать запахомъ цвѣтовъ и насладиться пѣніемъ птицъ, то совершенно не могъ понять какъ это могутъ люди, и какъ могъ до сихъ поръ онъ самъ, выносить городскую жизнь.

И дѣйствительно, замокъ Гренвицъ и его окрестности способны были возбудить живѣйшій интересъ даже въ людяхъ избалованныхъ сельскими ландшафтами. Туристы, ежегодно посѣщающіе островъ, попадая случайно въ эту мѣстность, не могли надивиться, почему такой прелестный и во многихъ отношеніяхъ замѣчательный пунктъ не былъ означенъ въ ихъ путеводителѣ, гдѣ можно было найти незначительнѣйшія гостинницы.

Замокъ еще и теперь сохраняетъ слѣды богатства и могущества стараго рыцарскаго рода тѣхъ изъ Гренвицей, которые, съ незапамятныхъ временъ владѣли этимъ мѣстомъ и воздвигли этотъ замокъ въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, на свою защиту и на страхъ сосѣднимъ баронамъ.

Нижній этажъ одного флигеля съ своими исполинскими квадратными камнями относится еще къ тому времени, также и могучая круглая башня, которою соединяется теперь новый замокъ со старымъ. Новый замокъ построенъ въ концѣ XVII-го столѣтія въ стилѣ этого времени и выглядитъ, съ своими завитыми колонами и вычурными орнаментами, сравнительно съ старой башней безъ всякихъ украшеній, какъ расфранчоный господинъ временъ Лудовика XIV-го рядомъ съ закованнымъ въ желѣзо воиномъ временъ Кресси или Пуатье.

Валъ, вышиною въ двадцать или болѣе футовъ, напоминающій еще болѣе отдаленную эпоху чѣмъ старая башня, окружаетъ владѣніе на такое далекое пространство, что самый замокъ, съ побочными строеніями, занимаетъ только самую малую часть огороженной мѣстности. Валъ давно уже обратился въ мѣсто мирныхъ прогулокъ и надъ нимъ образовали зеленый сводъ высокіе буки, орѣшники и липы. Широкій ровъ, опоясывающій его на всемъ протяженіи, теперь частію обратился въ болото, поросшее тростникомъ, а въ мѣстахъ, гдѣ вода еще глубока, покрытъ зеленымъ ковромъ водяныхъ растеній, въ которыхъ весело ныряютъ дикія утки.

Очевидно, этотъ валъ имѣлъ цѣлью, въ случаѣ нападенія, защищать нетолько семьи воинственныхъ бароновъ, но и стада и запасы; потомучто, хозяйственныя постройки, которыя лежатъ

Digitized by Google

теперь далеко за валомъ, лежали, до существованія новаго замка, внутри его. Тогда изъ укрѣпленія былъ одинъ только выходъ: крѣпкія ворота съ башней, изъ которой перекидывался черезъ ровъ подъемный мостъ. Теперь башня ужь снесена, а мостъ не поднимается болѣе. Изъ этихъ главныхъ воротъ, алея роскошныхъ, болѣе чѣмъ столѣтнихъ липъ, вела къ главному порталу замка. Направо отъ алеи и передъ фронтономъ зданія была большая площадь, посреди которой стояло каменное изображеніе Наяды, какъ мѣстной покровительницы, которая, вѣроятно отъ горя, что ея колодезь уже съ полстолѣтія стоитъ безъ воды, потеряла голову.

Остальное пространство внутри вала было наполнено садами, относящимися уже ко времени новыхъ построекъ, и ясно обличающими характеръ этой эпохи своими прямыми дорожками, искуственно подстриженными деревьями, буковыми пирамидами, божествами изъ песчаника, наивно издѣвавшимися надъ всѣми правилами эстетики и законами анатоміи. Мѣстами, разумѣется, проникъ духъ новаго времени. Букъ постарался, на сколько возможно, распрямить свои изуродованные члены и придать имъ видъ настоящаго дерева, обѣ стороны шпалерника соединились во едино и составили непроходимую стѣну. Садовникъ, не имѣвшій ключа къ нѣмому языку таксовыхъ пирамидъ и слѣдовавшій болѣе практическому направленію, насадилъ, не заботясь объ эстетическомъ впечатлѣніи, яблонь, грушъ и вишневнику всюду, гдѣ только было пустое мѣсто, и пожертвовалъ нѣсколькими цвѣточными грядами въ пользу своихъ овощей. На дворѣ, сестра Наяды почти совсѣмъ заросла кустами малины и крыжовника, но умѣла найтись въ своемъ новомъ положеніи, сохранила въ цѣлости голову и лепетала въ тишинѣ ночи о добромъ старомъ времени.

Такимъ образомъ, начиная съ исполинскаго вала, напоминающаго времена сѣдого язычества, до грядъ со спаржей, сдѣланныхъ вчера, каждое поколѣніе въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія, дѣлало въ свою очередь, какія нибудь улучшенія, передѣлки или поправки въ этомъ жилищѣ. Многое исчезло безъ слѣда, но многое и сохранилось; старое восторжествовало надъ временемъ, новое - же съ нимъ срослось; но такъ какъ и самое старое носило на себѣ слѣды жизни, продолжающейся полезности, то нигдѣ не было замѣтно скачка, перерыва и цѣлое произ-

Digitized by Google

водило такое гармоническое впечатлѣніе, какъ будто иначе и быть не могло.

Теперь замокъ Гренвицъ утратилъ совершенно первоначальный характеръ и когда Освальдъ, возвращаясь съ вечерней прогулки съ своими воспитанниками, останавливался на томъ мѣстѣ тѣнистаго вала, откуда можно было окинуть глазомъ поросшій травою дворъ, цвѣтущій садъ и замокъ, на сѣрыя стѣны котораго спускался уже мракъ, то ему казалось, что онъ видитъ передъ собою не старое гнѣздо воинственныхъ бароновъ, а какое-то убѣжище созерцательныхъ монаховъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

И дѣйствительно, тиха, монастырски тиха была жизнь въ замкѣ Гренвицѣ. Всякій шумъ, всякая тревога была изгнана изъ области, которую старый валъ окружалъ какъ обвитую плющемъ стѣну кладбища. Здѣсь не раздавалось ни собачьяго лая, ни лошадинаго ржанья; тихо проскользали часы, какъ тѣнь стрѣлки на солнечныхъ часахъ Портала, также тихо какъ цвѣли и благоухали цвѣты. Здѣсь и вѣтеръ какъ будто не такъ сильно шевелилъ верхушками деревьевъ, и птицы не такъ громко пѣли. Что-же касается жителей, то часы въ пріемной не могли пунктуальнѣе и систематичнѣе исполнять своего дѣла и подвергаться меньшимъ измѣненіямъ. Слуги исполняли свою работу съ правильностью автоматовъ. Даже въ самую мебель, казалось, вселился этотъ духъ порядка, такъ что Освальду нерѣдко приходило на мысль, что если сдвинешь какую нибудь вещь съ обыкновеннаго мѣста, то она потихоньку сама установится въ прежнемъ положеніи. Хотя Освальду не случалось еще въ прежней жизни подчиняться такому утомительному порядку и хотя, въ сущности, онъ былъ противенъ его натурѣ, но по гибкости характера и при счастливомъ, кроткомъ настроеніи, въ которое привелъ его цар-

Digitized by Google

ствующій кругомъ міръ, онъ какъ-то освоился съ ходомъ дѣлъ. Онъ дѣлалъ то что вокругъ него дѣлали другіе, раскланивался также форменно, какъ раскланивались всѣ при встрѣчѣ, и исполнялъ это съ такой серьезностью, какъ будто танцовалъ въ какомъ нибудь маскарадѣ минуетъ передъ публикой.

Въ первые дни онъ не слишкомъ много занимался ученьемъ и тѣмъ болѣе успѣвалъ обойти повсюду съ своими учениками. Они исходили во всѣхъ направленіяхъ буковый лѣсъ, который косой вдавался въ море, открыли могилу великана и пещеру и уже не разъ скатывались съ мѣловыхъ береговъ на песокъ, смотрѣли тамъ, стоя на обломкѣ скалы, какъ злились волны и радовались когда шумъ ихъ паденія заглушалъ ихъ голоса.

Во время этихъ экскурсій, которыя Освальдъ шутя называлъ подготовкой къ изученію Гомера, ему часто представлялась возможность наблюдать натуру обоихъ учениковъ. Почти невозможно было представить себѣ болѣе рѣзкой противуположности. Бруно былъ великъ для своихъ лѣтъ, притомъ ловокъ, гибокъ и быстръ какъ олень. Мальте, юный наслѣдникъ, казался жалкимъ и обиженнымъ судьбою сравнительно съ своимъ товарищемъ. Плеча у него были узкія, грудь впалая, и его угловатыя, некрасивыя движенія рѣзко отличались отъ дикой прелести, съ которою Бруно ходилъ, бѣгалъ и прыгалъ. Мальте отступалъ передъ всякой опасностью, даже предъ всякимъ напряженіемъ, по сознанію физической слабости и по врожденному или привитому малодушію; для Бруно никакое дерево не было слишкомъ высоко, никакая скала слишкомъ крута, никакой ровъ слишкомъ широкъ; казалось, что онъ хочетъ умышленно умѣрить пылкость своей души физическимъ утомленіемъ. Освальдъ сплелъ вѣнокъ изъ буковой зелени и надѣлъ его на синевато-чорные локоны мальчика, чтобы сдѣлать его еще похожѣе на вакханта. Но, какъ въ его отечествѣ — Швеціи, изъ ледяной зимней ночи возникаетъ вдругъ благоухающее, смѣющееся весеннее утро, такъ смѣнялись солнечный свѣтъ и буря въ его характерѣ — чрезмѣрная веселость и почти совершенное уныніе; сердечная, почти дѣтская довѣрчивость и мрачное, почти недѣтское упорство появлялись быстро и непосредственно, какъ свѣтъ и тѣнь на склонѣ горы, въ тотъ день, когда вѣтеръ съ быстротою стрѣлы гонитъ облака по небу. Потому-то Освальдъ и нашолъ мальчика чуждымъ всѣмъ въ домѣ; одни его ненавидѣли, другіе боялись, для всѣхъ онъ былъ

Digitized by Google

неразрѣшимой загадкой; даже добрый старый баронъ обращался къ мальчику съ нѣсколькими словами болѣе изъ врожденнаго великодушія, чѣмъ по убѣжденію. Но для Освальда достаточно было взглянуть въ поддернутые сномъ темные глаза мальчика, чтобы узнать родственнаго демона, и мистическій союзъ, который они заключили въ первую минуту, съ каждымъ днемъ все усиливался. Въ первый день Бруно смотрѣлъ на Освальда съ своей обычной строптивостью; такъ продолжалось и еще нѣсколько дней, но наконецъ любящая, симпатичная натура Освальда смягчила его подозрительность; какъ лучъ солнца прогоняетъ туманъ; его темные глаза раскрылись шире и стали блестящѣе, какъ будто неожиданное счастіе найти наконецъ человѣка, который его любитъ и котораго онъ можетъ также любить, ослѣпляло и опъяняло его; и тогда-то вырвалась наружу вся бурная нѣжность его души, которую онъ такъ тщательно долженъ былъ скрывать, вырвалась сильно, неудержимо, какъ горный потокъ, который перепрыгнулъ черезъ преграду скалъ и радостно разлился по долинѣ.

— Знаете, сказалъ тогда мальчикъ Освальду, я уже напередъ рѣшился васъ ненавидѣть,

— За что-же Бруно, развѣ ненависть тебѣ такъ пріятна?

— О, нѣтъ! но я думалъ, что всѣ воспитатели таковы, какъ былъ нашъ первый, и рѣшилъ, что чего заслуживалъ одинъ, того заслуживаютъ и другіе.

— А каковъ былъ г-нъ Бауеръ?

— Ну, онъ вполнѣ оправдывалъ свою фамилію! насмѣшливо сказалъ мальчикъ.

— Эге, гордецъ, не собираешься ли ты презирать крестьянина?

— Конечно нѣтъ! горячо вскричалъ мальчикъ, — мой отецъ былъ самъ крестьяниномъ, не смотря на то что имѣлъ званіе дворянина; я часто видѣлъ его какъ онъ шолъ за плугомъ—но тотъ человѣкъ былъ грубъ и напыщенъ какъ крестьянинъ и вдобавокъ трусъ. Одинъ разъ послѣ обѣда,—не знаю уже, что я еще тамъ разбилъ,—онъ ударилъ меня по лицу, потомучто это случилось при теткѣ и онъ думалъ доставить ей удовольствіе. Да, онъ прибилъ меня—и глаза мальчика заблистали при воспоминаніи объ этомъ позорѣ и жилы посинѣли на его блѣдномъ лбу.

— И что же Бруно?

Digitized by Google

— Тогда я схватилъ ножъ, который лежалъ передо мною на столѣ и бросился на него, и несчастный побѣжалъ отъ меня за дверь, прося пощады. А я, увидѣвъ это и блѣдныя лица вокругъ, не могъ не засмѣяться и безпрепятственно вышелъ изъ залы. Охотно бы убѣжалъ я тогда далеко, но дядя вышелъ вслѣдъ за мною и обѣщалъ, что этотъ человѣкъ не осмѣлится впередъ тронуть меня пальцемъ. Дядя добръ; вы и не знаете какъ онъ добръ; но онъ боится тетки; ее всѣ боятся; но я ее все-таки люблю, потомучто въ ней есть мужество какъ въ мужчинѣ, а я ненавижу только трусовъ. Мальте тоже трусишка.

— Мальте слабъ и боленъ, и ты долженъ быть къ нему снисходителенъ; но, если ты въ самомъ дѣлѣ любишь тетку, отчегоже ты такъ не ласковъ съ нею?

— Развѣ я не ласковъ?—Мальчикъ замолчалъ. Облако прошло по его лбу, ноздри его расширились и его голубые глаза стали какъ грозовая туча, когда онъ сказалъ:

— Я знаю, что я не ласковъ; но какже мнѣ быть иначе? Я живу въ этомъ домѣ изъ милости и долженъ быть благодаренъ за это. Этого я не хочу, не могу, если даже выгонятъ меня вонъ! Знаете-ли Освальдъ, я часто желаю, чтобы меня прогнали и разсчитываю на это; тогда я пошолъ-бы въ далекія страны и заработывалъ-бы себѣ хлѣбъ, какъ дѣлаютъ тысячи мальчиковъ не такихъ сильныхъ и бодрыхъ какъ я. Еще сегодня, когда мы шли по берегу и видѣли на горизонтѣ трехмачтовый корабль, я желалъ такъ горячо, такъ горячо уплыть вмѣстѣ съ нимъ юнгой, матросомъ—только далеко, какъ можно дальше отсюда!

Когда мальчикъ открывалъ такимъ образомъ своему учителю и другу свои самыя сокровенныя желанія, то послѣдняго брало сомнѣніе, способенъ-ли онъ, который не могъ точно опредѣлить пути для самого себя, быть руководителемъ дикаго, страстнаго мальчика. Но чѣмъ менѣе онъ чувствовалъ въ себѣ силы искоренять странныя желанія, химерическія надежды Бруно, которыя самъ тайно раздѣлялъ, тѣмъ болѣе уничтожалось разстояніе между учителемъ и ученикомъ, тѣмъ болѣе братскій характеръ принимали ихъ отношенія. Еще ни одинъ человѣкъ не производилъ на Освальда такого глубокаго впечатлѣнія какъ этотъ чудный мальчикъ. Онъ любилъ его какъ художникъ свое произведеніе, какъ отецъ сына, въ которомъ онъ надѣется осуществить то, чего самому не удалось достигнуть, какъ мать то дитя, о которомъ

Digitized by Google

должна всего болѣе хлопотать и заботиться. Каждый вечеръ, утомившись работой и чтеніемъ, онъ шолъ въ спальню мальчика— ему невозможно было заснуть, не взглянувъ еще разъ на своего любимца.

Какое-то чувство цѣломудренности, которое недопускаетъ благородныя натуры выказывать всей полноты ихъ нѣжности, заставляло его сдерживать днемъ свои ласки; но вечеромъ, онъ бралъ спящаго мальчика за руки, гладилъ ихъ и нѣжно цѣловалъ его въ лобъ.

— Они говорятъ, что ты не умѣешь любить, ты, мой любимецъ, котораго душа только и жаждетъ привязанности. Пусть всѣ непризнаютъ и ненавидятъ тебя, я тебя понимаю и буду любить тебя!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хозяйственныя постройки и людскія замка Гренвица были расположены за валомъ, въ которомъ сдѣлали другой ходъ для болѣе удобнаго сообщенія между домомъ и дворомъ. Деревянные рѣшетчатые ворота, даже безъ запора и обыкновенный неподъемный мостъ свидѣтельствовали о мирномъ духѣ потомковъ тѣхъ воинственныхъ бароновъ, которые построили на другой сторонѣ массивныя ворота съ висячимъ мостомъ на тяжолыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ. Сообщеніе между замкомъ и дворомъ ограничивалось размѣномъ нерѣдко энергическихъ дипломатическихъ нотъ между экономкой и управляющимъ, которые, подчасъ, были совершенно различнаго мнѣнія о качествѣ и количествѣ продуктовъ получаемыхъ одной и выдаваемыхъ другимъ. Имѣніе было отдано на аренду; арендаторъ, г-нъ Бадеръ, жилъ въ одномъ изъ сосѣднихъ имѣній, которымъ также завѣдывалъ и рѣдко пріѣзжалъ въ Гренвицъ, управленіе которымъ предоставилъ своему смотрителю.

Освальдъ, для котораго сельское хозяйство было также ново какъ и жизнь въ деревнѣ, часто сталъ заходить во дворъ, чтобы

Digitized by Google

побродить съ смотрителемъ по хлѣвамъ и овинамъ и проникнуть, съ его помощью, въ нѣкоторыя таинства земледѣлія и скотоводства. Смотритель, нѣкто Врампе, былъ человѣкъ гигантскаго роста, всегда носившій сапоги съ раструбами и придерживавшійся суевѣрнаго мнѣнія, что потеряетъ свою богатырскую силу какъ только подстрижотъ свою всклокоченную чорную бороду или отниметъ у дождевой воды исключительную привилегію умывать его загорѣлое лицо. Онъ говорилъ на нижненѣмецкомъ нарѣчіи и въ душѣ считалъ всѣхъ говорящихъ иначе чуть-ли не негодяями; его голосъ издали походилъ на рыканіе нѣсколько осиплаго льва. Враги его поговаривали, что онъ имѣетъ дурную привычку иногда напиваться, но такъ какъ онъ дѣлалъ это только разъ въ мѣсяцъ и притомъ нѣсколько дней сряду, чтобы потомъ быть еще энергичнѣе, то его друзья и даже самъ арендаторъ охотно закрывали глаза на эту маленькую слабость. Освальдъ съ удовольствіемъ разговаривалъ съ этимъ человѣкомъ, который, съ своимъ неуклюжимъ добродушіемъ, своей суровой наружностью, и рѣчью, пересыпаемой поговорками, былъ не дурнымъ представителемъ простолюдиновъ той страны.

Такъ отправился онъ однажды съ мальчиками погулять по двору. Дворъ они нашли почти пустымъ. Люди и скотъ были въ полѣ. Въ конюшнѣ стояла только четверня неповоротливыхъ лошадей барона, которыя отъ скуки разъигрывали меланхолическій концертъ желѣзными цѣпями своихъ недоуздковъ. Передъ входомъ въ конюшню сидѣлъ молчаливый кучеръ и глядѣлъ въ голубое небо, потомучто, кромѣ ухода за лошадьми, для него на свѣтѣ не существовало никакого другого дѣла. У его ногъ терся, мурлыча, большой чорный котъ, который повсюду ходилъ за нимъ, какъ его spiritus familiaris и даже на козлахъ сидѣлъ у него въ ногахъ подъ кожанымъ передникомъ.

На скотномъ дворѣ, они нашли только одну корову, которая усердно облизывала только сегодня родившагося теленка, стараясь привести его въ то состояніе, которое не посрамило-бы самолюбіе порядочной коровы, дорожащей честью своего рода. На кучѣ навоза, передъ конюшней, рылись куры, не заботясь о ссорѣ двухъ молодыхъ пѣтуховъ, у которыхъ вышла размолвка по поводу несчастнаго маленькаго жука, съ кроткой покорностью ожидавшаго, лежа на спинѣ, рѣшенія своей участи. Старый пѣтухъ, вѣроятно отецъ борящихся, залетѣлъ на коретное дышло и пѣлъ,

Digitized by Google

можетъ быть отъ радости, возбужденной рыцарскими наклонностями его потомства, а можетъ быть и увѣдомляя о тучкѣ, которая остановилась надъ анбаромъ. На краю крыши сидѣла на гнѣздѣ самка аиста. Аистъ также возвратился домой и принесъ результатъ своей охоты—маленькую змѣйку. Самка, при видѣ его, радостно захлопала крыльями; аистъ, съ сознаніемъ исполненнаго долга, принялъ участіе въ ея радости. Отъ пруда подъ предводительствомъ многоопытнаго селезня утки направлялись правильнымъ маршемъ черезъ дворъ, потомучто между ними распространился довольно основательный слухъ о томъ, будто за однимъ изъ анбаровъ прорвался мѣшокъ съ рожью.

Освальдъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на тихую жизнь двора въ теплый лѣтній день; Бруно пробовалъ завести съ молчаливымъ кучеромъ разговоръ на единственно интересовавшія его двѣ темы, о лошадяхъ и о котѣ; Мальте между тѣмъ скучалъ, потомучто его вообще занимали очень немногія вещи и ужъ конечно куры и утки, расхаживающія на солнцѣ, не принадлежали къ числу этихъ вещей. По этому случаю, собрались идти въ поле. Въ нѣкоторомъ разстояніи, на дорогѣ обсаженной ивами, конюхъ опрокинулъ повозку въ ровъ; лошади стояли поперегъ дороги, а онъ дергалъ ихъ изо всей мочи, осыпалъ ихъ бранью и проклятіями, какъ обыкновенно дѣлаютъ подобные люди въ затруднительномъ случаѣ. Наконецъ, истощился послѣдній малый запасъ терпѣнія, который дала ему природа и который еще уменьшился отъ избытка выпитой водки. Онъ схватилъ за узду одну изъ лошадей, дергалъ и колотилъ ее своими тяжолыми ногами, обутыми въ пудовые сапоги. Освальдъ едва успѣлъ замѣтить это, какъ Бруно, съ крикомъ: безчеловѣчный варваръ! стрѣлой пустился къ повозкѣ.

Въ одну минуту онъ добѣжалъ до нея и приказалъ конюху прекратить свое варварское обращеніе голосомъ, дрожащимъ не столько отъ быстрой ходьбы, сколько отъ гнѣва.

— Я знаю что дѣлаю! отвѣчалъ крестьянинъ и снова напустился на лошадь, которая со страху все сильнѣе и сильнѣе запутывалась въ постромкахъ.

— Сію секунду оставь лошадь, или...

— Ого! вскричалъ конюхъ, или что?

— Или я проткну тебя этимъ ножомъ.

Конюхъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и съ ужасомъ по-

Digitized by Google

смотрѣлъ на Бруно. Онъ испугался не ножа, который мальчикъ держалъ въ поднятой рукѣ — потомучто конюхъ былъ высокій, сильный человѣкъ, способный однимъ ударомъ кулака повалить на землю своего противника, ктому-же, онъ былъ пьянъ — нѣтъ, онъ испугался демона, выглядывающаго изъ темныхъ глазъ Бруно, испугался могучей страсти, отогнавшей всю кровь съ лица мальчика къ сердцу и заставлявшей дрожать его ноздри и красивыя губы.

— Это такая упрямая лошадь, пробормоталъ онъ, какъ-бы извиняясь.

Но Бруно не удостоилъ его отвѣта. Искусно и быстро, какъ будто цѣлую жизнь обращался съ лошадьми, онъ отпустилъ постромки, въ которыхъ запуталось животное, въ чемъ помогъ ему и подошедшій Освальдъ, но его помощь заслуживала похвалы больше за доброе намѣреніе, нежели за успѣшное исполненіе. Потомъ, мальчикъ спустился въ ровъ, почерпнулъ воды въ свою клеенчатую шляпу и обмылъ лошади раны на избитыхъ ногахъ.

Въ это время, показался на дорогѣ всадникъ. Это былъ смотритель Врампе, который издали видѣлъ сцену и прискакалъ въ галопъ черезъ поля.

— Вотъ и я, сказалъ кровельщикъ и упалъ съ кровли! — Что это тутъ за оказія! Зачѣмъ ты поѣхалъ черезъ ровъ, когда можно, проѣхавши десять шаговъ, попасть на мостъ. А какъ ты избилъ вороную Лизу! Я тебя отучу отъ лѣни, тысяча чертей!

Произнести эту энергическую рѣчь, соскочить съ лошади, плюнуть въ руку, чтобы крѣпче держать рукоятку своего хлыста и начать, по всѣмъ правиламъ, обработывать имъ спину конюха, было для дѣятел ьнаго смотрителя дѣломъ одной минуты.

— Я никому не позволяю себя бить, г-нъ смотритель! возражалъ наказываемый.

— Ты не позволяешь себя бить, пентюхъ эдакій, отвѣчалъ тотъ, продолжая свою работу: пусть будетъ такъ, но отъ меня ты получишь удары сполна.

Освальдъ, которому. тяжело было видѣть эту сцену, хотя виноватый и вполнѣ заслужилъ наказаніе, упросилъ Врампе оставить его въ покоѣ. Тотъ удовлетворилъ свой гнѣвъ еще послѣднимъ сильнымъ ударомъ и сказалъ, какъ бы въ заключеніе назидательной рѣчи:

Digitized by Google

— Ну вотъ! Теперь, Іохимъ, мы приведемъ повозку въ надлежащій видъ.

Тогда, онъ подставилъ свое могучее плечо подъ экипажъ и выдвинулъ его, какъ легонькую дѣтскую колясочку; лошади, стоявшія уже спокойно, тронулись и конюхъ могъ продолжать свой путь.

— Поѣзжай домой потихоньку и не забывай что я сказалъ тебѣ! закричалъ ему вслѣдъ смотритель.

— Но вы говорили съ нимъ только пантомимою, сказалъ смѣясь Освальдъ.

— Ну, развѣ мужики понимаютъ, когда съ ними говорятъ разумно!

— А вы когда-нибудь пробовали такъ говорить.

Врампе казался нѣсколько озадаченнымъ этимъ вопросомъ. — Ну, какъ я упарился, сказалъ онъ вмѣсто отвѣта! и досталъ изъ кармана чуть не четвертную бутыль водки, намѣтилъ пальцемъ мѣсто, до котораго намѣренъ былъ ее опорожнить, выпилъ, посмотрѣлъ бутыль къ свѣту и вѣроятно находя, что несовершенно выполнилъ свою задачу, сдѣлалъ еще апетитный глотокъ. Потомъ сѣлъ на лошадь, которая до того привыкла къ подобнымъ сценамъ, что все время стояла смирно, ласково пожелалъ добраго вечера, спустился въ ровъ и поскакалъ галопомъ.

У Бруно все переходило въ страсть. Его пламенное воображеніе воплощало въ человѣческіе образы поэтическіе вымыслы. Смерть Гектора исторгала у него слезы состраданія и гнѣва, и нравственное страданіе при видѣ какой-нибудь несправедливости или жестокости доводило его до физической болѣзни.

Такъ Освальдъ, войдя по обыкновенію ночью въ спальню мальчика, нашолъ, что его любимецъ еще не спитъ. Болѣе обыкновеннаго усилившаяся блѣдность лица и холодный потъ на лбу испугали Освальда, и самъ Бруно, послѣ нѣкотораго колебанія, признался, что, только не желая огорчить своего друга, скрывалъ свое нездоровье; но что теперь ему очень нехорошо. Освальдъ хотѣлъ тотчасъ разбудить людей и послать за докторомъ, но Бруно упросилъ не дѣлать этого, потомучто, въ подобныхъ случаяхъ, въ замкѣ поднималась такая суматоха, что ему становилось еще хуже.

— Ктому-же, я уже привыкъ къ этимъ припадкамъ, и если вы будете такъ добры, что сдѣлаете мнѣ чаю и дадите капли двѣ той

Digitized by Google

ессенціи, которую мнѣ недавно прописалъ докторъ — пузырекъ стоитъ на моей этажеркѣ — то увидите, что все скоро пройдетъ.

Освальдъ поспѣшилъ исполнить требуемое. Онъ далъ мальчику лѣкарства, напоилъ его чаемъ, поправилъ ему подушку, принесъ еще одѣяло и все это сдѣлалъ съ той ловкостію и предусмотрительностью тонко-чувствующихъ людей, которыя вырабатываютъ отличную сидѣлку изъ человѣка никогда не привыкшаго ходить за больными.

— Съ такимъ докторомъ, какъ вы, быть больнымъ почти удовольствіе, сказалъ Бруно, съ благодарностью сжимая руку своего друга.

— Ну молчи! молчи! сдѣлай лучше мнѣ удовольствіе и перестань хворать!

— Постараюсь, сказалъ улыбаясь мальчикъ.

Дѣйствительно, желаніе Освальда скоро исполнилось. Капли холоднаго пота на лбу мальчика превратились въ теплыя, и благодѣтельная природа погрузила его въ глубокій сонъ, чтобы въ таинственной тишинѣ возстановить нарушенное равновѣсіе организма. По временамъ еще вздрагивала стройная влажная рука, которую Освальдъ держалъ въ своей. Скоро прекратилось и это, и импровизированный врачъ поздравилъ себя съ успѣхомъ своего лѣченья.

Однако, онъ все еще боялся возобновленія припадка, и потому принесъ изъ своей комнаты кресло, придвинулъ его и сѣлъ у изголовья спящаго. Лампу онъ потушилъ, чтобы непривычный свѣтъ не обезпокоилъ больного, и такъ сидѣлъ онъ въ темнотѣ и смотрѣлъ на лунный свѣтъ, тихонько прокрадывавшійся сквозь отверстіе занавѣса вдоль стѣны, и прислушивался къ ровному дыханію мальчика, пока усталость не принудила его самого сомкнуть глаза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ вечеровъ на терасѣ, выходящей въ садъ замка, сидѣли двѣ дамы, изъ которыхъ одна была баронеса Гренвицъ, другая — молодая женщина, нѣсколько часовъ

Digitized by Google

тому назадъ, пріѣхавшая въ гости верхомъ изъ близь лежащаго помѣстья. Стеклянная дверь, широко раскрытая, вела съ балкона въ садъ. Передъ нимъ растилалось большое мѣсто, поросшее травою и окаймленное высокими деревьями, посреди котораго стояла Флора, изъ песочнаго камня, уже полтора столѣтія держащая въ рукѣ рогъ изобилія, наполненный каменными цвѣтами. Въ комнатѣ, выходившей на сѣверъ, было уже темно; на дворѣ же лучи заходящаго солнца освѣщали еще траву и великолѣпные буковыя и дубовыя деревья, а фигуры обѣихъ дамъ, сидѣвшихъ за столомъ, придвинутымъ къ двери, ясно обрисовывались на свѣтломъ фонѣ.

Большую противуположность трудно было себѣ представить. Баронесѣ Гренвицъ было едва сорокъ лѣтъ отъ роду, но суровость ея мужскихъ грубыхъ чертъ лица, большіе непривѣтливые глаза, пристально и долго устремляемые ею на говорящаго, сдержанность въ движеніяхъ, ея высокая, далеко превосходящая обыкновенный женскій ростъ, фигура, преимущественно-же ея особенность въ нарядѣ, все это старило ее на десять лѣтъ. Отъ излишней-ли простоты, или, какъ многіе думали, отъ бережливости, доходившей до скупости, она предпочитала матеріи, которыя, какъ свадебное платье почтенной жены Вакефильдскаго пастора, отличались болѣе прочностью, чѣмъ какими-либо блистательными качествами. Она любила покрой платья, про который нельзя сказать, что онъ уже не модный, потомучто такимъ онъ никогда и не былъ. Ея появленіе производило въ первую минуту впечатлѣніе величія, и внимательный наблюдатель могъ легко замѣтить по ея образцовой осанкѣ, а въ особенности по всегда спокойному, равномѣрному тону ея сильнаго и благозвучнаго голоса и постоянно изысканной рѣчи, избѣгавшей всякаго рѣзкаго выраженія, что она хорошо сознавала впечатлѣніе, производимое ею, и всѣми силами старалась поддержать его. Пройдемъ молчаніемъ вопросъ, внушала-ли баронеса дамѣ, сидѣвшей у нея, чувство уваженія своей статной наружностью, или эта дама принимала только наружный видъ этого уваженія; достовѣрно одно, что она старалась принять позу, находившуюся въ разладѣ съ выраженіемъ ея лица и даже съ ея нарядомъ. На ней надѣта была амазонка изъ темно-зеленаго бархата, на столько приподнятая, чтобы не мѣшать ей ходить и не закрывать ея ногъ, обутыхъ въ щегольскіе сапожки. Плотно прилегавшее платье ясно

Digitized by Google

обрисовывало формы ея полнаго, дышащаго молодостью, тѣла. Маленькая круглая шляпа, лежавшая близь нея на столѣ, рядомъ съ перчатками и хлыстикомъ, должна была очень идти къ этой хорошо сформированной головкѣ, съ пышными, каштановыми волосами, раздѣленными посрединѣ проборомъ, падавшими роскошными волнами на лобъ и уши, а сзади уложенными въ вѣнкообразную косу. Молодая женщина, сидящая напротивъ строго хозяйственной и примѣрно прилежной баронесы, занятой шитьемъ какого-то куска полотна, вѣроятно салфетки, выводила вензель на уже обрубленной салфеткѣ. Это занятіе не гармонировало съ ея нарядомъ и кажется не особенно ей нравилось; по крайней мѣры она быстро подняла голову, какъ только баронеса встала съ своего мѣста и отправилась искать чего-то въ глубинѣ комнаты; при этомъ обнаружилось хорошенькое личико съ дѣтски-нѣжными чертами и большими карими глазами, сверкающими влажнымъ блескомъ. Ея лице имѣло въ эту минуту выраженіе избалованной дѣвочки, строгая учительница которой отвернулась на минуту въ сторону.

—Что вы сказали, любезная Анна-Марія? спросила дама, снова нагнувшаяся надъ работой, когда баронеса обернулась въ ея сторону.

—Я спросила васъ, милая Мелита, достаточно-ли вамъ красной бумаги?

Мелита сдѣлала при этомъ мину, какъ бы желая сказать: «больше чѣмъ нужно!» но ограничилась фразой: «я думаю, хватитъ.»

Баронеса сѣла на свое мѣсто и снова завязала прерванный на минуту разговоръ.

— И такъ, кажется, мало надежды на полное выздоровленіе? сказала она.

— Мало или совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Мелита; въ особенности въ послѣднее время, когда припадки бѣшенства совершенно прекратились. Докторъ Биркенхейнъ пишетъ мнѣ, что только чудомъ Карлъ можетъ быть спасенъ отъ безумія; другими словами, это значитъ: спасенія нѣтъ.

— Горькая участь выпала на вашу долю, моя милая Мелита, сказала баронеса.

Мелита пожала плечами, но не отвѣчала.

— Въ этой самой комнатѣ, продолжала спокойно баронеса, которая казалось не хотѣла понять, что затронутая тема не слиш-

Digitized by Google

комъ пріятна Мелитѣ: я въ послѣдній разъ видѣла Беркова. Сознаюсь, что легкое подозрѣніе запало въ мою душу уже въ тотъ вечеръ, когда у него завязался извѣстный вамъ непріятный споръ съ вашимъ двоюроднымъ братомъ Барневицомъ, споръ, который баронъ Ольденбургъ безуспѣшно старался прекратить.

Казалось, что Мелита Берковъ не пришла въ восторгъ отъ этихъ обращиковъ хорошей памяти баронесы; она обнаружила безпокойство и безсознательно спросила:

— Вы ничего не слыхали объ Ольденбургѣ?

— Баронъ возвратился недѣлю тому назадъ.

— Охъ! вскрикнула Мелита голосомъ, заставившимъ госпожу Гренвицъ оторваться отъ работы.

— Что съ вами Мелита!

— Это моя неловкость, отвѣчала послѣдняя и выжала каплю крови изъ большого пальца лѣвой руки; и такъ Ольденбургъ вернулся; что-же заставило его снова пріѣхать сюда? развѣ онъ въ Египтѣ скучалъ нехуже здѣшняго?

— Въ Мартыновъ день наступаетъ срокъ контрактамъ его арендаторовъ, также какъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ имѣніяхъ. Я полагаю, что это заставило его вернуться. Кажется, онъ сдѣлался еще болѣе нелюдимъ, чѣмъ былъ въ то время. Грибеновъ, нашъ лѣсничій, повстрѣчался съ нимъ въ лѣсу; у насъ онъ еще непоказывался.

— Вы охотно простите барону его невниманіе, любезная Анна-Марія; вы вѣдь никогда не отзывались о немъ особенно выгодно.

— Не могу сказать, чтобы Ольденбургъ далъ поводъ отзываться объ немъ иначе мнѣ, также какъ и каждому изъ насъ. Человѣкъ, который забываетъ достоинство свего званія, выгоды равныхъ себѣ по званію на столько, чтобы, на окружныхъ сеймахъ и въ дворянскихъ собраніяхъ при всякомъ удобномъ случаѣ, приставать къ партіи нововводителей; который ищетъ нашего общества для того только чтобы, потомъ посмѣяться надъ нами,— такой человѣкъ долженъ пѣнять на себя, если мы нашимъ вниманіемъ и участіемъ даримъ другихъ, болѣе достойныхъ.

— Мнѣ кажется Ольденбургъ уже прежде пользовался участіемъ со стороны многихъ и полагаю, что и теперь не будетъ лишонъ этого участія. Я право незнаю, зачѣмъ весь свѣтъ интересуется человѣкомъ, который отъ мала до велика ни на кого не-

Digitized by Google

обращаетъ вниманія.— Это весьма понятно, добрая Мелита. Семейство Ольденбурговъ одно изъ древнѣйшихъ у насъ, мы не можемъ равнодушно относиться къ тому, что послѣдній членъ такого семейства дѣлается плебеемъ.

— Ольденбургъ никогда не сдѣлается плебеемъ, сказала съ нѣкоторою душевною теплотою молодая женщина.

— Ай, ай, любезная Мелита! Вы горячо стоите за барона. Вы можетъ быть желаете защитить и его безнравственную жизнь, его любовныя похожденія, которыми онъ обогатилъ chronique scandaleuse не одного только нашего края?

— Насколько мнѣ извѣстно, я никогда не хвалила безнравственности, сказала госпожа Берковъ съ еще большимъ жаромъ. А что касается частной жизни господина Ольденбурга, то я, будучи съ ней совершенно незнакома, удерживаюсь отъ всякаго приговора. — Впрочемъ, продолжала она, немного помолчавъ, и спокойнымъ голосомъ: я очень удивилась-бы, еслибы Ольденбургъ на дѣлѣ оказался тѣмъ Донъ-Жуаномъ, котораго всѣ непремѣнно хотятъ въ немъ видѣть. Согласитесь, любезная Анна-Марія, что онъ необладаетъ ни тою красотою, ни тою ловкостью, которыя составляютъ необходимую принадлежность этой роли.

— Надъ этимъ я, въ свою очередь, непозволяю себѣ произнести приговора, сказала баронеса не безъ замѣтной иронія этотъ вопросъ вы, молодыя женщины, должны рѣшить между собой.

— Молодыя женщины, вскричала Мелита засмѣявшись. Опустивъ руки на колѣно и удобно прислонившись къ спинѣ стула, она смотрѣла на баронесу, спокойно продолжавшую шить, взглядомъ, въ которомъ выражалась большая доля лукавства съ нѣкоторой примѣсью злобы, молодыя женщины! Знаете-ли, милая Анна-Марія, что мнѣ въ нынѣшнемъ году стукнетъ тридцать лѣтъ? Моему Юлію въ будущемъ мѣсяцѣ — двѣнадцать, онъ только четырьмя годами моложе вашей Елены. Кстати, что подѣлываетъ это милое дитя.? Неужели ей суждено вѣчно оставаться въ Гамбургскомъ пансіонѣ? Сколько времени она уже тамъ? два, нѣтъ, вѣдь уже три года! И ниразу не побывать здѣсь впродолженіи этого времени! Вы не узнаете собственнаго ребенка, любезная Гренвицъ!

— Гамбургскій пансіонъ такой отличный, такъ всѣми восхваляется, что меня бы мучила совѣсть, еслибы я не оставила тамъ дѣвочку какъ можно дольше. Впрочемъ, вы вѣроятно позабыли,

Digitized by Google

милая Берковъ, что мы прошлое лѣто были съ Еленой въ Остенде, и такъ какъ вы повидимому испытываете страшное желаніе ее видѣть, то я сообщу вамъ по секрету, что вы еще нынѣшнимъ лѣтомъ встрѣтите ее въ Гренвицѣ.

— Нынѣшнимъ лѣтомъ! вѣдь конечно это не имѣетъ соотношенія съ возвращеніемъ Ольденбурга? Извините мою нескромность! но я помню, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда баронъ возвратился изъ своего перваго большого путешествія, вы сказали, что сватовство Ольденбурга было-бы вамъ пріятно.

— Тогда я не знала еще барона съ той стороны, съ которой успѣла познакомиться съ нимъ съ тѣхъ поръ. Это впрочемъ не согласовалось — бы съ желаніемъ Гренвица, который, сколько мнѣ извѣстно, почти уже обѣщалъ ее другому.

— Другому? Но конечно не вашему прекрасному двоюродному брату Феликсу?

— Я уже сказала, что ничего не знаю опредѣлительно; Гренвицъ такъ скрытенъ; но я догадываюсь о его намѣреніи изъ того, что онъ велѣлъ Феликсу взять отпускъ на полгода и провесть это время у насъ. Его здоровье, говорятъ, очень разстроено.

— Надѣюсь не на столько, на сколько разстроено его состояніе, сухо сказала Мелита.

— Его состояніе? Вы развѣ знакомы съ домашними обстоятельствами Феликса?

— Я только повторяю то, о чемъ говоритъ весь свѣтъ. Согласитесь со мною, моя милая, что если уже chronique scandaleuse необходитъ молчаніемъ Ольденбурга, то о Феликсѣ ей есть что порасказать; притомъ господинъ лейтенантъ самъ позаботился о доставкѣ ей матеріала.

— Феликсъ еще молодъ.

— Не моложе Ольденбурга.

— Пятью годами.

— Наружность его недоказываетъ этого; правда этотъ добрый Феликсъ не много сильно пожилъ.

— Право, можно предположить милая Мелита, что Феликсъ ближе вамъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Говоря откровенно, я очень желала-бы знать, какого мнѣнія будете вы объ этой свадьбѣ, въ случаѣ если Гренвицъ не измѣнитъ своею плана.

— Если говорить откровенно, то я сочла бы ее за несчастіе и тѣмъ за большее несчастіе, чѣмъ прелестнѣе и невиннѣе Еле-

Digitized by Google

на. Что, скажите на милость, можетъ побудить барона настаивать на этомъ бракѣ? потомучто я немогу себѣ представить, чтобы мать могла согласиться на бракъ, который составитъ несчастіе ея дочери.

Мелита вскочила съ мѣста, схватила хлыстикъ и начала размахивать имъ въ воздухѣ какъ-бы желая этимъ сказать: вотъ чего заслуживаетъ тотъ, кто оказываетъ помощь такому мерзскому дѣлу. Трудно было узнать въ этой статной и высокой женской фигурѣ ту, которая давѣча сидѣла робко склонившись надъ работой, или лѣниво прислонившись къ подушкѣ стула. Казалось даже, что черты лица измѣнились, погрубѣли и постарѣли; огонь ея большихъ глазъ мрачно блисталъ. Безъ сомнѣнія разговоръ объ этомъ бракѣ задѣлъ въ ней струну, которая непріятно отозвалась въ ея душѣ. Она продолжала тѣмъ-же взволнованнымъ голосомъ:

— Феликсъ — извѣстный развратникъ. Какъ можетъ развратникъ любить? Предположимъ даже, что красота, невинность и молодость Елены одержали бы на время побѣду надъ его разочарованіемъ, тѣмъ не менѣе побѣда эта не можетъ быть продолжительна. Вполнѣ разочарованный никогда не сдѣлается снова живымъ человѣкомъ; а развѣ Елена можетъ любить такого получеловѣка? а развѣ стоитъ жить безъ любви? и можете-ли вы взять на свою отвѣтственность — то бѣдствіе, которое выростетъ, какъ сорная трава, отъ такого брака безъ любви? Я знаю...

Молодая женщина внезапно замолчала и скорыми шагами начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Потомъ, помолчавъ немного, прибавила:

— И какія матеріальныя выгоды представляетъ этотъ бракъ? Феликсъ принесъ въ жертву своему безграничному самолюбію— свое состояніе и здоровье. Его помѣстья въ долгу, какъ въ шелку; и въ виду у него, сколько мнѣ извѣстно, тоже ничего нѣтъ...

— Только то, что по смерти моего Мальте, отъ чего сохрани меня Богъ, онъ наслѣдуетъ маіоратное имѣніе Гренвицъ, сказала боронеса.

— Вотъ какъ! сказала Мелита протяжно. Послѣднее замѣчаніе баронесы представило благородной молодой женщинѣ все обстоятельство совершенно въ новомъ свѣтѣ, похожемъ на свѣтъ, падающій изъ потаеннаго фонаря вора на ящикъ съ сокровищами, который онъ собирается украсть. Она однако старалась скрыть отъ баронесы то что происходило въ ея душѣ и

Digitized by Google

снова бросившись въ качающееся кресло, простодушно продолжала:

— Я надѣюсь, что Мальте не сдѣлаетъ одолженія кредиторамъ Феликса и не умретъ преждевременно: онъ видимо крѣпнетъ и если бы вы давали мальчику болѣе свободы....

— Свобода! сказала баронеса;—опять приходится мнѣ слышать это слово! Я предоставляю ему на столько свободы, на сколько это совмѣстно съ разумнымъ воспитаніемъ. Я полагаю, что тотъ, кто какъ Мальте будетъ обладать такимъ значительнымъ состояніемъ, не можетъ достаточно рано научиться повиноваться, стѣсняться и отказывать себѣ въ ненужномъ и излишнемъ. Въ нашемъ племянникѣ Феликсѣ мы имѣемъ живой примѣръ того, куда ведетъ излишняя снисходительность.

— Все это правда, сказала Мелита: «но...

— Вѣдь мы кажется разъ навсегда порѣшили не затрогивать вопроса о воспитаніи нашихъ дѣтей, сказала боронеса съ улыбкой. Я знаю чего желаю, и съ Божьею помощью, доведу это до конца.

— Кстати, говорила я вамъ уже о томъ, что на этихъ дняхъ хочу послать моего Юлія въ гимназію, въ Грюнвальдъ? быстро спросила Мелита.

— Опять рискъ! отвѣчала бароннесса. Баронъ Ольденбургъ тоже получилъ такое общественное воспитаніе, какъ вы выражаетесь, и я думаю, что оно произвело должные результаты. Правда и съ домашнимъ учителемъ не легко.

— У васъ вѣдь теперь взятъ новый, неправда-ли? спросила Мелита, которая встала и облокотилась на дверь, какъ вы довольны имъ?

Баронеса пожала плечами.

— Но какъ можно предлагать такой вопросъ, сказала Мелита смѣясь. Онъ такой же какъ всѣ другіе: чрезвычайно ученъ, угловатъ, педантъ и скученъ. Бемперлейнъ, Бауеръ — всѣ въ томъ-же родѣ. Я берусь узнать домашняго учителя на сто шаговъ. Ахъ! кто этотъ молодой человѣкъ, который съ Бруно переходитъ лугъ?

Вопросъ остался безъ отвѣта, потомучто въ эту минуту Мадемуазель Маргарита вошла въ комнату, а баронеса встала чтобы отдать ей нѣкоторыя приказанія на счетъ ужина. Мелита обернулась, но баронеса съ извиненіемъ удалилась изъ комна-

Digitized by Google

ты. Мелита осталась одна и должна была сама поискать отвѣта на свой вопросъ. Она немного отступила отъ двери и пристально смотрѣла на появленіе незнакомаго молодого человѣка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Освальдъ показался съ Бруно изъ за деревьевъ, окаймлявшихъ площадь напротивъ замка. Его правая рука покоилась на плечѣ мальчика, который въ свою очередь обвилъ своею станъ Освальда и улыбаясь глядѣлъ въ лицо молодого человѣка, говорящаго съ нимъ. Пройдя нѣсколько шаговъ по лугу, они остановилились. Освальдъ указалъ рукою по направленію, откуда они пришли и Бруно обратно побѣжалъ въ лѣсокъ. Молодой человѣкъ стоялъ, ожидая возвращенія своего друга и для развлеченія сбивалъ тросточкой верхушки травы, слишкомъ высоко поднявшейся. Онъ и не предполагалъ, что въ пятидесяти шагахъ отъ него два прелестные и зоркіе глаза разглядывали каждую черту его лица, и тщательно наблюдали каждое его движеніе.

— Если это новый домашній учитель, то онъ служитъ еще большимъ подтвержденіемъ стараго изрѣченія, что каждое правило имѣетъ исключенія. Право, его нельзя причислить къ семейству Бемперлейнъ. Этотъ щегольской лѣтній нарядъ вы вѣроятно привезли изъ столицы? Очень мило, въ самомъ дѣлѣ, даже слишкомъ мило для домашняго учителя! — Вы кажется немного заняты собой, милостивый государь, и имѣете долгіе совѣщанія съ вашимъ портнымъ! Но нужно вамъ отдать справедливость. Вы хорошо сложены и маленькіе усы вамъ очень къ лицу. Не потрудитесь-ли вы поднять немного голову; я желалабы видѣть ваши глаза. Такъ—sauve qui peut!

Мелита быстро отступила, когда Освальдъ случайно поднялъ глаза, и осталась скрытою за дверью. Она мимоходомъ посмотрѣлась въ близь стоявшее зеркало и наскоро пригладила свои роскошные волосы. Затѣмъ, тайкомъ снова подошла къ двери.

Digitized by Google

Бруно выбѣжалъ изъ за деревьевъ и показывая Освальду книжечку, вскричалъ: «Вотъ она», «но вы ее не получите». Освальдъ старался схватить шалуна, который постоянно подпускалъ его къ себѣ на нѣсколько шаговъ, чтобы потомъ каждый разъ ускользнуть быстрымъ поворотомъ тѣла или прыжкомъ, который сдѣлалъ бы честь лягушкѣ.

Мелита, привлеченная милымъ зрѣлищемъ, вышла изъ засады. Какъ только Бруно замѣтилъ ее; то побѣжалъ къ ней навстрѣчу, и Освальдъ, который остановился въ изумленіи отъ неожиданнаго появленія дамы, видѣлъ какъ мальчикъ, схвативъ ея руки, съ порывистою нѣжностью прижималъ ихъ къ своимъ губамъ.

— Вотъ и ты, мой рѣзвый! сказала дама и погладила темные локовы мальчика,—гдѣ же ты пропадалъ цѣлое послѣ-обѣда.

— Я ходилъ гулять съ Освальдомъ, то есть съ господиномъ докторомъ Штейномъ, хотѣлъ я сказать, вскричалъ Бруно. Затѣмъ обернувшись къ Освальду, который приблизился съ поклономъ, сказалъ: это госпожа Берковъ, Освальдъ, о которой я вамъ разсказывалъ недалѣе какъ сегодня утромъ; а это господинъ Штейнъ, тетушка Берковъ, котораго я очень, очень люблю, и котораго вы также должны немного полюбить.

— Не слѣдуетъ слишкомъ расхваливать свой товаръ, Бруно, сказалъ Освальдъ, улыбаясь; это вводитъ въ сомнѣніе покупателя.

— За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда продавецъ такъ хорошо окредитованъ, какъ этотъ шалунъ въ моихъ глазахъ, сказала Мелита, немного покраснѣвъ. Давно-ли вы въ Гренвицѣ, докторъ.

— Около двухъ недѣль.

— Кажется баронеса мнѣ говорила, что вы пріѣхали изъ столицы? спросила Мелита, которой хотѣлось узнать подтвердится-ли ея предположеніе касательно туалета Освальда.

— Не прямымъ путемъ; въ послѣднее время я жилъ въ Грюнвальдѣ.

— Въ Грюнвальдѣ? это меня интересуетъ. Отъ васъ слѣдовательно я могу получить самыя точныя свѣдѣнія. Дѣло въ томъ— но я надоѣдаю вамъ своими нескромными вопросами!

— Сдѣлайте одолженіе; я сочту за счастіе, быть вамъ чѣмъ нибудь полезнымъ.

Digitized by Google

— Вы очень добры. Дѣдо вотъ въ чемъ. Я намѣрена моего сына, который почти однихъ лѣтъ съ Бруно...

— Ого, тетушка! тремя годами моложе! вскричалъ Бруно, который въ нѣкоторомъ разстояніи качался на качеляхъ.

— Какой у этого мальчика тонкій слухъ, сказала Мелита, понизивъ голосъ. И такъ я намѣрена послать моего Юлія въ гимназію, въ Грюнвальдъ. Или лучше сказать я вынуждена на это, потомучто его учитель, господинъ Бемперлейнъ, который уже шесть лѣтъ находится при немъ, получилъ мѣсто пастора и оставляетъ насъ на этихъ дняхъ. Я только незнаю.... но вотъ идетъ баронеса... я должна отложить до болѣе благопріятнаго времени свои тысячи вопросовъ о тысячѣ предметахъ, которые всѣ для меня столько же чужды, какъ и для моего добраго Бемперлейна, который давно позабылъ, если впрочемъ когда нибудь и зналъ, что и какъ дѣлается въ городѣ. Здѣсь впрочемъ никогда не удается поговорить. Не лучше-ли бы было, докторъ, если-бы вы на этихъ дняхъ осчастливили меня своимъ посѣщеніемъ; хоть бы завтра послѣ обѣда?

Освальдъ поклонился.

— Я просила доктора подарить меня завтра своимъ посѣщеніемъ, сказала Мелита, обращаясь къ баронесѣ, которая въ эту минуту снова вошла съ мамзель Маргаритой въ комнату. Мнѣ нужно съ нимъ посовѣтоваться касательно Грюнвальда. У васъ вѣдь ничего нѣтъ особеннаго въ виду завтра послѣ обѣда, потому что я не желала бы, чтобы докторъ Штейнъ принесъ мнѣ слишкомъ большую жертву.

— Имѣемъ ли мы что нибудь въ виду? спросила баронеса; вамъ вѣдь знакома наша скромная жизнь, милая Мелита; напротивъ, я полагаю, что подобное маленькое развлеченіе будетъ пріятно доктору Штейну, который вѣроятно уже начинаетъ испытывать однообразіе деревенской жизни. Я сама хотѣла вамъ предложить, докторъ Штейнъ, посѣтить нашего пастора, который вѣроятно чувствуетъ себя обиженнымъ, что вы до сихъ поръ не представились ему.

— Но вѣдь это легко соединить вмѣстѣ, сказала Мелита; завтра у насъ воскресенье, пасторъ Егеръ будетъ въ восторгѣ, если вы вашей особой увеличите незначительное число его слушателей. По лѣсной дорогѣ Берковъ лежитъ въ получасовомъ разстояніи отъ Фашвица. Я пригласила бы васъ прямо къ обѣду,

Digitized by Google

но знаю, что жена пастора нескоро васъ отпуститъ. Что скажете вы на это, докторъ?

— Мнѣ остается только выразить свою полную благодарность дамамъ за желаніе помочь мнѣ въ распредѣленіи моего времени, отвѣчалъ Освальдъ, вѣжливо кланяясь.

— Другими словами: мудрецъ преклоняется передъ необходимостью, сказала Мелита, смѣясь.

— Но вотъ идетъ баронъ съ Мальте, и мы можемъ сѣсть за столъ, въ чемъ, говоря откровенно, я чувствую сильную потребность.

Столъ былъ накрытъ на низкой террасѣ, пристроенной въ саду вдоль всей стѣны замка, подъ навѣсомъ. Былъ чудный вечеръ. Солнце садилось. Верхушки буковыхъ деревъ, окружавшихъ площадь, были покрыты розовымъ свѣтомъ. Ласточки, щебеча и чирикая, прорѣзывали прозрачный воздухъ. Павлинъ, привлеченный знакомымъ шумомъ тарелокъ, проворно прискакалъ изъ лѣска черезъ поляну, и собиралъ крохи, которыя старый баронъ бросалъ ему черезъ каменныя перила. Разговоръ былъ гораздо оживленнѣе обыкновеннаго. Баронеса, если хотѣла, могла быть чрезвычайно любезной хозяйкой, и несмотря на ея видимое отвращеніе къ свѣтскости, она была настолько занята собою, что ей не могло быть все равно остаться незамѣченной, сидя рядомъ съ Мелитой. А Мелита, въ свою очередь, была въ самомъ отличномъ расположеніи духа; она шутила, смѣялась, дразнила и позволяла себя дразнить, и была простодушна и беззаботна какъ дитя. Освальду, который охотно отдался чувству очарованія, произведенному милымъ появленіемъ Мелиты, и въ голову не приходило, что его присутствіе могло способствовать ея хорошему расположенію духа, а между тѣмъ, такъ было на самомъ дѣлѣ. Мало женщинъ на свѣтѣ, которыя бы оставались совершенно равнодушны къ впечатлѣнію, произведенному ими на окружающихъ, и Мелита, конечно, не принадлежала къ этому малому числу, а скорѣе къ тѣмъ натурамъ съ легко воспламеняемою чувственностью, которыя плѣняются пріятными и красивыми формами, что непонятно для людей съ болѣе холоднымъ темпераментомъ. Освальдъ не былъ, какъ говорится, красивымъ мужчиной, но мать-природа не совсѣмъ обидѣла его, а хорошее общество, въ которомъ онъ постоянно жилъ, еще увеличило грацію его манеръ. Все это тѣмъ пріятнѣе по-

Digitized by Google

разило Мелиту, чѣмъ менѣе она ожидала найти что-либо подобное въ человѣкѣ, стоявшимъ по ея понятіямъ, на такой низкой общественной ступени. Освальдъ съ каждымъ моментомъ приобрѣталъ все болѣе значенія въ ея глазахъ; ей становилось жаль ея давнишняго, небрежнаго приглашенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, она приходила въ восторгъ при мысли, что вскорѣ увидитъ у себя въ домѣ этого любезнаго молодого человѣка. Ей было пріятно, когда во время обѣда, что случалось не разъ, она встрѣчалась съ нимъ взглядами, несмотря на то, что при этомъ всегда опускала глаза, которые при всемъ простодушіи глядѣли быстро и пытливо.

Послѣ обѣда баронеса предложила играть въ кольца, такъ какъ Мелита объявила, что она можетъ пробыть еще часокъ. Бруно ускакалъ за кольцами, которыя были не заброшены и не изломаны, обстоятельство, говорящее въ пользу образцоваго порядка, господствовавшаго въ замкѣ Гренвицъ; и вскорѣ все общество встало на траву въ кружокъ, и пестрыя кольца весело перелѣтали по мягкому, теплому, вечернему воздуху, отъ одного къ другому. Всѣ, даже старый баронъ, обнаруживали при этомъ большую или меньшую ловкость, за исключеніемъ Мальте, который ронялъ свое кольцо каждый разъ, какъ оно не попадало непосредственно на палку. Этимъ обстоятельствомъ пользовалась его сосѣдка Мелита къ большому неудовольствію Бруно, который желалъ соблюденія правилъ игры; она не въ очередь, съ быстротою молніи, бросала свое кольцо черезъ голову одного изъ принимающихъ участія въ игрѣ, причемъ Освальдъ не могъ не замѣтить, что она преимущественно обращалась къ нему.

Между тѣмъ вечерѣло; старый баронъ замѣтилъ на травѣ легкій признакъ росы; по мнѣнію его, вечерняя роса была ядъ для Мальте, который, будучи ребенкомъ, одно время страдалъ жабой, а потому онъ настаивалъ на прекращеніе игры. Мелита нашла, что ей давно пора отправиться въ путь и просила приказать ея конюху осѣдлать лошадей. Бруно побѣжалъ исполнить порученіе; баронеса вошла въ комнату съ Маргаритой; баронъ, по мнѣнію котораго Мальте непремѣнно простудился, укутывалъ его шею толстою шалью; Освальдъ и Мелита въ первый разъ послѣ прерваннаго разговора остались наединѣ. Мелита сорвала розу съ кустарника, росшаго у ногъ Флоры, и въ задумчивости разсматривала ее.

Digitized by Google

— Извините меня, — сказала она внезапно скороговоркой, и въ полголоса, но не подымая глазъ, что я давѣча такъ неловко поступила, пригласивъ васъ безъ церемоніи ко мнѣ; можетъ быть, это посѣщеніе вамъ непріятно, но...

— Безъ всякого но; я серьезно повторяю то что тогда сказалъ изъ пустой вѣжливости; что я сочту за счастіе быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ.

— Вы, значитъ завтра будете?

— Если прикажете.

— Не приказываю, но желаю: — посмотрите какъ прелестна эта роза! Вы тоже любите розы?

— Я люблю все прекрасное, сказалъ Освальдъ, посматривая не на розу, а на Мелиту.

Она подняла глаза и проницательнымъ взглядомъ поглядѣла на молодого человѣка.

— Возьмите, — сказала она внезапно и подала ему розу, какъ бы для того, чтобы понюхать, — но онъ почувствовалъ какъ ея тонкіе пальцы прикоснулись къ его губамъ.

— Лошади готовы, тетушка! — закричалъ Бруно.

— Иду! отвѣчала Мелита и поспѣшно ушла отъ Освальда.

Роза лежала у его ногъ; онъ быстро нагнулся, поднялъ и спряталъ ее на груди.

Маргарита принесла Мелитѣ хлыстикъ и перчатки.

— Баронеса въ комнатѣ?

— Да.

— Я пойду съ ней проститься.

Старый баронъ, Освальдъ, и мальчики вышли на дворъ замка. на которомъ конюхъ держалъ за поводья двухъ лошадей. Освальдъ любовался красотою животныхъ, въ особенности же породистою лошадью подъ женскимъ сѣдломъ, любимицей Мелиты, Беллою.

Мелита, вышедши изъ главнаго входа, въ сопровожденіи баронесы и Маргариты, скорыми шагами подошла къ своей лошади. Старый баронъ посадилъ ее.

— Прощайте! — сказала она — Allez, прощайте! — Белла скрылась со двора замка въ темнотѣ ночи.

Остальные вошли въ домъ. Освальдъ со взоромъ, устремленнымъ на ворота, въ которыя исчезла Мелита, стоялъ погруженный въ мысли.

Digitized by Google

— Не пойти ли домой, Освальдъ? — спросилъ Бруно, схвативъ его за руку: — смерклось.

— Смерклось, повторилъ молодой человѣкъ, и задумчиво послѣдовалъ за мальчикомъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Старый баронъ предложилъ Освальду экипажъ, чтобы свести его въ церковь; но молодой человѣкъ, который не могъ забыть неповоротливыхъ, гнѣдыхъ лошадей въ вечеръ своего пріѣзда, отклонилъ это предложеніе. Бруно и Мальте ожидали къ себѣ въ гости сыновей сосѣдняго помѣщика. Бруно всего охотнѣе пошолъ бы съ Освальдомъ, но такъ какъ послѣдній самъ просилъ его остаться, то онъ сказалъ:

— Вы очень рады, что освободились отъ меня на нѣсколько часовъ, но я знаю, что сдѣлаю. Я отправлюсь въ лѣсъ, и не ранѣе вечера вернусь домой.

— Этого ты не сдѣлаешь, Бруно!

— А отчего не сдѣлаю? спросилъ мальчикъ упрямо.

— Потомучто ты меня любишь.

— Ну такъ я изъ любви къ вамъ останусь здѣсь, не буду дразнить глупаго Ганса Плюгена, и вообще такъ примѣрно буду держать себя, что даже тетушка останется довольна мною.

— Веди себя такъ, мой добрый мальчикъ. До свиданья!

— До свиданья, мой голубчикъ! — вскричалъ мальчикъ, бросился на шею своему единственному другу и поспѣшилъ отъ него уйти въ садъ, чтобы остаться наединѣ съ своимъ дикимъ сердцемъ.

Освальдъ со двора замка отправился по дорогѣ, которая, какъ ему было извѣстно, вела въ село.

Солнце ярко свѣтило на голубомъ небѣ, покрытомъ неподвижно стоявшими, бѣлыми облаками. Было не жарко, потомучто вѣтеръ съ моря освѣжалъ лѣтній воздухъ. Жаворонки ликовали

Digitized by Google

въ голубомъ пространствѣ. На краю близъ-лежащаго лѣса кружился коршунъ. На поляхъ не было видно рабочихъ; земледѣльческія орудія оставались праздными. По дорогѣ, на огороженномъ мѣстѣ, лежали сытые коровы и телята; два бурые жеребенка приблизились къ забору и съ любопытствомъ смотрѣли вслѣдъ страннику.

Освальдъ оставилъ уже за собой дворъ, помѣстье. Идя по дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись паствы, онъ дошолъ до того мѣста, гдѣ происходилъ споръ между Бруно и слугой. Онъ невольно остановился; вся сцена воскресла снова въ его памяти; онъ видѣлъ передъ собою мальчика, разсержоннаго и угрожавшаго, и трусливаго, отшатнувшагося слугу. Ему почти становилось жаль, что онъ остановилъ тогда своего любимца. Онъ чувствовалъ себя такъ хорошо и легко въ это чудное утро; быть возлѣ мальчика въ минуту, когда разыгрывалась его страсть, было ему пріятно.

— Ты, какъ Аль-Хази, дикій, добрый, честный! — говорилъ онъ про себя: — чего ты ждешь въ нашемъ обществѣ отъ изнѣженныхъ мужчинъ! Они уже теперь боятся тебя—мальчика, что же потомъ, когда ты возмужаешь! Намъ нужно мужей, кричатъ учоные. Откуда взяться мужамъ, когда семейство, школа и жизнь, взаимно поддерживая другъ друга, подавляютъ въ зародышѣ гордую силу! Они стругаютъ лукъ и все продолжаютъ стругать, а потомъ удивляются, если эта тонкая вещь надламывается. Пигмеево отродье, которое приковываетъ къ плоской землѣ тысячью цѣпей великана, случайно выброшеннаго на ихъ пустынный берегъ!

Освальдъ чуть было не ударился въ мизантропію, но ясное, свѣтлое утро разогнало эти мрачныя мысли. Передъ нимъ возсталъ образъ красивой женщины, образъ, который онъ видѣлъ еще вчера вечеромъ засыпая, который какъ тѣнь скользнулъ во снѣ и какъ воспоминаніе чудной музыки не оставлялъ его все утро. Но напрасно онъ старался возсоздать его всецѣло. Кто не замѣчалъ, что въ нашей памяти часто воскресаютъ съ удивительною точностью, безъ всякаго съ нашей стороны желанія образы людей, совершенно неимѣющихъ для насъ значенія, къ которымъ мы весьма равнодушны, и таже память отказываетъ намъ въ услугѣ, столь отрадной для насъ въ извѣстную минуту, воскресить образы самыхъ любимыхъ нами людей? Между тѣмъ какъ Ос-

Digitized by Google

вальдъ хотѣлъ думать только о Мелитѣ, ему являлась баронеса, Маргарита, та или другая дама изъ знакомыхъ, а мысль объ амазонкѣ постоянно разсѣявалась какъ туманъ. «Ну такъ улетай-же ты демонъ!» сказалъ молодой человѣкъ стараясь дать другое направленіе своимъ мыслямъ.

До сихъ поръ поверхность земли была волнообразна, теперь она сдѣлалась ровною, похожею на морскую гладь во время безвѣтрія. Передъ нимъ растилалась плоская мѣстность, по ту сторону которой лежало село, цѣль его прогулки. Пастбища, тянувшіяся до сихъ поръ вдоль дороги, стали встрѣчаться рѣже и наконецъ совсѣмъ изчезли. Мѣстами былъ вырѣзанъ дернъ для добыванія торфа, который рядами былъ наставленъ для сушки. Въ образовавшихся, такимъ образомъ, глубокихъ ямахъ блестѣла вода. Пиголица и другія болотныя птицы по временамъ перелѣтали съ мѣста на мѣсто. Кругомъ на всемъ большомъ, пустомъ пространствѣ Освальдъ замѣтилъ только женщину, сидѣвшую во ста шагахъ отъ него на пограничномъ камнѣ. Приблизившись онъ нашолъ, что это была старая, весьма старая женщина, бѣдно но чисто одѣтая. Она, утомленная ходьбой, вѣроятно заснула на камнѣ; потомучто, когда Освальдъ подошолъ къ ней ближе, она быстро подняла низко опущенную голову и съ удивленіемъ глядѣла на молодого человѣка.

— Съ добрымъ утромъ, старушка! сказалъ онъ остановившись; что эта деревня, лежащая передъ нами, Фашвицъ?

— Да! отвѣчала женщина съ необыкновенною для ея лѣтъ живостью: молодой человѣкъ вѣроятно тоже собирается въ церковь?

— Да, бабушка! въ которомъ часу начинается проповѣдь?—Старуха посмотрѣла на солнце и сказала: «Я слишкомъ долго спала; а потому уже опоздала; мои старыя ноги уже отказываются мнѣ служить; но вы молоды, и еще вовремя поспѣете. Какъ васъ зовутъ, молодой человѣкъ?»

— Штейнъ — Освальдъ Штейнъ.

— Штейнъ — это имя я гдѣ то слышала.

— Очень можетъ быть, оно нерѣдко встрѣчается.

— Штейнъ — хм, хм; откуда вы родомъ, господинъ Штейнъ?

Освальдъ, который не спѣшилъ въ церковь и которому доставляли удовольствіе эти добродушные вопросы, сѣлъ на стволъ срубленной ивы напротивъ матроны, которая, упершись морщи-

Digitized by Google

нистыми руками въ колѣна, пристально глядѣла на него впавшими, но все еще выразительными глазами.

— Изъ Гренвица, бабушка.

— Изъ Гренвица? Скажите-намилость! Я оттуда-же. Позвольте спросить, вы вѣроятно гостите въ замкѣ?

— Не совсѣмъ такъ; я учителемъ у мальчиковъ

— Не можетъ быть?

— Отчего?

— Ну потому, что господа кандидаты совершенно иначе смотрятъ. Освальдъ засмѣялся.

— И вы однѣ совершили этотъ путь, бабушка?

— У меня никого нѣтъ, кто бы могъ меня проводить. Мой мужъ давно умеръ, и сыновья и дочери умерли — все умерло!

Старуха расправила складки своей юпки на колѣняхъ, какъ бы желая сказать: все зарыто, и землею гладко покрыто, и слѣда ихъ неосталось. Освальду стало жаль ея одинокой безпомощной старости.

— Но вѣдь на томъ свѣтѣ вы свидитесь со всѣми милыми вашему сердцу, сказалъ онъ, чтобы утѣшить простую душу старухи.

— На томъ свѣтѣ? спросила старуха и посмотрѣла на голубое небо; этому я не вѣрю.

— Какъ? вы этому не вѣрите? спросилъ Освальдъ съ удивленіемъ.

Старуха покачала головой.

— Вы еще молоды, господинъ.... какъ бишь васъ? Штейнъ... да — вы еще молоды, господинъ Штейнъ; еслибы вы присутствовали какъ я при смерти столькихъ людей, то тоже не вѣрили бы этому. Когда человѣкъ умеръ, то онъ дѣйствительно умеръ — дѣйствительно умеръ. И куда дѣлись бы всѣ эти люди при возстаніи изъ мертвыхъ, какъ они выражаются? Въ нашей деревнѣ нѣтъ ни одного въ живыхъ изъ тѣхъ, съ которымъ я была молода. А другіе, которые родились позже меня, состарѣлись и тоже умерли. И такъ одни смѣняются другими. Нѣтъ, на всемъ земномъ шарѣ не было-бы мѣста для всѣхъ этихъ людей!

— Но можетъ быть на другихъ планетахъ? спросилъ Освальдъ.

— Какъ они туда попадутъ? Нѣтъ, съ земли никто никуда не

Digitized by Google

попадетъ, а въ землю всѣ, и старуха снова расправила на колѣняхъ складки своей юпки.

— Да, тѣла, но души.

— Ну, не знаю, сказала старуха покачавъ головой: я знаю только то, что если кто умеръ, то онъ дѣйствительно умеръ, и мы говоримъ: теперь душа отдыхаетъ. Никто не можетъ пожелать ничего лучшаго какъ покоя, будь онъ дворянинъ или крестьянинъ, старъ или молодъ.

— Но для чего же вы ходите такую даль въ церковь, если ничему невѣрите? спросилъ Освальдъ.

— Кто вамъ это сказалъ? спросила почти съ негодованіемъ старуха; я вѣрую въ Бога, какъ всякій христіанинъ; нужно быть честнымъ и кроткимъ, это не имѣетъ ничего общаго съ воскресеніемъ; и само собою разумѣется, что слѣдуетъ исполнять свой долгъ. А теперь, молодой человѣкъ, вамъ пора отправляться, иначе вы опоздаете. Я же пойду назадъ. Прощайте! Послѣ этого она встала, схватила дубовую палку, стоявшую около камня, подала Освальду сухую дрожащую руку, которую тотъ пожалъ не безъ чувства уваженія, и пустилась въ обратный путь по той-же дорогѣ, по которой пришла.

«Это замѣчательная женщина;» сказалъ молодой человѣкъ про себя, продолжая идти ускореннымъ шагомъ; «мнѣ нужно будетъ поподробнѣе узнать объ ней. Кто бы могъ думать, что тезисы новѣйшихъ философовъ, тезисы, которые впрочемъ ничто иное какъ перечеканенныя старыя монеты, вошли въ употребленіе въ этихъ слояхъ общества.»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Деревня Фашвицъ была экспериментомъ правительства. Это имѣніе, одно изъ самыхъ большихъ въ округѣ, принадлежало первоначально дворянскому семейству, какъ почти всѣ въ этой странѣ, но когда родъ прекратился, имѣніе какъ упраздненный ленъ,

Digitized by Google

перешло въ казну. Казна разразнивала большія ленныя имѣнія и продавала охотникамъ отдѣльные участки по баснословной дешевой цѣнѣ, чтобы основать колоніи земледѣльцевъ и образовать сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ или свободныхъ землепашцевъ. Она построила приходу Фашвицъ — церковь, и послала имъ пастора; а что поселяне Фашвицъ не благоденствовали, это не была уже вина правительства.

Между тѣмъ можно было желать, чтобы они дѣятельнѣе извлекали пользу изъ други хъпредоставленныхъ имъ преимуществъ и выгодъ, кромѣ возможности каждое воскресенье насыщаться духовною пищею, потомучто Освальдъ войдя въ церковь черезъ боковую дверь, такъ какъ главный входъ былъ запертъ, нашолъ что «внимательные слушатели» состояли изъ нѣсколькихъ дѣтей, вѣроятно приготовлявшихся къ конфирмованію и потому присутствовавшихъ ex officio, изъ нѣсколькихъ старухъ, которые остаются до гроба вѣрными своей привычки, и изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ помѣщичьихъ семействъ, которыя хотѣли показать хорошій примѣръ остальнымъ прихожанамъ. Внутренность церкви состояла изъ довольно большой, хорошо освѣщенной залы, безъ свода, въ которой кафедра, алтарь и скамейки были удобно размѣщены — все было очень ново, прочно и просто. Въ ней не было разноцвѣтныхъ оконъ, не висѣло картины надъ алтаремъ, не было ангеловъ изъ бронзы или дерева, не было досокъ для обозначенія псалмовъ, полузавялыхъ вѣнковъ и всего того чѣмъ католицизмъ выражаетъ свое отношеніе къ загробной жизни, къ которой церковь служитъ ему предверіемъ. Единственной нестрогой вещью въ церкви были тѣни липъ, растущихъ подъ окнами, которыя колебались взадъ и впередъ по противуположной свѣтлой стѣнѣ, и могли возбудить въ присутствующихъ неумѣстную фантазію отправиться въ душистый лѣсъ. Однако изъ слушателей казалось никто не чувствовалъ такой потребности, за исключеніемъ развѣ хорошенькой, десятилѣтней дѣвочки съ длинными бѣлокурыми локонами, которую тянуло къ цвѣтамъ и бабочкамъ въ саду ея отца, толстого помѣщика. Онъ сидя рядомъ съ ней усердно спалъ; это желаніе дѣвочки часто заставляло гувернантку унимать ее. На лицахъ остальныхъ слушателей выражалось отсутствіе мысли или терпѣливая скука.

И дѣйствительно можно бы было почесть за чудо, еслибы про-

Digitized by Google

повѣдь изъ устъ такого пастора могла увлечь слушателей. Освальдъ, помѣстившійся напротивъ каѳедры позади семейства помѣщика, по первому взгляду на пастора и по первымъ его словамъ замѣтилъ, что здѣсь между духовникомъ и паствой существуетъ почти такая же симпатія, какъ между учонымъ мисіонеромъ и племенемъ дикихъ, первобытныхъ людей. Казалось, что самъ пасторъ, маленькій, тощій мужчина сорока лѣтъ, съ лицомъ, высохшимъ отъ учоныхъ занятій, хорошо понималъ это; едва онъ успѣлъ замѣтить Освальда, въ которомъ тотчасъ узналъ прославляемаго домашняго учителя изъ Гренвица, какъ началъ обращаться преимущественно къ нему, какъ къ единственному человѣку способному оцѣнить учоную рѣчь, которую ему, по милости тупоумной консисторіи, приходилось держать въ собраніи необразованныхъ скотовъ.

— Какая сухость! сказалъ молодой человѣкъ про себя, пробираясь къ боковой двери, въ которую онъ вошолъ. И когда онъ снова почувствовалъ надъ собою голубое небо и окружающее благуханіе липъ, онъ глубоко вздохнулъ, какъ будто оставивъ тяжолую удушливую атмосферу больницы, вошолъ въ бальзамическій воздухъ сада.

— Я не стану знакомиться съ этимъ человѣкомъ, если можно будетъ избѣгнуть этого знакомства, говорилъ онъ далѣе спускаясь по холмику въ деревню и проходя мимо подъѣхавшихъ уже господскихъ экипажей;—что мнѣ съ нимъ дѣлать! Наши мысли совершенно не сходны! мы бы всю жизнь не поняли другъ друга. Я гроша не дамъ за эту набитую гуманность, которая бьетъ на то, чтобы быть со всѣми въ дружбѣ и никого не отталкиваетъ, предполагая что можетъ сдѣлаться твердой точкой, около которой что нибудь и окристаллизуется; я ничего не дамъ за эту мелкую философію, которая вѣжливо обходится со всякимъ незнакомцемъ, въ надеждѣ найти скрытый цвѣтокъ, изъ котораго можно повысосать соки. Умный купецъ оставляетъ въ сторонѣ берегъ, который не представляетъ торговыхъ выгодъ; и слова: кто не за меня,—тотъ противъ меня—вытекли изъ устъ, проповѣдывавшихъ любовь.

Освальдъ, по своей обыкновенной привычкѣ, когда мысли его были чѣмъ нибудь заняты, шолъ наудачу въ незнакомой ему деревнѣ, въ которой въ безпорядкѣ были разбросаны дома, амбары и конюшни, и только что намѣревался изъ узенькаго перулка

Digitized by Google

мимо красиваго дома свернуть на болѣе широкую улицу, какъ ему повстрѣчался пасторъ, шедшій изъ церкви. Избѣжать встрѣчи было невозможно и попытка Освальда, вѣжливо поклонившись, пройти мимо, вполнѣ неудалась, потомучто пасторъ едва завидѣлъ его, какъ въ полномъ смыслѣ слова загородилъ ему дорогу и обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Ахъ! я безъ сомнѣнія имѣю честь и удовольствіе видѣть господина доктора Штейна! Какъ любезно съ вашей стороны, что вы идете навѣстить меня. Говоря откровенно, я уже ждалъ васъ къ себѣ нѣсколько дней тому назадъ. Когда я въ послѣдній разъ былъ въ Гренвицѣ, чтобъ засвидѣтельствовать свое почтеніе баронесѣ, я къ несчастію узналъ, что вы предприняли съ вашими воспитаниками продолжительную прогулку, иначе я не лишилъ бы себя удовольствія посѣтить васъ въ вашей комнатѣ. Моя жена почтетъ за счастіе принять васъ подъ нашей скромной кровлей. Милости просимъ, войдите! Пожалуйста безъ церемоній!

«Бѣгство здѣсь не мыслимо,» думалъ Освальдъ, и изъ вѣжливости позволилъ себѣ навязать гостепріимство подъ скромною кровлею, которая, говоря мимоходомъ, покрывала красивый домъ.

— Густава! Густава, Густхенъ! кричалъ пасторъ на порогѣ дома; но такъ какъ послѣдняя не хотѣла покинуть надежной позиціи, у окошечка кухонной двери, задернутаго занавѣской, прежде чѣмъ не убѣдится кто пришолъ и съ какою цѣлью, то онъ отворилъ кабинетъ и попросилъ Освальда войти, а самъ пошолъ снять свою форменную одежду и извѣстить свою «Густаву» о пріятномъ посѣщеніи. Учоный кабинетъ пастора состоялъ изъ большой комнаты въ два окна, въ которой книжные шкафы, нѣсколько священныхъ картинъ висѣвшихъ на стѣнѣ, жосткій диванъ, обтянутый глянцовитою матеріею, круглый столъ, покрытый книгами и стоявшій по серединѣ, и воздухъ пропитанный табачнымъ дымомъ, было первое что обращало вниманіе входящаго. Послѣдняя особенность была такъ непріятна, что заставила Освальда открыть окно, при чемъ онъ почувствовалъ сильное желаніе прыгнуть черезъ низкій подоконникъ на деревенскую улицу, освѣщонную солнцемъ и обратиться въ бѣгство.

Однако эта попытка неудалась вслѣдствіе возвращенія пастора. Духовный отецъ предсталъ теперь въ чорномъ костюмѣ изъ лѣтней какъ жиръ блестящей матеріи. Онъ попросилъ Освальда пробыть нѣкоторое время въ его кельѣ, такъ какъ Густава еще

Digitized by Google

хлопочетъ въ кухнѣ. Освальдъ, оставившій всякую надежду убѣжать, даже и не пытался отклонить предложенія пастора отобѣдать съ ними.

— Вы конечно найдете только paternum mensa tenui salinum, домашній скарбъ праотцевъ на скудномъ столѣ, сказалъ пасторъ, желавшій показать своему гостю, что онъ несовсѣмъ еще позабылъ латынь; но вы знаете: vivitur parvo bene, и съ малымъ хорошо живется. Могу я вамъ, пока готовится обѣдъ, предложить сигару?

Освальдъ не курилъ, и потому отказался.

— Это чудное качество! классическое качество, сказалъ пасторъ, улыбаясь собственной остротѣ, — наши предки некурили и Гете, котораго легкомысленный, но остроумный писатель называетъ великимъ язычникомъ, былъ непримиримый врагъ трубки и сигары. Вы позволите мнѣ остаться вѣрнымъ моей привычкѣ, послѣ проповѣди выкурить легкую сигару?

— Сдѣлайте одолженіе!

— Вы не находите — паффъ, паффъ! — что куреніе—паффъ, паффъ!—есть настоящій германскій, или лучше сказать христіанско германскій элементъ? сказалъ священникъ, который во что-бы то ни стало хотѣлъ сегодня показать все свое остроуміе.

— Этимъ замѣчаніемъ вы даете опасное оружіе въ руки людей противнаго мнѣнія, сухо отвѣчалъ Освальдъ.

— Какимъ же образомъ?

— Вышеупомянутые противники могли бы увѣрять, что пускать романтическій, голубой дымъ въ глаза себѣ и другимъ, составляетъ отличительную черту германскаго элемента.

Пасторъ посмотрѣлъ на Освальда быстрымъ, испытующимъ взоромъ, какъ-бы желая сразу узнать насколько можно довѣриться гостю. Но такъ какъ онъ находилъ, что неприлично человѣку, получившему классическое образованіе отвѣчать грубостью на шутку, хотя-бы граничившую съ дерзостью, то сказалъ съ сладко-кислой улыбкой: «Недурно, недурно! Но развѣ клеветники оставятъ что нибудь въ покоѣ? Правда, мы могли бы отвѣчать! ex fumo lucem! Изъ дыма свѣтъ! — Но присядемте, милый другъ, присядемте! Какъ поживаютъ добрый баронъ и почтенная баронеса? Вы можете считать за счастіе, что вамъ пришлось жить въ такомъ домѣ, съ такими прекрасными людьми, соединяющими въ себѣ родовое благородство съ истиннымъ благородствомъ души...

Digitized by Google

въ особенности баронеса, кроткая и весьма образованная женщина; которая все хочетъ знать ex fundamento. Она теперь читаетъ рѣчи Шлейермахера о религіи.

— Неужели она въ состояніи ихъ понять? замѣтилъ Освальдъ.

Пасторъ снова посмотрѣлъ на Освальда тѣмъ необыкновеннымъ взглядомъ, который казалось хотѣлъ сказать, что ему нужно поближе познакомиться съ этимъ господиномъ, у котораго хватаетъ духу высказывать такъ громко то, съ чѣмъ онъ самъ втайнѣ совершенно согласенъ. Однако онъ удовольствовался тѣмъ, что опустилъ губы и приподнялъ плечи и рѣсницы, ужимка, которую гость могъ понять двояко: «Все пустое, милый другъ!» или «способности этой женщины неизмѣримы.»

— Правда, продолжалъ онъ, вы будете скучать о Грюнвальдѣ; въ особенности же о человѣкѣ съ такими обширными свѣдѣніями какъ профессоръ Бергеръ. Но развѣ мнѣ лучше? И я могу сказать: Barbarus hic ego sum, quia non intelligor alli. Меня считаютъ здѣсь чудакомъ, потомучто никто меня не понимаетъ. Наши помѣщики безъ сомнѣнія люди хорошіе, почтенные, богобоязненные; но, между нами будь сказано, образованіе,—конечно я подразумѣваю высшее образованіе,—въ сильномъ запущеніи. Да, еслибъ эти господа въ молодости пользовались дѣйствительно раціональнымъ образованіемъ, какъ Мальте...

— Вы очень добры, г-нъ пасторъ, хотя этотъ комплиментъ только слегка касается меня. Я желалъ бы только, чтобы у Мальте эта *ratio* сдѣлалась болѣе явственною, потомучто до сихъ поръ она составляетъ весьма нераціональную маленькую величину.

— У васъ есть причина быть недовольнымъ маленькимъ барономъ? сказалъ пасторъ тономъ человѣка, услыхавшаго нѣчто неслыханное и невѣроятное. Ахъ, понимаю, понимаю! Правда молодой Бруно, болѣе способная натура. Да, что я хотѣлъ сказать, за то вѣдь Мальте наслѣдникъ такого огромнаго имѣнія!

— Тѣмъ болѣе мнѣ желательно, чтобы онъ былъ уменъ.

Но развѣ состояніе Гренвицей дѣйствительно такъ велико?

— Какъ, милый другъ, вскричалъ пасторъ тономъ легкаго упрека за то, что Освальдъ обнаруживаетъ такое замѣчательное невѣжество относительно предметовъ такой великой важности. Вы спрашиваете, велико-ли оно! Вотъ здѣсь по сосѣдству находятся пять, нѣтъ... считая Стантовъ и Бергвальде, хотя и не-

Digitized by Google

принадлежащіе къ маіорату, семь помѣстій. А въ остальныхъ частяхъ острова... дайте подумать... лежатъ еще разъ, два, три помѣстья. Это составляетъ капиталъ въ полтора милліона. Полтора милліона! повторилъ онъ, какъ-будто его гость былъ не въ состояніи самъ представить себѣ этой цифры.

— И состояніе это маіоратное?

— Да, конечно! за исключеніемъ двухъ самыхъ прелестныхъ помѣстій, которыя перешли покойному барону, двоюродному брату нынѣшняго, отъ матери и которыя въ духовномъ завѣщаніи составляютъ условныя статьи. Вообразите себѣ, что покойный баронъ, который между нами будь сказано, былъ совершенно дикая, необузданная натура, завѣщалъ эти помѣстья сыну одной изъ своихъ метрессъ.

— Но вѣдь вы давича причислили ихъ къ семейному достоянію, сказалъ Освальдъ.

— Это весьма можетъ случиться, сказалъ священникъ, подсѣвъ ближе къ Освальду, тихимъ голосомъ: потомучто никто не знаетъ гдѣ этотъ мальчикъ, живъ ли онъ вообще, и даже мальчикъ ли это или дѣвочка.

— Это прекуріозная исторія, сказалъ Освальдъ смѣясь.

— Весьма куріозная исторія, сказалъ священникъ; если хотите даже смѣшная исторія. Вообразите себѣ только: баронъ Херальдъ, у нихъ у всѣхъ странныя имена, этотъ необузданный человѣкъ, возгорѣлся любовью къ бѣдной мѣщанской дѣвушкѣ,— случай, впрочемъ, часто повторявшійся въ его жизни, но не имѣвшій никогда такихъ дурныхъ послѣдствій. Онъ увозитъ ее въ этотъ замокъ, почти противъ воли. Черезъ полгода она убѣгаетъ въ туманную ночь . Скрыла-ли она свой позоръ въ глубинѣ одного изъ нашихъ болотъ, или просто убѣжала, никто не знаетъ. Баронъ внѣ себя, пришолъ въ неистовство. Напрасно онъ разыскивалъ ее по всему острову. Чтобъ заглушить свое горе и угрызенія совѣсти, онъ еще пуще началъ пить, играть и вести еще болѣе дикую жизнь, такъ что черезъ нѣсколько недѣль умеръ въ горячкѣ. По вскрытіи духовной нашли, что онъ, въ припадкѣ раскаянія или изъ каприза, если хотите, завѣщалъ ребенку своей любимицы, будь онъ мальчикъ или дѣвочка, если только родился до назначеннаго имъ числа, оба прелестные имѣнія, самой-же дѣвушкѣ пожизненное пользованіе ихъ доходомъ. Какъ вамъ это нравится?

Digitized by Google

— Во всякомъ случаѣ эта исторія скорѣе трагедія, чѣмъ комедія, сказалъ Освальдъ. И до сихъ поръ не открыли слѣдовъ ни матери, ни ребенка?

— Нѣтъ! хотя согласно завѣщанію это право скандально и мнѣ отъ души жаль бѣдную баронесу;—ежегодно въ провинціальныхъ газетахъ приглашается пропавшая безъ вѣсти особа заявить свои права.

— Какъ давно продолжается эта исторія?

— Около двадцати лѣтъ, слишкомъ.

— Послѣ этого, трудно вообразить, чтобы бѣдняжка была еще жива.

— Никто и не думаетъ больше объ этомъ, сказалъ смѣясь пасторъ: семейство Гренвицъ было бы не мало удивлено, еслибы внезапно представился имъ покорный племянникъ, въ лицѣ какого-нибудь молодого бродяги и потребовалъ бы оба помѣстья и проценты за двадцать лѣтъ, тѣмъ болѣе, что почтенная баронеса, которая, между нами будь сказано, ничего не будетъ имѣть послѣ смерти барона, осталась бы съ своей дочерью бѣднѣе, чѣмъ была до свадьбы, потомучто слава Богу имѣнье Гренвицъ маіоратное.

— Вы кажется большой приверженецъ маіоратнаго начала?

— Да, безъ сомнѣнія! Я почитаю за счастье, что такія огромныя состоянія не мельчаютъ черезъ наслѣдственный дѣлежъ, и что такимъ путемъ сохраняется аристократія богатыхъ землевладѣльцевъ, которая можетъ служить государству балластомъ во времена опасностей, отъ которыхъ да избавитъ Богъ наше отечество.

— Эта вещь, какъ и всякая другая, имѣетъ двѣ стороны, сказалъ Освальдъ.

—Кто этого не знаетъ, отвѣчалъ уступчивый пасторъ. Но на мою долю выпала слишкомъ продолжительная честь и счастіе быть въ сношеніяхъ съ богатыми дворянскими семействами, въ лучшемъ значеніи этого слова, такъ что я не могу не быть въ нѣкоторой степени приверженцемъ аристократіи; и кромѣ того, я въ послѣднее время слишкомъ хорошо испыталъ какъ собственность въ рукахъ плебеевъ, употребляя историческое названіе, вызываетъ или поощряетъ тщеславіе, надменность и привязанность въ свѣтской жизни.

Digitized by Google

— Мнѣ очень больно слышать такой отзывъ о моихъ друзьяхъ, сказалъ Освальдъ.

— О вашихъ друзьяхъ? спросилъ съ удивленіемъ пасторъ.

— Да, о моихъ друзьяхъ. Потомучто мнѣ всегда случалось стоять не желая того и подчасъ вовсе не сознавая, на сторонѣ плебеевъ въ тѣхъ историческихъ происшествіяхъ, гдѣ выступалъ на сцену этотъ антагонизмъ между аристократами и плебеями. Я былъ ярый приверженецъ Гракховъ и другихъ римскихъ демагоговъ; сознаюсь, что даже въ крестьянскихъ, войнахъ чувствовалъ болѣе симпатіи къ бѣднымъ, подавленнымъ, замученнымъ, забитымъ и, пожалуй, какъ результатъ этого грубаго обращенія, грубымъ крестьянамъ, чѣмъ къ власть имѣющимъ, важнымъ и вслѣдствіе свободы и пышности не менѣе грубымъ графамъ и баронамъ.

Священникъ слушалъ эту рѣчь съ той улыбкою недовѣрія, съ которою внимаютъ хвастовству молокососовъ, желающихъ придать себѣ видъ вполнѣ развращенныхъ людей.

— Очень хорошо, очень хорошо! сказалъ онъ. Да, да, мы умные люди любимъ порадоксы. Это еще остатки эстетическихъ вечеровъ столицы и мы стараемся упражняться въ этихъ фразахъ, хотя насъ слушаетъ не болѣе какъ бѣдный сельскій священникъ.

— Увѣряю васъ, г-нъ пасторъ.

— Знаю, ужь знаю! Но поживите-ка сначала какъ я пять лѣтъ между крестьянами! Вѣрите-ли, что я во все время моего пребыванія здѣсь не могъ убѣдить ихъ купить колоколъ для храма божьяго, что впрочемъ составляетъ ихъ прямую обязанность? Но если дѣло коснется устроить попойку или преслѣдовать другія свѣтскія цѣли, то нѣтъ недостатковъ въ деньгахъ.

— Впрочемъ и здѣшнее дворянство не слишкомъ славится воздержностью, сказалъ Освальдъ.

— Дворянство, милый другъ! это совсѣмъ другое дѣло. Его девизъ: жить и давать жить другимъ. Но вы знаете, что иныя вещи хороши не для всѣхъ.

— А есть также вещи, которыя для всѣхъ безусловно дурны, прибавилъ Освальдъ.

— Ахъ, вотъ и моя Густава, сказалъ священникъ, довольный тѣмъ, что могъ прекратить разговоръ, становившійся ему все болѣе непонутру.

Жена пастора, только-что вошедшая въ комнату, была женщи-

Digitized by Google

на лѣтъ сорока, совершенная блондинка, съ свѣтлоголубыми глазами и лицомъ, которое въ настоящую минуту было нѣсколько оживлено кухоннымъ жаромъ и поспѣшностью, съ которой она дѣлала свой туалетъ; обыкновенно-же оно было болѣзненно- блѣдное, вялое и вообще смахивало на лицо старой дѣвы. На ней было платье ярко-жолтой матеріи, на поясѣ котораго висѣли золотые часы, и чепчикъ съ жолтыми лентами, такъ что она произвела на Освальда впечатлѣніе не совсѣмъ здоровой и немного полинявшей канарейки, владѣлецъ которой живетъ на сѣверѣ. Она просто не находила словъ, (въ которыхъ вообще у ней не было недостатка), чтобы выразить свою радость видѣть друга такого богатаго семейства подъ своей низкой кровлей (эта фраза казалось была общею у обоихъ супруговъ), тѣмъ болѣе, что ея бѣдному Егеру (имя пастора) совершенно недоставало научно-образованнаго общества, недостатокъ, который въ этихъ краяхъ самымъ отраднымъ образомъ (въ этомъ она была вполнѣ увѣрена) пополненъ пріѣздомъ Освальда.

— Мой бѣдный Егеръ сдѣлается еще здѣсь, пожалуй, ипохондрикомъ, сказала она, нѣжно взглянувъ на предметъ своей заботливости; но чѣмъ же можетъ помочь тутъ бѣдная, несвѣдущая женщина.

— Вы принудите меня несогласиться съ вами, сказалъ Освальдъ, почуствовавъ, что досада, возбуждаемая хвастовствомъ и лицемѣрствомъ достойныхъ супруговъ, начинаетъ переходить въ желаніе расхохотаться. Я готовъ скорѣе утверждать, что слово невѣдѣніе никогда не стояло рядомъ съ именемъ Г-жи Егеръ и что уже много лѣтъ о немъ не должно быть помина въ этомъ домѣ.

— Вы право слишкомъ добры, сказала обрадованная пасторша. Я дѣйствительно всегда старалась опровергать предположеніе, что мы бѣдныя женщины неспособны къ достиженію сферъ высшей образованности, которая. .

— Кушать подано! прокричала въ дверь служанка.

— Видите, земная жизнь всегда ставитъ намъ поперегъ дороги свои требованія, какъ скоро мы стремимся принять болѣе смѣлое пареніе! воскликнула обитательница сферъ высшаго образованія, между тѣмъ какъ Освальдъ вѣжливо предлагалъ ей руку, а пасторъ старался такъ положить остатокъ своей сигары, чтобы опять найти ее послѣ обѣда.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Разговоръ за обѣдомъ, который подавался въ прохладной тѣнистой комнатѣ, выходившей окнами въ нѣсколько пустой и залитой солнцемъ садъ, скоро сдѣлался очень оживленнымъ. Довольно долгое пребываніе Освальда въ Грюнвальдѣ оказалось неистощимой темой. Пасторша сама была изъ Грюнвальда, одна изъ многочисленныхъ дочерей недавно умершаго тамъ суперъинтендента Габріеля Дункельмана, который дожилъ именно до той поры, чтобы доставить своему зятю выгодную паству въ Фашвицѣ и тогда распростился съ здѣшнимъ міромъ. Освальдъ замѣтилъ про себя, что докторша — потомучто пасторъ приобрѣлъ академическую степень, за сильно учоную диссертацію по поводу возможнаго существованія сочиненій одного, забытаго даже по имени, отца церкви — и тогда уже не должна была отличаться юношескою прелестью и не удивлялся болѣе, что въ домѣ такая тишина и за столомъ нѣтъ членовъ семейства. Докторша знавала профессора Бергера, знавала многія другія семейства, въ которыхъ бывалъ Освальдъ. Это дало обильный матеріалъ для деревенскихъ домашнихъ сплетень, изъ которыхъ многія дамы, слишкомъ близко сталкивавшіяся съ дочерью суперъинтендента въ время ея отцвѣтавшаго дѣвичества, могли-бы вполнѣ оцѣнить какимъ обоюдуострымъ орудіемъ можетъ быть при случаѣ языкъ деревенской посторши.

Между тѣмъ подали десертъ и пасторъ, не безъ нѣкоторой торжественности, откупорилъ вторую бутылку, а пасторша вышла изъ за стола, чтобы велѣть готовить кофей въ садовой бесѣдкѣ. Пасторъ закурилъ сигару и растегнулъ пуговицу на своемъ чорномъ камзолѣ очевидно для того, чтобы утвердиться въ мысли, что пообѣдалъ какъ сибаритъ, ибо камзолъ сидѣлъ уже достаточно свободно на его тощемъ тѣлѣ. Онъ предложилъ Освальду чокнутся съ нимъ за здоровье того высокаго семейства, въ которомъ онъ имѣетъ счастіе находиться, вѣжливость, на которую Освальдъ отвѣтилъ тостомъ за здоровье любезной, столь же учоной, сколько скромной хозяйки дома.

Digitized by Google

— Благодарю, благодарю, мой молодой другъ, сказалъ довольный пасторъ, два раза пожимая руку Освальда.

— Да, вы правы, учоная скромная женщина; говорила она вамъ, что состоитъ въ дѣятельнѣйшей перепискѣ со многими литературными знаменитостями и, подъ псевдонимомъ «Примула», принимаетъ живѣйшее участіе въ Roman-Zeitung.

— Можетъ-ли быть?

— Увѣряю васъ, любезный другъ; и вы не повѣрите какъ я бываю радъ, когда безпрестанно читаю на почтѣ: Фашвицъ П. Б, Примулѣ Берисъ, это псевдонимъ Густавы: тысячу благодарностей за вашу любезную присылку, или: Вы чрезвычайно дбрадовали насъ вашимъ прелестнымъ стихотвореніемъ, оно будетъ напечатано въ слѣдующимъ нумерѣ и т. д.

— Могу себѣ представить! разсѣянно отвѣчалъ Освальдъ. — Но не пойдемъ-ли мы въ садъ къ любезной поэтесѣ?

— Festina lente! воскликнулъ пасторъ, которому вино уже бросилось въ голову. — Мы вѣдь не скоро опять сойдемся. Хорошій стаканъ вина отличная вещь въ пріятномъ обществѣ, а Густава слишкомъ либеральнаго настроенія для того, чтобы осудить насъ за продолжонное удовольствіе стола. Три число всѣхъ хорошихъ вещей, выпьемъ еще бутылочку...

— Но, Егеръ, вѣдь кофей простынетъ! раздался рѣзкій голосъ Примулы Берисъ изъ сада въ открытое окно.

— Идемъ, идемъ, Густинька! отозвался послушный супругъ.— Благословенный обѣдъ, мой милый, молодой другъ! (при этихъ словахъ онъ обнялъ Освальда;) мой дорогой другъ! (вторичное объятіе).

— Но мы забываемъ, что насъ ждетъ кофей, сказалъ Освальдъ, съ трудомъ освобождаясь отъ третьяго объятія и направляясь къ саду, между тѣмъ какъ пасторъ, прежде чѣмъ послѣдовалъ за своимъ гостемъ, наскоро слилъ остатки вина въ стаканъ и поспѣшно выпилъ его (теперь очевидно уже за свое собственное здоровье).

Садъ былъ въ эту пору дня не совсѣмъ пріятнымъ мѣстопребываніемъ, потомучто разведенъ былъ недавно; деревья едва достигали человѣческаго роста и вслѣдствіе этого, все вмѣстѣ представляло прозаическія, неоттѣненныя тощія мѣста, поразительно напоминающія теологію учонаго хозяина, даже и тѣмъ, что здѣсь, какъ и тамъ, принципъ полезности преобладалъ бо-

Digitized by Google

лѣе всего. Гряды съ овощами были тщательно обработаны, но цвѣтовъ было немного; только нѣкоторые подсолнечники нѣсколько напоминали своимъ цвѣтомъ о существованіи Примулы Берисъ, а своей способностью обращаться къ солнцу, на какой-бы сторонѣ неба оно ни стояло, житейскую философію ея мужа.

Въ бесѣдкѣ, которая къ счастію была густо обвита жасминомъ, не пропускавшимъ солнечныхъ лучей, они нашли пасторшу, на скамьѣ подлѣ нея стоялъ рабочій ящикъ, въ которомъ, между лоскутками и шолкомъ, проглядывала нарядная маленьная книжка. Присутствіе ея весьма обезпокоило Освальда.

— Горе мнѣ! подумалъ онъ, если въ этой книжечкѣ заключается собраніе стихотвореній Примулы, помѣщенныхъ въ Roman-Zeitung и другихъ мѣстахъ!

Онъ старался вовлечь пастора въ разговоръ о грядахъ съ овощами; интересовался улучшеніями придуманными имъ для ульевъ; говорилъ наконецъ, о необходимости скоро проститься съ ними, словомъ, дѣлалъ все что возможно человѣку въ его критическомъ положеніи, и все напрасно!

— Какъ, вы хотите уйти отъ насъ въ такой жаръ! воскликнула Примула и незамѣтно опустила руки на рабочій ящикъ.

— Мы сидимъ здѣсь, хотя и не подъ тѣнью могучихъ сосенъ и бѣлыхъ тополей, но все же подъ тѣнью; и ее-то вы хотите промѣнять на палящій зной и пыль дороги? Невозможно! Еще чашечку, дорогой гость! Это не фалернское, которое пьетъ римлянинъ въ часто приводимой одѣ, но все же напитокъ, который можетъ имѣть нѣкоторую претензію на классицизмъ, съ тѣхъ поръ, какъ нашъ дорогой Фоссъ такъ прославилъ его въ своей «Луизѣ». Скажите, любезнѣйшій гость, не возбудило ли въ васъ пребываніе подъ нашей низкой кровлей воспоминанія о пріятной идиліи? Не ощущаете ли вы, что въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ житейскаго треволненія, тихій голосъ поэзіи, пропадающій безслѣдно на шумномъ рынкѣ жизни, становится намъ слышнѣе?

«Теперь-то совершится страшное дѣло!» подумалъ Освальдъ.

— Удивляюсь, сказалъ онъ,—вашему умѣнью тѣсно сплетать въ одинъ благоуханный вѣнокъ старое и новое, дѣйствительность и поэзію. Къ несчастію, я очень рано подвергся вліянію будничной жизни и, признаюсь откровенно, я примирялся съ ней все болѣе и болѣе, хотя прежде это казалось невозможнымъ,

Digitized by Google

и совершенно утратилъ способность наслажденія поэтическими произведеніями.

— О, не думайте этого! воскликнула Примула. — Источникъ поэзіи можетъ по временамъ имѣть въ душѣ нашей менѣе быстрое теченіе, но совершенно изсякнуть ему невозможно. Вы жалуетесь на неспособность наслаждаться прелестью поэтическихъ произведеній. Это собственно должно было бы заставить меня отказаться отъ намѣренія (здѣсь она положила руку на чорный сафьянный томикъ съ золотымъ обрѣзомъ) подѣлиться съ вами нѣкоторыми стихотворными опытами, которые какъ вамъ конечно неизвѣстно, я напечатала въ «Roman-Zeitung», подъ псевдонимомъ Примула. Но моя вѣра въ могущество поэзіи, въ особенности поэзіи скрывающейся въ вашемъ сердцѣ, такъ велика, что даже ваше самообвиненіе не удостовѣритъ меня въ противномъ. Позвольте мнѣ сдѣлать попытку къ оправданію на дѣлѣ своего предположенія.

— Чѣмъ заслужилъ я столько любезности! пробормоталъ Освальдъ, съ самоотверженіемъ усаживаясь въ уголъ бесѣдки и наполовину прищуривая глаза, что къ счастію можно приписать столько же сильному восторгу, сколько и желанію задремать.

— Я дала своей книгѣ названіе «Васильки», сказала Примула, съ милымъ смущеніемъ перелистывая книгу, — потомучто большая часть этихъ произведеній создалась во время моихъ прогулокъ по полямъ и, во всякомъ случаѣ, при сельской обстановкѣ.

— Какъ разумно, бормоталъ Освальдъ.

— По правилу лучшихъ эстетиковъ и по примѣру Грековъ, которые предпосылали трагедію комедіи, или точнѣе заставляли комедію слѣдовать за трагедіей, я позволю себѣ прочитать вамъ сперва серьезное, потомъ веселое, потомъ опять....

— Конечно, конечно, это возвысить прелесть каждаго стихотворенія, поспѣшилъ сказать Освальдъ, которому сдѣлалось страшно при мысли о длинной перспективѣ.

— Не хочешь ли, милая Густава.... сказалъ пасторъ.

— Позволь мнѣ руководствоваться собственнымъ выборомъ, Егеръ, сказала поэтесса кроткимъ, но рѣшительнымъ тономъ и прочла, откашлявшись.

Digitized by Google

На смерть крота.

— На смерть кого? вскричалъ Освальдъ, подпрыгнувъ отъ изумленія.

— Ну, видите, дорогой другъ, какъ васъ электризуетъ даже одно заглавіе! сказала Примула.

— *На смерть крота,* повторила писательница, *котораго я нашла на дорогѣ.*

Какъ мирно ты передо мной
Лежишь, лосняся шкурой!
Я тронута твоей судьбой
Товарищъ чернобурый.

Тебѣ не вѣдали цѣны,
«Онъ слѣпъ!» они твердили.
Вѣрнѣй, что эти болтуны
Слѣпцами сами были.

На свѣтъ ты не являлся днемъ
Во слѣдъ глупцамъ кичливымъ;
Но свѣтъ сіялъ въ углу твоемъ
И въ сердцѣ терпѣливомъ.

Какъ мирно ты передо мной
Лежишь, лосняся шкурой!
Я тронута твоей судьбой,
Товарищъ чернобурый.

— Прелестно, сказалъ Освальдъ. Это настоящая лирика, которая къ несчастію встрѣчается теперь не часто. Не та тепличная лирика, которая начинается Гейневскими мелодіями, въ срединѣ беретъ нѣсколько аккордовъ Ленау и оканчивается Фрейлигратовскими трубными звуками. Какое теплое, истинное чувство согрѣваетъ эти стихи! И притомъ какая примитивная сила языка! Это просто, но хорошо; это вы подслушали у Гете.

— Вы право слишкомъ добры, любезнѣйшій гость! сказала обрадованная Примула. Вы просто пристыдили меня щедростью своихъ похвалъ. Но будьте справедливы, скажите, не находите ли вы, что по крайней мѣрѣ для новѣйшаго вкуса стихотвореніе въ цѣломъ черезчуръ идеально?

Digitized by Google

— Можетъ быть для нашихъ реалистовъ, которые вообще слишкомъ далеко простираютъ свои требованія и въ своемъ стремленіи сдѣлать все какъ можно естественнѣе скоро въ Фаустѣ выведутъ на сцену пуделя и заставятъ его лаять и выть, дергая за хвостъ. Но я убѣжденъ, что если вы только захотите, то поладите и съ этими господами.

— Что скажете вы объ этомъ стихотвореніи:

Моему домашнему пѣтуху

Освальдъ убрался въ уголъ.

Подобно рыцарямъ отважнымъ,
Внушаетъ ужасъ онъ врагу.
Кому не страшенъ крикъ протяжный
Кукареку!

По вечерамъ онъ не мечтаетъ,
Онъ бодръ и гонитъ прочь тоску;
Его лѣнивцы презираютъ —
Кукареку!

Трудовъ онъ не щадитъ для милой,
Скребетъ по щебню, по песку,
Найдетъ, кричитъ со всею силой
Кукареку!

— Ну, что вы скажете, любезный другъ?

— Что же больше сказать, отвѣчалъ Освальдъ, какъ не то, что вы въ совершенствѣ выполнили свою задачу. Слушатель рѣшительно переносится съ вами на птичникъ. Звуки, которые вы здѣсь приводите, настоящіе звуки природы. Стихотвореніе это мастерская вещь въ новѣйшемъ реалистическомъ вкусѣ. Но теперь одна просьба: какъ ни пріятно слышать стихотворенія изъ гармоническихъ устъ самой писательницы, я не хотѣлъ бы уничтожать впечатлѣнія послѣднихъ стиховъ. Что бы ни написали вы послѣ, это верхъ совершенства.

— Позвольте прочитать только еще одно. Въ соединеніи съ двумя другими оно составитъ трилогію, суммаріумъ того что я подслушала у животныхъ. Могу я начать?

— Сдѣлайте одолженіе.

Digitized by Google

Жуку лежавшему на спинкѣ.

Но въ эту минуту раздался въ тишинѣ стукъ экипажа и замолкъ передъ домомъ.

— Барыня! барыня! какъ-то испуганно крикнула горничная

Освальдъ вздохнулъ свободно. «Это, по всей вѣроятности, гости и чтеніе, во всякомъ случаѣ, прекратится. Можетъ быть, представится даже случай уйти наконецъ отсюда.»

— Это Плюгели, милая Густава, сказалъ пасторъ, наблюдавшій за экипажемъ въ щель садоваго забора. Сама г-жа Плюгель и ея двѣ барышни. Иди-же поскорѣе

— Извините меня, достойнѣшій гость, сказала поэтеса, поспѣшно захлопывая книгу, но вѣдь вы знаете: какъ только мы стремимся принять болѣе высокое пареніе...

— Барыня, барыня! еще толскливѣе раздалось изъ кухни.

— Иду! отвѣчала прерванная Примула и отправилась по солнечной дорожкѣ къ-дому.

— Не пойдемъ-ли мы также—сказалъ пасторъ

— Извините, если я попрошу позволенія теперь удалиться, прервалъ его Освальдъ

— Почему-же, любезный другъ! Г-жа Плюгель отличнѣйшая женщина, а дочери, хоть и не хороши собой....

— Будь онѣ даже хороши какъ ангелы, я все-таки долженъ-бы былъ лишить себя удовольствія видѣть ихъ сегодня. Прощайте, прощайте! Извинитесь за меня передъ вашей супругой! не правда-ли, ворота отсюда не заперты? До свиданія!

И затѣмъ Освальдъ скорыми шагами вышелъ за ворота, оттуда на улицу, съ улицы въ поля, и позволилъ себѣ тогда только вздохнуть немного, когда увидѣлъ надъ своей головой деревья лѣса, за которымъ, какъ ему было извѣстно, лежало помѣстье Мелиты. Чтоже касается пастора, то онъ былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ и своей супругѣ, чтобы не приписать поспѣшнаго удаленія «дорогаго гостя» смущенію, произведенному пріѣздомъ именитыхъ посѣтителей, въ обществѣ которыхъ ему было-бы несовсѣмъ ловко.

Digitized by Google

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лѣсная дорога, по которой весело шолъ Освальдъ, казалась мало посѣщаемой прохожими, а еще менѣе проѣзжими. Зимой это могъ быть опасный путь, но тѣмъ прелестнѣе и поэтичнѣе былъ онъ лѣтомъ. Чѣмъ болѣе углублялся Освальдъ въ лѣсъ, тѣмъ тише и привольнѣе становилось вокругъ него — такъ тихо и хорошо, что онъ вдругъ прервалъ пѣсенку, которую напѣвалъ передъ этимъ, какъ будто боясь нарушить спокойствіе лѣса.

Потомучто, въ этотъ жаркій полуденный часъ лѣсъ спитъ. Зеленое море листьевъ не перекатываетъ своихъ волнъ; тихо и неподвижно упивается лѣсъ зноемъ солнца. Чуть чуть зашевелится иногда одно какое-нибудь дерево. Это конечно будитъ одного или двоихъ сосѣдей, но они только кивнутъ сосѣду въ знакъ того что теперь не время болтать и опять погрузятся въ свою дремоту. Птицы, скрывшіяся въ густой тѣни, съ нетерпѣніемъ ждутъ прохладнаго вечера. Самка дремлетъ на гнѣздѣ, надъ едва оперившимися малютками; самецъ помѣщается на сосѣдней вѣткѣ, прячетъ головку подъ крыло и отдыхаетъ отъ звонкаго пѣнія впродолженіи цѣлаго утра и отъ хлопотливой охоты за комарами и червяками. Послѣдніе знаютъ, что теперь для нихъ хорошее время и весело толкутся въ солнечномъ лучѣ, таинственно заглядывающемъ въ листву, и ползаютъ, и роются, и разваливаются на тепломъ, мягкомъ мху. Глубокая тишина! Вдругъ раздаются нѣсколько рѣзкихъ воплей, какъ будто съ досады. Это соколъ, здѣшній лѣсничій. Онъ дурной товарищъ, потомучто его нечистая совѣсть не даетъ ему спать; оттого-то его крикъ и звучитъ такъ рѣзко и такъ тревожно, между тѣмъ какъ онъ гордо и одиноко описываетъ удивительные мистическіе круги въ вышинѣ надъ тихимъ зеленымъ моремъ листьевъ.

Бѣлокурый мальчикъ, стерегшій двухъ гусей при входѣ въ лѣсъ, сказалъ Освальду, что дорога въ Берковъ идетъ прямо лѣсомъ, на разстояніе получаса, не болѣе. Само собою разумѣется, онъ предполагалъ при этомъ, что прохожій пойдетъ протоп-

Digitized by Google

танной тропинкой, будетъ смотрѣть впередъ. Но такъ какъ Остальдъ, по своему обыкновенію, не сдѣлалъ ни того ни другого, ежеминутно перепрыгивалъ черезъ рвы и перебѣгалъ на ту сторону, гдѣ кустарники были не такъ густы, а зеленыя поляны между высокими деревьями такъ привлекательны и обращалъ вниманіе на все кромѣ дороги, то вполнѣ могъ приписать самому себѣ то, что по выходѣ изъ чащи, очутился уже не на прежней дорогѣ, а на какой-то узенькой тропинкѣ и, слѣдуя по ней, углублялся все дальше и дальше въ лѣсъ.

Наконецъ, онъ остановился и сталъ прислушиваться, не раздается-ли гдѣ человѣческаго голоса, но до слуха его доходили только крикъ сокола, да біеніе его собственнаго сердца. Онъ весело крикнулъ: гдѣ проходитъ дорога въ Берковъ, соколъ? — Соколъ! отвѣтило ему эхо.

Наконецъ деревья стали рѣдѣть. Онъ думалъ, уже что дошолъ до выхода изъ лѣса, а между тѣмъ очутился на полянѣ съ маленькимъ озеромъ. Проходя по его окраинѣ, онъ спугнулъ двухъ дикихъ утокъ, которыя съ крикомъ понеслись въ лѣсъ, а потомъ снова настала совершенная тишина.

— Авось какъ нибудь выберусь! подумалъ Освальдъ, а пока не дурно-бы отдохнуть, потомучто я порядкомъ усталъ.

Онъ повѣсилъ свою соломенную шляпу на дерево, разостлалъ носовой платокъ на густомъ мху, покрывавшемъ корни почти вѣкового бука и съ наслажденіемъ улегся на травѣ.

— Это мѣсто какъ будто нарочно устроено для отдыха, подумалъ онъ, наблюдая за полетомъ стрекозы, то тихо останавливавшейся надъ мутной водой болота, то стрѣлой пролетавшей надъ нею. Кто знаетъ? можетъ быть это волшебный лѣсъ, укрывшійся отъ культуры уголокъ романтической природы, маленькій остатокъ тѣхъ большихъ лѣсовъ, которые шумятъ въ сказкахъ, именно остатокъ того самаго лѣса, въ которомъ жилъ графъ, продавшій своихъ дочерей въ тотъ день, когда кончился срокъ его векселя —способъ уплачивать долги, который сохранился еще до нашихъ дней. И тотъ, кто заснетъ въ этомъ лѣсу, къ чему я чувствую немалую охоту, тотъ проспитъ незамѣтно эдакъ сотенки двѣ годковъ, и когда проснется, у него будетъ сѣдая борода по поясъ. Подивившись вдоволь подобному явленію, онъ станетъ спрашивать у перваго попавшагося крестьянина гдѣ дорога въ Берковъ. — Берковъ? вѣжливо отвѣчаетъ ему спрашиваемый.... Никогда не

Digitized by Google

слыхивалъ о такой мѣстности. — Я спрашиваю о томъ замкѣ въ лѣсу, гдѣ живетъ Мелита. Мелита? но, добрый господинъ, вѣдь это старая сказка. — Сказка! — Конечно, моя бабушка разсказывала мнѣ ее Богъ знаетъ сколько разъ.

— Давно, давно стоялъ на этомъ мѣстѣ большой лѣсъ; а въ лѣсу жила фея, которую звали Мелита. У нея были такіе чудные темные свѣтящіеся глаза, какихъ не можетъ быть у обыкновенной смертной и такой медовый голосокъ; за это прозвали ее Мелитой. Она была самая добрая и красивая изъ всѣхъ фей, но имѣла одну только слабость заманивать, отъ времени до времени, кого нибудь въ свой лѣсъ, чтобы онъ заблудился между высокими буками и соснами совершенно похожими одни на другіе. Это ее очень тѣшило. Когда она намѣревалась заманить такимъ образомъ какого нибудь бѣдняка, то садилась на свою лошадь Беллу (потомучто у этой феи все было хорошо, даже лошадь), ѣхала по помѣстьямъ и выбирала мужчинъ, пока не попадался самый глупый. Этихъ она въ особенности предпочитала. Она очаровывала его своей красотою, своимъ милымъ, прелестнымъ, соблазнительнымъ существомъ и сладкимъ голосомъ; а чтобы усилить очарованіе, дарила ему что нибудь — напримѣръ розу. Если онъ по глупости принималъ ее, то непремѣнно попадалъ на слѣдующій день въ лѣсъ, волей или неволей. Тамъ онъ, конечно сбивался съ дороги, блуждалъ вдоль и поперегъ, и наконецъ ложился спать подъ старымъ букомъ. И когда онъ, такимъ образомъ, лежалъ и смотрѣлъ какъ играетъ золотой лучъ въ темной зелени и стрекова летаетъ надъ водою и слушалъ какъ шепчетъ тростникъ и шумятъ верхушки деревьевъ....Мелита, скоро-ли ты придешь, наконецъ? Сойди съ своей Беллы! ты видишь, что я не могу тронуться съ этого мѣста. О милая, прекрасная, обожаемая! Мелита, дорогая! Одинъ поцѣлуй! Только одинъ, единственный! Но ты уѣзжаешь? за чѣмъ-же, что это значитъ? Но что это? Чего хочетъ эта чорная вѣдьма? Нѣтъ, нѣтъ! ты не Мелита!

Освальдъ приподнялся на локтѣ и смотрѣлъ полусонными глазами на загорѣлое лицо, которое надъ нимъ наклонилось. Что тебѣ нужно отъ меня?

— Ничего худого, прекрасный молодой господинъ.—Увидала, что лежитъ молодой господинъ и не знала спитъ или умеръ; не-

Digitized by Google

здорово спать въ лѣсу около болота, если къ этому не привыкнешь съ малыхъ лѣтъ.

Освальдъ, очнувшись совершенно, внимательнѣе посмотрѣлъ на стоявшую передъ нимъ женщину и узналъ въ ней одну изъ тѣхъ цыганокъ, которыя нерѣдко встрѣчаются въ этой сторонѣ, проживая ворожбой, пѣніемъ, милостыней, при случаѣ воровствомъ, и переходятъ, такимъ образомъ, изъ деревни въ деревню, съ ярмарки на ярмарку. По огненнымъ чорнымъ глазамъ, полнымъ рукамъ и сохранившемуся гибкому стану, можно было дать цыганкѣ не болѣе двадцати пяти или тридцати лѣтъ; но вѣтеръ и непогода, голодъ и печаль, а можетъ быть и слишкомъ сильныя страсти состарѣли когда-то красивое лицо и придали чертамъ непріятную рѣзкость; глаза ввалились и нѣсколько сѣдыхъ прядей показалось въ ея густыхъ синевато-чорныхъ косахъ, служившихъ гораздо болѣе надежной защитой для ея головы, нежели красный лоскутокъ, который она повязала въ видѣ тюрбана. Платье ея была очень поношено и испачкано, ноги босыя. Освальдъ замѣтилъ также, что на сосѣднемъ деревѣ, висѣлъ страннаго вида инструментъ и вокругъ разложены были разныя вещи. Оселъ, наряжонный въ пестрое покрывало съ краснымъ перомъ на головѣ, бродилъ между деревьями и апетитно ѣлъ жосткую лѣсную траву.

— Вы здѣсь однѣ, голубушка? спросилъ Освальдъ.

— Нѣтъ, со мной мой мальчишка, Эцико; онъ въ лѣсъ пошолъ за водой; вѣдь здѣшнюю воду пьютъ только лягушки да жабы.

— А какъ зашли вы въ такое уединенное мѣсто?

— Я знаю это мѣсто ужь много лѣтъ. Теперь отдыхаю здѣсь, проѣздомъ въ эту сторону. Въ лѣсу дешевлѣ постой чѣмъ въ деревенской харчевнѣ, добрый баринъ.

— Значитъ, вы можете указать мнѣ дорогу въ Берковъ? Далеко это отсюда?

— Совсѣмъ недалеко. Мальчишка, Эцико, сведетъ васъ.

Женщина приложила руки ко рту и съ поразительнымъ сходствомъ прокричала дикимъ голубемъ. Тотчасъ отвѣтилъ изъ лѣсу рѣзкій крикъ сокола и, въ скоромъ времени, прибѣжалъ мальчикъ, который, увидѣвши чужого, робко и недовѣрчиво остановился за деревьями. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ матерью на незнакомомъ Освальду языкѣ, ободрили его. Онъ робко под-

Digitized by Google

несъ Освальду оловянную кружку съ водою и спросилъ: хочешь пить, баринъ?

Кружка не отличалась особенной чистотой, но предлагавшій ее былъ такъ красивъ, что Освальдъ не рѣшился бы отказаться, еслибы даже и не чувствовалъ сильной жажды. Эцико могло быть лѣтъ около десяти, но онъ казался старше. Сырой вѣтеръ, дующій осенью въ туманныхъ поляхъ, и снѣжная буря, завывающая въ боярышникѣ, смыли всю свѣжесть съ удивительно красиваго лица мальчика и придали глубокимъ, темнымъ глазамъ выраженіе не то печали, не то дерзости, такъ что на нихъ нельзя было взглянуть безъ сожалѣнія.

Вдвойнѣ проницательнымъ взглядомъ матери и нищей, цыганка увидала какое сильное впечатлѣніе сдѣлалъ на Освальда ея ребенокъ.

— Да, онъ славный мальчикъ, мой Эцико, сказала она: проворенъ какъ бѣлка и смѣлъ, какъ дикая кошка, и никому такъ не сыграть на цимбалахъ.

— Такъ это цимбалы висятъ тамъ на деревѣ? спросилъ Освальдъ, нѣсколько удивленный тѣмъ, что этотъ инструментъ встрѣчается еще гдѣ-нибудь, кромѣ стихотвореній Ленау.

— Поди, Эцико, покажи господину что ты умѣешь.

Мальчикъ снялъ инструментъ, поставилъ его на пень, схватилъ палочки, началъ, сначала ударяя медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, чудную музыку. Казалось, сердце его было полно гармоніи; его худая, смуглая щека раскраснѣлась, темные глаза, которые онъ по временамъ мечтательно поднималъ къ вершинамъ деревьевъ, заблестѣли. Потомъ, онъ перешолъ въ другой темпъ и другую мелодію и, послѣ первыхъ тактовъ, женщина, разводившая между тѣмъ огонь подъ котломъ, запѣла, продолжая свою работу, одну изъ тѣхъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ, сладостно-меланхолическіе звуки которыхъ вызываютъ грусть изъ сердца и слезы изъ глазъ. Освальдъ сидѣлъ, опустивши голову на руки, и смотрѣлъ, и слушалъ какъ во снѣ. Никогда не слыханные до той поры звуки, какъ будто разбудили въ немъ совсѣмъ новыя чувства, глубокое состраданіе къ себѣ и другимъ, и вмѣстѣ стремленіе и тоску по безконечномъ, неизвѣданномъ счастьи.

Музыка кончилась. Освальдъ всталъ, взглянулъ на часы. Прошло уже три часа съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ лѣсъ.

*

Digitized by Google

Онъ не долженъ былъ терять ни одной минуты болѣе, если хотѣлъ въ этотъ же день видѣть Мелиту.

— Можетъ Эцико проводить меня въ Берковъ? спросилъ онъ, подходя къ женщинѣ и подавая ей двѣ монеты. Цыганка поспѣшно сдвинула деньги съ ладони, какъ будто они ей мѣшали, крѣпко удержала руку за концы пальцевъ, и пристально начала всматриваться въ ея линіи.

— Ну, сказалъ улыбаясь Освальдъ, вѣроятно немного можно увидѣть на ней хорошаго?

— Много хорошаго, много дурного, сказала цыганка, покачивая головою.

— Такъ бываетъ большею частью въ жизни, сказалъ Освальдъ; но въ чемъ же будетъ состоять хорошее?

— Много хорошго, много дурного, повторила цыганка. Каждая хорошая линія перекрещивается дурною; нельзя назвать хорошаго, не называя дурного.

— Ну такъ говори все что слѣдуетъ, сказалъ Освальдъ, начинавшій терять терпѣніе

— Много счастья, и все же не будешь счастливъ, бормотала цыганка. Врагъ мужчинамъ, другъ женщинамъ; скоръ въ ненависти, скоръ и въ любви; разнообразная жизнь и ранняя смерть.

— Ну, сказалъ Освальдъ, это можно еще послушать. А какъ это тамъ было на счетъ женщинъ? Это меня интересуетъ.

— Много хорошаго, много дурного, повторила женщина, еще ниже опуская голову, какъ будто не желая пропустить самой тончайшей линіи; много, очень много любви, и мало, ахъ какъ мало счастья!

— Люблю ли я теперь?

— Да.

— А кого?

— Очень знатную, очень красивую и очень богатую даму.

— Гм! А она меня любитъ?

— Гораздо больше, чѣмъ ты ее.

— А въ чемъ же тутъ будетъ дурное?

— Много, много дурного; потомучто ты не можешь быть вѣренъ.

— Почему ты это знаешь?

Гадальщица пожала плечами. — Вотъ тутъ еще одна дама,

Digitized by Google

а тутъ и другая—ты любишь ихъ всѣхъ; этого не должно быть; это тебѣ не принесетъ счастья.

— Ну, если ты сказала правду про разнообразную жизнь и скорую смерть, то несчастіе не можетъ еще быть очень велико. Вотъ тебѣ въ награду за добрыя вѣсти.

— Спасибо; беру только за счастье, которое предсказываю, а за несчастье не возьму ничего.

— Въ такомъ случаѣ, вовсе не удивительно, что вы такъ бѣдны, голубушка! Ну возьмите хоть за проводы Эцико.

Цыганка взяла деньги съ дѣйствительнымъ или только притворнымъ отвращеніемъ и позвавъ мальчика, который въ это время задумчиво фантазировалъ на своемъ инструментѣ, сказала ему нѣсколько словъ на томъ же чуждомъ языкѣ. Ребенокъ всталъ, подошолъ къ Освальду и спросилъ:

— Хочешь идти, господинъ?

— Прощай, голубушка! сказалъ Освальдъ, не безъ участья заглядывая въ темные глаза цыганки; когда будете въ Гренвицѣ, не позабудьте освѣдомиться о докторѣ Штейнѣ.

Женщина скрестила руки на полной груди и низко поклонилась. Освальдъ схватилъ шляпу и пошолъ за Эцико, который уже скрылся между деревьями.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

— Не такъ скоро, Эцико! сказалъ Освальдъ, освобождая свое платье отъ зацѣпившихъ его буковыхъ иглъ; прими въ соображеніе мое званіе цивилизованнаго человѣка.

Мальчикъ пошолъ потише, но продолжалъ держаться въ значительномъ разстояніи отъ своего спутника. Тщетно старался Освальдъ завести съ нимъ разговоръ, пока осторожно раздвигалъ кусты, черезъ которые мальчикъ перепрыгивалъ какъ дикая кошка. Такъ шли они, по крайней мѣрѣ, четверть часа, какъ вдругъ вышли изъ лѣса въ рощу, очевидно принадлежащую

Digitized by Google

уже къ замку Берковъ. Чисто выметенная дорога, мѣстами зеленыя скамьи, всюду слѣды человѣческихъ рукъ. Такъ они вышли на широкую проѣзжую дорогу, которая легко могла быть продолженіемъ той дороги, съ которой началъ Освальдъ и оканчивалась рѣшотчатыми воротами, ведущими уже на самый дворъ помѣстья. Эцико остановился и молча указалъ на ворота; потомъ, поклонившись Освальду скрестивши на груди руки, онъ прыгнулъ въ кустарникъ и исчезъ въ одно мгновеніе.

— Таинственное начало, подумалъ молодой человѣкъ, вступая медленно и съ нѣкоторой робостью во дворъ. Слѣдствіе ли это колдовства цыганки или предчувствіе того, что меня ожидаетъ въ этомъ очаровательномъ замкѣ, но я теперь въ престранномъ настроеніи. Гораздо лучше было бы не отказываться вчера отъ экипажа, который предлагалъ мнѣ баронъ. Тогда я, можетъ быть, ускользнулъ бы отъ пастора и его Примулы и во всякомъ случаѣ явился бы сюда съ приличной важностью, влекомый неповоротливыми гнѣдками, а не пѣшкомъ въ порядочно попорченномъ туалетѣ, какъ странствующій торговецъ. Э, да что тутъ! Не платье придаетъ цѣны человѣку! А, если я не совсѣмъ ошибаюсь, то Мелита цѣнитъ именно *человѣка*.

Онъ толкнулъ незапертыя ворота и взошолъ на дворъ. Большая ньюфаундлендская собака, лежавшая въ травѣ, медленно поднялась, заслышавъ скрипъ воротъ, и махая хвостомъ пошла навстрѣчу Освальду. «Ну, по крайней мѣрѣ, первый пріемъ хорошъ»! подумалъ Освальдъ, гладя красивое животное. Направо, увидѣлъ онъ сквозь низенькую ограду наполненный цвѣтами садъ. На одной линіи съ оградой былъ фасадъ господскаго дома, двухъ-этажнаго строенія безъ всякихъ украшеній, тѣмъ не менѣе казавшагося великолѣпнымъ по своему потемнѣвшему отъ древности цвѣту, большому каменному балкону надъ дверью и двумъ могучимъ липамъ при входѣ. Три остальныя стороны обширной площади были заняты хозяйственными постройками. Ограда, обсаженная фруктовыми деревьями, шла параллельно съ господскимъ домомъ поперегъ площади, какъ граница отдѣляющая дворъ отъ пустого пространства передъ домомъ. Освальдъ заглянулъ мимоходомъ въ открытыя окна красивыхъ комнатъ. Тамъ никого не было. Онъ заглянулъ также и въ растворенную дверь вымощенной плитою пріемной. Большіе стѣнные часы одни нарушали совершенную тишину. На дворѣ также ничто не ше-

Digitized by Google

велилось. Вся площадь какъ будто вымерла, только воробьи шумѣли и чирикали на липахъ, да ласточки быстро подлетали подъ крышу кормить своихъ малютокъ и также быстро вылетали обратно.

«Вѣрно нѣтъ никого дома,» подумалъ Освальдъ. «Напрасно я прошолъ такую длинную дорогу; или ты можешь указать мнѣ, гдѣ твоя госпожа, умная собака? Не посмотрѣть-ли намъ въ саду?»

Собака, будто понимая чего отъ нея требуютъ, отправилась впередъ Освальда направо, къ двери ведущей въ садъ и остановившись обернулась къ пришельцу.

— Такъ она въ самомъ дѣлѣ въ саду?

Освальдъ отворилъ дверцу. Собака побѣжала впередъ, мимо цвѣточныхъ клумбъ, къ ступенькамъ ведущимъ на террасу. Тутъ она еще разъ оглянулась на Освальда и взошла на ступеньки; Освальдъ пошолъ за нею.

Животное исчезло между высокими цвѣтущими растеніями. Едва успѣлъ молодой человѣкъ сдѣлать нѣсколько шаговъ вслѣдъ за собакой какъ глазамъ его представилась картина, заставившая его остановиться на мѣстѣ. Онъ увидѣлъ маленькую площадку, съ двухъ сторонъ огороженную жимолостью. По срединѣ, могущественно и прямо высилась развѣсистая ель. У подножія дерева, на коврѣ изъ темныхъ иглъ, стоялъ круглый садовый столъ и два стула. На одномъ изъ стульевъ, облитая поэтическимъ свѣтомъ лѣтняго вечера, сидѣла Мелита, поддерживая одной рукой голову, а другой машинально гладя вѣрную собаку, плотно прижавшуюся къ хозяйкѣ. На ней было бѣлое платье, красивыми складками облегающее ея стройную фигуру. На столѣ лежали перчатки, соломенная шляпа съ широкими полями и раскрытая книга.

Она такъ задумалась, что и не слыхала легкихъ шаговъ Освальда, пока онъ не остановился передъ нею. Тогда она быстро подняла голову и съ трудомъ удержалась отъ радостнаго восклицанія при видѣ человѣка, которымъ только что были заняты ея мысли.

На одно мгновеніе кровь прилила ей къ сердцу и, быстро отхлынувъ, окрасила пурпуромъ ея блѣдныя щоки.

— Вотъ и вы! сказала она, быстро вставая съ мѣста и протягивая руку Освальду.

Digitized by Google

— Извините, сказалъ молодой человѣкъ, почтительно поднося къ губамъ протянутую ему дрожащую ручку,—что я безъ доклада.

— Но не совсѣмъ неожиданно нарушаю ваше dolce far niente и такъ далѣе и такъ далѣе, прервала его Мелита. Не хочу я слышать отъ васъ никакой фразы. Предоставьте это нашимъ пустоголовымъ юношамъ. Садитесь и благодарите судьбу, что застали меня дома. Бемперлейнъ съ Юліемъ, не надѣясь уже на ваше посѣщеніе, съ полчаса назадъ уѣхали въ гости къ сосѣдямъ, такъ что ужь вы должны довольствоваться моимъ обществомъ. Пусть это будетъ для васъ справедливымъ наказаніемъ.

— Если наказаніе и справедливо, то по крайней мѣрѣ очень нестрого, весело отвѣчалъ Освальдъ и я снесу его съ тою покорностью, которая прилична раскаявающемуся грѣшнику.

— Вы и въ самомъ дѣлѣ что-то похожи на кающагося грѣшника. Серьезно, отчего вы явились такъ поздно и...

— И въ такомъ разстроенномъ туалетѣ? Серьезно, я не могъ явиться ни раньше, ни въ болѣе приличномъ видѣ. Кто прошолъ пѣшкомъ какъ я дальній и незнакомый путь.....

— Какъ-же могла прійти вамъ въ голову такая странная фантазія?

— Я часто бываю подверженъ страннымъ фантазіямъ.

— Значитъ, у насъ съ вами общая участь. Далѣе?

— Кто подобно мнѣ по дорогѣ выслушалъ лекцію о безсмертіи отъ старой женщины, проповѣдь на ту же тему отъ сельскаго пастора, а отъ его ученой супруги то что она подслушала у животныхъ.....

— О, вы несчастный! воскликнула Мелита, всплеснувъ руками.

— Когда подобно мнѣ заблудишься въ лѣсу, заснешь на окраинѣ болота, при этомъ увидишь нѣсколько безумныхъ но сладкихъ сновъ, проснувшись услышишь предсказаніе отъ цыганки и попадешь на настоящую дорогу только при помощи ея сына, наконецъ по прибытіи въ этотъ очарованный замокъ, не найдешь никого, кто могъ-бы провести къ его владѣтельницѣ, исключая этой умной собаки, которая такъ на насъ смотритъ какъ будто понимаетъ весь разговоръ, то согласитесь, что на исполненіе всего этого можетъ потребоваться по крайней мѣрѣ столько же времени, сколько я употребилъ его на свой разсказъ.

Собака довѣрчиво положила огромную голову на колѣна своей госпожи и стала смотрѣть ей въ глаза. — Ты умница, Bonсoeur,

Digitized by Google

сказала Мелита, ласково потрепавъ по шеѣ любимца, — вполнѣ оправдываешь свое имя; видишь въ домѣ и на дворѣ именно то что нужно; знаешь, что никто не сдѣлаетъ этого кромѣ тебя и Баумана. — Знаете-ли, меня очень интересуетъ ваша встрѣча съ смуглой графиней, т. е. съ цыганкой и ея Эцикой, потомучто, не въ обиду будь сказано вашей проницательности, это была дѣвочка.

— Эцико дѣвочка?

— Да, *Эцика* дѣвочка, могу васъ въ этомъ увѣрить; но гдѣ вы нашли ихъ обѣихъ?

— Въ лѣсу, на четверть часа разстоянія отсюда; у того самого волшебнаго озера, на окраинѣ котораго я заснулъ.

— Значитъ на Берковскихъ земляхъ; это меня очень радуетъ.

— Вы повидимому очень интересуетесь красивой матерью и ея еще болѣе красивой дочерью — теперь я и самъ нахожу, что она слишкомъ хороша для мальчика. — Почему назвали вы цыганку смуглой графиней?

— Ахъ! сказала смѣясь Мелита, — это очень длинная исторія и именно одна изъ тѣхъ дикихъ фантазій, которымъ мы съ вами бываемъ подвержены. Лѣтъ шесть назадъ, Изабелла въ первый разъ пришла въ нашу сторону. Тогда ей могло быть лѣтъ двадцать — говорю могло быть, потомучто она и сама не знала навѣрное. — Ея ребенку, Эцикѣ, было четыре года, это она хорошо знала, потому что Эцика дѣйствительно ея родная дочь, а не какая нибудь похищенная принцеса и такъ далѣе.

— Почему вы узнали это?

— По разительному сходству между матерью и дочерью, котораго и вы не могли не замѣтить. Обѣ были тогда чудно хороши, такъ хороши, что я и не встрѣчала ничего подобнаго. Кажется, ни одинъ человѣкъ не могъ-бы равнодушно пройти мимо прелестной молодой матери съ великолѣпнымъ ребенкомъ, котораго чорные густые локоны и необыкновенный костюмъ дѣлали столько-же похожимъ на дѣвочку, какъ и на мальчика. Только ужь послѣ, я видѣла нѣчто подобное въ проникнутыхъ насквозь солнечнымъ зноемъ и дышущихъ страстью картинахъ Мурильо. Такъ какъ за мной водится слабость считать себя знатокомъ живописи и даже самой нѣсколько подвизаться въ этомъ великолѣпномъ искуствѣ, то я писала и рисовала въ то время съ утра до вечера головы цыганокъ. Я и позабыла сказать, что онѣ жили у меня уже дня два

Digitized by Google

въ Берковѣ. Случилось такъ, что у меня должно было собраться много гостей и — теперь будетъ дикая фантазія — чтобы сыграть злую штуку съ здѣшнимъ жалкимъ обществомъ, это-то собственно и было поводомъ къ фантазіи, я одѣваю Изабеллу въ свое лучшее платье, поручаю своей горничной разодѣть Эцику и представляю обѣихъ своимъ гостямъ подъ именемъ графини фонъ Криванъ и ея дочери Эцики, съ которой я познакомилась въ прошломъ году въ Маріенбадѣ и которыя пріѣхали ко мнѣ изъ далекой Венгріи.

— Что-же сказало общество?

— Оно было въ восторгѣ. Я всѣхъ предупредила заранѣе, что Изабелла принадлежитъ къ благородной семьѣ отъявленныхъ венгерскихъ патріотовъ, которые поклялись никогда не говорить иначе, какъ на національномъ языкѣ и развѣ только полатыни.

— Неужели общество этому повѣрило и развѣ мужщины не попытались заговорить съ нею полатыни?

— Наше общество можно во всемъ увѣрить, а что касается мужщинъ, то они латынскій языкъ знаютъ столько-же сколько испанскій. Изабелла, нужно отдать ей справедливость, сидѣла на софѣ настоящей королевой и Грибены, Трантоны и другіе осыпали предупредительностью благородную особу и сожалѣли только о томъ, что незнаніе латинскаго языка непозволяетъ имъ завести съ иностранной дамой безъ сомнѣнія умную и интересную бесѣду. Маленькая Эцика переходила съ рукъ на руки и чуть не задыхалась отъ лакомствъ и поцѣлуевъ. Словомъ, къ моему величайшему удовольствію, комедія счастливо разыгралась до конца и во всѣ слѣдующіе дни мои сосѣди были постоянно заняты «смуглой графиней», какъ прозвали для критики подругу Мелиты фонъ-Берковъ. Ну, какъ вамъ нравится эта исторія?

— Сказать по правдѣ, только на половину. Мистифированье вашего знатнаго общества радуетъ меня отъ всего сердца, но мнѣ больно видѣть, что безпомощный бѣднякъ, только потому что онъ бѣденъ и безпомощенъ, становится игрушкой сильнаго и богатаго.

Мелита посмотрѣла прямо въ глаза Освальду и сказала безъ малѣйшаго слѣда обидчивости:

— Какъ хорошо, что вы такъ думаете и еще лучше, что вы это мнѣ говорите такъ прямо. Но я еще прежде созналась вамъ,

Digitized by Google

что эта была глупая выходка, въ которой я потомъ очень раскаявалась и дурныя послѣдствія которой старалась всѣми силами исправить. Слушайте что было дальше. Я разумѣется подарила Ивабеллѣ тѣ вещи, которыя надѣвала она и Эцика. Бѣдная женщина, не зная что дѣлать съ этими тряпками, вздумала продать ихъ въ сосѣднемъ городѣ. Тамъ рѣшили, что она украла эти вещи и требовали точнаго указанія мѣста, откуда она ихъ получила. Къ несчастію, она совершенно забыла названіе моего имѣнія и сверхъ того, никто не могъ понять ея тарабарскаго языка. Судьи, по своей великой мудрости, рѣшили задержать ее какъ бродягу и воровку, пока дѣло не разъяснится какимъ-нибудь образомъ. Къ несчастію, я дня за два передъ этимъ, уѣхала на купанье и пока я вдыхала свѣжій морской воздухъ несчастная должна была цѣлыя недѣли томиться въ душной тюрьмѣ. Ахъ! А для этихъ людей свобода дороже всего на свѣтѣ! Никогда я не прощу себѣ этого! Вскорѣ по возвращеніи, я случайно узнала о несчастіи, котораго была причиной. Разумѣется тотчасъ приняты были должныя мѣры. Я сама поѣхала въ Б. и растворила тюремныя двери своей бѣдной смуглой графинѣ. Но въ какомъ видѣ я нашла ее! Блѣдную, исхудалую, постарѣвшую на столько-же лѣтъ, сколько недѣль она высидѣла въ заточеніи. Маленькая Эцика измѣнилась кажется еще больше. Я взяла ихъ съ собою въ Берковъ, ухаживала за ними, утѣшала, дарила ихъ, дѣлала все что могла. Но раскаяніе въ этомъ какъ и вовсякомъ случаѣ пришло уже поздно. На маленькую Эцику тюрьма подѣйствовала такъ, что она тотчасъ по освобожденіи, заболѣла горячкой и я до сихъ поръ благодарю Бога, что она осталась жива. Чтобы со мною было, еслибъ ея не стало!

Мелита остановилась и на глазахъ ея показались слезы. Но минуту спустя она уже опять смѣялась и продолжала.

— Однако она не умерла, но опять сдѣлалась весела и свѣжа, какъ прежде и соперничала съ моимъ Юліемъ въ румянцѣ и блескѣ глазъ. Дѣти очень полюбили другъ друга, и я охотно оставила бы у себя малютку, чтобы воспитать ее вмѣстѣ съ Юліемъ. Ребенокъ подавалъ большія надежды, въ особенности оказывалъ большой талантъ къ музыкѣ. Смуглой графинѣ я предлагала остаться моей камерфрау или чѣмъ она хотѣла. Я совершенно предоставляла ей устроить жизнь по своему желанію и только просила ее остаться. Но тутъ повторилась старая исторія о лягушкѣ и золотомъ стулѣ. Недѣли

Digitized by Google

двѣ она выдерживала осѣдлую жизнь, но въ одно прекрасное утро исчезла съ своей Эцикой. Послѣ онѣ опять были въ этой сторонѣ, но на мои земли не заходили. Изабелла или все еще сердится на меня или боится, что я украду у нея Эцику. А между тѣмъ она могла-бы видѣть, что я не имѣю дурныхъ намѣреній. Людямъ на деревнѣ приказано оказывать ей всевозможныя услуги, если она появится; лѣсничій имѣетъ наказъ дозволять ей оставаться въ лѣсу и я лишаю себя удовольствія отыскивать ее, потомучто боюсь напугать съизнова. Ну вотъ моя исторія съ смуглой графиней. Что, вы все еще на меня сердитесь?

— Какое-же я имѣю право на это?

— Да вы недавно сдѣлали такую мрачную мину, что я почувствовала себя бѣдной грѣшницей.

— Вы любите шутить. Какое вамъ можетъ быть дѣло до моего мнѣнія?

— Гораздо большее нежели дозволяетъ вамъ предположить ваша не совсѣмъ искренняя скромность. Женщина всегда дорожитъ приговоромъ мужчины, когда инстинктивно чувствуетъ, что его голова способна лучше, т. е. не быстрѣе, а основательнѣе, точнѣе обдумать, нежели ея легкомысленный мозгъ. А къ вамъ, ученымъ господамъ, мы чувствуемъ совершенно особаго рода почтеніе. У всѣхъ васъ есть въ глазахъ и углахъ рта что-то такое мистическое, непостижимое что-то...

Освальдъ не могъ не расхохотаться.

— Да, смѣйтесь себѣ! Вамъ это представляется совсѣмъ не въ такомъ видѣ; но мы боимся вашей учености даже тогда, когда кто-нибудь изъ васъ, по своему добродушію, становится цѣлью нашихъ насмѣшекъ. Таковъ мой Бемперлейнъ, мой добрый вѣрный Бемперлейнъ. Только онъ далеко не геній и знаетъ жизнь столько-же, сколько я греческій языкъ, такъ что, когда мы споримъ, мнѣ всегда хочется поскорѣе покончить. Это досадно. Остаются наши туземныя юноши. Между ними есть красивые, даже очень красивые мужчины, особенно въ мундирахъ, съ подстриженными бѣлокурыми бородками, загорѣлыми лицами и свѣтлыми голубыми глазами; но въ статскомъ платьѣ они какъ-то кажутся глупы. У нихъ въ лицѣ есть что-то плоское, безжизненное, напоминающее морды красивыхъ лошадей и собакъ. Единственный изъ нихъ, который учился, кажется между ними выходцемъ изъ другого міра.

— Кто-же этотъ фениксъ?

Digitized by Google

— Баронъ Ольденбургъ.

Легкая тѣнь скользнула по оживленному лицу Мелиты, какъ проносится облако надъ освѣщеннымъ солнцемъ пейзажемъ. Она минуты на двѣ какъ-будто потеряла нить разговора, потомъ продолжала, точно очнувшись отъ сна.

— Да, что я хотѣла сказать... да, потому-то я и хочу, чтобы мой Юлій учился. Впрочемъ, что-же это я все болтаю и не спрошу васъ не хотите-ли вы кушать, пить или отдохнуть, на что имѣете полное право послѣ вашихъ похожденій. Пойдемте, попытаемся сыскать кого-нибудь кто-бы позаботился намъ что-нибудь приготовить. Для меня это также будетъ нелишнее, потомучто я очень дурно обѣдала сегодня. Вы еще вовсе не были въ домѣ?

— Былъ только въ пріемной. Я спрашивалъ у стѣнныхъ часовъ, могу-ли явиться къ г-жѣ фонъ-Берковъ, но они отвѣчали: Шникъ-шнакъ, шникъ-шнакъ и я пошолъ далѣе.

Мелита встала со стула, надѣла шляпу, не заботясь о томъ, что одна лента пришлась на груди, а другая на спинѣ и сказала смѣясь Освальду, который заглянулъ на заглавіе лежащей на столѣ книги:

— Для васъ вѣдь каждая вещь должна говорить своимъ собственнымъ языкомъ.

— Да, напримѣръ эта книга говоритъ мнѣ: г-жа фонъ-Берковъ могла-бы и не читать меня, потомучто есть много гораздо лучшихъ книгъ.

— Господи Боже мой, да мы въ деревнѣ читаемъ все что попадетъ подъ руку нашимъ библіотекарямъ или книгопродавцамъ. Но, что вы можете имѣть противъ этихъ Mystères?

— Во-первыхъ, мнѣ досадно, что эта книга попадается мнѣ на каждомъ шагу. Въ Грюнвальдѣ я видѣлъ ее рѣшительно на всѣхъ столахъ; едва прошло два дня съ пріѣзда моего въ Гренвицъ, какъ она начала преслѣдовать меня и тамъ, и наконецъ я нахожу ее даже у васъ. Я не могъ дочитать ее даже до конца второй части, а вы къ моему удивленію дошли уже до четвертой. На сколько можете вы интересоваться этимъ Шуринеромъ, этимъ Maître d'Ecole, этой Chouette и прочей сволочью? Рѣшительно столько-же, сколько рѣдкостями звѣринца, да и того менѣе, потомучто звѣри, по крайней мѣрѣ, созданія Божіи, между тѣмъ какъ эти герои только порожденія праздной фантазіи въ разгоряченномъ мозгу писателя.

— Вы можетъ быть и правы, отвѣчала Мелита, спускаясь съ террасы. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, уже несчастіе, что пи-

Digitized by Google

шутся подобныя книги, но еще большее несчастіе, что мы, въ особенности мы женщины, получаемъ такое плохое воспитаніе и образованіе, что даже въ подобныхъ книгахъ, находимъ нѣкоторое удовольствіе. Впрочемъ, я на столько довѣряю всему что Сю разсказываетъ о своей шайкѣ, на сколько напримѣръ разсказамъ путешественника новаго свѣта о чудесахъ, которыя онъ пережилъ на водѣ и на морѣ, тѣмъ болѣе, что Сю отчасти вѣрно и правдиво описываетъ тѣ сферы общества, которыя мнѣ знакомы.

— Такъ Родольфъ принцъ Герольштейнскій также живое лицо?

— Этого я не знаю; но на сколько мнѣ извѣстно, такія исторіи какъ съ маркизомъ д'Арвиль и его женою, нерѣдко случаются въ жизни.

Освальдъ ничего не отвѣтилъ; онъ припомнилъ все что слышалъ объ отношеніяхъ Мелиты къ ея мужу, который уже нѣсколько лѣтъ считается неизлѣчимо помѣшаннымъ. Ему вдругъ пришли въ голову тѣ печальныя сцены, которыя могли происходить до разрѣшенія катастрофы; ему стало жаль, что онъ нечаянно коснулся темной стороны семейной драмы, и въ немъ проснулось безконечное участіе къ прелестной женщинѣ, которая должна проводить въ одиночествѣ лучшіе годы своей жизни. Кчему ей молодость, красота и богатство безъ любви! И будетъ-ли она такъ любима, какъ заслуживаетъ и желаетъ она, въ кроткихъ и томныхъ глазахъ которой проглядываетъ такая безконечная глубина нѣжности и страсти?

Состраданіе есть первая степень любви. Между тѣмъ какъ Освальдъ обсуждалъ судьбу прелестной женщины, онъ почувствовалъ какъ въ его сердцѣ теплымъ ключомъ забили сладостныя ощущенія и готовы были хлынуть черезъ край. Если холодная класическая любовь могла зародиться въ морской пѣнѣ, то мягкій, пропитанный ароматами лѣтній воздухъ можетъ быть еще болѣе благопріятной атмосферой для новѣйшей романтической любви. Сладострастныя тѣни наполняли боскеты; свѣтъ вечерняго солнца мечтательно ложился на зеленыя лужайки; въ густыхъ вершинахъ деревъ весело пѣли птицы, бабочки качались на вѣнчикахъ цвѣтовъ....

Медленно бродили двѣ стройныя фигуры, останавливаясь по временамъ полюбоваться розовымъ кустомъ, который казался еще роскошнѣе своихъ сосѣдей или послѣдить за бѣлкой, прыгающей съ вѣтки на вѣтку. Освальду все болѣе и болѣе казалось, что

Digitized by Google

онъ видитъ чудесный сонъ, что ему снится и этотъ солнечный свѣтъ, и этотъ цвѣточный запахъ, и это пѣніе птицъ; что снится ему всего болѣе сладкій голосъ Мелиты и глубокіе, полные любви глаза. Мелитѣ также казалось, что сегодня она все видитъ будто другими глазами, слышитъ другими ушами. Новый гость, котораго она водила по своимъ владѣньямъ, былъ ей такъ близокъ, какъ будто она знала его многіе, многіе годы, всегда; а то что она ежедневно видѣла впродолженіе многихъ лѣтъ, показалось ей теперь совсѣмъ чуждымъ. Какъ справедливо, что человѣкъ для человѣка вѣчно будетъ не только самымъ интереснымъ, но и единственно понятнымъ существомъ во всей цѣпи творенія. Для человѣческой души, которая гармонически сливается съ нашею, мы радостно отбрасываемъ всю мишуру, которой наполняли однообразіе своей жизни въ отсутствіи этого высшаго счастья. Если это справедливо относительно мужчины, то вдвойнѣ, втройнѣ справедливо относительно женщины. Для нея существуетъ только одно блаженство на землѣ—любить и одно счастье—быть любимой. А занятое многіе годы поверхностными привязанностями, пустымъ кокетствомъ, сердце Мелиты жаждало истинной, глубокой страсти. Мелита находила слишкомъ пріятными полу-почтительные, полу-смѣлые, но всегда исполненные нѣжности взгляды, которые устремлялъ на нее молодой человѣкъ и опутывалъ ее какъ бы волшебной сѣтью, петли которой становились все чаще и чаще,—чтобы не быть отъ всего сердца благодарной тому, кто доставлялъ ей это счастье.

Она чувствовала себя невыразимо счастливой, а между тѣмъ въ гораздо болѣе серьезномъ настроеніи, чѣмъ обыкновенно. Буря страсти, закипавшая въ ея душѣ, уже бросила свои темныя тѣни на солнечный свѣтъ ея душевнаго настроенія и нервое ея дыханіе разорвало легкій покровъ, который время старательно соткало надъ нѣкоторыми ясными образами прошедшаго. Когда Освальдъ, изложивъ свое мнѣніе о воспитаніи Юлія, перешолъ къ своей собственной жизни и позволилъ прелестной женщинѣ, въ знакъ любви и уваженія, заглянуть въ сокровеннѣйшія тайны своей души, ею овладѣло странное смущеніе. Многія мысли и почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, она уже слышала отъ одного человѣка, который былъ ей очень дорогъ, демоническая натура котораго привлекла и приковала къ себѣ ея живой умъ, а крутость нрава оттолкнула и оскорби-

Digitized by Google

ла ея мягкую душу. Теперь опять расцвѣли розы, запахомъ которыхъ она тогда упивалась, но уже безъ шиповъ; теперь нашла она то, въ чемъ чувствовала тогда такой большой недостатокъ: прелесть формъ, грацію движеній и мягкость рѣчи.

ГЛАВА XIII

Заговорившись, они вспомнили о своемъ намѣреніи пойти домой только тогда, когда уже во второй разъ обойдя садъ, опять очутились у входа. Черезъ отворенную дверь они вошли въ залу, которой гармоническія пропорціи и простое полное вкуса убранство сдѣлали сразу самое пріятное впечатлѣніе на Освальда. Высокіе каштановые деревья у самыхъ оконъ дѣлали комнату прохладною и не слишкомъ свѣтлою. Полусвѣтъ былъ пріятенъ послѣ ослѣпительнаго солнечнаго блеска въ саду. Удобная мебель различныхъ формъ и величинъ, американскія Roking-chairs, французскія козетки, большой флигель, столы покрытые книгами и картины, искусно разставленныя въ обширной комнатѣ, придавали ей, не смотря на богатство, такой характеръ жилого, который разительнѣйшимъ образомъ отличался отъ чопорнаго порядка во внутреннихъ покояхъ замка Гренвицъ.

— Любопытно узнать, придетъ ли кто по моему звонку, сказала Мелита, бросая шляпу на столъ и направляясь къ сонеткѣ. — Нѣтъ ничего невозможнаго, что намъ придется собственными особами отправиться въ кладовую искать чего-нибудь съѣстного, и то, если еще представится случай отыскать ключъ.

Она позвонила и обернулась къ Освальду, который любовался одной изъ статуэтокъ украшавшихъ стѣны.

— Какъ вамъ это нравится?

— Очень хорошо! это Медуза Ронданини.

— А, такъ вы знатокъ?..

— По крайней мѣрѣ, любитель. Я кое-что имѣлъ случай увидѣть въ столицѣ; разумѣется большею частію гипсы. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ, у меня было задушевнѣйшее желаніе посѣтить прекрасную Италію, чтобы лично засвидѣтельствовать свое благоговѣніе великому богу Апполону Бельведерскому.

— Ну, это еще не совсѣмъ нескромное желаніе.

Digitized by Google

— Развѣ не нескромно желать того что намъ не̂ суждено.

— Въ такомъ случаѣ будетъ нескромнымъ и наше желаніе пополдничать, потомучто этого кажется намъ также несуждено, сказала Мелита комически грустнымъ тономъ.—Только не скорѣе ли дается намъ то, чего мы живо, горячо, неумѣренно желаемъ? Судьба исполняетъ такое желаніе, какъ мать даетъ иногда кусокъ пирожнаго, чтобъ только отвязаться.

— Судьба вовсе не капризная женщина, а суровый богъ съ каменнымъ сердцемъ и, если хотимъ что-нибудь получить отъ него, то нужно его переупрямить.

— Таковъ онъ для васъ мужчинъ, и можетъ быть это къ лучшему — иначе вы бы ужъ слишкомъ зазнались. Мы же женщины... Боже! что же бы изъ насъ вышло, еслибы намъ приходилось угрозами завоевывать себѣ капельку счастья... Мы охотнѣе прибѣгаемъ къ мольбамъ и просьбамъ, и только когда исчезаетъ послѣдняя надежда на счастье, тогда... тогда... видите, идетъ Бауманъ и съ нимъ воскресаетъ возможность полдника.

Дверь растворилась и на порогѣ показалась фигура высокаго, худощаваго человѣка, старому морщинистому лицу котораго придавали особенно воинственный характеръ густыя брови, глубокій рубецъ, проходившій черезъ весь лобъ мимо глаза и оканчивающійся на щекѣ, и длинная сѣдая борода.

— Что прикажете? спросилъ онъ голосомъ какъ будто выходящимъ изъ глубокаго пустого пространства.

— Ахъ, Бауманъ, кромѣ тебя вѣрно никого нѣтъ дома?

— Во́ля ваша.

— Это вовсе не моя воля. Гдѣ мамзель?

— Въ Фашвицѣ.

— А Иванъ?

— У лѣсничаго.

— А горничная?

— На деревнѣ.

— Милый Бауманъ, намъ бы очень хотѣлось поѣсть!

— Воля ваша-съ.

— Можешь ли ты достать намъ что-нибудь?

— Едва ли.

— По крайней мѣрѣ принести ключъ отъ кладовой?

— Едва ли найдется.

— Милый, добрый Бауманъ, посмотри, нельзя ли чего сдѣлать.

Digitized by Google

— Воля ваша.

При этомъ странная фигура сдѣлала поворотъ и замаршировала вонъ изъ двери.

— Ну, что вы скажете о моемъ метр-д'отелѣ? Что онъ во всякомъ случаѣ оригиналъ; но за что онъ такъ нелюбезно посмотрѣлъ на меня своими умными старыми глазами?

Мелита засмѣялась.

— Надо вамъ сказать, что Бауманъ служилъ еще у моего отца и вмѣстѣ съ нимъ дѣлалъ походы противъ Наполеона. Онъ носилъ меня на рукахъ, когда я была еще ребенкомъ, ни разу не разставался со мной съ тѣхъ поръ и никогда не разстанется, пока не умретъ одинъ изъ насъ. Два раза онъ спасалъ мнѣ жизнь и безъ моего желанія и даже вѣдома, втайнѣ раздѣляетъ со мною всякое горе, хотѣлось бы сказать и всякую радость. Еслибы я сказала ему: Бауманъ, ты долженъ завтра съѣздить для меня въ Австралію, онъ отвѣтилъ бы: воля ваша! и даже не шевельнулъ бы сѣдою бровью; но еслибы я ему сказала: Бауманъ сдѣлайте, а не Бауманъ, сдѣлай, то онъ счелъ бы это за прекращеніе нашей дружбы. Теперь онъ сердится, зачѣмъ я ему не сказала кто вы такой! Когда онъ это узнаетъ, и въ особенности увидитъ, что я рада вашему посѣщенію, то будетъ совершенно доволенъ. Замѣчайте теперь что будетъ. Онъ воротится и скажетъ намъ, что къ сожалѣнію не можетъ ничего для насъ сдѣлать. Тогда я сообщу ему желаемое и сдѣлаю видъ, что хочу идти сама. Пока я буду говорить ему о васъ, вы должны любезно смотрѣть на него.

— Не безпокойтесь, я буду такъ ласково и кротко улыбаться, какъ ангелъ Гвидо-Рени.

Дверь отворилась во второй разъ. Показался старый слуга, промаршировалъ по комнатѣ, остановился совершенно на томъ же мѣстѣ, какъ прежде, и сказалъ, снова уставившись на Освальда:

— Нѣтъ никакой человѣческой возможности, сударыня!

— Но Бауманъ, вѣдь это очень дурно. Г-нъ докторъ Штейнъ пришолъ нарочно изъ Гренвица, да еще и пѣшкомъ, чтобы поговорить съ г-номъ Бемперлейномъ объ Юліѣ. Они оба уѣхали въ гости, а мы не можемъ даже предложить г-ну доктору чего-нибудь съѣстного, хоть-бы стаканъ вина, да и сама я, какъ ты самъ видѣлъ, ничего не ѣла сегодня за обѣдомъ и скоро умру съ голода.

Digitized by Google

Освальду приходилось дѣлать страшныя усилія, чтобы заказная улыбка не превратилась въ страшный хохотъ, когда онъ увидѣлъ, что съ каждымъ словомъ Мелиты мина старика становилась все яснѣе и яснѣе, и онъ переводилъ глаза съ одного на другую и обратно, какъ-будто хотѣлъ сказать: Да, молодой народъ, гдѣ вамъ что-нибудь сдѣлать безъ Баумана! Наконецъ онъ произнесъ.

— Ну, что касается ключа отъ погреба, то онъ какъ всегда у меня въ карманѣ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, а какже быть съ ключомъ отъ кладовой?

— Есть еще нѣкоторыя возможности, что мамзель опять положила его подъ часы, хотя я ужь не разъ предостерегалъ ее отъ этого.

— Такъ Бауманъ посмотри тамъ...

— Воля ваша.

Какъ только дверь затворилась за старикомъ, Мелита съ хохотомъ бросилась въ качающее кресло.

— Не говорила-ли я вамъ? сказала она весело покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ ребенокъ поставившій на своемъ.— Не говорила-ли я вамъ?

Освальдъ сѣлъ противъ нея передъ круглымъ столомъ, на которомъ лежалъ раскрытый альбомъ и всѣ принадлежности рисованья. Рука его машинально играла карандашомъ, пока онъ задумчиво смотрѣлъ на Мелиту.

— Вы хотите рисовать мой портретъ? спросила Мелита.

— Желалъ-бы быть въ состояніи это сдѣлать.

— Почему-же нѣтъ? Передъ вами мой альбомъ.

— Это мнѣ не поможетъ. Научите меня прежде искуству рисовать глазами.

— Этого случается желать и мнѣ. Какъ часто думаешь, когда интересуетъ какой-нибудь ландшафтъ, фигура, лицо: какъ-бы схватить его? и только станешь переносить на бумагу то что такъ ясно стоитъ передъ глазами, выйдетъ плохое маранье.

— Я увѣренъ, что вашъ альбомъ докажетъ противное. Можно осмотрѣть его?

— Вообще нельзя, но вамъ можно. Впрочемъ, онъ можетъ имѣть цѣну только для меня; для меня заключается въ немъ не только то что я нарисовала, но и что хотѣла нарисовать.

Digitized by Google

Этотъ альбомъ замѣняетъ мнѣ дневникъ; я начала его во время путешествія по Италіи.

— Такъ вы были въ Италіи?

— Два года тому назадъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ Барневицъ и его женою. Какъ было-бы хорошо, еслибы и вы были тогда съ нами, вопервыхъ потому, что вы достойны видѣть Италію, а вовторыхъ потому, что тогда я не ходила-бы одна, въ сопровожденіи восковыхъ куколъ, по удивительнѣйшимъ мѣстностямъ и богатѣйшимъ галереямъ. Тогда, какъ и теперь, я передавала терпѣливымъ листамъ этого альбама то чего не хотѣли слушать другіе.

Мелита подошла и встала возлѣ Освальда; онъ хотѣлъ предложить ей стулъ, но она тихонько положила ему на плечо руку, чтобы не дать встать съ мѣста и такъ оставила ее минуты на двѣ—только на двѣ минуты, но этого было достаточно для того, чтобы рука и голосъ Освальда задрожали, когда онъ сказалъ, раскрывая первую страницу.

— Эти эскизы сдѣланы еще до поѣздки въ Италію. Вотъ тотъ таинственный прудъ, на окраинѣ котораго я спалъ и видѣлъ сны сегодня.

— Вы еще мнѣ не разсказали вашихъ сновъ.

— Я вѣдь сказалъ однако, что это были сладкія, но безумныя мечтанія.

— Вѣроятно о какой-нибудь женщинѣ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, было бы нескромно спрашивать далѣе.

— Ахъ, какъ прелестно! вскричалъ Освальдъ, перевернувъ страницу. — Какъ уютно прячется въ лѣсу этотъ домикъ! Точно стража изъ великановъ окружаютъ его эти сосны. Какъ покровительствующее божество простираетъ надъ нимъ букъ свои могущія вѣтви. Вьющіяся растенія ползутъ по немъ и цѣпляются за низенькія окна, какъ-будто желая сказать: ты нашъ! А какъ поэтически протекаетъ ручей между высокимъ кустарникомъ по душистому лугу на первомъ планѣ!—Это удивительно задумано, сказалъ онъ взглядывая на Мелиту.

— Такъ какъ вы съумѣли все отлично прочувствовать, то я сведу васъ сегодня-же на это мѣсто.

— Какъ, развѣ это не фантазія?

— Нимало! развѣ только утки, которыя прячутся въ кусты

Digitized by Google

отъ ястреба. Этотъ ручеекъ вытекаетъ изъ вашего волшебнаго озера.

— Стало-быть составляетъ продолженіе моего сна, сказалъ Освальдъ перевертывая страницу.

Прежде всего ему попался вырванный листъ. На немъ прекрасными смѣлыми штрихами нарисована было голова мужчины въ профиль. Въ уголкѣ выставлено было число и буквы А. О.

— Листочекъ можетъ потеряться, сказалъ Освальдъ.

— Пускай себѣ! отвѣчала Мелита.

Тонъ, которымъ она сказала эти слова, былъ такъ необыкновененъ, голосъ ея до того утратилъ свою обычную сладость, что Освальдъ невольно оборотился къ ней. Онъ увидѣлъ, что ея красивыя брови какъ-то болѣзненно сдвинулись и блѣдныя губы дрожали. Онъ тотчасъ опустилъ глаза и хотѣлъ перевернуть листъ. Мелита удержала его руку и тихо сказала:

— Какъ вы находите эту голову?

Цѣлая буря поднялась въ душѣ Освальда. Онъ хотѣлъ бы броситься къ ногамъ Мелиты и вскрикнуть: — Я вѣдь люблю тебя, Мелита! Какъ же ты хочешь слышать мое мнѣніе о человѣкѣ, котораго ты любила, можетъ быть еще любишь... Но онъ удержался и сказалъ съ притворнымъ спокойствіемъ:

— Это голова мужчины, къ которому, мнѣ кажется, шли-бы слова Тасса:

И собрались всѣ боги
Принести свои дары къ его колыбели,
Только не было, къ сожалѣнію, грацій.

— Этотъ человѣкъ никогда не будетъ счастливъ, потомучто никогда не захочетъ быть счастливымъ.

— Потому-то, сказала Мелита, этотъ человѣкъ и вырванъ изъ моей жизни, какъ этотъ листъ изъ альбома. Еслибы можно было уничтожить воспоминаніе также легко какъ этотъ листъ, то онъ бы уже не лежалъ здѣсь; но такъ какъ это невозможно, то пусть останется по старому. Дальше!

Буря утихла въ душѣ Освальда. Какъ сладкое вѣяніе весны, возникла въ ней мысль: она не сказала-бы тебѣ этого, еслибы не считала тебя достойнымъ своего довѣрія и своей дружбы. И онъ почувствовалъ себя невыразимо счастливымъ. Настала для него та высокая, торжественная минута, которая изрѣдка освѣщаетъ для человѣка ночь его жизни—та минута, въ которую раз-

Digitized by Google

верзаются небеса и сонмы ангеловъ вѣщаютъ нашему сердцу миръ, миръ, миръ!...

Въ такомъ блаженномъ настроеніи онъ перелистывалъ слѣдующіе рисунки, сдѣланные Мелитой во время путешествія по Италіи — ландшафты, эскизы городовъ, дворцовъ, улицъ, развалинъ, кое-гдѣ оживленное лицо лаццарони или меланхолическая головка дѣвушки.

Потомъ слѣдовали этюды съ антиковъ, иногда очень тщательные этюды, потомучто нѣкоторыя вещи были срисованы по нѣсколько разъ, пока не удовлетворили строгаго художественнаго чутья Мелиты. Въ особенности хороша была голова Венеры милосской. На одномъ изъ слѣдующихъ листковъ была и цѣлая фигура.

— Гдѣ срисовали вы это? спросилъ Освальдъ, не можетъ быть чтобы съ копіи?

— Нѣтъ, съ самаго оригинала. Въ Италіи я совсѣмъ было сдѣлалась католичкой, и когда увидала потомъ въ Парижѣ эту статую. то скааала себѣ: она, или никакая другая, будетъ для тебя святою. О, вы не повѣрите какъ она хороша! какъ хороша и милостива! и это выраженіе небесной доброты, которымъ эта богиня отличается отъ всѣхъ изображеній Венеры и даже отъ всѣхъ античныхъ головъ, тронуло меня еще болѣе чѣмъ ея божественная красота. Передъ Венерой милосской я въ первый разъ постигла какъ можно истинно, горячо молиться изображенію, сдѣланному человѣческими руками. Зачѣмъ вж такъ задумчиво опускаете голову? Вотъ карандашъ, напишите мнѣ подъ рисункомъ то что вы сейчасъ сочинили; я вижу по вашимъ глазамъ, что вы сочинили стихи.

Освальдъ взялъ карандашъ, который Мелита подавала ему полу-шутя, полу-серьезно, и дрожащей рукой началъ писать, между тѣмъ какъ прелестная женщина смотрѣла черезъ его плечо:

Fern zu Paris, im hohen Louvresaale, *)
In Mitten all' der göttlichen Gestalten,

---

*) Въ дальнемъ Парижѣ, въ высокой залѣ Лувра, между другими изваяніями божествъ, прекрасныхъ, но ахъ! и холодныхъ какъ мраморъ, высоко царитъ она на своемъ пьедесталѣ.

Она, которую въ тихой горной долинѣ, когда мечтательно спускался на землю

Digitized by Google

Der marmorschönen, ach! und marmorkalten,
Da thront sie hoch auf dem Piedestale;

Sie, die im stillverschwieg'nen Bergesthale,
Als träumerisch die duft'gen Nebel wallten,
Anchises einst in seinem Arm gehalten,
Bis sie entschwand im ersten Morgenstrale.

Die Göttin starb. Man fand die schöne Leiche,
Und trug sie still in heil'ge Tempelhallen.
So herrscht die Todte noch in ihrem Reiche.

Ach, aber keinem von den Gläub'gen allen
Neigt gütig sie das Angesicht, das bleiche;
Taub bleibt ihr Ohr für fromme Beter Lallen.

Освальдъ положилъ карандашъ и взглянулъ на Мелиту. Взгляды ихъ встрѣтились. Нѣсколько мгновеній они смотрѣли другъ на друга, какъ-будто каждый желалъ прочесть въ душѣ другого.

Тогда показался изъ двери, изъ которой уже нѣсколько времени слышался стукъ тарелокъ, старый Бауманъ и торжественно произнесъ:

— Кушать готово, сударыня!

— Ну скорѣе, не то кашица простынетъ! вскричала Мелита.

— Позвольте посмотрѣть еще два листочка; я вижу, что сейчасъ уже конецъ.

— Тамъ нѣтъ уже ничего интереснаго! сказала почти съ нетерпѣніемъ Мелита.

— О, да это паркъ въ Гренвицѣ, сказалъ Освальдъ, поднимаясь со стула и перевертывая послѣдній листъ... Площадь за замкомъ. Здѣсь Флора, тамъ бѣжитъ Бруно...

— А здѣсь вы!

— Гдѣ?

— Вотъ тутъ.

благоуханный туманъ, держалъ нѣкогда Анхизъ въ своихъ объятіяхъ, пока она не исчезла въ первомъ солнечномъ лучѣ.

Богиня умерла. Нашли прелестный трупъ и тихо снесли его въ святой храмъ. И теперь царитъ еще умершая въ его предѣлахъ.

Но ни къ кому изъ всѣхъ вѣрующихъ не склонитъ она милосердно своего блѣднаго лика; глухо всегда ея ухо къ лепету набожныхъ молельщиковъ.

Digitized by Google

— Эта полоса тумана? спросилъ Освальдъ, указывая на мѣсто подлѣ Флоры, гдѣ виднѣлися еще очерки фигуры, вытертой гумиластикомъ.

— Эта полоса тумана! отвѣчала смѣясь Мелита. Я хотѣла сначала нарисовать васъ въ вашемъ обыкновенномъ видѣ, но это не удалось. Теперь, вы должны присутствовать здѣсь въ видѣ лѣсного царя, который заманиваетъ Бруно; т. е. тѣло Бруно, потому что его душа принадлежитъ вамъ. Какъ это удалось вамъ сдѣлать совершенно ручнымъ молодого леопарда въ какіе-нибудь два дня?

— Малой толикой настоящей любви. Шекспиръ находитъ, что лучшее средство ловить людей, это лесть; а я нахожу, что любовь еще лучшая приманка и вдобавокъ гораздо болѣе благородная.

— А развѣ любовь не есть высшая степень лести?

Такъ толковали Освальдъ и Мелита, переходя въ смежную комнату, высокую, красивую, съ старинной мебелью, посрединѣ которой, на кругломъ столикѣ, аппетитно разставленъ былъ полдникъ. За однимъ изъ высокихъ креселъ, съ богатой рѣзьбою, стоялъ на вытяжкѣ старый Бауманъ, ожидая одобренія своихъ распоряженій и дальнѣйшихъ приказаній.

— Ну что-то насъ тутъ ожидаетъ? сказала усаживаясь Мелита и знакомъ руки приглашая Освальда послѣдовать ея примѣру.

— Холодное жаркое—маринадъ—отлично, Бауманъ! Мамзель разсердится, что мы безъ нея распорядились.

— Мамзель недавно воротилась изъ Фашвица, сказалъ Бауманъ, раскупоривавшій бутылочку у сосѣдняго стола.

— Готова держать пари, что она никуда и неуѣзжала, шепнула Мелита Освальду.—Что-же мы дадимъ пить нашему гостю, Бауманъ?

— Штейнбергеръ сорокадвухлѣтній, сказалъ Бауманъ, наполняя стаканъ Освальда золотистымъ виномъ.

— А мнѣ?

— Свѣжей ключевой воды съ малиновымъ сыропомъ, хладнокровно отвѣчалъ Бауманъ, ставя бутылку передъ Освальдомъ.

— Ну, сегодня мнѣ этого мало, Бауманъ? А нѣтъ-ли у насъ шампанскаго?

— Все вышло, сударыня.

— Но, мы недавно получили цѣлый ящикъ?

Digitized by Google

— Онъ еще не раскупоренъ въ погребѣ?

— Ахъ, это ужасно жаль. А я, какъ нарочно, умираю отъ жажды и именно сегодня ужасно хотѣла-бы выпить шампанскаго.

— Ну, ну! утѣшалъ ее Бауманъ, это можно будетъ устроить. И онъ замаршировалъ къ двери.

— Видите, въ своемъ собственномъ домѣ я должна выпрашивать каждую вещь; но вы ничего не кушаете! Что это за кусокъ вы взяли! Самый худшій изъ цѣлаго блюда. Господи! какіе эти мужчины непрактичные люди! Я вижу что мнѣ придется о васъ позаботиться.

И не смотря на увѣренія Освальда, что онъ вовсе не голоденъ, она начала накладывать ему на тарелку все что было лучшаго на столѣ.

— У васъ нѣтъ апетита! сказала она почти печально, замѣтивъ что Освальдъ и теперь едва коснулся кушанья. Не больны ли вы?

— Никогда въ жизни я не чувствовалъ себя лучше. Но развѣ вамъ не случалось быть въ такомъ состояніи, когда ѣда и питье бываютъ самыми ненужными вещами и самые боги, которые нуждались въ нектарѣ и амброзіи, кажутся намъ жалки?

— О, разумѣется, мнѣ знакомо подобное состояніе, отвѣчала Мелита. Такъ было со мною, когда тетка въ первый разъ повезла меня на балъ, но это было давно; съ тѣхъ поръ, на сколько мнѣ извѣстно, мое настроеніе духа никогда не отражалось на апетитѣ.

Не смотря на это хвастовство, Мелита взяла со стола только нѣсколько маринованныхъ плодовъ. Огонь, отъ котораго выше вздымалась ея грудь и еще нѣжнѣе блистали глаза, не нуждался для своей поддержки въ дарахъ Цереры.

Въ первый разъ послѣ обѣда, разговоръ какъ-то не пошолъ на ладъ. О томъ что наполняло душу, ни одинъ не осмѣливался заговорить, а все остальное казалось такъ безцвѣтно, такъ мелочно! Оба почувствовали, что приходитъ минута, когда невидимая рука сниметъ съ обоихъ маски. Когда мы слышимъ въ раю голосъ бога любви, то прячемся отъ него и не отвѣчаемъ на его вопросы: гдѣ ты?

Изъ этого неловкаго положенія, вывелъ ихъ Бауманъ, который принесъ шампанское въ серебряной вазѣ и поставилъ передъ Освальдомъ. Какъ могло оно очутиться такъ скоро изъ погреба и *крѣпко-накрѣпко* закупореннаго ящика уже на столѣ,

Digitized by Google

была загадка стараго Баумана, которой онъ вполнѣ разсчитывалъ обмануть каждаго. Съ доброй улыбкой смотрѣлъ онъ какъ его молодая госпожа почти съ жадностью опорожнила бокалъ и протягивая его обратно, сказала: Encore! Бауманъ, и самъ выпей за здоровье нашего гостя!

Старикъ сдѣлалъ какъ ему было сказано, налилъ въ буфетѣ стаканъ и подойдя къ столу сказалъ:

— Сперва за ваше здоровье, сударыня, потомучто оно для меня прежде всего. И дай Боже, чтобы ваши глазки всегда такъ радостно блестѣли какъ въ эту минуту! А теперь и за ваше здоровье, молодой баринъ! И да благословитъ Богъ ваше вступленіе въ этотъ домъ, такъ чтобы изъ него не вышло ничего кромѣ мира и радости. Этого желаетъ вамъ старый Бауманъ!

Проговоривъ это, онъ началъ медленно потягивать вино, закидывая назадъ голову, пока она не пришлась наконецъ совершенно напротивъ головы херувима на потолкѣ. Поставивъ стаканъ на мѣсто, онъ подошолъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него, чтобы не мѣшать своимъ присутствіемъ молодой парѣ.

Присутствіе слуги и оживляющее вино снова развязало имъ языки и придало смѣлости: они повидимому очень развязно болтали о разныхъ незначительныхъ предметахъ, пока Освальдъ не напомнилъ Мелитѣ обѣщанія сводить его въ этотъ-же день посмотрѣть домикъ въ лѣсу.

— Развѣ я вамъ это обѣщала? сказала Мелита. Въ такомъ случаѣ нужно исполнить, хотя теперь мнѣ это нѣсколько тяжело, потомучто вы не вѣрите въ мою богиню и слѣдовательно недостойны входить въ ея капеллу.

— Въ вашу богиню?

— Да Венеру милосскую. Нужно вамъ разсказать до чего доходило мое увлеченіе этой богиней. Воспоминаніе о статуѣ въ Луврѣ не давало мнѣ покоя, пока я не выписала изъ Парижа за весьма не малую сумму отличнѣйшую копію. Такъ какъ я не дерзнула внести въ домъ свою святую, то и поставила ее въ домикѣ въ лѣсу, который сдѣлался такимъ образомъ моей капеллой, отъ которой я всякій разъ теряю ключь, когда пріѣзжаетъ въ Берковъ кто-нибудь посторонній. Въ ней я провожу иногда цѣлые дни и ночи, когда глупые люди слишкомъ меня раздосадуютъ и я, за неимѣніемъ того общества, которое-бы меня удовлетворяло, желаю быть по крайней мѣрѣ совершенно одна.

Digitized by Google

— И на опытѣ убѣждаетесь, какъ арфистъ въ Вильгельмѣ Мейстерѣ, что: «тотъ кто предается одиночеству, вскорѣ остается одинъ»; въ васъ менѣе чѣмъ въ комъ-нибудь я предполагалъ такія ипохондрическія причуды.

— Почему же именно во мнѣ?

— Потомучто вы такъ мило и ясно смотрите... можете смотрѣть.

— А развѣ вы не знаете, что именно ясные глаза и плачутъ всего болѣе.

— Ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы я видѣть васъ плачущею; кажется, это навсегда отучило бы меня смѣяться.

И опять ихъ взгляды слились на долгое мгновеніе.

— Ну, пойдемте же! сказала Мелита.

— Гроза собирается, замѣтилъ старый Бауманъ, не отворачиваясь отъ окна.

— Мы еще успѣемъ дойти, пока она соберется, сказала Мелита, — и если вы столько-же боитесь грозы, какъ я—или, можетъ быть вы ея боитесь?

Освальдъ усмѣхнулся.

— Ну, такъ это не должно насъ задержать. Впрочемъ, я не вижу и признаковъ грозы, сказала она, подойдя уже къ садовой двери.

Въ эту минуту синеватая тѣнь налегла на садъ и стая ласточекъ пронеслась съ крикомъ мимо двери.

— Не лучше ли остаться, сказала Мелита, обращаясь къ Освальду.

— Я не боюсь грозы, отвѣчалъ Освальдъ, и посмотрѣлъ не на небо, а въ ея глаза.

— А въ лѣсу особенно хорошо во время грозы и бури! вскричала Мелита.—Adieu, Бауманъ! Когда пріѣдетъ экипажъ изъ Гренвица, пусть проѣдетъ къ лѣсничему. Кучеръ можетъ прислать сказать въ лѣсной домикъ.

Бауманъ смотрѣлъ вслѣдъ уходившимъ, пока совсѣмъ не исчезло изъ вида бѣлое платье Мелиты.

Тотъ кто увидѣлъ-бы на порогѣ этого высокаго старика съ сѣдой бородой и изрубленнымъ лицомъ, съ сложенными на груди еще сильными руками, задумчиво глядящаго вдаль умными глазами, тотъ нашолъ-бы, что трудно выбрать лучшаго стража. Но увы, домъ былъ пустъ; любимая госпожа ушла изъ него ве-

Digitized by Google

черомъ, обѣщающимъ грозу, съ чужимъ человѣкомъ, котораго знаетъ только со вчерашняго дня. И вѣрный слуга глубоко вздохнулъ, съ опущенной головой проходя залу и медленно принимаясь сбирать со стола.

— Чуть чуть прикоснулись къ божьимъ дарамъ, бормоталъ онъ,—это мнѣ не нравится. Когда у молодыхъ людей нѣтъ охоты къ ѣдѣ, значитъ дурь бродитъ въ головахъ. А вина тоже только попробовали. Бутылка почти полна, а завтра ужь она не будетъ годиться... завтра... Старикъ сѣлъ за столъ и опустилъ на руку свою сѣдую голову. Но молодой народъ не думаетъ о завтрашнемъ днѣ. Завтра молодой гость, съ своимъ мягкимъ голосомъ и большими голубыми глазами, будетъ опять въ Гренвицѣ; а кто знаетъ, гдѣ онъ будетъ послѣзавтра. Но старый Бауманъ будетъ здѣсь завтра и послѣзавтра; и когда гости уѣдутъ, въ домѣ пойдетъ все вверхъ дномъ... Да, да, старый Бауманъ видитъ то чего другіе не видятъ и слышитъ чего другіе не слышатъ. — Ахъ, Бауманъ, какъ мнѣ хочется умереть! Ахъ Бауманъ, зачѣмъ ты меня вытащилъ тогда изъ огня! Теперь она говоритъ: я не боюсь грозы и пришли только Бауманъ за ними экипажъ! Гм! гм! этого бы мнѣ не слѣдовало допускать; нужно-бы было отвести ее къ сторонкѣ и сказать: послушай дитя, такъ и такъ! подумай о томъ и о семъ!.. Но когда я вижу свою малютку такой-же веселой, какъ въ то время, какъ я училъ ее бывало ѣздить на пони... Когда она бывало скажетъ: пожалуйста Бауманъ пошибче, я никогда не могъ удержаться, чтобъ не погнать во весь карьеръ. Именно такіе-же большіе, блестящіе глаза были у нея и сегодня, и она была точно такая-же розовая и свѣжая! Бѣдное бѣдное дитя!

— Да, я вѣдь хотѣлъ покрѣпче припереть окна, вѣдь гроза будетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Веселые, какъ дѣти, шли Освальдъ и Мелита къ воротамъ ведущимъ изъ сада въ поле. За нѣсколько покатымъ лугомъ вид-

Digitized by Google

нѣлся лѣсъ. Около самыхъ воротъ былъ почти заглохшій, обсаженный ивами прудъ, такъ какъ вода лѣсного ручья отдыхала на этомъ удобномъ мѣстѣ, чтобы весело бѣжать и плескаться потомъ черезъ дворъ по деревнѣ. Лугъ тоже отчасти обратился въ болото, а весною и вовсе покрывался водою. Теперь большіе камни служили переправой черезъ слишкомъ сырыя мѣста.

— Дорога должна показаться немного черезчуръ сельскою городскому жителю, неправда-ли, г. докторъ? сказала Мелита, съ легкостью газели перескакивая съ камня на камень, между тѣмъ какъ онъ остановился на одномъ изъ камней и снялъ шляпу, чтобы отереть лобъ. Воздухъ былъ удушливъ, свинцовая тѣнь прошла мимо, а солнце, стоящее на краю лѣса, палило своими лучами, ктому же они шли очень скоро. — Мы, дѣти природы, конечно къ ней привыкли. Я могла-бы провести васъ дальней дорогой черезъ паркъ и лѣсъ; но вы должны узнать Берковъ и съ темныхъ его сторонъ.

— Ну, если это *темная* сторона, сказалъ Освальдъ, то какже жарко бываетъ на свѣтлой?

— Ужь и устали! сказала Мелита тоже снимая шляпу, чтобы отбросить назадъ роскошные каштановые волосы; пойдемте-ка, чѣмъ скорѣе побѣжимъ, тѣмъ раньше будемъ въ прохладномъ лѣсу. Разъ, два, три! Кто прежде.

— Тому что будетъ?

— Увидимъ. Разъ, два, три! охъ!...

Мелита перепрыгнула съ одного камня на другой и съ болѣзненнымъ крикомъ опустилась на колѣни. Въ одну секунду, Освальдъ былъ подлѣ нея.

— Господи! что это съ вами?

— О, ничего, ничего! у меня неловко подвернулась нога когда я прыгала, это сейчасъ пройдетъ.

Она блѣдная оперлась на руку Освальда, закусивъ отъ боли нижнюю губу. Но румянецъ снова появился на ея лицѣ, когда она взглянула на Освальда.

— Не безпокойтесь—сказала она, и ея голосъ сдѣлался слаще чѣмъ когда либо—теперь, вы непремѣнно выиграете пари! Ну, вотъ и прошло!—и она хотѣла высвободить свою руку, но онъ не разсчитывалъ такъ скоро разстаться съ прелестной добычей.

— Вы еще не можете идти не хромая. Не лишайте же меня возможности оказать вамъ эту ничтожную услугу?

Digitized by Google

— Но эта дорога, въ такую жару, уже и такъ достаточно утомительна для васъ. О!

— Мелита опять оступилась.

— Намъ придется остановиться, сказала она.

— Позвольте мнѣ донести васъ шага два до лѣса; тамъ вы отдохнете въ тѣни.

Мелита засмѣялась.

— Я вѣдь не кукла, не легонькая.

— А я не слабъ, какъ десятилѣтняя дѣвочка, сказалъ Освальдъ, приподнялъ Мелиту и осторожно понесъ ее, какъ мать ребенка, черезъ послѣдніе камни на опушку лѣса, гдѣ высокіе буки обѣщали прохладу. Тамъ, онъ тихонько опустилъ ее на мягкій мохъ и остановился передъ нею.

Мелита не стала сопротивляться, когда Освальдъ взялъ ее на руки; она тотчасъ почувствовала, что онъ въ состояніи ее снести, но ей казалось необходимымъ облегчить для него трудъ насколько возможно, и она крѣпко прижалась къ нему.

— Какой вы сильный! сказала она, глядя на него съ удивленіемъ.

У Освальда билось сердце и поднималась грудь, больше отъ внутренняго волненія, нежели отъ напряженія. Онъ еще чувствовалъ прикосновеніе ея стройнаго тѣла, ея волосъ, касавшихся его лица, сладкаго дыханія долетавшаго до его лба.

— Трудно было бы не имѣть достаточно силы въ настоящемъ случаѣ, сказалъ онъ.

— Но признайтесь, вы все-таки утомились! Садитесь рядомъ со мною; на этомъ зеленомъ диванѣ будетъ мѣста больше чѣмъ для двоихъ.

Освальдъ опустился на мягкій мохъ подлѣ Мелиты, прислонившейся къ дереву, подперъ голову рукою и сталъ смотрѣть на ея ясное лицо. Неужели приближается исполненіе сна на болотѣ? Склонится ли къ нему милое лицо съ поцѣлуемъ или это опять сонъ?... Освальдомъ овладѣло странное чувство. Онъ какъ будто уже прежде пережилъ нѣчто подобное, какъ будто и самое мѣсто ему знакомо. Здѣсь высокій лѣсъ, изъ котораго долетаетъ долбленіе дятла, передъ нимъ лугъ, по которому переливается красноватый вечерній свѣтъ, дальше тихій садъ съ выглядывающимъ изъ него сѣрымъ замкомъ Мелиты: все это онъ видѣлъ давно, давно!... Даже сама Мелита была ему какъ будто знако-

Digitized by Google

ма, когда онъ, еще мальчикомъ, до того зачитывался прекрасной сказки, что наконецъ прекрасная принцеса являлась у него передъ глазами... Вѣроятно и Мелита ощущала нѣчто подобное, потомучто совсѣмъ непринужденно, какъ будто онъ ея братъ или мужъ, она сняла съ него шляпу и прикладывала свой тонкій, душистый платокъ къ его вспотѣвшему лбу и задумчивымъ глазамъ.

Освальдъ схватилъ милую руку и прижалъ ее къ губамъ.

— Руку я, конечно, долженъ буду возвратить вамъ, но отдать платка рѣшительно не могу.

— Ну такъ сохраните его въ память нынѣшняго дня. А теперь пойдемте дальше. Намъ еще остается порядочное разстояніе до капеллы, а небо въ самомъ дѣлѣ становится грознымъ.

Мелита взяла руку Освальда и отправилась по узенькой тропинкѣ въ глубину лѣса. Солнце бросало послѣдніе лучи на верхушку елей, какая-то птичка жалобно пѣла вечернія пѣсни, какъ бы прощаясь съ солнцемъ и жизнью. — Вдругъ солнце скрылось, птичка замолкла и влюбленные очутились во тьмѣ и тишинѣ. Тьма становилась все гуще и гуще, тишина нарушилась трескомъ и стономъ громадныхъ елей, которыя наклоняли и расправляли свои могучіе члены какъ бы желая убѣдиться достанетъ ли у нихъ силы переупрямить грозу, скопляющуюся надъ лѣсомъ. Въ кустахъ зашелестило, сухой листъ полетѣлъ, какъ бы спасаясь отъ вѣтра, который свисталъ въ морѣ листьевъ, какъ безумный сшибалъ другъ съ другомъ вершины буковъ, преклонялъ высокія ели и будилъ лѣсъ во всѣхъ его убѣжищахъ. Блеснула молнія; сквозь листья уже пробралось нѣсколько теплыхъ капель.

Мелита крѣпко прижалась къ Освальду, котораго сердце ликовало съ бурей. Одной рукой прижимая къ себѣ любимую женщину, онъ протянулъ другую, какъ бы вызывая бурю на бой.

— Не боюсь я тебя! Ну, сильнѣе! еще!

— Неужели ваша храбрость уже пропала! О, вѣдь какъ хорошо въ лѣсу во время грозы и грома!

Мелита не говорила ни слова; не поднимая даже глазъ, она поспѣшно шла впередъ, пока не открылась передъ ними поляна и молнія не освѣтила лѣсной капеллы. Еще два шага, и они были подъ крышей выстроеннаго въ швейцарскомъ стилѣ домика. Мелита быстро взошла на ступеньки, которыя вели на ни-

Digitized by Google

зенькую веранду, вынула изъ кармана ключь, но вмѣсто того чтобы отпереть дверь, дрожа прислонилась къ стѣнѣ. Она была очень блѣдна; силы ея казалось совсѣмъ истощились; она прижала руку къ груди. Въ такомъ положеніи увидѣлъ ее Освальдъ, когда отвелъ глаза отъ потемнѣвшаго отъ дождя луга—картины, которая его въ высшей степени привлекала.

— Господи, что такое случилось! Что съ вами!

— О ничего, ничего! сказала она, ободрившись при первомъ звукѣ его голоса,—это отъ скорой ходьбы; теперь мнѣ уже лучше, пойдемте!

Она отворила дверь и вошла; Освальдъ пошолъ за нею, но отступилъ назадъ, когда въ полумракѣ комнаты увидѣлъ бѣлую фигуру, какъ будто отдѣлившуюся отъ стѣны.

— Что это! вскричалъ онъ въ первую минуту испуга.

— Что? сказала Мелита, которая отворяла окно, чтобы впустить струю чистаго воздуха въ наполненную запахомъ цвѣтовъ комнату.

— Венера милосская! вскричалъ Освальдъ съ восторгомъ.

— Да, моя богиня; вѣдь я вамъ говорила. Ну, какъ вы находите мою капеллу?

Это была не слишкомъ большая, но пропорціонально высокая комната; направо и налѣво окна, выходящія на веранду; противъ двери, въ нишѣ, стояла статуя богини. Удобная садовая мебель, длинное кресло, столъ съ книгами, бумагами и принадлежностями рисованья, на немъ же въ поэтическомъ безпорядкѣ начатая работа, хлыстъ и перчатки.

— Очень вы промокли? спросила Мелита, бросая на столъ шляпу, не дождавшись отвѣта на первый вопросъ. Потомъ продолжала:

— Отойдите же отъ окна, вы простудитесь. Подите сюда, или нѣтъ! сядьте на это кресло и отдыхайте!

— Еслибы я могла что нибудь для васъ сдѣлать! Да, правда я могу дать вамъ чаю. Гдѣ только найти приборъ? Здѣсь—нѣтъ, тамъ въ шкапу.

— Все это она проговорила торопливо, точно побуждаемая какой-то внутренней тревогой и расхаживая скорыми шагами по комнатѣ.

Освальдъ взялъ ее за руку.

— Позаботьтесь прежде о себѣ; мнѣ ужь конечно не сдѣлаютъ вреда нѣсколько капель дождя. Ваше платье совсѣмъ отсырѣло,

Digitized by Google

а ваши тонкія ботинки не устоятъ даже противъ порядочной росы.

— О, моему горю легко помочь. Я здѣсь найду все что мнѣ нужно.

— Здѣсь?

— Вѣдь я вамъ говорила, что иногда остаюсь ночевать здѣсь. Та маленькая дверь ведетъ въ мою гардеробную.

— Ну такъ идите сейчасъ-же и переодѣньтесь!

Мелита высвободила свою руку изъ рукъ молодого человѣка, пошла, не возражая ни слова и исчезла въ дверь подлѣ статуи, дверь, которую Освальдъ только въ эту минуту замѣтилъ.

Онъ бросился въ одно изъ креселъ и сжалъ голову руками, потомъ тотчасъ всталъ, высунулся въ окно и безсознательно началъ смотрѣть на дождь и бурю: потомъ, тревожно сталъ ходить по комнатѣ, наконецъ упалъ на колѣни передъ пьедесталомъ богини и прикоснулся пылающимъ лбомъ къ ея мраморнымъ ногамъ.

Шелестъ платья подлѣ него вывелъ его изъ лихорадочнаго забытья.

— Мелита! вскричалъ онъ со слезами блаженства, — Мелита!

Она наклонилась къ нему и нѣжно поцѣловала его въ лобъ; потомъ, тотчасъ отошла прочь, бросилась въ кресло и такъ зарыдала, точно у нея разрывалось сердце.

Освальдъ бросился передъ ней на колѣни, цѣловалъ ея платье, ея руки. — Мелита! милая, дорогая, не плачь! Какъ можешь ты плакать въ то время какъ дѣлаешь меня невыразимо счастливымъ! Мелита! милая, милая, милая Мелита! Твои слезы убиваютъ меня! Возьми лучше по каплямъ всю кровь моего сердца. Моя жизнь, моя душа принадлежитъ тебѣ! Мелита, за эти минуты, я буду тебѣ благодаренъ вѣчно, слышишь, Мелита, вѣчно!

— Ради самого Бога, не клянись, вскричала Мелита вскакивая и закрывая ему ротъ рукою. Потомъ схватила его голову и страстно цѣловала его въ лобъ, глаза и губы.

Потомъ, опять вскочила и тревожно заходила по комнатѣ. — Боже мой! Боже мой! простонала она, ломая руки. Она побѣжала къ двери, но, не дойдя до нея, пошатнулась. Освальдъ поддержалъ ее, принесъ на диванъ, покрывалъ горячими поцѣлуями ея холодныя руки и дрожащія губы; радостный крикъ вырвался изъ его стѣсненной груди, когда она опять пошевелилась.

Она нѣсколько приподнялась и, устремивъ на него глаза пол-

Digitized by Google

ные безконечной любви, сказала тихо—тихо и твердо, какъ больной, который спрашиваетъ доктора жить ему или умереть.

— Освальдъ, послушай! Любишь ты меня теперь, въ эту минуту, какъ ты способенъ полюбить женщину?

— Да, Мелита!

— Ну, Освальдъ, такъ я люблю тебя—теперь и вѣчно!

Гроза утихла; тихо отдыхалъ освѣжившійся дождемъ лѣсъ, а надъ лѣсомъ зажглась на пурпуровомъ вечернемъ небѣ свѣтлая звѣзда, Венера.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Кому не случалось проѣзжать когда-нибудь раннимъ утромъ по городскимъ улицамъ? Солнце уже золотитъ верхушки церквей, воздухъ живителенъ и прохладенъ, птицы поютъ на липахъ передъ домами на площади...природа проснулась во всей утренней прелести...а люди лежатъ еще въ узахъ сна, въ душныхъ, темныхъ комнатахъ. Проѣзжающій не можетъ понять какъ это ни одинъ ставень не отворится, ни одно радостное лицо не выглянетъ полюбоваться съ нимъ прелестнымъ утромъ.

...Тоже самое чувствуетъ и влюбленный, только-что убѣдившійся въ взаимности; онъ смотритъ на все восторженными глазами и готовъ-бы былъ прижать къ сердцу и людей и растенія. Но растеніямъ нѣтъ до него ни малѣйшаго дѣла, а люди ходятъ все съ тѣми-же заспанными или омраченными заботой будничными лицами. Солнце его любви, пробудившее его къ новой жизни, не имѣетъ для другихъ ни тепла, ни свѣта въ темномъ, душномъ жилищѣ ихъ безрадостнаго существованія.

Такъ чувствовалъ себя Освальдъ, когда проснулся на слѣдующее утро послѣ короткаго, безпокойнаго сна, пролившагося какъ мутная вода Леты на воспоминанія прошедшаго дня. Но въ душѣ остаются воспоминанія, которыя не можетъ изгладить никакой сонъ, кромѣ послѣдняго вѣчнаго; потому-то, лишь только онъ открылъ глаза, въ душѣ его съ совершенной ясностью возсталъ

Digitized by Google

образъ прелестной женщины. Что было до той минуты, когда предсталъ ему въ полусвѣтѣ образъ Венеры, онъ позабылъ совершенно; что произошло послѣ, когда онъ въ послѣдній разъ обнялъ Мелиту, провожавшую его лѣсомъ до экипажа, тоже помнилось какъ-то смутно. Но поцѣлуи еще горѣли на его губахъ, но сладкое дыханіе, сливавшееся съ его дыханіемъ, еще носилось вокругъ него; но полные любви глаза, утопавшіе въ его глазахъ, еще сіяли передъ нимъ. О эти глаза, эти безконечно нѣжные, пламенно страстные глаза! Какъ двѣ блестящія звѣзды, которыхъ не можетъ затмить даже утренняя заря, они свѣтились, мерцали и преслѣдовали его всюду. Онъ видѣлъ ихъ засыпая, видѣлъ ихъ утромъ глядя въ окно на свѣтлое утреннее небо; видѣлъ ихъ, когда опустилъ глаза на голубоватую тѣнь, лежавшую между деревьями, въ тихомъ, влажномъ отъ росы саду. Ему хотѣлось и заплакать и громко вскрикнуть отъ какого-то болѣзненнаго блаженства, какъ-будто все его существо должно было разлиться звукомъ и исчезнуть въ гармоніи вселенной.

Бываютъ минуты, когда наше тѣло является намъ помѣхой. Мы хотѣли-бы улетѣть, а пресмыкаемся на землѣ; хотѣли-бы излить словами то море ощущеній, которое бушуетъ въ нашей груди, а языкъ намъ не повинуется; хотѣлось-бы быть совершенно другимъ, а остаемся самими собою. О, эта мука равняется той, когда мнимоумершій видитъ какъ ему приготовляютъ гробъ и не можетъ шевельнуть пальцомъ, раскрыть рта, чтобы сказать; вѣдь я живъ!.. Освальдъ пришолъ на цыпочкахъ въ комнату мальчиковъ; ему хотѣлось хоть взглянуть на милое ему лицо, на лицо Бруно. Первый свѣтъ зари проникалъ сквозь опущенныя гардины; въ комнатѣ было ощутительно прохладно. Бруно опять по своей забывчивости, оставилъ окно раствореннымъ цѣлую ночь. Освальдъ заперъ его, потомучто утренній воздухъ былъ свѣжъ, а лицо Бруно горѣло подъ вліяніемъ безпокойнаго сна. Опять онъ лежалъ какъ въ ту первую ночь, когда увидѣлъ его Освальдъ, съ крещенными на груди руками и мрачнымъ, демонскимъ выраженіемъ. Но, когда Освальдъ поцѣловалъ его въ лобъ, глаза его не раскрылись радостно, какъ тогда; губы не прошептали трогательныхъ словъ: я полюбилъ тебя! темныя брови сдвинулись еще болѣе и мрачная улыбка проскользнула по губамъ. Во всякое другое время Освальдъ приписалъ-бы это случайности, но теперь, при его мягкомъ настроеніи, ему стало больно. Вѣрно онъ еще

Digitized by Google

сердится, что я вчера оставилъ его дома! Не предчувствуетъ-ли онъ, что со вчерашняго дня уже неполнѣ принадлежитъ ему вся моя любовь? А впрочемъ, развѣ я не больше еще люблю его теперь? Онъ отвелъ со лба темные волосы мальчика, поправилъ одѣяло и также тихо вышелъ изъ комнаты. Имъ овладѣло смутное предчувствіе какого-то горя, которое ожидаетъ его. Бруно и пожалуй *ee!* и онъ поспѣшилъ въ садъ, чтобъ тамъ дышать свободнѣе и началъ бродить по полусвѣтлымъ алеямъ, стряхивать росу съ деревьевъ на свое пылающее лицо и смотрѣть мрачными глазами въ добрые, дѣтскіе глаза цвѣтовъ. На грядахъ работалъ уже садовникъ; слава-богу, живое существо! Освальду нужно было услышать человѣческій голосъ; онъ заговорилъ съ садовникомъ; началъ освѣдомляться, женатъ-ли онъ? есть ли у него дѣти? любитъ ли онъ своихъ дѣтей? На все это онъ получилъ тѣ уклончивые отвѣты, какіе обыкновенно даютъ люди, хотя и столь-же глубоко чувствующіе какъ образованные, но нерѣдко кажущіеся совершенно безчувственными отъ непривычки анализировать и выражать словами свои чувства. Садовникъ сдѣлался гораздо краснорѣчивѣе, когда разговоръ перешолъ на растенія, которыя отлично всходили въ эту прекрасную погоду, съ яркимъ солнышкомъ и теплыми грозовыми дождями. Но Освальдъ слушалъ его вполовину и, недавши договорить до конца, вдругъ раскланялся и ушолъ. Старикъ подумалъ, покачалъ ему вслѣдъ головою и снова принялся копать грядки. Освальдъ продолжалъ поспѣшную прогулку по саду, но вскорѣ ему стало тѣсно въ этомъ огороженномъ валомъ пространствѣ. Онъ вышелъ въ поле, оттуда въ лѣсъ, все дальше и дальше, убѣгая отъ бури закипавшей въ его груди.

Такъ онъ вышелъ изъ перелѣска на большой мѣловой берегъ, и передъ нимъ далеко, безконечно потянулось святое, вѣчное море. Тамъ, вдали, блестѣли бѣлые гребни волнъ, которыя безъ устали, съ страшнымъ громомъ, прибѣгали и разбивались у его ногъ — волна за волной, все новыя, безчисленныя, чудныя волны. Ни одного паруса не виднѣлось на безконечномъ пространствѣ; только совсѣмъ на горизонтѣ вился столбъ дыма отъ востока на западъ. Дымъ этотъ выходилъ изъ трубы парохода, Богъ вѣсть куда и зачѣмъ держащаго свой одинокій путь.

Высоко, въ голубомъ воздухѣ, морской орелъ описывалъ плав-

Digitized by Google

ные круги и поднимался все выше и выше, пока не сталъ казаться Освальду чорной точкой въ пространствѣ.

Но даже великолѣпный видъ моря не могъ въ этотъ день удовлетворить его души. Океанъ не такъ обширенъ и не такъ глубокъ какъ человѣческое сердце, и какъ ни пріятна была Освальду музыка разбивающихся волнъ, онъ за нѣсколько часовъ передъ этимъ слышалъ еще болѣе сладкую музыку. Только одному орлу онъ позавидовалъ. Взмахнешь еще одинъ разъ своими могучими крыльями и очутишься надъ полями и лѣсомъ имѣнія Мелиты!

Онъ поспѣшно отправился назадъ въ замокъ; оттуда, съ башни вѣроятно можно увидѣть ея жилище? Дѣйствительно, онъ едва не вскрикнулъ отъ радости, когда за лѣсомъ, показалась кровля ея дома. Его обнялъ какой-то сладостный трепетъ какъ будто онъ прикоснулся къ краю ея одежды. — Въ любви, какъ и въ религіи, все имѣетъ мистическій характеръ. Почему вѣрующему отрадно обращать къ востоку лицо? Почему влюбленному сладко указать хоть рукою на то мѣсто, гдѣ живетъ его возлюбленная?

Наступило время давать урокъ; Освальдъ пошолъ въ свою комнату, но не засталъ тамъ мальчиковъ, которые противъ обыкновенія сошли внизъ къ завтраку. Его собственный завтракъ стоялъ на столѣ.

Онъ тихонько постучалъ въ дверь и въ нему вышелъ старый баронъ съ кипой бумагъ въ рукахъ. Поздоровавшись и извинившись въ своемъ неожиданномъ посѣщеніи (онъ входилъ къ Освальду еще въ первый разъ послѣ его пріѣзда) онъ сказалъ:

— Вы могли бы оказать намъ (онъ никогда не говорилъ *мнѣ*, потомучто не могъ вообразить себя безъ своей супруги) большую услугу, г. докторъ.

— Вѣроятно дѣло идетъ о тѣхъ бумагахъ, которыя вы принесли съ собою, г. баронъ?

— Да, именно. Вы знаете, что контракты Гренвица и Станцова кончаются въ день Св. Мартина. Намъ хотѣлось бы перемежевать эти земли, такъ какъ планъ ихъ, сдѣланный двадцать пять лѣтъ назадъ, очень невѣренъ. Первое письмо, которое мы попросимъ васъ написать, будетъ къ нашему землемѣру, Альберту Тиммy въ Грюнвальдѣ. Вы попросите его пріѣхать сюда для предварительныхъ совѣщаній. Второе письмо будетъ къ на-

Digitized by Google

нему адвокату, тоже въ Грюнвальдъ. Анна-Марія желаетъ пересмотрѣть контракты. Вотъ копія съ теперешняго. Анна-Марія означила на поляхъ что мы желаемъ въ немъ передѣлать. Если бы вы потрудились написать еще это... Впрочемъ не будетъ ли ужъ слишкомъ много.

— Не безпокойтесь, г. баронъ. Когда нужны вамъ эти письма?

— Если можно, сегодня къ обѣду. Я уже сказалъ мальчикамъ, что возьму ихъ съ собой въ Стантовъ. Вы ничего не имѣете противъ этого?

— Я думаю, что эдакъ будетъ всего лучше.

— Ну, такъ прощайте, любезнѣшій докторъ, и извините, что мы затрудняемъ васъ этими вещами. Но вы знаете, Анна-Марія...

— Сдѣлайте одолженіе, г. баронъ.

Тотъ, кто находился въ такомъ же настроеніи какъ Освальдъ въ это утро и кому въ эти минуты предлагали такое въ высшей степени прозаическое занятіе, тотъ пойметъ, что какъ только баронъ вышелъ изъ комнаты Освальдъ съ презрѣніемъ отбросилъ пакетъ въ уголъ.

Онъ бросился на диванъ и закрылъ глаза, чтобы помечтать о Мелитѣ. Но чѣмъ усерднѣе старался онъ представить себѣ ея личико, тѣмъ назойливѣе являлось передъ нимъ морщинистое лицо барона. Потомъ баронъ преобразился въ смуглую графиню, еще немного спустя, пасторъ Егеръ дѣлалъ ему гримасы и наконецъ явился посреди комнаты Бруно въ длинной бѣлой одеждѣ. Освальдъ хотѣлъ засмѣяться надъ этимъ маскарадомъ, но когда взглянулъ въ лицо мальчика, то смѣхъ замеръ на его губахъ; ужасъ охватилъ его, волосы стали дыбомъ: восковая блѣдность лица такъ рѣзко оттѣняемая чорными волосами, что-то особенное въ выраженіи этихъ остановившихся, но тѣмъ не менѣе говорящихъ глазъ... это былъ не Бруно, это была смерть олицетворенная въ дорогомъ образѣ Бруно... Съ дикимъ крикомъ вскочилъ Освальдъ съ мѣста. Страшное видѣніе исчезло, но еще нѣсколько минутъ молодой человѣкъ не могъ убѣдиться, что это дѣйствительно было видѣніе: такъ ясно онъ видѣлъ съ закрытыми глазами каждую мебель въ комнатѣ, лучъ солнца падающій изъ окна, пылинки, летавшія въ этомъ лучѣ... все, все.

Въ это время послышалось хлопанье бича и шумъ колесъ по песку передъ порталомъ замка. Баронъ уѣзжалъ съ мальчиками.

Освальдъ началъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Digitized by Google

— Почему именно сегодня этотъ страшный призракъ! Неужели Бруно долженъ умереть прежде меня, для того чтобы я могъ любить Мелиту? Развѣ невозможно въ одно и тоже время съ одинаковымъ жаромъ любить брата и возлюбленную? Развѣ человѣческое сердце такъ тѣсно, что одно ощущеніе должно непремѣнно вытѣснить другое? Развѣ невѣрность есть законъ природы?

Молодой человѣкъ нѣсколько успокоился, но прелесть лѣтняго утра для него пропала. Солнце уже не имѣло для него блеска, пѣніе птицъ — сладости; источникъ наслажденія изсякъ въ его сердцѣ.

— Теперь я въ надлежащемъ настроеніи для моей сухой работы, сказалъ онъ съ горечью, принимаясь за брошенный пакетъ. Онъ сѣлъ къ столу и началъ писать, сначала письмо къ землемѣру—это еще шло кое-какъ; также и письмо къ адвокату дописалось до конца, хотя и не безъ нѣкоторыхъ помарокъ; но для переписки двухъ контрактовъ понадобился ему весь запасъ терпѣнія. Еще сильнѣе чѣмъ скучный процесъ письма, сердили его замѣчанія, сдѣланныя баронесой, въ которыхъ она старалась оправдать въ глазахъ адвоката, а можетъ быть и въ своихъ собственныхъ, отмѣненныя единственно въ собственную пользу статьи условія. Арендная плата въ обоихъ имѣніяхъ была увеличена почти вдвое: это тѣмъ сильнѣе удивило Освальда, что онъ не разъ слышалъ отъ смотрителя Врампе, что г. Пате, арендаторъ обоихъ помѣстій, необыкновенно работящій честный и экономный человѣкъ, поставленъ въ такое положеніе, что его можетъ раззорить одна неудачная жатва. Въ замѣткѣ же баронесы, значилось: «господинъ П. весьма нерадивый арендаторъ, таковъ же и его воздержный смотритель. Чѣмъ гуманнѣе поступаешь съ подобными людьми, тѣмъ лѣнивѣе они становятся.» Въ другомъ мѣстѣ: «доставка продуктовъ въ замокъ Гренвицъ изъ имѣнія того же имени необходимо должна быть удвоена, такъ какъ мы получаемъ только половину того, что слѣдуетъ, и эта половина еще уменьшается переходя черезъ руки нашей прислуги.» Слѣдующія слова были зачеркнуты, не настолько однакожъ, чтобы ихъ нельзя было прочесть: «еслибы что нибудь оставалось, то мы могли бы продать остатокъ каждую суботу на городскомъ рынкѣ. Въ другомъ мѣстѣ: «нельзя-ли помѣстить въ контрактѣ, чтобы управляющіе, смотрителя, экономки и т. д. были утвер-

Digitized by Google

ждаемы въ своей должности самимъ барономъ? Тогда было бы извѣстно съ какими субъектами имѣешь дѣло и была бы возможность держать ихъ въ рукахъ.»

— А вѣдь состояніе этихъ людей доходитъ до нѣсколькихъ мильоновъ! вскричалъ Освальдъ, бросая перо. Пусть пишетъ кто хочетъ эту мерзость! Неужели я долженъ быть послушнымъ орудіемъ этихъ эгоистическихъ, надмѣнныхъ, безсердечныхъ аристократовъ!

И все мрачнѣе и мрачнѣе становилось на душѣ молодого человѣка. Уже не разъ приходило ему въ голову какъ ложно и непрочно все его положеніе. А что поставило его въ эти обстоятельства, если не дружба къ професору Бергеру, котораго совѣтъ онъ предпочелъ своему основательнѣйшему убѣжденію? Онъ вспомнилъ, что еще не отвѣчалъ на послѣднее письмо своего оригинальнаго друга и сѣлъ писать въ ту же минуту.

— Ничего не можетъ быть хуже противорѣчій... Это, если я не ошибаюсь, одна изъ любимѣйшихъ вашихъ поговорокъ и главное правило, по которому вы судите о дѣлахъ и побужденіяхъ людей. Итакъ, вы были трижды неправы, присовѣтывавъ мнѣ стать въ мое настоящее положеніе, потомучто оно, какъ я теперь вижу, все состоитъ изъ противорѣчій. Я дѣлаюсь воспитателемъ другихъ, между тѣмъ какъ самъ еще нуждаюсь въ воспитаніи! Я, врагъ аристократовъ, нахожусь въ нѣдрахъ аристократическаго семейства, въ качествѣ не то слуги, не то друга высокоблагородныхъ особъ! Но всего гнуснѣе то, что я такъ беззаботно способенъ принимать участіе во всѣхъ наслажденіяхъ жизнію, какъ будто никогда не обнималъ меня благоговѣйный трепетъ при словахъ «сынъ человѣческій не имѣетъ гдѣ главы приклонить!»—развѣ эти слова написаны также не для меня, для меня, которому никакое ложе не кажется достаточно удобнымъ, никакой коверъ достаточно мягкимъ, никакой столъ достаточно удовлетворительнымъ? для меня, который, далеко не чувствуя отвращенія къ этой роскоши, не расточаю ее какъ невольникъ послѣднія мгновенія своей свободы, но спокойно и сознательно оцѣниваю и наслаждаюсь ею, принимаю ее, какъ нѣчто обыкновенное, какъ нѣчто такое для чего я рожденъ и воспитанъ. Неужели высокоблагородная баронеса была права, когда надмѣнно утверждала на дняхъ, что всѣ такъ называемые друзья народа, теперь и прежде, имѣли въ виду только личныя выгоды? Что вся разница только

Digitized by Google

въ томъ, что одинъ продастъ свои правила нѣсколько дороже другого — одному платятъ за его отступничество деньгами, другому почетными должностями, третьему еще чѣмъ-нибудь... Тогда я разумѣется горячо спорилъ—это было еще вначалѣ моего вступленія сюда... незнаю, буду ли имѣть силу, также спорить теперь. Потомучто, другъ мой, я вспомнилъ о Маріи Антуанетѣ, подумалъ, что еслибы другая женщина, столь же прекрасная и умная какъ несчастная королева, женщина съ глазами, голосомъ и физической красотою какъ... ну какъ у моего идеала, у женщины, которую я могъ бы и долженъ бы былъ полюбить— сказала мнѣ: отреченіе отъ твоихъ правилъ будетъ условіемъ моей благосклонности!

Боже! Она не скажетъ этого, она не можетъ сказать этого, потомучто я хочу вѣрить, что въ прекрасномъ тѣлѣ живетъ и прекрасная душа; но, еслибы она настолько была проникнута предразсудками своего круга—что тогда? О, я чувствую, что не могъ бы устоять противъ ея рѣчей и ея слезъ; что отъ огня ея поцѣлуевъ, отъ молніи ея взоровъ, разстаяла бы какъ воскъ моя гордая сила; что, еслибы она обвила мена своими нѣжными руками, я былъ бы не въ силахъ освободиться; что изъ стѣсненной груди не вырвалось бы ни одного звука гнѣва, ни одной насмѣшки, нѣтъ, одно только слово: я люблю тебя!

— Вы смѣетесь, мой другъ, потомучто меня можетъ довести до такого возбужденія простая гипотеза, простая проблема. Вы думаете, что въ прохладномъ воздухѣ дѣйствительной жизни не выростаютъ такія фантастическія тепличныя растенія. Да, въ цѣломъ это дѣйствительно только проблема и дай Богъ ей навсегда оставаться проблемой!..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Богъ въ помощь, любезный колега! Г-жа Берковъ свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе и присылаетъ на благосклонное разсмотрѣніе своего Бемперлейна и своего Юлія. Разрѣзанные экземпляры обратно не принимаются.

Digitized by Google

Такъ говорилъ, смѣясь, маленькій, блѣдный, черноволосый, носящій очки, одѣтый не совсѣмъ по модѣ, но чисто и опрятно, господинъ лѣтъ тридцати, вошедшій съ мальчикомъ въ комнату Освальда вечеромъ того-же дня.

— Милости прошу! отвѣчалъ хозяинъ, поспѣшно вставая съ дивана, въ углу котораго онъ сидѣлъ погруженный въ мрачныя мысли и не безъ нѣкотораго смущенія подалъ вошедшему руку. Съ безконечнымъ участіемъ остановился его взглядъ на мальчикѣ, сынѣ любимой женщины. Юлій фонъ Берновъ былъ прелестное созданіе: Темнозеленая бархатная блуза, подпоясанная кожанымъ поясомъ, придавала ему видъ маленькаго пажа. Темные кудри украшали благородно сформированную голову; лицо его было женственно красиво и нѣжно, и Освальдъ вздрогнулъ, когда пожалъ его нѣжную руку и заглянулъ въ большіе, задумчивые, темные глаза. Ему показалось, что онъ смотритъ въ глаза самой Мелиты.

— Очень любезно съ вашей стороны, г-нъ Бемперлейнъ, что вы нашли время пріѣхать сюда, сказалъ онъ, подавляя свое волненіе.—Право я уже не надѣялся васъ увидать сегодня, хотя Бруно и считалъ положительно невозможнымъ, чтобы Юлій уѣхалъ не простившись съ нимъ хорошенько.

Въ эту минуту растворилась дверь и влетѣлъ Бруно съ огромнымъ бутебродомъ въ рукахъ.

— Ура, Юлій! Сахарная кукла! кричалъ онъ — счастье твое, что ты пріѣхалъ! А то я побѣжалъ бы за тобой въ Грюнвальдъ публично пристыдить тебя, на улицѣ. На вотъ, кусай! Это на долгое время послѣдній бутебротъ, который мы дѣлимъ пополамъ! А теперь пойдемъ! Побѣгаемъ въ послѣдній разъ по саду и по лѣсу. Вы вѣдь цѣлый вечеръ пробудете здѣсь, г-нъ Бемперлейнъ?

— Non, Monseigneur! отвѣчалъ гувернеръ, который сѣлъ на стулъ и обтиралъ потъ съ лица;—наши минуты сочтены. Вы весьма обязали-бы меня, еслибы не простирали вашихъ прогулокъ далѣе предѣловъ сада и, въ особенности, не толкали-бы Юлія въ ровъ, какъ случилось въ послѣдній разъ.

— Юлій, развѣ я тебя толкалъ въ ровъ?

— Нѣтъ, только вытащилъ, когда я упалъ въ него.

— Ну, такъ идемъ-же, моя сахарная кукла! крикнулъ Бруно; взялъ худенькаго мальчика на руки и понесъ его вонъ изъ комнаты.

Digitized by Google

— Вотъ такъ мальчишка! сказалъ Бемперлейнъ. Царь небесный, что это за мальчикъ! Право любезный колега, я вамъ удивляюсь!

— Почему-же!

— Потомучто вижу васъ въ лѣтнемъ сюртукѣ, а не въ тройномъ панцырѣ, какъ первый мореплаватель Горація и какъ по моему мнѣнію долженъ быть одѣтъ всякій человѣкъ, имѣющій дѣло съ такимъ морскимъ чудовищемъ, съ такой колючей рыбой—я разумѣю Бруно.

— Ради-бога, г-нъ Бемперлейнъ, если хотите быть моимъ другомъ, не говорите мнѣ, что терпѣть не можете Бруно!

— Я не могу терпѣть Бруно! Я люблю его, какъ морскую бурю, на которую можно любоваться съ берега, какъ дикую лошадь, бѣгущую въ перегонку съ другою, когда меня отдѣляетъ отъ нихъ добрая миля разстоянія. Аргорох! вчера была ужасная гроза. Мы воротились домой въ одиннадцать часовъ. Г-жа фонъ Берковъ разсказывала мнѣ, что васъ совсѣмъ измочило дождемъ у лѣсного домика.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, хотите уѣхать завтра? сказалъ Освальдъ, желая перемѣнить разговоръ.

— Хочу-ли я? плачевнымъ голосомъ сказалъ Бемперлейнъ; вовсе не хочу, мой достолюбезнѣйшій, а долженъ, вотъ какъ! Ахъ, еслибы я могъ дѣлать то что хочу, то цѣлый вѣкъ не вышелъ-бы изъ Беркова; не вышелъ-бы и послѣ смерти, потомучто на смертномъ одрѣ выпросилъ-бы, чтобъ меня тамъ похоронили.— Просто не могу и придумать что будетъ со мною, когда я уѣду оттуда, любезный колега! Поживите, какъ я, семь лѣтъ на одномъ мѣстѣ, пусть только это мѣсто будетъ Берковъ, и приростете къ нему всѣми корнями своего существа, до такой степени приростете, что вамъ будетъ лично знакомъ каждый воробей, вьющій гнѣздо подъ окнами и вы сойдетесь *на ты* съ каждой лошадью на конюшнѣ; попробуйте тогда оторваться отъ этого мѣста—вотъ и увидите, какъ это больно.

Добрямъ опять полѣзъ за носовымъ платкомъ и дѣлая видъ, что вытираетъ лобъ, провелъ имъ раза два по своимъ влажнымъ глазамъ.

— Я вполнѣ это понимаю! сказалъ Освальдъ съ непритворнымъ участіемъ.

— Вы не можете этого понять, любезный колега! Прошедшей весной я посадилъ плющъ на своемъ окнѣ, и цѣлое лѣто

Digitized by Google

и зиму радовался какъ будетъ хорошо, когда къ осени окно заростетъ сверху до низу и мы, т. е. моя канарейка, древесная лягушка и я будемъ скрываться за зеленью—вы не повѣрите какія у меня вышли широкіе листья—почти какъ виноградные—ну вотъ, въ эту осень окно мое будетъ дѣйствительно закрыто зеленью, только комната уже опустѣетъ, солнечные лучи будутъ скользить сквозь листву, капельки дождя просачиваться въ оконныя скважины, и ни одна-то человѣческая или звѣриная душа не порадуется на это.

— Кажется, я могу вамъ въ этомъ сочувствовать, сказалъ Освальдъ.

— Невозможно, невозможно, любезный колега! Говорю вамъ, что другого подобнаго окна не можетъ быть на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Въ глубокой нишѣ стоитъ кресло, обтянутое чорной кожей, которое мнѣ, два года назадъ, г-жа Берковъ подарила въ день моего рожденія;—на спинкѣ кресла вышитый коврикъ, подаренный ею въ послѣдній день моего рожденія...да всего и не опишешь. Да, сидѣть тамъ въ лѣтній вечеръ, когда изъ сада долетаютъ голоса г-жи фонъ-Берковъ и Юлія, а дымъ моей сигары тянется голубоватой струйкой сквозь листья...

При этихъ словахъ Бемперлейнъ выпустилъ два клуба дыма въ растворенное окно, у котораго сидѣлъ и грустно покачалъ головой, какъ бы желая сказать: здѣсь это не производитъ никакого эфекта, а вотъ посмотрѣли бы вы съ моего кресла!

— Да, да... заключилъ Освальдъ.

— Нѣтъ, любезный колега, не возможно вамъ поставить себя въ мое положеніе. Вы не знаете какой милый мальчикъ Юлій. Я живу съ нимъ семь лѣтъ, и если за все это время онъ доставилъ мнѣ нетолько дурной часъ но дурную минуту, не будь я Анастазіусъ Бемперлейнъ. А теперь, хоть бы г-жа фонъ-Берковъ... вы не знаете ее, любезный колега?

Освальдъ отвернулся, потомучто почувствовалъ какъ кровь бросилась ему въ голову.

— Вы не можете себѣ представить какой ангелъ доброты эта женщина. Чѣмъ, чѣмъ только я ей не обязанъ! До поступленія моего въ Берковъ я столько же имѣлъ понятія о воздухѣ, солнечномъ цвѣтѣ и другихъ хорошихъ вещахъ, какъ какой-нибудь кротъ; я былъ настоящій медвѣдь, совершенная нильская лошадь и обязанъ единственно ей тѣмъ, что теперь сталъ

Digitized by Google

нѣсколько похожъ на человѣка. А какое участіе она принимала во мнѣ въ другихъ случаяхъ! Одинъ разъ пролежалъ я нѣсколько недѣль въ тифозной горячкѣ. Первыя лица, которыя я увидѣлъ прійдя въ память, были г-жа Берковъ и старый Бауманъ. Это было въ такой же лѣтній вечеръ какъ сегодня. Занавѣсы моей постели были полузакрыты, Бауманъ и его госпожа стояли у стола, шагахъ въ двухъ отъ кровати. Если я не покатаюсь сегодня съ полчаса верхомъ, то сама также заболѣю, сказала г-жа Берковъ, пусть Бауманъ въ это время посмотритъ за моимъ Бемперлейномъ. — Воля ваша, отвѣчалъ старый Бауманъ.—Но, чтобы вы не подумали, любезнѣйшій колега, что я приписываю это вниманіе г-жи фонъ Берковъ моимъ личнымъ заслугамъ, поспѣшу доложить вамъ, что она на моихъ глазахъ поступала такимъ же образомъ со многими, совершенно посторонними ей людьми; такъ что я право думаю, что сердце этой женщины создано изъ какого нибудь болѣе благороднаго вещества, нежели у другихъ людей и что для нея дѣлать добро и счастливить другихъ также естественно какъ для канарейки пѣть, а для бѣлки прыгать, потомучто такова ея натура и она не можетъ иначе. Извините, любезный колега, что я злоупотребляю вашимъ вниманіемъ на такія вещи, которыя не могутъ и не должны васъ интересовать; но мое сердце слишкомъ полно, чтобы не излиться, и я надѣюсь, что вы не почтете меня за это сантиментальнымъ человѣкомъ.

— Могу васъ увѣрить, что вы почтили своимъ довѣріемъ не совсѣмъ недостойнаго, г-нъ Бемперлейнъ, хотя вы и не рѣшаетесь позволить мнѣ симпатизировать вамъ во всемъ.

— Я не рѣшаюсь вамъ дозволить этого! Да это мое искреннѣйшее желаніе, тѣмъ болѣе, что говоря откровенно я пришолъ сюда съ эгоистическимъ намѣреніемъ попросить у васъ совѣта въ одномъ весьма важномъ для меня обстоятельствѣ.

— У меня?

— Да, у васъ! Сейчасъ я откровенно разскажу вамъ какъ случилось, что вы занимаете у меня роль мудраго лѣсного пустынника, къ которому прибѣгаетъ существо мучимое сомнѣніемъ. Вы призваны къ этому высокому назначенію такимъ голосомъ, противъ котораго у меня не существуетъ возраженій: я разумѣю голосъ г-жи фонъ Берковъ. Я старался объяснить ей сегодня поутру то что, съ вашего позволенія, сообщу сейчасъ вамъ; она съ небеснымъ терпѣніемъ выслушала меня до конца и по-

Digitized by Google

томъ сказала, дотронувшись на одно мгновеніе своей ручкой до моей руки:—любезный Бемперлейнъ, хотите послушать моего совѣта.—Разумѣется, сударыня! сказалъ я.—Въ такомъ случаѣ, сказала она—любезный Бемперлейнъ, ступайте въ Гренвицъ, засвидѣтельствуйте отъ меня почтеніе г-ну доктору Штейну и разскажите ему обстоятельно то что сейчасъ говорили мнѣ; и что онъ отвѣтитъ вамъ, считайте моимъ отвѣтомъ.

По губамъ Освальда скользнула гордая улыбка. Въ этомъ смиреніи Мелиты онъ увидѣлъ дань благоговѣйной преданности; онъ почувствовалъ, что она не могла придумать для своей любви болѣе чистаго выраженія какъ признаніе, что съ настоящей минуты ея личность исчезаетъ въ существѣ ея возлюбленнаго.

— Ужь теперь ваше дѣло выйти съ честью изъ этого положенія, продолжалъ Бемперлейнъ; роль довѣреннаго лица осталась за вами и вы должны разыграть ее какъ умѣете. Дѣло простое—или вовсе не простое, напротивъ очень сложное дѣло, только, во всякомъ случаѣ, дѣло состоитъ вотъ въ чемъ: я... да нѣтъ, здѣсь я вамъ не могу разсказать этого, мнѣ нужно видѣть надъ собою небо, потомучто именно подъ голубымъ небомъ пришли мнѣ тѣ мысли, которыя произвели такой переворотъ во всемъ моемъ существѣ. Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе, любезнѣйшій колега, еслибы проводили меня до Берхова. Дорогой я бы изложилъ вамъ свою челобитную. Теперь я пойду позову Юлія и раскланяюсь съ господами, а вы пока собирайтесь; но, ради Бога, не заставьте меня ждать слишкомъ долго. Десять минутъ еще куда ни шло, но дальше я не въ состояніи выдержать tête-à-tête съ вашей баронесой. Итакъ, au revoir! по истеченіи десяти минутъ, впрочемъ не бѣда, если вы потратите только девять.

Когда Освальдъ спустился внизъ, Бемперлейнъ раскланивался съ барономъ у самой двери.

— Ни шагу далѣе, г-нъ баронъ! Уфъ!—Ну, теперь пойдемте, любезный колега. Гдѣ-то мой Юлій?

Мальчики были на дворѣ. Бруно сидѣлъ на краю колодца безголовой Наяды и гладилъ Юлія, стоявшаго передъ нимъ, по длиннымъ шелковистымъ кудрямъ.

— Какже ты обойдешься безъ пони, Юлій?

— Посмотрю тамъ; можетъ быть послѣ попрошу, чтобы мнѣ его переслали.

Digitized by Google

— Эхъ ты, простота, ты можетъ быть попросишь также, чтобы тебѣ пересылали твою мама и Бемперлейна, если безъ нихъ будетъ скучно.—Какъ бы котѣлось мнѣ съ тобою въ Грюнвальдъ, чтобы никогда больше не видать этого проклятаго гнѣзда.

— Мама говорила мнѣ, что ты такъ любишь доктора Штейна, правда это?

— Я, люблю его! сказалъ Бруно, сердито закинувъ назадъ голову; за что мнѣ любить его? мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла. Много онъ обо мнѣ заботится! Онъ! Вчера цѣлый день проходилъ Богъ знаетъ гдѣ безъ меня и сегодня не удостоилъ меня ни однимъ взглядомъ—нѣтъ мнѣ до него дѣла, слышишь? скажи это своей мама, нѣтъ ровно никакого дѣла!—И затѣмъ, онъ спряталъ свое лицо въ локоны Юлія и зарыдалъ.

— Что съ тобой, Бруно?

— Со мной? Ничего. Что же можетъ быть со мной?

— Бруно, я иду провожать г-на Бемперлейна! закричалъ издали Освальдъ.

— Г-нъ докторъ, я иду провожать Юлія! отвѣчалъ Бруно.

— Гдѣ Мальте?

— Развѣ я сторожъ Мальте?

— Мальте въ комнатѣ барона, отвѣчалъ Бемперлейнъ; онъ очень утомился поѣздкой; баронеса думаетъ, что у него ознобъ и баронъ уложилъ его на диванъ, какъ котенка. Какой дорогой лучше идти?

— Я думаю, лѣсомъ, сказалъ Освальдъ.

Они пошли черезъ подъемный мостъ, уже болѣе двухъ столѣтій не поднимавшійся, по липовой алеѣ въ лѣсъ. Бемперлейнъ и Освальдъ шли впередъ, Бруно и Юлій сзади. Бруно обнялъ Юлія за шею; сегодня его ничего не интересовало, или онъ не хотѣлъ ничѣмъ интересоваться кромѣ своего друга, котораго всегда любилъ и на темные глаза котораго сочинилъ не одно стихотвореніе. Теперь, передъ разлукой, онъ изливалъ на него свою бурную нѣжность.

— Ты уѣдешь, Юлій! жалобно говорилъ онъ и дня черезъ три забудешь обо мнѣ.

— Я никогда не забуду тебя, Бруно!

— Въ самомъ дѣлѣ? Ты въ этомъ увѣренъ? Значитъ у тебя память лучше чѣмъ у Освальда—т. е. у доктора Штейна. Онъ тоже говорилъ мнѣ, что любитъ меня какъ брата, а съ вечера

Digitized by Google

третьяго дня и незнаетъ живу-ли я на свѣтѣ. Теперь онъ вѣрно разсказываетъ Бемперлейну, что и его любитъ какъ брата; посмотри какъ онъ довѣрчиво подаетъ ему руку! На меня даже не оглянется. О, я ненавижу его! ненавижу всѣхъ, всѣхъ кромѣ тебя, Юлій!

Между тѣмъ какъ несчастный мальчикъ изливалъ такъ свою любовь и печаль въ грудь своего друга и чувствовалъ, что тотъ его не понимаетъ, что онъ одинъ, совсѣмъ одинъ на этой безотрадной для него землѣ, Бемперлейнъ говорилъ Освальду:

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Какъ уже сказано, любезный колега, отецъ мой былъ пасторъ, мой дѣдъ, да оба мои дѣда были пасторы, такъ какъ мать моя тоже была дочь пастора; мой прадѣдъ, съ отцовской стороны, былъ по меньшей мѣрѣ дьячокъ, и женился на дочери пастуха, стало быть тоже пастыря. Далѣе, я не могъ изслѣдовать своей родословной—но, ex ungue leonem! Вы видите, что до меня включительно занятіемъ моихъ предковъ было пасти—людей или животныхъ. Въ меня самого по видимому тоже вселился духъ моихъ предковъ. Водить скотъ на пастбище было моей преобладающей страстью, и еще до сихъ поръ я могу простаивать цѣлые часы, глядя какъ пасутся телята или жеребята—по истинѣ, есть что-то райское въ этомъ зрѣлищѣ, которое напоминаетъ намъ первые времена человѣчества или, по крайней мѣрѣ, очень живо напоминаетъ мнѣ мое дѣтство. Ибо первый другъ моей юности былъ молодой селезень; впослѣдствіи моимъ Пиладомъ былъ одинъ свинопасъ и тѣсныя сношенія съ этимъ Eumaeus posthumus помогли мнѣ найти въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Одиссеи большое наслажденіе, незнакомое тѣмъ, которые приступаютъ къ этому чтенію, не имѣя моей предварительной подготовки. Когда моего Пилада произвели въ настоящіе пастухи, я съ плачемъ покинулъ родную деревню и отправился въ Грюнвальдъ въ гимназію, гдѣ тотчасъ поступилъ въ третій классъ и произвелъ на учениковъ и учителей впечатлѣніе маленькаго чу-

Digitized by Google

довища,—на первыхъ по случаю моего баснословнаго туалета, въ которомъ кожаные штаны, доходившіе только до колѣнъ, составляли еще не самую замѣчательную статью—на вторыхъ по причинѣ моей не менѣе баснословной учености. Я зналъ наизусть половину Виргилія, читалъ новый завѣтъ въ подлинникѣ также бѣгло, какъ мои сотоварищи въ лютеровомъ переводѣ, и все это тринадцати лѣтъ! Даже теперь становится страшно вспомнить объ этомъ. Тогда впрочемъ все это пришлось очень кстати. Мой отецъ, который былъ также бѣденъ какъ крысы въ его приходской церкви, не могъ ничего отпустить со мной въ городъ, кромѣ своего благословенія и шести рекомендательныхъ писемъ къ тому же числу благотворительныхъ семействъ, въ которыхъ я могъ бы обѣдать даромъ въ продолженіи шести дней—седьмой же день, въ который я оставался совсѣмъ безъ обѣда, поневолѣ приходилось считать за постный. — Итакъ, я былъ совершенно предоставленъ самому себѣ. Къ счастію у меня не было привычекъ къ роскоши, а взамѣнъ ихъ способность быть сытымъ съ одного бутерброда, читать съ ночникомъ и писать очиненными сѣрными спичками, высиживать шесть учебныхъ часовъ и сверхъ того имѣть еще такое же число приватныхъ уроковъ; такъ что я могъ не только акуратно платить за наемъ своего чердака и всего строго необходимаго къ жизни, но еще нашолъ средство, мѣсяца черезъ два, замѣнить кожаные штаны другими изъ городской матеріи, по общепринятому фасону. Прозвище «кожаные штаны», данное мнѣ товарищами, прозвища отъ котораго я питалъ тайную надежду освободиться по этому случаю и которое собственно и побудило меня къ вышеупомянутой роскоши, все-таки осталось за мною и было для меня настоящей мукой. Тому же, что мнѣ вообще приходилось въ школѣ не совсѣмъ плохо, я обязанъ особенной довольно искусной политикѣ. Я скоро убѣдился, что самые рослые и самые сильные ученики были въ тоже время и самые глупые и лѣнивые. Поэтому я никогда не пропускалъ случая составить съ ними охранный договоръ, основанный по преимуществу на двухъ пунктахъ; я буду за тебя дѣлать задачи, ты же обязываешься не только не приставать ко мнѣ самъ но и не позволять чтобъ приставали другіе; нужно сказать, что договоръ выполнялся во всей своей силѣ. Когда мнѣ минуло семнадцать лѣтъ, учитель мой нашолъ, что я уже созрѣлъ для университета, ибо подъ этимъ разумѣет-

Digitized by Google

ся, что человѣкъ наполненъ школьными знаніями какъ яйцо желткомъ, во всемъ же прочемъ также неопытенъ какъ цыпленокъ, выходящій изъ его скорлупы. Изучать теологію было для меня, разумѣется, такой же неизбѣжной вещью какъ умереть. Сыновья людей зажиточныхъ помѣщаются въ кадетскіе корпуса, а дѣти бѣдныхъ сельскихъ пасторовъ посылаются въ семинарію.— Хорошо; такъ вотъ я изучалъ теологію, т. е. ходилъ прилежно въ колегіумъ и исписывалъ цѣлые воза бумаги на отвлеченнѣйшія разсужденія. Въ остальномъ жизнь моя шла почти прежнимъ порядкомъ; я даже не покинулъ своего чердака и приватные уроки были попрежнему источникомъ моего пріобрѣтенія, тѣмъ болѣе, что со мной жилъ теперь мой младшій братъ, которому я уступилъ свою университетскую стипендію.—Вы знаете, что въ Грюнвальдѣ студентъ не получающій стипендіи есть rara avis;— также предоставилъ я брату и даровые обѣды, безъ которыхъ могъ теперь обойтись, такъ какъ каравансарай кухмистерскаго стола открылъ для меня свои гостепріимные ворота. Такъ протекло трехлѣтіе, немного монотонно, но не безъ нѣкоторой пріятности. Каждый день былъ похожъ на другой, только середа имѣла для меня нѣсколько мрачную физіономію, потомучто въ этотъ день у кухмистера подавали горохъ со свининой, блюдо, къ которому я никакъ не могъ привыкнуть, несмотря на свои либеральныя правила въ этомъ отношеніи. Каждый разъ, какъ доходило до меня блюдо, я начиналъ думать о прекрасныхъ лѣтнихъ дняхъ, которые проводилъ въ дубовомъ лѣсу, когда мой Eumaeus posthumus пасъ свои стада, а я читалъ Виргилія; при этомъ кусокъ всегда останавливался у меня въ горлѣ. Вы конечно найдете это слишкомъ сантиментальнымъ, но вѣдь у каждаго свои слабости.—Впродолженіи этого времени собственно жизнь я видѣлъ столько же сколько верблюдъ въ звѣринцѣ видитъ пустыни. Знакомство мое было очень ограничено, потомучто согласовалось съ моими средствами; а я всегда думалъ, что между этими двумя вещами существуетъ неразрывная связь, по крайней мѣрѣ, мнѣ всегда случалось замѣчать, что нѣсколько достаточные студенты ходили всегда толпами, между тѣмъ какъ бѣдняки одиноко пробирались по улицамъ! Не знаю, такъ ли бываетъ въ жизни? Къ этимъ зажиточнымъ студентамъ—а такіе бывали даже и въ Грюнвальдѣ—я впрочемъ чувствовалъ нѣкотораго рода страхъ. Эти бородатые коты въ сапогахъ пред-

Digitized by Google

ставлялись мнѣ совсѣмъ особенными божьими созданіями и я никакъ не могъ понять какъ это правительство, всегда такъ заботящееся о спокойствіи своихъ гражданъ, дозволяло имъ рыскать всюду, со всею ихъ нецивилизованной необузданностью. Признаюсь, что впродолженіе всего трехлѣтія я жилъ подъ страхомъ вызова на дуэль. Нельзя сказать, чтобъ у меня былъ недостатокъ въ личной храбрости! Раза два впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться въ противномъ; я боялся только ложнаго положенія, въ которое поставила бы меня подобная случайность. Весь такъ называемый коммершъ я считалъ величайшей нелѣпостью, вредной физически и еще болѣе морально, потомучто заставляетъ иные умы героически приносить свои собственныя мысли и чувства въ жертву Молоху въ видѣ варварскаго понятія о чести, самой смѣшной карикатуры на кодексъ нравственности, которая когда либо существовала и систематически пріучаетъ такимъ образомъ къ повиновенію, которое и кажется мнѣ настоящимъ грѣхомъ. Незнаю, сойдемся-ли мы съ вами въ этомъ, любезный колега?

— Совершенно, отвѣчалъ Освальдъ. Причислите еще къ дурной сторонѣ этой ново-средневѣковой жизни студентовъ то, что они именно въ то время, когда человѣкъ въ особенности воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра, герметически заключаются въ своихъ грязныхъ кабакахъ, вмѣсто того чтобы искать хорошаго общества, способнаго придать имъ тотъ лоскъ, котораго имъ до такой степени недостаетъ, что когда впослѣдствіи ограниченнѣйшіе аристократы начинаютъ мечтать о свободѣ, они продолжаютъ исключительнѣйшимъ образомъ составлять исключеніе, и въ своихъ пестрыхъ шапочкахъ, съ игрушечными шпажонками еще презрительнѣе взираютъ на филистеровъ, чѣмъ поручикъ гвардіи на штафирокъ; въ тотъ періодъ, когда они должны бы были чувствовать себя гражданами и начинать содѣйствовать устройству общества, они продѣлываютъ вещи, способныя внушить отвращеніе къ ихъ товариществу едва начинающему серьезно мыслить юношѣ.

— Да, сказалъ Бемперлейнъ, замѣчательно долго сохраняется въ головахъ чадъ достославнаго студенческаго времени. Здѣсь по близости живетъ засѣдатель земскаго суда, нѣкто г-нъ фонъ Силовъ, человѣкъ лѣтъ сорока, лѣтъ десять уже женатый. Вчера, когда я ходилъ съ Юліемъ туда прощаться—дѣти были ме-

Digitized by Google

жду собою знакомы—засѣдатель разговорился вечеромъ о своемъ университетскомъ житьѣ и сообщилъ намъ, т. е. мнѣ и своему домашнему учителю, нѣсколько своихъ героическихъ подвиговъ. Мой собратъ былъ въ свое время тоже лихой парень и могъ сообщить засѣдателю нѣсколько извѣстій о теперешнемъ состояніи коммерша. Вотъ послушали бы вы какъ хорохорился нашъ баринъ по поводу распущенности теперешнихъ студентовъ, малаго числа скандаловъ и мизернаго количества пива, которое выпивается въ цѣлый вечеръ. Глаза его блистали отъ одного воспоминанія минувшей славы и онъ разчувствовался до того, что выразилъ сантиментальное желаніе, чтобы у всѣхъ рейнскихъ демократовъ, какъ онъ ихъ называетъ, которые на послѣднемъ провинціальномъ сеймѣ выкопали на свѣтъ старыя богопротивныя требованія свободнаго ввоза товаровъ и т. д. и т. д. была одна только шея, для того чтобы — онъ сдѣлалъ выразительный знакъ рукою — унять наконецъ всѣхъ крикуновъ.

— Разумѣется, сказалъ Освальдъ, когда эти господа молоды, они поютъ о свободѣ, это очень поэтично, такъ что и сами пѣвцы бываютъ растроганы до того, что начинаютъ думать будто у нихъ въ самомъ дѣлѣ есть мнѣніе. Конечно это чистая галлюцинація, а если кто нибудь изъ нихъ и серьезно думаетъ о свободѣ, то только о свободѣ оскорблять филистеровъ, бить окна, дѣлать неприличными общественныя заведенія и безнаказанно совершать другіе героическіе подвиги подобнаго рода; потомъ, эти же люди съ совершеннымъ повиновеніемъ и благонамѣренностью преклоняются передъ начальствомъ, удерживая за собою свободу третировать en canaille своихъ подчиненныхъ и остальное человѣчество. Но мы уклонились отъ темы. Вѣроятно, вамъ не представилось непріятнаго случая выбирать между личной честью и честью корпораціи?

— Да, благодаря провидѣнію, которое я молилъ охранить по возможности мое мышиное существованіе отъ этихъ котовъ въ сапогахъ. Какъ только кончилось трехлѣтіе и я сдалъ свой богословскій экзаменъ, забота свалилась у меня съ плечь, потомучто никто не можетъ претендовать на степеннаго кандидата въ пасторы, если онъ не захочетъ и слышать о терціяхъ и квартахъ. Я съ удовольствіемъ тотчасъ же взялъ бы мѣсто домашняго учителя въ деревнѣ, но мой братъ только что поступилъ на первый курсъ и я не хотѣлъ оставлять его одного на тѣ два

Digitized by Google

года, которые ему приходилось пробыть въ гимназіи, потомучто не замѣтилъ въ немъ на столько способности писать сѣрными спичками и знанія прочихъ тайнъ жизни сына деревенскаго пастора въ городѣ, насколько этого требовалось въ фамильномъ интересѣ. Ибо этотъ второй братъ долженъ былъ уступить свое мѣсто третьему, какъ я уступилъ ему свое, а этотъ третій, поступить въ гимназію, какъ скоро второй перейдетъ въ университетъ.

— Но какже это возможно? спросилъ удивленный Освальдъ.

— Видите ли, мой любезнѣйшій, право не могу уже сказать вамъ какъ это возможно, но готовъ клятвенно засвидѣтельствовать, что это фактъ. Я старшій въ семействѣ и родился двадцать второго марта; за мною слѣдуетъ сестра ровно двумя годами моложе, потомучто родилась двадцать перваго марта; потомъ братъ, потомъ опять сестра, и опять братъ, и опять сестра. Сколько это будетъ?

— Кажется полдюжины.

— Совершенно вѣрно, полдюжины; всѣ родились ровно черезъ два года и всѣ въ мартѣ мѣсяцѣ за исключеніемъ самой младшей сестры, которая произошла на свѣтъ перваго апрѣля. За то она и представляетъ комету въ нашей планетной системѣ. представьте себѣ, ей всего восемнадцать лѣтъ, а она уже обручена!

— Если сестра ваша очень мила, то я не вижу тутъ ничего необыкновеннаго, замѣтилъ Освальдъ.

— Ничего необыкновеннаго! воскликнулъ Бемперлейнъ; ничего необыкновеннаго! Такое дитя! Выходить замужъ въ восемнадцать лѣтъ! Право не знаю даже, допускается ли это вообще въ психологическомъ и физіологическомъ отношеніи; — вы смѣетесь? Впрочемъ, я никогда не зналъ толку въ женщинахъ и даже не подозрѣвалъ какимъ образомъ дойду до этой отрасли познаній, развѣ ужь господь Богъ, за мою необыкновенную простоту, откроетъ мнѣ это во время сна. Итакъ, я оставался еще почти два года въ Грюнвальдѣ, давалъ приватные уроки, репетировалъ лекціи съ молодыми студентами, готовящимися къ экзамену и имѣвшими болѣе основательныя познанія по коммерческимъ книгамъ, чѣмъ по книгамъ отцовъ церкви, и заработывалъ настолько, что нетолько могъ хорошо жить самъ — одинъ постный день въ недѣлю я сохранилъ по привычкѣ — но еще и

Digitized by Google

оказывалъ должную помощь брату. Этотъ братъ въ то время очень меня заботилъ, что оказалось впослѣдствіи вовсе напраснымъ, потомучто изъ него вышелъ порядочный помощникъ пастора, но онъ учился нѣсколько туго, имѣлъ слабое зрѣніе и совершенно непостижимо для меня былъ чувствителенъ къ холоду и голоду. Я увидѣлъ, что было бы варварствомъ навязать ему заботу о младшемъ братѣ, поступавшемъ въ то время въ школу, вдобавокъ еще хиломъ мальчикѣ — теперь онъ сильный парень, двадцати лѣтъ, славный, прилежный юноша; онъ будетъ скоро сдавать свой первый богословскій экзаменъ... да, что я хотѣлъ сказать? да, тогда онъ былъ слабенкій, болѣзненный мальчикъ и нуждался въ большомъ уходѣ. Содержать двоихъ....

— Да еще самого себя, прибавилъ Освальдъ.

— Ну, на это требовалось немного; однако я замѣтилъ, что такъ меня не надолго хватитъ и мѣсто въ Берковѣ, которое мнѣ тогда предложили, пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Совершенная свобода, баснословное содержаніе.... я былъ больше чѣмъ счастливъ. Теперь у меня развязывались руки, и я наконецъ получалъ возможность сдѣлать что нибудь для семейства.

— Да вѣдь, по моему, вы всегда работали для него по силамъ и даже сверхъ силъ, сказалъ Освальдъ.

— И все это была самая малость, охота была смертная, да участь горькая, а теперь моя помощь требовалась сильнѣе чѣмъ когда нибудь. Моя добрая матушка уже давно хворала, а тутъ заболѣлъ и отецъ такъ сильно, что его желѣзная натура сломилась и онъ уже не могъ совершенно поправиться; слѣдовательно впереди можно было ожидать еще худшаго. Ктому же мои три сестры были еще не замужемъ. Судите же какое счастіе, что я получилъ тогда княжескій доходъ въ двѣсти талеровъ золотомъ! Одну половину я отдалъ братьямъ.

— А другую сестрамъ — подсказалъ Освальдъ.

— А другую сестрамъ, повторилъ Бемперлейнъ и съ довольнымъ видомъ потеръ руки.

— А что же вы оставили себѣ?

— Себѣ? возразилъ удивленный Бемперлейнъ. Развѣ я вамъ не говорилъ, что поступилъ на полное содержаніе? Однако, слушайте! я прожилъ уже годъ въ Берковѣ, какъ вдругъ однажды г-жа фонъ-Берковъ позвала меня къ себѣ и, распросивши о томъ и о другомъ, сказала:

Digitized by Google

— Вы уже прожили у насъ годъ, любезнѣйшій Вемперлейнъ, скажите же мнѣ откровенно нравится ли вамъ здѣсь. — Это совершенно лишній вопросъ, сударыня, отвѣчалъ я. — Очень рада, но нѣтъ ли у васъ какого нибудь особеннаго желанія? — Не придумаю, отвѣчалъ я. — Но вашего жалованья вамъ вѣдь очевидно недостаточно, сказала она съ любезной улыбкой. Я такъ былъ удивленъ, что не нашолъ отвѣта на этотъ вопросъ.

— Признаюсь вамъ, продолжала она съ небесной добротою, что этотъ годъ я считала пробнымъ годомъ и потому назначила вамъ такую плату. Конечно, мнѣ никогда не придетъ въ голову, что я могу вознаградить деньгами человѣка, которому вполнѣ довѣряю воспитаніе своего ребенка и хотя я прошу васъ теперь дозволить мнѣ удвоить ваше незначительное жалованье, но тѣмъ не менѣе останусь навсегда вашей должницей.

Какъ ни было велико до тѣхъ поръ мое изумленіе, но теперь оно не имѣло предѣловъ; я былъ такъ тронутъ — нестолько великодушнымъ подаркомъ, сколько неописанной добротой, съ которой онъ былъ предложенъ этой благородной женщиной — что у меня потекли слезы. Я бормоталъ что-то о невозможности принять и тому подобное, но когда она порядочно разсердилась, я поспѣшилъ поклониться и сказать: принимаю подарокъ не для себя, потомучто это было бы непростительно, но для тѣхъ о комъ я обязанъ заботиться, такъ какъ сами они не могутъ ничего для себя сдѣлать. — Дѣлайте какъ угодно, сказала она уже у самой двери, но не забывайте что у васъ есть обязанности и въ отношеніи къ самому себѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось, но не кончилась доброта г-жи фонъ-Берковъ, которой вообще нѣтъ предѣловъ. Впрочемъ, я хотѣлъ разсказать вамъ совсѣмъ другое, именно какъ я дошолъ до открытія ошибки, которая вкралась въ мои жизненные разсчеты и въ чемъ состоитъ эта ошибка.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ эту минуту, галопомъ промчался мимо нихъ всадникъ, только что свернувшій съ проселочной дороги на большую.

Digitized by Google

Большая ньюфаундлендская собака, которую Освальдъ сначала принялъ за водолаза Мелиты, бѣжала подлѣ его вороной, породистой лошади, покрытой пѣною. Всадникъ, насколько можно было замѣтить въ такое короткое время, былъ мужчина лѣтъ тридцати, высокій, худощавый и, противъ обыкновенія тамошнихъ помѣщиковъ, въ длинныхъ панталонахъ вмѣсто сапоговъ съ раструбами; его посадка изобличала ѣздока изъ разряда тѣхъ, которыхъ называютъ латинскими наѣздниками; но это скорѣе была привычка не стѣснять себя, нежели неумѣнье, потомучто, когда онъ, въ задумчивости, почти наѣхалъ на идущихъ, то тотчасъ повернулъ въ сторону своего коня, съ силою и навыкомъ, обличавшими опытнаго наѣздника. Excusez messieurs! прокричалъ онъ, слегка дотрогиваясь до шляпы и продолжая свой путь.

— Знаете вы этого господина? спросилъ Освальдъ, остановившись и смотря вслѣдъ всаднику, черты котораго показались ему и чужды и какъ-то знакомы.

— Tiens! сказалъ Бемперлейнъ, также останавливаясь: это какъ будто баронъ Ольденбургъ. Да, дѣйствительно это баронъ! подтвердилъ онъ, когда всадникъ, поравнявшись съ дѣтьми ушедшими впередъ, остановился и протянулъ имъ руку.—Я едва узналъ его, съ его чорной бородой и жолтымъ лицомъ. Онъ сталъ настоящимъ Кабиломъ. Давно ли же онъ опять воротился?

— Развѣ онъ путешествовалъ? спросилъ Освальдъ съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Онъ, собственно, уже десять лѣтъ путешествуетъ, отвѣчалъ Бемперлейнъ: три года назадъ, его встрѣтили въ Римѣ г-жа фонъ-Берковъ съ г. Барневицъ и его супругой, и потомъ проѣхали съ нимъ Южную Италію. Въ Сициліи они разстались. Наши поѣхали назадъ, а баронъ отправился въ Египетъ, Нубію и Богъ вѣсть куда, по своей безпокойной натурѣ. Но мы опять отклонились отъ своей темы.

Бемперлейнъ продолжалъ свой разсказъ съ тою же словоохотливостью, но если Освальдъ и прежде слушалъ его только однимъ ухомъ, то теперь его мысли улетѣли еще далѣе... Такъ вотъ тотъ человѣкъ, который игралъ когда-то такую важную роль въ жизни Мелиты? Она никогда не любила его истинно... быть можетъ... конечно, не любила истинно. Но развѣ всегда истинная любовь бываетъ послѣднимъ признакомъ женской благосклонности? Развѣ не можетъ быть страсти безъ любви

Digitized by Google

или любви безъ страсти, но съ желаніемъ во что бы то ни стало привязать къ себѣ любовника посредствомъ наслажденія или воспоминанія о наслажденіи... И такъ, она быть можетъ отдавалась этому человѣку, у колыбели котораго не присутствовали граціи, отдавалась, не находя въ его объятіяхъ того покоя и глубокаго блаженства, на которое надѣялась, но все же.... О, въ этой мысли была адская мука!..

Такъ нашептывалъ ему демонъ ревности дикія, дурныя мысли, отъ которыхъ кипѣла его кровь и выступалъ холодный потъ на лбу. Мудрено ли, что онъ слушалъ какъ во снѣ разсказъ Бемперлейна, изъ котораго понялъ только, что этотъ удивительный малый, освободившись отъ всякой заботы и вздохнувши свободно въ зеленомъ уединеніи Беркова, совсѣмъ было позабылъ о своей такъ называемой «наукѣ». Только тогда, онъ въ первый разъ познакомился съ героями новой литературы, въ особенности съ Шекспиромъ; отъ поэтовъ перешолъ къ философамъ, и Спиноза открылъ ему совершенно новый міръ, о которомъ онъ, питомецъ теологической схоластики, не имѣлъ ни малѣйшей идеи; потомъ, подъ вліяніемъ Шопенгауэра, онъ бросился изучать ботанику, минералогію, физику и, при помощи стараго Баумана, устроилъ себѣ небольшую лабораторію.

— Такъ время шло, да шло, и дошло не до смерти, но до минуты, въ которую мнѣ приходилось рѣшать послѣдую-ли я своему прежнему назначенію. Весьма выгодное мѣсто пастора въ здѣшней сторонѣ сдѣлалось вакантнымъ, по случаю смерти его обладателя. Дядя г-жи фонъ-Берковъ, Барневицъ отецъ, изъ угожденія своей племянницѣ, предложилъ мнѣ это мѣсто, такъ что мнѣ оставалось только приготовить проповѣдь къ слѣдующему воскресенью и все было бы кончено. Въ первую минуту, когда г. Барневицъ изложилъ мнѣ это дѣло, я частію отъ изумленія, частію чтобъ не огорчить добраго человѣка, да ктому же мы съ г-жею фонъ-Берковъ порѣшили отвести Юлія въ Грюнвальдъ, и мое пребываніе въ Берковѣ приходило къ концу, отвѣтилъ «да» и засѣлъ за сочиненіе проповѣди. Три вечера просидѣлъ я надъ нею и написалъ всего одну строчку: «благочестивые слушатели!» На третью ночь, я заснулъ надъ работой и во снѣ имѣлъ разговоръ съ отцомъ и дѣдомъ, изъ котораго заключилъ, что совѣсть не велитъ мнѣ браться за дѣло, къ которому далеко не имѣю и не могу больше имѣть призванія. Се-

Digitized by Google

годня утромъ я написалъ г. Барневицъ, что благодарю его за честь, которой не могу воспользоваться, потомучто... рѣшился сопутствовать Юлію въ Грюнвальдъ. Эта мысль пришла мнѣ въ голову, когда я уже написалъ первую фразу и я немедленно пошолъ сообщить ее г-жѣ Берковъ, которая выразила при этомъ большое удовольствіе.

Теперь скажите мнѣ, мой любезнѣйшій другъ, вы, который имѣли терпѣніе выслушать эту длинную исторію, чтобы вы сдѣлали сами, находясь въ моемъ положеніи? Не забудьте при этомъ, что мнѣ уже двадцать восемь лѣтъ отъ роду, но у меня всего только двадцать восемь зубовъ. Зубы мудрости еще не выросли, по забывчивости ли природы, или по мудрой предусмотрительности судьбы, которая сообразила, что мнѣ въ жизни придется иногда кусать очень не многое.

— Чтобы я сдѣлалъ, еслибъ былъ на вашемъ мѣстѣ? сказалъ Освальдъ:—еслибы былъ, какъ вы, неутомимый, прилежный, добросовѣстный...

— Что вы! что вы! любезный колега, перебилъ Бемперлейнъ, покраснѣвъ до ушей.

— Я говорю, такой же добросовѣстный, прилежный человѣкъ, какъ вы. Ну, на вопросъ легко отвѣтить. Я бы припомнилъ какія трудности я испыталъ еще будучи слабымъ мальчикомъ и какое прилежаніе и терпѣніе выказалъ въ пріобрѣтеніи груды познаній, отъ которыхъ такъ радъ теперь избавиться—припомнилъ бы все это и приспособилъ себя къ наукѣ, которая уже не скоро позабудется, потомучто будетъ полезна для меня и для моихъ собратій.

— Прекрасно, прекрасно! говорилъ Бемперлейнъ. — Дальше! дальше!

— Однимъ словомъ, я предался-бы со всею силой тѣмъ наукамъ, въ которыхъ вы себя уже нѣсколько испытали и при первой возможности опять записался-бы въ Грюнвальдскій университетъ, но на этотъ разъ уже не по теологіи, а по медицинѣ.

— Медицинскій факультетъ въ Грюнвальдѣ превосходный, сказалъ Бемперлейнъ.

— Онъ признается однимъ изъ лучшихъ въ Германіи, продолжалъ Освальдъ. — Потомъ я посѣтилъ-бы еще одинъ-два другихъ университета и еслибы были деньги...

— Денегъ куча! денегъ куча! воскликнулъ Бемперлейнъ, —

Digitized by Google

вѣдь шесть лѣтъ княжескаго жалованья и готовое содержаніе! Любезный другъ, да у меня хватитъ денегъ на полстолѣтія!

— Въ такомъ случаѣ, я бы сдѣлался знаменитымъ врачомъ.

— Знаете-ли, сказалъ Бемперлейнъ, озираясь на мальчиковъ и понизивъ голосъ: я уже потихоньку отравилъ синильной кислотой двухъ кроликовъ Юлія и анатомировалъ ихъ; лягушки нашего парка также не имѣютъ причины считать себя моимъ другомъ.

— Браво! сказалъ Освальдъ, — потомъ, я бы женился.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Разумѣется, и — воспиталъ бы съ полдюжины маленькихъ Бемперлейновъ, которые впослѣдствіи сдѣлались бы большими Бемперлейнами и всѣ были бы факелами и свѣтилами новѣйшей науки.

— Даже и дѣвочки?

— Дѣвочки вышли-бы замужъ за способныхъ и любящихъ истину людей; и такъ проводилъ-бы я теоретически и практически время, пока не настанетъ пора, которой мы съ вами ожидаемъ.

— Да, да! воскликнулъ Бемперлейнъ, это хорошо! Благодарю, тысячу разъ благодарю, мой превосходный другъ, за то, что вы разсѣяли послѣднія облака сомнѣнія своими ободрительными словами. Завтра я ѣду съ Юліемъ въ Грюнвальдъ.

— Я дамъ вамъ рекомендательное письмо къ професору Бергеру, сказалъ Освальдъ,—онъ имѣетъ сношенія со всѣми представителями естественныхъ наукъ.

Онъ вырвалъ листочекъ изъ записной книжки, написалъ нѣсколько словъ Бергеру и подалъ Бемперлейну.

— Благодарю, много благодарю! Знакомство съ этимъ человѣкомъ можетъ быть мнѣ очень полезно.

— Во всякомъ случаѣ непремѣнно поговорите съ нимъ откровенно, безъ всякой сдержанности, тогда можете быть увѣрены, что и онъ не утаитъ отъ васъ своего искренняго мнѣнія. Можетъ быть онъ посовѣтуетъ вамъ тотчасъ-же отправиться въ какой-нибудь столичный университетъ. Не пренебрегайте его совѣтомъ.

— Nous verrons, nous verrons! воскликнулъ Бемперлейнъ. — Но вотъ мы дошли уже до своего парка. Вы вѣдь зайдете къ намъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! поспѣшно сказалъ Освальдъ: я не хотѣлъ-бы слишкомъ поздно вернуться въ Гренвицъ.

— Ну, такъ прощайте! Дня черезъ два, когда я устрою Юлія

Digitized by Google

въ Грюнвальдѣ и хорошенько справлюсь о самомъ себѣ у Бергера, то опять ворочусь сюда, хорошенько проститься. А пока до свиданія, мой любезнѣйшій другъ!

— Прощайте, прощайте! сказалъ Освальдъ, поспѣшно пожимая руки Бемперлейна и Юлія и уводя за собою въ лѣсъ Бруно, какъ будто херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ охранялъ входъ въ замокъ Берковъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Освальдъ и Бруно шли нѣкоторое время молча. Бруно былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы начать разговоръ съ тѣмъ, кто совсѣмъ позабылъ объ немъ, а Освальдъ слишкомъ былъ погруженъ въ свои мысли.

— Каждый человѣкъ, съ которымъ мы бываемъ въ близкихъ отношеніяхъ, есть зеркало, отражающее нашъ собственный образъ; и въ такомъ-то свѣтломъ зеркалѣ дѣтски-чистой души Бемперлейна Освальдъ увидалъ свое собственное лицо—но какъ увидалъ? истомленное страстью, омраченное сомнѣніемъ, такъ что испугался самого себя. И этотъ-то человѣкъ, сказалъ онъ мысленно, пришолъ спрашивать у меня совѣта; зрячій къ слѣпому, здоровый къ немощному! Онъ замѣтилъ одну ошибку въ своихъ жизненныхъ счетахъ и принялся считать и пересчитывать и не давалъ себѣ отдыха, пока не повѣрилъ итога и все не сдѣлалось опять гладко; а я, проживаю жизнь какъ легкомысленный купецъ, дѣлая долгъ за долгомъ, бросаясь отъ одной безумной спекуляціи на другую, и не заботясь о днѣ окончательной повѣрки. Тотъ челокѣкъ скорѣе бы позволилъ отрубить себѣ руку, чѣмъ протянуть ее за чѣмъ либо чего онъ не заработалъ въ потѣ лица,—я же принимаю дары Афродиты и все что посылаетъ мнѣ благопріятный случай, какъ нѣчто должное и еще жалуюсь на недостатокъ. Теперь я уже недовольствуюсь любовью Мелиты, за которую долженъ бы былъ благодарить на колѣняхъ; теперь я

Digitized by Google

требую, чтобы она меня любила, даже раньше чѣмъ знала или. по крайней тѣрѣ, вмѣстѣ съ утратой любви къ другому, утратила бы и воспоминаніе о немъ. «Еслибы можно было вырвать воспоминаніе», сказала она! Ну, а вѣдь вовсе не трудно забыть то, къ чему мы равнодушны, если же что-нибудь не забывается, значитъ имѣетъ для насъ значеніе. Такъ она ненавидитъ этого человѣка! Но ненависть злобная сестра кроткой любви! Можетъ быть, она его еще любитъ?—И откуда онъ теперь ѣхалъ? отъ нея! безъ сомнѣнія!—Бруно, ведетъ-ли эта проселочная дорога еще куда-нибудь кромѣ Беркова?

— Нѣтъ и, съ своей стороны, я не нахожу ее на столько интересной, чтобы идти по ней два раза сряду. Здѣсь есть другая, которая выведетъ насъ изъ лѣсу и поведетъ по опушкѣ до самого дома; не пойдемъ-ли мы лучше по ней?

Освальдъ снова погрузился въ свои злыя думы. Такъ онъ, дѣйствительно, былъ у нея! Но вѣдь это невозможно! Женское сердце перемѣнчиво — это баронъ знаетъ также хорошо, какъ и я, ктому же онъ баронъ и богатъ. Онъ тутъ, пожалуй, въ своемъ правѣ, но Мелита должна сказать мнѣ, что я дѣйствительно имѣю причины ненавидѣть этого человѣка такъ какъ я его ненавижу.

Бруно шолъ по другой сторонѣ дороги. Онъ замѣчалъ волненіе Освальда, видѣлъ какъ его лицо омрачалось все больше и больше, какъ болѣзненно дрожали его губы, какъ судорожно вздрагивали руки; онъ догадался, что его другъ несчастливъ. Больше ничего не нужно было великодушному мальчику, чтобы позабыть всѣ свои обиды: онъ тихо подошолъ къ Освальду и взялъ его за руку:

— Что съ тобою Освальдъ? Отчего ты молчишь? Сердишься ты на меня?

— Я, на тебя? Больше молодой человѣкъ не сказалъ ничего, но тонъ его голоса и взглядъ, сопровождавшій слова, убѣдили Бруно въ неосновательности его подозрѣній и вызвали весь подавленный пылъ его дикой нѣжности. Онъ обнялъ Освальда и цѣловалъ, и ласкалъ его съ рыданіемъ.

— Бруно, Бруно! Что съ тобою? вскричалъ испуганный Освальдъ.

— Я думалъ, что ты меня больше не любишь, а тогда, Ос-

Digitized by Google

вальдъ, если уже и ты перестанешь любить меня, тогда мнѣ нужно умереть.

Блѣдный призракъ, который Освальдъ съ такой ужасающей ясностью видѣлъ поутру въ своемъ лихорадочномъ забытьи, снова возникъ въ его душѣ и придалъ страстнымъ словамъ мальчика ужасное значеніе. Съ нѣмымъ волненіемъ онъ прижалъ къ своей груди плачущаго и еще разъ повторилъ тайный обѣтъ быть братомъ этого бѣднаго, покинутаго мальчика.

Такъ стояли они обнявшись... Вечерній свѣтъ догоралъ на вершинахъ елей; изъ лѣса доносилось тихое жалобное пѣніе птички,... сладкая, торжественная минута...

Вдругъ, до ихъ слуха долетѣли дикіе, свирѣпые звуки, громкіе, сердитые мужскіе голоса... брань, проклятія... потомъ, на минуту все стихло и раздался крикъ: господа! Помогите! Неужели нѣтъ ни души по близости! Сюда!

Освальдъ и Бруно, прислушивавшіеся затаивъ дыханіе, изо всей мочи бросились на крикъ. Они добѣжали до площадки на опушкѣ лѣса, гдѣ рубили дрова и стояло уже нѣсколько сложенныхъ саженей. У почти нагруженной телѣги, запряженной четверкой лошадей, лежалъ на землѣ человѣкъ и бился руками и ногами; надъ нимъ нагнувшись стоялъ другой; нельзя было разобрать билъ ли онъ его или успокоивалъ. Когда они подошли ближе, послѣдній выпрямился—это былъ смотритель Врампе.— Поскорѣе, г-нъ докторъ, ради самого Бога! Малый умретъ у меня на рукахъ!

Дѣйствительно лежавшій на землѣ былъ въ страшномъ положеніи. Лицо было искривлено, глаза такъ закатились, что видны были одни бѣлки, у рта пѣна, кулаки сжаты и все тѣло дергала судорога. Освальдъ едва узналъ того самого здоровеннаго дѣтину, который возбудилъ однажды такой сильный гнѣвъ въ Бруно своимъ жестокимъ обращеніемъ съ лошадьми.

Освальдъ сталъ подлѣ него на колѣна, обтеръ пѣну у рта, разстегнулъ платье и старался уложить его поспокойнѣе.

— Нѣтъ ли у васъ чего положить ему подъ голову? спросилъ онъ у смотрителя, суровое, бородатое лицо котораго выражало только безсмысленный страхъ.

— Подъ голову? подъ голову? Вотъ! и онъ тотчасъ снялъ съ себя кафтанъ и свернулъ его въ видѣ подушки.

— Нѣтъ-ли воды по близости?

Digitized by Google

— Воды по близости? нѣтъ... но, въ карманѣ лежитъ бутылка... точно... вѣдь это также помогаетъ... Господи ты Боже мой!

Освальдъ помочилъ водкой лобъ больного, который началъ понемногу успокоиваться.

— Какъ же все это случилось?

— Ну, ужъ и право не знаю! воскликнулъ смотритель жалобнымъ голомъ.—Я прискакалъ сюда, потомучто парень слишкомъ долго возился тутъ съ дровами и хотѣлъ проиграть ему скорый маршъ. Вдругъ, вижу, что онъ сидитъ на пнѣ подлѣ телѣги и не шевелится. Чего ты тутъ сидишь? закричалъ я.—Отчего же мнѣ не сидѣть? отвѣчалъ онъ.—Ты опять пьянъ, Іохимъ! сказалъ я, потомучто онъ глядѣлъ совсѣмъ осовѣлыми глазами, а пустая бутылка лежала подлѣ него.—Самъ пьянъ! отвѣчалъ онъ.—Ахъ ты мерзкій негодяй!—Самъ негодяй, сказалъ онъ. Ну ужь, г-нъ докторъ, этого вѣдь невозможно спустить. Я соскочилъ и отсчиталъ парочку моему молодцу. Онъ, съ ужаснымъ бѣшенствомъ, кинулся на меня и вдругъ, какъ быкъ, грянулся о земь и началъ, и началъ... Господи, да никакъ опять тоже. Отъ роду не видалъ я ничего такого!

У больного опять начались судороги; самъ Освальдъ боялся, чтобы не кончилось дурно.

— Поскорѣе свалите съ телѣги дрова, мы потихоньку отвеземъ его домой. Между тѣмъ, нужно съѣздить за докторомъ!

— Да, да; я поѣду за докторомъ! вскричалъ смотритель, очень довольный, что представлялся случай уѣхать и уже занесъ одну ногу въ стремя.

— Остаться здѣсь! повелительно крикнулъ Освальдъ, что я сдѣлаю съ нимъ одинъ? Стыдитесь, г-нъ смотритель, берите примѣръ съ Бруно!

Бруно помогалъ Освальду на сколько доставало силъ. Въ эту минуту онъ стоялъ на телѣгѣ и скидывалъ съ нея дрова.—Я поѣду за докторомъ, Освальдъ? спросилъ онъ, спрыгнувъ на землю.

— Это будетъ всего лучше, Бруно. Ты знаешь дорогу, а мнѣ нельзя отойдти отсюда. Поднимите ему стремена, г-нъ Врампе!

— Сейчасъ, сейчасъ! но Бруно уже самъ сдѣлалъ что было нужно: однимъ прыжкомъ, не коснувшись даже стремени, онъ очутился въ сѣдлѣ и схватилъ уздечку. Сильное животное стало на дыбы, почувствовавъ слишкомъ легкую ношу.

Digitized by Google

— Она васъ сброситъ, баринъ! сказалъ Врампе.

— Не бойтесь! Дайте сюда хлыстъ! Гопъ! Allez! и онъ помчался галопомъ. Освальдъ видѣлъ какъ онъ перескочилъ черезъ два рва, чтобы сократить путь до ближайшаго городка, гдѣ жилъ докторъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Между тѣмъ Освальдъ и Врампе не безъ затрудненія положили больного въ телѣгу, въ которой устроили родъ постели изъ сѣна и платья. Исполинская сила смотрителя была значительно парализирована страхомъ. Освальдъ сѣлъ въ телѣгу, чтобы въ случаѣ нужды поддержать больного, а Врампе правилъ лошадью. Къ счастію дорога была недальняя.

— Вы вѣдь знаете гдѣ онъ живетъ? спросилъ Освальдъ, когда въѣхали въ деревню.

— Какъ разъ въ первомъ домѣ, отвѣчалъ Врампе, указывая на строеніе, скорѣе напоминавшее собачью конуру, нежели человѣческое жилище.

— Женатъ онъ?

— Былъ женатъ, отвѣчалъ Врампе; съ своей бѣдной женой... тутъ онъ остановился и бросилъ бѣглый взглядъ на блѣдное лицо мущины, какъ бы желая сказать, что о мертвыхъ и больныхъ при смерти нужно говорить только хорошее.

— Есть у него дѣти?

— Двое; вотъ они у воротъ съ бабушкою Клаузенъ. Бабушка Клаузенъ, у Іохима была опять чорная немочь, отведите дѣтей, чтобъ они не испугались!—Такъ кричалъ смотритель, котораго сознаніе своей несправедливости сдѣлало необыкновенно нѣжнымъ. На порогѣ хижины сидѣла старушка, а двое маленькихъ дѣтей играли на пескѣ у ея ногъ.

Когда старуха подняла голову, Освальдъ узналъ въ ней ту женщину, съ которой имѣлъ вчера утромъ такой странный разговоръ о безсмертіи. Старуха поспѣшно отвела дѣтей въ избу и воротилась къ телѣгѣ.

Digitized by Google

— Что онъ, умеръ? спросила она.

— Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ Освальдъ.

— Смотрите-ка, вчерашній молодой баринъ! Это хорошо, что вы сострадательны къ бѣднымъ людямъ.—Ну вносите его, я отвела дѣтей въ свою коморку.

— Смотритель и Освальдъ сняли съ телѣги совершенно недвижимаго Іохима, внесли его въ низенькую комнату и положили въ постель. Смотритель хотѣлъ помочь старухѣ раздѣть больного.

— Нѣтъ, ужь ступайте; мы съ г-мъ Штейномъ и одни теперь справимся.

Смотритель не заставилъ себѣ повторить два раза этого позволенія; пробормотавъ что-то, онъ вышелъ изъ комнаты, и Освальдъ видѣлъ въ окно какъ, прежде чѣмъ сѣсть на лошадь, онъ сдѣлалъ огромный хлебокъ изъ своей бутылки, какъ будто послѣ всѣхъ физическихъ и нравственныхъ напряженій особенно нуждался въ этомъ услажденіи.

Освальдъ сѣлъ у открытаго окна на низенькую скамейку и сталъ осматривать комнату. Съ перваго взгляда замѣтно было, что въ жилищѣ этомъ присутствовалъ добрый духъ, но ужъ конечно для своего пребыванія онъ избралъ не того пьяницу, который лежалъ теперь на постелѣ. Постель была покрыта чистымъ одѣяломъ, занавѣски и стѣны были тоже чисты, полъ усыпанъ пескомъ. Воздухъ въ комнатѣ былъ свѣжій, маленькія оконныя стекла на столько прозрачны, на сколько это дозволялъ ихъ зеленый цвѣтъ и долголѣтнее существованіе. Бабушка Клаузенъ сидѣла на кровати, и изъ ея странныхъ манипуляцій Освальдъ заключилъ, что она предприняла надъ больнымъ что-то въ родѣ леченія магнетизмомъ. Больной, казалось, погрузился въ спокойный сонъ. Она встала и сказала Освальду: я пойду уложу дѣтей, вы посидите здѣсь покуда?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, она вышла, черезъ четверть часа вернулась и также подсѣла къ окошку. Въ рукахъ у нея былъ дѣтскій чулокъ, и она вязала его съ необыкновенною быстротою для своихъ лѣтъ. Такъ сидѣла она, то прислушиваясь къ дыханію больного, то считая петли въ своемъ вязаньѣ, то ласково посматривая на Освальда своими сѣрыми глазами.

— Не знаю ужь когда, сказала она вдругъ, когда красная поло-

Digitized by Google

са заходящаго солнца упала на лицо Освальда,—но я навѣрное васъ видѣла.

— Какъ же, сказалъ Освальдъ, вчера поутру на дорогѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не вчера, нѣсколько лѣтъ назадъ, такъ лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ, даже болѣе.

— Сколько же вамъ лѣтъ бабушка? спросилъ Освальдъ, удивленный, что она пятьдесятъ лѣтъ называетъ только нѣсколькими годами.

— Въ будущее рождество минетъ восемьдесятъ два, отвѣчала старуха, еще поспѣшнѣе принимаясь вязать, какъ будто этотъ вопросъ напомнилъ ей, что ей нельзя уже терять времени.

— Восемьдесятъ два года, вскричалъ удивленный Освальдъ, и вы все это время прожили въ этой деревнѣ?

— Да все здѣсь, да еще въ замкѣ. Тамъ я родилась въ рождественскій сочельникъ въ 1764 году, въ тотъ самый день и часъ, какъ и отецъ покойнаго барона.

— А какъ давно онъ умеръ?

— Ну будетъ, я думаю, лѣтъ сорокъ; теперь онъ былъ бы однихъ лѣтъ со мною — восьмидесяти-двухъ. Гм! Гм! восемдесятъ два года, куда бы былъ хорошъ, съ такими же морщинами! А красивый былъ парень, у, какой красивый.

Воспоминаніе о давно умершемъ баронѣ Гренвицѣ, казалось, сильно заняло старуху; она опустила на колѣна худыя загорѣлыя руки, и задумчиво стала глядѣть вдаль. Красивый парень, повторила она еще разъ, и старыя черты озарились веселою улыбкою; потомъ двѣ крупныя слезы медленно покатились по морщинистымъ загорѣлымъ щекамъ на морщинистыя загорѣлыя руки... Что-то подумала въ эту минуту старушка? Увидѣла ли она себя опять стройною, красивою дѣвочкою съ большими сѣрыми, блестящими глазами и богатыми, темнобѣлокурыми волосами; такою, какъ она была въ ту ночь, когда выбѣгала въ садъ замка на свиданіе съ барчонкомъ, съ рѣзвымъ барчонкомъ, съ которымъ выросла вмѣстѣ какъ сестра, и котораго любила какъ брата и какъ друга сердца, который клялся ей, что сдѣлаетъ ее баронесой, какъ только получитъ въ свое владѣніе Гренвицъ. Тогда оба они были молоды; а солнце въ то старое время свѣтило такъ тепло и кротко, а птицы такъ любовно распѣвали свое три-ли-ри-ли, а лунный свѣтъ такими тихими стопами прокрадывался въ алеи, что не тревожилъ даже соловья, заливавшагося

Digitized by Google

въ кустахъ, да такъ печально, будто его сердце готово было разорваться отъ любовной тоски и горя — ибо увы! молодой баринъ уѣхалъ далеко, далеко, за море, къ роднымъ въ Швецію, куда послали его родители, чтобы положить конецъ глупой исторіи съ Лизой; и онъ не прислалъ ей ни одного слова, ни одного поклона въ продолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ. А когда вернулся изъ Швеціи... милосердый Богъ, онъ былъ не одинъ — хорошенькая, молодая барыня сидѣла съ нимъ въ каретѣ; старые родители радовались, слуги кричали ура! и всѣ танцовали и веселились. — Но въ самомъ густомъ кустарникѣ сада спряталась дѣвушка, самая красивая во всей окрестности и плакала тихо, тихо, и отъ слезъ глубоко впали ея прекрасные глаза, и посѣдѣли бѣлокурые волосы, и—вотъ сидитъ она теперь старая, старая старуха, а все еще текутъ слезы по ея морщинистымъ, загорѣлымъ щекамъ на морщинистыя загорѣлыя руки.

— Красивый малый, повторила она, такой красивый, что я во всю жизнь не встрѣчала подобнаго до вчерашняго утра, когда вы очутились передо мной на дорогѣ. Еще тогда показались вы мнѣ какъ-то знакомы, а теперь вотъ я и припомнила почему. Позвольте спросить баринъ, сколько вамъ теперь лѣтъ?

— Двадцать три года.

— Такъ, такъ, я такъ и думала, что двадцать три... ты все еще такой-же молодой и такой же красивый и добрый.

Опять она взглянула на Освальда, но уже не пытливымъ взглядомъ, но ясно и привѣтливо, какъ глядитъ старая бабушка на внука, играющаго у ея кресла. Вдругъ она встала, подошла къ Освальду, и, положивъ ему на голову дрожащія, старческія руки, сказала медленно и торжественно какъ будто не своимъ, а раздающимся изъ другого міра голосомъ: да благословитъ и сохранитъ тебя Богъ, Оскаръ. Потомъ она снова сѣла на свою низенькую скамейку, принялась вязать такъ поспѣшно, что спицы застучали, а сѣдая голова опустилась съ блаженною улыбкою, какъ будто внутренній, ей одной слышный голосъ разсказывалъ ей давно забытую, удивительную сказку о юности, любви и соловьиномъ пѣньѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ низенькой комнаткѣ начинало темнѣть; спицы старухи стучали все быстрѣе, шварцвальдскіе часы въ углу, какъ будто громче и громче постукивали въ тишинѣ, а Освальдъ все еще сидѣлъ у открытаго окна, опустивши голову на руку, какъ во снѣ.

Шумъ экипажа на улицѣ разбудилъ его. Запряженный парой легкій голштинскій экипажъ остановился передъ хижиной, изъ него быстро выскочилъ мущина и вошолъ въ комнату.

— Добрый вечеръ! господинъ докторъ Штейнъ, сказалъ чистый нѣсколько рѣзкій голосъ — очень радъ съ вами познакомиться. — Мое имя Браунъ. Бруно уже разсказалъ мнѣ, что я найду здѣсь милосердаго Самарянина... гдѣ же нашъ паціентъ?... тамъ на постелѣ?... какъ бы достать намъ огонька бабушка; а между тѣмъ докторъ Штейнъ потрудится разсказать мнѣ все что ему извѣстно о случившемся, не правда-ли?

Освальдъ разсказалъ все что видѣлъ.

— Такъ я и зналъ, сказалъ докторъ Браунъ; это припадокъ падучей болѣзни. Случалось это прежде съ вашимъ сыномъ? спросилъ онъ старуху, входившую въ эту минуту въ комнату съ тонкой сальной свѣчой, свѣтъ отъ которой падалъ на ея морщинистое лице.

— Онъ мнѣ не сынъ, и его жена тоже была мнѣ не дочь, сказала бабушка Клаузенъ, ставя свѣчу на скамѣечку противъ кровати; но его дѣти мои дорогіе внучата.

Докторъ бросилъ проницательный взглядъ на старуху, вопросительно перенесъ его на Освальда, однако воздержался отъ замѣчанія и обратился къ больному.

Между тѣмъ Освальдъ внимательнѣе разсмотрѣлъ новоприбывшаго. Это былъ мущина отъ двадцати пяти до тридцати лѣтъ, хорошо сложенный, но нѣсколько худощавый, въ простомъ удобномъ, но изящномъ лѣтнемъ костюмѣ. Форма головы была удивительно красива, волосы бѣлокурые и слишкомъ густые для того чтобы виться; лобъ нѣсколько выдавался впередъ.

Digitized by Google

Носъ нельзя было отнести ни къ какой опредѣленной категоріи, однако онъ былъ красивъ и полонъ выраженія, также какъ и ротъ, губы котораго имѣли нѣжную форму, какъ будто всегда готовы были произнесть милое остроумное слово. Такія губы встрѣчаются въ античныхъ головахъ, въ особенности въ изображеніи Гермеса. Густая блестящая борода покрывала щеки и подбородокъ и заканчивала мужественно красивое выраженіе лица. Освальдъ замѣтилъ также въ то время какъ докторъ приподнималъ веки больного, что его руки женственно красивы и нѣжны.

— Да, это падучая болѣзнь, сказалъ докторъ Браунъ. Я не могу ничего прописать, потомучто въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ сама природа. Въ настоящую минуту нужно только спокойствіе. Завтра больной будетъ еще нѣсколько слабъ, но уже совершенно здоровъ.

— Такъ эти случаи не опасны? спросилъ Освальдъ

— О радикальномъ излеченіи нечего и думать, по крайнѣй-мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ леченіе очень продолжительно.

— Я уже рѣшился здѣсь ночевать, сказалъ Освальдъ. Боже сохрани. Спокойствіе — главнѣйшая потребность человѣка.

— Онъ вдовый? спросилъ Освальдъ, осматривая комнату.

— Анна умерла, сказала бабушка Клаузенъ; я такъ и быть ужь похожу за Іохимомъ; люди моихъ лѣтъ не должны много спать; будетъ время, наспимся. Отправляйтесь лучше домой, мой милый барчонокъ, вы не трусливы, я это знаю. Прощайте господинъ докторъ, очень вамъ благодарна за Іохима; самъ онъ теперь не въ состояніи поблагодарить васъ, да едва-ли и благодарилъ когда нибудь, даже когда и былъ въ силахъ. Прощайте молодой баринъ!

— Не хотите-ли проводить меня нѣсколько, сказалъ докторъ, подходя къ двери. Я поѣду черезъ Берковъ; гдѣ у меня есть еще больной въ деревнѣ, а вы сойдете гдѣ захотите; къ ужину въ Гренвицъ вы уже опоздали, могу васъ увѣрить, я знаю это изъ вѣрнаго источника, потомучто самъ тамъ ужиналъ.

— Вы тамъ ужинали, спросилъ Освальдъ, помѣщаясь въ экипажъ доктора; развѣ Бруно не засталъ васъ въ Б?

— Бѣдный юноша проѣздилъ напрасно: пока онъ стремглавъ летѣлъ туда, я уже преспокойно сидѣлъ въ Гренвицѣ.

— Позвольте спросить что привлекло васъ въ Гренвицъ!

Digitized by Google

Докторъ засмѣялся — о tempora, о mores — вотъ учитель, который ухаживаетъ за другими людьми и не знаетъ, что его собственный Телемакъ лежитъ при смерти дома.

— Надѣюсь, вы шутите?

— Теперь конечно шучу; Мальте такъ здоровъ какъ только можетъ быть здоровъ мальчикъ, которому хочется избавиться завтра отъ уроковъ; но такъ какъ баронъ и баронеса увидѣли въ изнуреніи послѣ долгой прогулки, весьма естественномъ въ такой сахарной куклѣ, признаки начинающагося тифа, и ни одинъ голосъ вь высочайшемъ совѣтѣ не возсталъ противъ этого предположенія, то конечно слѣдовало какъ можно скорѣе послать за несчастнымъ, пользующимся привилегіею выслушивать всякій вздоръ, который приходитъ людямъ въ голову, т. е. за докторомъ, и когда я послѣ ужина, (который, какъ вы знаете, или по словамъ баронесы по крайней-мѣрѣ должны знать — въ Гренвицѣ всегда акуратно подается въ восемь часовъ) хотѣлъ уже сѣсть въ экипажъ, влетѣлъ этотъ молодецъ Бруно, точно Георгъ въ Гетцѣ фонъ Берлихинденъ во весь карьеръ на дворъ замка. Посмотрѣли бы вы на ужасъ барона и баронесы! Добрые люди едва-ли сильнѣе бы испугались, если бы самъ мертвецъ изъ Бюргеровой балады съ крикомъ и свистомъ проскакалъ у нихъ по двору. — Бруно задыхаясь объявилъ, что Іохимъ умираетъ, а докторъ Штейнъ сидитъ у него и проситъ меня пріѣхать какъ можно скорѣе. — Но кстати, какъ же это? старушка называла васъ молодымъ барчонкомъ; изъ этого я заключаю, что мнѣ слѣдуетъ впередъ называть васъ господиномъ фонъ Штейнъ.—Почему же не прямо барономъ? сказалъ смѣясь Освальдъ, которому очень понравилась манера его новаго знакомаго. Нѣтъ, я на столько-же дворянскаго происхожденія, на сколько бабушка Клаузенъ королева.

— Это странная старуха, сказалъ докторъ.—Посмотрите какъ красиво выходитъ луна изъ-за лѣса и какъ пріятенъ вечерній воздухъ! Странная женщина! знаете ли что мнѣ показалось? Она похожа—ну на кого она похожа?

— На старую, престарую старуху изъ какой-нибудь волшебной сказки, способную при случаѣ превратиться въ прелестнѣйшую принцесу въ мірѣ.

— Именно такъ. Какой удивительный огонь въ ея впалыхъ глазахъ. Можно подумать, что морщинистое лицо только маска, скрывающая вѣчно юную Психею.

Digitized by Google

Освальдъ разсказалъ доктору свою встрѣчу со старухой вчера поутру и ея странную бесѣду.

— Да, да, сказалъ докторъ: слова Гете всегда останутся справедливы: людямъ досадно, что истина такъ проста. Имъ непремѣнно нужно ее разукрасить. Но такіе люди, какъ наша старуха, прочитываютъ только одну главу въ большой міровой книгѣ, за то читаютъ ее постоянно впродолженіи 60 и 70 лѣтъ, пока не вытвердятъ наизусть. А три четверти людей образованныхъ, которые нетерпѣливо перелистываютъ всю книгу, выхватываютъ кое-что изъ начала, конца и середины и остаются такими же какъ были до чтенія.

— Живымъ доказательствомъ вашего замѣчанія можетъ служить баронеса Гренвицъ. Чего только ни читала эта женщина по французски, по нѣмецки, по англійски, по шведски; духовнаго и свѣтскаго, умнѣйшихъ и глупѣйшихъ книгъ. Одинъ разъ застанешь ее за романомъ Руссо, другой — за романомъ Фанъ-дер-Фельда; сегодня она читаетъ рѣчи Шлейермахера о религіи, а завтра — новѣйшій раздирательный разсказъ Дюма или Евгенія Сю; — объ отдѣльныхъ вещахъ она разсуждаетъ совершенно правильно, но какъ скоро дѣло дойдетъ до summa arcana до высочайшихъ тайнъ человѣческаго мышленія, или если даже ей вздумается формировать нѣсколько отдѣльныхъ правильныхъ замѣчаній въ общемъ предложеніи, то она начинаетъ приводить такія жалкія аристократическія общія мѣста, что уши вянутъ. Кажется подобное качество этой дамы неспособно усилить для васъ прелести пребыванія въ Гренвицѣ, замѣтилъ докторъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ Освальдъ; впрочемъ я стараюсь ослабить эту примѣсь рѣчи тѣмъ, что по возможности отдѣлываюсь отъ философскихъ разсужденій баронесы, и вообще въ сношеніяхъ съ этимъ семействомъ ограничиваюсь только самымъ необходимымъ.

— Ужь не слишкомъ ли вы съузили границы, которыя поставили себѣ для охраненія своего времени и хорошаго расположенія духа? сказалъ докторъ, стряхивая пепелъ съ сигары.

— То есть какъ? спросилъ Освальдъ не безъ нѣкотораго удивленія.

— Извините мою нескромность, сказалъ собесѣдникъ, пристально вглядываясь въ Освальда своими ясными, умными глазами. Вы знаете, что мы врачи волей неволей бываемъ осужде-

Digitized by Google

ны на роль повѣренныхъ въ тѣхъ домахъ, которые посѣщаемъ. На нѣкоторыхъ пунктахъ все сходится съ физическою природою, которую мы обязаны контролировать; а такимъ-то путемъ случается намъ узнавать вещи иногда вовсе и не принадлежащія къ области медицины. Бываютъ вещи, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ діэтикѣ тѣла или души, но люди думаютъ: если ужь я сказалъ ему такъ много, то отчего же не сказать и остального. Такъ и сегодня, баронеса не могла не высказать замѣчанія, что вы (я не желаю при этомъ ни польстить вамъ, ни сказать что нибудь непріятное, хочу только дать вамъ намекъ, который вы вольны принять или не принимать въ соображеніе), — что вы, въ такой высокой степени обладающій даромъ слова (я употребляю здѣсь слова баронесы) и такъ хорошо знающій всѣ пріемы свѣтскаго обращенія, не хотите дѣлать настоящаго употребленія изъ этихъ талантовъ, что въ особенности жаль потому, что черезъ эту сдержанность (я все-таки повторяю слова баронесы) Мальте, который всегда лучше чувствуетъ себя дома, въ нѣдрахъ семейства, теряетъ часть тѣхъ выгодъ, которыя могъ-бы извлечь, и непремѣнно бы извлекъ изъ болѣе интимныхъ отношеній съ вами.

— Вотъ вѣдь какая странная натура у человѣка, сказалъ Освальдъ, послѣ небольшой паузы. То, что вы мнѣ говорите теперь, я уже не разъ повторялъ самъ себѣ; я разсуждалъ весьма основательно, что, рѣшившись закабалить свое время и свою силу для пользы какого нибудь семейства, я долженъ уже заранѣе приготовиться и ко всѣмъ остальнымъ уступкамъ, — а теперь, когда я слышу тѣже самыя мысли отъ васъ, онѣ тревожатъ меня и задѣваютъ за живое.... Но будьте увѣрены, что я сержусь единственно на одного себя и сержусь тѣмъ болѣе, что намекъ, сдѣланный мнѣ съ такимъ радушіемъ, могъ раздосадовать меня хоть на одну минуту.

— Я былъ увѣренъ, сказалъ докторъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, который съумѣетъ отличить пшеницу отъ плевелъ; не будь у меня этого убѣжденія, я конечно не сказалъ-бы ни слова.

Опять наступила пауза... Докторъ можетъ быть втайнѣ раскаявался, что его добродушіе поставило его въ положеніе непрошенаго совѣтника; Освальдъ погрузился во вновь возникшія мысли и казалось совсѣмъ забылъ, что высокія ели быстро

Digitized by Google

мелькали мимо него, а добрые кони доктора почти уже пробѣжали пространство между Гренвицемъ и Берковомъ. Онъ вскочилъ въ испугѣ, когда между вѣтьвями, вдругъ засвѣтился огонекъ. Огонь этотъ мелькалъ изъ окошка лѣсничаго въ Берковѣ. По противуположной сторонѣ шла узенькая тропинка къ эрмитажу Мелиты. На томъ самомъ мѣстѣ, до котораго они теперь доѣхали, ожидалъ его вчера вечеромъ экипажъ барона.

— Прикажите, пожалуйста, остановиться! поспѣшно сказалъ онъ доктору,—я съ ужасомъ замѣчаю, что мы доѣхали почти до Беркова и мнѣ болѣе чѣмъ пора выйти изъ экипажа.

Лошадей остановили и Освальдъ вышелъ.

— Надѣюсь, сказалъ онъ, протягивая руку доктору, что это не единственный и еще не самый продолжительный путь, который намъ придется пройти вмѣстѣ по жизненной дорогѣ.

— Надѣюсь и желаю того-же самаго, отвѣчалъ докторъ; мнѣ кажется, что мы довольно сходимся въ мысляхъ и чувствахъ, а встрѣтить родственную натуру такое счастіе, которымъ не пренебрегаютъ. Во всякомъ случаѣ я скоро опять буду въ этой сторонѣ. Покуда, до свиданья.

Лошади тронулись. Когда замолкъ послѣдній шумъ колесъ, огонекъ въ домикѣ сторожа погасили и Освальдъ остался одинъ въ темнотѣ и мракѣ.

Тогда возникъ передъ нимъ образъ Мелиты и какъ будто манилъ его по тропинкѣ къ лѣсной часовнѣ. Такъ дошолъ онъ до поляны и вдругъ остановился, какъ поражонный молніей — въ окнѣ эрмитажа свѣтился огонь! Мелита, которую онъ предполагалъ въ замкѣ, была здѣсь, здѣсь! въ пятидесяти шагахъ отъ него; ему стоило только перейти лугъ, подняться на двѣ ступеньки, отворить дверь... Освальдъ прислонился къ дереву, чтобы нѣсколько упокоить страшное біеніе сердца. А если кто нибудь увидитъ его здѣсь, если онъ ставитъ на карту доброе имя Мелиты!... Затаивъ дыханіе, онъ сталъ прислушиваться къ тишинѣ.... Ничего не было слышно, кромѣ чудныхъ, таинственныхъ звуковъ, которыя слышатся только ночью: шумъ и шопотъ въ вѣтьвяхъ, хрустѣніе сухого листа, глухой лай собакъ на деревнѣ.... Ночная птица почти задѣла его по лицу крыломъ и быстро пронеслась дальше; кругомъ-же царствовала совершенная тишина..... Тогда донесся глухой, угрожающій звукъ до его слуха: это рычала собака Мелиты, сторожившая входъ

Digitized by Google

въ часовню.... Вѣрное животное очевидно почуяло приближеніе чужого, встало съ своего мѣста и обошло рундомъ маленькій домикъ.

— Boncœur, ici! тихонько крикнулъ Освальдъ, когда собака почти подошла къ нѣму.

Умное животное остановилось, услыхавъ свое имя, узнало Освальда, въ одинъ прыжокъ очутилось подлѣ него и, въ знакъ привѣтствія, положило ему на плечи свои лапы.

— То-то, Boncœur, сказалъ Освальдъ, лаская собаку, такъ ты позволяешь мнѣ идти къ твоей госпожѣ? Ну пойдемъ!

Освальдъ пошолъ по лугу въ сопровожденіи собаки. На лѣстницѣ стукъ лапъ Бонкера заглушилъ легкіе шаги Освальда: такъ проскользнулъ онъ по галереѣ и дошолъ до окна. Окно было открыто, но густо переплетено венеціанскимъ плющомъ, сквозь который Освальдъ и сталъ смотрѣть въ комнату. На столѣ горѣла лампа подъ краснымъ абажуромъ, такъ что статуя Венеры виднѣлась какъ живая при этомъ тепломъ свѣтѣ. У ногъ статуи сидѣла Мелита. Передъ ней лежала раскрытая книга, но она очевидно не читала. Опустивъ голову на стройную руку, она сильно задумалась. Неизъяснимо трогательное выраженіе вмѣсто горести и блаженства виднѣлось въ ея мягкихъ, дѣтскихъ чертахъ. Освальдъ долго не рѣшался разрушить картины, которая представлялась ему изъ окна, но наконецъ тихо произнесъ имя Мелиты.

Мелита подняла голову, устремила на окно свои большіе глаза и стала прислушиваться. Потомъ грустно улыбнулась, какъ бы желая сказать: «это была мечта!» и снова опустила голову на руку.

— Мелита, это я...

Теперь это была уже дѣйствительность. Съ радостнымъ крикомъ кинулась она къ двери навстрѣчу Освальду; она обвила руками его шею, прильнула жаркими губами къ его губамъ, потомъ опустила голову на его грудь и глянула ему въ лицо со слезами и улыбкою: — я только сейчасъ думала о тебѣ, Освальдъ! я думала: если онъ меня любитъ, то долженъ прійти и придетъ сегодня, а если не придетъ, то не любитъ. Освальдъ, ты вѣдь любишь меня? Не такъ какъ я тебя, но все же немножко любишь, такъ ли, Освальдъ?

Освальдъ, нѣмой отъ блаженства, прижалъ ее къ своей груди.

Digitized by Google

— Мелита, ты такъ безгранично хороша и добра, что тебя и любить нельзя иначе, какъ безгранично.

У двери, положивъ на переднія лапы свою исполинскую голову, лежитъ Бонкеръ. По быстрому движенію его ушей при малѣйшемъ шумѣ изъ лѣса, можно предположить, что онъ безъ церемоніи разорветъ всякаго, кто осмѣлился бы проникнуть въ это святилище любви.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Прошло нѣсколько дней послѣ описаннаго вечера.

Бемперлейнъ уѣхалъ съ Юліемъ въ Грюнвальдъ и оттуда написалъ Мелитѣ и Освальду; первой, чтобы сообщить, что воспитанникъ его поступилъ въ очень милое семейство, въ которомъ есть два сына почти однихъ лѣтъ съ Юліемъ, а второго увѣдомлялъ, что имѣлъ очень интересный разговоръ съ професоромъ Бергеромъ, содержаніе котораго онъ сообщитъ своему новому другу на слѣдующей недѣлѣ, когда пріѣдетъ окончательно прощаться съ Берковымъ. Теперь же писалъ только, что больше чѣмъ когда-нибудь утвердился въ своемъ намѣреніи и не можетъ дождаться того времени, когда весь погрузится въ новыя занятія.

На другой день послѣ отъѣзда Бемперлейна, въ Гренвицъ пріѣзжалъ землемѣръ, но пробылъ только часа два, посовѣтовался съ барономъ и баронесой и уѣхалъ межевать сосѣднее имѣніе. Онъ показался Освальду очень живымъ, острымъ и по видимому весьма начитаннымъ и вообще образованнымъ молодымъ человѣкомъ, такъ что онъ съ удовольствіемъ ожидалъ его пріѣзда въ Гренвицъ, гдѣ онъ намѣревался рисовать карты и планы. Дальновидная баронеса уже приказала готовить комнаты и большіе столы въ томъ самомъ флигелѣ, гдѣ жилъ Освальдъ.

Въ воскресенье владѣтели Гренвица, вмѣстѣ съ докторомъ Штейномъ, были приглашены къ г. Барневицу, двоюродному брату Мелиты. Освальду очень хотѣлось наотрѣзъ отказаться отъ

Digitized by Google

этого приглашенія и онъ согласился ѣхать только по настоянію Мелиты

— Что мнѣ тамъ дѣлать? говорилъ онъ ей,—меня приглашаютъ или потому, что недостаетъ танцующихъ кавалеровъ или для того, чтобы сдѣлать удовольствіе барону: во всякомъ случаѣ не ради меня самого. Я буду въ этомъ обществѣ, какъ могиканъ среди ирокезцевъ, какъ шпіонъ въ непріятельскомъ лагерѣ. Я знаю аристократовъ. Дворянинъ вѣжливъ и любезенъ съ плебеемъ только пока говоритъ съ нимъ съ глазу на глазъ; какъ скоро собралось нѣсколько дворянъ, они сливаются между собою какъ частицы ртути и обращаютъ на плебея свой esprit de corps. Говорю тебѣ, Мелита, я знаю аристократовъ и ненавижу ихъ.

— Но вѣдь меня ты любишь, Освальдъ, а вѣдь я также принадлежу къ ненавистному тебѣ сословію.

— Къ несчастію; и это единственный недостатокъ, который можно открыть въ тебѣ, моя прелесть. Но ты такъ ангельски добра и мила, и чѣмъ сильнѣе ты отличаешься отъ этихъ глупыхъ свѣтскихъ павъ, тѣмъ больше я боюсь, чтобы искра той жаркой ненависти, которую я питаю ко всему сословію, не попала нечаянно на тебя. Теперь ты для меня королева, владѣтельница замка, урвавшаяся потихоньку обнять своего друга сердца, и я забываю и твое званіе, и твою недоступность въ этомъ уютномъ лѣсномъ уединеніи. Ты для меня только любимая, обожаемая женщина, вѣнецъ созданія, то, чѣмъ ты была бы для меня и въ нищенскомъ рубищѣ; тамъ же, въ освѣщенной восковыми свѣчами залѣ, ты окружена твоими грандами, засыпана угожденіями; я не могу не видѣть этого блеска, и съ горечью принужденъ буду подумать, что не долженъ бы былъ тянуться къ такой высотѣ изъ моего ничтожества.

— Послушай, Освальдъ, сказала Мелита, пристально глядя ему въ глаза:—ну, хорошо ли это съ твоей стороны? Вѣдь это насмѣшка надо мною. Развѣ я не слышу по рѣзкому тону твоего голоса, развѣ не вижу по безпокойному блеску глазъ, который такъ разительно отличается отъ ихъ всегдашняго, спокойнаго и ровнаго свѣта, что ты вполнѣ сознаешь, что силою своего генія, своей мужественной красотой и энергіей ты превышаешь всѣхъ насъ, какъ властитель по рожденію. Я отдалась тебѣ всею душою, ты мой господинъ и повелитель, я подчинюсь самому странному изъ твоихъ капризовъ; перенесу отъ тебя

Digitized by Google

всякую обиду; даже смерть не страшна мнѣ отъ руки твоей;—но зачѣмъ же примѣшивать каплю горечи въ чашу любви, изъ которой я пью съ такимъ жаднымъ наслажденіемъ. Освальдъ, не смѣйся надо мною!

— Я не смѣюсь надъ тобою, Мелита, я увѣренъ въ твоей любви, не смотря на то, что весьма мало ея заслуживаю; я знаю, что твоя любовь, любовь милосердая, всепрощающая, всему вѣрующая; знаю, что она никогда не прекратится, — но, дорогая моя, я не порицаю тебя, не порицаю ни одной отдѣльной личности, которая можетъ быть безсознательно томится въ этомъ противуестественномъ раздѣленіи. Но, увѣряю тебя, никогда не признаетъ католикъ протестанта, аристократъ плебея, христіанинъ жида и обратно — своимъ дѣйствительно ближнимъ — своимъ братомъ! Благочестивое желаніе Натана, чтобы человѣку удалось наконецъ сдѣлаться *человѣкомъ* долго еще не исполнится. Богъ знаетъ сколько столѣтій пройдетъ до этого, да еще и возможно ли это когда нибудь.

— А покуда, сказала Мелита своимъ обыкновеннымъ лукавымъ тономъ, разглаживая волосы на лбу Освальда,— покуда, мой мечтательнѣйшій изъ мечтателей и неисправимѣйшій изъ исправителей человѣчества, будемъ наслаждаться краткими минутами блаженства и для этого ты долженъ ѣхать завтра въ Барневицъ. Пожалуйста, милый Освальдъ, мнѣ и говорить и танцовать хочется только съ тобою; я должна ѣхать на этотъ вечеръ, чтобы имѣть право отказаться отъ десяти другихъ, на которыхъ ...на которыхъ... я буду чувствовать себя еще болѣе стѣсненною чѣмъ на этомъ. Безъ тебя мнѣ не будетъ тамъ ни малѣйшаго удовольствія; напротивъ я буду грустна какъ птичка, которую заперли въ душную клѣтку. Если-же встрѣчу тамъ тебя, моя радость, то буду весела, буду танцовать, пѣть... нѣтъ, пѣть-то не буду, но буду очень, очень мила и все это ради тебя! Надѣть мнѣ бѣлое платье? А въ волосы камелію или розу? Ты еще не сказалъ мнѣ какъ я тебѣ болѣе всего нравлюсь? Господи, да какое-же у тебя каменное сердце!

На другой день, это было воскресенье, въ пять часовъ по полудни подъѣхалъ экипажъ къ порталу замка Гренвицъ. Неповоротливые гнѣдки нарядились въ лучшую упряжъ съ серебряными бляхами; молчаливый кучеръ надѣлъ парадную ливрею, а баронъ чорный фракъ, въ петлицѣ котораго виднѣлась ленточка ордена,

Digitized by Google

полученнаго имъ при какомъ-то таинственномъ случаѣ отъ кого-то изъ двѣнадцати нѣмецкихъ князей. Сама баронеса, не въ примѣръ прочимъ днямъ, одѣлась такъ, что казалась только пятью годами старше своего настоящаго возраста. Когда уложили въ экипажъ достаточное количество бурнусовъ и шалей для обратнаго пути и баронеса еще разъ величественно наклонилась къ мадемуазель Маргаритѣ, (которая, какъ показалось Освальду, весьма охотно поѣхала-бы съ ними) и произвела краткій экзаменъ, чтобы убѣдиться достаточно-ли твердо засѣли въ головѣ француженки всѣ возложенныя на нея порученія, — экипажъ тронулся тѣмъ шагомъ, который соотвѣтствовалъ настоящему торжественному случаю, неповоротливости лошадей и темпераменту молчаливаго кучера. Когда они проѣзжали по мосту, Бруно, шедшій подъ свою команду Мальте и нѣсколькихъ мальчиковъ, работавшихъ на огородѣ, прокричалъ отъѣзжавшимъ троекратное, громкое ура! Случай, вызвавшій улыбку даже у баронесы.

Впрочемъ, вѣроятно желая приготовиться къ свѣтской любезности, баронеса была въ этотъ день особенно сообщительна. Она находила погоду прекрасною, только ужь слишкомъ теплою, дорогу превосходною, только ужь слишкомъ пыльною, она уже заранѣе радовалась прохладѣ на обратномъ пути, только боялась что къ тому времени соберется гроза, потомучто одно облако на западѣ показалось ей очень подозрительно. Далѣе зашла рѣчь о томъ догадается-ли Маргарита, если дѣйствительно будетъ гроза — случай о которомъ ничего не было упомянуто въ инструкціи — запереть на верхнюю задвижку окна и исполнитъ ли она вообще все что ей было наказано. Такъ какъ не было возможности рѣшить этотъ вопросъ большинствомъ голосовъ, потомучто боронеса отрицала, Освальдъ утверждалъ, а баронъ по привычкѣ не высказывалъ никакого рѣшительнаго мнѣнія, то и перешли къ неменѣе важному пункту: на столько-ли оправился графъ Грибенъ отъ своего хроническаго ревматизма, чтобы присутствовать на сегодняшнемъ волшебномъ праздникѣ въ Барневицѣ. Отъ ревматизма графа Грибена перешли къ подагрѣ барона Тантовъ и такъ далѣе къ обыкновеннымъ семейнымъ сплетнямъ, которыя у большихъ и среднихъ аристократовъ, въ такомъ же ходу, какъ и у портныхъ и башмачниковъ съ той только разницей, что у однихъ моютъ бока *фонъ* Гинцамъ и *фонъ* Кунцамъ, а у другихъ просто Гинцамъ и Кунцамъ. Ког-

Digitized by Google

да разговоръ доходилъ до этой точки, Освальдъ обыкновенно переставалъ слѣдить за нимъ. Во время пребыванія въ Гренвицѣ онъ особенно усовершенствовался въ искуствѣ слушать и не слыхать. Теперь однако, когда онъ готовился лично увидѣть людей, о которыхъ такъ часто упоминалось, разговоръ получилъ для него нѣсколько большій интересъ, въ особенности потому, что до его уха нѣсколько разъ долетѣло имя Мелиты. Такимъ образомъ онъ узналъ, что Мелита и Барневицъ дѣти двухъ родныхъ братьевъ, что отецъ Мелиты, родной братъ того Барневица, который предлагалъ Бемперлейну пасторское мѣсто, служилъ въ шведской военной службѣ, и дѣлалъ походы противъ Наполеона и умеръ вскорѣ послѣ замужства Мелиты.

— Знаешь-ли между прочимъ, Гренвицъ, Мелита не будетъ сегодня у Барневицовъ.

Освальдъ навострилъ уши.

— Почему ты знаешь, милая Анна-Марія? спросилъ старый баронъ.

— Я приказала подать себѣ списокъ гостей, что дѣлаю обыкновенно, чтобы узнать съ кѣмъ придется встрѣтиться и прочла его очень внимательно. Г-жи фонъ Берковъ тамъ не было.

— Вѣроятно, это ошибка.

— Не думаю; ты знаешь, что Мелита и ея кузина не слишкомъ большія пріятельницы; уже не въ первый разъ обходятъ Мелиту. Впрочемъ, тамъ будетъ за то другая замѣчательная личность, отгадай-ко кто?

— Князь фонъ П.? сказалъ тревожно баронъ и пожалѣлъ въ душѣ, что надѣлъ только ленточку, а не орденъ. — Нѣтъ, не князь П?

— Нѣтъ! Ну, отгадайте вы г-нъ докторъ?

— Какой нибудь житель луны?

— Почти такая-же замѣчательная личность: баронъ Ольденбургъ. Его фамилія стояла какъ и слѣдуетъ, тотчасъ послѣ нашей.

— Ольденбурги древняго дворянскаго рода? спросилъ Освальдъ, угадавъ куда клонится рѣчь.

— Послѣ Гренвицей, родъ Ольденбурговъ самый древній въ нашей сторонѣ, сказала баронеса съ безконечнымъ самодовольствомъ. — Родъ Гренвицей доходитъ до начала двѣнадцатаго столѣтія, а Ольденбурги могутъ начать свою родословную съ конца тринадцатаго, когда ихъ родоначальникъ Адальбертъ былъ по-

Digitized by Google

жалованъ императоромъ въ имперскіе бароны, откуда происходитъ фамилія Ольденбургъ. Ольденбургамъ недостаетъ только законности происхожденія, чтобы быть теперь такими же владѣтельными лицами какъ могіе другіе, которые были прежде такими же баронами, какъ мы.

— А что же еще, кромѣ знатности рода, дѣлаетъ барона такой замѣчательной личностью?

Баронесу нѣсколько озадачилъ этотъ вопросъ. Въ ея глазахъ всего замѣчательнѣе въ баронѣ было его полнѣйшее презрѣніе къ чинамъ и сословіямъ, его саркастическое отношеніе къ людямъ своего разряда, нерѣдко подвергавшее страшному искушенію ихъ уваженіе къ его старинному роду — эта замѣчательная и, по ея мнѣнію, неестественная черта, конечно, не могла быть предметомъ разговора между ею и человѣкомъ плебейскаго происхожденія, такъ что она ограничилась многозначительнымъ отвѣтомъ.

— У барона о нѣкоторыхъ вещахъ такія странныя понятія, что право иногда опасаешься за его разсудокъ.

Въ эту минуту на дорогѣ показался всадникъ и подъѣхалъ къ экипажу. Это былъ молодой человѣкъ съ красивымъ, смуглымъ лицомъ, къ которому очень шла бѣлокурая бородка.

— Ахъ, баронеса, г. баронъ—душевно радъ! закричалъ онъ, снимая шляпу—цѣлую вѣчность не имѣлъ уже удовольствія...

— Все это оттого, mon cher, сказала баронеса съ самой милой улыбкой, что вы уже цѣлую вѣчность не показываетесь въ Гренвицъ.

— Ахъ, вы очень до...бры, очень до...бры, а я еще не имѣлъ случая познакомиться съ... вѣроятно, это баронъ Феликсъ? продолжалъ денди, обращаясь къ Освальду.

— Г. докторъ Штейнъ, сказала баронеса, воспитатель моего сына, г. фонъ-Клотенъ.

— А, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ г-нъ фонъ-Клотенъ: — чрезвычайно радъ; да, что бишь я хотѣлъ сказать? Смѣю спросить куда вы отправляетесь?

— Къ Барневицъ.

— А, я тоже ѣхалъ туда.—Смирно, Робинъ, смирно!

— Но, г-нъ фонъ-Клотенъ, тамъ будетъ большое общество— сказала баронеса, оглядывая высокіе сапоги и охотничье платье молодого человѣка,

Digitized by Google

— Можетъ ли быть! Барневицъ говорилъ мнѣ вчера, когда я случайно его встрѣтилъ, чтобы я пріѣзжалъ на партію бостона, но о большомъ собраніи не сказалъ ни полслова!

— Вѣроятно, Барневицъ хотѣлъ пошутить съ вами.

— Да, по всей вѣроятности; у Барневица всегда такія отчаянныя выходки — смирно, Робинъ! Чортъ побери Барневица, онъ уже радуется, что увидитъ меня въ гостиной въ длинныхъ сапогахъ—экія шутки! Умоляю васъ, баронеса, и вы, господа, не разсказывайте никому, что видѣли меня. Черезъ четверть часа я буду въ Барневицѣ. Au revoir!

Молодой человѣкъ повернулъ лошадь и во весь карьеръ поскакалъ назадъ.

Вскорѣ послѣ того, экипажъ остановился у крыльца господскаго дома.

Лакей подошолъ опустить подножку; въ дверяхъ показалась фигура широкоплечаго бородатаго мужчины, который могъ бы назваться красивымъ, еслибы бурно прожитая молодость и апатія не наложили печати на его черты. Это былъ кузенъ Мелиты, г-нъ фонъ-Барневицъ.

— Вы первые гости, какъ сами изволите видѣть, говорилъ онъ, вводя пріѣзжихъ въ залу, гдѣ встрѣтила ихъ г-жа фонъ-Барневицъ, миленькая блондинка.

— Вы знаете, что я всего болѣе люблю точность—отвѣчала баронеса, усаживаясь на диванѣ.

— Превосходное качество, отвѣчалъ Барневицъ:—всегда было моимъ правиломъ—въ жизни и на охотѣ, главная вещь—прицѣлился въ кулика—пафъ! упала—вотъ такъ точность, ха! ха! ха!

— Такъ сегодня мы встрѣтимъ у васъ большое общество? спросила баронеса, обращаясь къ хозяйкѣ дома.

— Такъ, отъ сорока до пятидесяти человѣкъ.

— Это значитъ, почти весь нашъ кругъ?

— Да, почти.

— А мы уже дорогой говорили о томъ увидимъ ли сегодня у васъ вашу милую кузину.

— Спросите объ этомъ моего мужа, онъ писалъ приглашенія.

— Ха! ха! ха! разразился Барневицъ: — удивительная штука, господа! Я вамъ разскажу ее, пока еще никого нѣтъ. Вы знаете, что мы путешествовали съ Мелитой по Италіи и что тамъ присоединился къ намъ баронъ Ольденбургъ. Мы отлично тамъ жили,

Digitized by Google

потомучто Ольденбургъ можетъ быть очень пріятенъ, когда захочетъ.—Но вдругъ, хорошія отношенія пошли къ чорту! Извините баронеса! Одинъ тянетъ въ сторону, другой въ другую. Ольденбургъ и Мелита только и говорили другъ другу что колкости и, въ одно прекрасное утро, Ольденбургъ исчезаетъ и оставляетъ записку: что онъ, видите ли, находитъ воздухъ Сициліи слишкомъ удушливымъ для своей слабой груди и хочетъ проѣхать въ Египетъ. Съ этого времени прошли три года; теперь Ольденбургъ воротился, но показался только еще въ моемъ домѣ, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе мнѣ, какъ говоритъ баронъ, моей женѣ, какъ говорю я.

— Но, Карлъ...

— Но, милая Гортензія, между друзьями можно и пошутить; ну такъ, онъ пріѣзжалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе намъ обоимъ. Когда я сталъ приглашать его на вечеръ, онъ отвѣтилъ: хорошо, если не будетъ твоей кузины; дня два тому назадъ, я встрѣтился съ Мелитой и пригласилъ и ее. Она отвѣчала,—хорошо, если не будетъ твоего друга Ольденбурга. Конечно, я увѣрилъ обоихъ, что они могутъ быть совершенно спокойны и никакъ не столкнутся съ предметомъ своего недоброжелательства. Чтобы придать еще болѣе достовѣрности дѣлу, я посылаю двухъ лакеевъ съ двумя разными пригласительными листами; на одномъ записана была Мелита, а на другомъ Ольденбургъ. Такъ вотъ, и они пріѣдутъ оба; неправда ли, славная штука! Извините, я слышу стукъ другого экипажа.

Мало по малу, наполнились гостями зала и цѣлый рядъ высокихъ, красивыхъ комнатъ, оканчивающійся выходомъ въ садъ.

Освальда представили нѣкоторымъ мужчинамъ и дамамъ; они отвѣтили на его поклонъ съ той холодной вѣжливостью, которую выказываютъ обыкновенно аристократы къ плебею, да еще въ такой, по ихъ мнѣнію, низкой должности. Послѣ этого, онъ устроился въ одной оконной нишѣ, откуда можно было наблюдать и за обществомъ въ залѣ и за вновь пріѣзжающими. Къ нему скоро присоединился молодой человѣкъ съ пріятными чертами и ласковыми голубыми глазами.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ г. докторомъ Штейнъ?

Освальдъ поклонился.

— Моя фамилія фонъ-Лангенъ. Я слышалъ, что вы послѣдніе годы провели въ Берлинѣ. Не знавали ли вы въ тамошнемъ уни-

Digitized by Google

верситетѣ нѣкотораго господина П? Онъ былъ филологъ и мой школьный товарищъ; очень интересно было бы узнать что изъ него вышло.

Случилось такъ, что Освальдъ зналъ г. П. и могъ сообщить о немъ требуемыя свѣдѣнія. Искреннее участіе, которое молодой человѣкъ принималъ въ господинѣ, не имѣющемъ, какъ хорошо было извѣстно Освальду, никакихъ другихъ преимуществъ кромѣ замѣчательнаго прилежанія и способностей, сдѣлало на него хорошее впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ также, не смотря на свою душевную тревогу, что фонъ-Лангену очень хотѣлось продолжать разговоръ и ему было пріятно, что хоть одинъ человѣкъ изъ этого огромнаго общества самъ пожелалъ познакомиться съ нимъ.

— Не можете ли вы г. фонъ Лангенъ, сказалъ онъ, въ награду за сообщенныя вамъ мною свѣдѣнія объ отсутствующемъ, сообщить мнѣ кое-что о нѣкоторыхъ личностяхъ въ этой залѣ. Кто такой, напримѣръ, тотъ старый господинъ въ синемъ фракѣ, съ сѣдыми волосами и краснымъ лицомъ, который такъ ужасно кричитъ какъ будто слушатель его стоитъ на противоположномъ берегу бушующаго потока.

— Это графъ Грибенъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ здѣшнихъ дворянъ. Слышали вы забавный анекдотъ, который случился съ нимъ въ прошломъ году?

— Нѣтъ, разскажите пожалуйста.

Разъ король проѣзжалъ здѣсь въ ближній городъ Газенштатъ. На пристани встрѣчали его всѣ здѣшнія знаменитости, въ томъ числѣ и графъ Грибенъ въ экипажѣ, запряженномъ шестерней великолѣпныхъ лошадей; на каждой парѣ сидѣло по жокею въ графской ливреѣ. Король полюбовался красивыми животными:—Все собственнаго развода, ваше величество! крикнулъ графъ съ лукавымъ жестомъ.

— Даже и жокеи? отвѣчалъ остроумный король.

— Не дурно, сказалъ Освальдъ. А кто эта высокая, полная дама съ мужески-смѣлымъ лицомъ, которая входитъ теперь въ залу съ тремя дѣвушками?

— Нѣкто баронеса фонъ Наделицъ съ своими дочерьми. Сначала, она пасла гусей у своего теперешняго супруга. Она, говорятъ, была такъ хороша, что ни одинъ мужчина не въ силахъ былъ встрѣтиться съ нею равнодушно и такъ добра, что ни одинъ

Digitized by Google

не уходилъ безъ утѣшенія. Супружество, вѣроятно, было не изъ самыхъ счастливыхъ.

— Во всякомъ случаѣ, дочери очень хороши собой. Такъ баронъ умеръ?

— Съ тѣхъ поръ она, какъ выражаются у насъ, надѣла панталоны и въ настоящемъ значеніи этого слова. Я самъ видѣлъ ее въ полѣ съ смотрителемъ въ высокихъ сапогахъ и невыразимыхъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ съ каждымъ шагомъ ступаешь по колѣна въ грязь.

— Кто эти двѣ хорошенькія дѣвушки, которыя идутъ подъ руку по залѣ?

— Эмилія фонъ Брезенъ и Лисбета фонъ Мейенъ; они конфирмовались только въ нынѣшнюю пасху, и сегодня въ первый разъ надѣли длинныя платья, хотите я васъ представлю?

Освальдъ не отвѣтилъ; потомучто въ эту минуту отворилась дверь и, въ сопровожденіи Барневица, лицо котораго блистало удовольствіемъ отъ задуманнаго имъ сюрприза, вошолъ въ залу господинъ, появленіе котораго произвело нѣкоторую сенсацію. Громкій голосъ барона Грибена смолкъ, мужчины собрались въ кружокъ, а на диванѣ около хозяйки дома настала почти совершенная тишина. Пришедшій былъ очень высокъ, но слишкомъ худощавъ, а небрежность движеній еще болѣе выдавала непропорціональность между ростомъ и худоботою. На длинномъ туловищѣ сидѣла маленькая голова съ чорными, короткими и жосткими волосами. Борода такого же свойства окружала лицо и подбородокъ, такъ что физіономисту можно было производить наблюденія только надъ верхней частью его лица. Но уже и въ одной половинѣ было достаточно загадочнаго. Лобъ былъ скорѣе высокъ чѣмъ широкъ, но очерченъ необыкновенно нѣжными и въ тоже время смѣлыми линіями. Точно кистью выведенныя брови проходили легкой дугою надъ сѣрыми глазами, выраженіе которыхъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, когда они бѣгло обѣгали собраніе, было не совсѣмъ пріятно, также какъ и улыбка, которая какъ молнія подергивала губы и заставляла вздрагивать подвижныя ноздри красиваго прямого носа. Улыбка эта и была единственнымъ отвѣтомъ на всю веселую болтовню, которой осыпалъ его Барневицъ, провожая къ дивану хозяйки дома. Хозяйка встала при его приближеніи; онъ поцаловалъ у ней руку и, слегка поклонившись другимъ дамамъ, небрежно опустился на стулъ и

Digitized by Google

началъ съ ней оживленный разговоръ, не обращая вниманія на остальное общество.

Освальдъ слѣдилъ за барономъ взоромъ индѣйца, открывшаго слѣдъ своего смертельнаго врага, потомучто онъ тотчасъ узналъ всадника, который встрѣтился въ лѣсу ему и Бемперлейну. Это былъ баронъ Ольденбургъ.

— Ну, теперь замѣчайте! сказалъ Барневицъ, подходя къ Освальду и самодовольно потирая руки.

— Я весь обратился въ зрѣніе, отвѣчалъ Освальдъ съ несовсѣмъ естественнымъ смѣхомъ.

— Что слѣдуетъ вамъ замѣчать! спросилъ фонъ Лангенъ, когда Барневицъ отошолъ къ другому кружку.

— Ужь не Ольденбургъ ли это? Я еще не имѣлъ случая съ нимъ встрѣчаться.

Въ эту минуту подъѣхалъ экипажъ и въ выходящей изъ него дамѣ Освальдъ узналъ Мелиту. Къ счастію фонъ Лангенъ наводилъ въ это время лорнетъ на кружокъ у дивана и не могъ видѣть его смущенія. Двѣ минуты, проведенныя Мелитой въ уборной, показались ему за цѣлую вѣчность. Наконецъ дверь отворилась и Освальду показалось, что зала наполнилась свѣтомъ и розами. Мелита была въ бѣломъ платьѣ, которое только слегка скрывало ея роскошные плечи и окружало бѣлымъ облакомъ ея нѣжную шею. На стройныхъ плечахъ накинута была шаль. Но въ какомъ украшеніи нуждается красота и миловидность... а появленіе Мелиты было такъ ярко и вмѣстѣ мило, что пріѣздъ ея произвелъ еще большее впечатлѣніе, чѣмъ пріѣздъ Ольденбурга. Старики прервали свой разговоръ для того чтобы радушно ее привѣтствовать; молодые люди спѣшили ей на встрѣчу, чтобы выпросить первый вальсъ, первую польку или хоть какой нибудь танецъ, а она улыбалась привѣтливо и молодымъ и старымъ, кланялась одному, успокоивала нетерпѣніе другого и такъ проходила по залу къ дивану, гдѣ сидѣла хозяйка дома. Когда г-жа Барневицъ встала чтобъ встрѣтить свою кузину, Ольденбургъ остался спокоенъ на своемъ креслѣ и, повидимому, не желалъ обратить вниманія на предметъ общаго волненія. Вдругъ кто-то на диванѣ произнесъ имя Мелиты. Ольденбургъ встрепенулся, всталъ съ мѣста и—очутился лицомъ къ лицу съ Мелитой. Освальда привлекла почти къ тому же самому мѣсту какая-то магнетическая сила, такъ что отъ него не скрылся ни одинъ жестъ, ни одно сло-

Digitized by Google

во. Онъ замѣтилъ, что Мелита поблѣднѣла и ея темные глаза сверкнули гнѣвнымъ блескомъ, когда Ольденбургъ ей поклонился.

— Ахъ, сударыня, сказалъ онъ съ особенной улыбкой; когда мы видѣлись къ послѣдній разъ, намъ свѣтило солнце Сициліи, а теперь...

— Свѣтитъ луна—хотите вы сказать, возразила Мелита и по губамъ ея пробѣжала надмѣнная усмѣшка, которой Освальдъ еще не замѣчалъ у ней,—наоборотъ, любезный баронъ, когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, намъ свѣтила луна, помните въ саду Виллы-Серра-ди-Фалько, близь Палермо—а теперь, когда мы вновь встрѣтились, свѣтитъ солнце для меня по крайней мѣрѣ.

Смыслъ послѣднихъ словъ конечно долженъ былъ остаться темнымъ для всѣхъ, кромѣ того для кого они были сказаны. Обернувшись, Мелита увидала Освальда и улыбнулась ему такъ любезно, что Барневицъ, подошедшій любоваться сценой своего изобрѣтенія, съ удивлвніемъ спросилъ Освальда:

— Такъ вы уже знакомы съ моей кузиной?

— Да, отвѣчалъ Освальдъ, отходя отъ него и низко кланяясь Мелитѣ.

— А, г-нъ докторъ! вскричала Мелита съ искустно разыгранным удивленіемъ: какъ хорошо, что я васъ здѣсь вижу. Представьте, Бемперлейнъ уже писалъ мнѣ, что Юлій чувствуетъ себя превосходно,—но, сядьте же сюда ближе ко мнѣ, чтобы я могла хорошенько разсказать вамъ,—Юлій въ эти пять дней сдѣлался совершеннѣйшимъ денди, по словамъ Бемперлейна. Онъ уже сдѣлалъ огромный мячь и протанцовалъ котильонъ съ самой красивой дамой, т. е. съ той, которая ему показалась всѣхъ красивѣе. Замѣтьте, котильонъ! несмотря на сопротивленіе цѣлой полдюжины кавалеровъ.

— Несчастный! сказалъ смѣясь Освальдъ, онъ эдакъ принужденъ будетъ имѣть полдюжины дуэлей!

— Весьма вѣроятно, но вѣдь вы знаете, Юлій храбръ какъ левъ и отважится на все для дамы своего сердца,—А, г-нъ фонъ-Клотенъ, вы ли это? Я слышала, что вы со своимъ Робиномъ сломали себѣ шею на послѣдней охотѣ.

— Quelle idée! Впрочемъ, опять выдумка Барневица. Чортова кукла Барневицъ! Я чувствую себя превосходно. Ахъ, да! я хотѣлъ покорнѣйше просить васъ на какой нибудь танецъ, если

Digitized by Google

можно, на котильонъ. Хочу сдѣлать еще попытку, не продадите ли вы мнѣ вороного?

— Non, mon cher, съ этой прекрасной цѣлью вы не получите ни одного танца, въ особенности котильона. Если же согласитесь оставить въ покоѣ вороного, то можете разсчитывать на первый контрединсъ. До котильона я, вѣроятно, здѣсь не останусь. Довольны вы?

— Доволенъ ли! Quelle idée! Я счастливъ... блаженъ.

— Боже мой! Успокойтесь немного, г-нъ фонъ-Клотенъ. Есть у васъ vis-a-vis ?

— Нѣтъ, я сейчасъ найду.

— Вотъ, попросите доктора Штейна...Господа, позвольте васъ представить.

— А, я имѣлъ уже удовольствіе, сказалъ денди, дѣлая видъ, что теперь замѣтилъ Освальда, стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ него.

— Тѣмъ лучше! сказала Мелита, такъ вы, господа, согласны?

Фонъ Клотенъ и Освальдъ поклонились другъ другу, потомъ Мелитѣ, которая отпустила ихъ граціознымъ движеніемъ руки и завела съ сидящей подлѣ дамой глубокомысленную бесѣду о модахъ.

Освальдъ снова подошолъ къ фонъ-Лангену, который поздравилъ его съ такимъ завиднымъ знакомствомъ. Удивляюсь какъ вы можете такъ свободно говорить съ нею! У меня не достало бы храбрости.

— Вы шутите?

— Увѣряю васъ честью. У этой женщины есть что-то такое въ глазахъ и въ голосѣ что заставляетъ человѣка опасаться за свое сердце. Я знаю, что не одинъ я такъ думаю.

Между тѣмъ, Ольденбургъ, повидимому весело разговаривавшійся съ мужчинами, все время наблюдалъ въ большое зеркало групу около Мелиты.

— Ба, Клотенъ! какъ поживаете, mon brave! сказалъ онъ, быстро обращаясь къ подходящему денди.

— Баронъ Ольденбургъ! Клянусь честью, я едва узналъ васъ съ этой ужасной бородой!

— Ужасной, mon cher! не дѣлайте меня несчастнымъ; я ухаживаю за нею цѣлыхъ три года, и она стоитъ мнѣ около миліона.

Digitized by Google

— Э, шутите! сказалъ денди, разглаживая свою бѣлокурую бородку.

— Upon may ward and honour, сказалъ Ольденбургъ: дѣло собственно вотъ въ чемъ: въ Каирѣ я познакомился съ однимъ англійскимъ семействомъ, съ которымъ часто встрѣчался еще и на берегахъ Нила; я былъ такъ счастливъ, что оказалъ ему нѣкоторыя немаловажныя услуги. Семейство состояло изъ отца, матери и единственной дочки — но какой дочки! говорю вамъ, mon cher...

— Да, понимаю! Породистая! Эти англійскія мисъ... очень хороши... Я видѣлъ одну въ Баденъ-Баденѣ, и во всю жизнь не забуду.

— Такова именно была и моя Мери, сказалъ Ольденбургъ.

— Можетъ ли быть!

— Будьте увѣрены. Всѣ англійскія мисъ похожи другъ на друга. Eh bien! дѣвочка влюбилась въ человѣка, который спасъ ей жизнь. Отецъ и мать были ко мнѣ благосклонны. Хотя я и не миліонеръ, какъ г. Броунъ, но за то онъ не болѣе какъ извѣстный торговецъ желѣзомъ, а я древній имперскій баронъ. Этого достаточно, мы поквитались. Однажды вечеромъ говоритъ мнѣ Мери—какъ сейчасъ это помню — мы сидѣли при лунномъ свѣтѣ на терасѣ храма, молча смотрѣли на тихую рѣчку и глотали каплю за каплей изъ бриліантоваго кубка любви. Тогда, обвивъ мою шею своими нѣжными руками, она сказала — Боже, какъ ясно слышится мнѣ этотъ голосъ: Адалбертъ, сказала она... что, моя дорогая? спросилъ я.—Адальбертъ, pray, dearest love, cut off your horrible beardt-it's so vulgar.

— Да, да, плутовки эти англійскія мисъ, однако, что же это значитъ?

— Это значитъ: Адальбертъ, другъ мой, сбрѣй свою бороду; это такое мѣщанство!

— Чортъ возьми!

— Я сказалъ тоже самое. Она просила, умоляла меня; наконецъ, стала передо мной на колѣна. Я былъ твердъ какъ колосъ Мемносскій. Тогда, она вскочила и, вооружившись всей англійской гордостью, поднявъ руку къ звѣздному небу, вскричала: Sir, either you cut off beard, or i must cut your aequaintance.

— Then, cut my acquaintence! сказалъ я.

— Прекрасно, сказалъ Клотенъ, а какъ это она сказала?

Digitized by Google

— Любезнѣйшій сэръ, сказала она, вы или сбрѣете свою бороду или сами отправитесь къ чорту.

— Чортъ возьми! а вы?

— Я сказалъ: сударыня, я поклялся, что буду презирать женщину и драться на смерть съ мущиной, который словомъ или дѣломъ коснется до моей бороды.

— Удивительно; и все это вы высказали въ трехъ словахъ?

— Да, англійскій языкъ необыкновенно выразителенъ. Кстати, кто этотъ молодой человѣкъ, съ которымъ вы сейчасъ говорили; онъ стоитъ теперь у двери съ старикомъ Гренвицемъ?

— А, ну-ка отгадайте?

— Какъ же могу я отгадать? Вѣроятно, это Феликсъ фонъ-Гренвицъ, племянникъ барона?

— Такъ было думалъ и я. И вообразите, cher baron, это мѣщанинъ Штейнъ, докторъ Штейнъ, какъ они его называютъ, ну, теперь отгадайте кто онъ?

— По ужасу, который выражается на вашемъ лицѣ, я предполагаю, что этотъ молодой челокѣкъ палачъ.

— Палачъ! Quelle idée! Какія всегда странныя мысли приходятъ въ голову вамъ и г-жѣ фонъ-Берковъ. Нѣтъ, онъ домашній учитель у Гренвицовъ; это удивительно!

— Для меня тутъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго. Учителя также необходимы какъ и работники въ рудникахъ, хотя я, къ свою очередь, не желалъ бы быть ни тѣмъ ни другимъ.

— Но вѣдь этотъ господинъ не дуренъ?

— Не дуренъ! Онъ не только не дуренъ, онъ удивительно изященъ, изящнѣе чѣмъ кто нибудь въ этой залѣ, не исключая даже меня и васъ.

— Ахъ, баронъ, вы опять сегодня расположены острить!

— Въ самомъ дѣлѣ? Очень радъ. Это не мѣшаетъ мнѣ, однакожъ, находить того господина удивительно красивымъ. Знаете ли, въ немъ есть не только характеристическія черты, которыми отличаются знатные на всемъ земномъ шарѣ, но даже спеціальный типъ дворянъ здѣшней страны.

— Вотъ какъ? но вѣдь типъ, кажется, болѣзнь?

— Болѣзь называется тифъ, mon chère! А типъ, это когда у многихъ людей одинакіе носы, сапоги, глаза и перчатки. Ну, теперь, посмотрите же хорошенько на доктора Штейна. Въ сравненіи съ вами, напримѣръ, какъ высшимъ представителемъ все-

Digitized by Google

го аристократическаго, въ немъ окажется можетъ быть много общаго. Онъ высокъ и строенъ какъ вы, даже головою повыше и вершкомъ пошире въ плечахъ; у него такіе же свѣтло-каштановые волосы, только ваши часто бываютъ спалены щипцами, а его вьются естественнымъ образомъ; у него также голубые глаза, какъ и у васъ, и вы сами согласитесь, что глаза эти красивы и выразительны.

— Дѣйствительно, соглашаюсь, что онъ чертовски красивый малый, сказалъ раздосадованный денди, бросая коственный взглядъ на предметъ своего невольнаго удивленія.

— А что касается до его пріемовъ, продолжалъ Ольденбургъ:— я рѣшительно отдалъ бы одно изъ своихъ имѣній за возможность держаться съ такой свободой и граціей.

— Ну, это уже слишкомъ!

— Да вѣдь женщины-то сходятъ съ ума отъ подобныхъ людей. Такія красивыя куколки какъ этотъ докторъ родятся Александрами; они переходятъ отъ побѣды къ побѣдѣ и, большею частію, умираютъ въ молодыхъ лѣтахъ въ Вавилонѣ.

— Боже мой, баронъ, какой бы вы были любезный человѣкъ, еслибы было въ васъ поменьше этой проклятой учоности!

— Въ самомъ дѣлѣ. Очень можетъ быть? Это ужь наслѣдственный недостатокъ; покойная мать, во время беременности, кромѣ календаря, читала еще кое-какія романы. Такъ объясняются двойственныя черты въ моей натурѣ.

— Не хотите ли, господа, пострѣлять изъ моихъ новыхъ пистолетовъ? Спросилъ подошедшій Барневицъ.

— Я думаю, лучше бы танцовать, сказалъ Клотенъ.

— Это потомъ. Ты идешь, Ольденбургъ?

— Разумѣется! Ты вѣдь знаешь мою поговорку: aux armes, citoyens!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Общество было уже въ полномъ составѣ. Удивительный лѣтній вечеръ неудержимо манилъ на воздухъ, такъ что всѣ скоро перешли въ садъ. Мужчины и дамы постарше гуляли въ тѣни-

Digitized by Google

стыхъ алеяхъ или осматривали великолѣпныя оранжереи; молодые люди старались устроить игры на прекрасной площадкѣ, обсаженной большими деревьями; изъ того угла сада, гдѣ стояла цѣль, слышались, отъ времени до времени, выстрѣлы новыхъ пистолетовъ. Мелита, въ силу справедливаго повѣрья, что репутація молодыхъ женщинъ составляется старухами, приносила себя въ жертву, надѣясь все вознаградить во время бала и постоянно держалась около графини Бребенъ, Трантовъ, г-жи фонъ-Наделицъ и баронесы Гренвицъ. Освальдъ сперва присоединился къ молодежи, съ которою познакомилъ его фонъ-Лангенъ. Припомнивъ нѣкоторые изъ столичныхъ вечеровъ, онъ рекомендовалъ и устроилъ нѣсколько игръ, которыя были приняты и выполнены съ видимымъ удовольствіемъ. Когда же онъ замѣтилъ, что Мелита рѣшительно не хочетъ присоединиться къ кругу играющихъ, то, подъ первымъ благовиднымъ предлогомъ, ушолъ изъ него самъ. Фонъ-Лангенъ отыскалъ его въ алеѣ, гдѣ онъ предавался невинному наслажденію ѣсть крыжовникъ.

— Слава Богу, сказалъ фонъ-Лангенъ, принимаясь по примѣру Освальда ощипывать темнокрасныя ягоды, — отъ одной бѣды отдѣлались. Проклятіе тому, кто первый изобрѣлъ общественныя игры. Поспѣлъ крыжовникъ?

— Совершенно.

— Вы должны непремѣнно навѣстить меня въ самомъ скоромъ времени. Мое имѣніе только въ часовомъ разстояніи отъ Гренвица. Жена моя, которая недѣли двѣ назадъ подарила меня прелестнѣйшей дѣвочкой и не можетъ еще выѣзжать, будетъ очень рада съ вами познакомиться. Еслибы вы потрудились назначить мнѣ день, я прислалъ бы за вами свой экипажъ.

— Съ благодарностью принимаю ваше приглашеніе, сказалъ Освальдъ, котораго даже нѣсколько смущала такая предупредительность человѣка изъ ненавистнаго ему сословія... Условимтесь на будущее воскресенье.

— Буду радъ вамъ во всякое время; если вздумаете, захватите и мальчиковъ; у меня есть два пони, которые этимъ молодцамъ придутся болѣе по сердцу, чѣмъ Корнель и Овидій вмѣстѣ взятые. Боже! Incidit in Scyllam, qui vult vitare Charybdim! Тамъ на углу показалась графиня Грибенъ съ своею свитой. Sauve qui peut!

Молодые люди отправились въ другую алею, пересѣкающую

Digitized by Google

первую и скоро скрылись изъ глазъ идущихъ дамъ. Освальдъ охотно бы остался на мѣстѣ, потомучто въ «свитѣ», замѣтилъ Медиту и надѣялся уловить хотя взглядъ мимоходомъ; но онъ счелъ своей обязанностью быть хорошимъ товарищемъ человѣка, который оказалъ ему уже не одну услугу.

— Вы кажется не особенно любите общество, г-нъ фонъ-Лангенъ? сказалъ онъ, намекая на поспѣшное бѣгство своего новаго друга.

— Дѣйствительно не люблю большого общества: я выросъ почти въ совершенномъ уединеніи. Мой отецъ, не слишкомъ богатый человѣкъ, почти совсѣмъ отказался отъ общества здѣшняго дворянства, для того чтобы сохранить что нибудь дѣтямъ. Потомъ, я поступилъ въ школу. Учился я очень охотно, но отцу скоро понадобилась моя помощь въ хозяйствѣ, къ которому онъ и рѣшился пріучить меня въ ранней молодости; я долженъ былъ выйти съ перваго курса. Съ тѣхъ поръ какъ скончался мой добрый отецъ, я почти не покидалъ paterna rura. Вы охотникъ?

— Нѣтъ. До сихъ поръ не представлялось еще ни одного случая развить въ себѣ эту способность, если она даже и таится въ моей натурѣ.

— Очень жаль; впрочемъ дѣло поправимое; у насъ отличная охота на лисицъ и зайцевъ. Вамъ стоитъ только предварительно пострѣлять изъ пистолета. При этомъ выучиваешься цѣлить и пріобрѣтаешь вѣрность въ рукѣ.

— Ну, на стрѣльбу изъ пистолета, я и такъ къ сожалѣнію потратилъ слишкомъ много времени. Мой отецъ, филологъ и вообще совершенно миролюбивый человѣкъ, имѣлъ настоящую страсть къ стрѣльбѣ изъ пистолета; это было его единственнымъ развлеченіемъ. Мнѣ не пришлось вполнѣ узнать причины этой странной склонности. Одинъ разъ я какъ-то спросилъ его объ этомъ. Никогда не забуду тона, которымъ онъ отвѣчалъ мнѣ: — было время, когда я надѣялся пулей отмстить одному человѣку, который смертельно оскорбилъ меня. Когда я дошолъ до полнаго совершенства въ стрѣльбѣ—этотъ человѣкъ умеръ. Съ тѣхъ поръ, я мысленно цѣлю въ него; каждый тузъ, въ который попадаетъ моя пуля, представляется мнѣ его лукавымъ, жестокимъ сердцемъ. Я убѣждалъ его назвать мнѣ своего врага. Этого я не могу, — отвѣчалъ онъ, но, если хочешь, то при каждомъ выстрѣлѣ въ

Digitized by Google

туза, представляй себѣ вмѣсто него сердце какого нибудь аристократа.

— Mon Dieu! сказалъ фонъ-Лангенъ:—неужели и вы наслѣдовали эту фанатическую ненависть отца къ нашему сословію?

— Только отчасти; также, какъ пріобрѣлъ только часть его искуства стрѣлять. Не пойдемъ ли мы къ цѣли, я слышу по выстрѣламъ, что она недалеко.

— Браво! браво! раздавалось у цѣли. — Клотенъ, я держу за васъ.

— Я держу за Брезена!—сказалъ другой голосъ.

Они застали у цѣли съ полдюжины молодыхъ людей, которые всѣ были очень оживлены, исключая барона Ольденбурга, прислонившагося къ дереву и холодно наблюдавшаго за стрѣлками, положа руки въ карманы.

— Браво, Клотенъ! Опять въ центръ — чертовски стрѣляетъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Не хочетъ ли еще кто нибудь на-пари, господа? Сказалъ фонъ-Клотенъ, озираясь съ необыкновенно самодовольной улыбкой.

— Я, если позволите, сказалъ Освальдъ.

— Вы? сказалъ денди съ выраженіемъ безмѣрнаго удивленія.

— Держу луидоръ за г-на Штейна, сказалъ усмѣхаясь баронъ Ольденбургъ. Кто противъ?

— Я! я! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Держу на всѣ, сказалъ Ольденбургъ, которому дѣло казалось весьма пикантнымъ.

— Ставка была до сихъ поръ талеръ; согласны вы на это? спросилъ онъ, обращаясь къ Освальду.

— Разумѣется.

— Но доктору Штейну незнакомы пистолеты, сказалъ фонъ-Лангенъ:—а Клотенъ вѣроятно ужь очень набилъ руку. Партія неровная.

— Еслибы дѣло шло только о моихъ деньгахъ, сказалъ Освальдъ, то я бы попытался, но такъ какъ держатъ пари за меня самого, то я попрошу позволенія сдѣлать одинъ выстрѣлъ.

— Разумѣется, вскричалъ фонъ-Брезенъ:—вѣдь это такъ Барневицъ?

— Немного будетъ изъ этого толку, сказалъ тихонько Клотенъ своему сосѣду.

— Видите вы тамъ еловую шишку, г-нъ фонъ-Лангенъ? ска-

Digitized by Google

залъ Освальдъ, когда ему подали заряженный пистолетъ, ту, которая виситъ на самомъ краю вѣтки?

— Да, но до нея по крайней мѣрѣ пятьдесятъ шаговъ.

— Ничего. Эти пистолеты бьютъ и на болѣе далекое разстояніе.

Освальдъ поднялъ пистолетъ. Всѣ глаза устремились на еловую вѣтку.

— Да, впрочемъ, сказалъ Освальдъ, опуская пистолетъ: — Не будете ли вы такъ добры, г-нъ фонъ-Барневицъ и не представите ли меня тому господину, который заявилъ такое выгодное мнѣніе о моемъ еще необнаружившемся искуствѣ стрѣлять?

— Извините; совсѣмъ забылъ. Баронъ Ольденбургъ—докторъ Штейнъ.

— А, баронъ Ольденбургъ! сказалъ Освальдъ, снимая лѣвой рукой шляпу:—Такъ вы видите еловую вѣтку, г-нъ баронъ?

— Совершенно ясно, сказалъ Ольденбургъ съ вѣжливымъ поклономъ.

Освальдъ поднялъ пистолетъ, прицѣливался впродолженіи секунды...и еловая шишка разлетѣлась въ дребезги.

— Удивительно! вскричалъ фонъ-Барневицъ:—Клотенъ, у тебя есть соперникъ!

— Vous verrons, сказалъ фонъ-Клотенъ:—За вами первый выстрѣлъ, г-нъ докторъ.

Освальдъ взялъ другой пистолетъ и выстрѣлилъ по видимому вовсе не прицѣливаясь.

— Центръ! прокричалъ слуга поставленный у цѣли и залѣпилъ пробитое отверстіе.

— Клотенъ, отсчитывайте деньги! крикнулъ Ольденбургъ, побрякивая деньгами въ карманѣ.

— Центръ! раздалось у цѣли.

— Видите! сказалъ Клотенъ, отдавая заряжать свой пистолетъ.

— Я думаю, намъ лучше будетъ взять нѣсколько большее разстояніе или перемѣнить цѣль, сказалъ Освальдъ:—съ такой крупной цѣлью, на разстояніи сорока шаговъ, мы съ г-номъ фонъ-Клотенъ долго не рѣшимъ своего спора. — Нѣтъ ли картъ подъ руками?

— Я согласенъ, сказалъ фонъ-Клотенъ.

— Есть у тебя съ собой карты, Фридрихъ?

Оказалось, что есть.

Digitized by Google

— Сними цѣль и прикрѣпи къ дереву туза!

— Конечно, въ счетъ пойдетъ только тотъ выстрѣлъ, который пробьетъ очко или по крайней мѣрѣ затронетъ его? сказалъ Освальдъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ фонъ-Клотенъ.

— Теперь-то пойдетъ дѣло въ ходъ! вскричалъ молодой фонъ-Брезенъ, потирая руки отъ удовольствія.

— Клотенъ, отсчитывайте деньги, сказалъ опять Ольденбургъ и затянулъ вполголоса:

Tannenzapfen — Herzenass —
Ei, mein Schätzchen, merkst du was?
Ist es Liebe? ist es Hass?

Клотенъ долго прицѣливался, но, смутила ли его новая цѣль, или рука его не была уже такъ спокойна — только пуля его попала въ верхнюю оконечность карты. Тогда подошолъ Освальдъ. Взглядъ его пробѣжалъ по всему собранію аристократовъ: — думай всегда, что вмѣсто туза, передъ тобой сердце какого нибудь.... — прозвучалъ знакомый голосъ... Раздался выстрѣлъ и вмѣсто очка, на картѣ осталось пробитое отверстіе.

— Утѣшьтесь, Клотенъ! сказалъ Ольденбургъ: — Non semper arcum tendit Apollo—по нѣмецки: Можно иногда и промахнуться.

— Мастерской выстрѣлъ! говорилъ Барневицъ, показывая всѣмъ карту:—очко такъ-таки и вышибено.

— Угодно вамъ реваншъ, г-нъ фонъ-Клотенъ?

— Нѣтъ, благодарю! въ другой разъ. Чувствую, что у меня рука уже не такъ вѣрна.

— Говорилъ вамъ, отсчитывайте деньги, Клотенъ, сказалъ Ольденбургъ, побрякивая выигрышемъ.

— Вотъ они! Вотъ они! крикнули разомъ два свѣженькихъ голоска и изъ-за кустовъ, окружающихъ цѣль, вылетѣли Эмилія фонъ-Брезенъ, ея кузина Лизбета фонъ-Мейенъ и младшая Наделицъ, какъ три бѣлыя бабочки.

— Очень любезно, господа, портить игру! — Сейчасъ, идите назадъ!

— Ужь могъ бы ты заняться чѣмъ нибудь получше Адольфъ, сказала Эмилія фонъ-Брезенъ своему брату,—чѣмъ цѣлое послѣ обѣда заниматься этой глупой стрѣльбой.

— Пусть онъ тоже идетъ съ нами, сказала Лизбета:—мы бе-

Digitized by Google

ремъ васъ въ плѣнъ. Ты, Эмилія, возьми доктора, ты самая сильная, а онъ-то и есть главный зачинщикъ:—Натали, Натали, держи крѣпче г-на фонъ-Лангена! онъ собирается бѣжать!

— Господа, сказалъ Освальдъ, всякое сопротивленіе будетъ считаться измѣной!—Сударыни! мы сдаемся:—казните или милуйте! и онъ подалъ руку Эмиліи.

Оба другіе молодые человѣка послѣдовали его примѣру; три милыя парочки со смѣхомъ отправились въ путь.

— Похищеніе in optima forma! сказалъ Ольденбургъ.

— Пойдемте и мы также, господа! сказалъ фонъ-Барневицъ; мнѣ сильно кажется, что если мы останемся здѣсь ждать, чтобы и за нами пришли молодыя дѣвицы, то прождемъ долго.

— Allons enfants de la patrie! запѣлъ Ольденбургъ самымъ фальшивѣйшимъ тономъ, голосомъ напоминающимъ охрипшаго пѣтуха въ дождливую погоду и взялъ подъ руку Клотена.

— Клотенъ, mon brave, мы уже старѣемъ, сказалъ онъ, слѣдуя за обществомъ въ нѣкоторомъ разстояніи:—Если мы не похлопочемъ въ скоромъ времени о женитьбѣ, то прощай надежда на семейное счастіе, законныя отеческія радости и блаженную кончину, аминь!

— Шутите, баронъ! вы по крайней мѣрѣ пятью годами старше меня.

— Это однакожъ не помѣшало барышнямъ и съ вами обойтись en canaille, какъ и со мною.

— Чертовски красивая штучка, эта Эмилія!

— Si signore, а какими большими сѣрыми влюбленными глазами она посмотрѣла на доктора! Въ шестнадцать-то лѣтъ! Право нельзя и требовать лучше!

— Проклятая кукла!

— Кто? мадемуазель Эмилія?

— Нѣтъ—ну, какъ его? этотъ докторъ.

— Видите! Я вамъ правду сказалъ, что дѣвочки по немъ съ ума сойдутъ! А каково этотъ баринъ стрѣляетъ, Клотенъ? Не желалъ бы я стоять противъ него у барьера, въ десяти шагахъ разстоянія.

— Ну ужь благодарствуйте за дуэль съ мѣщаниномъ. Партія слишкомъ неровная. Какъ вы объ этомъ думаете, баронъ?

— Можетъ быть докторъ есть результатъ любви между сыномъ неба и дочерью земли.

Digitized by Google

— Что это значитъ?

— Развѣ вы не знаете, что въ древности, такъ назывались дѣти благородныхъ, принятыя съ мѣщанками?

— Нѣтъ, никогда не случалось слышать! Сынъ неба! Удивительно! Признайтесь баронъ, что мысль произвести всѣхъ людей — благородныхъ и мѣщанъ отъ одного человѣка просто странна! Я всегда думалъ, что эту родословную сочинили мѣщане въ видахъ своихъ интересовъ. Я всегда сердился, когда учитель объяснялъ мнѣ это мѣсто въ исторіи.

— Клотенъ! сказалъ Ольденбургъ останавливаясь и кладя руку на плечо своего спутника:—Клотенъ, вы великій человѣкъ! Эта мысль поставитъ васъ на ряду съ глубочайшими мыслителями всѣхъ вѣковъ.

— Ну! — Да вы по обыкновенію шутите или говорите серьёзно, баронъ?

— Любезный Клотенъ, сказалъ Ольденбургъ, снова взявъ подъ руку своего собесѣдника и продолжая путь:—замѣтьте одинъ разъ навсегда, что все что я говорю имѣетъ для меня ужасно серьёзное значеніе; настоящій же предметъ до того важенъ, что о немъ невозможно и говорить шутливымъ тономъ. Итакъ, слушайте — только не употребите во зло того, что я вамъ открою.

— Сохрани Богъ—parole d'honneur!

— Такъ знайте же, что вопросъ, настоящее разрѣшеніе котораго вы тотчасъ нашли съ истиннымъ тактомъ генія, занималъ меня впродолженіи многихъ лѣтъ. Я также говорилъ себѣ, различіе между дворянами и мѣщанами не есть только различіе по имени, по сословію—они должны различаться по крови, по душѣ—enfin, по цѣлой природѣ. Какже могутъ такія различныя существа происходить отъ одного и того же родоначальника? Умъ теряется въ этомъ чудовищномъ противорѣчіи.

— Боже мой, баронъ, да вы наконецъ говорите, какъ...

— Какъ баронъ. Слушайте дальше. Этотъ вопросъ такъ неотступно преслѣдовалъ меня, что я рѣшился найти на него отвѣтъ во что бы то ни стало.. Вы всѣ смѣялись надъ моей уединенной жизнью, надъ моими занятіями и такъ далѣе. Знаете ли, Клотенъ, что я изучалъ въ то время какъ вы забавлялись игрой и охотой?

— По чести, нѣтъ.

— Я учился по арамайски, по халдейски, по сирійски, по ме-

Digitized by Google

сопотамски, по индостански, пи гангобраманутрайски, но санскритски...

— Боже милостивый, это ужасно! А для чего?

— Потомучто я былъ твердо увѣренъ, что въ монастырях Арменіи, въ катокомбахъ Египта или вообще гдѣ нибудь на востокѣ, я найду старую рукопись, которая разъяснитъ мнѣ этотъ вопросъ.—Когда я началъ говорить на всѣхъ этихъ языкахъ также свободно, какъ на французскомъ и нѣмецкомъ, то и предпринялъ, три года тому назадъ, свое послѣднее путешествіе на востокъ. Мимоходомъ, я перерылъ библіотеки Италіи. Въ Римѣ я наполъ Барневицей. Эта встрѣча была мнѣ въ сущности очень непріятна. Изъ вѣжливости нужно было проводить ихъ до Сициліи. Но въ Палермо, я наконецъ вырвался изъ ихъ общества.

— А! это объясняетъ ваше внезапное исчезновеніе... прерванный праздникъ жертвоприношенія...

— Прерванный праздникъ жертвоприношенія, — это выраженіе не ваше, Клотенъ...

— По правдѣ сказать, нѣтъ. Это изобрѣтеніе Гортензіи, т. е. мадамъ Барневицъ, поправился юноша. Entre nous, она увѣряетъ, баронъ, что ваша встрѣча въ Римѣ была вовсе не такъ случайна и весь путь отъ Рима до Палермо — вѣдь, кажется, это называется Палермо?—былъ тріумфальной процесіей въ честь мадамъ Берковъ; жертвоприношеніе, прерванное жертвоприношеніе! ха! ха! ха!

— Ну, ужь я тутъ ничего не понимаю, Клотенъ.

— Ну, entre nous, Гортензія разсказываетъ объ этомъ путешествіи много разныхъ исторій. Напримѣръ сцену при переѣздѣ въ Чипроду...

— Прочиду—поправилъ Ольденбургъ.

— Ну Прочиду; по моему, чортъ побери всѣ эти глупыя имена! такъ изъ Прочиды въ Неаполь...

— Ну?

— Однако чортъ возьми баронъ, вы способны выпытать все у человѣка.—Вы ѣхали въ маленькой рыбацкой лодкѣ и вдругъ поднялась настоящая буря... волны поднимались наравнѣ съ домами и вы каждую минуту ожидали, что лодка перевернется. Тогда, вы сказали по итальянски...

— Мадамъ Барневицъ не понимаетъ по итальянски ни слова, на сколько мнѣ извѣстно—сказалъ Ольденбургъ.

Digitized by Google

— Да, Гортензія-то не поняла, но ей разсказали потомъ гребцы.

— Гм... пробормоталъ Ольденбургъ. Дальше.

— Тогда вы будто бы сказали мадамъ Берковъ: — Душа моя, потонуть съ тобою гораздо лучше нежели прожить сто лѣтъ съ твоею кузиной или другой какой нибудь женщиной.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ Гортензія разсказываетъ своимъ добрымъ друзьямъ такія милыя исторіи? Ну, Клотенъ, я дамъ вамъ добрый совѣтъ: вѣрьте каждому поцѣлую, который вы сорвали съ устъ Гортензіи или еще сорвете впослѣдствіи.

— Ну, какой вздоръ, баронъ, сказалъ денди съ той улыбкой, которая должна бы выражать смущеніе, а между тѣмъ бываетъ такъ нагло безстыдна.

— Но не вѣрьте ни одному слову выходящему изъ этихъ устъ. Какъ вы могли подумать, чтобы я не нашолъ лучшаго занятія, чѣмъ ухаживанье за Мелитой Берковъ, въ то время, какъ мою душу волновали такія серьезныя, можно сказать святыя, мысли? Слушайте, что я буду разсказывать дальше: итакъ я поѣхалъ изъ Сициліи въ Египетъ, въ Каиръ, оттуда въ Палестину, Персію, Индію; обыскивалъ углы каждаго храма, каждую развалину, каждое отверстіе въ скалѣ и не находилъ того, что мнѣ было нужно. Наконецъ, когда я уже началъ сомнѣваться въ успѣхѣ и отправился въ обратный путь, въ монастырской библіотекѣ на горахъ Аѳонскихъ...

— А гдѣ это, баронъ?

Между Индомъ и Орегономъ, тамъ, въ монастырской библіотекѣ, я наконецъ открылъ давно желанный манускриптъ. Тамъ-то разъяснена вся исторія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ПЯТАЯ

Лѣтнее солнце уже около часа скрылось за деревьями парка; густыя тѣни укладывались въ боскетахъ; тамъ и сямъ еще перекликались птички, прежде чѣмъ спрятать подъ крылышки

*

Digitized by Google

свои головки; въ оживленномъ прежде саду наставала совершенная тишина. Но за то тѣмъ шумнѣе становилось въ залѣ. Ослѣпительный свѣтъ люстръ и жирандолей разстилался по площадкѣ передъ зальными окнами. Звуки музыки долетали изъ растворенныхъ дверей; у дверей и оконъ толпились крестьяне и смотрѣли на мелькающія пары. Въ комнатахъ прилегавшихъ къ танцовальной залѣ, раскинуты были столы для играющихъ въ карты и слышался уже хриплый голосъ графа Грибена, рассержоннаго какимъ-то неудачнымъ ходомъ барона Гренвица. Барневицъ и его супруга играли поочередно, для того чтобы обѣ партіи, играющая и танцующая могли пользоваться присутствіемъ хозяина и хозяйки. Сначала Гортензія предполагала было не выходить изъ бальной залы, но послѣ первыхъ двухъ танцевъ такъ разсердилась на предпочтеніе оказываемое со всѣхъ сторонъ ея прелестной кузинѣ, что предложила своему супругу упомянутый выше планъ, который тотъ принялъ съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ не смотря на свою полноту, танцовалъ хорошо и охотно, да ктому же былъ ревностнѣйшимъ цѣнителемъ хорошенькихъ дѣвицъ и дамъ въ бальномъ туалетѣ. Въ этотъ вечеръ въ хорошенькихъ не было недостатка. Былъ настоящій букетъ изъ миленькихъ и строго красивыхъ женщинъ, способный привести въ восхищеніе и болѣе бывалаго цѣнителя чѣмъ провинціальный дворянинъ! Частію по высказанному, а частію по выраженному на дѣлѣ приговору, по крайней мѣрѣ всѣхъ мужчинъ,—мнѣнія женщинъ по этому пункту были очень различны,—самой красивой была Мелита. Она носилась по залѣ, какъ муза танцевъ; обыкновенно нѣсколько блѣдныя щеки раскраснѣлись, большіе глаза блистали свѣтомъ и жизнью, стройные эластическіе члены съ необыкновенной прелестью двигались въ ритмическихъ кругахъ. Подлѣ этого ослѣпительнаго существа, женщины ея лѣтъ казались восковыми фигурами, а молоденькія дѣвушки миленькими маріонетками. Такъ думалъ по крайней мѣрѣ Освальдъ, когда она проносилась мимо него въ вальсѣ, или плавно красовалась въ кадрилѣ. Странная смѣсь противоположныхъ ощущеній наполняла его душу. Съ той минуты какъ онъ увидѣлъ въ альбомѣ Мелиты портретъ Ольденбурга, его неотступно преслѣдовала мысль: въ какихъ отношеніяхъ могла она быть съ этимъ человѣкомъ? Но высказать этого вопроса онъ никогда не рѣшался и, чѣмъ выше поднима-

Digitized by Google

лось солнце его любви, тѣмъ блѣднѣе становилась грозная тѣнь. Но сегодня, разсказъ Барневица, появленіе самого барона, поведеніе Мелиты въ первую минуту встрѣчи разбудили полузаснувшія подозрѣнія. Опять вопросъ шевелился на губахъ и робко отпрядывалъ къ сердцу. Онъ сердился на Мелиту за эти страданія; сердился на себя за то, что позволилъ уговорить себя пріѣхать въ это общество, въ этотъ міръ баричей, къ которымъ онъ не принадлежалъ, въ которомъ его только терпѣли; въ этотъ міръ пустыхъ наслажденій и высокомѣрнаго невѣжества, въ этотъ шумный ослѣпительный міръ, составляющій такой странный контрастъ съ романтизмомъ его любви, въ привольной, освѣщенной любовью капелѣ Мелиты. Ему стало казаться какой-то почти позабытой сказкой, что эта женщина поносилась въ его объятіяхъ, что онъ — и какъ часто!—прижималъ свои губы къ этимъ розовымъ устамъ. Теперь все это казалось такъ странно какъ будто совершенно измѣнилось; онъ не могъ представить себѣ, что это Мелита, его Мелита смѣется и шутитъ здѣсь съ молодымъ фонъ Брезенъ, такъ снисходительно слушаетъ пошлые комплименты Клотена; а потомъ, когда ея блестящій взоръ встрѣчался съ его взглядомъ, когда ея рука въ фигурѣ контрданса такъ довѣрчиво сжимала его руку, когда при этомъ случаѣ доходило до его слуха, только ему одному слышное: милый, душа моя!—да, тогда онъ опять узнавалъ Мелиту, свою Мелиту.... И снова начинали чередоваться сомнѣнія, доходящія до безумнаго страха и увѣренность, наполняющая его душу невыразимымъ блаженствомъ, какъ смѣняются солнечный свѣтъ и темныя тѣни на лѣтнемъ ландшафтѣ. Чтобы избѣжать этой сладкой муки, этого горькаго блаженства, онъ жадно упивался странной, одуряющей смѣсью ослѣпительнаго свѣта, веселыхъ звуковъ и благовоній, которая доводитъ чувства танцующаго въ бальной залѣ до вакхическаго опьянѣнія и отуманиваетъ мозгъ.

Освальдъ шутилъ и смѣялся съ какой-то безумною веселостью: здѣсь смѣлое, острое слово; тамъ тонкая лесть; здѣсь сатирическое замѣчаніе, дальше сантементальность.... Дамы казалось совершенно забыли, что такой неутомимый ловкій танцоръ, такой красивый мужчина, который съумѣлъ насказать имъ столько любезныхъ вещей, былъ никто иное какъ мѣщанинъ, собственно не имѣющій никакого права на всѣ эти преимущества; если даже какая нибудь высокоблагородная маменька и дѣлала своей

Digitized by Google

дочкѣ замѣчаніе на счетъ ея неприличнаго обращенія съ докторомъ Штейномъ, то золотое слово падало на этотъ разъ на неплодородную почву и миленькая дочка успокоивала свою встревоженную дворянскую совѣсть мыслью: вѣдь это только на сегодняшній вечеръ... Болѣе чѣмъ вѣроятно, что удача Освальда въ этотъ вечеръ глубоко уязвила не одно мужское барское сердце; но выраженіе этого неудовольствія ограничивалось лишь нѣсколькими насмѣшливыми словами, изъ которыхъ ни одно не дошло до Освальда и нѣсколькими разгнѣванными взглядами, которые еще содѣйствовали усиленію его безумной веселости. Онъ очень хорошо зналъ, что движется на весьма скользкой почвѣ, но близость опасности, которая пугаетъ слабые умы, заставляетъ еще сильнѣе биться мужественныя сердца; сознаніе, что онъ каждую минуту можетъ натолкнуться на оскорбленіе, придаю его обращенію съ молодыми аристократами смѣлость и увѣренность, которыя хотя и разжигали ихъ неудовольствіе, но въ то же время ставили неодолимую преграду между ихъ желаніемъ и его исполненіемъ. Впрочемъ, нужно сказать къ чести аристократовъ, что въ числѣ двѣнадцати или четырнадцати баричей, нашлось двое, или трое до того свободныхъ отъ предразсудковъ, что имъ нравилась рыцарская личность Освальда. Такъ, напримѣръ, молодой фонъ-Лангенъ, въ антрактахъ между танцами, прохаживался съ нимъ подъ руку и дружески разговаривалъ; такъ молодой фонъ-Брезенъ, самый красивый и ловкій изъ всего собранія, просилъ Освальда дать ему нѣсколько уроковъ стрѣльбы изъ пистолета и когда его сестра по невнимательности перемѣшала танцы, самъ пришолъ извиниться передъ нимъ и подвелъ его къ сестрѣ, чтобы и она сдѣлала тоже самое; такъ, наконецъ, самъ баронъ Ольденбургъ многимъ превозносилъ до небесъ блистательные таланты Освальда въ танцахъ и стрѣльбѣ, при чемъ, впрочемъ, нельзя было точно опредѣлить говоритъ ли онъ искренно или только желаетъ, какъ можно болѣе раздосадовать своихъ собратій по происхожденію.

Онъ могъ тѣмъ успѣшнѣе предаваться этому занятію, что на вопросъ Барневица хочетъ ли онъ играть въ карты, отвѣчалъ: «да, если будутъ играть въ фараонъ; а на вопросъ Луизы фонъ-Мейенъ не намѣренъ ли онъ танцовать, заявилъ: что въ эту минуту, въ первый разъ въ жизни сожалѣетъ, что танцовальный учитель никакъ не могъ втолковать ему различія между первой

Digitized by Google

и второй позиціей, а музыкальный не научилъ отличать вальсъ отъ хорала. Тамъ ходилъ онъ между карточными столами и возбуждалъ гнѣвъ барона Грибена тѣмъ, что заглядывалъ поочередно во всѣ карты и каждому давалъ добрый, а чаще самый скверный совѣтъ. По временамъ, онъ выходилъ въ бальную залу и смотрѣлъ на танцующія пары глазами добродушно настроеннаго кота, который видитъ играющихъ бѣленькихъ и сѣренькихъ мышекъ. Это пріятное развлеченіе нарушилъ поспѣшно подошедшій Барневицъ.

— Ольденбургъ, такъ какъ тебѣ здѣсь нечего дѣлать...

— Да, милый другъ, мнѣ дѣйствительно здѣсь нечего дѣлать.

— Такъ пойдемъ на верхъ въ столовую и помоги мнѣ распредѣлить мѣста. Хочешь?

— Мнѣ весьма лестно твое довѣріе къ моему организаторскому таланту, mon ami, сказалъ Ольденбургъ и послѣдовалъ за хозяиномъ черезъ сѣни, по устланной коврами лѣстницѣ, въ ярко освѣщенную столовую, гдѣ слуги только что кончили накрывать на столъ.

— Вотъ ярлыки, Ольденбургъ, всѣ уже подписаны; скажика мнѣ...

— Любезнѣйшій, обратился Ольденбургъ къ одному изъ лакеевъ,—не можете ли вы доставить мнѣ надлежащаго инструмента для откупорки этой бутылки? Благодарствуйте! Festina lente, Барневицъ, по-нѣмецки: ты не долженъ давать пересыхать горлу своихъ пріятелей. За твое здоровье, мой милый! Этотъ мальчикъ Клико принадлежитъ къ добродѣтельнѣйшимъ изъ своего распространеннаго родства. По истинѣ великолѣпно—и онъ налилъ другой стаканъ. — Ну, теперь, я къ твоимъ услугамъ.

— Поставьте-ка эту бутылку сюда на маленькій столикъ, почтеннѣйшая ливрея! Въ ней будетъ еще стаканчика два. Графиня фонъ-Грибенъ... баронъ Ольденбургъ... баронеса фонъ-Наделицъ...—Убирайся ты къ чорту, Барневицъ! стану я два часа сидѣть между старой крапивой! Лучше ужь я готовъ помогать лакеямъ! Нѣтъ! мы вотъ какъ устроимъ дѣло. Все старье мы усадимъ на одинъ конецъ стола, а всю Юную Германію на другой. Ступай ты съ своимъ стадомъ барановъ и старыхъ овецъ на востокъ, а я пойду съ козлятами и ягнятами на западъ.

— Такъ дѣйствительно будетъ лучше, сказалъ Барневицъ,—вотъ твои ярлыки.

Digitized by Google

— Лакеи унли изъ столовой; пріятели начали расшаркиваться ярлыки каждый на своемъ концѣ стола.

— Мадемуазель Клаусъ, сказалъ Ольденбургъ, подымая кверху билетикъ; — во имя всѣхъ боговъ Олимпа, скажите мнѣ, кто эта Клаусъ?

— Наша учительница. Будто ты не замѣтилъ такую миловидную дѣвочку съ плутовскими глазенками? сказалъ съ жаромъ Барневицъ. — Не оставить же было ее въ дѣтской? Господи!.. опять приходятся рядомъ мужъ и жена... Ктому же, тогда было бы одной танцующей дамой меньше. Ты можешь посадить ее съ докторомъ Штейномъ. Свои люди сочтутся.

— Хорошо, сказалъ Ольденбургъ и усмѣхнулся.

— Кто же будетъ кавалеромъ мадамъ Бернвовъ?

— Отвяжись отъ меня! Ну хоть ты самъ!

— Вон! сказалъ Ольденбургъ и выпилъ стаканъ шампанскаго.

— А кто же будетъ имѣть честь сидѣть подлѣ твоей жены? спросилъ онъ послѣ непродолжительной паузы.

— Боже мой! Это дѣйствительно очень важно. Знаешь что, Ольденбургъ, посади самого незначительнаго, тогда вѣрно никто ничего не скажетъ.

— Слушаемъ! сказалъ Ольденбургъ, и началъ перебирать ярлыки, пока не нашолъ того, который былъ ему нуженъ. — Отмщу я тебѣ за твои милые анекдоты о казаньѣ на людѣ, проборматалъ онъ сквозь зубы....

— Ты готовъ, Ольденбургъ?

— Сію минуту! Кончено.

— Теперь, баронъ, ступай въ большую залу и скажи каждому кавалеру, кого онъ долженъ вести, а я тоже самое сдѣлаю въ второй комнатѣ.

— Ainsi soit-il! сказалъ Ольденбургъ, усмѣхаясь вслѣдъ уходящему.

Когда онъ вошолъ въ залу, устроивался контрдансъ. Тотчасъ послѣ этого танца, рѣшено было идти ужинать.

— Случай благопріятный, проворчалъ онъ и началъ съ невозмутимой важностью пробираться сзади танцующихъ паръ, точно длинноногая черная птица, ищущая себѣ лягушекъ и выбиралъ удобную минуту шепнуть кавалеру имя его будущей дамы. Освальдъ танцовалъ съ г-жею фонъ-Барневицъ, которая заняла дѣвицу Клаусъ, успѣвшую сдѣлать послѣднія распоряженія на кухнѣ, vis a-vis Мелита и фонъ-Клотенъ. Ольденбургъ подошелъ

Digitized by Google

будущую судьбу. Уже пѣшіе кавалеры, которые, по видимому, всѣ остались болѣе или менѣе довольны, потому что кланялись съ веселой миной. Послѣ всѣхъ, онъ подошолъ къ Клотену.

— Клотенъ, я назначилъ вамъ мадамъ Барневицъ.

— Потомъ къ Освальду: г. докторъ, вы поведете къ столу г-жу фонъ-Берковъ.

Вслѣдъ за этимъ, онъ поспѣшно отошолъ прочь.

— Гортензія, шепнулъ по уши счастливый Клотенъ,—знаешь кто будетъ твоимъ кавалеромъ?

— Ужь не ты ли, Артуръ? вскричала она съ испугомъ.

— Да, мой ангелъ!

— Невозможно, Артуръ. Ты тотчасъ послѣ кадриля долженъ идти къ Ольденбургу и сказать, что ты не желаешь вести меня.

— Но...

— Шт! не такъ громко. Ты дуракъ, я уже говорила тебѣ, что Барневицъ болѣе чѣмъ подозрѣваетъ наши отношенія. Этого еще не доставало!

— Changez les dames!

— Мелита, я поведу тебя къ столу.

— Нельзя Освальдъ. Нужно это разстроить.

— Почему же? прошепталъ Освальдъ и его темныя брови сдвинулись.

— Не смотри такъ мрачно, мое сердце; я все объясню тебѣ.

Мадемуазель Клаусъ показалась въ сосѣдней комнатѣ. Какъ только замѣтилъ ее Ольденбургъ, такъ отправился къ ней и, почтительно согнувши свою длинную фигуру, сказалъ такимъ кроткимъ тономъ, что онъ совершенно противорѣчилъ его обыкновенной рѣзкой рѣчи:

— Сударыня, я буду имѣть удовольствіе вести васъ къ столу.

Бѣдная дѣвушка стояла какъ поражонная молніей. Баронъ Ольденбургъ, гордый, неприступный баронъ, поведетъ ее къ столу!

Она взглянула на него съ вопросительной миной.

— Я самъ назначалъ мѣста, сударыня; если вамъ что нибудь не нравится, скажите мнѣ прямо и откровенно; я сочту себя счастливымъ, если удастся сдѣлать вамъ угодное.

— О, сохрани Боже, господинъ Баронъ.

— Eh bien, nous voilá d'accord. Позвольте мнѣ вашу руку; я вижу, что пары уже устанавливаются.

Digitized by Google

Въ эту минуту, опрометью вбѣжалъ Клотенъ.

— На одно слово, Ольденбургъ.—Извините, сударыня! Ольденбургъ, вы должны мнѣ назначить другую даму; я никакъ не могу вести Гортензію.

— Pourquoi pas, mon cher?

— Потому что... мучитель! потому что...

— Je suis au désespoir, mon brave, но Барневицъ самъ предложилъ васъ.

— Будто-бы?

— Могу васъ увѣрить.

Клотенъ съ сіяющимъ лицомъ вернулся къ своей дамѣ.

— Я передумала, Освальдъ, сказала Мелита: такъ будетъ лучше, но на котильонъ разсчитывать уже нечего. Ну пойдемъ, дай мнѣ руку и будь опять добрымъ.

Пожилыя пары раньше пришли въ столовую и уже стояли у своихъ стульевъ; потомъ явилось и бальное общество. Барневицъ оглянулъ обѣ стороны, чтобы увидѣть все-ли въ порядкѣ. Лицо его омрачилось, когда онъ увидѣлъ свою жену около Клотена, Мелиту подъ руку съ Освальдомъ и наконецъ самого Ольденбурга, который вводилъ въ эту минуту свою маленькую даму, какъ чистокровную принцесу.

— Ольденбургъ, чортъ тебя побери! что это ты настряпалъ? сердито прошепталъ онъ. Я не хочу, чтобы Клотенъ шолъ съ моей женой; объ нихъ и такъ уже достаточно поговариваютъ.

— Но, милый другъ, ты вѣдь велѣлъ мнѣ выбрать самаго ничтожнаго. Могъ-ли же я поступить иначе?

— А Мелита съ докторомъ, ты съ Клаусъ... это вѣдь ужь смѣшно!

— Ну Барневицъ, вѣдь дѣло уже сдѣлана о ты былъ-бы очень любезенъ, еслибы оставилъ въ покоѣ то, что я устроивалъ въ угожденіе тебѣ же и пошолъ бы на свое мѣсто. Графиня Грибенъ всюду ищетъ тебя своими большими совиными глазами.

— Ну, я тутъ умываю руки! ворчалъ Барневицъ, отправляясь къ своему стулу.

— А я выпью бутылку шампанскаго за свою удачную политическую продѣлку, подумалъ Ольденбургъ, усаживаясь подлѣ своей дамы, противъ Освальда и Мелиты и очень близко отъ Клотена и Гортензіи.

— Mesdames и Messieurs! сказалъ онъ—надѣюсь, что вы по-

Digitized by Google

желаете вмѣстѣ со мною здоровья человѣку, который назначалъ мѣста каждому изъ насъ и, имѣя въ виду только общее благо, тѣмъ не менѣе успѣлъ выполнить тайное желаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей. Осмѣливаюсь напомнить вамъ, Mesdames и Messieurs, что недостатокъ энтузіазма въ такую торжественную минуту нетолько оскорбитъ нѣжныя чувства упомянутаго человѣка, но и глубоко огорчитъ одного изъ вашихъ ближнихъ, которыхъ мы должны любить, по крайней мѣрѣ, какъ самихъ себя. Mesdames и Messieurs, выпьемте-же со мною за здоровье вашего и моего лучшаго друга, за здоровье Адальберта фонъ Ольденбурга.

Легко себѣ представить, что изъ всѣхъ слышавшихъ голосъ барона, никто не имѣлъ или не хотѣлъ обнаружить желанія отказаться отъ этого ироническаго тоста. Хрустальные стаканы чокнулись и скоро на всемъ столѣ завязалась оживленная бесѣда, которая, какъ огонь на стогѣ соломы, сразу зажгла всѣ уголки и оконечности, — та свистящая, жужжащая, хихикающая, смѣющаяся, шумная и шепчащая бесѣда, въ которой остроумнѣйшее слово и самое глупѣйшее замѣчаніе имѣютъ одинаково большую или одинаково малую цѣнность.

— Наблюдай за своими глазами, Освальдъ, сказала Мелита съ той быстротою, въ которой слова едва отличаются отъ дыханія и тѣмъ не менѣе каждый слогъ совершенно явственно слышенъ. Твои дорогія любовныя посланія могутъ быть перехвачены по дорогѣ недостойными руками, разпечатаны и прочитаны.

Клотенъ напрасно старался увѣрить Гортензію, что ея мужъ желалъ избрать его ея кавалеромъ.

— Не будь-же такъ простъ, Артуръ, сказала молодая женщина. Будь увѣренъ, что это интрига Ольденбурга. Ты вѣрно когда нибудь говорилъ съ нимъ обо мнѣ?

— Нѣтъ, Гортензія—parole d'honneur.

— Я увѣрена, что ты это сдѣлалъ; ты сдѣлаешь меня несчастной своей глупой болтливостью.

— Но, Гортензія.

— Молчи, Ольденбургъ наблюдаетъ за нами.

— Клотенъ! сказалъ баронъ.

— Что, баронъ?

— Поѣдемте со мной въ Италію нынѣшнею осенью. Знаете для того о чемъ мы давича говорили.

Digitized by Google

— Очень охотно бы поѣхалъ, баронъ; но вѣдь вы знаете, что есть тысячи препятствій: вопервыхъ охота, вовторыхъ скачки, втретьихъ, я, терпѣть не могу путешествій, вчетвертыхъ, ни слова не понимаю по итальянски.

— Ну, это еще не бѣда. Необходимо знать только нѣсколько словъ, на примѣръ si signore, Anima mia, dolce, все другое можно спросить у гондольеровъ.

— Клотенъ покраснѣлъ до ушей, потомучто, пока Ольденбургъ съ улыбкой произносилъ эти слова, онъ почувствовалъ, что нога Гортензіи крѣпко прижимаетъ его ногу и услыхалъ почти заглушонный накипавшими слезами голосъ: видите, Артуръ; не то ли я говорила?

Даже Мелита, которая очень притихла съ тѣхъ поръ какъ баронъ сѣлъ противъ нея, видимо встревожилась этой выходкой. Она вдругъ опустила свои длинныя рѣсницы, какъ-бы желая скрыть то что происходило въ ея душѣ.

— Привожу васъ въ свидѣтельницы, сударыня, обратился къ ней Ольденбургъ—много-ли пользы принесло вамъ знаніе итальянскаго языка?

— Нисколько, сказала Мелита и глаза ея заблистали,—мнѣ пришлось только услышать нѣсколько такихъ фальшивыхъ, ложныхъ словъ, которыя безъ этого остались бы мнѣ непонятны.

— Да, да, итальянцы много лгутъ—сказалъ, посмѣиваясь Ольденбургъ.

— Лучше сказать, поитальянски много лгутъ, возразила Мелита.

— Во второй разъ разбитъ!—подумалъ баронъ. Эта женщина все еще хороша какъ ангелъ и умна какъ змѣя. Она даже лучше чѣмъ прежде. Ея глаза стали еще больше и свѣтлѣе; плечи еще круглѣе; голосъ еще мягче и гармоничнѣе—и все это in majorem Dei Gloriam, т. е. изъ любви къ сидящему подлѣ нея красивенькому франтику! Гм! Г-нъ докторъ, угодно вамъ сдѣлать мнѣ честь выпить со мною стаканъ шампанскаго? мнѣ показалось, что на ваше лицо нашло какое-то облако; это его разгонитъ. Вы знаете: dulce est desipere in loco.

— Что это еще за подозрительный языкъ, баронъ? воскликнулъ Клотенъ.

— Нижне-брамапутрайскій, mon cher. За ваше здоровье, Клотенъ!

Digitized by Google

Чѣмъ болѣе пиръ приближался къ концу и чѣмъ чаще наполнялись выпиваемые стаканы, тѣмъ шумнѣе и безпорядочнѣе становилась бесѣда, такъ что заглушила даже голосъ графа Грибена, который до тѣхъ поръ слышался громче всѣхъ, какъ крикъ большого попугая въ звѣринцѣ. Тонкій слой внѣшней образованности, дальше которой не шли эти люди, начиналъ постепенно смываться отъ огромныхъ возліяній и нагая, ничѣмъ неприкрашенная натура, выходила наружу. Молодые люди разсказывали молодымъ дамамъ свои приключенія на охотѣ, на скачкахъ, свои рыцарскіе подвиги во время военной службы или упражнялись въ разговорахъ, которые считали любезными, но которые женщины съ нѣсколько тонкимъ вкусомъ нашли бы плоскими и двусмысленными. Впрочемъ, молодыя дамы, повидимому слишкомъ привыкли къ такого рода разговорамъ, такъ что они едва ли дѣлали на нихъ непріятное впечатлѣніе. Напротивъ, онѣ позволяли подливать въ свои стаканы шампанскаго, смѣялись до упада надъ блистательными похожденіями молодыхъ людей, въ особенности молодого графа Грибена, очень высокаго, очень тощаго и очень бѣлокураго юноши, появленіе котораго наводило на мысль о жирафѣ. Всякій разъ, какъ онъ сидѣлъ далеко отъ Ольденбурга, какъ было и въ настоящемъ случаѣ, то охотно прикидывался esprit fort и пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ своихъ товарищей. Самъ Ольденбургъ казался или пламеннымъ почитателемъ Бахуса или находилъ особенное удовольствіе намѣренно распространять вокругъ себя вакхическое одреніе, потому что пилъ и говорилъ непереставая и неотступно приглашалъ пить другихъ. Въ особенности, онъ не упускалъ изъ виду Клотена, который вначалѣ ужина совсѣмъ было пригихъ отъ упрековъ Гортензіи, но лишь только опорожнилъ бутылку, какъ позабылъ всѣ благоразумныя наставленія которыя наскоро давала ему его возлюбленная.

Взгляды его дѣлались все выразительнѣе и на слова Гортензіи:—Артуръ, да приди-же въ себя? онъ отвѣчалъ почти громко:—чего ты отъ меня хочешь, голубчикъ?—Неосторожность молодого франта дошла до того, что онъ, подъ предлогомъ поднять что-то съ полу, поцѣловалъ подъ столомъ руку Гортензіи, мѣнялся съ ней стаканами, однимъ словомъ, устроилъ такъ, что всѣ, кому до тѣхъ поръ не были извѣстны ихъ отношенія, могли получить о нихъ полное понятіе, а тѣ которые нѣчто предпологали, пришли къ полнѣйшему убѣжденію.

Digitized by Google

— Я уѣду тотчасъ послѣ ужина, Освальдъ, сказала Мелита своему сосѣду, который въ послѣднее время разговаривалъ почти постоянно съ Эмиліей фонъ-Брезенъ, сидѣвшей съ другой стороны подлѣ него.

— Лучше бы было, еслибы ты вовсе не пріѣзжала или оставила хоть меня дома, съ горечью отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Брани меня еще! сказала Мелита и губы ея болѣзненно сжались. — Ахъ, Освальдъ, я бы всюду желала быть съ тобою, сегодня и навѣки.

— Если позволитъ баронъ Ольденбургъ, сказалъ Освальдъ, который замѣтилъ какъ сѣрые глаза барона неотступно слѣдили за нимъ и Мелитой, между тѣмъ какъ онъ велъ оживленный разговоръ съ дѣвицей Клаусъ.

Мелита ничего не отвѣтила, но слеза вдругъ показавшаяся на ея густыхъ рѣсницахъ, которую она быстро отерла своимъ тонкимъ платкомъ, была достаточнымъ отвѣтомъ.

— Прости меня Мелита, но я очень несчастливъ.

— Я сама столько же, если не болѣе несчастна, и именно потому желаю, чтобы хоть ты былъ совершенно счастливъ; какъ бы мнѣ хотѣлось сдѣлать тебя совершенно счастливымъ!

— Ты можешь сдѣлать это однимъ словомъ.

— Что это за слово, Освальдъ?

— Скажи, что ты меня любишь.

— Освальдъ, такъ спрашиваетъ не любовь, а ревность.

— Развѣ бываетъ любовь безъ ревности?

— Да, настоящая любовь, которая ничего не боится и всему вѣритъ.

— Такъ моя любовь не настоящая? Разумѣется, развѣ можемъ мы, люди неблагороднаго происхожденія, имѣть даже претензію на что нибудь настоящее. Наши матери и сестры носятъ бемскія стекла вмѣсто бриллiантовъ, а у насъ нѣтъ ни настоящей чести, ни настоящей любви — это ясно какъ день!

Еслибы Освальдъ, говоря эти слова, могъ заглянуть въ сердце или, покрайней мѣрѣ, въ лицо Мелиты, то долженъ бы былъ умереть со стыда. Мелита ничего не отвѣтила и не заплакала, но тупо глядѣла впередъ, какъ будто не могла постичь какъ рѣшилась рука, которую она съ благоговѣніемъ нагнулась поцѣловать, ударить ее въ лицо; какъ нога, которую она, колѣнопреклоненная, готовилась омыть благовоніями, жестоко оттол-

Digitized by Google

мира ее отъ себя... Какъ многого она ожидала отъ этого вечера; какъ хорошо казалось ей, среди шумнаго общества, быть все-таки наединѣ съ возлюбленнымъ, прислушиваться къ его словамъ, тайкомъ пожимать его руку и въ то время какъ хорошенькія женщины и прелестныя дѣвушки будутъ съ нимъ кокетничать, читать въ его глазахъ: я люблю одну тебя, Мелита! Начиная съ этого вечера, возникала передъ ней розовая будущность— цѣлый міръ надеждъ не въ ясныхъ образахъ, но въ какомъ-то предчувствіи спокойствія, любви и солнечнаго свѣта... Но вотъ вмѣшалось тутъ ея прошедшее, какъ сѣрый, зловредный туманъ и все гуще и гуще обнималъ солнечный пейзажъ ея будущности... и изъ за этого зловреднаго тумана, показалось ей лицо Освальда, обезображенное ненавистью; до слуха ея долетѣлъ какой-то будто незнакомый голосъ. Его ли это лицо? Его ли голосъ говоритъ ей: — Сударыня, ужинъ кончился, осмѣлюсь ли попросить васъ подать мнѣ руку?

Пока сходили внизъ, Мелита не сказала ни слова; Освальдъ также. Когда они пришли въ залу, онъ низко ей поклонился и, поднимая голову, на одно мгновеніе заглянулъ ей въ лицо. Онъ видѣлъ, какъ болѣзненно сжимались ея губы; видѣлъ какая трогательная жалоба выражалась въ ея глазахъ; но сердце его было слишкомъ ожесточено и онъ обратился къ кружку молодыхъ дѣвицъ и кавалеровъ, продолжавшихъ по видимому разговоръ начатый за ужиномъ. Мелита съ минуту посмотрѣла ему вслѣдъ, видѣла какъ хорошенькая Эмилія Фонъ-Брезенъ съ живостью обернулась къ нему, какъ онъ отвѣтилъ ей какой-то шуткой, и она ударила его по рукѣ своимъ вѣеромъ. Далѣе, она ничего не видала; совсѣмъ опомнилась она уже въ каретѣ. На деревья и кусты, мелькавшіе по дорогѣ, падалъ яркій свѣтъ фонарей, но Мелита видѣла все какъ сквозь туманъ, потомучто ея сердце и глаза были полны слезъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Съ отъѣздомъ Мелиты, будто добрый геній покинулъ бальную залу и всѣ демоны почувствовали себя свободно. Все громче

Digitized by Google

взвизгивали скрипки, все чаще разгорались глаза мужчинъ, все пустѣе становились рѣки, все тяжелѣе и стремительнѣе дѣлались движенія танцующихъ дамъ. А шампанское продолжало литься рѣкою. Во всѣ люстры, во время ужина, вставлены новыя свѣчи — казалось, удовольствію не предполагалось конца. Старики снова усѣлись въ игорнымъ столамъ; изъ маленькой сосѣдней комнаты раздавался звонъ золотыхъ монетъ и обычный возгласъ: Faites votre jeu, messieurs!

Когда опять начались танцы, Освальдъ освѣдомился о баронѣ и баронессѣ Гренвицъ и только тогда узналъ, что они уѣхали домой еще до ужина, а за нимъ опять пріѣдутъ лошади. Онъ думалъ, что Мелита не вошла въ большую залу, но сидитъ гдѣ-нибудь въ другихъ комнатахъ. Слуга, у котораго онъ спросилъ, гдѣ теперь г-жа фонъ-Бервовъ, отвѣчалъ ему, что она только что уѣхала и предложилъ лимонаду или шампанскаго. Освальдъ схватилъ стаканъ вина и опорожнилъ его залпомъ. Уѣхала! Непростившись! Прекрасное порталъ онъ, возвращаясь въ бальную залу.

И все мрачнѣе становилось у него на душѣ: онъ сердился не на себя за то, что оскорбилъ любимую женщину и допустилъ ее уѣхать не загладивши оскорбленія, но на нее, за то что она уѣхала, не доставивши ему случая попросить прощенія. Онъ былъ въ состояніи грѣшника осужденнаго на вѣчную муку за то что пренебрегъ покаяніемъ грѣшника, который изливаетъ свою ярость на себя и на нихъ въ чемъ невиннаго священника. Дикія мысли кружились въ его воспаленномъ мозгу — онъ сдѣлалъ бы наслажденіемъ, еслибы одинъ изъ этихъ молодыхъ баронетовъ, оскорбленный его высокомѣріемъ, отнесся къ нему враждебно. Да, онъ былъ на это; острилъ и смѣялся самымъ безцеремоннымъ образомъ; но всѣмъ или не понимали его, или же сохранили достаточно здраваго смысла, чтобъ разсудить, что дуэль съ человѣкомъ, который такъ славно стрѣляетъ—дѣло требующее нѣкотораго размышленія. Онъ старался себя увѣрить, что въ числѣ присутствующихъ дамъ, многія также хороши и любезны какъ Мелита, что смѣшно тосковать объ отсутствующей, когда здѣсь обѣщаютъ вознаградить его не одни яркіе глазки... Почему бы ему не влюбиться въ Эмилію фонъ-Брезенъ? Это бутонъ, который распустится великолѣпной розой. Почему бы ему нервому не заглянуть въ этотъ развертывающійся цвѣтокъ, не упиться

Digitized by Google

прежде всѣхъ его свѣжимъ благоуханіемъ? Развѣ она не стройна и проворна какъ серна? Развѣ ея розовыя губки не обѣщаютъ уже страстнаго поцѣлуя? А какими большими, сѣрыми, полуробкими, полу-смѣлыми, полу-недоумѣвающими и полу-понятливыми глазами смотритъ она на него теперь, когда онъ наклонился надъ спинкой ея кресла.

— Вы непремѣнно должны пріѣхать къ намъ, г. Штейнъ! Я приглашу также Лизбету и мы поѣдемъ кататься верхомъ.

— Лучше оставьте дома мадемуазель фонъ-Мейенъ, я предпочитаю дуэты терцетамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А вѣдь моя кузина очень хорошенькая Развѣ вы этого не находите?

— Мадемуазель Лизбета прелестнѣйшее существо, у котораго одинъ только недостатокъ... имѣть васъ кузиной и одна дурная привычка слишкомъ часто быть съ вами.

— Постойте, я скажу ей это!

— Этимъ вы подвергнете меня гнѣву вашей кузины и будете обязаны вознаградить меня.

— А въ моей ли власти это вознагражденіе?

— Нѣтъ, оно въ вашихъ глазахъ.

— Полноте, насмѣшникъ! Намъ пора танцовать.

Во время слѣдующаго антракта, Освальдъ безъ цѣли бродилъ по комнатамъ. Возвратившись въ залу, онъ никакъ не могъ отыскать Эмиліи. Отчасти чтобы отыскать ее, отчасти просто безъ плана, гонимый своими горькими мыслями, онъ попалъ въ новый рядъ комнатъ, прилегавшихъ съ другой стороны къ игорной залѣ, въ которыхъ еще совсѣмъ не былъ. Тамъ и сямъ догарали свѣчи на стѣнѣ или передъ зеркаломъ, и показывали ему, какъ въ дурномъ снѣ, то закоптѣлый старый портретъ, то его собственное блѣдное лицо. Стулья стояли въ безпорядкѣ. Окна были закрыты занавѣсами. Сквозь отверстія ихъ проходилъ лунный свѣтъ и рисовалъ мѣстами свѣтлую полосу на коврѣ. Освальдъ подошолъ къ одному изъ этихъ оконъ, чтобы вдохнуть чистаго воздуха. Когда онъ приподнялъ тяжолую малиновую занавѣсь, со стула въ глубокой нишѣ окна, робко поднялась бѣлая фигура и сдѣлала шагъ къ нему и протянула руки... Пара мягкихъ рукъ обвилась вокругъ его шеи и молодая грудь припала къ его бурной груди; пламенныя губки впились въ его губы и тихій голосъ шепталъ: Освальдъ! Боже мой, Освальдъ!

Digitized by Google

Мальчикъ, который играя съ маленькой сестрой, нечаянно ушибъ ее, не могъ бы быть болѣе удивленъ и испуганъ при видѣ крови малютки, чѣмъ Освальдъ въ ту минуту какъ онъ почувствовалъ на своей щекѣ слезы дѣвушки. Его безумное опьяненіе отъ любви и ревности мигомъ разсѣялось. Что онъ надѣлалъ? Онъ съигралъ гнусную роль хитраго птицелова; онъ приманилъ бѣдную птичку льстивыми словами и ласковыми взглядами, такъ что она попала въ его сѣть и бьется теперь на его груди...

— Сударыня, шепталъ онъ ей, поднимая съ своего плеча головку рыдающей дѣвушки: Эмилія, милое дитя, ради Бога успокойтесь! Подумайте только, если васъ кто нибудь увидитъ здѣсь или услышитъ...

— Что мнѣ до другихъ, я люблю тебя! шептала дѣвушка.

— Дорогая Эмилія, умоляю васъ, придите въ себя, не дѣлайте себя несчастной...

— Такъ вы меня не любите, сказала быстро выпрямляясь страстная дѣвушка. Такъ вы меня не любите? Хорошо, я пойду.

Она дѣйствительно хотѣла уйти, но страсть истощила ея силы. Она громко зарыдала и упала бы на полъ, еслибы Освальдъ не поддержалъ ее. Положеніе его было ужасно. Каждую минуту, кто-нибудь могъ войти въ комнату, отдернуть занавѣсъ, а оставить несчастную въ этомъ полу-безчувственномъ состояніи тоже было невозможно; даже нельзя было позвать къ ней кого-нибудь другого. А между тѣмъ, пора было бѣжать, потомучто онъ чувствовалъ какъ на минуту успокоившееся лихорадочное волненіе чувствъ возвращалось отъ продолжительности этого страннаго положенія, а кровь закипала все горячѣе и горячѣе... нѣжныя, полныя любви, страстныя слова невольно примѣшивались къ его почтительнымъ увѣщаніямъ; непреодолимая сила заставляла его крѣпче и крѣпче сжимать въ объятіяхъ молодое тѣло, прикасаться губами къ губамъ, глазамъ и волосамъ прелестнаго созданія... Сильнѣе всякихъ словъ эти нѣмые знаки любви привели въ чувство страстную дѣвушку.

— Такъ ты меня любишь, Освальдъ? Сказала она, довѣрчиво прижимаясь къ нему.

— Да, да, милая, кто же можетъ быть настолько жестокъ, чтобы не любить тебя. Но именемъ нашей любви, умоляю васъ, уй-

Digitized by Google

дите отъ меня теперь, пока еще не поздно. Я сейчасъ же приду къ вамъ въ залу.

Дѣвушка еще разъ припала головкой къ нему на грудь, какъ бы предчувствуя, что въ первый и послѣдній разъ отдыхаетъ на ней и подставила ротикъ для поцѣлуя, какъ будто знала, что такихъ сладкихъ, таинственныхъ поцѣлуевъ не получать ей больше во всю свою жизнь... Бѣлая, стройная фигура исчезла и только лунный свѣтъ отражался на темномъ занавѣсѣ, отдѣлявшемъ дверь отъ комнаты. Освальдъ занесъ уже было руку, чтобъ распахнуть его и пробраться опять въ бальную залу, какъ вдругъ услышалъ два мужскіе голоса.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

— Кто же это, чортъ возьми! говорилъ одинъ; это былъ голосъ барона Ольденбурга — какъ будто прекрасная Эмилія? На кого же раскидывала здѣсь въ темнотѣ сѣти эта ловительница мужчинъ? Но, Барневицъ, я скажу какъ Гамлетъ: куда ты ведешь меня? Говори, я не пойду далѣе! Уже два раза, въ этомъ проклятомъ clair-obscur, я привелъ въ непріятное соприкосновеніе мои баронскіе ноги съ грубыми ногами скамеекъ. Слава Богу! Здѣсь есть козетка: Ed bien, mon ami, causons! Чего ты отъ меня хочешь?

— Прошу тебя Ольденбургъ, будь серьезенъ хоть на одну минуту, сказалъ Барневицъ и голосъ его былъ какъ-то страненъ, мнѣ право вовсе не до смѣха!

— Странные право вы люди, ты и тебѣ подобные! Вы думаете, что порядочный человѣкъ не можетъ произнести серьезнаго слова, не сдѣлавши при этомъ кисло-горькой гримасы. Юморъ для васъ неизвѣстная роскошь. Ну, мой серьезный другъ, что такое случилось?

— Слушай, Ольденбургъ.

— Постой! Насъ здѣсь никто не можетъ услышать? Мнѣ показалось, что я слышу крысу за обоями?

*

Digitized by Google

— Нѣтъ, ничего не слышно.

— Eh bien! возвѣсти мнѣ, только въ самыхъ понятныхъ выраженіяхъ, твою печальную повѣсть.

Голоса разговаривающихъ понизились, однако не настолько чтобы Освальдъ не могъ совершенно ясно разслышать каждое слово. Онъ проклиналъ свое положеніе, сдѣлавшее его невольнымъ шпіономъ, но не было возможности измѣнить дѣла. Такъ какъ Ольденбургъ узналъ Эмилію, то честь ея имени конечно пострадала бы отъ внезапнаго появленія доктора Штейна изъ его засады. Онъ попробовалъ потихоньку раскрыть окно, чтобы искусно выпрыгнуть изъ него въ садъ и потомъ войти черезъ растворенную дверь въ бальную залу, но предпріятіе показалось ему слишкомъ рискованнымъ и онъ рѣшился, проклиная свою несчастную звѣзду, покориться своему полу-смѣшному, полу-досадному положенію.

— Ольденбургъ, сказалъ Барневицъ;—просилъ тебя Клотенъ посадить его съ моей женой или это была твоя собственная выдумка?

— Что за странный вопросъ ты мнѣ дѣлаешь?

— Не твое дѣло! отвѣчай только.

— Не стану, до тѣхъ поръ пока не узнаю къ чему это ведетъ.

— Я хочу отвѣта, а не увертки, сказалъ раздраженный Барневицъ.

— Твоя угроза не страшна, Кассій! отвѣчалъ Ольденбургъ тономъ, царственное спокойствіе котораго рѣзко отличалось отъ страстно прерывающагося голоса собесѣдника. Еще разъ, повторяю тебѣ Барневицъ, или ты скажешь мнѣ какое значеніе въ дѣлѣ будетъ имѣть мое показаніе, или я отказываюсь отъ допроса.

— Ну, коротко и ясно: Клотенъ любитъ Гортензію!

— О! a vice versa: любитъ ли твоя жена этого достойнаго юношу?

— Чортъ бы его побралъ!

— Истинно добродѣтельное желаніе, которому я вполнѣ сочувствую. Съ которыхъ поръ разыгрывается это романтическое представленіе?

— Съ нашего возвращенія изъ Италіи.

— А имѣешь ли ты доказательство?

Digitized by Google

— Тысячу.

— А что ты думаешь дѣлать?

— Боже милосердый, Ольденбургъ, ты спрашиваешь, какъ будто дѣло идетъ о партіи виста! Я хочу изуродовать подлеца, охотничьимъ хлыстомъ выгнать изъ дома его и его любовницу!

— Вон! А не назовешь ли ты мнѣ одного изъ своихъ тысячи доказательствъ?

— Ну, кажется нынѣшній вечеръ уже достаточное доказательство. Вопервыхъ, она выбираетъ его своимъ кавалеромъ, вовторыхъ, кокетничаетъ съ нимъ самымъ безстыднымъ образомъ?

— Стой! Кто тебѣ это сказалъ?

— Молодой Грибенъ.

— Такъ скажи молодому Грибену, что онъ можетъ употребить свой воробьиный мозгъ на что нибудь лучшее, чѣмъ выдумывать такія глупыя исторіи и передавать ихъ тебѣ. Я сидѣлъ ближе его и отличаюсь не меньшей наблюдательностью, но могу тебѣ засвидѣтельствовать, что твоя жена и Клотенъ вели себя за столомъ такъ прилично — какъ можно только ожидать отъ подобныхъ особъ. Потомъ, сообрази же, сдѣлай милость, что все это устройство была моя выдумка и, какъ я вижу теперь, очень дурная выдумка.

— И на это можно положиться Ольденбургъ?

— Я обыкновенно думаю то что говорю.

— Такъ это правда? сказалъ Барневицъ.

— Любезный другъ, я рѣшительно не могу судить объ этомъ и ты сдѣлаешь мнѣ большое одолженіе, если не будешь впутывать меня въ это дѣло. Если же ты желаешь слышать мой дружескій совѣтъ, то я къ твоимъ услугамъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Оставить на стѣнѣ свой охотничій бичь и во всякомъ случаѣ избѣжать скандала, въ которомъ самую жалкую роль разыгрываетъ всегда тотъ, на чей счетъ окончательно велся цѣлый спектакль—т. е. мужъ. Совѣтую тебѣ припомнить, что наша chronique scandaleuse изобилуетъ всякаго рода исторіями и еслибы всѣ изукрашенныя головы хватались за бичъ при всякомъ новомъ прибавленіи къ своему головному убору, то во всей странѣ невозможно бы было отыскать достаточнаго количества ремней и бичовокъ. Вовторыхъ, позволяю себѣ дать тебѣ — неопровержимый совѣтъ: распусти половину своихъ охотничьихъ

Digitized by Google

собакъ и любовницъ. Оставь зайцевъ спокойно ѣсть капусту, а крестьянъ безмятежно цѣловать своихъ супружницъ; обращай болѣе вниманія на Гортензію, которая, какъ и всѣ женщины, не желаетъ ничего лучшаго какъ быть любимой и слишкомъ умна, чтобы въ случаѣ выбора между тобою и Клотеномъ, незамѣтить твоихъ преимуществъ. И, въ заключеніе, пойдемъ опять къ людямъ потомучто этотъ философскій разговоръ въ этомъ таинственномъ полумракѣ пресквернно на меня подѣйствовалъ, и я чувствую ужаснѣйшую потребность въ стаканѣ шампанскаго.

— Ха! ха! ха! смѣялся Барневицъ. Онъ, какъ и всѣ ограниченные люди, легко переходилъ изъ одной крайности въ другую;— Да, это правда Ольденбургъ, что я совсѣмъ другое, чѣмъ этотъ проклятый трусишка Клотенъ. И Гортензія это хорошо знаетъ, ха! ха! ха! правда также, что въ послѣднее время, я таки нисколько не стѣснялся въ образѣ жизни. Знаешь, меня такъ избаловало наше итальянское путешествіе. Проклятыя бабенки съ чорными, блестящими глазами!—Да, argoros блестящихъ глазъ; я все хотѣлъ спросить тебя, что вы совсѣмъ покончили съ мадамъ Берковъ?

— Я, съ мадамъ Берковъ? что за глупая фантазія опять шевелится въ твоемъ мозгу? что можетъ быть общаго между мной и ею?

— Ну, Ольденбургъ, не увѣрить тебѣ такую старую лисицу какъ я, что ты только въ почтительномъ отдаленіи любовался спѣлымъ виноградомъ.

— Слушай, мое сокровище, сказалъ Ольденбургъ, и его голосъ звенѣлъ какъ обоюдуострый ножъ;—ты знаешь, что я лучше кого нибудь умѣю понимать шутку; но если кто осмѣлится коснуться чести Мелиты, клянусь всемогущимъ Богомъ, онъ умретъ отъ моей руки.

— Ну вотъ какъ ты раскипятился!

— Я раскипятился?—Я также холоденъ какъ замороженное шампанское. Да, что бишь я хотѣлъ сказать? Обѣщай мнѣ, Барневицъ, что ты, ни сегодня ни завтра, не предпримешь ничего въ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, пока опять не переговоришь со мною; главное, недавай ничего замѣтить своей женѣ; слышишь, Барневицъ, ни одного слова!

— Ну, добрый совѣтъ немножко не въ пору; я уже мимохо-

Digitized by Google

домъ сказалъ слова два Гортензіи. Говорю тебѣ, что она поблѣднѣла, какъ полотно. Проклятая кукла!

— Это было очень несправедливо и очень не порыцарски, мой милѣйшій рыцарь печальнаго образа—сказалъ Ольденбургъ; старыя бабы болтаютъ, мужчины дѣйствуютъ; подобныя сцены между ревущей женой и грозящимъ мужемъ кажутся мнѣ въ высшей степени нивкими и плебейскими. Сознаніе того, что мы правы, а другіе виноваты должно бы дѣлать насъ вдвое нѣжнѣе, кротче и осмотрительнѣе. Быть неправымъ и самому сознаться въ этомъ—уже и безъ того достаточное несчастіе.

— Ахъ, Ольденбургъ; все это слишкомъ высоко для меня. И потомъ, ты не знаешь женщинъ, если думаешь, что онѣ слишкомъ принимаютъ къ сердцу подобныя вещи. Въ одно ухо войдетъ, въ другое выйдетъ. Пойдемъ и удостовѣрься замѣтно ли по лицу Гортензіи, что я десять минутъ назадъ обѣщалъ переломать Клотену ребра, если проклятая исторія тотчасъ не прекратится.

— Да, да, ты настоящій Отелло! А я то по своему глупому добродушію старался обратить въ цивилизованнаго европейца этого грубаго мавра! Quelle bêtise!

Когда Освальдъ нересталъ слышать голоса разговаривавшихъ и звуки музыки показали, что опять начались танцы, онъ вышелъ изъ своей засады. По его предположенію, этотъ рядъ комнатъ долженъ былъ оканчиваться коридоромъ, который онъ замѣтилъ проходя въ столовую. Дѣйствительно такъ и вышло: дверь изъ сосѣдней же комнаты выходила уже въ коридоръ. Изъ коридора, онъ попалъ въ сѣни, а оттуда, не возбудивъ ни малѣйшаго подозрѣнія, вошолъ опять въ пріемныя комнаты. Кое-гдѣ еще играли въ карты, но большая часть гостей ушла въ большую залу, гдѣ готовились танцовать котильонъ. Освальдъ пошолъ также туда. Взгляды его искали и нашли Эмилію фонъ Брезенъ. Онъ просто не повѣрилъ своимъ глазамъ, такъ она измѣнилась; изъ рѣзвой дѣвочки сдѣлалась женщина. Она показалась ему и выше и лучше; ея до того розовое личико было блѣдно, но глаза свѣтились необыкновеннымъ огнемъ и она не находила уже улыбки на шутки своего танцора. Когда она увидѣла Освальда, по лицу ея пробѣжала молнія радости. Она быстро обернулась къ нему, какъ только онъ подошолъ ближе.

— На одно слово, г. докторъ!—и потомъ тихо: я танцую съ

Digitized by Google

вами котильонъ; я знаю, что у васъ нѣтъ дамы; я такъ запутала графа Грибена, что онъ сейчасъ уѣхалъ съ своими. Онъ вѣрно думаетъ, что это произведетъ на меня сильное впечатлѣніе, глупецъ!—извините, г. фонъ Силовъ, я еще не отдохнула. Протанцуйте этотъ туръ съ моей Кузиной. Она страдаетъ по васъ. Слава Богу, что онъ ушолъ! Освальдъ, ты меня любишь?—Въ самомъ ли дѣлѣ ты любишь меня? Я едва могу этому повѣрить; у меня голова кружится; мнѣ хотѣлось бы громко вскрикнуть отъ радости. Пожалуйста, Освальдъ, не смотри такъ на меня, а то я брошусь тебѣ на шею и буду цѣловать тебя какъ давеча. Не сердишься ли ты на меня, Освальдъ. Конечно, это было очень дурно съ моей стороны. Но право, я не могла выдержать. Отчего ты не говоришь, Освальдъ?

— Потому, что мнѣ сладко слушать вашу болтовню.

— Не правда ли, я настоящее дитя? Но почему вы не сказали мнѣ *ты*?

— Развѣ ты думаешь, милая, что любятъ только тѣхъ кому говорятъ *ты*?

— Нѣтъ, но я думаю, что *ты* говорятъ тѣмъ кого любятъ. О, мнѣ такъ сладко это *ты*! Слава Богу, танецъ кончается! пойдемъ, займемъ хорошее мѣстечко, тамъ въ углу, у окна.

Мужчины были сильно заняты разстановкою стульевъ по заранѣе собраннымъ инструкціямъ отъ своихъ дамъ; кругъ почти уже составился, какъ вдругъ, посреди болтовни молодежи, пиликанья измученныхъ музыкантовъ, инструменты которыхъ, съ нѣкотораго времени, замѣтно расходились другъ съ другомъ, звона стакановъ на подносахъ и въ рукахъ жаждущихъ—изъ сосѣдней комнаты послышались голоса вовсе не веселые, но хриплые отъ вина и ярости, угрозы, потомъ только два слова, но такія, что на минуту, всѣ находившіеся на томъ концѣ залы, отрезвились отъ своего веселья. Разумѣется только на минуту, потомучто споръ въ неслишкомъ изящныхъ выраженіяхъ былъ вовсе не непривычной вещью въ этомъ высокоблагородномъ обществѣ и даже обыкновенно окончивался не такъ скоро. Это происшествіе по всей вѣроятности скоро забылось бы, какъ и всѣ происшествія подобнаго рода, еслибы въ то же время не разыгралась въ самой бальной залѣ сцена, подавшая поводъ къ многимъ догадкамъ. Какъ только смолкли грозные возгласы, подъ вліяніемъ третьяго голоса, имѣвшаго по видимому большой авторитетъ надъ

Digitized by Google

обоими пьяными противниками, Гортензія фонъ Барневицъ, готовившаяся танцовать котильонъ, схватила за руку своего кавалера и безъ памяти упала на подставленный стулъ. Волненіе общества безъ сомнѣнія было значительно. Не смотря на то что дюжина флаконовъ тотчасъ пущена была въ ходъ и множество рукъ усердно оттирали виски, глаза и лобъ хорошенькой паціентки, Гортензія только нѣсколько минутъ пришла въ себя и блѣдными губами улыбнулась окружающимъ дамамъ, прося ихъ больше взглядами чѣмъ словами, увести ее изъ бальной залы, что тотчасъ и было исполнено. Оставшіеся переглянулись, какъ бы желая спросить другъ друга: что же все это значитъ!

— Ну, балъ конечно кончился? Сказалъ вполголоса Адольфъ фонъ Брезенъ Освальду. Онъ готовился танцовать котильонъ съ Кузиной Лизбетой, къ которой былъ не совсѣмъ равнодушенъ.

— Боюсь, что да, отвѣчалъ тотъ.

— Будемъ мы танцовать? Спросилъ третій голосъ.

— Невозможно, сказалъ фонъ Лангенъ—я велѣлъ уже закладывать.

— Что это была за исторія, передъ этимъ, между Барневицомъ и Клотеномъ? Спросилъ кто-то.

— Оба выпили лишнее, вотъ и все! отвѣчалъ фонъ Лангенъ.

— Желалъ бы я, чтобъ въ этомъ было все! сказалъ фонъ Брезенъ; но боюсь, что тутъ кроется еще что-то. Говорятъ, Клотенъ поскакалъ отсюда сломя голову.

Въ бальную залу вошли самъ Барневицъ и Ольденбургъ. Лицо барона было какъ всегда спокойно, но лицо хозяина побагровѣло отъ волненія, гнѣва и выпитаго вина; глаза у него маслялись и языкъ ворочался какъ-то не совсѣмъ свободно, когда онъ обратился къ гостямъ съ просьбою продолжать танцы.

— Ѣхать домой — вздоръ; ни одной души не выпущу со двора. — Эй! шампанскаго сюда! — Домой? — Зачѣмъ? — У моей жены каждую минуту бываютъ обмороки, даже и безъ причины. Эдакъ вѣдь пришлось бы вовсе не принимать къ себѣ. Начинать, музыканты!

Однако, не смотря на радушное приглашеніе, которое сильно опровергалось встревоженнымъ видомъ хозяина, не смотря на первые звуки музыки, разразившейся поистинѣ страшнымъ аккордомъ, только очень не многіе согласны были продолжать прерванный праздникъ. Всѣ остальные вдругъ нашли, что уже

Digitized by Google

очень поздно, что за ужиномъ просидѣли слишкомъ долго, что непростительно продолжать удовольствіе, въ которомъ сама хозяйка дома не можетъ болѣе принимать участія и другія тому подобныя фразы, которыя обыкновенно приводятся въ оправданіе какого нибудь рѣшенія въ этомъ родѣ. Уже карета отъѣзжала за каретой, матери искали своихъ дочерей; дочери свои шали и вѣера — повсюду суета, прощанья; здѣсь веселая шутка, тамъ колкое замѣчаніе, въ другомъ мѣстѣ робкое слово любви. — Освальдъ не видѣлъ ничего кромѣ образа прелестнаго, страстнаго ребенка, сдѣлавшагося ему такъ дорогимъ въ такое короткое время. — Любовь есть нѣчто такое удивительное, что даже простое сознаніе, что мы вселили въ другого эту демонскую силу способно уже пробудить если не самую любовь, то ощущеніе поразительно похожее на нее. Любовь—зеркало, отражающее нашъ собственный образъ въ такомъ просвѣтленномъ видѣ, что даже самые скромные и благоразумные не могутъ удержаться отъ гордости при взглядѣ на него. Любовь дѣлаетъ человѣка божествомъ, а мы всѣ люди, всѣ братья Фаэтона и Иксіона, и не можемъ не пожелать иногда разыграть роль божества или хоть разъ вкусить отъ трапезы боговъ. Но какой нектаръ можетъ сравниться съ поцѣлуями свѣжихъ губокъ такого прекраснаго, молодого созданія? Со взорами дѣвушки, грудь которой впервые ощущаетъ жажду любви? Съ ея смутными, но тѣмъ не менѣе понятными рѣчами, напоминающими чириканье птички, которая хотѣла бы запѣть отъ всей души, но еще не можетъ найти настоящаго тона?..

А Освальдъ еще такъ недавно цѣловалъ такія губки, видѣлъ такіе молодые, блестящіе глаза, слышалъ такія тихія, насквозь проникнутыя любовью рѣчи. Что жъ удивительнаго, что въ тѣ немногія минуты, которыя ему суждено было еще пробыть съ милымъ ребенкомъ, онъ отдавалъ любовь за любовь и ожидалъ мгновенія разлуки почти съ такимъ же ужасомъ какъ и сама Эмилія, которая чуть не расплакалась, когда ей доложили, что карета готова. Эмилія воспользовалась случаемъ представить Освальда своей теткѣ въ то время какъ онъ подводилъ ее къ ней послѣ танца. Нѣсколько ловкихъ остроумныхъ словъ достачили ему благоволеніе матроны, которая безъ всякой тѣни злобы, любила подсмѣятся надъ ближними. Она также пригласила Освальда, и даже какъ можно скорѣе, пріѣхать въ Канделинъ (такъ

Digitized by Google

называлось имѣніе отца Эмиліи, страдавшаго въ настоящее время ревматизмомъ, что и заставило его остаться дома.)

— Да, тогда же мы и пострѣляемъ немножко въ цѣль — сказалъ Адольфу фонъ Брезенъ, пришедшій сказать дамамъ, что карета готова — я приглашу еще человѣкъ двухъ, для того чтобы вамъ не показалось слишкомъ скучно у насъ.

— Я обладаю способностью скучать въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, да кому же, присутствіе этихъ дамъ и ваше собственное, г. фонъ Брезенъ, мнѣ кажется гораздо лучшимъ предерватиномъ отъ этой болѣзни, нежели общество во сто человѣкъ, сказалъ Освальдъ, вѣжливо кланяясь.

— Слышишь, Адольфъ, вскричала живая старушка,— г. Штейнъ говоритъ тоже, что я повторяла тебѣ уже тысячу разъ: только скучные люди скучаютъ; напримѣръ ты и твоя сестра; оба сто разъ на дню собираются умирать со скуки!

— Я никогда не скучаю, тетя! живо перебила Эмилія.

— Дитя мое, ты начинаешь говорить вздоръ, такъ что намъ самое время ѣхать домой. И такъ, au revoir, monsieur.

— Позвольте мнѣ имѣть честь проводить васъ до кареты, сказалъ Освальдъ предлагая руку старухѣ.

— Vous étes bien aimable, monsieur, отвѣчала она принимая ее. — Увѣрены ли вы, г. Штейнъ, что вы не дворянскаго рода?

— Столько же сколько въ моемъ существованіи, сударыня. А почему вы это спросили?

— Гм! Во всей вашей личности есть что-то рыцарское, что очень рѣдко встрѣчается въ нынѣшнее время, и только въ молодыхъ людяхъ изъ знатнѣйшихъ фамилій. Адольфу остается еще многому поучиться въ этомъ отношеніи. Слышишь, Адольфъ?

— Я всегда слышу то что вы говорите, милая тетушка, отвѣчалъ Адольфъ шедшій сзади съ сестрою, — даже то, что вы, по вашему собственному замѣчанію, успѣли повторить мнѣ не одинъ разъ. Эмилія, милое дитя, куда же дѣвались твои глаза? ты чуть не попала подъ колесо!

Дамы усѣлись, но Адольфъ отдавалъ еще кучеру нѣкоторыя приказанія на счетъ дороги. Освальдъ стоялъ у отворенной дверцы, тетка спокойно расположилась въ своемъ уголкѣ, а Эмилія нѣсколько наклонилась впередъ. Свѣтъ отъ каретныхъ фонарей и изъ растворенной двери падалъ на ея лицо. Взглядъ ея не

Digitized by Google

отрывался отъ Освальда; но она видѣла его сквозь слезы готовыя выкатиться изъ ея большихъ глазъ; заговорить она не смѣла, но ея дрожащія губки были достаточно краснорѣчивы. Адольфъ вошолъ въ карету и захлопнулъ за собой дверцу. Пошолъ! Лошади тронулись. Маленькая ручка въ бѣлой перчаткѣ махнула изъ окна. Это было послѣднимъ знакомъ любви. Черезъ минуту у подъѣзда стояла другая карета.

Освальдъ воротился въ домъ. Общество уже порядочно поуменьшилось; въ числѣ немногихъ, которые еще оставались и, закутанные въ шали, ждали своихъ каретъ, не было никого съ кѣмъ Освальдъ успѣлъ познакомиться въ этотъ вечеръ. Фонъ-Лангенъ уѣхалъ первый, еще разъ напомнивши своему новому другу обѣщаніе побывать у него въ воскресенье. Освальдъ справлялся не пріѣхалъ ли экипажъ Гренвицей, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Чѣмъ болѣе рѣдѣло общество, тѣмъ непріятнѣе становилось ему оставаться. Онъ уже мысленно видѣлъ себя послѣднимъ гостемъ и рѣшился лучше сейчасъ же уйти пѣшкомъ, нежели быть вынужденнымъ подвергнуться гостепріимству Барневица. Въ это время изъ сосѣдней комнаты вышелъ баронъ Ольденбургъ и, казалось, искалъ кого-то глазами. Завидѣвши Освальда, онъ направился въ его сторону.

— Какъ вы думаете, г-нъ докторъ, не пора ли и по домамъ?

— Я ужь давно бы уѣхалъ, отвѣчалъ Освальдъ, только чувствую недостатокъ въ лошадяхъ и экипажѣ; вѣроятно, кучеръ и лошади барона Гренвица заснули дорогой.

— Очень будетъ пріятно, если вы позволите мнѣ предложить вамъ мѣсто въ моей каретѣ, сказалъ баронъ:—Небольшой крюкъ, который мнѣ придется сдѣлать, чтобы высадить васъ у воротъ замка Гренвицъ, вдвойнѣ и даже втройнѣ вознаградится вашимъ пріятнымъ собесѣдничествомъ.

— Съ благодарностью принимаю ваше любезное приглашеніе.

— Eh bien, partons!

Въ сѣняхъ встрѣтили они Барневица, который очевидно съ трудомъ исполнялъ обязанность хозяина дома. Глаза его налились кровью, голосъ охрипъ. Онъ болталъ ужасный вздоръ, стараясь сказать что нибудь вѣжливое отъѣзжающимъ. — Вы ужь хотите ѣхать:—ну, будьте здоровы дома...Иванъ! карету г-жи фонъ Поччендорфъ... сударыня, потрудитесь подождать, сію минуту заложатъ. Мое почтеніе вашему супругу! А, Поччендорфъ, другъ

Digitized by Google

мой, я и не видалъ тебя, пусть твоя жена ѣдетъ домой, а мы выпьемъ стаканъ шампанскаго...Ольденбургъ, докторъ, вы тоже ѣдете? Вздоръ! Очень радъ, что имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вами... вы чертовски стрѣляете... прекрасно сдѣлали, что осадили Клотена... очень хорошо; ты славный малый, докторъ, (нѣжное объятіе) ты мой лучшій другъ; (рыданіе) мой самый лучшій другъ! (опять объятіе) напрасно только не застрѣлилъ эту бестію!

— Пойдемъ-ка, Барневицъ, мнѣ нужно кое-что передать тебѣ, сказалъ баронъ, довольно сильно ударивъ по плечу Барневица и отводя его отъ экипажа. Извините, г-нъ докторъ; Карлъ, посторонись, пусть подъѣзжаютъ другіе экипажи.

Они ходили нѣсколько минутъ взадъ и впередъ по двору, то совершенно исчезая въ темнотѣ, то показываясь въ свѣтломъ кругѣ окружавшемъ домъ. Освальду не трудно было угадать о чемъ шла рѣчь. Иногда Барневицъ возвышалъ голосъ, но тотчасъ же понижалъ его при словѣ Ольденбурга, «Тише!» или «Какъ тебѣ не стыдно!» какъ дикій звѣрь подъ вліяніемъ взгляда или бича своего хозяина.—Этотъ человѣкъ имѣетъ магическую власть надъ другими, подумалъ Освальдъ, глядя на длинную фигуру барона, шагающую подлѣ сравнительно низенькаго Барневица, какъ олицетворенная совѣсть преслѣдующая бѣднаго грѣшника: я самъ начинаю уже предчувствовать его вліяніе. Въ этомъ человѣкѣ есть демонъ, котораго надо любить или ненавидѣть, или скорѣе любить и ненавидѣть вмѣстѣ, потомучто я очень бы желалъ возненавидѣть этого человѣка и не могу. Впрочемъ, чтожъ онъ такое мнѣ сдѣлалъ? Если онъ все еще любитъ Мелиту, какъ мнѣ кажется, то я ему гораздо большій врагъ, чѣмъ онъ мнѣ. Но почему Мелита не сказала мнѣ какія у ней были или есть отношенія съ этимъ длиннымъ привидѣніемъ? Я бы не оскорбилъ ея сегодня. Бѣдная Мелита! какъ она посмотрѣла на меня, а что бы она сказала, еслибы могла видѣть сцену въ оконной нишѣ?... Милая, нѣжная дѣвочка... И ея глаза были также полны слезъ, когда она сидѣла въ каретѣ и такъ пристально глядѣла на меня. О, кто же могъ бы быть на столько жестокъ, чтобы отвергнуть любовь этого прелестнаго существа? А все-таки:

All dieses Neigen von Herzen zu Herzen
Ach, wie so eigen schaffet es Schmerzen.

Digitized by Google

Божественный Гете, тебя выбираю своимъ заступникомъ? Ты самъ не пренебрегалъ лиліей за то только, что роза такъ прекрасна и потому твою благовонную голову окружаетъ вѣнокъ изъ розъ и лилій. Ты бы прижалъ маленькую Эмилію къ своему громадному сердцу и тихо отвелъ бы съ ея лба ея густые волосы, и нѣжно поцаловалъ бы ея нѣжные глазки. О, вы вѣчныя звѣзды, какъ хорошъ былъ этотъ ребенокъ въ это мгновеніе? Потомучто, въ концѣ концовъ, она не болѣе какъ ребенокъ. Завтра, проснувшись въ своей теплой постелькѣ, она подумаетъ, что видѣла во снѣ всю сцену въ оконной нишѣ.

Такъ старался Освальдъ успокоить свою совѣсть — что и удалось ему въ настоящую минуту.

— Позвольте мнѣ теперь сѣсть, г-нъ докторъ? сказалъ баронъ, подходя съ Барневицемъ:—Такъ ты сдѣлаешь какъ сказано, Барневицъ?

— Можешь быть увѣренъ! отвѣчалъ Барневицъ, которому разговоръ съ менторомъ и ночная прохлада, повидимому принесли большую пользу.—Положись на меня. Даю тебѣ честное слово, что я...

— Шт! Хорошо ли вы усѣлись, г-нъ докторъ? Прощай, Барневицъ! Пошолъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Лошади поѣхали въ галопъ, легкая голштинская карета застучала по нѣсколько избитой мостовой двора. Въ минуту исчезъ замокъ съ своими блистающими окнами, темными амбарами и конюшнями, и они очутились на просторѣ между моремъ колосьевъ и потопленными туманомъ лугами. Короткая лѣтняя ночь приближалась къ концу. Свѣтлая полоса на востокѣ возвѣщала слѣдующій день, темнота распространила на всѣ предметы свое сѣрое покрывало. Прямо противъ нихъ, на сѣверѣ сверкала зарница. На поляхъ все было тихо; молчалъ даже жаворонокъ, пред-

Digitized by Google

вѣстникъ дня. Освальдъ усѣлся въ уголъ и задумчиво глядѣлъ въ темноту, только изрѣдка, когда долеталъ до него дымъ баронской сигары, онъ взглядывалъ на своего спутника, который, сдвинувъ нѣсколько шляпу на затылокъ, приподнявъ воротникъ шинели и вытянувъ длинныя ноги казалось совсѣмъ погрузился въ размышленія. Такъ просидѣли они около четверти часа.

— А вы и не курите! сказалъ вдругъ баронъ.

— Нѣтъ.

— Позвольте предложить вамъ сигару.

— Благодарю; я не курю вовсе.

— Это удивительно.

— Почему?

— Потомучто я не могу понять какъ можетъ человѣкъ въ девятнадцатомъ столѣтіи не курить табаку или опіума, не жевать гашиша или какимъ нибудь другимъ образомъ не заглушать въ себѣ сознанія своего жалкаго существованія. И именно въ васъ, мнѣ кажется это особенно непостижимымъ.

— Почему же именно во мнѣ?

— Потомучто, если я только не обманываюсь, вы заражены смертельной тоскою по голубому цвѣту и въ одинъ прекрасный день, такъ и умрете съ этимъ неудовлетвореннымъ стремленіемъ. Вы помните голубой цвѣтокъ въ разсказѣ Новалиса? Цвѣтокъ, о которомъ тосковало бѣдное сердце Генриха фонъ-Офтердингена? Голубой цвѣтокъ! Знаете ли, что это? Это цвѣтокъ, котораго не видалъ еще не одинъ смертный, но благоуханіе котораго наполняетъ весь міръ. Не всякое существо достаточно тонко организовано, чтобы ощущать этотъ запахъ; но соловей подъ вліяніемъ его поетъ, тоскуетъ и рыдаетъ при лунномъ свѣтѣ или на утренней зарѣ; подъ его же вліяніемъ и всѣ тѣ чудаки, которые теперь и прежде, въ стихахъ и прозѣ, утруждаютъ небо своими жалобами и еще мильоны тѣхъ, которымъ никакой богъ не далъ средствъ высказать своихъ страданій и которые съ безмолвной мукой взираютъ на тоже небо. Ахъ, отъ этой болѣзни нѣтъ спасенія—никакого кромѣ смерти. Кто разъ вдохнулъ въ себя благоуханіе голубого цвѣтка, для того нѣтъ болѣе спокойствія въ этой жизни; какъ будто онъ проклятый убійца, какъ будто онъ оттолкнулъ господа отъ своей двери, гонитъ его дальше и дальше какая-то сила, какъ бы ни болѣли его окровавленныя ноги, какъ бы ни хотѣлось ему склонить на покой свою утомленную

Digitized by Google

голову. Хотя и проситъ онъ, томимый жаждой въ той или другой хижинѣ, живительнаго напитка, но безъ благодарности возвращаетъ назадъ предложенную кружку; потому что въ водѣ плаваетъ муха, или посуда нечиста, словомъ, такъ или иначе, но онъ не получилъ удовлетворенія. Удовлетвореніе! Гдѣ тѣ глаза, заглянувши въ которые, мы не желали бы заглянуть въ другіе, болѣе свѣтлые, болѣе огневые? Гдѣ грудь, разъ прижавшись къ которой, мы не пожелали бы услышать біенія другого сердца, еще болѣе теплаго и насквозь пропитаннаго любовью? Гдѣ все это, скажите мнѣ?

Баронъ умолкъ: Освальдъ былъ сильно взволнованъ. Мысли, которыя его сосѣдъ высказалъ почти элегическимъ тономъ, странно противорѣчившимъ его обыкновенной рѣзкой манерѣ, мечтательно и какъ бы говоря самъ съ собою, были его собственныя мысли, которыя приходили ему еще въ ранней молодости и часто возобновлялись потомъ впродолженіи жизни. Ему стало даже какъ будто страшно отъ такого разительнаго сходства. Разумѣется, онъ не нашолъ отвѣта на вопросъ, который нерѣдко задавалъ и самъ себѣ прежде.

— Мнѣ всегда приходило въ голову, продолжалъ баронъ: — что человѣкъ долженъ болѣе или менѣе позабыть о самомъ себѣ, о своемъ собственномъ существованіи, для того чтобъ достигнуть состоянія, которое мы, за неимѣніемъ другого слова, называемъ счастливымъ, и что оно бываетъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ сильнѣе это самозабвеніе. The best of life is but intoxication, говоритъ лордъ Байронъ; да, разумѣется! Любовь, любовь Ромео и Юліи, во имя которой смерть встрѣчаютъ какъ свѣтлый праздникъ, также ничто иное какъ опьяненіе! Спать лучше чѣмъ бодрствовать, говорятъ индѣйскіе мудрецы; но лучше всего безъ сомнѣнія смерть.

— А все-таки, насильственной смертью умираетъ относительно очень мало людей, сказалъ Освальдъ.

— Да, это достойно замѣчанія, въ особенности теперь, когда большая часть не боится уже тѣхъ гамлетовскихъ грезъ, которыя могутъ намъ сниться впродолженіи вѣчнаго сна.

— Не значитъ ли это, что такъ часто изливаемое въ жалобахъ несчастіе этихъ людей еще недостаточно переходитъ мѣру терпѣнія?

— Можетъ быть; но можетъ быть также, что человѣку слиш-

Digitized by Google

комъ трудно разстаться съ послѣдней надеждой. Для чего заблудившійся путешественникъ механически пробирается впередъ по глубокому снѣгу? Почему осужденный на пожизненное тюремное заключеніе не разбиваетъ себѣ головы объ стѣны своей темницы? Почему бѣднягa присужденный на слѣдующее утро къ висѣлицѣ не удавится въ ночь своими цѣпями? Не потому ли, что ихъ несчастіе не велико? Не вѣрьте этому—все дѣлается единственно потому, что слабый лучъ надежды на спасеніе пробивается сквозь пучину ихъ страданій, вотъ какъ тотъ блѣдный лучъ на востокѣ.. Когда угаснетъ наконецъ и это слабое мерцаніе, тогда, о тогда пусть снова возьметъ къ себѣ старая мать ночь свое бѣдное, заблуждавшееся дѣтище, добрая, кроткая, полная любви ночь смерти.

Послѣ небольшой паузы впродолженіи которой вылетали густые облака дыма изъ сигары барона, онъ началъ нѣсколько спокойнымъ тономъ:

— Я годами двумя старше васъ, но судьба присудила мнѣ въ короткое время узнать изъ жизни болѣе чѣмъ случается другимъ людямъ узнать въ очень долгій періодъ. Я обладаю тѣмъ, чего въ особенности желалъ старый другъ молодому Вольфгангу въ Лейпцигѣ—опытомъ. Я убѣдился, долженъ былъ убѣдиться собственнымъ опытомъ, что для меня и подобныхъ мнѣ людей нѣтъ болѣе надежды въ жизни и тѣмъ не менѣе, продолжалъ втайнѣ надѣяться на возможность счастія, какъ чахоточный на выздоровленіе. Возьмите напримѣръ общество хоть такое, изъ котораго мы только что вышли. Я знаю какъ пусты наслажденія этихъ людей, я знаю какія печальныя лица, какія жалобныя мины кающихся грѣшниковъ скрываются подъ смѣющимися свѣтскими масками—я знаю, что эта хорошенькая дѣвушка, черезъ десять лѣтъ, сдѣлается несчастной женщиной или идіоткой, что этотъ великолѣпный юноша, который такъ гордо закидываетъ голову и смотритъ такъ, какъ будто въ одинъ день въ состояніи исполнить всѣ двѣнадцать подвиговъ Геркулеса, будетъ нетесаннымъ ландюнкеромъ, который примѣнитъ относительно своихъ крестьянъ jus primæ noctis и пожалуй, будетъ непрочь отколотить свою жену—все это я знаю и знаю еще болѣе, десятки тысячъ разъ видалъ подобные примѣры и все-таки еще такъ мало разочарованъ, что эта лживая фата моргана имѣетъ надо мной магическое дѣйствіе; я такъ еще мало отжилъ, что всякой дѣвственный

Digitized by Google

цвѣтокъ пробуждаетъ во мнѣ надежду дѣйствительно полюбить или быть любимымъ одинъ разъ въ жизни; что всякая юношеска прекрасная мужская личность побуждаетъ меня снова повѣрить въ дружбу. Предполагали ли вы во мнѣ подобное неразуміе?

— Я не предполагалъ, чтобы вы были способны такъ думать и такъ чувствовать.

— И въ этомъ вы были совершенно правы, сказалъ баронъ — я думаю и чувствую такъ только тогда, когда бываю, какъ и въ настоящее время, совершенно пьянъ. Что это такое?

Въ недальнемъ разстояніи послышался рѣзкій крикъ, еще и еще, все отчаяннѣе, какъ будто женщина,—потомучто это былъ женскій голосъ—видитъ ножъ въ рукѣ убійцы. Передъ ними, въ недальнемъ разстояніи, былъ небольшой лѣсокъ; дорога шла мимо его; крикъ слышался съ противоположной стороны, которую скрывали отъ глазъ два дуба и мелкій кустарникъ.

— Скорѣе, Карлъ! скорѣе! кричалъ баронъ; кучеръ погналъ лошадей. Благородныя животныя, какъ бы въ негодованіи на подобное обращеніе, понеслись съ такой быстротою, что легко могли бы опрокинуть сидящихъ въ каретѣ. Въ одну минуту, доѣхали до окраины лѣса. Какъ скоро явилась возможность разглядѣть противоположную сторону, имъ представилась слѣдующая картина. Странно одѣтая смуглая женщина, на синеваточорныхъ волосахъ которой повязанъ былъ въ видѣ тюрбана красный лоскутъ, съ крикомъ гналась за тремя всадниками, которые, пришпоривая лошадей, быстро исчезли въ поворотѣ дороги за деревьями; когда раздался стукъ бароновой кареты, женщина бросилась въ эту сторону и закричала, съ мольбой протягивая руки: мое дитя!..они украли мое дитя!

Кучеръ съ трудомъ остановилъ лошадей. Освальдъ, который въ смуглой женщинѣ узналъ извѣстную ему цыганку, вышелъ изъ экипажа.

— Спаси мое дитя, господинъ! Спаси мое дитя! кричала цыганка, бросаясь ему въ ноги и обнимая его колѣна.

Баронъ засмѣялся.

— Необыкновенно романическое положеніе, докторъ! закричалъ онъ изъ кареты,—утренняя заря, шумъ лѣса, цыгане, большая дорога, — чистый Эйхендорфъ! Между тѣмъ какъ вы будете утѣшать прекрасную жертву, я погонюсь за похитителями, которые окажутся овцами въ волчей шкурѣ, т. е. по всей вѣроятно-

Digitized by Google

отъ это наши пустоголовые юнкера, воображающіе, что устроили геніальную шутку.

— Послѣдній былъ молодой г. фонъ-Наделицъ, отвѣчалъ кучеръ, едва сдерживающій рвущихся лошадей.

— За ними! крикнулъ баронъ.

Карета загремѣла.

Цыганка встала и внимательно смотрѣла вслѣдъ каретѣ, съ невѣроятной быстротой исчезавшей въ ближайшемъ поворотѣ. Странная улыбка промелькнула по ея лицу, пока она прислушивалась затаивъ дыханіе. Когда стукъ кареты пересталъ долетать до ея слуха, она скрестила обнаженныя руки на полной груди, еще тревожно вздымавшейся отъ бури потрясшей весь ея организмъ и низко опустила голову. Вдругъ она устремила на Освальда свои блестящіе глаза и спросила:

— Ты знаешь того смуглаго человѣка, который привезетъ мнѣ мою Эцину?

— Да, Изабелла.

— Онъ твой другъ?

— Нѣтъ.

— Но будетъ онъ твоимъ другомъ?

— Можетъ быть.

— Добръ ли онъ?

— Мнѣ кажется, что да.

— Помнишь ты вечеръ на берегу болота?

— Да, Изабелла.

— Найдешь ли ты это мѣсто?

— Вѣроятно найду; для чего это?

— Когда полная луна будетъ опять на небѣ, какъ сегодня, приведи туда смуглаго человѣка. О, скажи: да! именемъ любви къ прекрасной, доброй барынѣ, памятью твоей матери, заклинаю тебя, скажи: да!

Цыганка снова бросилась на колѣни передъ Освальдомъ и смотрѣла на него умоляющими глазами.

— Встань, Изабелла; сказалъ молодой человѣкъ, — я исполню твое желаніе на сколько это мнѣ будетъ возможно.

Цыганка схватила его руки, которыя онъ протянулъ, чтобы поднять ее и покрыла ихъ поцѣлуями. Потомъ вскочила, перебѣжала черезъ дорогу въ лѣсъ и черезъ минуту исчезла въ кустарникѣ, раздвинувши его съ силой и быстротою молодого оленя.

Digitized by Google

Едва успѣлъ Освальдъ опомниться отъ загадочнаго поступка смуглой графини, какъ вблизи раздался уже стукъ экипажа, возвращавшагося съ той же поспѣшностью, какъ и уѣхалъ. Но карета остановилась недоѣзжая лѣса, и изъ-за кустовъ показался баронъ, съ открытой головою и маленькой Эцикой на рукахъ.

— Поохотились и нагнали! закричалъ онъ еще издали. Трусливые волки бросили добычу, какъ только заслышали погоню и убрались по добру по здорову. — Ну, ты маленькій Ганимедъ, попробуй-ка, сдержать ли тебя ноги?

Баронъ спустилъ тихонько съ рукъ ребенка. — Но, гдѣ же мать, или какъ тамъ доводилась ему та смуглая женщина? спросилъ онъ, съ удивленіемъ замѣтивъ, что Освальдъ одинъ.

Освальдъ въ короткихъ словахъ объяснилъ, что произошло въ его отсутствіе.

— Ну, это не дурно, сказалъ баронъ; дѣло принимаетъ все болѣе романическій видъ. Полнолуніе, берегъ болота, хитрая цыганка и двое добрыхъ нѣмецкихъ юношей, которые позволяютъ водить себя за носъ! — Что же однако дѣлать нокуда съ Эцикой, какъ вы называете маленькую принцесу, потомучто, бьюсь объ закладъ, это украденное королевское дитя?

— Если не захотимъ оставить ее на большой дорогѣ, то принуждены будемъ рѣшиться взять съ собою.

— Но она не захочетъ ѣхать съ нами. Послушай, Эцика, хочешь ѣхать со мною?

— Да, господинъ! отвѣчала дѣвочка, стоявшая все время безъ малѣйшаго выраженія страха или удивленія.

— Гм! сказалъ баронъ,—вотъ неизвѣстно откуда является у меня пріемная дочь.

Онъ сдѣлался очень серьезенъ, отвелъ отъ лица Эцики длинные, шелковистые локоны и долго, пристально всматривался въ нее.

— Какъ красивъ этотъ ребенокъ! сказалъ онъ,—какъ удивительно красивъ и какъ выросъ! Поѣдемъ ко мнѣ, Эцика, тебѣ будетъ хорошо, очень хорошо у меня; я буду любить тебя больше чѣмъ твоя мать, которая такъ безстыдно покинула тебя и едва ли любила!

— Мать не покинула Эцики! отвѣчала дитя, спокойно взглянувъ на барона; — мать всегда тамъ гдѣ Эцика; мать вездѣ.

Отвернувшись отъ своихъ собѣсѣдниковъ, дитя принялось

Digitized by Google

руки ко рту и въ тихомъ лѣсу раздался крикъ поразительно напоминающій крикъ проголодавшагося сокола.

Дѣвочка наклонила голову и стала прислушиваться. Баронъ и Освальдъ невольно притаили дыханіе.

Тогда раздался изъ лѣсу, но очевидно уже въ большомъ отдаленіи, звонкій, дикій крикъ стараго сокола, когда онъ съ высоты, глубоко подъ собою, завидитъ вѣрную добычу.

— Видишь, господинъ, сказала дѣвочка;—мать не покинула Эцику; если хочешь взять съ собой Эцику, Эцика пойдетъ съ тобою.

— Ну такъ пойдемъ, соколиное отродье! сказалъ баронъ, взявъ дитя за руку.—Пойдемте, докторъ! Вѣроятно Карлъ уже подвязалъ ремень, который давеча оборвался. Вонъ онъ и идетъ. Все въ порядкѣ Карлъ?

— Да, сударь!

Молодые люди усѣлись и посадили ребенка въ середину.

— Пошолъ! крикнулъ баронъ,—скорой рысью! Скоро выѣхали изъ лѣсу въ широкій пустырь, который лежитъ между Фашвицемъ и Гренвицемъ, и гдѣ Освальдъ встрѣтилъ старуху. Оставалось еще съ полчаса до восхода солнца. На востокѣ появлялась одна пурпуровая полоса за другою. Морской вѣтеръ былъ свѣжъ въ этомъ болотистомъ мѣстѣ.

Маленькая Эцика прижалась къ барону и крѣпко заснула.

— Какъ легко одѣта дѣвочка, сказалъ онъ,—она простудится отъ утренняго холода.

Онъ всталъ, снялъ шинель, завернулъ въ нее дѣвочку, взялъ ее на колѣни и приклонилъ ея головку къ своей груди.

— Вотъ такъ! сказалъ онъ добродушно, обращаясь къ Освальду, который занятъ былъ мыслями о загадочномъ характерѣ своего сосѣда,—неправда ли, я кажусь вамъ немножко сумашедшимъ, докторъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, поднимая голову,—нисколько!

— Это потому, что мы съ вами подвержены одинакой болѣзни. То что привело бы въ столбнякъ другого, кажется намъ естественнымъ, а что для добрыхъ людей и плохихъ музыкантовъ бываетъ въ порядкѣ вещей, то намъ нерѣдко кажется баснословнымъ. Вамъ напримѣръ не покажется невѣроятнымъ, если я скажу, что этотъ ребенокъ попадается мнѣ уже въ третій разъ въ жизни и что я на столько суевѣренъ, чтобы видѣть въ этой

Digitized by Google

проверяющей встрѣчѣ болѣе чѣмъ простую случайность. Потому же, мы съ Валленштейномъ вовсе не признаемъ случайности.

— Но когда же и гдѣ могли вы встрѣтить Эдику?

— Въ первый разъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Англіи. Я ѣхалъ съ нѣсколькими англійскими товарищами по одному изъ уединенныхъ мѣстъ Гайд-парка. Когда мы въ галопѣ свернули за уголъ, передъ нами очутился ребенокъ — смуглый ребенокъ, съ большими, блестящими, черными глазами и съ умоляющимъ видомъ протягиваетъ ручонки. Я едва замѣтилъ его, продолжая оживленную бесѣду. Когда же мы отъѣхали шаговъ на двѣсти, я почувствовалъ что-то необъяснимое: мнѣ казалось, что проѣхавши мимо бѣднаго, беззащитнаго созданія, я совершилъ преступленіе, сдѣлавшее меня самимъ жалкимъ существомъ въ мірѣ, я повернулъ лошадь и, какъ безумный, поскакалъ обратно. Ребенокъ исчезъ. Я звалъ его; я сошолъ съ лошади, перешарилъ всѣ кусты; пріятели помогали мнѣ, посмѣиваясь надъ моимъ сумасшествіемъ, но все напрасно.

Но второй разъ я видѣлъ ребенка въ Египтѣ. Теперь этому будетъ ровно два года. Мы, т. е. маленькій караванъ путешественниковъ, ѣхали на ослахъ по узкимъ, грязнымъ улицамъ Азіуата. У отворенной дверцы, въ которую мы заглянули на тихій, тѣнистый дворъ мечети, стоялъ въ нишѣ ребенокъ, старше ребенка изъ Гайд-Парка и моложе того, который спитъ теперь у меня на рукахъ, но тотъ же самый смуглый ребенокъ, съ синевато-чорными локонами и блестящими глазами газели. Опять, онъ съ мольбой протянулъ ручки къ проѣзжающимъ и прокричалъ извѣстное въ Египтѣ милостыню, бакшиш! Я видѣлъ и не видалъ ребенка, потомучто былъ въ одномъ изъ тѣхъ странныхъ настроеній, которыя находятъ иногда на меня, и въ то время, я смотрю и не вижу, слушаю и не слышу. Когда мы повернули за уголъ ближайшей улицы, меня охватило такое же ощущеніе какъ тогда въ Гайд-Паркѣ. Я спрыгиваю съ осла, бѣгу изо всей мочи къ прежнему мѣсту. Ниша опустѣла. Дверца на дворъ мечети по прежнему была отворена. На противоположной сторонѣ двора была другая также отпертая калитка, выходящая на одну изъ главныхъ улицъ, гдѣ, въ это время — оно было въ сумерки — люди, верблюды и ослы тѣснились другъ возлѣ друга. Ребенокъ такъ и исчезъ; съ стѣсненнымъ сердцемъ возвратился къ своему обществу, которое объяснило себѣ мое нас-

Digitized by Google

зновеніе человѣколюбивымъ предположеніемъ, будто я вдругъ помѣшался. Считаете ли вы возможнымъ, чтобы тотъ же самый ребенокъ, котораго я видалъ сначала въ туманѣ Англіи, потомъ подъ теплымъ небомъ Египта, встрѣтился мнѣ въ третій разъ здѣсь, въ буковомъ лѣсу Германіи?

— Еслибы даже это было не одно и тоже дитя, говоря откровенно, — мнѣ кажется очень сомнительной его тожественность— для васъ оно должно быть одно и тоже. Я вѣрую въ міровой духъ вѣчнаго тожества, скрытый въ вещахъ вѣчно смѣняющихся; я вѣрю, что тотъ жаворонокъ, который съ пѣснью поднимается изъ болотной травы тотъ самый, за которымъ съ восхищеніемъ слѣдилъ въ дѣтствѣ, пока онъ не скрывался изъ глазъ въ голубомъ пространствѣ; я вѣрую, что всѣ герои братья и что всякій несчастный тотъ самый ближній, любить котораго какъ самого себя побуждаетъ насъ разумъ и сердце. Дѣло не въ томъ тотъ ли ребенокъ, котораго мы уже два раза напрасно искали, но въ томъ, что вы *искали* его, что вопль бѣднаго, покинутаго созданія каждый разъ доходилъ до вашего сердца сквозь холодный панцырь, въ который вы намѣренно заковывали свою грудь... простите эти слова человѣку, котораго вы такъ далеко опередили умомъ и опытностью, который не имѣетъ на нихъ никакого права, кромѣ глубокаго уваженія, внушаемаго вами почти противъ его воли и выслушайте еще одно слово! Еслибы вы могли рѣшиться полюбить этого ребенка, онъ былъ бы для васъ богатымъ, неоцѣненнымъ даромъ, какъ волшебная лампа Алладина. Любовь вездѣ кромѣ ада, гласитъ глубокомысленное изрѣченіе Вольфрама фонъ-Эшенбаха; это значитъ: гдѣ нѣтъ любви, тамъ адъ. Любовь и есть благоуханіе голубого цвѣтка, которое, какъ вы сейчасъ говорили, наполняетъ весь міръ и въ каждомъ существѣ, которое вы полюбите всей душою, вы найдете тотъ голубой цвѣтокъ, о которомъ тосковали цѣлую жизнь.

Невыразимо грустная усмѣшка появилась на губахъ барона.

— Такъ вы все-таки не разрѣшите загадки, сказалъ онъ печально и тихо,—потомучто мы вѣдь не можемъ выполнить условія любить всей душою, какъ бы ни хотѣли избавиться адской муки. Кто же изъ насъ можетъ еще любить отъ всего сердца? Мы всѣ до того утомлены и измучены, что ни у кого не достанетъ ни силы, ни мужества составляющихъ принадлежность настоящей серьезной любви, той любви, которая не знаетъ покоя, пока

Digitized by Google

не присвоить себѣ каждой мысли нашего ума, каждаго чувства нашего сердца, каждой капли крови въ нашихъ жилахъ. Если въ васъ еще достаточно добра, молодости и вѣри для подобной любви, то благо вамъ! О себѣ я могу только повторить то что уже говорилъ: я уже отказался найти голубой цвѣтокъ; чудный цвѣтокъ, который цвѣтетъ лишь для счастливца, способнаго любить всѣмъ сердцемъ.

Однако мы уже доѣхали до воротъ Гренвица и нужно прекратить разговоръ, который я надѣюсь и желаю возобновить съ вами въ самомъ скорѣйшемъ времени. Будьте здоровы и освѣдомьтесь поскорѣе лично о здоровьѣ маленькаго существа, которое можетъ считать васъ почти болѣе чѣмъ меня своимъ защитникомъ.

Карета быстро удалилась. Освальдъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ медленно пошолъ по двору замка. Солнце всошло и окрасило розовымъ цвѣтомъ сѣроватыя стѣны; въ свѣжемъ саду ликовали птицы, но для Освальда, сѣрое покрывало лежало надъ прелестнымъ утромъ, потомучто въ его ушахъ раздавались еще слова барона: кто же изъ насъ можетъ еще любить отъ всего сердца? и у кого изъ насъ нетронутое, цѣльное сердце?

—

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

JAN 11 1962

Digitized by Google

Digitized by Google